

ПОЛИТИКА.

Февраль 1859.

Итальянскій вопросъ.—Чувство, съ которымъ встрѣчены во Франціи слухи о войнѣ.—Брошюра «*Antons-nous la guerre?*». — Колебанія, оставляющія вѣсть въ недоумѣніи.—Побужденія къ войнѣ у Наполеона III и у Сардиніи.—Соображенія, заставляющія англичанъ вѣсти противъ желаній Сардиніи.—Рѣчь сардинскаго короля.—Пренія о займѣ въ сардинской палатѣ депутатовъ.—Бракосочетаніе принца Наполеона и принцессы Клотильды.—Сардинскій заемъ.—Параллельность миролюбивыхъ и воинственныхъ манифестацій во Франціи.—Рѣчи Наполеона III и Морни 7 и 8 февраля.—Нынѣшнее положеніе итальянскаго вопроса.—Парламентская реформа въ Англіи.—Отношенія англійской журналистики къ Брайту.—Бредфордскій митингъ и билль Брайта.—Митингъ лондонскихъ характеровъ.—Проектъ *Times'a*.—Ротдельская рѣчь.—Билль министерства.—Событія на іоническѣхъ островахъ.—Выборъ Александра Кузы въ Валахіи.—Изгнаніе Сулука.

Вся Западная Европа занята приготовленіями къ войнѣ. Мы не будемъ пересказывать слуховъ, носившихся еще съ половины прошлаго года, если не раньше. Читатель знаетъ, что всѣ эти толки казались неправдоподобными до той минуты, какъ французскій императоръ сказалъ австрійскому посланнику, во время торжественнаго представленія поздравленій съ новымъ годомъ отъ дипломатическаго корнуса, знаменитыя слова: „я жалѣю, что наши отношенія съ Австрією такъ дурны“. Официальная редакція, явившаяся черезъ нѣсколько дней во французскихъ газетахъ, нѣсколько смягчила фразу, замѣнивъ слова „такъ дурны“ словами „не такъ хороши, какъ были прежде“. Но и въ смягченномъ видѣ фраза выражаетъ близость войны. А дѣйствительно сказана она была въ той болѣе сильной формѣ, которую мы сообщали. Надобно прибавить, что слова эти были произнесены тономъ гораздо болѣе рѣзкимъ, нежели какимъ обыкновенно говоритъ французскій императоръ, и сопровождалась одушевленнымъ жестомъ. Оценка, сдѣланная такъ неожиданно, въ такой официальной обстановкѣ, произвела на многочисленныхъ зрителей впечатлѣніе, напомнившее о подобной сценѣ, сдѣланной Наполеономъ I англійскому посланнику передъ разрывомъ Аміенскаго мѣтра. Говорятъ, что военный министръ, маршалъ Вальянъ, подошелъ къ Гюбнеру и сказалъ: „Я полагаю, что послѣ этого я не долженъ подать вамъ руки“. Но только немногіе люди во Франціи приняли предвѣстіе войны съ такою готовностью, какъ этотъ воинственный членъ института. Курсы на парижской биржѣ сильно упали. Желаніе поддержать ихъ заста-

вило полуофициальныя французскія газеты прибѣгать ко всевозможнымъ истолкованіямъ для успокоенія капиталистовъ; да и потомъ за каждымъ вонзвѣстнымъ словомъ или распоряженіемъ постоянно слѣдовали смягченныя объясненія и миролюбивыя статьи, для той же самой цѣли, для успокоенія биржи. Въ отношеніяхъ къ ней надобно полагать одну изъ причинъ колебаній, которымъ подвергалась, по крайней мѣрѣ въ глазахъ людей, непосвященныхъ въ дипломатическія тайны, французская политика по вопросу о войнѣ. Но биржа, при всемъ своемъ расположеніи къ миру, мало довѣряла миролюбивымъ чувствамъ. Курсы фондовъ, особенно австрійскихъ, сардинскихъ и французскихъ, постоянно падали. Какъ велики потери, понесенныя капиталистами уже отъ однихъ слуховъ о войнѣ, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. 31 декабря 3 проц. французскіе фонды на парижской биржѣ стояли на 72 франкахъ 90 сантимовъ (курсъ дѣйствительной продажи за наличныя деньги, безъ отсрочки); 31 января тотъ же курсъ былъ только 68 франковъ 35 сантимовъ; по количеству фондовъ, находящихся въ рукахъ публики, это пониженіе на 4 фр. 55 с. составляетъ потерю болѣе, нежели въ 400.000.000 фр. Другія кредитныя цѣнности во Франціи понизились въ такой же пропорціи. Еще больше поколебались сардинскія и австрійскія цѣнности. Около 10 января общую потерю на всѣхъ кредитныхъ цѣнностяхъ Западной Европы оцѣнивали уже въ $1\frac{1}{2}$ миллиарда франковъ. Теперь она еще значительнѣе. Но что разорительно для людей, непосвященныхъ въ тайны, то самое служить въ огромную пользу счастливымъ, узнающимъ о политическихъ переиѣнахъ раньше, чѣмъ они сдѣлаются извѣстны публикѣ. Говорятъ, что слова французскаго императора доставили много милліоновъ тѣмъ избраннымъ, которые наканунѣ новаго года знали, что скажетъ онъ барону Гюбнеру: сдѣлавъ въ огромномъ размѣрѣ спекуляцію на пониженіе фондовъ, они приобрѣли громадныя барыши. Пониженіемъ фондовъ отчасти объясняется отвращеніе къ войнѣ, столь сильно обнаружившееся въ цѣломъ французскомъ обществѣ. Число людей, имѣющихъ фонды государственнаго долга, всегда было во Франціи огромно; но со времени займовъ, произведенныхъ въ крымскую войну и раздававшихся самыми маленькими частями, оно учетверилось. До 1848 года облигаціи государственнаго долга были въ рукахъ 292.000 человекъ; въ началѣ 1857 года число лицъ, владѣвшихъ этими облигаціями, простиралось уже до 1.028.284 человекъ; съ того времени оно, конечно, еще увеличилось. Каждый изъ этихъ людей теряетъ часть своего капитала при пониженіи фондовъ; повидно, какъ должны они всѣ бояться войны, одинъ слухъ о которой отнять у нихъ же болѣе 6 франковъ изъ каждыхъ 100 франковъ. Нынѣшнее французское правительство само заботилось о увеличеніи числа владѣльцевъ ренты, интересъ которыхъ связанъ съ высокимъ курсомъ фондовъ и которые, слѣдовательно, должны противиться всякимъ смутамъ и рѣзкимъ политическимъ переиѣнамъ, повышающимъ курсъ. Привлекать небогатыхъ людей къ тому, чтобы каждую сотню франковъ, сбереженную отъ расходовъ, они проиѣивали на фонды,—это называлось демократизаціей ренты и должно было служить къ упроченію нынѣшней системы. Забота о демократизаціи ренты удалась; но вотъ, когда понадобилось начинать войну, весь тотъ милліонъ се-

мей, которых должны были фонды сдѣлать защитниками вынѣшней системы, заговорилъ противъ войны, необходимой для нея. Вся промышленная и торговая часть французской націи также противъ войны, — это не требуетъ объясненія. Кромѣ офицеровъ, находящихъ славу и денежную выгоду въ войнѣ, вся Франція въ пользу мира, потому что трудно найти челоуѣка, интересы котораго не пострадали бы отъ его нарушенія. Общее мнѣніе такъ неуступчиво въ этомъ вопросѣ, что ни въ одномъ департаментѣ, ни въ одномъ городѣ до сихъ поръ не удалось устроить хотя какую нибудь манифестацію въ пользу войны, несмотря на всѣ усилія префектовъ. Этимъ настроеніемъ умовъ объясняется почему отъ времени до времени необходимыми считаются допускать чрезвычайно сильныя печатныя протестаціи противъ войны: необходимо дѣлать уступки общественному мнѣнію. Однимъ изъ первыхъ протестовъ была статья Прево-Парадоля, въ *Journal des Débats*, 12 Января.

«Органы общественнаго мнѣнія (говоритъ газета, обыкновенно столь осторожная въ словахъ) не должны терять изъ виду, что отвѣтственность на нихъ лежитъ не только за то, что они говорятъ, но и за то, что они умалчиваютъ; не должны забывать, что именно за молчаніе, когда было бы полезно и можно прервать его, тяжѣе всего подвергаться отвѣтственности. Если бы мы могли думать, хотя минутой, что намъ будетъ запрещено выразить общее мнѣніе о важномъ вопросѣ вынѣшней политики, заставляющемъ мнѣніе всѣхъ, это принужденное молчаніе огорчило бы нашъ патріотизмъ, но не уронило бы нашей чести, и мы могли бы считать себя какъ бы избавленными отъ обязанности, невозможной для исполненія. Но мы не думаемъ, чтобы такъ было; мы убѣждены, напротивъ, что никому не можетъ быть непріятно, если мы, повинаясь вашей совѣсти, скажемъ правду о вопросѣ, касающемся важнѣйшихъ интересовъ Франціи.

«Мы вѣрны искренности словъ правительства, что оно не ищетъ войны; но мы боимся, чтобы оно не было вовлечено въ нее и безъ желанія. Мы видимъ, что вѣкторыя газеты (*Débats* намекаетъ главнымъ образомъ на *Presse* и *Constitutionnel*, изъ которыхъ первая служитъ органомъ принцу Наполеону, а вторая пользуется непосредственными внушеніями самого Наполеона III, сносящагося съ ея редакціей иногда даже мимо своихъ министровъ) расточаютъ правительству гибельныя говѣты и стараются передать ему свои заблужденія. Ему представляютъ освобожденіе Италіи дѣломъ легкимъ; ему показываютъ за Альпами союзника, силу котораго преувеличиваютъ, и къ доверчивію обманна изображаютъ ему остальную Европу въ такомъ видѣ, какъ будто бы она была расположена мирно смотрѣть, съ оружіемъ въ рукахъ, съ тайнымъ удовольствіемъ и эгоистическимъ ужасомъ на раздробленіе Австрійской имперіи.

«Мы увѣрены, что французское правительство, знающее состояніе Европы по крайней мѣрѣ не меньше, нежели его знаетъ образованная часть публики, не можетъ быть обязано итти грубыми условіями, и речательствомъ за то ему служить мирныя увѣренія, недавно имъ данныя».

Далѣе *Journal des Débats* доказываетъ, что Австрія противникъ общественный; что Пруссія и весь Германскій союзъ взялись бы за оружіе итти Франція, если бы Австрія стала грозить серьезная опасность; что глѣя также приняла бы сторону Австріи.

Единственнымъ исклученіемъ (продолжаетъ Прево-Парадоль) служить мнѣніе, имѣющій свою частную выгоду въ войнѣ. Желая войны, онъ старается дѣйствовать на Францію и выказывать французское правительство въ

такомъ положеніи, будто бы оно уже запуталось до того, что не можетъ отказаться отъ войны.

«Вотъ вся политика враговъ мира. Она же глубока; но не въ первый разъ судьба народовъ была бы рѣшена непредусмотрительною и дерзкою, при помощи случая. Что до насъ, мы вѣримъ миролюбивымъ объявленіямъ французскаго правительства; мы убѣждены, что оно не станетъ слушать тѣхъ, которые хотятъ поставить его въ безвыходное положеніе, принудить его дѣлать выборъ между его честью и національнымъ интересомъ; мы увѣрены, что оно не дозволитъ близорукимъ агитаторамъ подвергнуть опасностямъ судьбу Франціи.

«Чѣмъ бы ни кончилось дѣло, мы исполняемъ нашу обязанность передъ правительствомъ и передъ обществомъ, говоря правду».

Journal des Débats отличается отъ всѣхъ другихъ независимыхъ европейскихъ газетъ совершенной дипломатичностью своего языка. Она всегда говоритъ: „мы увѣрены въ нашемъ желаніи“ вмѣсто „мы требуемъ отъ васъ“; „вы этого не сдѣлаете“; „вамъ даютъ дурные совѣты“ вмѣсто „у васъ дурныя мысли“. Но дипломатическій языкъ, при всей своей мягкости, вовсе не лишень ни силы, ни ѣдкости. Надобно только взвѣшивать его выраженія и мы найдемъ подъ увѣренностью—разрушеніе довѣрія, подъ любезностями—вражду, подъ деликатностями—сарказмы. „Constitutionnel“ даетъ гибельные совѣты“,—но развѣ неизвѣстно каждому парижанину, что Constitutionnel пишется подъ диктовку императора? Сопоставленіе мнѣній Constitutionnel'я съ словами „мы вѣримъ увѣреніямъ въ миролюбіи правительства“ придаетъ этимъ послѣднимъ словамъ значеніе вовсе недвусмысленное. „Французское правительство, знающее состояніе Европы, конечно, не хуже, нежели знаетъ образованная часть публики, разумеется, не думаетъ“—каковъ смыслъ этой фразы, когда правительство увѣряетъ, будто оно такъ думаетъ?

Статья Débats была понята всѣми; „мы не вѣримъ формальнымъ увѣреніямъ нашего правительства; оно ищетъ войны; оно хочетъ обмануть публику, объявляя нейтралитетъ Германіи и Англіи; но обманъ слишкомъ грубъ. Правительство такъ запуталось, что жертвуетъ національными интересами для своей надобности“.

Но дипломатическій языкъ кажется слишкомъ мягкимъ для массы публики. Черезъ нѣсколько дней (20 января) явилась брошюра Феликса Жермена „Будетъ ли у насъ война—Aurons nous la guerre?“ Авторъ одинъ изъ журналистовъ Бонапартистской партіи, у которой никогда не бываетъ остановки за пышною лестью. Въ брошюрѣ много льстивыхъ фразъ, но посмотрите, въ какихъ страницахъ вплетены онѣ.

«Будетъ ли мы имѣть войну? да, если бы я остался одинъ выразителемъ полезныхъ истинъ. Нѣтъ, мы не будемъ имѣть войны, если Франція имѣетъ мужество думать вслухъ, если громадное большинство націй возвыситъ свой голосъ, потому что глава государства глубоко заинтересованъ въ томъ, чтобы выслушать его и послѣдовать ему. Единственное затрудненіе въ томъ, какъ довести до него истину; я признаюсь, что при нынѣшнемъ этикетѣ это не очень легко. Но все-таки надобно попытаться; дѣйствовать необходимо; каждый изъ насъ коснется послѣдствій преступнаго бездѣйствія, опасной апатіи.

«Въ своей рѣчи, при раздачѣ недалеко на всемірной парижской выставкѣ 15-го ноября 1855 года, императоръ замѣтилъ: «Въ нашу цивилизованную эпоху даже самыя

блестящие успехи оружия — нисколько. На долгие одерживает последнюю победу неприменно общественное мнение».

«Министры, сенаторы и депутаты, государственные советники и префекты, поставленные в центр страны для изучения ее потребностей, для узнавания ее чувств, ее желаний и ее опасений, соберите и сравните свидения, внимательно посмотрите, кого радуют военные слухи и кого они удивляют, печалат и ужасают, — сравните и судите, если можете, вы, ближайшие, лучшие друзья, втретейшие спутники Луи-Наполеона. В этом последнем опытаніи вы болѣе не усомнитесь оказать ему все; вы изложите въ своихъ донесеніяхъ все, что знаете; и, поднявшись изъ круга въ кругъ, истина, разоблаченная отъ своей придворной маски, достигнетъ до подножія трона. Тотъ, кто занимаетъ тронъ, при свѣтѣ ея факела увидитъ, что народъ не повторяетъ своего прошедшаго и что второе изданіе первой имперіи — опасная химера, искушеніе, мущес изъ зла. Онъ увидитъ, что цивилизація и нравы Европы требуютъ мира. Узнавъ правду, императоръ своихъ теченій, яснѣе и всегда вѣдѣтческіимъ языкомъ раскѣтъ безпокойство и положить конецъ усиливающейся тревогѣ.

«Говорятъ, что Франція желаетъ войны. Ошибка, роковая ошибка! Ступайте, куда хотите, отъ кого хотите почерпайте свидѣнія. Провините на чердакъ бѣдняка, на фабрики, въ нѣмы поселеній, въ мелочныя лавки и обширныя магазины, — всездѣ, со всѣхъ сторонъ вы услышите одинъ голосъ, голосъ въ пользу мира. Со всѣхъ сторонъ получите вы увѣренія, что Франція не только не втрѣитъ въ своевременность войны, но, напротивъ, глубоко враждеба всѣмъ проектамъ заграничнаго вѣдѣтельства, что она впередъ осуждаетъ все, что было бы предпринято въ этомъ смыслѣ; и что, если бы правительство сдѣлало шагъ въ этомъ направленіи, она съ печальною потерей втрѣитъ въ искренность бордосскихъ словъ: «имперія — это миръ»; — Франція не станетъ втрѣитъ, что императоръ хочетъ мира. Жестоко обманутая, она съ трепетомъ станетъ смотрѣть на будущее, на которое недавно смотрѣла съ гордостью. Разочарованная, она обратится къ тѣмъ, которые говорили ей: «Вы желаете имперія, — будетъ вамъ имперія; имперія — это война съ Европой». Въ своемъ прискорбініи она скажетъ: «это правда». И сама имперія, — какаѣ судьба жлетъ ее среди этого всеобщаго разочарованія? Не обольщайте себя; сомнѣнія тутъ втрѣтъ: изъ 36.000.000 французовъ болѣе 35 милліоновъ помятса о сохраненіи мира. Идея разыграть во второй разъ ловлиги первой имперіи представляется Франціи анахронизмомъ и опрометчивостью безумія.

«Мысль вѣдѣваться въ итальянскія дѣла, объявить войну Австріи, наоскорбляющей насъ, очевидно, принадлежить къ такому плану, исполненіе котораго пробудило бы всеобщую войну, и каждый возстаетъ противъ этой мысли, потому что, за исключеніемъ немногихъ опасныхъ фанатиковъ, никто не желаетъ подвергаться почти втрѣннымъ потерямъ.

«Франція боится шансовъ войны, потому что наши національные интересы не требуютъ ее. Нація отвергаетъ ее, потому что справедливо видѣтъ въ ней зародышъ коалиции противъ насъ.

«Пусть клеветники Наполеона III убѣждаютъ его презрѣть столь многіи соображенія, требующія сохраненія мира для его личной безопасности. — Пусть они даже стараются принудить его къ совершенію ошибокъ, которые довели до погнѣбл первой имперіи. Но что она слушаетъ эти новаровыя наущенія, что она волнуется и довольно возбуждаетъ недовѣріе, что она увеличиваетъ затруднительность коммерческаго положенія, и безъ того слишкомъ шаткаго, что она сама подвергаетъ сомнѣнію то втрѣрное, что осуществляютъ предсказанія своихъ враговъ, всегда умирившихъ, что не сдержитъ своего бордосскаго обѣщанія, что она согласна повторить басню *l'aveugle et l'auton* въ пользу Пиемонта, что она сама поднимаетъ въ Италіи вопросъ о національности, вопросъ, грозящій седьмою коалиціею, во главѣ которой будетъ бы Англія, — это превосходить всякое втрѣртіе, спутываетъ всѣ мысли. Опущенъ себя и осматривавшись, какъ будто бы давѣтъ тебя кошмаръ, и думаешь, что это галлюцинація».

Этот языкъ очень силенъ. Однако же дали время разойтись цѣлому изданію брошюры въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ; дали также разойтись почти всему второму изданію и запретили продажу брошюры уже тогда, когда некому было покупать ее, потому что всѣ ее имѣли въ рукахъ. Авторъ не подвергся никакимъ неприяностямъ.

Мало того, что дозволяютъ печатать подобныя протесты въ Парижѣ, — даже провинціальныя газеты, которыя находятся обыкновенно еще подъ большимъ стѣсненіемъ, нежели столичныя, — и тѣ отваживаются говорить громко противъ войны. Вотъ отрывокъ изъ провинціальной газеты la France Centrale:

«Франція хочетъ мира. Въ этомъ не можетъ быть и тѣни сомнѣнія. Габельное впечатлѣніе, произведенное словами императора австрійскому посланнику, объясняютъ положеніе дѣла. Эти слова, еще не заключавшія положительнаго объявленія войны, уже стоили государственному богатству Франціи болѣе милліарда франковъ. Мы не можемъ допустить мысли, что перспектива ужасныхъ бѣдствій, представляющаяся намъ, не возвратитъ въ вожжи полубожаемую липагу; потому что мы не хотимъ предполагать безумства, совершеннаго помѣшательства. Нарушать съ непростительнымъ легкомысліемъ существующіе трактаты, вызвать европейскую коалицію, пробудить повсюду революцію, и все это, рѣшительно безъ всякаго національнаго интереса, — это такая политика, сѣдовать которой, по нашему мнѣнію, французское правительство не отважится, особенно теперь, когда общественное мнѣніе высказалось столь сильнымъ и рѣшительнымъ голосомъ».

Какая судьба постигла дерзкую, ничтожную газету? Редакторъ и авторъ, вѣроятно, преданы суду, газета запрещена или по крайней мѣрѣ получила выговоръ? Ничего не бывало, газета спокойно продолжаетъ выходить, никто не предавъ суду и даже не получилъ выговора, и то же самое, такъ же безнаказанно говорятъ десятки другихъ провинціальныхъ газетъ, съ которыми, кажется, легче было бы справиться, нежели съ парижскими; потому что крутя мѣры противъ этихъ безвѣстныхъ изданій надѣлали бы менѣе шума.

Отъ чего такая безнаказанная дерзость? Число виновныхъ слишкомъ велико и притомъ ихъ соучастники находятся между главными людьми правительства. Говорятъ, что большая часть министровъ противъ войны, говорятъ, что Валуевскій, министръ иностранныхъ дѣлъ, нѣсколько разъ отказывался подписать одну изъ нотъ вѣскому двору; говорятъ, что не только большинство министровъ, но и нѣкоторые изъ важнѣйшихъ генераловъ сильно совиѣтуютъ императору французовъ не рисковать войною, въ числѣ ихъ называютъ маршала Пелиссье; говорятъ, что ближайшіе друзья Наполеона, Персини и Мори, рѣшительно противятся войнѣ; говорятъ, что сама императрица французовъ, обыкновенно не вмѣшивавшаяся въ политическія дѣла, упрасивала своего супруга оставить мысль о войнѣ. Все это только слухи и многіе изъ нихъ могутъ быть не совсѣмъ вѣрны, за то другіе едва ли не совершенно достовѣрны, напримѣръ, о противорѣчій большинства министровъ войнѣ и о рѣшительныхъ совѣтахъ Персини въ пользу мира. Во всякомъ случаѣ достовѣрно извѣстно то, что общественное мнѣніе во Франціи очень сильно возстаетъ противъ войны.

Неблагопріятно смотреть на нее и всѣ державы Западной Европы, ромѣ Сардиніи: нѣкоторыя изъ опасенія, что война привела бы ихъ къ

измѣненію нывѣшней политической системы,—таковы чувства Неаполя, папы и герцога Тосканскаго; другія потому, что онѣ расположены къ Австріи,—напримѣръ Баварія и нѣкоторыя изъ маленькихъ запасно-нѣмецкихъ государствъ; третьи потому, что предполагаютъ вмѣстѣ съ вторженіемъ въ Ломбардію открытіе войны на Рейвѣ для расширенія французскихъ границъ на счетъ Германіи,—это опасеніе руководить чувствами Пруссіи и большей части второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ. Наконецъ всѣ члены Германскаго Союза чувствуютъ себя обязанными, по самымъ условіямъ союза, принять участіе въ войнѣ при нападеніи на Австрію. Вообще всѣ державы Западной Европы чувствуютъ, что трудно имъ будетъ не быть вовлеченными въ войну между двумя такими сильными соперниками, какъ Франція и Австрія, особенно, когда у той и другой есть еще союзницы изъ второстепенныхъ державъ. Если бы театръ войны могъ не перейти за предѣлы сѣверной Италіи, если бы все дѣло могло ограничиться борьбою за пріобрѣтеніе Ломбардіи Викторомъ-Эммануиломъ, отдаленныя государства Западной Европы и вѣроятно даже сама Пруссія могли бы оставаться хладнокровными зрителями итальянскихъ битвъ. Но всѣ видятъ, что война, начавшись изъ-за одной провинціи, превратится въ вопросъ о жизни и смерти и для Австріи и для нывѣшней французской системы. Громадный размѣръ, который должна будетъ принять война при такомъ оборотѣ, грозитъ страшными потерями для всѣхъ государствъ Западной Европы.

Изъ всѣхъ западныхъ державъ особенно важно мнѣніе Англіи. Издавна властвующій въ англійскомъ народѣ сочувствію къ независимости Италіи, желаніе, чтобы Ломбардія и Венеція освободились отъ австрійскаго ига. Можно было бы разсчитывать, что это чувство заставитъ англичавъ одобрить намѣренія Сардиніи и Франціи. Нѣкоторые изъ Партіи графа Кавура разсчитывали даже на помощь Англіи. Органъ принца Наполеона, *Presse*, также высказывала эту надежду. Люди болѣе хладнокровные изъ желавшихъ начать войну полагали по крайней мѣрѣ, что Англія сохранитъ нейтралитетъ. Конечно, разсчитывали они, Англія не можетъ рядоваться вѣроатному расширенію французскихъ границъ и во всякомъ случаѣ расширенію французскаго могущества; но какъ же свободный англійскій народъ объявитъ себя противъ освобожденія другого народа, какъ онъ скажетъ, что хочетъ поддерживать деспотизмъ австрійцевъ? Потому съ нетерпѣніемъ ждали отзыва англійской журналистики о словахъ, сказанныхъ императоромъ французамъ австрійскому посланнику. Задача для англійскихъ газетъ была дѣйствительно затруднительная; для два онѣ колебались, не зная, какъ предугадать рѣшеніе общественнаго мнѣнія. Но оно скоро составилось, обнаружилось съ чрезвычайной силой и совершеннымъ единодушіемъ, и англійскія газеты начали единогласно выражать, развивать и усиливать его. Кромѣ одной только *Morning-Ist*, состоящей въ прямыхъ отношеніяхъ къ французскому правительству, всѣ онѣ, безъ различія партій, заговорили противъ войны, объявляя, что Англія не можетъ остаться въ нейтралитетѣ. Это произвело сильное дѣйствіе на французскую политику: разнорѣчія въ ея проявленіяхъ ставовились все рѣзче по мѣрѣ того, какъ возрастало опасеніе имѣть противъ себя Англію. До сихъ поръ нельзя сказать, къ войнѣ или къ миру приблизилась

Европа въ полтора мѣсяца, прошедшіе послѣ знаменитой фразы новаго года. Едва ли есть въ Европѣ три человѣка, которые бы знали навѣрное хотя то, серьезны или нѣтъ приготовленія къ войнѣ во Франціи. Очень можетъ быть, что кромѣ императора французовъ знаетъ это графъ Кавуръ, но больше нѣтъ участниковъ въ тайнѣ. Самъ Викторъ-Эммануилъ напрасно похвалился бы, если бы сказалъ, что ему открыты всѣ планы его союзника и его перваго министра. А, можетъ быть, даже и графъ Кавуръ знаетъ не все. Персини и Валуевскій имѣютъ свѣдѣнія развѣ немногимъ болѣе положительныхъ, нежели каждый изъ насъ. О другихъ дипломатахъ нечего и говорить: графъ Момсери получилъ увѣренія; но какое значеніе можно придавать этимъ увѣреніямъ, онъ не можетъ рѣшить. Самые знающіе и проникающіе дипломаты могутъ достовѣрно сказать только то, что „по ихъ предположенію“ императоръ французовъ очень „желалъ бы“ дѣйствительно начать войну. Это знаетъ и каждый изъ насъ. Но рѣшился ли онъ начать войну, это извѣстно ему, да развѣ еще графу Кавуру.

Изъ какихъ же столкновеній и принятій возникаетъ въ нѣкоторыхъ государствахъ стремленіе къ войнѣ, столь противное условіямъ нынѣшней промышленной эпохи? Главнѣйшее мѣсто тутъ занимаютъ отношенія нынѣшняго французскаго правительства къ общественному мнѣнію. Мы говорили въ прошлый разъ, что тотчасъ же по окончаніи крымской войны вниманіе французскаго общества обратилось на вопросы внутренней политики. Мы приводили изъ французскихъ журналовъ отрывки, показывавшіе, какъ смѣлы и настоятельны становились требованія. Послѣ покушенія Орсини, въ началѣ прошлаго года, были приняты чрезвычайныя мѣры, отчасти для огражденія личной безопасности императора французовъ, еще болѣе для того, чтобы заставить молчать общественное мнѣніе. Но этого усиленнаго направленія нельзя было долго выдержатъ; а съ отмѣною исключительныхъ распоряженій, во второй половинѣ прошлаго года общественное мнѣніе заговорило сильнѣе прежняго. Мы рассказывали, какъ ему были дѣланы уступки, возможныя безъ отказа отъ основныхъ принциповъ нынѣшней системы, и какъ всѣ уступки оказывались недостаточными. Надо было чѣмъ нибудь отвлечь вниманіе общества отъ опасныхъ вопросовъ, и вотъ отсюда существенная необходимость войны, какъ средства къ развлеченію. Надобно отдать справедливость искусству, съ которымъ былъ выбранъ предметъ войны. Италія пользуется общимъ сочувствіемъ въ Европѣ, особенно во Франціи и Англіи. Изъ всѣхъ обѣдствій, угнетающихъ эту страду, самой возмутительной несправедливостью представляется занятіе австрійцами Ломбардо-Венеціанскихъ земель. Защищаемое дѣло имѣетъ въ свою пользу всѣхъ; врагъ, съ которымъ надобно будетъ бороться, имѣетъ всѣхъ противъ себя. Кромѣ Баваріи, Неаполя и маленькихъ итальянскихъ государствъ, нѣтъ правительства сколько нибудь расположеннаго къ Австріи. Общественное мнѣніе повсюду ненавидитъ ее. Въ войнѣ съ ней Франція должна была явиться только союзницею Сардиніи; и если война поведетъ къ завоеваніямъ, то надобно было предполагать, что увеличеніе Сардиніи не возбудитъ ни въ комъ опасеній или зависти; напротивъ, общественное мнѣніе самымъ сильнѣйшимъ образомъ было расположено въ пользу этого государства, такимъ блистательнымъ путемъ развивавшаго свои силы. Франція

объясала совершенное безкорыстіе, говорила, что всѣ завоеванія будутъ представлены Піэмонту. Правительства не должны были тревожиться; народы должны были привѣтствовать Францію, какъ освободительницу Италіи. Была еще особенная выгода въ такой политикѣ. Покушеніе Орсини вытекало единственно изъ вражды за холодность императора французовъ къ судьбѣ Италіи. Орсини говорилъ, что надобно императору французовъ сдѣлаться защитникомъ Италіи, что только этимъ онъ можетъ обезопасить свою жизнь.

Далѣе мы увидимъ, какое сильное вліяніе имѣли на мысли Наполеона III тѣ соображенія, которыя нашелъ онъ въ бумагахъ Орсини или узналъ изъ его изустныхъ объясненій. Теперь замѣтимъ только, что съ самаго января прошедшаго года представлялась ему непрерывная опасность отъ покушеній, подобныхъ Орсиніевскому заговору. Естественно было предполагать, что между итальянскими патриотами находится много людей, думающихъ подражать Орсини. Это соображеніе, основанное на характерѣ и положеніи итальянскихъ энтузіастовъ, подтверждалось разсказами о странныхъ случаяхъ, изъ которыхъ два, относящіеся къ послѣднимъ мѣсяцамъ, мы передадимъ подлинными словами парижскаго корреспондента газеты Manchester Guardian:

«Ручаюсь за достовѣрность двухъ слѣдующихъ анекдотовъ. Нелавно нѣкто графъ Д***, карбонари, былъ избранъ своими товарищами повторить дѣло Орсини. Онъ отказался. Черезъ пять дней, онъ былъ найденъ у дверей своей квартиры убитымъ. Въ груди его были кинжалы. Около того же времени, молодой генуэзецъ *** получилъ подобное же названіе; также отказавшись исполнять это порученіе, онъ возвратился домой и застрѣлился, оставивъ письмо къ одному изъ своихъ ближайшихъ друзей съ объясненіемъ причинъ своего самоубійства. Мнѣ это разсказывалъ тотъ самый чело-
вѣкъ, къ которому было адресовано письмо,—онъ теперь здѣсь въ Парижѣ; онъ заслуживаетъ довѣрія».

Достовѣрность этихъ разсказовъ мы оставляемъ на ответственности корреспондента англійской газеты; во всякомъ случаѣ довольно уже и того, что подобные разсказы ходятъ въ Парижѣ. Конечно, они хорошо извѣстны полиціи и самому императору французовъ, который дѣйствительно полагаетъ, что его жизнь подвергается опасности отъ итальянскихъ кинжаловъ. Отвратить такую опасность одно средство—явиться защитникомъ итальянской свободы: тогда друзья и подражатели Орсини изъ враговъ и убійцъ обратятся въ преданнѣйшихъ императору людей.

Оба эти соображенія—необходимость войны для отвлеченія французовъ отъ мысли о внутреннихъ дѣлахъ и необходимость защищать итальянскую національность для избавленія собственной жизни отъ покушеній, чрезвычайно сильны. Но война не популярна въ самой Франціи? Это не должно служить извѣстною для рѣшительнаго правителя: противъ очарованія побѣдъ не устоятъ общественное мнѣніе не только во Франціи, которую особенно вынуждены за эту бѣду, но и ни въ какой другой странѣ: даже у англичанъ и сѣверо-американцевъ побѣда всегда имѣетъ на своей сторонѣ націю; а въ побѣдѣ сомнѣваться едва ли можно. Чтожъ тутъ смотрѣть на общественное мнѣніе? Оно беретъ измѣнено первой удачей и будетъ прославлять побѣдоносную войну.

У Сардиніи также есть побужденія къ войнѣ, вытекающія изъ личныхъ счетовъ. Савойскій домъ всегда стремился къ увеличенію своихъ владѣній.

Въ 1848 году очень значительное вліяніе на ходъ войны имѣло именно то обстоятельство, что Карлъ-Альбертъ имѣлъ въ виду собственно эту цѣль, а не какуюнибудь другую, и дѣйствовалъ такъ, какъ требовали его личные интересы. Въ самомъ дѣлѣ, странно было бы, что король помогать учрежденію республики на своихъ границахъ, притомъ республики болѣе обширной, нежели его собственное королевство, и притомъ имѣя въ числѣ своихъ провинцій одну, самую богатую (Геную) съ явнымъ расположеніемъ къ республиканской формѣ и съ ненавистью къ туринскому владычеству. Карлъ-Альбертъ не могъ оказать ломбардцамъ пособія иначе, какъ на томъ условіи, чтобы они присоединились къ сардинскому королевству. Сообразно съ этимъ былъ рассчитанъ весь планъ его дѣйствій. Сынъ не могъ отказаться отъ наслѣдственной политики, имѣвшей такую выгодную цѣль. Теперь Викторъ-Эммануилъ и графъ Кавуръ желаютъ овладѣть всею сѣвѣрною Италіею, чтобы сдѣлаться правителями первоклассной державы. Есть и другая причина. Постоянно готовясь къ завоевательной войнѣ, графъ Кавуръ содержалъ армію слишкомъ многочисленную для средствъ маленькой и небогатой Сардиніи. По уплатѣ издержекъ и контрибуціи за войну 1848 года, въ слѣдующіе годы государственный долгъ Сардиніи выросъ едва ли не вдвое противъ величины, къ какой доведенъ былъ войною. Въ началѣ прошлаго года онъ былъ выше 200 милліоновъ рублей серебромъ и составлялъ уже тяжесть, чрезвычайно обременительную для государства, доходы котораго не выше 35 милліоновъ, а съ надѣлымъ годомъ онъ долженъ былъ увеличиваться, если бы продлилось нынѣшнее положеніе дѣлъ. Поэтому для графа Кавура остается, или начать войну, чтобы поскорѣ достигъ цѣли, стремленіе къ которой такъ обременительно для сардинскихъ финансовъ, или отказаться отъ поиниственной политики, перестать грозить Австріи, замѣнить вражду къ ней отношеніями мирными, хотя бы и холодными. Перестать грозить Австріи значило бы, для нынѣшняго сардинскаго министерства, потерять главное основаніе своего существованія. Не опираясь на лѣвую сторону, требующую войны, графъ Кавуръ потерялъ бы большинство, долженъ былъ бы уступить власть правой сторонѣ, желающей мира. Надобно полагать, что не только въ парламентѣ, но и въ умѣ самого короля графъ Кавуръ лишился бы опоры, если бы пересталъ стремиться къ войнѣ. Извѣстно, по какому обстоятельству утвердилась парламентская форма въ Сардиніи. Карлъ-Альбертъ былъ чрезвычайно нерасположенъ къ ней до войны съ Австріею: но послѣ пораженія сардинской арміи Радецкиихъ свободное политическое устройство осталось единственнымъ средствомъ поддерживать въ сардинскомъ народѣ расположеніе къ правительству и бодрость для новой войны, о которой не переставали думать. Эта форма должна была также служить сильнѣйшею приманкою для другихъ итальянскихъ областей, чтобы онѣ прониклись желаніемъ присоединиться къ Сардиніи (Сѣверная Италія), или принять ея гегемонію (Средняя и Южная Италія), чтобы вся Италія ждала своей свободы отъ Сардиніи. Для этой важной цѣли Карлъ-Альбертъ переломилъ свои чувства, свой характеръ и, чтобы сдѣлаться современемъ властителемъ могущественной, быть можетъ, первоклассной державы, рѣшился быть либеральнымъ конституционнымъ королемъ. Какъ человѣкъ съ твердо-опредѣленною цѣлью, онъ выдерживалъ этотъ характеръ и ту же политику завѣщалъ сыну. Впрочемъ, мы вовсе не отрицаемъ

того, что кромѣ расчета сильное вліяніе имѣть на сардинскую политику и патриотизмъ. Сардинское правительство вѣроятно въ самомъ дѣлѣ хочетъ независимости Италіи, покрайней мѣрѣ отъ австрійцевъ, если не отъ французозъ; во хочетъ ея съ тѣмъ условіемъ, чтобы очищенные отъ иностранцевъ провинціи послужили къ увеличенію Сардиніи.

Итальянскіе патриоты, кромѣ маццинистовъ, легко принимаютъ это условіе изъ усердія къ національному дѣлу. Какими соображеніями руководятся эти люди и какими заключеніями стараются они склонить въ пользу сардинскаго завоеванія и французскаго вышательства общественное мнѣніе другихъ странъ Западной Европы, не расположенныхъ къ нынѣшней войнѣ, читатель увидитъ изъ двухъ писемъ «Итальянца», помѣщенныхъ въ Times'ѣ. Мы приводимъ въ концѣ этой статьи извлеченіе изъ краснорѣчивыхъ тирадъ неизвѣстнаго автора. Ненависть къ австрійскому вліянію вообще беретъ верхъ надъ всѣми другими чувствами у большинства образованныхъ итальянцевъ, такъ что они забываютъ даже разсчитывать, какія внутреннія учрежденія получила бы Италія, освобожденная отъ австрійцевъ вытѣпшею Франціею. А если имъ говорятъ, что французская помощь будетъ куплена введеніемъ нынѣшнихъ французскихъ формъ въ устройствѣ отнятыхъ у Австріи областей, они отвѣчаютъ, что все-таки французская администрація лучше австрійской, а тѣмъ болѣе папской и неаполитанской; а французскіе гражданскіе законы, независимые отъ формы правленія, превосходятъ. Потому, заключаютъ они, друзья свободы въ Западной Европѣ все-таки должны желать изгнанія австрійцевъ французами, и особенно должна сочувствовать этому свободная Англія. Что отвѣчаютъ англичане на такіа соображенія, читатель увидитъ изъ отвѣта Times'a на второе письмо «Итальянца». Извлеченіе изъ этой статьи также переведено у насъ въ концѣ настоящаго обзора.

Намъ остается только показать основанія, которыми руководилось въ итальянскомъ вопросѣ общественное мнѣніе въ Англіи. О побужденіяхъ Австріи нечего говорить; они очевидны. Австрія играетъ въ этомъ дѣлѣ чисто — сострадательную роль и хочетъ только сохранить нынѣшнее свое положеніе.

Англичане не думаютъ, чтобы въ случаѣ побѣды надъ Австріею французскія границы остались безъ перемѣны. Они полагаютъ, что или Сардинія уступитъ непосредственно французамъ часть Савойи въ благодарность за пріобрѣтеніе обширныхъ областей на востокъ помощію Франціи, или, если такой обмѣвъ окажется неудобнымъ, то будетъ составлено изъ легатствъ и некоторыхъ другихъ частей центральной Италіи довольно большое владѣніе для принца Наполеона, т. е. возникнетъ въ Италіи выѣсто австрійскаго владѣнія французское. Во всякомъ случаѣ, полагаютъ они, Сардинія станетъ въ сѣршенную зависимость отъ Франціи. Какъ бы ни велики были пріобрѣтенія Виктора-Эммануила, хотя бы онъ кромѣ Ломбардіи и Венеціи получилъ большую половину центральной Италіи, все-таки, полагаютъ англичане, онъ обманется въ своей надеждѣ стать независимымъ государемъ могущественной державы. Напротивъ, онъ тогда будетъ едва ли не слабѣе, чѣмъ теперь. Австрія, конечно, не откажется отъ стремленія возвратитъ свои итальянскія провинціи; государство Виктора-Эммануила само по себѣ не бу-

доть имѣть силъ для сопротивленія Австріи, слѣдовательно, станетъ въ совершенную зависимость отъ Франціи. Теперь Сардинія ведетъ дружбу съ Франціею добровольно, тогда будетъ существовать только по милости Франціи, только ея поддержкою. Такимъ образомъ англичане находятъ, что доброжелательство къ Сардиніи вовсе не ставитъ ихъ въ надобность одобрять войну, польза отъ которой будетъ для Сардиніи обманчива. Напротивъ, они полагаютъ, что именно изъ желанія добра Сардиніи должны удерживать ее отъ войны. Точно такъ же понимаютъ они свои обязанности и относительно всѣхъ другихъ итальянцевъ, а въ особенности относительно ломбардцевъ и венеціанцевъ. Желая національной независимости Италіи, они также желаютъ ей и политической свободы, а французское влияние, по ихъ мнѣнію, было бы теперь для развитія внутреннихъ учреждений въ сѣверной Италіи еще неблагоприятнѣе, нежели для ея національной независимости. Этимъ однимъ не ограничивается, по мнѣнію англичанъ, для внутреннихъ учреждений Италіи невыгодность освобожденія чрезъ нынѣшнюю войну; другая опасность сѣверно-итальянскимъ областямъ и самой Сардиніи грозитъ отъ завоеванія. Теперь ломбардцы и венеціанцы могутъ желать присоединенія къ Сардиніи, потому что не видятъ другого средства избавиться отъ австрійцевъ; во Ломбардіи и Венеціи имѣютъ славную исторію; онѣ такъ высоко цѣнятъ себя, что для нихъ въ 1848 году была унизительна мысль сдѣлаться провинціями государства, по всему бывшаго далеко ниже ихъ въ прошлыя времена. Только теперь это чувство заглушено горькою необходимостью, да и то далеко не во всѣхъ ломбардцахъ и венеціанцахъ: подчиниться Сардиніи для очень многихъ и нынѣ кажется обидно, а едва австрійцы будутъ изгнаны, старинное чувство гордости воскреснетъ съ ирреальной силой, вновь пріобрѣтенными провинціями овладѣетъ желаніе или отдѣлиться отъ Сардиніи, или взять надъ нею рѣшительное первенство, стать самимъ метрополіею, а ее обратить въ свою провинцію. Послѣдствія такого порядка вещей ясны. Сардинія, по мнѣнію англичанъ, должна будетъ удерживать въ соединеніи съ собою Ломбардію и Венецію противъ ихъ воли, т. е. насильственными средствами; а свободныя учрежденія падаютъ при такихъ средствахъ, и потому, не говоря уже о влияніи Франціи, даже сама Сардинія не могла бы предоставить очинченнымъ отъ австрійцевъ областямъ дѣйствительной внутренней свободы. Сардинія, продолжаятъ англичане, подверглась бы такой участи и по другой причинѣ. Мы видѣли источникъ вѣрнаго сохраненія парламентскихъ формъ въ Сардиніи: онѣ кажутся нужными, чтобы служить приманкою для Ломбардіи и Венеціи; онѣ только средство для достиженія совершенно другой цѣли, для расширенія границъ. Когда эта цѣль будетъ достигнута, когда Сардинія преобразуется въ Королевство Сѣверной Италіи, цѣль будетъ достигнута, стало быть, и средство перестанетъ быть нужнымъ. Тогда не будетъ побужденій оставлять и въ собственной Сардиніи парламентскія формы въ нынѣшней ихъ силѣ. Превжнія преданія, которымъ слѣдовалъ Карлъ-Альбертъ до 1848 года, снова возьмутъ верхъ, Кавуръ и ему подобные стѣснительные люди будутъ отброшены въ сторону, и возвратятся на сцену старинные министры Карла-Альберта и ихъ продолжатели. Есть и другая причина ожидать этой перемѣны во внутреннихъ учрежденіяхъ Сардиніи, послѣ завоеванія ломбардо-венеціанскихъ

областей. Тогда Сардинія станетъ въ полную зависимость отъ Франціи, и покровительствующая держава будетъ склонять ее къ принятію нынѣшнихъ французскихъ учрежденій, чтобы самой избавиться отъ непріятнаго сосѣдства съ парламентскими формами. Само собою разумѣется, что всѣ эти соображенія, справедливыя или несправедливыя, не представлялись бы уму англичанъ такъ сильно, если бы развитію подобнаго взгляда не содѣйствовало опасеніе, что война доставитъ Франціи рѣшительное господство надъ политикою всего континента Западной Европы, и что тогда, располагая силами гораздо громаднѣйшими, нежели теперь, Наполеонъ III перестанетъ дорожить союзомъ съ Англіею и даже можетъ серьезнѣе прежняго думать объ отыщеніи ей за своего дядю.

Мы изложили побужденія, которыми управлялась политика трехъ западныхъ державъ, имѣвшихъ особенное участіе въ ходѣ итальянскаго вопроса. Теперь намъ надобно сдѣлать перечень фактовъ, которые возникли изъ этихъ основныхъ обстоятельствъ. Само собою разумѣется, что по дипломатическимъ удобствамъ въ официальныхъ переговорахъ часто выставлялись на первый планъ предлоги, служившіе только благопріятными случаями для дѣйствій, вызываемыхъ причинами болѣе глубокими.

Такъ, напримѣръ, поводомъ къ разрыву Франціи съ Австріею съ перваго же раза былъ избранъ случай, не имѣвшій ничего общаго съ кореннымъ вопросомъ о Ломбардіи и Венеціи. Читатели знаютъ эту исторію. Сербы низвергли своего князя Александра Карагеоргиевича, пользовавшагося милостію Австріи, и призвали на престолъ снова Милоша, котораго и Австрія и Турція могли опасаться. Одаренный чрезвычайнымъ талантомъ возбуждать къ войнѣ и организовывать народныя массы, Милошъ могъ казаться вреденъ австрійцамъ, потому что при первомъ удобномъ случаѣ сумѣетъ дѣйствовать на турецкихъ и австрійскихъ сербовъ. Еще не зная хорошенько, въ какой мѣрѣ сильна Скупштина, призывавшая Милоша, австрійцы и турки вздумали было искать предлога, чтобы разогнать ее, занять сербское княжество и помѣшать возвращенію Милоша. Австрійскій генералъ Коронини получилъ предписаніе идти въ Сербію, если турки потребуютъ его помощи. Это было бы нарушеніемъ парижскаго трактата, по которому ни одна держава не должна вмѣшиваться въ турецкія дѣла безъ согласія всѣхъ другихъ державъ, подписавшихъ трактатъ. Когда императору французовъ представилась надобность объяснить причины своего неудовольствія на Австрію, онъ указалъ этотъ фактъ. Но Австрія дала объясненіе такого рода, что ея войска должны были вступить въ Сербію только по требованію турецкаго вѣдѣтельства; а турецкое начальство не могло потребовать ихъ помощи, не получивъ на то разрѣшенія изъ Константинополя; а Высокая Порта, конечно, никогда не хотѣла требовать помощи австрійскихъ войскъ, не объявивъ объ этомъ предварительно европейскимъ посланникамъ въ Константинополь и не получивъ ихъ одобренія. Такимъ образомъ Австрія говорила, что никогда не хотѣла нашить парижскаго трактата одностороннимъ вмѣшательствомъ въ турецкія дѣла съ согласія другихъ державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ. Франція должна была утверждать, что приказаніе, данное Коронини все-таки не согласное трактатомъ; но между тѣмъ сербскія дѣла разъяснились. Австрійцы и турки убѣдились, что сербы единодушны и не дешево поддадутся чужому вмѣшатель-

ству. Неудовольствие, возбужденное избраніемъ Милоша, надобно было заглушить въ себѣ и отложить мысль о вооруженныхъ дѣйствіяхъ противъ Сербіи. Благодаря этой невозможности, Австрія отвѣчала императору французовъ, что каково бы ни было приказаніе, данное генералу Коронини это приказаніе не имѣетъ никакихъ шансовъ быть исполненнымъ на дѣлѣ, остается безъ всякаго дѣйствія и, слѣдовательно, не заслуживаетъ никакого вниманія.

Первый предлогъ къ разрыву уничтожился. Тогда выставлено было на первый планъ другое дѣло. Наполеонъ III давно говорилъ, что содержаніе французскаго корпуса въ Римѣ непріятно для него, и давно требовалъ у папы реформъ, которыя, примиривъ народъ съ папскимъ правительствомъ, позволили бы ему остаться безъ иноземной поддержки. Австрія укрѣпляла папу въ сопротивленіи вѣтямъ совѣтамъ. Кромѣ того, австрійскія войска занимали сѣверную часть Папской Области и французскій отрядъ не могъ выйти изъ Рима до ихъ удаленія, иначе австрійцы оставались бы безграницными господами всей Италіи. Теперь Франція стала громко жаловаться на такой порядокъ вещей, и переговоры до сихъ поръ идутъ главнымъ образомъ о состояніи центральной Италіи, о необходимости, по мнѣнію Франціи, австрійцамъ вывести свои войска изъ областей, не имъ принадлежащихъ, чтобы и Франція могла вывести свой отрядъ изъ Рима. Въ какомъ положеніи находится этотъ вопросъ, лучше всего читатели могутъ видѣть изъ преній въ англійскомъ парламентѣ объ адресѣ въ отвѣтъ на тронную рѣчь. Мы представляемъ въ концѣ нашей статьи выписку изъ рѣчей Пальмерстона, Д'Израэли и Росселя по этому предмету. Съ соблюденіемъ дипломатической осторожности, всѣ трое говорятъ о дѣлахъ центральной Италіи, т. е. Папской Области, будто о существенномъ пунктѣ дѣла. Всѣ трое согласны, что занятіе Папской Области иностранными войсками—фактъ ненормальный, что желаніе императора французовъ вывести свой отрядъ изъ Рима заслуживаетъ полного одобренія; но что дѣйствительно французамъ нельзя выйти изъ Рима, пока австрійцы не очистятъ всѣхъ итальянскихъ городовъ, которые заняли за предѣлами своихъ Ломбардо-Венеціанскихъ Областей. Есть разногласіе въ томъ, какъ помочь этому дѣлу. Д'Израэли говоритъ, что вывести теперь иностранныя войска изъ Папской Области нельзя, потому что вспыхнуло бы возстаніе противъ папскаго правительства. На этомъ, безъ всякаго сомнѣнія, стоитъ Австрія. Но, прибавляетъ Д'Израэли, надобно вытребовать у папы согласія на такія реформы, которыя бы примирили народъ съ его правительствомъ. Это, безъ сомнѣнія, согласно съ словами Франціи. Лордъ Россель, напротивъ того, полагаетъ, что лучше всего было бы немедленно вывести войска, предоставить папскому правительству управляться съ своими дѣлами, какъ само знаетъ, и не жатѣть о немъ, если оно будетъ низвергнуто. Этого мнѣнія, сходнаго съ желаніями либеральной партіи въ цѣлой Европѣ, вѣроятно, ни одна держава не представляеть при переговорахъ. Мы видимъ, какъ легко было бы Франціи и Австріи согласиться въ вопросѣ о центральной Италіи: англійское министерство, признавая справедливость и французскаго и австрійскаго мнѣнія, очень удобно соглашаетъ ихъ одно съ другимъ. Если бы мы не знали, что вопросъ о центральной Италіи служитъ только предлогомъ, за которымъ скрывается вопросъ о Ломбардіи и Венеціи,

а за вопросом о Ломбарди и Венеціи находится надобность для нынѣшней французской системы заглушить войною заботу о внутренних дѣлахъ,— если бы мы не знали всего этого, мы не могли бы понять, какъ можно выводить правдоподобность войны изъ разногласія по такому неважному дѣлу, какъ вопросъ о Папской Области.

Но, несмотря на всю осторожность англійскихъ ораторовъ, изъ которыхъ одинъ министръ теперь, а двое другихъ разсчитываютъ скоро сдѣлаться министрами и потому всѣ должны соблюдать дипломатическіе приемы,— несмотря на всю серьезность, съ которой говорятъ они о Папской Области, будто о настоящемъ предметѣ спора, все таки проглядываетъ въ ихъ рѣчахъ сущность дѣла. Всѣ они согласны, что слѣдствіемъ войны было бы отнятіе итальянскихъ владѣній у Австріи. Даже и въ мирномъ разрѣшеніи спора, которое предлагаетъ Д'Израэли, видна неизбежность коснуться ломбардо-венеціанскаго дѣла. Въ предположеніяхъ Д'Израэли о конгрессѣ есть черты, показывающія, что дипломатамъ пришлось бы разсуждать на немъ и о сѣверной Италіи.

Въ 20 числахъ января (новаго стиля) разнеслись въ Парижѣ слухи, что конгрессъ, предлагаемый Англіею, имѣетъ въ самомъ дѣлѣ ближайшее отношеніе къ ломбардо-венеціанскимъ землямъ. Въ маѣ 1848 года, когда потеря итальянскихъ областей казалась неизбежною для Австріи, австрійскій повѣренный въ дѣлахъ при лондонскомъ дворѣ, Гиммельгауэртъ, предлагалъ кончить войну тѣмъ, чтобы итальянскія провинціи получили особеннаго вице-короля и совершенно независимое управленіе съ конституціонною формою и остались соединены съ Австріею только номинальнымъ единствомъ въ лицѣ императора. Говорить, что англійское министерство предложило составить теперь конгрессъ для устройства итальянскихъ дѣлъ на такихъ основаніяхъ, что въ Парижѣ это предложеніе было принято и что теперь остается дѣло только за согласіемъ Австріи. Не знаемъ, дѣйствительно ли подобное предложеніе было сдѣлано изъ Лондона, но должны сказать, что это кажется намъ не совсѣмъ правдоподобнымъ. Австрія, навѣрное, должна была отвергнуть его: можетъ ли она безъ войны сдѣлать такіе уступки, которые почти равняются отказу отъ итальянскихъ областей, то есть самому худшему результату несчастливой войны? Лондонскій кабинетъ, желающій примиренія, поступилъ бы совершенно неосновательно, предлагая къ примиренію такіе способы, которые не могутъ не быть отвергнуты одвою изъ двухъ спорящихъ сторонъ. Скорѣе можно думать, что въ Лондонѣ была мысль о конгрессѣ только относительно очищенія Папской Области отъ австрійскихъ и французскихъ войскъ (этотъ смыслъ дается словами Д'Израэли), а мысль о переговоровъ на основаніяхъ 1848 года возникла уже въ Парижѣ. Если бы удалось склонить Англію и другія державы согласиться на подобный конгрессъ, а Австрія отвергла бы его, то она выставилась бы менѣе уступкою, нежели Франція, которая могла бы тогда говорить, что она все сдѣлала для сохраненія мира, что вся Европа признавала умирѣнность ея условій, но что Австрія не хотѣла мира. Такой оборотъ былъ бы очень выгоденъ для Франціи, и потому то, если мысль о конгрессѣ на основаніи предложеній 1848 года дѣйствительно была, то надобно полагать, что она вышла

не изъ Лондона, а изъ Париза. Но все это только слухи и догадки: оставим ихъ и припомнимъ факты, которыми обозначались различныя колебанія итальянскаго вопроса.

Послѣ сильныхъ словъ, сказанныхъ императоромъ французамъ австрійскому посланнику, и еще болѣе сильнаго отвѣта на нихъ въ англійскихъ и нѣмецкихъ газетахъ, первымъ воинственнымъ фактомъ была рѣчь Сардинскаго короля при открытіи Туринскаго парламента (10 января). Читателямъ извѣстны рѣшительныя слова Виктора-Эммануила:

«Господа сенаторы, господа депутаты! Горизонтъ, среди котораго встаетъ новый годъ, несовершенно ясенъ; несмотря на то, вы съ обыкновенной нашей ревностью займетесь парламентскими трудами. Ободренные опытомъ прошедшаго, мы готовы съ рѣшимостью встрѣтить шансы будущаго. Это будущее должно быть счастливо, потому что наша политика основана на справедливости, на любви къ свободѣ и отечеству. Наша страна, небольшая по объему, приобрѣла уже уваженіе въ совѣтахъ Европы, потому что она велика по идеѣ, ею представляемой, и симпатіямъ, ею внушаемымъ. Это положеніе не изъято отъ опасности, потому что, уважая трактаты, мы не остаемся безучастными къ вошью страданія, ложащемуся до насъ изъ столь многихъ частей Италіи. Сильные нашимъ согласіемъ, упокая на вашу справедливость, мы ждемъ, разсудительно и рѣшительно, судебъ отъ Божественнаго Провидѣнія».

Тутъ ясно говорилось, что война близка, что Сардинія хочетъ стать въ ней представительницей Италіи, что Италія сочувствуетъ ей, просить ея помощи и будетъ имѣть ея защиту. Король прочелъ рѣчь свою твердымъ, сильнымъ голосомъ. Каждая изъ переведенныхъ нами фразъ перерывалась восторженными криками и аплодисментами сенаторовъ, депутатовъ и зрителей, толпившихся на трибунахъ.

Адресъ палаты депутатовъ въ отвѣтъ на эту рѣчь соответствовалъ восторгу, съ которымъ она была выслушана. Палата поручила составленіе адреса одному изъ ломбардскихъ эмигрантовъ, Корренти, чтобы ломбардцы и венеціанцы видѣли въ этомъ выборѣ залогъ симпатіи къ нимъ.

«Вы правы, государь, съ надеждою смотря на шансы будущаго для вашего народа (говорилъ адресъ). Вашъ голосъ, государь, вліятельный и уважаемый во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, великодушно выражающій состраданіе къ бѣдствіямъ Италіи, конечно, оживитъ воспоминанія о торжественныхъ обѣщаніяхъ, доселѣ оставшихся неисполненными, и поддержитъ въ народахъ твердую вѣру въ непреодолимую силу цивилизаціи и въ могущество общественнаго мнѣнія. Если эти отрадные мысли и это воззваніе къ общественному разуму навлекли бы опасности или угрозы на вашу священную главу, нація, ведящая въ васъ могущественнаго заступника за дѣло свободы въ европейскихъ кабинетахъ, знающая, что въ васъ и чрезъ васъ найдена наконецъ, столько вѣковъ бывшая утраченной, тайна итальянскаго единодушія, — нація, говоритъ мы, вся до послѣднего человѣка окружитъ васъ и возкажетъ, что она вновь научилась старинному искусству соединять повиновеніе солдата съ свободою гражданина».

Этотъ совершенно воинственный адресъ былъ встрѣченъ необыкновенно громкими аплодисментами и, говорить, даже министерская партія дивилась единодушному энтузіазму, выказанному палатой.

Но единодушный энтузіазмъ уже не проявлялся при двухъ слѣдующихъ важныхъ событіяхъ: бракосочетаніи принцессы Клотильды и утверж-

деніи проекта о займѣ на войны. Принцъ Наполеонъ, пріѣхавшій въ Туринъ на другой день послѣ принятія адреса палатою депутатовъ, былъ встрѣченъ сардинцами, по разсказамъ однихъ газетъ, совершенно холодно, по разсказамъ другихъ, если не холодно, то безъ всякаго восторга. Онъ слишкомъ старъ для своей молоденькой невесты (принцу Наполеону 36 лѣтъ, а принцессѣ Клотильдѣ только 5 марта нынѣшняго года исполнится 16). Говорятъ, она долго не соглашалась, и, какъ ребенокъ, была убѣждена удивительными браслетами и тому подобными уборами, присланными ей отъ императрицы французской, а еще больше настояніями отца. Сардинцы чрезвычайно гордятся древностью своей династіи, которая едва ли не старше всѣхъ другихъ въ Европѣ, и находятъ, что для внука простыхъ корсиканцевъ слишкомъ большая честь получить руку ихъ принцессы. Притомъ носились слухи, что часть предполагаемыхъ завоеваній будетъ отдана принцу Наполеону, вмѣсто того, чтобы достаться Сардиніи. Все это слухи, но достовѣрно то, что въ высшихъ кругахъ сардинскаго общества бракъ былъ сильно осуждаемъ, а женихъ видѣлъ холодность.

Между тѣмъ приготовленія къ войнѣ производятся въ Сардиніи очень дѣятельно и уже понадобилось сдѣлать заемъ въ 12½ миллионновъ руб. сер. на покрытие издержекъ. Предложеніе о займѣ было, конечно, принято палатою депутатовъ; но правая сторона, постоянно бывшая противъ наступательной войны, уже отважилась снова возвысить голосъ. Одни изъ ея членовъ сказали, что одобряютъ заемъ, если война будетъ чисто оборонительная, если сама Австрія начнетъ ее; но не хотятъ нападенія на Австрію со стороны самой Сардиніи. Другіе пошли еще далѣе: они совершенно отвергли надобность займа.

«Я всегда былъ противникомъ политики министерства (сказалъ графъ Ревель), той политики, которая привела насъ къ нынѣшнему положенію. Не скажу, что мы не должны опасаться нападенія со стороны Австріи. Меня нельзя назвать другомъ Австріи, потому что есть доказательства моимъ чувствамъ. Я былъ министромъ одиннадцать лѣтъ тому назадъ, когда мы объявили Австріи войну, столь счастливо начатую, столь несчастно конченную. Я признаю, что иѣры, принимаемыя Австріею, могутъ внушать опасенія, потому необходимо намъ вооружиться. Мнѣ прискорбно разойтись на этотъ разъ съ моими товарищами (другими депутатами правой стороны, рѣшившимися вотировать противъ займа); но я не могу отказать правительству въ средствахъ защиты. Если оно употребитъ ихъ во зло, не моя будетъ вина; отвѣтственность упадетъ на него».

«Преданность къ отечеству одинакова во всѣхъ насъ, (сказалъ наркызъ Костиле-Боргаръ, одинъ изъ савойскихъ депутатовъ),—я говорю это особенно отъ имени моихъ товарищей, депутатовъ Савойи, бывшей колыбелью нашей монархіи; но я не боюсь въ нападеніе на насъ. Австрія слишкомъ осторожна, слишкомъ хитра, она не смѣетъ выставить себя начинательницею войны. Притомъ и положеніе Италіи таково, чтобы война была необходима. Общественное мнѣніе говоритъ противъ насъ. Англія употребляетъ все свое вліяніе на сохраненіе мира. А между тѣмъ Піемъ готовится къ войнѣ. Графъ Кавуръ хочетъ войны, и онъ не такой человекъ, чтобы отступить. Но наша судьба, судьба Савойской династіи, служатъ ставкою въ эту игру. Онъ беретъ на себя тяжелую отвѣтственность. Я не хочу подвергаться ей вмѣстѣ съ нимъ. Я боролся противъ той опрометчивой политики, въ жертву которой послѣ счастье нашей земли. Я не откажусь отъ своихъ убѣжденій, не сдѣлаю такой ошибки (Браво! съ правой стороны). Это я говорю, какъ депутатъ всего Сардинскаго

королевства; какъ депутатъ Савойи, я скажу еще больше. Говорятъ, что война должна отдѣлить Савойю отъ остальной Сардиніи (Маркизъ Борегаръ намекаетъ на предположеніе, что Савойя будетъ отдана Франціи въ благодарность за пріобрѣтеніе ломбардо-венедіанскихъ областей для Сардиніи). Если это предположеніе, естественное слѣдствіе нашихъ итальянскихъ комбинацій, осуществится, то дай Богъ, господа, чтобы мы не пожалѣли о томъ, что разстались съ нами. Но мы всегда сохранимъ нашу симпатію къ Савойской династіи. (Аплодисменты раздаются на многихъ скамьяхъ).

«Я всталъ съ ностели, чтобы бросить черныя вѣрзъ въ урну (сказалъ де-Вирі). Я присоединяюсь въ моему почтенному другу, Коста-де-Борегару. Вы налагаете на Савойю... (Между депутатами начинается сильнѣйшее смѣненіе, такъ что ораторъ не можетъ докончить своей фразы. Засѣданіе пріостановлено и де-Вирі сходитъ съ каведры).

«Въ началѣ засѣданія, господа, президентъ убѣждалъ насъ быть единодушными (сказалъ графъ Соларо-де-ла-Маргарита, предводителемъ правой стороны). Мы съ восторгомъ привнимаемъ твоя слова всегда, когда дѣло идетъ о чести чести, о независимости страны. Никто не можетъ сомнѣваться въ нашей преданности къ нашей славной династіи. Но надобно знать, какаа опасность грозитъ намъ. Положеніе Сардиніи печально: торговля въ упадкѣ, промышленность также, земледѣліе въ дурномъ положеніи, налоги тяжелы. Намъ всѣмъ извѣстна ревность, дѣятельность военнаго министра, но можетъ ли онъ думать, что численность нашей арміи соразмѣрна съ громадностью войскъ, противъ которыхъ мы пошлѣмъ бы? А мы сами можемъ ли подвергнуться нападенію? Австрія заключала заемъ, наполнила ломбардскія провинціи солдатами, придвинула войска къ нашимъ границамъ. Но думаетъ ли Австрія напасть на насъ?— вотъ вопросъ. Не нужно имѣть особенной политической проницательности, чтобы видѣть противное. Вѣнскій кабинетъ, всегда осмотрительный и осторожный, никакъ не поставитъ себя въ наступательное положеніе; онъ не хочетъ привлечь на себя французскія войска. Слова лорда Дерби, мистера Д'Изразли, подтверждаютъ мое мнѣніе. (Английскіе министры сказали, что Австрія дала имъ обѣщаніе не начинать войнъ и что они увѣрены въ искренности этого обѣщанія; о подобномъ обѣщаніи Наполеона III лордъ Дерби говорилъ только, что Англія *хочетъ* вѣрить ему). Будемъ говорить, господа, откровенно. Если бы мы думали о развитіи нашихъ учрежденій, объ улучшеніи нашихъ финансовъ дѣла, если бы мы не старались разжигать страстей въ другія итальянскихъ областяхъ, мы не были бы въ такомъ положеніи, какъ теперь. Во мнѣніи дѣлаго свѣта мы будемъ зачинщиками войны. Народъ въ огромномъ своемъ большинствѣ жалуется мѣра съ его благотворными слѣдствіями и особенно съ уменьшеніемъ налоговъ. Благоразуміе велитъ намъ не бросать перчатку на вызовъ тѣмъ, которые давно приготовились поднять ее. Я говорю не въ духѣ партій, я говорю въ интересахъ нашей земли—всей Италіи. Подавъ голосъ въ пользу займа, я измѣнилъ бы своей содѣлствіи. Я отвергаю заемъ въ вышшихъ обстоятельствахъ и прошу, чтобы пощадяли нашу страну отъ новыхъ бѣдствій и чтобы не подвергали опасности нашу независимость».

Графъ де-ла-Маргарита и графъ Ревель по общимъ своимъ убѣжденіямъ представляются намъ достойными гораздо меньшаго сочувствія, нежели графъ Кавуръ. Но должно признаться, что въ настоящемъ случаѣ они смотрятъ на дѣло или по крайней мѣрѣ говорятъ о немъ гораздо прямѣе внаменитаго министра. Въ нѣкоторой части ихъ рѣчей есть даже полная справедливость. Сардинскій народъ дѣйствительно обремененъ налогами. Мы не рѣшимся сказать, что они говорятъ неправду, когда утверждаютъ, что большинство сардинскаго населенія, особенно земледѣльческій классъ, не раздѣляетъ воинственнаго энтузіазма. Корреспонденты английскихъ газетъ увѣряютъ, что даже въ Ломбардіи земледѣльцы противъ войны.

Этимъ кончаются нынѣшнія извѣстія о Сардиніи. Она уже двинула свои

войска къ границамъ; австрійскія войска также подошли, и каждый день можетъ произойти схватка, послѣ которой военныя событія уже подойдутъ не-удержимой чередой. Схватка можетъ произойти случайно, безъ приказанія или даже противъ желанія начальниковъ армій. Но приказанія ожидать надвѣхъ, повидимому, нельзя: Австрія никакъ не захочетъ нападать первая, а сардинское правительство не отважится начинать войну прежде, нежели будетъ знать навѣрное, что по первому же выстрѣлу пойдутъ на австрійцевъ французскія арміи. Этого обѣщанія, повидимому, еще не дано формальнымъ образомъ; напротивъ, Англія получила отъ императора французовъ увѣреніе, что она не подастъ помощи сардинцамъ, если они первые сдѣлаютъ нападеніе, а отъ французской помощи зависятъ сардинскія рѣшенія. Посмотримъ же, что дѣлалось послѣ новаго года по Франціи.

Неблагопріятное мнѣніе Германіи и особенно Англіи остановило на нѣсколько дней новыя проявленія воинственности. Въ правительственныхъ газетахъ статьи, провозглашавшія скорое начало похода, переищивались съ другими, говорившими о вѣроятности мирной развязки. Мониторъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній также мирнаго характера. Слова, сказанныя на новый годъ, мало по малу были разъяснены такъ, что въ Вѣнѣ почли возможнымъ признать объясненіе удовлетворительнымъ. Австрійскій посланникъ на придворныхъ балахъ нѣсколько разъ бывалъ предметомъ особеннаго вниманія и любезности со стороны императора. Всѣ эти признаки миролюбія продолжаютъ до сихъ поръ, занимая биржу и публики три, четыре, даже пять дней въ недѣлю. Но зато постоянно растутъ и растутъ слухи о сильныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ. Разъ въ недѣлю, два раза въ недѣлю бываетъ какое нибудь приказаніе прекратить или отсрочить какую нибудь военную работу; но это касается только частностей, а вообще приготовленія къ войнѣ усиливались съ каждымъ днемъ, по крайней мѣрѣ до начала февраля, когда стали говорить объ ослабленіи прежнихъ надеждъ на союзъ съ одною изъ могущественнѣйшихъ державъ Европы, и когда пренія объ адресѣ въ англійскомъ парламентѣ показали, что всѣ партіи англійскаго народа одинаково неблагоприятствуютъ намѣренію ослабить Австрію въ видямую пользу Сардиніи, на самомъ же дѣлѣ въ пользу Франціи. Вслѣдствіе двухъ этихъ фактовъ вдругъ усилились слухи о возможности мирной развязки. До какой степени они прочны, въ настоящую минуту нельзя еще рѣшить. Итакъ, пока мы только перечислимъ главные факты развитія французско-сардинской воинственности, заканчивая ихъ перечень послѣдними болѣе благопріятными миру извѣстіями, за важность которыхъ нельзя ручаться.

На другой день послѣ перваго свиданія принца Наполеона съ своею вѣвѣстою, когда бракосочетаніе было рѣшено, графъ Кавуръ и генералъ Ізоль, любимецъ Наполеона III, сопровождавшій принца Наполеона, заключили какое-то условіе о тѣснѣйшемъ сближеніи Франціи съ Сардиніей. Извѣстись слухи, что это наступательный и оборонительный союзъ, формально подписанный. Мониторъ опровергъ это извѣстіе, но съ такою дипломатическою осторожностью, что нельзя было рѣшить, — подвергается ли приданію самое существованіе союза, или только подписаніе формальнаго говора извѣстной дипломатической формы, или даже только толкованіе,

ставившее принятие такого договора императоромъ французомъ за непремѣнное и формальное условіе согласія сардинскаго короля на бракосочетаніе дочери. Общее мнѣніе было то, что отрицаніе надобно относить только къ послѣднему обстоятельству; что формальный договоръ по всей вѣроятности подписанъ, а во всякомъ случаѣ условіе о неразрывномъ союзѣ заключено въ той или другой формѣ, на словахъ или на бумагѣ, но въ сущности съ одинаковымъ значеніемъ. Можно полагать даже, что въ сущности все равно, хотя бы даже и на словахъ не было выражено вступленія двухъ державъ въ неразрывный союзъ, — самый фактъ бракосочетанія, безъ всякихъ переговоровъ, специально опредѣляющихъ значеніе брачнаго союза между двумя династіями, уже долженъ считаться для той и другой династіи достаточнымъ обезпеченіемъ неразрывнаго союза.

Почти одновременно съ днемъ бракосочетанія, *Constitutionnel*, личный органъ императора французомъ, воспользовался одною изъ безчисленныхъ статей англійской журналистики противъ войны, чтобы сдѣлать грозное исчисленіе громадныхъ армій, которыя Франція можетъ двинуть за границу. *Daily News* старалась доказать, что французская армія не такъ сильна, какъ думаютъ многіе; что во всякомъ случаѣ главная масса ея должна остаться внутри Франціи для наблюденія за Парижемъ и Ліономъ; что кромѣ того большой корпусъ необходимъ въ Алжирѣ, и за этими вычетами едва ли останется для заграничнаго похода болѣе 130.000 человекъ. *Constitutionnel*, напротивъ, объявилъ, что 1 апрѣля Франція имѣла бы свободныхъ войскъ для заграничнаго похода около 400.000, а къ 1 іюня, съ призывомъ новаго контингента, 497.000 человекъ. Статья, написанная сдержаннымъ официальнымъ языкомъ, произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе, именно потому, что очевидно было ея высокое происхожденіе. Черезъ нѣсколько часовъ было всѣмъ извѣстно, что она прислана въ типографію *Constitutionnel*'я прямо изъ Тюльерійскаго дворца и была до такой степени личнымъ дѣйствіемъ императора, что даже не была показана министру иностранныхъ дѣлъ передъ отправленіемъ къ напечатанію.

Зато одновременно съ этимъ грознымъ манифестомъ, а прежде того, одновременно съ пріѣздомъ принца Наполеона въ Туринъ и съ слухами о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ, были сдѣланы двѣ демонстраціи о миролюбивомъ расположеніи императора французомъ. Первая демонстрація, одновременная съ пріѣздомъ принца Наполеона въ Туринъ „*Est-ce la paix? Est-ce la guerre?*“ написанная дипломатическимъ языкомъ и приписывавшаяся графу Персинья. Она склывалась въ пользу мирной развязки. Почти въ тотъ же день явилась брошюра „*Aurons-nous la guerre?*“ о которой мы говорили: допущеніе этого рѣзкаго протеста противъ войны усиливало догадки, внушаемая брошюрою, въ которой предполагали участіе Персинья. А когда принцъ Наполеонъ съ своею супругою возвратился въ Парижъ, на всемъ пути отъ станціи желѣзной дороги до дворца не было поставлено ни одного изъ многихъ тысячъ полицейскихъ клакеровъ, которые при всѣхъ подобныхъ случаяхъ обязаны выражать народный энтузіазмъ. Народъ, столпившійся по всей длинной дорогѣ, стоялъ въ совершенномъ молчаніи и не было впрочемъ ни одного крика въ привѣтствіе новобрачнымъ, олицетворявшимъ союзъ Франціи

и Сардиния для войны. Холодный прием со стороны французского народа был натурален; но удивлялись тому, что полиция не заботилась, по обыкновенію, выставить собственных своих энтузиастов. Официальным объяснением тому было: „правительство не хотѣло манифестации въ пользу войны и велѣло полиціи молчать“. Впрочемъ, есть и другое объясненіе: боялись, что на крики полицейскихъ клакеровъ „да здравствуетъ Сардинія!“ народъ будетъ отвѣчать криками: „да здравствуетъ миръ!“

Но вотъ приближалось и 7 февраля, день, назначенный для открытія сессіи законодательныхъ властей. Съ нетерпѣніемъ ожидали рѣчи, которую долженъ сказать при этомъ случаѣ императоръ французовъ. За три дня до рѣчи явилась брошюра Napoleon III et Italie, со всеми признаками официального происхожденія. Она была писана, или, лучше сказать, только редактирована сановитѣйшимъ изъ придворныхъ писателей, виконтомъ ла-Героньеромъ, который нѣкогда былъ легитимистомъ, потомъ республиканцемъ, а теперь служить въ званіи бонапартиста. Говорили, что самъ императоръ доставилъ ла-Героньеру матеріалы для этого памфлета; что потомъ составленная изъ нихъ записка была читана и сильно передѣлана императоромъ, который собственноручно вставилъ въ нее нѣсколько длинныхъ мѣстъ, особенно выражавшихъ необыкновенную любовь императора французовъ къ Англіи. Самъ Мониторъ принялъ на себя трудъ подтвердить эти рассказы. Брошюра дѣйствительно должна была явиться выраженіемъ личнаго взгляда императора французовъ, предисловіемъ и комментариемъ къ его рѣчи. Ее раскупили варсхвать, прочли съ жадностью, искали смысла въ каждомъ словѣ,—и не могли рѣшить, какой же смыслъ должна имѣть цѣлая брошюра? Въ самомъ дѣлѣ, очень трудно было понять ее. Черезъ день, черезъ два, загадка объяснилась. Еще во время допросовъ, сдѣланныхъ графу Орсини, Наполеонъ III былъ изумленъ силою и ясностью политическихъ соображеній его. „Я хотѣлъ васъ убить потому, что ваше бездѣйствіе мѣшаетъ освобожденію Италіи“, писалъ Орсини, „теперь прибавляю, что ваша политика противна вашимъ собственнымъ выгодамъ. Вы упускаете изъ виду вотъ такіе-то и такіе-то факты. Обратите на нихъ справедливое вниманіе и вы увидите, что личная ваша польза требуетъ освобожденія Италіи“. Въ бумагахъ Орсини нашлись подробные историческіе очерки и мемуары о нынѣшнемъ состояніи разныхъ государствъ и объ ихъ дипломатическихъ отношеніяхъ, написанные въ подтвержденіе той общей мысли, что Франція должна освободить Италію и что если бы Наполеонъ III сознавалъ потребности своего подожженія, онъ исполнилъ бы эту легкую обязанность. Еще тогда же, во время процесса Орсини, Наполеонъ III внимательно изучалъ эти записки.

концѣ прошлаго года онъ снова потребовалъ къ себѣ бумаги, оставшіяся слѣ Орсини, и, когда вышла брошюра, служившая предшественницей тронной рѣчи, люди, знакомые съ содержаніемъ орсиніевскихъ бумагъ, увидѣли, что брошюра составлена главнымъ образомъ изъ нихъ. Но въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ концѣ, были прибавлены мысли, вынуждаемыя дипломатическими отношеніями, сильною оппозицію французскаго общества и даже пшынства государственныхъ сановниковъ противъ войны. Сверхъ того, факты и я мысли, заимствованные изъ бумагъ Орсини, были обставлены

фразами въ духѣ правительственной французской журналистики. Такимъ образомъ брошюра имѣла двойственный характеръ. Изъ всѣхъ фактовъ и соображеній, изложенныхъ въ ней съ замѣчательною силою мысли, слѣдовало заключеніе: „Франція обязана начать войну для освобожденія Италіи“. Но вмѣсто этого заключенія было дано совершенно другое: „императоръ французовъ не хочетъ войны и постарается избѣжать ея“. По этой двойственности ея смысла, кому что угодно, тотъ именно то могъ видѣть въ ней — одинъ войну, другой миръ.

Точно такова же была и рѣчь, сказанная императоромъ французовъ 7 февраля, при открытіи засѣданій законодательнаго корпуса и сената. Германія истолковала ее въ смыслѣ мира; Сардинія и вся Италія въ смыслѣ войны. Англія нашла въ ней поровну и того и другого. Но каковъ бы ни былъ дѣйствительный смыслъ рѣчи, или хотя бы она не имѣла никакого опредѣленнаго значенія сама по себѣ, пріемъ, ей сдѣланный, былъ рѣшительною манифестаціею депутатовъ и публики въ пользу мира. Императоръ французовъ былъ встрѣченъ безъ того энтузіазма, съ которымъ привѣтствовали его въ прежніе годы депутаты, избираемые по назначенію правительства изъ преданнѣйшихъ ему людей. Когда Наполеонъ III вошелъ въ залу, одинъ изъ придворныхъ сановниковъ закричалъ: „да здравствуетъ императоръ!“ за нимъ повторили восклицаніе другіе присутствовавшіе, но далеко не всѣ; многіе депутаты не раскрывали губъ. Второй залпъ восклицаній былъ еще слабѣе; въ третій разъ послышались только немногіе голоса, оставшіеся безъ поддержки. Во время рѣчи, на лицѣ большей части депутатовъ выраженіе было холодное и принужденное. Когда въ началѣ рѣчи императоръ говорилъ, что безпокойство овладѣло Франціею безъ положительныхъ основаній для тревоги, на нѣкоторыхъ лицахъ явилась даже улыбка. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, для приличія, рѣчь прерывалась аплодисментами; во особливо сильны были они только при словахъ, что императоръ останется вѣренъ своимъ бордосскимъ словамъ: „имперія — это миръ“, и не хочетъ возобновлять эпоху завоєваній. При предварительномъ обсужденіи рѣчи, почти всѣ министры были рѣшительно противъ войны. Даже носился слухъ, что они хотѣли подать въ отставку, когда во время церемоніи услышали изъ устъ Наполеона III рѣчь безъ тѣхъ болѣе рѣшительныхъ ручательствъ за миръ, которыя были внесены въ проектъ рѣчи по ихъ настоянію. Неудовольствіе министровъ колебаніями французской политики между миромъ и войною такъ сильно, что носятся слухи, будто большинство министровъ хочетъ подать въ отставку. Разумѣется, это вздоръ, потому что не въ духъ нынѣшняго порядка вещей и людей, служащихъ ему; но все-таки подобные толки свидѣтельствуютъ о сильной оппозиціи самого кабинета противъ воинственной политики. Изъ пріема, сдѣланнаго рѣчи императора, обнаружилось, въ какомъ тонѣ президенту законодательнаго корпуса, графу Мори, надобно составить рѣчь, которую онъ долженъ былъ произнести на другой день 8 февраля я. ст., при открытіи перваго засѣданія законодателей. Депутаты совершенно оправдали слухъ о томъ, что возвратились изъ провинцій рѣшительными приверженцами мира, нѣкоторые изъ нихъ уже успѣли объявить въ парижскихъ салонахъ, что „насъ въ палатѣ есть 150 или 200 человекъ

такихъ, которые рѣшились ни подъ какимъ видомъ не допускать войны“. Одному изъ такихъ геройствующихъ гражданъ собесѣдникъ англичанинъ замѣтилъ: „войны вы, разумѣется, викакъ не допустите, но безирекословно дадите всё суммы, какихъ потребуеъ ея веденіе“. Сконфузившійся гражданинъ пожалъ плечами и сказалъ: „вы правы“. Въ самомъ дѣлѣ, депутаты приготавлились сильно воспротивиться правительству въ вопросѣ о войнѣ; но, вѣроятно ихъ оппозиція ограничится салонными разговорами, а въ залѣ засѣданій будутъ они послушными дѣтьми. Однако же все-таки не годится раздражать ихъ, все-таки полезно угодить на словахъ ихъ чувствамъ, выражающимся очень недвусмысленно. Рѣчь Морни вся состоитъ изъ положительныхъ увѣреній въ непоколебимости мира. Президентъ законодательнаго корпуса проситъ депутатовъ „вѣрить словамъ императора, что миръ не будетъ нарушенъ“; объясняетъ имъ, что „множество другихъ соображеній должны также вести къ разъясненію безпокойствъ“; увѣрять, что „религія, философія, цивилизація, кредитъ, трудъ сдѣлали миръ нервнымъ благомъ новыхъ обществъ“; объясняетъ, что „нынѣ уже не тѣ времена, когда можно было легкомысленно проливать кровь народовъ“, что нынѣ „большая часть затрудненій устраняется дипломатіей, или разрѣшается мирнымъ посредничествомъ“. Онъ даже указываетъ имъ на фактъ совершенно „новый“, именно на то, что „быстрыя средства къ сообщенію между народами и гласность создали новую европейскую державу“ (мы переводимъ безъ всякихъ измѣненій: une puissance européenne nouvelle), которой будто бы „всѣ правительства принуждены подчиняться“; и что эта „новая держава— общественное мнѣніе“. Такая миролюбивая и просвѣщенная рѣчь возбудила восторгъ гораздо болѣе сильный, нежели какого ожидалъ и какого, быть можетъ, даже не желалъ краснорѣчивый авторъ ея. Между депутатами слышались толки: „Вотъ такую рѣчь намъ надобно было услышать отъ императора“.

Брошюра *Napoleon III et l'Italie* была выраженіемъ личныхъ мнѣній императора французовъ,—это засвидѣтельствовалъ самъ Монпьеръ; но протестація со стороны „новой державы“, которую замѣтилъ Морни, не остановилась и передъ этимъ фактомъ: явилась брошюра Эмиля Жирардена, написанная въ опроверженіе брошюры ла-Героньера. Правительственная брошюра предполагаетъ достигнуть дипломатическимъ путемъ учрежденія независимой администраціи въ ломбардо-венецянскихъ областяхъ, мечтаетъ о конфедераціи итальянскихъ государствъ подъ предсѣдательствомъ папы. Жирарденъ доказываетъ несостоятельность этой утопіи, служившей прикрытіемъ для видимаго отступленія съ военнаго пути. Въ правительственной брошюрѣ говорилось, что война самое тяжелое средство для освобожденія Италіи, и потому должно идти къ этой цѣли мирными переговорами. Жирарденъ говоритъ, что война— только тяжелое средство, а просто средство ни къ чему негодное; что иномъ невозможно освободить Италію, что нашествіе не можетъ дать альпійцамъ свободы, а только подчинить ихъ французскимъ учрежденіямъ, торымъ не легче австрійскихъ. Брошюра ла-Героньера увѣрила, что во икомъ случаѣ Франція не хочетъ завоеваній. Жирарденъ говоритъ, что да, начинаемая не для завоеваній, есть полѣность. Вотъ заключеніе брошюры:

«Война бывает или наступательная, или оборонительная.

«Если она ни то, ни другое, она вооруженное вѣшатательство. А не бывало никогда примѣра, чтобы вооруженное вѣшатательство достигало своей цѣли и не оказывалось ошибкой.

«Если война оборонительная, она оправдывается законностью.

«Если война наступательная, она извиняется побѣдою.

«Побѣда безъ завоеваній,—бессмыслица.»

«Хотятъ ли вѣшаться въ ссору римляне съ ихъ правительствомъ и отдать домбардцевъ Піжонгу? Если такъ, мы говоримъ: «не воюйте».

«Хотятъ ли отмстить за Ватерлоо, возвратить Франціи лѣвый берегъ Рейна? Если такъ, мы говоримъ: «воюйте».

«Или война съ ея завоеваніями, или миръ съ его прогрессомъ».

Доказывая, что война со стороны Франціи должна быть непременно завоевательною, Эмиль Жирарденъ ставитъ для войны цѣль, признаться въ которой никакъ не хотятъ, потому что сказать: „Франція хочетъ захватить часть Рейнскихъ провинцій Пруссіи и часть Баваріи“, значитъ вызвать противъ Франціи общую европейскую коалицію. Эмиль Жирарденъ объясняетъ Европѣ, что она никакъ не можетъ не вооружиться вся противъ Франціи, подъ какимъ бы предлогомъ ни начала Франція войну; онъ доказываетъ, что война не можетъ имѣть другой цѣли, кромѣ завоеваній; онъ объясняетъ Франціи, что вся Европа будетъ противъ нея, потому что непременно предполагать въ войнѣ завоевательную цѣль. Эта брошюра въ три дня имѣла три изданія, каждое въ огромномъ числѣ экземпляровъ.

Намъ остается теперь обозрѣть общее положеніе дѣлъ около 14 февраля (нашего стила), когда мы пишемъ эту статью.

Военныя приготвленія производятся во Франціи, Сардиніи и Австріи съ величайшею дѣятельностью. Сардинская армія готова дать битву, хоть нынѣ же. Австрія усилила свою армію въ Италіи до 150.000 человекъ, такъ что сардинцамъ нельзя будетъ удержаться и нѣсколько дней, если они откроютъ войну до прибытія изъ Франціи очень сильныхъ подкрѣпленій. На угрозу Франціи, что къ 1 іюля она можетъ имѣть подъ ружьемъ около 700.000 человекъ, изъ которыхъ около 500.000 можетъ послать за границу, Австрія отвѣчала, что сама имѣетъ почти такое же число войскъ и въ случаѣ оборонительной войны будетъ имѣть союзницею всю Германію, которая выставитъ еще столько же войска, такъ что противъ французовъ двинется около 800.000 австрійскихъ и нѣмецкихъ солдатъ. Франція готовитъ въ Тулонѣ и Марселіи огромное число судовъ для перевозки войскъ въ Италію, усилила римскій гарнизонъ и, какъ говорятъ, собрала 80-тысячную армію на сардинской границѣ, для движенія по другой стратегической линіи, сухимъ путемъ, черезъ Альпы. Всѣ французскіе арсеналы кипятъ работою. Въ Венсенѣ отливаются 650 пушекъ новой системы, такъ называемыхъ наръзныхъ орудій, столько же превосходящихъ обыкновенныя пушки, какъ штурцеръ простое ружье. Главная дѣятельность Англіи состоитъ въ дипломатическихъ переговорахъ для предотвращенія войны; но и Англія сильно вооружается. Болѣе всего старается она, конечно, объ усиленіи флота и укрѣпленіи своихъ береговъ. Но и для сухопутныхъ наступательныхъ дѣйствій она готовитъ средства. Довольно сказать, что, кромѣ всѣхъ другихъ, простыхъ и наръзныхъ орудій,

она приготовляетъ 200 эрмстронговыхъ пушекъ, которыя изобрѣтены, можно сказать, на-дняхъ и несравненно выше обыкновенныхъ наръзныхъ пушекъ, извѣстныхъ на континентѣ ¹⁾).

Приготовленія къ войнѣ уже требуютъ займовъ во всѣхъ четырехъ государствахъ, приготовляющихся къ борьбѣ. Говорятъ, что англійское правительство едѣлаетъ заемъ въ 10 или 12 милліоновъ фунтовъ (65—80 милліоновъ рублей), если вѣроятность войны не исчезнетъ въ скоромъ времени. Но это еще только предположеніе, а французское правительство уже ведетъ переговоры о займѣ въ 750 милліоновъ франковъ (185 милліоновъ рублей). Говорятъ, что оно согласно заключить его (по 3%) по курсу 60 франковъ. Это составило бы уже около 20% потери сравнительно съ курсомъ 31 декабря. Но Англія и Франція въ войнѣ богаты, онѣ еще только думаютъ о займѣ; и Франція, вѣроятно, а Англія, безъ всякаго сомнѣнія, не встрѣтятъ неудачи въ полученіи нужныхъ имъ денегъ. Австрія и Сардинія бѣднѣе; обѣ онѣ уже теперь заключили займы, и Австрія, нѣсколькими днями предупредившая свою итальянскую соперницу, уже потерпѣла рѣшительную неудачу, которая навѣрное ждетъ и Сардинію. Заемъ былъ заключенъ съ фирмою лондонскаго Ротшильда и долженъ былъ производиться на лондонской биржѣ. Еще 3 января австрійскіе 5-процентные фонды стояли на 9¹/₄; заемъ объявленный въ началѣ февраля былъ неогцированъ уже только по 80, да и по атому курсу не пошелъ. Несмотря на отсрочку въ подпискѣ, она не достигла предположенной цифры 6.000.000 фунтовъ (38 милліоновъ руб. сер.), — говорятъ, будто вся подписка не простирается выше 1¹/₂ милліона фунтовъ; операція вѣроятно кончится большими убытками для Ротшильда. А если бы заемъ пошелъ, Австрія готовилась заключить еще новый заемъ на 4.000.000 фунтовъ. Сардинскій заемъ (2 милліона фунтовъ), также заключаемый въ Лондонѣ, еще не былъ объявленъ на биржѣ до того числа, за которое мы теперь имѣемъ извѣстія; но по всей вѣроятности его ждетъ участь столь же горькая. Сардинскіе фонды на лондонской биржѣ падаютъ съ новаго года еще сильнѣе австрійскихъ.

Въ этой трудности получать деньги на веденіе войны находится одно

¹⁾ По опытамъ, какіе произведены были въ послѣднее время въ Англіи, эрмстронга пушка имѣетъ изумительную вѣрность и дальность выстрѣла: она бьетъ съ такою же точностью прицѣла, какъ штуцеръ. Въ мишень 9 дюймовъ въ квадратъ, на дистанціи 450 сажень, она попадаетъ третьимъ ядромъ. Лафетъ ея устроенъ такъ, что послѣ выстрѣла она сама собой приходитъ въ прежнее положеніе, такъ что вовсе неводить ее не нужно, — второй выстрѣлъ безъ прицѣливанія бьетъ въ тоже самое мѣсто, какъ первый. Вѣрный прицѣлъ простирается на разстояніе 5 верстъ. Полная дальность выстрѣла простирается до 8 верстъ. Эти данныя относятся къ пушкѣ 12 фунтоваго калибра. Но заряжается она не ядрами, а изогнутыми кусками желѣза, такъ что при 12-фунтовомъ калибрѣ вѣсъ ея ядра простирается до 2 пудовъ. Очень вѣроятно, что въ описаніи достоинствъ ея преувеличеніе; но что дѣйствительно она даетъ результаты далеко не чуждые для обыкновенныхъ наръзныхъ орудій, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Робство ея содержится въ тайнѣ: извѣстно только, что она построена совершенно не по той формѣ, какъ нынѣшнія простыя или наръзные орудія, и видимо не походитъ не на пушку, какія мы знаемъ, а на гигантское ружье. Если вѣрливо, что послѣ выстрѣла и слѣдующаго за нимъ отката она приводится въ механизмъ своего лафета въ прежнее положеніе, такъ что не нужно ее вѣдывать вновь, это одно преимущество могло бы сдѣлать ее опаснѣе передъ не только простыми пушками, но и наръзными орудіями другихъ системъ.

изъ ручательствъ сохраненія мира, выставляемыхъ людьми не хотящими вѣрять въ войну. Къ сожалѣнію, деньги для начатія войны всегда умѣютъ находить, какъ бы трудно ни казалось это. Будутъ, пожалуй, дѣлать 5-процентные займы по курсу 50% или еще ниже, а все-таки начать войну, если захотятъ. Вѣдь и по условіямъ нынѣшняго займа Австрія, записывая въ капиталъ долга 6 милліоновъ фунтовъ, должна была получить только 4 милліона, — иначе сказать; соглашалась давать $7\frac{1}{2}\%$ — это не остановило ее, — будутъ платить и по 10%, за этимъ дѣло не станетъ.

Другую надежду на сохраненіе мира выставляются переговоры, которые ведетъ Англія съ враждующими державами. Въ какомъ положеніи находится оныя теперь? Публика знаетъ далеко не все, что есть, предполагаетъ многое, чего нѣтъ, и можетъ ручаться за совершенную достовѣрность только очень немногихъ свѣдѣній изъ числа тѣхъ, которыя доходятъ до нея. Но сколько извѣстно, дипломатическое положеніе вопроса около 15 февраля новаго стиля было слѣдующее: англійское министерство говорить, что оно получило отъ Австріи обѣщаніе не начинать войны, отъ Франціи обѣщаніе не помогать Піемонту, если оныя начнетъ войну. Извѣстно, впрочемъ, что въ политикѣ каждый день являются непредвидѣнные случаи, изъ которыхъ каждымъ можно воспользоваться, чтобы не нарушая обѣщанія, сдѣлать не то, чего не хотѣлъ бы, а то, чего хочешь. Нападеніе можетъ быть сдѣлано такъ, что его легко будетъ выставять вовсе не нападеніемъ, а только обороною. Для объявленія войны всегда можетъ быть найдено предлогъ, не входившій въ число случаевъ, относительно которыхъ было дано обѣщаніе. Кто бы напримѣръ могъ ожидать, что вмѣсто ломбардо-венеціанскихъ областей поводомъ къ разрыву будутъ выставлены сербскія дѣла или состояніе Папской Области? Сербскія дѣла теперь сошли съ дипломатической сцены; въ какомъ же положеніи находится вопросъ о занятіи иностранными войсками Папской Области? Лондонскій кабинетъ посылалъ въ Парижъ, въ Вѣну и въ Туринъ ноты, убѣждавшія къ сохраненію мира. Говорятъ, что Англія объявляла Сардиніи свое намѣреніе поддерживать Австрію въ случаѣ войны; говорятъ, что графъ Кавуръ отвѣчалъ объявленіемъ невозможности для Сардиніи измѣнить свою прежнюю политику. Говорятъ, что вѣнскій дворъ, напротивъ того, отвѣчалъ выраженіемъ готовности вывести изъ легатствъ австрійскія войска, если того захочетъ Франція. Этотъ отвѣтъ говорятъ, былъ сообщенъ изъ Лондона въ Парижъ; но какъ приняла его Франція, еще неизвѣстно въ ту минуту, когда мы пишемъ.

Итакъ, будетъ или не будетъ война? Мы уже говорили, что до сихъ поръ достовѣрно знаетъ это только императоръ французовъ, да развѣ еще графъ Кавуръ. Но говорятъ многое многіе. Англичане не хотятъ увѣрить себя, что войны не будетъ. Въ Сардиніи почти всѣ увѣрены, что война будетъ. Въ Германіи и Австріи половина людей, посвященныхъ въ тайны большаго другихъ, полагаетъ, что Франція запугана австрійско-нѣмецкими силами; другая половина говоритъ, что Франція медлитъ начатіемъ войны только благодаря вліянію Англіи, но недолго будетъ медлить. Въ самой Франціи большинство дипломатическихъ людей утверждаетъ, что война отсрочена, — до мая мѣсяца, по словамъ однихъ, чтобы докончить вооруженія, — до конца ны-

нѣшняго года, по словамъ другихъ, чтобы пріобрѣсти болѣе союзниковъ, дожидаться измѣненія англійской политики въ пользу войны, и въ томъ же смыслѣ переработать общественное мнѣніе во Франціи. Но почти всѣ прибавляютъ, что этою отсрочкою неуменшается неизбежность войны, вытекающая изъ необходимости отвлечь французскую мысль отъ внутреннихъ дѣлъ.

Эта цѣль оченъ удачно достигается. Напрасно стали бы мы искать во французскихъ газетахъ пывѣшняго года того живого вниманія къ внутреннимъ вопросамъ, которое съ половины прошлаго года, каждый мѣсяць, каждую недѣлю, все сильнѣе и сильнѣе выражалось журналистикою. Все вниманіе общества поглощено теперь итальянскимъ вопросомъ; внутреннія дѣла забыты.

И не только на Францію произвелъ такое дѣйствіе приготовленія къ войнѣ. И въ другихъ государствахъ Западной Европы этотъ вопросъ внѣшней политики сталъ на первый планъ, больше или меньше развлекъ общественное вниманіе и ослабилъ развитіе заботъ о внутреннихъ улучшеніяхъ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы говорили, какъ непріятна старымъ аристократическимъ партіямъ Англій парламентская реформа, которая послужитъ къ успѣху въ парламентѣ людей, желающихъ вывести правительство изъ-подъ устарѣвшей опеки нобльменовъ. Мы говорили, что особенно непріятна реформа для тори, которыхъ ослабитъ она и скорѣе, и гораздо въ большей степени, нежели виговъ. Лордъ Дерби и мистеръ Д'Израэли вздумали-было воспользоваться слухами о войнѣ, чтобы замѣять непріятный внутренний вопросъ. Хорошимъ ли расчетомъ для нихъ самихъ было бы это, мы увидимъ ниже. Но уловка не удалась, потому что виги иначе поняли шансы, представляемые отсрочкой, и для общей пользы, и своей, и своихъ старинныхъ противниковъ тори, поддержали требованія реформеровъ не откладывать дѣло въ долгій ящикъ. Однако же лорду Дерби, — вездѣ, гдѣ мы будемъ писать по принятому правилу „лордъ Дерби“, читатель долженъ понимать „мистеръ Д'Израэли“, потому что Д'Израэли истинный руководитель министерства, въ которомъ номинальнымъ главою считается лордъ Дерби, — удалось сдѣлать проволочку на цѣлыя двѣ недѣли, и вмѣсто того, что бы пренія о реформѣ могли бы начаться около 15 февраля (новаго стиля), теперь первое чтеніе билля, составленнаго правительствомъ, будетъ происходить 28 февраля. Такимъ образомъ въ настоящую минуту на сценѣ остается еще одна партія реформеровъ; она одна дѣйствуетъ, какъ одна дѣйствовала въ три предыдущіе мѣсяца, и наши извѣстія о ходѣ реформеннаго вопроса будутъ служить только продолженіемъ извѣстій, какія мы имѣли уже въ прошломъ мѣсяцѣ. Главнымъ лицомъ остается еще Брайтъ.

Читатель знаетъ, что живое движеніе реформенному дѣлу придалъ онъ съ ю рѣчью на Бирмингемскомъ митингѣ, за которымъ, до конца прошлаго года, слѣдовало нѣсколько другихъ огромныхъ митинговъ въ большихъ городахъ Англій и Шотландіи. Осенью прошлаго года старыя партіи никакъ не предполагали, чтобы вопросъ началъ припимать формы болѣе широкія, нежели какия хотѣли бы ограничить его нобльмены. Ихъ озлобленіе противъ человека, котораго считали они главнымъ виновникомъ такой бѣды, было безмѣрно; оно выразилось свирѣпыми нападеніями на Брайта отъ большей части изъ большого формата, т. е. главныхъ газетъ. Надобно сказать въ объя-

сненіе дѣла нѣсколько словъ о характерѣ большихъ англійскихъ газетъ, относительно которыхъ обыкновенно говорится у насъ, какъ и на всемъ европейскомъ континентѣ, много фальшиваго.

Обыкновенно думаютъ, что англійскія газеты всѣ, за исключеніемъ развѣ немногихъ ультракоріейскихъ, очень либеральны. Оно, если хотите, отчасти и такъ, если сравнивать ихъ съ баварскими, неаполитанскими и т. п. Тоже отчасти справедливо во мнѣніи и по ихъ отношенію къ вопросамъ, занимающимъ нынѣ Пруссію или Францію, гдѣ рѣчь идетъ объ упроченіи или введеніи такихъ учрежденій, которыя давно уже стали въ Англіи дѣломъ столь же непоколебимымъ, какъ напримѣръ, у насъ цивилизованный обычай дѣлать визиты на новый годъ и на пасху. Какъ у насъ не найдется не только журнала или газеты, но не найдется ни одного отдѣльнаго писателя, ни даже какого бы то ни было человѣка, который бы сталъ отвергать законность и пользу нынѣшняго правила не держать женщинъ въ заперти, а допускать ихъ въ общество мужчинъ, такъ въ Англіи никто не говоритъ противъ печатнаго обсужденія всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ вопросовъ, противъ представительной формы, противъ митинговъ по общественнымъ дѣламъ. Мы хотимъ сказать, что по нѣкоторымъ вопросамъ англичане настолько же ушли впередъ противъ континента Западной Европы, насколько мы ушли впередъ отъ почтенныхъ людей, спорившихъ при Петрѣ Великомъ о томъ, доволительно ли женщинѣ показываться на глаза имъ, добрымъ людямъ. Эти дѣла, въ которыхъ Англія опередила континентальную Европу, очень важны, въ томъ нѣтъ спора. Но допущеніе женщины въ общество также дѣло очень важное. Однако же никто не станетъ утверждать, чтобы мы уже достигли совершенства и отдѣлились отъ всѣхъ вопросовъ, замѣнивъ трешака, танцовавшагося мужчинами въ-одиночку, кадрилиемъ, въ которомъ участвуютъ дамы; такъ точно и англичане, при всей прочности своихъ важныхъ пріобрѣтеній, еще далеко не достигли совершенства въ общественномъ устройствѣ, и есть въ ихъ жизни много чрезвычайно важныхъ вопросовъ, еще не получившихъ удовлетворительнаго рѣшенія. Относительно этихъ вопросовъ большая часть главныхъ англійскихъ газетъ, — вовсе не либеральны. За примѣрами далеко ходить нечего, ихъ можно взять изъ дѣла о парламентской реформѣ. На континентѣ Европы каждый знаетъ, что необходимою принадлежностью выборовъ должна быть баллотировка, что безъ нея чрезвычайно многіе люди станутъ подавать голосъ по уклончивымъ соображеніямъ, въ противность собственному убѣжденію, и стало быть выборъ останется болѣе или менѣе пустою формальностью. Въ Англіи изъ десяти или двѣнадцати большихъ газетъ только — три (Morning Star органъ Брайта, Morning Advertiser, органъ радикаловъ, и Daily News, органъ болѣе умѣреннаго отдѣла рефермеровъ) соглашаются на баллотировку; а изъ трехъ главныхъ политическихъ журналовъ (Quarterly Review, органъ тори, Edinburgh Review, органъ виговъ, и Westminster Review, органъ либераловъ, склоняющихся къ радикализму), ни одинъ не принимаетъ ея. Точно также, какой бы цензъ ни считалъ наилучшимъ кто нибудь изъ насъ, жителей континента, все-таки каждый понимаетъ, что если въ одномъ округѣ избирателей одна тысяча, а въ другомъ десять тысячъ, и населенія второго округа имѣетъ въ десять разъ больше перваго, то второй округъ долженъ

выбирать десять депутатовъ, а первый только одного. И тутъ опять изъ большихъ газетъ согласны на такую простую истину только тѣ же три, и изъ трехъ журналовъ только одинъ (Westminster Review). А на европейскомъ континентѣ никто не отвергаетъ ни баллотировки на выборахъ, ни пропорціональности числа депутатовъ съ числомъ избирателей и жителей.

Отчего же происходитъ такая странная нелѣпица во взглядѣ большинства англійскихъ газетъ на вопросы, повидимому, очень простые? Тутъ двѣ главныя причины. Во-первыхъ, англійскія учрежденія сложились такъ давно, что многое въ нихъ отъ измѣненія обстоятельствъ утратило смыслъ, а между тѣмъ вошло въ рутину. Отъ рутины, какъ извѣстно, очень трудно отказаться. Напримѣръ, подача голосовъ на выборахъ, черезъ записываніе именъ въ реестръ, ведетъ свое начало изъ тѣхъ временъ, когда баллотировки не знали. За неизмѣнимъ этого лучшаго средства, ничего нельзя было сказать противъ выборовъ черезъ записку именъ. Теперь лучшее отвергается потому, что привыкли къ прежнему хорошему, образовавшемуся въ дурное съ теченіемъ времени. Англичане во многихъ случаяхъ похожи на человѣка, которому трудно понять, что шуртъ и поведѣльникъ надобно писать маленькой буквой, потому что онъ учился грамматикѣ еще въ тѣ времена, когда она велѣла писать эти слова большой буквой. Попробуйте растолковать такому господину, что онъ дѣлаетъ ошибку противъ ореографии. „Нѣтъ, говорить онъ, я твердо знаю грамматяку“. Въ томъ-то и бѣда, что грамматика съ той поры во многомъ исправилась.

Другая причина та, что почти всѣ англійскія газеты находятся въ зависимости отъ старыхъ партій, которыя въ свое время были хороши, а теперь обветшали. И газеты эти въ свое время были либеральныя, а теперь оказываются очень отсталыми, и главное—по необходимости враждебными всему, что грозитъ опасностью для старыхъ партій. Это случай совершенно въ томъ родѣ, какъ если бы до сихъ поръ продолжалъ существовать покойный Подшиваловъ и до сихъ поръ продолжалъ издавать свой, прекрасный по тогдашнему времени, журналъ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“, лучшимъ украшеніемъ котораго были стихи Хераскова.

Отчего же газеты съ отсталыми мнѣніями держатся такъ крѣпко? Причинъ на это много. Укажемъ только одну: власть до сихъ поръ была исключительно въ рукахъ старыхъ партій. Чего ищетъ читатель въ газетѣ? Ищетъ извѣстія о политическихъ новостяхъ и о намѣреніяхъ правительства или сильныхъ государственныхъ людей. Само собою разумѣется, всѣ эти свѣдѣнія вѣрныя и полныя всего получаютъ тѣмъ газетами, которыя служатъ органами для сильныхъ парламентскихъ партій, попеременно имѣющихъ власть. Притомъ до послѣдняго времени, до уничтоженія штемпеля, въ нихъ почти не было возможности являться новымъ газетамъ.

Но все это мы говоримъ въ объясненіе факта, почему большинство англійскихъ газетъ значительнаго объема держится очень отсталыхъ мнѣній; а собственно говоря, намъ нужно было указать только этотъ фактъ. Мы не думаемъ умащать достоинствъ англійскихъ газетъ: свѣжестью, подробностью и полнотой своихъ извѣстій, точностью и добросовѣстностью въ изложеніи фактовъ, просторомъ, какой даютъ онѣ всякому постороннему замѣчанію на свои

сужденія въ своихъ же столбцахъ, а главное прямою языкомъ онѣ возмущаются надъ континентальными газетами неизмѣримо. Даже въ лучшія времена французской журналистики, французскія газеты не равнялись въ этихъ качествахъ съ англійскими. Но мы теперь говоримъ только о широтѣ и свѣжести ихъ взгляда на тѣ вопросы, которые выходятъ изъ круга англійской рутины. Тутъ въ огромномъ большинствѣ ихъ не ищите ясности взгляда: обо всемъ томъ; что еще не принято въ англійскую рутину, изъ десяти газетъ восемь навѣрное держатся такихъ мнѣній, которыя даже въ Россіи каждый образованный человѣкъ называетъ отсталыми.

По этой отсталости, а главное по принадлежности большинства англійскихъ газетъ къ старымъ партіямъ, читатель можетъ предположить, съ какимъ ожесточеніемъ напали онѣ на Брайта, придавашаго сильное движеніе дѣлу, подрывающему прежнее исключительное владѣтельство нобльменовъ надъ государственною жизнью. Люди рутины никогда не затрудняются выборомъ обвиненій противъ человѣка, каждагося вреднымъ для рутины: эти обвиненія готовы къ употребленію для всякаго желающаго, по всевозможнымъ дѣламъ: со временъ Будды Шакьямуни всѣ люди, желавшіе улучшеній въ общественной жизни, подвергались обвиненіямъ въ сумасбродныхъ замыслахъ, въ утопизмѣ, въ возстановленіи сословія противъ сословія, въ намѣреніи ниспровергнуть отечественные законы, въ недостаткѣ любви къ отечеству. въ униженіи отечества передъ чужими землями, въ желаніи уничтожить собственность, въ разрушеніи общественнаго спокойствія, въ стремленіи подвергнуть родину смутамъ, мятежамъ и такъ далѣе. Разумѣется, къ Брайту прямо были приложены всѣ эти готовые прикрасы. Мы приведемъ на выдержку нѣсколько милыхъ выраженій изъ Times'a, сильнѣйшей англійской газеты, которая, надобно замѣтить, очень нерасположена къ тори, слѣдовательно, еще не такъ горячится, какъ многія другія изъ значительныхъ газетъ. У насъ подъ руками Times съ начала нынѣшняго года. Беремъ же первый номеръ и прямо попадаемъ на статью, выражающую такимъ манеромъ: „Демагогъ (т. е. Брайтъ), стремящійся разрушить основанія конституціи“; „его лживыя и возмутительныя пасквильныя рѣчи“; „Бирмингемскій демагогъ“; „мистеръ Брайтъ, принципами котораго мы гнушаемся“; „его легкомысленныя клеветы направлены противъ всей собственности и образованности нашего отечества“ (а кстати, о собственности, надобно замѣтить, что Брайтъ очень богатый человѣкъ); „принципы, имъ высказанные—принципы человѣка, стремящагося низвергнуть все зданіе политическаго общества. Ученіе, имъ проповѣдуемое, то самое ученіе, которое по исторіи и опыту оказалось разрушительнымъ для собственности, свободы и порядка“; „онъ извращаетъ мысли своихъ слушателей ложью и разжигаетъ страсти ихъ реторикою“; „онъ лицемерно называетъ себя защитникомъ простолюдиновъ, изрыгая площадныя пошлости“; „онъ говоритъ съ чернью, на невѣжество которой рассчитываетъ“; „эти дерзкія и злонамѣренныя лжи возбудили негодованіе и отвращеніе по всей Англіи, въ разсудительныхъ людяхъ всѣхъ сословій, отъ низшаго до высшаго“; „должно противиться дѣйствію яда, стоить безчестно изливася“; „гнуснѣйшее плутовство, плутовство демагога, который похищаетъ у людей смыслъ, становясь сводникомъ для страстей“; „эго

возмутительная ложь"; „дѣло свободы подрывается, истина грубо насилуется, справедливость постыдно оскорбляется“. Эти любезные отзывы всё набраны нами съ одного только столбца Times'a, а столбцовъ на страницѣ этой газеты цѣлыхъ шесть, а страницъ въ каждомъ номерѣ газеты восемь, — сколько же пріятностей о Брайтѣ могло помѣститься въ одномъ номерѣ этой газеты?

Какъ должны быть переносимы такіа оскорбленія, и чѣмъ могутъ быть опровергнуты такіа обвиненія, это скажетъ намъ Кобденъ въ письмѣ, которымъ передъ отъѣздомъ въ Америку выражаетъ совершенное свое согласіе съ биллемъ Брайта:

«Наблюдая изъ моего уединенія за ходомъ дѣла, предпринятаго мастеромъ Брайтомъ, я пораженъ сходствомъ испытанія, которому онъ подвергается, съ тѣмъ, которому подвергался я въ первыя времена Лига для отиженія хлѣбныхъ законовъ; то же самое искаженіе и побужденія и словъ, тотъ же самый лицемерный ужасъ относительно судьбы, какую готовить онъ монархической власти, церкви, аристократіи и собственности. Я терпѣлъ все это, какъ терпѣть теперь онъ; и если онъ будетъ твердо вѣсти своимъ путемъ нѣсколько лѣтъ, пона его проектъ, въ главныхъ своихъ основаніяхъ, станетъ закономъ, — въ чемъ нельзя сомнѣваться, — тогда онъ испытаетъ, какъ и я испыталъ, болѣе пріятную сторону своего дѣла. Когда каждый увидитъ, что вѣсто всѣхъ предсказываемыхъ бѣдствій изъ его реформы прістенается только увеличеніе безопасности, довольства и благосостоянія, тогда онъ найдетъ, что изъ десяти человекъ, выражающихъ нынѣ величайшій ужасъ къ нему, девятiero накерерывъ побѣгутъ поздравлять его съ успѣхомъ его дѣла. Мало того, — пожмиз ему руку, они станутъ утверждать, что всегда были согласны съ нимъ въ принятомъ, и жалѣть только о томъ, что съ самаго начала они и онъ не поняли другъ друга. Эти двѣ полосы бывають въ судьбѣ всѣхъ труженниковъ политическаго прогресса, и намъ другъ имѣетъ такъ много омытности подобаго рода, что во будетъ ни удивленъ, ни егорчъ къ тѣмъ, что происходятъ нынѣ».

За что однако такіа сильныя выраженія ужаса и ненависти? Чего требуетъ партія реформеровъ черезъ билль, предлагаемый Брайтомъ?

Послѣ нѣсколькихъ митинговъ, имѣвшихъ цѣлью поднять вопросъ, Брайтъ въ концѣ прошлаго года удалился на нѣсколько недѣль въ свой кабинетъ, чтобы въ совѣщаніяхъ съ другими главными людьми реформерской партіи приготовить билль для предложенія парламенту. Это дѣло многосложное, требующее статистическихъ и этнографическихъ изслѣдованій. Когда билль былъ готовъ, Брайтъ объявилъ, что явится на митингъ въ Бредфордѣ 17-го января, чтобы изложить главныя основанія своего проекта. Въ приложеніи къ этой статьѣ мы помѣщаемъ обширное извлеченіе изъ бредфордской рѣчи, потому что она очень важна, показывая границы желаній, кажущихся для настоящаго времени практичными главнымъ людямъ той парламентской партіи, которая стремится къ реформѣ. Притомъ бредфордская рѣчь очень полно излагаетъ смыслъ всѣхъ тѣхъ подробностей вопроса, которая мало извѣстна намъ, жителямъ континента; она интересна и потому, что можетъ служить образцомъ краснорѣчія, которымъ прославился и Брайтъ. Самые замѣтные качества этого оратора, наряду съ которыми Англіи нынѣ можно поставить только Гледстона, ясность и простота. Предоставляемъ читателю познакомиться съ подробностями билля изъ рѣчи самого райта; здѣсь мы только укажемъ главныя черты его проекта.

Билль составленъ въ духѣ гораздо болѣе умѣренномъ, нежели какъ

можно было ожидать. Брайтъ въ опредѣленіи ценса и въ опредѣленіи нормы, ниже которой города должны потерять право имѣть особенныхъ депутатовъ, не хотѣлъ идти далѣе тѣхъ мнѣній, которыя приняты даже многими вигами. Но гораздо важнѣе, нежели пониженіе ценса кажется ему введеніе баллотировки вмѣсто открытой подачи голосовъ, и способъ распредѣленія между городами и графствами тѣхъ депутатовъ, которыхъ предполагается овъ взять у слишкомъ маленькихъ городовъ. Въ этомъ онъ совершенно правъ: безъ баллотировки избиратели не будутъ самостоятельны; а если депутаты, взятые у маленькихъ городовъ, будутъ переданы графствамъ, то большіе города не получатъ надлежащаго участія въ составленіи Палаты Общинъ, и большинство депутатовъ по прежнему останется въ зависимости отъ нѣсколькихъ землевладѣльцевъ. Брайтъ предлагаетъ взять депутатовъ у городовъ, имѣющихъ менѣе 8.000 населенія, и оставить только по одному депутату городамъ, имѣющимъ отъ 8.000 до 16.000 населенія. Такимъ образомъ очищается 130 депутатскихъ мѣстъ. Изъ нихъ 104 предлагаетъ Брайтъ раздать большимъ городамъ, которые до сихъ поръ имѣли слишкомъ мало представителей. Самые большіе города (Манчестеръ, Ливерпуль, Глазго и два изъ избирательныхъ округовъ Лондона, Финсбери и Мерильбонъ), имѣвшіе въ 1851 году, когда производилось послѣднее перечисленіе, каждый болѣе 316.000 населенія, а теперь имѣющіе каждый болѣе 400.000, получаютъ по 6 депутатовъ (до сихъ поръ они имѣли только по два, наравнѣ съ какимъ нибудь Гопитопомъ, имѣющимъ менѣе 3.500 жителей). Другіе большіе города получаютъ также соразмѣрное своему населенію увеличеніе представителей; напримѣръ, Бирмингемъ (232.000 жителей) долженъ имѣть четырехъ депутатовъ. Остальные 26 изъ освобождающихся депутатскихъ мѣстъ раздаются графствамъ, имѣющимъ наибольшее число жителей. Такимъ образомъ участіе въ составленіи парламента значительно уравнивается между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, впрочемъ такъ, что нѣкоторая выгода все-таки остается на сторонѣ сельскаго населенія, то есть большимъ землевладѣльцамъ подѣ влияніемъ которыхъ находятся фермеры и ихъ работники, все еще остается слишкомъ большое вліяніе на составъ Палаты Общинъ. Сельское населеніе будетъ имѣть по одному депутату отъ 55.000 человекъ, а 17 большихъ городовъ, взятые вмѣстѣ, будутъ имѣть по одному депутату на 62.000. Мы видимъ, что Брайтъ не вводитъ въ свой билль требованій той совершенной пропорціональности числа депутатовъ съ числомъ населенія, какая принята всѣми конституціонными государствами на континентѣ, принята въ Соединенныхъ Штатахъ, произошедшихъ отъ Англіи, и въ Австраліи, остающейся англійскою колоніею. Онъ довольствуется пока тѣмъ, что отстраняетъ слишкомъ нелѣпныя крайности въ прежнемъ распредѣленіи, совершенно не соотвѣтствовавшемъ числу жителей въ избирательныхъ округахъ.

Точно также онъ не требуетъ въ настоящее время, чтобы каждому взрослому человѣку давъ былъ голосъ (manhood suffrage), какъ это принято въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Австраліи, хотя въ теоріи признаетъ это справедливымъ. Онъ предлагаетъ только дать голосъ всѣмъ тѣмъ людямъ, которые живутъ собственнымъ хозяйствомъ и не получаютъ пособія изъ по-

дати въ пользу бѣдныхъ (household suffrage); а всѣ такіе люди участвуютъ, соразмѣрно своему состоянію, въ платежѣ подати для бѣдныхъ; потому Брайтъ требуетъ, чтобы данъ былъ голосъ всѣмъ внесеннымъ въ списки лицъ, платящихъ эту подать (rating suffrage). То или другое основаніе будетъ принято, все равно, потому что почти нѣтъ людей, которые стояли бы не въ одинаковомъ отношеніи къ тому и другому основанію избирательнаго права. Принять второе основаніе (голосъ по подати) кажется Брайту болѣе удобнымъ на практикѣ, потому что податные списки уже готовы и провѣрять ихъ легче, нежели вновь составить и провѣрять списки по первому основанію. Но если голосъ по хозяйству покажется націи и парламенту лучшимъ основаніемъ, нижели голосъ по подати, Брайтъ не имѣетъ противъ этого никакихъ возраженій. Принимая голосъ по хозяйству или по подати вмѣсто голоса по совершеннолѣтію, Брайтъ дѣлаетъ чрезвычайную уступку вигамъ и тори. Онъ простираетъ свою уступчивость къ предразсудкамъ старыхъ партій до того, что и голосъ по хозяйству или подати требуются имъ только для городовъ. Въ деревняхъ земледѣльческіе работники развиты меньше городскихъ и менѣе настоятельны въ своихъ требованіяхъ; потому Брайтъ находитъ, что духъ сельскаго населенія допускаетъ сдѣлать старымъ партіямъ еще большую уступку и предлагаетъ для деревень квартирный ценсъ въ 10 фунтовъ. (До сихъ поръ въ городахъ былъ квартирный ценсъ въ 10 фунтовъ, а въ деревняхъ въ 50 фунтовъ, то есть получалъ голосъ въ городахъ только тотъ, кто занималъ квартиру цѣною не менѣе 10 фунтовъ въ годъ; мы говорили въ прошлый мѣсяцъ, что такимъ ценсомъ исключались отъ выборовъ всѣ простолюдины).

Такія умѣренные основанія на первую минуту изумили людей старыхъ партій. Самъ Times, сильнѣйшій противникъ Брайта, не могъ на первый разъ удержаться отъ похвалы ему за практичность и умѣренность, и объявлялъ, что отвергать основаній Брайтова билля нельзя, а можно только спорить съ его подробностями для ихъ исправленія.

Но чувство, особенно чувство признательности или довольства умѣренностью противника, проходитъ скоро. Дня черезъ два газеты старыхъ партій снова поднялись противъ Брайта; сильная брань на него продолжается до сихъ поръ и конечно будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока партія реформеровъ усилится въ парламентѣ на столько, что составитъ билль съ гораздо меньшими уступками старымъ партіямъ. Тогда конечно виги и тори заговорятъ: „вотъ, Бредфордскій билль Брайта былъ хорошъ и мы съ удовольствіемъ его принимаемъ; а нынѣ Брайтъ (или кто другой, если кто другой станетъ вмѣсто его предводителемъ реформеровъ) требуетъ ужасныхъ и гнусныхъ вещей: хочетъ погубить свободу, водворить въ Англіи мятежи“ и т. п. и т. д., по тому самому списку прикрасъ, который мы извлекли изъ перваго нумера Times'а за нынѣшній годъ, и который изготовленъ искони вѣковъ для примѣненія къ каждому человѣку, желающему улучшеній.

Но возобновившаяся брань далеко уже не такъ свирѣпа, какъ та, которая раздавалась до Бредфордскаго митинга, и съ каждою недѣлею газеты старыхъ партій дѣлаютъ новыя уступки, хотя, разумѣется, гомеопатическими дозами. Да и нельзя не дѣлать Брайтову биллю нѣкоторыхъ уступекъ. Онъ дѣйствительно гораздо умѣреннѣе, нежели ожидали старыя партіи. Это одно.

Другое обстоятельство состоитъ въ томъ, что агитація въ пользу реформы быстро растетъ: недаромъ Брайтъ въ концѣ Бредфордской рѣчи говорилъ націи о необходимости поддерживать вопросъ о реформѣ; каждый день собирается по разнымъ городамъ Англіи и Шотландіи нѣсколько большихъ митинговъ, и всѣ они принимаютъ сильныя рѣшенія, выражающія согласіе съ основаніями, принятыми для реформы Брайтомъ. На дняхъ агитація перешла и въ Ирландію; а на восточномъ островѣ достигла уже очень значительныхъ размѣровъ. Третье обстоятельство, самое важное для удовлетворительнаго рѣшенія дѣла парламентомъ, заключается въ томъ, что выступаютъ на сцену тѣ отдѣлы реформерской партіи, которые идутъ гораздо далѣе Брайта, если не въ теоріи, то въ сужденіи о границѣ практическихъ требованій, осуществимыхъ въ настоящее время. Они говорятъ, что основанія Брайтова были слишкомъ узки, что напрасно онъ сдѣлалъ такія большія уступки старымъ партіямъ. Въ приложеніи къ этому обзору мы помѣщаемъ отчетъ объ одномъ изъ такихъ митинговъ; онъ состоялъ изъ хартистовъ и главнымъ ораторомъ былъ Эрнестъ Джонсъ, знаменитый хартистскій агитаторъ. Митингъ происходилъ въ знаменитой Гильдейской Залѣ Лондонской Ратуши, — въ той залѣ, гдѣ происходить торжественнѣйшія церемоніи административной жизни города Лондона; гдѣ дается лордомъ мэромъ годичный обѣдъ министерству при окончаніи парламентской сессіи; гдѣ лордъ-мэръ принимаетъ королеву, когда, пріѣзжаетъ засвидѣтельствовать свое уваженіе хозяину своей столицы. Самъ лордъ-мэръ, хотя разумѣется вовсе не хартистъ, почелъ обязанностью председательствовать на митингѣ. Кстати, вотъ за это нельзя не отдать чести всѣмъ англичанамъ, въ томъ числѣ и англичанамъ старыхъ партій. До сихъ поръ читатели слышали насъ говорящими только о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ англійской общественной жизни. Мы не спѣшили хвалить ее, потому что отъ похвалъ ей никакъ не уйдешь, сколько ни брани ее. Подумаемъ хоть бы объ этомъ митингѣ. Собираются люди такого сословія, что большинство ихъ, по выраженію переведеннаго нами отчета, „очевидно не принадлежитъ къ числу избирателей“, т. е. не занимаетъ, даже въ Лондонѣ, гдѣ квартиры такъ дороги, квартиръ цѣнокъ въ 60 рублей за годъ, или въ 5 рублей за мѣсяцъ. Эти люди собираются выразить свое согласіе на такія мѣрныя, которыхъ не раздѣляетъ даже Брайтъ, — а что за человаѣкъ Брайтъ, видимъ по аттестату, выписанному у насъ изъ Times'a. Но эти люди — граждане города Лондона, и потому городское управленіе предлагаетъ ихъ собранію великолѣпную залу торжественныхъ церемоній, и глава городского управленія, великій сановникъ, уступающій въ оффиціальной важности развѣ тремъ — четыремъ главнѣйшимъ министрамъ, идетъ председательствовать на этотъ митингъ, чтобы блескомъ своего сана придать ему новое значеніе. Зато по окончаніи митинга эти хартисты возтируютъ ему благодарность съ громкими аплодисментами. Такъ вообще держатъ себя власть въ Англіи; за то люди всѣхъ мѣнѣй и желаютъ добра этой власти, и напримѣръ Эрнестъ Джонсъ, который по своимъ убѣжденіямъ въ миллионъ разъ демократичнѣе континентальныхъ мятежниковъ, дѣйствительно не имѣетъ и на умѣ, не только не скажетъ на словахъ, ничего противъ королевы, хоть могъ бы говорить о ней какъ ему угодно; и не только

не имѣть ничего противъ нея, напротивъ готовъ защищать ее въ случаѣ надобности,—врочемъ мы забыли, что случая такого никогда не представится ему, потому что въ Англіи королева не имѣетъ ни одного врага; да и власть ея также.

Въ отчетѣ, который мы перевели, рѣчь Джонса изложена очень неудовлетворительно: слишкомъ коротко, безсвязно и довольно безтолково. Но лучшаго отчета мы не нашли въ газетахъ, бывшихъ у насъ подъ руками, а содержаніе рѣчи казалось намъ довольно важнымъ для читателя, потому что выражаетъ отношеніе хартистовъ къ вопросу о реформѣ. Мы перевели отчетъ цѣликомъ, чтобы познакомить читателя съ формою, въ которой происходятъ митинги.

Партія хартистовъ заключаетъ въ себѣ большинство тѣхъ авглійскихъ простолюдиновъ, которые досрости до политическихъ убѣжденій. Почти не имѣя представителей въ парламентъ, она „за дверями парламента“, какъ говорятъ англичане, считаетъ своихъ членовъ милліонами и составляетъ главную поддержку для реформеровъ, имѣющихъ болѣе умѣренный оттѣнокъ. Только сочувствіе массы выносить на плечахъ черезъ парламентъ каждый важный вопросъ, хотя люди, ведущіе дѣло въ правительственной сферѣ, то есть, если мы говоримъ объ Англіи, въ журналистикѣ и въ парламентѣ, имѣютъ образъ мыслей далеко отстающій отъ желаній массы. Тѣ милліоны, поддержкою отъ которыхъ держатся и двигаютъ впередъ свое дѣло реформеры Палаты Общинъ, требуютъ въ составъ парламента перемѣнъ гораздо большихъ, нежели какія предлагаетъ своимъ биллемъ Брайтъ. До половины января эти люди не выступали на сцену самостоятельнымъ образомъ. Теперь, какъ видимъ, агитация проникла въ глубину народной жизни уже на столько, что объяла эти низменные слои народонаселенія, и явились ораторы, служащіе прямыми выразителями чувствъ простолюдина; они говорятъ, какъ мы видѣли, что билль Брайта грѣшитъ излишнею уступчивостью. Вотъ именно это предъявленіе желаній, идущихъ гораздо дальше, служить для старыхъ партій сильнѣйшимъ побужденіемъ по немногу претворять на милость своей гнѣвъ противъ Брайта.

Главная трудность при составленіи его билля была та, чтобы довести уступки старымъ партіямъ, именно до той границы, на которой прозекъ все еще можетъ пользоваться поддержкою самыхъ крайнихъ отдѣловъ партій, желающей реформы; чтобы, увеличивая отсю уступчивостью число защитниковъ билля въ нынѣшней Палатѣ Общинъ, сохранить ему единогласную поддержку всей массы народа; сдѣлать такъ, чтобы билль пробуждалъ сочувствіе въ массахъ, не пугая самыхъ умѣренныхъ либераловъ въ парламентѣ. Брайтъ умѣлъ сдѣлать это, какъ человѣкъ, имѣющій опытность и талантъ политической тактикѣ. Хартисты, хотя и думаютъ, что слѣдовало бы требовать нынѣ большаго, нежели требуетъ Брайтъ, все-таки объявляютъ, что и поддерживаютъ его; а умѣренность билля пріобрѣтаетъ ему такое сочувствіе въ среднемъ и отчасти высшемъ сословіи, что старая партія принуждена по немногу становиться къ нему снисходительными. Но само собою умѣется, что старая партія все-таки отвергаютъ и отвергнуть билль Брайта.

Да и как не отвергать? При всей своей мягкости, онъ все-таки подрываетъ ихъ могущество.

По словамъ самого Брайта, сущность дѣла состоитъ въ томъ, чтобы почти всѣ депутаты, отнимаемые у маленькихъ городовъ, были переданы большимъ городамъ, потому что только черезъ это установится въ Палатѣ Общинъ нѣкоторое равновѣсіе между числомъ представителей всей огромной массы англійскаго населенія и числомъ депутатовъ, посылаемыхъ въ парламентъ нѣсколькими сотнями лендлордовъ, которые, безусловно владычествуютъ въ Палатѣ Лордовъ, имѣли до сихъ поръ въ своемъ распоряженіи болѣе двухъ третей голосовъ въ Палатѣ Общинъ. Именно на эту часть Брайтова билля и возстаютъ старыя партіи самымъ сильнымъ образомъ. Противъ увеличенія числа избирателей онѣ говорятъ мало, готовы были бы простить Брайту баллотировку, но ни какъ не могутъ примириться съ тѣмъ, что по его биллю число независимыхъ представителей націи въ Палатѣ Общинъ увеличится новыми 104 членами. Тутъ огорченіе старыхъ партій такъ велико, что Times могъ успокоить свое и ихъ негодованіе только составленіемъ своего особеннаго прозекта относительно распредѣленія депутатовъ: Times предлагаетъ очищающіяся депутатскія мѣста раздѣлить между большими городами и графствами почти по ровну. Брайтъ составилъ и обнаружилъ подробныя таблицы своего распредѣленія депутатовъ; противъ этихъ таблицъ Times выставилъ свои таблицы, столь же подробныя, такъ что парламентъ можетъ выбирать тотъ или другой планъ и пользоваться готовою работою Манчестерскаго фабриканта или Лондонской газеты.

О достоинствѣ работы Times'a а мы не будемъ говорить; она скопирована съ Брайтовыхъ таблицъ, которыя только передѣланы сообразно съ выгодами старыхъ партій; но любопытны два обстоятельства. При всей своей досадѣ на желаніе ослабить лендлордовъ, Times самъ беретъ изъ подъ ихъ вліянія очень большое число депутатовъ: изъ очищаемыхъ его таблицами депутатскихъ мѣстъ онъ отдаетъ 53 мѣста большимъ городамъ. Къ чему же служить провлятія противъ нововводителей, когда защитники старины также предлагаютъ нововведенія и въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ нововводители? Вся разница тутъ въ объемѣ нововведенія, т. е. во времени: по Times'у производится ровно половина того, что предлагаетъ Брайтъ, т. е. дѣло придетъ къ тому же, только не въ одинъ, а въ два пріема, т. е. понадобится на достиженіе полнаго результата вдвое больше времени; въ этомъ и вся разница между выигрышемъ и проигрышемъ дѣла партіею реформы. Ея пораженіе—половинная побѣда, съ нѣкоторою отсрочкою полной побѣды; побѣда рутинистовъ—половинное пораженіе съ нѣкоторою отсрочкою полнаго пораженія. Такъ идутъ дѣла на свѣтѣ вездѣ и всегда; къ чему идетъ дѣло, къ тому непременно придетъ: важность лишь въ томъ, на сколько удасть затянуть его.

Надолго ли можно затягивать, это мы увидимъ, когда станемъ говорить о парламентскихъ засѣданіяхъ 3 и 7 февраля.

Но вообще,—надолго ли или не на долго—можно затянуть только одну какую нибудь сторону дѣла, и именно этой затажкой одной стороны подвигается впередъ другая сторона того же дѣла, и невдогадъ бываетъ оста-

навливающему, что онъ самъ ускоряетъ движеніе непріятнаго ему дѣла. Въ чемъ состоитъ цѣль реформеровъ?—въ освобожденіи націи отъ опеки лордсвордовъ. Въ чемъ состоитъ эта опека?—въ томъ, что законы даются черезъ Палату Общинъ старыми партіями. Зависимость законодательства отъ виговъ и тори была до сихъ поръ такъ велика, что ни одинъ важный законъ не составлялся иначе какъ руками предводителя одной или другой изъ старыхъ партій, именно той, которая пользовалась большинствомъ въ парламентѣ и держала своихъ предводителей министрами. Теперь Брайтъ, который ни вигъ и ни тори и которому очень далеко отъ надежды быть министромъ, составляетъ полный прозектъ важнѣйшаго закона. Какая дерзость! По старому обычаю, онъ долженъ былъ только предложить Палатѣ Общинъ, чтобы она выразила въ общихъ фразахъ, что по ея мнѣнію полезно было бы составить прозектъ закона о парламентской реформѣ. Если бы Палата приняла это предложеніе съ согласіемъ министерства, министерство само занялось бы составленіемъ прозекта; если бы Палата приняла предложеніе противъ согласія министровъ, прежнее министерство пало бы, министрами сдѣлались бы предводители другой изъ старыхъ партій, которая поддержала предложеніе противъ своей соперницы. и эти новые министры занялись бы составленіемъ прозекта. Наконецъ, если бы Палата отвергла предложеніе, тѣмъ дѣло и кончилось бы, и прозектъ закона, мысль о которомъ отвергнута, никто не сталъ бы и составлять. Такимъ образомъ во всякомъ случаѣ прозекты важныхъ законовъ составлялись только министрами, т. е. предводителями двухъ старыхъ партій; изъ другихъ людей никто не принимался за это дѣло, потому что было бы напрасно приниматься. Теперь Брайтъ, ни вигъ, ни тори, берется за дѣло, составлявшее привилегію вигистскихъ и торіискихъ предводителей. Старыя партіи и ихъ газеты, и чуть ли не больше всѣхъ газетъ Times, были возмущены такою дерзостью. „Кто такой мистеръ Джонъ Брайтъ? Вѣроятно, это новая фамилія лорда Росселя или лорда Дерби; потому что если подъ именемъ мистера Джона Брайта не надобно разумѣть одного изъ этихъ лордовъ, то напрасно этотъ джентльменъ берется не за свое дѣло“. Неродованіе прекрасное, совершенно соответствующее рутинѣ. Но что же мы видимъ? Раздраженная дерзостью этого „мистера Джона Брайта“, газета Times выставляетъ противъ его прозекта свой прозектъ,—это что значить? Развѣ газета Times лордъ Россель или лордъ Дерби? Развѣ она предводительница одной изъ двухъ парламентскихъ партій?—Нѣтъ, она просто газета, т. е. по рутинному этикету, нѣчто безконечно ничтожнѣйшее, нежели самый плохенькій членъ Палаты Общинъ. Брайтъ все-таки „депутатъ замка Бирмингэма“, все-таки частица официальной законодательной власти, а газета Times, по старому понятію, которая она защищаетъ, просто нуль. Вотъ до чего дошла слава Англія! Газета,—подумайте только, газета,—вѣдь по обычаямъ старыхъ партій не принято выражаться въ парламентѣ о газетахъ иначе, какъ съ изрительнымъ тономъ: „газеты ничего не знаютъ; газеты только спекулируютъ на невѣжество публики; онѣ пишутся только для невѣждъ; кто же въ достопочтенныхъ лордовъ и джентльменовъ вѣрить газетамъ“; и т. д.,—а вотъ это ничтожное для парламента существо—газета—составило законъ требовать, чтобы парламентъ принялъ его! Это ни на что не похоже! Она

вырываетъ изъ рукъ министровъ дѣло, составлявшее исключительную привилегію министровъ. Какая же польза защищать рутину, если защитники нарушаютъ ее еще болѣе рѣзкимъ образомъ, нежели противники? По рутинѣ Брайтъ и Times—ничтожны. Дѣйствительное ихъ могущество огромно. Чего требуетъ Брайтъ? Того, чтобы новымъ интересамъ и силамъ было дано пропорціональное участіе въ законодательствѣ. Times говоритъ: это гнусно и нелѣпо; и самъ, тоже новая сила, хочеть давать законы старымъ партіямъ парламента.

Важѣйшимъ обвиненіемъ противъ Брайта послѣ Бредфордскаго митинга осталось одно: стремленіе отнять у немногочисленныхъ лендлордовъ перевѣсъ въ Палатѣ Общій надъ голосомъ англійской націи. Ихъ владычество надъ сельскимъ населеніемъ прикрывается тою фразою, что говорятъ не объ интересахъ лендлордовъ, а объ интересахъ земледѣлія или сельскаго населенія, какъ будто бы интересъ фермеровъ и простыхъ землепашцовъ одинаковъ съ выгодами лендлордовъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ между желаніями этихъ двухъ сословій совершенная противоположность. Кромѣ того, по общему обычаю отрицать существованіе тѣхъ фактовъ, которые намъ несприятны, газеты старыхъ партій говорятъ, что въ народѣ нѣтъ стремленія къ реформѣ, что Брайтъ безсиленъ, что онъ не можетъ двинуться на Лондонъ съ толпою въ 100.000 человекъ изъ Манчестера или Бирмингэма, какъ угрожали двинуться агитаторы, требовавшіе парламентской реформы въ 1832 году. Чтобы отвѣчать на эти и другія обвиненія, Брайтъ явился на новый большой митингъ 28 января въ своемъ родномъ городѣ Рочдель¹⁾. Это былъ послѣдній большой митингъ, на которомъ онъ хотѣлъ говорить до открытія парламента, и естественно было ему избрать для послѣдней своей бесѣды съ англійскимъ народомъ, передъ парламентскою борьбою, свой родной городъ. Мы представляемъ здѣсь заключеніе его Рочдельской рѣчи, которая начинается обращеніемъ къ собравшимся людямъ, которые знаютъ его съ дѣтства, чтобы они сказали, какой онъ человекъ. „Меня называютъ, говорилъ онъ, врагомъ англійскихъ законовъ и свободы; вы засвидѣтельствуйте, правда ли это“. Митингъ отвѣчалъ слѣдующимъ рѣшеніемъ:

«Настоящій митингъ желаетъ выразить глубокое уваженіе, которое питаютъ къ мистеру Джону Брайту, члену парламента, жители его родины. Рожденный и воспитанный среди насъ, членъ семейства, знаменитаго своею гуманностью и заботливостью объ улучшеніи физическаго и умственнаго состоянія своихъ многочисленныхъ работниковъ, онъ равно обнаруживалъ въ защитѣ и веденіи истинныхъ интересовъ тѣ великіе таланты и ту высокую честность, которые потому, въ болѣе обширной сферѣ и по вопросамъ національной важности, доставили ему всесвѣтную и вѣчную извѣстность. Призавая эти заслуги, жители его родины собрались теперь, чтобы увѣрить его въ симпатію, которую они чувствовали къ нему во время его скорби и временнаго изгнанія²⁾, увѣрить его въ радости своей о его выздоровленіи и возвращеніи въ парламентъ и выразить свою пламенную надежду, что ему даво будетъ не только привести

1) Рочдель,—большой вновь возникшій мануфактурный городъ подлѣ Манчестера, съ которымъ онъ такъ близокъ, что оба города вмѣстѣ составляютъ, можно сказать, одинъ городъ.

2) То есть, когда, во время римской войны, всѣ кричали, что онъ нѣмецъ и предатель; когда потомъ Манчестеръ отнялъ у него званіе своего депутата, и большой Брайтъ долженъ былъ на время уѣхать въ Италію.

къ счастливому окончанію великое дѣло парламентской реформы, вѣтрѣнное его заботѣ, но и получить единственную награду, какой онъ желаетъ,—видѣть въ слѣдующіе годы, что эта реформа содѣйствовала водворенію мира, счастья и благосостоянія между его согражданами».

Начало Рочдальской рѣчи посвящено подробному техническому разбору тѣхъ специальныхъ возраженій, какія дѣлались газетами противъ разныхъ частей его билля, и разбору плана, предлагаемаго Times'омъ. Братья перебираютъ всѣ газетныя обвиненія, особенно тѣ, которыя ввозились на него сильнѣйшею изъ англійскихъ газетъ, Times'омъ. Но, говоритъ онъ, все-таки дай Богъ, чтобы газеты больше занимались этимъ дѣломъ; онѣ помогаютъ пробужденію общественнаго мнѣнія; и хотя онѣ говорятъ теперь противъ насъ, онѣ приносятъ намъ пользу, сообщая извѣстія публикѣ, и вы скоро увидите, что онѣ измѣняютъ тонъ, какъ уже начали измѣнять его, потому что общественное мнѣніе высказывается за насъ, а противъ него газеты не могутъ долго идти. За техническимъ разборомъ специальныхъ возраженій противъ подробностей билля, слѣдуетъ вторая половина рѣчи, относящаяся къ разъясненію существеннаго вопроса,—къ разъясненію отношеній между городскимъ и сельскимъ населеніемъ и отношеній сельского населенія къ лендлордамъ, которые называютъ себя представителями сельского населенія. Мы переводимъ эту часть рѣчи по отчету, помѣщенному въ Times'ѣ.

«Я утверждалъ, что Палата Лордовъ собственно представительница большихъ землевладѣльцевъ, а не сельского населенія, не фермеровъ, не земледѣльцевъ. Если бы это нужно было въ подтвержденіи авторитетомъ, я сослался бы на лорда Маклея, который, будучи мистеромъ Маклеемъ, говорилъ во время преній о реформѣ 1832 года: «Наше рѣшеніе, рѣшеніе Палаты Общинъ, есть рѣшеніе націи. Рѣшеніе Лордовъ едва ли можно считать рѣшеніемъ даже сословія большихъ поземельныхъ владѣльцевъ, изъ которыхъ обыкновенно выбираются перы и представители которыхъ они въ сущности должны считаться». Вотъ именно это я и утверждалъ; именно то, что Палата Лордовъ представительница желаній, мнѣній,—если угодно предразсудковъ,—большихъ землевладѣльцевъ (аплдисменты). Теперь, станетъ ли кто спорить со мною, что всѣ интересы въ нашей странѣ,—свободной странѣ, имѣютъ одинаковое право на справедливое представительство въ парламентѣ и на справедливое законодательство отъ парламента? И если поземельная собственность имѣетъ огромный перевѣсъ въ одной изъ двухъ палатъ парламента, чего нѣтъ не отрицаетъ, то она не имѣетъ никакого права претендовать, — я ны просимъ ее обдумать это, пока есть время (аплдисменты), не имѣетъ никакого права претендовать на то, что должна имѣть также перевѣсъ и въ другой палатѣ. Эти споры, если только народъ волнуется въ нихъ, выведутъ народъ на хорошую дорогу. Они ведутъ, во крайнее мѣрѣ, къ вопросу о равныхъ избирательныхъ округахъ ¹⁾, ведутъ также къ вопросу о конституціонныхъ перевѣсахъ въ составѣ Палаты Лордовъ ²⁾ (такъ, такъ!), — вопросъ, котораго я теперь не хочу разсматривать и который еще не предложенъ публикѣ. Въ первой рѣчи своей, которую я говорилъ въ Виррингемѣ, я сказалъ, что вопросъ, на который слѣдуетъ вамъ нѣтъ вниманіе при реформированіи Палаты Общинъ, вотъ въ чемъ: должны ли мы и большіе поземельные собственники, съ которыми лорды связаны въ представителіи которыхъ служатъ, — должны ли они управлять англійскимъ народомъ черезъ лордъ Общинъ, или черезъ Палату Общинъ долженъ управлять собою самъ англійскій народъ? (аплдисменты). А теперь я вамъ скажу, что въ этомъ вопросѣ сворѣ не

¹⁾ Т. е. къ составленію билля на основаніи, предлагаемомъ хартистами.

²⁾ Т. е. къ тому, чтобы члены Верхней Палаты избирались народомъ, какъ и Палаты Общинъ.

между нами, жителями городских, и сельскими жителями. Сельские жители,—это малые собственники (*freeholders*), бывшие опорой друзей свободы до реформы 1832 года. Да и сами фермеры не огорчаются нашими намерениями. Большие собственники огорчаются,—это вожель быть, но сельский народъ вовсе не огорчается; да и какъ ему огорчаться? Посмотрите на политическое положеніе фермеровъ; для фермера выборы время не очень сладкое (такъ, такъ). Къ сожалѣнію, мы слишкомъ хорошо знаемъ, что заниматься политикой, составлять себѣ совѣстливыя убѣжденія, имѣть желаніе честно исполнить обязанность избирателя.—все это подводитъ фермера подъ такое замѣчаніе, отъ котораго ведалеко до мученичества. Какъ вы думаете, доставлять ли ногдъ фермерамъ какую нибудь выгоду тѣ, которыхъ называють представителями поземельнаго интереса? Если фермеры когда нибудь приобретутъ свободу, если когда приобретутъ они что нибудь, напримѣръ, облегченіе въ налогахъ, справедливое распредѣленіе податей, отъѣзду законно въ охотѣ, самостоятельность черезъ баллотировку (аплодисменты),—если они приобретутъ что-нибудь такое, то ужъ навѣрное не отъ депутатовъ поземельной собственности, а развѣ благодаря силѣ и союзу городскихъ жителей, любящихъ свободу и добывающихъ ее себѣ и другимъ (аплодисменты). Въ прошлые годы, какъ вы знаете, я сильно участвовалъ въ вопросѣ относительно законовъ объ охотѣ (аплодисменты). Я былъ членомъ комитета Палаты Общинъ по этому вопросу. Мы призывали въ комитетъ многихъ почтенныхъ фермеровъ. Я получалъ сотни писемъ отъ фермеровъ изъ всѣхъ концовъ королевства. Какъ вы думаете, если бы депутаты отъ графствъ были въ самомъ дѣлѣ представителями фермеровъ, представителями земледѣльцевъ, продержались бы вышшіе законы объ охотѣ хотя одну сессію? (нѣтъ, нѣтъ). Фермеръ беретъ ферму, набитую зѣбрыми, которыхъ не считеть онъ тронуть пальцемъ (хохотъ): это дичь для собственника фермы, и фермеръ, или его сынъ, не могутъ ходить по той самой землѣ, которую ваянал, не подвергаясь подозрѣнію и шпіонству сторожа, приставленнаго владѣльцемъ смотрѣть за дичью. Поговорите съ какими-нибудь фермерами, каждый умный человѣкъ изъ нихъ скажетъ вамъ, что его интересъ и вашъ интересъ совершенно одинъ и тотъ же. Прежде землевладѣльцы обольщали его, буди ему полезны протекціонный тарифъ; теперь онъ знаетъ, что откѣнненіе хлѣбныхъ законовъ было большою пользою для всѣхъ занимающихся земледѣліемъ (аплодисменты). Фермеръ, живущій своимъ трудомъ, какъ мы живемъ своимъ, знаетъ, что у него и у насъ одинъ интересъ, одинаковое желаніе свободы, одинаковое желаніе, чтобы облегчить податъ, чтобы въ правительствѣ была экономія; повѣрьте, онъ знаетъ, что все, чего можеть по справедливости требовать, или уже требуетъ городское населеніе, всего этого огромная масса фермеровъ должна желать съ такою же силою и охотою, какъ и мы, горожане (аплодисменты). Но депутаты отъ графствъ, пока она остаются представителями большаго землевладѣльцевъ, люди совершенно иные. Они правительственное сословіе. Они составляютъ правительство, они пользуются выгодами протекціи, получаютъ выгоду отъ государственныхъ издержекъ (такъ, такъ)! Какую жизнь предполагаемъ мы для нашихъ сыновей? Они будутъ работать на фабрикахъ или торговать. Но большіе землевладѣльцы смотрятъ не въ Манчестеръ, не въ Лидсъ, не въ Ливерпуль, не въ торговую и промислянную часть Лондона; нѣтъ младшіе сыновья ищутъ себѣ обезпеченія для жизни въ государственныхъ издержкахъ, на которые расходуется 40 милліоновъ фунтовъ вашихъ податей, кромѣ денегъ, идущихъ на проценты долга (такъ, такъ)! Вотъ великое прокормленіе для младшихъ сыновей этого сословія (сильные аплодисменты). Я скажу фермерамъ съ этой эстрады, что изъ всѣхъ тысячъ горожанъ, съ которыми я говорилъ въ эти три мѣсяца, и изъ всѣхъ сотенъ тысячъ горожанъ, читавшихъ въ газетахъ то, что я говорилъ, нѣтъ ни одного человѣка, который бы не протянулъ руки каждому фермеру и не сказалъ бы ему: «вы сынъ труда, подобно мнѣ; вы живете въ величѣ, которая хочеть имѣть свободы больше прежняго; вашъ интересъ въ томъ, чтобы правительство было хорошо и экономно, чтобы былъ мѣръ, были справедливыя законы, было счастье въ народѣ; будьте мнѣ другомъ и братомъ на вѣки, и доставьте эти блага всѣмъ намъ» (сильные аплодисменты).

«Теперь я спрошу васъ, стоитъ ли хлопотъ великая реформа, которую мы обсуждаемъ? Стоитъ ли она борьбы, которую всегда долженъ вести народъ, желающій

получить или расширить свою свободу? Города Англии должны решить это, при помощи, какую можете дать или сельское население. Мне говорят, будто нынешний по-рядок так хорош, что народ не думает о парламентской реформе; но эти люди Западного мена Лондона, которые прогуливаются от роскошных домов Гровенор-сквера до Полль-Моля, где дома еще роскошней, — эти люди не знают, что на сердца у народа в Йоркшире и Ланкашире и во всех многолюдных частях королевства (так, так)! В эти три месяца я видел больше людей, чем кто забудь. Я знаю симпатию, выразившуюся к этому вопросу. Я видел блеск, огонь в тысячах глаз. Я знаю, думает ли народ об этом вопросе (аплодисменты), и знаю, понимает ли он, что ему нельзя не думать о нем. Разве мы не самый трудолюбивый народ на лица земли, разве у нас паровых машин не больше, разве у нас всякие машины не лучше, разве пути сообщения у нас не удобнее, разве земледелие и фабрики у нас не более производительны, разве всего, от чего развивается богатство, у нас не больше, чем у всякого другого народа на лица земли? (аплодисменты). А все так теперь, со всей нашей хвалебной цивилизацией и свободой, у нас, я полагаю, теперь больше нищих-бедняков, нежели избирателей (так, так)! Каждые двадцать или двадцать-пять лет мы хороним миллион таких же нищих (так, так)! А все-таки их вырастает вечно новый урожай. Вечно остается этот осадок общества, бедный, жалкий, в котором до сих пор не могли мы произвести никакого важного улучшения. И этот миллион бедняков еще далеко не совпадает в себя всех существующих страданий. Когда человек раз сдвинулся совершенным бедняком, когда в нем заглушило отравление от зависимости, когда он перестал чувствовать унижительность этого положения и находит себя обезпеченным на остаток своей жизни, или в уркагузи, или в какойнибудь лачуге, где попечители о бедных дают ему пособие. — он свободен тогда от беспокойства за будущее. Но оставим миллион этих нищих и взглянем на другой миллион людей поди них, на людей не потерявших самоуважения, имеющих семейство и хозяйство, имеющих у себя средства для их дорогих, на этих людей, которые добывают свой насущный хлеб со дня на день своими руками, которые, вот имеют работу, хотя, может быть, неважную, недостаточную и часто с платой слишком скудной, и чувствуют себя как будто немного на свободе, но вот, опять подавлены и увлекаются на самый край нищеты, — представьте страдания в этих семействах, представьте борьбу с жизнью у этих людей, эту борьбу, совершенно незнакомую нам, людям другой обстановки (так, так)! — Представим же себе хоть ту невольную картину всего этого, о которой может быть понятие, и спросим себя: «как же все это существует в нашей земле, с вашею великою силою производительности, с нашими талантами собирать со всех поднебесных климатов выгоды всех народов для увеличения роскоши и комфорта в каждом английском домохозяйстве?» (сильные аплодисменты). Небо ли виновно в этом? Бог ли забыл быть милостивым? Или это человек своими преступлениями и ошибками произвел эти бедствия? Кто были ваши правители в течение поколений? Кто расточал ваши деньги? Кто расточал вашу кровь? Для кого английский народ трудился в кровавом поте и лил кровь в течение поколений? И какую получал награду? А есть какую, что теперь, в 1859 году оскорбляют его и с альжмошескою надменностью говорят ему, что неприлично впускать его в число избирателей нашей земли (так, так)! Вот, моя вина, что я говорю факты, неприятные для нашей аристократии. Правила наши в долгий период, и мы видим результат. А если я и сиявать что забудь врать или, или и в защитники отставил за себя полным поруганием над характером великого английского народа о котором они говорят, что не безопасно допускать его на выборы; и что если допустить его, то Англия будет страной смут и лжи, а не порядка и мира, как теперь. (Крики: дурно, дурно)!

«Так будем же помнить, что от реформы должны быть результаты; и если хотите какойнибудь важной перемены, то каков путь к ее получению? Вообще принуждают вести спор до того, что шаг остается до междоусобной войны. уже обратилось в такую привычку, что управляющее сословие не впрямь серьез-

ности наших желаній, пока вы не дойдете до этого предѣла. Вотъ, они теперь говорятъ намъ, что народъ не желаетъ реформы. Говорятъ: «вы не соберете ста тысячъ человѣкъ на Ньюголлской горѣ въ Бармангемъ; вы не соберете безчисленныхъ племенъ народа въ Ланкаширъ и Йоркширъ, съ угрозою, что если билль не будетъ принятъ въ теченіе недѣли, то они пойдутъ на Лондонъ». Разумѣется, нѣтъ. И я надѣюсь, что ничего такого не случится, потому что ничего такого не будетъ надобно (такъ, такъ)! Но если они колятъ намъ глаза тѣмъ, что этого еще нѣтъ, то изъ слова доказательство, что въ нихъ есть мысль, можетъ быть безсознательная, — нѣтъ и сознательная, — что ничего важнаго не приобрѣтала у васъ нація ниче, какъ дохода до самыхъ границъ насильственнаго дѣйствія. Мы все равно, что покоренный народъ, который борется противъ завоевателей; все равно, что ирландскіе католики, которые боролись противъ пріемельцевъ порабитителей, протестантовъ; все равно, что ломбардцы, которые хотѣли бороться противъ австрійцевъ. Когда вы получили реформу 1832 года, вы были на 24 часа отъ революціи. Когда вы получили отмену лѣбныхъ законовъ въ 1846 году, вамъ помогала ужаснѣйшій голодъ, какого уже нѣсколько сотъ лѣтъ не бывало въ цивилизованныхъ странахъ. А теперь, если вамъ нужна реформа, какъ намъ получить ее? Посмотрите на вопросы меньшей важности. Возьмите наприимѣръ церковную подать¹⁾; это болѣе дѣло чувства, нежели денежной важности для кого нибудь. Это печать порабощенія, и потому мы не хотѣли носить ее (аплосдисменты); но вотъ ужъ двадцать лѣтъ идутъ пренія о церковной подати въ Палатѣ Общинъ. Дѣло было и за 20 лѣтъ также ясно, какъ теперь; но подать не отбѣжалась. Возьмите также вопросъ о баллотировкѣ. Тотчасъ же послѣ реформы 1832 года произносились въ пользу баллотировки рѣчи столь же неопровержимыя по доказательству, какъ и сѣдующіе рѣчи. А баллотировка все еще не введена въ законъ. Палата Лордовъ и три четверти Палаты Общинъ, зависящія отъ нея, каждый годъ вотируютъ, какъ ни пріятно. Нужны нѣтъ, что огромное большинство народа хочетъ известнаго закона, — нѣтъ, чтобы провести какую нибудь важную реформу черезъ Палату Общинъ, вамъ нужно при нѣтъшней распрѣдѣленіи депутатовъ такое большинство, которое обняло бы весь народъ (аплосдисменты). Пока сэръ Робертъ Пилъ не отбѣянилъ лѣбныхъ законовъ, мистеръ Вильерсъ ни разу не могъ получить болѣе 100 голосовъ въ Палатѣ Общинъ въ пользу ихъ отмены, а каждый знаетъ, что хотя 100 депутатовъ не составляютъ вѣтъ части Палаты Общинъ, между тѣмъ изъ шести человѣкъ жителей королевства пятеро въ то время уже давно осуждали лѣбные законы (такъ, такъ). Вотъ доказательство, что Палата Общинъ теперь вовсе еще не представительница народа. Намъ нужно не то, чтобы вы передали великую политическую власть отъ болѣе шихъ землевладѣльцевъ болѣе шимъ купцамъ или мануфактуристамъ, но чтобы рѣшительно по всему королевству, всѣ интересы, всѣ нѣвныя, всѣ желанія выражались въ законодательной власти, чтобы депутаты, засѣдающіе въ парламентѣ, сознавали, что они представители не какого нибудь кружка, а великой націи, и когда это будетъ, вы увидите, что какъ нѣтъе будетъ роста и укрѣпленья въ націи, оно будетъ тако, постоянно, всенально возрастать въ Палатѣ Общинъ (аплосдисменты). Вѣсто того, чтобы за каждую переиѣну бороться съ вашимъ парламентомъ, будто съ чужеземнымъ завоевателемъ, мы хотимъ, чтобы одна душа была у парламента и у народа, чтобы корона и правительство были сильнѣе и почтеннѣе, а народъ счастливѣе и довольнѣе (такъ, такъ). Теперь спрашиваю васъ: неужели должно считаться дурнымъ нѣтъ такія нѣтъи и проповѣдывать такое ученіе? Напротивъ, не значить ли это продолжать труды отцовъ нашихъ и доверять ихъ дѣло? Выношенъ ли я въ возбужденіи сословія противъ сословія, когда я хочу уничтожить стѣну раздѣленія, провозглашающую сословія сдѣлать всѣхъ англичанъ братьями передъ законами нашей земли? (аплосдисменты). Каковы были цѣли моей двадцатилѣтней политической жизни? Вы, жители моего роднаго города, знаете это (аплосдисменты). Я призываю васъ свидѣтелями обо мнѣ (продолжающіе аплосдисменты). Публика нашеть платками. Я трудился сѣрьезно и усердно въ союзѣ людей такихъ, какъ Вильерсъ, Кобденъ, Джемсовъ, Джорджъ

¹⁾ Которую люди всѣхъ исповѣданій платили англиканской церкви.

Уиньсовъ и многіе другіе, которыхъ я не могу перечислять, но которые живутъ и вѣчно будутъ жить въ моей памяти (аплодисменты). Я трудился съ ними, чтобы дать народу насыщенный лѣтъ, и теперь каждый годъ привозится къ вашимъ берегамъ на 20 милліоновъ фунтовъ съѣстныхъ припасовъ; а всего только 14 лѣтъ тому назадъ, вы не могли и слова сказать объ этомъ, не подвергаясь обвиненію въ вѣжливую сословію вашихъ господъ (такъ, такъ)! Я трудился съ серьезными людьми, чтобы снѣтъ съ газетъ штемпель и ввести свободную журналистку; и я читалъ, что по уничтоженіи штемполя появилось 300 дешевыхъ газетъ, ежедневно приносящихъ свѣдѣнія обо всемъ почти въ каждое семейство (аплодисменты). Я старался, но, грустно сказать, безъ успѣха, чтобы драгоценный трудъ и еще драгоценнѣйшая кровь народа не расточались преступными правителями въ преступныхъ войнахъ,—и теперь слободно, какъ мнѣ кажется, всему своему прошедшему, прошу для моихъ гражданъ того, что общается имъ конституція, того, чтобы Палата Общанъ была вѣрою и оловомъ ихъ представительницею (аплодисменты). Это требованіе справедливое (аплодисменты). Прошу всѣхъ моихъ согражданъ сказать это требованіе не колеблющимся, не двусмысленнымъ голосомъ. Скажите, и васъ послушаютъ. Просите такимъ тономъ, чтобы его нельзя было не понять, и ваше желаніе навѣрно будетъ исполнено. Если вы потомки великихъ предковъ, какъ говорить наши историки, не обезславьте ихъ именъ. И если вы, какъ вы хвалитесь, наследники свободы, то встаньте, заклиная васъ, и вступите во владѣніе наследствомъ вашихъ!».

«(Мистеръ Брайтъ возвращается на свое мѣсто при громкихъ и продолжительныхъ аплодисментахъ)».

3-го февраля собрался парламентъ. Важнѣйшее мѣсто въ первыхъ преніяхъ его, т. е. въ преніяхъ объ адресѣ, или отвѣтѣ парламента на тронную рѣчь, долженъ былъ занять, разумеется, итальянскій вопросъ. Министерство, которому реформа представляется очень горькою необходимостью, вздумало было избавиться отъ нея преніями о войнѣ и приготовленіяхъ къ ней. Но предводители виговъ, Пальмерстонъ и Россель, въ рѣчахъ своихъ объ адресѣ (въ засѣданіи 3-го февраля) сильно напали на торн за эту уловку. Въ газетахъ тѣ же насмѣшки, то же горькое осужденіе отразилось еще съ большою силою. Изъ переводимой нами въ приложеніи статьи Times'a читатели узнаютъ, почему виги и расчетливая часть торн требуютъ скорѣйшаго начала преній о реформѣ. Они видятъ, что агитація растетъ съ каждымъ днемъ и что если отложить реформу до слѣдующаго года, то старая партія должны будутъ сдѣлать реформерамъ гораздо больше уступокъ, нежели теперь. Вотъ это истинная мудрость государственныхъ людей! Дѣло имъ очень непріятно, но оно требуетъ общественнымъ мнѣніемъ, стало быть надобно какъ можно скорѣе сдѣлать его, потому что каждую проволочку только усиливалась бы требовательность и неудовольствіе, и каждый день отсрочки стоилъ бы въ результатѣ очень дорого для отсрочивающихъ. Виги и часть торн, поддержавши въ этомъ случаѣ требованія реформеровъ, поступили чрезвычайно разсудливо. Но трудно было ожидать, чтобы Дебри и Д'Израэли сдѣлали тѣ же вѣловность, какъ попытка отсрочить пренія о реформѣ до мая мѣсяца; о люди умные, и вѣроятно не сдѣлали бы такого промаха, если бы могли и бжать его. Дѣйствительно, говорятъ, что билль о реформѣ былъ у нихъ и въ, и они хотѣли внести его въ парламентъ въ первомъ же засѣданіи; и между ихъ товарищами есть дикобразы, которымъ Д'Израэли и Стенли и всегда успѣваютъ вбить въ голову неизбежность уступокъ общественному и ію для избѣжанія гораздо большихъ потерь. Эти дикіе господа объа-

вили, что билль Д'Израэли слишком либераленъ, что они не согласны на него. Лучшее всего было бы лорду Дерби выгнать изъ кабинета такихъ компрометирующихъ его товарищей и замѣнить ихъ людьми болѣе разсудительными, какъ уже выгналъ онъ лорда Элленборо; но почему-то онъ не повторилъ своего хорошаго дѣла въ большемъ размѣрѣ, не выгналъ всѣхъ министровъ не согласившихся съ Д'Израэли и лордомъ Стенли, — вѣроятно, не достало характера. Такимъ образомъ прежній билль не годился, пришлось составлять новый. Но когда виги и большинство газетъ рѣзко осудили лорда Дерби за то, что билль у него не готовъ, реформеры въ засѣданіи Палаты Общинъ 7-го февраля потребовали, чтобы министерство поторопилось. Мистеръ Донкомбъ, радикалъ очень знатной и богатой фамиліи, былъ выбранъ реформерами для исполненія роли того безжалостнаго мужа, о которомъ упоминаетъ переведенная нами статья Times'a: „когда же ты кончишь свои вздохи? ты слишкомъ долго вздыхаешь“, сказалъ онъ мистеру Д'Израэли, какъ Рауль — Синяя Борода говорилъ своей женѣ, желавшей отсрочить тяжелую минуточку. Депутаты старыхъ партій приняли его рѣчь съ большимъ огорченіемъ, перерывали ее криками „безпорядокъ, безпорядокъ!“ и тѣмъ выразили, какъ горько имъ глотать пилюлю, принятіе которой предписано общественнымъ мнѣніемъ. Но дѣлать было нечего, и мистеръ Д'Израэли объявилъ, что предъставить свой билль о реформѣ 28-го февраля. Къ чему же привела попытка отсрочить повинновеніе голосу общества? Лордъ Дерби хотѣлъ въ угодность своимъ нелѣпнымъ товарищамъ отложить представленіе билля до четвертаго или пятаго мѣсяца сессіи, когда уже не осталось бы времени рассмотреть его, чтобы такимъ образомъ оттянуть рѣшеніе дѣла до слѣдующей сессіи, т. е. до слѣдующаго года. Это не удалось. Вмѣсто годичной проволоочки успѣли сдѣлать проволочку на двѣ недѣли, а сами подверглись общему номѣяннію и выставили на показъ публикѣ свою слабую сторону: теперь всѣ увидѣли, что тори не хотятъ прейти о реформѣ, а все-таки принуждены начать ихъ, стало быть дѣйствуютъ не по доброму желанію, а противъ воли, изъ-подъ палки. Выгоденъ ли былъ, спрашивается теперь, ихъ образъ дѣйствій для нихъ самихъ? не слишкомъ ли дорого заплатили они за двѣ недѣли отсрочки?

Кромѣ этихъ двухъ важнѣйшихъ дѣлъ современной исторіи, — итальянскаго вопроса и англійскаго реформинистскаго движенія, довольно важное мѣсто между событіями нынѣшняго года занимаютъ агитація на Ионическихъ островахъ, переворотъ въ Сербскомъ княжествѣ, выборъ господара въ Молдавіи и Валахіи и переворотъ въ Гантѣ.

Со времени учрежденія греческаго королевства, жители Ионическихъ острововъ постоянно требовали, чтобы Англія избавила ихъ отъ своего протекторства и позволила имъ присоединиться къ одноплеменной державѣ. Изъ этого иногда возникали смуты, которыя подавлялись насильственными мѣрами со стороны Англіи. Но все-таки Англія оставляла Ионическимъ островамъ представительную форму правленія и свободу слова. Правда, лорду комиссару (генераль-губернатору) была предоставлена очень обширная власть, такъ

что онъ могъ рѣшительно не слушать іоническихъ депутатовъ, но все-таки представительная форма и свобода печатнаго слова служили къ тому, что желаніе іонійцевъ и ихъ жалобы дѣлались извѣстными цѣлой Европѣ. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ англійское правительство не было притѣснительно для іонійцевъ. По всему видно, что во внутреннихъ дѣлахъ имъ была предоставлена довольно широкая свобода; но чувство національности нельзя было заглушить ничѣмъ, и въ прошломъ году іоническая палата депутатовъ снова приняла рѣшеніе, что іоническій народъ требуетъ присоединенія своего къ Греціи. Тогдашній лордъ комиссаръ-Джонъ Юнгъ, посылая по этому случаю лондонскому кабинету нѣсколько записокъ, въ которыхъ главная мысль была та, что для Англіи лучше отказаться отъ хлѣбныхъ Семью Островами, протекторатъ надъ которыми ей убыточенъ, и оставить за собою только военную позицію на островѣ Корфу, предоставивъ остальнымъ островамъ соединиться съ Греціею. Случайнымъ образомъ эти депеши, которыя правительство хотѣло хранить въ тайнѣ, были переданы въ редакцію газеты „Daily News“, и она напечатала нѣкоторыя изъ нихъ, полагая, что онѣ присланы съ согласія министерства. Узнавъ противное, редакция остановила обнародованіе остальныхъ депешъ, но и напечатанныхъ было слишкомъ достаточно для того, чтобы министерству нельзя было не позаботиться объ іоническомъ дѣлѣ. Признаніе самого генералъ-губернатора, что Англіи слѣдуетъ отказаться отъ своего протектората, произвело сильное впечатлѣніе на публику, и надобно было что нибудь сдѣлать. Министръ колоній Бульверъ (извѣстный романистъ) находится въ хорошихъ отношеніяхъ съ предводителемъ пилитовъ Гледстономъ, который съ прочими своими достоинствами соединяетъ славу отличнаго эллевиста (недавно онъ издалъ большое сочиненіе о Гомеровыхъ поэмахъ) и очень расположенъ къ греческой націи. Надобно прибавить, что Гледстонъ человѣкъ очень гуманный, очень мягкаго характера и привлекателенъ въ обращеніи. Министерство думало, что такой человѣкъ можетъ примирить іонійцевъ съ англійскимъ протекторствомъ и придумать въ ихъ политическомъ устройствѣ улучшенія, которыя склонили бы ихъ забыть о Греціи. Разумѣется, такой важный государственный человѣкъ, какъ Гледстонъ, принималъ на себя только временное порученіе: предводителя парламентскихъ партій считаютъ слишкомъ низкимъ для себя даже постъ генералъ-губернатора Остъ-Индіи; и если Гледстонъ согласился съѣздить на Іоническіе острова во время парламентскихъ ваканцій, это надобно приписывать особенному желанію его сдѣлать что нибудь въ пользу грековъ.

Чрезвычайный верховный комиссаръ дѣйствительно велъ себя съ іоніями такимъ способомъ, который дѣлаетъ честь его характеру и лично юбрѣлъ ему чрезвычайную популярность. Впрочемъ и прежній верховный комиссаръ, смѣняемый Гледстономъ, лично пользовался справедливою любовью іонійцевъ. При отъѣздѣ его старикъ Дандоло, предводитель самыхъ пылкихъ ихъ соотечественниковъ, съ особенною силою возстающихъ противъ англійскаго протектората, сказалъ между прочимъ слѣдующее:

«Позвольте мнѣ, мнордъ, въ минуту нашей разлуки съ нами возвысить свой къ, голосъ свободаго и независимаго человѣка, которому теперь уже 70 лѣтъ,

который никогда, ни прямо, ни косвенно, ничего не искалъ для себя у правительства. Я хочу сказать важную правду, которая, будучи долгою справедливости относительно васъ, очистить васъ отъ упрека въ неблагодарности.

«Да, съ самого прѣзда вашего къ намъ, милордъ, я видѣлъ въ васъ любовь къ добру, желаніе и рѣшимость исполнять его. Когда я представилъ вамъ необходимость дать работу многочисленнымъ бѣднякамъ, вы, милордъ, согласились на мое желаніе и выпросили отъ вашего правительства значительныя суммы, которыя, вотъ уже два года, хранять и будутъ хранить бѣдныхъ людей отъ нужды. И когда я былъ членомъ мѣстной администраціи, болѣе всего былъ обязанъ я вашему содѣйствію тѣмъ, что могъ приносить пользу моей роди́нѣ; то, что я сдѣлалъ, должно быть обращено въ честь вамъ».

«Мое сердце трепещетъ отъ радости, когда я вспоминаю, что въ весь періодъ вашего управленія, вы, милордъ, не только не подвергли аресту ни одного человѣка, а, напротивъ, избавили многихъ изъ заключенія и возвратили изгнанниковъ ихъ семьямъ. Да, ни одна капля слезъ не лежитъ на вашей совѣсти, и если вы успѣли сдѣлать не все, чего хотѣли, вина тому не въ вашемъ сердцѣ».

Изъ этого можно заключать, что Ионическіе острова недовольны англійскимъ правленіемъ вовсе не за его жестокость или стѣснительность, а единственно по чувству національности.

Новый лордъ комиссаръ созвалъ законодательное собраніе 25 января; въ первое же засѣданіе Дандоло предложилъ палатѣ депутатовъ выразить желаніе ионическаго народа соединиться съ Греціею. При громкихъ рукоплесканіяхъ оно было принято и назначенъ комитетъ для обсужденія дальнѣйшихъ мѣръ, вужныхъ для исполненія ихъ желанія; сначала они вздумали было сдѣлать воззваніе ко всѣмъ европейскимъ народамъ, но Гледстонъ замѣтилъ имъ, что это было бы напраснымъ нарушеніемъ законныхъ формъ, и послушавшись его доброжелательнаго совѣта (вовсе не приказанія или угрозы), палата приняла составленную комитетомъ просьбу англійской королевы. Вотъ текстъ этого документа, интереснаго по своему благородному тону:

«Ея Величеству королевы Викторіи, всемилостивѣйшей королевы Соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, защитницъ вѣры и протектрисъ Соединенныхъ государствъ Ионическихъ острововъ и проч.

«Прошеніе Ионической Палаты Депутатовъ.

«Да выслушаетъ милостиво Ваше Величество. Народъ Семи Острововъ, всегда сохранявшій мысль о своей національности и желавшій своего соединенія съ свободою Греціею, почтительно приближается къ вашему могущественнѣйшему престолу, чтобы положить на ступени его подлинное выраженіе своего вѣчно-пламеннаго желанія. Среди испытаній, постигшихъ племя эллиновъ, Ионическій народъ сохранилъ невредимо свою цивилизацію и удержалъ свою національность и независимость.

«Трактатъ, заключенный въ Парижѣ 5 Ноября 1815 года, безъ участія Ионическаго народа, и отдавшій этотъ народъ подъ британское протекторство, имѣлъ единственною своею цѣлію охраненіе маленькаго народа, который признанъ и объявленъ въ этомъ трактатѣ отдѣльнымъ, свободнымъ и независимымъ государствомъ. Къ этой цѣли направлены обязанности, принятія по трактату покровительствующею державою, и политическія отношенія, возникшія изъ нихъ между Великобританіею и покровительствомъ народомъ. Но по учрежденіи Греческаго королевства исчезла причина, на которой основаны были эти отношенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ естественно возникло горнчее желаніе Іонійцевъ къ политическому соединенію съ освобожденною частью націи, съ которою они неразрывно связаны происхожденіемъ, вѣрою, языкомъ, преданіями и безграничными пожертвованіями общему дѣлу.

«Изъ этого непреодолимаго чувства происходили подавленные манифестаціи девятаго Іоническаго парламента и единодушное желаніе, выраженное одинадцатымъ парламентомъ 20 іюня 1857 года. Его Превосходительство верховный, чрезвычайный комиссаръ, котораго угодно было Вашему Величеству послать въ государство Семи Острововъ также получилъ подлинныя доказательства этого пламеннаго чувства и желанія всего Іоническаго народа.

«Исходя изъ этихъ соображеній, представители Іоническаго народа въ своемъ парламентскомъ засѣданіи 15 (27) января 1859 года единогласно объявили, что единственнымъ и единодушнымъ желаніемъ Іоническаго народа было и остается соединеніе всего государства Семи Острововъ съ Греческимъ королевствомъ.

«Іоническое собраніе, представляя это желаніе, проситъ Ваше Величество милостиво сообщить настоящее объявленіе другимъ Европейскимъ великимъ державамъ и при ихъ содѣйствіи исполнить ¹⁾ священное и справедливое желаніе Іонійцевъ:

«Представители Іоническаго народа имѣютъ утѣшительную надежду, что божественная Милость, вооружившая нѣкогда десницу Британіи на защиту Элліаской націи, вдохновитъ и вынѣ Ваше Величество, чтобы вашею могущественною помощію эта нація могла достигъ своего національнаго возстановленія и чтобы узы, возникающія изъ глубокой благодарности и непреложной снпавіи, привязывали сердца Элліаской націи къ престолу Вашего Величества.

Д. Фланбуриани, Президентъ.
Н. Дуси
І. Дусмани } Секретари

Корфу ^{44/}января
1859 года.

Гледстонъ сообщилъ эту просьбу обыкновеннымъ законнымъ путемъ въ Лондонъ.

Разумѣется, англійское правительство отвѣчало на просьбу, что къ сожалѣнію оно не можетъ исполнить желаніе іонійцевъ. Но вмѣстѣ съ этимъ отвѣтомъ Гледстонъ сообщилъ іоническому собранію свой проектъ о тѣхъ реформахъ, которыя могли бы до нѣкоторой степени вознаградить іонійцевъ за невозможность удовлетворенія чувству національности. Его длинная записка, составленная въ духѣ дѣйствительной заботливости о благѣ Іоническихъ острововъ, предлагаетъ имъ отмѣненіе всѣхъ ограниченій, какими прежде была связана парламентская форма. Британское вліяніе будетъ совершенно отстранено отъ внутреннихъ дѣлъ Семи Острововъ; лордъ комиссаръ сохранить по внутреннимъ дѣламъ только номинальную власть, потому что его распоряженія не будутъ имѣть силы безъ подписи министровъ, а министровъ онъ обязанъ будетъ смѣнять по требованію іоническаго парламента. Кромѣ того, если іоническій парламентъ недоволенъ имъ, то можетъ посылать обвиненіе противъ него къ королевѣ и отправлять депутата, который бы поддерживалъ это обвиненіе передъ королевою и англійскимъ парламентомъ. Мы видимъ, что Гледстонъ предлагаетъ іонійцамъ точно такую же систему политическаго устройства, какую имѣетъ сама Англія, и совершенную зависимость отъ Англіи во внутреннихъ дѣлахъ. Это первая половина его лекта, говорящая о томъ, что Англія можетъ уступить іонійцамъ; вторая часть записки объясняетъ, что, по мнѣнію Гледстона, іонійцы должны сами

¹⁾ «Это содѣйствіе предполагается нужнымъ потому, что протекторатъ учрежденъ парижскимъ трактатомъ, стало быть на отмѣну его, въ случаѣ согласія, потребовалось бы согласіе и другихъ державъ, подписавшихъ трактатъ 1830 года.

сдѣлать для себя, и особенно эта половина проекта показываетъ, какимъ искреннимъ доброжелательствомъ къ нимъ онъ провикнуть. Онъ совѣтуетъ имъ измѣнить систему своихъ налоговъ и облегчить ихъ (налоги и вообще внутреннія дѣла были и прежде, какъ мы уже замѣчали, почти вполне предоставлены на волю іонійцевъ). Чтобы уменьшить расходы, Гледстонъ совѣтуетъ іонійцамъ замѣнить бюрократію самоуправленіемъ; онъ объясняетъ имъ выгоды отъ пониженія тарифа и вообще говоритъ о томъ, какими законами и стремленіями могутъ развивать они у себя духъ гражданской свободы и облегчить положеніе массы населенія въ своемъ государствѣ.

Разумѣется, іонійцы приняли отказъ королевы на ихъ просьбу съ большимъ неудовольствіемъ, хотя конечно и не ожидали ничего, кромѣ отказа. На проектъ Гледстона палата отвѣчала, что отложить совѣщаніе о немъ и повидимому хотѣть отвергнуть его весь, съ объявленіемъ, что только присоединеніе къ Греціи можетъ соответствовать желаніямъ іоническаго народа.

Мы рассказали эти происшествія довольно подробно, потому что въ нихъ выражаются обѣ стороны нынѣшней англійской иностранной политики, — и сторона ненавистная и сторона благородная. Удерживать въ своей зависимости чужое племя, которое негодуетъ на иноземное владычество, не давать независимости народу только потому, что это кажется полезнымъ для военнаго могущества и политическаго вліянія на другія страны, — это гнусно; но съ тѣмъ вмѣстѣ предоставлять этому народу полный просторъ въ управленіи своими дѣлами, сохранять у него свободу печатнаго слова и парламентскія формы, стараться развивать въ немъ тѣ гражданскія качества, которыми отличается сама Англія отъ континента, это черта совершенно иного рода. Разумѣется, изъ соединенія двухъ противоположныхъ стремленій, изъ смѣси порабощенія съ свободой, эгоизма съ доброжелательствомъ выходитъ вѣчто очень странное. Порабощены или вѣтъ іонійцы? Да, потому что только иноземное войско держитъ ихъ въ покорности нынѣшнему образу правленія; вѣтъ, потому что ни въ Сардиніи, ни въ Бельгіи, ни въ самой Англіи народъ не пользуется свободой больше той, какую даютъ англичанъ Семь Островамъ. Народъ свободно избираетъ своихъ представителей, эти представители даютъ законы для страны, — всѣ законы, всѣ правительственные распоряженія свободно обсуждаются въ открытыхъ парламентскихъ преніяхъ и въ печати. Народъ свободно выражаетъ даже свое желаніе отдѣлиться отъ государства, къ которому принадлежитъ по политическимъ трактатамъ, и на это требованіе отвѣчаютъ ему краткимъ объясненіемъ невозможности такой перемѣны; не думаютъ о наказаніи, стараются смягчить отказъ гуманнымъ правленіемъ и придумываютъ, нельзя ли сколько нибудь вознаградить за него расширеніемъ гражданской свободы. Такова политика англійскаго правительства, т. е. старыхъ партій. Но старыя партіи не англійскій народъ; это горсть людей, далеко отставшихъ отъ нынѣшняго развитія понятій въ англійской націи. Тѣ газеты, которыя не принадлежатъ старымъ партіямъ, прямо говорятъ, что Англія не должна держать въ своей зависимости чужой народъ, желающій быть независимымъ; онъ требуютъ, чтобы Англія отказалась отъ протекторства надъ Іоническими островами. И даже въ старыхъ партіяхъ находятся люди, какъ Джонъ Юнгъ, сочувствующіе этому

взгляду, признающіе справедливость желанія освободиться отъ ихъ власти въ томъ народѣ, которымъ они посланы управлять. Вотъ какія черты Англіи обнаруживаются ходомъ вопроса объ Іоническихъ островахъ; и дѣло это, незначительное по малому объему той страны, о судьбахъ которой идетъ рѣчь, важно потому, что на немъ можно изучать духъ Англіи.

Іоническій вопросъ мало кого занималъ, кромѣ самихъ іонійцевъ и англичанъ. Но вниманіе цѣлой Европы было обращено на событія въ жизни двухъ другихъ небольшихъ племенъ, сербскаго и валахо-молдавскаго. Нашъ обзоръ уже такъ длиненъ, что сербскія событія, особенно любопытныя для насъ по нашему родству съ сербами, мы рѣшили изложить въ особенной статьѣ. Это тѣмъ удобнѣе, что съ прибытіемъ князя Милоша и распущеніемъ скупщины переворотъ, происшедшій въ Сербіи, повидимому завершился, и разсказъ о немъ вѣроятно останется уже законченнымъ цѣлымъ. Стало бы, намъ надобно только сказать нѣсколько словъ о валахо-молдавскихъ событіяхъ.

Россія сочувствовала желанію румынскаго племени соединиться въ одно государство. Симпатія легко переходитъ въ надежду. Во время парижскихъ конференцій въ нашей публикѣ была увѣренность, что дипломатическими переговорами осуществится стремленіе румыновъ составить одно государство. Какъ всегда, увѣренность эта оказалась самообольщеніемъ. Единство Молдавіи и Валахіи дано было только по имени; оно ограничивалось почти только одинаковостію знамени и правомъ этихъ двухъ провинцій учреждать центральную комиссію для обсужденія отдѣльныхъ вопросовъ, касающихся обѣихъ областей. Въ каждомъ княжествѣ была оставлена особенная административная и законодательная власть, каждое должно было имѣть своего особеннаго государя и свой отдѣльный парламентъ.

Собрались эти парламенты, должны были избрать государя. Австрія и Турція употребляли всевозможныя ухищленія, чтобы не допустить въ парламенты людей національной партіи, желавшихъ соединенія, и насильственными средствами ввести туда своихъ кліентовъ, измѣнниковъ національному чувству. Однако же молдавскіе депутаты, собравшіеся раньше валахскихъ, выбрали государемъ такого человѣка, на котораго вполне могла положиться нація, желавшая соединенія, Александра Кузу. Это смутило Турцію и Австрію. Въ Константинополѣ хотѣли отказать въ утвержденіи молдавскому выбору, основываясь на томъ, что избранное лицо не удовлетворяетъ нѣкоторымъ условіямъ, опредѣленнымъ для государя дипломатическою конвенціею 19 августа. Но вотъ собрался валахскій парламентъ; депутаты его были выбраны подъ вліяніемъ интригъ и насилій Турціи, поддерживаемой Австріею. Большинство состояло изъ людей, которые повидимому не сочувствовали національному желанію. Но мало по малу они прониклись его вліяніемъ, и въ рѣшительную минуту бывшіе интриганты и реакціонеры явились патріотами. Было жестко разныхъ кандидатовъ на санъ государя. У каждого была спора между депутатами. Когда собрались депутаты, одинъ изъ претендентовъ, Бибеко, имѣвшій на своей сторонѣ временную администрацію (каймакчю) Валахіи, окружилъ войсками домъ аастаніи парламента, чтобы силою судить депутатовъ избрать его, арестовавъ тѣхъ, которые стали бы гово-

рять противъ насилія. Но населеніе Бухареста остушило войска и потребо-
вало, чтобы они удалились. Войска и ихъ начальники не захотѣли дѣйстви-
вать оружіемъ противъ своихъ братьевъ, которымъ сочувствовали. Перего-
воры тянулись нѣсколько часовъ, наконецъ каймаканія принуждена была при-
казать войскамъ удалиться. Депутаты прежде всего занялись очищеніемъ
своего собранія отъ тѣхъ членовъ, при выборѣ которыхъ было сдѣлано осо-
бенно много противозаконныхъ обмановъ или насилій. Изъ нихъ нѣсколько
человѣкъ, увлекаясь энтузіазмомъ окружавшаго ихъ народа, сами отказы-
вались отъ званія депутатовъ. Вечеромъ въ тотъ день (4 февраля) происхо-
дили частныя совѣщанія между депутатами, оставшіяся тайною для публики.
Всѣ предчувствовали только, что на другой день должна рѣшиться судьба
и Валахіи и Молдавіи: она зависѣла отъ того, согласенъ ли будетъ валах-
скій выборъ съ молдавскимъ

Едва открылось на другой день засѣданіе, депутатъ Бюереско подошелъ
къ президенту (митрополиту) и попросилъ его перейти съ депутатами изъ
залы публичныхъ засѣданій въ сосѣдную залу для явolutшенія важныхъ
вещей. Митрополитъ нѣсколько времени колебался, но долженъ былъ усту-
пить; депутаты вышли въ особенную залу. Тутъ Бюереско въ пламенной рѣчи
изложилъ важность настоящей минуты, обязанность депутатовъ пожертвовать
своими личными пристрастіями для того, чтобы явиться дѣйствительно пред-
ставителямъ національной мысли. „Желаніе націи можетъ быть исполнено,
сказалъ онъ, только въ такомъ случаѣ, если Валахія соединится съ Мол-
давіей, а для этого одно средство,—соединиться съ молдавскими братьями
и провозгласить господаремъ того самаго человѣка, который уже выбранъ
ими“. Никто не могъ устоять противъ увлеченія. Одины за другимъ пре-
седенты на санъ господаря всходили на кафедру,—первый Голеско, за
нимъ Гика, Кантакузенъ и другіе: каждый клалъ руку на Евангеліе и
клялся подать голосъ за Александра Кузу. Восторгъ увлекъ всѣхъ депута-
товъ; они закричали: „да здравствуетъ Куза!“ Этотъ крикъ донесся до залы
публичныхъ засѣданій и зрители, бывшіе на трибунахъ, повторяя его, побѣ-
жали на площадь сообщать патріотическое рѣшеніе депутатовъ народу, толпив-
шемуся на площади. Всѣ кричали: „ура!“ и обнимались.

Депутаты возвратились въ залу публичныхъ собраній, началась баллотир-
ровка и на всѣхъ 64 избирательныхъ билетахъ, вынутыхъ изъ урны, было
написано одно и тоже имя: Александръ Куза Молдавскій.

За два дня, за день, за нѣсколько часовъ до этого рѣшенія никто въ
Бухарестѣ не ожидалъ его. Неопысаннй восторгъ овладѣлъ всѣмъ населеніемъ
при удивительномъ извѣстїи.

Въ ту же минуту электрическій телеграфъ сообщилъ въ Яссы Але-
ксандру Кузѣ просьбу Валахіи быть ея господаремъ. Напрасно временное
правительство Валахіи, проникнутое турецко-австрійскимъ духомъ, говорило,
что будетъ ждать изъ Константинополя инструкцій о томъ, какъ поступить ему.
На другое утро вновь избранный господаръ уже назначилъ новое министерство,
которому безъ сопротивленія должна была передать власть каймаканія, потому
что весь валахскій народъ былъ единодушенъ.

Можно вообразить себѣ изумленіе и гнѣвъ Константинопольскаго дивана при извѣстіи о валахскомъ выборѣ. Въ первую минуту турки заговорили, что это невозможно допустить, что надобно послать войска для низложенія Кузы въ обоихъ княжествахъ. Но скоро одумались, и сама Турція стала просить державы, уполномоченными которыхъ была составлена конвенція 19-го августа, чтобы назначена была новая конференція отъ всѣхъ этихъ державъ для разрѣшенія валахо-молдавскаго вопроса. Конференція скоро соберется. Франція уже рѣшила требовать, чтобы Куза былъ признанъ господаремъ Валахіи и Молдавіи и были взяты на тѣ статьи прежней конвенціи, которыя оказались не согласны съ желаніемъ румуновъ и противорѣчатъ соединенію двухъ Дунайскихъ княжествъ подъ управленіемъ одного господаря. Большинство другихъ державъ, участвующихъ въ конференціи, будутъ требовать того же. Если не вспыхнетъ война между Франціею и Австріею до окончанія конференціи, рѣшеніе не подлежитъ сомнѣнію. Австрія и Турція должны будутъ уступить настояніямъ другихъ державъ и выборъ Александра Кузы въ обоихъ княжествахъ будетъ утвержденъ.

Страннымъ образомъ отражается общее направленіе событій даже въ такихъ отдаленныхъ краяхъ земли, о которыхъ и не думаетъ Европа. Пятьдесятъ тому назадъ читатели каррикатурныхъ журналовъ хохотали надъ картинками, представлявшими Сулука въ костюмѣ Наполеона I, подражаніемъ которому онъ гордился, подобно ему превратившись изъ президента республики въ императора. Послѣ того о Сулукѣ забыли. Но его вѣграмъ не было отъ того легче. Сулукъ рѣшительно хотѣлъ быть гаятскимъ Наполеономъ I. Онъ безпрестанно воевалъ съ сѣднѣею республикою Сентъ-Доминиканскою и сильно притѣснялъ собственныхъ подданныхъ. Окружалъ себя блескомъ, онъ сочинялъ въ своей имперіи аристократію, жаловалъ своимъ слугамъ титулы князей, герцоговъ, маркизовъ. Титулы великолѣпныхъ аристократовъ бывали иногда занимательны: былъ герцогъ Лимонадъ, былъ герцогъ Мармеладъ и т. д. Но каковъ бы ни былъ выборъ фамилій, этимъ герцогамъ и самому Сулуку для надлежащаго великолѣпія нужно было много денегъ; подданные разорялись и роптали; Сулукъ наказывалъ, какъ слѣдуетъ, недовольныхъ: изгонялъ ихъ, сажалъ ихъ въ крѣпости, казнилъ. Неудовольствіе расло и наконецъ не стало силъ переносить блистательное правленіе Фаустина I. Негритянскій генераль Фабръ Жефраръ 22-го декабря (новаго стиля) прошедшаго года вышелъ изъ столицы Сулука Портъ-о-Пренса, на берегъ, сѣлъ въ лодку съ своимъ сыномъ и двумя товарищами и доѣхалъ до города Гонайива, сѣднѣаго съ Портъ-о-Пренсомъ. Когда онъ вышелъ изъ лодки, къ нему подошли нѣсколько человѣкъ, у которыхъ было приготовлено нѣ лошадей, и они вѣхали въ городъ съ криками: *Vive la république, va la liberté* ¹⁾!

Никто ихъ не останавливалъ, они дошли такимъ образомъ до главной цѣпѣхты и приказали караульному барабанщику бить тревогу, потому

¹⁾ На Гаити говорятъ локаннымъ французскимъ языкомъ.

поѣхали къ дому губернатора. По дорогѣ встрѣчались имъ политическіе преступники, осужденные Сулукомъ на каторгу и работавшіе въ разныхъ мѣстахъ города. Они освобождали ихъ. Къ нимъ приставали жители. Губернаторъ сначала колебался, потомъ и самъ присоединился къ Жефрару; съ нимъ перешли всѣ другіе чиновники. На слѣдующій день генераль Жефраръ былъ провозглашенъ президентомъ Гаятской республики, а генераль Сулукъ (такъ называли его въ официальной прокламаціи) былъ объявленъ подлежащимъ суду за противозаконныя дѣйствія.

24-го декабря Жефраръ пошелъ къ Сень-Марку, укрѣпленному городу, комендантъ котораго со всѣмъ гарнизономъ принялъ его сторону. Теперь у Жефрара было цѣлыхъ два полка и крѣпость; оставаясь въ ней, онъ ожидалъ приближенія Сулука, а между тѣмъ сосѣдніе города одинъ за другимъ присоединялись къ новому правительству. Сулукъ собралъ войско и пошелъ на Жефрара, власть котораго признавалась уже всею сѣверною половиною гаятскаго государства; войско у Сулука было гораздо многочисленнѣе, чѣмъ у Жефрара, но солдаты не хотѣли сражаться за него, потому онъ долженъ былъ отступить въ столицу. Жефраръ пришелъ вслѣдъ за нимъ и послалъ къ нему парламентаера требовать отреченія, обѣщая пощадить его жизнь. Сулукъ сказалъ, что подумаетъ; но пока онъ думалъ, солдаты его положили оружіе. Узнавъ объ этомъ, Сулукъ немедленно занялся сочиненіемъ слѣдующей прокламаціи:

«Гаятине! призванный волею народа къ управленію судьбами Гаяти, я постоянно посвящалъ всѣ мои усилія и заботы благо моихъ подданныхъ и счастью отечества. Я надѣялся, что могу разсчитывать на привязанность тѣхъ, которые объявили меня верховною властью, но послѣднія событія не позволяютъ мнѣ сомнѣваться въ чувствахъ народа.

«Я такъ люблю отечество, что не колеблясь жертвую собою общему благу.

«Я слагаю свой санъ, единственныиъ желаніемъ мнѣя то, чтобы Гаяти могло быть такъ счастливо, какъ всегда желало мое сердце.

„Въ портъ-о-Пренсъ. 15 января 1859 года, въ лѣто 55 независимости.

«Фаустинъ».

Прокламація, какъ видимъ, написана такъ, что сдѣлала бы честь европейскому перу.

Переворотъ совершился мирно, не пролито было ни одной капли крови. Президентъ возстановленной республики, Жефраръ, поступилъ съ Сулукомъ, столь заботившимся о благѣ своего народа, какъ нельзя милостивѣе. Онъ позволилъ Сулуку свободно сѣсть на корабль и ѣхать куда ему угодно. До отъѣзда на корабль онъ оказывалъ ему защиту отъ ненависти народа хотѣвшаго растерзать Сулука; и для проводовъ его до корабля по улицамъ города прошелъ самъ, потому что безъ него Сулукъ не дошелъ бы живымъ до своего убѣжища.

На старость дней Сулукъ успѣлъ приготовить себѣ хорошее пропиа-

таніе: въ разныхъ европейскихъ банкахъ у него лежитъ болѣе 3,000,000 руб. серебра.

Жеффраръ освободилъ всѣхъ политическихъ преступниковъ, заключенныхъ Сулукомъ въ разныя крѣпости, и просилъ возвратиться всѣхъ изгнанниковъ. Онъ объявилъ Сенъ-Доминиканцамъ, что желаетъ хранить съ ними дружбу. До сихъ поръ дѣйствія его показываютъ человека благороднаго и безкорыстнаго. Онъ мулатъ, теперь ему около 50 лѣтъ. Онъ имѣетъ извѣстность хорошаго генерала, просвѣщеннаго и очень умнаго человека, и всегда пользовался большою любовью народа за гуманность характера и образа мыслей.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

А. Письма „итальянца“ изъ Times'a объ итальянскомъ вопросѣ и отвѣтъ этой газеты.

1. Изъ перваго письма «итальянца».

«Милостивый Государь! Господствующее между англичанами мнѣніе объ Австріи чрезвычайно различно отъ того, какое мы, итальянцы, составили о ней по тяжелому опыту и близкому наблюденію: ваше мнѣніе проистекаетъ скорѣе изъ старинныхъ воспоминаній, нежели изъ дѣйствительныхъ фактовъ. Прѣжняя Австрія, наемная союзница Англіи во французскихъ войнахъ, была существенно Германскою державою, хотя имѣла владѣнія и внѣ Германіи. Владѣтя Фландрією, она была близкою сосѣдкою Англіи и единственнымъ государствомъ, черезъ которое англіійская армія могла быть проведена на континентъ.

«Весь этотъ порядокъ вещей измѣнился французскими революціями и раздѣломъ Польши. Бельгія заняла мѣсто Австріи на Шельдѣ, а протестантская Пруссія въ католическихъ архіепископствахъ на Рейнѣ. Границы Австріи отдалились на 500 англіійскихъ миль, отъ устьевъ Рейна до самыхъ верховьевъ его, до Швейцаріи. Раздѣлъ Польши громаднo увеличилъ пропорцію славянскихъ ея подданныхъ, которыхъ теперь въ ней вдвое больше, нежели нѣмцевъ. Нѣмцы теперь составляютъ въ ней всего только пятую часть народа. Австрію теперь справедливѣе можно назвать славянскимъ, нежели нѣмецкимъ государствомъ; и съ каждымъ днемъ она все болѣе подчиняется нравственному вѣсу Россіи.

«Когда Австрія увидѣла фантомъ панславизма, она удвоила свои усилія германизировать славянъ и венгровъ. Тогда Меттернихъ совершалъ два послѣднія дѣла своего министерства,—присвоеніе Кракова и Галиційскую рѣзню. Нѣмецкій языкъ былъ насильственно введенъ въ краковскій университетъ. Дѣла такого рода не легко забываются,—явѣ, они иногда не забываются. Такія же достоивальныя усилія хотѣли бы дѣлать для германизации Венгріи, но въ сердцѣ этой страны еще было свободное племя мадяровъ, независимое отъ прямой нѣмецкой администраціи. Какъ Австрія заботилась о германизации, такъ венгры о мадяризации. Славянскихъ и румынскихъ поселенъ насильственно принуждали говорить на этихъ двухъ языкахъ и такимъ образомъ научилъ ненавидѣть оба эти языка, предпочитая свой родной имъ обидѣть. Славяне начали обращать свои взоры на Россію, румыны на независимыя дунайскія князества, имъ одвоплемяныя.

«Въ 1848 году всѣ націи австріійской имперіи возстали противъ двухъ націй, уступавшихъ другія въ числѣ, но стремившихся къ господству, противъ нѣмцевъ и мадяровъ, въ то самое время, когда эти двѣ націи переходили отъ стариннаго соперничества къ открытой враждѣ. Всѣ провинціи подверглись совершенному хаосу. Австрія искала спасенія себѣ въ утѣпрованіи духа тѣхъ самыхъ національностей, ко-

торыя были пробуждены ея деспотическими распоряженіями и тяжелыми налогами, а которыя она уже не могла обуздать. Когда ясно обнаружилось безсиліе Австріи привести къ повиновенію своихъ подданныхъ, явилась Россія, не какъ простая союзница, а какъ высшая покровительствующая держава.

«Австрія могла бы, уступая справедливымъ требованіямъ различныхъ провинцій, дать каждой изъ нихъ право имѣть собственную администрацію, на своемъ языкѣ, по своимъ обычаямъ. Она могла бы устроить родъ монархической Швейцаріи съ населеніемъ въ 15 разъ больше и съ колоссальною силою въ оборонѣ. Она предпочла систему, въ которой честолюбіе на тушательныхъ войнъ соединяется съ слабостью въ случаѣ обороны.

«Она заботилась только объ упроченіи единства, т. е. о господствѣ итѣмской части своего населенія. Она уничтожила прежнюю венгерскую конституцію, повергла надѣяровъ въ подлѣйшее рабство, съ неблагодарнымъ презрѣніемъ поработила тѣ самыя національности, которыя австрія помогла ей противъ венгровъ. Не для того проливали свою кровь храбрые славяне и румыны. Теперь итѣмское меньшинство сосредоточило на себѣ одною всю ту ненависть ихъ, которая прежде раздѣлялась между итѣмцами и венграми. Австрія отказалась и отъ единственнаго качества, которымъ могли искупаться ея недостатки. Прежде, хотя не было въ ней религіозной свободы, правительство строго наблюдало за католическимъ духовенствомъ. Но съ 1848 года іезуиты съ своими многочисленными аффиліаціями овладѣли правленіемъ, училищами, благотворительными учрежденіями. Они итѣшаютъ даже повышенію независимыхъ офицеровъ; они шпионствуютъ за дѣйствіями каждаго, превращаютъ каждую исповѣдальню въ полиційскую караульную, стѣсняютъ протестантовъ въ бракахъ, въ воспитаніи дѣтей, даже въ самыхъ похоронахъ. Архіепископъ вѣнскій сдѣлалъ кардиналомъ и главою папской инквизиціи вадъ всѣхъ міровъ.

«Между тѣмъ провинціи, особенно Італія и Венгрія, во много лѣтъ были преданы въ руки жадныхъ, алчныхъ и истязательныхъ генераловъ. Повсюду каждый день выказывали плетью, вѣшали, разстрѣливали; никакого удовлетворенія не было сдѣлано основательнымъ требованіямъ или настоятельнымъ necessities. Военныя контрибуціи, насильственные займы и двойные налоги, поглощаемые увеличивающимися долгами, казнокрадствомъ, расточительностью на шпионовъ и монаховъ, оказываются недостаточны для содержанія огромныхъ гарнизоновъ и постройки укрѣпленій на всѣхъ границахъ и въ сѣрдцѣ городовъ. Войска, собранныя въ одной провинціи, недостаточны для удержанія въ покорности населенія другой. Солдаты разныхъ націй, сходясь въ лагерѣ, дерутся между собою; иногда стрѣляютъ въ своихъ генераловъ, если они принадлежатъ къ враждебному племени. Таково мирное положеніе Австріи».

2. Изъ втораго письма «Итальянца».

«Милостивый Государь! Многіе англичане находятся подъ вліяніемъ ошибочной мысли, что Австрія владѣетъ своими итальянскими провинціями по наследственному, достойному уваженію праву; они даже полагаютъ, что Пруссія и всѣ другія Германскія государства обязаны рядами непрерывныхъ преданій защищать Австрію во владѣніи этими землями. Я не буду входить въ вопросъ о правахъ Орлеанскаго дома и династіи Гонзага на герцогства Миланское и Мантуанское, права, которыя прежняя Австрійская династія (а не нынѣшняя Лотарингская фамилія) во-первыхъ не слышитъ законнымъ образомъ присвоила себѣ, а во-вторыхъ до значительной степени роздала Савойскому дому. Эти общеташные вопросы совершенно уничтожены прекращеніемъ прежней Итѣмской имперіи.

«Потому я замѣчу только, что двѣ трети итальянскихъ подданныхъ Австріи составляютъ пріобрѣтеніе совершенно новое. Почти четыре милліона изъ нихъ принадлежатъ бывшему Венеціанскому государству, обнявшему не только нынѣшнее Венецкое королевство, но и землю на западъ отъ него, отъ Адидже до верхней Адды, всѣ съ бывшими Венеціанскими провинціями на восточномъ берегу Адриатическаго (Истрія, Далмація, Разуза и Каттаро), гдѣ итальянцы всегда жили въ брат-

ской дружбѣ съ храбрыми славянскими племенами, съ потомками людей, ушедшихъ отъ турепкаго владычества. Кромя того по Вѣнскому трактату Австрія получила бывшій вольный епископскій городъ Тренто въ Тироли, въ Альпскаго, которая прежде принадлежала къ Швейцарской конфедераціи, и нѣсколько лавскихъ округовъ на лѣвсмъ берегу По; всѣ вхѣстѣ эти пріобрѣтенія имѣютъ около полуmillіона жителей.

«Добровольное присоединеніе Далматскаго королевства къ Венеціанской республикѣ совершилось за много лѣтъ до нашего Вильгельма Завоевателя. Провинціи, которыми владѣла Венеція въ Ломбардіи, принадлежали ей уже въ 1547 году. Германія вовсе не грозила опасностью Венеціанской власти въ этихъ земляхъ; напротивъ того, Венеціанская республика служила оплотомъ противъ турокъ. Венеція была такою защитою для неблагодарныхъ австрійцевъ, что до ея паденія въ 1797 году никогда французская армія не бывала въ Вѣнѣ; а послѣ того, когда Австрія завладѣла Венеціею, французы заняли Вѣну два раза, въ 1805 и 1809 году. И такъ Австрійцы должны признаться, что ихъ столица была безопасна, имѣя своимъ авангардомъ Венеціанскую республику, нежели теперь, когда они должны защищаться сами.

«Тотъ способъ, какимъ Венеція, древнѣйшая свободная держава въ Европѣ, внезапно превращена была, 60 лѣтъ тому назадъ, изъ союзницы Австріи противъ французовъ въ добычу и жертву Австріи, этотъ маневръ—одна изъ постыднѣйшихъ сдѣлокъ въ исторіи. Отвѣтственность за это безнравственное дѣйствіе, окончательно послѣдствія котораго еще неизвѣстны, тяжело лежить на Австріи, обманувшей венеціанскую аристократію, дѣйствовавшую за нее; тяжело лежить на Франціи, обманувшей молодыхъ энтузіастовъ, отворившихъ свои ворота арміи минувшихъ друзей, для произведенія демократической реформы; тяжело лежить и на Англіи, получившей въ Іоническихъ островахъ, подъ именемъ протектората, часть добычи отъ разрушенія державъ родственной ей по морю.

«Если бы Англія послѣдовала совѣтамъ своихъ благородныхъ согражданъ, побѣдѣхъ лорда Гильдфорду, она могла бы, дѣйствительно, пріобрѣсть благороднѣйшій и выгоднѣйшій протекторатъ надъ двумя прекрасными племенами, населяющими Италіанско-Греческіе острова. Іоническіе острова, собственная Греція, Эссалия и Кандія, соединившись, чувствовали бы въ могущественной Англіи, защитницѣ ихъ свободы и возрожденія, такую же связатію, какую обнаруживали къ Венеціи во время кандійской войны.

«20 апрѣля 1814 года, черезъ три недѣли послѣ капитуляціи Парижа, Евгений Богарне сдалъ Венецію австрійскимъ войскамъ, пользовавшимся помощью англійскаго флота. Черезъ недѣлю австрійцы вступили въ Миланъ. Англичане уже занимали Ледоратъ и Геную. Англичане принимали на себя отвѣтственность во всѣхъ этихъ событіяхъ, которыми руководили; они участвовали во всѣхъ общахъ независимости, которыя тогда были торжественно даны италіянамъ отъ имени союзниковъ. Даже для сохраненія своего вліянія надъ Италіею Англія могла бы обезпечить италіянамъ трактатами независимость отъ иностранцевъ, свободу печати, свободу совѣсти и сохраненіе представительной формы, по крайней мѣрѣ той, какая была сохранена Наполеономъ.

«Но въ Италіи побѣда Англіи, пріобрѣтенная сокровищами и кровью лучшихъ сыновъ ея, была побѣдою папы, шпіонства и инквизиціи. Іезуиты вышли изъ своего гнуснаго гроба, чтобы развратить Италію и заразить всю Европу.

«Лучшіе и благообразнѣйшіе люди съ грустью выдѣли, на какую безславную жизнь осуждены они этою измѣною. Негодующимъ взоромъ они набѣрали великую разяицу между принятой, хотя и военнымъ управленіемъ Наполеона, и уничительнымъ дикемъ безответственнаго деспотизма. Первоначальныя свободы правительства, учрежденныя Бонапартомъ въ Миланѣ, Генуѣ, Римѣ, Неаполѣ, были также грозно осуждены друзьями свободы, какъ и защитниками рабства и суверѣна,—брань послѣднихъ сильно овладѣла въ ихъ пользу. Дѣло въ томъ, что старинныя италіанскія государства, преобразованныя Бонапартомъ въ демократическія республики, имѣя представительные парламенты, вдругъ достигли такой степени свободы управленія, слова,

печати и жизни, что очень скоро при них истребился бы папизм, исчезли бы все злоупотребления, вся испорченность и извращенность. Это было возрождение итальянской жизни. Не скоро Наполеон, обожженный предвещаниями противными тем, на которых основалась его власть, покинул путь прогресса и обратился к одной грубой физической силе. Это было его первым, добровольным отречением.

«Кажется странным, что Наполеон, владея всею Италией и зная, какою славою для него было возстановить полную ее независимость, вдруг изменил свой путь и стал действовать в противоречие с самим собою. Он присоединял к Франции, как простые французские префектуры, Турин, Геную, Парму, даже Флоренцию святаяице итальянской литературы, Рим, святаяице итальянской истории. Быть может он лучше, чем кто-нибудь, понимал природу своих соотечественников и боялся пробудить национальную жизнь, чувствуя, что и на недолгое время нельзя будет удержать ее под иноземной опекою.

«Дух Наполеона возстает в Италии. Франция не нужно переходить Альпы: она уже занимает центр Италии; она чувствует повидному, что призвана исполнять первые, благородные и святые мысли ее великого императора. Неужели Англия не соединится с ней в это безкорыстное дело, не захочет приобрести нашего уважения, нашей благодарности и любви помощию нам для прекращения страданий, производимых дурным австрийским и папским управлением?»

3. Ответ *Times'a* на второе письмо «Итальянца».

«По правилу выслушивать все стороны, мы поместили второе письмо «Итальянца», убеждающего нас помогать Франции в «безкорыстном деле»: в положении конца преступлений и безумств «дурного австрийского и папского правительства». Мы народ методический, мы привыкли разсудительным образом поступать даже в вопросах о симпатиях и национальностях; потому прежде нежели мы получим расположение помогать Франции в ее предполагаемой итальянской политике, мы не без основания можем просить доказательств на то, что французское правительство действительно одушевлено теми превосходными намерениями, которыми придает ему ваше милый корреспондент. Доказательства нам кажутся едва ли не слабыми. Наполеон I в 1797 году провинился, как оказывается, «в одном из постыдных дел, о каких упоминает история». Он предал Венецию Австрии и «обманул молодых энтузиастов, открывших ворота его армии». Если таковы «благородные и святые намерения», осуществить которые Франция считает, по мнению итальянцев, своею обязанностию, то может быть он не ошибается; но такие намерения не должны ожидать себя никакой помощи от Англии. Если же, как надобно скорей думать, «Итальянец» желает видеть в нас вору, что вынужден намерения Франции состоять в том, чтобы, по примеру Наполеона I, покрыть Италию демократическими республиками, мы желали бы некоторых доказательств на то. Правление французских владений в Италии всегда следовало форм правления, существовавшего в самой Франции, с такою же прочностью, как полиция принимает путь сил, за которую держится. Пока во Франции была республика, ее итальянские завоевания также были республиками; когда Франция сдвигалась империей, республика стала королевством. Теперь Франция управляется императором. Можно ли предположить, чтобы вторая империя заботилась, в противность примеру первой, поощрять итальянские республики, которые были бы живым сатирою на нее? Папское и австрийское правление не нравятся нашему «Итальянцу»; но какие черты превосходят а над австрийским правлением может он указать в нынешнем французском правлении? Разв во Франции больше свободы перу и слову, нежели в Австрии? В лижная свобода лучше обезпечена? Ему не нравится папское правление. Но Франция пишет лагер в Риме. Способ, каким она вошла в него, десять лет тому назад, не предвещает особенно хороших шансов для демократической республики; а овра, которую она в течение десяти лет дает своим вооруженным в чествовать правительству папы, единственным средством к укрощению рим-

лишь считающему содержание ихъ въ бѣдѣ и жалкомъ положеніи,—эта поддержка не ободряетъ насъ къ большимъ надеждамъ о происхожденіи хорошаго правленія изъ такого источника. Скорѣе мы думали бы, что Франція не готовится для Италіи ничего, кромѣ той правительственной системы, правленія перваго Наполеона, о которой лашъ корреспондентъ говоритъ такъ прекрасно. Изъ этого мы заключаемъ, что мы не призваны помогать Франціи, т. е. императору французскъ, въ испроверженіи вышнихъ итальянскихъ правительствъ, потому что не имѣемъ ни малѣйшаго основанія предполагать, чтобы его намѣренія простырались далѣе заѣмы прежнихъ фортъ новыми совершенно такими же».

В. Изъ иреній объ адресѣ въ Палатѣ Общинъ (засѣданіе 3-го февраля 1859 года). Положеніе итальянскаго вопроса.

1. Изъ рѣчи лорда Пальмерстона.

«Судя по слухамъ, есть вѣроятность большой европейской войны, начинающейся столкновеніемъ въ Италіи между Франціею и Сардиніею съ одной стороны и Австріею съ другой; предстоитъ войнѣ быть, я полагаю, изгнаніе Австріи за итальянскія границы. Многие думаютъ, и я въ томъ числѣ, что надобно чрезвычайно желать, въ интересахъ не только Италіи, но и самой Австріи, чтобы она не владѣла этими провинціями на югъ отъ Альповъ. Я не думаю, чтобы эти владѣнія увеличивали ея могущество. Я увѣренъ, что они стивить ее въ такое положеніе, которое дѣлаетъ ее предметомъ ненависти для многихъ и внушаетъ ей такую политику, отъ которой благоразумное правительство захотѣло бы удержаться. Но мы должны понять, что она владѣтъ этими провинціями по трактату 1815 года (послѣ этого Пальмерстонъ говорить, что трактаты не могутъ быть произвольно нарушаемы). Нельзя было бы сказать, къ чему привело бы явлено не признавать трактатовъ. Начинать войну нельзя легкомысленно. Легко начать ее; но невозможно сказать, каковы будутъ ея развиты. Война между двумя такими могущественными державами, какъ Франція и Австрія, можетъ начаться изъ-за вопроса только о владѣніи Ломбардіею. Но сказать, какія державы могутъ послѣдствъ быть вовлечены въ такой споръ, это выше человѣческой провинциальности. Слѣдовательно тѣ, которые хотѣли бы возбудить или начать такую войну, должны были бы хорошенько взвѣсить отвѣтственность, лежащую на государственныхъ людяхъ. Начинать такую войну, значило бы вовлечь Европу въ бѣдствія, которыхъ трудно описать,—вовлечь по такой причинѣ, которая не въ состояніи оправдать подобной войны, хотя и представляется хорошею въ абстрактной теоріи. Но я долженъ также сказать, что если Австрія опирается на прочное договорное право относительно провинцій, данныхъ ей трактатами, въ которыхъ участвовали всѣ европейскія державы, то у ней нѣтъ этого права, когда она переходитъ за границы, опредѣленные этими трактатами; знаніе другихъ частей Италіи, не принадлежащихъ ей, не оправдывается никакими договорными правами. Я надѣялся бы, что хотя не будетъ войны (я вѣрю, что не будетъ войны),—я надѣлся бы, что эти предметы будутъ приняты въ соображеніе различными европейскими правительствами и будутъ приняты мѣры для прекращенія исключительнаго положенія вещей, которое возникаетъ изъ занятія папскихъ земель австрійскими войсками съ одной стороны и французскими войсками съ другой. Это положеніе вещей продолжается уже много времени. Оно—уклоное отъ нормальнаго положенія вещей. Оно не нарушаетъ никакого трактата, это правда; но оно и не узаконено никакими трактатами. Въ оправданіе говорятъ, что если бы чужеземныя войска были выведены, въ римскомъ и неаполитанскомъ государствахъ вспыхнула бы революція. Но я предлагалъ бы средство лучше, нежели занятіе земли иностранными войсками. Я предлагалъ бы исправленіе недостатковъ, которые привели къ нему; пусть только эти правительства примутъ совѣтъ, данный имъ еще въ 1832 г. пятью великими державами; пусть они преобразуютъ свою систему, пусть она по-

жать конецъ тираническимъ злоупотребленіямъ, угнетающимъ и ожесточающимъ народъ, и тогда не будетъ революціи, тогда ваяніе иностранными войсками можетъ прекратиться, и внутреннее спокойствіе тѣхъ странъ перестанетъ быть въ опасности. Но если эти государства не положить конца нынѣшней системѣ, пусть она подвергнется ея послѣдствіямъ. Потому я присоединяюсь ко всѣмъ людямъ разсудительнаго ума, въ отвращеніи отъ этой войны, слухи о которой разнеслись повсюду, и выражаю надежду, что проникательность правителей и здравый смыслъ націй будутъ стремиться къ сохраненію европейскаго мира».

2. Изъ рѣчи д'Ириэли.

«Мы откровенно сообщили Франціи и Австріи нашъ взглядъ на ихъ положеніе въ Италіи, бывшее поводомъ къ этому несчастному соперничеству и несогласію. Мы также признаемъ неудовлетворительное положеніе многихъ частей Италіи, какъ и благородный лордъ (Пальмерстонъ). Я думаю, что палата согласна съ благороднымъ лордомъ въ его порицаніи каждаго поступка, который нарушился бы важные трактаты, ограждающіе спокойствіе Европы, какая бы держава ни поступила подобнымъ образомъ. Но благородный лордъ справедливо замѣчаетъ, и всѣ здравомыслящіе люди согласятся съ нимъ, что состояніе центральной Италіи чрезвычайно неудовлетворительно и что эта неудовлетворительность очень мало связана, или вовсе не связана съ важными трактатами, силу которыхъ благородный лордъ, подобно всѣмъ здравомыслящимъ людямъ, желаетъ охранять. Настоящее правительство давно замѣчало, и его предшественники также замѣчали неудовлетворительность въ положеніи тѣхъ центральной Италіи. Но въ чемъ одна изъ главныхъ причинъ, возбуждавшихъ между воевавшими державами недовольство ихъ положеніемъ? Причина въ томъ, что центральная Италія занята арміями двухъ великихъ военныхъ державъ Европы. Эти державы—Франція и Австрія, взаимное соперничество и недоверіе которыхъ поражаетъ столько опасностей. Если эти обстоятельства, мы сообщали нашимъ союзникамъ, Франціи и Австріи,—и не только этимъ двумъ державамъ, но также и дворянъ туринскому, бернскому и савклетербургскому, что состояніе центральной Италіи неудовлетворительно, и чрезвычайно полезно было бы принять мѣры для устраненія давнишнихъ причинъ обществяннаго неудовольствія и безпокойствъ для всей Европы. Но мы съ такой же откровенностью и твердостью выразили наше мнѣніе, что эти великіе и благотворные результаты не могутъ быть достигнуты неизмѣненіемъ существующаго порядка, основаннаго на договорахъ, а скорѣе обращеніемъ вліянія государствъ, заинтересованныхъ въ итальянскомъ вопросѣ, на улучшеніе состоянія центральной Италіи. Стараясь и во Франціи и въ Австріи отарать недоверіе, возникшее между ними, представляя имъ всѣ соображенія для сохраненія мира, мы также говорили этимъ великимъ державамъ объ обязанности ихъ замѣнить непріязненный споръ взаимнымъ владѣтельствомъ въ Италіи болѣе благороднымъ соревнованіемъ о содѣйствіи интересамъ Италіи и улучшеніи ея положенія. Мы указывали Франціи и Австріи, что особенность ихъ положенія,—одна изъ нихъ владѣтъ частью Италіи, другая занимаетъ древнюю столицу Италіи, обѣ оны старшія дочери католической церкви,—мы указывали имъ, что такая особенность положенія ставитъ первую обязанностью ихъ вступить въ содѣйствіе о томъ, не можетъ ли соединенное ихъ вліяніе склонить государей центральной Италіи къ такой полнотѣ, которая устранила бы злоупотребленія и административные недостатки, признанныя невыносимыми по общему мнѣнію. Мы не могли присоединяться сами къ этимъ усиліямъ, не потому, чтобы желали уклониться отъ ответственности или отъ исполненія высокихъ обязанностей, лежащихъ въ эту историческую минуту на всѣхъ великихъ державахъ, но намъ казалось, что вышестельства Англіи, протестантской державы, въ такіе дѣла можетъ быть фальшиво истолковано и что лучше будетъ, если результаты, которые желаетъ и Англія, осуществятся содѣйствіемъ вліяній Франціи и Австріи. Безъ сомнѣнія таже мысль руководила и Россією. Но удерживалась отъ прямого вышестельства, не выступая на первый планъ, вслѣдствіе убѣждая Францію и Австрію соединить свои усилія къ до-

стиженію великаго результата, къ улучшенію итальянскихъ правительствъ, мы также сказали, что слабымъ результатъ нѣхъ совѣщаній былъ, но нѣхъ нѣбнѣю, столь важнѣе, что другія великія державы, подписавшія трактатъ 1815 года, должны были бы согласиться съ нами для достиженія дальнѣйшихъ нѣлей, если бы, напримеръ, Франція и Австрія почли необходимымъ и полезнымъ произвести какія нибудь территоріальныя перемѣны въ центральной Италіи, то мы съ полною готовностью стали бы помогать имъ нашимъ совѣтомъ и вліаніемъ для произведенія такого результата, и стали бы склонять другія державы, участвовавшія въ договорахъ 1815 года, присовокупиться къ этому дѣлу и помогать ему. Я думаю, что этотъ образъ дѣйствій будетъ одобренъ Палатою. Мы не можемъ думать, и ни одинъ разсудительный человѣкъ не можетъ думать, чтобы улучшеніе или возрожденіе Италіи могло быть достигнуто превращеніемъ ея снова въ поле битвъ. Рекомендуемая нами политика представляется столь ядровой, умѣренной и согласной съ нѣбными всѣхъ разсудительныхъ людей, что я не отказываюсь увидѣть ее принятою, и потому, хотя я допускаю, что дѣла находятся теперь въ критическомъ положеніи, но не согласусь еще съ благороднымъ лордомъ (Пальмерстономъ), что война, и можетъ быть общая европейская война, нажмется теперь вѣроятно. Я сказалъ, что мы сдѣлали туринскому двору представленіе въ томъ же смыслѣ и съ тою же откровенностью и полнотою, какъ Франція и Австрія. Устройство Сардиніи таково, что необходимо и натурально вызываетъ сочувствіе въ свободномъ парламентѣ; и нѣтъ въ Италіи государства, къ которому англійскія чувства были бы такъ расположены, какъ къ Сардиніи, особенно въ послѣдніе годы. Мы всѣ надѣялись, что Сардинія будетъ орудіемъ нравственнаго и матеріальнаго улучшенія для Италіи, по отношенію къ свободѣ и въ другихъ отношеніяхъ; я и не покину поспѣшно надежду, казавшихся столь основательными и бывшихъ столь обидительными для каждой благой души; но я хотѣлъ бы внушить этому нилому для насъ государству, что на пути, по которому оно идетъ, терпѣніе должно быть добродѣтелью, столь же необходимою и драгоценною, какъ энергія и предприимчивость, обнаруживаемыя Сардиніею; хотѣлъ бы внушить, что сохраненіемъ порядка, охраненіемъ своей политической свободы, приобрѣтеніемъ опытности въ пользованіи этою свободою, опытности, увеличивающейся въ ней съ каждымъ годомъ, она вѣрнѣе достигнетъ своей конечной цѣли, т. е. возрожденія Италіи, нежели могла бы достичь союзомъ съ какою нибудь великою державою, которая могла бы на нинуту принять ей искусственную силу, но вѣроятно только вовлекла бы ее въ ненатуральныя усилія, — а эти усилія могутъ кончиться ослабленіемъ маленькаго государства. Я обманулъ бы Палату, если бы сказалъ, что представленіе нами сдѣланнаго произведетъ уже дѣйствія столь полныя, какъ мы желали. Но она была сдѣлана откровенно, полно и свободно всѣмъ государствами Европы. (Тутъ Д'Израэли увѣряетъ, что одна изъ причинъ, по которымъ онъ найдетъ на сохраненіе мира, состоитъ въ его довѣріи къ мудрости французскаго императора, искренно желающаго сохранить дружбу съ Англіею; онъ прибавляетъ, что слухи о намѣреніи Наполеона III при удобномъ случаѣ внезапно напасть на Англію, неосновательны, и что при нынѣшнемъ состояніи англійскихъ войскъ нападеніе на Англію было бы безразсуднѣе, нежели когда нибудь; потомъ заключаетъ): Мы не вступаеи ни въ какіе союзы; мы не дѣлали никакихъ конвенцій по итальянскому вопросу, но дали всѣмъ захватившимъ въ него державамъ одинъ и тотъ же откровенный, дружескій и искренній совѣтъ. Нашъ совѣтъ нѣтъ двѣ цѣли: во-первыхъ сохраненіе мира, во-вторыхъ улучшеніе состоянія Италіи; и я не могу покинуть моего убѣжденія, что въ наше время, когда общественное нѣніе, если не въ каждой странѣ всецѣлкомъ, то въ каждой странѣ нѣмѣе великому и благотворному влннью, военная борьба не будетъ начата изъ прихоти склоняющей къ нападенію, но что всѣ великіе государи, гдѣ бы ни стоялъ нѣхъ престолъ, въ Англіи или въ Германіи, поймутъ что есть слава выше военной славы и есть истинныя могущества божіе нѣрныя, нежели хвастовство военною силою». (Далѣе слѣдуютъ, въ томъ же смыслѣ, философскія разсужденія, съ явнымъ отношеніемъ къ Наполеону III).

3. Изъ рѣчи лорда Росселя.

«Есть въ тронной рѣчи предметъ, который долженъ служить не темою для будущихъ нашихъ разсужденій, какъ другіе предметы, которыхъ касается тронная рѣчь, но о которомъ, если надобно говорить, то надобно говорить нынѣ же; относительно этого предмета достопочтенный джентльменъ (Д'Израэли) желаетъ по возможности успокоить пазату, но самъ чувствовалъ, что въсѣ не могъ достаточно успокоить ее. Онъ сказалъ относительно возникновенія войны между двумя великими державами Европы, что усонинился бы сказать, что эта война вѣроятна, или что на ниръ нѣтъ никакой надежды. Мнѣ кажется, что эти выраженія служатъ справедливымъ одѣнкою нынѣшняго положенія дѣлъ, и что они вовсе не успокоительны. Я совершенно согласенъ почти съ каждымъ словомъ, сказаннымъ юнымъ благороднымъ другомъ, депутатомъ Тайвертона (Пальмерстономъ) объ этомъ предметѣ. Я желалъ бы, чтобы въ 1815 году судьба сѣверныхъ провинцій Италіи была устроена какъ нибудь иначе. Я желалъ бы, чтобы, хотя въ послѣдніе годы, Австрія почла выгоднымъ отказаться отъ нѣкоторыхъ областей сѣверной Италіи. Но трактатъ, дающій ей эти области, принадлежитъ къ государственному праву Европы и не можетъ быть нарушенъ безъ прекращенія европейскаго мира. Потому я хотѣлъ бы надѣяться въстѣ съ почтенымъ джентльменомъ (Д'Израэли), что не будетъ легкомысленнаго нарушенія этого трактата. Но если бы нападеніе было сдѣлано съ цѣлью расширенія границъ, если бы Франція захотѣла присоединить къ себѣ какія нибудь области, а Сардинія увеличить свои владѣнія, отъ такихъ намѣреній нападеніе только сдѣлалось бы еще болѣе дурнымъ, нежели просто легкомысленное нарушеніе трактата. Я всегда чувствовалъ глубокую симпатію къ независимости и свободѣ Италіи; но я не могу сказать, чтобы дѣло итальянской свободы и независимости, по юему нѣбнню, получало пользу отъ такой войны, какую повиданному хотѣтъ начать. Въ старинные дни вигистскаго клуба часто провозглашался такъ токъ: «за дѣло гражданской и религіозной свободы въ цѣломъ мірѣ». Когда вистеръ Кевингъ сдѣлался иностраннымъ министромъ и былъ обѣдъ въ Гервинѣ, послѣ новаго выбора его въ депутаты, онъ также провозгласилъ токъ: «за дѣло гражданской и религіозной свободы въ цѣломъ мірѣ». Я также стою за дѣло гражданской и религіозной свободы въ цѣломъ мірѣ; но клянуся жизнью, я не вижу, какими образомъ это дѣло могло бы выиграть отъ такого нападенія, о которыхъ теперь говорятъ. Мы не имѣемъ права подвергать нашему разбору форму яравательства, принатую у сосѣдней націи. Придавая высокую цѣну миру, проявляясь тѣмъ господствующимъ нѣбннемъ, что миръ должно сохранять, французская нація показываетъ свое сужденіе о состояніи, въ которомъ ова находится, и не какъ спорить съ нею о формѣ ея правительства. Но если это правительство хочетъ вторгнуться въ другую страну съ цѣлью улучшить въ ней форму правительства, то мы имѣемъ право спросить, выиграетъ ли свобода и независимость этой страны отъ такого нападенія. По всѣмъ этимъ причинамъ я долженъ осудить предполагаемую войну, какъ нарушеніе европейскаго мира, какъ чрезвычайно дурной примѣръ, колеблющій довѣріе ко всѣмъ трактатамъ, на которыхъ основано нирѣ Европы. Но мы не должны нытаться, — и я дѣло мира, ни дѣло будущаго благосостоянія Европы, не получить никакой выгоды, если бы буденъ пытаться закрывать глаза, чтобы не видѣть тѣхъ важныхъ бѣдствій и страданій, которыми подвергнута Италія. Съ перваго же года по заключеніи Вѣнскаго трактата, Австрія стала стемиться къ тому, чтобы управлять цѣлой Италіей; она своимъ вѣншательствомъ от ловляла неаполитанскаго короля отъ введенія въ нго королевство учрежденій, основанныхъ на принципахъ не похожихъ на принципы, господствовавшіе въ Австріи; и когда, въ 1821 году, неаполитанскій народъ сдѣлалъ попытку, чтобы улучшить свои учрежденія и нѣтъ представительное собраніе, что было сдѣлано? Австрійская армія вошла въ Неаполь и 40,000 войска было поставлено въ этомъ королевствѣ, чтобы лишить въ политанскій народъ тѣхъ учреждений и законовъ, какіе онъ считалъ лучшими. Лордъ Кестельри при этомъ случаѣ отъ имени британскаго правительства объявилъ, — и можно назвать протестомъ, — что британское правительство не можетъ одобрить

принципа, по которому было сделано это вторжение. Потому, когда парижский народ, страдавший тогда под самым дурным правительством, под властью самой дурной аристократии и самого дурного духовенства во всей Европе, хотел улучшить свое положение, 12,000 австрийского войска вошла в эту страну, чтобы не допустить народ к улучшению своих учреждений. В 1831 году опять было такое же вмешательство; правда, был дан совет папѣ, но в тоже время были употреблены насильственные средства. В 1848 году тосканский народ, среди общего хаоса и смятенія, господствовавшего на континентѣ, сталъ недоволенъ своимъ кроткимъ правительствомъ и учредилъ республику; но скоро онъ раскаялся въ своей опрометчивой революціи, уничтожилъ республиканское правленіе и возстановилъ власть великаго герцога. Тутъ мы увидѣли примѣръ того, что народъ по собственному согласію желалъ возвратиться къ той кроткой формѣ правленія, которую находилъ сообразнѣею съ своимъ довольствомъ и благосостояніемъ; но этихъ не удовлетворялись. Большой австрийскій отрядъ вошелъ въ Тоскану и оставался тамъ нѣсколько лѣтъ, безъ всякой необходимости и цѣли, кромѣ того, чтобы оскорблять этотъ кроткій и покорный народъ зрѣлищемъ чужеземнаго военного господства. И относительно центральной Италіи, о которой говорилъ достопочтенный джентльменъ (Д'Израэли), надобно замѣтить, что соперничество Франціи было возбуждено именно этими австрийскими вмешательствами. Они были причиною того, что въ началѣ царствованія Луи-Филиппа было послано въ Аяксю французское войско для противодействия австрийскому вмешательству въ другія частяи Италіи. Въ 1848 году австрийскія войска также вмешались въ управленіе легатствами, и французскій отрядъ былъ немедленно посланъ въ Римъ и овладѣлъ Римомъ; и по словамъ почти всѣхъ тогдашнихъ оффиціальныхъ представителей Франціи, это было сделано единственно потому, что Франція не могла допустить Австрію имѣть полную власть надъ Италіей. Но соперничество этихъ великихъ державъ имѣло результатомъ бѣдствія несчастнаго народа, надъ которымъ военной силой было поставлено правительство самое неважнѣйшее ему. Надобно замѣтить, что императоръ французъ самъ впадалъ въ ошибку, въ которомъ указывалъ, какими средствами можно улучшить положеніе римскаго народа,—онъ совѣтовалъ ввести наполеоновскій кодексъ, свѣтскую администрацію и т. п. Но этотъ советъ не былъ принятъ. Австрийское правительство во многихъ отношеніяхъ можно назвать просвѣщеннымъ. Но въ Болоньи и Анконѣ не австрийское правительство, тамъ только австрийское войско, а въ Римѣ французское войско; и этими войсками поддерживается въ Папской Области самое худшее правленіе, какое только существовало въ ней. Кто сомнѣвается въ этомъ пусть прочтетъ сочиненія о Папской Области. Я самъ слышалъ, какъ были разрушены всѣ попытки къ улучшенію. Народъ говорилъ: «дайте намъ свѣтскую администрацію и заберите чиновниковъ-монаховъ свѣтскими чиновниками». Посланы были свѣтскіе чиновники, но люди такого рода, что бѣдный народъ сказалъ: «дайте намъ опять монаховъ, дайте намъ кардинала или кого угодно, лишь съберите ихъ». Изъ этого выводять доказательство, что народъ не хочетъ свѣтскаго правительства. Такимъ же образомъ выводить, что народъ не желаетъ муниципальныхъ учреждений. Но французской революціи были муниципальныя учрежденія и народъ управлялъ нѣсколько изъ своихъ дѣлъ. Французы разрушили всѣ эти муниципальныя учрежденія, но забили ихъ хорошею администраціею, или что называется просвѣщеннымъ деспотизмомъ. Съ 1852 года они не имѣютъ ни муниципальныхъ учреждений, ни просвѣщенного деспотизма; они имѣютъ всевозможное взяточничество и притѣсненіе. Два года тому назадъ я читалъ Палатѣ достоверное свидѣтельство о томъ, что въ Папской Области сознаніе у преступниковъ вынуждается пыткой. Удивительно ли, что народъ, управляемый такимъ образомъ, при помощи иностранныхъ войскъ, недоволенъ правительствомъ и готовъ на все, лишь бы прекратилось нынѣшнее состояніе! Какъ же покоить это? Достопочтенный джентльменъ (Д'Израэли) говоритъ, что былъ поданъ советъ, чтобы Австрія и Франція придумали ябры, указавъ средства къ улучшенію судостроительства и администраціи. Советъ очень хорошъ, но есть пламя, которое лучше всякаго другаго: онъ состоитъ въ томъ, чтобы народу дали самому устроить свои законы. Я недавно читалъ брошюру Фарини-Синьора Фарини говорить: «По парижскому трактату жителямъ Молдавіи и Валъ».

дозволяется собраться для соображения, какъ устроить свое правленіе. Почему бы намъ не позволить того же? Почему бы жителямъ Романьи не позволить собраться объявить, позъ какими законами они хотѣли бы жить? Мнѣ кажется, что санворъ Фарнаи совершенно правъ; а въ рѣчи королевы вы слышали объявленіе, что представители Дунайскихъ Княжествъ собрались и установили себѣ законы. Я убѣжденъ, что народъ центральной Италіи, — народъ, 500 лѣтъ славившійся въ литературѣ, 500 лѣтъ бывшій просвѣщеннымъ народомъ и потому далеко превосходящій жителей Дунайскихъ Княжествъ, — что этотъ народъ, если иностранныя войска будутъ выведены, — я убѣжденъ, что если это сдѣлается, то народъ Папской Области скоро установитъ такіе законы для своего правленія, результатовъ которыхъ будетъ общее довольство и благосостояніе. Позвольте жителямъ Болоньи, позвольте жителямъ Романьи составить для себя законы, и я увѣренъ, что затруднительность итальянскаго вопроса почти исчезнетъ. Я думаю, что въ такомъ случаѣ не было бы надобности въ кровавой войнѣ, отъ которой, не выиграешь ни свобода и отъ которой, опасаясь и, едва ли приобретутъ они независимость. Я соглашаюсь съ достопочтеннымъ джентльменомъ (Д'Израэли), съ моимъ благороднымъ другомъ (Пальмерстономъ) и со всею Палатою въ надеждѣ, что такое страшное бѣдствіе, какъ война, не постигнетъ Европу. Я не могу вѣрить, чтобы была достаточная причина для нея. Вы сказали въ парижскомъ трактатѣ и сказали очень благообразно, что не должно быть никакого вѣншательства иноземной вооруженной силы въ дѣла Дунайскихъ Княжествъ, въ дѣла Сербіи, явуче, какъ по согласію на такое вѣншательство всѣхъ державъ, бывшихъ участницами договора. Почему не сказать того же самаго о всѣхъ итальянскихъ государствахъ? Почему не сказать, что на въ Церковную Область, ни въ Тоскану, ни въ Неаполь не должны вступать иноземныя войска явуче, какъ по согласію европейскихъ державъ? Я не думаю, чтобы какою бы то ни было планъ, составленный австрійскимъ правительствомъ, или французскимъ правительствомъ, для управленія Папскою Областью, могъ имѣть успѣхъ, потому что папское правительство имѣетъ довольно таланта и хитрости, чтобы разстроивать всякія новыя распоряженія и уклоняться отъ нихъ».

С. Билль Брайта, извлеченіе изъ его рѣчи на Бредфордскомъ митингѣ (по отчету Times'a).

«Я предполагаю, что мы всѣ реформеры; нѣтъ человѣка, который не былъ бы за парламентскую реформу. А если каждый за реформу, то зачѣмъ же мы предостерегаемъ народъ противъ обмана? Запѣчали ли вы разсужденія газетъ о реформѣ и образъ вышнихъ дѣйствій въ послѣдніе три мѣсяца? Я готовъ допустить, что выражался не всегда хорошо (нѣтъ, нѣтъ), но все-таки объясненія многихъ газетъ были внушены не честнымъ желаніемъ дружески указать ошибки, въ которыя могъ я впасть, а глубокимъ чувствомъ вражды. Запѣчали ли вы также лическій страхъ, овладѣвшій нѣкоторыми членами Палаты Лордовъ? Эти нобельмены воображаютъ, что нашъ народъ можно удержать отъ стремленія къ великой цѣли, приписывая имъ выраженія, которыхъ цѣль я ни мало не одобряю.

«Великій вопросъ, разсуждать о которомъ мы собрались, можетъ быть раздѣленъ на три части:—

Во-первыхъ, какъ поступить относительно расширенія границъ избирательнаго права?

«Во-вторыхъ, надобно ли произнести какую нибудь перемѣну въ способѣ подсчета голосовъ?

«Въ-третьихъ, какія мѣры надобно принять, чтобы взять депутатовъ отъ нѣтъ населеній, совершенно неспособныхъ хорошо пользоваться правомъ выбора, и каковы нѣтъ или старымъ большимъ городамъ, или промышленностямъ и населеніямъ, жнбы быть тотомъ передави эти депутаты?

«Послѣдній вопросъ будетъ главнымъ предметомъ моей вышшняй рѣчи; но тде я долженъ также сказать по нѣскольку словъ о первомъ и второмъ.

«Главное мое возражение против нынѣшняго ценса въ томъ, что онъ исключаетъ отъ выборовъ многочислѣннѣйшій классъ. Жильцы квартиръ въ 10 фунтовъ вообще не принадлежатъ къ сословию, получающему заработную плату. Предметомъ реформы 1832 года было—не дать голоса классу работниковъ. Я не осуждаю этотъ билль или его составителей; я не спорю, что онъ былъ великою шизою, какъ первый шагъ нашъ къ распространенію политическихъ правъ въ народѣ; но дѣло въ томъ, что онъ исключаетъ обширный классъ работниковъ, а я утверждаю, что такое исключеніе обидно для всѣхъ другихъ честныхъ классовъ и громадная несправедливость къ тому классу, до котораго непосредственно относится. Нѣтъ необходимости, чтобы каждый имѣлъ голосъ; но необходимо, для удовлетворенія здраваго смысла и справедливости, чтобы избирательное право было распредѣлено безобидно и съ возможной соразмѣрностью между всѣми классами націй. Какъ достичь этой цѣли? Я думаю, что мы должны принять какой нибудь широкій и общій, всеобъемлющій принципъ. Я рекомендую, чтобы участіе въ парламентскихъ выборахъ было дано всѣмъ, трудящимся облагаемымъ податью на пособіе бѣднѣйшимъ и безпомощнымъ больнымъ людямъ. Я знаю, что въ Бредфордѣ многіе джентльмены расположены въ пользу того, чтобы голосъ былъ данъ каждому, имѣющему свое домашнее хозяйство. Я не вижу существенной разницы между этими двумя предложеніями, и если я не требую отъ каждаго, расположеннаго въ пользу голоса по хозяйству, идти со мною въ голосъ по подати, то самъ я съ величайшимъ удовольствіемъ пойду съ ними за голосъ по хозяйству, который онъ предпочитаетъ. Клановенная разница между этими двумя основаніями, сколько я могу видѣть, клонится въ пользу принимаемаго мною. Голосъ по хозяйству исключалъ бы каждаго, кто не имѣетъ особенной своей квартиры. Я предлагаю, что приверженцы голоса по хозяйству не желаютъ исключить отъ выборовъ людей, живущихъ на квартирахъ у своихъ друзей. Я принимаю, какъ я говорилъ прежде, тотъ ценсъ, который Фоксъ и покойный лордъ Грей предлагали въ 1797 году, лордъ Дергемъ предлагалъ во время билля о реформѣ въ 1832 году и заключавшія почти всѣ важнѣйшіе реформеры послѣднихъ 60 лѣтъ. Я думаю, что если будетъ установленъ такой ценсъ, то во всемъ королевствѣ будетъ чувствоваться невозмутимая увѣренность, что по крайней мѣрѣ въ этомъ вопросѣ парламентъ оказалъ полную справедливость всѣмъ классамъ народа. Я совершенно готовъ править къ этому общему правилу всякія дополненія, для доставленія участія въ выборахъ лицамъ, желающимъ того, и я увѣренъ, что вѣнчательная часть лицъ, пользующихся теперь правомъ выбора, не будутъ вполнѣ довольны никакою шизою, которая была бы скудна на отличіе, драгоценное для гражданъ свободной страны. Сильный авторитетъ (газета *Times*) говоритъ мнѣ, что отъ столь обширнаго распространенія ценса возникнетъ опасность. Я вратко опредѣлю дѣйствительную грань предлагаемаго расширенія. Я полагаю, что въ нѣкоторыхъ городахъ, гдѣ рабочій классъ составляетъ особенно большую пропорцію населенія, число избирателей увеличится втрое. Но въ очень многихъ другихъ городахъ,—я полагаю во всѣхъ тѣхъ, которые не чисто мануфактурные города, число избирателей увеличится не больше, какъ вдвое; а язывъ выйдѣтъ всѣ города королевства, я думаю, что расширеніе будетъ почти въ два съ половиною раза сравнительно съ нынѣшнимъ числомъ избирателей. Могутъ сказать, что и это очень большое расширеніе, могутъ говорить: «кто знаетъ, что сдѣлаютъ новые избиратели». Въ самомъ дѣлѣ, кто знаетъ? (хохотъ). Я совершенно увѣренъ, что изъ членовъ парламента нѣкоторымъ придется измѣнить тарифъ своихъ мнѣній, или они не попадутъ въ новый парламентъ (хохотъ и индифферентны). Есть другіе члены, которыхъ полезно будетъ сохранять въ парламентѣ, но которые найдутъ свое положеніе въ немъ измѣнившимся. Но я полагаю, что вообще новыя избирательныя корпораціи будутъ дѣйствовать по тѣмъ же самымъ побужденіямъ, которыми руководятся нынѣшніе избиратели. Или вы боитесь, что на улицахъ у васъ будутъ безпорядки? Вы слышали, что когда было предложено (въ 1832 году) дать двухъ депутатовъ городу Лядсу и установить десяти-фунтовый ценсъ, былъ банкиръ, который объявилъ, что будетъ не безопасно имѣть банкъ въ этомъ городѣ и что, если это предложеніе будетъ принято, онъ долженъ будетъ перенести свой банкъ,—вѣроятно,

въ какую нибудь деревушку. Вся толпа о беспокоящихъ отъ людей, ниющихъ голосъ на выборахъ,—возникаютъ изъ незванна, рѣшительно неповнятаго. Я всегда полагалъ, что голосъ на выборахъ—символъ нравственной силы, въ противоположность физическому высилю. Я всегда полагалъ, что когда человѣкъ имѣетъ право подать свой голосъ, то мысль о насиліи исчезаетъ изъ его ума и дубина выпадаетъ изъ его рукъ (аплодисменты). Но нѣтъ, говорятъ, что новые избиратели поглотятъ нищихъ избирателей. Одинъ изъ моихъ лондонскихъ друзей писалъ мнѣ: «возбуждаютъ мнѣніе или опасеніе, что вашъ ценсъ поглотитъ лавочниковъ, и лавочники поднимаются противъ васъ». Но что говорили въ 1832 году? Говорили: не должно вводить въ ценсъ лавочниковъ, потому что лавочники поглотятъ кого-то выше ихъ (хохотъ и аплодисменты). Я не думаю, чтобы булочники, бакалейщики и другіе лавочники въ Вредафордъ или какой нибудь другомъ городѣ, составляли заговоръ для поглощенія людей съ большими капиталами, какъ напримѣръ оптовыхъ торговцевъ, мануфактуристовъ и т. д.; а если вы спуститесь по лѣстницѣ богатства, вы сойдете къ людямъ той же самой плоти, тѣхъ же фамилій, съ тѣми же интересами, тѣми же надеждами и опасеніями, къ людямъ читающимъ тѣ же газеты, узнающимъ изъ нихъ тѣ же факты. Вы можете быть не знаете, что при нынѣшнемъ ценсѣ люди, занимающіе квартиры отъ 10 до 25 фунтовъ, составляютъ гораздо болѣе половины всѣхъ избирателей; но эти люди, съ ценсомъ не менѣе 25 фунтовъ, не дѣлали ничего такого, чтобы поглотить людей съ ценсомъ выше 25 фунтовъ. И тогда ценсъ спустится до 3 фунтовъ, или до голоса по хозяйству, или по подамъ, я думаю, что подобное опасеніе окажется такимъ же совершеннымъ нелѣпствомъ, какъ оказалось опасеніе отъ ценса, установленнаго реформою 1832 года.

«Есть еще вопросъ о ценсѣ для графствъ. До сихъ поръ онъ былъ, какъ говорится, болѣе консервативнаго характера, чѣмъ ценсъ въ городахъ. До реформы 1832 года онъ былъ основанъ на поземельной собственности; теперь онъ установленъ въ 50 фунтовъ наемной платы. Уже много лѣтъ предлагалось понизить его до той нормы, какъ въ городахъ. Я полагаю, что таково мнѣніе большинства настоящей Палаты Общннхъ. Я думаю, что такой ценсъ найдетъ много сочувствія и въ городахъ, и въ графствахъ. Я вовсе не нахвѣренъ вышнщать или предлагать такихъ мѣръ, которыя были бы далеко впередъ общественнаго мнѣнія; напротивъ, я хочу идти наравнѣ съ нимъ и дѣйствовать согласно съ нимъ; потому буду совершенно доволенъ учрежденіемъ во всѣхъ графствахъ 10-ти фунтоваго ценса.

«Когда всѣ эти люди, не бывшіе избирателями, получить голосъ, важнымъ становится вопросъ, какъ они будутъ подавать голосъ: такъ ли, какъ подавался голосъ до сихъ поръ, или могутъ получить обезпеченіе и защиту отъ посторонняго вліянія и употребъ черезъ введеніе баллотировки. Почти во всѣхъ странахъ, гдѣ есть представительная система, выборы производятся посредствомъ баллотировки. Помнится, я читалъ у какого-то историка Соединенныхъ Штатовъ,—надѣюсь, что никто не испугается ссылки на Соединенные Штаты (хохотъ), что свобода представительныхъ учрежденій зависитъ отъ баллотировки (аплодисменты). Люди богатые, хотя нѣкоторые изъ нихъ не очень храбры (хохотъ),—не нуждаются въ баллотировкѣ и не требуютъ ея; но почти всѣ тѣ, которые не богаты, считаютъ ее совершенною необходимостью, чтобы можно было имъ честно исполнить свою общественную обязанность на выборахъ (аплодисменты). Я думалъ бы, что скорѣе надобно принять во вниманіе мнѣніе тѣхъ, которые чувствуютъ необходимость баллотировки, нежели мнѣніе тѣхъ, для кого она всегда не будетъ важна. Опытъ послѣднихъ 20 лѣтъ въ парламентскихъ выборахъ убѣдилъ меня, что я не доставлю никакой пользы своимъ согражданамъ, которые вновь получаютъ право голоса, если право голоса будетъ имъ дано безъ защиты баллотировкою. Я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что баллотировка будетъ принята въ скоромъ времени (аплодисменты). Теперь въ Палатѣ Общннхъ болѣе 230 членовъ, подававшихъ голосъ за баллотировку; и каждые выборы до новой парламентской реформы будутъ увеличивать это число; я выборы послѣ реформы, если бы даже было возможно парламенту принять реформу безъ баллотировки, очень сильно увеличили бы число такихъ членовъ; и я совершенно увѣренъ, и полагаю, что точно также увѣренъ

каждый разумный человекъ въ Палатѣ Общій, что теперь баллотировка почти въ рукахъ избирателей (аплодисменты).

«Передѣлать теперь къ вопросу о распредѣленіи депутатовъ. Въ прежнихъ моихъ рѣчахъ я говорилъ объ этомъ только въ общихъ выраженіяхъ, потому что, вы сами увидите, никакимъ подробностей нельзя было сказать объ этомъ предметѣ, иначе какъ внимательно рассмотрѣвъ списокъ городовъ съ ихъ населеніемъ. Чтобы видѣть, у какихъ городовъ надобно взять депутатовъ, надобно было прежде сдѣлать внимательныя и подробныя изслѣдованія. Когда я вѣдалъ судъ, меня спросили, могу ли я сказать, каковъ будетъ билль правительства? Спрашивавшій меня объ этомъ былъ молодъ въ политикѣ. Я не посвященъ въ тайны министерства, но воспользуюсь случаемъ сказать, что ни одно изъ моихъ рѣшеній не было принято по чувству какойнибудь враждебности къ министерству лорда Дерби. Я знаю, что одна партія старается понизить уровень другихъ и что почти каждое слово, сказанное человекомъ въ моемъ положеніи, можетъ быть веретолокано въ разные смыслы; но омытъ унитъ меня, что когда идетъ вопросъ о правительственныхъ формахъ, когда надобно осуществитъ въ законѣ великій принципъ, то, если вы желаете имѣть на вашей сторонѣ правительство, сердце и совѣсть народа, необходимо вамъ идти дорогою независимую отъ обѣихъ партій, идти своимъ путемъ не къ цѣлямъ партій, а къ великой цѣли, къ которой стремитъ ваша мысль и мысль націй (аплодисменты).

Такъ вотъ есть разные способы проавести распредѣленіе депутатовъ, если будетъ новое распредѣленіе. Во-первыхъ, правительство или ктонибудь другой можетъ предложить, чтобы всѣ маленькіе города, которымъ никто не хотѣлъ оставлять особенныхъ депутатовъ, все такъ удержали право выбирать депутатовъ въ соединеніи съ двумя или тремя деревенскими приходами, населеніе которыхъ вмѣстѣ съ населеніемъ такого маленькаго города составило бы цифру довольно значительную. Въ такомъ случаѣ и не было бы переимѣненія депутатовъ. Мы имѣемъ такіе опыты въ нѣсколькихъ городахъ. Есть маленький городъ, въ которомъ по улицамъ растетъ трава; по сообществу на 5 или на 6 миль во всѣ стороны двѣ три деревушки, нѣсколько фермъ, на каждой по нѣсколько жителей, гдѣ нибудь лавочка мастера, дѣлающаго колеса и т. д.,—все это, сложенное вмѣстѣ, составляетъ парламентскій городъ и милордъ N или мистеръ N., который тутъ случится землевладѣльцемъ всего округа, однакъ составляетъ собою въ сущности всю избирательную корпорацію (хохотъ). Намъ не стоитъ и беспокоиться хлопотами о реформѣ, если мы желаемъ удовлетвориться биллемъ такого рода. Лучше ужъ намъ оставаться при нынѣшнемъ¹⁾.

«Можно поступить съ маленькими городами другимъ образомъ. Можно соединить два или три вмѣстѣ, если она довольно близко, и тогда составится избирательная корпорація: болѣе многочисленная чѣмъ нынѣ, а въ тоже время опростаются нѣсколько депутатскихъ мѣстъ для раздачи по большимъ городамъ. Но такое группированіе имѣетъ большія неудобства. Каждый, кто былъ депутатомъ отъ корпораціи, состоящей изъ нѣсколькихъ городовъ, знаетъ эти неудобства. Въ каждомъ городѣ нужно имѣть особый комитетъ, и если несчастная система, имѣть повѣренныхъ адвокатовъ для управления выборами, останется, то надобно имѣть въ каждомъ городѣ особеннаго повѣреннаго; а при всѣхъ этихъ хлопотахъ и издержкахъ окажется только, что вы свезли вмѣстѣ три мертвыхъ тѣла въ надеждѣ сдѣлать изъ нихъ одно живое тѣло (хохотъ и аплодисменты).

«Есть еще другой способъ. Можно принять извѣстную норму и взять депутатовъ у всѣхъ городовъ ниже этой нормы; число такихъ маленькихъ городовъ будетъ невелико, и депутатовъ, которымъ вы позываете у нихъ, вы раздѣлите между большими избирательными корпораціями: половину или три четверти изъ этого числа, или все это число депутатовъ вы можете отдать графствамъ; я долженъ позвать, что такой способъ парламентской реформы не будетъ удовлетворителенъ для массы людей, желающихъ реформы (аплодисменты). Мы очень хорошо знаемъ, что значить давать депутатовъ

¹⁾ Этотъ способъ и слѣдующіе способы, опровергаемые Брайтомъ, являются старымъ партійнымъ.

графствамъ. Мы знаемъ, что черезъ это уничтожилась бы возможность дать депутатовъ тѣмъ большимъ городамъ, участіе которыхъ въ составѣ парламента слишкомъ мало по ихъ населенію, ихъ богатству, ихъ положенію и общей важности ихъ въ государствѣ. Реформа 1832 года дала 63 новымъ депутата городамъ и, если не ошибаюсь, 65 графствамъ; и я полагаю, что съ той поры до нынѣшняго времени было между людьми, расположенными въ пользу реформы, всеобщее мнѣніе, что реформа 1832 года дала слишкомъ большое вліяніе графствамъ и землевладѣтельской партіи при распредѣленіи депутатовъ. Я прошу васъ и вашихъ согражданъ во всемъ королевствѣ наблюдать за этимъ пунктомъ самыми недремлющими глазами. Немалоосердно отвергать какой угодно бѣды, какого угодно правительства, какъ бы ни увеличивалось нѣмъ число избирателей, какъ бы велики въ немъ ни были кажущіяся уступки, если онъ не распредѣлитъ депутатовъ, взятыхъ у маленькихъ городовъ, главнымъ образомъ между большими городами (аглодисменты). Въ этомъ вопросѣ о распредѣленіи депутатовъ именно и есть душа вопроса о реформѣ (новые аглодисменты). Если вы не станете смотрѣть за этимъ, вы будете обмануты, и когда бѣда пройдетъ, вы можете быть обернѣтѣс назадъ и станете горевать, что вы не въ такомъ положеніи, въ какомъ теперь (вниманіе). Я теперь думаю объяснить, и какъ можно короче, какъ бы я предложилъ поступить относительно ценса, границъ его расширеніи, и какъ бы я рекомендовалъ сдѣлать съ распредѣленіемъ депутатовъ (аглодисменты).

«Быль 1832 года наложилъ руку на 56 городковъ и совсѣмъ отнялъ у нихъ депутатовъ; а прежде они выбирали 111 или 112 депутатовъ. Онъ наложилъ руку еще на 30 городковъ, изъ которыхъ нѣтъ вы бы не нашли, если бы поѣхали въ тѣ мѣста взглянуть на нихъ (похоть). Такъ онъ наложилъ руку еще на 30 другихъ городковъ и назвалъ у каждаго изъ нихъ одного изъ двухъ членовъ, и опросталъ еще два мѣста соединеніемъ трехъ или четырехъ городковъ. Всего опросталъ онъ 143 депутатскихъ мѣста. Вотъ, я предлагаю поступать по тому же правилу, какъ были 1832 года, но ступитъ немножко дальше, впрочемъ, надѣюсь, ступитъ не дальше того, какъ требуется нуждами и желаніями нашей земли. По реформѣ 1832 года были взяты всѣ депутаты у городковъ съ населеніемъ меньше 2,000 человекъ; а изъ городковъ съ населеніемъ меньше 4,000 человекъ, избравшихъ по два депутата, былъ взятъ одинъ депутатъ. Въ быль, который былъ предложенъ лордомъ Джозефомъ Росселемъ, и который, какъ вы знаете, не прошолъ, предлагалось отнять всѣхъ депутатовъ у городковъ съ населеніемъ меньше 5,000 и взять по одному изъ двухъ депутатовъ отъ городковъ съ населеніемъ меньше 10,000. Мы всѣ недавно читали въ газетѣ, чрезвычайно хорошей и пользующейся великимъ вліяніемъ, статью, въ которой давался совѣтъ, какъ поступить теперь. Эта газета была въ послѣднее время не очень ласкова ко мнѣ, да и не очень справедлива,—я не прошу ничего кромѣ справедливости (аглодисменты). Газета *Times* совѣтовала намъ подняться до 10,000 и взять депутатовъ у всѣхъ городовъ ниже этой линіи; этимъ получалось большое число депутатскихъ мѣстъ для дѣлежа между большими корпораціями. Хорошо. Мнѣ казалось, что мѣра лорда Росселя недостаточна, а поднимать линію такъ высоко, какъ совѣтуетъ *Times*, я не считалъ нужнымъ; и нерасматривая таблицу числа избирателей, я нашелъ, что если вы дойдете до 8,000, то всего будетъ ниже этой линіи 56 городковъ, изъ которыхъ 25 посылаютъ по одному депутату, а 31 по два депутата; а всѣ 56 городковъ посылаютъ 87 депутатовъ. Таже статья *Times* а совѣтовала не давать больше одного депутата городамъ до 25,000 жителей. Я сдѣлалъ свои предположенія не по этимъ цифрамъ, потому что мнѣ не случилось видѣть статью, когда она была напечатана. Я предполагаю взять депутатовъ у всѣхъ городовъ до 8,000 жителей, потомъ идти до 16,000 и оставить только по одному депутату всѣмъ городамъ до этого числа. Это дастъ вамъ еще 34 депутатскихъ мѣста къ прежнимъ 87, и если вы прибавите еще 4 депутатовъ, потерянныхъ по парламентскому рѣшенію двумя подкупными городами Сентъ-Альбансомъ и Садберѣ, то вы получите отъ городковъ Англіи и Уэльса 125 опроставшихся мѣстъ. Я хочу объяснить вамъ, какъ надобно бы раздать эти мѣста, въ нихъ и состоитъ сущность дѣла.

(Брайтъ предлагаетъ распредѣлять депутатовъ такъ, чтобы города отъ 16 до

25,000 жителей, иныише теперь по одному или по два депутата, сообразили ныншнее число; города отъ 25 до 54,000 жителей должны ити по два депутата; изъ нитъ многие итиють только по одному. Города отъ 54 до 135,000 должны ити по три депутата; отъ 135 до 270,000—по четыре депутата. Наконецъ пять самыхъ большихъ городовъ: Манчестеръ, Фансбернъ, Мерильбонъ, Ливерпуль и Глазго, изъ которыхъ каждый итиль въ 1851 году болѣе 316,000 жителей, должны ити по шести депутатовъ. Читатель знаетъ, что Лондонъ, по отношеніи къ парламентскимъ выборамъ, раздѣленъ на нѣсколько частей, изъ которыхъ каждая въ этомъ случаѣ называется особеннымъ городомъ. Фансбернъ и Мерильбонъ—именно такія части Лондона. Третью часть Лондона, самую многочисленную, Тауэръ-Гемпстъ (болѣе 500,000 жителей), Брайтъ предлагаетъ раздѣлить на двѣ части, изъ которыхъ у каждой будетъ по четыре депутата. По отношенію къ парламентскимъ выборамъ, Лондономъ называется только одна часть этого города, именно Сити. Слэшконтъ маленкіе города съ правомъ итиь особенныхъ депутатовъ находятся почти тазько въ собственной Англіи съ Уэльсомъ и почти одиниъ этинъ изъ трехъ королевствъ доставляются Брайту всѣ упрядженныя мѣста. Эти упрядженныя мѣста онъ раздаетъ шотландскимъ большимъ городамъ точно также, какъ английскимъ. Прибавляя число депутатовъ тѣмъ собственно английскимъ графствамъ, въ которыхъ населеніе особенно велико, онъ по такой же пропорціи увеличиваетъ число депутатовъ и въ ирландскихъ графствахъ. Мы опускаемъ много другихъ подробностей, относящихся въ частности къ тому или другому городу, къ тому или другому графству. Довольно сказать, что вообще Брайтъ предлагаетъ поставить равноишныя правила для Англіи, Шотландіи и Ирландіи, чтобы всѣ три королевства пользовались, по участию въ составѣ Палаты Общей, одинаковыми правами, съ уничтоженіемъ прежней несправедливой неодинаковости. Во многихъ случаяхъ онъ не предлагаетъ окончательнаго рѣшенія, говоря, что мѣстнымъ жителямъ надобно предоставить выбрать изъ нѣсколькихъ способовъ распредѣленія тотъ, который найдутъ они удобнымъ).

«Я боюсь, что рассказъ о содержаніи этихъ списковъ былъ, по необходимости, утомителенъ («Итиль» и аплодчасанты), но этого перечня нельзя было избѣжать по той методѣ, которую поставилъ я себѣ для ныншнихъ объясненій съ вами. Можетъ быть вые скажутъ, что я предполагаю дать слишкомъ много депутатовъ тѣмъ городамъ, для которыхъ полагаю четырехъ или шестерыхъ депутатовъ. Но я принималъ въ соображеніе не только населеніе, но и пѣвности ить ииущества и количество налоговъ. Приведу вамъ два или три факта. Я предлагаю дать Манчестеру и Ливерпулю по шести депутатовъ, всего обоимъ городамъ двѣнадцать депутатовъ. Въ 1857 году эти два города платили прямыхъ налоговъ 897,000 фунтовъ, а всѣ тѣ города съ населеніемъ меньше 8,000, у которыхъ я беру депутатовъ,—всѣ эти города, ииѣвшие 87 депутатовъ, сколько налоговъ платили они въ томъ же году? Всего только 221,000 фунтовъ (хохотъ и аплодисменты). Стало быть вчетверо меньше Манчестера и Ливерпуля. Возьмемъ всѣ города до 25,000 жителей. Всѣ они ииѣтъ платили 857,000 фунтовъ, т. е. меньше Манчестера и Ливерпуля. Потому я не боюсь, чтобы тотъ, кто просмотритъ мои таблицы, упрекнулъ меня, что я даю слишкомъ большое вліяніе населенію или богатству нашимъ большимъ городамъ. Если кто ииѣбуль скажетъ вамъ, что это будетъ вредно, или что это само по себѣ дурно и несправедливо, тотъ или вовсе не хочетъ представительной системы, или вовсе не понимаетъ ея (такъ, такъ!). Когда я предположилъ, или лучше, когда ииѣтъ предложали и я вѣлся, быть можетъ опрометчиво (итъ!.. и громкіе аплодисменты), составить билль о реформѣ, я зналъ, какія тутъ представляются затрудненія. Я зналъ тогда, какъ авая теперь, что при составленіи подобнаго плана нельзя найти неоспоримой нормы, точной нормы, на которой можно было бы остановиться и сказать: «зотъ это ииѣвно такъ слѣдуетъ, иначе быть не можетъ». Въ биллѣ 1832 года не было ни однаго пункта, не представлявшего повода къ спору, и каждый пунктъ дѣйствительно оспаривался; и въ биллѣ реформы 1859 года,—будетъ ли это мой планъ или планъ правительства,—каждый пунктъ точно также будетъ подвергаться спору. Но я предлагаю своей роднѣй вопросъ не о томъ, сдѣлаете ли вы какія ииѣбуль маленкія пере-

нимъ въ ту или другую сторону въ моемъ планѣ,—я предлагаю вопросъ только о томъ, считаете ли вы въ общихъ чертахъ этотъ планъ, который я составилъ, надѣ которымъ я много думалъ, о которомъ я совѣтовался съ нѣкоторыми изъ разсудительнѣйшихъ друзей реформы въ нашей землѣ,—считаете ли вы годнымъ для нашей родины, въ общихъ его чертахъ, къ его цѣлости,—годится ли то, что онъ беретъ большія и свободныя избирательныя корпораціи и даетъ имъ приблизительно сараздинскую долю вліянія, такую долю вліянія въ великомъ національномъ совѣтѣ, на какую имѣютъ они право (сильныя аристократы). Нѣкоторые скажутъ мнѣ, и на дняхъ же вы прочтете во многихъ газетахъ (хочотъ), что я поступилъ съ графствами не справедливо, не пропорціонально ихъ населенію и богатству. Вотъ я вамъ скажу въ немногихъ словахъ свое мнѣніе объ этомъ. За исключеніемъ трехъ или четырехъ графствъ, гдѣ другіе интересы разрослись такъ широко, что переросли землевладѣльческую власть, депутаты отъ всѣхъ другихъ графствъ, какъ вы знаете, просто депутаты землевладѣльцевъ. Это говорить о нихъ и лордъ Дерби. Когда-то онъ сказалъ вамъ, что если кто скажетъ ему, каковы политическія мнѣнія трехъ или четырехъ большіхъ землевладѣльцевъ какого нибудь графства, онъ беретъ сказать вамъ, каковы политическія мнѣнія депутатовъ этого графства (хочотъ). Чго тутъ спорить,—только спросите какого хотите фермера, они ли выбираютъ депутатовъ въ своемъ графствѣ? Фермеры знаютъ это лучше всѣхъ. И есть одна вещь, которой желаю я чуть ли не больше, чѣмъ всякой другой по этому дѣлу,—именно то, чтобы пришла время, когда честные, умные, постоянно улучшающіе наше земледѣіе англійскіе земледѣльцы стали бы также независимы въ подачѣ голосовъ на выборахъ, какъ соответствующій имъ классъ городского населенія (авлионменты). Вы читали газеты, вы видѣли ходъ парламентскихъ прейвъ, стало быть, вы не могли не замѣтить, что землевладѣльцы Палаты Общій по мнѣніямъ, образу дѣяствій, симпатіямъ и предрассудкамъ находятся въ очень близкомъ союзѣ съ землевладѣльцами Палаты Лордовъ. Вы знаете, что почти всѣ они—люди одного сословія, имѣютъ одинъ интересъ и служатъ представителями одного и того же рода собственности. Перы—представители землевладѣльцевъ. Сколько перей являются изъ Йоркшира представителями Йоркширскихъ землевладѣльцевъ? Не умѣю вамъ сказать, но полагаю, что десяти пальцевъ у меня на рукахъ едва ли бы достало, чтобы сосчитать ихъ (хочотъ). Не скажете ли мнѣ, что они не представители землевладѣльцевъ? Я уже предлагалъ этотъ вопросъ и жду отбѣта. Отъ кого же они представители, если не отъ землевладѣльцевъ? Или они представители торговцевъ? Скажите, есть ли въ Палатѣ Лордовъ торговцы? Они представляютъ землевладѣльцевъ. Я читалъ въ какой то газетѣ—не помню теперь, въ какой,—что они не представляютъ ни землевладѣльцевъ, ни кого другаго въ особенности, а всѣ интересы страны и что они сидятъ въ Палатѣ по древнему праву, котораго никто не можетъ отрицать. Я вовсе не отрицаю его, вовсе и не предполагаю тревожить ихъ. Есть у меня адѣсь выписка изъ замѣчательнаго парламентскаго акта, которая покажетъ вамъ, чѣмъ представители служатъ перы. Это актъ присоединенія Ирландіи къ Великобританіи. Онъ говоритъ: «Двадцать восемь свѣтскихъ лордовъ Ирландіи, избранные пожизненно перами Ирландіи, въ Палату Лордовъ». Шотландскіе перы также избираютъ 16 перовъ въ парламентъ. Кого же они представляютъ, какъ не землевладѣльцевъ? (авлионменты). Они имѣютъ въ своемъ представительствѣ ту огромную выгоду, что не сидятъ съ нами въ Палатѣ Общій,—я чуть было не сказалъ, жалъ, что они не сидятъ съ нами (хочотъ), тогда по крайней мѣрѣ не возвращались бы они изъ ихъ засѣданій въ 7 часовъ и пренія шли бы для нихъ, не всегда такъ плавно, какъ въ ихъ святой атмосферѣ. Они составляютъ особую Палату одинъ, и что изъ этого выходитъ? Выходитъ то, что представляя одинъ интересъ—только одинъ,—они имѣютъ безразличную силу въ защитѣ правъ и привилегій этого интереса; они имѣютъ въ дѣлѣ разъ больше силы, нежели имѣли бы сидя съ нами въ Палатѣ Общій; вы не можете предложить никакого, даже самаго маленькаго, закона, безъ того, чтобы онъ не юшелъ черезъ нихъ, и по конституціи они имѣютъ такое же безусловное право отвергать всякій билль, какъ и сама Палата Общій. Вы недавно видѣли на яркомъ припѣрѣ, какъ они поступаютъ: онъ показывается, какая у нихъ власть. Я не поручусь,

что онъ показывается также и ихъ разсудительность. Корона предположила сдѣлать знаменитаго юриста пожизненнымъ пэромъ. Когда онъ пришелъ занять свое мѣсто въ Палатѣ, они его не допустили. Они начали составлять рѣшенія, назначать помѣстныя, просто возмущались противъ короны, и корона по совѣту министровъ, которые, кажется мѣш, обнаружили тутъ малодушіе, уступила нѣтъ и сдѣлавъ лорда Уэнслидела не пожизненнымъ, а наследственнымъ пэромъ, и черезъ это повредила своему праву назначать пожизненныхъ пэровъ. Но лорды не удовлетворялись тѣмъ, что сказали коронѣ: «ты не можешь ввести въ нашу палату никого, иначе какъ съ принципомъ наследственности». Они также обратились къ Палатѣ Общинъ и сказали: «хотя огромное большинство публики и огромное большинство васъ самихъ, джентльмены, давно желаетъ допустить въ вашу Палату барона Ротшильда, какъ доказываютъ ваши рѣшенія въ теченіе цѣлыхъ 10 лѣтъ, но, джентльмены, мы запрещаемъ вамъ это» (аплодисменты). Теперь, если графства требуютъ,—впрочемъ они еще не требовали; потому что я еще не видѣлъ большого нитинга фермеровъ или земледѣльцевъ, а я не полагаю, чтобы при нынѣшнемъ положеніи вещей фермеры считали особенной выгодой для себя имѣть частые выборы или выбирать побольше представителей отъ своего графства,—но если бы графства потребовали бы и получили бы въ Палатѣ Общинъ пропорцію депутатовъ согласную съ ихъ населеніемъ, то придетъ время, и неизбежно придетъ, что города спросятъ: почему же одни только графства, одни большіе землевладѣльцы имѣютъ представителей въ Палатѣ Лордовъ? (сильные аплодисменты). Я не хочу поднимать этого вопроса, я настолько консерваторъ, что желаю сохранить существующія въ мое время учрежденія, пока они могутъ дѣйствовать безъ очевиднаго и серьезнаго вреда для государственныхъ интересовъ. Будемъ вслѣдствіе стараться помѣнить еще съ Палатою Лордовъ; но дадимъ же себѣ дѣйствительныхъ представителей въ Палатѣ Общинъ (аплодисменты). А когда Палата Общинъ дѣйствительно будетъ вашею представительницею, то повѣрьте, лорды проснутся, потрутъ себѣ глаза и зѣкнутъ, что во многихъ важныхъ случаяхъ они ошибались. Они не то что откажутся сами отъ себя, но будутъ смотрѣть на народныя интересы и народныя симпатіи не тѣми глазами, какъ теперь; да и чувствовать эти интересы помѣнятъ, нежели теперь, и у васъ надолго будетъ согласіе съ Палатою Лордовъ въ законодательствѣ не менѣе нежели прежде (аплодисменты).

«Разсматривая предложеніе мое, надобно намъ спросить у самихъ себя: правда ли, что нынѣшнее представительство очень неудовлетворительно? А если оно неудовлетворительно, то должно въ время принять мѣры, чтобы сдѣлать его удовлетворительнымъ? Я думаю, вся нація согласна, что нынѣшнее представительство неудовлетворительно. Это говоритъ лордъ Эбердинъ. Это говоритъ лордъ Джонъ Россель. Это говоритъ лордъ Пальмерстонъ, о которомъ впрочемъ мои друзья утверждаютъ, что онъ не считаетъ этого дѣла столь важнымъ, какъ другіе государственные люди. Это говоритъ даже лордъ Дарби. Вспомните же, что никогда не бывало у насъ въ Англіи болѣе четырехъ членовъ, которые считались годными кандидатами въ первые министры (хохохъ). Всѣ эти высокіе авторитеты сходятся въ мнѣніи, что представительство у насъ неудовлетворительно и что очень пришла пора сдѣлать въ немъ великое улучшеніе. А если пришла пора, такъ должны ли мы принизиться за дѣло, или только ворчать на принявшіихся за него? Если мы не сдѣлаемъ его удовлетворительно, такъ лучше намъ и вовсе не приниматься за него. Постоянно тревожить эти вопросы вредно: прочность правительства имѣетъ большія выгоды, хотя бы форма его далеко не имѣла теоретическаго совершенства. Но каждое правительство можетъ быть извѣргнуто, каждое государственное устройство можетъ быть разрушено, если постоянно потрясать его. Такъ, однако же намъ нужно такое правительство, которое народъ уважалъ бы, которому онъ доверялъ бы. Если вы не хотите получить хорошаго билля, то не нужно намъ вовсе никакого (аплодисменты). Дурной билль—я только повторю слова, которыя сказалъ три мѣсяца назадъ, когда въ первый разъ говорилъ объ этомъ дѣлѣ,—дурной билль становится революціоннымъ биллемъ; пустой билль можетъ и не быть революціоннымъ, но толку отъ него нѣтъ, а опасность бываетъ большая. Если будетъ принятъ дурной или пустой билль, вамъ опять придется начи-

вать требованія въ парламентѣ и пренія во всѣхъ концахъ страны, пока, наконецъ, всѣмъ опровергнуть возражающій недостатокъ симпатіи между управляющимъ классомъ и имъ. И тогда можетъ встрѣтиться случай, какой нибудь періодъ раздраженія, когда пэры и управляющій классъ могутъ подвергнуться обращенію гораздо менѣе мягкому, гораздо болѣе суровому, нежели то, что я предлагаю теперь (апплодисменты). Теперь, стоитъ ли мой билль того, чтобы хлопотать о немъ? Стоитъ ли онъ того, чтобы нація сдѣлала усиліе для его полученія? Когда я брался составить билль, я говорилъ, что буду стараться не объ его теоретическомъ совершенствѣ, а о томъ, чтобы онъ былъ осуществимъ, чтобы онъ удовлетворялъ надобностямъ выпущаго случая, чтобы самые умѣренные могли склониться къ поддержкѣ его и самые серьезные, самые горячіе могли удовлетвориться имъ. Я представляю вамъ теперь этотъ билль, потому что считаю такую мѣру необходимой, думаю, что ей слѣдуетъ пройти черезъ парламентъ, и думаю, что англійскій народъ такъ поддержитъ его, что парламентъ не откажется въ своемъ утвержденіи. Это дѣло въ рукахъ у городовъ Англіи: будутъ ли они составлять рѣшенія, подавать просьбы, будутъ ли они представлять своихъ депутатовъ, каковы нѣ желанія по этому великому вопросу? Разные журналисты рѣшили, что я не государственныи человѣкъ. Я никогда не претендовалъ быть государственнымъ человѣкомъ. Я гражданинъ, одинъ изъ васъ (апплодисменты). Я бѣзсилекъ въ этомъ дѣлѣ, если и одинъ. Лордъ Грей, при своемъ высочкомъ санѣ, своихъ великихъ талантахъ, своей великой репутациі, своимъ влияніемъ на страну не могъ бы провести билль 1832 года, если бы народъ не потребовалъ въ одинъ голосъ, чтобы этотъ билль сдѣлался англійскимъ закономъ. Не предполагайте, что я останусь одинъ. Если народъ скажетъ свою волю, есть важные люди, симпатіи которыхъ съ вами,—они наблюдаютъ признаки времени, ждутъ извѣстій о такихъ интигахъ, какъ вотъ этотъ, который будетъ имѣть большое влияніе на нѣ рѣшеніе. Если есть большая армія, найдутся генералы и полководцы. Не сомнѣвайтесь, между аристократическими фаміліями найдется не одна такая, которая не измѣнитъ своей исторической репутациі (апплодисменты). Пусть нація скажетъ свою волю, и слово ея навѣрное будетъ исполнено. Лично про себя я скажу, что три послѣдніе мѣсяца я былъ предметомъ многихъ обвиненій и большой клеветы; но я перетерпѣлъ все это и прежде по другому дѣлу (апплодисменты). Въ послѣдній разъ передъ этимъ я говорилъ съ Вреффордскими людьми, когда былъ сотрудникомъ человѣка съ глубокою проникательностію, свѣтлымъ сужденіемъ, съ обширными знаніемъ, съ убѣдительною рѣчью. Развѣ мы не подвергались тѣмъ же порицаніямъ, тѣмъ же клеветамъ? А все таки, развѣ мы не получили успѣха и развѣ теперь въ вознагражденіе за все, не нѣмемъ мы той дорогой мысли, что нѣтъ на нашей родинѣ руки, отирающей трудовой потъ съ лица, работа которой не была бы облегчена и вознагражденіе которой не было увеличена черезъ тѣ непріятности, которыя мы съ радостью терпѣли? (апплодисменты). Въ своихъ рѣчахъ по этому дѣлу я не нападалъ ни на кого лично. Нашеся шотландскій лордъ, сказавшій большому обществу, что я подвергся наказанію Божию и страдаю разстройствомъ ума. Его друзья пусть скажутъ, можетъ ли онъ когда нибудь подвергнуться такому несчастію (хохотъ). Другой noblemanъ говоритъ, что я разрушитель собственности и извѣнникъ своему сословію. На подобныя слова я не отвѣчаю (апплодисменты). Есть нѣсколько великихъ людей и есть много хорошихъ людей въ рядахъ англійской аристократіи. Есть въ ней такіе люди, которые были бы знатны, хотя бы не было ни отличій, ни привилегій дворянству; но даже и нѣ добродѣтели не могутъ долго поддерживать нѣзъ сословіе противъ опасной защиты, которой оно теперь подвергается (апплодисменты). Потому хотѣю имъ отозвать назвадъ вонителей, которые наклики сѣмъ подвигомъ обвѣрживаютъ соединеніе наслѣдственной знатности съ умственной нищетою и недостатокъ джентльменскихъ привычекъ и правилъ между членами аристократіи (апплодисменты и хохотъ). Я не хочу задерживать хода этихъ великихъ преній личными спорами. Я отряну съ себя жалкіе ругатели, которыхъ натура въ томъ, чтобы лаять и рычать на защитниковъ каждаго великаго и добраго дѣла (апплодисменты). Я обращаюсь къ великой націи въ великомъ дѣлѣ. Это не шутка,—я говорю, потому что убѣжденъ. Все мое краснорѣчіе только въ сердечной любви къ правдѣ, а

факты и доказательства нам доступны уму, говорят сердцу намъ согражданъ (аполдисменты). Я безсиленъ, какъ отдѣльный человѣкъ; мои сограждане—нація, и все-силенъ; итъ и вѣтъ я вручаю исходъ и судьбу этого великаго вопроса.

(«Мистеръ Брайтъ возирается на свое мѣсто при салыныхъ и прополжнтельныхъ аполдисментахъ»).

Д. статья Times'a о намѣреніи министерства отложить билль о реформѣ.

«Министерство намѣрено произвести любопытный опытъ надъ температурою публики; этотъ опытъ звучитъ въ англійскихъ ухахъ скорѣ литературный, нежели политический удовольствіемъ. Мы всѣ сочувствуемъ остроумной дамѣ, которая въ продолженіи тысячи ночей съ опасностью жизни развлекана своего пладыку; намъ помнится, что еще живѣе сочувствовали мы положенію другой дамы, безпрестанно кричавшей: «сестра Анна, сестра Анна, не видишь ли ты чего-нибудь?» между тѣмъ какъ синегородый мужъ ея стоялъ надъ ней съ занесеннымъ кинжаломъ. Мы можемъ общать себѣ много удовольствія отъ богатой вобразительности мистра Д'Израэли и вѣрнаго такта главы министерства. Сколько разъ прійдется публикѣ услаждаться новыми разсказами о путешествіяхъ Снудбали, о кривляченіяхъ новыхъ кранныхъ Календеровъ, или какаго нибудь Барнекида, для отвлеченія насъ отъ мысли, что насъ морятъ политическою діттою! Какъ часто будетъ являться на горизонтѣ облако пыли, за которымъ окажется стадо барановъ, или невинный караванъ! Если есть на свѣтѣ два человѣка, которые могли бы пріятно и не совѣсть безполезно оттянуть у нации три или шесть тысячъ въ свою бутлованю, мы знаемъ, кто эти люди. Но мы соображаясь въ возможности подобнаго подвига для кого бы то ни было изъ смертныхъ артистовъ. Тяжба языка съ потребностью времени всегда проигранная тяжба. Старый парламентъ вашей молодости итъ очень долгую отсрочку, цѣлыхъ 40 лѣтъ, и великіе авторитеты превозглашали, что скорбь смертная прошла и не будетъ реформы. Но это было только сорональнѣе страствованіе въ вустыяхъ, и на соронъ первый годъ пришла реформа и корнямъ и вѣтвямъ. Какъ она оборвала съ парламентскаго дерева гнилые города и искоренила гнилые принципы! Если бы нынѣшнее министерство могло оттянуть это печальное дѣло до послѣдняго года нынѣшняго столѣтія, оно позло бы это неважй пользой. Но ни метафоры, ни прежніе примыры не даютъ усвѣха. Если предъидущій подсудимый получилъ сорокъ лѣтъ отсрочки, изъ этого не слѣдуетъ, что нынѣшній подсудимый толучитъ ее. Но правы ли мы, подозрѣвая министерство, что оно бьетъ на проволочку? Намѣрное правы. Оно говоритъ, что билль у него готовъ, и мы вѣримъ тому, вѣримъ также, что билль этотъ не понравился никому въ самомъ кабинетѣ, не говоря уже о людяхъ въ кабинетахъ. И не удивительно. Дѣйствительная реформа, по всей вѣроятности, скорбная итъра, которую только жестокая необходимость можетъ вынудить отъ страдальцевъ, которыхъ произведетъ она непременно легіонъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ выборы въ гнилыхъ городахъ покупались и продавались. Ихъ можно было цѣнить подобно жалованью. И когда заговорили о реформѣ, подыались громкія требованія о денежномъ вознагражденіи. Въ оправданіе себѣ такое требованіе могло ссылаться на присоединеніе Ирландіи, когда каждый продавецъ выборовъ въ ирландскихъ городахъ получалъ за согласіе плату деньгами, или чѣмъ нибудь стоящимъ денегъ. Теперь выборы въ маленькихъ городахъ тоже вѣютъ свою цѣну: они и теперь даютъ деньги, мѣста, власть, почетное положеніе въ обществѣ, связи, какъ давали прежде. И несчастные козловъ, наследники и жители этихъ городовъ, занимавшіеся своимъ промысломъ, подвергаются такому же убытку, какъ въ прежнюю реформу подвергались владѣльцы Геттоми и Ольдъ-Сарума. Итъ много въ парламентѣ и они готовы защищать свою собственность отъ власти высшей и по выраженію лорда Пальмерстона, отъ власти низшей. Стало быть прежде всего—счесть голоса. Безъ сомнѣнія такъ и слѣдвало, и вѣроятно этотъ счетъ ввухитъ лорду Дерби разныя тяжелыя мысли.

«Но согласится ли этотъ упрямый Рауль-Синия Борода, англійскій народъ,

пойти на трехтысячную проволочку пустыни сказками о волшебных лампах и крылатых конях? Это очень сомнительно. Рауль скоро скажет: «ты слишком долго пишешься, когда же ты кончишь?» Или, как корейодды говорили Ариону: «когда же ты кончишь это слишком длинное соло?» Если даже положить, что лорд Пальмерстон или лорд Джон Россель были бы довольны, что реформа откладывается до послѣдняго параграфа рѣчи, или до послѣдняго мѣсяца сессіи, есть ли несчастіи другіе партнеры, у которыхъ ставка въ игрѣ больше. Если бы эти лорды перестали быть реформерами, или были бы оставлены безъ игры, они все-таки остались бы бы лордами Джона Росселя и лордами Пальмерстоновъ, остались бы тѣмъ самимъ, чѣмъ были прежде. Но Джонъ Брайтъ—или реформеръ или нѣчто. Пока есть воля для его суровыхъ членовъ и дышитъ онъ вѣнами—онъ силенъ; отвинтите у него волю и онъ умираетъ. У него нѣтъ прочнаго пьедестала, какой дается высокимъ аристократическимъ положеніемъ для потерѣвшихъ неудачу политическимъ честолюбцевъ. Будьте увѣрены, что онъ не позволитъ легко отдѣлаться отъ себя. Да и зачѣмъ ему позволять? Пока министры откладываютъ въ долгій ящикъ свои предложенія, берегутъ ихъ будто кну съ казенныхъ немуровъ запечатанными до третьяго поколѣнія, они оставляютъ министру Брайту и его друзьямъ поле битвы и нѣчто похожее на побѣду. Гонорять, пары еще не разведены. Членъ министерской партіи, поддерживавшій широкъ, говорилъ своимъ избирателямъ, что никто не требуетъ реформы. «Такъ разводите же пары!» Вотъ паровъ дѣя. И если въ слѣдующіе три мѣсяца не будетъ одобрено довольно дровъ подъ машину, то эти три мѣсяца будутъ непохожи ни на одинъ трехтысячный періодъ отъ сотворенія міра. Что тутъ говорить? агитация уже не за дверями парламента. Министру Брайту полная возможность предложить, не давая и одного дня отсрочки, что «такъ какъ, парламентская реформа много разъ уже откладывалась и такъ какъ нѣтъ достаточнаго основанія для дальнѣйшей отсрочки, то палата объявляетъ, что она не довольна отлагательнымъ методомъ правительства и желаетъ немедленно завлечь важнѣйшіи дѣла въ нынѣшней сессіи». Такое предложеніе будетъ благоразумно или неблагоразумно, это дѣло расчета; но министры, прежде чѣмъ спокойно объявили Палатѣ, что у нихъ есть хорошій проектъ, но что они отлагаютъ его на три мѣсяца или больше, должны были бы удовольствоваться, что подобное предложеніе не имѣетъ шансовъ быть принятымъ Палатою. Путь, избранный министерствомъ, не тотъ, который обыкновенно ведетъ къ успѣху въ нашихъ хлопотливомъ мірѣ. Есть на свѣтѣ люди, которыхъ полнѣе вѣчно находятъ въ обществѣ; которыхъ разны вѣчно остаются бугорками; которыхъ домашніе всегда все еще въ стойлѣ; которыхъ капиталъ не выходитъ изъ подъ замка; которые вѣчно занимаютъ у будущаго и вѣчно въ долгу. Испанія можетъ быть заплатить вѣкогда своимъ кредиторамъ и Мичиганскій штатъ выйти изъ банкротства, но пока, годъ за годъ, они все остаются каменными бѣды, и отъ кажущаго вѣрѣе всего ожидать того, что онъ останется каменнымъ быдломъ. Люди, хвастающіеся своими будущими сочиненіями *promisores librorum*, составляютъ цѣлое племя, не занимающее виднаго мѣста въ литературѣ; но люди, хвастающіеся будущими великими законами, не менѣе многочисленны и сѣтшны.

«Въ парламентѣ и въ парламентахъ, мы теперь среди агитаціи. Напрасно гонорить, что народу не слишкомъ нужна реформа. На десять миль отъ васъ кругомъ слеза ли найдется человекъ, которому билетъ въ театрѣ не былъ бы пріятнѣе билета на участіе въ Лондонскихъ выборахъ. Билетомъ на выборы онъ пожалуй не воспользуется, а билетъ въ театрѣ онъ можетъ передать своему другу или первому встрѣчному трубочисту. Но, если каждому лично для себя не дорого участіе въ выборахъ, если тутъ нѣтъ эгоистичныхъ побужденій, то остается общественный вопросъ, остается всѣ побужденія, которыми движутся общественные вопросы. И развѣ нѣтъ на то причины? Во-первыхъ, вопросъ долго отсрочивался и предводители всѣхъ партій замѣшаны въ проволочку. Далѣе, есть очень маленькій параграфъ въ рѣчи королевы, общающій только, что вниманіе парламента будетъ обращено на законы о парламентскихъ выборахъ. Потомъ есть еще ничтожайшее упоминаніе объ этой прискорбной темѣ въ министерскихъ рѣчахъ; потомъ осторожное объявленіе, что ничего не будетъ сдѣлано

до паша, или до той поры, пока страна будет приведена въ состояніе удовлетворительное, по мнѣнію правительства. Что это значитъ? Людей сажать на діету передъ опасной операціей. Что же, парламенту будетъ отрезана нога или вырванъ душой зубъ? Подумаешь, что для лорда Дербя мысль о парламентской реформѣ была также страшна, какъ страшны были бы эти тяжелыя конституціонныя операціи. Но когда нервы будутъ болѣе спокойны, кровь менѣе взволнована и все тѣло въ лучшемъ положеніи, нежели теперь?

«Люди, которые безъ надобности откладываютъ мѣру, которую сами признаютъ необходимою, подвергнутся отвѣтственности за то, какъ разрастется она въ это время. Произить, изложенный публикѣ (Брайтоу), не можетъ быть названъ слабымъ; самъ авторъ называетъ его сильною мѣрою. Но развѣ совершенно невозможно пройти въ дѣйствительности еще болѣе сильной мѣрѣ? Напротивъ, это возможно, потому что самыя горячіе защитники каждаго изъ проектовъ, предложенныхъ публикѣ, соглашались, что нѣтъ плана производить реформу еще не совершенно полную. Напротивъ, планъ мистера Брайта не даетъ голоса земледѣльческимъ рабочимъ. Посмотрите на массу строящихся заводовъ,—вы увидите сотню рабочихъ, трудящихся съ большимъ искусствомъ и прилежаніемъ, сильныхъ своею организаціею. Вѣроятно ни одинъ изъ нихъ не получилъ бы голоса, даже по проекту мистера Брайта. Баллотировка также не составила бы части закона, если законъ будетъ принятъ скоро. Но дайте нѣсколько лѣтъ строчки; оставьте вопросъ въ рукахъ нашихъ реформировъ, дайте имъ распространять убѣжденіе, что безъ нихъ ничего не сдѣлается, и они станутъ безусловными господами положенія. Мы вовсе не увѣрены въ томъ, что не увидимъ реформъ болѣе сильныхъ, нежели всѣ нынѣшніе проекты, и что дѣло не побѣдитъ насъ всѣхъ. Важнѣйшія вещи дѣлаются въ одинъ день. Учрежденія старой Франціи, подобно Вестминъ, были инавергнуты въ одинъ день. Немного времени было нужно для возвышенія вознагражденія за вѣсть-индскихъ невольниковъ до 20.000.000 фунтовъ. Если Палата Общанъ разъ приметъ сторону реформы подъ давленіемъ популярности и необходимости, она не будетъ тогда останавливаться на пустякахъ. Палата Лордовъ можетъ тогда не имѣть даже удовольствія слушать длинныя рѣчи, уступать праснорѣчію или доводить: ей придется, можетъ быть, принять билль въ молчаніи и даже въ отсутствіи; тогда будутъ знать, кого винить за это,—не насъ и даже не мистера Брайта. Мы требуемъ такой поспѣшности, которая бы дала обѣимъ Палатамъ время составить удовлетворительный законъ».

Е. Митингъ въ лондонской Сити.

(По отчету газеты Manchester Guardian).

«Публичный митингъ избирателей лондонской Сити, созданный лордомъ меромъ по просьбѣ, имѣвшей множество подписей, происходилъ въ субботу 5 февраля въ Гильдейской Залѣ лондонской Ратуши (*Guildhall*). Митингъ былъ многочисленъ; большая часть присутствующихъ очевидно принадлежала къ сословію не участвующему вынѣ въ выборахъ. Президентствовалъ на митингѣ лордъ мэръ, открывшій засѣданіе ровно въ 2 часа.

«Лордъ мэръ началъ заявія митинга объявленіемъ, что согласно требованію, присланному къ нему, какъ главѣ избирательной корпораціи города Лондона, онъ нашедъ полезнымъ созвать митингъ избирателей для обсужденія вопроса о парламентской реформѣ. Милордъ мэръ заключилъ объявленіемъ, что первое рѣшеніе будетъ мотивировать мистеръ Эрнестъ Джонсъ.

«Мистеръ Эрнестъ Джонсъ, котораго приняли съ громкими аплодисментами, выступилъ на переднюю часть эстрады и сказалъ, что хотя лондонская Сити принимается за дѣло познанія другихъ городовъ, но зато многочисленный митингъ, собравшійся теперь, придаетъ сильное движеніе дѣлу истинной реформы, и онъ увѣренъ, что привиреніе сословія, къ достиженію котораго онъ ревностно стремился, получить болѣе

иския и въ будущемъ сдѣлается тѣмъ-то похожимъ на дѣйствительность. Рѣшеніе, которое онъ имѣетъ предложить, таково:

«По мнѣнію настоящаго митинга не будетъ удовлетворительно никакое разширеніе избирательнаго права, которое не дастъ надлежащаго участія въ политической власти всѣмъ сословіямъ общества». Онъ сказалъ, что желаетъ явиться адвокатомъ полнаго и надлежащаго допущенія рабочихъ классовъ къ участию въ выборахъ, при обсужденіи въ парламентѣ какаго бы то ни было билля о реформѣ. Онъ сказалъ: «Я не желаю сказать ничего враждебнаго мистеру Брайту, но хочу двинуть его впередъ, чтобы онъ ввелъ въ свой билль право голоса для каждаго взрослого человѣка, вмѣсто предлагаемаго имъ права голоса для каждаго платящаго подати. Мистеръ Брайтъ сказалъ, что по его биллю число настоящихъ избирателей увеличится въ два съ половиною раза, такъ что избирателей будетъ около двухъ съ половиною милліоновъ; но четыре милліона останутся еще безъ права голоса. На какомъ основаніи, спрошу я, эти четыре милліона должны остаться внѣ конституціоннаго права? Мистеръ Брайтъ сказалъ, что нѣкоторые члены англійскаго населенія ведутъ беспорядочную жизнь, находятся въ зависимости и не трудятся. Я согласенъ съ этимъ и не предполагаю, чтобы когда нибудь рѣшительно каждому человѣку было дано право голоса. Есть разряды людей, которые всегда должны остаться исключенными отъ выборовъ, такъ напримѣръ бродячее населеніе, вѣнчае организуются толды, которыя стануть участвовать въ нѣсколькихъ выборахъ въ одинъ день. Но четыре милліона, исключаемые биллемъ мистера Брайта, навѣрное не всѣ принадлежатъ къ разряду бродячаго населенія, описаннаго мистеромъ Брайтомъ. Скажу, что все это люди, находящіеся въ зависимости ¹⁾. Итъ, эти милліоны состоятъ главнѣйшимъ образомъ изъ работниковъ, а мистеръ Брайтъ самъ говорилъ, что работники не находятся въ положеніи людей зависящихъ. Если же они и зависятъ, то отъ кого зависятъ кромѣ хозяина, у котораго работаютъ? Дайте сословію работниковъ голосъ и дайте ему баллотировку, и тогда вы сдѣлаете изъ независимыхъ людей (апплодисменты). Мистеръ Брайтъ находитъ въ биллѣ реформы 1832 года тотъ недостатокъ, что этотъ законъ перенесъ власть отъ одного класса къ другому и былъ нарочно составленъ тѣмъ, чтобы исключить отъ выбора рабочіе классы. Не впадите же сами теперь въ подобную ошибку (апплодисменты). По предлагаемому мистеромъ Брайтомъ правилу, отъ участія въ выборахъ будетъ исключенъ каждый работникъ, за котораго платитъ подать въ пользу бѣдныхъ хозяинъ, если этотъ работникъ нанимаетъ квартиру дешевле 5 фунтовъ въ годъ. Это, по моему мнѣнію, дурная черта въ биллѣ мистера Брайта и результатомъ ея былъ бы излишній перевѣсъ большаго города надъ малыми, а городовъ вообще надъ деревнями (апплодисменты). Пока я живъ, я буду противиться такому несправедливому отнятію правъ у работниковъ, какъ у вольныхъ людей (апплодисменты).

«Во всѣхъ большахъ мануфактурныхъ городахъ фабриканты строятъ для работниковъ дома, и если кто изъ такихъ работниковъ потребуетъ, чтобы его внесли въ списокъ платящихъ подать на бѣдныхъ, чтобы черезъ это получить ему голосъ, такой работникъ не найдетъ себѣ мѣста ни на какой фабрикѣ. Стоятъ ли такое разширеніе избирательнаго права того, чтобы хлопотать о немъ? Можно ли возбудить сочувствіе и поддержку отъ среднихъ классовъ въ пользу такого предложенія (итъ, итъ, итъ!). Чѣмъ скорѣе мистеръ Брайтъ узнаетъ, что такое основаніе избирательнаго права отвергается лондонскою Сити и англійскою землемъ, тѣмъ больше будетъ пользы для мистера Брайта и для всѣхъ, и тѣмъ больше будетъ вѣроятія, что мистеръ Брайтъ предложитъ намъ какую нибудь хорошую и соответствующую мѣру реформы (апплодисменты). Я знаю, мистеръ Брайтъ сказалъ, что у него нѣтъ силы дать голосъ этимъ четыремъ милліонамъ. Если у него нѣтъ силы сдѣлать это, почему онъ не обратился къ этимъ четыремъ милліонамъ? Привозите ихъ на помощь. Они такая сила, которой не могутъ воспротивиться никакіе нобельмены. Пусть мистеръ Брайтъ вышлетъ ихъ къ судѣйствію, и посмотримъ, могутъ ли какіе нибудь нобельмены устоять противъ такого вогушества (апплодисменты). Если мистеръ Брайтъ не вызоветъ въ

¹⁾ То есть, содержащіеся пособіями изъ подати, взимаемой въ пользу бѣдныхъ.

содѣйствию эти четыре милліона, стану вызывать ихъ я, я слабость органа, требующаго справедливости, не поощряетъ приобритенію права голоса этимъ милліонамъ, исключавшимъ ихъ участіа въ выборахъ (аглодисменты). Я говорю, что провѣтъ мистера Брайта въ нынѣшнемъ своемъ видѣ воведетъ только къ тому, что отъ аристократичѣской власти перейдетъ къ коттонократамъ¹⁾. Я хочу такого билля, по которому голосъ чловѣку давался бы на самомъ дѣлѣ, а не въ насмѣшку. Голосъ долженъ быть свободенъ, а онъ не будетъ свободенъ, если станетъ зависѣть отъ собственности другаго чловѣка. Теперь, когда голосъ зависѣлъ отъ занятія извѣстной квартиры, онъ не былъ свободенъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда чловѣкъ жиливъ квартиру въ наемной фермѣ, или въ домикѣ, принадлежащемъ хозяину фабрики, гдѣ онъ работаетъ. Только при одномъ правилѣ будетъ дана справедливая свобода голоса отдѣльному лицу и справедливое участіе во власти тому собранію отдѣльныхъ лицъ, которое называется націею,—это въ томъ случаѣ, когда голосъ будетъ данъ каждому взрослому чловѣку (сильные аглодисменты). Нѣкоторые скажутъ, что реформу, предлагаемую мистеромъ Брайтомъ, реформеры должны принять, потому что она поведетъ къ новой реформѣ. Но я скажу: нѣтъ (аглодисменты). Дать голосъ одному сословію съ исключеніемъ другаго, значитъ только крѣпче запереть дверь доступа рабочему классу къ полученію голоса. Еслибы правило мистера Брайта шло изъ хорошаго основанія, а принявъ бы его; по правилу, выходящее изъ ошибочнаго основанія, все равно, что слышимъ короткая веревка, брошенная утопающему чловѣку, который не можетъ достать до нея руками. Партія мистера Брайта думаетъ, что она сильна, а мы слабы,—такъ мы не побоясь же сказать ей: господи въ Брайтъ и господа манчестерскіе люди, вѣтъ билль негодится, дайте намъ билль, который былъ бы лучше. (Такъ, такъ!—аглодисменты). Намъ митингъ огроменъ, посмотритъ же, сколько вѣдь изъ насъ котаъ, чтобы голосъ былъ данъ каждому взрослому чловѣку. (Всѣ присутствующіе, за исключеніемъ одного или двухъ чловѣкъ, поднимаютъ руки)²⁾. Говорятъ, что Англія угрожаетъ намѣстіе. Не давайте обмануть себя крикомъ объ этой опасности. Дѣлаютъ такое умозаключеніе: «континентъ въ опасности, континентъ завоевывать, потому необходимо намъ обсудитъ наши оборонительныя средства, прежде чѣмъ станемъ разсуждать о реформѣ; реформа должна подождать, пока мы распорядимся улучшеніемъ нашихъ оборонительныхъ средствъ». Нація много разъ уже попадала въ эту ловушку министерской хитрости; а я на такіа отговорки отвѣчаю: «дайте голосъ народу нашей земли; дайте ему политическія права, чтобы ему было что защищать, и тогда всякой иностранецъ не отважится думать о намѣстіи на наши берега». Если я успѣлъ склонить митингъ къ принятію моего предложенія, это будетъ важное дѣло; это будетъ плотинкой отъ прилива шарлатанскихъ обмановъ, почти уже затопляющаго рабочіе классы Англіи (аглодисменты).

«Мистеръ Петеръ-Альфредъ Телоръ началъ гонорить въ поддержку предложенія. Онъ сказалъ: «Я радъ, что нѣтъ случая возвысить голосъ на такомъ громадномъ митингѣ въ поддержку предоставленія голоса каждому взрослому чловѣку. Я выбралъ кандидатами въ депутаты Ньюкстля отъ людей, желающихъ тамъ, чтобы данъ былъ голосъ каждому взрослому чловѣку». Мистеръ Телоръ продолжалъ гонорить въ защиту такого ценса. «Но, прибавилъ онъ, выражая наши сильныя нѣвня, намъ должно позаботиться о томъ, чтобы не вносить раздора въ станъ реформы (такъ, такъ!). Я не въ пользу билля мистера Брайта, но все, что мы нынѣ дѣлаемъ, послужитъ въ пользу *манчестреніи* мистера Брайта. Этотъ почтенный джентльменъ всегда подробно объяснялъ, что лично онъ желаетъ дать голосъ каждому взрослому чловѣку, но онъ прибавлялъ, что по правилу благоразумной политики онъ считаетъ нужнымъ, представляла билль Палатѣ Общинъ, представлять такой билль, который могъ бы пройти черезъ нее (такъ, такъ!). Потому нынѣшній митингъ поможетъ

¹⁾ Коттонократа, или лорды хлопчатобумажныхъ фабрикъ—выраженіе уже пошедшее въ англійскій языкъ.

²⁾ По англійскому обычаю выражать свое согласіе на предложеніе поднятіемъ руки.

истеру Брайту, хотя почтенный депутат сдѣлалъ ту ошибку, что почелъ хорошею политикою требовать меньше, нежели ему нужно (такъ, такъ!).

«Лордъ мэръ предложилъ рѣшеніе митингу и объявлялъ, что оно принято единогласно, по удостовѣреніи во истинѣ митинга черезъ поднятіе рукъ *за* и *противъ*».

«Выраженіе благодарности лорду мэру за предсѣдательствованіе на митингѣ было принято съ громкими аплодисментами».

«Послѣ того митингъ разошелся».

Мартъ 1859.

Миролюбивыя манифестаціи во Франціи.—Выговоръ газетѣ *Presse*.—Оппозиція въ законодательномъ корпусѣ, при дворѣ и въ сенатѣ.—Письмо къ Геду, статья Монтера и отставка принца Наполеона.—Посольство лорда Коули.—Общественное мнѣніе во Франціи и итальянскіе фанатики.—Проектъ перемѣтъ въ нымѣшней французской сѣстешѣ.—Положеніе итальянскаго вопроса около 3 (15) марта.—Копьевскія увѣренія Пачьмерстона.—Парламентская реформа въ Англіи.—Министерскій билль.—Д'Израэли какъ прогрессистъ.—Россѣль снова становится главою оппозиціи.—Прибытіе неаполитанскихъ плѣнниковъ въ Англію.—Можно ли назвать ихъ страдавшими не по собственной ихъ винѣ.

Въ прошедшій разъ, миролюбивыя манифестаціи французскаго правительства приходилось намъ поречислять въ параллель съ его объявленіями и официальными актами, имѣвшими воинственное направленіе; каждому дѣйствію его въ одномъ видѣ соответствовало, почти въ тотъ же день, какое нибудь дѣйствіе, имѣющее противоположный видъ; я мы заканчивали очеркъ только тѣмъ неопредѣленнымъ выраженіемъ, что въ пять или шесть послѣднихъ дней, входившихъ въ нашъ обзоръ, именно во вторую недѣлю февраля (по новому стилю), миролюбивыя манифестаціи, повидимому, взяли верхъ надъ воинственными; но нельзя еще рѣшить, проченъ ли такой оборотъ въ въ наружныхъ дѣйствіяхъ французскаго правительства, а можно только находити, что нѣкоторая продолжительность манифестацій въ этомъ смыслѣ довольно правдоподобна. Такое предположеніе европейскихъ газетъ оправдалось. До того числа, извѣстія о которомъ мы имѣемъ при составленіи нынѣшняго обзора (15 марта новаго стиля), всѣ наружныя дѣйствія и объявленія французскаго правительства были благопріятны сохраненію европейской ташины. Цѣлый мѣсяцъ миролюбивыхъ увѣреній и наружныхъ дѣйствій въ томъ же смыслѣ,—чего же ты хочешь больше Западная Европа? Ты слишкомъ требовательна и недовѣрчива, если тебѣ мало столькихъ официальныхъ ручательствъ за ненарушимость твоего спокойствія.

Послѣ неопредѣлительно миролюбивой рѣчи французскаго императора при открытіи засѣданій законодательныхъ властей (7 февраля) и рѣшительно миролюбивой рѣчи графа Морни, президента законодательнаго корпуса, въ первомъ засѣданіи этого собранія (8 февраля), первую довольно яркую манифестацію въ пользу мира былъ выговоръ, данный министромъ внутреннихъ дѣлъ газетѣ

Presse, за одну из воинственных статей, которые до той поры ежедневно появлялись въ ней безъ всякихъ неприятныхъ для нея послѣдствій. Статья эта ни мало не превосходила своихъ жаромъ прежнихъ докламацій; не стоитъ она вниманія ни въ какомъ отношеніи; но она послужила пробирнымъ камнемъ для проведенія черты мирнаго зеленаго цвѣта рукою Делаангла,—какъ же намъ не присмотрѣться къ произведенію г. Леузонъ-Ледюка, получившаго честь, рубцомъ на своей спинѣ, свидѣтельствовать о сохраненіи европейскаго спокойствія?

По поводу одной книги объ исторіи Италіи за послѣднія десять лѣтъ, знаменитый знатокъ русской исторіи, г. Леузонъ-Ледюкъ, объявляетъ, что Италія излечилась отъ прежнихъ неопытныхъ мечтаній и получила теперь способность дѣйствовать противъ Австріи основательнѣе. Теперь, говоритъ онъ, Италія не такова, какъ въ 1848 и 1849 годахъ.

«Какъ перемѣнились времена! восклицаетъ правдолюбивый защитникъ Италіи. Къ Пізмонту теперь примыкаютъ даже тѣ, которые болѣе всѣхъ другихъ не доверяли ему, отталкивали его отъ себя съ наибольшей энергіей. *Viva Verdi*,—этотъ символическій крикъ раздается съ одного конца полуострова до другого,—блестательный симптомъ, если не единства, можетъ быть невозможнаго, то по крайней мѣрѣ общаго сословія, воссягающаго на своемъ знамени знаменательный девизъ: «независимость и свобода!» Самъ Манцини, этотъ нетерпѣливый агитаторъ, отказываясь отъ исключительности своей системы, присоединяется къ усиліямъ для достиженія общей цѣли. Останавливаетъ на минуту вопросъ о внутренней организаціи и останавливается на вопросѣ объ освобожденіи отъ иностранцевъ; онъ теперь самый настоятельный. Что значитъ этотъ всеобщій крикъ «*Viva Verdi*!» если не соединеніе въ освобожденію отъ иностранцевъ? Но, говорятъ, достаточны ли будутъ силы одной Италіи для этого? Единодушное возстаніе цѣлаго народа—очень могущественный рычагъ. И не приписываютъ ли Австріи силу, которой она не имѣетъ? Вспомнимъ венгерскую войну, особенно вспомнимъ страшный составъ Австрійской имперіи. Сколько въ ней самой такихъ элементовъ, которые могутъ развлечь ея силы! Одного движенія у этихъ венгровъ, или у этихъ славянъ, подобно итальянцамъ негодующихъ на габсбургскій скипетръ, было бы слишкомъ достаточно, чтобы принудить итальянскую армію Франца-Иосифа отступить, а кто не предвидитъ вѣроятности такого движенія? И развѣ Италія рассчитываетъ только на свои силы для сверженія нга своихъ поработителей? Нѣтъ, она призываетъ на помощь всѣ благородныя націи. Мы боимся вѣтшателства,—почему же? Не должны ли мы скорѣе съ признательностью привѣтствовать представляющійся случай положить наконецъ предѣлъ этой болѣзни, мучащей Европу и задерживающей колесницу прогресса?

«Австрія повсюду поднимаетъ голову въ Италіи, она поднимаетъ голову и въ Италіи. Не Австрія ли уничтожила всѣ результаты парижскаго трактата? Не Австрія ли внушаетъ Турціи всѣ ея измѣны, всѣ ея преступленія? Не Австрія ли возмущала союзъ, соединявшій насъ съ Англіею? Война, которая избавитъ насъ отъ этого кошмара, не должна ли быть благословляема между всеми войнами? Такова война, готовящаяся въ Италіи. Вотъ почему мы смотримъ на нее съ довѣріемъ и спокойствіемъ».

Что замѣчательнаго въ этой статьѣ? Развѣ то, что преднамѣренныхъ ошибокъ въ ней по крайней мѣрѣ столько же, сколько справедливаго. Итальянцы будто бы отерочиваютъ вопросъ о внутренней организаціи до той поры, пока рѣшится дѣло національной независимости. Какое же ручательство въ томъ? Символическій крикъ *viva Verdi*! то есть: *viva V(ictor) E(mmanuel) R(é) d'I(talia)*—„да здравствуетъ Викторъ Эммануэль, король всей Италіи!“

Но, во-первыхъ, вся ли Италія повторяетъ этотъ крикъ? Кажется, онъ слышенъ только въ Ломбардіи и въ Моденѣ; Неаполь, Римъ и самая Венеція, даже и теперь не высказываютъ охоты склониться передъ Туриномъ. Да и въ Ломбардіи можно ли положиться на этотъ „блистательный симптомъ“? Кому не извѣстно, что первоначальный крикъ быстро смѣняется другими по мѣрѣ того, какъ развиваются событія? Въ 1848 году итальянское движеніе началось съ крикомъ „да здравствуетъ папа Пій IX!“ А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ оно пришло къ тому, что Пій IX почелъ нужнымъ бѣжать изъ Рима; и чтобы возстановить его власть, Наполеонъ III, бывшій тогда президентомъ республики, почелъ за нужное послать противъ Рима французское войско, которое до сихъ поръ, вотъ уже цѣлыя десять лѣтъ, стоитъ въ Римѣ. Почему знать, что, возбуждивъ итальянское движеніе теперь, какъ Пій IX возбуждалъ его одиннадцать лѣтъ тому назадъ, Викторъ Эммануэль не увидѣлъ бы себя въ необходимости возстановлять свою власть даже надъ наслѣдственными землями тѣмъ же сродствомъ, какимъ возстановились правленіе Пія IX въ Римѣ? Мы уже не говоримъ о Ломбардіи, или Венеціи, или Тосканѣ; но можетъ ли онъ рассчитывать и на преданность значительной части своихъ нынѣшнихъ подданныхъ, если имъ не будетъ нужно молчать о своихъ чувствахъ къ нему изъ опасенія отъ австрійцевъ? Генуя недавно была усмирена только формальною осадю. Теперь она встрѣтила Виктора Эммануэля съ триумфомъ, но вѣдь это потому, что она хочетъ войны по воспоминанію о 1848 году, когда въ нѣсколько мѣсяцевъ она обогатилась торговлею съ Миланомъ, пока онъ былъ свободенъ отъ австрійцевъ. Она и въ 1848 году желала войны, однакожь это не помѣшало ей, въ свое время, выразить нежеланіе подчиняться Турину. Но теперь, говоритъ Леузовъ-Ледюкъ, самъ Маццини хочетъ помогать сардинскому королю и графу Кавуру. Такъ эта помощь важна? Такъ маццинисты дѣйствительно сильны въ Италіи? Это можно видѣть изъ неосторожныхъ словъ Леузовъ-Ледюка; но чтобы туринскій кабинетъ остался безопасенъ при такой помощи, этому трудно повѣрить. Нынѣ Маццини можетъ быть и не хочетъ мѣшать Кавуру, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы по изгнаніи австрійцевъ онъ не вздумалъ, вмѣстѣ съ генуэзцами, предъявить свои желанія.

Если бы выговоръ былъ данъ за преднамѣренные ошибки, статья заслуживала бы его; но онъ данъ просто за воинственность. Мирюлюбивые идеалисты сообразили, что это еще первый выговоръ, данный какою нибудь газетѣ въ министерствѣ Делангля, который очевидно хочетъ прибѣгать къ такому средству только въ случаѣ крайней надобности; тѣмъ больше значенія получала эта экстренная мѣра: если уже Делангль сдѣлалъ выговоръ, значитъ война стала слишкомъ противна видамъ правительства.

Душевная безмятежность, вносившаяся во французское общество такимъ разсужденіемъ, была нѣсколько нарушена циркуляромъ того же самаго Делангля къ префектамъ. Въ немъ онъ говорилъ, „что они должны объяснять рѣчь императора не въ смыслъ безусловно мирюлюбивомъ, что есть опасность, которая страшнѣе войны, именно то, когда умы, предавшіеся матеріальнымъ интересамъ (то есть мыслямъ о гибельности войны для народнаго благосостоянія), забываютъ о преданіяхъ чести и патриотизма“, — иначе сказать, что

хотя Наполеонъ III хотѣлъ бы сохранить миръ, но національная честь требуетъ войны, и люди, думающіе иначе—самые вредные люди. Циркуляръ заключался приказаніемъ смотрѣть, чтобы провинціальныя газеты говорили въ такомъ тонѣ: „если же не въ силахъ газетъ одушевиться тѣмъ высокимъ языкомъ, какимъ императоръ говорилъ съ Европою, то достоинство ихъ требуетъ не ослаблять его дѣйствія толкованіями, обличающими эгоизмъ или малодушіе“,— это значило, что газеты, не желающія склоняться въ пользу войны должны молчать. Этотъ циркуляръ, сдѣланный въ Парижѣ извѣстнымъ (15 февраля), накануне выговора, даннаго Press'у, нѣсколько парализовалъ впечатлѣніе выговора; а еще больше ослабилось оно толкованіемъ о происхожденіи знаменитаго выговора. Говорили, будто бы австрійскій посланникъ сказалъ графу Валевскому, что выйдетъ изъ Парижа, если не получитъ удовлетворенія за нападки Press'ы на Австрію; такимъ образомъ выговоръ оказывался только дипломатическою учтивостью.

Но эти два небольшія нарушенія миролюбивыхъ симптомовъ были послѣдними отголосками прежней вѣнственности, да и они оканчивались ничѣмъ—никою важности, какую имъ придали. Выговоръ не былъ просто дипломатическимъ оборотомъ: хозяинъ Press'ы Мильйо вѣроятно осозналъ его серьезность, потому что немедленно продалъ газету, „а то, чего добраго, говорилъ онъ, запрятать ее“. Правецъ Наполеонъ, до сихъ поръ ей покровительствовавшій, сказалъ хозяину, что не въ силахъ защитить ее отъ опасностей. Новый хозяинъ не захотѣлъ служить органомъ воинственной партіи и прежній редакторъ Геру долженъ былъ уступить свое мѣсто другому, который хочетъ повести ее въ духѣ орлеанской партіи, пытающей къ принцу Наполеону и его фамиліи тоже самое чувство, какое прежняя Presse имѣла къ Австріи. Да, расклеивается каждое маленькое дѣло у людей, противъ которыхъ повертывается счастье въ главномъ дѣлѣ. Хотѣли обуздать вредную ревность союзника,—и что же вышло? органъ, принадлежавшій слишкомъ усердному союзнику, перешелъ въ руки врага. Дѣйствительно ли хотѣлъ Делангль сдѣлать серьезный выговоръ Press'у, или только Валевскій оказывалъ черезъ него дипломатическое приліпленіе австрійскому посланнику, мы не знаемъ; но какъ бы то ни было, выговоръ получилъ очень серьезную силу. Совѣтъ не такова была судьба циркуляра: онъ оказался безсильнымъ, хотя нельзя сомнѣваться въ томъ, что имъ вовсе не хотѣли шутить. Провинціальныя газеты быть можетъ и замолчали на нѣсколько дней, но уже давно опять говорить противъ войны, чуть ли не сильнѣе прежняго.

Являлась оппозиція болѣе опасная, нежели газеты. Въ прошлый разъ мы упоминали о томъ, какъ сильно говорятъ депутаты въ салонахъ противъ войны. Теперь они начали говорить подобнымъ образомъ даже въ залѣ своихъ собраній,—мы ошиблись, еще не въ главной залѣ общихъ собраній, а только въ маленькихъ частныхъ залахъ, гдѣ собираются для комитетскихъ совѣщаній отдѣлы законодательнаго корпуса (бюро) или засѣдаютъ коммисіи. Самымъ поразительнымъ случаемъ подобнаго рода была встрѣча бюджета. Вотъ какъ разсказываютъ это дѣло. Бюджетъ 1860 года показываетъ число арміи и расходы на нее почти въ такихъ же цифрахъ, какія были въ прошедшемъ го у и утверждены для нынѣшняго года. Коммиссія законодательнаго корпуса

по финансовымъ дѣламъ, получивъ новый бюджетъ, объявила, что недоумѣваетъ, какимъ образомъ согласить эти цифры мирнаго положенія съ слухами о войнѣ. „Законодательный корпусъ можетъ заниматься только серьезными цифрами, сказала коммиссія, онъ не захочетъ утверждать такой бюджетъ, къ которому будутъ сдѣланы потомъ прибавки экстренныхъ кредитовъ на веденіе войны“. Поэтому, прежде нежели начать разсмотрѣніе бюджета, коммиссія потребовала у правительства объясненія о томъ, серьезны ли цифры бюджета. Коммиссіонеръ правительства для объясненій съ законодательнымъ корпусомъ по бюджету, Барошъ, долженъ былъ объявить, что цифры бюджета по искреннему убѣжденію правительства не потребуютъ прибавокъ, и что правительство увѣрено въ сохраненіи европейскаго мира.

Депутаты, начинающіе, какъ видимъ, наступательное движеніе, становятся съ каждымъ днемъ смѣлѣе,—т. е. на словахъ, отъ которыхъ еще далеко до дѣла. Даже бывшіе министры Наполеона ІІІ, лица самыя близкія къ нынѣшнему правительству, отъ прежней системы почтительныхъ возраженій переходятъ къ такому образу дѣйствій, котораго намъ никакъ не одобрили бы мѣсяца за полтора или за два. Напримѣръ, вотъ что произошло между Персиньи и принцемъ Наполеономъ при той церемоніи, когда передавался въ архивъ императорской фамилии документъ о бракосочетаніи принца Наполеона. Персиньи присутствовалъ тутъ, какъ членъ тайнаго совѣта. Заплативъ о войнѣ. Принцъ Наполеонъ выразилъ пренебреженіе къ трактатамъ 1815 года, сказалъ, что надобно плевать на нихъ (*they should be cast to the winds*) и освободить Италію въ противность имъ; а если общественное мнѣніе, прибавилъ онъ, противно такой политикѣ, то не надобно смотрѣть на него. Персиньи перебилъ его словами, что подобный образъ мыслей вреденъ, не только для правительства, но и для всего общества; и что подобная политика была бы противна интересамъ Франціи. Потому, продолжалъ онъ громкимъ голосомъ, я всегда буду противиться ей всѣми силами. Разговоръ въ этомъ тонѣ тянулся довольно долго; словомъ сказать, на торжественной церемоніи произошла очень жаркая сцена въ протавность всякому этикету.

Не только отдѣльные сановники, подобно Персиньи доказывавшіе, что имѣютъ мужество противорѣчить желаніямъ императора, когда то нужно для его собственной пользы; не только депутаты законодательнаго корпуса, между которыми есть десятка полтора людей независимыхъ, имѣющихъ нѣкоторое вліяніе на толпу своихъ товарищей, дѣлаютъ оппозиціонныя попытки,—даже въ сенатѣ, составленномъ самимъ императоромъ изъ самыхъ покорнѣйшихъ ему людей, начинаютъ слышаться рѣчи очень рѣзкія. По случаю бракосочетанія принца Наполеона надобно было увеличить его содержаніе. Это производится рѣшеніемъ сената (*senatusconsult*). Покорные члены не могли и думать о томъ, чтобы отвергнуть предложеніе о назначеніи принцу Наполеону требуемой прибавки въ 700,000 франковъ; а между тѣмъ непременно хотѣли выразить свое неудовольствіе на принца. Какъ это сдѣлать? Двое изъ членовъ сената, Кастельбажанъ и Буасси, придумали средство: надобно предложить въ *senatusconsult* измѣненіе такого рода, что 700,000 франковъ назначаются не принцу Наполеону, а просто предоставляются въ распоряженіе императора. Эта очень замысловатая протестация такъ понравилась

сенаторамъ, что наканунѣ преній Парижъ ожидалъ ея принятія большинствомъ сената. Но сами предводители оппозиціи испортили дѣло, елишкомъ понабѣившись на доблесть своихъ товарищей. Рѣчи, ими сказанныя, были такъ рѣзки, что сенаторы перепугались; и когда дѣло дошло до подачи голосовъ противъ *senatusconsult*'а въ его первоначальномъ видѣ, оказалось противъ него только два голоса самихъ ораторовъ, а всѣ остальные члены сената благоразумно отступились отъ герейскаго замысла. Резултатъ неблестательный; но каковъ бы онъ ни былъ, страшно уже самое появленіе оппозиціонныхъ попытокъ въ вѣрномъ сенатѣ. Потому по вопросу о бюджетѣ сенатская коммиссія бюджета точно такъ же требовала объясненій, какъ и коммиссія законодательнаго корпуса.

Можно вообразить себѣ, какъ силенъ ропотъ противъ войны, если даже сенатъ чуть-чуть было не вздумалъ попытаться быть его отголоскомъ. До сихъ поръ увѣряли, что по крайней мѣрѣ французская армія жаждетъ войны единодушно. Было извѣстно, что нѣкоторые изъ важнѣйшихъ генераловъ, наипримеръ Пелиссье, и Канроберъ, противъ войны: но говорилось, что они составляютъ исключеніе. Теперь всѣмъ извѣстно, что изъ генераловъ большая часть противъ войны; что между солдатами также мало охоты идти въ Италію. Только офицеры, особенно штабъ-офицеры, надѣющиеся скорѣе дослужиться до генеральскихъ эполетъ на поляхъ битвъ, ждали бы идти въ походъ. Словомъ сказать, даже большинство армій едва ли не противъ войны. Принцъ Наполеонъ и его прежній органъ, газета „*Presse*“, увѣряли, что лишаясь прежнихъ приверженцевъ въ промышленномъ сословіи, правительство приобрѣтетъ себѣ усердныхъ защитниковъ между прежними врагами-республиканцами и революціонерами. Эти партіи, ожидающіе въ скоромъ времени благоприятнаго случая для рѣшительныхъ дѣйствій, въ послѣднее время держали себя очень осторожно и молчали. Ихъ молчаніе истолковывалось въ смыслѣ согласія. Но вотъ и эта надежда исчезла. Парижскіе республиканцы въ половинѣ февраля собирались у Карно и рѣшили, что они противъ войны. Черезъ нѣсколько дней былъ въ Лондонѣ митингъ французскихъ изгнанниковъ демократической партіи и также объявилъ себя противъ войны.

Положеніе вообще сдѣлалось въ самой Франціи еще гораздо затруднительнѣе, нежели какъ было въ январѣ мѣсяцѣ. Давно уже было извѣстно, что коммерческія налаты по всей Франціи хотятъ подавать просьбы о сохраненіи мира; онѣ имѣли на это сдюжкомъ много основаній. Не только фонды и другія кредитныя бумаги сильно падаютъ, производа повсюду разореніе, во и вообще торговля остановилась, заграницный отпускъ чрезвычайно уменьшился, фабрики не имѣютъ заказовъ, во всѣхъ торговыхъ городахъ множество банкротствъ. Но вздумали было остановить протестъ торговаго сословія протѣмъ запрещеніемъ. Черезъ нѣсколько дней оказалось, что запрещеніемъ нельзя утишить недовольство. Тогда самъ императоръ принявъ депутацію однихъ изъ торговыхъ городовъ и въ отвѣтъ на жалобы сказалъ: „Господа, успокойтесь, миръ не будетъ нарушенъ“. (*Rassurez vous, Messieurs, la paix ne sera pas troublée*). Это было въ половинѣ февраля. Но послѣ того недовольство въ обществѣ расло; оппозиція сановниковъ становилась все ошлѣннѣе; себѣ совершилъ мужественное дѣло, выслушавъ, хотя съ испугомъ, рѣши

противъ войны и ея представителя принца Наполеона, наконецъ законодательный корпусъ потребовалъ объясненій относительно бюджета и, не ограничиваясь этимъ, бюджетная коммиссія единодушно предложила сдѣлать новое, еще болѣе рѣзкое нападеніе. Она хотѣла предложить уничтоженіе новаго министерства Алжирія и колоній, т. е. потребовать отставки принца Наполеона, бывшаго представителемъ воинственности въ совѣтѣ министровъ. Съ половини февраля вражда остальныхъ министровъ къ нему дошла до такой рѣзкости, что онъ три раза требовалъ отставки, т. е. предлагалъ императору выборъ между нимъ и остальными министрами, надѣясь, что его предпочтутъ имъ. Это было дѣйствительно правдоподобно по тѣмъ соображеніямъ, какія мы излагали въ предыдущей статьѣ: Франція можетъ противиться войнѣ, но война необходима для нынѣшней системы. Поэтому носились слухи объ удаленіи въ отставку министровъ, особенно сильно спорившихъ съ принципомъ Наполеономъ. Но съ каждымъ днемъ ихъ положеніе усиливалось, и вотъ наконецъ, 5-го марта, къ общему изумленію, явилось въ Мониторѣ официальное увѣдомленіе, объявившее, что газеты, говорящія о войнѣ вовсе не должны считаться представительницами намѣреній правительства, потому что во Франціи нѣтъ цензуры, слѣдовательно правительство не отвѣчаетъ за мнѣнія журналистовъ. За этимъ увѣдомленіемъ слѣдовала статья, подробно объяснявшая, что Франція не дѣлаетъ никакихъ особенныхъ усилій ни въ арміи, ни во флотѣ. Франція общала помогать Піемвенту, если на него нападетъ Австрія, больше не общала и не хочетъ она ничего. Слухи объ усиленныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ—, выдумки, ложь и бредни“. Пѣхотные и конные полки остаются въ комплектѣ мирнаго штата. Покупка 4.000 лошадей для артиллеріи сдѣлана только для ремонта, чтобы привести ее къ нормальному мирному положенію. Работы въ арсеналахъ происходятъ только потому, что надобно исправить артиллерію и флотъ, и если построено нѣсколько новыхъ судовъ, то единственно для обыкновенныхъ сношеній съ Алжиріемъ или для провоза съѣстныхъ припасовъ въ Чивита-Веккію, или въ Александрію для вихинжинской экспедиціи; потому слухи о войнѣ нелѣпы; выдумываются злонамѣренными людьми; принимаются на вѣру глупцами. Конечно французскій императоръ наблюдаетъ за причинами могущихъ возникнуть несогласій; но разсмотрѣніе этихъ вопросовъ приняло дипломатическій характеръ и надобно думать, что они разрѣшатся мирнымъ соглашеніемъ. Въ то же самое время въ англійскихъ газетахъ явилось письмо императора французовъ въ одному изъ его англійскихъ друзей, мистеру Геду, съ увѣреніемъ въ симпатіи къ Англіи, о которой онъ вспоминаетъ съ глубокою любовью, потому что провѣлъ въ ней много лѣтъ изгнанія; императоръ всегда былъ поклонникомъ англійской свободы; жаль, что она, какъ все хорошее, имѣетъ крайности. Зачѣмъ она вмѣсто разъясненія истиннмъ употребляетъ всѣ усилія для ея омраченія? Только несправедливая вражда англійскихъ газетъ огорчаетъ императора, счастливаго, впрочемъ, тою мыслію, что онъ нашелъ такого добросовѣстнаго и безкорыстнаго защитника, какъ сэръ Френсисъ Гедъ. Къ этому письму было приложено письмо самого Гедъ, объяснявшаго, что дѣйствительно только злоязычіе англійскихъ газетъ мѣшаетъ упроченію союза Англіи съ повелителемъ полмилліона солдатъ. Въ приложеніяхъ мы помѣщаемъ эти документы въ томъ самомъ видѣ, какъ они

были напечатаны въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ, съ отвѣтами на нихъ газеты Times, къ которой специально относилось примѣчаніе, слѣдовавшее въ Мониторѣ за миролюбивою статью, въ столбцахъ которой появлялись статьи Гёда въ защиту Наполеона, и въ редакцію которой онъ обратился съ просьбою напечатать письмо Наполеона и его комментаріи.

Въ первыя минуты статья Монитёра, изумившая всѣхъ, всѣхъ убѣдила въ рѣшимости императора французовъ кончить дѣло миромъ. Но черезъ нѣсколько часовъ стали говорить, что она еще недостаточна, и тогда вздумали помѣстить въ Мониторѣ вторую статью, которая бы разсѣяла остающіеся сомнѣнія. Но вечеромъ принцъ Наполеонъ вышелъ въ отставку и объявленіе объ этомъ, явившееся на другой день въ Мониторѣ, было сочтено достаточнымъ усиленіемъ миролюбивыхъ увѣреній, такъ что для новой статьи почли излишнимъ слишкомъ высокое помѣщеніе въ Мониторѣ, а отвели ей мѣсто въ Constitutionnel'ѣ.

Отставка принца Наполеона составляетъ важнѣйшую изъ миролюбивыхъ демонстрацій. Она успокоила многихъ, даже между такими людьми, которые не вѣрили Монитёру. Миролюбивыя французскія газеты заговорили сильнѣе прежняго, и никто имъ до сихъ поръ не мѣшаетъ доказывать, что война была бы безразсудствомъ со стороны французскаго правительства и гибелью для Франціи.

До сихъ поръ мы говорили о симптомахъ, происходившихъ внутри Франціи; теперь посмотримъ, какъ развивался итальянскій вопросъ въ сферѣ дипломатическихъ переговоровъ, и въ какомъ положеніи видятъ себя державы, вовлеченныя въ него Франціею.

Съ самаго начала Англія приняла очень сильное участіе въ раздорѣ Франціи съ Австріею, усиливаясь предупредить войну. Изъ объясненій англійскихъ министровъ въ парламентѣ мы знаемъ, что сентъ-джемскій кабинетъ посылалъ множество депешъ къ отдѣльнымъ дворамъ и нѣсколько циркуляровъ къ кабинетамъ парижскому, туринскому, вѣнскому и нѣкоторымъ другимъ. Общее содержаніе всѣхъ этихъ бумагъ состояло во-первыхъ въ томъ, что Англія совѣтуетъ враждующимъ державамъ сдѣлать взаимныя уступки; во-вторыхъ, и это было главное, она объявляла, что будетъ вооруженною рукою дѣйствовать противъ той стороны, которая первая нарушитъ миръ,—противъ Австріи, если нападетъ на Піемонтъ Австрія; противъ Франціи, если Франція захочетъ помогать Піемонту въ случаѣ его нападенія на Австрію. Отъ Австріи никто не ждетъ нападенія, потому очевидно, что дѣйствительный смыслъ грознаго запрещенія относится только къ Франціи. Мы рассказывали въ прошлый разъ, какъ подъ вліяніемъ этихъ увѣщаній, одинъ за другимъ исчезали предлоги къ войнѣ, выставлявшіеся Франціею. Развивалось мирнымъ образомъ сербское дѣло. Франція отыскала новую причину войны въ Палеской Области; Англія опять устроила, что исчезъ и этотъ предлогъ: Австрія согласилась вывести свои войска изъ легатствъ, если Франціи дѣйствительно угодно вывести изъ Рима свои войска. Появился было третій предлогъ,—избраніе Кузы общимъ господаремъ Валахіи и Молдавіи; но черезъ два—три дня исчезъ и онъ: было рѣшено устроить это дѣло посред-

ством конференціи. Казалось бы не легко отыскать четвертый предлогъ, но нашелся и онъ: вдругъ разнеслись слухи, что парижскій посланникъ Англіи, лордъ Коули, черезъ Лондонъ ѣдетъ въ Вѣну посредникомъ по какому-то новому спорному вопросу. По какому же дѣлу онъ ѣдетъ, когда всѣ дѣла уже благополучно кончены? Нѣсколько дней господствовало недоумѣніе; наконецъ узнали, какія требованія привезъ онъ: узнали, что данъ отказъ на нихъ; узнали, что въ Вѣнѣ составлены другія предложенія; что получено на нихъ одобреніе Англіи; что отправлены они въ Парижъ и тамъ имѣютъ вѣроятность быть принятыми. Наконецъ узнали, что по итальянскому вопросу собирается конгрессъ въ Лондонѣ или Берлинѣ.

Эта четвертая французско-австрійская дипломатическая исторія занимала Европу одна, чуть ли не столько же времени, какъ всѣ три прежнія вмѣстѣ: съ половины февраля всѣ толкуютъ о посольствѣ лорда Коули и толки еще не кончились. Въ чемъ же дѣло?

Когда Австрія согласилась вывезти войска изъ Папской Области, то было открыто, что жалобы Франціи противъ нея, по итальянскимъ дѣламъ, не ограничиваются содержаніемъ ея гарнизоновъ въ нѣкоторыхъ земляхъ центральной Италіи, а происходятъ также изъ трактатовъ заключенныхъ ею съ Неаполемъ, Тосканой, Пармой, Моденою. Общее содержаніе трактатовъ состоитъ въ томъ, что австрійскія войска должны помогать этимъ правительствамъ въ подавленіи революцій, которыя могли бы вспыхнуть противъ нихъ; а въ вознагражденіе за такую опору итальянскіе правители обязались не дѣлать въ политическомъ устройствѣ такихъ измѣненій, которыя могли бы возбуждать зависть въ ломбардо-венеціанцахъ. Такимъ образомъ, говорить Франція, Австрія держитъ подъ своей зависимостью всю Италію, кромѣ Піемонта; надобно уничтожить эти трактаты. И тутъ опять едва ли встрѣтилось бы серьезное затрудненіе, еслибы это требованіе не скрывало подъ собою новыхъ требованій въ случаѣ согласія на него со стороны Австріи. Трактатъ съ Неаполемъ не нуженъ для Австріи, потому что и безъ всякихъ обязательствъ неаполитанское правительство не имѣетъ никакой охоты давать конституцію; а если бы (чего никакъ нельзя предполагать) серьезно захотѣло дать ее, то никакіе трактаты не помогли бы Австріи противъ государства, имѣющаго болѣе 9,000,000 населенія, т. е. вдвое болѣе чѣмъ Сардинія, и при томъ довольно далекаго отъ австрійскихъ границъ. Чтоже касается до Пармы, Модены и Тосканы, ихъ привязанность къ Австріи и безъ письменныхъ обязательствъ достаточно прочна по династическимъ отношеніямъ. Изъ-за чего же было бы тутъ серьезно спорить? Но говорятъ, будто Австрія не согласна на отміненіе трактатовъ, въ сущности не очень важныхъ. Мы не будемъ останавливаться на догадкахъ о дипломатическихъ тайнахъ, т. е. о мелочныхъ подробностяхъ австрійскаго officialнаго отвѣта: дѣло ясно и безъ всякихъ стараній проникнуть въ секреты. Во-первыхъ, вліяніе Австріи на Италію въ случаѣ отміненія трактатовъ не исчезнетъ безъ замѣны другимъ иностраннымъ вліяніемъ: Піемонтъ, руководимый Франціею и служащій ея орудіемъ, почти уже сдѣлавшійся ея вассаломъ, будетъ давать тонъ другимъ итальянскимъ правительствамъ и тонъ этотъ будетъ чисто французскій. По всей вѣроятности, Австрія согласилась бы предоставить

Неаполь, Тоскану и т. д. непринужденному влеченію ихъ сердець, но не такъ легко ей отдать Италію подъ вліяніе Франціи. Во-вторыхъ, — и въ этомъ сущность дѣла, — даже и такая уступка не прекратила бы ссору. За четвертымъ требованіемъ явилось бы пятое и т. д., пока вопросъ бы дошелъ до своего кореннаго смысла, до очищенія Ломбардо-Венеціанскихъ провинцій Австрію съ предоставленіемъ ихъ Піемонту и съ вознагражденіемъ Франціи за ея хлопоты, или присоединеніемъ Савойи, или основаніемъ вассальнаго французскаго королевства гдѣ нибудь въ Тосканѣ, или въ легатствахъ.

Такимъ образомъ не надобно придавать слишкомъ большой важности ходу официальныхъ переговоровъ о томъ или другомъ вопросѣ, формально выставляемомъ впередъ. Всѣ они въ сущности не болѣе какъ препровожденіе времени въ мирныхъ разговорахъ, между тѣмъ какъ на душѣ у собесѣдниковъ мысли совершенно иного рода, о которыхъ нѣтъ ясныхъ упоминаній въ бесѣдѣ.

Дѣйствительно, мы видимъ, что предметы открытаго несогласія одинъ за другимъ отстраняются, — три уже отстранены; о четвертомъ думаютъ, что Франція и Австрія подошли очень близко къ согласію въ немъ и собирается конгрессъ для разрѣшенія дѣла мирнымъ путемъ. Въ самой Франціи, соотвѣтственно этимъ наружнымъ дипломатическимъ фактамъ и требованію французскаго общества, мирные симптомы взяли въ послѣднее время рѣшительный верхъ надъ военными манифестаціями; прусское правительство формально объявило въ своей палатѣ депутатовъ, что мирное разрѣшеніе возникшихъ затрудненій сдѣлалось правдоподобнымъ. А между тѣмъ надежды на сохраненіе мира теперь едва ли не меньше, нежели до громкихъ мирныхъ манифестацій, которыми ознаменовалось начало марта. Военныя приготовления во Франціи, Сардиніи, Австріи, Англіи продолжаются съ энергіею, которая увеличивается ежедневно. Въ послѣднее время начала становиться въ оборонительное положеніе и Пруссія, увлекая за собою тѣ второстепенныя государства германскаго союза, которыя не предупредили ее въ этомъ направленіи.

Намъ нѣтъ надобности повторять здѣсь того, что мы говорили въ прошлый разъ о существенныхъ причинахъ угрожающей войны. Мы уже указывали, что онѣ лежатъ въ отношеніяхъ французскаго правительства къ общественному мнѣнію во Франціи и въ нѣкоторыхъ угрозахъ со стороны итальянскихъ энтузіастовъ. Въ дополненіе къ прежнимъ рассказамъ приведемъ нѣсколько случаевъ, сдѣлавшихся извѣстными съ половины февраля. Очень многими читателями они извѣстны изъ русскихъ газетъ, — но мы и не можемъ имѣть претензіи на сообщеніе новыхъ фактовъ, — газеты всегда будутъ предупреждать насъ въ этомъ отношеніи, и мы желаемъ только облегчать воспоминанія о газетныхъ извѣстіяхъ, приводя ихъ въ связь.

Говорятъ, что маршалъ Пелиссье имѣлъ въ Лондонѣ свиданіе съ Мадзини будто бы затѣмъ, чтобы узнать, могутъ ли Франція и Сардинія рассчитывать на содѣйствіе его партіи при войнѣ. Но предполагается кромѣ той и другая цѣль, — склонить Мадзини, чтобы онъ убѣждалъ итальянскихъ волюнтеровъ отказаться отъ орсиניевскихъ предпріятій, о которыхъ мы

говорили въ прошлый разъ. Въ дополненіе къ прежнимъ, рассказываютъ о двухъ новыхъ случаяхъ такого рода.

Въ итальянской газетѣ «*Opinione*» было краткое извѣстіе о какой-то адской машинѣ, пославшейся въ Парижъ и захваченной таможенно. Съ другой стороны въ парижскихъ газетахъ было извѣстіе о томъ, что принцесса Матильда пріѣзжала къ префекту полиціи взглянуть на какіе-то старинные документы. Эти два отрывочныя обстоятельства парижскій корреспондентъ *Daily News* объясняетъ слѣдующимъ образомъ.

«Дней десять тому назадъ (т. е. около 15 февраля н. с.), какъ я знаю нѣтъ вѣрнаго источника, человѣкъ, казавшійся по наружности лакеемъ и одѣтый въ ниператорскую ливрею, явился на одну изъ станцій желѣзныхъ дорогъ въ Парижѣ и спросилъ три ящика, которыхъ ожидаетъ принцесса Матильда съ поѣздомъ, только-что пришедшимъ въ Парижъ, и на которыхъ должна быть надписи «оставить на станціи до востребованія». Ему сказали, что дѣйствительно прибыли такіе ящики, но только два. Онъ взялъ ихъ, повторивъ, что ожидали трехъ. На слѣдующій день прибыли третій ящикъ съ такою же надписью. Ковторщикъ желѣзной дороги прямо послали его въ домъ принцессы Матильды на улицѣ *Courselles*. Швейцаръ, выслушавъ исторію двухъ другихъ ящиковъ, сказалъ, что онъ ихъ не выдѣлъ. Принцессѣ доложили о полученной посылкѣ, и она вышла въ залъ взглянуть на нее. Ящики вскрыли при ней и нашли въ немъ бомбы, точно такого же устройства какъ орсви́евскія, только нѣсколько поменьше рази́вровъ. Разу́мется, стали страшно беспокоиться мыслямъ, что иныя другіе ящики, вѣроятно съ подобною же поклажею, скрываются гдѣ нибудь въ Парижѣ и находятся въ рукахъ заговорщиковъ. Въ этотъ вечеръ или въ слѣдующій было то, что императоръ ѣзди́лъ въ *Opéra Comique*, причемъ, какъ пишетъ и корреспондентъ одной изъ англійскихъ газетъ, были замѣчены чрезвычайныя предосторожности. Теперь я слышалъ, что при этомъ случаѣ было оставлено на бульварѣ два эскадрона кавалеріи,—количество войскъ совершенно безприкѣрное,—и что пространство около подѣзда было совершенно очищено отъ народа на необыкновенно большое разстояніе. Причина этихъ предосторожностей теперь очевидна. Кѣда ли можно сомнѣваться, что принцесса Матильда была въ префектурѣ полиціи по дѣлу, имѣющему связь съ три-возможнымъ открытіемъ, о которомъ я рассказываю. Быть можетъ,—впрочемъ объ этомъ еще нѣтъ слуховъ,—что она и ея слуги пріѣзжали взглянуть сходили ли съ полученнымъ ими ящикомъ какія нибудь два другіе, отысканные полиціею. Туринская газета *Opinione*, находящаяся подъ вліяніемъ французскаго правительства, кратко упоминала о ящикахъ съ бомбами, посланнымъ на имя принцессы Клотильды. Но я почти совершенно могу ручаться, что достовѣрный рассказъ—тотъ, который передаю я».

Черезъ нѣсколько дней парижскій корреспондентъ другой англійской газеты, *Manchester Guardian* сообщилъ объ этомъ дѣлѣ рассказъ; почти совершенно сходный съ приведенными нами, а въ другомъ письмѣ рассказалъ другой случай, который передаемъ его подлинными словами:

«Назадъ тому недѣли три произошло, говорятъ, загадочное обстоятельство, достовѣрность котораго я знаю. Въ Тюльрі́йскомъ саду былъ сѣвачонъ и обысканъ человѣкъ, у котораго былъ револьверъ и двѣ или три ручныя гранаты, усѣянныя цистонами въ видѣ рожекотъ, какъ на орсви́евскихъ гранатахъ. Разу́мется, его отвели въ тюрьму. Онъ называлъ себя итальянскою фамиліею и имѣлъ итальянскій выговоръ. Онъ сказалъ, что можетъ дать полиціи важныя свѣдѣнія, потому что участвуетъ въ тайномъ обществѣ. Но два или три дня онъ былъ очень молчаливъ и наконецъ сталъ просить, чтобы ему дали товарища, говоря, что не можетъ и не хочетъ говорить ничего, пока его стану́тъ держать въ одиночномъ заключеніи. Ему данъ былъ товарищъ,

одни из людей, служивших при тюрьмах, что-то вроде архивария или библиотекаря. Тогда итальянец раскрыл или показал вид, что раскрывает много тайн. Но на другой или на третий день допрашивавшие чиновники возвратились и объявили ему, что по произведенным дознаниям ни одно из его слов не подтвердилось фактами и что ему надобно решиться говорить правду. Он сказал, что объявить ее завтра. Его оставили на ночь в покои. Но в четвертом часу утра он встал, взял бритву своего товарища и перерывал себя горло. Приванный доктор нашел, что рана сделана с такою силою, что арестант должен был умереть в несколько минут. Эта история мало известна публике; хорошо известна она немцам и в то различно ее истолковывают».

Съ первого взгляда легко открыть множество поводов къ сомнѣнію въ достовѣрности обоихъ этихъ анекдотовъ. Особенно второй имѣетъ неправдоподобныя черты. Но люди довѣрчивые или мнительные находятъ много причинъ принимать ихъ за истину. Разсказъ туринской газеты, преданной императору французовъ, долженъ былъ явиться не иначе, какъ слѣдствіемъ невозможности опровергнуть слухъ. Посѣщеніе префектуры принцессою Матильдою плохо объясняется желаніемъ рассмотреть накіе-то старинныя документы; чрезвычайныя предосторожности при посѣщеніи театра императоромъ были приняты конечно не безъ причины. Наконецъ слѣдующій разсказъ, который можно очистить отъ всѣхъ неправдоподобныхъ подробностей, сохранивъ только главную черту, именно арестованіе и самоубійство чловѣка, пойманнаго съ орсиповскими гранатами, служить естественнымъ продолженіемъ перваго разсказа, хотя сообщается совершенно другимъ корреспондентомъ. Такъ разсуждаютъ мнительные люди, прибавляя, что должны же быть на чемъ нибудь основаны хотя нѣкоторые изъ подобныхъ разсказовъ, ходящихъ по Парижу въ такомъ большомъ количествѣ.

Достовѣрно то, что итальянскіе фанатики любятъ говорить о томъ, что орсиповскія попытки будутъ безпрестанно повторяться, пока Наполеонъ III не докажетъ на дѣлѣ своего желанія освободить Италію. Мнительные люди прибавляютъ, что посылка бомбъ, по сообщенному нами разсказу, совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда сѣверная Италія прочла миролюбивыя рѣчи императора французовъ и графа Морни; когда разнеслись слухи, что Викторъ-Эмануэль написалъ императору французовъ письмо, жалуясь, что императоръ охлаждаетъ къ итальянскому дѣлу, и высказывая свое намѣреніе отказаться отъ престола, если это дѣйствительно такъ. При этихъ слухахъ, продолжаютъ мнительные люди, нѣкоторые особенно горячіи головы дѣйствительно могли почестъ излишнимъ сохранять далѣе систему пощады, принятой всюю ихъ партією; могли подумать, что итальянскій вопросъ уже заглушенъ и пора лишь мстить за свое разочарованіе.

Подобныя размышленія составляютъ одну сторону дѣла; приведемъ два, три факта въ дополненіе къ тому, что говорили въ прошлый разъ о другомъ источникѣ войны, объ отношеніяхъ общественнаго мнѣнія къ внутренней политикѣ. Мы представляли нѣсколько доказательствъ тому, что въ концѣ прошлаго года оно выражалось очень настойчиво и съ каждою недѣлею его настойчивость возрастала, в что приготовленія къ войнѣ служили средствомъ, чтобы обратить его отъ внутреннихъ дѣлъ на заграничныя; мы прибавляли, что на первое время эта фонтанель подѣйствовала, и что во французскихъ га-

зетахъ за январь вся энергія уходила на итальянскій вопросъ. Само собою разумѣется, что временное отвлеченіе стало терять свою силу, какъ только утратило первую новизну, и въ скоромъ времени тотъ самый предметъ, который долженъ былъ служить отвлеченіемъ, обратился въ новое поощреніе для возвратившейся настойчивости. Вотъ каково напримѣръ заключеніе статьи Journal des Débats о поведѣніи графа Коули въ Вѣну:

«Мы не можемъ видѣть французское правительство дѣлающимъ столь великія усилія для пріобрѣтенія этой прекрасной странѣ (Италіи) соединенныхъ благъ порядка и свободы, не обращаясь мыслями къ состоянію нашей страны и не чувствуя желанія, чтобы пришелъ для Франціи день, когда эти два блага стали бы нераздѣльны, когда мы могли бы наконецъ безопасно наслаждаться тѣми драгоценными выгодами, которыми нынѣ съ такимъ усердіемъ хотимъ, какъ говорить, дать народамъ, навѣрное не превосходящимъ насъ ни блескомъ ума, ни разсудительностью, ни энергіею, ни славой. Какъ ни суровы были до сихъ поръ испытанія свободы въ нашей странѣ, мы не можемъ вѣрить, чтобы свобода должна была бесильно прозябать въ ней, какъ въ безплодной землѣ, и чтобы французская почва была рѣшительно неудобна для этого благороднаго растенія, столь же необходимаго нашимъ душамъ, какъ хлѣбъ и вино необходимы для нашего тѣла. Мы отвергаемъ безчеловѣчный каламбуръ, пріусуждающій Францію считать свободу только товаромъ на вывозъ, полезнымъ для другихъ и вреднымъ для ней самой; мы составляемъ себѣ о будущности нашей страны мысль болѣе возвышенную и болѣе откровенную».

Эта статья напечатана въ номерѣ 3 марта.

Если осторожный Journal des Débats, всегда державшій себя такъ кромно, что не получалъ ни одного выговора, говорилъ такимъ языкомъ еще до уступки, сдѣланной противникомъ правительственныхъ желаній статьею Монитера, то не трудно отгадать, что другія газеты, менѣе дипломатичныя, говорили рѣзче; а послѣ статьи Монитера заговорили еще сильнѣе.

Мы видѣли въ Законодательномъ Корпусѣ и даже въ сенатѣ стремленіе къ оппозиціи. Обѣ корпораціи объявили свое недовѣріе къ бюджету; обѣ требовали у правительства положительныхъ увѣреній въ ненарушимости мира, говоря, что безъ этого не стоить и заниматься разсмотрѣніемъ бюджета; Законодательный Корпусъ требовалъ даже удаленія принца Наполеона изъ совѣта министровъ, и принцъ былъ удаленъ и увѣренія даны. Довольно ли всего этого, чтобы судить о томъ, какъ растетъ требовательность общественнаго мнѣнія? Нѣтъ, есть фактъ еще болѣе ясный. Вотъ подлинныя слова парижскаго корреспондента газеты l'Indépendance Belge въ письмѣ отъ 4 марта. Читатель знаетъ, какъ заботится эта газета о томъ, чтобы не подвергаться запрещеніямъ во Франціи, и какъ осторожно помѣщаетъ она парижскія извѣстія.

«Носится слухъ,— я не знаю, какого довѣрія онъ заслуживаетъ,—что въ комитетѣ министровъ обсуждался проектъ закона въ измѣненіе нынѣшнихъ постановленій о журналистикѣ. Этотъ проектъ долженъ измѣнить нынѣшнее законодательство въ либеральномъ духѣ. Но вотъ что болѣе положительно: г. де-Персианъ, этотъ неотлучимый династическій слуга наполеоновской монархіи, приготовляетъ проектъ конституціи, которому старается пріобрѣсти большинство въ сенатѣ. Одно изъ основаній проекта измѣненіе статьи, устанавливающей неотвѣтственность министровъ. Г. де-Персианъ хочетъ такой организаціи кабинета, по которой кабинетъ, дѣлающій фактически отвѣтственнымъ, ставился бы въ тѣснѣйшую связь съ общественнымъ мнѣніемъ».

Предоставляемъ читателю самому вывести заключеніе о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ изъ этого извѣстія. Основная черта парламентскаго правленія состоитъ въ томъ, что министрами назначаются люди, пользующіеся большинствомъ въ собраніи представителей націи (напримѣръ, въ Англіи, Палата Общинъ, въ Пруссіи Палата Депутатовъ, во Франціи Законодательный Корпусъ), и такъ скоро большинство этого собранія перестаетъ поддерживать ихъ, выходятъ въ отставку, уступая мѣсто тѣмъ людямъ, на которыхъ указываетъ большинство. Въ этомъ состоитъ существенный смыслъ такъ называемой ответственности министровъ. Она предполагаетъ, что министры дѣйствуютъ самостоятельно, и потому при парламентскомъ правленіи никогда не говорится формальнымъ образомъ о вліяніи на нихъ монарха для внушенія имъ того или другаго образа дѣйствій: предполагается, что это значило бы компрометировать представителя верховной власти, и предполагается, что онъ не участвуетъ въ столкновеніяхъ между разными партіями, безпристрастно отдавая предпочтеніе той, на сторонѣ которой общественное мнѣніе, выражающееся парламентскимъ большинствомъ. По нынѣшней конституціи этого нѣтъ во Франціи: всѣ дѣйствія министровъ предполагаются исполненіемъ личной воли императора и министры отвѣчаютъ за свои распоряженія ему, т. е. должны сообразоваться съ его желаніемъ, а не съ мнѣніемъ парламентскаго большинства, т. е. министры не обязаны отвѣтственностью передъ представителями націи: не ими вводятся въ кабинетъ, во ими выводятся изъ кабинета. Формальнымъ образомъ въ этомъ состоитъ различіе нынѣшней французской системы отъ той, какая была при Луи-Филиппъ и какая существуетъ напримѣръ въ Англіи. Такимъ образомъ измѣненіе, предполагаемое Персинью, имѣло бы тотъ формальный смыслъ, что Наполеонъ III принималъ бы въ своемъ государствѣ такое положеніе, какъ напримѣръ имѣетъ въ своемъ государствѣ королева Викторія. Конечно, отъ формальныхъ постановленій до дѣйствительнаго порядка дѣлъ очень далеко; ясно также, что при данномъ характерѣ и данной предшествовавшей исторіи нынѣшняго правительства подобная перемѣна въ немъ, не только на дѣлѣ, но и по формѣ, не болѣе какъ мечта. Не вужно также доказывать, что если бы ни личный характеръ, ни предшествующая исторія не противились такому измѣненію, оно дѣлалось бы невозможнымъ уже по основнымъ принципамъ существующихъ партій. Въ прежнія времена, и не дальше какъ напримѣръ въ дѣлѣ Монталамбера, защитники нынѣшней французской системы справедливо утверждали, что свободное парламентское правленіе возможно только въ тѣхъ странахъ, гдѣ существованіе династіи прочно и гдѣ политическія партіи спорятъ только о томъ, каковы должны быть министры, ни мало не желая перемѣны въ династіи. Министры и журналисты Наполеона III справедливо утверждали, что положеніе дѣлъ во Франціи не таково, что почти все общество примыкаетъ къ двумъ большимъ партіямъ орлеанистовъ и республиканцевъ, одинаково враждебныхъ нынѣшней династіи, и что въ этомъ состоитъ существенная разница Франціи отъ Англіи. Вспоминая эти справедливыя слова самого Наполеона III и его приверженцевъ, мы видимъ въ прозекѣ Персиньи только благонамѣренную утопію, которая не можетъ имѣть никакого фактическаго значенія. Но утопіи важны въ тѣмъ отношеніи, что показываютъ направленіе мысли въ людяхъ, предающихся имъ,

показываютъ понятія этихъ людей о потребностяхъ своего положенія. Съ этой стороны очень занимателенъ проэктъ Персигни, который постоянно былъ ближайшимъ изъ друзей Наполеона III и вполнѣ достигъ этой неизмѣнной дружбы своею преданностью пользаясь императора французовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что его проэктъ явился слѣдствіемъ бесѣды съ императоромъ французовъ.

Двойственность наружныхъ дѣйствій Франціи возникающая изъ особенности отношеній нынѣшней системы къ состоянію общественнаго мнѣнія, усиленнымъ образомъ отражается на Сардиніи, вовлеченной Франціею въ такое положеніе, которому нужно безотлагательное рѣшеніе. Матеріальныя средства Сардиніи не могутъ долго выносить усилій, требуемыхъ нынѣшними отношеніями. Не только италійская биржа оказалась нерасположенною къ сардинскому займу, но даже фирма Фульдъ, въ Парижѣ не согласилась принять на себя реализацію этого займа, хотя Фульдъ, будучи министромъ государства, покровительствующаго Сардиніи, долженъ былъ бы, скорѣе всѣхъ другихъ банкировъ, согласиться на такую услугу. Графъ Кавуръ принужденъ былъ для покрытія большей половины займа прибѣгнуть къ добровольной національной подпискѣ въ самой Сардиніи. Это удалось, но подписка была не слѣдствіемъ коммерческаго расчета, который одинъ служить надежнымъ источникомъ финансовыхъ средствъ: она была только проявленіемъ энтузіазма, который вообще быстро остываетъ, а въ Сардиніи нѣтъ особенности, не совсѣмъ безопасныя для системы графа Кавура. Сардинскіе энтузіасты не хотятъ знать о причинахъ, принуждающихъ Францію и Піэмонть медлить объявленіемъ войны, и каждая миролюбивая манифестація Франціи раздражаетъ ихъ. Потому графъ Кавуръ принужденъ опережать иногда своими распоряженіями желанія императора французовъ, компрометировать его дипломатическіе обороты слишкомъ явнымъ раскрытіемъ общей своей и его непреклонной рѣшимости начать войну. Напримѣръ, послѣдніе нумера полученныхъ нами газетъ заключаютъ распоряженіе о призваніи подъ знамена того разряда сардинскихъ солдатъ, который постоянно находясь въ отпуску, призывается къ службѣ только передъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій. Этимъ распоряженіемъ графъ Кавуръ совершенно убилъ дѣйствіе, на которое была рассчитана статья Монятѣра и отставка принца Наполеона. Точно также компрометируется французская дипломатикой тономъ сардинскихъ газетъ, даже находящихся подъ влияніемъ туринскаго министерства. Онѣ прямо говорятъ, что не придають никакого значенія миролюбивымъ манифестаціямъ Фракціи и что война не только неизбежна, но и никакъ не можетъ быть отсрочена, хотя бы на полгода. Слишкомъ неосторожныя союзники раскрываютъ Европѣ даже то, о чемъ для выгоды Франціи слѣдовало бы до времени молчать. Напримѣръ, какой комментарий приложили они къ статьѣ Монятѣра? Вотъ накой. Монятѣръ говоритъ, что императоръ французовъ общалъ только помогать Піэмонту въ случаѣ нападенія отъ Австріи. Такъ, сказали сардинскія газеты, но что надобно подразумѣвать подъ этимъ? Уже то самое, что австрійцы собрали много войскъ въ Ломбардію, имѣютъ въ ней грозныя крѣпости и занимаютъ выгодныя стратегическія линіи, должно считаться нападеніемъ. Они грозятъ Піэмонту, стало быть Піэмонту, если захочетъ выжить изъ угрожающихъ позицій, будетъ только обороняться, а не нападать.

Графъ Кавуръ официально сказалъ, что онъ самъ такъ думаетъ. Предоставляемъ читателю рѣшить, до какой степени могло быть приятно для Франціи такое истолкованіе факта, обнародованнаго ею въ доказательство своихъ миролюбивыхъ намѣреній. «Мы не хотимъ нападать, мы только обязались помогать Піэмонту защищаться», говоритъ Мониторъ. «Если мы нападёмъ на австрійцевъ, мы будемъ только защищаться», объясняетъ Кавуръ. Графъ Кавуръ не дѣлалъ бы такихъ несправедливыхъ для Франціи толкованій, если бы могъ удержаться отъ нихъ: но онъ теперь уже не самъ идетъ,—его ведетъ партія лѣвой стороны, на которую онъ опирается въ туринской палатѣ депутатовъ. Но и у этихъ людей, имѣющихъ наклонность къ республиканству и революціонерству, предводители вовсе не лишены политической опытности и навѣрнее понимаютъ всю важность дипломатической уклончивости, которую разоблачаютъ и разрушаютъ; какъ же они рѣшаются выставлять тѣ стороны дѣла, которыя надобно бы скрывать, по расчету ихъ союзниковъ? Они уже находятъ, что можно пренебрегать желаніями этихъ союзниковъ; думаютъ, что же держать ихъ въ своихъ рукахъ. Съ половины февраля, на смотри на всѣ миролюбивыя манифестаціи французскаго правительства, они прямо говорятъ о Наполеонѣ III: Non puo scarparsi—«Онъ не можетъ ускользнуть изъ нашихъ рукъ». Впрочемъ одушевлены воинственнымъ жаромъ и надѣются выгоды отъ выѣвшихъ отношеній къ Франціи только тѣ итальянскіе революціонеры, у которыхъ энтузіазма болѣе, чѣмъ провѣтливости. Мадзини не раздѣляетъ ихъ счастливой увѣренности и советовалъ людямъ своей партіи держаться въ сторонѣ. Дѣйствительно, они уклоняются отъ воинственныхъ манифестацій и стараются удерживать народъ. Такая политика конечно основывается не на разговорахъ съ маршаломъ Пеллиссье, если дѣйствительно маршалъ видѣлся съ Мадзини: итальянскій агитаторъ въ дипломатическихъ соображеніяхъ вѣроятно проникательнѣе храбраго генерала. Вліянію Мадзини приписываютъ то, что въ Римѣ строго сохраняется тишина, и римскій народъ такъ далекъ отъ мысли начинать возстаніе въ настоящее время, что папская полиція почла возможнымъ разрѣшить праздновать карнавала безъ всѣхъ стѣсненій, которымъ нужно было подчинять его во всѣ предыдущіе 10 лѣтъ, со времени возстановленія папской власти. Мадзинисты говорятъ: «пождемъ».

Но далеко не всѣ способны къ расчетливому терпѣнію. Со всѣхъ концовъ Италіи съѣзжаются въ Піэмонту пылкіе итальянцы, особенно средняго и высшаго сословія, чтобы сражаться за независимость и свободу отечества. Говорятъ, что въ концѣ февраля въ Сардиніи было уже до 10,000 такихъ волонтеровъ, ожидающихъ только объявленія войны, чтобы стать подъ знамена. Разумѣется, большинство ихъ—ломбардцы. До объявленія войны, Сардинія, связанная особой конвенціей съ Австріей, не можетъ принять ихъ въ свою службу. Но уже составляются изъ нихъ два особые легіона, изъ которыхъ одинъ командуетъ Гарибальди, такъ храбро защищавшій Римъ. Много разсказываютъ анекдотовъ о самоотверженности, съ какою эти благородные мечтатели идутъ въ Туринъ, воображая, что дѣло сардинской арміи—дѣло Италіи. Мы приведемъ только одинъ такой анекдотъ. Герцогство Пармское недавно занято австрійцами, хотя герцогиня, говорятъ, вовсе недовольна такимъ покровительствомъ. Въ концѣ февраля какой-то офицеръ, извѣстный

герцогиня своею преданностью къ ея династїи, подалъ въ отставку. Герцогиня удивилась и пригласила его къ себѣ для объясненія. „Какъ, вы покидаете насъ при настоящихъ обстоятельствахъ?“ сказала она. — „Ваше Высочество, мои чувства не измѣнились; но выше васъ для меня — Италия; я принадлежу ей, не гнѣвайтесь на меня. Я ѣду въ Туринъ, снимаю мои эполеты и поступаю рядовымъ солдатомъ въ корпусъ волоптеровъ, который теперь организуется тамъ“. Прибавляютъ, что сама герцогиня, тронутая его энтузіазмомъ, не нашла возраженій противъ этого. Корреспондентъ „Indépendance Belge“, рассказывающій объ этомъ случаѣ, говоритъ, что потому должны были распустить цѣлый баталіонъ пармскаго войска, который весь съ оружіемъ и всею аммуниціею хотѣлъ перейти въ Піэмонту.

Мы думаемъ, что всѣ эти благородные люди и вмѣстѣ съ ними графъ Кануръ, патріотизму котораго мы также отдаемъ справедливость, жестоко ошибаются въ своихъ надеждахъ. Впрочемъ мы вовсе не хотимъ сказать этимъ, что войны не будетъ. Напротивъ, никогда не казалась она столь неизбежною, какъ теперь. Мы видѣли истинныя причины этой неизбежности; мы видѣли, что эти причины усиливаются съ каждымъ днемъ. Шансы столкновеній, которыя послужатъ поводами къ ея началу, также увеличиваются съ каждымъ днемъ. Волевіе въ Ломбардіи растетъ. Народная манифестация въ Миланѣ при погребеніи молодого графа Дандоло, извѣстнаго патріота, служить доказательствомъ тому. Даже въ мирной Тосканѣ агитация такъ сильна, что считаютъ нужнымъ для ея успокоенія дать либеральную конституцію. Очищеніе Рима французскими войсками должно было служить къ тому, чтобы вспыхнуло возстаніе, чтобы римляне пошли противъ австрійцевъ, чтобы австрійцы разбили ихъ и пошли преслѣдовать ихъ къ Риму и тѣмъ нарушили бы недавній трактатъ и подали бы Піэмонту возможность провозгласить войну подъ именемъ собственной обороны. Партія принца Наполеона въ Парижѣ непремѣнно ожидала этого, и когда было объявлено, что французы выходятъ изъ Рима, она радостно говорила: „наконецъ-то занавѣсъ подымается“. Enfin voilà la voile levée. Но совѣты Маццини до сихъ поръ удерживали римлянъ отъ волненій. Разумѣется, такой хранитель явится для папскаго правительства не совсѣмъ надежнымъ, и пока оно будетъ въ состояніи призвать для своей защиты австрійцевъ, оно ищетъ другихъ защитниковъ. Говорятъ, что оно черезъ Христину, мать испанской королевы, проситъ прислать въ Римъ два полка испанцевъ; Неаполь, говорятъ, самъ предлагалъ такую услугу, но нынѣшнія неаполитанскія войска слишкомъ извѣстны своею отличною организаціею и стойкостью въ битвахъ: самъ неаполитанскій король былъ бы мало безопасенъ, еслибъ не было у него швейцарскихъ полковъ; потому и папское правительство, призывая испанцевъ, въ тоже время, нанимаетъ швейцарскій полкъ и вербуетъ ирландцевъ.

Нѣсколько новыхъ фактовъ произошло въ послѣдній мѣсяцъ и на сторонѣ противниковъ Піэмонта и Франціи. Нечего говорить о томъ, что Австрія усиливаетъ свою армію въ Ломбардіи. Constitutionnel преднамѣренно увеличивая эту цифру въ доказательство опасности, угрожающей Піэмонту, съ цѣлью предрасположить умы къ принятію наваденія со стороны Піэмонта за необходимую мѣру защиты, насчитываетъ въ Италіи 177.000 австрійскихъ

войскъ. Но интереснѣе тотъ фактъ, что подтвердились прежніе слухи, говорившіе, что Австрія не только отлично приготовилась къ войнѣ, но и нисколько не боится ея, напротивъ увѣрена въ ея успѣхъ. Молодой императоръ рѣшительно проникнутъ воинственностью и жалуется на своихъ осторожныхъ министровъ: говорятъ, еслибъ не совѣты стариковъ, онъ не сдѣлалъ бы никакой уступки, и война давно бы началась. Впрочемъ и осторожные министры высказываютъ соображенія слѣдующаго рода: „австрійскій императоръ, даже и потерявъ нѣсколько битвъ, даже и потерявъ итальянскія провинціи, все-таки останется австрійскимъ императоромъ; но нельзя сказать того же о вліяніи военныхъ неудачъ на судьбу Наполеона III. Стало быть рискъ войны не противъ насъ“.

Германія утвердилась въ мысли дѣйствовать единодушно. Всѣ второстепенныя государства соединяются съ Пруссіею, которая объявила, что строго исполнять обязанности, лежащія на ней какъ на членѣ германскаго союза. Если бы не угрожала опасность Рейну, германскій союзъ вѣроятно не принялъ бы участія въ войнѣ. Но никто не думаетъ, чтобы въ случаѣ итальянской войны могъ быть сохраненъ миръ на Рейнѣ. Если бы даже французы захотѣли ограничить театръ войны Ломбардо-Венеціанскимъ королевствомъ, то каждому очевидно, что это не зависѣло бы отъ нихъ.

Пруссія объявила, что дѣйствуетъ въ совершенномъ согласіи съ Англіею, и Западная Европа раздѣлена теперь на два лагеря слѣдующимъ образомъ: съ одной стороны Франція, Швейцарія, быть можетъ, Тоскана и либеральная партія во всѣхъ остальныхъ итальянскихъ областяхъ; съ другой стороны Австрія, Пруссія, всѣ другія нѣмецкія государства и Англія.

Въ Англіи очень можетъ быть, что на дняхъ произойдетъ перемѣна правительства, и вмѣсто кабинета лорда Дерби явится кабинетъ Росселя, или Пальмерстона, или, какъ многіе предполагаютъ, Росселя и Пальмерстона вмѣстѣ. Но если бы нынѣшнее министерство пало и если бы даже, — случай самый благоприятный для французскаго правительства, — главою министерства сдѣлался одинъ лордъ Пальмерстонъ безъ Росселя, все-таки во внѣшней политикѣ Англіи не произошло бы перемѣны, благоприятной для Франціи. Самъ Пальмерстонъ теперь далеко не тѣхъ мыслей, какія, по увѣренію приверженцевъ французскаго правительства, высказывалъ прошлою осенью, когда гостилъ у Наполеона III въ Компьенѣ. Послѣ своего паденія Пальмерстонъ вздумалъ было держаться правила „чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись“. Онъ былъ нѣвертнутъ за излишнюю дружбу съ императоромъ французамъ, и долго думалъ потомъ снова войти въ кабинетъ, опираясь на эту дружбу. Его партизаны убѣдили, что только онъ одинъ въ состояніи поддерживать дружбу Франціи съ Англіею, и носились слухи о разныхъ интригахъ со стороны Франціи въ Лондонѣ для возвращенія власти лорду Пальмерстону. Онъ не удался, и тогда онъ былъ приглашенъ для дальнѣйшихъ совѣщаній въ Компьенъ, подъ предлогомъ охоты, которую онъ до сихъ поръ очень любитъ. Императоръ французамъ встрѣтилъ его съ такимъ почтеніемъ, какъ встрѣтилъ бы одного изъ сильнѣйшихъ государей Европы, и могущественный лордъ держалъ себя такъ въпринужденно, какъ бы хозяинъ былъ чужъ ли не его вассаломъ. Извѣстенъ анекдотъ о красной курткѣ. Однажды была устроена охота въ костюмахъ

какой-то старинной французской эпохи. Но лордъ Пальмерстонъ явился въ красной курткѣ, напоминавшей своимъ цвѣтомъ мундиръ англійскаго солдата, не обращая вниманія на распоряженія церемоніймейстера. Погода была ненастная. Кто-то выразилъ опасеніе, чтобы благородный гость не простудился въ своемъ легкомъ платьѣ. „Не беспокойтесь, отвѣчалъ крѣпкій старикъ: — это сукно хорошее. Подъ Ватерлоо, какой шель дождь, однакожь оно выдержало“. Кому простили бы подобную выходку? Но съ лордомъ Пальмерстономъ были до крайности любезны. Теперь оказывается, что любезность была не даромъ: полгода тому назадъ главою оппозиціи былъ Пальмерстонъ; партія министерства была и тогда, какъ теперь, въ меньшинствѣ; лордъ Дерби держался только помощью Робака и Брайта: стоило примириться съ ними Пальмерстону, лордъ Дерби былъ бы низвергнутъ, главою министерства сдѣлался бы Пальмерстонъ. Не задолго передъ прїѣздомъ его въ Компьень Наполеонъ III видѣлся съ Капувромъ (въ началѣ сентябрю) и тогда уже былъ рѣшенъ бракъ принца Наполеона и принцессы Клотильды, былъ составленъ союзъ для завоеванія Ломбардіи. Оставалось только обезпечить себѣ разрѣшеніе на это дѣло отъ Англіи, т. е. отъ Пальмерстона, имѣвшаго полную вѣроятность сдѣлаться первымъ министромъ не нынче—завтра. Дѣйствительно, лордъ Пальмерстонъ сказалъ, что не имѣетъ ничего противъ изгнанія австрійцевъ изъ Италіи. Тогда-то, говорятъ, императоръ французскій окончательно задумалъ войну и немедленно началъ приготовленія къ ней, которыя предполагалъ онъ кончить къ апрѣлю мѣсяцу. Въ такихъ надеждахъ на лорда Пальмерстона была сдѣлана сцена новаго года австрійскому посланнику. Можно представить себѣ удивленіе и негодованіе въ Парижѣ, когда телеграфъ 3-го февраля привнесъ рѣчь Пальмерстона объ итальянскомъ вопросѣ въ первомъ засѣданіи Палаты Общинъ. Пальмерстонъ, котораго предполагали общавшимъ свое содѣйствіе, говоритъ, что нельзя допустить нарушенія трактатовъ, что Англія должна быть противъ той державы, которая отважилась бы нарушить миръ Европы; что не только помогать ей, но даже и сохранить нейтралитетъ Англія не можетъ, если французы вторгнутся въ австрійскія владѣнія. Вотъ что писали изъ Парижа вскорѣ послѣ этого разочарованія. Мы буквально приводимъ слова корреспондента газеты „Manchester Guardian“.

„Вы можете быть улыбветесь, узнавъ, что здѣшній придворный міръ въ неописанной ярости противъ лорда Пальмерстона, на котораго благоутробно ему сваливать всецѣлую вину за все происшедшее. Эти люди (и самъ императоръ) вѣстоимы теперь въ брани на великаго оратора, и распространяемые ими изобрѣтенія очень занимательны. Они утверждаютъ, что увѣренія, данныя лордомъ Пальмерстономъ императору во время Компьенскаго свиданія, были истинною причиною того, что произошло теперь. Они утверждаютъ, что онъ жарче, аежели кто нибудь, говорилъ о надобности изгнать австрійцевъ изъ Италіи и что онъ совершенно обманулъ Наполеона III. Они не могутъ простить ему его рѣчи, и теперь нѣтъ такого браннаго слова, котораго бы они не прилагали къ человѣку, мѣсяцу тому назадъ провозглашавшемуся отъ нихъ за идеалъ европейскаго государственнаго мужа“.

Неужели лордъ Пальмерстонъ въ самомъ дѣлѣ обманулъ, оказался измѣнникомъ? Мы не имѣемъ къ нему особенной симпатіи, свидѣтельствомъ

тому характеристика его въ январскомъ обзорѣ и тѣ слова, которыя найдеть читатель въсколькими страницами дальше въ этой статьѣ. Но надобно сказать, что въ итальянскомъ дѣлѣ лордъ Пальмерстонъ едва ли могъ и хотѣлъ обманывать. А что себѣ онъ не измѣнилъ, это доказывается самою его рѣчью 3-го февраля. Въ ней онъ говоритъ, что пламенно жаждаетъ освобожденія Ломбардо-Венеціанскихъ областей отъ австрійцевъ, и даже прибавляетъ, что потеря этихъ провинцій была бы выгодна для самой Австріи. Значитъ, онъ не измѣнилъ своимъ Компьенскимъ словамъ. Въ чемъ же дѣло? Лордъ Пальмерстонъ въ Компьенѣ конечно говорилъ объ изгнаніи австрійцевъ, предполагая освобожденіе занимаемыхъ ими областей, предполагая, что изгнаніе совершится или самими итальянцами, или союзомъ Франціи съ Англіею, которая не дозволитъ этому дѣлу обратиться въ простую замѣну одного иностраннаго господства другимъ. Разумѣется, когда дѣло было начато безъ согласія и участія Англіи, слѣдовательно не въ такихъ видахъ, на которые могъ соглашаться Пальмерстонъ, ему по необходимости пришлось смотрѣть на это дѣло иначе. Странно тутъ только одно: какимъ образомъ можно было предполагать, чтобы англичанинъ, и притомъ, каковы бы ни были недостатки его характера и его убѣжденій, все-таки честный человѣкъ, сталъ при данныхъ обстоятельствахъ дѣйствовать въ томъ смыслѣ, какого ожидали? Тутъ объясненіе ошибки только одно: люди очень расчетливые, но привыкшіе думать очень дурно о человѣческомъ характерѣ вообще, понимаютъ иногда невнятные слова въ низкомъ смыслѣ. Эта особеннаго рода наивность иногда вводитъ ихъ въ такое же заблужденіе и потомъ разочарованіе, какъ наивность благородства бываетъ причиною ошибокъ идеалистовъ. Субъективная точка зрѣнія, какова бы она ни была по своему нравственному характеру, вообще ведетъ къ ошибкамъ.

Едва ли не разрушается и другое предположеніе, на которомъ основывалась рѣшимость, принятая въ Компьенѣ, — предположеніе, что лордъ Пальмерстонъ будетъ главою оппозиціи въ то время, когда падеть кабинетъ Дерби. Пальмерстонъ не менѣе Дерби противился бы вытѣсненію французскимъ планамъ, но все-таки онъ гораздо болѣе расположенъ къ мягкости относительно императора французовъ, нежели лордъ Россель; а теперь дѣла оборачиваются такъ, что Россель близокъ къ пріобрѣтенію прежняго своего положенія, изъ котораго на время былъ вытѣсненъ Пальмерстономъ. По вопросу о парламентской реформѣ прежній глава виговъ успѣлъ захватить и до сихъ поръ сохранятьъ первенство надъ Пальмерстономъ. Черезъ въсколько дней мы узнаемъ, успѣетъ ли Пальмерстонъ сдѣлаться рѣшителемъ битвы въ нижней палатѣ, или замысловатый планъ дѣйствій, имъ придуманный, дѣйствительно окажется неудачнымъ, какимъ кажется теперь; но до сихъ поръ лордъ Россель беретъ надъ нимъ явное преимущество. Такимъ образомъ вопросъ о реформѣ связывается съ переменною прежнихъ отношеній между предводителями либеральнаго большинства, и такое или иное его рѣшеніе можетъ имѣть вліяніе на ходъ общихъ вопросовъ европейской политики. Кромѣ этого интереса въ немъ раскрылась еще другая сторона, занимательная не для одной Англіи, а для цѣлой Западной Европы: онъ послужилъ очень вѣрнымъ испытаніемъ того, можно ли надѣяться на успѣшное веденіе историческихъ

задачь людям, увѣряющими, что несмотря на старомодность своихъ принциповъ, они серьезно хотятъ улучшеній. Торі, бывшіе столь щедрыми на либеральныя обѣщанія, превосходно выказали свою существенную натуру въ этомъ дѣлѣ.

Тори давно распускали слухи о своихъ превосходныхъ качествахъ и намѣреніяхъ. Прежде торійская партія дѣйствительно была враждебна прогрессу, безпрестанно твердила Д'Израэли:—но теперь мы уже вовсе не таковы, какими были прежде. Поддерживать злоупотребленія, угнетать народъ.—какъ это можно! Въ наше время стыдно и вѣрить такимъ глупымъ обвиненіямъ. Напротивъ, мы теперь стали самыми искренними друзьями народа. Пусть только онъ не слушаетъ злосамѣренныхъ либераловъ, а вѣритъ намъ. Мы одни искренніе друзья его. Мы можемъ и хотимъ сдѣлать для него гораздо больше, нежели всѣ эти пустые либералы и своекорыстные демагоги!

Вотъ наконецъ пришло время оправдать такія увѣренія. Зловѣрные радикалы, думающіе только о своихъ выгодахъ, объ удовлетвореніи своему честолюбію и тщеславію, подняли вопросъ о реформѣ, и торійскій кабинетъ долженъ былъ составить проектъ это улучшенія. Мы уже видѣли, съ какою готовностью принялся онъ за это дѣло, какъ хотѣлъ оттянуть его на цѣлый годъ и вмѣсто того выигралъ отсрочку на двѣ недѣли, выставивъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ свой настоящій характеръ. Но нѣтъ, это дѣло еще далеко не всѣхъ вразумило. Было извѣстно, что Д'Израэли, истинный представитель нынѣшняго торизма, давно, еще въ декабрѣ приготовилъ билль, но что нѣкоторымъ изъ второстепенныхъ членовъ кабинета онъ показался слишкомъ либераленъ и представленіе его въ Палату Общинъ замедлилось именно съ той цѣлью, чтобы образумить этихъ отсталыхъ людей. Объ основаніяхъ билля были распушены самые благопріятные слухи: говорили, что онъ чуть ли не превосходитъ либеральностью билль Брайта, который будто бы совершенно доволенъ имъ, находится въ самыхъ пріятныхъ отношеніяхъ къ министерству и чуть ли не приглашается на совѣщанія къ Дербі, Д'Израэли и Стоули. Вотъ приблизилось и 28 февраля, день представленія билля въ парламентъ. Наканунъ было объявлено, что двое изъ министровъ, бывшіе въ кабинетѣ представителями сельскихъ сквайровъ, т. е. самыхъ отсталыхъ тори, вышли въ отставку, потому что не одобряютъ билль. Стало быть предразсудкамъ отсталыхъ людей не сдѣлано никакой уступки, правительство непоколебимо удержало свои либеральныя основанія. Вотъ теперь-то Англія увидитъ, что консерваторы лучше понимаютъ и ревностнѣе исполняютъ народныя желанія, нежели эти самохвалы-радикалы. Но—нечего ждать до завтра,—они сами поспѣшили скорѣе познакомить публику съ своимъ прекраснымъ произведеніемъ: они предварительно сообщили основанія своего билля газетѣ Times, она изложила ихъ въ подробной статьѣ въ томъ же номерѣ, который извѣщалъ объ удаленіи отсталыхъ министровъ. Позвольте однако, чтожь это такое? Судя по изложенію Times'а, билль не слишкомъ хорошо соответствуетъ народнымъ ожиданіямъ. Тутъ что нибудь не такъ. Вѣроятно, газета не умѣла понять, или искажила мысли торійскаго кабинета. Нѣтъ, лучше подождать до завтра. Вотъ завтра мистеръ Д'Израэли внесетъ билль и говорить очень ловкую рѣчь, продолжающуюся около четырехъ часовъ. Въ ней изложено все содержаніе билля,

объяснены его достоинства, доказано, что лучшего ничего и сдѣлать невозможно. Въ чемъ же сущность этого прекраснаго произведенія? Ценсъ въ графствахъ понижается съ 50 ф. на десять, сравниваясь съ городскимъ ценсомъ. Прекрасно; но это было уже предложено Логъ-Кингомъ, и Палата Общинъ, принявъ его предложеніе, уже рѣшила, чтобы это пониженіе было однимъ изъ основаній каждаго билля о реформѣ. Но что предлагаетъ правительство для городовъ, относительно которыхъ она не овязано рѣшеніями палаты? Тутъ перемѣнъ никакихъ. Остается прежній ценсъ въ 10 ф. Но чрезвычайно большое достоинство придаетъ мисторъ Д'Израэли своему предложенію ввести въ дополненіе къ квартирному ценсу профессиональный ценсъ: священники, медики, адвокаты и люди другихъ ученыхъ званій должны имѣть голоса, хотя бы и не занимали квартиру въ 10 ф.; хорошо, но много ли найдется медиковъ или адвокатовъ, которые занимаютъ квартиру цѣною менѣе 5 руб. сер. въ мѣсяцъ? Кромѣ того получаютъ право голоса всѣ имѣющіе болѣе нежели на 60 ф. капитала въ акціяхъ Остъ-Индской компаніи или въ сохранныхъ кассахъ; и это хорошо, но многіе ли изъ акціонеровъ Остъ-Индской компаніи занимаютъ квартиры менѣе 10 ф.? Всѣ эти уступки касаются только немногочисленныхъ отдѣльныхъ лицъ; что же сдѣлано вообще въ пользу городскихъ классовъ, не имѣвшихъ до сихъ поръ права голоса? Вообще не сдѣлано ничего. Нѣтъ, этого нельзя сказать: прежде городскіе жители, владѣвшіе независимыми отъ феодальныхъ отношеній участками земли въ 40 шиллинговъ дохода, имѣли, какъ поземельныя собственники, голосъ на выборахъ въ графствахъ. Теперь они лишаются этого права: если они не занимаютъ въ городѣ квартиру въ 10 ф., они остаются вовсе безъ голоса. Число такихъ людей болѣе 100 тысячъ. Въ этой оригинальной чертѣ видѣнъ истинный смыслъ торійской реформы: торіи хотѣли удалить отъ деревенскихъ выборовъ всѣхъ самостоятельныхъ людей, имѣвшихъ иногда полновластію левдлордовъ. Ихъ ревность къ истребленію злоупотребленій такъ велика, что они уничтожаютъ единственное противодѣйствіе, которое мѣшало безграничному произволу нѣсколькихъ человѣкъ надъ составомъ большинства Палаты Общинъ; они предлагаютъ усилить тотъ самый фактъ, который былъ главною причиною народнаго неудовольствія, увеличить то самое злоупотребленіе, противъ котораго должна быть направлена реформа. Таково-то разширеніе избирательнаго права, ими придуманное: оно состоитъ въ томъ, чтобы отнять право голоса болѣе, чѣмъ у 100,000 независимыхъ людей. А какъ пышны были слухи, распускавшіеся объ этой части билля! Не менѣе привлекательны были слухи и о другомъ важномъ условіи реформы, — о введеніи баллотировки. Говорили, что министерство предлагаетъ вводить баллотировку во всѣхъ тѣхъ округахъ, гдѣ согласятся на нее двѣ трети избирателей: какой либерализмъ! Нѣкоторые люди противъ баллотировки, — пусть ихъ подають голоса открытымъ образомъ, черезъ записку въ реестръ; но повсюду огромное большинство требуетъ баллотировки, — пусть оно распускается, какъ ему кажется лучше. Стѣсненія нѣтъ никому, вопросъ отдается на добрую волю каждаго, а между тѣмъ цѣль реформы достигается вполне, потому что повсюду, гдѣ независимые избиратели составляютъ большинство, она введутъ баллотировку. Какъ же оврадались эти слухи? Билль рѣшительно отвергаетъ баллотировку — это правда; но за то онъ предлагаетъ нѣчто го-

раздо лучше: тотъ избиратель, которому далеко, или которому некогда идти въ избирательную контору записывать свое имя въ реестръ, можетъ присылать формальную бумагу съ объявленіемъ, за какого кандидата подаетъ онъ голосъ: не правда ли, независимость голоса ограждается этимъ вполне? Удивительное умѣнье удовлетворить потребностямъ націи! Но какъ ни высоки понятія о прогрессивности торійской партіи, внушаемыя этими двумя частями билля, третья часть, касающаяся распредѣленія депутатовъ, еще гораздо превосходитъ всѣхъ предположеній, какія можно составить о ней по двумъ первымъ частямъ. Существуетъ до 150 ничтожныхъ городковъ, посылающихъ въ парламентъ до 250 депутатовъ, между тѣмъ какъ всѣ громадные города, въ которыхъ живетъ болѣе половины англійскаго населенія, не имѣютъ и пятой части этого числа представителей. Отстраненіе этой негѣпости, распредѣленіе депутатовъ хотя сколько нибудь соответствующее распредѣленію населенію, — въ этомъ самое настоящее требованіе здраваго смысла и огромнаго большинства націи. Что же предлагаетъ торійскій билль? Скрѣпя сердце, онъ беретъ по одному изъ двухъ депутатовъ отъ 15 городковъ и отдаетъ эти 15 мѣстъ тѣмъ изъ новыхъ большихъ городовъ, которые не имѣли до сихъ поръ ни одного представителя. Онъ такъ заботливъ объ этихъ маленькихъ запустѣлыхъ городкахъ, что ни одного изъ нихъ не лишаетъ представительства въ парламентѣ. И если несчастные 15 городковъ, подвергавшіеся удару, будутъ имѣть вмѣсто двухъ депутатовъ только по одному, чтожъ дѣлать? — прогрессъ имѣетъ свои суровыя требованія, а торійское министерство такъ искренно и горячо служить прогрессу.

Самъ Д'Израэли очень хорошо понималъ степень соответственности своего билля съ настроеніемъ умовъ, и его рѣчь была мастерскимъ произведеніемъ по мягкой изворотливости и благодушному смиренію, съ которымъ онъ оправдывалъ и извинялъ предлагаемый билль. При каждомъ словѣ онъ долженъ былъ думать о томъ, какъ бы увернуться отъ опасности раздражить большинство палаты, и исполнилъ эту трудную задачу съ удивительнымъ искусствомъ. За это мастерство въ нѣсколькихъ мѣстахъ ему аплодировали, — но именно только за мастерство затруднительнаго изложенія. Негодованіе за содержаніе рѣчи сильнымъ образомъ было выражено всѣми представителями либеральныхъ партій, особенно лордомъ Росселемъ, Робаккомъ и Брайтомъ. „Это не реформа, это пародія надъ реформой“, говорили они одинъ за другимъ. „Предлагать такой билль, значить смѣяться надъ требованіями времени, значить оскорблять націю“. Робакъ, говоря отъ имени реформеровъ, объявилъ, что министерство, имѣвшее условія поддержки, которой пользовалось отъ нихъ, заплатитъ за это своимъ существованіемъ:

«Мы давали поддержку достопочтенному джентльмену (Д'Израэли) и его друзьямъ, — сказалъ онъ, — полагая, что они поймутъ свое положеніе и положеніе страны; что они употребятъ ту свою власть, которая держалась нашей помощью, на хорошее управленіе страной. Но вмѣсто благороднаго и либеральнаго образа дѣйствій, котораго я ожидалъ отъ правительства, оно теперь вноситъ билль для увеличенія силы джентльменовъ своей партіи (тори кричатъ: бѣтъ, вѣтъ). Достопочтенный джентльменъ думалъ только о друзьяхъ, сидящихъ позади его; онъ не подумалъ о тѣхъ, кѣмъ онъ и его друзья держатся на своихъ мѣстахъ (тори кричатъ: о, о!..). Я говорю прямо: достопочтенный

джентльменовъ знаетъ не хуже моего, что онъ держался въ настоящемъ своемъ положеніи только великодушною помощью, какую получалъ отъ насъ, и разсматривая билль, положенный достопочтеннымъ джентльменомъ, я громко говорю, что на каждомъ шагу своего пути чрезъ Палату Общинъ этотъ билль долженъ встрѣчать оппозицію, упорную оппозицію отъ каждого друга народа въ этой палатѣ» (апплодисменты).

Въ приложеніяхъ мы сообщаемъ отрывки изъ рѣчей Росселя, Робака и Брайта, для того, чтобы читатель могъ подробнѣе видѣть отношенія парламентскихъ партій по вопросу о реформѣ.

Въ тотъ день оставалось еще объясненіе или извиненіе негѣпости билля Дерби: чтожь было дѣлать бѣдному лорду и его головѣ, т. е. министру Д'Израэли? Быть можетъ они одушевлены самыми хорошими намереніями, но ихъ товарищи по кабинету, представители остальныхъ провинціаловъ, деревенскихъ сквайровъ, составляющихъ основу торійской партіи, не понимали требованій времени; люди просвѣщенные и прогрессивные, Д'Израэли и Дерби, по рукамъ и по ногамъ связаны этими дикарями, которымъ уже и нынѣшній билль кажется слишкомъ прогрессивнымъ. Вѣдь вотъ уже и такъ вышли въ отставку двое министровъ, Генли и Вальполъ, бывшіе въ кабинетѣ представителями деревенскихъ сквайровъ; эти невѣжественные люди, эти тупые обскуранты были причиною неудовлетворительнаго характера билля. Какъ жаль, что такіе прогрессивные люди, какъ Дерби и Д'Израэли, должны сообразоваться съ негѣпными понятіями этихъ дубоголовыхъ джентльменовъ, съ которыми, къ несчастію, должны поддерживать дружбу! Конечно, противъ такого разсужденія довольно натурально представляется вопросъ: какая же необходимость прогрессивнымъ и просвѣщеннымъ людямъ, лорду Дерби и министру Д'Израэли, водить дружбу непременно съ сословіемъ деревенскихъ сквайровъ, которыхъ они называютъ обскурантами, исполненными предразсудковъ? Развѣ свѣтъ клиномъ сошелся? Развѣ нѣтъ въ Англіи другихъ людей, на которыхъ могутъ опираться просвѣщенные государственные мужи? Развѣ лордъ Дерби и мистеръ Д'Израэли крѣпостные холопы этихъ господъ? Развѣ не по доброй волѣ нянчатся они съ ними, утѣшаютъ ихъ? Или Англіи нѣтъ спасенія безъ деревенскихъ сквайровъ? Развѣ къ Англіи не прилагается поговорка: «Смажь мѣдъ, съ кѣмъ ты водишь дружбу, я буду знать каковъ ты самъ»? Если вы, милордъ и мистеръ, остаетесь въ близкихъ отношеніяхъ съ обскурантами, съ невѣждами, исполненными негѣпныхъ сословныхъ предразсудковъ, если вы опираетесь на нихъ, значитъ у насъ самихъ лежитъ къ тому сердце— вотъ что можно было сказать на извиненіе негѣпности поступковъ предразсудками людей, съ которыми будто бы нельзя ссориться, на которыхъ будто бы необходимо опираться. Изъ 28 милліоновъ жителей Соединеннаго Великобританско-Ирландскаго королевства, 27 съ половиною милліоновъ апплодировали бы и благословляли бы правительство, если бы оно вздумало не бояться огорчить этихъ сквайровъ, передъ которыми трепещетъ. Вѣдь эти сквайры,—незамѣтная горсть въ массѣ англійскаго населенія. Кто же виновать, если желаніе этой горсти людей, если ея одобреніе кажется лорду Дерби и мистеру Д'Израэли драгоценнѣе любви англійскаго народа? Кто виновать, если эта горсть людей заслѣпляетъ отъ нихъ цѣлую Англію? Что тѣ говорить,—лордъ Дерби и мистеръ Д'Израэли одержимы галлюцина-

цией, у них повреждено зрѣніе, у нихъ поврежденъ мозгъ, вотъ что говорили англійскія газеты въ то утро, которое слѣдовало за представленіемъ билля.

Но вотъ наступаетъ вечеръ, и снова засѣдаетъ Палата Общинъ и встаютъ одинъ за другимъ мистеръ Вальполь и мистеръ Генли, отставные министры, представители обскурантовъ, связывавшіе прогрессивное министерство лорда Дерби и мистеръ Д'Изразли. Они объясняютъ, почему именно вышли въ отставку, чѣмъ именно были недовольны въ биллѣ лорда Дерби. Оба говорятъ одно и то же: „Мы не хотѣли, чтобы для городовъ и для графствъ былъ одинаковый ценсъ; для графствъ ириняли ценсъ въ 10 ф. До сихъ поръ всегда ценсъ въ графствахъ былъ выше ценса въ городахъ. Теперь эта основная черта англійскаго устройства стирается. Мы на это не могли согласиться. Какой ценсъ будетъ въ городахъ, это намъ все равно; но онъ долженъ быть непременно ниже ценса, принимаемаго въ городахъ“. Это говорятъ они оба. Мистеръ Генли дѣлаетъ прибавку такого рода: „Я думаю только о графствахъ. Какъ устроятся города, до этого мнѣ нѣтъ дѣла. Вводите въ нихъ, пожалуй, хоть всеобщую подачу голосовъ, я объ этомъ не забочусь. Мнѣ нужно только одно, чтобы ценсъ въ городахъ былъ ниже ценса въ графствахъ“. Мистеръ Вальполь не раздѣляетъ этого совершеннаго равнодушія къ устройству избирательнаго права въ городахъ. Онъ говоритъ: „чтобы не сглаживать различія между графствами и городами, я предлагалъ понизить ценсъ въ городахъ до 5 ф.“, т. е. до такой границы, при которой вѣскольکو сотъ тысячъ людей рабочаго сословія вошли бы въ число избирателей.

Такъ вотъ они — обскуранты! Такъ вотъ что противопоставляли они просвѣщеннымъ прогрессистамъ, Дерби и Д'Изразли! Они люди съ предразсудками, это правда — имъ непременно нужно, чтобы оставалась разница между городами и графствами, какъ было въ старину. Но какъ легко было удовлетворить этому предразсудку! Онъ такъ невиненъ, что самъ Брайтъ не хотѣлъ его опасаться: въ проэктъ предводителя реформеровъ также была сохранена равница по ценсу между городами и графствами. За то, при удовлетвореніи этому наивному желанію, какъ легко было склонить обоихъ представителей деревенской отсталости на такое пониженіе ценса въ городахъ, которое бы удовлетворило общественному мнѣнію! Да чего склонять ихъ?... Одинъ самъ требуетъ такого пониженія; другой говоритъ: „дѣлайте какъ хотите“. Если бы только захотѣли Дерби и Д'Изразли, они легко могли бы согласить предразсудки этой отсталой деревенщины съ потребностями времени въ одномъ изъ главныхъ пунктовъ вопроса о реформѣ. Конечно также легко было бы имъ, если бы только они сами хотѣли, убѣдить массу своей партіи на отнатию у запустѣвшихъ городковъ не 15, а 50 или 60 декутатовъ, и тогда, по всей вѣроятности, ихъ билль прошелъ бы; но они сами были, какъ видно изъ объясненій Генли и Вальполя, дальше отъ сочувствія потребностямъ времени, нежели простодушные люди, на которыхъ сваливаютъ они вину. Да и какъ быть иными людямъ, опирающимся на торійскую партію? Сельскіе джентльмены исполнены предразсудковъ — это правда; но предразсудки сохранились у нихъ инстинктивныя, восанные съ молокомъ матери,

павные, натуральные, безсознательные. Сельскіе джевтольмены занимають въ английскомъ обществѣ вредное положеніе—и это правда; но вѣдь не они сами добровольно избрали такое положеніе: они родились и выросли въ немъ; оно досталось имъ по наслѣдству, безъ участія ихъ воли. Кому Богъ не привелъ получить образованія, кому Богъ не привелъ имѣть отцомъ и матерью людей не вредившихъ обществу, тотъ можетъ, и при невѣжествѣ, и при предвѣднѣхъ сословныхъ предразсудкахъ, оставаться въ душѣ человѣкомъ честнымъ, добросовѣстнымъ и доброжелательнымъ. Только растолкуйте ему, что вы можете улучшить положеніе общества, не обижая его безъ надобности, онъ согласится на улучшеніе; только растолкуйте ему, что добросовѣстность требуетъ въ некоторыхъ оверемѣнъ въ общественномъ устройствѣ, онъ согласится на перемѣны. Между его товарищами по положенію и по предразсудкамъ могутъ даже найтись многіе такіе, которые сами съ радостью будутъ содѣйствовать полезнымъ для общества перемѣнамъ, если только вразумятся, что перемѣны производятся не изъ вражды къ нимъ, а изъ желанія пользы другимъ гораздо болѣе многочисленнымъ людямъ и цѣлому государству. Какъ бы ни было вредно для общества положеніе, занимаемое какимъ нибудь сословіемъ; какъ бы ни было исполнено нелѣпыхъ и вредныхъ предразсудковъ это сословіе,—все таки огромное большинство его, какъ и огромное большинство всѣхъ другихъ сословій, состоитъ изъ людей добрыхъ и хорошихъ. Но не таковы люди, основывающіе свою карьеру на предразсудкахъ другихъ и на вредныхъ сторонахъ существующаго порядка дѣлъ. Они держатся предразсудковъ и злоупотребленій не по наивности, не по незнанію, какъ тѣ темные люди, которые находятъ въ нихъ предводителей своимъ страстямъ, защитниковъ своимъ предразсудкамъ. Такимъ человѣкомъ, по расчету основавшимъ свою карьеру на предразсудкахъ и злоупотребленіяхъ, мы считаемъ мистера Д'Израэли, истиннаго руководителя торійской партіи. Въ немъ не видите ни наивности, ни незнанія. Онъ не хуже любого хартиста понимаетъ, во что обходится обществу политическое преобладаніе лендлордовъ; онъ можетъ быть не меньше Диккенса хотѣть изъ душъ надъ дикими предубѣжденіями сельскихъ сквайровъ; но онъ рассчиталъ, что между этими сквайрами мало людей умныхъ и образованныхъ, что онъ явится звѣздой между ними, если войдетъ въ ихъ ряды. Между реформерами сдѣлаться однимъ изъ первыхъ людей не такъ легко,—даже между парламентскими дѣятелями сколько великихъ талантовъ вмѣютъ они: Робакъ, Мильнеръ, Джибсонъ, Брайтъ, Кобденъ и мало ли другихъ. Среди такихъ людей трудно отличиться. Да и какія выгоды могутъ они дать? Имъ далеко до того, чтобы быть канцлерами казначейства. Вотъ тори—другое дѣло! Тутъ истинное безрыбье, на которомъ и ракъ будетъ рыбой, и мистеръ Д'Израэли несравненно имъ гениемъ,—они будутъ нянчить его, они выведутъ его въ люди. Вѣдь у нихъ великая скудость въ умныхъ и образованныхъ людяхъ, которые уѣли бы говорить человѣческимъ языкомъ. А поднять могутъ они очень быстро и высоко,—вѣдь на половину годовъ бываетъ такихъ годовъ, въ которые они составляютъ министерство. „Умные люди, образованные люди! талуйте къ намъ, простякамъ и невѣждамъ. Вы будете нашими оракулами, мы подѣлаемъ изъ васъ своихъ канцлеровъ казначейства, своихъ ми-

нистрыхъ внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ и всякихъ другихъ дѣлъ и бездѣлй“. Умные люди, какъ и всякіе другіе люди, большую частію бываютъ честными людьми,—потому почти никто изъ нихъ не можетъ воспользоваться такимъ выгоднымъ приглашеніемъ. Между умными людьми, какъ и между всякими другими людьми, попадаетса иногда человѣкъ, думающій, что для совѣсти самое выгоднѣе мѣсто—быть подѣ пятокѣ; вотъ находится такой человѣкъ и навѣрное не замедлитъ оказаться, напримѣръ, канцлеромъ казначейства въ министерствѣ лорда Дерби, достопочтеннымъ мистеромъ Д'Израэли. А не прячь совѣсть подѣ пятку, не защищай того, надѣ чѣмъ смѣешься, не превозноси тѣхъ, кого презираешь, не покровительствуй тому, вредъ чего понимаешь,—и не оказался бы ты ничѣмъ; оставался бы довольно незамѣтенъ между множествомъ такихъ же умныхъ, какъ ты, людей, остающихся честными, и затмѣвался бы подобно имъ многими честными гениальными людьми, надѣ неразсчитливостію которыхъ ты имѣешь теперь полное право издѣваться и которыхъ, при аяплоднелентѣ одурачиваемыхъ тобою простаковъ, ты поносишь, какъ враговъ „счастливой англійской конституціи“, враговъ общества, враговъ неба и земли, на которой ты славно устроилъ свои дѣлишки, о которомъ ты очень рѣдко думаешь, да и то съ усмѣшкой, хотя говоришь очень часто съ слезами умиленія.

Все это хорошо,—то есть для мистера Д'Израэли; но дурно для консервативныхъ принциповъ, защищаемыхъ мистеромъ Д'Израэли, то, что мистеръ Д'Израэли, привыкши хитрить и лицемерить, забываютъ нехитрую истину, понятную даже недалекимъ людямъ выдавшимъ вблизи историческія событія, присматривавшимся вблизи къ общественной жизни: хитрость и лицемеріе—это мелочныя пружинки, которыми можно извращиваться съ усмѣхомъ только въ мелочныхъ дѣлишкахъ личной выгоды; общественными силами эти годныя для личныхъ цѣлей средства сдѣлаться не могутъ, потому что огромное большинство общества честно и прямодушно, а отъ того и ходъ общественныхъ дѣлъ, двигаемый качествами общества, ломитъ всегда на прямки, дурно ли, хорошо ли, назадъ ли, впередъ ли, только всегда по большой столбовой дорогѣ, на которой все видно, ничего не прикроешь. Думая повести общественныя дѣла тѣми же средствами, какія пригодны только для личныхъ дѣлъ, эти люди не успѣваютъ ничего сдѣлать порядочнымъ образомъ, не умѣютъ удовлетворить никого, не умѣютъ даже понять никого, потому что слишкомъ привыкли думать только о себѣ. Себѣ они могутъ приобрѣсти и богатство и почести, по государству не умѣютъ принести ничего кромѣ обѣдненія и униженія. Въ Англии, гдѣ контроль газетъ и митинговъ хотя не такъ дѣйствителенъ, какъ воображаютъ англomanы, но все таки не совсѣмъ безсилеиъ и очень полезенъ, нельзя такимъ людямъ упражнить надѣ государствомъ свои способности слишкомъ свободно, и чуть-чуть подалше свернуть они съ дороги, ихъ или вовсе сталкиваютъ, или ворочаютъ на дорогу подѣ уздцы. Государству принести большаго вреда—нѣтъ имѣ воли тамъ; но за то своей партіи часто успѣваютъ они удружить такъ, что любо смотрѣть: такъ скомпрометируютъ темныхъ простаковъ, выдвинувшихъ ихъ впередъ, что обѣдаки не знаютъ куда отъ стыда дѣваться, а иногда и вовсе загубятъ ихъ такъ, что уже никакъ нельзя бываетъ поправить дѣла. Успѣлъ ли

сочинить надъ своими бѣдными тори мистеръ Д'Израэли штуку въ размѣрѣ второго рода и должны ли они ни за что ни про что потерять министерство, какъ увѣряютъ газеты, когда могли бы удержаться въ немъ еще довольно долго, это мы узнаемъ черезъ нѣсколько дней; но вѣрно теперь то, что осрамилъ онъ своимъ биллемъ торійскую партію до нельзя.

Презрительная досада овладѣла всею Англіею, когда она, поутру 1 марта, прочла въ газетахъ основанія, предлагаемыя для реформы мистеромъ Д'Израэли. Кромѣ одной газеты, принадлежащей министерству (Morning Herald) и одной изъ пальмерстоновскихъ газетъ (Manchester Guardian) и Times'a, вздумавшаго сообразоваться съ тактикою Пальмерстона, о которой расскажемъ ниже, всѣ другія газеты на чемъ свѣтъ стоитъ осмѣяли хитрый прое́ктъ съ перваго же раза. Немедленно стали назначаться, во всѣхъ большихъ городахъ митинги для выраженія мнѣній о министерскомъ прое́ктѣ и съ каждымъ днемъ митинги расцвѣтъ, а рѣшенія ихъ все въ одномъ и томъ же смыслѣ, которому мы представимъ нѣсколько примѣровъ. Беремъ одинъ нумеръ Manchester Guardian 8 марта.

Митингъ въ Странджвезѣ. Мистеръ Джозефъ Джонсонъ предложилъ объявить, что министерскій билль прискорбно обманываетъ основательныя ожиданія націи. Предложеніе принято единогласно.

Ольдгемъ. По просьбѣ со множествомъ подписей, лордъ-мэръ назначилъ на завтра митингъ для выраженія протеста противъ министерскаго билля.

Лидсъ. На митингъ единогласно объявлено, что билль, предложенный министерствомъ, долженъ быть встрѣченъ рѣшительной и энергической оппозиціей всѣхъ либеральныхъ людей.

Векфильдъ. Послѣ многихъ частныхъ митинговъ назначенъ на завтра общій митингъ для совѣщанія о дѣйствительнѣйшихъ мѣрахъ противъ министерскому биллю.

Свутенптонъ, Нордувичъ и Мерилбонъ. Назначены или происходили такіе же митинги.

Демонстрація въ Гайдъ-Паркъ, въ Лондонѣ. Мистеръ Ментель предложилъ поцію: «министерскаго билля нельзя и называть биллемъ реформы; это не билль, а просто срамъ; намъ нуженъ хорошій билль, или не нужно никакого». Принято единодушно среди сильныхъ и продолжительныхъ аплодисментовъ.

Шеффилдъ. Мистеръ Фишеръ старшій предложилъ слѣдующее рѣшеніе: «билль, предложенный министерствомъ, не исправитъ недостатковъ нашей представительной системы, а развонитъ и увеличитъ ихъ; онъ возбудитъ чрезвычайно вредную вражду между жителями деревень и городовъ. Онъ не беретъ депутатовъ у маленькихъ зависимыхъ городковъ, не даетъ баллотировки, не даетъ голоса трудолюбивымъ и порядочнымъ людямъ рабочаго класса; эти недостатки дѣлають его совершенно несообразнымъ съ потребностями націи». Принято единогласно.

Нью-кэстль. Мистеръ Джозефъ Ковъ предложилъ рѣшеніе. «По мнѣнію настоящаго митинга министерскій прое́ктъ реформы не удовлетворяетъ народнымъ потребностямъ. Митингъ считаетъ этотъ прое́ктъ оскорбительнымъ для разума, вреднымъ для интересовъ рабочаго сословія англійской націи, и заслуживающимъ самой сильной и безусловной оппозиціи». Это предложеніе принято единогласно, а вмѣстѣ съ нимъ и рѣшеніе: просить королеву объ удаленіи нынѣшнихъ министровъ.

Просимъ читателя замѣтить, что всѣ эти извѣстія взяты нами только изъ одного нумера газеты, т. е. доставлены только однимъ днемъ, и что эта газета держится политики Пальмерстона, который 8 марта еще хотѣлъ покро-

вительство министерскому биллю, и что наконец эта газета провинциальная, оставляющая без особеннаго вниманія тѣ части Соединеннаго королевства, которыя далеки отъ Манчестера. Были сотни митинговъ въ первой половинѣ марта и ни на одномъ изъ нихъ не было сказано о министерскомъ биллѣ ни одного, не только благоприятнаго, но и снисходительнаго слова. Всѣ единодушно рѣшали сопротивиться министерскому биллю самымъ энергическимъ образомъ. На каждомъ митингѣ онъ служилъ предметомъ самыхъ горькихъ и презрительныхъ насмѣшекъ.

Уступая давленію общественнаго мнѣнія, двѣ изъ трехъ газетъ, защищавшихъ билль, уже измѣнили свой тонъ: Times говорить о биллѣ съ ѣдкой ироніей и Manchester Guardian вторитъ Times'у. Единственнымъ защитникомъ билля остается бѣдный Morning Herald, органъ министерства.

Къ чему же привели всѣ реакціонныя хитрости, всѣ лицемерныя фразы? Только къ тому, что изобрѣтатели ихъ сдѣлались предметомъ насмѣшки сами, компрометировали ту партію, которую хотѣли защитить. Быть можетъ по крайней мѣрѣ угодили они тѣмъ обскурантамъ, на потворствѣ которыхъ основываютъ свою карьеру? Нѣтъ, и того они не достигли. Органъ фанатическихъ тори, Press, объявляетъ, что она противъ билля. Какая же была выгода угождать этимъ реакціонерамъ? Они все-таки раздражены, а нація хохочетъ и негодуетъ.

Но мнѣніе націи и рѣшеніе парламента—двѣ различныя вещи, очень часто ни мало несходныя при нынѣшней системѣ выборовъ и нынѣшнемъ распредѣленіи депутатовъ. Каковъ же ходъ дѣла въ Палатѣ Общинъ? Реформеры противъ министерскаго билля, это не требуетъ объясненій. Изъ двухъ предводителей вигистской партіи, лордъ Россель, какъ мы видимъ, немедленно по внесеніи билля самымъ рѣшительнымъ образомъ объявилъ себя противъ него. Другой предводитель, лордъ Пальмерстонъ, вздумалъ слѣдовать политикѣ болѣе хитрой: онъ промолчалъ, чтобы въ рѣшительную минуту можно было ему присоединиться къ той сторонѣ, союза съ которой потребуетъ его выгода. Соединеніе Росселя съ реформерами показывало, что противъ билля будетъ почти ровно половина голосовъ или даже нѣсколько больше; но все-таки Пальмерстонъ полагалъ, что тѣ 70 или 80 голосовъ, которые слѣдуютъ за нимъ, могутъ по произволу спасти или низвергнуть министерство. Однакожъ тактика эта, клонившаяся къ тому, чтобы сдѣлаться рѣшителемъ парламентскихъ провій, оказалась не совсѣмъ удачною. Приверженцы лорда Пальмерстона съ перваго же раза были недовольны тѣмъ, что онъ не высказался противъ билля. Въ слѣдующіе дни, по мѣрѣ того какъ агитація въ народѣ росла, партія Пальмерстонова все сильнѣе убѣждалась, что защищать билль значило бы подвергать себя негодованію націи. По послѣднимъ извѣстіямъ, надобно полагать, что пальмерстонскіе виги не будутъ поддерживать торійскаго билля. Читатель знаетъ, что парламентскія партіи стараются держать втайнѣ свой планъ дѣйствій до послѣдней минуты; потому, не смотря на множество извѣстій и предположеній о будущей судьбѣ министерскаго билля, она еще остается неизвѣстной: неизвѣстно, на что рѣшился Пальмерстонъ; неизвѣстно, какъ поступитъ министерство, если потерпитъ неудачу, которой надобно ожидать. Надобно только думать, что лордъ Пальмерстонъ думаетъ

принять въ вопросѣ о реформѣ либеральную роль для поправленія своей популярности и открытія себѣ дороги въ кабинетъ.

Удастся ли ему это, мы узнаемъ чрезъ недѣлю, при второмъ чтеніи билля. Но теперь пока видно только то, что излишняя тонкость значительно испортила его парламентское положеніе. До сихъ поръ предводителемъ оппозиціи былъ онъ. Лордъ Россель оставался на второмъ планѣ; но Пальмерстонъ промолчалъ 28 февраля и тѣмъ далъ лорду Росселю время сна выдвинуться впередъ. Предводитель оппозиціи теперь лордъ Россель. При второмъ чтеніи билля мы увидимъ, удастся ли Пальмерстону отбить у него это мѣсто, или надежда быть главою кабинета по низверженіи нынѣшняго министерства положительно отнята у него Росселемъ.

До сихъ поръ Россель, возстановившій свое прежнее значеніе рѣчью 28 февраля, дѣйствуетъ какъ предводитель оппозиціи. Онъ создалъ къ себѣ, оставляя въ тѣни лорда Пальмерстона, либеральныхъ депутатовъ всѣхъ партій для совѣщанія о единодушномъ образѣ дѣйствій по вопросу о реформѣ. Пальмерстоновскихъ выговъ тутъ не было; но кромѣ депутатовъ, постоянно шедшихъ за Росселемъ, явились въ собраніе всѣ реформеры. Выслушавъ прозвѣкъ Росселя, они объявили себя готовыми поддерживать его. Такимъ образомъ дѣла пошли по одной изъ тѣхъ трехъ дорогъ, вѣроятность и значеніе которыхъ мы объяснили въ январскомъ обзорѣ: реформеры и росселевскіе виги соединяются подъ предводительствомъ Росселя противъ торіи. Что бы ни стали дѣлать пальмерстоновскіе виги, судьба торійскаго билля уже рѣшена этимъ соединеніемъ: онъ долженъ погибнуть.

Но его фактическая погибель, уже несомнѣнная, еще не равнозначительна паденію торійскаго министерства. Чтобы понять эти тонкости, надобно выкинуть изъ обычая англійскаго парламента.

Билль, вносимый въ Палату Общинъ, долженъ быть прочитанъ въ ней три раза; на каждое чтеніе требуется согласіе палаты. Согласіе на первое чтеніе обозначаетъ только то, что палата хочетъ заняться предметомъ, къ которому относится билль: тутъ нѣтъ еще вопроса о согласіи палаты съ духомъ вносимаго въ нее проэкта. При согласіи на второе чтеніе рѣшается, одобряетъ ли палата основные принципы билля. Если разрѣшено второе чтеніе, палата обращается въ комитетъ для разсмотрѣнія подробностей. Тутъ предлагаются различныя частныя поправки (amendment), относящіяся къ той или другой статьѣ. Послѣ всего этого проэктъ пересматривается коммиссіею для приведенія первоначальныхъ его опредѣленій въ соотвѣтственность съ принятыми поправками. Тогда палата, возвратившись къ обыкновенной формѣ засѣданій, выслушиваетъ поправленный билль и снова подаетъ голоса объ немъ. Все вмѣстѣ это называется вторымъ чтеніемъ билля. Чрезъ нѣсколько времени назначается третье чтеніе, при которомъ вопросъ идетъ и о принципѣ и о всѣхъ подробностяхъ билля въ томъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ втораго чтенія. Такимъ образомъ первое чтеніе только формальность, дающая палатѣ время приготовиться къ подробному обсужденію билля при второмъ чтеніи. За то второе чтеніе бываетъ настоящимъ испытаніемъ предлагаемаго закона и въ немъ одномъ находится три разные момента, изъ которыхъ на каждомъ билль можетъ погибнуть: палата можетъ, во-первыхъ, отказать ему

въ согласіи на второе чтеніе; во-вторыхъ при комитетскомъ совѣщаніи можетъ принять такіа поправки, которыми совершенно измѣняется характеръ первоначальнаго проекта; въ третьихъ, наконецъ, при общемъ чтеніи поправленнаго билля можетъ отвергнуть его. Если онъ миновалъ всѣ эти опасности, то при третьемъ чтеніи наступаетъ для него самое рѣшительное испытаніе: къ третьему чтенію собираются всѣ депутаты; каждая партія старается явиться на поле битвы въ самомъ полномъ составѣ, и тутъ окончательно оказывается, на чьей сторонѣ большинство палаты, если и при второмъ чтеніи оно не оказалось на сторонѣ противниковъ билля.

Ясно, что борьба имѣетъ двѣ различныя части. При подачѣ голосовъ о первомъ, второмъ и третьемъ чтеніи билля дѣло непременно идетъ на чистоту. Не то при поправкахъ; поправка можетъ совершенно измѣнить первоначальный смыслъ проекта, замѣнивъ смысломъ прямо противоположнымъ; а между тѣмъ, если билль внесенъ министерствомъ и если министры болѣе дорожатъ сохраненіемъ своихъ мѣстъ, нежели проведеніемъ своихъ идей, то они могутъ, замѣтя, что большинство будетъ на сторонѣ поправки, объявить, что не придають ей особенной важности и потому согласны на нее. Есть и другой способъ, еще болѣе благовидный и еще менѣе добросовѣстный. Если совершенно враждебная прежнему биллю поправка сопровождалась такими рѣзкими рѣчами и предложена отъ такихъ непримиримыхъ враговъ, что министерство не находитъ возможности притвориться, будто не замѣчаетъ ея враждебности, оно выставляетъ противъ нея другую поправку, которая отличается отъ предложенной противниками только какимъ нибудь пустымъ словомъ. Наконецъ недавно тори открыли еще третье средство безвредно для своихъ министерскихъ мѣстъ выдерживать самыя враждебныя перемѣны въ своихъ билляхъ. При совѣщаніи о своемъ индійскомъ биллѣ торійское министерство объявило, что этотъ предметъ по своей національной важности выше несогласій между партіями; что министерство не хочетъ ничего болѣе, какъ только служить желаніямъ страны въ этомъ великомъ дѣлѣ, и какъ бы ни было оно рѣшено парламентомъ, министерство впередъ на все согласно. Этотъ методъ называется разрѣшеніемъ вопроса посредствомъ отдѣльныхъ постановленій объ отдѣльныхъ частяхъ его (by resolutions). Тутъ первоначальный билль долженъ разсматриваться по объявленію министерства не какъ проектъ рѣшенія вопроса въ вѣдѣнномъ духѣ, а просто какъ указаніе на подробности вопроса, безъ желанія наставлять на разрѣшеніе ихъ именно въ такомъ, а не другомъ духѣ.

Читатель видитъ, что всѣ эти способы не болѣе какъ хитрыя средства говорить „я доволенъ“, въ то время, какъ дѣлають противъ моего желанія. Министерство, прибѣгающее къ имъ, навлекаетъ на себя насмѣшки и прозрѣніе, но успѣваетъ продлить свое существованіе, если большинство ему противное раздѣлено на партіи, еще не успѣвшія согласиться относительно распредѣленія министерскихъ мѣстъ между своими предводителями при низверженіи существующаго министерства. Не будучи готовы составить новый кабинетъ, эти партіи большинства терпятъ существованіе врежняго министерства и показываютъ видъ, будто бы въ самомъ дѣлѣ вѣрятъ его объясненію, что оно не принимается во враждебномъ для себя

смыслъ рѣшеній парламента, противныхъ его собственнымъ предложеніямъ. Именно такимъ образомъ съ перваго дня своего существованія до нынѣшняго числа держится торійское министерство. Но, разумеется, всѣ эти увертки не болѣе, какъ формальность, допускаемая оппозиціею по ея несогласію относительно состава новаго кабинета. Если же соглашеніе оппозиціонныхъ отъѣздовъ будетъ устроено, тогда никакіе извороты не помогутъ министерству: оппозиція прямо принимаетъ рѣшенія, относящіяся не къ какому нибудь закону, а къ самому министерству, и предлагаетъ ему удалиться изъ кабинета. Но до этой невѣжливости дѣло рѣдко доходитъ. Министерству бываеъ известно, успѣла ли оппозиція согласиться въ составъ новаго министерства и если успѣла, то оно не будетъ прибѣгать ни къ какимъ хитростямъ, зная, что онѣ уже были бы бесполезны, и первое рѣшеніе палаты, несогласное съ какимъ нибудь его предложеніемъ, хотя бы по самому пустому вопросу, откровенно истолкуетъ въ его настоящемъ смыслѣ, то есть въ смыслѣ приказанія удалиться изъ кабинета. Читателю извѣстно, что тогда остаются двѣ дороги: министерство или немедленно повинуетъ парламенту, или испытываетъ свое счастье распушеніемъ прежняго парламента и созваніемъ новаго, голосу котораго оно уже не можетъ не повиноваться, потому что при выборахъ предполагался вопросъ: довольна ли нація существующимъ министерствомъ.

Мы излагали всѣ эти подробности парламентской тактики для того, чтобы читателю были ясны отрывочныя извѣстія, которыя будутъ приноситься ему газетами. Нынѣшній обзоръ нашъ будетъ напечатанъ вѣроятно до рѣшенія парламентской судьбы министерскаго билля о реформѣ, и мы хотѣли бы помочь читателю при соображеніи значенія будущихъ газетныхъ извѣстій по этому важному дѣлу; а теперь мы сообщимъ то, что уже сдѣлано по немъ, чего ожидаютъ въ настоящее время, т. е. около 15-го марта новаго стиля, и какъ думаютъ о вѣроятномъ исходѣ борьбы, которая начнется черезъ недѣлю (21-го числа).

Когда лордъ Россель, тотчасъ же по внесеніи билля Д'Израэли, высказался противъ него самымъ сильнымъ образомъ и когда реформеры, на собраніи, бывшемъ у лорда Росселя, рѣшились поддерживать стариннаго предводителя либераловъ, было рѣшено ими сосредоточить всѣ свои усилія въ парламентѣ на поддержку предложеній Росселя, и Брайтъ объявилъ въ Палатѣ Общинъ, что отлагать представленіе своего билля. Такимъ образомъ событія приняли именно тотъ оборотъ, который мы предполагали вѣроятнѣйшимъ и объясняли въ январской книжкѣ. Мы говорили тогда (Соврем. Политика, № 1, стр. 123): „Билль Брайта не можетъ приобрести голосовъ „ни массы тори, ни массы виговъ: онъ будетъ слишкомъ прогрессивенъ для „нихъ. Лучшее, на что онъ можетъ надѣяться—это отдѣлить въ свою „голосу по двадцати или тридцати прогрессивнѣйшихъ людей изъ того и „другого лагеря, то есть ни въ какомъ случаѣ не могъ бы онъ имѣть у „себя болѣе 250 голосовъ и вѣроятно будетъ имѣть гораздо меньше, можетъ быть всего съ небольшимъ 150, а для большинства нужно болѣе „100 голосовъ; слѣдовательно онъ будетъ служить, такъ сказать, только „росомъ, только средствомъ поднять цѣну согласія съ стороны независимыхъ „либераловъ, на поддержку билля какой нибудь другой партіи. Итакъ серьез-

нымъ соперникомъ билля Дерби вѣроятно останется только билль Росселя“. Мы прибавляли тогда, что реформеры, отъ присоединенія которыхъ къ Росселю или къ Дерби зависитъ большинство, вѣроятно будутъ имѣть болѣе наклонности дѣйствовать вмѣстѣ съ Росселемъ противъ Дерби. Въ продолженіи всего февраля носились слухи противные нашему предположенію, но вотъ теперь я оно оправдано фактомъ. Послѣ этого соединенія Брайта съ Росселемъ, Дерби увидѣлъ невозможность провести свой билль, но онъ (то есть Д'Израэли) придумалъ новую хитрость, вовсе не лестную для твердости министерскихъ убѣжденій, но казавшуюся ему единственнымъ средствомъ спастись отъ пораженія: узнавъ о союзѣ Росселя съ Брайтомъ, Д'Израэли объявилъ, что при второмъ чтеніи само министерство предложить въ своемъ биллѣ поправки на принципахъ болѣе широкихъ. Къ этому обращенію въ либеральное исповѣданіе слѣдовало бы прибѣгнуть еще до представленія билля; теперь трогательный либерализмъ былъ штукаю нѣсколько запоздалою и Россель объявилъ въ палатѣ, что при второмъ чтеніи билля Дерби предложить слѣдующее рѣшеніе: „Палата Общинъ думаетъ, что несправедливо и неблагоуразумно (politic) поступать по способу предложенному настоящимъ биллемъ съ существующимъ правомъ фригольдеровъ имѣть голосъ въ графствахъ, и что палата и нація неудовлетворятся низакимъ измѣненіемъ избирательнаго права, не вводящимъ въ графствахъ и городахъ разширенія права голоса въ размѣрѣ болѣе значительномъ, нежели какой предлагается настоящему мѣроу“. Принятіе этой мѣры, встрѣченной аплодисментами палаты, въ сущности должно равняться отверженію билля Дерби, потому что она противна однимъ важнѣйшимъ чертамъ билля, — сохраненію десяти-фунтоваго ценса въ городахъ и отнятію ценса въ графствахъ у фригольдеровъ, живущихъ въ городахъ. Но министерству она оставляетъ возможность сказать, что ея принятіе, послѣ предложенныхъ самимъ министерствомъ поправокъ, не принимаетъ оно за прямое отверженіе своего билля, то есть за требованіе удалиться изъ кабинета. Но кромѣ того однимъ изъ реформеровъ будетъ предложено при второмъ чтеніи и прямое отверженіе билля. Теперь считаютъ, что это послѣднее предложеніе будетъ принято большинствомъ отъ 80 до 90 голосовъ. Надобно однакожъ замѣтить, что отъ министерства еще зависитъ парировать этотъ ударъ собственнымъ предложеніемъ какихъ нибудь очень сильныхъ измѣненій въ первоначальномъ биллѣ. Очень можетъ быть, что такой маневръ останется не совершенно безуспѣшнымъ. Точно также лордъ Пальмерстонъ при второмъ чтеніи билля, вѣроятно, сдѣлаетъ какой нибудь маневръ, чтобы возратить себѣ роль предводителя оппозиціи, отнятую у него Росселемъ. Впрочемъ, кажется, что по вопросу о реформѣ это ему не удастся; но можетъ быть онъ пріиметъ какой нибудь другой вопросъ для достиженія своей цѣли.

Итакъ около 15-го марта новаго стили положеніе дѣлъ было слѣдующее: министерскому биллю предстояло или быть отвергнутымъ, или получить отъ поправокъ характеръ совершенно противный его прежнему духу; во второмъ случаѣ торійское министерство полагаетъ объявить, что оно не принимаетъ этихъ поправокъ за враждебныя ему. Въ первомъ случаѣ, по правильнымъ парламентскимъ обычаямъ, оно должно было бы, или выйти въ отставку, или распустить парламентъ. Но при нынѣшнемъ распадении виговъ на двѣ партіи (Рос-

сая и Пальмерстона) и при отдѣльномъ существованіи независимой отъ нихъ партіи реформеровъ можетъ встрѣтиться невозможность къ составленію вигистскаго министерства, и въ такомъ случаѣ торі успѣютъ удержаться въ министерствѣ. Этотъ шансъ много зависитъ отъ Пальмерстона: повидимому Росселю трудно будетъ составить министерство безъ содѣйствія Пальмерстона. Примириться этимъ двумъ соперникамъ, прежнимъ друзьямъ, получившимъ другъ отъ друга страшные удары, очень трудно; но суди по газетнымъ слухамъ надобно полагать, что переговоры о примиреніи ведутся. Основаніемъ ихъ служитъ по видимому то, что партія Пальмерстона требуетъ у своего предводителя, чтобы онъ принеся свое личное неудовольствіе на Росселя въ жертву общей выгодѣ виговъ. На дняхъ мы увидимъ, исполнятся ли ожиданія газетъ, предсказывающихъ примиреніе; а пока скажемъ только, что около 15-го марта, то есть за недѣлю до рѣшенія дѣла, предполагали, что Россель, опираясь на реформеровъ, чувствуютъ себя довольно сильнымъ составить министерство и безъ содѣйствія Пальмерстона. Разумѣется, всѣ отношенія могли совершенно измѣниться въ слѣдующіе дни, остававшіеся до 21-го числа.

Между тѣмъ какъ восточный островъ Ирландско-Великобританскаго королевства занятъ былъ этими преніями о реформѣ и различными ея шансами, въ одномъ изъ портовыхъ городовъ западнаго острова случилось дѣло, возбуждавшее общее вниманіе даже среди всѣхъ заботъ о реформѣ и слуховъ о войнѣ. Въ гавань Квинстона прибылъ 6-го марта американскій корабль съ неожиданными гостями, и газета *Cork Examiner* рассказала о немъ слѣдующія интересныя вещи.

«Сильное впечатлѣніе было произведено въ Квинстонѣ прибытіемъ американскаго корабля «*David Steward*», на которомъ были знаменитыі Поэріо и его спутники, недавно выпущенные изъ неаполитанскихъ темницъ. Поименованіе ихъ сопровождалось изгнаніемъ, и перевезенные въ Испанію, они должны были быть отправлены въ Аверру. Неаполитанскій корабль привезъ ихъ въ Кадиксъ, оттуда «*David Steward*» ваятъ былъ перевезти ихъ въ Нью-Йоркъ. Всѣхъ изгнанниковъ 69 человекъ, въ томъ числѣ жена и двое дѣтей изгнанника Маццео. 19 февраля они были посажены на этотъ корабль. Для 44 человекъ нашлись первоклассныя каюты; остальные были помѣщены во вторыхъ ярусахъ. По отплытіи изъ Кадикса, «*David Steward*» плылъ около 200 миль подъ надзоромъ «Устроиболі», неаполитанскаго военнаго парохода. Потомъ пароходъ удалился, оставивъ корабль при попутномъ вѣтрѣ по дорогѣ въ Америку. Но едва корабль очутился въ безопасности отъ пушекъ парохода, всѣ изгнанники явились къ капитану, протестовали противъ своего отправленія въ Америку и требовали, чтобы ихъ отвезли въ каюу вибуди англійскую гавань. Капитанъ, оставившій третью часть платы за перевозъ обезпеченіемъ въ исполненіи контракта, отвѣчалъ, что не можетъ нарушить его. Они повидимому убѣдились его доводами и успокоились на тотъ день; но поутру возобновили свое требованіе болѣе рѣшительнымъ тономъ. Тутъ произошелъ случай романтическаго характера: въ Кадиксѣ ваялся служить на кораблѣ молодой итальянецъ Раффаэли Сеттенбрини. До сихъ поръ онъ исполнялъ работу наравнѣ съ другими матросами; но когда пассажиры пришли во второй разъ къ капитану, онъ явился въ костюмѣ помощника штурмана галиэзскихъ пароходовъ: въ нашивной синей блузѣ съ золотыми пуговицами и золотымъ околшемъ на шлѣпѣ. Дѣйствительно, онъ служилъ помощникомъ штурмана въ галиэзской парокходной компаніи. Оказалось, что онъ сынъ одного изъ влиятѣльнѣхъ изгнанниковъ, Лунджи Сеттенбрини. Услышавъ о томъ, на какихъ условіяхъ выпущенъ изъ темницы его отецъ, онъ отправался въ Испанію и, чтобы находиться вѣстѣ съ отцомъ, придумалъ изъ-

рость, о которой мы рассказывали. Капитанъ корабля думаетъ, что цѣль у него была важнѣе, нежели простое желаніе увидѣть отца. Капитанъ думаетъ, что онъ былъ отправленъ лондонскимъ итальянскимъ обществомъ, чтобы помочь изгнаннымъ сдѣлать то, что они сдѣлали. Какъ бы то ни было, но его присутствіе придадо новую настойчивости требованію пассажировъ. Они сказали, что у нихъ теперь есть моряки и что если бы имъ пришлось отнять управленіе кораблемъ у капитана и экипажа, то они могутъ плыть безъ ихъ помощи. Они представили капитану, что находятся въ морѣ уже цѣлыхъ два мѣсяца, что многие изъ нихъ старики, что здоровье всѣхъ ихъ болѣе или менѣе ослаблено десятилѣтнимъ заключеніемъ и потому долгое плаваніе было бы пыткой для всѣхъ ихъ и можетъ быть смертью для нѣкоторыхъ. Они утверждали также, что, будучи подъ американскимъ флагомъ, они свободные люди и что онъ не имѣетъ права везти ихъ туда, куда они не хотятъ. Эти аргументы подтверждались превосходствомъ по физической силѣ, — изгнанниковъ было 66 человекъ мужчинъ, а экипажъ состоялъ только изъ 17, потому капитанъ уступилъ и направилъ корабль на сѣверъ. Пассажиры обращались съ нимъ ласково, но поставили надъ нимъ надзоръ, чтобы онъ не свернулъ корабля съ направленія къ гавани, въ которую они хотѣли плыть. Они направлялись въ Коркъ, но нѣсколько ошиблись въ направленіи и черезъ 14 дней прибыли въ Квинстонъ. Тотчасъ же они сошли на берегъ съ выраженіями жгучей восторга отъ мысли, что теперь свобода ихъ ненарушима. Нѣкоторые изъ нихъ цаловали землю, на которой стали свободными людьми.

«Прібытіе пассажировъ въ Квинстонъ — дѣло обыкновенное, не возбуждающее никакого вниманія. Но вѣсть о прібытіи этихъ пассажировъ разнеслась чрезвычайно быстро, и они стали предметомъ заботливѣйшаго вниманія. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ, что отъ долговременнаго заключенія зрѣніе у нихъ ослабло. Въ продолженіи путешествія, Поэріо, здоровье котораго очень разстроено, каждый день вставалъ съ постели, чтобы просидѣть нѣсколько часовъ на палубѣ. Ему 55 лѣтъ, но на видъ онъ кажется старше. Онъ не высокаго роста и плотнаго сложенія».

Изгнанники были встрѣчены въ Ирландіи и въ Англіи съ энтузіазмомъ. „Наши американскіе братья, приготовлявшіе почесты для Поэріо и его спутниковъ, будутъ завидовать намъ, что пріемъ этихъ гостей достался на нашу долю“, восклицаютъ англійскія газеты. Составился комитетъ для открытія національной подписки въ честь новоприбывшихъ. Первые государственные люди всѣхъ партій поставили за славу себѣ руководить этимъ дѣломъ. Президентомъ комитета выбранъ лордъ Шефтсбери, лордъ Пальмерстонъ, лордъ Россель, Мильверъ—Джибсонъ, Гладстонъ, лордъ Гренвилль, лордъ Лендсдонъ, лордъ Дергемъ, лордъ епископъ лондонскій, лордъ Линдберстъ, пахотятся въ числѣ членовъ комитета.

Поэріо и его товарищи были брошены въ темницы вслѣдствіе событія 1848 года; но ни Поріо, ни Сеттембрини, ни большая часть другихъ изгнанныхъ, прибывшихъ теперь въ Англію, ни мало не участвовали въ революціонныхъ движеніяхъ, вынудившихъ у Фердинанда II согласіе на конституцію. Они только пользовались популярностью, и потому самъ король почелъ нужнымъ обратиться къ нимъ, когда вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ исчезло довѣріе къ нему и онъ почелъ себя находящимся въ опасности. Онъ самъ просилъ Поэріо и другихъ принять управленіе дѣлами, чтобы спасти ему жизнь и престолъ. Вскорѣ потомъ обстоятельства измѣнились. Фердинандъ II почелъ возможнымъ обойтись безъ ихъ помощи и уничтожить конституцію. Если бы Поэріо и его товарищи могли полагать, что чѣмъ-нибудь заслужили его гнѣвъ, они имѣли довольно времени ухватъ изъ Неа-

поля. Но они полагали, что Фердинандъ II, хотя и нашелъ полезнымъ возвратиться къ прежнему принципу управленія, смотреть на нихъ, своихъ бывшихъ министровъ, какъ на людей, которымъ долженъ быть признателенъ за помощь въ трудныя для него времена. Такая мысль была заблужденіемъ излишней самопамятливости. Фердинандъ II думалъ о нихъ совершенно иначе, и нельзя не согласиться, что съ своей точки зрѣнія онъ поступилъ совершенно основательно, рѣшившись наказать ихъ за либеральныя мнѣнія. Правда, они не сдѣлали ничего преступнаго; но самый образъ ихъ понятій былъ преступенъ по неаполитанскимъ законамъ, возстановленнымъ по усмирении революціи. Правда, они не были революціонерами; но революціонеры доверяли имъ, когда они были призваны къ управленію дѣлами. Безнаказанность такихъ людей конечно была бы противна прочности возстановленной системы, или по крайней мѣрѣ свидѣтельствовала бы, что эта система должна падать своихъ противниковъ, слѣдовательно, сама не увѣрена въ своихъ силахъ. Если бы эти страницы попались на глаза французскимъ, англійскимъ, сардинскимъ или нѣмецкимъ либераламъ, мы подверглись бы отъ нихъ безпощадному порицанію; но что же дѣлать, надобно говорить то, что думаешь. Намъ кажется, что Фердинандъ II никакъ не могъ оставить Позріо и его товарищей безнаказанными. Они были преданы суду; юридическихъ доказательствъ противъ нихъ не нашлось. Либералы чрезвычайно горячо кричатъ о незаконности показаній при совершенномъ недостаткѣ доказательствъ, такомъ недостаткѣ, что главнымъ документомъ обвиненія служило подложное письмо, написанное по распоряженію обвинителей какимъ-то господиномъ, получившимъ за то денежное вознагражденіе. Обвиняемые доказали подложность письма и генераль-прокуроръ, бывшій обвинителемъ, признался, что документъ дѣйствительно фальшивый. Либералы чрезвычайно громко кричатъ, сказали мы, о незаконности осужденія при такихъ обстоятельствахъ; но мы думаемъ, что въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, либералы, останавливаясь на пустыхъ подробностяхъ, упускаютъ изъ виду сущность дѣла. Развѣ не бываетъ такихъ процессовъ, въ которыхъ убѣжденіе судей о виновности или невинности подсудимаго составляется на основаніи впечатлѣнія, производимаго всею его жизнью, его личностью и совокупностью тысячи мелочныхъ фактовъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ не составляетъ юридическаго доказательства, но которые всѣ вмѣстѣ производятъ нравственное убѣжденіе о его виновности или невинности? Притомъ, намъ кажется, что требовать уликъ противъ Позріо, значило быть слишкомъ щепетильнымъ формалистомъ. Каждому было извѣстно, что онъ не одобряетъ правительственную систему, которой слѣдовалъ Фердинандъ II до революціи и по укрощеніи революціи; слѣдовательно онъ имѣлъ образъ мыслей враждебный господствующему порядку; слѣдовательно онъ былъ врагомъ правительства; слѣдовательно правительство было бы виновно передъ самимъ собою и передъ государствомъ, порядокъ въ которомъ должно было охранять, если бы оставило безнаказаннымъ своего врага и такую безнаказанностью ободрило бы людей, имѣющихъ вредный образъ мыслей. Позріо и его оваріи могутъ быть, какъ частныя люди, достойны всякаго уваженія по благородству характера, по талантамъ и т. д.; но какъ враги правитель-

ства они основательно могли быть подвергнуты смертной казни. Но правительство смягчило это наказание, замѣнивъ его заключеніемъ въ крѣпость. До сихъ поръ мы не видимъ въ этомъ дѣлѣ ничего противнаго основаніямъ существующаго въ Неаполѣ порядка; но дальнѣйшія дѣйствія неаполитанскаго правительства кажутся намъ уже несовершенно благоразумными. Помѣщеніе въ темницахъ, отведенное для осужденныхъ преступниковъ, было чрезвычайно дурно: тѣсно, мрачно, сыро, грязно. Они были содержимы въ цѣняхъ, содержаніе имъ отпускалось чрезвычайно дурное. Вообще обходились съ ними также сурово, какъ съ какими нибудь убійцами пойманными на воровствѣ. Говоря по строгой правдѣ, и въ этомъ не было ничего собственно несправедливаго: по всей вѣроятности многіе другіе заключенные въ неаполитанскихъ темницахъ содержались точно также, хотя правительство и не имѣло къ нимъ личной неприязни. Но въ нашъ вѣкъ либеральныя предразсудки очень сильны въ Западной Европѣ; притомъ и человѣколюбіе внушаетъ, что строгости напрасна тамъ, гдѣ не нужна. Намъ кажется, что Поэріо и его товарищи были бы достаточно наказаны за свой преступный образъ мыслей тюремнымъ заключеніемъ и безъ прибавленія цѣпей, грубаго обращенія и разныхъ лишеній. Впрочемъ мы не судимъ въ этомъ дѣлѣ; судья въ немъ неаполитанское правительство, которое лучше насъ знало потребности своего положенія и вѣроятно не употребило бы этихъ сильныхъ строгостей, если бы не были они дѣйствительно нужными. Очень можетъ быть, что оно было совершенно право, когда утверждало, что нѣкоторая суровость необходима для обузданія злоумышленниковъ примѣромъ ихъ предводителей и соучастниковъ, и что эта строгость, быть можетъ и дѣйствительно тяжело ложащаяся на нѣкоторыхъ лицъ, спасительно дѣйствуетъ на множество людей, предостерегая ихъ отъ опрометчивыхъ поступковъ, — но не даромъ существуетъ пословица: „чужую бѣду по пальцамъ разведу“. Гладстонъ, не замѣчавшій у себя на родинѣ надобности въ подобныхъ мѣрахъ, не захотѣлъ, когда былъ въ Неаполѣ, понять грустной необходимости, возлагаемой на неаполитанское правительство обязанностью поддерживать порядокъ при множествѣ недовольныхъ. Онъ имѣлъ случай въ подробности изслѣдовать положеніе людей заключенныхъ въ неаполитанскія тюрьмы по политическимъ причинамъ и съ чрезвычайно силою изобразилъ его Европѣ. Эти извѣстія ужаснули западно-европейскихъ либераловъ, и общественное мнѣніе заговорило такъ сильно, что Франція и Англія должны были наконецъ разорвать дипломатическія сношенія съ неаполитанскимъ правительствомъ, когда оно не согласилось исполнить ихъ требованіе объ освобожденіи этихъ несчастныхъ людей, впрочемъ справедливо наказанныхъ за свои заблужденія, которыя не могъ не замѣтить даже Монтанелли, хотя и раздѣляетъ ихъ образъ мыслей. Самъ Монтанелли, напротивъ, рассказываетъ, что когда Фердинандъ II, провозгласивъ конституцію, назначилъ министромъ Воццелли, одного изъ предводителей демократической партіи, этотъ демократъ упалъ къ ногамъ короля и вскричалъ: „Государь! если бы я зналъ васъ раньше, я не составлялъ бы заговоры“, — а вотъ въ этомъ-то и состояла непростительная ошибка, за которую дѣйствительно былъ онъ достоинъ наказанія, постигнувшаго его въ послѣдствіи.

Но здоровье короля въ послѣднее время ослабло. Сколько извѣстно,

болѣзнь его ревматизмъ, въ соединеніи съ золотушными страданіями. Эта болѣзнь имѣетъ въ Неаполѣ какой-то особенный характеръ: она бросается на одну изъ ногъ, дѣлаетъ человѣка хромымъ, потомъ поднимается въ желудокъ и тогда становится смертельною. Король чувствовалъ себя правымъ, но все-таки размышленія, внушаемые тяжелой болѣзью, склонили его оказать милость заключеннымъ. Конечно, онъ основательно думалъ, что было бы опасно оставить ихъ въ Неаполѣ, но мы видѣли какъ разстроилось намѣреніе удалить ихъ въ Америку.

Мы высказали нашъ взглядъ на это дѣло, но безпристрастіе обязываетъ насъ и въ настоящемъ случаѣ, какъ всегда, привести мнѣніе противной партіи, неиницирующей дѣло иначе, и мы сообщаемъ здѣсь нѣкоторые отрывки изъ статьи Times'a, предоставляя себѣ право показать неосновательность обвиненій, вводимыхъ ею на неаполитанское правительство.

«Мы должны нынѣ объявить, что Поэріо, Сеттебрини (говорить *Times*, 9 марта) и остальные неаполитанскіе каторжники, которыхъ везли въ Сѣверную Америку по приказанію умирающаго, но не раскаявшагося Фердинанда, презрѣли его милость и съ чрезвычайнымъ ослѣпленіемъ и неблагодарностью не захотѣли принять прощенья на условіяхъ, нѣтъ предложенныхъ. Десять лѣтъ онъ считалъ нужнымъ держать ихъ въ цѣпахъ, въ густѣйшихъ тюрьмахъ, въ подземельныхъ подвалахъ, подвергая ихъ ужасамъ медленной смерти; но смерть, призванная ими, не приходила. Они были наказаны по приговору суда, веденнаго такимъ образомъ, что изумлялась Европа, — такъ нагло было влѣтѣло преступленіе, такъ возмутительны дѣйствія судовъ, такъ тверды ихъ рѣшимость произнести осужденіе. Показанія шпіоновъ, представленіе подложнаго письма, отвергнутого вносилъ даже неаполитанскимъ генеральнымъ прокуроромъ, — таковы документы по ихъ дѣлу. Въ Англіи знаютъ, что Поэріо жестоко страдалъ, но почти всѣ знаютъ о немъ только по письмамъ Гладстона о состояніи неаполитанскихъ тюремъ, и англійскій народъ еще не знаетъ, какая черная нѣтъ погубила этихъ несчастныхъ джентльменовъ, не знаетъ, какъ велика права нѣтъ на нашу симпатію. Они не заговорщики; они не имѣли никакого отношенія къ итальянскимъ заговорамъ. Но когда Европа была раздражена волненіями, въ возбужденіи которыхъ они не участвовали, то по просьбѣ своего короля она помогла ему установить конституціонное правленіе въ Неаполѣ. Торжественнѣйшимъ образомъ Фердинандъ призывалъ на себя погибелю, если нѣтъ данному слову. Но послѣ 15 мая ¹⁾ онъ бросилъ на вѣтеръ всѣ обѣщанія. Несчастные джентльмены, которыхъ мы теперь съ гордостью называемъ нашими гостями, были виновны развѣ въ томъ, что повѣрили слову Фердинанда. За это преступленіе, котораго никто не захочетъ повторить, они были осуждены на десять лѣтъ страданій, каковыя подвергались очень немногіе люди, и пережили ихъ, чтобы разсказать свѣту. Чѣмъ больше мы будемъ изслѣдовать ихъ исторію, тѣмъ больше мы убѣдимся, что эти люди терпѣли невообразимое мученіе десять лѣтъ единственно за то, что имѣли безразсудство повѣрить Фердинанду и приняли участіе въ системѣ правленія, которую онъ клялся сохранять. Даже дыханіе клеветы никогда не касалось ихъ чистаго имени. Событія 1848 года произошли безъ всякаго возбужденія отъ нихъ. Фердинандъ, чтобы спасти свой престолъ и свою жизнь, бросился писать конституцію. Онъ лично и убѣдительно просилъ главныхъ между этими изгнанниками быть инистриями его новаго правленія. Они исполнили просьбу. Черезъ нѣсколько времени онъ увидѣлъ возможность пренебречь своими обѣщаніями и обязательствами. Онъ обратилъ пушки на своихъ подданныхъ, и на досугъ было составлено

¹⁾ Когда неаполитанское національное собраніе было разогнано вооруженною силою, городъ Неаполь бомбардированъ и либеральное движеніе подавлено остѣ упорной битвы.

пошлое, ни на чемъ не основанное обвиненіе въ заговорѣ противъ государственныхъ людей, оказавшіе ему пособіе для сохраненія ему престола въ часъ его тяжелой бѣды. Жертвы его тираніи и вѣроломства теперь между нами. Чувство, гораздо сильнѣйшее всѣхъ политическихъ расчетовъ, призываетъ насъ почитать тѣхъ людей».

Статья написана, какъ видимъ, очень сильно и даже краснорѣчиво; но, къ сожалѣнію, мы должны сказать, что ни честность Поэріо, Сеттембрини и другихъ, ни краснорѣчіе англійскаго журналиста не могутъ вознаградить за недостатокъ яснаго взгляда на сущность дѣла, — недостатокъ одинаково замѣтный и въ бѣдныхъ страдальцахъ, и въ ихъ защитникѣ. Они, кажется, не понимаютъ теоріи неотъемлемыхъ правъ. Мы говоримъ, напримѣръ, что негръ—невольникъ, ступившій на англійскую или русскую землю, дѣлается свободнымъ человѣкомъ, хотя бы владѣлецъ имѣлъ на него самые неоспоримые документы и хотя бы даже онъ самъ добровольно продался въ рабство этому господину. Такъ постановляютъ англійскіе и русскіе законы, потому что выше всѣхъ документовъ и обязательствъ и общаѣй ставятъ въ этомъ случаѣ неотъемлемое право человѣческой личности, объявляя недействительными всякіе договоры и факты, противные этому праву. Англичанину извинительно, но неаполитанцу непростительно не знать, что также безусловна теорія неотъемлемыхъ правъ того рода власти, какой существуетъ въ Неаполѣ. Общанія и дѣйствія, противныя этимъ неотъемлемымъ правамъ, могутъ быть вынуждаемы обстоятельствами у человѣческой слабости, но такіа уступки по самому принципу теоріи недействительны и, если такъ можно выразиться, противозаконны, и по смыслу теоріи должны быть уничтожаемы. Когда Фердинандъ возстановилъ свою прежнюю власть, ему не о чемъ было жалѣть, не въ чемъ раскаиваться, кромѣ развѣ того, какъ жалѣть о грустномъ стеченіи обстоятельствъ, вынудившихъ уступки, и раскаиваться въ мянутаомъ отступленіи отъ ненарушимой теоріи. Потому выраженіе „нераскаивающійся“ въ отношеніи къ нему совершенно неумѣстно. Онъ по совѣсти можетъ сказать, что правъ передъ Поэріо и его товарищами. Также неумѣстна дерзкая иронія надъ условіями, съ которыми было соединено освобожденіе этихъ преступниковъ: развѣ правитель не имѣетъ обязанности заботиться о спокойствіи своего государства? Развѣ онъ не обязанъ принимать мѣры нужныхъ для того? Фердинандъ находилъ, что для внутренняго спокойствія Неаполя было бы вредно дозволить жить тамъ Поэріо и его товарищамъ. Онъ былъ правъ передъ собою, освобождая ихъ на такомъ условіи, чтобы они удалились въ страну, гдѣ были бы безвредны для Неаполя. Онъ руководился милостью, но и самая милость должна быть благо-разумна. Десяти-лѣтнія страданія преступниковъ были ужасны, — но что же дѣлать? Притомъ, чѣмъ возмущается краснорѣчивый защитникъ преступниковъ? Тѣмъ обстоятельствомъ, что тюрьмы не были устроены съ комфортомъ. Но неужели онъ не понимаетъ, что комфортъ въ тюрьмѣ совершенно неумѣстенъ, да еслибъ и былъ умѣстенъ, то почти ничѣмъ не облегчилъ бы страданія преступниковъ? Тяжесть тюремнаго заключенія состоитъ именно въ томъ, что заключенный лишенъ свободы и никакой комфортъ не можетъ чувствительнымъ образомъ уменьшить этой тяжести, никакое отсутствіе ком-

форта не может значительно увеличить ее. Вниманіе къ тому, хороша или дурна была тюрьма, въ которой сидѣлъ Поэріо, кажется намъ такою же ничтожною щепетильностью, какъ вниманіе къ тому, соблюдено ли титулованіе по рангу на адресѣ получаемого къмъ нибудь письма. Вопросъ въ томъ, заслуживали ли заключенія наказанные имъ люди, т. е. были ли они тяжкими преступниками? Да, потому что не исполнили лежавшей на нихъ по неаполитанскимъ законамъ обязанности защищать форму правленія, существовавшую до революціи. Съ этой точки зрѣнія, мы должны сказать, что вся статья Times'a кажется намъ слѣдствіемъ неяснаго пониманія неаполитанскихъ учрежденій, точно также, какъ образъ дѣйствій, за который пострадали Поэріо и его товарищи, мы считаемъ ошибочнымъ, и полагая, что онъ былъ очень вреденъ для Неаполя, должны сказать, что они сами были виноваты въ своихъ несчастіяхъ, совершенно заслуженныхъ. Мы грустимъ о тяжести этихъ страданій, мы высоко уважаемъ личные достоинства и благородство характера несчастныхъ страдальцевъ. — но, повторяемъ, они сами были виноваты въ томъ, чему подверглись.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

А. Письмо Наполеона къ мистеру Геду; письмо мистера Гедъ въ редакцію газеты „Times“ и отвѣтъ газеты.

1. Редактору газеты «Times».

Милостивый государь! Нѣсколько дней тому назадъ я вырѣзалъ изъ столбцовъ вашей газеты и нашелъ полезнымъ послать къ императору французовъ, о которомъ англійская пресса говоритъ, что онъ непремѣнно хочетъ войны, три письма, въ которыхъ я защищалъ его и которыя были напечатаны вами.

Посылаю вамъ копию записки, при которой они были отправлены, и прощреннѣйшій переводъ писемъ, полученнаго мною въ отвѣтъ. Спокойныя и великодушныя чувства его относительно Англіи, я увѣренъ, будутъ одобрены и одобренны вашими безчисленными читателями всѣхъ сословій и мнѣній во всѣхъ странахъ свѣта. Для нихъ всѣхъ должно быть очевидно, что если бы англійская пресса, согласно съ желаніемъ британской націи, только приняла, а не отталкивала руку дружбы, постоянно протягивавшую Англіи съ самаго его взобранія французскими народами, императоромъ Наполеономъ III, нинѣ повелѣвающимъ полумилліономъ солдатъ, то соединенныя силы, энергія и богатство двухъ державъ могли бы обезпечить Европѣ неопредѣленныя блага «мира, превышающаго всякій разумъ».

Остаюсь, милостивый государь, вашинъ покорнѣйшій слуга

Ф. Б. Гедъ.

Господину Моккару, личному секретарю императора, въ Парижѣ.

Сиръ Фрэнсисъ Гедъ имѣетъ честь просить мистера Моккара вручить прилагаемыя бумаги его величеству императору Наполеону III.

Боннъ, 1-го марта. Любезный мой сиръ Фрэнсисъ, благодарю васъ за то, что вы собрали и прислали мнѣ различныя статьи, помѣщенныя вами въ англійскихъ газетахъ, ибо такимъ образомъ вы дали мнѣ случай изъяснить вамъ всю мою признательность за чувства, которыя вы не побоялись добровольно выразить въ мою пользу. Я увидѣлъ въ этомъ — и это меня очень тронуло — новое доказательство, что старые друзья мои въ Англіи меня не забыли и знаютъ, что я всегда сохранялъ къ англійскому народу то уваженіе и сочувствіе, какія питалъ къ нему во время изгнанія моего посредствъ васъ. Даже теперь, когда я пишу къ вамъ, я вспоминаю, какъ

чуждо-то счастливымъ, о томъ времени, когда, будучи изгнаннымъ, я видѣлся съ вами въ Англіи. Въдѣ человекъ выстѣ съ перемѣной судьбы мнѣняетъ и радость, и горе свое. Въ былое время меня поглощала только скорбь изгнанія; теперь передо мною

заботы управленія, и одна изъ величайшихъ состоитъ, конечно, въ томъ, что меня дурно понимаютъ и неверно судятъ обо мнѣ именно тѣ, которыми я всего болѣе дорожу и съ которыми желаю жить въ добромъ согласіи. Такъ, я нахожу весьма естественнымъ, что партіи, которыя и были обязаны противодѣйствовать, выказывавшій ко мнѣ недоброжелательство и немисливають всѣ средства вредять мнѣ; но не могу понять, почему англичане, которыми я всегда былъ вѣрнѣйшимъ и преданнѣйшимъ союзникомъ, безпрестанно нападаютъ на меня въ своихъ газетахъ самыми недостойными и несправедливыми образами, ибо, говоря по совѣсти, для меня непостижимо, какой они могутъ имѣть интересъ въ возбужденіи общественнаго мнѣнія противъ Франціи. Еслибъ я у себя вздумалъ дѣйствовать такимъ образомъ, то впоследствии былъ бы поставленъ въ невозможность подавить страсти, мною возбужденныя. Я всегда считалъ большое уваженіе къ свободѣ англійскаго народа; но глубоко сожалѣю о томъ, что свобода, какъ и все хорошее, имѣетъ свои крайности. Зачѣмъ она, вмѣсто разсвѣщенія истины, дѣлаетъ все, что только можно, для ея затемненія? Зачѣмъ, вмѣсто поощренія и развитія благородныхъ чувствъ, распространяетъ она недобвѣрчавость и вражду? Итакъ, посреди всѣхъ этихъ живыхъ проявленій, я счастливъ тѣмъ, что напелъ защитника, который, руководствуясь одной любовью къ истинѣ, рѣшился возвысить противъ нихъ свой добросовѣстный и безкорыстный голосъ. Примите, любезный мой сэръ Фрэнсисъ, увѣреніе въ дружественныхъ моихъ чувствахъ

«Наполеонъ».

Отвѣтъ газеты Times.

Сэръ Фрэнсисъ Гедъ былъ почтенъ отъ императора французовъ благодарственнымъ письмомъ за свое усердіе къ императорскому дѣлу. Это письмо онъ посылаетъ намъ, а мы представляемъ его читателямъ. Черезъ него сэръ Фрэнсисъ Гедъ болѣе прежняго убѣдился, что Наполеонъ III есть достойнѣйшій и искреннѣйшій властелинъ, желающій только одного того, чтобы жить въ мирѣ со всѣми націями и особенно съ Англіей. Сэръ Фрэнсисъ Гедъ считаетъ это письмо побѣдоноснымъ оправданіемъ своихъ собственныхъ мыслей и увѣренъ, что имъ не будетъ долѣе представлять собой помѣху тому прочному союзу предмета его обожанія съ англійскимъ народомъ, который такъ сильно будетъ содѣйствовать счастью человечества. Мы жальдемъ, что неспособны раздѣлять увѣренности, внушаемую нашему корреспонденту письмомъ императора. Если бы судьба мира зависѣла только отъ прекрасныхъ словъ, она скоро была бы рѣшена. Къ счастью люди смотрятъ не на одни слова, а также и на дѣла, и общія мѣста о мирѣ и союзѣ будутъ производить мало впечатлѣній, пока арміи остаются сравнимыми для нападенія на сосѣда и увеличивается число военныхъ кораблей въ видахъ имѣть послѣ того войны съ другими сосѣдямъ.

Разбирая письмо Наполеона III, мы не имѣемъ наміренія приписывать событію хорошо извѣстныя каждому. Карьера повелителя французовъ—предметъ исторіи, и Европа знаетъ путь, которымъ онъ пошелъ на престолъ. Даже сэръ Фрэнсисъ Гедъ, хотя его душа очевидно распростерта въ поклоненіи монарху, личнымъ знакомствомъ котораго онъ почтенъ, требуетъ съ нашей стороны хорошаго обращенія съ нимъ только на томъ основаніи, что императоръ простиралъ къ намъ руку дружбы и что онъ повелеваетъ поумилостивленомъ сылать. Мы согласны разсматривать вопросъ исключительно на этихъ основаніяхъ. Французскій императоръ могущественный властелинъ и увѣренъ Англію въ своей дружбѣ. Обыкновенно ли насъ эти причины забываютъ о томъ фактѣ, что, получивъ полное распоряженіе надъ своимъ отечествомъ, онъ поступалъ съ слабѣйшими государствами высокомерно и оскорбительно, и что нынѣ онъ грозитъ Европѣ такимъ дѣломъ, которое можетъ стать общою европейскою войною? Жалобы императора, высказанныя въ его письмѣ, конечно были бы достойны уваженія, если бы имѣли хотя какое нибудь основаніе. Онъ говоритъ, что пережива судьбы чуждыя имѣлила его радости и печали. «Прежде имѣ являлись только скорби изгнанія,

теперь ясно вижу я прискорбія власти, и одно изъ величайшихъ мнѣ прискорбія то, что я вижу себя предметомъ ложныхъ мнѣній и сужденій со стороны тѣхъ, кого я наиболее уважаю и съ которыми желаю жить въ добротѣ согласіи». Намъ кажется, что послѣ событий послѣдняго года, послѣ адресовъ французскихъ полководцевъ, послѣ открытія Шербургскаго порта и статуи Наполеону I, послѣ преслѣдованія Монталамбера въ похвалу англійскимъ учрежденіямъ и послѣ отказа принять бритавское посредничество въ пользу древнѣйшей нашей союзницы Португаліи по дѣлу корабля *Charles et Georges*,—это обращеніе къ англійской чувствительности нѣсколько не своевременно. Мы утѣшаемся мыслью, что каковы бы ни были нечаянныя нишего союзника, отчужденіе англичанъ отъ него не можетъ занимать важнаго мѣста между нами. Послѣ опытовъ, представленныхъ послѣдними мѣсяцами, тщеславіемъ было бы съ нашей стороны предположеніе, что мнѣніе англичанъ мѣло бы особенную цѣну для императора французова, если бы не казалось оно нужнымъ для руководства мнѣніемъ французскаго народа. Императоръ удивляетъ, что англійская пресса говоритъ противъ него, «потому что по совѣсти, говорить онъ, я не вижу для нея никакой выгоды въ возмужденіи общественнаго мнѣнія противъ Франціи. Если бы въ своей странѣ я вздумалъ дѣйствовать подобнымъ образомъ, мнѣ потомъ невозможно было бы удержать страсти, которая возбудилъ бы я». Надобно замѣтить, что это старинный аргументъ самаго сэра Фрэнсиса Гедъ. Во-первыхъ предполагается, что каждое слово о настоящемъ правительствѣ возбуждаетъ общественное мнѣніе противъ Франціи. Во-вторыхъ дается намъ предостереженіе, что императоръ, когда бы ему ни вздумалось, можетъ поднять противъ насъ французскій народъ. Но великій и единственный вопросъ для Англіи и для другихъ странъ состоитъ въ томъ, можетъ ли даже самая терпѣливая и вслѣдствіе участливости отнестись къ нападенію, который грозятъ имъ французское правительство. Еслибы несомнѣнно было, что миръ Европы можетъ быть куленъ молчаніемъ, мы все-таки еще подумали бы, стоитъ ли покупать его такою цѣною; но когда оказывается, что подобная робость только можетъ поощрять къ нападенію, то и это жалкое искушеніе исчезаетъ. Сколько можно судить, бывшія и нынѣшнія наши несогласія съ Франціею были проважены не силой газетъ или какихъ нибудь парламентскихъ ораторовъ, а угодиливостью нашихъ государственныхъ людей. Европѣ кажется, что натянуто-похвальный выраженіе, въ которыхъ всегда говорятъ объ императорѣ наши бывшіе и настоящіе министры, обозначаютъ страхъ предъ его могуществомъ и сознаніе нашей слабости. Мы не ставимъ этого языка въ вину англійскимъ политическимъ людямъ; фразеология въ парламентахъ совершенно искусственная, и мы знаемъ, что когда министръ говоритъ «нашъ августѣйшій союзникъ» или «этотъ пронывательный государь», то эти выраженія совершенно равносильны тому, какъ онъ своего политическаго противника называетъ своимъ «достопочтеннымъ другомъ». Но континентъ не понимаетъ этихъ тонкостей; и если онъ теперь расположенъ твердо воспротивиться притязаніямъ французской имперіи, то его надежды на англійскую помощь внушаются тономъ народа, а не тономъ нашихъ официальныхъ правителей.

Но что намъ разсуждать о вѣроятностяхъ, когда можно указать на фактъ. Австрія имѣетъ всѣ качества, какія желалъ бы придать каждой державѣ Наполеонъ III, и ея газеты были постоянно идеаломъ, въ родѣ того, какой представляетъ намъ сэръ Фрэнсисъ Гедъ. Императоръ «глубоко жалѣетъ, что свобода, подобно всему хорошему, можетъ имѣть свои излишества». Онъ спрашиваетъ, «зачѣмъ, вѣдѣсто обнаруженія истины, она употребляетъ всѣ усилія на ея помраченіе? зачѣмъ она, вѣдѣсто того, чтобы развивать и ободрять благородныя чувства, распространять ведѣтріе и неважнѣсть?» Чтожь, если свобода въ Англіи дѣлала такой грѣхъ, она была невинна въ Австріи. Когда англійскія газеты, въ противность императорскихъ парижскихъ газетамъ, «употребляли всѣ усилія на помраченіе истины», австрійскія газеты неуклонно удерживались цензурою въ границахъ учтвности. Во все продолженіе царствованія императора Наполеона, австрійскій императоръ обращался съ нимъ учтиво и уважительно; но его внушенію Францъ-Иосифъ сталъ врагомъ царя Николая, такого государя, котораго онъ привыкъ считать благодѣтелемъ и почти отцомъ. Обиживались учтвности между вѣнскими и парижскими дворами; давались ордена; было устроено дружеское

свиданіе въ Штутгартѣ и не было никакихъ причинъ предусматривать какой нибудь раздоръ. Кромѣ нѣкоторыхъ маловажныхъ различій во мнѣніи объ устройствѣ турецкихъ провинцій, не возникало потому никакихъ случаевъ несогласія. Характеромъ внутренняго французскаго управленія австрійцы никогда не огорчались. Вѣнскіе государственные люди чувъ ли не первые приветствовали возстановленіе такъ называемаго «порядка», и съ той поры до настоящаго времени они зорко наблюдали за своими газетами, строго запрещая даже тѣ робкія разнышленія, которыя дозволялись швейцарскими газетами. Каковъ же былъ результатъ? Принесло ли все это какую нибудь пользу Австріи? Были ли, хоть на одинъ часъ, ради асего этого, отсрочены прототолвленія французскаго императора, или поколебался ли онъ, хоть на минуту, въ своей рѣшимости найти причину къ ссорѣ? Въ войнѣ съ Австріею, въ союзѣ съ Сардиніею, въ предложеніи независимости итальянскому народу, онъ увидѣлъ путь къ увеличенію личнаго и семейнаго могущества и почти два года неотступно подготовлялъ свои планы. Кто помнитъ, какъ сначала развеселись тѣеіе служы по Италіи, какъ они свѣннлись маленькими замѣчаніями австрійскому посланнику въ Парижъ и какъ вдругъ, когда все было готово, былъ поднятъ вававѣсъ перваго января,—кто помнитъ это, можетъ судить, насколько могутъ измѣнять намѣреніе императора Наполеона самыя усердныя заботы о его снэгченіи.

Потому, не смотря на письмо, названное сэромъ Френсисомъ Гедонъ, англичана будутъ продолжать судить о европейскихъ дѣлахъ. Мы не мнѣнъ ни малѣйшаго желанія обижать императора, или его династію, или народъ его взбавлпій. Очень можетъ быть, что онъ съ нѣкоторыми доброжелательствомъ вспоминаетъ о странѣ, гдѣ проведъ много лѣтъ и приобрѣлъ знакомства, поддерживаемыя до сихъ поръ. Быть можетъ, что онъ не желаетъ зла Англіи въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не требуютъ того его расчеты. Но образъ его дѣйствій, принципы его правленія и, наконецъ, насильственность его иностранной политики и его безбрыня вооруженія породили недоверіе, которому мы только служили органомъ. Наполеону III еще остается исполнить два собственныхъ свои извѣченія, которыя теперь свѣтъ начинаетъ повторять только въ ироническомъ смыслѣ. Онъ сказалъ намъ, что «имперія—это виръ» и что «свобода должна увѣнчать хваніе имперіи». Пусть онъ покажетъ свою вѣрность этимъ принципамъ и ему не нуженъ будетъ защитникъ передъ агалійскими народами.

В. Замѣчаніе и объяснительная статья изъ Монитера 5 марта съ отвѣтомъ газеты «Times».

1. Замѣчаніе, статья и возраженіе изъ Монитера.

«Общественное мнѣніе въ иностранныхъ государствахъ не отдастъ себѣ аснаго отчета въ нынѣшнемъ положеніи журналистики во Франціи. Вообще полагаютъ, кажется, что газеты подвержены предварительной ценсурѣ, и такимъ образомъ имъ придаютъ значеніе, нѣмнѣющее основанія. Правительство не оказываетъ на газеты никакого предупредительнаго вліянія. Итакъ публика всячески должна остерегаться выводовъ, основанныхъ на образѣ выраженій журваловъ. Всякій разъ, какъ представляется важный вопросъ или совершается значительный фактъ, правительство обращается прямо къ націи черезъ посредство официалаваго журвала. Такой долгъ оно всегда возлагало на себя и тѣмъ собственнѣе будетъ исполнять его при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда общественное мнѣніе болѣе чѣмъ когда либо вводится въ заблужденіе».

«Положеніе дѣлъ въ Италіи, хотя ужъ не новое, приняло въ послѣднее время въ глазахъ публики особенно-важный характеръ, который, разумѣется, не могъ не паразитъ императора; ибо глава великой державы, какова Франція, не можетъ оставаться въ сторонѣ отъ вопросовъ, касающихся европейскаго порядка. Исполненный благоразумія, недостатокъ котораго могъ бы быть ему нставленъ въ вину, онъ прямо-таки заботится о разсудительномъ и справедливомъ рѣшеніи, каковаго могутъ ожидать

эти щекотливыя и трудныя задачи. Императору нечего скрывать, не отъ чего отрезаться ни въ заботѣхъ ни въ союзахъ своихъ. Французскій интересъ преобладаетъ надъ его политикою и оправдываетъ его бдительность. При неосновательной, будучи надѣянъ, тревогѣ, возмущавшей умы въ Ніѳонѣ, императоръ обѣщалъ сардинскому королю защищать его противъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій Австріи; онъ не обѣщаль ничего болѣе, и всѣ знаютъ, что онъ сдержитъ слово. Развѣ это немыслимо войнѣ? Съ которыхъ поръ перестали считать сообразнымъ съ правилами благоразумія предвидѣніе болѣе или менѣе близкихъ затрудненій и измѣнчиваніе всѣхъ послѣдствій ихъ? Мы указали на то, что есть дѣйствительнаго въ мысляхъ, обязанностяхъ и расположеніи императора; все, что прибавлено преувеличенными газетными статьями— выдумки, ложь и бредни. Говорятъ, что Франція дѣлаетъ значительныя вооруженія. Это обвиненіе ни на чемъ не основанное. Нормальный составъ войскъ на мирной ногѣ. Принятый императоромъ два года назадъ, не вразумитель. Артиллерія покупаетъ четыре тысячи лошадей для того, чтобы достигнуть предѣла, положеннаго уставомъ. Пѣхотные полки простираются до двухъ тысячъ человекъ, кавалерійскіе до девяти сотъ. Говорятъ также, что наши арсеналы придано необычайное движеніе. Но забываютъ, что мы должны переимѣнить всѣ наши артиллерійскіе снаряды и преобразовать весь флотъ нашъ. Это послѣднее предпріятіе, на которое мы давно рѣшились, чтобы поставить флотъ нашъ въ нормальное положеніе, ежегодно утверждается Законодательнымъ Корпусомъ; и не смотря на самую похвальную дѣятельность, для совершенія этихъ работъ потребуются еще нѣсколько лѣтъ. Наконецъ тревожатся приготовленіями нашего флота. Всѣ эти приготовленія ограничиваются вооруженіемъ четырехъ фрегатъ для перевозки войскъ изъ Франціи въ Алжирію и изъ Алжирія во Францію, и четырехъ сѣмизантныхъ транспортныхъ судовъ, предназначаемыхъ для удовлетворенія разнымъ потребностямъ, а именно для войскъ нашихъ въ Чивита-Веккіа и доставленія черезъ Александрію продовольствія экспедиціи нашей въ Котлинскій.

«Вотъ факты. Они должны исполнѣтъ успехомъ искренніе умы насчетъ намѣреній, приписываемыхъ императору, и опровергнуть увѣренія людей, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы бросать тѣнь сомнѣнія на самыя принудительныя мысли и отуманивать самыя ясныя положенія. Не пора ли спросить себя, когда кончатся эти смутныя и нежеланныя слухи, распространенныя гнетными изъ конца въ конецъ Европы, съ цѣлю указывать общественному легковѣрію на воинственные планы императора французскаго и возлагать на него одного отвѣтственность въ тревогахъ и вооруженіяхъ Европы? Кто же можетъ имѣть право столь оскорбительнымъ образомъ вводить умы въ заблужденіе и столь неосновательно встревоживать интересы? Гдѣ слова, гдѣ дипломатическія ноты, гдѣ дѣйствія, свидѣтельствующія о желаніи возбудить войну ради страстей, ея удовлетворяемыхъ, или славы, ея доставляемой? Кто вилѣлъ солдаты, кто считалъ пушки, кто исчислялъ запасы, прибавленные цѣною столькихъ издержекъ и съ такой поспѣшностью, къ нормальному и уставному положенію Франціи на мирной ногѣ? Гдѣ чрезвычайныя наборы, преждевременныя призывы рекрутъ? Когда призывали въ службу людей, срокъ отпуска которыхъ подлежитъ возобновленію? Кто можетъ указать наконецъ хоть бы на самыя ничтожныя элементы этихъ общихъ обвиненій, которыя выдумываются злонамѣренными людьми, разносятся по свѣту легковѣрными и принимаются на вѣру глупцами? Конечно, императоръ, какъ мы уже говорили, наблюдаетъ за различными причинами несогласій, могущими показаться на горизонтѣ. Свойство всякой разсудительной политики стараться предотвращать событія или вопросы, способные нарушить порядокъ, безъ котораго нѣтъ ни мира, ни мирныхъ сдѣлокъ. Серьезнымъ дѣломъ нуженъ не отыскать, а необходимыми безопасностью и рачительствомъ за будущее. Такая предусмотрительность не есть волненіе или вызовъ. Изучать вопросы не значитъ создавать ихъ, и отклонять отъ нихъ свои взоры и вниманіе, не значило бы ни уничтожать, ни рѣшать ихъ. Впрочемъ разсмотрѣніе этихъ вопросовъ вступило на дипломатическій путь, и на изъ чего нельзя заключить, чтобы исходъ ихъ не былъ благоприятнымъ для упроченія общаго мира».

2. Ответ газеты *Times*.

Подобно языческому Юпитеру, иногда покрывавшему небо грозными тучами, который потомъ онъ, тотъ же самый Юпитеръ, съ такою же скоростью разогналъ, императоръ Наполеонъ, такъ долго устрашавшій насъ слухами о приближеніи войны, теперь благоволилъ успокоивать насъ словами мира и тишины. И пора было, очень пора. Перспектива чрезвычайно благоденственного года отчасти уже разрушена и болѣе двухъ мѣсяцевъ уже отнята у друзей цивилизаціи и прогресса повсюду разлившимися страданіемъ европейской войны. Когда многіимъ слеза такъ легко могли разбѣгать страхъ, которымъ былъ обвѣянъ міръ, намъ естественно жалѣть, что они такъ долго оставались неслезанными и что мы были оставлены блуждать въ совершенномъ мрачѣ, который могъ быть такъ быстро и бесслѣдно разсвѣтъ однимъ лучемъ свѣта, подобно Розенкрейцеровскому пламени горячаго въ священномъ бюро Монитера. Мы не охотники до подобныхъ мучокъ и никакъ не предполагали, чтобы у императора французовъ было такъ много серьезнаго шюра. Мистифицировать цѣлый континентъ — это мутная ливантская развѣтка, такого развѣтра, что перестаетъ быть шуткой. Читая римскую исторію, невольно бываешь пораженъ, замѣчая какую-то соотвѣтственность между беззвѣрными преступленіями цезарей и громадными театрами, въ которыхъ они совершались; а фальшивая тревога, въ которую была ввернута Европа на два мѣсяца, произведена была въ развѣтрѣ достойномъ ея виновника. Но, слава Богу, періодъ неосновательнаго страха кончается. Веселый джентльменъ, перерядившійся привидѣніемъ, чтобы поугаать насъ, снова надѣлъ свой обыкновенный костюмъ, и ужасная насъ уже не потрясаетъ нашихъ нервовъ. Костюмировка была очень страшна, но теперь мы знаемъ, что дурнаго умысла въ ней не было, и потому успокоились. Можемъ утверждать императора французовъ, что ни одинъ ольванникъ, появившійся въ руки мухомедовъ, не прислушивался къ проповѣди корана, полъ занесенными на него книжками, и ни одна прекрасно-волосая саксонка, стоя въ двухъ шагахъ отъ палача, не слушала миссионеровъ Карла Великаго съ такимъ искреннимъ и горячимъ желаніемъ обратиться, какъ слушаемъ его теперь мы, когда онъ, чрезъ посредство Монитера, усердствуетъ убѣдить насъ, что мы совершенно ошибались, предполагая въкоторое время, будто бы есть хотя малѣйшая вѣроятность нарушенія европейскаго мира. Ни въ комъ никогда не бывало такого пылкаго желанія похитить.

Поэтому съ несмѣннѣйшимъ довѣріемъ мы принимаемъ слова неофициальной части Монитера, которая, какъ кажется, всегда особенно вѣдывалась для официальныхъ сообщеній, что тонъ французскихъ газетъ никакъ не надобно смѣшивать съ тономъ правительства, и что хотя онъ, не подвергаясь предостереженіямъ и выговорамъ, могли дышать воинскимъ пламенемъ, но что все таки мы не должны изъ-за этого читать ни малѣйшаго сомнѣнія въ сохраненіи мира, пока само правительство не объявитъ о началѣ военныхъ дѣйствій. Это ученіе очень успокоительно; оно въ одинъ мигъ освобождаетъ насъ отъ всѣхъ тѣхъ печальныхъ опасеній относительно близкой войны, какія могли быть внушены недавними статьями *Presse*'em, *Pays* и *Siecl*'а и, можетъ быть, циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ. Мы провинкуты сильнѣйшимъ желаніемъ отречься отъ нашихъ вѣсей. Намъ воссчитательно вѣрить, «что наши безпомощства были неосновательны» и что когда мы чуть-чуть не были готовы къ предложенію мѣтѣ дествитъ, императоръ французовъ былъ и остается только «бларазументъ, искрененъ и блителенъ»; и что «онъ общалъ поможать Піэмонту въ случаѣ нападенія на него отъ Австріи, но не общалъ ничего болѣе». Мы готовы со стыдомъ и сокрушеніемъ сердца признаться, что принимая «предусматриваніе затрудненій и извѣщиваніе послѣдствій» за что-то довольно близкое къ дѣйствию, мы ошибались, и съ печалью мы научаемся, что черезъ такое предположеніе мы провинились «въ нечтательности, лживости и безумствѣ». Мы соглашаемся, что ошибались, принявъ за установленіе вооруженныхъ силъ на военное положеніе ту армію, тотъ флотъ и тѣ запасы, какіе императоръ опредѣлялъ на предположенія глубокаго мира; и что покупка 4,000 лошадей для артиллеріи ни мало не выходитъ за границы мирнаго

штата и составляет самое натуральнѣйшее дѣло для государства, единственная цѣль котораго состоитъ въ успокоеніи тревожащихся сосѣдей. Подобно намъ, Франція имѣетъ надобность измѣнить характеръ своей артиллеріи; подобно намъ, она имѣетъ надобность перестроить свой флотъ. Какъ могли мы шорить, производимый изъ ея арсеналовъ этики чисто мирными трудами, сдѣлывать съ громомъ и шумомъ, предвѣщающимъ бѣдствія приближающейся войны? Кто можетъ претендовать на Францію за постройку четырехъ фрегатовъ для перевозки ея войскъ изъ Франціи въ Алжирію и въ Алжирію во Францію и кто можетъ клеветать на четыре сдѣланные транспортныя судна, предназначенныя для надобностей по сношеніямъ съ Чивита-Векією и для продовольствія кохинчанской экспедиціи? Какъ могли мы «нагонять тучу на столь ясное положеніе» и прилавать публичность тѣмъ «неопредѣлительнымъ и вѣдлымъ слухамъ», которые «общественному легковѣрію представляютъ» императора французовъ, будто бы серьезно занимающихся приготовленіями къ войнѣ? Мы снисрженно покоряемся выговору Монитера и желаемъ единственно того, чтобы императоръ благоволилъ доказать своими дѣйствіями также убѣдительно, какъ доказалъ уже своими словами, что наши опасенія были напрасны и бездѣльны. Мы не станемъ выходить въ споры для опроверженія хотя одного какого нибудь изъ его словъ. Пусть только онъ сдѣлаетъ изъ справедливыми въ будущемъ, и мы совершенно согласны, чтобы онъ считалъ ихъ справедливыми въ прошломъ. Мы не желаемъ побѣдъ изъ скорости; намъ не нужно ничего, кромѣ мира, и если по какой нибудь строптивости нашего ума этотъ миръ окажется, какъ говоритъ сэръ Френсисъ Гедъ, «превышающимъ всякое разумнѣе», мы все-таки не станемъ изъ-за этого возражать ему. Будетъ ли угодно императору французовъ сказать, что онъ замышлялъ войну, но что представленіи своихъ законодательныхъ властей, своихъ министровъ и своего народа онъ былъ убѣжденъ продолжать войну за миръ; или угодно ему стараться убѣдить насъ, что страхи, волновавшіе всю Европу, и сильнѣе всѣхъ остальныхъ частей Европы волновавшіе собственную его державу, просто «сбивчивыя и неосновательныя галлюцинаціи», все равно мы окажемся одинаково податливыми на вѣру ему, если только онъ озаботится, чтобы по крайней мѣрѣ будущее явилось въ точности соотвѣтствующимъ его мнѣнію о прошедшемъ. Не будемъ предлагать никакихъ вопросовъ, не будемъ возбуждать никакихъ нравныхъ воспоминаній; памфлеты, рѣчи и циркуляры мы погрузимъ въ рѣку забвенія, глубже книги выходя въ Просперо, трижды счастливые, если въ землѣ зникъ или какихъ нибудь другихъ уступокъ мы можемъ ослучить увѣренность, что миръ Европы останется незарушеннымъ. Намъ представляется, не отъ того ли произошелъ наша ошибка, что мы не умѣли составить себѣ достаточно великолѣпнаго и воинственнаго понятія объ истинномъ характерѣ мира и не успѣли понять, какъ похожъ этотъ миръ на войну въ большихъ военныхъ монархіяхъ. Нелзя найти лучшаго призрака этому сходству, какъ то, что въ свое время работы во французскихъ арсеналахъ намъ зашѣнченіемъ ишѣившихъ пушекъ новыми, болѣе сильными, но гораздо болѣе легкими, оказалось необходимымъ купить вдругъ 4.000 новыхъ лошадей для новыхъ баттарей. Мы стараемся воспитать въ себѣ болѣе воинственные понятія о мирѣ, бдительности, предусмотрительности и искренности и всѣхъ другихъ прекрасныхъ вещей, общаемыхъ Монитеромъ; и когда мы переносимъ себя, быть можетъ мы сдѣлаемся способные воздавать справедливость настоящимъ напѣваніямъ и будущимъ плаваніямъ Франціи.

Но мы увѣрены, что можно простить насъ за желаніе, чтобы новый родъ мира, изобрѣтенный императоромъ, былъ сдѣланъ въсколько менѣе убыточнѣе для его сосѣдей, и чтобы Франція возмезза сидѣть подъ виноградникомъ своимъ и смокновенно своею, покаяная жатвы свои въ источія въ точнѣйшей изъ машиновъ своихъ, прекративъ громадные сборы разрушительныхъ снарядовъ, которые, хотя безъ сомнѣнія много содѣйствуютъ увеличенію ея внутренняго мира и счастья, развитію ея благосостоянія и улучшенію ея финансовъ, но возлагаютъ чрезвычайно тяжкое и неудобное бремя подобныя приготовленія на насъ, ея менѣе счастливыхъ и менѣе богатыхъ сосѣдей и союзниковъ. Мы съ восхищеніемъ слышимъ, что она прилежитъ къ мирнымъ искусствамъ, но нашъ низкій меркантильный духъ внушаетъ намъ желаніе,

чтобы она могла привлекать к нимъ съ меньшею потерей денегъ, кредита и безопасности.

С. Отрывки изъ рѣчей лорда Джона Росселя и мистеровъ Робакъ и Брайта противъ билля о парламентской реформѣ, внесеннаго мистеромъ д'Израэли въ засѣданіе Палаты Общинъ 28-го февраля (по отчету газеты Times).

I. Изъ рѣчи лорда Росселя.

«Я совершенно понимаю, что правительству очень затруднительно было предложить билль о народномъ представительствѣ. Я соглашаюсь также, что слышавъ въ первый разъ предлагаемый проектъ, трудно судить о его подробностяхъ, безъ нѣкоторой оговорки для нѣхъ разбора. Но въ словахъ достопочтеннаго джентльмена (д'Израэли) есть двѣ вещи, о которыхъ я долго думалъ, о которыхъ я теперь же могу сказать, и слова достопочтеннаго джентльмена объ этихъ вещахъ, признаюсь, исполнили меня очень сильнымъ неудовольствіемъ. Первая изъ этихъ вещей относится къ фригольдерамъ ¹⁾, которые теперь имѣютъ право голоса въ графствахъ (Браво!). Эти собственники терпятъ голосъ въ графствахъ. Это представляется мнѣ очень значительнымъ и опаснымъ нововведеніемъ (Браво!). Этихъ правилъ отменяется голосъ у 90 или 100 тысячъ лицъ, пользовавшихся такимъ правомъ въ теченіе 400 лѣтъ (Браво!). Предлагается, безъ всякаго нѣхъ согласія, безъ всякаго изслѣдованія, лишить ихъ этого права голоса безперерывнымъ рѣшеніемъ парламента. (Браво!). Но я считалъ это право не однимъ изъ недостатковъ нынѣшней системы, нуждающихся въ исправленія, а напротивъ оно всегда казалось мнѣ вещь чрезвычайно хорошею (апплодисменты). При реформѣ 1832 года, когда нѣкоторые пары хотѣли принять прошедшій черезъ Палату Общинъ билль реформы съ извѣстными измѣненіями и одно изъ этихъ измѣненій было въ томъ, чтобы фригольдеры, живущіе въ городахъ, не имѣли голоса въ графствахъ, я прямо объявлялъ лорду Грей, что если билль возвратится въ Палату Общинъ съ этимъ измѣненіемъ, то я предложу отвергнуть это измѣненіе и буду рисковать судьбою бѣлаго билля изъ-за этого одного измѣненія (апплодисменты). Многія изъ этихъ лицъ по новому биллю лишались бы всякаго участія въ выборахъ, потому что изъ людей, имѣющихъ свободную собственность въ 40 шиллинговъ дохода и живущихъ въ городахъ, только тѣ имѣютъ голосъ въ городахъ, которые занимаютъ квартиры въ десять фунтовъ. Это одно изъ предложеній достопочтеннаго джентльмена, возбуждающихъ во мнѣ сильное неудовольствіе. Другая часть проекта, представляющаяся мнѣ очень опасною, не какое нибудь новое предположеніе, а просто умолчаніе. Мнѣ давно казалось, что въ рабочихъ сословіяхъ нашего отечества есть очень многочисленный разрядъ лицъ совершенно способныхъ быть хорошими избирателями. Относительно всѣхъ этихъ лицъ достопочтенный джентльменъ не говоритъ ничего (апплодисменты). Да, если билль о реформѣ долженъ удовлетворять націю, то я долженъ сказать, что есть значительная часть общества, права которой не удовлетворяются нынѣшнимъ законодательствомъ; это, великое сословіе рабочихъ людей (Браво!). Они все больше и больше интересуются политическими дѣлами, они становятся все болѣе и болѣе способными судить о нихъ, и чувствую себя способными имѣть голосъ, они недоумываютъ тѣмъ, что остаются лишены этой привилегіи (апплодисменты). Если билль о реформѣ долженъ дать удовлетвореніе націи, то масса рабочихъ людей въ часѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ должна получить голосъ, и черезъ ихъ допущеніе къ выборамъ конституція сдѣлается болѣе прочна. Я думаю, что вы лишите себя этой прибавочной силы, если вы оставите ихъ исключенными отъ выборовъ. Эти двѣ вещи въ

¹⁾ *Freeholders*, маленькие собственники изъ простаго народа, участки которыхъ находятся въ феодальной зависимости отъ лендлордовъ, большихъ землевладѣльцевъ изъ аристократическихъ фамилій.

слухать достопочтеннаго джентльмена пробудили во мнѣ большое неудовольствіе. Относительно другихъ статей билля я теперь не хочу говорить ничего; но о всемъ вообще вопросъ скажу, что если вы не рѣшились дать націю болѣе значительнаго удовлетворенія, если вы не хотите сдѣлать болѣе дѣйствительной перемѣны, то лучше не дѣлать никакой перемѣны (сильные аплодисменты). Я понимаю, что нація можетъ продолжать разсужденіе объ этихъ дѣлахъ еще нѣсколько времени, не производя никакихъ перемѣнъ. Но я не понимаю того, чтобы парламентъ предлагалъ навія, или, лучше сказать, наложилъ на націю противъ ея воли билль, содержащій много перемѣнъ, но не содержащій никакого постановленія въ пользу частнаго и тѣмъ работающаго человѣка (тори кричатъ: о, о!... оппозиція аплодируетъ). Если вы не дадите удовлетворенія тѣмъ, которые имѣютъ право быть удовлетворены, то повѣрьте, вашъ билль не представляется мнѣ улучшеніемъ нынѣшнихъ законовъ о представительствѣ (аплодисменты); но важнѣе всего то, что онъ не представляется мнѣ консервативною мѣрою. Я могу сказать, что консервативнымъ министръ говоритъ: «это дѣло о представительствѣ было уже устроено прежними законами и мы не предполагаемъ измѣнять его, потому что намъ не кажется нужнымъ улучшеніе въ нынѣшнемъ порядкѣ вещей»; но чтобы консервативный министръ предлагалъ отнятіе голосовъ у 90 или 100 тысячъ человѣкъ и не соглашался дать голосъ рабочимъ сословіямъ, — этого я не въ состояніи понимать» (сильные аплодисменты).

2. Изъ рѣчи Робинса.

«Перемѣна сама по себѣ зло. (Хохотъ). Перемѣна въ законодательствѣ извинительна только тогда, когда перемѣна влечется къ лучшему; и мое обвиненіе противъ предложенія достопочтеннаго джентльмена (Д'Израэли) состоитъ въ томъ, что это перемѣна, которая ведетъ къ худшему (о, о! съ одной стороны; съ другой аплодисменты). Почему былъ внесенъ въ 1831 году билль реформы 1832 года благороднымъ лордомъ (Россалемъ)? Онъ былъ внесенъ потому, что правительственная сила была въ рукахъ только у одного класса, именно у земледѣльческой аристократіи (браво). Достопочтенный джентльменъ (Д'Израэли) самъ сказалъ, что цѣлью этого билля было дать власть среднему сословію. И дѣйствительно, онъ ее далъ ему. Вспомните же, какъ вело себя рабочее сословіе при этомъ случаѣ (аплодисменты); что говорили работники? Они говорили: «Билль, внесенный благороднымъ лордомъ, не дастъ намъ власти; но мы имѣемъ такое довѣріе къ нимъ, наши сограждане среднего сословія, что мы поможемъ вамъ побѣдить оппозицію землевладѣтельской аристократіи, дадимъ вамъ силу приобрести голосъ для вашего сословія». Безъ рабочаго сословія тогда не прошелъ бы билль о реформѣ (браво!). Оно тогда держало себя такъ, что я никогда этого не забуду. Оно держало себя такъ, что среднее сословіе не должно никогда забыть этого (аплодисменты). Теперь отъ имени рабочихъ классовъ нашей земли я обращаюсь къ среднему классу Англіи и говорю ему: въ 1832 году вы приобрѣли себѣ власть помощью работниковъ, и я призываю васъ, какъ серьезныхъ, какъ честныхъ, какъ благородныхъ людей, не пренебречь теперь интересами тѣхъ, которые помогли вамъ тогда (браво!).

«Билль достопочтеннаго джентльмена (Д'Израэли) не дастъ ни йоты власти рабочему сословію нашей земли (аплодисменты). Это билль отнимающій голоса, а не дающій голоса. Онъ отнимаетъ голоса у фригольдеровъ, живущихъ въ городахъ, и не даетъ никому участія во власти. Возьму въ примѣръ тотъ городъ, представителемъ котораго имѣю я честь быть (Шеффилдъ). Въ этомъ городѣ живетъ нѣсколько тысячъ людей, имѣющихъ нынѣ голосъ въ графствѣ. Каждый изъ этихъ людей явится голосъ въ графствѣ, не получая въ вознагражденіе голоса въ городѣ. Потому вашъ билль ничего не даетъ ему, а отнимаетъ у него голосъ въ графствѣ (аплодисменты). Къ чему же это клонится? Разумѣется къ чему, — къ усиленію власти землевладѣтельской аристократіи (аплодисменты). Въ этомъ и состоитъ цѣль представленнаго билля. Я скажу достопочтенному джентльмену (Д'Израэли) вотъ что: я и многіе депутаты, сидящіе на нашей сторонѣ залы, съ полнымъ одобреніемъ нашихъ избира-

тзей давали правительству полную и неограниченную поддержку. Но я уверяю, что не проживу и 24 часов, какъ уже получу отъ моихъ изобретателей извѣщеніе, что нѣтъ нѣ желанія, чтобы я продолжалъ поддерживать правительство (сильные аплодисменты). Почему же такъ? Вотъ почему. Мы давали поддержку достоинственному джентльмену (Д'Израэли) и его друзьямъ, политикамъ, что они поймутъ свое положеніе и положеніе страны; что они употребятъ ту свою власть, которая держалась нашей помощью, на хорошее управленіе страной. Но вѣсто благороднаго и либеральнаго образа дѣйствій, котораго я ожидалъ отъ правительства, оно теперь вноситъ бѣззаконіе для увеличенія силы джентльменовъ своей партіи (торіи кричатъ: нѣтъ, нѣтъ!). Достопочтенный джентльменъ думалъ только о друзьяхъ, сидящихъ позади его; онъ не подумалъ о тѣхъ, къѣмъ онъ и его друзья держатся на своихъ нѣстахъ (торіи кричатъ: о, о!...) Я говорю прямо: достопочтенный джентльменъ знаетъ не хуже моего, что онъ держался въ настоящемъ своемъ положеніи только великодушною помощью, какую получалъ отъ насъ. И разсматривая бѣззаконіе, изложенный достопочтеннымъ джентльменомъ, я громоко говорю, что на каждой шагъ своего пути черезъ Палату Общинъ этотъ бѣззаконіе долженъ встрѣтить оппозицію, упорную оппозицію каждаго друга народа въ этой палатѣ» (аплодисменты).

3. Изъ рѣчи Бранта.

Въ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ мы вообще находимъ, что когда люди предпринимаютъ дѣло, къ которому неспособны по натурѣ или склонностямъ, то не достигаютъ они особеннаго успѣха (хохотъ и аплодисменты). Достопочтенный джентльменъ (Д'Израэли) вогу бы составить для парламентской реформы билль гораздо лучшій того, который внесетъ нѣтъ; но ему привелось въ этомъ дѣлѣ быть представителемъ партіи, которая всегда упорно противилась всякому расширенію политическихъ правъ народа (аплодисменты). Я очень сожалѣю, что онъ и его друзья согласились заговорить объ этомъ вопросѣ и предъявлять претензію на его разрѣшеніе. Я думаю, что они были отчасти правы, когда упрекали помойнаго великаго министра (Робарта Пилля), будто онъ поступилъ дурно, взявшись за дѣло, которое слѣдовало бы ему предоставить своимъ противникамъ (отъѣзжа лѣбныхъ законовъ); но онъ по крайней мѣрѣ говорилъ, что совершенно убѣдился въ справедливости новыхъ принциповъ, которые сталъ защищать. Достопочтенный джентльменъ и его друзья еще не говорили ничега такого, изъ чего могла бы мы заключить, что они подверглись подобному обращенію въ новую вѣру (браво!). Соображая то, что я называю незаконствомъ достопочтенныхъ джентльменовъ, сидящихъ на министерской сторонѣ палаты, съ нѣвѣрными о настоящемъ вопросѣ, господствующимъ въ городѣхъ, я думаю, что отъ нихъ нельзя было ожидать, чтобы они явились или стали поддерживать проектъ въ такомъ дугѣ, какого нація ожидаетъ отъ правительства, принимающагося за вопросъ о реформѣ. Кто нѣтъ просилъ объ этомъ билль? (браво!). Я ни разу не слышалъ, чтобы какой нибудь джентльменъ министерской стороны палаты сердился на своихъ предводителей за то, что они не исполняютъ о реформѣ. Я ни разу не слышалъ, чтобы кто нибудь изъ приверженцевъ наѣ парламенту говорилъ на публичныхъ митингахъ въ пользу перемѣны парламентскаго устройства. Я никогда не читалъ въ нѣхъ газетахъ статей въ пользу парламентской реформы. Да; еслибы достопочтенные джентльмены той (министерской) стороны палаты не думали, что выгода нѣхъ партіи требуетъ билля о реформѣ, то нѣхъ лучше показало бы обойтись безъ него (браво!). Но есть въ нашей землѣ сословіе—явля, не сословіе, а огромная часть явля, которое теперь требуетъ, и уже 25 лѣтъ требовало исправленій въ билль реформы 1832 года. Въ чемъ же собственно состояла нѣхъ жалоба на этотъ билль? Развѣ они не говорили единогласно, что билль 1832 года составленъ такъ, чтобы оставить безъ голоса огромную часть націи? (браво!). Они говорили, что люди, живущіе заработномъ платомъ, вообще не занимаютъ квартиръ цѣною въ 10 ф., и что потому опредѣлять цѣны въ 10 ф. значило опредѣлять черту, необходимо исключавшую нѣхъ отъ выборовъ и дѣлать нѣхъ паріями. Билль 1832 года поставилъ всю массу рабочихъ классовъ въ такое положе-

віе. Я не жалуясь на этотъ билль, но я никакъ бы не полюбилъ презрѣніе, — вѣтъ, не скажу презрѣніе, — я совершенно отказался бы въ рабочимъ классамъ нашимъ, еслибы подумалъ, что они останутся довольны такимъ положеніемъ (апплодисменты). Повинуясь великому требованію людей, лишенныхъ голоса, представителями которыхъ мы служимъ, вы предлагаете билль, и ваши газеты стали въ послѣднее время говорить намъ, что вы сдѣлались реформерами и что вы отобьете хлѣбъ, по выраженію нашихъ газетъ, у благороднаго лорда, представителя лондонской Сити (Росселя), своимъ проэктомъ. Вотъ внесенъ этотъ билль, и когда онъ завтра утромъ разойдется по всѣмъ частямъ королевства, каждый изъ этихъ трудящихся, содержащихся въ рабствѣ людей, платящихъ подати и исполняющихъ другія обязанности гражданина, увидитъ, что какъ оставилъ его парій билль 1832, такъ остается онъ парій и по биллю 1859 года. Какими способами distinguished gentleman (Д. Израэли) предлагаетъ расширить избирательное право? Онъ даже и не претендуетъ, что этими способами рабочіе классы получить голосъ (браво!). Во-первыхъ, онъ даетъ голосъ каждому, кто, нанявъ комнаты въ чужой квартирѣ, платитъ 8 шиллинговъ въ недѣлю ¹⁾. Это не относится къ рабочимъ классамъ (браво!). Далѣе, дается голосъ каждому, имѣющему университетскую степень. Изъ этихъ людей не очень многихъ въ Англіи можно считать принадлежащими къ рабочимъ классамъ (хохотъ ²⁾). Священники, которымъ билль даетъ голосъ, уже и теперь имѣютъ голосъ ³⁾, и претензія уаиминать о нихъ въ билль, просто претензія и больше ничего (браво!). Затѣмъ слѣдуютъ джентльмены занимающіеся адвокатствомъ и джентльмены занимающіеся медициной. Затѣмъ слѣдуютъ учителя имѣющіе свидѣтельство отъ комитета народнаго просвѣщенія ⁴⁾. Но къ чему такая исключительность? Развѣ кромѣ этихъ джентльменовъ, ходившихъ на экзамены, вѣтъ другихъ преподавателей, на которыхъ distinguished gentleman могъ бы распространить право голоса (браво!). Я стыдился бы явиться передъ моими согражданами съ предложеніемъ такого пустого, до общности пустого расширенія избирательнаго права (апплодисменты). Далѣе слѣдуетъ движимая собственность. Получаютъ голосъ лица, имѣющіе 10 фунтовъ годичнаго дохода отъ принадлежащихъ имъ облигацій государственнаго долга, банковыхъ акцій, акцій О. т. Нидской компаніи и желѣзныхъ дорогъ, и лица, имѣющіе 60 фунтовъ въ сохранныхъ кассахъ. Чтобы быть оригинальнымъ, distinguished gentleman отступилъ отъ цифры, называвшейся благородными лордомъ (Росселемъ), который опредѣлялъ ее въ 50 фунтовъ, а даже въ этомъ неважномъ случаѣ онъ не хотѣлъ дойти до той, какъ намъ казалось, недостаточной либеральности, которая была въ биллѣ благороднаго лорда. Вникнемъ въ это правило о сохранныхъ кассахъ. Пусть палата представить молодого человѣка, который скопилъ 60 фунтовъ и положилъ ихъ въ сохранныя кассы. Если онъ задумаетъ жениться, онъ вынетъ эти 60 фунтовъ и найметъ квартиру въ 6 или 7 фунтовъ. Желаніе укрѣпляетъ умъ, привязывающія его къ родинѣ; онъ имѣетъ теперь новую причину любить порядокъ и повиновеніе законамъ; но по биллю онъ теряетъ голосъ и переходитъ въ разрядъ парій (браво!). — Всѣ эти способы расширенія избирательнаго права, — просто обольщеніе; дѣла ихъ только то, чтобы казалось, будто бы вы что-то даете, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ вы дромаете отъ страха при мысли, не дали ли вы въ самомъ дѣлѣ чегонибудь (апплодисменты). Благородный лордъ (Россель) указалъ на круглую статью, которая уже одна, безъ всѣхъ остальныхъ, рѣшительно погубила бы билль; это отнятіе голоса у фригольдеровъ, живущихъ въ городахъ (браво!). Мы понимаемъ это очень хорошо, и я полагаю, distinguished gentlemen (министерской стороны)

¹⁾ То есть 20 ф. въ годъ. Преміи цѣна въ 10 ф. относилась только къ людямъ, занимающимъ отдѣльныя квартиры.

²⁾ Надо было вспомнить, что дѣло идетъ объ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ университетахъ, воспитаніе въ которыхъ стоитъ такъ дорого, что доступно только дѣтямъ богатыхъ семействъ.

³⁾ Потому, что едва ли какойнибудь священникъ въ Англіи занимаетъ квартиру цѣною меньше 10 фунтовъ.

⁴⁾ Открывать школу и заниматься преподаваніемъ можетъ въ Англіи всякій, безъ всякаго документа на степень преподавателя; и конечно далеко не у каждого есть охота хлопотать о полученіи такого документа.

также понимают очень хорошо (браво!). Это вознаграждение для них за понижение цены в графствах до 10 фунтов (браво!). Никогда еще вам не предлагалось такого дешевого или такого опасного вознаграждения. Благородный лорд говорил, что этот отнимается голос у 100,000 человек; а я с некоторыми друзьями, президируя такое предложение, издвинул разобрать по классам избирателей двух городов. Витъ список городов Манчестера и Сальфорда съ раздѣленіемъ избирателей на классы, чтобы видѣть, каково будетъ дѣйствіе внесеннаго теперь билля. Въ Манчестерѣ считается 2,918 человекъ, имѣющихъ голосъ въ южномъ округѣ Ланкастерскаго графства. Изъ нихъ 1,195 человекъ вѣютъ голосъ въ Манчестерѣ, занимая квартиры въ 10 фунтовъ; эти 1,195 человекъ должны потерять голосъ въ графствѣ. 298 человекъ живутъ въ городѣ, но не имѣютъ тамъ голоса; они совершенно перестанутъ быть избирателями. Также пропорція и въ Сальфордѣ. Значитъ, изъ 100 городскихъ фригольдеровъ 40, если не больше, совершенно теряютъ голосъ (браво!). Въ этомъ отношеніи билль не расширяетъ, а сокращаетъ право. Я вполне увѣренъ, что Палата Общинъ никогда не приметъ такого постановленія (браво!). Я думаю, что невозможно придумать никакой игры, которая пробудила бы большее неудовольствіе въ націи и сильнѣе поколебала бы ея довѣріе,—не скажу: къ благородству, просто скажу: къ здравому смыслу парламента. И цѣль всего этого,—сдѣлать выборы въ графствахъ еще болѣе исключительными, чѣмъ прежде. Кажется, мы ничего столько не боимся, какъ хорошихъ, а особенно свободныхъ избирательныхъ корпорацій въ графствахъ. Палатѣ можетъ быть не извѣстенъ тотъ замѣчательный фактъ, что во многихъ англійскихъ графствахъ уже давно число избирателей не увеличивается, или даже положительное уменьшается. Въ одиннадцать графствъ съ 1837 до 1852 года число избирателей уменьшилось на цѣлыхъ двѣ тысячи. Это происходитъ отъ затруднительности покупать свободные участки и отъ увеличенія объема фермъ. Итакъ въ вознагражденіе джентльменамъ, которые сидятъ на его сторонѣ, имѣнія которыхъ, если онъ будетъ слѣдовать имъ, погубятъ его (хохотъ), достопочтенный джентльменъ хочетъ увѣчтовать въ графствахъ 100,000 голосовъ. Среднее составіе требовало реформы, но оно хочетъ гораздо лучшаго распредѣленія избирательной силы (браво!), а достопочтенный джентльменъ съ смѣлостью, рѣшительно интересною (хохотъ), говоритъ среднему сословію, что его желаніе щедро исполняется, потому что, благодаря фанатизму нашего отечества, только одинъ англійскій городъ избираетъ католика, и потому онъ сохранилъ депутата городу Эрондлю ¹⁾ (хохотъ). Зналъ ли достопочтенный джентльменъ съ кѣмъ онъ говорилъ, когда онъ, выставилъ Эрондль, обожалъ такіе города, какъ Ливерпуль и Манчестеръ, и даже я не упоминалъ о Глазго? (браво!). Но вѣдь все это будетъ хорошо понято людьми, которые завтра прочтутъ газеты. Лучшее было бы достопочтенному джентльмену держаться старинной практики своей партіи и противиться реформѣ, нежели составлять подобный провѣтъ, который въ массѣ англійскаго населенія не возбудитъ ничего промѣ досады и негодованія. Благородный лордъ (Россель) думать, что этотъ провѣтъ не консервативенъ; провѣтъ, касающійся парламентскаго устройства, не можетъ быть консервативенъ, когда только портать, ничего не улучшая (браво!). Какъ я сильно требую я парламентской реформы, но я знаю, что мало важности въ томъ, теперь, или черезъ четыре, или черезъ пять лѣтъ будетъ проведенъ законъ о реформѣ. Не вынѣ—завтра, время еще будетъ. Но когда правительство беретъ за такой вопросъ, оно не должно являться въ тысячу разъ менѣе консервативнымъ, нежели мы. Достопочтенный джентльменъ упоминалъ о моемъ

¹⁾ Д'Израэли говорилъ, что маленькіе города выбираютъ депутатовъ, служащихъ представителями такихъ интересовъ, которые не найдутъ себя представителями въ большихъ городахъ. Напримѣръ, говорилъ онъ, городокъ Эрондль имѣющій только 2,750 жителей и только 130 избирателей, постоянно выбираетъ католика, потому-то и надобно сохранить маленькія избирательныя корпораціи. Это любимый аргументъ защитниковъ нелѣпой неравномерности въ распредѣленіи депутатовъ. Эрондль избираетъ католика конечно потому, что находится въ полной зависимости отъ соседней фамиліи левдлордовъ католическаго исповѣданія.

проектъ,—онъ очень старъ; я предлагаю то, что предлагали въ теченіе цѣлыхъ 60 лѣтъ многие государственные люди; защищали знаменитые государственные люди во время прежней реформы. Я не ниѣю возраженія противъ сравненія моего проекта съ проектомъ distinguished gentleman. Онъ говоритъ, что не принимаетъ въ соображеніе населенія и богатства. Но если не обращать вниманія на населеніе и богатство, то для чего нужна парламентская реформа, и парламенты, и министры, и канцлеры казначейства ¹⁾ (хохотъ). Distinguished gentleman говоритъ, что основывается на интересахъ. Но что такое интересы? Вѣроятно они состоятъ въ потребностяхъ и мнѣніяхъ народа, и distinguished gentleman избралъ самый дѣйствительный способъ,—я благодаренъ ему за это,—узнать мнѣніе народа объ этомъ великомъ вопросѣ. Я не желаю бурныхъ политическихъ преній или гнѣвныхъ споровъ (браво!) ни въ парламентѣ, ни въ парламенте. Я надѣялся, что опытъ 1831 и 1832 годовъ научилъ правительство, берущееся за этотъ великій вопросъ, необходимости рѣшить его на широкимъ и прочномъ основаніи. Я надѣялся, по прежнимъ словамъ distinguished gentleman, что онъ такъ и поступитъ; потому что я не могъ вѣрить, чтобы очеркъ билля, явившійся въ одной изъ газетъ (*Times*), былъ вѣрнымъ изложеніемъ правительственнаго проекта. Я надѣялся, что distinguished gentleman «отобьетъ у меня хлѣбъ» биллемъ столь широкимъ, полнымъ и достойнымъ поддержки отъ націи, что я буду въ состояніи всю душою одобрить этотъ билль, а не буду принужденъ, какъ принужденъ теперь, просить у Палаты позволеніе представить другой билль объ этомъ предметѣ; тѣмъ больше вы будете разсматривать мой билль, тѣмъ болѣе будете убѣждаться, что онъ основанъ на принципахъ реформы 1832 года и конституціи и что онъ несравненно консервативнѣе,—для будущихъ пятидесяти лѣтъ, нежели проектъ, который портистъ все, раздражаетъ огромныя массы людей и не устроитъ порядочнымъ образомъ ничего (браво!).

¹⁾ Читатель знаетъ, что Д'Иларзли канцлеръ казначейства.

Апрѣль 1859.

Размышленія, выводящія изъ сравненія условій русскаго, австрійскаго и сардинскаго займовъ.—Конгрессъ по итальянскому вопросу.—Распущеніе парламента въ Англіи.—Баварскія дѣла.—Почему не должно обвинять Пфортена.—Почему мы считаемъ Позріо страдавшимъ по собственной винѣ.

Россія заключила съ англійскимъ домомъ Томсона Бювера и комп. заемъ въ 12 милліоновъ фунт., въ трехъ-процентныхъ облигаціяхъ по курсу 67.

Эти немногія слова внушаютъ много занимательныхъ размышленій человеку, слѣдившему за биржевыми извѣстіями въ послѣдніе мѣсяцы.

Прежде всего онъ припомнитъ условія займовъ, заключенныхъ въ послѣднее время Австріею и Сардиніею.

Австрія заключила 5% заемъ по курсу 80; этотъ заемъ не пошелъ; его облигаціи продаются на три и даже на четыре процента ниже 80, и исстали не находятъ покупателей.

Сардинія заключила также 5% заемъ по курсу 77; да и тотъ пошелъ, благодаря, не столько коммерческому разсчету, сколько разгоряченному патріотизму самихъ сардинцевъ.

67 по 3%,—это, въ переводѣ на 5%, значило бы 111 $\frac{2}{3}$.

80 и 77, по 5%,—это, при переводѣ на 3% облигаціи, значило бы 48 и 46 $\frac{1}{2}$.

Отчего такая громадная разница условій въ пользу нашего займа?

Отвѣтъ ясенъ для каждаго: разница въ условіяхъ происходитъ отъ разницы въ назначеніи денегъ, получаемыхъ черезъ эти займы. Австрія и Сардинія занимаютъ деньги на войну; Россія на усиленіе фонда, обезпечивающаго кредитные билеты. Деньги, получаемыя нами черезъ заемъ, пользуются употребленіемъ въ высокой степени производительное: служатъ къ улучшенію нашей монетной системы, то есть къ улучшенію національнаго быта, содѣйствуютъ развитію производительныхъ силъ государства; казна занимаетъ деньги у капиталистовъ, чтобы раздать ихъ, такъ сказать, взаимно всему населенію государства, которое употребитъ ихъ на уплату своихъ долговъ, на основаніе промышленныхъ предпріятій, на введеніе лучшаго порядка въ свою торговлю, на лучшее устройство своихъ земледѣльческихъ работъ. Каждый рубль, полученный государствомъ за 3%, пойдетъ на дѣла, дающія народу облегченіе или прибыль въ 8, въ 10, въ 15 или 20%. Это хоро-

ний коммерческой оборотъ; каждый разсчитливый человѣкъ одобряетъ такіе обороты и съ увѣренностью даетъ на нихъ деньги, потому что, получая ихъ, должникъ доставляетъ ему развитіемъ своего благосостоянія вѣрнѣйшій залогъ въ исправной расплатѣ съ нимъ. Такими займами не ослабляется, а возвышается кредитъ государства, потому что они свидѣтельствуютъ о заботливомъ государственномъ хозяйствѣ.

Да, очень замѣчательны условія нашего нынѣшняго займа. На лондонской биржѣ, которая конечно будетъ служить главнымъ помѣщеніемъ ему, наши 5% облигаціи стоятъ нынѣ на 110½ 111. Извѣстно, что новый заемъ всегда негоціруется по курсу нѣсколько ниже того, какой имѣютъ прежнія облигаціи; эта разница въ цѣнѣ есть необходимая уступка, служащая отчасти вознагражденіемъ для банкирскихъ домовъ, берущихъ на себя хлопоты о распродажѣ облигацій, отчасти приманкою для покупателей. Но съ другой стороны, надобно замѣтить, что по разнымъ биржевымъ причинамъ, которыя объяснить было бы слишкомъ долго, облигаціи низшаго процента имѣютъ курсъ нѣсколько болѣе высокій, нежели какой должны были имѣть по пропорціи съ облигаціями высшаго процента того же государства, если государство имѣетъ долгъ съ разными процентами. Напримѣръ, французскіе фонды на парижской биржѣ 19 марта (новаго стиля) продавались на наличныя деньги по слѣдующей цѣнѣ: 4½% облигаціи 94 фр. 50 савт.; пропорціонально этой цѣнѣ 3% облигаціи должны были продаваться по 63 фр.; во дѣйствительно онѣ продавались по 68 фр. 10 савт. Эта сравнительная высота французскихъ 3% фондовъ уже слишкомъ зависить отъ чрезмѣрной игры, производящейся исключительно на нихъ. На лондонской биржѣ русскими облигаціями игра не производится, и потому пропорціональная разница въ цѣнѣ между 3% (новыми) и 4½% (прежними) нашими облигаціями не должна быть такъ значительна, какъ между соответствующими французскими фондами, и относительную высоту 3% фондовъ, по сравненію съ 4½%, нельзя полагать болѣе 2½ на 100. Последніе курсы нашихъ 4½% фондовъ, на лондонской биржѣ были 100. По этой пропорціи 3% должны бы имѣть цѣну около 70. Заемъ произведенъ, какъ мы знаемъ, по 67,—это составляетъ уступку около 3 на 100,—уступка чрезвычайно малая, если мы примемъ въ соображеніе значительный размѣръ займа и особенно одновременное съ нимъ требованіе займовъ другими державами, предлагающими гораздо большую уступку и гораздо выгоднѣйшія для банкировъ условія. Франція, напримѣръ, на своей биржѣ предлагала въ послѣднее время уступку отъ 7 до 8 на 100; объ Австріи и Сардиніи мы уже не говоримъ: австрійскіе фонды передъ займомъ стояли на 91 и 92, а заемъ не пошелъ даже по 80, и 23 марта австрійскіе 5% фонды на лондонской биржѣ стояли на 75.

Мы надѣемся, что читателю эти цифры не покажутся сухими: въ нихъ очень много смысла, яснаго и поразительнаго. Чтобы оцѣнить политику, которой держались разныя державы со времени возникновенія слуховъ объ итальянской войнѣ, довольно будетъ сравнить нынѣшніе курсы ихъ фондовъ съ тѣми, какіе были на лондонской биржѣ въ концѣ декабря, передъ самымъ началомъ сардинско-французскихъ угрозъ.

Ф о н д ы.	Курсъ въ концѣ декабря 1858.	Курсъ 23 марта н. с. 1859.	Величина упадка.
Англіійскіе 3 ⁰ / ₀ -ныя	96 ³ / ₄	96 ¹ / ₄	1 ⁰ / ₃ %
Русскіе 4 ¹ / ₂ ⁰ / ₀ -ныя	100	100	0
Французскіе 3 ⁰ / ₀ -ныя	72,90	68,65	4,25 ⁰ / ₀
Сардинскіе 5 ⁰ / ₀ -ныя	94	82	12 ⁰ / ₀
Австрійскіе 5 ⁰ / ₀ -ныя	95	75	20 ⁰ / ₀

Англія и Франція находятся относительно кредита въ положеніи гораздо болѣе выгодномъ, нежели три другія великія державы: Австрія, Пруссія, Россія въ случаѣ большихъ займовъ должны обращаться къ иностраннымъ капиталистамъ, преимущественно въ Лондонъ или Амстердамъ; Англія и Франція обходятся въ этихъ дѣлахъ безъ чужаго содѣйствія, собственными силами. Нѣтъ надобности говорить, что Англія далеко превосходитъ силою своего кредита самую Францію: парижская биржа едва можетъ удовлетворять потребностямъ французскаго рынка и французской казны; лондонская биржа служить источникомъ денегъ для всѣхъ нуждающихся державъ, не только Европы, но даже Америки. Высота англійскихъ фондовъ, далеко превосходящая цѣну даже голландскихъ и датскихъ облигацій, показываетъ чрезвычайную прочность англійскаго государственнаго кредита. Но даже англійскіе фонды нѣсколько поколебались отъ приготовленій къ войнѣ. Упадокъ ихъ, совершенно незначительный, свидѣтельствуетъ объ увѣренности англійской публики въ миролюбивомъ расположеніи своего правительства; упадокъ французскихъ фондовъ, очень сильный, показываетъ какимъ обремененіемъ для государства считаетъ французское общество войну. Еще сильнѣе поражены сардинскіе фонды; но особенно страшно упали австрійскіе: капиталисты знаютъ, что Сардинія въ случаѣ войны стала бы вести ее главнымъ образомъ на счетъ Франціи; Австрія должна была бы доставать деньги на войну сама, и потому ея финансовое положеніе гораздо затруднительнѣе, нежели положеніе Сардиніи. Три державы, являющіяся главными дѣятельницами въ походахъ, грозящихъ Европѣ, понесли уже въ своемъ кредитѣ потерю пропорціональную прежней его твердости. Англія была бы въ войнѣ только союзницею Австріи, да и по своему положенію не могла бы подвергнуться никакой прямой опасности. Но извѣстно, что она не могла бы не принять участія въ войнѣ, и несмотря на всю ея финансовую силу, ея фонды нѣсколько опустились. Только русскіе фонды остались непоколебимы, только они одни сохранили въ мартѣ ту самую высоту, какую имѣли въ декабрѣ. Это отъ того, что Россія умѣла удержаться отъ обязательствъ, которыя должна была сдѣлать Англія: она можетъ, въ случаѣ войны, сохранить нейтралитетъ, и вотъ этой-то счастливой возможности она обязана непоколебимымъ сохраненіемъ своего кредита ¹⁾.

¹⁾ Тоже самое надобно сказать и о другихъ державахъ, которымъ счастливое положеніе дало возможность также, какъ Россіи, не принимать участія въ угрожающей войнѣ. Вотъ лондонскіе курсы фондовъ этихъ державъ:

Ф о н д ы.	13 декабря.	23 марта.
Датскіе 3 ⁰ / ₀ -ныя	84,7	84,7
Голландскіе 4 ⁰ / ₀ -ныя	100,2	100,2

Только тѣ державы, которыя не принуждены участвовать въ войнѣ, и не должны опасаться, что она приблизится къ ихъ предѣламъ, были такъ счастливы, что сохранили свои фонды на прежней высотѣ.

Непоколебимость нашихъ фондовъ на иностранныхъ биржахъ свидѣтельствуешь о характерѣ той политики, которой мы держались среди затруднительныхъ столкновений, волновавшихъ Европу въ нынѣшнемъ году. Подобно Англіи, мы старались предотвратить войну; но мы были счастливы Англіи отдаленностью своею отъ предполагаемаго театра войны, и возможность нейтралитета для насъ, не существующая для Англіи, выразилась сохраненіемъ нашихъ фондовъ въ такой твердости, которая не могла удержаться даже за англійскими.

Дѣйствительно, Россія умѣла идти самымъ надежнымъ путемъ въ недавнихъ политическихъ столкновеньяхъ: подобно Англіи она старалась предупредить ихъ; но будучи свободнѣе Англіи удержаться отъ всякаго участія въ угрожающей войнѣ, она имѣла возможность дѣйствовать съ успѣхомъ болѣе счастливымъ, нежели Англія: мы знаемъ теперь, что конгрессъ, который остается послѣднимъ средствомъ предотвратить войну, составляется вслѣдствіе предложеній Россіи. Англія старалась достичь подобнаго результата, но ея голосъ не могъ имѣть такого вліянія, какъ голосъ Россіи, потому что сама она была по несчастію запутана въ эти раздоры. Оставаясь чужда имъ, Россія, какъ видимъ, выпускаетъ теперь болѣе уваженія и довѣрія къ себѣ, нежели самая Англія. Будемъ же надѣяться, что какимъ бы путемъ ни пошли событія въ Западной Европѣ, мы сумѣемъ удержаться въ томъ счастливомъ положеніи, которое успѣли сохранить до сихъ поръ среди всѣхъ заискиваній, просьбъ, предложеній и обѣщаній. Мы понимаемъ, что какъ бы выгодны ни казались обѣщанія, никогда, никакими выигрышами, не могутъ быть вознаграждены пожертвованія, которыхъ стоило бы участіе въ войнѣ. Мы понимаемъ, что какъ бы ни были справедливы наши сочувствія, какъ бы основательны ни были наши антипатіи, выше всѣхъ симпатій и антипатій должна быть для насъ забота о благѣ собственнаго нашего государства. Мы можемъ не любить австрійцевъ, можемъ желать добра Сардиніи; но мы знаемъ, что выигрышъ для Сардиніи отъ войны—дѣло еще загадочное, а потери и пожертвованія, которыхъ стоило бы участіе въ войнѣ, могутъ быть высчитаны уже и теперь, до ея начала, или лучше сказать, даже не могутъ быть вычислены,—такъ огромны были бы опѣ. Погибель двухъ, трехъ или больше сотъ русскихъ людей, жизнь которыхъ такъ необходима для ихъ семействъ, производительный трудъ которыхъ такъ полезенъ для націи; разстройство финансовъ, которые, слава Богу, приведены теперь въ порядокъ; ослабленіе или совершенное прекращеніе всѣхъ добрыхъ начинаній, разстройство торговли и промышленности, на много лѣтъ разрушеніе возникающаго благосостоянія,—вотъ результаты, къ какимъ привело бы насъ участіе въ войнѣ, мысли о которой мы, къ нашему счастью, умѣли отвергать. Вся Сардинія не стоитъ такихъ жертвопаній. „Но мы были бы рады наказать австрійцевъ за ихъ поступки съ нами въ крымскую войну, за тѣ притѣсненія, какимъ подвергаютъ они славянъ своего государства и какія поддерживаютъ надъ славянами въ Турціи“. Все это такъ; мы не можемъ не желать добра славянамъ, а что касается до австрійцевъ, то не только мы, но и никто въ Европѣ не питаетъ къ нимъ особеннаго расположенія. Но благоразуміе выше всего. Досада и презрѣніе выражались бы слишкомъ

неудовлетворительно, если бы выражались такъ, чтобы приносить вредъ самому досаждущему. Мы не любимъ австрійцевъ — это такъ, но искать войны, которая, какъ ни вредна была бы австрійцамъ, все же не дешево обошлась бы и намъ, это дѣло совершенно иное. Объ этомъ не было бы нужды и распространяться, если бы корреспонденты французскихъ газетъ не принуждали насъ положительно заявить мнѣнія русскаго общества своими, Богъ знаетъ, откуда взятыми извѣстіями о какихъ-то будто бы вониственныхъ желаніяхъ русскаго общества. Беремъ наудачу одну изъ этихъ газетъ, еще очень разсудительную въ сравненіи съ другими. Вотъ чѣмъ начинается новѣйшее письмо ея здѣшняго корреспондента:

«Слухи о войнѣ здѣсь, какъ и у васъ, по временамъ закипаютъ (пишетъ корреспондентъ *Indépendance Belge* изъ Петербурга 2 (14) марта, но съ тою разницею, что здѣсь общественное желаніе вовсе не таково, какъ у васъ: оно не въ пользу мира. Русскіе согласятся на все, съ большою охотою согласятся на все, лишь бы только получить возможность помириться съ австрійцами. Отъ ожиданія, отъ неуверенности, даже отъ боязни видѣть это желаніе обманутымъ, оно усиливается съ каждымъ днемъ; это чувство,—повторяю свои прежнія слова,—распространено во всѣхъ сословіяхъ». (*Indépendance Belge* 25 марта).

Это чувство распространено во всѣхъ сословіяхъ русскаго общества! Мы также принадлежимъ къ одному изъ сословій русскаго общества, но вовсе не имѣемъ такого желанія; мы встрѣчаемся съ людьми изъ другихъ сословій и ни въ комъ не замѣчаемъ такого желанія. Кто желаетъ войны, въ самомъ дѣлѣ? Желаютъ ли крестьяне или мѣщане, чтобы явилась надобность въ усиленныхъ рекрутскихъ наборахъ; или желаютъ купцы, чтобы разстроилась торговля и пострадали всѣ промышленныя предпріятія; или желаютъ помѣщики, чтобы блокированы были наши порты, чтобы прекратился отпускъ хлѣба, сала и всѣхъ сельско-хозяйственныхъ произведеній за границу? Ни въ одномъ изъ этихъ сословій мы не замѣчали такихъ удивительныхъ желаній. Конечно, мы счѣмъ приносить нужныя пожертвованія; счѣмъ подчинить заботы о своемъ благосостояніи государственной необходимости, но только дѣйствительно нужныя пожертвованія, только для государственной необходимости. Если бы кто нибудь вздумалъ нападать на насъ, мы счѣмъ бы отплатить за нападеніе. Но приносить ненужныя пожертвованія для удовольствія другихъ,—это было бы нерасчетливо; начинать войну безъ необходимости не желаетъ наше общество, благодарное правительству за его миролюбивую политику, приносящую намъ столько выгодъ.

Но, продолжаютъ французскія газеты, могутъ быть предложены выгодныя условія для участія въ войнѣ. Что отвѣчать на это? И надобно ли отвѣчать? Извѣстна прочность тѣхъ союзовъ, въ которыхъ есть временная надобность приглашающему на союзъ, если приглашающій всѣми прежними своими дѣйствіями уже доказалъ, что всегда имѣетъ въ виду исключительно собственныя выгоды. Впрочемъ, кому интересно узнать объ этомъ больше, тотъ найдетъ въ приложеніи переводъ статьи изъ газеты „Humburg“.

Наконѣцъ указываютъ на бѣдственное положеніе австрійскихъ славянъ. Говорить откровенно объ этомъ предметѣ—дѣло не легкое у насъ, потому что огромное большинство честныхъ людей, въ благородномъ сочувствіи къ

нашимъ одноплеменникамъ, забываясь объ одномъ очень важномъ обстоятельстве, которое, какъ намъ кажется, должно удерживать отъ желанія прямыхъ вмѣшательствъ въ ихъ отношенія. Быть можетъ, нѣмцы насъ назовутъ противниками славянъ, защитниками австрійскихъ вѣмцевъ, за то, что мы укажемъ на это обстоятельство и попробуемъ вывести изъ него заключеніе о томъ, до какой степени была бы полезна австрійскимъ славянамъ наша помощь. Но мы просимъ людей, сочувствующихъ славянамъ, вникнуть въ наши слова хорошенько, — намъ кажется, что эти слова внушены намъ именно любовью къ славянамъ.

Славяне—наши одноплеменники, это правда; они гордятся нами, а мы любимъ ихъ, и это правда; но не должно забывать, что вотъ уже цѣлую тысячу лѣтъ они и мы жили отдѣльно другъ отъ друга, въ условіяхъ совершенно различныхъ, и потому приобрѣли гражданскія привычки и общественныя потребности далеко не во всемъ одинаковыя. Не даромъ говорить, что русская исторія самымъ рѣзкимъ образомъ отличается отъ исторіи всѣхъ другихъ европейскихъ племенъ, въ томъ числѣ даже и славянскихъ. Государственныя учрежденія получили и сохраняютъ у насъ форму ни мало не похожую на все то, что когда нибудь существовало или существуетъ въ Западной Европѣ. Западные славяне, смотря на насъ издали, могутъ не замѣчать нашихъ особенностей. Но мы должны звать себя лучше и должны понимать, могутъ ли наши формы соответствовать жизни и потребностямъ народовъ, участвовавшихъ въ европейской исторіи, которая такъ долго совершенно не касалась насъ.

Мы ни мало не виноваты въ томъ, что отстали отъ другихъ европейцевъ; но не подлежитъ спору то, что народныя нравы у насъ грубѣе, нежели въ Западной Европѣ. Возьмемъ факты изъ самыхъ простыхъ и близкихъ отношеній. Русскій мужъ еще не отвыкъ отъ того, чтобы бить жену: отецъ и мать вмѣстѣ еще не отвыкли отъ того, чтобы женить сына или отдавать дочь замужъ, не освѣдомляясь объ ихъ согласіи. У другихъ европейцевъ такіе факты представляются только рѣдкими исключеніями, противорѣчащими общимъ обычаямъ народа. Своимъ языкомъ чехъ можетъ быть очень близокъ къ намъ, во по своему обращенію съ женою и дѣтьми онъ гораздо ближе къ пѣмцу, испанцу и какому хотите другому европейцу, нежели къ намъ. Отъ народныхъ нравовъ зависятъ формы общественной жизни. Мы приведемъ только одну черту общественнаго устройства. Чехи успѣли уже давно забыть о тѣхъ формахъ общегитія, которыя связаны съ крѣпостнымъ правомъ; у насъ оно только теперь уничтожается и результаты его еще долго будутъ оставаться очень сильными въ нашемъ общегитіи. Поэтому надобно думать, что наша жизнь совершенно не соответствуетъ потребностямъ и привычкамъ западныхъ славянъ. Если они думаютъ иначе, они ошибаются по незнанію. Если мы сами думаемъ иначе, мы доказываемъ только то, что забываемъ объ особенностяхъ нашей жизни, или не умѣемъ цѣнить ихъ по достоинству. Наши казанскіе татары могутъ говорить нарѣчіемъ очень близкимъ къ языку бухарцевъ и киргизовъ, но они привыкли жить совершенно иначе, нежели ихъ восточные соплеменники, и надобно думать, что разница нравовъ поставила между ними преграду, разрушеніе

которой не могло бы быть полезно для казанских татаръ. Конечно, этотъ примѣръ вовсе не можетъ служить параллелью; но мы хотѣли только сказать, что западные славяне участвовали въ европейской исторіи гораздо долѣе и гораздо ближе, чѣмъ мы, и потому приобрѣли нравы и требованія, соответствующихъ которымъ мы не находимъ у себя.

Конечно, мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, что ихъ постоянное положеніе хорошо, или жалобы ихъ на Австрію несправедливы. Въ сочувствіи къ бѣдствіямъ австрійскихъ славянъ мы не уступимъ никому. Но мы желали бы только, чтобы сами славяне хладнокровнѣе разсуждали о средствахъ улучшить свое положеніе, а главное, чтобы они точнѣе изучали нашу жизнь съ ея особенностями. По географическому положеніи самыми естественными посредниками въ такомъ изученіи должны служить поляки. Теперь читателю, можетъ быть, хотя до нѣкоторой степени, извѣстны основанія, по которымъ и самое горячее сочувствіе къ австрійскимъ славянамъ не представляется для насъ побужденіемъ одобрять вызовы французскихъ газетъ къ войнѣ съ Австріею. Не изъ особеннаго расположенія къ австрійскимъ вѣмцамъ, а изъ заботливости о судьбѣ самихъ славянъ мы находимъ, что они должны разсчитывать исключительно на свои силы для прозвѣдѣнія улучшеній въ своемъ бытѣ.

Читателю можетъ казаться, что всѣ наши соображенія относительно войны запоздали. Многіе ожидаютъ теперь мирнаго разрѣшенія всѣхъ дипломатическихъ затрудненій отъ конгресса, который долженъ собраться по итальянскому вопросу. Но мы остаемся при прежнихъ нашихъ объясненіяхъ объ истинныхъ причинахъ войны; въ этихъ причинахъ не произошло ни малѣйшаго измѣненія, стало быть всѣ дипломатическіе фазисы этого дѣла представляются намъ касающимися только формъ и оставляющими безъ перемѣны сущность отношеній. Посмотримъ, что будетъ дѣлать конгрессъ; и если Сардинія въ союзѣ съ Наполеономъ III удержится отъ войны, мы скажемъ, что конгрессъ успѣлъ совершить немовѣрно трудный подвигъ.

Мы не считаемъ особенно полезнымъ дѣломъ перечитывать длинныя депеши, въ которыхъ обыкновенно очень тонко излагаются мелочи и совершенно умалчивается сущность дѣла; точно также едва-ли есть особенная надобность тратить время на угадываніе дипломатическихъ комбинацій и проектовъ, содержащихся въ секретѣ: то, что есть въ нихъ дѣйствительно важнаго, бываетъ обыкновенно извѣстно всѣмъ, а то, что остается секретомъ, относится почти всегда только къ формамъ, которыя не измѣняютъ сущности дѣла, каковы бы ни были. Такъ, два мѣсяца тому назадъ, мы не считали нужнымъ изслѣдовать, дѣйствительно ли заключенъ и въ какой формѣ заключенъ письменный трактатъ о союзѣ между Франціею и Пьемонтомъ на случай войны; мы полагали, что письменное условіе существуетъ, а въ какой формѣ и подъ какимъ заглавіемъ писано оно—это все равно; прибавляли даже, что еслибъ и не существовало особеннаго документа, устанавливающего такой союзъ, опять таки было бы все равно, потому что сущность союза была бы изложена и гарантирована въ какихъ нибудь нотахъ, не принадлежащихъ по своему заглавію къ такъ называемымъ трактатамъ. Намъ также не казалось полезнымъ напрягать усилія для отгадыванія формаль-

нихъ оговорокъ, подъ которыми Франція обѣщаетъ вооруженную помощь Сардиніи, потому что оговорки и условія перетолковываются такъ или иначе, исполняются или не исполняются сообразно съ отношеніями и событіями; извѣстными рѣшительно каждому читающему хотя бы Санктпетербургскія или Московскія Вѣдомости. Напримѣръ, вся равно, оборонительный и наступательный или только оборонительный союзъ заключенъ на бумагѣ: если будетъ выгодно подать помощь, то и наступательная война окажется оборонительной, а если невыгодно, то и въ оборонительной войнѣ окажутся обстоятельства, уничтожающіе приложимость договора. Мы говорили, что сущность дѣла при договорѣ и безъ договора, и при всякой формѣ договора остается одна и таже, извѣстная всѣмъ: Піэмонть хочетъ войны, французское правительство хочетъ помогать и ему и дѣйствительно будетъ помогать, если не возникнутъ событія, которыми уничтожилась бы надобность и возможность той политики, которую Наполеонъ III обнаружилъ на церемоніи 1 января; это равнодушіе къ дипломатическимъ тайнамъ оправдалось теперь фактами. Франція наконецъ призналась, что союзъ существуетъ, но что онъ только оборонительный; а съ тѣмъ вмѣстѣ слову оборонительный придается такое значеніе, что если Піэмонть двигнетъ свои войска въ Ломбардію и австрійцы будутъ принуждены обороняться, то все-таки будетъ объявлено, что Піэмонть ведетъ войну не наступательную, а только оборонительную: если такъ истолковываются формальныя условія трактатовъ, то не все ли равно, какъ если бы не существовало никакихъ условій и викакихъ трактатовъ, а дѣйствія сообразовались бы только съ отношеніями и выгодами? Въ сущности оно такъ и бываетъ. Мы упоминаемъ о нашихъ прежнихъ словахъ вовсе не для хвастовства проницательностью или предусмотрительностью: хвастаться намъ тутъ никакъ нельзя, во-первыхъ потому, что не мы сами изобрѣли соображенія, оказавшіяся вѣрными, а только нашли ихъ въ газетахъ, считающихся хорошими въ Западной Европѣ; во-вторыхъ, и газетамъ этимъ не было нужды въ особенной проницательности для представленія принятыхъ нами соображеній, естественно вытекающихъ изъ всѣхъ фактовъ новой политической исторіи. Мы только хотѣли привести примѣръ, которымъ оправдывался бы излагаемый нами теперь взглядъ на значеніе собирающагося нынѣ конгресса въ развитіи итальянскаго вопроса.

Мы хотимъ сказать, что и отъ этого конгресса, какъ ни важенъ кажется онъ, не должно ожидать сильнаго вліянія на ходъ событій, а тѣмъ менѣе надобно придавать особенную важность тѣмъ изъ относящихся къ нему подробностей, которыя еще не обнародованы. Корреспонденты газетъ могутъ представлять догадки и споры объ этихъ частностяхъ, но подобные толки пригодны только для занятія разговорами отъ нечего дѣлать.

Напримѣръ, гдѣ соберется конгрессъ? Въ Баденъ-Баденѣ, Брюсселѣ, въ Ахенѣ, какъ говорили прежнія извѣстія, или въ Карлсруэ, какъ утверждаютъ послѣднія извѣстія? Намъ кажется, что этимъ должны интересоваться только лица, которымъ надобно будетъ ѣхать въ городъ, избранный мѣстомъ конгресса; да и для нихъ вопросъ важенъ только въ томъ отношеніи, имѣетъ ли городъ этотъ хорошія гостиницы съ удобными квартирами, хорошъ ли климатъ въ городѣ и представляются ли въ его окрестностяхъ пріятные пейзажи.

зажи для прогулок. Какія лица будутъ уполномоченными на конгрессъ? Дѣйствительно ли сами министры иностранныхъ дѣлъ съѣдутся на совѣщаніе или вмѣсто нихъ будутъ засѣдать какіе нибудь другіе дипломаты? И это все равно: какъ бы то ни было, конгрессъ будетъ составленъ изъ уполномоченныхъ очень высокаго сана, т. е. будетъ имѣть очень высокую официальную торжественность. Но можетъ быть важнѣе вояросъ о томъ, составится ли конгрессъ только изъ уполномоченныхъ пяти великихъ державъ или будутъ допущены въ товарищи къ ихъ уполномоченнымъ уполномоченные Сардиніи? И если будутъ допущены сардинскіе уполномоченные, то съ полнымъ делиберативнымъ или только съ консультативнымъ голосомъ? И въ послѣднемъ случаѣ, будетъ ли данъ консультативный голосъ и другимъ итальянскимъ государствамъ? Или конгрессъ, составляемый исключительно пятью великими державами, предложитъ итальянскимъ государствамъ образовать отдѣльную конференцію, мнѣніи которой будутъ спрашиваться конгрессомъ, когда онъ почтетъ нужнымъ?— Обо всемъ этомъ спорять, какъ однажды при насъ очень образованные люди горячо спорили о томъ, надобно ли писать „Житомиръ“ или „Житоміръ“? Положительно утверждаютъ, что Франція требуетъ, а Австрія отвергаетъ допущеніе Сардиніи шестою державою въ конгрессъ съ делиберативнымъ голосомъ. Но что Франція хочетъ этого, а Австрія не хочетъ, это каждый изъ насъ могъ бы знать я самъ, хотя бы ни слова не говорилось о томъ въ газетахъ. Чѣмъ рѣшится это разнорѣчіе и другіе спорные пункты, рѣшительно все равно: хотя бы голосъ на конгрессѣ былъ данъ не только Сардиніи, но также Испаніи, Португаліи, Швеціи и даже княжествамъ Вальдекскому и Княиштаузенскому, все-таки ходъ переговоровъ будетъ исключительно зависѣть отъ расположеній пяти великихъ державъ; и наоборотъ, хотя бы Сардиніи не дали, не только делиберативнаго, но и консультативнаго голоса, все-таки каждая изъ пяти великихъ державъ будетъ сообразоваться въ своихъ расположеніяхъ съ силами и наклонностями тѣхъ второстепенныхъ государствъ, которыя замѣшаны, или могутъ быть замѣшаны въ это дѣло.

Но вромѣ вопросовъ о формѣ конгресса есть споры о томъ, каковы будутъ предметы его совѣщаній и изъ чему могутъ привести эти совѣщанія въ томъ случаѣ, если Франція и Піемонтъ найдутъ удобнымъ отказаться отъ разрѣшенія вопроса вооруженною рукою. Тутъ опять все существенное ясно изъ общеизвѣстныхъ фактовъ, а все составляющее дипломатическую тайну, вовсе не важно. Австрія согласилась участвовать въ конгрессѣ,—изъ этого видно, что суду конгресса будутъ подлежать, по его формальнымъ условіямъ, только итальянскія государства, а не сама Австрія: если бы конгрессъ собирався за тѣмъ, чтобы рѣшить, должна ли Австрія сохранить свои итальянскія провинціи, или должна возвратить имъ независимость, Австрія не согласилась бы на конгрессъ. И такъ конгрессъ собирается формальнымъ образомъ для разсмотрѣнія внутренняго положенія Папской Области, Тосканы и Модены, отчасти Неаполя и Пармы. Начнутъ разсужденіями о томъ, какія надобно сдѣлать улучшенія въ администраціи этихъ государствъ, чтобы правительства ихъ приобрѣли расположеніе своихъ подданныхъ и могли держаться на своихъ ногахъ, не опираясь на австрійскіе и французскіе штыки. Угодно ли знать, въ чему приведутъ эти совѣщанія? Подвергнутымъ обсужденію правительствамъ

даны будутъ совѣты двоякаго рода: во-первыхъ, исправить недостатки ихъ законодательства и администраціи, во-вторыхъ усилить и преобразовать военную силу для охраненія порядка при новыхъ законахъ и улучшенной администраціи. На первые совѣты итальянскія правительства дадутъ отвѣтъ, что въполнѣ имъ сочувствуютъ, во что, къ сожалѣнію, разныя неблагопріятныя обстоятельства препятствуютъ ихъ исполненію въ настоящее время; второй совѣтъ они также одобрятъ и по возможности исполняютъ его. Конгрессъ рѣшитъ, что такъ какъ второе дѣло, т. е. сохраненіе порядка, составляетъ основу первого, т. е. законодательныхъ улучшеній, то французскія и австрійскія войска должны быть выведены изъ итальянскихъ герцогствъ, изъ легатствъ, изъ Рима и Чивита-Веккиа, когда домашнія правительства этихъ земель устроятъ свои войска до надлежащей степени, и совѣтъ этимъ правительствамъ ускоритъ по возможности такое дѣло послужить заключеніемъ совѣщаній и рѣшеній конгресса по этому предмету.

Но ограничатся ли заявленія конгресса этииъ предметомъ?—Ни мало. Правда, по формальнымъ основаніямъ, принятымъ для конгресса Австрію и Францію, безъ сомнѣнія, опредѣлено, что не должно быть рѣчи о внутреннихъ дѣлахъ Австрій и Піэмонта, потому что оба эти государства—державы самостоятельныя, не нуждающіяся въ чужой помощи для охраненія порядка, стало быть вышательство другихъ державъ въ ихъ внутреннюю политику было бы нарушеніемъ этикета, принятаго такъ называемымъ международнымъ правомъ. Но это все равно. Сардинія и Франція отъ имени Сардиніи будутъ жаловаться на Австрію. Австрія на Сардинію. Обѣ стороны будутъ сваливать одна на другую необходимость вооруженій, сдѣланныхъ ими. Австрія будетъ говорить, что политика нынѣшняго сардинскаго кабинета противна спокойствію Европы, т. е. будетъ косвеннымъ образомъ предлагать замѣну Кавура предводителями правой стороны, которые сами по себѣ могутъ быть совершенно честны, но опираются на іезуитовъ и абсолютистовъ. Сардинія будетъ требовать въ управленіи ломбардо-венеціанскими провинціями такихъ измѣненій, при которыхъ Австрій не было бы подобности содержать въ Италіи сильную армію. Австрія на это будетъ отвѣчать, что сдѣлала все, что могла, что ни въ Ломбардіи, ни въ Венеціи нѣтъ недовольныхъ, а напротивъ всѣ очень довольны австрійскимъ правленіемъ, а что если есть между 5 милліонами ся итальянскихъ подданныхъ какихъ нибудь сотни двѣ недовольныхъ, то это люди безпокойнаго характера, дурныхъ мыслей, неблагонамѣренные иптригавты и честолюбцы, которыхъ никто изъ миланцевъ и венеціанъ не слушаетъ, и что сильную армію въ Италіи должна содержать она вовсе не по недовольству своихъ итальянскихъ подданныхъ, а только для огражденія себя отъ честолюбивыхъ замысловъ Піэмонта. Австрія имѣтъ 700,000 войска, стало быть вывести ее на иной путь нельзя иначе, какъ силою оружія. Съ Піэмонтомъ было бы можно справиться и такъ называемымъ моральнымъ принужденіемъ, но онъ опирается на Францію, стало быть и его нельзя словами сбить съ его увѣреній, что переимѣнитъ политику ему невозможно и что впрочемъ его политика совершенно миролюбива. Что же тутъ будетъ дѣлать конгрессъ? Разнорѣчіе такъ и остается разнорѣчіемъ; конгрессъ разойдется, склонивъ враждующія державы развѣ къ тому, чтобы та и другая сторона обѣщались не начинать военныхъ дѣйствій и отвести свои

войска на нѣсколько миль отъ границы. Только и сдѣлаетъ конгрессъ по этому вопросу, въ которомъ и заключается сущность дѣла. Впрочемъ напрасно мы говоримъ, что онъ сдѣлаетъ это, — это уже сдѣлано: общіянія не начинать войну даны съ обѣихъ сторонъ и посланы, или на дѣяхъ будутъ посланы приказанія тѣмъ или другимъ войскамъ отступить отъ границы. Стало быть въ сущности все уже сдѣлано, что могъ бы сдѣлать конгрессъ. Или нѣтъ, мы опять ошибаемся: онъ можетъ потребовать возобновленія и усиленія, какъ миролюбивыхъ общаній, такъ и приказаній объ отступленіи. Особенно послѣднее, вѣроятно, понадобится: извѣстно, что генералы по какой-то странности не всегда слушаются приказаній передаваемыхъ военными министрами по желанію министровъ иностранныхъ дѣлъ. Напримѣръ, австрійскому генералу Шварценбергу и прусскому генералу Йорку въ 1812 году много разъ приказывали дѣлать такъ, а они все-таки дѣлали иначе.

Словомъ сказать, конгрессъ — просто отерочка, на которую Австрія согласилась для того, чтобы не сказали, будто она отвергаетъ нуті къ примиренію, а Франція для того, чтобы занять чѣмъ нибудь время до тѣхъ поръ, пока Франція сообразитъ, удобно ли ей начинать войну, или, если она уже рѣшила это, то пока она кончитъ свои вооруженія и устроитъ свои отношенія къ другимъ державамъ такъ, какъ ей хочется.

Всѣ эти отношенія остаются совершенно въ прежнемъ видѣ, кромѣ развѣ той перемѣны, что три великія державы, являющіяся посредниками, тѣснѣе сблизились между собою. Но мы выражаемся объ этомъ фразою вовсе не положительною: чтобы говорить навѣрное, нужно было бы точнѣе, нежели мы знаемъ, знать взглядъ одной изъ великихъ державъ на политику Франціи въ настоящую минуту. Вотъ это единственный неизвѣстный вавѣрное пунктъ дѣла, а многое отъ него зависитъ, потому что если бы между тремя державами было то же согласіе, существованіе котораго извѣстно о двухъ изъ нихъ, именно объ Англіи и Пруссіи, то шансы мира нѣсколько увеличивались бы.

Впрочемъ и тутъ мы ошибаемся. Настоящее расположеніе нейтральныхъ державъ извѣстно съ достаточной точностью, и говоря о томъ обстоятельствѣ, отъ котораго увеличивались бы шансы мира, можно только желать его въ будущемъ, потому что, если бы совершенное согласіе между нейтральными державами существовало теперь, этотъ фктъ не могъ бы скрываться и двухъ недѣль: газетныя извѣстія обнаружили бы его тотчасъ же, а пренія въ англійскомъ парламентѣ черезъ нѣсколько дней подтвердили бы достоверность слуховъ. Но этого нѣтъ, а напротивъ несомнѣнные признаки показываютъ, что нейтральныя державы держатся въ различныхъ положеніяхъ относительно распрей между Франціею и Австріею.

Потому надобно думать, что согласіе на конгрессъ еще не уменьшаетъ вѣроятность войны. Такой взглядъ на положеніе дѣлъ подтверждается и состояніемъ курсовъ: они не поднимаются, или поднявшись тотчасъ же падаютъ; это значитъ, что западныя биржи мало вѣрятъ въ близость примиренія. Другимъ свидѣтельствомъ рѣшимости на войну служатъ то, что Франція не останавливаетъ своихъ вооруженій, напротивъ въ послѣднее время сдѣлавъ распоряженія, еще ярмѣе прежнихъ указывающія на близость войны. Французскія войска сосредоточиваются на югѣ все въ большемъ количествѣ. Говорятъ, что теперь въ Ліонѣ и въ

окружности его расположено до 120,000 человекъ, которые могутъ быть собраны въ одну массу въ теченіе 12 часовъ. Изъ Алжирѣ продолжаютъ перевозить во Францію самыя отборныя боевыя войска; между прочимъ привезены туркоки, стрѣлки изъ алжирскихъ туземцевъ, вѣчто въ родѣ прежнихъ зуавовъ. До сихъ поръ туркоки не были выводимы изъ Алжирѣ, и надобно полагать, что ихъ не стали бы тревожить понапраску. Наконецъ надобно замѣтить, что во всѣхъ французскихъ пѣхотныхъ полкахъ формируются теперь четвертые батальоны. О томъ, что продолжаютъ вооруженія въ Сардиніи и соответственныя имъ вооруженія въ Австріи, не надобно и говорить.

Словомъ сказать, у Франціи и у Сардиніи остаются прежнія побужденія къ войнѣ, стало быть вѣроятность войны остается прежняя. Въ какомъ-то салонѣ Гизо очень мѣтко характеризовалъ необходимость воинственной политики для нынѣшней французской системы словами: „c'est une impossibilité inévitable“ — „это неизбежная невозможность“. Дѣйствительно, вести войну противъ желанія націй, войну, въ которой союзниками Австріи будетъ Пруссія, Англія и вся Германія, и притомъ такую войну, которая разбудитъ въ Италіи принципы, противоположныя основаніямъ нынѣшней французской системы — это очевидная невозможность; но въ то же время безъ войны обойтись нельзя, она представляется единственнымъ средствомъ продлить существованіе нынѣшней системы. Положеніе очень затруднительное, и какъ выйти изъ него Франція, мы не знаемъ. Правда, есть выходъ, — устраненіе изъ французской жизни элементовъ, своимъ противорѣчіемъ съ ея потребностями ведущихъ ее на войну, которая бы своимъ шумомъ заглушила противорѣчія. Есть причины думать, что этотъ выходъ ближе, нежели обыкновенно полагаютъ. Усилія нейтральныхъ державъ могутъ отсрочить войну на три, на четыре мѣсяца; тогда будетъ поздно начинать походъ и Франція можетъ сказать, что, твердо рѣшившись на войну, она откладываетъ ее до весны. Это будетъ средствомъ продолжить шумъ вѣшной политики, т. е. уклониться на нѣкоторое время отъ невозможности, соединенной съ неизбежностью; это многіе находятъ правдоподобнымъ. Но если бы случилось такъ, то въ теченіе года могли бы исчезнуть изъ французской жизни элементы, ведущіе къ войнѣ, потому что ихъ недолговѣчность обнаруживается. Если же нѣтъ, — война остается неизбежностью. Близости измѣненія, о которомъ мы говоримъ, вѣрять не многіе; но случиться ему не такъ трудно, какъ полагаютъ поверхностные наблюдатели. Мы возвратимся къ этому предмету впоследствии, а теперь обратимся къ событіямъ во внутренней политикѣ другой державы, которая споритъ съ Франціей за политическое преобладаніе въ Западной Европѣ.

Теперь (26 марта) мы еще только по телеграфическимъ депешамъ знаемъ, что англійское министерство, потерѣвъ пораженіе по вопросу о реформѣ, объявило, что распустить парламентъ. Мы еще не имѣемъ подробныхъ извѣстій о томъ, какія позиціи приняты были разными партіями въ послѣднюю минуту борьбы и въ какомъ положеніи каждая изъ нихъ увидѣла себя по окончаніи битвы. Мы можемъ пока довести рассказъ о формальныхъ дѣйствіяхъ въ залѣ Палаты Общинъ только до дая подачи голосовъ о предложеніи Росселя; свѣдѣнія наши о развитіи внутренней стороны этого во-

проса кончаются еще двумя или тремя днями раньше, но если мы принуждены отложить до следующего раза многія подробности, которыя были бы очень умѣстны здѣсь, то все-таки можемъ уже довольно отчетливо понимать положеніе дѣла, о которомъ сообщены отрывочныя извѣстія телеграфическими депешами.

Читатель знаетъ, что торійское министерство держалось только помощью независимыхъ либераловъ, которые получали отъ него больше уступокъ, нежели выѣли отъ Пальмерстона: знаетъ также, что когда въ рѣшительномъ дѣлѣ, въ биллѣ о реформѣ, Дербн и Д'Израэли выказали наковецъ свою натуру, т. е. отсталость и обскурантизмъ, независимые либералы, въ лицѣ Робекка, объявили, что лишать ихъ своей поддержки, если они не покаются въ своихъ грѣхахъ. Читатель знаетъ также, что предводителемъ парламентской оппозиціи противъ билля явился Россель, отгѣснивъ Пальмерстона на второй плапъ. Независимые либералы, какъ мы говорили, обѣщали ему поддержку, чтобы отвергнуть торійскій билль. Теперь видно, что послѣ того между Росселемъ, т. е. партією чистыхъ виговъ, и Брайтомъ, т. е. независимыми либералами, велись переговоры о томъ, что дѣлать послѣ пораженія торійскаго министерства. Брайтъ указывалъ сущность этихъ переговоровъ, когда на митингѣ въ Манчестерѣ (17 марта) объявлялъ, что лордъ Россель можетъ, если ему угодно, сдѣлаться главою министерства, но что необходимымъ условіемъ къ тому ставится для него принятіе въ кабинетъ новыхъ людей, составленіе такого кабинета, который бы не имѣлъ исключительнаго аристократическаго характера, до сихъ поръ принадлежавшаго вѣкъ безъ исключенія англійскимъ кабинетамъ. Это значило, требовать отъ Росселя слишкомъ далекаго отступленія отъ аристократическихъ обычаевъ. Черезъ нѣсколько времени вигамъ вельзя будетъ обойтись безъ такой уступки, но теперь они не согласились на нее, не захотѣли впустить въ кабинетъ Брайта и Робекка за то Брайтъ и Робекъ не отворили имъ самими двери въ кабинетъ. Это одно изъ трехъ обстоятельствъ, объясняющихъ развязку битвы. Не смотря на всѣ взаимныя огорченія, которыя Россель и Пальмерстонъ наносили другъ другу, Россель все-таки предпочелъ, разорвавъ переговоры съ Брайтомъ, начать переговоры съ своимъ соперникомъ между вигами. И тутъ дѣло не удалось, чего и слѣдовало, разумѣется, ожидать: Россель и Пальмерстонъ оба были первыми министрами, оба хотѣли вступить въ кабинетъ не иначе, какъ первыми министрами. Исторію ихъ переговоровъ довольно забавно изложилъ The Weekly Magazine въ шутливомъ стихотвореніи „Политическое сліяніе“, The Political Fusion:

«Пальмерстонъ сказалъ Росселю:—Джонъ, мы слишкомъ долго оставались врагами; вотъ теперь есть намъ обоимъ случай послужить отечеству и королевѣ,—не собѣ самими послужить,—въ насъ нѣтъ никакихъ личныхъ мыслей. (Тутъ онъ подпоргулялъ). Мы не ищемъ власти, Джонъ.

Тогда Россель сказалъ Пальмерстону:—Одобряю твою мысль; соединившись, мы легко столпимъ лорда Дербн съ должности: разумѣется, для сдѣлаемъ это не изъ желанія получить нѣсто; такого своекорыстія мы стыдился бы. (Тутъ онъ тоже подпоргулялъ). Единственная наша цѣль быть полезными отечеству.

— Хорошо, сказалъ Пальмерстонъ, схвативъ руку Росселя:—наконецъ-то мы

поняли другъ друга, и я горжусь тѣмъ. На это Россель сказалъ Пальмерстону: — Имъ тотчасъ же устроить эту штуку и въ минутѣ выгонимъ дербистовъ.

— А кто же будетъ первымъ министромъ, сказалъ Пальмерстонъ: — значить я? — Ну вотъ, послѣднѣе возражалъ Россель. — Я рѣшительно не вижу, почему же ты; развѣ я хуже тебя? — Гораздо лучше меня ты, Джонъ, но министромъ внутреннихъ дѣлъ ты будешь чрезвычайно дѣльнымъ.

— Нѣтъ, ты, милый Пальмерстонъ, самая яркая звѣзда въ иностранной политикѣ. Не скромничай, мой другъ; все свѣтъ знаетъ это. Такъ вотъ, я буду первымъ министромъ, а ты занимайся иностранными дѣлами. — Ну нѣтъ, братъ, погоди, возразилъ Пальмерстонъ.

И могъ бы произойти изъ этого жаркій споръ, но Пальмерстонъ быстро вытаскилъ изъ кармана пенни и бросилъ вверхъ. — «Рѣшотка», сказалъ Россель. Пронгнись или выигрышь выдалъ ему — это мы скажемъ, когда они войдутъ въ кабинетъ».

Отъ исторической истины отступаетъ этотъ рассказъ только тѣмъ, что Россель и Пальмерстонъ не придумали разрѣшить спорнаго пункта посредствомъ орлянки. До послѣдней минуты Пальмерстонъ оставался праждебенъ Росселю и на этомъ основывалась надежда Дербі получить отъ него защиту. Это было вторымъ обстоятельствомъ, опредѣлившимъ развязку дѣла.

Впрочемъ не надобно обольщаться этими насмѣшками и вѣрить, что въ самомъ дѣлѣ споръ, напримѣръ, между Росселемъ и Пальмерстономъ за то, кому быть первымъ министромъ, относится исключительно или главнымъ образомъ къ личному честолюбію. Оно можетъ играть тутъ свою роль, но просторъ для него не великъ: за тѣмъ и за другимъ предводителямъ стоять партія, политику которой онѣ обязаны проводить; эта партія рѣшаетъ, какъ долженъ дѣйствовать ея предводитель во всѣхъ важныхъ случаяхъ, и его личное честолюбіе служить, какъ и его таланты, только орудіемъ къ осуществленію известной политики. Общая политика кабинета опредѣляется мнѣніями перваго министра, т. е. той партіи, которая дѣйствуетъ черезъ него. Переговоры шли о томъ, которому изъ двухъ отдѣловъ вигистской партіи взять перевѣсъ надъ другимъ, и могутъ ли они примириться на столько, чтобы одинъ отдѣлъ видѣлъ исполненіе своихъ основныхъ убѣжденій въ дѣйствіяхъ другаго. Если бы партіи сошлись въ своихъ убѣжденіяхъ, онѣ заставили бы своихъ предводителей примириться или отвергли бы ихъ. Въ дальнѣйшемъ рассказѣ будетъ примѣръ того, какъ личныя желанія предводителя партіи должны смиряться передъ требованіемъ партіи, представителемъ которой онъ служитъ. Если нельзя считать личное честолюбіе важнымъ двигателемъ даже во взаимныхъ отношеніяхъ партій, столь мало разнящихся по убѣжденіямъ, какъ палмерстоновскіе и росселевскіе виги, то еще гораздо менѣе участіе личнаго честолюбія въ борьбѣ или переговорахъ партій, существенно разнящихся между собою по убѣжденіямъ, какъ напримѣръ тори и виги или виги независимые либералы. Само собою разумѣется, что если Россель, т. е. его отдѣлъ виговъ не согласился дать Брайту и Робеку тѣхъ мѣстъ въ кабинетѣ, которыхъ они требовали, тутъ вопросъ былъ не о томъ, что нѣкоторымъ значительнымъ вигамъ, по личному расчету, непріятно было отдать другимъ людямъ министерскія мѣста, кандидатами на которыя считали они себя, — еслибъ они лично и подчинялись такому своекорыстію, партія умѣла бы укротить его, или обратить непокорныхъ въ совершенное ничтожество. А у

Робека или Брайта личное честолюбіе уже совершенно исчезает передъ торжествомъ принципа: Кобдена или Брайта ввести въ кабинетъ, это все равно и для Кобдена и для Брайта; тутъ дѣло не въ томъ, я или ты получаешь личное возвышеніе, а только въ томъ, что получаетъ правительственную силу принципъ, защищаемый обоими. Точно также, если бы, напримѣръ, велись переговоры между вигами и тори, важность была бы не въ томъ, Дербі или Д'Израэли требуетъ себѣ вѣстнаго мѣста, а только въ томъ, дается ли извѣстное мѣсто, все равно, — тому или другому изъ нихъ. При всемъ своемъ честолюбіи Д'Израэли долженъ былъ бы совершенно забыть тутъ личный вопросъ.

Къ литературнымъ дѣламъ мы нѣсколько привычнѣе, нежели къ политическимъ, и потому характеръ подобныхъ сближеній, переговоровъ и разрывовъ мы можемъ до нѣкоторой степени объяснить, сравненіемъ ихъ съ литературными случаями. Положимъ, напримѣръ, что основывается новый журналъ; положимъ, что его редакторомъ дѣлается человѣкъ такъ называемыхъ западныхъ мнѣній. Если онъ приглашаетъ къ участію въ журналѣ кого нибудь изъ славянофиловъ, это значить не то, что между ними существуютъ личные хорошія отношенія, а только то, что журналъ по обстоятельствамъ времени хочетъ защищать такіе принципы, которые выше предметовъ несогласія между обѣими партіями, напримѣръ, гласность, или освобожденіе крестьянъ, или улучшеніе судоустройства, и не будетъ обращать почти никакого вниманія на тѣ предметы, въ которыхъ двѣ партіи не согласны. Если кто нибудь изъ славянофиловъ принимаетъ предложеніе, это значить, что вся партія его одобряетъ образъ дѣйствія, предполагаемый журналомъ. Само собою разумѣется, мы предполагаемъ приглашающаго редактора и приглашаемыхъ сотрудниковъ людьми дѣльными, пользующимися значительнымъ положеніемъ въ своей партіи: о людяхъ ничтожныхъ никто не хлопочетъ, никто ихъ не приглашаетъ и никто не принимаетъ приглашеній, дѣлаемыхъ ими. Посмотримъ же теперь, могутъ ли имѣть личные расчеты важное мѣсто въ такомъ дѣлѣ. Что было бы, напримѣръ, еслибы сотрудникъ славянофиль согласился участвовать въ журналѣ не для проведенія мыслей, которымъ сочувствуетъ его партія, а только во денежнымъ выгодамъ или по тщеславію, т. е. если бы онъ принялъ участіе въ журналѣ безъ одобренія своей партіи. Люди, сочувствующіе славянофиламъ, не сочувствовали бы тогда журналу; сотрудникъ былъ бы бесполезенъ для журнала, т. е. игралъ бы въ немъ жалкую роль; даже его тщеславіе было бы разочаровано, и онъ скоро бы отказался, если бы еще раньше того редакторъ не отказалъ ему, какъ человѣку бесполезному. Такимъ образомъ, даже тутъ, въ дѣлѣ маловажномъ по сравненію съ управленіемъ національною политикою, личные отношенія и расчеты не могутъ имѣть важнаго значенія передъ интересами принциповъ. Нѣчто подобное, только въ гораздо значительнѣйшихъ размѣрахъ, бываетъ сущностью переговоровъ между важными людьми политическихъ партій въ Англіи при составленіи министерства.

Быть можетъ мы слишкомъ заботились о разъясненіи отношеній, изъ которыхъ возникли два обстоятельства, имѣвшія вліяніе на развязку прерій по биллю о реформѣ. Мы хотѣли показать, что въ переговорахъ между Росселемъ и Брайтомъ, между Росселемъ и Пальмерстономъ

о составленіи новаго министерства, дѣло шло не о личныхъ отношеніяхъ, а собственно о степени вліянія, какое должны имѣть на политику составляющагося кабинета различные политическіе принципы. Если одинъ требовалъ себѣ и своимъ приверженцамъ извѣстныхъ мѣстъ въ кабинетѣ, другой не находилъ возможнымъ пожертвовать этими мѣстами, желая оставить ихъ за собою и своимъ кандидатами, — лица тутъ были только представителями принциповъ; вопросъ объ извѣстныхъ мѣстахъ для лицъ былъ вопросомъ о степени вліянія принциповъ извѣстной партіи на политику. Быть можетъ, читателю не было надобности въ нашихъ объясненіяхъ, чтобы не ошибаться въ этомъ и не предполагать силы личныхъ отношеній и расчетовъ тамъ, гдѣ говорится у насъ о лицахъ. Фамілія тутъ служить только для краткости выраженія вмѣсто словъ „партія, имѣющая такіа-то убѣжденія и выбравшая своимъ органомъ такого-то человѣка“. Третье обстоятельство, имѣвшее вліяніе на развязку дѣла, будетъ ясно для каждаго безъ всякихъ объясненій.

При неизвѣстности того, войною или миромъ разрѣшится итальянскій вопросъ, и въ Англіи, какъ повсюду, люди совершенно одинаковыхъ мнѣній обо всемъ могутъ думать различно о степени вѣроятности того или другаго рѣшенія. Это зависитъ отъ степени оптимизма или пессимизма въ характерѣ и отъ степени личнаго знакомства съ европейскими дипломатическими отношеніями. Если предполагать, что война не только неизбежна, но и не будетъ отсрочена на три-четыре мѣсяца, а вспыхнетъ на дняхъ, то конечно англичанинъ не долженъ желать распушенія парламента, потому что присутствіе парламента вовсе не ослабляетъ правительство, или, по англійскому выраженію „корону“, какъ у насъ многіе полагаютъ по совершенному незнанію, а напротивъ — чрезвычайно усиливаетъ могущество „короны“. Королева Викторія и ея королевство не имѣли бы и половины того могущества, какимъ теперь обладаютъ, если бы у нихъ не было парламента. У насъ все думаютъ только о томъ, что парламентъ стѣсняетъ министерство, или по англійскому выраженію „правительство“ и „администрацію“. Напротивъ. Повелѣніе, подписанное Наполеономъ III, не имѣетъ во Франціи десятой части той дѣйствительной силы, какъ повелѣніе, принятое королевою Викторією въ Англіи. Для людей, обманываемыхъ формами, это кажется странно; но стоитъ только подумать о сущности дѣла и мы увидимъ, что оно такъ, и непременно должно быть такъ. Фульдъ или Валуевскій очень часто въ душѣ не желалъ бы исполненія тѣхъ мѣръ, исполненіе которыхъ поручается имъ. Какъ же будутъ исполнены эти мѣры? Обыкновенно исполняются онѣ безъ усердія, часто искажаются, еще чаще исполняются только для формы, такъ что на дѣлѣ производится вовсе не то, о чемъ отдано приказаніе и объ исполненіи чего подается отчетъ на бумагѣ. Франція въ значительной степени имѣетъ право называться бумажнымъ царствомъ. Подумаемъ только о томъ, какому ослабленію, искаженію и пренебреженію должно подвергаться тамъ въ исполненіи каждое дѣло, проходя по разнымъ инстанціямъ, сверху внизъ, когда самъ министръ часто дѣлаетъ подъ рукою все возможное для ослабленія мѣры, когда изъ 87 префектовъ половина враждебна въ душѣ министру, другая половина считаетъ

себя умнее его, и когда все они знают, что даже самый министр требует исполнения только на бумаге, и когда наконец каждый префект находится к исполнителям, своим подчиненным, в таком же положении, как министр к префектам, т. е. должен действовать через людей, ни мало не сочувствующих ни ему, ни предмету его приказаний. Правительство действует в потемках, не зная, на кого может положиться, и в большей части случаев не имеет усердных исполнителей, не имея в то же время и средств удостовериться, действительно ли приказания исполняются. Ничего подобного, никакой подобной путаницы и безсилія, нет при парламенте. Каждое распоряжение принимается цѣлою партіею, т. е. безчисленным множеством людей во всехъ классахъ общества, какъ личное дѣло каждого изъ нихъ; и каждый изъ нихъ всячески содѣйствуетъ надлежащему его исполненію. Обязательство въ этомъ уже напередъ дано ими, еще до обнародованія распоряженія и дано оно съ дѣйствительнымъ желаніемъ дать и исполнить его. Опора парламента такъ сильна, что правительство или „корова“ замѣтно ослабѣваетъ даже въ тѣ короткіе промежутки, которые бываютъ между сессіями парламента. Два или три мѣсяца тому назадъ „корова“ удостовѣрилась, что ея повелѣнія исполняются усердно и добросовѣстно; но этого короткаго періода бываетъ достаточно, чтобы она утратила часть той основательной самоувѣренности, которая сообщалась ей присутствіемъ парламента. И только, когда она соберется снова, чувствуетъ она возвращеніе своей прежней силы.

Шумъ производить вообще только тѣ дѣла, относительно которыхъ мнѣніе не установилось; въ чемъ все согласны, о томъ не бываетъ длинныхъ разговоровъ. Потому и до нашего слуха доходятъ только тѣ дѣла парламентской жизни, въ которыхъ парламентъ раздѣленъ на партіи; но не должно забывать, что кромѣ этихъ шумныхъ дѣлъ происходитъ множество другихъ гораздо важнѣйшихъ, о которыхъ никто не споритъ, въ которыхъ „корова“ не слышитъ отъ парламента ничего, кромѣ единодушнаго одобренія и искреннихъ обѣщаній его сильной помощи. Читатель можетъ вспомнить, какъ парламентъ отиѣчалъ на изложеніе дѣйствій „короны“ по итальянскому вопросу: члены всехъ партій въ одинъ голосъ сказали „да, совершенно такъ; каждый изъ насъ дѣйствовалъ бы точно также, мы все содѣйствуемъ „коровѣ“ и чтобы ей ни понадобилось, она ни въ чемъ не будетъ имѣть недостатка“. Объ этомъ случаѣ мы узнали, потому что имъ интересуется не одна Англія, но и весь континентъ; но каждый день рѣшаются съ такимъ же согласіемъ дѣла, не касающіяся до другихъ державъ и важныя только для самой Англіи. Напримѣръ, все суммы, нужныя правительству, вообще получаютъ безъ всякаго затрудненія.

Но возвратимся къ нашему разсказу. Мы видѣли, что въ присутствіи парламента правительство гораздо сильнѣе и смѣлѣе, нежели въ тѣ промежутки, когда оно не можетъ ежедневно удостовѣряться въ сочувствіи предсавителей націи. Поэтому люди, ожидающіе войны на дняхъ, не хотѣли бы поставить вопросъ о реформѣ такъ, чтобы отъ него произошелъ перерывъ въ засѣданіяхъ парламента; хотѣли бы придать ему такой мягкій оборотъ, чтобы министерству не было надобности распускать нынѣшній парламентъ и

назначать новые выборы; а распушение парламента представлялось однимъ изъ шансовъ, возникающихъ отъ принятія большинствомъ такихъ предложеній, на которые министерство не изъявило своего согласія. Такіе люди были и между вигами и между торі; но торі и безъ того подавали голосъ за министерство; виги все-таки должны были поддерживать предложеніе, относящееся къ замѣненію торійскаго министерства ихъ собственнымъ. Потому вліяніе на способъ подачи голосовъ могло оказываться отъ этого обстоятельства только между независимыми либералами. Когда разстроились ихъ переговоры съ Росселемъ, т. е. вступленіе ихъ самихъ въ кабинетъ, они остались равнодушными къ вопросу о перемѣнѣ министерства, и нѣкоторые изъ нихъ рѣшились подать голосъ за торійское министерство только для того, чтобы правительство не оставалось безъ помощи парламента въ столкновенияхъ по итальянскому вопросу. Важнѣйшимъ изъ такихъ людей былъ Робекъ.

Имѣя въ виду три обстоятельства, изложенныя нами, можно довольно ясно понимать причины, которыми была приведена развязка дѣла, противникамъ и желаніямъ министерства, и желаніямъ по крайней мѣрѣ двухъ третей членовъ Палаты Общинъ.

Въ парламентскихъ преніяхъ прежде всего обнаружилось вліяніе послѣдняго изъ обстоятельствъ, замѣченныхъ нами. Еще задолго до собранія парламента, на шеффилдскомъ митингѣ по вопросу о реформѣ, Робекъ, депутатъ Шеффилда, уже выразилъ свое мнѣніе, что итальянскій вопросъ своему затруднительностью долженъ въ совѣщаніяхъ парламента взять верхъ надъ дѣломъ о реформѣ. Онъ полагалъ даже, что парламентъ, развлеченный войною, не усѣетъ заняться реформою. Война не вспыхнула такъ рано, какъ онъ опасался, но все-таки онъ думаетъ, что со дня на день надобно ждать ея, и потому присутствіе парламента необходимо для «короны». Когда приблизился срокъ, назначенный для преній о предложеніи Росселя, которымъ могло быть министерство низвергнуто или принуждено распустить парламентъ, Робекъ почелъ своею обязанностью сдѣлать усиліе для предотвращенія такой необходимости. За три дня до начала преній о предложеніи Росселя онъ сказалъ, что хочетъ обратиться съ совѣтомъ къ лорду Росселю и къ министерству. Образъ дѣйствій, принятый лордомъ Росселемъ, сказалъ онъ, долженъ повести къ перемѣнѣ министерства или распушенію парламента.

«Перехѣвъ министерства при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, — продолжалъ онъ, — можетъ произвестъ страшныя бѣдствія на континентѣ; распушеніе парламента можетъ проавестъ немедленный взрывъ войны. Почему такъ, позвольте мнѣ объяснить. Европа не понимаетъ Англіи. Она подумаетъ, что отъ распушенія Палаты Общинъ всѣ партіи разстроились въ своихъ отношеніяхъ и что исчезло могущество общественнаго мнѣнія въ Англіи, а миръ въ Европѣ держится силою англійскаго общественнаго мнѣнія (аплодисменты). Если только Европа подумаетъ, что сила эта исчезла, на другой же день возникнетъ хаосъ и кровопролитіе въ нѣтой Европѣ (браво!). Сильно занятый этими соображеніями, я прошу благороднаго лорда (Росселя) «ставить тотъ путь, по которому онъ хотѣлъ идти. Отъ него зависятъ теперь судьбы нашей земли, и путь, имъ избранный, можетъ навлечь на насъ несчастныя бѣдствія».

Потому Робекъ просилъ Росселя поступить теперь такъ, какъ онъ поступилъ въ прошедшемъ году въ индійскомъ вопросѣ. Индійскій билль Дерби,

также как теперь вопрос о реформѣ, возбудилъ противъ себя неудовольствіе въ большинствѣ палаты. Чтобы дать министерству возможность избѣжать формальнаго порицанія палаты, Россель предложилъ ей, прежде нежели займется она этимъ биллемъ, обсудить, независимо отъ него, важѣйшія стороны дѣла, чтобы министры могли составить новый билль сообразно этимъ рѣшеніямъ. Такимъ образомъ законъ былъ составленъ въ смыслѣ большинства, противнаго первоначальнымъ идеямъ министерства, а министры все-таки избѣжали формальнаго столкновенія съ большинствомъ, и не нужно было имъ ни выходить въ отставку, ни распускать парламентъ. Робекъ просилъ Росселя и теперь поступить подобнымъ образомъ, т. е. 21 марта, въ день назначенный для втораго чтенія билля, предложить парламенту вмѣсто преній о биллѣ заняться составленіемъ отдѣльныхъ рѣшеній по главнымъ пунктамъ вопроса. Россель не согласился, но министерство чрезвычайно ободрилось несогласіемъ Робека на образъ дѣйствій Росселя. Оно получило надежду, что онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими независимыми либералами, будетъ востеривать противъ Росселя, и что, благодаря этому отпаденію, Россель останется въ меньшинствѣ.

Потому министерство отказалось отъ мысли объ уступчивости, которой хотѣло держаться. Оно предполагало, пользуясь неудачей Росселя и Пальмерстона въ составленіи условій, при которыхъ они оба могли бы войти въ кабинетъ, объявить, что какія бы поправки ни были сдѣланы при комитетскомъ совѣщаніи въ его биллѣ, оно ни одной изъ этихъ поправокъ не приметъ за существенно враждебную. Виги, не имѣя возможности составить кабинета, должны были бы принять такое объясненіе, и торійское министерство, не подвергнувшись формальному порицанію, удержалось бы въ кабинетѣ. Теперь торіи сдѣлались отважными. Они предположили, что если объявить свое намѣреніе считать принятіе Росселевой поправки за прямое порицаніе своему биллю, то большинство отвергнетъ эту поправку, потому что слѣдствіемъ ея при такомъ объявленіи было бы нѣ паденіе министерства или распушеніе парламента. Но было извѣстно, что ниги не могутъ составить новаго кабинета, стало быть необходимо оставаться прѣжнему кабинету за недостаткомъ другаго, стало быть изъ двухъ шансовъ остается только одинъ, именно распушеніе парламента; а именно этого опасаются нѣкоторые независимые либералы, стало быть подадутъ голову противъ Росселя.

Настало 21 марта. Всѣ, кто могъ, явились въ Палату Общинъ посмотрѣть на ходъ борьбы. Палата Лордовъ, хорошо чувствующая не слишкомъ большую важность свою, посидѣла въ своей залѣ всего съ небольшимъ часъ и поспѣшила кончить свои блѣдныя пренія, чтобы всею массою посмотрѣть на истинныхъ владыкъ Англіи въ Палатѣ Общинъ. Лордовъ пришло столько въ Палату Общинъ, что не достало имъ мѣстъ въ назначенной для нихъ галлерей. Каждое засѣданіе начинается представленіемъ просьбъ, такъ что лорды успѣли видѣть весь спектакль; просьбъ было множество, и все по вопросу о реформѣ, и все противъ министерскаго билля. Рѣдкій депутатъ явился безъ такого приношенія президентскому столу. И торійскіе депутаты гѣсли, бѣдняжки, эти смертоносныя для нихъ послышки отъ своихъ избирателей. Вотъ всталъ Россель. Братья и независимые либералы привѣтствовали

его громкими аплодисментами; не отступившись от своего предложѣнія, онъ помогалъ ихъ дѣлу сильнѣе, нежели самъ предполагалъ, какъ мы увидимъ. Пальмерстоновскіе виги не аплодировали теперь, да и въ продолженіе рѣчи аплодировали рѣдко, только изъ приличія. Послѣ длиннаго разбора основныхъ постановленій министерскаго билля, онъ заключилъ: „словомъ сказать, я долженъ объявить прямо, что билль, предложенный Палатѣ, я считаю мѣрою самого вреднаго, оскорбительнаго и опаснаго характера“. Раздалися продолжительные аплодисменты. Объяснивъ, почему предложилъ только поправку ко второму чтенію, а не прямое отверженіе билля ¹⁾, онъ продолжалъ: „да, бесполезно передавать въ комитетъ этотъ билль; и замѣчанія, сдѣланныя мнѣ уважаемымъ другомъ (Робекомъ), не заставляютъ меня измѣнять своего образа дѣйствій. Онъ говорилъ, что если мы остановимъ ходъ министерскаго билля, результатомъ этого можетъ быть распушеніе парламента.— я не пугаюсь этого. Я думаю, что при вопросѣ, отъ котораго зависитъ судьба наша и нашихъ потомковъ, останавливаться страхомъ распушенія или какой нибудь опасности, угрожающей нашимъ иностраннымъ дѣламъ, было бы совершенно недостойно насъ (браво!). Если наше рѣшеніе будетъ противно прозку министровъ, пусть они поступаютъ, какъ имъ покажется лучше. Если они почтутъ полезнымъ распустить парламентъ, чтобы узаконить мнѣніе народа объ этомъ вопросѣ, то,—не знаю, какъ другіе, а я не побѣю этой аппеляціи (аплодисменты). Пусть они выставятъ свой билль на нѣхъ избирательныхъ эстрадахъ Англіи и посмотрятъ, какой отвѣтъ имъ будетъ данъ (браво, браво!). И если агитація возрастетъ отъ этого, если общіе выборы породятъ требованія обширѣйшія нынѣшнихъ, отвѣтственность за то будетъ на министрахъ, а не на насъ (аплодисменты). А по отношенію къ опасно-

¹⁾ Противъ этого способа дѣйствій было много порицаній со стороны торі. Они говорили, что если билль, по мнѣнію Росселя, дуренъ, то надобно было прямо отвергнуть его, а не предлагать поправку къ предложенію о второмъ чтеніи. Россель отвѣчалъ на это, что въ биллѣ есть кое-что хорошее, именно пониженіе ценъ въ графствахъ, но существенный характеръ его дуренъ. Предлагать простое отверженіе значило бы вмѣстѣ съ дурнымъ отвергать и хорошее; притомъ простое отверженіе не указывало бы, что именно дурно въ биллѣ. Предложеніе, мною сдѣланное,—говорилъ онъ,—прямо указываетъ это дурное и положительно опредѣляетъ, каковъ долженъ быть характеръ билля, требуемаго Палатою. Читатель помнитъ, что предложеніе Росселя было: „Палата Общія думаетъ, что несправедливо и неблагоуразумно (politic) поступать по способу, предложенному настоящимъ биллемъ, съ существующимъ правомъ фригальдеровъ имѣть голосъ въ графствахъ, и что Палата и нація не удовлетворяются никакимъ измѣненіемъ избирательнаго права, не вводящимъ въ графствахъ и городахъ разширенія права голоса въ размѣрѣ болѣе значительномъ, нежели какой предлагается настоящимъ мѣрою“. Съ формальной стороны Россель достаточно оправдалъ свой образъ дѣйствій; но существенная причина тутъ была другая: предложеніе, сдѣланное Росселемъ, скорѣе могло получить большинство, нежели простое предложеніе отвергнуть билль. Пальмерстонъ и его друзья могли бы сказать, что предпочитаютъ извѣстное, мѣрое, хотя не совсѣмъ хорошее, совершенной неизвѣстности; могли бы сказать: вы отвергаете билль, но чѣмъ же вы хотите его замѣнить? Теперь у нихъ не было этого предлога отделиться отъ Росселя. Притомъ предложеніе оставило министрамъ формальную возможность оставаться на мѣстахъ, не распуская парламента. Этимъ отчасти предупреждалось возраженіе, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ нельзя принуждать министровъ къ отставкѣ или распушенію парламента; можно было сказать: если они сдѣлаютъ то или другое, значитъ они не считаютъ обстоятельства слишкомъ опасными, и во всякомъ случаѣ отвѣтственность должна ложиться на нихъ.

Были и другія возраженія противъ тактики Росселя, о которыхъ мы не упоминаемъ и которые онъ также разбираетъ въ своей рѣчи.

сти, что вспыхнет война, признаюсь, меня очень удивляет слышать и видеть в печати, что присутствие лорда Мальмсбери в министерстве иностранных дел служить обеспечением мира ¹⁾ (хохотъ). Я вовсе не имѣю вражды къ лорду Мальмсбери; но когда слышу, что его присутствие в министерстве иностранных дел служить обеспечением мира, я спрашиваю себя: гдѣ же такой простякъ, который повѣритъ этимъ словамъ? (браво, браво! хохотъ). Остается еще одно замѣчаніе. Говорятъ, что я руковожусь интересами партіи, или своими личными. Я считаю своею обязанностью не обращать вниманія на такія обвиненія, а идти путемъ, который мнѣ кажется полезнѣйшимъ для отечества (браво, браво!). Никто не станетъ спорить, что много дѣлъ я принималъ искреннее участіе въ этомъ вопросѣ. — Лордъ Россель въ нѣсколькихъ словахъ припомнилъ исторію своихъ усилій по дѣлу парламентской реформы, и заключилъ рѣчь словами: „имѣя такія убѣжденія, я не могу не думать, что билль, теперь предложенный, на каждомъ шагѣ долженъ встрѣчать оппозицію, пока наконецъ онъ будетъ отвергнутъ. Я долженъ дѣйствовать такъ, оставляя безъ вниманія всѣ обвиненія, какими могу подвергнуться (аплодисменты). Объ этомъ великомъ вопросѣ реформы я могу сказать, что я защищалъ его, когда былъ молодъ, и не измѣню ему теперь, когда сталъ старикомъ“ (громкіе аплодисменты).

Лордъ Россель доказалъ, что министерскій билль въ дѣлѣ парламентскаго устройства составляетъ не шагъ впередъ, а шагъ назадъ, и потому долженъ быть отвергнутъ. Для отвѣта предводителю оппозиціи министерство выбрало того изъ своихъ членовъ, который пользуется наилучшею репутаціею; всталъ сынъ лорда Дербі, молодой лордъ Стенли, котораго торійская партія считаетъ лучшею своею надеждою. Надобно замѣтить, что лордъ Стенли самый либеральный человѣкъ въ торійской партіи, стало быть лучше всѣхъ понималъ, что дѣло, которое пришлось ему защищать, не совсемъ хорошо. Говорятъ, что онъ вовсе не одобряетъ билля, составленнаго его отцемъ и Д'Израэли. Вѣроятно онъ защищался бы не совсемъ удачно и тогда, еслибъ не случилось происшествія, совершенно не предвидѣннаго; но необычайный въ парламентскихъ дѣлоискахъ случай окончательно разстроилъ молодого оратора. Мы предоставимъ одной изъ англійскихъ газетъ разсказать это курьезное происшествіе, замѣтивъ предварительно, что голосъ лорда Стенли отличается очень высокими нотами, въ родѣ сопрано.

«Иногда сидишь пѣлымъ вечеромъ въ комнатѣ, не зная, что гдѣ нибудь въ углу виситъ кляпка съ пѣвцомъ. Пожилые хозяева дома ведутъ рѣчь, не возвышая голоса, и птичка сидитъ спокойно; но вдругъ вбѣгаетъ въ комнату юноша, полный жизни и веселья, кричатъ, сѣются, вносятъ веселость, споръ и шумъ. Веселость заразителна, а Филомела вдругъ заливается неудержимымъ потокомъ оглушительной радости и симпатіи. Чѣмъ громче вы говорите, тѣмъ пронзительнѣе становятся ноты птички, пока

¹⁾ Торійское министерство не такъ рѣшительно въ дипломатическихъ дѣлахъ, какъ было бы министерство выговъ; притомъ лорда Мальмсбери осуждаютъ на наличное расположеніе къ императору Французовъ, а главное онъ вовсе не утѣшительный дипломатъ. Англичане думаютъ, что если бы Англія съ самаго начала вѣнныя высказалась противъ требованій Сардиніи и Франціи, то опасность войны уже миновала бы.

наконецъ безперые двуногіе остаются побѣждены и безгласны передъ непокорнымъ маленькимъ пѣвучкомъ.

«Ребенокъ въ Палатѣ Общинъ.—какое нелѣпое сочетаніе словъ! Да, настоящій ребенокъ въ Палатѣ Общинъ, крикливый ребенокъ... съ такимъ голосомъ, который покрывается всякій другой голосъ, который внушаетъ вниманіе въ себѣ собранія этихъ серьезныхъ людей, и наконецъ по прошествіи первой минуты изумленія вызываетъ взрывъ хохота у консерваторовъ, выговъ и радикаловъ, у протестантовъ и католиковъ, у брамнистовъ и ультрамонтанцевъ, у всѣхъ безъ различія. Это былъ случай безпримѣрный въ исторіи Палаты Общинъ. Гуси кричали и ослы ревели въ этой палатѣ, но ребенокъ!.. Пусть истолкователи знаменій займутся эгигіею предзнаменованіемъ. Надобно ждать великихъ событій.

«Я говорилъ, что лордъ Джонъ сѣлъ и всталъ молодой лордъ Стенли. Голосъ его былъ настроенъ высоко и поднимался все выше. Вѣдь тутъ былъ лордъ Дерби, онъ смотрѣлъ на сына, не могъ скрыть родительской гордости, не могъ скрыть и значительной дозы родительскаго безпокойства. Палата саушала и возбудилось вниманіе даже юнѣйшаго члена толпы высокоуважаемыхъ слушателей. Въ ту минуту, какъ замеръ и малѣйшій шорохъ, а голосъ оратора поднялся до высочайшаго нота гнѣвнаго упрека, прозвительный звукъ, въ одну ноту съ высокою трелью оратора, пронесся изъ галлерей дѣвъ. Это былъ ребенокъ!.. У французовъ есть поговорка *le ton va plus loin que le mot*. Этотъ ребенокъ не былъ членомъ вѣрноподданной оппозиціи ея величества; онъ не былъ виновенъ въ увлеченіи духомъ партій; онъ не хотѣлъ изгнать мистера Д'Изриэли и ввести лорда Росселя; онъ не хотѣлъ губить свое отечество, низлагать королеву и водворять республику; но слова президента были строги. Ребенокъ инстинктивно понималъ, что какой-то господинъ удерживаетъ его въ каторжѣ и непримиримъ, и онъ огорчился несправедливыми упрекомъ, и онъ расплакался.

«Въ первую минуту изумленіе подавило всѣ другія чувства. 600 паръ глазъ направились въ позолоченной рѣшоткѣ, за которой сидятъ дамы. Не могу вамъ сказать, надѣ чѣмъ хохотала Палата: надъ существованіемъ ли мама, или надъ очевидной причиной невиннаго крика, или надъ перешивой, происшедшей въ молодыхъ ораторѣ. Палата сѣялась; но сѣялся ли церемоніймейстеръ палаты? сѣялся ли тотъ членъ палаты, который узналъ въ крикѣ сыновній голосъ и видѣлъ церемоніймейстера недолго встающего съ креселъ съ грознымъ видомъ и идущаго на гангалерю, съ рукою стискивающею эфесъ шпаги и съ похвалами памяти добраго варя Ирода? Будемъ надѣяться, что молодой лепутатъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, поблѣжавшій ав гнѣвнымъ церемоніймейстеромъ, былъ отецъ ребенка и что не произошло несчастія; будемъ надѣяться, что разстроенная и дрожащая мама, бѣжавшая по корридору, спрятала ребенка подъ шаль, не встрѣтила гнѣвнаго джентельмена со шпагой.

«Но молодой министр... Палата хохотала, а что дѣлалъ лордъ Стенли? Онъ прискорбѣлъ и долженъ сказать, что онъ совершенно растерялся. По словамъ однихъ, онъ думалъ, что младенческій крикъ былъ чревовѣщательскою пародіею его «*si vous l'avez*»; другіе говорятъ, что лордъ Джонъ велѣлъ принести этого ребенка, съ инструкціею утишнуть его при самомъ патетическомъ пассажѣ. Это справедливо, мы не знаемъ; но перешива въ молодыхъ ораторѣ была мгновенная: его убилъ маленькая птичка, вскрикнувшая за дамскою рѣшоткою. Его голосъ упалъ на похоты октавы; его декламация потеряла всю пылкость и увѣренность».

Въ самомъ дѣлѣ, разнесся слухъ, что убійственный ребенокъ былъ сынъ лорда Джона Росселя. Это курьезное совпаденіе довершило эффектъ писка. Только на другой день объяснилось, какимъ образомъ упало такое обвиненіе на лорда Джона, невиннаго въ злобастіи своего противника: фамилія матери ребенка была Джонсъ, Jones'baby—въ произношеніи это трудно отличить отъ John's baby, и каждый понималъ эти слова о лордѣ Джонѣ вмѣсто неизвѣстной мистриссъ Джонсъ.

Отъ этого ли пустого случая, или отъ того, что лордъ Стенли самъ плохо вѣрилъ въ свое дѣло, его рѣчь была неудачна; но въ ней заключалось важное объявленіе: онъ сказалъ палатѣ, что министерство почтеть принятіе предложенія Росселя за прямое отверженіе билля. Эта рѣшимость была вызвана предложеніемъ, которое сдѣлалъ Робекъ три дня тому назадъ. Она поддержана была потомъ рѣчами нѣсколькихъ независимыхъ либераловъ, между прочимъ Горемена, располагающаго нѣсколькими голосами, и новою рѣчью самаго Робека. Она поддерживалась также упорнымъ молчаніемъ, которое сохранялъ лордъ Пальмерстонъ.

Четыре засѣданія уже продолжались пренія, а лордъ Пальмерстонъ все еще держался упорнаго молчанія. Очевидно, онъ выжидалъ случая, который доставлялъ бы ему возможность сдѣлать маневръ противъ Росселя и спасти министерство отъ пораженія; но случая такого не представлялось и, скрѣпя сердце, онъ долженъ былъ наконецъ говорить за предложеніе Росселя, какъ требовали его приверженцы. Досада слышалась въ каждомъ его словѣ; онъ взглялъ ее на министерство, своимъ нелѣпнымъ образомъ дѣйствій заставившее его помогать сопернику. Лордъ Пальмерстонъ мастеръ на сарказмы. Онъ осмысливалъ ими министерство. Смыслъ его рѣчи былъ таковъ: мнѣ очень не хотѣлось дѣйствовать заодно съ Росселемъ, но дѣла приняли такой оборотъ, что я долженъ поддерживать его предложеніе и сказать моему благородному другу: „ваша поправка мнѣ кажется прекрасной“.—Зная чувства оратора къ его благородному другу и досаду на невозможность дѣйствовать противъ поправки Росселя, Палата захохотала и раздалась ироническіе аплодисменты: они ободрили Пальмерстона, видѣвшаго, что депутаты хорошо понимаютъ саркастическій тонъ его словъ, и онъ продолжалъ: „я полагаю, что ваша поправка достигаетъ своей цѣли, и совершенно готовъ поддерживать ее сильнѣйшимъ и искреннѣйшимъ образомъ“,—депутаты опять наградили ловкій юморъ хохотомъ. И такъ Пальмерстонъ объявилъ, что принужденъ подать голосъ за Росселя. Исполнивъ эту обязанность, онъ далъ волю своей досадѣ на министерство, неразсчитливо объявившее, что принимаетъ предложеніе Росселя за прямое порицаніе. Врать назадъ это формальное увѣреніе, повторенное нѣсколько разъ, было уже поздно, и лордъ Пальмерстонъ могъ только съ самыми азвительными насмѣшками доказать, что такая храбрость была неумѣстна для министерства, смиренно переносившаго множество непріятныхъ рѣшеній Палаты. Судя по нашей прежней терпѣливости, говорялъ онъ министрамъ, я думаю, что вы поступите вотъ какъ: и объяснялъ Палатѣ, какъ желали бы поступить они, но уже не могутъ послѣ своего храбраго объявленія. „Предложеніе, безъ сомнѣнія, будетъ принято; что же тогда сдѣлаютъ министры? Слухи носятъ различные. Говорятъ, что министры подадутъ въ отставку. Я этому не вѣрю“. Палата громко захохотала надъ этимъ яснымъ намекомъ на готовность тори переносить всякія униженія отъ Палаты, лишь бы усидѣть на своихъ мѣстахъ. „Я думаю, что они измѣнили бы своей обязанности, если бы подали въ отставку. Я не прошу ихъ подавать въ отставку“. Палата опять захохотала надъ ловкимъ намекомъ и на жалкій промахъ министровъ и на собственныя чувства оратора, который дѣйствительно желалъ бы удержать въ министерствѣ тори, чтобы не выпускать

въ кабинетъ Росселя. „Я скажу имъ, какъ говорилъ Вольтеръ о какомъ-то министрѣ, заслужившимъ его немилость: я не накажу его, я не пошлю его въ тюрьму, я приговорю его остаться на своемъ мѣстѣ“,—и лордъ Пальмерстонъ сталъ насмѣшливо доказывать, что министры не должны принимать немилость Палаты за порицаніе, а должны вести до конца вопросъ о реформѣ, какъ бы ни передѣлывала Палата ихъ несчастный билль. „Другіе говорятъ, продолжалъ Пальмерстонъ, что министры распустятъ парламентъ,—это было бы нелѣпостью со стороны консервативнаго министерства: неужели оно допустить, чтобы во всѣхъ избирательныхъ совѣщаніяхъ подвергнули разбору основанія британской конституціи?“—лордъ Пальмерстонъ сталъ доказывать, что распушеніе парламента было бы гибельно для торъ, потому что выборы усилили бы въ новой палатѣ партію, желающую радикальной реформы. Палата хотала надъ объясненіемъ того, что торы принуждены принять мѣру самую невыгодную для нихъ, самую пріятную для Брайта. „Но вѣтъ, этого не будетъ“, продолжалъ Пальмерстонъ, и насмѣшливо перетолковывалъ слова министровъ, отыскивая въ нихъ готовность переносить всякія неудачи, лишь бы ссхранить свои мѣста.

Послѣ такой рѣчи бѣдные торы уже не имѣли никакой возможности отказываться отъ своего объявленія, что не могутъ перевести принятіе росселевой поправки: Пальмерстонъ слишкомъ ясно и извѣтельно объяснилъ, что такая терпѣливость была бы теперь рѣшительной нивостью. Они должны были неподвижно ожидать своей участи.

На этомъ фазисѣ борьбы останавливаются подробныя извѣстія, полученные нами. Пренія продолжались еще вѣсколько дней, но положеніе партій достаточно опредѣлилось въ тѣ дни, о которыхъ мы уже рассказали. Послѣ рѣчи Пальмерстона было ясно, что предложеніе Росселя будетъ принято. Ошибочная надежда на противное заставила министровъ сдѣлать геройское усиліе, чтобы угрозою распушенія палаты отвлечь отъ Росселя нѣсколькихъ членовъ. кодобавшихся между отвращеніемъ отъ ихъ билля и опасеніемъ оставить Англію безъ парламента въ минуту, когда вспыхнетъ война. Разрывъ переговоровъ Брайта съ Росселемъ о составленіи министерства увѣрилъ ихъ, что Брайтъ не будетъ настойчиво требовать ихъ удаленія изъ кабинета. Неудача попытки виговъ примирить Пальмерстона съ Росселемъ заставила ихъ надѣяться на покровительство Пальмерстона. Къ ихъ несчастью, Пальмерстонъ нашель, что спасти ихъ уже невозможно послѣ ихъ излишней храбрости, и могъ только съ насмѣшкою показавъ имъ, какимъ путемъ они могли бы спастись, но, что возвратиться на этотъ путь имъ уже невозможно. Имъ оставалось только или выйти въ отставку, или распустить парламентъ.

Но выйти въ отставку они могли только тогда, если бы готово было новое министерство занять ихъ мѣсто въ кабинетѣ. Неудача переговоровъ между тремя отдѣлами оппозиціи не дала составиться новому министерству, стало быть оставался только одинъ исходъ—распушеніе парламента.

Ничего лучшаго не могъ желать Брайтъ. Новые выборы необходимо должны усилить въ парламентѣ партію серьезныхъ реформеровъ, и кому бы ни досталось счастье сдѣлаться первымъ министромъ при новомъ парламентѣ, Росселю или Пальмерстону, и тотъ и другой принуждены будутъ въ новыхъ

парламентъ принять для реформы основанія болѣе широкія, нежели какія были возможны при Палатѣ, распускаемой теперь.

Слухи о войнѣ и рассказы о ходѣ вопроса парламентской реформы — каждый разъ одинъ и тѣже темы!—нѣтъ ли чего нибудь новаго? Ничего такого, что интересовало бы Европу; все вниманіе западнаго континента сосредоточено на итальянскомъ вопросѣ, а люди, которые смотрятъ на вещи серьезнѣе и ждутъ чего нибудь хорошаго не отъ шумныхъ столкновеній между такими противниками, изъ которыхъ ни одному нельзя сочувствовать и желать побѣды, — люди, которые ждутъ добра только отъ развитія національнаго сознанія и улучшенія внутренняго законодательства, съ напряженнымъ вниманіемъ смотрятъ на успѣхи реформистскаго движенія въ Англіи, которая и своими внутренними учрежденіями и своимъ вѣншимъ могуществомъ имѣетъ такое сильное вліяніе на судьбу западнаго континента. Одинъ предметъ для пустыхъ толковъ, другой для серьезной мысли, — кромѣ того, нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго ни для болтуновъ, ни для людей разсудительныхъ. Всѣ другія текущія событія такъ мелки, что каждымъ изъ нихъ можетъ интересоваться, да и то не слишкомъ сильно, развѣ та страна, въ которой оно происходитъ. Напримѣръ, въ Германіи замѣчательнаго такъ мало, что сами нѣмцы отводятъ душу только тѣмъ, что увѣряютъ самихъ себя въ необыкновенной силѣ Германіи, если она станетъ дѣйствовать единодушно: тогда, увѣряютъ нѣмцы, мы закидаемъ французовъ шапками. Иные даже припѣваютъ какую-то пѣсню о Блюхерѣ, который будто бы въ 1814 году завоевалъ Парижъ. Такимъ патриотамъ и храбрецамъ другіе нѣмцы, болѣе разсудительные, замѣчаютъ, что вопросъ о закидываніи французовъ шапками зависитъ отъ того, каковы будутъ французы и въ какихъ кокардахъ кончатъ они свою войну съ австрійцами, если война начнется. Они полагаютъ, что стоитъ только французамъ переменить кокарды, и нѣмцы не найдутъ нужнымъ закидывать ихъ шапками, а начнутъ подражать французской модѣ. Въ доказательство они приводятъ состояніе нѣмецкихъ государствъ, — состояніе въ самомъ дѣлѣ странное. Последній случай, въ которомъ выразилась эта странность, произошелъ на дняхъ въ Баваріи. Впрочемъ не думайте, чтобы въ Баваріи произошло что нибудь новое, — нѣтъ, тамъ въ десятый или двадцатый разъ повторилось то же самое, что случается уже много лѣтъ.

Какъ въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ, такъ и въ Баваріи уже давно господствуетъ реакція. Какъ вездѣ, такъ и тамъ она довольно долго господствовала, не встрѣчая сильнаго сопротивленія. Наконецъ силы общественнаго мнѣнія стали пробуждаться, и палата депутатовъ, урѣзанный остатокъ такъ называемыхъ „пріобрѣтеній борьбы“ (Ergangenschaften) 1848 года, — пріобрѣтеній, довольно замѣтить, довольно мизерныхъ, и борьба, надобно замѣтить, не слишкомъ-то важной, — эта палата депутатовъ стала просить о замѣнѣ реакціоннаго министерства Пфортена какимъ нибудь другимъ, которое не было бы орудіемъ іезуитовъ и ихъ братьевъ. Пфортенъ распустилъ палату. Новые выборы еще усилили противное обскурантамъ большинство. По правиламъ конституціоннаго порядка, существующаго въ Баваріи, Пфортенъ долженъ былъ ѣхать въ отставку, потому что на вопросъ, имъ самимъ предложенный: кого о, убирать нація — большинство палаты или его, министра Пфортена? — выборы

отвѣчали, что нація согласна съ палатою во мнѣніи о пользѣ отставки его, г. Пфортена. Онъ разсудилъ поступить иначе, и опять распустилъ палату, чтобы не покидать пріятнаго министерскаго кресла. Выборы прислали еще сильнѣйшее большинство противъ него въ новую палату. Хоть бы тутъ ему одуматься и не компрометировать короля. Нѣтъ, интересы народа и націи никакъ не могутъ сравниться съ пріятностью занимать нинистерское мѣсто, и палата опять была распущена, чтобы министру Пфортену не покидать своего мѣста. Вся эта исторія коротко рассказывается на бумагѣ, а на дѣлѣ она тянулась цѣлыхъ четыре года. Въ четыре года конечно успѣло накопиться много раздраженія такого жолчнаго, что даже баварское пиво не могло смягчить сердца добродушныхъ своихъ любителей. Новые выборы были еще враждебнѣе прежнихъ и вотъ, въ концѣ января нынѣшняго года, собралась новая палата, въ которой, если не считать 25 чиновниковъ, было всего только 15 министерскихъ депутатовъ противъ 105, осуждавшихъ упрямство Пфортена. Думали, что теперь по крайней мѣрѣ онъ опомнится и поймнетъ, что не слѣдуетъ ему компрометировать короля для сохраненія своей должности. Какъ судило огромное большинство палаты, т. е. избирателей, о способѣ дѣйствій Пфортена, ясно высказывалось даже въ самыхъ пустыхъ дѣлахъ. Напримѣръ, депутатъ Фалькъ предложилъ измѣнить нѣкоторыя статьи уголовного кодекса. Комитетъ палаты, которому поручено было рассмотреть предложеніе, составилъ докладъ слѣдующаго рода: „Предложеніе основательно и заслуживало бы одобренія; но теперь подобными вопросами заниматься бесполезно, потому что настоящее положеніе дѣлъ только переходное. Министерство по несогласію съ прежней палатою распустило ее, выборы возвратили палату съ усиленнымъ большинствомъ противъ министерства. Есть конституціонно-монархическія государства, въ которыхъ, разумеется само собою, при подобномъ случаѣ министерство выходить въ отставку. У насъ не такъ; потому разногласіе между правительствомъ и представителями націи можетъ еще продолжаться. Однако же оно такъ серьезно и благо страны такъ страдаетъ отъ его продолженія, что сама собою должна явиться въ скоромъ времени потребность помочь этому дѣлу. А пока продолжается разнорѣчіе, не слѣдуетъ ни ожидать, ни желать, чтобы палата возвращалась къ дѣлу, прерванному въ мартѣ прошлаго года“.

Подобное чувство было выражаемо палатою депутатовъ рѣшительно при каждомъ случаѣ. Но министерство держалось системы не показывать вида, что пеняется желаніе представителей націи, и законодѣ палата принуждена была формальнымъ образомъ объяснить свои отношенія къ министерству и чувство порицанія, съ которымъ смотритъ на него все государство. Случай къ тому былъ поданъ итальянскимъ вопросомъ. Пфальцскою провинціею Баварія граничитъ съ Франціею и должна была принять мѣры предосторожности противъ угрожающаго вторженія французовъ въ Западную Германію. Надобно было назначить суммы для вооруженій. Согласіе на экстренные кредиты, требуемые министерствомъ, почитается въ конституціонныхъ государствахъ одобреніемъ политическихъ принциповъ министерства, если не сопровождается никакими особенными замѣчаніями о степени согласія палаты съ общимъ характеромъ управленія, получающаго ея поддержку въ этомъ частномъ случаѣ. Палата измѣнила бы своимъ убѣжденіямъ, если бы оставила возможность

истолковывать свой патриотизмъ, не отступающій передъ пожертвованіями, въ смыслѣ сочувствія къ министерству, и потому она приняла слѣдующій адресъ къ королю, соединяющій выраженіе почтительной преданности къ его лицу съ указаніемъ на ошибки реакціонеровъ, вредящихъ ему своимъ властолюбіемъ.

„Указывая на приближающуюся опасность войны, ваше величество требовали денежныхъ средствъ, нужныхъ для защиты государства. Палата депутатовъ дала ихъ. Она никогда не побоялась жертвъ, требуемыхъ отечествомъ. Что бы ни готовила судьба народу, Баварія въ неразрывномъ союзномъ единствѣ съ другими братними племенами Германіи будетъ подъ Виттельбахскимъ знаменемъ ¹⁾ держать себя соответственно обязанностямъ, возлагаемымъ на нее славою прошедшаго и трудностями настоящаго. Одного по достаетъ Баваріи — не достаетъ того, что даетъ крѣпость во дни опасности: она лишена благотворяго единодушія. При министерствѣ, которое, забывая королевскія слова „свобода и законность“, потеряло невознагражденные годы европейскаго мира и внутренней тишины безъ серьезной заботы объ исполненіи обѣщанныхъ реформъ, при министерствѣ, которое слономъ и дѣломъ поколебало вѣру въ чистое и нелживое пониманіе государственнаго устройства и возбудило противъ себя на борьбу силу общественнаго мнѣнія, — при такомъ министерствѣ для представителей народа не легка была задача дать изъ національныхъ средствъ милліоны, требуемые для вооруженій противъ враговъ. Соглашаясь на это пожертвованіе, палата депутатовъ считала неизбѣжнымъ долгомъ открыто изложить причины своего рѣшенія. Нѣтъ мысли, отъ которой была бы она такъ далека, какъ отъ намѣренія выразить этимъ согласіемъ одобреніе существующей министерской системы или хотя бы смягчить выраженіе своего недовѣрія къ тѣмъ, которые служатъ олицетвореніемъ этой системы. Палата согласилась на требованіе потому, что отечество для нея выше всего, и всякая другая мысль должна замолкнуть, когда его священные интересы, его честь и его права требуютъ необходимыхъ жертвъ. Палата согласилась потому, что среди печальнаго расположенія умовъ остается непоколебимой опорой для надеждъ, основой для народнаго благоденствія неискоренимая вѣра въ конституціонную вѣрность, въ патриотическое расположеніе вашего величества, чувства котораго представляютъ единственный залогъ лучшаго будущаго и ручательство въ патриотическомъ употребленіи средствъ, данныхъ патриотизмомъ. Никакая теорія не заставитъ баварскій народъ перестать чтить величество вашего трона, недосягаемо возвышающееся надъ перемѣною принциповъ отвѣтственныхъ министровъ ²⁾. Никакое омраченіе въ этой атмосферѣ, лежащей между королемъ и

¹⁾ Читатель знаетъ, что въ Баваріи царствуетъ Виттельбахская династія.

²⁾ Читатель знаетъ, что конституціонный порядокъ возлагаетъ на министровъ обязанность не компрометировать короля и династію вовлеченіемъ королевскаго имени въ споры съ оппозиціею. Читатель также знаетъ, что недобросовѣстные министры, ставяще свое властолюбіе выше интересовъ короны, постоянно нарушаютъ это правило, соблюденіе котораго необходимо для непоколебимости довѣрія націй къ монарху. Каждый разъ, когда они не могутъ защитить своихъ дѣйствій доводами государственной пользы, они прикрываются личною волею государя, какъ недобросовѣстные секретари прикрываютъ свои продѣлки подписью и чальника, которому представляютъ дѣло въ искаженномъ видѣ или вовсе умалчиваютъ о важнѣйшихъ сторонахъ дѣла. Такъ дѣйствовали Гизо, Монтейфель, такъ дѣйствуютъ и Пфортенъ. Читатель видитъ, что слова палаты относятся къ такому способу дѣйствій, равно недобросовѣстному передъ королемъ и государствомъ, вредному для государства, опасному для династіи.

народомъ, не можетъ затемнить блеска короны, священныя права которой, служащая основаніемъ порядка, также неприкосновенны народу, какъ его собственныя права. Наслѣдованная отъ предковъ вѣрность вашему величеству, всемилостивѣйшему королю и государю, и вашему высокому дому явится непоколебимою при всѣхъ обстоятельствахъ, пока между Гартовымъ хребтомъ и Рейномъ, между Рёнбергомъ и Фихтельбергомъ и прародительскими Альпами будутъ жить баварскіе люди“.

Этотъ адресъ былъ принятъ палатою 15 марта, и министерство тотчасъ же рѣшилось поступить по прежней системѣ: оно частнымъ образомъ объявило депутатамъ, что распустить палату, и для этого просило ихъ поспѣшить окончаніемъ текущихъ дѣлъ. Добродушная баварская вѣрность выказалась и въ этомъ испытаніи: чтобы не останавливать отправленій административнаго механизма продолженіемъ борьбы, палата съ патріотическимъ усердіемъ поспѣшила окончить дѣла, нужныя для правильнаго хода управленія, и по ихъ окончаніи, 26 марта, была распущена. Въ деклараціи о распусценіи парламента (Landtagsabschied) Пфортенъ заставилъ короля, польза котораго требовала бы невмѣшательства въ споры партій, отвѣчать налатѣ общимъ суровымъ порицаніемъ. „Прискорбіемъ исполняютъ насъ (было написано въ королевской деклараціи) взгляды на ходъ и характеръ совѣщаній палаты, въ которыхъ до такой чрезмѣрности превзойдена всякая граница“¹⁾. Но депутаты хорошо чувствовали, что жестокій выговоръ принадлежитъ не королю, а только Пфортену, потому что только министру, а не королю, могъ быть непріятенъ ихъ адресъ, весь наполненный увѣреніями въ томъ, что своекорыстная политика министра, пренебрегающаго пользами династии для удовлетворенія своему властолюбію, не мѣшаетъ палатѣ и націи сохранять преданность къ королю и надежду на него. Палата хотѣла показать это, кончивъ свое засѣданіе, по выслушаніи обиднаго порицанія, все-таки громкими восклицаніями „да здравствуетъ король!“ повторенными три раза. И не только въ официальномъ собраніи своемъ палата выказала это чувство: оппозиціонное большинство депутатовъ, собравшись на дружескій обѣдъ передъ отъѣздомъ изъ Мюнхена, также встрѣтило тѣмъ же громкими криками, повторенными три раза, тостъ за здоровье короля.

Мы разсказывали баварскія событія, строго держась взгляда и отчасти выраженій нѣмецкихъ газетъ, переводимыхъ нашими газетами; не знаемъ, нуждаются ли читатели въ замѣчаніи, что упреки, которыми осыпали эти газеты Пфортена, также неосновательны, какъ похвалы англійскихъ газетъ Поэріо и его товарищамъ, переданныя нами въ прошедшій разъ. Мы получили отъ нѣкоторыхъ очень уважаемыхъ нами людей упреки за жестокое сужденіе объ ошибкахъ Поэріо. Мы рады этому порицанію;—во первыхъ потому, что оно показываетъ благородную силу чувства въ людяхъ, его дѣлающихъ,—

¹⁾ Мы старались передать въ русской фразѣ грамматическую странность нѣмецкаго выраженія, но оно въ подлинникѣ еще несообразнѣе съ духомъ новаго языка, нежели въ переводѣ: *in welchen so sehr alles Mass überschritten worden sei*. Излишняя старомодность и канцелярская рутинность понятій отразилась въ каждомъ звукѣ этого оборота, принадлежащаго XVII вѣку.

во вторых потому, что оно даетъ намъ случай исправить недостатки изложения, бывшіе причиною страннаго впечатлѣнія, вынесеннаго изъ нашихъ замѣчаній нѣкоторыми высокопоставленными отъ насъ людьми. Напрасно они полагаютъ, что основаніемъ нашихъ сужденій о Поэріо были его принципы. Одобряемъ ли мы эти принципы, или нѣтъ,—вовсе не въ томъ дѣло. Смѣшно было бы разсудительному человѣку сурово порицать кого нибудь за убѣжденія, несогласныя съ его собственными; а если человѣкъ, съ которымъ мы не соглашаемся въ убѣжденіяхъ, имѣетъ честныя намѣренія, то жестко осуждать его за несогласіе съ нами было бы даже неблагородно; а если наконецъ сумма разногласій притомъ еще незначительна передъ суммою понятій одинаковыхъ въ томъ и другомъ образѣ мыслей, то рѣзкость осужденія изъ-за этихъ несогласій была бы просто фанатизмомъ, натуральнымъ и извинительнымъ только въ критическія минуты, а не при спокойномъ сочиненіи, болѣе или менѣе вялой и безцвѣтной статейки,—качества, которыя мы сами совѣтуемъ замѣтить нашимъ порицателямъ въ нашихъ статьяхъ, которыми, право, не стоитъ обижаться по причинѣ ихъ пустоты,—была бы даже тупоумною пошлостью, которая неизвинительна ни при какихъ обстоятельствахъ. Нѣтъ; мы говорили не про убѣжденія, не про образъ мыслей,—мы говорили только про образъ дѣйствій. Каковы бы ни были намѣренія Поэріо, онъ нанесъ много вреда, надѣлалъ слишкомъ много бѣдъ своему отечеству. И хотите ли знать, отчего надѣлалъ онъ столько бѣдъ роднѣй, которую конечно горячо любилъ, для блага которой жертвовалъ жизнью и пожертвовалъ всѣмъ личнымъ своимъ счастьемъ? Это потому, что онъ дѣйствовалъ не логически. Онъ вообразилъ, что становится англійскимъ министромъ, тогда какъ онъ былъ въ Неаполѣ. Людовикъ IX не могъ бы исполнить дѣла, которое, какъ утверждаютъ насъ историки наши, исполнялъ Петръ Великій. Государственный человѣкъ полезенъ только тогда, когда его характеръ и его образъ дѣйствій сообразенъ съ обстоятельствами. Кто не понимаетъ, что ему надобно дѣлать въ данномъ положеніи, или не хочетъ дѣлать того, что необходимо, тотъ лучше пусть не становится въ это положеніе, пусть оставитъ мѣсто дѣйствовать другимъ, пусть отойдетъ въ сторону и ждетъ, пока другіе, быть можетъ менѣе чистые, если не менѣе благородные, удовлетворятъ потребности времени; и когда будетъ сдѣлано ихъ руками то, къ чему неспособенъ былъ онъ, когда положеніе очистится и успокоится,—пусть только тогда принимаетъ онъ власть и вноситъ въ ея дѣйствія свою кротость и свою довѣрчивость къ людямъ. Если вы не хотите грязнить своихъ сапогъ, сидите дома, пока грязные дворники чистятъ улицу, душная пыль которой превращена въ грязь грозой. Это время чистки неудобно для прогулокъ чистоплотнымъ людямъ: они только будутъ мѣшать людямъ, у которыхъ чистоплотность не доходитъ до пренебреженія къ исполненію дѣлъ, нужныхъ для приведенія въ порядокъ тротуаровъ. Аполлонъ не принимался за очищеніе Авгіасовыхъ конюшенъ: это дѣло могъ исполнять только Гераклесъ, всю свою жизнь только однажды вздумавшій пощеголять въ чистой рѣбашкѣ, да и то передъ самой кончиной, по совершеніи всѣхъ своихъ двенадцати подвиговъ.

Но возвратимся къ Пфортену. Мы не говоримъ о томъ, каковы его

убѣжденія; мы говоримъ только о томъ, что онъ дѣйствительно исполняетъ роль, играть которую призванъ. Если роль хороша, не онъ заслуживаетъ похвалы; если она дурна, тяжесть порицанія не должна обрушиваться на него. Быть можетъ онъ нарушаетъ форму; быть можетъ палата депутатовъ имѣетъ за себя формальную справедливость, указывая въ своемъ адресѣ на несоблюденіе извѣстныхъ формальныхъ условій; мы хотимъ сказать, что быть можетъ Пфортенъ говорить то, чего по формѣ ему не слѣдовало бы говорить. Но какже изъ-за формы не хотятъ замѣчать сущности дѣла? Въ сущности Пфортенъ говорилъ правду, а правдивость всегда похвальна, и если иногда несогласна съ принятыми приличіями, то бываютъ случаи, въ которыхъ человѣкъ не властенъ соблюдать условныя приличія. Представимъ наприимѣръ такое обстоятельство. Поваръ подаетъ на столъ не то кушанье, которое поручалъ ему приготовить господинъ; господинъ начинаетъ сердиться: извинительно ли повару сказать, что госпожа (которая держитъ мужа подъ башмакомъ) приказала ему изготвить не то блюдо, котораго желалъ господинъ? Конечно, прислуга не должна посѣывать сплетенъ и возбуждать несогласій между мужемъ и женой; но вѣдь слова повара не сплетня, а правда, и несогласіе не возбуждается ими, потому что они сами только необходимый результатъ уже существовавшего несогласія.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Статья газеты Numbug о выгодах союза съ Франціею.

Русскій баснописецъ Крыловъ, переводя басни изъ Лафонтена, часто переиcкалъ ихъ, и очень удачно. Между прочимъ, есть у него небольшой разсказъ, который называется «Левъ на охотѣ». Начало басни извѣстно: левъ пригласилъ нѣсколькихъ другихъ звѣрей на охоту, съ тѣмъ условіемъ, что добыча будетъ раздѣлена поровну между всѣми союзниками. Но когда была поймана первая добыча, очень жирный и вкусный олень, левъ ввѣлъ его всего себѣ, сказавъ остальнымъ членамъ конвоіа: «неужели вы думаете воспользоваться тѣмъ нибудь тамъ, гдѣ я?» Это есть и у Лафонтена; но русскій поэтъ продолжаетъ разсказъ слѣдующими образами. На другой день левъ встрѣтилъ медвѣдя и сказалъ ему: «пойдемъ охотиться вмѣстѣ; я вчера былъ на охотѣ вмѣстѣ съ леопардомъ, но теперь поссорился съ нимъ: онъ товарищъ ненадежный, а твоя честность и сила привлекаютъ меня. Добычу вы раздѣлите поровну». — «А какъ ты раздѣлилъ ее съ бывшими своими товарищами вчера?» — спросилъ медвѣдь. Изъ притчи научаетъ меня, какихъ выгодъ можно ожидать отъ содѣйствія тебѣ. Если нѣтъ повадится идти на охоту, я умѣю охотиться и одинъ; а если вздумаю взять товарищей, возьму по крайней мѣрѣ такихъ, о которыхъ не ходятъ въ лашетъ дѣсу слуховъ, подобныхъ исторіи твоей вчерашней охоты»¹⁾.

Эту басню знаменитаго русскаго поэта мы совѣтовали бы прочесть тѣмъ, которыхъ нынѣ приглашаютъ участвовать въ войнѣ, обѣщая имъ удивительныя выгоды. Мы, англичане, люди прозаическіе, не будемъ соперничать въ талантѣ изобрѣтательности съ авторами обольстительныхъ обѣщаній, — нашъ практическій умъ способенъ только разсказывать о дѣйствительныхъ фактахъ.

Въ 1853 году Англія не имѣла никакой разумной причины ссориться съ Россіею. У насъ было очень много дѣлъ въ своемъ быту: чувствовалась потребность дать права простодушнымъ, которые оставались, по выраженію мистера Д'Израэли, паріями; чувствовалась потребность исправить наши гражданскіе законы, и особенно устройство гражданскихъ судовъ, при которомъ тяжбы продолжаются иногда по 30 или больше лѣтъ; чувствовалась потребность снять съ нашихъ уголовныхъ законовъ, слишкомъ отсталыя средневѣковыя варварства; надобно было подумать о средствахъ пріобрѣсти расположеніе ирландцевъ, платившихъ намъ справедливымъ недоверіемъ за долготерпѣнныя угнетенія. Словомъ сказать, домашняго дѣла было у насъ на рукахъ столько, что разсудительные люди, среди столькихъ собственныхъ заботъ, не стали бы шутиться въ чужія дѣла. Но была у насъ одна слабость, и ею искусно воспользо-

¹⁾ Любопытно было бы взглянуть на англійскую книжку, напечатанную подъ именемъ перевода басенъ Крылова. Кажется, что переиcкаль слѣдовало при-
зру одного русскаго ученаго, который въ спорахъ читаетъ на память иа-
зюхійскихъ или трулланскихъ постановленій цѣлыя страницы, о которыхъ и
1) сѣ не силось почтеннымъ людьми, писавшимъ эти постановленія.

зовались тѣ, которые нуждались въ нашей помощи для своихъ личныхъ выгодъ. Намъ стали говорить о чрезвычайномъ усиленіи русскаго флота, будто бы грозящаго сдѣлаться опаснымъ соперникомъ нашему преобладанію на моряхъ. Мы поддались этимъ внушеніямъ, дѣйствовавшимъ на чувствительную струну нашего сердца. Мы начали войну, потому что намъ обѣщано было владычество на моряхъ. Но мы хотѣли вести войну серьезно. Не того хотѣли наши союзники. Олѣ заключилъ миръ въ то самое время, когда для достиженія результата, обѣщаннаго намъ отъ него, нужно было продолжать войну самымъ энергическимъ образомъ. Олѣ говорилъ, что надобно освободить востокъ отъ русскаго господства; что надобно лишить Россію того мѣста, которое занимала она въ европейской политикѣ. Соответствовали ли условія парижскаго мира этимъ обѣщаніямъ? Уступки, сдѣланныя Россією, не имѣли никакой важности. Она сохранила Крымъ и севастопольскую гавань, то есть всѣ средства опять имѣть господство на Черномъ морѣ, если только захочетъ этого. Мы слышали, что покоренія вилкавскихъ горцевъ пригодатъ къ кону, т. е. Россія становится господою надъ азіатскими провинціями Турціи. Она теперь сильнѣе на востокѣ, нежели была до войны. Такую ли цѣль войны указывали обѣщанія нашего бывшаго союзника? Балтійскій флотъ Россіи теперь сильнѣе, нежели прежде. Франція говорила намъ, что должно разрушить Кронштадтъ, уничтожить Свеаборгъ, овладѣть Петербургомъ. Хотѣла ли она этого? нѣтъ, мы знаемъ теперь, что нашъ флотъ былъ приведенъ въ Балтійское море только для того, чтобы играть кукольную комедію и чтобы его бездѣйствіе выставило насъ посмѣшнымъ для цѣлой Европы. Если бы мы были на Балтійскомъ морѣ одни, мы могли бы сдѣлать что нибудь, вѣроятно могли бы сдѣлать довольно многое; но союзники наши связывали насъ руки. Она принуждала насъ стоять передъ Кронштадтомъ тѣмъ соломеннымъ чувашемъ, надъ которымъ сѣются даже дѣти. Благодаря нашимъ союзникамъ, дѣйствія наши противъ Свеаборга ограничились фейерверкомъ. Намъ позволено было только навѣсчъ на себя ненависть и презрѣніе ничтожными высадками въ какихъ-то финляндскихъ деревняхъ и отнятіемъ вѣсколькихъ чуокскихъ лодокъ. Таковы были дѣйствія нашей кампаніи на Балтійскомъ морѣ. Мы наконецъ поняли, что въ третью кампанію мы должны дѣйствовать одни, если хотимъ сдѣлать что нибудь. Мы сдѣлали приготовленія, нужные для этого. Но въ Парижѣ были приняты мѣры, чтобы всѣ наши вооруженія остались безполезными. Еще хуже было въ Крыму. Всю честь осады Севастополя присвоили себѣ французы и сѣдѣли надъ нашей гробной арміей, которой предѣстала была труднѣйшая и обширнѣйшая часть осадныхъ работъ. Мы и здѣсь увидѣли, наконецъ, что война ведется вовсе не серьезно; ведется такъ, чтобы не принести никакихъ результатовъ. Убѣдившись, что французская армія не хочетъ пользоваться приобретенными выгодами, что цѣлый годъ потерянъ подъ Севастополемъ совершенно безцѣльно, что по занятію Севастополя, когда было бы аузно энергическое наступленіе, французы стоятъ сами и держатъ насъ въ бездѣйствіи,—мы поняли, что нужно намъ и на югъ послать такія силы, которыя могли бы дѣйствовать безъ помощи, или, лучше сказать, противъ тайной воли нашихъ союзниковъ. Полтора года, благодаря нашей довѣрчивости, война велась такъ, что Англію, которая принесла пожертвованій не менше Франціи, выставляла на позоръ Европы наши союзники, какъ державу безспасную, неимѣющую ни арміи, ни даже порядочнаго флота. Мы поняли, наконецъ, чему были мы обязаны такимъ оскорбленіемъ: всѣ наши приготовленія были рассчитаны на то, что мы будемъ имѣть серьезныхъ союзниковъ, а на дѣлѣ оказалось, что союзники думаютъ не о достиженіи серьезныхъ результатовъ, а только о хвастовствѣ, и повсюду насъ нашей довѣрчивостью, нашими богатыми средствами, присваиваютъ всю честь подвига себѣ, хотя безъ насъ не могли бы ровно ничего сдѣлать, систематически отнимая у насъ всѣ случаи выгоднаго употребленія нашихъ силъ, располагая и собственными дѣйствіями такъ, чтобы вся война была пустымъ хвастовствомъ. Покавъ это, мы приготовились, въ сентябѣ 1856 года, выставить армію и флоты, которые могли бы дѣйствовать независимо отъ обнначенныхъ плановъ нашихъ союзниковъ; мы хотѣли снять съ себя патю безсилія, наложенное на насъ союзниками, хотѣли показать, что если въ первые полтора года войны Англія не могла ничего сдѣлать, такъ это потому,

что она была обманута союзниками, воевавшими только изъ хвастовства и не допускавшими до дѣйствія насъ, хотѣвшихъ дѣйствовать серьезно. Союзники заѣхали это и поспѣшили заключить миръ, своевременный для него, потому что его тщеславіе было уже удовлетворено войною, слишкомъ праждевременный для насъ, полагавшихъ для войны серьезную цѣль.

Какую же пользу принесло намъ то, что мы повѣрили обѣщаніямъ, дававшимся передъ войною? Безъ нашей помощи Франція не могла бы начать войны; потому намъ обѣщали все, чѣмъ могла льстить намъ. Но война имѣла только одну цѣль, — отвлечь вниманіе французовъ отъ внутреннихъ дѣлъ, польстить имъ тщеславію военными лаврами, похвалиться передъ Европою, что Франція стала могущественнѣйшею военною державою. Цѣль эта была достигнута, чего же больше? Непріятель остался невредимъ: онъ попрежнему господствуетъ въ западной и центральной Азіи; флотъ его сталъ могущественнѣе прежняго; въ чѣмъ же была война? Развѣ къ тому, что, пользуясь ей, Франція усилила свой флотъ, чего не могла бы сдѣлать, если бы не обманула насъ своимъ союзомъ, и теперь, разивъ свои силы благодаря нашему ослабленію, грозитъ намъ, своимъ союзникамъ.

Да, много мы слышали отъ нея льстивыхъ комплиментовъ; много получали выгодныхъ обѣщаній, когда были пужаны ей. Она говорила тогда, что хочетъ сокрушить Россію, какъ теперь говоритъ, что хочетъ сокрушить Австрію; она говорила намъ, что исполнитъ всѣ наши желанія. Мы повѣрили и были одурачены.

О настоящемъ и будущемъ мы, какъ люди практическіе, совѣтуемъ судить по прошедшему. Кто, вѣтуая въ прежніе союзы, имѣлъ единственной цѣлью загребать жаръ чужими руками и обманывать довѣрчивыхъ союзниковъ, которыхъ потомъ унижать и съ которыми немедленно начиналъ ссориться, какъ только успѣвалъ достичь своей личной цѣли, тотъ и съ новыми союзниками, вѣроятно, желаетъ поступить точно также.

Исторія англо-французскаго союза поучительна не для однихъ насъ.

Мы истратили 150 милліоновъ фунтовъ, мы пренебрегли нашими домашними полезными дѣлами, мы обременили наши финансы новымъ долгомъ, мы пожертвовали десятками тысячъ лучшихъ дѣтей нашей родины, — и потомъ оказалось, что все это было нужно только для того, чтобы отвлечь вниманіе французовъ отъ внутреннихъ дѣлъ, польстить имъ военною тщеславію и унизить насъ самихъ.

Май 1859.

Австрийскій ультиматумъ.—Нецѣльность австрийскихъ дѣйствій въ Сардиніи.—Состоятъ ли цѣль войны въ освобожденіи Италіи?—Положеніе дѣлъ въ Италіи около 18 мая новаго стиля.—Выборы въ Англіи.

Обзоръ нашъ въ апрѣльской книжкѣ былъ писанъ въ то время, когда только что были получены первыя извѣстія о согласіи французскаго и австрийскаго правительствъ на составленіе конгресса по итальянскому вопросу. Радость, произведенная этою неожиданною новостью въ людяхъ, понимавшихъ всю вредность угрожавшей тогда войны, была такъ велика, что заставила ихъ на вѣскольکو дней забыть о несовмѣстимости истинныхъ причинъ войны съ какиѣмъ бы то ни было разрѣшеніемъ вопроса мирными путями; въ томъ, что конгрессъ соберется, никто не сомнѣвался, и почти всѣ были увлечены надеждою на то, что результатомъ конгресса будетъ миръ. Противъ этого увлеченія мы говорили довольно подробно, доказывая, что какъ бы ни велись и о чемъ бы ни велись совѣщанія конгресса, онъ никакъ не можетъ уменьшить неизбежность войны и можетъ развѣ только послужить средствомъ оттянуть объявленіе войны мѣсяца на два или на три, пока Франція кончитъ свои приготовленія къ войнѣ.

Если бы статья наша составлялась днями пятью позже, намъ не было бы нужды много говорить въ подтвержденіе нашей мысли о безсиліи конгресса: въ газетахъ уже явились положительные факты, показывавшіе, что конгрессъ дѣйствительно служитъ для Франціи только средствомъ выиграть вѣскольکو времени; еще два или три дня,—и можно уже было довольно вѣрно предсказывать, что конгрессъ не только не рѣшитъ вопроса, но и вовсе не соберется. Около 7 апрѣля новаго стиля, всѣ разсудительные люди уже занѣчали это по характеру, въ какомъ велись переговоры о составленіи конгресса. Видно было, что одна изъ враждующихъ сторонъ хорошо поняла намѣренія другой и требуетъ передъ созваніемъ конгресса такихъ гарантій миролюбія, дать которыхъ никакъ не могла другая сторона. Мы не будемъ слѣдить за всѣми подробностями переговоровъ о конгрессѣ,—эта исторія теперь уже устарѣла, да и въ свое время не имѣла дѣльнаго значенія, какъ мы тогда же доказывали: упомянемъ только для связи событій о послѣднемъ

фазисъ переговоровъ, изъ котораго непосредственно вышло объявленіе войны со стороны Австріи. Послѣ множества разныхъ споровъ о разныхъ предварительныхъ условіяхъ для созванія конгресса, Австрія наконецъ предложила, чтобы еще до созванія конгресса была обезоружена Сардинія, потому что иначе громъ оружія могъ бы ежеминутно прервать совѣщанія конгресса, говорила она. Это предложеніе, присланное въ Лондонъ для сообщенія другимъ державамъ, Англія немедленно объявила справедливымъ по намѣренію, но не деликатнымъ по исключительной формѣ: было бы обидно для Піемонта требовать отъ него, чтобы онъ одинъ обезоруживался, когда двѣ другія, гораздо сильнѣйшія державы, его сосѣдки, остаются вооруженными, говорила Англія; но дѣйствительно, для успѣха совѣщаній конгресса нужно, чтобы ихъ тишина не нарушалась возможностью вооруженныхъ столкновеній; потому предварительнымъ условіемъ должно быть обезоруженіе, но не одного Піемонта, а всѣхъ трехъ вооружающихся державъ, т. е. и Австріи, и Франціи. Австрія немедленно отвѣчала, что она согласна, и есть вѣроятность думать, что этотъ новый оборотъ, приданный Англіею первоначальному предложенію Австріи, былъ сдѣланъ сообразно плану, предварительно условленному: предложеніе обезоружиться являлось изъ Лондона въ Парижъ съ большимъ вѣсомъ, нежели какой имѣло бы, происходя прямо изъ Вѣны. Франція отвѣчала такимъ способомъ, который ясно показывалъ, что въ Парижѣ господствуетъ непреклонная рѣшимость воевать: ваше предложеніе совершенно справедливо, отвѣчали изъ Парижа въ Лондонъ, и Франція думаетъ, что тѣ державы, которая вооружились, т. е. Австрія и Сардинія, должны обезоружиться; но во Франціи это требованіе не примѣняется, потому что Франція не вооружалась: она только занималась приведеніемъ своей арміи и флота въ комплектъ по мирному положенію. Въ сущности этимъ отвѣтомъ былъ рѣшенъ послѣдующій образъ дѣйствій Австріи. Но если есть врагъ слабый, то почему не свалить на него ту вину, которая должна бы относиться къ другому врагу, болѣе сильному? Сардинія имѣла эту привилегію слабыхъ, принимать на себя удары, вызываемые поступками сильныхъ. На первый разъ она отвѣчала, что не хочетъ обезоруживаться, но немедленно одумалась и послала въ Лондонъ второй отвѣтъ, говорившій, что она согласна на обезоруженіе. Этотъ второй отвѣтъ былъ уже изъ Лондона сообщенъ въ Вѣну, когда тамъ рѣшились послать въ Туринъ знаменитый ультиматумъ. Повидимому, не было и причины обиднымъ образомъ предлагать требованіе обезоружиться державѣ, уже принявшей принципъ обезоруженія; но въ Вѣнѣ хотѣли имѣть предлогъ къ объявленію войны и потому просто не приняли въ соображеніе второй отвѣтъ Сардиніи, т. е. согласіе, а основались только на первомъ отвѣтѣ, т. е. на отказѣ. Отъ 19 (7) апрѣля было изъ Вѣны послано приказаніе Гіулау переслать къ Кавуру письмо Буоля, требовавшее немедленно обезоруженія Сардиніи, съ прибавленіемъ, что Австрія даетъ трехдневный срокъ на отвѣтъ и что всякій уклончивый отвѣтъ приметъ, какъ необходимость начать военныя дѣйствія. Этотъ ультиматумъ былъ привезенъ графу Кавуру барономъ Келлербергомъ въ 5½ часовъ вечера 23 (11) апрѣля. Срокъ ожиданія кончался въ 5½ часовъ вечера 26 (14) апрѣля. Сардинія отвѣчала отказомъ покориться обидному требованію; этотъ отвѣтъ былъ

врученъ послу Піулау въ 5½ часовъ, и вечеромъ того же дня австрійцы перешли черезъ Тичино. Война началась.

Дерзкій ультиматумъ разгнѣвилъ противъ Австріи всѣ нейтральныя державы и общественное мнѣніе цѣлой Европы. Пруссія, Россія, Англія протестовали противъ такого крутого образа дѣйствій въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. Газеты цѣлой Еврпы разразились негодованіемъ на безразсудную наглость Австріи. Императоръ французовъ торжествовалъ: австрійскій кабинетъ не могъ сдѣлать ничего, болѣе соответствовавшаго видамъ Тюильри. Вся дипломатическая тактика Наполеона стремилась къ тому, чтобы выставить передъ Европою Австрію зачинщицею войны, и теперь сама Австрія исполнила его желаніе, даже превзошла его надежды: онъ надѣялся только показать, что былъ поставленъ неуступчивостію Австріи въ необходимость начать войну, а теперь сама Австрія начинала ее. Но если Австрія рѣшалась на поступокъ, такъ сильно компрометировавшій ее въ дипломатическомъ отношеніи, она имѣла много причинъ пренебречь этимъ невыгоднымъ впечатлѣніемъ. Ускоряя объявленіе войны, она могла выиграть довольно много въ отношеніи финансовомъ и чрезвычайно много въ отношеніи военномъ. Изложимъ эти соображенія, заставившія ее пожертвовать соблюденіемъ дипломатическихъ формъ, которыми она всегда такъ дорожила.

Первою причиною, спѣшить началомъ войны, было финансовое положеніе Австріи. Мы излагали въ предыдущихъ обзорѣхъ ходъ итальянскаго вопроса. Изъ фактовъ, всѣмъ извѣстныхъ, ясно было, что Франція, во что бы то ни стало, рѣшилась выйти предлогъ къ войнѣ съ Австріею и никакія уступки не могли избавить Австрію отъ войны, очевидно необходимой для Наполеона III. Въ половинѣ апрѣля (новаго стиля) Австрія совершенно кончила свои вооруженія и премежденіе уже не могло усилить ни числа ея войскъ, ни ея крѣпостей: то и другое было доведено до полной силы, какая только возможна. Между тѣмъ содержаніе арміи, исполнѣ приведенной на военную ногу и уже занявшей всѣ позиціи, требуемая войною, ежедневно стоило Австріи полумилліона гульденовъ (около 2½ миллионновъ руб. сер. въ недѣлю). Денежныя запасы казны подходили къ концу. По самымъ благопріятнымъ расчетамъ представляется, что около 15 апрѣля Австрія имѣла обыкновенныхъ финансовыхъ средствъ уже не болѣе, какъ только на содержаніе своей арміи въ теченіе 45 дней. Объявленіе войны открывало ей путь изворотиться въ этой финансовой крайности средствами невозможными въ мирное время. Двигая свою армію въ Піемонтъ, она сваливала съ себя на сардинскія земли бремя ея продовольствія. Кромѣ того, она получала предлогъ прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ въ собственныхъ финансовыхъ дѣлахъ. Мы видѣли, что обыкновенныя займы совершенно ей не удавались. Объявленіе войны немедленно сопровождалось наложеніемъ на вѣнскій банкъ насильственнаго займа въ 200.000.000 гульденовъ (125 милліонновъ руб. сер.), достаточно по австрійскому расчету на покрытіе издержекъ первой кампаніи.

Еще гораздо важнѣе были военныя выгоды, приобретаемыя немедленнымъ объявленіемъ войны. Франція желала еще мѣсяца два продлить переговоры, потому что ея вооруженія далеко не были кончены. Съ половины апрѣля каждый потерянный день приближалъ ту минуту, когда непріятель можетъ

явиться на войну съ полною готовностью. Чтò будетъ, должны были разсуждать австрійскіе министры, если мы не разорвемъ переговоровъ? Франція дотянетъ время до конца мая или начала іюня, успѣетъ спокойно ввести въ Сардинію свои войска, приготовленныя къ битвѣ, устроить операціонную линію близъ ломбардской границы, и объявивъ войну, въ два дня займетъ Миланъ превосходными силами. Чтòбы предупредить это, надобно воспользоваться временемъ, когда мы совершенно готовы, а Франція еще не готова къ началію военныхъ дѣйствій, пока ея войскъ нѣтъ еще въ Сардиніи. Имѣя предъ собою только сардинцевъ, австрійцы могли быстро двигаться впередъ и въ пять или въ шесть дней похода занять такія позиціи, которыми почти отнималась у французовъ возможность помочь сардинцамъ. Сардинская армія одна была бы совершенно смята австрійцами. Ей оставалось бы, или запереться въ Александріи, или даже отступить въ Геную. Блокировавъ Александрію, австрійцы могли легко занять всѣ горныя проходы изъ генуэзскаго побережья въ піемонтскую долину. Пусть тогда прибывало бы сколько угодно французскихъ войскъ въ Геную: австрійцамъ было бы легко остановить ихъ въ альпійскихъ ущельяхъ. Заперевъ сардинцевъ въ Александрію, или отбросивъ ихъ въ Геную и занявъ горныя проходы лѣвymъ крыломъ своей арміи, правымъ крыломъ австрійцы черезъ два или три дня занимали бы Туринъ и Сузу и овладѣвали бы путемъ изъ Франціи въ Сардинію черезъ Монъ-Сени и другими проходами черезъ Савойскія Альпы. Сѣвъ сардинскихъ желѣзныхъ дорогъ была бы въ ихъ рукахъ; они имѣли бы въ своихъ рукахъ всѣ дефиле, черезъ которыя должны проходить въ Италію французскія войска; почти безъ всякихъ усилій и рѣшительно безъ всякаго риска они могли въ одну недѣлю овладѣть почти всѣмъ Піемонтомъ, уничтожить или запереть сардинскую армію и, сокрушивъ одного врага, имѣли бы на рукахъ только однихъ французовъ, которымъ едва ли было бы возможно проникнуть въ Піемонтъ безъ страшныхъ пожертвованій черезъ Савойскія и Генуэзскія Альпы, захваченныя австрійцами.

Эти чрезвычайныя выгоды рѣшительно перевѣшивали собою то неудобство, что нападеніемъ на Піемонтъ Австрія выставляла себя, какъ зачинщицу войны. Успѣхъ кампаніи стоитъ того, чтобы перенести нѣсколько дипломатическихъ протестацій. И притомъ раздраженіе нейтральныхъ державъ было только формальностью. Англія и Пруссія все-таки хорошо знали, что Австрія не сама начинаетъ войну, а вынуждена къ ней Франціею. Удовлетворивъ дипломатическому приличію протестомъ, эти державы не замедлили бы высказать свое прежнее расположеніе въ пользу Австріи и объявили бы, что хотя Австрія не права по формѣ, но права по сущности дѣла.

Такимъ образомъ, когда прошла первая минута недоумѣнія, возбужденная австрійскимъ ультиматумомъ, нейтральная Европа согласилась, что виновная дерзость была въ сущности слѣдствіемъ очень вѣрнаго и разсудительнаго соображенія. Но если Австрія дѣйствовала совершенно согласно съ своими выгодами, рѣшившись разорвать переговоры, то ея дальнѣйшія дѣйствія указали, что она рѣшительно не умѣла поступать сообразно условіямъ того положенія, стать въ которовъ рѣшилась. Мы видѣли, на чемъ былъ основанъ ея планъ, отъ чего зависѣлъ весь успѣхъ. Основаніемъ всему служилъ

тотъ фактъ, что около 20 апрѣля не было еще ни одного французскаго солдата въ Сардиніи. Цѣлю всего дѣла было то, чтобы кончить кампанію прежде чѣмъ французы присоединятся къ сардинцамъ: первѣйшимъ условіемъ успѣха въ этомъ была всевозможная быстрота. Что же мы видимъ? Война рѣшена апрѣля 19-го, военныя дѣйствія едва начинаются 29-го. Миланъ соединенъ съ Вѣною электрическимъ телеграфомъ, и такъ ультиматумъ могъ быть полученъ Гіулаемъ черезъ четверть часа послѣ того, какъ былъ составленъ въ Вѣнѣ. Туринъ соединенъ съ Миланомъ желѣзною дорогою, кромѣ одного небольшого перерыва около границъ, верстъ въ пятнадцать, и посланный Гіулай могъ быть въ Туринѣ черезъ четыре часа. Трехъ или четырехъ часовъ очень достаточно, чтобы король могъ созвать министровъ и сказать „да“ или „нѣтъ“ на сообщенное ему требованіе. Еще четыре часа на возвратный путь, и если ультиматумъ былъ отправленъ изъ Вѣны 19 апрѣля въ 5 час. вечера, австрійскія войска могли перейти черезъ Тичино 20 числа въ 6 или 7 час. утра и 25 числа кончить дѣло съ сардинскою арміею, а 26 уже занимать проходы изъ Савойскихъ Альпъ въ Піэмонть. Но австрійцы, отступивъ отъ дипломатическихъ формъ своею рѣшимостью послать ультиматумъ, не могли, кажется, рѣшиться на отступленіе отъ канцелярскаго порядка въ своихъ внутреннихъ распоряженіяхъ. Имъ казалось необходимо, чтобы приказаніе объ ультиматумѣ было доставлено Гіулаю не телеграфическою депешею, а какимъ нибудь курьеромъ, и благодаря этой церемонности австрійскаго кабинета въ сношеніяхъ съ своимъ главнокомандующимъ, посланный Гіулай явился въ Туринъ только 23 числа, т. е. ровно четырьмя сутками позже того, какъ слѣдовало бы ему явиться. По причинамъ, рѣшительно непонятнымъ, вмѣсто трехъ часовъ давъ былъ сардинцамъ срокъ для отвѣта въ цѣлыхъ трое сутокъ, — и вотъ уже была потеряна цѣлая недѣля, и, благодаря австрійскому канцелярскому порядку, французы успѣли явиться въ Генуѣ и въ Сузѣ въ ту самую минуту, какъ австрійцы только еще собирались переходить черезъ Тичино. Но австрійцамъ вѣроятно казалось, что еще мало времени потеряно ими: они отыскивали причину потерять еще трое сутокъ. Англія предложила возобновить при ея посредничествѣ переговоры съ Франціею на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ велись они черезъ лорда Каули еще до принятія русскаго предложенія о конгрессѣ. Австрія согласилась отложить движеніе своей арміи черезъ Тичино, пока Англія получитъ отвѣтъ отъ императора французова на это предложеніе. Такая отсрочка рѣшительно непостижима. Ультиматумъ былъ посланъ, конечно, только потому, что Австрія совершенно убѣдилась въ бесполезности переговоровъ, въ томъ, что они только служатъ для Франціи средствомъ выиграть время, пока французскія вооруженія будутъ совершенно кончены. Послѣ этого совершенной нецѣлостью представляется промедленіе, принятое Австріею. Наполеонъ отвѣчалъ, что согласенъ возобновить переговоры только на томъ условіи, если Англія совершенно ручается за ихъ удачу и готова объявить войну Австріи, когда Австрія не успѣетъ помириться съ Франціею. Само собою разумѣется, Австрія не могла принять переговоровъ, единственнымъ результатомъ которыхъ была бы ссора ея съ Англіею, и получивъ извѣстіе объ условіяхъ, предлагаемыхъ Франціею, отказалась отъ посредничества. Тогда, вечеромъ 29 ап-

рѣла, двинулась черезъ Тичино вся австрійская армія, которая до той поры оставалась на ломбардскомъ берегу, понавѣ только нѣсколько слабыхъ отрядовъ въ Сардинію. Наполеону было теперь очень легко предлагать для переговоровъ невозможныя условія: десятидневная отсрочка, данная ему австрійскою медленностью, была достаточна для введенія въ Сардинію такого числа войскъ, чтобы не нуждаться въ дальнѣйшихъ отсрочкахъ для открытія кампаніи. Французы и сардинцы превосходно воспользовались временемъ, которое дано было имъ медленною врага.

Въ тотъ самый день, какъ пріѣхалъ въ Туринъ баронъ Каллербергъ, было созвано чрезвычайное засѣданіе сардинской палаты депутатовъ и графъ Кавуръ, изложивъ состояніе дѣлъ, потребовалъ у палаты полномочій королю на время войны. Съ патриотизмомъ, который никогда не измѣняетъ викарному парламенту въ подобныхъ случаяхъ, палата не стала даже и совѣщаться о требованіи правительства. Немедленно былъ назначенъ комитетъ для составленія доклада, черезъ полчаса былъ готовъ докладъ и тотчасъ же, большинствомъ 110 голосовъ противъ 24, былъ принятъ законъ, предложенный Кавуромъ. По этому закону королю на время войны предоставляется диктаторская власть. Въ тотъ же день, 23 (11) апрѣля, сардинская армія получила распредѣленіе нужное для начала похода. Самъ король припалъ команду надъ арміею, которая стала сосредоточиваться между крѣпостями Казале и Александріею, чтобы подъ ихъ прикрытіемъ ожидать прибытія французовъ. Австрійцы начали дѣйствовать такъ поздно, и потомъ дѣйствовали такъ вяло, что сардинцы спокойно простояли въ своей крѣпкой позиціи, не подвергаясь равно никакимъ опасностямъ, пока черезъ Геную прибыло къ нимъ столько французскихъ войскъ, что нападеніе со стороны австрійцевъ на союзную армію, защищаемую пушками Александріи, сдѣлалось невозможно.

Гораздо болѣе усилій нужно было французамъ, чтобы прибыть въ Піаченцу съ тою удивительною быстротою, которая заслужила имъ полную похвалу отъ всѣхъ европейскихъ специалистовъ. Извѣстіе о рѣшимости Австріи послать ультиматумъ, то есть напасть на Сардинію, сдѣлалось извѣстно французскому правительству по крайней мѣрѣ въ тотъ же самый день, какъ былъ написанъ ультиматумъ, если не сдѣлалось извѣстнымъ еще раньше, пока оно составлялось. Да и нельзя было не знать объ этомъ 20 числа французскому правительству, если 21 звали англійскія газеты. Замѣчательна не та быстрота, съ которою французское правительство получало нужныя свѣдѣнія, а та энергія, съ которою оно стало доканчивать свои приготовленія къ походу, какъ только узнало о рѣшительномъ оборотѣ дѣла. 23 числа, въ тотъ день, когда австрійскій ультиматумъ былъ сообщенъ графу Кавуру, было уже снаряжено въ походъ нѣсколько десятковъ тысячъ солдатъ, которые 19 числа еще не предполагали двинуться ранѣе двухъ или трехъ недѣль. 26 числа, когда австрійскій авангардъ перешелъ Тичино, французы уже высаживались въ Генуѣ и спускались въ Сузу, съ Савойскихъ Альпъ. Перѣздъ моремъ едва ли былъ труденъ, потому что въ Марсели давно уже были собраны огромныя транспортныя средства; но чрезвычайно замѣчательна посѣпность, съ какою французскіи войска ушли съѣсть на корабли и выйти на берегъ. До какой степени доведена была заботливость французскаго воен-

наго начальства о быстромъ совершеніи всѣхъ эволюцій, нужныхъ для перевозки арміи моремъ или сухимъ путемъ, можно видѣть изъ того, что французскіе солдаты были заранѣе обучаемы тому, какъ входить въ вагоны желѣзныхъ дорогъ и выходить изъ нихъ самымъ быстрымъ и правильнымъ образомъ.

Дивизіи, отправлявшіяся сухимъ путемъ, должны были совершить дорогу очень трудную. Въ концѣ апрѣля проходы въ Савойскихъ Альпахъ еще покрыты снѣгомъ. 4,000 рабочихъ было употреблено на очищеніе пути черезъ Монъ-Сени, но все-таки войскамъ пришлось перенести очень тяжелыя затрудненія. О томъ, какъ много долженъ былъ терпѣть отъ холода и тяжелаго пути солдатъ, можно вообразить, зная, что умеръ отъ перехода черезъ Монъ-Сени генераль Буа, начальствовавшій первою дивизіею, вступившею въ Сузу. Были примѣры, что французскіе отряды дѣлали въ одинъ день 45-ти-верстовой переходъ черезъ Монъ-Сени съ его утомительнымъ подъемомъ и утомительнымъ спускомъ.

Но каковы бы ни были трудности похода, эти войска уже вступали въ Туринъ 30-го апрѣля поутру, черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ главныя силы австрійцевъ перешли сардинскую границу. Гораздо большая часть французскихъ войскъ переправилась въ Сардинію моремъ, какъ потому, что этотъ путь легче, такъ и потому, что сардинская армія, соединиться съ которой они слѣшили, находилась около Алессандріи, которая гораздо ближе отъ Генуи, нежели отъ Сузы.

Извѣстіе о наступленіи австрійцевъ было получено въ Туринѣ и въ Генуѣ нѣсколько раньше, нежели вѣсть о приближеніи союзниковъ. Послѣ мучительной невѣстности, успѣютъ ли французы прійти во время, чтобы спасти столицу и армію Сардиніи, первыя французскія коловны были встрѣчены жителями съ неописаннымъ восторгомъ. Солдаты, вступившіе въ Туринъ, воткнули съ французской граціозностью букеты цвѣтовъ въ дула своихъ ружей и сами были засыпаны цвѣтами съ балконовъ и изъ оконъ.

Быстро прибывали въ Сузу новые отряды одинъ за другимъ, еще быстрее приходили въ генуэзскую гавань одна эскадра за другою, каждая привозя французскій десантъ. Около 5-го мая, когда австрійцы наконецъ собрались приблизиться къ Алессандріи, изъ Генуи къ сардинской арміи пріѣхали уже болѣе 40.000 французскихъ солдатъ. Около 7-го числа болѣе 80,000 французовъ уже были въ Піэмонть. Австрійцы слишкомъ запоздали переходомъ черезъ Тичино; но если бы, хотя потомъ, умѣли вознаграждать потерянные дни, вѣроятно еще успѣли бы что вибудъ сдѣлать, потому что на первый разъ французы перевозили только солдатъ, безъ лошадей, безъ пушекъ, безъ обоза. Но австрійцы не торопились и французы имѣли время снабдить свою пѣхоту конницею и артиллеріею. Мы уже прочли въ телеграфическихъ депешахъ, что 12-го мая императоръ французовъ прибылъ въ Геную и 13-го (1) въ Алессандрію; это значитъ, что онъ уже переслалъ въ Италію все то количество войскъ, какое считаетъ нужнымъ имѣть тамъ, что перевезены туда и пушки и всѣ военные запасы, которые предназначались къ отправленію для начала похода. Наполеонъ III не явился бы на театръ войны раньше, нежели приготовлено все нужное для блестятельнаго наступленія. Австрійцы сами уже увидѣли, что время слабости противниковъ

прошло и что пора имъ отступать. Снова перейти въ наступленіе случится имъ, вѣроятно, еще не слишкомъ скоро. Посмотримъ же, что они успѣли сдѣлать въ первую недѣлю кампаніи, пока шансы были для нихъ благопріятные, чѣмъ будутъ во все продолженіе остальнаго похода. Мы находимъ, что самое лучшее понятіе объ этомъ можемъ дать читателямъ, переведа изъ Times'a 6-го мая статью, написанную или специалистомъ, или по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ специалистами.

«Австрія, повидавшаго, хочетъ убѣдить свѣтъ, что если была очень поспѣшна въ своей дипломатикѣ, то готова вознаградить за такую, непривычную ей, поспѣшность медленностью своей стратегіи. Она удивила Европу и озадачила важныхъ, нервныхъ и доверчивыхъ англійскихъ министровъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ въ такую минуту, когда они полагали, что она ждетъ мирнаго разрѣшенія всѣхъ своихъ затрудненій; она явилась съ внезапною угрозою, съ трехдневнымъ срокомъ и съ немедленнымъ открытіемъ похода, и мы всѣ думали, что кратковременною выгодностью обстоятельствъ она хочетъ воспользоваться для нанесенія рѣшительнаго удара. Она имѣла 190,000 человекъ въ Ломбардіи и Венеціи, изъ нихъ 120,000 была придвинута къ самымъ берегамъ пограничной рѣки. Командиръ этой арміи, смотря черезъ маленькую рѣчку, могъ видѣть почти весь театръ своихъ будущихъ дѣйствій. Направо, ныряя въ отдаленіи, встали вершины Альпъ; влѣво, не вѣе грозящими вершинами Монферратскихъ и Апеннинскихъ горъ обозначаютъ границу вѣстости, въ которую онъ думалъ вторгнуться. Но между сѣверною и южною горными террасами разстилается, прямо впереди его, далекій горизонтъ равнины, идущей между этими горами, подобно заливу. По срединѣ равнины извивается По, прославленная поэзіею и исторіею. Съ сѣвера и съ юга, съ Альпъ на правой рукѣ и съ Апеннинскаго хребта на лѣвой рукѣ и съ отдаленныхъ Коттійскихъ Альпъ, возвышающихся прямо передъ нимъ въ концѣ горизонта и отдѣляющихъ его отъ Франціи, текутъ вальевскія рѣчки, будто блестящіе ребра, входящіе въ спинной хребетъ Піемонта, образуемый рѣкою По. Въ горныхъ округахъ, влѣво, стоятъ сардинскія крѣпости; значительнѣйшая изъ нихъ, Алессандрія, расположена почти у входа въ Монферратскую землю, а за нею, на берегу моря, лежатъ Генуя. Гористая страна направо, поднимающаяся къ Синолону, къ Розѣ и къ Большому Сентъ-Бернарду, почти не защищена искусствомъ; а прямо передъ собою, по всей плоской равнинѣ рѣки По, нашъ австрійскій генералъ не находитъ ни одного укрѣпленія, способнаго обороняться хотя одинъ часъ. Только извивается по этой равнинѣ большая рѣка и текутъ въ нее справа и слѣва небольшія рѣчки. Есть тутъ маленькіе неукрѣпленные города, напримеръ: Новара, Мортара и Верчелли, составляющіе треугольникъ; но нѣтъ никакой задержки между ними и Туриномъ, лежащимъ въ концѣ этой равнины. Вся Европа думала, что Туринъ будетъ цѣлью австрійцевъ; что, получая отвѣтъ отъ громаднаго превосходства въ силахъ, они хотѣли нависать сильной арміею крѣпости Алессандрію и Казале а всѣхъ южныхъ горныхъ округъ, надъ которыми господствуютъ эти крѣпости, и что съ остальными силами они быстро двинутся прямо впередъ, безъ остановки пойдутъ до самаго королевскаго дворца въ Туринъ. Занятіе вражеской столицей въ началѣ войны принесло бы славу, и была бы стратегическая выгода овладѣть сѣтью желѣзныхъ дорогъ, которая теперь ставитъ въ непосредственное сообщеніе французовъ, высаживающихся въ Генуѣ, съ французами, переходящими черезъ Монъ-Сени въ Сузу. Владѣя Туринемъ и желѣзными дорогами, находящимися въ Туринѣ, австрійскій генералъ разрывалъ бы двѣ французскія арміи и спокойно владѣлъ всею Сардиніею, кромя только одной горной Монферратской области.

«Завладѣвъ Туриномъ было такъ важно для удачнаго начала игры, что Австрія действительно могла пренебречь моральною невыгодой, если сдѣлала войной за тѣмъ, что бы пріобрѣсть такую важную физическую выгоду. Но по какимъ-то причинамъ, — о въ можетъ быть, что эти причины очень уважительны, но если онѣ существуютъ,

то не было надобности слышать разрывов переговоров,—по какимъ-то причинам Австрія не воспользовалась ни своими выигрышами во времени, ни своими превосходствомъ въ силахъ. Ея армія медленно переступила черезъ рѣку и стала на плоскую равнину, лежащую передъ нею. Постепенно, съ большою медлительностью, она заняла два города, Новару и Мортару,—Новару правымъ флангомъ, Мортару лѣвымъ,—и потому полвинулась на нѣсколько верстъ далѣе до Верчелли; тутъ она остановилась, стала дѣлать рекогносцировки, а между тѣмъ прибывали нагруженные войсками корабли въ Геную и длинныя колоны французской пѣхоты спускались съ Монъ-Сеня. Быть можетъ, австрійцы задержали дождя, отъ которыхъ разлились маленькія рѣчки и испортились дороги; быть можетъ, революціи въ Пармѣ и въ Тосканѣ внушали имъ осторожность или нерѣшительность, а быть можетъ и то, что австрійцы считали выгоднѣйшимъ выпустить всѣхъ французовъ черезъ море и черезъ Альпы въ Піэмонте, дать имъ собрать всѣ силы,—быть можетъ австрійцы думали, что лучше разогнать прикрыть всѣхъ ихъ въ этой равнинѣ, изъ которой некуда будетъ убѣжать французамъ, и придавить всѣхъ ихъ вѣсть. Мы не можемъ отгадывать ихъ побужденій и критиковать ихъ стратегіи; но мы можемъ видѣть, что, пробывъ семь дней на сардинской землѣ, они подвинулись отъ границы не далѣе 50 верстъ.

«Съ правого пути австрійцы повертываютъ на югъ, т. е. направляются болѣе къ Монферратскому хребту, нежели къ Альпійскому. На пути встрѣчается имъ одинъ изъ изгибовъ По, и 4-го шив они переицъ эту рѣку въ Камбіо, близъ города Салы, какъ будто намѣрены были двинуться на Александрію; далѣе вверхъ по рѣкѣ, у Фрассането, близъ Казале, крѣпости, способной держаться нѣсколько времени, другой австрійскій корпусъ пытался перейти черезъ рѣку, но послѣ канонады, продолжавшейся 15 часовъ, онъ былъ отбитъ съ нѣкоторымъ урономъ».

«Какую цѣль могли имѣть эти движенія? Если бы австрійцы продолжали двигаться по сѣверному берегу По, они шли бы на Туринъ. Но тутъ на дорогѣ встрѣчается Дора, маленькая рѣчка, текущая изъ Альпъ и впадающая въ По; берега этой рѣчки укрѣплены сардинцами, воспользовавшимися медленностью австрійцевъ. Перешедши на другой берегъ По, австрійцы совершенно обошли эту позаднѣ, потому что они теперь на южномъ берегу, а Дора впадаетъ въ По съ сѣвера. Но въ чемъ состоитъ ихъ намѣреніе: хотѣтъ ли они идти на Туринъ, или на Александрію—трудно рѣшить».

Дѣйствительно, трудно рѣшить, что хотѣли дѣлать австрійцы. Одни предполагаютъ, что они думали дойти до Туринна; другіе думаютъ, что они хотѣли обратиться на Александрію; третьи полагаютъ что они хотѣли отрѣзать Александрію отъ Генуи. Но все равно, что бы ни хотѣли они сдѣлать. Потеря времени разстроила всѣ ихъ планы. Отъ границы до Туринна верстъ около 100. Верстахъ въ 50 отъ границы лежитъ Александрія, находящаяся на западъ и нѣсколько на югъ отъ Туринна, верстахъ въ десяти на югъ отъ По. Австрійцы прошли половину дорогъ до Туринна, такъ что поровнялись съ Казале, и Александрія оставалась у нихъ уже нѣсколько позади. Но пока они медлили, стояли и производили рекогносцировки, сардинская армія, стоявшая между Александріею и Казале (Казале нѣсколько ближе къ Турину, нежели Александрія), получила такія сильныя подкрѣпленія отъ французовъ, что австрійцамъ нельзя было ни напасть на нее, ни продолжать свое движеніе на Туринъ. Они постояли еще нѣсколько времени; непріятель усилился новыми французскими отрядами, и теперь австрійцы отступаютъ и гдѣ остановится ихъ отступленіе—трудно сказать. По послѣднимъ извѣстіямъ французо-сардинскія войска уже начали наступленіе подъ личною командою императора французовъ и австрійскія войска оттѣснены уже почти до самой границы. Такимъ образомъ движеніе впередъ приносило имъ развѣ только ту

пользу, что они прокормили двѣ ведѣли своихъ солдатъ сардинскимъ хлѣбомъ и собрали нѣсколько контрибуцій. Это нелѣпое начало похода не предвѣщаетъ для нихъ ничего особенно хорошаго. Будутъ ли они защищаться на Тичино, будутъ ли защищать Миланъ—неизвѣстно. Но съ битвами или безъ битвъ, все равно, они скоро будутъ оттѣснены до ливнѣ рѣки Минчіо, гдѣ найдутъ опору въ крѣпостяхъ Пескьерѣ и особенно Мантуѣ.

Приводятъ двѣ причины для оправданія чрезвычайной медленности въ ихъ наступленіи. Сардинцы, отступая передъ неприятелемъ, испортили дороги: на каждыя 100 метрахъ (45 саженьяхъ) они копали черезъ дорогу довольно глубокіе рвы; кромѣ того, рубили стоявшія по дорогамъ деревья и сваливали ихъ на дорогу; наконецъ, они прорвали плотины и шлюзы каналовъ, которые проведены по всей западной части Піемонта для орошенія полей, и затопили подъ водою цѣлыя обширныя мѣстности. Погода также заступилась за сардинцевъ: съ 1 мая (19 апрѣля) пошли проливные дожди, продолжавшіеся нѣсколько дней, и рѣчки выступили изъ береговъ. Но такихъ затрудненій все-таки еще мало для объясненія медленности, съ которою австрійцы подавались впередъ. Какъ бы ни были испорчены дороги, все-таки можно было пройти по нимъ въ цѣлую недѣлю больше того пространства, которое въ одинъ день переходили французскіе отряды по Альпійскому хребту, гдѣ дорога и хуже, и несравненно труднѣе. Чрезвычайному затопленію полей отъ снущенныхъ каваловъ нельзя вѣрить—Піемонтъ не Голландія, и навѣрное было бы австрійцамъ гдѣ пройти, еслибы они хотѣли; а если поля были такъ затоплены, что идти было нельзя, то все равно нельзя было проходить и по 8 верстѣ въ день, если нельзя было проходить по 25 верстѣ. Нѣтъ, кажется, надобно сказать, что, пропустивъ благоприятное время для исполненія своего плана, австрійцы сами не знали, что имъ дѣлать.

Мы пишемъ почти черезъ мѣсяцъ по объявленіи войны Австрію Сардиніи, а между тѣмъ, собственно говоря, не произошло никакихъ громкихъ военныхъ событій, и хотя надобно думать, что участь начавшагося похода рѣшена неволкостью австрійцевъ, не успѣвшихъ помѣшать соединенію французовъ съ сардинцами, но въ военной части извѣстій за прошлый мѣсяцъ мало интереснаго. До сихъ поръ людямъ, интересующимся итальянскими дѣлами, политическія догадки доставляли больше предметовъ къ размышленію, нежели военныя событія. Война началась; есть сильная вѣроятность, что австрійцы въ первый же походъ потеряютъ всю землю въ Италіи до Вероны и Манту; но въ чемъ же существенная цѣль войны, чего надобно ожидать въ случаѣ успѣха французовъ? Это мы отчасти можемъ видѣть изъ предшествовавшихъ войнъ переговоровъ и сужденій, произносимыхъ самими французами о цѣляхъ ихъ политики.

Конгрессъ не состоялся: но его собранію предшествовали переговоры и нѣкоторыя основанія будущаго устройства дѣлъ въ Италіи были одобрены Франціею.

Нѣкоторые думаютъ, что Франція, подобно Сардиніи, не можетъ удовлетвориться ничѣмъ, кромѣ совершеннаго отнятія итальянскихъ владѣній у Австріи. Это несправедливо. Вотъ четыре основанія, принятые самою Франціею для переговоровъ на предполагавшемся конгрессѣ.

I. Средства обезпечить сохраненіе мира между Австрією и Сардинією.

II. Оставленіе римскихъ владѣній иностранными войсками, ихъ занимающими, и изслѣдованіе, какія реформы должны быть введены въ итальянскія государства.

III. Будетъ предложена комбинація для замѣны особенныхъ трактатовъ между Австрією и итальянскими государствами.

IV. Распределеніе территоріальныхъ владѣній и трактаты 1815 года останутся неприкосновенными.

Изъ этого мы видимъ, что Франція соглашалась на сохраненіе за Австрією всѣхъ ея нынѣшнихъ итальянскихъ владѣній. Само собою разумѣется, что въ случаѣ успѣшнаго похода требованія Франціи возрастутъ, но нѣтъ имъ никакой необходимости возрастать непремѣнно до совершеннаго отнятія всѣхъ итальянскихъ владѣній у Австріи. Тутъ можетъ быть множество среднихъ степеней, опредѣляемыхъ размѣромъ успѣховъ и силою расположенія въ императорѣ французовъ къ прекращенію войны послѣ нѣсколькихъ славныхъ побѣдъ. Всякія условія возможны послѣ того, какъ Франція соглашалась оставлять за австрійцами всѣ ихъ нынѣшнія владѣнія. Если Франція найдетъ удобнымъ кончить войну оставленіемъ у Австріи венеціанскихъ владѣній до Гардскаго озера, до Минчіо и Мантуи, а отъ Ломбардіи заставить ее отказаться, Франція назоветъ это великою услугою дѣлу итальянской независимости. Если у австрійцевъ будетъ отнято и гораздо меньше, напримѣръ только западная часть Ломбардіи до Адды и озера Комо, и это будетъ также названо великою услугою итальянской независимости. Читатель понимаетъ нашу мысль. Впрочемъ, мы ничего не предсказываемъ; мы говоримъ только, что императоръ французовъ вовсе не обязанъ продолжать войну до тѣхъ поръ, пока заставитъ Австрію отказаться отъ всѣхъ владѣній въ Италіи: мы говоримъ только, что онъ можетъ заключить миръ съ Австрією на какихъ ему угодно условіяхъ, и каковы бы ни были условія, все-таки онъ можетъ сказать, что сдѣлалъ для Италіи болѣе, нежели обѣщался сдѣлать передъ началомъ войны: не станемъ забывать, что онъ соглашался оставить за Австрією всѣ ея владѣнія въ Италіи.

Но удовлетворятъ ли итальянцевъ какія бы то ни было условія мира, кромѣ совершеннаго отнятія у Австріи всѣхъ Ломбардо-Венеціанскихъ земель? Люди бываютъ наклонны къ излишней требовательности отъ своихъ помощниковъ или покровителей; но въ такомъ случаѣ всегда бываетъ можно уличить ихъ въ неблагодарности и неблагодарности, напомнивъ имъ, какъ скромны были ихъ желанія въ началѣ дѣла. Есть въ Италіи партія, непринимаящая никакихъ сдѣлокъ, всегда требовавшая непремѣнно только того, чтобы въ одинъ клочокъ итальянской земли не принадлежалъ иностранцамъ; это маццинисты. Но императоръ французовъ опирается не на этихъ республиканцевъ, а на людей умѣренной или такъ называемой конституціонной партіи въ Италіи. Эта партія передъ войною вовсе не шла въ своихъ требованіяхъ до такой революціонной неуживчивости съ австрійцами, какъ маццинисты. Она объявляла, что удовольствуется гораздо меньшими приобрѣтеніями. Самымъ точнымъ выраженіемъ ея тогдашнихъ требованій надобно считать программѣ

разрешения итальянского вопроса, с которой в начале апреля был отправлен в Лондон поверенный от конституционной партии центральных итальянских государств. Мы приводим здесь сведения, сообщаемые об этом важном факте парижским корреспондентом Times'a, в письме его от 9 апреля (28 марта).

«В Лондон приехал поверенный от конституционной партии в центральной Италии с предложениями, производящими замечательное впечатление на людей, которым он сообщал их. В числе значительных лиц, с которыми он имел совещания, находятся лорды Пальмерстон, Кларендон и Джон Россель, а к ним иному времени он вкратце склонил и лорда Малмсбери раздѣлять такой же взгляд. Секрет его успѣха заключается въ слѣдующемъ: онъ предлагаетъ средство исполнить удовольствіе итальянцевъ, оставляя неприкосновенными тѣхскихіе трактаты. Онъ объявляетъ, что центральная Италия и Піемонтъ оставляютъ, какъ несбыточное желаніе, всякое требованіе выгнать австрійцевъ изъ Ломбардіи и Венеціи. Конечно, они не перестаютъ желать этого, но этого нельзя достигнуть безъ войны, а конституціонная партия вовсе не желаетъ видѣть французовъ въ Италіи. Теперь она ограничиваетъ свои желанія тѣмъ, чтобы австрійцы и французы вывели свои войска изъ всѣхъ итальянскихъ владѣній, нынѣ занимаемыхъ ими не на основаніи трактатовъ. Она требуетъ, чтобы Австрія, владѣющая частью Италіи единственно по вѣнскому трактату, была обязана строго ограничиваться предѣлами этого трактата и не простирала своея власти на другія государства. Иначе сказать, они говорятъ австрійцамъ: «Ограничьтесь вашимъ берегомъ По, и оставьте насъ въ покоѣ въ нашихъ земляхъ». Многие говорили, что визаніе Мадрида въ Италію ослабѣло, совершенно исчезло. Конституціонная партия подтверждаетъ теперь это; она объявляетъ, что имѣетъ полную организацію и готова принять на свою рѣшительную отвѣтственность управленіе государствомъ центральной Италіи по удаленіи австрійцевъ, ручаясь за то, что не будетъ ни насилій, ни кровопролитія. Она только требуетъ того, чтобы австрійцы удалились изъ тѣхъ частей Италіи, которыя заняты ими не по вѣнскому трактату, и обязались никогда не возвращаться въ эти земли, потому что безъ такого обязательства австрійцы вѣчно будутъ возбуждать волненія, чтобы имѣть предлогъ воротиться».

«Важнѣйшій фактъ во всемъ этомъ то, что Сардинія, въ лицѣ сеньора д'Азеліо отъ имени графа Каура, совершенно согласна съ этою программой. Сеньоръ д'Азеліо говоритъ, что Сардинія имѣетъ свои особенныя неудовольствія противъ Австріи, но что она не важна сравнительно съ условіями, на которыя согласна вся Италия. Конституціонная партия говоритъ, что это утвержденное требованіе можетъ быть исполнено безъ войны, и что если дѣла будутъ устроены на этомъ основаніи, она будетъ совершенно довольна, предоставляя успѣхамъ времени и разуму и вліянію соединенія либеральныхъ учрежденій произвести перемену въ положеніи Ломбардіи. Но, прибавляетъ она, конечно, она будетъ стремиться пріобрѣсть все, что можетъ, если война вспыхнетъ».

Оставимъ въ сторонѣ вопросъ объ относительной силѣ маццинистовъ и конституціонистовъ. Конституціонисты думаютъ, что они сильнѣе, маццинисты могутъ думать тоже самое о себѣ,—не въ этомъ дѣлѣ, какъ думаетъ конституціонная партия о своихъ силахъ, а въ томъ, чего она хотѣла, на что она соглашалась передъ войною. Относительно ся чувствъ мы выводимъ изъ ея программы, присланной въ Лондонъ, два заключенія. Во-первыхъ, конституціонная партия въ Италіи имѣла сомнѣніе въ томъ, благоприятны ли будутъ для либеральныхъ учрежденій и независимости Италіи результаты войны, которую Франція хотѣла начать противъ австрійцевъ. Эти сомнѣнія были такъ велики, что конституціонная партия центральной Италіи и

Пизмонта готова была пожертвовать ломбардо-венецианцами австрийцамъ, лишь бы избавить Италію отъ опасности со стороны французовъ. Этотъ фактъ мы припомнимъ впоследствии. Во-вторыхъ, — и это теперь для насъ главное, — конституціонная партія всего только за нѣсколько дней до начала войны говорила, что „ея требованія могутъ быть совершенно удовлетворены“ даже при сохраненіи за австрийцами всѣхъ ихъ нынѣшнихъ владѣній. Только съ этою партією хочеть до сихъ поръ дѣйствовать Франція за одно, только ея содѣйствіе она принимаетъ, только ея потребности признаеть справедливыми; мы спрашиваемъ теперь, какое право будетъ она имѣть жаловаться на неудовлетвореніе своихъ желаній, если Франція найдетъ неудобнымъ лишать австрийцевъ хотя бы одного селенія въ Ломбардіи? А если Франція уменьшитъ австрийскія владѣнія хотя какимъ-нибудь маленькимъ округомъ, императоръ французовъ можетъ назвать это уже великодушнымъ превращеніемъ требованія самихъ итальянцевъ. „Но конституціонная партія не отказывалась отнять у австрийцевъ все, что можно будетъ отнять, если вспыхнетъ война“. — Такъ, этими самими словами ей и будутъ отвѣчать, если война кончится какими нибудь не важными потерями для австрийцевъ. Что могли мы отнять у австрийцевъ, не подвергалъ Францію чрезвычайнымъ усиліямъ и бѣдствіямъ слишкомъ упорной войны, то мы и отняли у нихъ, — скажутъ французскіе дипломаты; — требовать совершеннаго отказа ихъ отъ итальянскихъ владѣній, значило бы слишкомъ обременять Францію и итальянскую войну обращать въ обще-европейскую; этого Франція не обѣщала сдѣлать и не могла сдѣлать“.

„Но самъ императоръ французовъ въ своей прокламаціи объявилъ, что война должна имѣть своимъ результатомъ совершенное изгнаніе австрийцевъ изъ Италіи“. Нѣтъ, понимать прокламацію его непрѣмѣнно въ такомъ смыслѣ — значить видѣть въ ея выраженіяхъ только такое значеніе, какое пріятно неопытному въ дипломатическихъ истолкованіяхъ читателю, и не замѣчать, что тѣ же самыя выраженія могутъ допускать и другое толкованіе, далеко не столь тѣсное. Мы попробуемъ показать, что можно сдѣлать изъ этихъ фразъ, въ случаѣ надобности. Въ длинной прокламаціи советсвенно только два мѣста, опредѣляющія конечную цѣль войны; мы посмотримъ, что могутъ сдѣлать изъ нихъ обоихъ дипломаты, въ случаѣ надобности.

„Австрія довела положеніе дѣлъ до такой крайности, что должно или ей владычествовать до Альпъ, или Италіи быть свободной до Адриатическаго моря“. Неопытный умъ можетъ видѣть въ этомъ положительную рѣшимость отнять у Австріи все, до самой Венеціи. Но очень легко истолковать эти слова иначе. Во-первыхъ, необходимость изгнанія австрийцевъ ставится слѣдствіемъ ихъ собственной политики, непримиримо враждебной Пизмонту, — „Австрія довела вещи до такой крайности“, и освободить Италію до Адриатическаго моря необходимо потому, что иначе Австрія „завладеетъ всею землею до Альпъ“ — то есть, Пизмонтомъ. Но что, если Австрія докажетъ, что она отказывается отъ вражды противъ Пизмонта? Что, если она согласится на такія условія мира, что существованіе Пизмонта будетъ ограждено отъ предполагаемой опасности? Тогда исчезаетъ одна половина дилеммы, стало быть исчезаетъ надобность и въ другой половинѣ. Если не

будет опасности, что Австрія станетъ расширять свои владѣнія, не будетъ надобности и изгонять ее изъ Италіи.

Нейтральныя державы теперь убѣждены, что Австрія никогда не хотѣла присвоивать себѣ ни вершка піемонтской земли,—почему звать, что Франція не убѣдится въ этомъ, когда почтетъ удобнымъ склониться къ такому убѣжденію?

Итакъ, прокламация ставитъ изгнаніе австрійцевъ въ зависимость отъ факта (опасность для Піемонта), который можетъ быть съ согласія Австріи устраненъ множествомъ разныхъ способовъ; напримѣръ: обязательствомъ Австріи не нападать на Піемонтъ; уступкою какихъ нибудь округовъ, отнимающихъ стратегическія линіи для наступленія въ Піемонтъ изъ Австрійскихъ владѣній; срытіемъ какихъ нибудь пограничныхъ укрѣпленій; обязательствомъ не держать въ Ломбардіи болѣе 100,000 войска (какъ и не держала Австрія до начала нынѣшняго года) и т. д. Нельзя исчислить всѣхъ комбинацій, которыми можетъ уничтожиться надобность изгонять австрійцевъ изъ Италіи.

Мы видимъ, какъ легко при нѣкоторой опытности въ дипломатическихъ изслѣдованіяхъ найти, въ случаѣ надобности, что первое изъ выраженій, опредѣляющихъ цѣль войны, вовсе не исключаетъ возможности оставить за австрійцами часть ихъ владѣній или и всѣ ихъ владѣнія въ Италіи, смотря по вѣншевію обстоятельствъ. А на этомъ одномъ выраженіи почти исключительно и опираются всѣ толки, будто бы полное изгнаніе австрійцевъ поставлено непремѣнною цѣлью войны. Въ самомъ дѣлѣ, второе выраженіе прокламации гораздо менѣе опредѣлительно:

„Цѣль этой войны—то, чтобы Италія снова принадлежала самой себѣ (*tendre l'Italie à elle-même*), а не то, чтобы замѣнить одно господство надъ нею другимъ“. Тутъ сущность мысли заключается просто въ засвидѣтельствованіи того, что Франція не хочетъ завоеваній въ Италіи, что она не хочетъ занять въ ней того положенія, какое нынѣ занимаютъ австрійцы. Но само собою разумѣется, что исполненіе желаній зависитъ отъ обстоятельствъ, и въ строкахъ, непосредственно слѣдующихъ за этимъ выраженіемъ, мы имѣемъ указаніе на факты, которые могутъ принудить Францію,—конечно, съ присворбіемъ, отступить отъ образа дѣйствій, стремленіе къ которому выражено приведенною у насъ фразою:

„Мы идемъ въ Италію не возбуждать безпорядки, не потрясать власть святѣйшаго отца, нами возстановленную“. Но что же, если бы оказалось, что итальянцы наклонны къ произведенію „безпорядковъ“?—Ясно, что Франція стала бы удерживать ихъ отъ такого гибельнаго заблужденія,—этимъ именно и занималась до сихъ поръ Австрія. Вся политика ея въ Италіи направлена была исключительно къ предупрежденію „безпорядковъ“. Власть папы должна остаться непоколебимою; но что, если окажется въ римлянахъ желаніе колебать ее? Франція принуждена будетъ охранять папу отъ недоброжелательства его подданныхъ.

Такимъ образомъ, самая прокламация довольно точно показываетъ, что Франція въ Италіи главною своею заботою будетъ имѣть престѣненіе безпорядковъ и народныхъ волненій; она предоставитъ итальянцамъ ту степень незави-

симости, какая может остаться у нихъ безъ нарушенія законнаго порядка; условія мира съ австрійцами поставляются въ зависимость отъ прекращенія опасности для Пизмонта, и мы видѣли, что опасность эта можетъ быть устранена множествомъ разныхъ способовъ, не требующихъ изгнанія австрійцевъ изъ Италіи. Только людямъ, слишкомъ расположеннымъ видѣть въ чужихъ словахъ смыслъ, какой пріятенъ для нихъ, и не привыкшимъ вникать въ характеръ дипломатическаго языка, можетъ казаться, что императоръ французовъ связываетъ себя въ своей прокламаціи какими нибудь обязательствами, кромѣ общанія не допускать въ Италіи безпорядковъ, какъ не допускали ихъ австрійцы, и поддерживать власть папы, какъ поддерживалъ ее до сихъ поръ. Если у кого остается сомнѣніе въ этомъ, оно можетъ окончательно разсѣяться соображеніемъ смысла рѣчей, сказанныхъ въ Законодательномъ Корпусѣ по поводу итальянскаго вопроса, и соображеніями относительно дѣйствій французскаго коменданта въ Римѣ.

Много разъ мы указывали на существенную причину неизбѣжности войны, находя ее въ отношеніяхъ нынѣшней французской системы къ общественному мнѣнію. Система эта чувствовала необходимость отвлечь вниманіе націи отъ внутреннихъ вопросовъ громомъ побѣдъ и упрочить себя возобновленіемъ своей военной славы. Политика эта въ значительной степени оправдалась успѣхомъ. Мы видѣли, что съ начала нынѣшняго года толками о войнѣ заглушились требованія внутреннихъ реформъ, такъ быстро усилившія въ концѣ прошлаго года. Мы говорили также, что ропотъ разсчитливыхъ людей на обременительность задуманной войны будетъ заглушенъ энтузіазмомъ воинственной націи, когда война будетъ объявлена. И дѣйствительно, массою: простолудинствъ въ Парижѣ и въ другихъ большихъ городахъ овладѣлъ восторгъ, какъ только была объявлена война. Мы могли бы не вѣрить, если бы только французскія газеты говорили о народномъ восторгѣ; но изъ англійскихъ и даже нѣмецкихъ газетъ видно, что простолудины большихъ городовъ и особенно Парижа дѣйствительно увлечены мыслию о славѣ, какую пріобрѣтетъ Франція, освободивъ Италію. Разсказы газетныхъ корреспондентовъ несомнѣнно подтверждаются двумя фактами. Число волонтеровъ, поступающихъ на время войны, если и не такъ громадно, какъ увѣряютъ официальные газеты, то все же очень значительно. Одинъ Парижъ далъ ихъ болѣе 15,000 (официальные газеты говорятъ о 25,000). Въ другихъ большихъ городахъ наберется почти такое же число. Еще важнѣе тотъ фактъ, что императоръ отважился послать изъ Парижа въ Италію и свою гвардію, и большую часть гарнизона. Это показываетъ, что правительство стало пользоваться значительною степенью популярности и могло ослабить предосторожности противъ возстанія въ столицѣ.

Правда и то, что простолудины, совершенно незнакомые съ дипломатическими тонкостями, понимаютъ характеръ войны совершенно не въ такомъ свѣтѣ, какой придаетъ войнѣ правительство и въ какомъ видятъ ее люди, болѣе свѣдущіе въ дипломатическомъ языкѣ. Парижскіе простолудины и вся французская армія думаютъ, что война имѣетъ революціонный характеръ; потому и восторгъ, ею возбужденный въ солдатахъ и въ рабочихъ, уже принявъ отбѣнокъ, изъ котораго должны возникнуть столкновенія,

когда факты покажутъ простолюдинымъ и солдатамъ, что они ошибались. Толпы волонтеровъ и работниковъ ходятъ по улицамъ Парижа съ революціонными пѣснями, которыхъ не слышно было съ 1850 года. Войска, садившіяся на корабли въ Марсели, также пѣли революціонныя пѣсни. Во французскомъ лагерѣ въ Піемонтѣ, надъ всѣми криками въ честь императора и въ честь Италіи господствуетъ Марсельеза. Съ криками „да здравствуетъ императоръ!“ часто смѣшиваются крики „да здравствуетъ республика!“ Конечно, не надобно придавать этому республиканскому и революціонному характеру простонароднаго энтузіазма слишкомъ большой важности и должно ожидать, что военная дисциплина успеетъ подавить тѣ его проявленія, которыя были бы для нынѣшней системы опаснѣе простаго пѣнія. Можно даже думать, что въ случаѣ успѣшнаго хода войны личный энтузіазмъ къ императору, доставившему случай для побѣдъ, возьметъ верхъ надъ нынѣшнимъ республиканскимъ отторженіемъ воинственности. Но какъ бы то ни было, надобно замѣтить фактъ, который можетъ быть источникомъ затрудненій для нынѣшней системы, если не будетъ подавленъ быстрыми побѣдами.

Заблужденія простолюдиновъ не раздѣляются, какъ мы сказали, людьми опытными въ политической жизни, а восторгъ отъ ожидаемой славы не заставляетъ образованные классы общества забывать объ интересахъ, которымъ война неблагопріятна. Республиканская партія не предполагаетъ, чтобы война имѣла цѣлью дѣйствительное освобожденіе Италіи, а буржуазія скорбитъ объ упадкѣ фондовъ. Этимъ объясняется чрезвычайно холодный пріемъ военныхъ предложеній въ Законодательномъ Корпусѣ и смѣлость рѣчей, сказанныхъ нѣкоторыми изъ членовъ его. Засѣданія Законодательнаго Корпуса въ первый разъ со времени втораго декабря становятся интересными. Опираясь на недовольствѣ большинства депутатовъ, въ которыхъ прежніе расчеты о выгодахъ приверженности къ нынѣшней системѣ смѣняются расчетами о вѣроятномъ разореніи отъ войны, малочисленные республиканцы Законодательнаго Корпуса начинаютъ говорить довольно рѣзко. Мы приведемъ здѣсь отрывки изъ писемъ парижскаго корреспондента Times'a и отчеты Монитѣра о нѣкоторыхъ рѣчахъ, сказанныхъ въ Законодательномъ Корпусѣ.

Мы говорили о быстротѣ, съ какою французское правительство сдѣлало военныя распоряженія при первомъ извѣстіи объ австрійскомъ ультиматумѣ. Не теряя времени, внесло оно въ Законодательный Корпусъ 14 проектовъ тѣхъ декретовъ, которые должны быть принимаемы съ согласія законодательной власти. Первые два предложенія состояли въ томъ, чтобы увеличить призываемый подъ знамена контингентъ 1858 года отъ прежней цифры 100,000 до 140,000 человекъ и дать правительству полномочіе заключить заемъ въ 500,000,000 франковъ. Вотъ какъ парижскій корреспондентъ Times'a рассказываетъ о засѣданіи Законодательнаго Корпуса 26-го апрѣля, когда были сдѣланы эти предложенія.

«Графъ Морни, управляющій мудрыми совѣщаніями представителей Франціи, явился въ половинѣ втораго въ простомъ фракѣ. Относительно орденовъ онъ принялъ скромность. Изъ находящейся у него полудюжины ихъ, онъ удовольствовался на этотъ разъ только лентою и звѣздою Почетнаго Легіона. Скоро явился г. Барошъ, замѣчательный по своему мундиру президентъ государственнаго совѣта, богато вышитому

золотомъ, по лентѣ и по звѣздѣ,—за свои гражданскія заслуги онъ также получилъ «звѣзду мужества». Передъ г. Морни стоялъ столъ съ богатою позолотою, съ никрустаціями и съ конторкою, имѣющею завидное отличіе служить хранилищемъ мыслей его высокопревосходительства. Ниже стоялъ длинный столъ, за которымъ сидѣтъ коммиссары правительства: одинъ изъ нихъ теперь г. Баронъ. Приблизилась рѣшительная минута; г. Морни позволилъ въ колокольчикъ во второй разъ и водворилось глубокое молчаніе. Президентъ возвыстился о прибытіи министра иностранныхъ дѣлъ; г. Валуевскій вошелъ въ залу и сѣлъ за столъ коммиссаровъ. Затруднительная вопросъ, чей пундиръ богаче вышитъ,—г. Валуевскаго или г. Барна: оба они находятся въ золотой скорлупѣ. Но нѣтъ кажется, что г. Валуевскій, какъ сенаторъ, имѣетъ право носить одинъ или два золотые жгута лишникъ противъ г. Барона, какъ президента государственнаго совѣта. Впрочемъ, оставляя этого вопросъ до дальнѣйшихъ послѣдствий; довольно сказать, что оба они чрезвычайно великодушны. Изъ львовъ, дельфиновъ, коршунговъ, орловъ и другихъ орденовъ, данныхъ г. Валуевскому европейскими государями, на выставкѣ не было ни одного, кромѣ ленты и звѣзды Почетнаго Легіона. Съ удовольствіемъ свидѣтельствую объ этой общей утѣренности.

«Президентъ объявилъ, что министръ имѣетъ нѣчто объявить палатѣ. Г. Валуевскій всталъ и началъ читать по тетради. Сообщение содержало только исторію итальянскаго вопроса и начиналось описаніемъ безумства, произведеннаго въ началѣ года вооруженіями Австріи и накопленіемъ войскъ въ ломбардо-венеціанскихъ земляхъ съ намѣреніемъ напасть на Пізмонъ. Сколько я разслышалъ, министръ не упоминалъ ни о словахъ, сказанныхъ императоромъ французамъ австрійскому посланнику въ первый годъ, ни о пломбьерскихъ плавахъ, ни о намѣреніи, приписываемомъ Пізмонту, при помощи Франціи выгнать австрійцевъ изъ Ломбардіи. Умалчивая обо всѣхъ этихъ фактахъ, какъ обстоятельствахъ неважныхъ, онъ изложилъ ходъ переговоровъ до австрійскаго ультиматума относительно обезоруженія Пізмонта. Разумѣется, министръ выказывалъ утѣренность желаній и плановъ императора и сильно отрипалъ всякіе планы честолюбія или завоеванія. Палаза, слушала молча. Къ концу сообщенія, въ вѣсткахъ о желаніи императора сохранить миръ, два раза послышался шопотъ семи или восьми голосовъ *très bien! très bien!*—по окончаніи рѣчи десятка двадцатиголосовъ повторили тоже восклицаніе и десятка два паръ рукъ залопали. Большинство палаты сѣдло молча и неподвижно.

«Тогда г. Баронъ прочелъ изложеніе проекта закона объ увеличеніи послѣдняго сто-тысячнаго контингента прибавкою еще сорока тысячъ рекрутъ. Прочтенъ былъ также проектъ закона о разрѣшеніи правительству сдѣлать заемъ въ 500 милліоновъ франковъ.

«Тогда всталъ г. Морни и прочелъ краткій адресъ къ палатѣ. Онъ убѣждалъ депутатовъ «пренебречь при настоящихъ обстоятельствахъ всѣмъ матеріальнымъ интересамъ до патриотизма, смотрѣть не назадъ, а впередъ», и т. д. Увѣщаніе пренебречь матеріальными интересами для болѣе благородной цѣли, исходя отъ столь уважаемаго авторитета, безъ сомнѣнія произвело надлежащее впечатлѣніе. Нѣкоторые депутаты улыбнулись, въ знакъ согласія и одобренія, какъ и полагаю. Послѣ этой самоотверженной рѣчи нѣсколько человекъ изъ депутатовъ закричали: *Vive l'empereur!* и стали аплодировать. Аплодисменты были вовсе не общіе и расположеніе палаты не походило на энтузіазмъ.

«Надобно не оставить безъ вниманія то, что два министра, избранные для представленія сообщеній и для оддержанія нихъ своимъ краснорѣчіемъ, съ самаго начала до самаго конца противились войнѣ. И г. Валуевскій, и г. Фульдъ, прочитавши сенату такое же сообщеніе, какъ г. Валуевскій Законодательному Корпусу, глубоко скорбѣли о направленіи, принятомъ дѣлами».

Разсмотрѣвъ проекты въ своихъ отдѣленіяхъ (бюро), Законодательный Корпусъ собрался на другой день (27 апрѣля) для совѣщаній въ публичномъ засѣданіи объ увеличеніи контингента. Ораторомъ оппозиціи явился в

этот день республиканецъ Эмиль Оливье. Рѣчи, произносимыя въ Законодательномъ Корпусѣ, печатаются только въ извлеченіяхъ, составляемыхъ офиціальнымъ порядкомъ подъ наблюденіемъ президента, назначеннаго императоромъ. Потому можно судить, до какой степени смягчается и даже совершенно измѣняется въ этихъ извлеченіяхъ смыслъ словъ, несогласныхъ съ желаніями президента. Но и по блѣдному извлеченію, представленному Мониторомъ, читатель можетъ видѣть, въ чемъ состоялъ смыслъ словъ Оливье. Вотъ буквальный переводъ изъ протокола, помѣщеннаго въ Мониторъ.

«Г. Эмиль Оливье говоритъ, что вотъ уже четыре мѣсяца общественное мнѣніе измѣнено. Всѣ съ безпокойствомъ спрашиваютъ себя, сохранитъ Франція миръ или начнетъ войну? Ораторъ жальется, что въ теченіе этого долгаго времени французамъ получали свѣдѣнія о ходѣ дѣла только изъ преній англійскаго или сардинскаго парламентовъ, и французскому Законодательному Корпусу предложень этотъ вопросъ только уже по фактическомъ его разрѣшеніи.

«Въ настоящую минуту Италия одушевлена всеобщимъ желаніемъ: ея нація желаетъ изгнанія иностранцевъ, соединяется подъ знаменемъ Піемонты и призываетъ Францію. Такое чувство, по мнѣнію оратора, совершенно основательно. Съ 1815 года австрійское правительство не ограничивалось нарушеніемъ общинамъ, данныхъ отъ его имени привилегій и венеціанцамъ, оно постоянно угнетало всю Италію. На минуту блеснула Италіи лучъ надежды; она отвергла дажн руку, протѣгавшую ей французской республикой, надеясь, что будетъ обязана своимъ освобожденіемъ только самой себѣ. Эта надежда ея обманула.

«На жалобы итальянскаго народа, на протестаціи, сдѣланныя отъ его имени графомъ Кавуромъ передъ парижскимъ конгрессомъ, всегда отвѣчали только однимъ возраженіемъ, указавшимъ на трактаты 1815 года, на эту «территориальную конституцію Европы», по выраженію лорда Пальмерстона.

«Какъ надобно смотрѣть на трактаты 1815 года? Были высказываемы очень различныя мнѣнія объ этихъ, слишкомъ знаменитыхъ дипломатическихъ сдѣлкахъ. Во Франціи никто не отваживался защищать ихъ, даже изъ тѣхъ людей, которые считали необходимымъ сохранять ихъ. Одни говорили, должно вращивать ихъ, но уважать ихъ; другіе, какъ знаменитый манифестъ (Лангартена), говорили: должно отрицать юридическую силу трактатовъ 1815 года, но уважать ихъ фактическое существованіе. Всѣ признавали, что эти трактаты должны считаться не столько договорами, сколько приговорами, произнесенными противъ Франціи. Ораторъ объявляетъ, что онъ и его друзья дѣлаютъ существенное различіе между равными территориальными опредѣленіями трактатовъ 1815 года. Постановленія, направленныя противъ Франціи, они отличаютъ отъ тѣхъ, которыми нарушены права національностей менѣе сильныхъ. Достопочтенный членъ мало скорбитъ о томъ, что не расширяются границы Франціи. Призваніе Франціи не въ томъ, чтобы расширить свои границы. Ораторъ и его друзья осуждаютъ устарѣлую завоевательную полнѣтику. Не матеріальныя, а нравственные завоеванія должна дѣлать Франція; для націй, какъ и для частныхъ людей, истинное величіе состоитъ въ безкорыстіи.

«Но есть, по мнѣнію оратора, въ трактатахъ 1815 года такіа постановленія, которыми должны быть энергически отвергаемы; это тѣ постановленія, которыми напращены противъ національностей, не столь сильныхъ, какъ Франція, и въ особенности тѣ двусмысленныя постановленія, которые повергли Италію, какъ жертву, къ вогамъ Австріи. Когда былъ возбужденъ итальянскій вопросъ, достопочтенный членъ и его друзья хотѣли думать, что во мнѣніи самаго правительства трактаты 1815 года перестали существовать по отношенію къ Италіи; на этомъ пути они готовились оказывать ему самую рѣшительную, страстную, неослабную помощь; но въ ту минуту, когда надобно принять окончательное рѣшеніе, возникло въ умѣ оратора сомнѣніе и онъ желалъ бы, чтобы правительство разсѣяло это сомнѣніе. Онъ далекъ отъ мысли

упрекать правительство за то, что оно не торопилось вступать въ войну; понятно, что глава государства колеблется передъ рѣшеніемъ отнять у націи блага мира. Но онъ былъ печально удивленъ слыша вчера, что г. министръ иностранныхъ дѣлъ подтверждаетъ слова, оказанныя съ англійской трибуны, что французское правительство соглашалось вести переговоры на основаніи трактатовъ 1815 года, — этихъ трактатовъ, которые разорвала сама Австрія своими особенными договорами, своими дипломатическими и военными вышательствами, продолжительными занятиями чужихъ земель военной силой. Правительство могло не возбуждать вопроса; но, возбуждавъ его, оно не должно было соглашаться на переговоры, которые могли упочинить трактаты 1815 года и возратить имъ силу, ими потерянную.

«При такомъ положеніи вещей ораторъ спрашиваетъ, что хотять дѣлать въ Италіи. Италіянскіе походы могутъ имѣть разный характеръ. Французское вышательство можетъ произвестъ освобожденіе Италіи; но оно можетъ также привести только къ договору въ родѣ Кампоформіосскаго, или оказаться новымъ римскою эскадаціею. Намѣренія правительства не объяснены. Въ этой неувѣренности, ораторъ и его друзья считаютъ нужнымъ опасаться, что, предпринимая настоящую экспедицію, правительство имѣетъ только одну цѣль, пріобрѣтеніе военной славы, хочетъ воспользоваться Италіею, а не принести пользу ей. Они не хотять выражать довѣріе къ правительству, подавая голосъ за предложенный законъ; они не хотять, отвергая законъ, принимать такой видъ, какъ будто бы низвергаютъ Италію и становятся на сторонѣ австрійцевъ; потому они удерживаются отъ подачи голоса. Сердце ихъ за Италію, но они ожидаютъ отъ правительства объясненія, что нынѣшняя война начинается для пользы Италіи.

«Въ заключеніе ораторъ говоритъ, что, судя по оффиціальнымъ извѣстіямъ, война начинается при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ. Чѣмъ бы она ни кончилась, онъ свидѣтельствуетъ, что онъ и его друзья останутся вѣрны предавію своихъ отцевъ, предавію тѣхъ гражданъ-героевъ, которые въ дни великой опасности умѣли охранять, подъ предводительствомъ Гошей и Марсо, отъ осяверненія иностранцами священную землю отечества».

Немного вужно догадливости, чтобы понять изъ этого извлеченія, какимъ рѣшкимъ неодобреніемъ была проникнута рѣчь Оливье. Онъ говоритъ, по выраженію Монитѣра, что французская нація въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ узнавала факты только изъ преній англійскаго и сардинскаго парламентовъ; но въ Монитѣрѣ часто печатались оффиціальныя статьи, излагавшія ходъ дѣла и намѣренія французскаго правительства, — ясно, что Оливье не считаетъ достовѣрнымъ ни одного слова этихъ статей. Онъ жалѣетъ, по выраженію Монитѣра, что четыре мѣсяца правительство не предлагало Законодательному Корпусу италіянскаго вопроса и сообщать ему объ этомъ дѣлѣ, когда оно уже рѣшено, — ясно, что ораторъ говорилъ о пренебреженіи правами Законодательнаго Корпуса, а права эти понималъ такъ, что правительство было обязано не дѣлать ничего важнаго безъ его согласія. Ораторъ думалъ, по выраженію Монитѣра, что правительство хочетъ вести войну для уничтоженія трактатовъ 1815 года относительно Италіи, т. е. для изгнанія австрійцевъ изъ Италіи, но въ рѣшительную минуту въ немъ пробудилось сомнѣніе, — ясно, онъ говорилъ, что никогда не вѣрилъ въ намѣренія правительства освободить Италію, а теперь имѣетъ въ рукахъ доказательства основательности своего невѣрія. Это доказательство доставлено словами англійскаго министра, что Франція соглашалась вести переговоры на основаніяхъ трактатовъ 1815 года. Но Монитѣръ также излагалъ основанія переговоровъ, и ясно, что Оливье выставилъ разнорѣчіе Монитѣра съ истинной, доказанной превіями англійскаго парламента; онъ говоритъ, что Монитѣръ скрываетъ

факты, излагалъ дѣло въ ложномъ видѣ; но теперь Валевскій и Барошъ говорили согласно съ Мониторомъ,—ясно, какой характеръ придаетъ Оливье ихъ словамъ. По выраженію Монитѣра, онъ былъ бы радъ, если бы объяснилось его сомнѣніе,—ясно, онъ требовалъ у министровъ отчета въ противорѣчіи официальныхъ изложеній съ фактами; Валевскій подтвердилъ факты, обнаруженные англійскимъ парламентомъ: это значить, Валевскій былъ принужденъ сознаться, что до сихъ поръ лгалъ. Наконецъ, въ предпоследнемъ параграфѣ рѣчи, несмотря на всѣ искаженія, сдѣланныя протоколомъ въ словахъ Оливье, смыслъ остался такъ рѣзокъ, что не требуетъ поясненій. Можно идти въ Италію за тѣмъ, чтобы освободить ее, можно идти за тѣмъ, чтобы поработить ее больше прежняго, говорить Оливье въ этомъ параграфѣ. Зачѣмъ посылають гуда теперь французовъ, продолжаетъ онъ, можно знать по результатамъ римской экспедиціи. Исторія этой экспедиціи извѣстна: когда она отправлялась, Наполеонъ III, бывшій тогда еще президентомъ республики, говорилъ, что цѣль экспедиціи спасти Римъ отъ австрійцевъ, а кончилась экспедиція тѣмъ, что французы поддерживаютъ въ Римѣ вранительство, которое угнетаетъ римлянъ хуже, нежели австрійцы угнетаютъ ломбардцевъ. Последний параграфъ протокола заключаетъ въ себѣ мысль самую горькую: „война начинается при счастливыхъ условіяхъ, но мы готовы защищать Францію отъ вторженія иностранцевъ“, говоритъ Оливье. Ясно, что это значить: Оливье говорилъ, что самыя счастливыя обстоятельства разрушаются коварствомъ излишней хитрости, которое наконецъ должно возстановить противъ себя всю Европу; Европа увидитъ, что Ломбардія была только предлогомъ для завоевательной политики; Европа увидитъ, что должна защищать сама себя, а не Австрію, составится новая коалиція и повторятся событія 1813 и 1814 годовъ. Кажется, этого было бы довольно; но имена Гоша и Марсо, упоминаемые Мониторомъ, свидѣтельствуютъ о мысли еще болѣе рѣзкой: безъ сомнѣнія, Оливье противопоставлялъ этихъ республиканскихъ генераловъ Наполеону I и указывалъ на то, что европейская коалиція, которая легко побѣдитъ императорскую Францію, можетъ быть побѣждена только республиканскою Франціею.

Къ такимъ-то рѣчамъ въ Законодательномъ французскомъ Корпусѣ открывается теперь возможность: большинство, составленное изъ людей, до сихъ поръ восторженно хвалившихъ нынѣшнюю систему, вдругъ охладѣло къ ней и позволяетъ возвышать голосъ немногимъ республиканцамъ, находящимся въ Законодательномъ Корпусѣ; мало того, что оно позволяетъ имъ говорить,—вѣроятно, оно слишкомъ сочувствуетъ имъ за протестъ противъ намѣреній императора, если самъ графъ Морни, президентъ Законодательнаго Корпуса, принужденъ былъ терпѣть рѣчь Эмиля Оливье.

Но зачѣмъ догадки о чувствахъ большинства, такъ недавно бывшаго преданнымъ нынѣшней системѣ? Холодность, съ которою принимаетъ оно сообщенія и объясненія правительства, достаточно свидѣтельствуетъ о его чувствахъ. Но опять, зачѣмъ мы говоримъ о заключеніяхъ, выводимыхъ изъ молчанія и холодности? Бывшіе панегиристы правительства уже не довольствуются молчаніемъ; черезъ два дня послѣ цреній о контингентѣ происходили пренія о займѣ, и вотъ что рассказываетъ парижскій корреспондентъ

Times'a о засѣданіи Законодательнаго Корпуса 29 апрѣля. Въ предисловіе къ его разсказу мы сдѣлаемъ только одно замѣчаніе: слова Плисона оны́ буквально беретъ изъ протокола, напечатаннаго въ Мониторѣ, и беретъ далеко не все рѣзкое, сохраненное изъ нихъ даже Мониторомъ. Можно по этому судить, какова въ дѣйствительности была рѣчь этого депутата, до сихъ поръ восхищавшагося второю имперіею.

«Большое удивленіе было возбуждено свободой, съ которой говорили противъ войны многіе члены, до сихъ поръ бывшіе раболѣпными приверженцами (*servile followers*) правительства, и просторомъ, который былъ дозволенъ имъ рѣчь въ виде президентомъ Законодательнаго Корпуса г. Шнейдеромъ, предѣлительствовавшимъ въ этотъ день. Если бы болѣзнь не помѣшала быть въ засѣданіи президенту, г. Морисъ, то, вѣроятно, не было бы такого простора. Особенно энергиченъ былъ языкъ г. Плисона. Онъ началъ тѣмъ, что не чувствуетъ никакой симпатіи къ большей части члѣновъ г. Оливье, республиканскаго депутата, говорившаго въ однихъ изъ предшествовавшихъ засѣданій, но соглашается съ нимъ въ одной мысли,—въ той мысли, что «невыносимо для страны, столь долго имѣвшей всю полноту политической жизни, терпѣть такое положеніе, что факты, относящіеся къ ней, она должна узнавать отъ иностранцевъ». Еще невыносимѣе, прибавилъ онъ, что вопросы, отъ которыхъ зависятъ будущасть страны, завязываются и рѣшаются безъ всякаго участія Законодательнаго Корпуса. «Я подалъ голосъ за увеличеніе нашихъ военныхъ силъ (продолжалъ г. Плисонъ), потому что наши войска уже перешли границу, стало быть мы обязаны поддерживать честь французскаго вѣнчика и поздно намъ разсуждать. Но еслибы вопросъ не былъ уже рѣшенъ безъ насъ; еслибы я могъ разсматривать, имѣть ли Франція какую нибудь надобность вѣнчиваться въ эту войну, я сказалъ бы: нѣтъ. Я вотировалъ съ прискорбленіемъ, потому что имѣлъ глубокое убѣжденіе, что правительство безъ надобности впустило нашу страну въ войну, исполненную риска и опасности, для результатовъ, по крайней мѣрѣ невѣрныхъ, чтобы не сказать болѣе. Изъ сообщеній, сдѣланныхъ правительствомъ, рѣшительно не видно, чтобы австрійская политика въ Италіи подвергала опасность честь или спокойствіе Франціи, или равновѣсіе Европы». Далѣе онъ замѣтилъ, что политическое положеніе Италіи вовсе не ново; что со времени возникновенія этого положенія было во Франціи много разныхъ правительствъ и на одно изъ нихъ не находило это положеніе столь важнымъ для интересовъ Франціи, чтобы завязывать войну для его прекращенія. Онъ спросилъ, будетъ ли эта война революціонная или политическая, должна ли она быть отрицаніемъ или продолженіемъ политики, внушенной римскую экспедицію? Будетъ ли цѣлью ея только изгнаніе австрійцевъ, или независимость и единство Италіи? Онъ спросилъ, какъ далеко хочетъ идти правительство и на чемъ оно думаетъ остановиться? «Каждому визны, заключилъ г. Плисонъ, жертвы, которыхъ будетъ стоить Франціи эта война; но никто не видитъ, какую выгоду Франція получить отъ нея. Да, ничего не можетъ она получить отъ нея, прокъ развѣ пустой славы,—это будетъ единственныи вознагражденіемъ ея за кровь ея дѣтей». Г. Плисону отвѣчалъ г. Виронъ, президентъ государственнаго совѣта. Онъ сказалъ, что Франція воюетъ потому, что на нее напали. Франція объявила, что если австрійцы нападутъ на Піемонтъ, она обязана защищать его. Другихъ причинъ къ войнѣ нѣтъ. Послѣ того всталъ просить слова г. Жюль Фавръ, знаменитый республиканскій адвокатъ.

Рѣчь Жюля Фавра занимала важнѣйшее мѣсто въ засѣданіи 29 апрѣля; мы приводимъ вполнѣ всю часть протокола, въ которой излагаются его слова. Читатель замѣтитъ какой смыслъ должно было имѣть въ дѣйствительности замѣчаніе президента, предшествовавшее словамъ Жюля Фавра. Президентъ просилъ палату слушать спокойно съ увѣренностью, что ораторъ не скажетъ ничего оскорбительнаго для чувствъ палаты; это служило напоминаніемъ ора-

тору, что позволеніе говорить дается ему подь условіемъ соблюдать осторожность въ словахъ. Но въ благодарности президенту, которой начинаетъ Жюль Фавръ, содержится прямой отказъ скрывать свои мысли. Потомъ онъ встаетъ противъ Плишона,—это за то, что Плишонъ высказывалъ боязню войны съ революціоннымъ характеромъ. Жюль Фавръ доказываетъ, что если война не будетъ имѣть революціоннаго характера, то не зачѣмъ начинать ее; и вся его рѣчь состоитъ въ развитіи двухъ мыслей, одинаково враждебныхъ либеральной системѣ; онъ доказываетъ, что война необходимо должна была бы имѣть революціонный характеръ; потомъ доказываетъ, что правительство хотѣть вести ее въ консервативномъ духѣ съ единственной цѣлью упрочить свое существованіе славою побѣдъ, безъ всякаго намѣренія улучшить положеніе Италии. Но прочтемъ изложеніе самой рѣчи, представленное Монитёромъ.

«Г. Жюль Фавръ требуетъ рѣчи.

«Г. Президентъ, давая рѣчь г. Жюлю Фавру, проситъ палату слушать его не перерывая. Искусство, съ которымъ г. Фавръ владѣетъ рѣчью, должно служить палатѣ рѣшительнымъ за то, что рѣчь оратора будетъ сообразна съ важностью обстоятельствъ; потому г. президентъ проситъ палату слушать эту рѣчь, не перерывая.

«Г. Жюль Фавръ благодаритъ Г. Президента за добродетельную мысль его замѣчанія, но требуетъ полной независимости своимъ объясненіямъ. Онъ постарается не оскорбить палату ни однимъ изъ своихъ словъ. Если онъ принимаетъ участіе въ настоящемъ преніи, онъ дѣлаетъ такъ по убѣжденію, что это преніе необходимо, и требуетъ болѣе глубокаго разъясненія.

«Ни мало не одобряя нѣкоторыхъ словъ, произнесенныхъ г. Пампшономъ, ораторъ констатируетъ ихъ. По мнѣнію distinguished члена, очевидѣйшею истинною принимается то, чтобы война могла являться совершенно оправданной, чтобы ее причина была ясно указана и цѣль ее ясно опредѣлена.

«Distinguished членъ указываетъ на несообщеніе извѣстій, какъ на вѣчто очень замѣчательное. Онъ не можетъ объяснить себѣ, какиимъ образомъ Франція могла быть ввергнута въ войну, которая можетъ обнять всю Европу, и представители страны могли быть не призваны своевременно къ выраженію своего мнѣнія. Но если Законодательному Корпусу не дано было направлять ходъ событій, если теперь онъ не имѣетъ права отказывать нашей арміи въ средствахъ съ блескомъ явиться на театрѣ дѣйствій, то члены палаты имѣютъ право спрашивать о причинахъ и о цѣли войны.

«Свѣдѣнія, сообщенныя правительствомъ, не бросили особеннаго свѣта на вопросъ. Правительство промолчало послѣ рѣчи г. Оливье. А между тѣмъ при настоящихъ обстоятельствахъ объясненія должны назваться необходимыми. Г. Министръ иностранныхъ дѣлъ прочелъ палатѣ изложеніе событій, но по мнѣнію оратора въ этомъ объясненіи нѣтъ откровенности относительно одного пункта, и этотъ недостатокъ откровенности кажется ему ошибкою и опасностью.

«Въ настоящее засѣданіе г. президентъ государственнаго совѣта сказалъ, что война теперь начата и трактаты разорваны. Ораторъ спрашиваетъ, не нужно ли въ такомъ случаѣ самымъ точнымъ образомъ опредѣлять положеніе дѣлъ. Каждый членъ палаты желаетъ, чтобы война была счастлива и кратковременна. Но для этого надобно, чтобы она воспламеняла сердца, а для этого нужно, чтобы необходимость ее была доказана всѣмъ, чтобы свѣтъ была показана святость и нравственность ее причины.

«Документъ, прочитанный г. министромъ иностранныхъ дѣлъ, говоритъ, что Франція востановлю желала мира, что она и теперь желаетъ его, что она вела переговоры для этой цѣли. Ораторъ протестуетъ противъ этихъ выраженій. Г. президентъ государственнаго совѣта сказалъ, что Франція сражается только потому, что на нее напали; но, по мнѣнію оратора, война имѣетъ цѣль болѣе высокую. Воевать для соб-

ственной защиты,—такая политика невозможна для Тюльери. Правительство должно умѣть лучше держать знамя Франціи. По убѣжденію оратора, французское правительство хотѣло войны и готовило ее. Ответственность за войну должна лежать на правительствѣ.

«Достопочтенный членъ проситъ возвратиться мыслямъ годъ назадъ. Ничто не показывало тогда, что миръ будетъ нарушенъ. Тюльрійскій кабинетъ выразилъ свою заботливость объ Италіи среди этого совершеннаго спокойствія; онъ высказалъ тогда мысль, что надобно произвести реформу въ нѣкоторыхъ итальянскихъ государствахъ, и возставалъ противъ вооружающаго существованія Австріи. Положеніе, принятое французскимъ правительствомъ, его слова, допускаемыя имъ статьи и брошюры, все это встревожило Австрію за владычество въ Италіи, все это показывало, что трактаты 1815 г. колеблются въ своемъ основаніи.

«По мнѣнію оратора, такой образъ дѣйствій необходимо долженъ былъ имѣть двоякое послѣдствіе: глубоко возмущать Италію и встревожить вѣнскій кабинетъ, т. е. заставить его усилить стѣснительныя мѣры, которыми онъ обременялъ Италію. 40 лѣтъ Австрія господствуетъ въ Италіи насиліемъ, терроризмомъ, инквизиціею, полиціею, ссылками, конфискаціею, многочисленными крѣпостями, которыя она считаетъ неприступными и которыми ограждаетъ она свою непопулярность. Она думала, что, увеличивъ силу средствъ разрушенія и порабощенія въ этой благородной и несчастной странѣ, она восторжествуетъ надъ всѣмъ. Она подавила все, кромѣ сердецъ: сердца ускользнули отъ тиранства, и непринимостью своей вражды протестуютъ противъ нарушенія вѣчныхъ законовъ, на которыя основываютъ они свой протестъ. Но, прибавляетъ ораторъ, насиліе бываетъ только фактомъ временнымъ и никогда не можетъ основать прочнаго правительства.

«Притомъ же явилось для Франціи затрудненіе, о которомъ не думали уполномоченные Вѣнскаго конгресса, затрудненіе въ тысячу разъ опасѣннѣе всѣхъ тайныхъ обществъ, поражающихъ во мракѣ. Австрія подвергается явной опасности отъ развитія свободы впередъ лицомъ деспотизма. Потому Австрія почувствовала необходимость вести противъ Піемонта глухую вражду. Но Піемонтъ имѣетъ за себя святость и справедливость своего дѣла и нравственную поддержку во всѣхъ благородныхъ людяхъ. Его молодой король составляетъ гордость своего народа и хочетъ отстоять за смерть своего благороднаго, славнаго и несчастнаго отца. Подданныкомъ піемонтскаго короля является государственныи чловѣкъ, возвеличенный мыслямъ, что онъ долженъ освободить Италію, что это должно быть дѣломъ его жизни,—государственный чловѣкъ, написавшій на знамени Піемонта девизъ: «независимость Италіи», т. е. изгнаніе австрійцевъ.

«Ораторъ спрашиваетъ, правда ли, что тѣ волненія, которыя въ настоящій минуту обнаруживаются въ Италіи, движенье которое развивается въ ней и которое уже низвергло шаткіи тосканскій престолъ,—правда ли, что эти волненія одобряются Тюльрійскими кабинетами? Французское правительство услышало жалобы итальянцевъ и сдѣлалось имъ эхомъ; оно недавно укрѣпило договоромъ и брачнымъ союзомъ старинныя связи между Франціею и савойскими домомъ. Правительство имѣетъ своей политикой было вѣрно преданіямъ Франціи и ораторъ убѣжденъ, что Франція будетъ могущественна только тогда, когда Италіи будетъ свобода и обывленіе. Разбивать цепи рабства, изгонять владыкителей, умѣющихъ господствовать только насиліемъ, таково, по мнѣнію достопочтеннаго члена, призваніе Франціи.

«Ораторъ знаетъ, что была рѣчь о конгрессѣ, на которомъ дипломаты думали мирно разрѣшить эти вопросы; дипломаты способны на все, но эта надежда ихъ всегда казалась оратору химерою. Конгрессъ невозможенъ, если на немъ нѣтъ Піемонта; а если явится на немъ Піемонтъ, удалится съ него Австрія. Но, удалась, она губитъ себя, потому что удалится отъ цивилизаціи и чловѣчества.

«И такъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только войною, потому ораторъ считаетъ необходимою, чтобы въ точности была извѣстна политика и цѣль Франціи. Причиной войны служить угнетеніе Италіи, оно вредно для Франціи. Чтобы отстранить этотъ вредъ, рѣшена теперь война и эта война не должна имѣть никакой другой

цѣли, какъ независимость Италіи. Это говоритъ Піемонтъ въ своей прокламаціи, и нашъ совѣтникъ не можетъ быть обманутъ.

«Почему оратору кажется, что невозможно имѣть сомнѣній относительно цѣли войны. Но онъ не можетъ удержаться отъ воспоминанія, относящагося къ 1849 году, къ эпохѣ римской экспедиціи. Въ 1849 году онъ имѣлъ нѣкоторое опасеніе за результаты экспедиціи. Члены тогдашняго правительства отаѣчали ему, ругаясь своими словами, что не будетъ сдѣлано никакихъ покушеній противъ свободы; а между тѣмъ известно, что произошло. По мнѣнію оратора, результатомъ римской экспедиціи было восстановление правительства, которое ненавистно жителямъ Церковной Области и которое всѣ кабинеты признаютъ дурнымъ.

«Чтобы устранить всякую невѣзистость, ораторъ проситъ г. президента государственнаго совѣта сказать ему, ошибается ли онъ въ истолкованіи истинной причины и цѣли войны. По мнѣнію оратора, Франція обнажила мечъ за независимость Италіи и не должна взыграть его въ ножны, пока остается хотя одинъ австріецъ на итальянской землѣ. Если правительство находитъ, что мысль оратора слишкомъ обширна, онъ проситъ отвѣчать ему на вопросъ: обнаружившееся волненіе уже извергло престолы австрійскихъ вассаловъ; намѣрено ли правительство возстановлять ихъ? Если правительство кардиналовъ будетъ извергнуто, то будутъ ли проливать кровь римлянъ для возстановленія этого правительства?

«По мнѣнію оратора, это невозможно. Ему не кажется даже, чтобы правительству нужно было давать объясненія объ этомъ. Довольно будетъ и того, если правительство промолчатъ. Дилемма теперь такова: или надобно взыграть Италіи и Піемонту, или надобно освободить Италію, т. е. изгнать изъ нея австрійцевъ. Ораторъ хочетъ думать, что если правительство не отвергнетъ права политики втораго рода, то оно принимаетъ ее. Ограничивать роль Франціи войною чисто оборонительною, это значило бы косвеннымъ образомъ дѣлать Францію союзницею Австріи, упрочивать австрійское господство и отдавать Италію на жертву всѣмъ бѣдствіямъ реакціи.

«Ораторъ убѣжденъ, что никто не можетъ желать такого результата; потому онъ убѣжденъ, что франкузы теперь идутъ на освобожденіе Италіи и что независимость ея составляетъ цѣль войны. Достопочтенный членъ прибавляетъ, что во внутренней политикѣ не можетъ быть никакого примиренія между нимъ и правительствомъ, пока Франція остается угнетена нынѣшнею системою.

«Г. Барошъ, президентъ государственнаго совѣта, говоритъ, что такое выраженіе не должно быть тюрпино. Франція не угнетена нынѣшнею системою; напротивъ, Франція поднята нынѣшнею системою.

«Г. Президентъ замѣчаетъ, что г. Жюль Фавръ, произнося употребленное имъ выраженіе, забылъ, что нынѣшнее правительство было одобрено нѣсколько разъ поразительнымъ согласіемъ незначительнаго большинства націй.

«Г. Жюль Фавръ говоритъ, что единственнымъ его намѣреніемъ было честно выразить его мысль о войнѣ. Если Франція и правительство думаютъ о войнѣ также, какъ онъ, то какъ бы велико ни было его несогласіе съ правительствомъ во внутренней политикѣ, онъ будетъ энергически поддерживать правительство противъ вѣнскихъ враговъ».

Даже по этому искаженному извлеченію видно, что Жюль-Фавръ говорилъ съ самой вѣдкой ироніей. Даже Мониторъ не сумѣлъ скрыть фразы о неестественности порядка, при которомъ Франція могла быть ввергнута въ войну безъ согласія своихъ представителей. Требуя отъ правительства объясненій послѣ того, какъ оно своимъ молчаніемъ подтвердило слова Оливье, — требовать послѣ этого новыхъ объясненій и все-таки доказывать, что война, вѣроятно, будетъ водна для освобожденія Италіи, и съ тѣмъ вмѣстѣ напоминать о римской экспедиціи, — это значило горько смѣяться. Наконецъ, рѣзкое выраженіе объ угнетеніи Франціи при нынѣшней системѣ

свидетельствует о такой смелости речи, какую редко позволяли себе ораторы и в Палате Депутатов при Луи-Филиппе. Как ни скрашивает Монитор слова, сказанные Жюлемъ Фавромъ въ отвѣтъ на замѣчаніе Бароша, все-таки видно, что Барошъ и президентъ не могли заставить его взять казадъ свое выраженіе; и даже по изложенію Монитѣра видно, что заключеніе речи о согласіи республиканцевъ съ вышшею политикою правительства имѣло смыслъ сарказма.

Заключимъ обзоръ фактовъ о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ войною во Франціи, письмомъ парижскаго корреспондента Times'a о дѣйствіи, произведенномъ въ Парижѣ прокламаціею императора французовъ.

«Прокламація императора французовъ, явившаяся вчера въ «Монитѣрѣ», кажется публикѣ слабой, но старательнымъ подражаніемъ прокламаціи первой имперіи. Она представляется такою близкою копіею всѣхъ этихъ манифестовъ, слышала производившихъ трескъ, а потомъ потерявшихъ всякую эффектность, что есть люди, указывающіе на нее какъ на свѣдѣтельство того, что въ прежнія времена было больше умственной свѣжести и оригинальности. Дѣйствительно, вышшняя прокламація вовсе не лестнымъ для себя образомъ напоминаетъ о бюллетеняхъ и прокламаціяхъ генерала Бонапарте къ его полу-голодной и полу-нагой арміи, устремлявшейся съ альпійскихъ свѣтовъ на плодородныя ломбардскія долины; напоминаетъ его «приказы» послѣ Лоды, Арколе или Кампо-Форміо, его адресы къ французскому народу при выступленіи въ каждый новый походъ. Одинъ депутатъ изъ Бургоніи замѣтилъ, что вышшняя прокламація точно также относится къ трагедіи Наполеона I, какъ ставка дешеваго вина, разбавленнаго водою, къ рюмкѣ настоящаго шамбертенскаго. Но попадаютъ люди, которые находятъ, или по крайней мѣрѣ говорятъ, что она очень краснорѣчива. Объ этомъ можно судить, какъ хотите, но она не прошла безъ замѣчаній со стороны людей, читающихъ ее на улицахъ. Они замѣчаютъ съ изумленіемъ (хотя трудно сказать, на какомъ основаніи они изумляются), что она не упоминаетъ ни о сенатѣ, ни о Законодательномъ Корпусѣ, ни о государственномъ совѣтѣ,—ни объ одномъ изъ такъ называемыхъ *grands corps de l'Etat*, «великихъ государственныхъ учрежденій», какъ будто бы они и не существовали въ правительственномъ механизмѣ, не имѣли въ немъ ни нравственнаго, ни матеріальнаго, ни финансоваго значенія. Упомянувъ объ императрицѣ и наслѣдственномъ принцѣ, прокламація встрѣляетъ этихъ августѣйшихъ особъ принцу Герониму, «брату перваго императора», «грабровъ войскъ, остающихся во Франціи», національной гвардіи и вообще народу, но ни слова не говоритъ «Монитѣр» ни о сенатѣ, ни о депутатахъ.

«Министры также «блистаютъ своимъ отсутствіемъ» въ этомъ торжественномъ адресѣ къ французскому народу. Но это менѣе удивительно, если справедливо слухъ, что кабинетъ распался, что его члены увольняются въ отставку или посылаются въ армію съ надутствомъ: «идите туда, гдѣ ждетъ васъ слава». Дѣйствительно, говорятъ, что г. Валуевскій и г. Фульдъ желали сопровождать императора,—достоверно ли это, не умно сказать. Государственный министр и министръ иностранныхъ дѣлъ бѣже всѣхъ членовъ кабинета надѣялись и желали сохранения мира. Но, съ политическою изобрѣтательностью, именно г. Фульдъ и г. Валуевскій были избраны для произнесенія воинственныхъ воззваній къ сенату и депутатамъ. Это напоминало о «бѣсѣ арнольдѣ» испанской комедіи, въ которой бѣсъ Люболю принужденъ за наказаніе надѣтъ къ столу францисканскаго монаха и проповѣдывать въ луксенбургскій церковь въ заштѣ ордена, который онъ особенно ненавидѣлъ и которому особенно вредилъ. Старательность Люболя, желающаго поскорѣе кончить обязанность, ненавистную ему, отчаянныя усилія его выдать свое униженіе за усердіе, принужденная горчивость его проповѣди,—все это было повторено на нашихъ глазахъ. Потому новсе не удивительно, что прокламація не упоминаетъ о вышшнихъ министрахъ, и холодность, съ какою бы приняты депутатами важныя сообщенія послѣднихъ дней, можетъ служить объяс-

иетъ официальному молчанію о депутатахъ. Сенатъ, говорить, оказался удовлетворительнѣе въ этомъ отношеніи. Сенатъ и въ первой французской имперіи былъ угодливѣе Законодательнаго Корпуса. Но не должно забывать, что въ часъ несчастія Наполеонъ I именно на сенатъ изливалъ свои горчайшіе сарказмы. Къ сенаторамъ онъ обращался съ упрекомъ за то, что они никогда не имѣли мужества сказать ему истину, безъ сопротивленія и возраженія принимали каждое его распоряженіе, каждое его желаніе. Слова о «неисправимыхъ людяхъ старыхъ партій, постоянно соединявшихся съ врагами отечества», обращены на легитимистовъ и орлеанистовъ и составляютъ, надобно думать, лучшее средство приобрести имъ сочувствіе.

«О томъ, выходятъ ли, остаются ли министры, публика, повидимому, мало заботится,—перешны интересны только для нихъ самихъ и для желающихъ занять мѣста отставленныхъ. Изъ упоминанія о принцѣ Іеронимѣ должно бы, кажется, слѣдовать, что по крайней мѣрѣ двое или трое изъ нихъ должны быть отставлены. Друзья принца Іеронима говорятъ, что онъ мало вѣрять въ нихъ преданность царствующей династіи».

Прокламацію императора французовъ мы не приводимъ здѣсь, потому что она слишкомъ извѣстна читателю по газетамъ. Но кому угодно вообще ближе познакомиться съ характеромъ и степенью правдивости военно-дипломатическаго краснорѣчія, тотъ можетъ прочесть двѣ слѣдующія прокламаціи австрійскаго главнокомандующаго. Вотъ что говоритъ Гіулай жителямъ Ломбардо-Венеціанскихъ провинцій, выступая въ походъ противъ Сардиніи:

«Оскорбленія, наносимыя изъ піемонтскихъ владѣній императорской фамиліи беззаконной партіей, протавной порядку и закону, и упорство, съ которымъ она отвергаетъ всякія слова миролюбія и примиренія, истощили долготерпѣніе нашего Августѣйшаго Императора и Государя и заставили его прибѣгнуть къ силѣ оружія на побѣдоносную защиту закона и справедливости.

«Волею нашего Государя, я назначенъ главнокомандующимъ арміей и гражданское управленіе Ломбардо-Венеціанскимъ королевствомъ соединено въ моихъ рукахъ съ военной властью на время войны съ той минуты, какъ наши царственные орлы и наши славныя знамена переходятъ за ломбардскія границы.

«Энтузіазмъ, съ которымъ наши молодые люди стали въ ряды императорской арміи, добровольное усердіе, съ которымъ вы удовлетворяли нуждамъ нашей храброй арміи, чувство долга, одушевляющее васъ,—все это служить для меня ручательствомъ за сохраненіе тишины и общественного порядка, не взирая на всѣ уничтоженія революціонной партіи».

Конецъ прокламаціи, по выраженію Гоголя,—уже не такъ занимательно. Онъ говоритъ о томъ, что для огражденія ломбардцевъ, столь усердныхъ къ австрійскому императорскому дому, отъ злонамѣренныхъ людей, оставляется въ Ломбардіи достаточное число войска. Эта заботливость объ огражденіи усердныхъ ломбардцевъ отъ всякой бѣды со стороны ненавистныхъ имъ коварныхъ злоумышленниковъ носитъ на себѣ характеръ высокой заботливости о благѣ Ломбардо-Венеціанскаго королевства. Но скажите, возвышался ли когда нибудь самъ авторъ Монте-Кристо до такой восхитительной поэзіи, какою проникнуты переведенныя нами строки объ увѣренности Гіулая въ энтузіазмъ, съ которымъ ломбардскіе юноши бѣгутъ становиться подъ славными знаменами Австріи?...

Но, можетъ быть, читателю интересно точнѣе узнать кроткія добродѣтели Гіулая, находящагося въ столь чувствительныхъ отношеніяхъ къ ломбардо-венеціанцамъ. Отецеская любовь его къ ломбардо-венеціанцамъ доста-

точно характеризуется одним анекдотомъ. Однажды Гіулай замѣтилъ Радецкому, помощнику котораго былъ, что онъ слишкомъ неосторожно ѣздить по миланскимъ улицамъ, потому что какой нибудь итальянскій патриотъ можетъ выстрѣлить въ него. „Не бойтесь, сказалъ Радецкій, они въ меня не будутъ стрѣлять: вѣдь они знаютъ, что послѣ моей смерти главнокомандующимъ сдѣлаетесь вы“.

Но не съ одними ломбардцами Гіулай говоритъ совершенно по душѣ, съ полной откровенностью и правдивостью. Столь же прекрасна и его другая прокламація, къ сардинцамъ. Вы, читатель, быть можетъ полагаете, что только французы идутъ въ Ломбардію освободителями,—вы совершенно ошибаетесь: австрійцы также идутъ въ Сардинію за тѣмъ, чтобы освободить ее. Вы не знали этого; такъ вотъ же вамъ подлинная прокламація австрійскаго главнокомандующаго.

«Піэмонты!»

«Переходя ваши границы, мы направляемъ наше оружіе не на васъ.

«Наше оружіе грозитъ партіи безпорядка, которая слаба числомъ, но сильна своею дерзостью, и которая воспользуется своимъ угнетаетъ васъ, возстаетъ противъ всякаго негослובиваго слова и нарушаетъ права другихъ итальянскихъ государствъ и Австріи.

«Если вы встрѣтите императорскихъ орловъ безъ ненависти и сопротивленія, они принесутъ вамъ порядокъ, тишину и умѣренность; мирный гражданинъ можетъ быть увѣренъ, что свобода, честь, законы и собственность будутъ неприкосновенны и священы.

«Мое слово служить вамъ ругательствомъ, что чеховѣколюбіе императорскихъ войскъ нисколько не уступаетъ имъ храбрости.

«Какъ выразитель великодушныхъ наміреній моего Августѣйшаго Императора и Государя, я, вступая на вашу землю, провозглашаю и повторяю вамъ общіе: наша война не есть война противъ народовъ и національностей, но противъ дерзкой партіи, которая оудъ обманчивою маскою свободы лишила бы всѣхъ насъ свободы, если бы Богъ нашего оружія не былъ бы и Богомъ правосудія.

«Когда наши противники будутъ побѣждены, когда порядокъ и миръ будутъ восстановлены, вы, называющіе насъ нынѣ врагами, вы тогда назовете насъ вашими освободителями и друзьями».

Наполеонъ III называетъ себя освободителемъ, и Гіулай называетъ себя также освободителемъ, — какъ разобратъ, кто изъ нихъ лучший другъ свободы? Но этотъ вопросъ намъ нѣтъ никакой надобности рѣшать. Мы только налагаемъ факты, да и то, какъ видитъ читатель, почти только чужими словами.

Не внаемъ, многіе ли сардинцы повѣрили Гіулаю, но французскимъ прокламаціямъ вѣрить множество итальянцевъ. Ближе всего должны быть знакомы съ общаемою свободою римляне, которые уже 10 лѣтъ пользуются правительствомъ, находящимся подъ защитою французскаго войска, и теперь снова ограждаемымъ отъ всякой опасности прокламаціями и многими изустными и письменными увѣреніями французскаго правительства. Но римляне возмудили было воображать, что они итальянцы, и что такъ какъ французы пришли освободить всю Италію до самаго Адриатическаго моря, то слѣдовательно освобожденіе относится и къ нимъ. Начало своему освобожденію приняли

полагать они очень идилическое, именно, оговорились на первый разъ тѣмъ, что раза два собрались подъ окнами генерала Гойона, командующаго французскимъ войскомъ въ Римѣ, и герцога Граммона, французскаго посланника въ Римѣ, и кричали: „да здравствуетъ императоръ!“ — „да здравствуетъ Франція!“ — „да здравствуетъ Италия!“ Намѣренія у нихъ, какъ видимъ, не были слишкомъ челоукоубійственны или анархичны, но все-таки поступки ихъ нарушали порядокъ, и потому генераль Гойонъ, вышедши на балконъ, сказалъ народу, махавшему шляпами и платками въ честь ему и Франціи: „Прекрасно, прекрасно, но довольно, довольно!“ Послѣ этихъ словъ, столь же ясныхъ, сколь краткихъ, генераль ушелъ съ балкона, а кардиналъ Антонелли, то же защитникъ свободы, прислалъ полицію, которая арестовала нѣсколькихъ челоукъ; а на другое утро, въ предупрежденіе дальнѣйшихъ нарушеній порядка и свободы, явилась прокламація Гойона, которая менѣе чувствительна и возвышенна, чѣмъ всѣ прокламаціи, занимавшія насъ до сихъ поръ, но въ которой за то, съ похвальной ясностью, изображены истинныя бачества итальянской свободы съ точки зрѣнія Гойона.

«Штабъ-квартира.

«Римъ 26-го апрѣля 1859 года.

«Въ городѣ произошли мирныя, но публичныя манифестаціи. Какова бы ни была наша симпатія къ чувствамъ, ими выражаемымъ, но мы не можемъ допустить ихъ возобновленія. Всякая публичная манифестація, подъ казнимъ бы званіемъ и по какому бы побужденію ни происходила, нарушаетъ порядокъ, и слѣдствіемъ ея всегда бываютъ штры, печальныя для тѣхъ, кого онѣ постигаютъ.

«Законъ воспрещаетъ всякія столпленія на улицахъ и повелѣваетъ, чтобы въ случаѣ нужды они были разогнаны силою.

«Назначенный сюда по приказанію нашего императора, чтобы помогать достойному Святѣйшему Отцу облегченіемъ его правительству способамъ сохранять порядокъ, я обязанъ, какъ командиръ вооруженной силы, наблюдать за соблюденіемъ закона. Какъ бы ни прискорба была эта обязанность, мы неукоснительно исполняемъ ее при всякихъ обстоятельствахъ. Но я надѣюсь, что понятливость и благоразуміе Римскаго народа облегчатъ мнѣ исполненіе моего долга. *Гойонъ*».

Въ этой прокламаціи каждое слово дышетъ самую чистѣйшую правду, тутъ нѣтъ ни тѣни притворства, генераль Гойонъ никого не хочетъ вводить въ заблужденіе, и изъ всѣхъ политическихъ дѣятелей, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, онъ одинъ обращается къ своей публикѣ съ словами, вполне заслуживающими довѣрія. Его образъ дѣятельный мы считаемъ наилучшимъ поясненіемъ того, каковы будутъ для итальянцевъ результаты французскихъ побѣдъ въ Италиі при нынѣшней системѣ.

Если бы нынѣшняя система французскаго правительства хотѣла допустить въ Италиі „безпорядки“, въ Римѣ и въ Неаполѣ давно бы произошли перевороты, подобныя тому, какой совершился въ Тосканѣ. Стоило бы французамъ сказать въ Римѣ, что они не будутъ стрѣлять по народу, если онъ выразитъ свои чувства, и Римъ давно низложилъ бы папу, и 25.000 римскаго войска пошли бы на усиленіе сардинско-французской арміи. Стоило бы французамъ послать одинъ батальонъ войска въ Неаполь, и тамъ была бы провозглашена конституція, или было бы учреждено временное правительство, и 50.000 неаполитанцевъ пошли бы помогать сардинцамъ. По всей южной

границъ Ломбардо-Венеціанскихъ владѣній явились бы итальянскія войска, возстаніе въ нѣсколько дней охватило бы эти владѣнія; австрійскіе отряды, оставшіеся тамъ, бѣжали бы въ Мантую и Верону, а вступившая въ Піэмонть армія, отрѣзанная отъ всѣхъ сообщеній, должна бы просто положить оружіе. Въ двѣ недѣли, вся кампанія была бы кончена; французамъ осталось бы только блокировать три-четыре крѣпости, и если бы Австрія не заключила мира, черезъ мѣсяцъ она не существовала бы, потому что и Вѣна, и Пештъ, и Агра, и Прага ждутъ только случая, чтобы расчитаться съ преемниками Виндигресса за обманы и свирѣпости. Если бы императоръ французовъ хотѣлъ собственно того, чтобы освободить Италію отъ австрійцевъ, такая политика съ его стороны была бы неизбежна. Но цѣль его совершенно не такова. Онъ хочетъ собственно того, чтобы увеличить свою военную славу, не допуская безпорядковъ въ Италіи. Потому Неаполь остается спокоенъ, и Римъ принужденъ оставаться спокойнымъ, и только Флоренція, относительно которой французы не успѣли принять никакихъ мѣръ, не была удержана отъ переворота.

Съ самаго начала нынѣшняго года, люди умѣренной конституціонной партіи старались убѣдить австрійскаго эрцгерцога Леопольда II, царствовавшего въ Тосканѣ, что если онъ хочетъ сохранить свой престолъ, ему необходимо сблизиться съ Піэмонтомъ и провозгласить себя защитникомъ итальянской независимости. Само собою разумѣется, что онъ отвергалъ эти совѣты; онъ говорилъ, что величайшая уступка, на какую онъ можетъ рѣшиться, будетъ сохраненіе нейтралитета между Австріею и Піэмонтомъ. Неудовольствіе въ народѣ увеличилось, но Леопольдъ II былъ нѣсколько лучше другихъ итальянскихъ государей, держащихся австрійской стороны, потому лично ему не угрожала никакая опасность со стороны народа, роптавшаго только на его политику. Особенно опаснымъ казался народу генераль Феррари, главнокомандующій тосканскихъ войскъ, который прежде находился въ австрійской службѣ и провѣтился тамъ антинаціональнымъ направленіемъ. 24-го апрѣля, когда во Флоренціи получено было извѣстіе объ австрійскомъ ультиматумѣ, жители начали сильно прежняго говорить, что стыдно было бы измѣнять національному дѣлу. Въ этотъ день (пасхальное воскресенье) хотѣли просить герцога, когда онъ пойдетъ изъ церкви во дворецъ, чтобы онъ отставилъ Феррари. Но потомъ стали говорить, что самъ герцогъ увидитъ эту необходимость, и первый день Пасхи прошелъ безъ демонстрацій. Въ понедѣльникъ разыгрывалась во Флоренціи лоттерея, на которую сходится множество народа изъ окрестностей; но спокойно прошелъ и этотъ день, хотя Феррари сдѣлалъ поступокъ, какъ бы нарочно вызывавшій къ возстанію. Братъ одного изъ офицеровъ тосканскаго войска отправлялся волонтеромъ въ Піэмонть; офицеръ поѣхалъ провожать брата въ Ливорно и обнималъ его при прощаніи. Феррари велѣлъ схватить этого офицера и заковать въ цѣпи; но всѣ другіе офицеры объявили, что вооруженной силой освободятъ заключеннаго. Феррари освободилъ его и тѣмъ кончилось дѣло. Самы австрійцы признаются, что жители Тосканы держали себя съ удивительнымъ самоотверженіемъ, все еще надѣясь, что герцогъ пойметъ свои обязанности къ Италіи. 26-го апрѣля срокъ австрійскаго ультиматума кончился; австрійцы готовились

перейти Тичино, французы прибыли в Геную. Флорентинцы увидели, что невозможно более медлить. Офицеры и солдаты тосканской армии начали говорить, что не могут извинить отечеству и не захотят резать народъ. На улицах показались трехцветные итальянскія кокарды. Повсюду слышались крики: „да здравствует Италия!“ 27-го апрѣля всѣ улицы были наполнены народомъ, но особенно толпились онъ передъ герцогскимъ дворцомъ. Въ цитадели Св. Георгія, господствующей надъ Флоренціей, еще съ августа мѣсяца хранился запечатанный конвертъ. 27-го апрѣля, поутру, въ половинѣ девятого, эрцгерцогъ Карлъ, сынъ Леопольда, отправился въ цитадель, созвалъ офицеровъ, распечаталъ передъ ними конвертъ и прочелъ содержавшуюся въ немъ бумагу. Она заключала приказаніе бомбардировать Флоренцію, наомсанное генераломъ Феррари, съ подробными распоряженіями о томъ, какъ производить бомбардировку. Эрцгерцогъ Карлъ спросилъ, много-ли въ крѣпости зарядовъ и сколько орудій можетъ быть наведено на городъ. Комендантъ цитадели отвѣчалъ, что онъ и его товарищи готовы защищать великаго герцога и его семейство, еслибъ членамъ династіи лично угрожала опасность, но на мнутъ стрѣлять по народу за то, что онъ выказываетъ чувство національности, раздѣлять которое сама армія считаетъ долгомъ чести. Герцогъ, убѣдившись, что армія не хочетъ начинать междоусобную войну и истреблять городъ, долженъ былъ отказаться отъ проэкта бомбардировки. Жители Флоренціи, собравшіеся на площади передъ дворцомъ, послали къ Леопольду депутацію, которая убѣждала его, что единственнымъ средствомъ сохранить престолъ своей династіи остается ему отреченіе въ пользу старшаго сына Фердинанда, которому народъ еще можетъ довѣрять, между тѣмъ какъ самому герцогу никто уже не вѣритъ событій 1849 года. Герцогъ отвѣчалъ, что не откажется отъ власти, и послалъ за маркизомъ Лаятико, однимъ изъ главныхъ людей умѣренной національной партіи, чтобы поручить ему составленіе министерства въ либеральномъ духѣ. Но, посоветовавшись съ своими друзьями, маркизъ отвѣчалъ, что необходимо отреченіе великаго герцога въ пользу старшаго сына. Герцогъ и тутъ не согласился, и сталъ готовиться къ отъѣзду. Все это было 28-го числа, поутру; около четырехъ часовъ герцогъ уѣхалъ съ своимъ семействомъ. Толпы народа молча пропускали поѣздъ, не произнося ни одного оскорбительнаго слова. Въ половинѣ осьмага, вечеромъ, муниципальное начальство города Флоренціи обнародовало, что должно было принять на себя заботу объ учрежденіи новой администраціи, по удаленіи герцога со всѣмъ семействомъ. Временное правительство, назначенное городскимъ начальствомъ, объявило, что Тоскана ввѣряетъ свою судьбу королю сардинскому, вручаетъ ему диктаторскую власть на время войны и проситъ его прислать комиссара для управленія дѣлами. Сардинскій король отвѣчалъ, что принимаетъ на себя только заведываніе военными дѣлами для борьбы съ австрійцами. Вооруженія въ Тосканѣ производятся очень дѣятельно и она усиливаетъ 15-ти тысячнымъ корпусомъ сардинскую армію. Леопольдъ съ своимъ семействомъ безъ всякихъ затрудненій выѣхалъ за границу и теперь находится въ Вѣнѣ.

Часть герцогства Моденскаго, лежащаго между Сардиніей и Тосканой (Масса и Каррара), также послѣдовала примѣру Тосканы и присоединилась къ Піэмонту съ военномъ отношеніи. Въ остальной части Моденскаго герцогства народъ долженъ былъ оставаться спокойнымъ, потому что слишкомъ близко находятся

сильные австрійскіе отряды въ ломбардскихъ областяхъ и въ Феррарѣ. Приближеніе австрійцевъ возстановило власть герцогини Пармской, которая была принуждена для на два удалиться изъ своихъ владѣній.

Въ Неаполѣ продолжается тревожное ожиданіе потрясеній, которыя должны послѣдовать за смертью Фердинанда II, лежащаго теперь въ медленной и мучительной агоніи.

Таково было положеніе дѣлъ въ Италіи около 13 (1) мая. Война до сихъ поръ сохраняла чисто политическій характеръ; императоръ французскій рѣшительно не хочетъ возбуждать революціонныхъ движеній, и гдѣ можетъ, какъ напримѣръ въ Римѣ, поддерживаетъ существующій порядокъ противъ недовольныхъ. Онъ не довѣряетъ ни народному энтузіазму, ни волонтерамъ, и до сихъ поръ могъ остаться вѣренъ своей мысли, выставять только солдатъ противъ австрійскихъ солдатъ. Если борьба будетъ сохранять такой характеръ, австрійцы могутъ очень долго тянуть ее, владѣя Вероною, Леньяно, Мантуею и Пескьерою. Четырехугольникъ, образуемый этими крѣпостями, изъ которыхъ особенно сильны Верона и Мантуя, находится въ самомъ центрѣ ихъ итальянскихъ владѣній. Выбить ихъ изъ него будетъ дѣломъ очень труднымъ, если и предположить, что они, потерявъ нѣсколько сраженій, принуждены будутъ отступить до Минчіо и Адидже въ нынѣшній походъ.

Если война продолжится болѣе одного кратковременнаго похода, — въ чемъ едва ли можно сомнѣваться, — то нѣтъ ей возможности не распространиться далеко за предѣлы Италіи. Нейтральныя державы, при нынѣшней дипломатической системѣ, по необходимости будутъ съ каждымъ мѣсяцемъ ближе и ближе втягиваться въ этотъ водоворотъ, пока онъ совершенно увлечетъ ихъ. Въ Западной Европѣ важны въ военномъ отношеніи только Пруссія съ Германскимъ союзомъ, который теперь совершенно подчиняется ея руководству, и Англія.

О томъ, какую роль въ войнѣ будетъ играть Германія, едва ли надобно говорить. Она будетъ противъ Франціи. Вопросъ объ этомъ только вопросъ о времени и поводѣ открытія военныхъ дѣйствій. И Пруссія, и всѣ второстепенныя державы Германскаго союза уже приготовили свои войска къ выступленію въ походъ, — разумѣется, не противъ Австріи. Германія можетъ выставить на Рейнъ 500,000 войска, кромѣ гарнизоновъ, которые останутся въ крѣпостяхъ по западной границѣ.

Гораздо сложнее вопросъ о войнѣ въ Англіи, но самымъ краткимъ образомъ можно опредѣлить намѣренія Англіи двумя словами: она чрезвычайно желала бы сохранить нейтралитетъ, но предчувствуетъ, что должна будетъ взяться за оружіе для собственной защиты, и въ такомъ случаѣ будетъ вести войну самымъ энергическимъ образомъ. Эти двѣ черты вопроса очень живо и полно выражены въ рѣчахъ, которыя Брайтъ и Робекъ сказали на выборахъ своимъ избирателямъ. Брайтъ представляетъ первую черту нынѣшняго англійскаго взгляда на войну — гибельность войны, желаніе сохранить миръ, если бы это было возможно, прокидываетъ тѣхъ, кто заставитъ Англію взяться за оружіе. Робекъ говоритъ о томъ, что какъ бы то ни было, война неизбежна, и когда она начнется, Англія страшно накажетъ тѣхъ,

кто нарушил ея спокойствіе. Мы помѣщаемъ въ приложеніи эти замѣчательныя рѣчи.

Но вотъ коротенькій отчетъ изъ Times'a объ успѣхѣ митинга, который былъ сованъ въ Гайдъ-Паркъ однимъ изъ немногихъ простодушныхъ и довѣрчивыхъ людей, воображающихъ, что война начата для освобожденія Италіи. Читатель увидитъ изъ этихъ строкъ, какой успѣхъ имѣютъ подобныя мысли въ Англіи.

«Вчера вечеромъ многочисленный митингъ былъ собранъ въ Гайдъ-Паркъ, съ цѣлю предложить адресъ къ императору Наполеону для выраженія симпатіи императору за образъ дѣйствій, принятый имъ въ итальянскихъ дѣлахъ. Этотъ митингъ былъ созванъ докторомъ Уэббомъ, который и председательствовалъ. Председатель, открывая собраніе сказалъ, что онъ одинъ изъ самыхъ старинныхъ радикаловъ въ королевствѣ. Изложилъ митингу причину, по которой онъ созванъ, докторъ Уэббъ прочелъ адресъ императору, выражавшій одобреніе ему за образъ дѣйствій, принятый имъ для освобожденія итальянцевъ отъ австрійскаго тиранства. Мистеръ Ментель (одинъ изъ главныхъ людей радикальной партіи въ Лондонѣ) сказалъ тогда рѣчь, объясняющую, что онъ не вѣритъ императору французамъ. Потомъ мистеръ Ментель предложилъ поправку, осуждающую адресъ доктора Уэбба къ императору. Поправка была положена на голоса и принята единодушно, а предложеніе доктора Уэбба послать адресъ къ императору французамъ было отвергнуто».

Мысль о томъ, что, при желаніи сохранять миръ, Англія вынуждена будетъ воевать противъ Франціи, давно замѣчалась въ англійскихъ государственныхъ людяхъ всѣхъ партій, тори, виговъ и радикаловъ, Дербі, Пальмерстона и Робекъ, и высказывалась газетами, которыя въ результатѣ всегда остаются руководящими лицами событій; но съ особенною силою вспыхнула эта мысль при слухѣ о союзѣ между Россією и Франціей. Никакія увѣренія министровъ въ томъ, что слухи о русско-французскомъ союзѣ неосновательны, не помогли дѣлу. Англичане остались при мысли, что Франція задумываетъ напасть на Англію, отнять у ней владычество на моряхъ и ищетъ или уже нашла союзниковъ. Эта мысль имѣетъ рѣшительное вліяніе на ихъ расположеніе. Давно уже производились вооруженія, теперь они приняли гигантскій размѣръ, передъ которыми ничтожны кажутся всѣ вооруженія, сдѣланныя въ крымскую войну.

Начались уже и дипломатическія столкновенія съ Франціей, предшествующія войнѣ. Изъ нихъ особенно замѣчательна протестация англичанъ противъ перехода французскихъ войскъ черезъ Савойскія Альпы. По трактатамъ 1815 года австрійскія владѣнія въ Италіи были увеличены собственно съ тою цѣлю, чтобы Австрія вмѣстѣ съ Піэмонтомъ служила оплотомъ противъ попытки Франціи къ новому завоеванію Италіи. Чтобы еще больше укрѣпить оборону, было постановлено, что часть Савойи, служившая въ то время обыкновеннымъ путемъ изъ Франціи въ Италію, при всякихъ войнахъ должна оставаться нейтральною и охраненіе ея нейтралитета было поручено Швейцаріи. Когда разнеслись слухи о намѣреніи французамъ идти черезъ Савойю, Швейцарія встревожилась и потребовала объясненій у французскаго правительства. Но противъ Швейцаріи Франція дѣйствительно не имъ отъ пода никакыхъ замысловъ и потому Швейцарія могла получить объ-

ясненіе, совершенно успокоившее ее. Всѣ недоразумѣнія были уже устранены, когда французскія войска пошли черезъ Савойю, и притомъ шли они по такимъ частямъ этой области, которыя Швейцарія признала не входящими въ границу нейтральности; итакъ она не имѣетъ ни малѣйшей претензіи на движенія французскихъ войскъ черезъ Савойю. Послѣ этого казалося бы, что Англіи еще гораздо менѣе надобности вмѣшиваться въ это дѣло; однако же она протестовала противъ перехода французскихъ войскъ черезъ Савойю, какъ противъ нарушенія нейтральной земли. Этотъ фактъ очень важенъ: онъ показываетъ, что Англія уже приписываетъ причины къ объявленію войны при первомъ случаѣ, когда ей покажется, что пора предупредить опасность, которая, какъ убѣждены англичане, грозитъ имъ.

Императоръ французовъ замѣчаетъ, какъ сильно недовѣріе Англіи къ его намѣреніямъ, и употребляетъ всѣ усилія, чтобы возстановить доброе согласіе съ ней. Мы не будемъ перечислять всѣхъ маленькихъ и большихъ любезностей, которыя онъ оказываетъ ей съ этою цѣлью, — отъ приказанія освободить отъ карантинныхъ формальностей какого-нибудь англичанина, спѣшащаго черезъ Францію воротиться домой съ Востока, до назначенія посланникомъ въ Лондонъ Персиви, который считается въ Англіи самымъ жаркимъ приверженцемъ англо - французской дружбы. Замѣтимъ только, что въ Тюльери опять начали осыпать похвалами лорда Пальмерстона, котораго недавно такъ бранили, и говорить, что когда онъ сдѣлается министромъ, разрывъ между Англіею и Франціею будетъ невозможенъ.

Говорить такимъ образомъ, предполагать, что иностранная политика Пальмерстона отличалась бы отъ политики Дербі и Мальмсбери чѣмъ нибудь, кромѣ развѣ большей твердости, значитъ не понимать, что тори и виги расходятся между собою только по вопросамъ внутренней политики, а въ иностранной политикѣ держатся совершенно одинаковыхъ началъ. Если бы лордъ Пальмерстонъ замѣнилъ лорда Мальмсбери, иностранная политика Англіи ни мало не измѣнилась бы.

Но падетъ ли торійское министерство, замѣнится ли министерствомъ Россея и Пальмерстона? Это по прежнему зависитъ отъ того, какъ почтутъ нужнымъ дѣйствовать радикалы въ новомъ парламентѣ, который соберется 31 мая. Въ прошедшій разъ мы довели рассказъ о внутреннихъ событіяхъ англійской исторіи до послѣднихъ дней преній о второмъ чтеніи билля парламентской реформы. Мы говорили, какими комбинаціями и обстоятельствами было рѣшено пораженіе торійскаго министерства въ прошедшемъ парламентѣ и какими надеждами было обмануто министерство, поставившее вопросъ такъ круто, что не могло избѣжать распушенія парламента, потерпѣвъ пораженіе. Намъ остается представить рассказъ о томъ засѣданіи, которымъ была рѣшена судьба министерства и парламента. Это засѣданіе было исполнено интереса, и мы переведемъ письмо лондонскаго корреспондента газеты Manchester Guardian, любопытное и въ томъ отношеніи, что читатель довольно подробно можетъ познать комитѣя изъ него съ нѣкоторыми обычаями англійскаго парламента.

«Палата ожидала замѣчательной рѣчи отъ мистера Д'Израэли, и не ошиблась. Сначала онъ говорилъ о технической сторонѣ вопроса, излагалъ свой билль и защищалъ его. Палата постепенно наполнялась. Герцогъ Камбриджскій, графъ Карлзль

многие другие пары явились въ залѣ, а между тѣмъ ораторъ начиналъ говорить о личныхъ вопросахъ и одушевлялся страстью. Вотъ онъ извергаетъ громы на своихъ противниковъ сълиныхъ, отдающихся по всей залѣ голосомъ; вотъ голосъ его обрабатывается въ звучный шопотъ, достойный мистрисъ Сиддонс въ роли леди Макбетъ. Когда онъ говоритъ объ услугахъ, оказанныхъ странѣ министерствомъ лорда Дерби, его голосъ дрожать отъ волненія. Тутъ онъ складываетъ на груди руки и говоритъ глумливъ сдержаннымъ тономъ человека, рѣшившагося подавлять свое волненіе и негодованіе, какъ Отелло передъ сенатомъ. И вдругъ, съ театральнымъ порывомъ, онъ протягиваетъ руку, указываетъ на лорда Росселя и громкимъ голосомъ съ бурными жестами, будто Цицеронъ, обвиняющій Катилину, обвиняетъ, какъ человекъ и какъ министръ, что образъ дѣйствій благороднаго лорда производить вредное вліяніе на государственныя дѣла. Всѣ эти жесты и быстрые переходы отъ *forte* къ *pianissimo*, эти звуочныя модуляціи, трагическія зеркала голоса, разныя позы были до того театральны, что не производили должнаго впечатлѣнія. Въ нихъ не было натуральности. На сценѣ были замѣчательныя актеры, владѣвшіе всѣмъ, кромѣ верховнаго искусства скрывать искусственность. Однако же рѣчь достоинства джентльмена веревали довольно мало, хотя большинство слушателей не соглашалось съ многими изъ его словъ и хотя вѣрнѣе такого человека, какъ мистеръ Д'Израэль, рѣдшаго съ замѣрзаваніемъ голоса о чемъ бы то ни было, напоминало зрителямъ не столько о трагедіи, сколько о балаганномъ фарсѣ. Съ ловкою деликатностью показавъ своимъ слушателямъ, что распушеніе парламента будетъ слѣдствіемъ противнаго министерству рѣшенія, онъ сѣлъ среди криковъ одобренія, производимыхъ затуманившимъ 300 джентльменовъ съ головами, разными псовою охотою ¹⁾.

«Президентъ предлагаетъ вопросъ. Герцогъ Кембриджскій и другіе лорды позорно изгоняются изъ палаты. Песочные часы переворачиваются, колокола по зданію звонятъ съ неистовымъ усердіемъ и депутаты устремляются въ залу ²⁾.

«Президиумъ провозглашаетъ «молчаніе» и герольдмейстеръ палаты затворяетъ двери, и каждый членъ, выходящій въ залъ, уже понимая и дожидаясь подачи голоса, а каждый членъ, оставленный на запортой двери, долженъ писать въ своихъ избирательныхъ объ несчастномъ случаѣ, по которому онъ опоздалъ минутой къ подачѣ голоса. Депутаты толпятся у рѣшотки своихъ кѣселъ, какъ рой пчелъ, а въ галлерей зрители набиты, какъ сѣдлы. Президентъ предлагаетъ вопросъ, столь мало понятный публикѣ, «чтобы слова, предложенныя къ выпущенію, остались въ вопросѣ» ³⁾.

¹⁾ Читатель знаетъ, что псовая охота служила любимымъ наслажденіемъ сельскихъ сквайровъ, составляющихъ главную опору торійской партіи.

²⁾ Въ англійскомъ парламентѣ болѣе, нежели въ какомъ нибудь другомъ, находится членовъ, которые не охотники слушать рѣчей, и пока ораторы аргументируютъ, они прохаживаются по корридорамъ, разсуждая о разныхъ предметахъ, или сѣдятъ въ библиотекѣ и другихъ комнатахъ зданія, занимаясь своими дѣлами, а въ залу собранія являются только къ тому времени, когда нужно подавать голоса. Чтобы дать нѣмъ время собраться, оставляется нѣсколько минутъ между предложеніемъ вопроса и подачею голосовъ. О предложеніи вопроса дается вѣсть по всему зданію звономъ колокольца, а промежутокъ времени измѣняется несочными часами. Когда этотъ срокъ кончился, затворяются двери, ведущія отъ депутатскихъ кѣселъ въ корридоры.

³⁾ Техника, по которой предлагаются въ англійскомъ парламентѣ вопросы, довольно многосложна, такъ что во многихъ случаяхъ большинствомъ англійской публики не понято бы, въ чемъ дѣло и почему оно ведется такимъ порядкомъ, елибы газеты не переводили эту технику на вразумительный языкъ. Теперь дошло слѣдующимъ порядкомъ: пренія начались по предложенію Д'Израэля и почти во второй разъ были: по парламентской формѣ это выражается слѣдующими словами: канцлеръ казначейства предполагаетъ, «чтобы были приняты въ второй разъ въ палатѣ». Это составляетъ основной вопросъ преній и по нѣмъ направляется ходъ подачи голосовъ. Лордъ Россель предлагаетъ вмѣсто этого свое рѣшеніе, смыслъ котораго тотъ, что были министерства не удовлетворены. На техническомъ языкѣ это выражается такъ: «депутатъ попповской С. предлагаетъ палатѣ выпустить въ предложенія всѣ слова, стояція послѣ ч. 1, 2, 3, 4, 5, и замѣнять ихъ слѣдующими словами...» Итакъ, прежде всего палата должна рѣшить, выпустить ли изъ основнаго вопроса всѣ слова послѣ ч. 1, 2, 3, 4, 5.

Джентльмены съ высокими грудями и псово-охотничьиими голосами возмываются обыкновенною формою: «Вы, говорящие «да»,—говорите «да!» Она не просто говорит «да», они ревутъ его, рычатъ его. Президентъ говоритъ: «Вы, говорящие «нѣтъ»,—говорите «нѣтъ!» Если бы 330 подполковниковъ съ голосами Стентора своимидоносили ала! вырывъ крика не могъ бы быть слыше. Самый тонкій слухъ затруднился бы рѣшить, въ которомъ отвѣтъ крикъ былъ громче. Президентъ, быть можетъ подозревая на чьей сторонѣ большинство, сказалъ: «Мнѣ кажется, большинство на сторонѣ «нѣтъ». Въ отвѣтъ раздалась обычная фраза съ громовыми крикомъ: «большинство на сторонѣ «да». Тогда президентъ сказалъ: «да» идуть наураво, «нѣтъ» идуть налѣво. Считать «да» будутъ мистеры... конецъ фразы былъ заглушенъ шумомъ и хаосомъ¹⁾.

«Собрание раздѣлилось на два медленные потока, устремившіеся въ противоположные стороны. Медленные шли слабые, больные, драхлые члены, правыеянные съ постелей въ палату по холодному ночному тулаву, смѣнявшему буре съ свѣгомъ, бывшему въ тотъ вечеръ. Тихо шли они, разсуждая о рѣчи Диззи²⁾, о заслоняющемъ собою всѣ другія заботы распущеніи парламента и о большинства въ пользу лорда Джона. Медленно проходили каждый передъ секретаремъ и счетчиками, потому что спереди и сзади задерживала его толпа; сосредоточенна и важна была внимательность господъ счетчиковъ при исполненіи ихъ обязанности въ такомъ важномъ случаѣ. Вернувшись въ палату, «да» образовали почти непроходимую толпу у рѣшотки, а «нѣтъ» столпились около кресла президента. Каждый съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ ждалъ результата. Наконецъ два джентльмена проходили черезъ толпу, стоявшую у рѣшотки; одинъ изъ нихъ, сэръ Уильямъ Джоллифъ, счетчикъ «да», подходитъ къ президенту, шепчетъ ему число «да» и потиху возвращается къ своему предводителю. Лицо Диззи безразлично; но сэръ Уильямъ не достигалъ совершенства въ этой школѣ. «Мысли его можно прочесть на лицѣ его», по словамъ поэта. Лицо его печально, и мы видимъ, что онъ считаетъ своихъ побѣжденных. Онъ беретъ число только своей залы, но по безпристрастному многолюдству присутствовавшихъ депутатовъ, онъ полагаетъ, что въ засѣданіи было больше 600 членовъ, а онъ не насчиталъ въ своей залѣ и половины этого числа. Бѣдный сэръ Уильямъ, онъ убить душою и не можетъ скрыть этого! Вотъ по немногу пробиваются чрезъ толпу своихъ счетчики противной стороны и шепчутъ секретарю. Секретарь нашъ и передаетъ бунагу собрателю депутатовъ оппозиціи³⁾. Правительство побито. Поднимается страшный гулъ въ палатѣ. Тсъ,

Если она рѣшитъ, что ихъ должно выпустить, тогда она должна будетъ рѣшать, постановить ли на мѣсто словъ, предложенныхъ Д'Израэли и уже отброшенныхъ, слова, предлагаема Росселемъ. Ясно, что въ настоящемъ случаѣ эта вторая подача голосовъ будетъ имѣть только формальное значеніе, потому что желать выпущенія словъ Д'Израэли могли только тѣ, которые хотѣли замѣнить ихъ словами Росселя. Итакъ существенную важность имѣла въ настоящемъ случаѣ только первая подача голосовъ о рѣшеніи, чтобы слова, предложенныя къ выпущенію, остались въ вопросѣ, т. е. о томъ, удерживается-ли основное предложеніе Д'Израэли, «прочтешь билль во второй разъ», или отвергается.

¹⁾ Первый способъ подачи голосовъ въ англійскомъ парламентѣ состоитъ въ томъ, что президентъ проситъ согласныхъ съ предложеніемъ сказать «да», потомъ несогласныхъ сказать «нѣтъ»; судя по силѣ звука, онъ говоритъ потомъ, на которой сторонѣ большинство голосовъ. Если сторона, которую онъ объявляетъ меньшинствомъ, сомѣняется въ вѣрности его догадки, или просто хочетъ, чтобы извѣстны были въ точности силы ея и силы ея противниковъ, она протестуетъ, и тогда президентъ назначаетъ подачу голосовъ «раздѣленіемъ» (*division*). Тогда депутаты, принимающіе предложеніе, выходятъ изъ залы засѣданій въ боковую залу на одну сторону, депутаты, отвергающіе предложеніе—въ боковую залу на противоположную сторону. На той и другой сторонѣ бываетъ по два счетчика (*tellers*); они записываютъ имена, пересчитываютъ ихъ и подаютъ списки президенту.

²⁾ Фамиллярное прозвище, мѣсто Д'Израэли; Пальмерстонъ фамиллярно зовутъ Памъ; лорда Джона Росселя—Джовни.

³⁾ *Whisper-in*. И мипистерская партія, и оппозиція имѣютъ по одному такому члену, специальная обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы вполнѣ заботиться собирать тамъ можно болѣе депутатовъ своей стороны изъ тѣхъ извѣданій, когда рѣшаются важные дѣла. Онъ рассыпаетъ циркуляры съ просьбами

тише... объявляются цифры. «Да», на правой сторонѣ—291, «нѣтъ», на лѣвой сторонѣ—330. Радаются аплодисменты такіе, какъ будто бы 330 подполковниковъ пожалованы кавалерами Ваши и получили крымскую медаль изъ рукъ ея величества.

Тышина отчасти возстановлена и президентъ предлагаетъ подачу голосовъ о рѣшеніи лорда Росселя. Поднимается мистеръ Уильямъ, продавецъ лавдаквартъ, пятійшій магазинъ на Черингъ-Кроссъ,—у него есть поправка въ пользу баллотировки. Называется сцена крика и смятенія, одна изъ тѣхъ сценъ, какія едва ли можно выдать изъ нѣбуди, крокъ Палаты Общія,—сцена, которая возбуждала бы въ насъ нѣистышку, или даже презрѣніе, еслибы мы прочли, что она происходила въ конгрессѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Среди страшнаго вопля можно слышать крики: «прочь, прочь! на голоса, на голоса!» Нѣсколько минутъ палата хохотала, когда мистеръ Герардъ Беркли, очевидно, по совѣту лорда Джона Росселя, встаетъ требовать себѣ изъ которой епекіи надъ вопросомъ о баллотировкѣ въ палатѣ и представляетъ, что мистеръ Уильямъ поведетъ этому вопросу, требуя подачи голосовъ о нѣхъ несомнѣваемыхъ образахъ, въ такую минуту, когда палата нетерпѣливо хочетъ подавать голоса о предложеніи лорда Росселя и пожать плоды победы. Но шумъ и смятеніе увеличиваются; достопочтенный депутатъ Вристоля (Беркли), ощущая, что его убѣжденія не могутъ быть въ одно время слышны стенографистъ и достопочтенному депутату города Бодкина (Уильду), свлеченному повиди его, обращается задомъ къ президенту, лицомъ къ нему и ораторствуетъ передъ достопочтеннымъ джентльменомъ съ замѣчательною энергіею жестыкулациі, при хотѣтъ палаты, которая не можетъ слышать изъ слова. Мистеръ Мильнеръ Джилсонъ является помощникомъ мистеру Беркли ¹⁾.

«Видимъ мистеръ Уильямъ представлялъ въ эту минуту комическую картину: онъ сидѣлъ угрюмый, озлобленный, унылый, но на совѣстѣ довольный собой. Мистеръ Вристъ, сидѣвшій прямо впереди него, обернулся назадъ и, кажется, испытывалъ надъ нимъ силу инстинктивныхъ убѣжденій. Локъ Кингъ и другіе крайніе либералы подошли къ мистеру Уильду и тоже спрашивали его взять вызадъ свое предложеніе; но онъ сидѣлъ неподвижно, и страшенъ былъ шумъ и гвалтъ. Мильнеръ Джилсонъ объявлялъ, что уйдетъ изъ залы, не подавъ голоса, если достопочтенный членъ не отступится отъ требованія подачи голосовъ о баллотировкѣ.

«Тогда всталъ мистеръ Кле и, вставувъ палецъ за верхнюю пуговицу жилета, въ величественной позѣ ожидалъ, пока пронесется крикъ недовольства, прѣвѣтствовавшій его появленіе, какъ прочислится по вѣтѣ дыханіе вѣтра. Онъ сказалъ: «Сэръ (крики неудовольствія, на время которыхъ умолкаютъ достопочтенный джентльменъ), я думаю (новые крики неудовольствія и новая пауза), я думаю (новые крики, идущіе *crescendo*)». Нѣтъ возможности продолжать. Достопочтенный джентльменъ, покладая свою ораторскую позитиру, скороговоркою предлагаетъ отсрочить преніе. Встаетъ сэръ Джонъ Шелли и подполковниковъ съ голосомъ Стентора оказывается слышимъ 500. Такихъ громкихъ криковъ «не нужно» рѣдко удастся слышать.

«Бура достигла страшнаго силы. Можетъ ли лордъ Джонъ укротить ее? Онъ

непрѣмѣнно явиться въ палату такого-то числа, бѣдлитъ къ лѣннимъ, ободритъ больныхъ и тому подобно. Какая энергія нужна для его занятій, обозначается его именемъ *Whisperer*-и, которое буквально надобно было бы перевести „челомъ, загоняющій пламень“.

¹⁾ Уильямъ, очевидно, одинъ изъ людей, одержимыхъ ревностью не по разуму: изъ усердія къ баллотировкѣ, онъ своею поправкою едва не погубилъ самого предложенія лорда Росселя и едва не спасъ министерства. Въ прошлой палатѣ, болѣеинство было противъ баллотировки, и заставилъ подавать голоса о ней, значило заставить многихъ либераловъ подать голосъ вмѣстѣ съ министерскою партіею. Беркли президентъ общества, требующаго введенія баллотировки при выборахъ и въ парламентъ, имѣетъ роль представителя своей партіи (независимыхъ выговъ и радикаловъ) по этому вопросу. Мильнеръ Джилсонъ, какъ извѣстно читателю, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ реформеровъ, потому и онъ старается спасти свою партію отъ нежеланной выхожда Уильда. Голоса, требовавшіе подачи голосовъ о предложеніи Уильда, конечно, принадлежали торійскимъ депутатамъ,—они надѣялись, что пораженіе баллотировки заставитъ многихъ либераловъ упасть духомъ и вообще разстроитъ ряды ихъ противниковъ.

дѣлаетъ попытку, встаетъ и усиливается сказать что-то палатѣ. Глухой могъ бы быть тутъ наилучшимъ стенографомъ. Всѣ видятъ, что губы благороднаго лорда движутся, что онъ жестикულიруетъ, но этой пантомимой ограничивается все доступное чувствовать зрителей. Когда увидали, что нельзя отнрвать подача голосовъ, мистеръ Врѣтъ, мистеръ Беркли и другіе друзья баллотировки встали и шутъ изъ залы, но и тутъ несчастная судьба преслѣдуетъ ихъ: несочные часы бѣгутъ и послѣдняя песчинка упала, а далеко еще не вся толпа ретирующіеся депутатовъ успѣла скрыться изъ залы. Депутаты нетерпѣливо кричатъ: «время кончилось» и президентъ былъ принужденъ дать звать въ закрытію дверей. Со времени битвы нежд Ватерлоо, когда покойный сэръ Джамсъ Макдональдъ, съ другими храбрыми воинами жалѣнной силы, руками вытолкнули за ворота Гугумовскаго замка французовъ и заперли за ними ворота, не бывало примѣровъ такого сильнаго мужества, какое было изказано герольдиейстеронъ по командѣ президента: «затворите и зашрите двери!» Толпа депутатовъ стремилась въ залу, толпа депутатовъ стремилась изъ залы, когда герольдиейстеръ, скатывавшійся за дверь, разрывалъ пополамъ этотъ сонъ, и осталась въ залѣ половина хотѣвшихъ выйти и не попала въ залу половина хотѣвшихъ войти ¹⁾.

Подаетъ голоса о предложеніи мистера Уильда. «Вы, говорящіе «да»—говорите «да!» Слабѣ отвѣтъ: «Вы, говорящіе «нѣтъ»—говорите «нѣтъ!» Не исполнились ли палата волави васакими?—иначе какъ бы могъ подняться такой ревъ? Разумѣется предложеніе мистера Уильда отвергнуто; отворились двери, и толпа врывается снова въ залу. Опять неистово звонятъ колокола и члены сѣшлатъ, толкая другъ друга, чтобы не остались запертыми въ корридорахъ при подачѣ голосовъ о рѣшеніи лорда Росселя. Президентъ говоритъ: «мнѣ кажется, большинство на сторонѣ «да». 50 недовольныхъ торі возрываютъ: «большинство на сторонѣ «нѣтъ» ²⁾. Президентъ отражаетъ атаку. «Мнѣ кажется, большинство на сторонѣ «да». Дѣло становится серьезнымъ, министры оборачиваются и бросаютъ умоляющіе взгляды на своихъ приверженцевъ. На этотъ разъ только 25 голосовъ восклицаютъ: «большинство на сторонѣ «нѣтъ!»—«Мнѣ кажется, большинство на сторонѣ «да», говорятъ президентъ въ третій разъ. Молчаніе такое, что слышенъ былъ бы полетъ мухъ. Президентъ говоритъ: «Большинство на сторонѣ «да». Поправка лорда Росселя, о которой шли такіе долгіе, упорные споры, торжественно принята палатою, и каждый посматриваетъ на канцлера назначества. Среди многозначительнаго молчанія онъ предлагаетъ отсрочить засѣданіе до понедѣльника, и тѣ депутаты, которые не раздавливы каретамъ, въ безталанности

¹⁾ Приверженцы баллотировки, зная, что не будутъ имѣть большинства, посѣдрили наъ залы агѣмъ, чтобы имѣть право сказать: мы не участвовали въ подачѣ голосовъ, потому что она была несвоевременна; и чтобы можно было имъ возобновить вопросъ въ другой разъ, когда они успѣютъ расположиться въ ползуу баллотировки колеблющихся депутатовъ. Такъ дѣйствительно и сдѣлалъ Беркли. Въ одно изъ слѣдующихъ засѣданій онъ выбралъ такую благоприятную минуту, что баллотировка была отвергнута только большинствомъ трехъ голосовъ. Такое слабое меньшинство противъ баллотировки Беркли справедливо назвалъ великимъ успѣхомъ своего дѣла.

²⁾ Прежде предлагается вопросъ, оставить-ли въ предложеніи Д'Израэли слова, противъ которыхъ предложена поправка Росселемъ; торі должны были отвѣчать «да», т. е. оставить слова Д'Израэли. Большинство рѣшило, что ихъ должно выслушать. Теперь спрашивается, внести-ли въ рѣшеніе слова, предложенныя Росселемъ, и торі должны отвѣчать «нѣтъ». Но существо дѣла, какъ мы говорили, уже рѣшена первою подачею голосовъ; очевидно, большинство будетъ на сторонѣ Росселя и въ этомъ вопросѣ, потому выгода торі требуетъ уже и доводить дѣла до подачи голосовъ раздѣленіемъ: еслибы сосчитать голоса, то оказалось бы, что большинство усилилось послѣ первой побѣды присоединеніемъ колебавшихся членовъ прежняго меньшинства. И въ англійскомъ парламентѣ какъ повсюду, есть люди, которые всегда присоединяются къ побѣдителямъ, хотя бы прежде и возставали противъ нихъ. Парламентская тактика требовала отъ торійской партіи маскировать то, что она теперь не можетъ имѣть и тѣхъ 29 голосовъ, которые были на ея сторонѣ въ началѣ засѣданій. Но какъ Уильдъ едва не погубилъ либераловъ излишнимъ усердіемъ, такъ между торі явились теперь такіе же предные ревнителы.

множествѣ давшущимся у подъѣзда, пошли домой, глубоко размышляя и весело болтая о занимательныхъ эпизодахъ засѣданія».

Мы говорили, что торійское министерство, потерпѣвъ пораженіе, рѣшилось распустить парламентъ, надѣясь, что общественное мнѣніе не захочетъ видѣть министерскій кризисъ наканунѣ войны и что въ новомъ парламентѣ тори получатъ большинство. Кромѣ нерасположенія англичанъ мѣнять министровъ во время войны или приготовленій къ войнѣ, тори надѣялись на благоприятный исходъ выборовъ потому, что ожидали помощи себѣ отъ всѣхъ тѣхъ маленькихъ мѣстечекъ, у которыхъ парламентская реформа должна отнять представителей. Для множества такихъ мѣстечекъ выборы служатъ просто источникомъ дохода, и тори надѣялись, что любовь къ собственному карману заставитъ многія изъ нихъ, прежде бывшія за виговъ, замѣнить прежнихъ депутатовъ своихъ торійскими депутатами, которые будутъ защищать прежнія злоупотребленія. Но еще больше, нежели на благоприятное расположеніе этихъ городковъ, тори надѣялись на прямую покупку ихъ избирателей. Тотчасъ же, какъ рѣшено было распустить парламентъ, торійскіе богачи собрались, чтобы составить подписку „на покрытіе издержекъ по выборамъ“, то есть на покупку маленькихъ городовъ. Въ нѣсколько минутъ подписка дошла до 100,000 фунтовъ,—гораздо болѣе полумилліона руб. сер. Подкупы были введены при нынѣшнихъ выборахъ торическою партією до размѣровъ неслыханныхъ, колоссальныхъ. Мы въ приложеніи переводимъ изъ Times'а нѣсколько статей, которыя дадутъ читателю понятіе о великости скандала и впечатлѣніи, произведенномъ на англійское общество этимъ наглымъ безстыдствомъ.

Но результаты выборовъ не совсѣмъ отвѣчали огромности средствъ, употребленныхъ на подкупъ. Тори все-таки не успѣли пріобрѣсти большинства въ новомъ парламентѣ,—напротивъ либеральныя партіи имѣютъ въ новомъ парламентѣ большинство отъ 60 до 70 голосовъ. Сколько можно судить по нынѣшнимъ извѣстіямъ о характерѣ либеральной половины Палаты Общинъ, чистыхъ виговъ, безусловно идущихъ за Росселемъ или Пальмерстономъ, будетъ въ ней нѣсколько меньше, нежели въ прежней палатѣ, всего около 220 человекъ, а радикаловъ, независимыхъ либераловъ и манчестерцевъ, группирующихся около Брайта и Робекъ, нѣсколько больше прежняго, всего около 150 человекъ. Тори будутъ имѣть около 280 голосовъ. Эти цифры еще не совсѣмъ точны, потому что до сихъ поръ подробные расчеты сдѣланы только по общему распредѣленію голосовъ между министерствомъ и оппозиціей всѣхъ отѣнковъ вмѣстѣ. Но во всякомъ случаѣ, ясно, что ходъ дѣлъ въ Палатѣ Общинъ будетъ по прежнему зависѣть отъ тактики Брайта и Робекъ, съ тою только разницею, что въ новомъ парламентѣ ихъ прямое вліяніе будетъ нѣсколько сильнѣе прежняго. Падетъ ли министерство Дерби или нѣтъ, это главнымъ образомъ будетъ зависѣть отъ нихъ.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

А.

Взгляд англичанъ на войну.

1. Отрывокъ изъ рѣчи Брайта къ жителямъ Бирмингэма 28 апрѣля. (По Times'у).

Выборъ кандидатовъ происходилъ въ залѣ Городскаго Совѣта; въ 11 часовъ вечера были открыты двери залы, вмѣщающей до 7000 человекъ, и она наполнилась въ нѣсколько минутъ. Сэръ Ритклифъ, мэръ бермингемскій, председательствовалъ въ собраніи. Когда мистеръ Чольфилдъ¹⁾ и Брайтъ явились на эстрадѣ, ихъ привѣтствовали аплодисментами, продолжавшимися по крайней мѣрѣ 10 минутъ. Мистеръ Экендъ, напротивъ, былъ освистанъ съ тою же энергіею.

Мистеръ Чольфилдъ первый обратился къ избирателямъ. Послѣ него сталъ говорить мистеръ Брайтъ. Онъ былъ принятъ съ восторженными и продолжительными аплодисментами. Сказавъ нѣсколько словъ о своихъ убѣжденіяхъ, о необходимости реформы и ея цѣли, онъ продолжалъ:

«Я говорю, что англійское правительство разорительно, дерзко и публично расточало плоды народнаго труда. Если бы не было такъ, то почему же мы имѣли бы теперь національный долгъ въ 800 милліоновъ фунтовъ, за который вѣчно должны платить каждый годъ 30 милліоновъ фунтовъ процентовъ, почему же мы имѣли бы надобность ежегодно собирать до 70 милліоновъ фунтовъ податей? Развѣ управлять нами такъ затруднительно? Развѣ нужны огромныя арміи и огромныя флоты, безчисленныя полиціи и колоссальныя издержки на то, чтобы сохранить порядокъ въ нашей землѣ? (крики «нѣтъ!» и аплодисменты). Можно ли указать хотя на одного работника ланкастерскихъ фабрикъ, хотя на одного земледѣльца, хотя на когонибудь изъ всѣхъ людей, живущихъ трудомъ своихъ рукъ, и сказать, что онъ сталъ богаче, лучше или безопаснѣе, благодаря неистощимымъ нашимъ расходамъ въ послѣднія сто лѣтъ? (аплодисменты). Съ парламентомъ, составленнымъ такъ, какъ составленъ теперь нашъ парламентъ, нѣтъ у насъ должнаго обезпеченія за экономію. Знаете ли вы чудовищный фактъ, что нынѣ, завтра и послѣзавтра 47 городковъ, общее населеніе которыхъ не превышаетъ населеніе Бирмингэма, выбираютъ — не двухъ депутатовъ, какъ вы, а 72 депутатовъ въ Палату Общихъ (крики «это стыдъ!» и аплодисменты). Это не представительное правленіе! Предположите, что кто нибудь изъ вашихъ поземельщиковъ изыалъ деньги на плату рабочимъ и далъ имъ по одному шиллингу за цѣлую недѣлю, а все остальное какому нибудь привилегированному десятку. Правда, онъ роздалъ всѣ деньги и форма платежа соблюдена,

¹⁾ Бирмингэму посылаетъ въ парламентъ двухъ представителей. Чольфилдъ, имѣетъ съ Брайтомъ бывшій депутатомъ Бирмингэма въ прошломъ парламентѣ, имѣетъ убѣжденія одинаковыя съ Брайтомъ. Виги и торіи соединились противъ Брайта и выставили своимъ кандидатомъ Экенда.

но тѣ, которые получили только по шиллингу, разумѣется, скажутъ, что не дано имъ никакого вознагражденія за нѣ трудъ, и результатомъ будетъ неудовольствіе, отараненіе, голодъ и нищета,—такъ и здѣсь. Депутаты выберутся и кто нибудь выберетъ мнѣ, лорда Ньюто, охвѣявъ Ньюто. Игн и торі дѣйствуютъ по одной системѣ; и если вы введете моего почтеннаго товарища и меня въ слѣдующій парламентъ, то со всѣхъ сторонъ будемъ мы окружены десятками депутатовъ, всѣ избиратели къ которымъ, каковы вѣстѣ, не составляютъ такого числа, какъ тотъ одинъ городъ, представляющій которому мы будемъ (апплодисменты). Надобно сказать еще о баллотировкѣ. Когда я вижу, что теперь дѣлается,—не въ большихъ городахъ, подобнахъ Берлингану, а въ маленькихъ городкахъ,—когда я посмотрю, какія приготовленія дѣлаются къ выборамъ, какъ подавляется самостоятельность въ избирателяхъ, какъ о каждомъ независимомъ избирателѣ производятъ обыскъ, не долженъ ли онъ кому нибудь, не оказавъ ли ему кто нибудь услуги, не можетъ ли кто нибудь привлечь его обидчивости или заставить, чтобы этины средствами подѣйствовать на его голосъ,—когда я посмотрю на это, то чувствую, что многіе избиратели въ маленькихъ городкахъ заиманы въ такіе тиски, что если осталась въ нихъ грана искренности, они должны считать себя униженными и притѣвными на всю жизнь (апплодисменты). Едва ли есть на свѣтѣ такая земля, гдѣшная представительную систему, въ которой не была бы принята баллотировка. Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ австраліискихъ колоніяхъ, во Франціи, въ Бельгіи и въ Сардиніи, выборы производятся баллотировкою. Хотѣли сказать, что баллотировка не спасла Францію отъ военнаго деспотизма, или была употреблена орудіемъ при введеніи его въ этой странѣ. Но я скажу вамъ, что пусть будутъ у васъ американскія учрежденія, или имѣвшія ваши учрежденія, или тѣ, какія прежде существовали во Франціи,—вообще, пусть будетъ какая угодно форма вашего правленія, но если среди насъ находится 400.000 вооруженныхъ людей, единственное ремесло которыхъ война, которые отбѣлены отъ гражданскаго быта, которые живутъ не въ домахъ, а палаткахъ или казармахъ, то не будетъ безопасности,—нѣтъ, и на полгода не будетъ безопасности ничему, заслуживающему или гражданской свободы (апплодисменты). Я стыдился бы вѣлостатнаго логика въ своей голошѣ, еслибы сказалъ, что военный деспотизмъ во Франціи поддерживается или произведенъ всеародными выборами. Еслибы право голоса было бы такъ ограничено, какъ при Луи-Филиппѣ, или еще больше ограничено, и явился бы человекъ, но какому нибудь насѣдству, или по личнымъ качествамъ получившій приверженность полумилліона солдатъ, все равно исцелю бы вся похожее на свободу (браво, браво!). Перехожу теперь, джентльмены, въ вопросу величайшей важности. Я слышу, что получено изъ Лондона вѣстие величайшей и печальнѣйшей важности для Европы и для человѣчества. Война, которая четыре мѣсяца приближалась потаенными, во не укрывавшимися ни отъ слуха, ни отъ зрѣнія, шагами, появилась наконецъ во всей своей дошиской ужасности.

„Смотрите, стоитъ на горѣ этотъ гигантъ: закрываютъ солнце его развѣвляющіеся волосы, пропитанные кровью. Сверкаетъ въ его злодѣйскихъ рукахъ смертоносное орудіе; соизгааетъ глаза его все, на что устремится“.

See where the giant on the mountain stands,
His blood-red tresses deepening in the sun,
With death-shot glowing in his fiery hands,
And eye that scorches all it glares upon

(апплодисменты). Таково чудовище, являющееся теперь на горизонтѣ, грознящее опустошить, залитъ кровью, наполнить невыразимыми страданіями города и села безчисленными милліонами европейскаго населенія. Что намъ должно сдѣлать? Судя по прошедшему, я знаю, что мы станемъ дѣлать. Мы станемъ сначала посредничать тамъ, гдѣ вѣтъ вѣста посредничеству. Мы станемъ немощно одобрять одного, виновноко страдать другихъ. Понемногу мы вступаемъ въ дѣла одной стороны такъ, что другая (тѣмъ обвиняетъ насъ во враждѣ и коварствѣ. А тутъ, какое нибудь страшное дѣло (дѣтъ совершенно одному изъ воюющихъ сторонъ. Оно будетъ выставлено передъ нами

въ истинномъ или грубопреувеличенномъ видѣ. Если ваше правительство расположено къ войнѣ, въ лондонскіхъ журналахъ найдутся люди, которые будутъ разукрашивать и искажать всѣ факты и разжигать васъ воззваніями иногда къ вашимъ благороднымъ страстямъ, иногда къ низшимъ страстямъ, пока наконецъ наша страна, эта жемчужина лазурнаго моря, которая одна безопасна среди всѣхъ бурь и грозъ, полнующихъ и мучащихъ міръ, будетъ увлечена къ тому, чтобы вкѣпаться въ борьбу, и англійская кровь, и англійскія сокровища будутъ проливаться, какъ проливались прежде по всѣмъ полямъ Европы, гдѣ выигрываются или проигрываются битвы (апплодисменты). Говорить, что у насъ есть договоры съ Бельгіей и что если кто станетъ обижать это маленькое королевство, то надобно послать англійское войско на защиту его столицы и его государя. Я не заключалъ такихъ договоровъ, не заключалъ и вы; и я говорю, что министр, который хочетъ втянуть Англію въ эту войну, становится виновникомъ въ гнуснѣйшемъ предательствѣ передъ англійскою короною и англійскимъ народомъ (апплодисменты). Но всѣ вы ничего не знаете о вѣтрѣніяхъ нашего правительства. Вы ничего не знаете о переговорахъ. Парламентъ ничего не знаетъ о нихъ. Намъ совершенно неизвестно, какія обязательства мы дали тому, кто владычествуетъ въ Парижѣ, или тому, кто владычествуетъ въ Вѣнѣ. Я думаю,—и рекомендую это мнѣніе джентльменамъ другихъ партій,—я думаю, что если бы англійскій народъ имѣлъ справедливое участіе въ составленіи Палаты Общинъ, то по всей вѣроятности наши иностранныя дѣла велись бы съ большею открытостью, съ большею правдоушностію, съ большею добросовѣстностію и намъ было бы менѣе опасно, проснувшись въ то или другое утро, увидѣть, что наша благородная страна, со всею своею промышленностію, всѣмъ своимъ просвѣщеніемъ, всею своею нравственностію, всею своею релягіозностію ввергнута въ ужаснѣйшее изъ всѣхъ человѣческихъ преступленій, изъ всѣхъ человѣческихъ бѣдствій (апплодисменты). Еще одно слово по вопросу о войнѣ. Я никогда не отрицалъ, нѣсколько зная человѣческую натуру, зная нѣсколько человѣческую исторію, и никогда не стану отрицать, что иногда человѣческому глазу и человѣческому сердцу кажется, будто есть кажущаяся необходимость брать на себя отвѣтственность за военныя бѣдствія (апплодисменты). Но, какова бы ни была, когда нибудь, кажущаяся необходимость войны, пусть каждый изъ насъ держитъ себя такъ, чтобы передъ лицомъ Бога, знающаго всѣ тайны каждаго сердца, могъ быть чистъ въ своихъ личныхъ дѣйствіяхъ при подобныхъ случаяхъ (браво, bravo!). Война, по своей натурѣ, разрушительна и анархична; не можетъ быть свободы въ Европѣ, не можетъ быть невозмутимаго или прочнаго мира въ Европѣ, пока великія державы содержатъ 3 или 4 милліона вооруженныхъ людей во время глубокаго мира (апплодисменты). Даже у насъ, въ Англіи, что можетъ быть анархичнѣе и разрушительнѣе войны? Вспомните о войнѣ, въ которую мы были ввязаны съ 1793 до 1815 г. Это былъ періодъ ужаснаго страданія; это былъ также періодъ полного деспотизма. Не было тогда свободы выраженія мнѣній, не было свободы печатному слову, не было свободы никому, кромѣ развѣ того, кто хотѣлъ превзойти своихъ сосѣдей безумными пристрастіями къ войнѣ. И потомъ опять, съ 1815 до 1828, не было свободы въ Англіи, или было почти столько же свободы, сколько теперь у нашихъ сосѣдей—французовъ. Изъ года въ годъ было все то же: тяжелое страданіе, упадокъ промышленности, являющагося въ народѣ, постоянные заговоры, тайныя общества, вспыхивающія возмущенія, всяческія опасности для законнаго порядка. Все это было натуральнымъ и неизбежнымъ плодомъ той гигантской и дурной войны, которую вели ваши правители 25 лѣтъ (крикъ «вѣтъ», заглушенный апплодисментами). И вотъ опять война. За эту войною—государственный долгъ; за этия государственныя долги—увеличеніе налоговъ; за этия налоги—недовольство и всякія опасности въ будущемъ; вотъ что будетъ, если вы позволите вашему правительству хоть на одну часть вкѣпаться въ вооруженный споръ, начинающійся теперь (апплодисменты). Въ Палатѣ Общинъ одинъ изъ министровъ имѣлъ наглость упрямить меня, что я говорю во вредъ англійской коронѣ. Меня тутъ не было; но теперь я бросаю ему въ лицо его клевету (долгіе апплодисменты). Англійская корона никогда не подвергнется опасности отъ счастливаго и довольнаго народа (апплодисменты). Посмотрите на другія вѣщанія и на исторію прошедшаго: когда корона

была срывана съ тѣмъ нибудь головы, когда престолъ былъ низвергаемъ, когда королевское семейство блуждало въ изгнаніи, это бывало не результатомъ справедливой, нравственной и мирной политики, это было наказаніемъ, нанесеннымъ отъ Бога на нарушителей его закона, на презрителей его заповѣдей. Недалеко назадъ надобно возвращаться, всего только на пять лѣтъ, чтобы найти объясненіе этимъ словамъ. Вы помните прославляемую осаду Севастополя; вы помните страданія англичанъ, чтобы не говорить ни о страданіяхъ французскъ, русскіхъ, турокъ и сардинцевъ. Вы помните, что однажды, когда русскіе атаквали наши войска, только чудомъ англійскіи войска спаслись отъ совершеннаго истребленія. Вы помните, раздраженіе общественнаго мнѣнія. Вы помните громы могущественнѣйшей изъ нашихъ газетъ. Вы помните черныя мысли, которыя проносились въ умъ каждаго, когда одна за другою приходили къ вамъ эти вѣсти; помните, какъ люди спрашивали себя, что будетъ съ нашими несчастными солдатами и съ честию Англіи. Предположите же, что случилось то, что едва не случилось, и ничто еще не объяснялъ, какъ могло не случиться. Я спрашиваю, кто поручился бы, что при тогдашнемъ расположеніи умовъ сохранился бы порядокъ въ Англіи, хотя на одинъ день, и что не получали бы ваши закои удара несравненно болѣе тяжелаго, нежели всѣ опасности, о какихъ говорить кто-нибудь изъ насъ (крики «вѣтъ», «да!») и аплодисменты. Нѣтъ, конечно вѣтъ, опасность прошла. Люди занопаютъ бурю, едва не потопляютъ нѣтъ, едва поставятъ ногу на твердую землю. Но я говорю вамъ, что изъ такихъ событій происходитъ національное неудовольствіе, анархія, паденіе законовъ и совершенная гибель самыхъ уважаемыхъ династій (аплодисменты).

2. Отрывокъ изъ рѣчи Робина въ Шеффилдѣ по окончаніи выборовъ (по отчету Times'a).

«Прежній парламентъ былъ распущенъ не по государственной надобности, а для частной выгоды (аплодисменты). Въ нынѣшнее время, когда судьба міра рѣшается, не нужно ли вамъ было имѣть твердое и сильное правительство, дѣйствующее отъ вашего имени? (браво! браво!) Но лордъ Дерби и его министерство распустили парламентъ, хотя мы всѣ владѣли угрожающею опасностію, и Англія теперь лишена правительства ¹⁾. Что же произошло? Каждому, сколько нибудь знакомому съ политикой, было, ясно, что въ прошедшую субботу ²⁾ европейскіе деспоты узнали, что получаютъ свободу дѣйствовать по своимъ желаніямъ, и мы всѣ предсказывали, что непосредственнымъ результатомъ этого будетъ война. Что же вышло? мы знаемъ теперь, что въ тотъ же самый день австрійскій ультиматумъ былъ посланъ въ Сардинію. Итакъ, вышла война и пали Италія обильно кровью. Зачѣмъ же это? Началась война, и что теперь дѣлать Англіи? Друзья мои, мы должны будемъ требовать произведетъ вашего труда, чтобы защищать насъ, нашихъ женъ и дѣтей, и великое имя Англіи (аплодисменты). Не знаю, что скажете на это мой товарищъ ³⁾, потому что онъ одинъ изъ тѣхъ доверчивыхъ людей, которые очень полагаются на разсудительность людей. Сколько я знаю, онъ принадлежитъ къ тѣмъ, которыхъ называютъ друзьями мира (хохотъ). Я тоже другъ мира; не между конемъ другою и мною та разница, что, по моему мнѣнію, при нынѣшнемъ расположеніи народовъ, Англія должна обнаруживать готовность къ страшному отпору, если хочетъ сохранить миръ (аплодисменты). Не пришло еще то время, чтобы считали хорошимъ, когда ударятъ васъ по щецѣ, подставлять другую щеку (хохотъ). Если кто ударитъ меня, я повзвѣюсь съ нимъ (хохотъ и громкіе аплодисменты). И если Англія хочетъ остаться въ цѣрѣ, пусть она готовится къ войнѣ

¹⁾ Робекъ хочетъ сказать, что министры не знаютъ, одобряетъ ли нація ихъ образъ дѣйствій и какого образа дѣйствій она хочетъ, потому остаются совершенно безсильны, когда нѣтъ парламента.

²⁾ Т. е. 23 апрѣля, когда парламентъ былъ распущенъ.

³⁾ Другой депутатъ Шеффилда, Гедфильдъ, подобно Брауну говорящій, что война не називается ничѣмъ, никогда, кромѣ необходимости отражать врага, вторгающагося въ наше отечество. Гедфильдъ, подобно Робеку—радикалъ.

(браво!). Если за границей будут знать, что малѣйшее нарушение неприкосновенности англійскихъ владѣній или англійской территоріи повлечетъ за собою немедленное и страшное наказаніе, тогда Англія будетъ безопасна. Но если бы когда случалось, чтобы въ нашемъ Британскомъ каналѣ побѣдоносно плавали французскій и русскій флоты, что было бы съ нашей торговлею, съ нашею безопасностью, что было бы съ могуществомъ Англіи, съ цивилизаціею человечества? Но чтобы эти флоты не могли побѣдоносно приплыть въ Британскій каналъ, это будетъ одною изъ первыхъ нашихъ заботъ. Нѣтъ вещи, которой бы я не сдѣлалъ, нѣтъ блага, за который я не подаю бы голосъ, чтобы сохранить господство англійскаго флота въ Британскомъ каналѣ (громкіе аплодисменты).

В.

О характерѣ выборовъ въ маленькіе городки (статья Times'a 26 апрѣля).

«Лордъ Дерби—горячій приверженецъ свободной торговли. Каковы бы ни были его мнѣнія о другихъ пунктахъ либеральной программы, въ этомъ пунктѣ отреченіе отъ прежнихъ заблужденій у него открытое, окончательное, полное. Подъ управленіемъ прежнихъ жестокихъ противниковъ Нилы мы получаемъ свободную торговлю во всемъ, даже въ продажѣ голосовъ. Побѣда полновѣснѣйшему кошелку! Начинается битва гонимой, какъ называется битва императоровъ. Идутъ въ продажу маленькіе городки бриттскихъ острововъ. «Кто купитъ, кто не купитъ? Купите, купите! даемъ 15 фунтовъ за избирателя! Идетъ, 15 фунтовъ,—это дешево ценою рѣшн!» Избиратели покупаются съ аукціона Керльтонскихъ клубовъ¹⁾. Жаль, что нельзя намъ зажечь ротъ аукціонеру. Натурально негодованіе на человѣка, продающаго право первородства за блюдо чечевицы; но мы не должны забывать, что покупатель въ этомъ гадкомъ торгѣ хуже продавца. Искуситель хуже искушаемаго, хитрый достигшійся ахѣй гуситѣ безразсудной красавицы Евы. Такой фактъ, какъ предпринятая теперь покупка маленькіхъ городковъ политической партіей, идущей наперекоръ вѣщамъ, можетъ привести къ заключенію, что эти маленькіе городки—язва, которую надобно безстрашной рукою вырѣзать изъ нашей избирательной системы. Лордъ Дерби и его друзья предпринимаютъ такую покупку. Лордъ Дерби выложилъ свои деньги на столъ. Сумма красива и велика, соответствуетъ своему предмету и достоинъ его. Герцогъ Бокилю слѣдуетъ за нимъ съ достоинствомъ такого примѣра пожертвованіемъ; другіе консервативные нагнаны не вѣщаютъ своему предводителю, и составляется груда золота, чтобы купить власть надъ правами англичанъ. Страннымъ можетъ казаться на первый разъ, что отъ поведенія немногихъ избирателей, какими нибудь десятками разбѣянныхъ по 40 или 50 пчитошнымъ городкамъ, зависить политика нашего великаго государства; но это фактъ, и бесполезно съ гнѣвомъ отрицать его. Отъ большинства въ Палатѣ Общинъ зависить управленіе нашею страной; выборы маленькіхъ городовъ рѣшаютъ, на какой сторонѣ будетъ большинство. Батальоны не армія, но батальоны могутъ быть поставлены такъ, что отъ его вѣрности и мужества можетъ зависетьъ судьба арміи. У лорда Дерби достало ума понять это. Его расчетъ могъ бы быть вѣренъ, еслибы онъ не забылъ сообразить негодованія, какое пробуждается этимъ въ обществѣ. Если ему не удастся исполнить на практикѣ свою теорію, ему будетъ худо, а если удастся, то будетъ еще хуже. Мы терпѣливы народъ; не любимъ политическихъ смѣненій, хотя вѣчно споримъ о политикѣ. Но есть вопросъ, въ которомъ будутъ совершенно согласны 999 англичанъ изъ 1000. Они не будутъ спокойно смотрѣть на то, что ихъ отечество покупается и продается за 100,000 фунтовъ стерлинговъ. Привиллегія управлять Англіею должна цѣниться дороже.

¹⁾ Керльтонскій клубъ, центральный избирательный комитетъ торіиской партіи.

«Смотрите вверх!» такой должен быть лозунг каждого избирателя и даже не избирателя, во время выборов. Вся батарея подкупов будет направлена на маленькие города. Мы не можем надяться остановить ее огонь, но наши усилия могут по крайней мере лишить этот огонь успеха. Если у нас трибуналы из избирательных комитетов Палаты Общин, а решения комитетов вообще принимать действо общественного мнения. Если оно будет говорить, что грубое лгуновство совершено над страной, что предводители политической партии, лишённые внутренней силы, но занимающие министерские места, обдуманно составили план подкупать избирателей, сдѣлали для этого большую подписку, употребили хитрых и опытных агентов, то комитеты будут строги к повторкѣ выборов. Правда, что открыть подкуп не всегда будет нѣтъ легко, потому что подкуп обращенъ въ науку и профессора ее хитрѣйшіе люди нашего времени. Они посвящаютъ всю энергію своего ума, всё усиліе своей жизни на открытіе способовъ прикрывать передачу взятокъ отъ подкупающаго къ подкупаемому. Они трудятся надъ этою проблемою, являя Ньютонъ трудился надъ проблемою тяготѣнія. Наше спасеніе въ томъ, что есть другая часть общества, обратившая всё усиліе своего ума, всю свою энергію на предаваніе преступниковъ суду. Это только особенная форма вѣчной борьбы между мошенниками и полиціей, а побѣда въ результатѣ не остается за мошенниками».

(Статья Times'a 27 апрѣля).

«Не на большіе города направлены могущественнѣйшія усилія денегъ и прописки. Нѣтъ, сотня городовъ, осужденныхъ населеніемъ и самыми зависящими по своему положенію, служить полемъ настоящей битвы. Выберите тѣ города, у которыхъ дѣйствительно хорошия были реформы должны отнять депутаты, и знайте, что именно въ этихъ городахъ рѣшается великій конституціонный вопросъ. Къ этимъ маленькимъ мѣстамъ стремятся политическія сердца. Въ эти почтенныя мѣста текутъ обильныя рѣки денегъ. Но есть въ нынѣшнихъ выборахъ, превосходящихъ всё прежнѣе развитіемъ лгуновства, то ужаснѣйшее обстоятельство, что они очень своевременно раскрываютъ чудовищное зло, дѣлаемое отъ котораго должна служить реформа. Въ прокламации королевы лордъ Дербі объяснилъ причину къ распусценію парламента. Но быть можетъ еще болѣе благодарности заслуживаетъ онъ за то, что выставляетъ теперь на видъ всѣмъ характеръ существующей парламентской системы. Честь англичанина съ такими упорствомъ переживаетъ періодическое соприкосновеніе съ политическимъ подкупомъ, что въ два года мы почти забываемъ, какъ рождается на свѣтъ Палата Общинъ. Люди любятъ забывать то, о чемъ непріятно вспоминать. Но теперь, какъ только сойдется Палата Общинъ, ей представится вопросъ о томъ, какъ она составила, и она будетъ хорошо знать положеніе дѣла».

Непріятно указывать на отдѣльные случаи, но исторія объ избирателяхъ въ маленькихъ городахъ, разносящихся теперь въ публнкѣ, конфузятъ даже крѣпкую совесть высшихъ политическихъ людей. Нѣтъ не насыщаются нѣкоторые изъ этихъ городовъ, собирающихъ теперь, какъ они полагаютъ свою послѣднюю плату. Вытѣнувъ всё деньги у кандидата, они прогоняютъ его, чтобы замѣстить болѣе богатою жертвою; производятся два и три побора, каждый въ увеличенномъ размѣрѣ противъ прежняго. Избиратели раздѣлены на разряды десяти-фунтовыхъ, двадцати-фунтовыхъ и пятидесяти-фунтовыхъ, и въ каждомъ разрядѣ становится за долгъ амбіція не брать меньше того, сколько слѣдуетъ. На нашихъ страницахъ много избирательныхъ адресовъ и рѣчей, но въ болѣе части случаевъ это только благодарственное прикрытие для слѣловъ вовсе не высокаго характера. Кандидатъ издаетъ прокламацию и ходитъ по собраніямъ, говоря рѣчи. Но существенное дѣло производится между тѣмъ въ задвигъ и ватаютъ людей, которые не говорятъ рѣчей и едва упоминаютъ о политическихъ мнѣніяхъ. Этихъ нешумныхъ путемъ производится торгъ, неуступающій своимъ размѣрамъ дѣламъ англійскаго банка. Нынѣшніе выборы будутъ стоить издержекъ,—преимущественно и габельныхъ издержекъ,—въ цѣлыя милліоны фунтовъ стерлинговъ. О такихъ фактахъ нечего много разсуждать. Каждый изъ нихъ захватываетъ цѣлыя томы до-

казательствъ. Краснорѣчивый ирландскій проповѣдникъ вмѣсто того, чтобы сказать проповѣдь о пожертвованіяхъ на сиротскую школу, взомелъ на кафедру и только указалъ на небо, на несчастныхъ сиротъ, на тарелку для сбора и сошелъ съ кафедры; и никогда еще не бывало такого сбора. Такъ и теперь, когда будетъ вопросъ о реформѣ, не нужно будетъ говорить, нужно будетъ только указать однимъ словомъ на общевѣстные факты. Будемъ же благодарить лорда Дарби за картинное поясненіе нашего конституціоннаго порядка. Нынѣшніе выборы—альбомъ сценъ въ духѣ реформы. Трагическая муза Шекспира изображаетъ сцену французскихъ пировъ и англійскихъ молитвъ въ ночь наканунѣ Азенкурской битвы. Мистеръ Чарльзъ Кинъ пояснилъ это изображеніе двумя эффектными картинками. Лордъ Дарби принялъ на себя санъ трагической музы и представилъ намъ картину выборовъ въ наглядное поученіе, что чѣмъ скорѣе и чѣмъ радикальнѣе преобразуемъ мы такой парламентъ—тѣмъ лучше».

Июнь 1859.

Причины нашей снпцати къ австрійцамъ.—Сраженія при Монтенелло и Палестро.—
Битва при Маджентѣ.—Дѣйствія Гарибальди.—Тосканскія дѣла.

Нашъ разсказъ объ итальянской войнѣ въ прошедшій разъ былъ доведенъ только до прибытія императора французовъ въ Алессандрію 14 (2) мая; и хотя до той поры не было еще ни одной битвы, даже ни одной сколько нибудь замѣчательной стычки, но уже не трудно было предугадывать участь кампаніи, и, повторяя соображенія безпристрастныхъ газетъ, мы говорили: „надобно думать, что участь начавшагося похода рѣшена неловкостью австрійцевъ, не успѣвшихъ помѣшать соединенію французовъ съ сардинцами“ („Современникъ“ № V, „Политика“, стр. 171); „нелѣпное начало не предвѣщаетъ для нихъ (австрійцевъ) ничего особенно хорошаго. Будутъ ли они защищаться на Тичино, будутъ ли защищать Миланъ—неизвѣстно. Но съ битвами или безъ битвъ, все равно, они скоро будутъ оттѣснены до линіи рѣки Минчіо, гдѣ найдутъ опору въ крѣпостяхъ—Пескьерѣ и особенно Мантуѣ“ (стр. 170). Теперь это соображеніе уже исполнилось болѣе чѣмъ наполовину; мы знаемъ, что австрійцы уже отступили далеко за Миланъ, заятый французами, и въ то время, когда читатель будетъ перелистывать эти страницы, онъ вѣроятно уже прочтетъ въ телеграфическихъ депешахъ, что австрійцы оттѣснены до самаго Минчіо. Дѣлать такія предсказанія очень легко, и хвалиться ихъ исполненіемъ нечего; нужно только слѣдовать соображеніямъ тѣхъ газетъ, у которыхъ лучшіе корреспонденты и у которыхъ есть политическій тактъ. Мы напоминаемъ объ исполненіи нашихъ прежнихъ словъ только съ цѣлью увѣрить читателя, что онъ можетъ считать не пустымъ обобщеніемъ тѣ соображенія о характерѣ, ходѣ и результатахъ итальянской войны, которыхъ мы держимся. Если эти соображенія оправдались фактами въ той части своей, которая наиболѣе подвержена случайностямъ, это можетъ быть нѣкоторымъ ручательствомъ за то, что оправдаются событіями и тѣ стороны ихъ, въ которыхъ случай имѣетъ гораздо меньше силы. Если ходъ войны оказался дѣйствительно таковъ, какой надобно было предполагать по указаніямъ достовѣрнѣйшихъ публицистовъ Западной Европы, то можно быть увѣреннымъ, что эти публицисты не ошибались и въ своихъ

указаніяхъ на характеръ войны и на то, какіе результаты она дастъ, если сохранить нынѣшній свой характеръ.

Итакъ мы просили бы читателя, не увлекаясь обольстительными надеждами, какія внушаютъ побѣды, припомнить то, что мы говорили въ февральской, мартовской и майской книжкахъ объ истинномъ характерѣ нынѣшней войны и о цѣляхъ, которыми должна ограничиться она по расчетамъ могущества, нашедшаго нужду поднять итальянскій вопросъ. Въ нынѣшній разъ мы не станемъ повторять всего, что говорили прежде; не будемъ вновь доказывать, что сила, поднявшая войну и могущая окончить ее, когда захочетъ, руководится вовсе не желаніемъ освободить Италію, а только потребностью упрочить себя приобрѣтеніемъ военной славы; не будемъ говорить о томъ, что эта цѣль вовсе не одинакова съ восторженными надеждами патріотовъ, которые пока еще не получили прочнаго ручательства въ согласіи французской политики съ ихъ планами; не будемъ говорить, что совершенное изгнаніе австрійцевъ изъ Италіи вовсе не должно считаться единственною возможною развязкою французско-сардинскихъ побѣдъ и что, напротивъ, существуетъ множество другихъ комбинацій, которыми можетъ удовлетвориться Франція и которыя вовсе не соответствуютъ гипотезамъ, созданнымъ довѣрчивостію многихъ благородныхъ людей въ Италіи, во Франціи и у насъ. Повторять въ четвертый или въ пятый разъ то, что уже много разъ доказывалось съ большою подробностію, было бы слишкомъ скучно: притомъ мы рисковали бы напрасно огорчать тѣхъ читателей, которые оставались не согласны съ нами: они теперь увлечены благородною радостію отъ вѣсти о бѣгствѣ австрійскихъ мучителей изъ Ломбардіи; въ восторгѣ прекрасной симпатіи, они не захотятъ хладнокровно думать о тѣхъ грустныхъ фактахъ, на которыхъ основано наше недовѣріе и которые затмѣваются теперь блескомъ побѣдъ. Мы только просимъ ихъ не осуждать насъ за то, что мы не въ состояніи забыть прошедшаго и не можемъ вѣрить словамъ людей, которые, къ сожалѣнію, слишкомъ хорошо познакомили насъ съ собою своими дѣлами въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Мы помнимъ, что говорилось въ 1849 году и что было сдѣлано въ томъ же 1849 году и въ слѣдующіе за нимъ годы. Прокламація къ жителямъ Милана кажется намъ слишкомъ похожей на множество прокламацій, съ которыми обращалась та же сила къ жителямъ Рима, а прежде того къ самимъ французамъ. Читатели, несогласные съ нами, не хотятъ помнить прошедшаго и не захотѣли бы слушать насъ, если бы мы стали говорить объ немъ. А тѣ, которые согласны съ нами, сами помнить то, забвеніе о чемъ приготовляетъ другимъ горькую необходимость скоро раскаться въ нынѣшней довѣрчивости.

Не будемъ же говорить о томъ, къ чему ведетъ Италію нынѣшняя война, если характеръ этой войны не измѣнится отъ новыхъ катастрофъ; займемся только приведеніемъ въ связь газетныхъ извѣстій о ходѣ войны. Онъ былъ блистателенъ для французовъ и сардинцевъ и свидѣтельствуетъ о нелѣпости австрійцевъ. По крайней мѣрѣ послѣднее обстоятельство пріятно тѣмъ, что умственная сторона дѣла соответствуетъ его нравственному достоинству. Гнусные притѣснители, австрійцы, оказываются съ тѣмъ вмѣстѣ пошлыми, бездарными, просто глупыми. Къ сожалѣнію, эта гармонія нравственныхъ

качества съ умственными замѣтна только въ австрійцахъ. Въ другихъ лагеряхъ мы почти только и видимъ или людей честныхъ, но дающихъ себя въ обманъ, или людей, умѣющихъ очень хорошо обдѣлывать свои дѣла при помощи обманываемаго благородства, людей, которые умѣютъ хорошо дѣлать, но дѣлаютъ только дурное.

Нелѣдность австрійцевъ обнаружилась къ нашему удовольствію и радости, конечно, всѣхъ нашихъ читателей еще поразительнѣе, нежели какъ мы надѣялись въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Мы полагали, что прибытіе императора французовъ въ Геную 12-го мая (новаго стиля) обозначаетъ уже совершенную готовность французскихъ войскъ въ Ивалли къ началу наступательныхъ дѣйствій. Онъ и самъ ожидалъ найти все нужное перевезеннымъ, устроеннымъ, приготовленнымъ къ походу: онъ ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же по прибытіи начать посылать въ Парижъ бюллетени о побѣдахъ. Но его отъѣздъ изъ Парижа, обманувшій насъ, былъ слѣдствіемъ ошибки въ его собственныхъ предположеніяхъ. Онъ могъ начать наступательныя дѣйствія не ранѣе, какъ черезъ двѣ съ половиною недѣли послѣ своего прѣѣзда. Около 13-го (1) мая французская пѣхота была дѣйствительно готова къ открытію кампаніи, но не была готова ни кавалерія, ни артиллерія, безъ которыхъ нечего было дѣлать и пѣхотѣ. Такимъ образомъ австрійцы имѣли еще около трехъ недѣль лишняго времени, для того, чтобы что нибудь сдѣлать на свободѣ. Они не умѣли ничего сдѣлать и въ этотъ срокъ, далеко превосходящій наши прежнія ожиданія. Они стояли, они ходили, они собирали реквизиціи, они укрѣпляли позиціи, которыя оставляли безъ боя, они поглядывали на непріятельскія позиціи, которыя можно было взять безъ боя, и не брали ихъ; одинъ только разъ вздумали было что-то сдѣлать, но и тутъ распорядились самымъ пошлымъ образомъ, такъ что не только дали побить себя, но и вдобавокъ и обмануть себя. Это было при Монтебелло. Читатель знаетъ, что австрійцы были тутъ побиты, но можетъ быть онъ не знаетъ, что по ихъ собственному объясненію они дали эту битву для разузнанія расположенія французско-сардинскихъ войскъ, а въ результатъ она послужила къ тому, что они не знали, гдѣ имъ ждать нападенія отъ непріятеля.

Съ 26-го (14) апрѣля до 20-го (8) мая цѣлый мѣсяцъ свободного времени австрійцы потеряли за-даромъ, потерявъ прежде того еще цѣлую недѣлю тоже нелѣпнымъ образомъ. 21-го мая они вздумали наконецъ что нибудь сдѣлать, — и придумали сдѣлать сильную рекогносцировку на своемъ лѣвомъ флангѣ, чтобы узнать расположеніе праваго фланга французскихъ войскъ. Такъ по крайней мѣрѣ говорить австрійскій главнокомандующій. По правдѣ говоря, вѣроятно была тутъ также надежда захватить врасплохъ французскую дивизію, которая стояла слишкомъ далеко отъ другихъ. Дѣйствительно, дивизію эту захватили они врасплохъ, такъ что должны были бы непременно уничтожить ее; но вмѣсто того сами были ею побиты, такъ что стыдно было имъ и признаваться въ своемъ челоуѣко-убійственномъ намереніи, и за лучшее почли они говорить только о невинной мысли произвестъ рекогносцировку. Подробности объ этомъ дѣлѣ извѣстны теперь съ достаточной точностью; но оно потеряло свою занимательность послѣ страшной битвы при Маджевѣ, потому рассказъ нашъ можетъ быть коротокъ.

Обѣ враждебныя арміи, около 20-го (8) мая, стояли растянувшись каждая верста на сто. Часть французско-сардинскихъ войскъ была на лѣвомъ (сѣверномъ) берегу По, часть на правомъ (южномъ). Австрійскія войска тоже стояли по обѣ стороны рѣки. На сѣверъ отъ По границею между врагами служило теченіе рѣки Сези, на югъ естественной границы не было. Главною позиціею австрійцевъ была тутъ Страделла, составляющая ключъ къ обладанію надъ тою частью По, которая находится между Павіею и Піаченцою. Французскія войска стояли, между прочимъ, около Вогеры, которая лежитъ верстахъ въ тридцати отъ Страделлы. „Мы хотѣли узнать, говорить Гюлай, какъ велики силы французовъ въ этомъ пунктѣ“. Съ этою цѣлью былъ посланъ по дорогѣ къ Вогерѣ корпусъ Стадіона, имѣвшій до 25,000 человекъ. Первые непріятельскіе аванпосты встрѣтили онъ въ деревнѣ Кастелжіо: тутъ стоялъ отрядъ сардинской конницы, имѣвшій всего нѣсколько сотъ человекъ. Сардинцы защищались очень храбро, сдѣлали нѣсколько геройскихъ атакъ, но принуждены были отступить по той же вогерской дорогѣ въ деревню Монтебелло, гдѣ находилось околѣ 500 человекъ французской пѣхоты подъ командою полковника Камбреля. Эта горсть людей выдѣлѣ съ сардинскими кавалеристами нѣсколько часовъ выдерживала битву, пока генералъ Форѣ, начальствовавшій дивизіею, расположенною въ тѣхъ мѣстахъ, собиралъ своихъ людей и поспѣшно посылалъ ихъ баталіонъ за баталіономъ на подкрѣпленіе аванпостному отряду. Отъ Вогеры къ Монтебелло идетъ желѣзная дорога, и это дѣло было первымъ сраженіемъ, въ которомъ вагоны привозили солдатъ прямо на поле битвы. Деревня Монтебелло нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки. Австрійцы очень твердо выдерживали бой, пока онъ ограничивался перестрѣлкою. Наконецъ, французы пошли въ штыки,—въ этомъ способѣ битвы австрійцы оказались довольно плохи,—и забавно читать письмо одного изъ ихъ офицеровъ, который презрительно говоритъ, что такой „безчеловѣчный маневръ“, какъ рукопашный бой на штыкахъ, „не нравятся австрійскимъ войскамъ, непривыкшимъ къ этому варварству“,—увѣряемъ читателя, что эта фраза не мало не прикрашена, а буквально взята изъ письма ученаго и гуманнаго австрійца. Штыками французы окончательно утвердились въ Монтебелло, и австрійцы отступили въ Кастелжіо. Французы не могли преслѣдовать ихъ, потому что были гораздо слабѣе числомъ.

Изъ этого мы видимъ, что въ тактическомъ отношеніи побѣда была далеко не полная. Французы успѣли сбить австрійцевъ со второй позиціи; но въ первой позиціи, отнятой въ началѣ боя, австрійцы спокойно оставались, не преслѣдуемые побѣдителями. Зато нравственное дѣйствіе перваго серьезнаго дѣла было довольно велико: французы и сардинцы увѣрились, что при равномъ числѣ сражающихся австрійцы не могутъ устоять противъ нихъ. Любопытными чертами боя были также два обстоятельства. При Монтебелло въ первый разъ дѣйствовали новыя французскія наръзные пушки, и французы говорятъ, что ихъ страшному дѣйствію болѣе всего обязаны побѣдою. Съ другой стороны тутъ же было въ первый разъ испытано искусство знаменитыхъ тирольскихъ стрѣлковъ, и австрійцы увѣряютъ, что венсенскіе стрѣлки далеко уступаютъ этимъ отборнымъ мастерамъ своего дѣла.

Само собою разумеется, что тотъ и другой фактъ одинаково оспариваются противниками: французы говорятъ, что въ тирольскихъ стрѣлкахъ нѣтъ ничего особенно хорошаго; австрійцы пишутъ, что французскія нарѣзные пушки привнесли имъ мало вреда. Надобно думать, что обѣ стороны правы, хваля свое оружіе, и обѣ только хотятъ уменьшить страхъ опасности въ своихъ рядахъ, отвергши дѣйствительность непріятельскаго огня. Такъ думать заставляетъ страшный уронъ, понесенный обѣими сторонами. Со стороны французевъ было въ дѣлѣ отъ 8 до 10 тысячъ человѣкъ, изъ нихъ вышло изъ строя около тысячи; число австрійцевъ, принимавшихъ участіе въ битвѣ, было отъ 12-ти до 15-ти тысячъ, изъ нихъ вышло изъ строя болѣе 1,250 человѣкъ. Сраженіе длилось не очень много времени, и военные люди находятъ, что такая сильная пропорція убитыхъ и раненыхъ (около восьмой части людей, бывшихъ въ дѣлѣ) была почти безпримѣрна въ подобныхъ стычкахъ прежнихъ войнъ. Ею надобно приписать, во французскихъ войскахъ, штурцерамъ тирольскихъ стрѣлковъ, а въ австрійскихъ—дѣйствию нарѣзныхъ пушекъ. О необычайной прежде мѣткости ыстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ свидѣтельствуетъ и непропорціональная потеря въ корпусѣ офицеровъ въ обѣихъ отрядахъ. Изъ четырехъ полковыхъ командировъ и двухъ генераловъ, бывшихъ въ дѣлѣ, французы лишились одного генерала и трехъ полковыхъ командировъ; изъ шести человѣкъ уцѣлѣло только двое, да и то не совсѣмъ, потому что генералъ Форѣ также получилъ легкую рану.

Еще довольно важное обстоятельство состоитъ въ томъ случайномъ совпадѣніи мѣстностей, что центромъ первой битвы въ нынѣшнемъ походѣ сдѣлалась деревня Монтебелло, при которой въ 1800 году Ланнъ одержалъ блистательную побѣду надъ австрійцами. Это дѣло служило вступленіемъ къ сраженію при Маренто, и отъ такого воспоминанія въ десять разъ усиливался эффектъ, произведенный нынѣшнюю схваткою во французяхъ и сардинцахъ.

Но едва ли не любопытнѣе всего въ этомъ дѣлѣ безцеремонное хвастовство, съ которымъ обѣ стороны уменьшали число своихъ и увеличивали число непріятельскихъ войскъ, участвовавшихъ въ сраженіи. Французы говорили, что ихъ было всего только 5,000, или даже только 3,000, или даже только 2½ тысячи противъ 25,000 австрійцевъ. Цифра 5,000 находится даже въ официальныхъ отчетахъ, хотя каждому легко сосчитать по нумерамъ полковъ и баталіоновъ, что сражалось болѣе 8,000 французевъ, и хотя достоверно, что австрійцевъ сражалось не болѣе 15,000, а вѣроятно менѣе, и другія части корпуса Стадіона не участвовали въ битвѣ. Гюлау, напротивъ, говоритъ, что 8,000 австрійцевъ сражались противъ 40,000 французевъ и удержались въ своей позиціи; 40,000 противниковъ набираетъ онъ очень просто, считая весь корпусъ Бараге-д'Илье, которому принадлежить дивизія Форѣ; онъ могъ бы также легко показать и 250,000 противниковъ, стоило бы только считать всю французско-сардинскую армію. Какіе же Роландовскіе подвиги, кого имъ послушать, Форѣ или Гюлау! Съ одной стороны 5,000 французевъ на голову разбили 25,000 австрійцевъ, съ другой стороны 8,000 австрійцевъ не были побѣждены 40,000 французевъ. Предестіе здѣсь согласіе въ опредѣленіи пропорціи: и по французскому, и по австрійскому отчету одинаково полагаются одинъ свой солдатъ противъ пятерыхъ непріятелей.

Но если Гюлай не могъ пережеголять французовъ въ этомъ отношеніи, онъ оставилъ ихъ далеко за собою тѣмъ отряднымъ самодовольствіемъ, съ какимъ излагаетъ Европѣ свое понятіе о результатѣ дѣла. Французы, отти- сивши противниковъ, полтора раза превосходившихъ ихъ числомъ, кричали, что одержали полную побѣду,—тутъ нѣтъ еще ничего страннаго. Но Гю- лай чуть нѣ съ наслажденіемъ говорить, что сраженіе, въ которомъ сильный отрядъ его былъ разбитъ, совершенно соответствовало его намѣренію и удов- летворило его желанію. „Мы, говоритъ онъ, хотѣли заставить противниковъ выказать свои силы, и достигли въ этомъ успѣха“. „Times“ очень не дурно подсмѣивается надъ такимъ тупоумнымъ усиліемъ утаить шило въ мѣшкѣ.

„Если кому нибудь угодно, говоритъ Times, потратить цѣлое утро со- вершенно понапрасну, пусть онъ проповѣдуетъ здравый смыслъ знаменитому медику или полководцу. Для этихъ людей задача не въ успѣхѣ,—успѣхъ пустая случайность,—а въ томъ, чтобы дѣйствовать по правиламъ иску- ства. Фортуна—напривница беретъ города и спасаетъ жизнь; прашла ис- кусства вѣчны и безспорны. Уморивъ 30 пациентовъ правильнымъ лѣченіемъ, докторъ идетъ въ кабинетъ, беретъ книгу, читаетъ ее и съ удовольствіемъ говоритъ себѣ, что не ошибся въ симптомахъ и что его рецепты всѣ были *secundum artem*. Его пациентъ воспользовался всѣми благами нынѣшняго совершенства науки и умеръ надлежащимъ образомъ. Чего же намъ больше? Австрійскій генералъ яснымъ образомъ принадлежитъ къ той же школѣ. Онъ подвигается съ цѣлымъ корпусомъ и атакуетъ позицію, на которой несо- мнѣннымъ образомъ долженъ найти сильнѣйшій отпоръ. Потерявъ 1,500 человекъ и такимъ образомъ „исполнивъ цѣль рекогноспировки“ и „при- нудивъ непріятеля выказать всѣ свои силы“, онъ отступаетъ въ совершен- номъ порядкѣ и пишетъ ученую реляцію. Что мы станемъ говорить съ людьми, у которыхъ принципы до такой степени различны отъ нашихъ?“

Само по себѣ, сраженіе при Монтебелло не имѣло никакихъ резуль- татовъ. Но оно принесло союзникамъ большую пользу тѣмъ, что утвердило австрійцевъ въ мысли, будто французы хотятъ держаться большими силами на южномъ берегу По и думаютъ начать наступленіе по дорогѣ отъ Вогеры къ Страделлу, чтобы перейти въ Ломбардію черезъ По между Павіею и Піаченцою. Блестательный отпоръ, данный ими австрійцамъ на правомъ бе- регу По, прикрылъ передвиженіе, которое сдѣлали они черезъ нѣсколько дней, перешедши черезъ По гораздо выше австрійской его части и сосредото- чивъ свои силы на сѣверномъ берегу По, на дорогѣ изъ Верчелли въ Миланъ, посредствомъ отступленія къ Казале,—движеніе, которымъ рѣшена была судьба похода.

Около 20-го мая французы далеко еще не были готовы къ началу похода, и потому около полудня недѣли не было никакихъ важнѣхъ извѣ- стій о дѣйствіяхъ союзной арміи. Не раньше 30 (18) числа одинъ изъ отрядовъ ея встрѣтился съ австрійцами,—но за то уже тутъ каждый день стали совершаться дѣла, одно другого важнѣе, и къ 5-му іюня (24 мая), въ одну недѣлю была кончена первая половина кампаніи: въ 5 дней (съ 30-го мая до 3-го іюня) австрійцы были принуждены уступить двѣ оборо- нительныя линіи (Сезію и Тичино), на укрѣпленіе которыхъ было потрачено

или такъ много труда; въ 6-й день (4-го юня) произошло генеральное сраженіе, на 7 день было ясно, что вся Ломбардія до Минчіо и Адидже освобождена отъ поработителей, и что быстрота, съ которою произойдетъ очищеніе разныхъ ломбардскихъ областей и городовъ австрійцами и занятіе ихъ французами, зависить уже только отъ быстроты, съ какою способна двигаться назадъ одна армія, двигаться впередъ другая.

Читателю известны главные факты этой чрезвычайной послѣдней катастрофы: 30 и 31-го мая сардинцы два раза разбили сильныя австрійскіе отряды у Палестро; 1-го юня австрійцы отступали за Тичино съ крайнею торопливостію; 2-го юня союзники подошли къ Тичино; 3-го юня переправились черезъ него; 4-го (23 мая) разбили австрійскую армію у Мадженты. Чтобы ясны были подробности этихъ дѣлъ, надобно намъ прежде всего ближе познакомиться съ театромъ ихъ.

Мы уже говорили, что въ послѣдней половинѣ мая австрійскія войска, бывшія на сѣверной сторонѣ По, постепенно отступая, очистили большую половину сардинскихъ земель, занятыхъ ими въ началѣ похода, и сосредоточились въ четырехъ-угольникѣ между рѣками Сезіею, Тичино, По и городомъ Новарою. Сезія и Тичино идутъ съ сѣвера на югъ почти параллельно, немного расходясь въ южной части своего теченія, передъ впаденіемъ въ По. Сезія образовала западную, Тичино восточную часть расположенія австрійской арміи; на сѣверѣ австрійцы сильными отрядами стояли до шоссе и желѣзной дороги, которая бокъ-о-бокъ идутъ въ этихъ мѣстахъ, ведя изъ Турина въ Миланъ. Важнѣйшій пунктъ въ этой части ихъ, между Сезіею и Тичино—городъ Новара, гдѣ потерпѣли сардинцы окончательное пораженіе въ 1848 году. На западномъ берегу Сези, очищенномъ австрійцами, стоитъ на этой же желѣзной дорогѣ (и шоссе) городъ Верчелли, еще въ половинѣ мая занятый сардинцами, а нѣсколько южнѣ село Палестро. Южную границу четырехъ-угольника составляетъ По. Въ южной сторонѣ широта четырехъ-угольника, занятаго австрійцами, составляетъ верстъ 40, въ сѣверной части верстъ 30 по прямому направленію, длина четырехъ-угольника отъ По до Миланской дороги (Новары) тоже верстъ 40.

Ясно, какой смыслъ имѣло это расположеніе. На югѣ австрійцы защищали По, на сѣверѣ миланскую дорогу; они думали, что союзникамъ трудно будетъ выбить ихъ изъ этого положенія, защищаемаго съ фронта рѣкою Сезіею; а по отступленіи съ Сезіи у нихъ оставалась другая защита, рѣка Тичино.

Ясно также, какой смыслъ имѣли битвы 30 и 31 мая при Палестро, и битва 4 юня при Маджентѣ:—первыми двумя сардинцы сбили австрійцевъ на югъ съ миланской дороги между Сезіею и Тичино, третью битвою союзники очистили себѣ дорогу отъ Тичино до Милана, отбросивъ австрійцевъ къ югу. Но какъ произошли эти битвы и наступательныя движенія союзниковъ, имъ предшествовавшія? Какимъ образомъ было произведено движеніе для сосредоточенія растянутыхъ до той поры отъ Верчелли, черезъ Алессандрію, до Вогеры союзныхъ войскъ между Сезіею и Тичино, въ средней части ихъ теченія отъ Борго-Верчелли до Новары, т. е. по дорогѣ изъ Турина и Верчелли въ Миланъ? Какимъ образомъ совершился этотъ бли-

стательный фланговый маршъ, которымъ вся союзная армія обошла правый (сѣверный) флангъ непріятельскаго расположенія? Извѣстія французскихъ, сардинскихъ и бельгійскихъ газетъ объ этомъ маневрѣ чрезвычайно сбивчивы и отрывочны, притомъ такъ, что одинъ и тотъ же корреспондентъ въ двухъ письмахъ сообщаетъ несообразные между собою клочки извѣстій, изъ которыхъ одно противорѣчитъ другому. Какъ ни старались мы составить изъ нихъ сколько нибудь связный рассказъ, все-таки выходило что-то дикое. Напримѣръ, по всѣмъ извѣстіямъ оказывалось, будто бы двойное сраженіе при Палестро, 30 и 31 мая, было дано при самомъ переходѣ черезъ Сезію, какъ будто бы тутъ сардинцы въ первый разъ хотѣли проникнуть за эту рѣку; а между тѣмъ, не писывая тѣхъ же самыхъ корреспондентовъ видно было, что сардинская дивизія Чальдини еще съ 21 мая стояла на восточной сторонѣ Сезіи. Какимъ образомъ она вновь являлась переходящею черезъ Сезію, 30 мая, если перешла черезъ нее 21 и не была послѣ того тревожима австрійцами? И зачѣмъ австрійцы перепустили ее такъ свободно 21 мая? Какъ они могли 30 мая защищать переходъ черезъ рѣку, который былъ уже давно отнятъ у нихъ, или, лучше сказать, уступленъ ими почти безъ боя 21 мая? И какимъ образомъ, 31 мая, сардинцы, въ началѣ второго боя, являются отступающими къ Палестро, если бой начался тѣмъ, что австрійцы прямо подступили къ этой деревнѣ, чтобы выбить изъ нея непріятеля, еще не ходившаго дальшаго нѣя? И какую связь имѣли эти сардинскія битвы на среднемъ теченіи Сезіи съ движеніями главныхъ союзныхъ силъ, которые вдругъ являются, 1 іюня, уже довольно далеко на востокъ за Палестро, близко къ Тичино, когда предполагается по всѣмъ извѣстіямъ, что австрійцы еще оспариваютъ переходъ черезъ Сезію?—всѣхъ этихъ и многихъ другихъ безсвязностей и противорѣчій никакъ нельзя было объяснить по извѣстіямъ континентальныхъ газетъ. Наконецъ, мы получили тѣ номера Times'a, въ которыхъ помѣщены письма корреспондента этой газеты изъ Верчелли, отъ 31 мая, и изъ Палестро, отъ 1 іюня. Онъ одинъ оказывается наблюдателемъ, умѣвшимъ узнать дѣло и рассказать его порядочнымъ образомъ; у него одного факты изложены связнымъ и попятнымъ образомъ. Потому, отбрасывая всѣ недѣльные рассказы другихъ газетъ, приходившихъ сюда раньше англійскихъ, мы просто переводимъ его письма. Думая, что вставляя въ нихъ клочки изъ другихъ извѣстій, съ перваго раза оказывавшихся безтолковыми, значило бы только портить рассказъ корреспондента Times'a, мы ограничиваемся лишь тѣмъ, что въ выноскахъ прибавляемъ нѣкоторыя поясненія. Такимъ образомъ читатели, если и будутъ лишены множества эффектныхъ картинъ съ громкими фразами, которыми изобилуютъ континентальныя газеты, то покрайней мѣрѣ будутъ въ состояніи ясно понимать ходъ дѣла.

Верчелли, 31 мая.

«По обѣщанію, пользуюсь первой интересной минутой, чтобы писать вамъ. Не ожидайте, чтобы это первое письмо мое было длинно, потому что хлопотать нужно очень много, осматривать очень много, и очень мало остается времени на то, чтобы обдумать и писать. Тайна нѣмѣвшей необыкновенной дѣятельности, столь сильно противорѣчащей тишинѣ послѣдняго мѣсяца, объясняется двумя словами: союзныя арміи

кончили свои приготовления и двигаются вперед, двигаются съ такою быстротою и энергіею, которая заставляет умолкнуть нетерпѣливыхъ, ожидавшихъ битвы за битвою и побѣды за побѣдою черезъ 24 часа послѣ того, какъ генуэзцы и турки прѣиспустивали восторженными криками прибытіе первыхъ французскихъ войскъ.

«Безспорно, мы должны быть очень благодарны австрійцамъ, которые дали намъ кончить всѣ эти приготовленія, не думая ибѣшать нашимъ дѣламъ ничѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ частныхъ движеній, вродѣ наступленія къ Монтебелло и маленькіе сиччетъ на Сесію.

«Были люди, улыбавшіеся при мысли, что императоръ лично принимаетъ командованіе арміею. Они должны были бы посмотреть на мѣстѣ, какъ собиралась эта великолѣпная армія, какъ свабжалась она всѣмъ нужнымъ, какъ принимались всѣ мѣры для огражденія ея, въ случаѣ покушенія непріятели помѣшать праготовленіямъ; они должны были бы посмотреть, какъ эта армія съ безпримѣрною быстрою перенеслась въ назначенное мѣсто и, вѣроятно, она перестала бы улыбаться, потому что все это произведено самимъ императоромъ; онъ все организуеетъ, онъ управляетъ и руководитъ. Одинъ фактъ самымъ яснымъ образомъ покажетъ, какъ онъ это дѣлаетъ. Не дальѣ, какъ четыре или пять дней тому назадъ главные силы французовъ были расположены отъ Вегеры по южному берегу По къ Алессандріи, Валенцѣ и Казале, а вмѣстѣ эта масса, за исключеніемъ одной гвардіи, перешла Сесію, и все движеніе совершилось безъ всякой запутанности, безъ всякихъ промаховъ и съ такими великими искусствомъ, что до третьяго дня общее мнѣніе полагало, что движеніе арміи произойдетъ по совершенно другому направленію, именно къ востоку. Это убѣжденіе было такъ сильно, что всѣ вѣрили нарочно распушенному слуху, будто бы главная квартира императора будетъ перевезена въ Вогеру. Сборы императора ибѣжать изъ Алессандріи много содѣйствовали такому успѣху.

«Только третьяго дня и вчера движеніе приняло свой истинный характеръ. До той поры главнымъ задачею было—принять оборонительное положеніе и ввести въ линію французскую армію. Понять, какую массу составляютъ арміи, ибѣющая болѣе 100.000 человекъ, такъ же трудно, какъ приобрести ясное понятіе о великости суммъ въ нѣсколько милліоновъ. Это можно узнать, только увидя глазами; самое живое воображеніе не можетъ сравниться съ дѣйствительностію. И надобно знать, что всѣ военные запасы и большую часть всего продовольствія надобно перевозить изъ Франціи, т. е. надобно перевозить сотни тысячъ тоннъ багажа, артиллеріи, винтовочныхъ и пушечныхъ. Необходимо было сдѣлать все это безъ всякаго заиѣшательства, потому что наибѣйшая запутанность замедлила бы всѣ приготовленія страшнымъ образомъ. И вотъ французскія войска, по мѣрѣ того какъ прибывали, посылались на разныя позиціи, чтобы остановить всякое покушеніе со стороны австрійцевъ. Такими образомъ французская армія постепенно расположилась по южному берегу По, отъ Кастельдіо, Вогары, Кастельнуово и Сале до Вастильяно; Алессандрія и Тортонна были базисами ея расположенія; а піемонтская армія занимала линію отъ Валенцы до Казале и, по отступленіи австрійцевъ, до Верчелли.

«Первою задачею было получить переходъ черезъ Сесію, одну изъ тѣхъ широкихъ, богатыхъ рыкъ, которыми перестѣкаются долины верхней Италіи. Черезъ нее былъ только одинъ мостъ въ Верчелли, построенный на прекрасныхъ каменныхъ аркахъ. Онъ служилъ ибѣйшѣй и для желѣзной дороги, и для большаго шоссе, ведущаго въ Новару. Австрійцы, отступая, взорвали двѣ арки этого превосходнаго моста; поправка ихъ на глазахъ австрійцевъ была бы дѣломъ слишкомъ долгимъ и труднымъ и, конечно, слишкомъ привлекала бы къ вниманію на этотъ пунктъ. Потому сардинская дивизія Чальдини получила приказаніе перейти Сесію въ бродѣ; это было исполнено съ полнымъ успѣхомъ болѣе недѣлю тому назадъ. Чальдини утвердился въ Борго-Верчелли, первымъ значительнымъ ибѣстечъ по дорогѣ въ Новару¹⁾. Послѣ того немедленно поправила вѣсть, и такими образомъ учредила свободное сообщеніе между

¹⁾ Борго-Верчелли лежитъ верстахъ въ трехъ на востокъ отъ Сесіи и нѣсколько сѣвернѣе города Верчелли, стоящаго на западномъ берегу рыки.

обоих берегах рѣки. Масса сардинской арміи постепенно сосредоточилась въ этомъ пунктѣ и французскіе отряды заняли позиціи, оставленныя австріяцами ¹⁾.

«Третьяго дня (29 — 17 мая) самъ король перенесъ свою главную квартиру изъ Казале въ Борго-Верцелли за Семію. Французскіе инженеры къ этому времени уже построили еще другой мостъ для облегченія перехода, и французскія войска начали переправляться черезъ рѣку. Въ этомъ ихъ движеніи съ праваго крыла на лѣвое важную роль играла желѣзная дорога, и надобно сказать, что для перваго опыта притянуть желѣзныя дороги къ военнымъ дѣйствіямъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, этотъ маневръ былъ блестятеленъ ²⁾. Войска, которымъ нужно было бы пять или шесть дней тяжелаго похода, въ пять или шесть часовъ достигли къ мѣсту своего назначенія. Это имѣло еще и ту выгоду, что войскамъ, шедшимъ по обыкновенной дорогѣ, оставался просторный путь, между тѣмъ какъ шоссе затроиздилось бы, если бы всѣ войска шли по немъ; не говорю о томъ, что огромная масса войскъ, перевезенная по желѣзнымъ дорогѣ, избавилась отъ утомленія форсированныхъ маршей.

«Впрочемъ, это послѣднее обстоятельство, избавленіе отъ форсированнаго марша, было для французской арміи мѣнѣе нужно, чѣмъ для всякой другой. Еслибъ не огромность ея массы, можно бы подумать, что она составлена изъ отборныхъ солдатъ. Большая часть солдатъ, люди служившіе довольно долго; вообще они имѣли отъ 25 до 30 лѣтъ; по ихъ свободной и твердой поступи вы узнали бы въ нихъ опытныхъ служаекъ, если бы и не блистали повсюду въ ихъ рядахъ крестикія медали.

«Вчера вечеромъ (30 мая) значительная часть французскихъ войскъ, предназначенныхъ къ переходу черезъ Семію, была уже на восточномъ берегу рѣки и въ той порѣ безъ перерыва идутъ другія войска черезъ мосты. Пѣхота, кавалерія, артиллерія, зарядные ящики, аммуниція, обозъ французскій и сардинскій, идутъ силою одной пѣхоты, перерывавая только на нѣсколько минутъ, когда ѣдутъ съ той стороны лазаретныя дроги съ ранеными, своими и непріятельскими; каждый сторонится передъ этими побѣдочными. Поразительнѣе всего въ союзныхъ войскахъ спокойный и веселый духъ, господствующій несмотря на частыя затрудненія и невзгоды, неизбежныя въ подобныхъ обстоятельствахъ.

«Вчера, въ годовщину битвы при Генто, когда Піемонтцы, 11 лѣтъ тому назадъ, совершили блестятельный переходъ черезъ Минчио (30 мая), было назначено начать наступленіе.

«Сардинцамъ была предоставлена честь идти впередъ подъ личнымъ предводи-

¹⁾ Изъ этого ясно, что австрійцы просто не обращали вниманія на движенія Чальдини, упорствуя въ своемъ предположеніи, что главныя силы союзниковъ непремѣнно должны начать наступленіе къ Ломбардіи по прямой линіи отъ своего первоначальнаго расположенія, т. е. по южному берегу По до ломбардской границы, и пытаются вторгнуться въ Ломбардію прямо черезъ По въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эта рѣка служитъ границею Сардиніи, т. е. между Панією и Піаченцею. Въ этой мысли, конечно, укрѣплено ихъ то обстоятельство, что до послѣдней минуты главная квартира императора французовъ оставалась въ Алессандріи; это свидѣтельствовало, по ихъ мнѣнію, что французская армія не измѣняетъ своего расположенія. Были даже, какъ мы прочли уже, нарочно распускаемыя слухи, что главная квартира переносится въ Вогеру, т. е. по прямой дорогѣ изъ Алессандріи къ пограничной части рѣки По. Движеніе Чальдини вѣроятно считали австрійцы просто диверсією, дѣлаемою для того, чтобы отвлечь ихъ вниманіе съ юга на сѣверъ.

²⁾ Отъ Алессандріи, верстахъ въ десяти—пятнадцати вдоль по южному берегу По, идетъ желѣзная дорога къ ломбардской границѣ. Тортона лежитъ на этой дорогѣ верстахъ въ двадцати на востокъ отъ Алессандріи; Вогера верстахъ на пятнадцать на востокъ отъ Тортоны. Почти прямо на сѣверъ, съ небольшимъ уклономъ на западъ, отъ Алессандріи идетъ въ Верцелли также желѣзная дорога, переходящая черезъ По въ Казале, гдѣ была до 29 мая главная квартира сардинскаго короля. Казале лежитъ отъ Алессандріи верстахъ въ 30 на сѣверъ; Верцелли еще верста на 20 дальѣ къ сѣверу, такъ что все разстояніе по желѣзной дорогѣ отъ Алессандріи до Верцелли составляетъ верстахъ 50, а отъ Вогеры верстахъ 80. Итакъ, французы уѣхали отъ австрійцевъ съ южнаго берега По по желѣзной дорогѣ на западъ до того мѣста, гдѣ переправа черезъ По была свободна, и потомъ повернули, также по желѣзной дорогѣ, къ сѣверу.

таблицей короля. Вы знаете из реляцій, что послѣ упорнаго сопротивленія они овладѣли деревнями Палестро, Казалино и Виззалио, лежащими по дорогѣ къ Мортарѣ¹⁾. Двѣ пушки и до трети сотъ пѣхотниковъ (въ томъ числѣ равные) были профанки побѣды. Слѣва ея исполнѣ принадлежить сардинцамъ, потому что италя завѣщательныя силы французскія войска были уже за Сезію, но не участвовали въ сраженіи. Сардинцы исполнѣ заслуживали этой чести, потому что по всѣмъ разсказамъ сражались очень храбро. Упорность, съ какою отбивались австрійцы, надобно въ значительной степени приписать характеру мѣстности, чрезвычайно благоприятному для обороны. Представьте себѣ возвышенную поляну, пересѣченную рвами и небольшими насыпями и поросшую лѣсомъ, достаточно густымъ для того, чтобы прикрыть оборонящихся и не давать наступающему мѣста развернуть силы. Деревня построена изъ кирпича и дикаго камня, такъ что каждый домикъ въ ней легко обращается въ крѣпость, а каждая изъ многочисленныхъ фермъ, разбѣянныхъ по всѣмъ наравѣніямъ, составляетъ крѣпкую повязку. Не можетъ быть мѣстности болѣе удобной для задержки наступающаго непріятеля.

«Довольно любопытно то, что первая линія австрійскихъ войскъ состояла изъ итальянцевъ и большая часть пѣхотниковъ, захваченныхъ вчера, лойбардцы. Ихъ заперли въ переконъ и они служатъ предметомъ большаго любопытства.

«Французскіе солдаты боятся теперь только того, чтобы австрійцы не отняли у нихъ случая подрагаться въ открытой полѣ. Это опасеніе объясняется непоспѣшными движеніями австрійцевъ, которые дали французамъ полную свободу кончать приготовленія. Быть можетъ они хотѣтъ драться на позвоніи, которую сами выберутъ, а быть можетъ, что они обмануты внезапнымъ движеніемъ французовъ на Сезію, зная послѣ сраженія при Монтебелло, что французы сосредоточены на южномъ берегу По. Вѣрнѣе всего предполагать, что обѣ причины влѣстѣ заставляютъ ихъ отступать. Извѣстно, что третьяго дня главныя силы австрійцевъ были еще на южномъ берегу По. Едва послѣдніе ряды французовъ вышли изъ Вогеры, какъ слышались уже тамъ стукъ австрійскихъ барабановъ. Третьяго дня австрійцы заняли Вогеру и сомкнули ее.

«Несомнѣнно то, что австрійцы несленно отступаютъ передъ сардинцами по направленію къ Мортарѣ²⁾ и что они также безъ сраженія отступаютъ къ Новарѣ».

Палестро, 1-го Іюня (20 мая).

«Какъ извѣстны реляціи о двухъ удачныхъ дѣлахъ, которыми сардинцы третьяго дня и вчера начали свое наступленіе, и для васъ, вѣроятно, будетъ интересно услышать подробности объ этихъ блестящихъ сраженіяхъ, которыми сардинцы открыли походъ. По своему разбѣру эти дѣла едва могутъ называться сраженіями, но блестяще своникъ имъ мало не уступаютъ они дѣлу при Монтебелло, а результаты вѣрно превосходятъ его.

«Вы помните, что по шрѣ того, какъ австрійцы отступали съ Доры, де которой дошамъ было ихъ аванпосты, сардинская армія занимала новіиціи, покидаемыя непріятелями³⁾. На Сезію, довольно значительной рѣкѣ, австрійцы остановились и укрѣпили всѣ слабыя пункты переправы черезъ нее, какъ будто бы рѣшившись обо-

¹⁾ Изъ этого мы видимъ, что первое сраженіе при Палестро было слѣдствиемъ наступленія союзниковъ уже съ восточнаго берега Сезіи дажде къ Тичино, а не поспѣшно изъ того, какъ говорили другія газеты, будто бы австрійцы не переправились союзниковъ черезъ рѣку. Дѣйствительно, какъ могли австрійцы 30 мая защищать Сезію противъ города Верчелли, когда оба берега рѣки въ этихъ мѣстахъ были уже заняты сардинцами 21 мая.

²⁾ Мортара лежитъ верстахъ въ 20 на востокъ отъ Верчелли и также верстахъ въ 20 прямо на югъ отъ Новары, то есть отъ прямой дорогъ изъ Турина и Верчелли въ Миланъ. Новара на сѣверѣ и Мортара въ средней части четырехъугольника, который занимала австрійцы, лежатъ почти на одинаковомъ разстояніи между Сезію и Тичино.

³⁾ Дора течетъ почти параллельно съ Тичино и Сезію верста на 35 къ западу отъ Сезіи, такъ что отъ ея устья остается до Турина по прямому пути верста 30. Австрійцы начали отступать съ Доры омоло 13-го (1-го) мая.

роваться на этой линии. Линия Сезио вовсе не принадлежит къ тѣмъ непреступнымъ позиціямъ, на которыя горсть людей можетъ останавливать цѣлыя арміи; но все-таки, подобно другимъ рѣкамъ, впадающимъ въ По, она представляетъ значительныя выгоды обороняющемуся. Канъ всѣхъ рѣкъ сѣверной Италіи, она течетъ широкимъ русломъ, пересѣченнымъ маленькими островами и откелями, а берега ея покрыты густыми рядами деревьевъ, дающими хорошую защиту.

Изъ Верцелли переходить черезъ Сезио дорога въ Новару и другая дорога въ Мортару; въ этомъ городѣ сходятся и двѣ желѣзныя дороги, одна, ведущая съ юга къ Лаго-Маджоре, а другая изъ Саравини къ Милану. Потому Верцелли, будучи мнѣе сообщенъ между Сардениєю и Ломбардією, составляетъ важный стратегическій пунктъ въ странѣ, которая вся пересѣчена рвами и канавами, устроенными для орошенія полей.

Отступая изъ Верцелли, австріяны разрушили единственный мостъ, служившій и для шоссе, и для желѣзной дороги (одна сторона была оставлена для шоссе, по другой шла желѣзная дорога). Взорвавъ двѣ среднія арки моста, австріяны разорвали важнѣйшую линію сообщеній съ Новарою и всею мѣстностью между Тичино и Сезио.

«Десять дней тому назадъ, какъ вы знаете, дивизія Чальдини перешла въ Борго-Верцелли, деревню, которая находится по дорогѣ въ Новару, мильхъ въ двухъ (верстахъ въ трехъ) отъ Сезио. Съ той поры она стояла тутъ, не будучи ни мало тревожима австріянами, расположенными въ сосѣднихъ деревняхъ.

«30-го мая было назначено отгѣснить австріяцевъ съ ихъ позиціи по дорогѣ къ Мортарѣ. Съ дороги изъ Верцелли въ Новару отдѣляются въ правой рукѣ двѣ вѣтви, идущія на разстояніи около одной мили (полторы версты) одна отъ другой. Одна изъ этихъ вѣтвей отдѣляется съ большою дорогѣ при деревнѣ Борго-Верцелли. Обѣ онѣ идутъ почти параллельно между собою въ юго-восточномъ направленіи и, наконецъ, соединяются въ Роббіо, мильхъ въ десяти (верстахъ въ двѣнадцати) отъ тѣхъ пунктовъ, изъ которыхъ выходятъ ⁽¹⁾. Мильхъ въ двухъ отъ начала этихъ вѣтвей стоятъ на ялѣ,—на одной деревня Палестро, на другой деревня Винзаліо; обѣ эти деревни, находящіяся почти другъ противъ друга, были заняты австрійскими авангардами и укрѣплены баррикадами; въ каждой деревнѣ стояло 1.500 человекъ и половина батареи.

«Какъ при переходѣ черезъ Сезио, такъ и теперь, движеніемъ для отгѣсненія австріяцевъ командовалъ самъ король. Дивизія Чальдини была раздѣлена на двѣ колонны, которыя одновременно пошли, одна на Палестро, другая на Винзаліо.

«Чтобы понять вамъ трудности, съ которыми должны были бороться сардинцы, я долженъ описать вамъ ту мѣстность. Вся страна на востокъ отъ Сезио составляетъ одну массу глѣбинъ и рисовыхъ полей, раздѣленныхъ насыпями, сдѣланными для провѣдоть, и канавами отъ 3 до 4 футовъ глубины, для орошенія. Межи этихъ участковъ густо усажены деревьями, болѣею частью тополями и платанами, а самыя поля густо усажены шелковичными деревьями. Послѣ проливныхъ дождей хлѣбъ имѣлъ роскошный ростъ и вообще стоитъ теперь вышею по правей мѣрѣ отъ 5 до 6 футовъ, доставляя, такимъ образомъ, превосходное прикрытие для стрѣлковъ. Рисовыя поля, напротивъ, до сихъ поръ всѣ остаются подъ водою; для ровнаго распредѣленія воды и управленія орошеніемъ сдѣланы маленькія насыпи отъ одного до двухъ футовъ вышиною, идущія по полямъ зигзагами, сообразно съ наклоненіемъ мѣстности. По такому-то округу идутъ двѣ дороги, образуемыя искусственными насыпями и возвышающіяся иногда футовъ на 20, а иногда и болѣе надъ уровнемъ окружающихъ полей и надъ дорожками, которыя идутъ по полямъ и отъ фермъ къ фермѣ почти на одномъ уровнѣ съ полями. По этимъ маленькимъ дорожкамъ до сихъ поръ прохотъ еще труднѣе послѣ весеннихъ дождей. Изъ этого очерка, безъ котораго невозможно составить понятія о ходѣ битвы, вы можете видѣть, какъ затруднительно было въ-

⁽¹⁾ Роббіо стоитъ на дорогѣ изъ Верцелли въ Мортару, нѣсколько ближе къ Мортарѣ, нежели къ Верцелли.

ступленіе и какія выгоды были для обороны. Во-первыхъ, совершенно невозможно было сколько нибудь развернуть силы и воспользоваться числительнымъ превосходствомъ. Во-вторыхъ, артиллерію можно было ставить только на двухъ шоссе, — остальная мѣстность не позволяла провезти пушку; а ширина шоссе такова, что нельзя поставить на немъ больше двухъ пушекъ. Наконецъ, какъ бы для васанитѣльствованія сардинской храбрости, положеніе обѣихъ деревень само по себѣ очень крѣпко. На ружейный выстрѣлъ передъ ними течетъ канализованная рѣчка Воджовуа. Эта быстрая рѣчка мѣшетъ, по прямой мѣрѣ, 15 футовъ ширины и 5 глубины. Крошѣ моста на мѣждоуіи изъ двухъ шоссе, другихъ мостовъ черогу не имѣтъ. Передъ деревнями мѣстность имѣетъ легкій подъемъ, начиная съ 300 ярдовъ (125 саженъ) отъ востокъ, а потомъ вдругъ, обрывисто, поднимается на высоту отъ 20 до 30 футовъ. На этомъ крутомъ пригорѣ построены деревни, а самаа шоссе, для которыхъ такой отвѣсный подъемъ былъ бы невозможенъ, прорѣзаны скалы возмывшеніе, будто бы широкіи желѣзные дороги, и съ обѣихъ сторонъ навишижены надъ ними отвѣсныя крутые прорѣзы. При входахъ въ обѣ деревни австрійцы устроили баррикады. Подобно всѣмъ итальянскимъ деревнямъ, оба села выстроены исключительно изъ дикаго камня и кирпича; главныя улицы въ нихъ почти совершенно прямыя; по этимъ улицамъ идутъ шоссе. Тутъ стоятъ церкви старинной постройки съ высокой колокольней, которая въ военное время прекрасно служила для открытія непріятеля, приближающагося по прямому шоссе. Дворы домиковъ кругомъ обнесены постройками, оконъ въ нихъ мало, да и тѣ очень не велики, такъ что каждый домикъ составляетъ маленюкій редутъ, завершѣнны въ которомъ мужественный противникъ можетъ дорого продать побѣду нивалающему.

«Когда колонна, шедшая по правому шоссе, приближалась къ Палестро, отдѣленіе 16-й батареи выдвинуло впередъ и стало бомбардировать деревню, а батальонъ берсальеровъ и одинъ батальонъ 15-го линейнаго полка были посланы въ обходъ на право отъ шоссе по одной изъ маленюкихъ дорожекъ и черезъ поля, чтобы напасть на деревню съ лѣваго фланга непріятеля. Къ тому времени, какъ эта колонна подходила къ первому домику, непріятель съ фронта началъ колебаться отъ артиллерійскаго огня. Какъ только это было замѣчено, другой батальонъ 15-го линейнаго полка двинулся скорымъ шагомъ. Этою двойною атакою деревня была очищена отъ австрійцевъ, они отступили за деревню на кладбище, очень обширное и окруженное стѣною. Они поставили нѣсколько пушекъ на шоссе за деревню, на одной линіи съ кладбищемъ, чтобы стрѣлать по сардинцамъ, когда они двинутся за деревню. На срединѣ села, на шоссе стоятъ церкви и шоссе въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ поворотъ; потому, когда австрійцы были вытѣснены изъ деревни, сардинцы въ деревнѣ не терпѣли вреда отъ пушекъ, поставленныхъ непріятелемъ на шоссе за деревню. Чтобы заставить замолчать эти орудія, сардинцы поставили свои пушки у самой церкви; но австрійцы быстро подбѣла ихъ. Тогда сардинцы выставили другое отдѣленіе 16-й батареи; оно скоро заставило непріятеля прекратить огонь. Немедленно послѣ этого австрійцы удалились, и піонеры остались владѣтелями деревни, захвативъ довольно много пленныхъ.

«Деревня Винзальбо по своему положенію болѣе крѣпка и страшна при оборонѣ; но сардинцы встрѣтили тамъ меньше сопротивленій. Она была также взята штыками, а пороку сардинцы истратили тутъ мало. Эта деревня была очищена австрійцами нѣсколько раньше Палестро, и едва сардинцы успѣли выбѣжать изъ кладбища у Палестро, по узкой дорогѣ изъ Винзальбо въ Палестро прибыли двѣ австрійскія пушки съ прикрѣпленіемъ—непріятель еще надѣялся найти своихъ въ этой деревнѣ. Какъ только сардинцы замѣтили приближеніе этихъ орудій, они послали изъ Палестро отрядъ, который безъ затрудненія взялъ ихъ, потому что прислуга, обрѣзавъ постройки, ускочила. Эти двѣ пушки были первыми, взятыми въ нижнѣшній походъ. Онѣ были въ тотъ же вечеръ отсланы въ Верчелли.

«Дивизія Чальдини стала на ночь въ Палестро. Вечеромъ пришелъ 3-й полкъ зуавовъ, бывшій въ Крыму, а теперь отданный императоромъ въ распоряженіе короля сардинскаго.

«Такъ совершалась годовщина битвы при Тичино. На другое утро (31 мая), часовъ въ девять замѣчено было, что австрійцы приближаются повидимому съ намереніемъ отбить у сардинцевъ позицію, потерянную наканунѣ. Хотя колокольная церковь въ селѣ довольно высока, но благодаря характеру мѣстности, описанному мною, нѣтъ приближеніе не могло быть открыто, пока они не подошли очень близко, а еще раньше можно было рѣшиться нѣтъ плавъ. За деревнею земля покрыта прекусительные хлѣбными полями, между тѣмъ какъ въ мѣстности, пройденной сардинцами до деревни, господствуютъ рисовыя поля. По соседству съ деревнею на поляхъ деревень мало, стало быть мѣстность благоприятна для того, чтобы развертывать силы въ боевую линію.

«Австрійская наголовина противъ деревни продолжалась уже нѣсколько времени; но все еще нельзя было угадать нѣтъ истиннаго плана. Вдругъ съ праваго фронта сардинцевъ, на той канализированной рѣчкѣ, о которой я упоминалъ, показался большой непріятельскій отрядъ съ двумя батареями. Теперь ясно стало, что австрійцы хотѣли ни больше, ни меньше, какъ отрезать передою сардинскій отрядъ отъ Сени. Какъ только это было замѣчено, сардинцы, двинушіеся главными своими силами впередъ за деревню противъ австрійцевъ, послали съ крайняго праваго своего фланга полкъ зуавовъ и два свои батальона (одинъ 9-го, другой 18-го линейнаго полка) противъ непріятеля, показавшагося на рѣчкѣ. Одушевленные братскимъ соревнованіемъ, эти храбрые бросились на позицію, занятую австрійцами на правомъ нѣтъ флангѣ и, несмотря на страшный картечный огонь, встрѣтившій нѣтъ, сдѣлали волевою атаку на австрійскія пушки. Нѣтъ надобно было пройти около 400 ярдовъ (175 сажень) подъ убійственными непріятельскими выстрѣлами, и правда, что нѣтъ нѣтъ рядовъ было вырвано огнемъ много людей; но жаръ нѣтъ не остылъ и, сдѣлавъ по одному выстрѣлу, они бросились въ штыки. Атака была такъ стремительна, что тирольскіе стрѣлки, выдвинутые цѣпью впередъ батарей, не успѣли отступить, а приближились къ батареямъ перекинутые съ сардинцами и зуавами. Восемь пушекъ и много пѣхоты были результатами этой блестящей атаки. Изъ восьми пушекъ пять очутились въ рукахъ у зуавовъ, три у сардинцевъ; но стремительность нападенія была такъ мгновенна, что невозможно и разобрать, какая пушка кѣмъ была взята. Кроме этихъ восьми пушекъ, отъ 800 до 900 пѣхотинцевъ и равнымъ попалось въ руки союзниковъ. Число убитыхъ пропорціонально этой цифрѣ. Первая работа обратилась, естественно, на раненыхъ и справедливость требуетъ сказать, что австрійцы, которымъ судьба опредѣляла быть ранеными и попасть въ плѣнъ, не могутъ жаловаться на обращеніе союзниковъ съ ними. Такая заботливость должна производить на этихъ бѣдняковъ тѣмъ большее впечатлѣніе, что, кажется, между ними была распространена мысль, будто бы союзники способны поступать съ плѣнными самымъ дурнымъ образомъ. Поэтому, вопреку, былъ случай, что австрійскій солдатъ, раненый подъ Вогерою въ животъ и въ голову, четыре дня прятался въ погребѣ, не ѣвши и не пивши и порывавшій свои раны носовымъ платкомъ.

«Какъ серьезна была битва, можно судить по числу раненыхъ, приведенныхъ со вчерашняго дня и все еще продолжающихъ прибывать въ Верчелли. Это темная сторона войны. Бѣдняки переносятъ свою судьбу очень мужественно, но невозможно равнодушно видѣть нѣтъ бѣдныхъ лицъ, раздробленные члены, нѣтъ окровавленное плыве и слышать стоны, вырывающіеся у нихъ противъ воли.

«Австрійскіе плѣнники азбукаютъ здѣсь, естественно, большое любопытство. Не зная, быть можетъ нарочно на переходныхъ позиціяхъ были поставлены самые молодые солдаты, но какъ бы то ни было, почти всѣ плѣнные просто мальчешки. Не удивительно, что они не устояли противъ возмужалыхъ швейцарцевъ и притерпѣвшихся къ военнымъ трудностямъ зуавовъ. Любопытно также, что большинство нѣтъ, принявшее къ полку Винифеа, набранному въ славянскихъ провинціяхъ на адриатическомъ берегу, говорить по-итальянски. По всей вѣроятности, австрійцы хотѣли показать, что могутъ вполне полагаться на свои итальянскіе полки».

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ, вотъ еще отрывокъ изъ письма другаго (туринскаго) корреспондента Times'a.

«Туринь 2 апрѣля. (23 маі).

«Король сардинскій вызвалъ тутъ (при Палестро) неудержимую храбрость, которой онъ отличается. Онъ самъ водилъ войско въ атаку на батарею, какъ будто простой капитанъ, желающій поскорѣе получить майорскіе эполеты. Его отвага приобрила ему любовь зуавовъ, они провозгласили его своимъ товарищемъ и наградили чиномъ каптала зуавской службы. «Онъ можетъ быть доволенъ, мы его выбрали единодушно», говорятъ они: *il doit être content, il a été élu à l'unanimité*. На первый разъ это хорошо, и примѣръ короля безъ сомнѣнія имѣетъ хорошее дѣйствіе на армию; но мѣсто главнокомандующаго не въ головѣ батальона, идущаго въ атаку, и Викторъ Эммануэль долженъ помнить, что его смерть запутала бы положеніе дѣлъ и могла бы повредить интересамъ, которые и теперь, по мнѣнію многихъ, не совершенно ограждены отъ опасности¹⁾. Говорятъ, императоръ французскій сказалъ ему, что онъ долженъ божье щадить свою жизнь, если хочетъ быть королемъ итальянскимъ. Но характеръ короля рѣшительно боевой, и я увѣренъ, что онъ находитъ положительное наслажденіе въ экзальтаціи схватки и въ западѣ австрійскаго порока, вспыхивающаго у него подъ носомъ. Достовернѣйшіе изъ вѣдѣній разсказовъ о битвѣ при Палестро свидѣтельствуя, что австрійцы даже своихъ противниковъ въ дѣйствованіи штыкомъ, и не могутъ устоять противъ этого оружія во французскихъ или піемонтскихъ рукахъ. Фактъ то, что изъ привезенныхъ теперь сюда австрійскихъ раненыхъ огромное большинство имѣющихъ рану штыкомъ получили ее сзади. Кажется, робость овладѣваетъ ими въ рѣшительную минуту схватки. Нѣкоторые изъ итальянцевъ, взытыхъ въ плѣнъ при Палестро, разсказываютъ любопытныя подробности объ итальянскихъ солдатахъ австрійской арміи. Говорятъ, что итальянцы были поставлены въ первую линію, а позади нихъ кроаты. Когда союзники подошли, одинъ изъ солдатъ (это передать его товарищъ, солдатъ той же роты) замѣтилъ офицеру, что грустно имъ, итальянцамъ, быть принужденными сражаться въ Италиі противъ итальянцевъ. У офицера въ рукахъ была обнаженная шпага и онъ отъчалъ на неосторожное замѣчаніе тѣмъ, что заволашъ солдата. Потомъ онъ обратился къ ротѣ и сказалъ, что если они не будутъ исполнять своей обязанности, кроаты, стояшіе за ними, будутъ стрѣлять по нимъ. Разумѣется, нѣтъ оставалось только сражаться, и вѣроятно, они «исполнили свою обязанность», если справедливо говорить плѣннымъ, что изъ 165 человѣкъ, составлявшихъ его роту, осталось въ живыхъ только 16. Впрочемъ, я уже писалъ вамъ прежде, что итальянцы въ австрійскихъ войскахъ сражаются отчаянно. Но сдѣлавъ первый залпъ, солдаты этой роты подняли на штыки офицера, заколовшаго ихъ товарища. Другія итальянскія роты падали на землю, пропуская сардинцевъ далѣе. Такими разсказами плѣнниковъ, я надобно сказать, что они носятъ на себѣ печать истины. Австрійцы, разумѣется, будутъ испаривать ихъ справедливости, но такое опроверженіе едва ли должно имѣть много вѣсу».

Разсказы англійскихъ корреспондентовъ, переведенные нами, имѣютъ не одно то достоинство, что очень яснымъ образомъ знакомятъ насъ съ обстоятельствами битвы при Палестро, совершенно безтолково разсказываемыхъ континентальными газетами. Они также одинъ только представляютъ настоящее отношеніе между участіемъ сардинскихъ и французскихъ войскъ въ одержанной побѣдѣ. По французскимъ и бельгійскимъ извѣстіямъ вся честь второй, рѣшительной битвы предоставляется исключительно зуавамъ, и выходитъ, будто бы сардинцы были почти уже разбиты австрійцами, когда подошли на выручку къ нимъ третій полкъ зуавовъ, который притомъ былъ будто бы направленъ на помощь къ нимъ самимъ императоромъ, видѣвшимъ

¹⁾ Корреспондентъ намекаетъ на опасность, грозящую самостоятельности Италиі не отъ однихъ враговъ, но и отъ союзниковъ. Мы увидимъ, что многіе итальянцы боятся французскіхъ.

пораженіе своихъ союзниковъ. Все это оказывается чистымъ вздоромъ. Мы видимъ, что третій полкъ зуавовъ еще въ предъидущіе дни былъ отданъ императоромъ въ распоряженіе сардинскаго короля и поступилъ въ составъ отряда, которымъ командовалъ Викторъ-Эммануэль. Полкъ этотъ вовсе не подоспѣвалъ на выручку Богъ знаетъ откуда, а просто съ начала битвы былъ поставленъ сардинскимъ королемъ на правомъ флангѣ. Посланъ былъ онъ противъ австрійцевъ, пошедшихъ въ обходъ деревни, не по какойнибудь особенной причинѣ, не потому, чтобы только онъ одинъ могъ исполнить атаку, слишкомъ трудную для сардинцевъ, какъ предполагается по французскимъ отчетамъ; нѣтъ, вмѣстѣ съ нимъ пошла, ни на шагъ отъ него не отстали, въ одинъ мигъ съ нимъ добѣжали до непріятельской батареи, взяли ее и смали австрійцевъ два сардинскіе батальона, и если ему пришлось участвовать въ блистательной атакѣ вмѣстѣ съ сардинцами, такъ это просто потому, что онъ стоялъ на правомъ флангѣ, около котораго пошли въ обходъ австрійцы; а на какой пунктъ будетъ произведено главное наступленіе австрійцевъ, это, какъ мы видимъ, рѣшительно не было извѣстно до той самой минуты, какъ началась атака сардинско-зуавскимъ правымъ флангомъ. Вовсе не видно и того, чтобы на другихъ пунктахъ сардинцы уступали непріятелю; напротивъ, австрійское наступленіе съ фронта оказывается только фальшивою атаккою; служа единственно для замаскированія обхода съ праваго фланга, фронтовальное наступленіе и не должно было имѣть особенной энергіи, а по французскимъ извѣстіямъ представляется, будто бы до того мѣста, гдѣ атаквали ихъ зуавы, австрійцы дошли, гоня передъ собою сардинцевъ, сбитыхъ ими съ позиціи, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они достигли этого мѣста особеннымъ отрядомъ, посланнымъ въ обходъ и ни мало не гнавшимъ сардинцевъ ни съ какого пункта. Словомъ сказать, весь ходъ дѣла искаженъ съ тою цѣлью, чтобы вся честь побѣды принадлежала однимъ зуавамъ, а сардинцы являлись бѣдствующими, почти разбитыми. Точно такую же несправедливость къ сардинцамъ мы видимъ во французскихъ отчетахъ и о дѣлѣ при Монтебелло. Сардинская кавалерія почти забыта въ нихъ, и если упоминается, то какъ будто только съ цѣлью внушить, что она спаслась отъ истребленія единственно отступленіемъ подѣ защиту французскаго аванпоста, командуемаго Камбрелемъ; между тѣмъ собственно ея блистательныя атаки были обязаны французы тѣмъ, что слабый отрядъ ихъ могъ удержаться до прибытія подкрѣпленій; а что она не искала защиты, доказывается тѣмъ, что она постоянно возобновляла атаки до тѣхъ поръ, пока потеряла почти всѣхъ своихъ лошадей. Возвращаясь ко второму дѣлу при Палестро, мы выставимъ одинъ фактъ, положительно доказывающій, что въ знаменитой атакѣ на правомъ флангѣ сардинцы дѣйствовали ни чуть не хуже зуавовъ: изъ восьми пушекъ, взятыхъ быстрымъ натискомъ, три оказались въ рукахъ у сардинцевъ и только пять у французовъ. Эта пропорція профеевъ совершенно соответствуетъ численности тѣхъ и другихъ войскъ. Зуавскій полкъ имѣлъ три батальона, сардинцевъ было два батальона, и по числу взятыхъ пушекъ оказывается, что всѣ батальоны дѣйствовали въ натискѣ совершенно ровно. Участіе сардинскихъ войскъ въ успѣхахъ, пріобрѣтенныхъ союзниками, вообще уменьшается систе-

матически во французскихъ извѣстiяхъ. Такъ, напримѣръ, почти совершенно замаскировывается въ нихъ тотъ общiй фактъ, что сардинцами была исполнена главнѣйшая часть плана, который имѣлъ результатомъ очищенiе западной Ломбарди отъ австрiйцевъ. Пока французы бездѣйственно стояли на южномъ берегу По, на долю сардинцевъ досталось произвести то наступленiе по миланской дорогѣ, слѣдствiемъ котораго была побѣда при Маджентѣ. Сардинцы должны были перейти Сесiю, устроить мосты на ней для перехода остальныхъ частей войска; они вообще были авангардомъ въ общемъ планѣ кампанiи и подвергались сильнѣйшему риску. Да и самыя сраженiя при Палестро, давшия при исполненiи этой трудной задачи, лишаются своего значенiя по французскимъ отчетамъ, между тѣмъ какъ собственно они очистили французамъ дорогу въ Ломбардiю.

Не успѣвъ остановить наступленiе сардинцевъ къ Тичино и увидя, что за ними уже очень близко идутъ всѣ французскiя силы, австрiйцы начали быстро очищать пространство между Сесiею и Тичино, потому что только за Тичино могли соединиться съ тѣми своими силами, которыя стояли на южномъ берегу По и теперь двинуты для общаго отпора врагу, направившему свое нападенiе не съ той стороны, какъ ждали австрiйцы. Кажется, только 1 iюня они убѣдились, что союзники обманули ихъ искуснымъ передвиженiемъ главныхъ силъ на сѣверъ; они догадались объ этомъ плавѣ уже тогда, какъ онъ былъ исполненъ, и должны были чрезвычайно торопиться, чтобы непрiятель не захватилъ ихъ отрядовъ разбросанными. Они отступали съ такой поспѣшностью, что бросали въ сардинскихъ городахъ не только запасы провiанта и оружiя, но часто и свои кассы съ звонкой монетой. Союзники шли за ними всего только въ нѣсколькихъ часахъ пути и черезъ четыре дня по началiи наступленiя уже переходили черезъ Тичино у Буффалоры, Турбиго и другихъ деревень, расположенныхъ вдоль рѣки около желѣзной дороги и шоссе, ведущихъ изъ Новары въ Миланъ. Переправа не обошлась безъ сраженiй, и между прочимъ было дѣло у переправы въ Турбиго (3 iюня); но читатели знаютъ, что эти схватки были только прелюдiею къ генеральному сраженiю 4-го iюня при Маджентѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ сардинской границы на миланскомъ шоссе. Остановимся здѣсь на минуту, прежде чѣмъ станемъ говорить объ этомъ сраженiи, и обратимъ свое вниманiе на австрiйцевъ: до сихъ поръ мы все говорили только о дѣйствiяхъ союзниковъ, и было бы обидою съ нашей стороны австрiйцамъ не поговорить подробно и о нихъ, и мы ни за что въ свѣтѣ не хотимъ оскорблять это образцовое правительство: не даромъ про насъ говорятъ очень многiе, что мы держимъ сторону австрiйцевъ: мы охотно сознаемся, что чувствуемъ къ нимъ слабость; да и какъ не симпатизировать намъ при нашихъ убѣжденiяхъ съ восхищенiемъ австрiйской системой? Да, мы посмотримъ на австрiйцевъ съ умилениемъ восторга за то, что всему свѣту явятся они въ истинномъ видѣ. Какъ въ древности говорили о грекахъ, что всѣ ихъ дѣла и мысли всѣмъ извѣстны въ настоящемъ видѣ, — *ges graecorum puda est*, — такъ можно теперь сказать объ австрiйцахъ, и объ однихъ австрiйцахъ, что никто не ошибается на ихъ счетъ. Попробуйте сказать что нибудь о французской, объ англiйской, о какой угодно другой внутренней или внѣшней политикѣ, — сотни и тысячи благороднѣйшихъ людей набросаются на васъ за недостатокъ вѣры въ честность, благо-

родство, въ добрыя намѣренія, въ прекрасныя цѣли, въ восхитительныя результаты; вы будете названы грязнымъ скептикомъ, клеветникомъ, жолчнымъ фанатикомъ и т. д. Съ одними австрійцами дѣло не таково. Тутъ скажите только: „австрійская политика своекорыства, реактивна, гнусна“,—всѣ съ вами соглашаются. Неужели же недостойны признательности австрійцы за то, что ими одними не обольщенъ никто? Это объективная причина нашего глубокаго сочувствія къ австрійцамъ: невозможно не уважать дѣла, не производящаго ошибки ни въ чьемъ умѣ. Есть и субъективная причина у насъ любить австрійскую политику: она служить едвали не единственнымъ предметомъ, въ мнѣніи о которомъ сходимся мы со множествомъ людей, очень строго осуждающихъ наши мнѣнія почти о всѣхъ остальныхъ дѣлахъ бѣлаго свѣта. Только говоря объ австрійцахъ, они могутъ хотя на минуту примириться съ нами и признавать, что еще осталась въ насъ хотя слабая искра нѣкотораго человѣческаго чувства. Скажите же, читатель, какъ намъ не любить австрійцевъ?—вѣдь безъ нихъ исчезло бы единственное зеркало, въ которомъ черты наши отражаются благородными и прекрасными.

Перенесемтесь же въ австрійскій лагерь и посмотримъ, что надобно сказать о дѣйствіяхъ благороднаго и человѣколюбиваго Гіулая, полтора мѣсяца тому назадъ рыцарски пошедшаго освобождать сардинцевъ. Надобно, къ сожалѣнію, признаться, что и съ той поры, какъ онъ долженъ былъ дѣйствовать оборонительнымъ образомъ, умственное достоинство его распоряженій стало же мало соответствовало высокому нравственному достоинству его дѣла, какъ и въ ту пору, пока онъ могъ дѣйствовать наступательно. Мы желали бы скрыть это, но не можемъ: запасы, оружіе, деньги, оставленные австрійцами при торопливомъ отступленіи, слишкомъ ясно обнаруживаютъ, что австрійскіе генералы выѣхвъ съ своимъ Гіулаемъ не умѣли ничего сдѣлать, какъ слѣдуетъ и заблаговременно. Они укрѣплялись на Сезіи и перепустили сардинцевъ черезъ эту рѣку безъ боя. Кротость похвальна; но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же было изнурять своихъ солдатъ работами для устройства укрѣпленій? Пропустивши врага тамъ, гдѣ слѣдовало остановить его, они принялись сражаться съ нимъ на мортарской дорогѣ. Отважность также похвальна; но зачѣмъ было сражаться, нѣмѣя въ тылу Тичино? Военные люди говорятъ, что, нѣмѣя въ тылу рѣку, переходъ черезъ которую труденъ, сражаться не слѣдуетъ. Какъ только союзники ворвались, или, лучше сказать, безпрепятственно вошли въ знаменитый, надобѣвшій и намъ и, вѣроятно, читателямъ четыреугольникъ между Сезіею и Тичино, каждому и французскому, и австрійскому офицеру было ясно, что австрійцамъ остается только отступить за Тичино. Или они сражались затѣмъ, чтобы задержать наступленіе и порядочнымъ образомъ убраться, куда имъ слѣдуетъ? Но нѣтъ, они удовольствовались тѣмъ, что пять батальоновъ отняли восемь пушекъ у какого-то ихъ отряда, разсудили, что останавливать союзниковъ не стоитъ, и пошли назадъ такъ торопливо, что не успѣли вывезти съ собою даже своихъ денегъ, и притомъ не бумажекъ, а настоящихъ металлическихъ денегъ, которыми такъ небогаты. Чтожь это такое за нелѣпица? Но объ этомъ хорошо говоритъ Times. Статья его, написанная еще до полученія точныхъ свѣдѣній объ искусномъ передвиженіи союзниковъ съ юга на сѣверъ, удѣляетъ часть своего приговора и французамъ;

но по дружбѣ къ австрійцамъ мы скажемъ, что всѣ сужденія англійской газеты должны теперь достаться исключительно въ ихъ пользу: французскіе генералы доказали послѣ того, что, кромѣ ружей и пушекъ, имѣютъ и достаточную долю ума.

«Дѣлайте, что хотите (говорить Times),—трубите въ трубы, бейте въ барабаны, размахивайте знаменами,—оглушайте шумомъ, остѣбляйте блескомъ, война все-таки страшное и отвратительное дѣло, стоящее въ рѣзкомъ противорѣчій со всѣми религиозными ученіями, всѣми нравственными чувствами, всѣми потребностями и стремленіями цивилизаціи. Войною мы еще связаны съ гнуснымъ прошедшимъ, съ временами невыразимаго варварства и звѣрства, безконечныхъ и безплодныхъ страданій рода человѣческаго. Когда цивилизованные люди берутся за оружіе для взаимнаго истребленія, какъ мало различія между ними и дикарями, какъ тяжело становится XIX вѣкъ, видѣвшій возвышеніе французской имперіи, на V вѣкъ, видѣвшій паденіе Римской имперіи! Но какъ ни отвратительна бываетъ война всегда, никогда не являлась она въ формѣ болѣе ужасной, нежели та, какую имѣетъ теперь на итальянскомъ полуостровѣ. Кажется, какъ будто бы принята теорія Гоббса, и война сочтена естественнымъ состояніемъ человѣчества, слѣпымъ долго подавлявшимся трусливымъ и ничтожнымъ одиознымъ міромъ. Иначе, какъ бы могло, съ перваго дня нынѣшняго года, внезапно оказаться невозможнымъ положеніе вещей, продолжавшееся 45 лѣтъ? Война представляется еще ужаснѣе отъ своего сближенія съ величайшими приобритеніями новой цивилизаціи. Рѣзня при Монтебелло поддерживалась непрерывными поѣздами желѣзной дороги, подвозившей свои грузы прямо на мѣсто человѣческой бойни, какъ поговятивъ быковъ, барановъ и телятъ на бойню, питающую Лондонъ. Оскудевшая наука обращена въ оружіе для истребленія того самого существа, умомъ котораго создана она, и тайны, вырванные терпѣливыми и долгими трудомъ мысля изъ тайниковъ, не хотѣвшей выдать ихъ природы, обращены на уничтоженіе прекраснѣйшаго ея творенія. Враждебныя толпы встрѣчаются съ свѣрхностью, которой могли бы позавидовать Гунны и Вандалы, а извѣстія о каждой подробности рѣзни разносятся прекраснымъ механизмомъ электрическаго телеграфа и пулемъ, въ которомъ бьется жизнь природы, съ вѣрностью и быстротою невѣдомой бичу людей въ прежнія времена, сообщаятъ всѣ обстоятельства разрушенія.

«Но этотъ контрастъ между гнусными средствами и цѣлями войны и благородными силами, поработанными ихъ осуществленіемъ, еще не такъ возмутителенъ, какъ легкомысленная, напрасная растрата жизни, заимчивая нами въ нынѣшней борьбѣ. Сдѣлавшись болѣе ученою, война утратила нѣсколько своей прежней дикости, и со временъ великаго Наполеона стала игрою, въ которой побѣда должна принадлежать скорѣе вышему уму, нежели отчаяннѣйшей храбрости. Но инстинктъ Наполеона и нашего Веллингтона, генералу нужно имѣть болѣе гражданскія, нежели чисто военныя качества, чтобы вести войну успѣшно; и оба они своими успѣхами были болѣе обязаны удивительной вѣрности своимъ соображеніямъ, нежели храбрости своимъ войскъ, какъ ни велика была она. Ихъ арміи совершали упорные битвы, въ которыхъ много страдало; но билась и страдала онѣ для достиженія важныхъ стратегическихъ цѣлей, а не для того только, чтобы прославиться храбростью, или перебить много людей у непріятели. Считать чувствовалъ, что его побѣда необходима для выполненія плана, осуществленіе котораго влечетъ къ себѣ, чтобы предать въ его власть непріятельскую армію или столицу. Герцогъ Веллингтонъ хотя и выигралъ много побѣдъ, но побѣдъ впадалъ въ гнѣвъ, что никогда не начиналъ ни одной стычки, т. е. никогда не жертвовалъ кровью своихъ солдатъ на дѣла, не имѣвшія прямой связи съ результатомъ похода. Смотря на вещи, происходящія въ Италіи, мало мы увидимъ слѣдовъ тѣхъ правилъ, какия были оставлены для руководства будущимъ полководцамъ этихъ великихъ мастеровъ военного искусства. До сихъ война представляла имъ рядъ кровопролитныхъ битвъ, дававшихся, кажется, съ тою единственною цѣлью, чтобы стрѣлять людей другъ у друга. Отыскивать непріятели повсюду, гдѣ можно найти его,

бросаться въ стычку, стоять въ ней съ бульдоговскими мужествомъ и потомъ отойти, не получивъ и не желая получить никакой выгоды, кромѣ «навесенія большой потери неприятелю»,—это кажется высочайшею мудростью, доступною вытѣшннмъ полководцамъ. Возмнѣтъ, напримѣръ, сраженіе при Монтенелло, въ которомъ было погублено громадное число людей, такое громадное число, что до изобрѣтенія варѣзнаго оружія такое кровопролитіе было бы достаточно для рѣшенія судьбы похода, или для взанія крѣпости, господствующей надъ цѣлою провинціею. Была ли когда нибудь такая напрасная и безпредметная рѣзня? Австрійцы хотѣли узнать, какъ велики силы французовъ въ извѣстномъ направленіи, и узнавъ это, направили все впередъ, съ полной увѣренностью, что додвигаются наконецъ до такихъ силъ, превосходящихъ которыхъ будутъ оттолкнуты назадъ. Они знали это столь же твердо, какъ мальчишки, бросающіе камни въ прудъ, знаютъ, что камень дойдетъ до дна, и остановится на немъ. Но для удовлетворенія ребяческому желанію превратить равногосподствующую въ нападѣніе, не могшее имѣть успѣха, навесено было въ жертву большае число людей, чѣмъ стоила Альманская побѣда, и лишены были жизни эти люди безъ малѣйшаго результата.

«Тоже самое можно сказать о сраженіяхъ при Палестро. Сколько мы знаемъ, ни на минуту нельзя имѣть мысли, что австрійцы станутъ серьезно защищать вселенію передъ Тивино, когда французско-сардинская армія двинется для занятія этой линіи. Но Палестро нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки; австрійцы дрались за него съ сардинцами съ такимъ же ожесточеніемъ, какъ будто за Эльзаское кладбище, или Бородинскій редутъ, или за Гугумонскую ферму подъ Ватерлоо. Спрашивается, что же выиграно этою битвою? Австрійцы должны отступать, того требуетъ планъ ихъ кампаніи. Въ тылу у нихъ почти неприступная линія Мичіо между Гардскимъ озеромъ и Мантуанскими болотами, и по всѣмъ соображеніямъ не слѣдуетъ имъ останавливаться для рѣшительнаго отпора, пока нѣтъ на ихъ сторонѣ ровно никакого преимущества. А если такъ, то кровь, пролитая подъ Палестро, пролита понапрасну и ничего не приобрѣтено уменьшеніемъ силы одной арміи, которое куплено такимъ же уменьшеніемъ силы другой арміи. Генералы съ обѣихъ сторонъ дѣйствуютъ, кажется, по совѣту, даваемому Флиддоромъ молодымъ игрокамъ: «чаще играйтесь шашками, говоритъ онъ, потому что это очищаетъ шашки и даетъ просторъ игрѣ». Военное искусство должно было бы имѣть другой способъ дѣйствія; слѣшкомъ легко достать въ войнѣ совершенствія, если оно учитъ только падавать на неприятеля при всякомъ случаѣ и наносить себѣ, вмѣстѣ съ другимъ, всевозможный вредъ. По сравненію съ такой тактикой достойно славы вторженіе Гарибальди въ австрійскія владѣнія, хотя оно и опрометчиво, хотя оно и оставлено безъ поддержки: если онъ рисковалъ погубить себя и своихъ спутниковъ, то по крайней мѣрѣ у него была цѣль дѣйствительно важная. Мальтозъ говоритъ, что англо-сиконскія битвы столько же заслуживаютъ памяти въ исторіи, какъ битвы коршуновъ съ воробьями. То же самое можно сказать о рядѣ битвъ, въ которыхъ единственной цѣлью было кровопролитіе, въ которыхъ тысячи были убиты не для исполненія какого нибудь обдуманнаго плана, а просто въ удовольствіе драчливости двухъ арій, генералы которыхъ по видимому неспособны сдержатъ свое взаимное ожесточеніе до той ворм, когда созрѣетъ планъ дѣйствій съ ненапраснымъ пролитіемъ крови. Впрочемъ веденіе войны соотвѣтствуетъ ея началу. Начата она безъ всякой основательной причины, ведется она съ циническимъ презрѣніемъ человѣческой жизни, достойнымъ деспотическихъ государствъ, избѣряющихъ свое благосостояніе и могущество не числомъ рукъ, которыми могутъ завладѣть въ войнѣ полезную дѣятельностью, а объемомъ, до котораго могутъ они развить средства рѣзни и разрушенія въ рядяхъ своихъ многочисленныхъ арій».

Эта статья была напечатана въ Times'ѣ еще 2 іюня (21 мая), когда не было извѣстно, что сраженія при Палестро были слѣдствіемъ общаго наступленія, предпринятаго сюзниками; по вздорнымъ телеграфическимъ депешамъ казалось тогда, что движеніе сардинцевъ за Сесію не вытекало изъ

общаго плана, а было чисто дѣломъ удалства. Потому-то авторъ статьи осуждаетъ за безсмысленное кровопролитіе полководцевъ обѣихъ сторонъ. Теперь мы знаемъ, что дѣйствія французско-сардинскихъ полководцевъ были обдуманы и только слова ихъ депешъ, вѣжливо эффектныхъ, отнимали на время у нихъ поступковъ характеръ благоразумія. Теперь, когда ходъ дѣла сталъ точнѣе извѣстенъ, мы видимъ, что и подъ Палестро, какъ подъ Монтебелло, только бездарность австрійскихъ предводителей производила рѣшительно ненужную для нихъ рѣзню.

Провожая австрійцевъ изъ сардинскихъ владѣній, мы должны сказать нѣсколько словъ въ объясненіе неправдоподобныхъ увѣреній, которыми отвѣчали они на ирки о грабительствахъ и свирѣпостяхъ, будто бы произведенныхъ ими въ Піэмонть. Теперь нѣтъ надобности говорить, что слухи эти дѣйствительно были очень преувеличены. Само французское правительство почло нужнымъ напечатать официальное предупрежденіе своимъ газетамъ, чтобы онѣ перестали съ неразсчетливой радостью выдавать за истину всѣ выдумки о каннибальствѣ австрійскихъ солдатъ. Оно разочло, что излишнее пристраііе къ пустымъ сплетнямъ въ результатѣ повредитъ дѣлу самихъ союзниковъ во мѣнѣ Европы. Но бытъ можетъ, французское правительство не заслуживаетъ довѣрія? Мы не станемъ спорить противъ этого, а припомнимъ только, что само сардинское правительство сняло съ австрійскихъ кораблей эмбарго, наложенное на нихъ по официальному объявленію за грабительство австрійцевъ въ Сардиніи. Снявъ эмбарго, оно показало, что увѣрилось въ несправедливости этихъ слуховъ. Въ первый разъ колебалась вѣра въ нихъ письмами англичанина, корреспондента Times'a, допущеннаго австрійскимъ правительствомъ находиться при главной квартирѣ австрійской арміи. Странное, кажется, дѣло: всѣ австрійскія газеты и само правительство увѣряло Европу, что слухи о грабѣжѣ несправедливы; никто не вѣрилъ. Написалъ какой-то англичанинъ, никому неизвѣстный, Богъ знаетъ какихъ нравственныхъ качествъ, и ему повѣрили больше, нежели всѣмъ австрійскимъ командирамъ.

Но возвратимся къ слухамъ объ австрійскомъ грабительствѣ въ Сардиніи. Когда союзники вступили въ области, оставленныя неприятелемъ, корреспонденты французскихъ газетъ, слѣдовавшіе за арміею, сами убѣдились, что необходимо отказаться отъ прежнихъ сплетенъ, и начали писать, что австрійцы не дѣлали съ сардинцами ничего предосудительнаго. Мало по малу откровенность дошла до того, что мы прочли въ *Indépendance Belge* слѣдующія строки, конечно очень лестныя для австрійцевъ, но еще болѣе утѣшительныя для ломбардцевъ, которые теперь съ восторгомъ встрѣчаютъ французовъ:

«Проведя три дня въ странѣ на востокъ за Тортоною ¹⁾, я собралъ, писать французскій офицеръ, подробности о контрбундѣ, наложенной австрійцами на занятые имъ города. Все дурное, развоскившееся слухами, почти совершенно исчезаетъ, кромѣ нѣсколькихъ изолированныхъ фактовъ, которые надобно приписать исключительно бродягамъ. На мой взглядъ австрійцы не переступали границъ военнаго права, совершивъ позволяющаго жить на счетъ неприятельской страны. Мое мнѣніе раздѣляется съ (т. е. во французскомъ лагерѣ) всѣми. Навѣрно мы не видѣли бы большаго цѣла, если бы стали точно также поступать въ Австрію».

¹⁾ Т. е. въ мѣстности, которую долго занимали австрійцы.

По рассказамъ англійскихъ корреспондентовъ французскіе офицеры употребляютъ иногда въ этомъ аргументѣ вмѣсто слова „Австрія“ слово „Ломбардія“. Но что еще будетъ въ Ломбардіи, мы услышимъ, а пока знаемъ только, по свидѣтельству того же французскаго офицера, что дѣло производится иногда его товарищами и въ Сардиніи нѣсколько по примѣру австрійцевъ. Нѣсколькими строками выше переведеннаго нами мѣста, мы въ томъ же письмѣ читаемъ:

«Не знаю, понятно ли вамъ, что такое значить расположеніе войскъ по квартирамъ? Скажу вамъ в немъ два слова, потому что дѣло это невариванное для французской арміи, которая со времени послѣднѣй войны всегда располагалась только на бивуакахъ. Квартірование по деревнямъ состоитъ вотъ въ чемъ. Отрядъ приходитъ, вступаетъ на дворъ фермы; начальникъ отряда ищетъ помѣщенія: овинны, конюшни, амбары—запертые и отпертые—все годится, на чашѣ есть кровля. (Итакъ, замокъ на дверяхъ амбара не служитъ помѣхой?). Берутъ у фермера всю солому, нужную для постилки людямъ. Располагаются въ этихъ амбарахъ, овилахъ, конюшняхъ и каждый устраиваетъ себѣ постель. Правда, что потомъ даютъ крестьянину квитанціи для уплаты ему за то, что взято; но всегда ли даютъ ихъ? Невозможно, чтобы при квартированіи расположеніи болѣе 100,000 человекъ не потерялъ убытка изъкой нибудь бѣднѣе. Правда, что этотъ бѣднѣе порядкомъ вознаграждаетъ себя, дорого продавая вино, яйца, птицу и проч. (Но если, какъ видно, не всегда даютъ даже квитанціи, по которымъ наплатить казна, то всегда ли дадутъ деньги изъ своего кармана?). Въ первый разъ, какъ я увидѣлъ такое безцеремонное хозяйничаніе, увидѣлъ, какъ солдаты, не обращая ни на что вниманія, берутъ охапки соломы, у меня поворотилось сердце.—но что же дѣлать, вдобаво же солдату имѣть постель».

Если у автора письма на первый разъ поворотилось сердце, то вѣроятно не отъ однихъ охапокъ соломы, иначе нервы у него были бы уже слишкомъ чувствительны. Но все равно, всегда ли французы платили сардинцамъ и будутъ платить Ломбардцамъ за птицу, вино и т. д.; всегда ли будутъ они выдавать имъ идиллическія квитанціи за солому и дѣйствительно ли Ломбардія тоже должна входить въ составъ той Австріи, гдѣ, по мнѣнію французскаго лагеря, не будетъ большаго грѣха поступать французамъ точно также, какъ австрійцы поступали въ Сардиніи,—дѣло идетъ теперь не о французахъ, а объ австрійцахъ, симпатія къ которымъ въ насъ замѣчена многими и признана теперь нами самими. Признаемся, источникомъ похвальной гордости служить намъ то, что теперь сами противники австрійцевъ свидѣлствуютъ о безукоризненномъ поведеніи нашихъ друзей въ сардинскихъ областяхъ. Но слѣдуетъ ли изъ безупречности ихъ поведенія по кодексу французскаго офицера, чтобы жителямъ занятыхъ ими областей дешево обошлось поѣщеніе Гіулая—оснободителя? Въ цѣлихъ округахъ не осталось ни хлѣба, ни скота, ни птицы, ничего, такъ что жители будутъ голодать до слѣдующей жатвы (въ Италіи впрочемъ при лѣтнемъ зноѣ дѣта полезна, да и до жатвы осталось педолго); въ три года едва ли успѣютъ они снова обзавестись скотомъ и въ десять лѣтъ можно еще будетъ съ перваго взгляда узнавать тѣ мѣстности, въ которыхъ побывали гости. Да, намъ, читающимъ газеты, война сходить съ рукъ очень удобно, а нашимъ знакомымъ, служащимъ въ оберъ и штабъ-офицерскихъ чинахъ, она иногда бываетъ даже пріятна, потому что даетъ прибавку жалованья; но поселянину она не обходится дешево даже при австрійскомъ поведеніи войскъ, совершенно соответствующемъ французскому идеалу.

Вся восточная часть Пьемонта теперь разорена; если беспорядочных грабительств не было, все-таки всё средства страны поглощены реквизициями; какими же образом могли быть придуманы австрийцами дикія сказки, будто бы сардинскіе поселяне принимали ихъ съ радостью, точно въ самомъ дѣлѣ Гюлай съ товарищами идетъ, освобождать ихъ? Самая нелѣпая выдумка должна же привязываться къ какому нибудь дѣйствительному обстоятельству. Объясненіе этой видимой нелѣпости мы опять также находимъ въ письмахъ одного изъ корреспондентовъ Times'a. Вотъ что между прочимъ писалъ онъ изъ Гарласко 28 и 30 мая.

«Въ одномъ изъ моихъ первыхъ писемъ отсюда (изъ восточной части Сардиніи), я говорилъ, что поселяне вовсе нерасположены были къ войнѣ, а готовы, пожалуй, къ социалистской революціи, ненавидя своихъ господъ, богатыхъ собственниковъ, жаждущихъ въ Туринѣ и въ Миланѣ. Одна изъ австрийскихъ газетъ сочиняетъ изъ этого, будто бы народъ здѣсь расположенъ къ Австріи. Нѣтъ, я могу увѣрить васъ, что поселяне Ломеллинской провинціи (земли между Севією и Тачино) не любятъ ни австрийцевъ, ни французовъ, ни своего правительства. Они имѣютъ только одно чувство—ненависть ко всѣмъ «проклятымъ господамъ» (*maladetti signori*). Они думаютъ, что богатые—«богатыни» называютъ они всѣхъ, неработающихъ руками,—имѣютъ выгоду отъ войны и приносятъ ей въ жертву поселянъ и ихъ интересы. Видя, какъ легко могло бы быть произведено здѣсь социалистское возмущеніе, я не могу вѣрить словамъ Туринскаго бюллетеня № 32, говорящаго, что австрийцы старались возмутить бѣдный классъ жителей въ Страделлѣ и Вогерѣ противъ богатыхъ... Стараются поколебать довѣріе къ моимъ письмамъ, представляя меня приверженцемъ австрийцевъ. Убѣраю васъ, мое все сердце лежитъ, какъ должно лежать сердце каждого англичанина, къ *итальянскому народу*, масса котораго должна пострадать отъ этой войны, изъ которой бы сторонѣ не осталась побѣда, и пусть лучше отпадетъ у меня правая рука, чѣмъ навѣшу я хотя одно слово во вредъ итальянскому народу, для выгодъ кого бы то ни было, французскаго ли императора, сардинскаго ли короля или австрийскаго императора... Я боюсь, что общественное устройство въ Сардиніи едва ли сообразно съ конституціоннымъ порядкомъ. Огромное большинство народа находится въ слишкомъ большой зависимости отъ немногихъ богатыхъ, въ числѣ которыхъ есть миланскіе вельможи. Кроме того, какъ вы знаете, въ Сардиніи есть сильная реакціонная партія, вовсе не ограничивающаяся однимъ какимъ нибудь сословіемъ. Я встрѣчалъ, кромѣ священниковъ, также и фермеровъ, сельскихъ старшинъ и другихъ людей, принадлежащихъ къ ней. Аргументъ одного изъ нихъ былъ такъ простъ, что я повторю его вамъ. *E troppo cara, la libertà*, сказалъ этотъ патриотъ: «слишкомъ дорога она, свобода». Прежде онъ платилъ въ казну только 150 франковъ, а теперь подати съ него постепенно возвысились до 400 франковъ».

Многіе, быть можетъ, осудятъ насъ за эти выписки. Но что же дѣлать, если мы думаемъ, что въ нихъ высказана правда? Здѣсь не мѣсто подробно излагать нашъ взглядъ на политику Кавура; скажемъ въ двухъ словахъ, почему мы не питаемъ къ нему энтузіазма, за недостатокъ котораго нынѣ осуждаютъ насъ. Намъ кажется, что онъ дался въ обманъ, и скоро будетъ въ томъ раскаиваться, если еще не раскаялся и теперь, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ признакамъ. Намъ кажется, что для освобожденія Италіи было бы полезнѣе ждать обстоятельствъ не столь опасныхъ, какъ нынѣшняя комбинація. Кроме того, намъ кажется, что въ ожиданіи войны съ Австрією не слѣдовало бы: обременять сардинскій народъ слишкомъ высокими налогами для содержанія слишкомъ огромной арміи, которая даромъ истощала государство въ теченіе многихъ лѣтъ,—имѣя только готовые кадры, легко было при наступленіи

надобности организовать сильную армию въ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ напирѣтъ сдѣлала Пруссія въ 1813 году. Мы думаемъ, что Кавуръ заставлялъ до сихъ поръ сардинскій народъ слишкомъ дорого платить за вышшіе подвиги, польза отъ которыхъ для Италіи еще очень сомнительна, и что наконецъ онъ далъ обмануть себя, сдѣлался теперь орудіемъ въ рукахъ, которыя отбросятъ его, когда извлекутъ изъ него себѣ пользу, далеко не соответствующую желаніемъ Кавура и итальянскихъ патріотовъ. Нѣкоторыя подтвержденія этому взгляду читатель найдетъ на слѣдующихъ страницахъ, между прочимъ въ разсказѣ о тосканскихъ дѣлахъ. Теперь мы обращаемъ вниманіе читателя только на фактъ, объясняющій, почему австрійцы были приняты сардинскими поселянами безъ негодованія, такъ что могли выдумать, будто бы сардинскіе поселяне сочувствуютъ имъ, угнетателямъ Италіи. Итальянскіе землевладѣльцы при всемъ своемъ патріотизмѣ забыли, какъ мы видимъ, позаботиться о томъ, чтобы облегченіемъ повинностей примирить съ собою поселяпъ, живущихъ на ихъ землѣ, графъ Кавуръ тоже забылъ, что для внушенія массѣ населенія привязанности къ правительству мало прекрасныхъ рѣчей и вѣрности патріотическимъ стремленіямъ образованныхъ сословій: нужно также облегчить народъ отъ лежащихъ на немъ тягостей; а графъ Кавуръ удвоилъ эти тягости для содержанія огромной арміи въ мирное время, когда еще не было въ ней надобности. Впрочемъ, мы совершенно напрасно вдавались въ этотъ эпизодъ объ отношеніяхъ къ народу политики, столь симпатичной благороднымъ стремленіямъ всѣхъ образованныхъ сословій: какое кому дѣло до того, лучше или хуже стало массѣ? У насъ, образованныхъ людей, потребности не тѣ, какъ у грубой массы, озабоченной только добываніемъ для себя, а болѣе для насъ, матеріальныхъ средствъ къ жизни, и нашими потребностямъ стремленіе политики Кавура удовлетворяетъ прекрасно. Возвращаемся же къ разсказу о войнѣ.

Мы оставили союзниковъ въ то время, когда, отбивъ непріятеля у Палестро, они продолжали наступленіе къ Тичино. На каждомъ шагѣ ихъ изумленіе возрастало, потому что они находили самыя выгодныя для обороны позиціи оставленными непріятелемъ безъ всякой попытки задержать на нихъ наступлющія колонны. Это впечатлѣніе очень живо передается читателю письмами того же корреспондента Times'a, которому обязаны мы единственными хорошими отчетами о двухъ битвахъ при Палестро. Продолжаемъ пользоваться его разсказомъ:

«Новара, 4 іюня (23 мая).

«Это письмо прійдетъ къ вамъ, когда вы по официальнымъ реляціямъ конечно уже будете знать, какими непонятнымъ образомъ дѣйствовали австрійцы. Они оставили Мортару безъ сопротивленія, отступая по дорогѣ въ Павіа, къ Виджевано и къ броду при Аббате-Грассо ¹⁾. Французы перешли Тичино въ двухъ мѣстахъ—у Буффалори, на шоссе отсюда въ Миланъ, и у Турбиго. Не только не было сопротивленія; но оба моста были оставлены почти невредимыми, что значительно облегчило союзникамъ переправу. Это страннѣе всего, что мы видѣли до сихъ поръ, потому что, если отступление и скрываетъ какой нибудь глубоко обдуманный планъ ²⁾, котораго мы нигде не

¹⁾ Виджевано лежитъ на дорогѣ изъ Мортары въ Миланъ, на сардинской сторонѣ Тичино, Аббате-Грассо по той же дорогѣ далѣе, уже въ Ломбардіи. На дорогѣ изъ Мортары въ Павіа лежитъ Гарласко, гдѣ и была главная австрійская квартира.

²⁾ Читатель увидитъ, что потомъ этотъ планъ объясняется.

можем разгадать, то едва ли можно себя вообразить планъ, который требовалъ бы облегчать наступленіе для непріятельской арміи. Надобно прибавить, что объ переправы, шедше къ которымъ идти по болотамъ, представляли важныя выгоды для обороны. Но что страннѣе всего, давъ союзникамъ безпрепятственно пройти черезъ оба эти дефиле, они вдругъ показали вчера у Турбигио, имѣя въ двухъ за рѣкою и около мѣли за каналомъ Naviglio Grande, образующимъ вторую линію обороны, почти столь же сильную. Тутъ произошла стычка, которую нѣмцы раздуваютъ въ цѣлую битву¹⁾, въ которой будто бы очень сильно фигурировали турки; а между тѣмъ, по вѣроятнѣйшимъ расписаніямъ, это была не болѣе, какъ одна изъ тѣхъ стычекъ, которыя происходятъ теперь каждый день, чуть не каждый часъ, и въ которыхъ сотни три-четыре безвредныхъ выстрѣловъ обиваются между стѣнами съ обѣихъ сторонъ, да нѣсколько ядеръ перебрасываются съ одной стороны на другую. Реляція говоритъ о взятіи семи пушекъ и нѣсколькихъ сотъ пѣхоты; но реляція въ вышешней импаниа и французовъ еще въ сто разъ хвастливѣе, чѣмъ былъ въ Крыму. Достоверно одно: союзники утвердились за Тичино безъ битвы, достойной называться битвою и укрѣпляютъ за рѣкою тверже и тверже съ каждымъ минутомъ.

«Несмотря на то, что австріяцы отступаютъ непостижимымъ образомъ, мы беремъ всѣ предосторожности противъ внезапнаго нападенія, и это необходимо, потому что австріяцы рѣдко не бываютъ въ виду у насъ. Такая чрезвычайная и постоянная бдительность должна бы, кажется, изнувать войска, дѣлающая большіе переходы. Странно сказать, утомленія въ нихъ вовсе нѣтъ, больныхъ почти вовсе нѣтъ, и въ жизни своей я не видѣлъ арміи, которая глядѣла бы такимъ здоровымъ. На всѣхъ этихъ усиленныхъ маршахъ я, сколько помню, не видѣлъ ни одного усталого: каждый идетъ молодцомъ, чтобы не сдѣлался надъ ними товарищи. Душъ въ солдатахъ веселый, и каждый день слышны разгорается въ нихъ охота разъ поглядѣться съ непріателемъ. Это ошущеніе: не ограничивается одними отборными войсками, зуавами или берсальерами,—имъ одинаково ошущены всѣ войска, и я жду, что они изумятъ противника, когда столкнутся съ нимъ.

«Когда же это будетъ? Вопросъ становится проблематичнѣе съ каждымъ днемъ. Непріятель не держался на Севин, не принявъ битвы въ Мортарѣ; теперь ясно, что онъ не хочетъ защищать и лѣвую Тичино²⁾. На всѣхъ этихъ лѣвѣхъ австріяцы надѣлали полныхъ укрѣпленій, и не въ двухъ—не въ трехъ мѣстахъ, а повсюду, гдѣ только мѣсто представляло для нихъ выгоду. У обѣихъ вѣстовъ черезъ Тичино возведены укрѣпленія. Все это не оставляетъ никакого сомнѣнія, что они хотѣли крѣпко держаться въ странѣ, которую заняли, и по необходимости приходили къ мысли, что какая-нибудь особенная причина заставила ихъ измѣнить первоначальный планъ. Вы помните, при началѣ войны говорилось, что мысли Гюлаа, командира австріяской арміи въ Италіи, и Гесса, начальника главнаго штаба императора, не совпадаютъ. Гюлаа думалъ дѣйствовать наступательно и перейти за Тичино; Гессъ, говорить, хотѣлъ дѣйствовать чисто оборонительно. Принятъ былъ планъ Гюлаа; но оказалось теперь, что онъ плохъ, потому очень можетъ быть, что теперь стали сдѣлывать плану Гесса.

«Есть еще другое объясненіе неожиданному отступленію. Эта причина, которая если не одна заставила принять оборонительную систему Гесса, то значительно содѣй-

¹⁾ Почему этотъ австріяскій отрядъ явился, только уже перепустивъ непріятеля безпрепятственно черезъ обѣ крайнія линіи обороны, мы знаемъ изъ донесенія Гюлаа. Войска тутъ были не тѣ, которые отступали отъ Палестро и Мортары, а новый отрядъ, спѣшавшій по желѣзной дорогѣ изъ Милана на встрѣчу союзникамъ; онъ былъ силою въ 7,000 человекъ. Онъ не успѣлъ австріяцкіе союзниковъ раньше, въ дефиле или на Naviglio Grande. Прекрасно; но что же дѣлали войска, бывшія подъ Палестро еще 31 мая въ числѣ 20,000? Кажется, они могли бы вадержать непріятеля и, въ теченіе трехъ дней, они могли бы получать одѣрженія съ юга. Но нѣтъ, они отступили безъ оглядки.

²⁾ Дѣйствительно, онъ не защищалъ ее, а сражался Богъ знаетъ зачѣмъ нѣольшкими верстами далѣе, послѣ того, какъ выдѣлъ безъ боя врагу эту сильную чью оборону.

ствовала его принятию, состоятъ въ блистательномъ движеніи, которыми союзники въ нѣсколько дней совершенно обошли правое крыло австрійцевъ и принудили ихъ отступать. Они замѣтили это движеніе только четыре дня тому назадъ ¹⁾ и едва имѣли время убраться. Кажется, только появленіе французовъ въ Новарѣ было для нихъ первымъ указаніемъ другаго плана: до той поры и не воображали, какой сюрпризъ имъ готовится. Приведемъ въ доказательство одинъ фактъ. Недалеко отъ Новары узлами захватили австрійскаго часоваяго, тирольскаго стрѣлка, который и не предполагая, что непріятель близко, положивъ въ сторону ружье, спокойно занялся починкою своихъ штановъ, которые сшилъ для этого дѣла.

«Не знаю, не посылали ли австрійцы въ передовую линію только свои худшія войска, но какъ бы то ни было, въ сраженіяхъ, происходившихъ до сихъ поръ, они не поддержали репутаціи австрійской арміи. При Монтебелло корпусъ, силу котораго они сами считаютъ въ 20,000, былъ прогнанъ одною французскою дивизіею и нѣсколькими эскадронами сардинцевъ. При Палестро, во второй день, были въ дѣлѣ, какъ известно, цѣлыя дѣи дивизіи и отъ съ потерей 8 пушекъ и 1,000 пѣхотинцевъ, были прогнаны одною сардинскою дивизіею Чальдини и полкомъ зуавовъ. Эти факты могутъ объясняться лишь предположеніемъ, что или одни плохія войска были выставлены впередъ, или дѣи австрійской арміи не такъ высокъ, какъ утѣряли ее защитники.

«Кажется, что союзническая манера боя производить на нихъ сильное дѣйствіе: одинъ изъ пѣхотныхъ офицеровъ самъ признавался, что стремительная атака въ штыки, безъ остановки для стрѣльбы, кошачья гибкость, съ которою союзные солдаты переходить всѣ ватрудненія и пробѣгать на батарею сквозь картечный градъ, совершенно разстроиваютъ австрійскихъ офицеровъ и солдатъ, такъ что солдаты нѣльзя удержатъ въ порядкѣ. Это очень правдоподобно, потому что изъ 8 пушекъ, взятыхъ при Палестро, четыре взяты заряженными,—фактъ, говорящій самъ за себя. Неудивительно, что австрійцы теряются отъ изумленія при этой стремительности: они всегда воображали какими-то эталетомъ правильнаго боя стрѣлять, пока есть ватровы; или кажется, что только варвары, напавшіе на нихъ, могутъ съ перваго же раза прибѣгать къ такому отчаянному способу неучтиваго боя».

«Турбиго, 4 іюня».

«Вотъ мы на ломбардской почвѣ! Черезъ одиннадцать долгихъ лѣтъ сардинская армія снова переходитъ этотъ Рубиконъ Италіи и Викторъ-Эммануэль на дорогѣ къ Милану. Берега Тичино представляютъ въ эту минуту одну изъ великолѣпнѣйшихъ картинъ, какія только можно вообразить: армія движется по странѣ, какъ будто созданной быть самою эффектною обстановкою. Отъ Новары до деревни Галліате ²⁾ вы ѣдете по выльной дорогѣ между роскошными лѣтними полями, опоясанными монотонными и меланхолическими рядами виъ, перерѣзанными рядами суровыхъ и также скучныхъ тутовыхъ деревьевъ; виы и тутовые деревья посажены такъ тѣсно, что портятъ перспективу на Альпы и закрываютъ васъ, такъ что видна какъ только длинная лѣнія солдатовъ, фуръ и муловъ, шагающихъ по прямой, пыльной дорогѣ. Такъ вы добираетесь до деревни Галліате, которая нѣсколько вознаграждаетъ васъ за тяжелый путь, который вы совершили, проталкиваясь сквозь толпу, затопляющую дорогу и покрывающую васъ пылью. Вы бродите по извилистымъ улицамъ деревни съ причудливыми итальянскими домами, изъ которыхъ понты у каждаго, надъ широкою дверью со

¹⁾ Дѣйствительно, по письмамъ другаго корреспондента *Times'a*, находящагося въ главной квартирѣ австрійцевъ, мы знаемъ, что еще 31 мая тамъ ожидали наступленія главныхъ французскихъ силъ прямо черезъ По, или по дорогѣ отъ Вогеры на Страделлу, на правый флангъ австрійцевъ, гдѣ и были сосредоточены главные ихъ силы, или на центръ, черезъ Валанцу. Дѣйствительно, только появленіе французовъ въ Новарѣ, 1 іюня, вывело ихъ изъ этого заблужденія.

²⁾ Верстахъ въ трехъ къ сѣверу отъ главнаго миланскаго шоссе и верстахъ въ пяти не доходя Тичино.

сводкомъ, нарисованъ покровительствующій ему святой. За деревнею вы опять из монотонной дорогѣ, по прежнему окруженной хлѣбными полями. Деревья тутъ гораздо рѣже и Альпы открыты передъ вами во всемъ своемъ величїи. Но вамъ не время дивиться на гигантскія горы, потому что все ваше вниманіе занято самой дорогой, по которой вамъ надобно лавировать съ вашими лошадьми, охраняясь отъ упрямыхъ муловъ и скрупулѣхъ фуръ, съ нѣз саттеліери, которые еще упрямы и безтолковы животныя, нѣтъ подвластныхъ. Правда, вы избавились бы отъ всей непрїятной тѣсноты, свернувшись въ сторону; но вамъ стыдно портить поля, пощаженные такимъ непрїателемъ.

Вамъ нетерпѣливо хочется увидѣть Тичино; вы поглядываете вперед и сквозь зеленъя деревья начинаютъ проглядывать изъ горизонтовъ колокольни Турбиги, Бобекетты, Куджіона и Буффалоры, встающія у подножія Альпъ; но все еще нѣтъ Тичино. Вдругъ вся сцена перемѣняется. Хлѣбныя поля, неотступно танувшіяся по дорогѣ, исчезаютъ съ обнѣхъ сторонъ и вы выходите среди высокаго кустарника изъ дубовыхъ и каштановыхъ деревьевъ; выше вниманіе отвлечено отъ дороги пестрою толпою французскихъ и сардинскихъ офицеровъ: они сѣли съ лошадей—ѣдятъ, пьютъ, курятъ и отдыхаютъ; карикатуны суетятся удовлетворять голоднымъ желудкамъ, пересохшимъ горлакамъ; поселины, разнузавъ рты отъ удивленія, стоятъ и смотрятъ; шумъ увеличивается лошадьми, которымъ проводятъ подъ уздцы, или спутываютъ. Двухъэтажный домъ вышло съ вадисью «Dogana Sardi» (сардинскан таможня), гонорать вамъ, что вы достигли кода вашего оути, что вы на берегахъ Тичино. Но вы еще не видите его. Вы дѣлаете нѣсколько шаговъ,—и стоите на обрывѣ той возвышенной плоскости, которую до сихъ поръ принимали за долину, и панорама Тичино раскрывается передъ вами. Во всей этой части теченія Тичино съ обнѣхъ сторонъ опоясана высокой плоскостью, которая, по капризнымъ изгибамъ этой капризнѣйшей изъ рѣкъ, то подходит къ берегу, то отступаетъ отъ него, иногда подкола почти къ самой водѣ, въ другихъ мѣстахъ отдалаясь отъ рѣки болѣе чѣмъ на милю. У ponte di Turbigo, гдѣ рѣка раздѣляется на три рукава, одинъ рукавъ течетъ у самаго подножія террасы, спускъ съ которой такъ отвѣснъ, что дорога должна дѣлать большой изворотъ свернувъ направо, потомъ нѣтъ, чтобы дойти до каменнаго моста, ведущаго черезъ рѣку. Русло рѣки нѣбѣтъ здѣсь совершенно не такой видъ, нѣтъ въ ея низовьяхъ. Два маленькіе рукава вѣдъ разведены по каналамъ, болота замѣняются роскошною массою молодыхъ дубовъ и каштановъ, которые въ нѣмхъ мѣстахъ пересѣкаются хлѣбнымъ полемъ, и его вѣжвыя зеленъ съ желтоватымъ отливомъ рельефѣе отдѣляется густою зеленъ лѣса. На противоположной сторонѣ третьяго и главнаго русла изъ-за деревьевъ, плотно покрывающихъ тотъ берегъ, выглядываетъ караульный домъ. По постепенно возвышающейся гѣстности лѣса тянутся до края горизонта, гдѣ сѣмиваются съ зеленою Альпою, величїю окаяшливощихъ картину. Среди массы зеленъ разбросаны деревни Турбиги, Бобекетта, Каджіоне и Буффалора, стоящія почти въ одинъ рядъ на террасѣ, опоясывающей Тичино съ ломбардской стороны. Длинные караваны солдатъ въѣхъ родовъ оружія, артиллеріи, конной, фуръ, телегъ, муловъ, обозныхъ лошадей,—эта караваны, столь утомившіе глазъ на длинной прямой линіи шоссе, здѣсь придаютъ новую очаровательность картинѣ, то скрываясь, то появляясь по извилинамъ дорогъ.

Но теперь военное время, и живописность картины скоро заслонится другими чувствами и мыслями; армія перешла рѣку и утвердилась за ней, не встрѣчая до сихъ поръ сопротивленія, о которомъ стоило бы упоминать. Вечеромъ 2-го іюня первыя французскія войска показались на берегу Тичино, здѣсь, у Турбиги, и у Буффалоры—до моста. Въ Буффалорѣ широкій каменный мостъ былъ найденъ, если не совершенно невредимымъ, то уцѣлѣвшимъ на столько, что возможно было вѣкоторые сообщеніе черезъ него. Австрійскіе нижне-ры повиновенно торопились, такъ что не нашли нужды взорвать его; только нѣкоторыя изъ нѣмхъ подѣйствовали и сдвинули нѣмко камней. Въ Турбиги не было такой большой дороги, какъ у Буффалоры, и въ послѣдніе года существовалъ тамъ только папавная мостъ,—плашкоутный, существовавшій прежде, былъ сорванъ рѣкою и послѣ того не возобновлялся. На притивъ берегу стояли австрійскіе стрѣлки съ нѣсколькими пушками, но союзные стрѣлки

и артиллерия скоро заставила их молчать; понтонная команда принялась наводить мост и только маршак тревожил ее свистом нескольких пуль, так плохо направленных, что ни один человек из понтонной команды не был ранен. Разъ или два вытязали вперед австрийские уланы и тоже безвредно стреляли, пока один из них свалился с лошади от пули адъютанта стрелка. Когда мосты были готовы (на другой день к вечеру), войска бросились через них и утвердились на другом берегу. Оттуда тотчас же стали подвигаться по дороге, которая ведет лѣсомъ къ кавалу¹⁾. На ломбардской сторонѣ дорога отъ рѣки слегка поднимается до Турбиго, стоящаго на краю террасы. Австрийцы, отступавшіе отъ рѣки безъ сопротивленія, заняли позицію на этой террасѣ, защищаемой съ фронта каналомъ. У нихъ были пушки, обстрѣливавшія дорогу, и насыпаны были полевые укрѣпленія. Такими образомъ австрийцы стояли на одной изъ тѣхъ грозныхъ позицій, которыя дорого обходятся нападающему. Какъ въ Палестро, дѣло было покончено съ-разу, стремительною атакою. Турки, алжирскіе туземцы, блистательно овладѣли позиціею, завалявъ сѣнь, по другому счету девять пушекъ. Австрийцы останавливали нашихъ послѣ того на маленькомъ кладбищѣ по дорогѣ въ Бобекетту, въ третій разъ въ этой деревнѣ. Съ каждымъ разомъ сопротивленіе было слабѣе и вообще болѣе походило на шутку. Сомнѣния хотѣли не заниматься истребленіемъ этого незначительнаго отряда, а скорѣе идти всерьезъ по шилаской дорогѣ; потому бѣгущихъ преслѣдовали не очень горячо; говорить, что взято въ плѣнъ нѣсколько сотъ человѣкъ. По рассказамъ поселянъ, австрийцы бѣжали въ совершенномъ разстройствѣ, бросая ружья, рапцы, все, что могло задерживать ихъ на бѣгу. Я говорилъ съ мѣстными жителями; по ихъ словамъ, австрийцевъ было до 6,000 и они пришли изъ Милана.

«Нынѣ угрозы французскіе аванпосты находились въ Санъ-Мартино противъ Буффалоры. У Буффалорскаго моста непріятеля не было, и вся окрестность при появленіи союзниковъ была погружена въ мертвое молчаніе. Буффалора еще занята австрийцами, которыхъ представляетъ превосходную позицію. Вудуть ли она защищаться на ней сильнѣе, чѣмъ здѣсь, это надобно еще видѣть. Обновити быстрымъ движеніемъ союзниковъ съ крѣпкого праваго фланга отъ Вогеры, на крайній лѣвый флангъ къ Верчелли, они не успѣли поспѣть къ Турбиго и защищали его только нѣсколькими тысячами солдатъ, пришедшихъ изъ Милана. Если они будутъ противиться у Буффалоры, это будетъ значить, что они успѣли собрать тутъ нѣсколько войскъ, наслаждавшихся деревенскими воздушными По и славившихъ въ Мортарѣ.

«4-го іюня, вечеромъ.

«Едва кончилъ я мое письмо къ вамъ, какъ послышались пушечные выстрѣлы со сторовы Буффалоры. Съ прибрежной террасы ясно видѣнъ дымъ каждой пушки; но пробраться туда нѣтъ никакой возможности сквозь массы движущихся туда войскъ. До сихъ поръ успѣлъ узнать я слѣдующее: гвардейскіе уланы и гренадеры, ушедшіе впередъ другихъ войскъ по этому направленію, атаковали позицію при Буффалорѣ, занятую австрийцами въ большихъ силахъ, яны говорятъ до 40,000 человѣкъ. Несмотря на такое превосходство противниковъ, французы, которыхъ было четыре полка, всего отъ 6 до 7,000 человѣкъ, послѣ упорнаго боя и сильной потери успѣли штурмомъ взять позицію, когда шлоши къ нимъ австрийцы. Сраженіе продолжалось до поздней ночи».

«Турбиго, 5-го іюня, 11 часовъ утра.

«Дѣло при Буффалорѣ было самымъ блистательнымъ изъ всѣхъ въ нынѣшнюю кампанію; оно имѣло размѣры большаго сраженія²⁾. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы напасть на эту позицію, очень крѣпкую, не съ одного только фронта, но также съ

¹⁾ Къ тому каналу *Naviglio Grande*, который идетъ параллельно рѣкѣ, верстахъ въ двухъ отъ нея; о немъ говорилось въ первомъ письмѣ.

²⁾ Авторъ называетъ битву 4-го іюня сраженіемъ при Буффалорѣ, потому что у этой деревни началось оно; но теперь его называютъ битвою при Маджентѣ, потому что боемъ у этой деревни рѣшена была побѣда.

лѣваго фланга, отъ Турбиго. Въ движеніи колонны, шедшей отъ Турбиго, произошло замедленіе и результатомъ было, что когда гвардейскіе гренадеры и зуавы,—всего только четыре полка,—атаковали непріятеля, то оказалось, что они одни атакуютъ цѣлую армию въ позиціи сильной отъ природы и еще болѣе усиленной полевыми укрѣпленіями. Не оробѣвъ отъ этого, они все таки шли впередъ. Но у непріятеля было такое превосходство въ числѣ, что, отражая атаку, онъ могъ въ тоже время произвести наступленіе другими войсками и даже взять одну изъ наръзныхъ пушекъ. Олавальже, несмотря на всѣ свои усилія, онъ наконецъ не могъ устоять и былъ отбѣсненъ. Въ то время, какъ ему приходилось отступать, подошла и колонна съ лѣваго фланга.

«Я теперь ѣду на мѣсто сраженія и пишу вамъ эти немногія строки, чтобы дополнить свѣдѣнія объ этой битвѣ, находившіяся въ моемъ вчерашнемъ письмѣ».

На этомъ, самомъ любознательномъ, мѣстѣ останавливается корреспондентъ, напечатанная въ тѣхъ нумерахъ Times'a, которые мы теперь имѣемъ. Сравнивъ переведенный нами рассказъ съ тѣми реляціями и письмами о дѣйствіяхъ союзниковъ съ 28 мая до 3 іюня, которыя можно находить въ другихъ газетахъ, читатель не осудитъ насъ за то, что мы не хотимъ теперь и пользоваться ими для продолженія подробнаго очерка кампаніи съ того мѣста, на которомъ останавливаются письма корреспондента Times'a. Читатель, вѣроятно, одобритъ нашу рѣшимость, лучше повременить мѣсяцъ, чтобы продолжать изложеніе по превосходному, очень полному и совершенно дѣльному источнику, чѣмъ представлять публикѣ во второй разъ ключан той безтолковой декламации или реляціоннаго хвастовства, которымъ можно пресыщаться во французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ и которое оставляетъ въ головѣ только недоумѣніе о томъ, какъ же въ самомъ дѣлѣ происходило дѣло, передаваемое съ очевидной вздорностью и явными противорѣчіями въ одномъ и томъ же источникѣ. Читатель, конечно, уже пробѣжалъ и реляцію Гюлая о сраженіи при Маджентѣ, и отчетъ объ этой битвѣ, составленный въ главной французской квартирѣ: пусть онъ самъ скажетъ, много ли онъ повилъ изъ этихъ донесеній, въ которыхъ техническая темнота служить составителямъ только къ прикрытію ошибокъ съ своей стороны и къ монотонному восхваленію храбрости каждаго отряда, каждой колонны, чуть не каждаго оберъ-офицера. Также сбивчивы и письма французскихъ корреспондентовъ. Нѣмецкія газеты, получаемыя здѣсь, всѣ наполнены нестерпимымъ чванствомъ тупоумія, думающаго, что можно обманывать Европу самохвалствомъ даже послѣ очищенія всей восточной Ломбардіи. Другихъ нѣмецкихъ газетъ, болѣе достовѣрныхъ, мы не имѣемъ въ рукахъ. Итакъ, вмѣсто того, чтобы путать читателя натянутыми догадками о настоящемъ ходѣ дѣла, лучше отложимъ продолженіе рассказа до слѣдующаго раза и представимъ здѣсь только самый краткій перечень фактовъ, начиная съ 4 іюня.

Сраженіе при Маджентѣ произошло, какъ видимъ изъ ввведеннаго нами р. сказа, оттого, что союзники слишкомъ уже понадѣялись на себя: да и то было удержаться отъ увлеченія вѣрностью своихъ комбинацій и пренебрегать къ противнику послѣ безтолковости, обнаруженной австріяцами при суженіи союзниковъ отъ Верцелли къ Буффалорѣ. Планъ генеральнаго сраженія былъ составленъ, когда еще очень немногіе изъ союзныхъ корпусовъ успѣли придти на линію, съ которой наступленіе могло идти безпрепятственно

и сообразно съ диспозиціей. Какъ всегда бываетъ при слишкомъ многосложныхъ диспозиціяхъ, распредѣляющихъ движенія на слишкомъ далекое пространство, планъ битвы оказался неудобноисполнимымъ отъ множества непредвидѣнныхъ препятствій. Изъ всѣхъ войскъ, назначенныхъ къ атакѣ, оказались въ свое время на своемъ мѣстѣ только четыре гвардейскіе полка, при которыхъ находился и самъ императоръ французовъ. Потомъ сраженіе тянулось, чуть ли не наудачу, до той поры, пока Макъ-Магонъ подоспѣлъ на помощь стѣсненнымъ французамъ, пошедши не туда, куда предписывала идти разстроенная диспозиція, а на тотъ пунктъ, куда оказалось нужнымъ явиться по его собственному вѣрному соображенію. Въ дѣлѣ участвовала половина всей австрійской арміи и нѣсколько менѣе половины союзныхъ войскъ: остальные корпуса союзниковъ или не подоспѣли, или попали не въ тѣ мѣста, куда слѣдовало, а австрійцы еще не успѣли въ 4 іюня подвести къ миланской дорогѣ всѣхъ своихъ силъ съ юга. Надобно полагать, что союзники погрѣшили излишнею самоувѣренностью и тѣмъ спасли австрійцевъ отъ полного пораженія, которое бы ждало ихъ, еслибъ начало битвы было отложено союзниками на нѣсколько часовъ, пока всѣ корпуса ближе придвинутся къ неприятелю. Но совершенно нелѣпо поступили австрійцы, остановивъ подовину своихъ силъ для генеральнаго сраженія въ такомъ пунктѣ, куда еще не могли придти другіе корпуса ихъ. Союзники одержали побѣду вовсе не блестящую въ тактическомъ отношеніи, — австрійцы отступили въ полномъ порядкѣ, какъ видно изъ того, что потеряли только четыре пушки, сами успѣвъ отбить одну у побѣдителей. Но стратегическія и особенно нравственныя послѣдствія этой неполной побѣды были огромны: союзники удержали за собою миланскую дорогу, оставивъ неприятелю свободу движеній только въ южной части восточной Ломбардіи. Черезъ два дня союзники были въ Миланѣ, который еще во время битвы самъ освободилъ себя отъ австрійскаго гарнизона, слишкомъ ослабленнаго послышкою подкрѣпленій на поле сраженія. Чтобы не быть отрѣзанными отъ своихъ крѣпостей на Минчіо и Адидже, австрійцы теперь поспѣшно отступаютъ, бросая безъ защиты даже такія крѣпости въ юго-восточной Ломбардіи, какъ Павія и Піаценца. Съ этой рѣшительностью въ первый разъ является смыслъ въ ихъ дѣйствіяхъ. И дѣйствительно, послѣ сраженія при Маджентѣ бездарный Піулай наконецъ отставленъ и теперь командуетъ армію Гессъ, котораго считаютъ очень хорошимъ генераломъ. Что успѣетъ онъ сдѣлать, мы увидимъ, а теперь онъ по крайней мѣрѣ спасъ армію отъ истребленія, которое грозило бы ей, еслибъ она дала себя отрѣзать отъ Мантуи. Опасность эта была повидимому близка: такъ надобно думать, судя по тому, что 8 іюня корпусъ Баракъ д'Илье уже атаковалъ австрійцевъ при Мариньяно съ явнымъ намѣреніемъ отбить ихъ къ югу отъ мантуанской дороги. Онъ взялъ эту позицію; но австрійцы были уже дальше на востокъ, и, кажется, достигнуть своего знаменитаго четырехугольника на юго-востокѣ Гардскаго озера. До той поры, пока австрійцы станутъ за линію Минчіо, а союзники соберутся выбивать съ нея неприятеля, всѣ слѣдующія военныя дѣйствія не будутъ имѣть почти никакого существеннаго интереса, хотя могутъ имѣть эффектные эпизоды, если австрійцы вадумаютъ безъ пользы и безъ толка давать еще какое нибудь большое сраженіе, не доходя до Минчіо. Прогнаніемъ австрійцевъ съ Тичине судьба всей Ломбардіи рѣшена: далѣе дѣ

самой Мантуи нѣтъ такихъ позицій, въ которыхъ была бы вѣроятность удержаться нмѣ. Итакъ, съ интересомъ неизвѣстности надобно ждать теперь только уже того времени, когда начнется борьба на Минчю; сущность всей части кампаніи до этой минуты впередъ извѣстна: съ битвами или безъ битвъ, австрійцы останутся въ своемъ отступленіи не прежде, какъ у Мантуи.

Какъ ни громка побѣда при Маджентѣ, какъ ни увлекательна подѣйствовало на массу публики занятіе Милана союзниками, но гораздо еѣ большею любовью останавливаемся мы на удивительныхъ подвигахъ волонтеровъ Гарибальди въ сѣверной Ломбардіи, и если бы мы могли, эту часть военныхъ событій мы изложили бы съ наибольшею подробностью, и тутъ не было бы того холоднаго недовѣрія къ людямъ и намѣреніямъ, за которое осуждаютъ болѣе насъ счастливые способностью видѣть бѣлымъ черное или по крайней мѣрѣ довольно запачкавшееся отъ слишкомъ охотнаго прикосновенія къ смолѣ. Мы считаемъ дѣйствія волонтеровъ Гарибальди заслуживающими самаго точнаго изученія не по одному только уваженію къ этимъ истинно благороднымъ людямъ, жертвующимъ собою не въ видѣ честолюбія, но личнымъ расчетамъ, дѣйствительно по искреннему желанію освобожденія отечеству, а не чего нибудь другаго,—нѣтъ ихъ судьба приковываетъ къ себѣ наше заботливое вниманіе и потому, что собственно только ихъ сила могла бы служить неизмѣнною опорой для независимости Италіи. Съ той самой поры, какъ австрійцы дали французамъ время прійти на помощь сардинцамъ, было ясно, что австрійцамъ нечего ожидать въ Италіи, кромѣ пораженій. Вопросъ давно уже не въ томъ, удастся ли союзникамъ выгнать австрійцевъ изъ Италіи, если они захотятъ; вопросъ только въ томъ, захотятъ ли этого французы, или удовольствуются блескомъ побѣдъ и заключатъ съ противниками миръ столь же безубыточный для нихъ, какъ парижскій миръ; а если и вовсе не позволятъ австрійцамъ владѣть ни однимъ футомъ земли въ Италіи, то захотятъ ли оставить ей независимость, или найдутъ удобнѣйшимъ иначе распорядиться ея судьбою. Кому интересна война собственно по этому вопросу, тотъ видитъ, что отдавъ только сила войскъ подвластныхъ единственно этому принципу національной независимости можетъ представляться ручательствомъ за нее. До сихъ поръ чистыми представителями этой идеи въ военныхъ силахъ можно съ достовѣрностью считать только волонтеровъ и потому-то интереснѣе всего теперь вопросъ о вліяніи, какое могутъ приобрести они себѣ на рѣшеніе дѣла своею численностью, военными качествами и степенью участія въ изгнаніи австрійцевъ. Исторія отряда Гарибальди составляетъ не только самую чистую, но и самую важную для сущности дѣла часть похода. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы ничего не знаемъ объ отрядѣ Гарибальди, кромѣ того, что онъ дрался геройски, что нѣтъ къ несчастью слишкомъ еще малочисленъ и не можетъ еще имѣть большого вѣса въ совѣщаніяхъ союзниковъ, наконецъ, что есть ясные признаки взаимнаго нерасположенія между союзниками и Гарибальди. Слуховъ о дѣйствіяхъ Гарибальди носилось много, но почти всѣ они были очень сбивчивы всѣ до сихъ поръ лишены подробностей. Сообщимъ хотя то немногое, что еперь извѣстно.

Гарибальди двинулся въ сѣверо-западную гористую часть Ломбардіи,

пограничную съ Швейцаріей, еще въ тѣ дни, когда Чальдини только что перешелъ Сезію, за цѣлую недѣлю до начала наступленія со стороны союзниковъ. Онъ имѣлъ отъ 4.000 до 5.000 волонтеровъ, которыхъ выбиралъ самъ изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, такъ что люди у него были на подборъ, крѣпкаго сложенія, способные переносить всѣ лишенія и дѣлать изумительные переходы по труднымъ, гористымъ дорогамъ. Въ той части Ломбардія, куда вступалъ онъ (Вальтеллине), населеніе отличается, если не особенно ненавистью къ австрійцамъ, — въ этомъ отличиться передъ другими ломбардцами было бы трудно, — то особенно воинственностью, которая объясняется и сосѣдствомъ свободной Швейцаріи, и гористымъ мѣстоположеніемъ. Въ 1848 году они продолжали упорно бороться противъ австрійцевъ, когда вся остальная Ломбардія была уже покорена и всякая надежда на успѣхъ сопротивленія и на сардинскую помощь исчезла. Еще въ началѣ кампаніи, какъ только австрійцы увели свои главные силы въ Сардинію и когда еще не было никакой надежды на скорое появленіе союзниковъ въ Ломбардіи, городъ Комо ¹⁾ возсталъ противъ австрійцевъ. Разумѣется, возстаніе было тотчасъ же усмирено прибытіемъ сильнаго австрійскаго войска и наказано наложеніемъ огромной контрибуціи. Этотъ удивительный примѣръ отважнаго самопожертвованія показываетъ, что въ желаніи присоединиться къ Гарибальди у жителей Вальтеллине не могло быть недостатка. Но они не имѣли оружія, которое было строжайшимъ образомъ отобрано австрійцами въ 1848 году; то, которое успѣли они спрятать въ землѣ, уже стало неподнымъ отъ ржавчины. Союзникамъ было это хорошо извѣстно. Почему же у Гарибальди не было запасовъ оружія для раздачи жителямъ? Ломбардцамъ не посылали того, что всего необходимѣе было для успѣха начинаемаго ими дѣла. Еще изумительнѣе та странность, что самому Гарибальди не дали ни лошадей, чтобы имѣть ему хотя маленькій отрядъ кавалеріи, не дали даже ни одной пушки, хотя у союзниковъ есть такіа легкія орудія, что два человека могутъ переносить ихъ на рукахъ по мѣстамъ, недоступнымъ для лошадей. Отрядъ въ 5.000 человекъ, не имѣющій ни одной пушки, — это дѣло ни съ чѣмъ несообразное. Какъ объяснить такую безпечность союзниковъ о Гарибальди, о его волонтерахъ, о жителяхъ Вальтеллине? Чтобы понять это, нужно только прочесть прокламацію, которую Гарибальди издалъ при вступленіи своемъ въ Ломбардію:

«Ломбардцы, вы призываетесь къ новой жизни и должны отвѣчать на призывъ, какъ отвѣчали ваши отцы у Понсиды и у Левьяно. Врагъ все тотъ же: свѣршшій, безжалостный, убійца и грабитель. Ваши братья во всѣхъ провинціяхъ поклялись вообрѣдѣ или умереть съ вами. Мы должны откстить за прѣтѣсненія, оскорбленія, порабощеніе двадцати поколѣній, мы должны оставить нашимъ дѣтямъ наслѣдіе, чистое отъ оскверняющаго господства иноземныхъ солдатъ. Викторъ Эммануэль, котораго національная воля избрала нашимъ верховнымъ вождемъ, посылаетъ меня къ вамъ организовать васъ на патріотическія битвы. Я умиляюсь сердцемъ отъ святой обязанности, мнѣ ввѣренной, и горжусь тѣмъ, что буду предводительствовать вами.

¹⁾ Лежащій верстахъ въ 35 по прямому направленію отъ сардинской границы, на самой границѣ Швейцаріи.

«Къ оружію же! Конецъ порабощенію. Кто можетъ держать въ рукахъ ружье и не возмется за него, тотъ изѣвникъ!»

«Дѣти Италіи, соединившись и освободившись отъ вноземнаго владычества, сумѣютъ возвратитъ ей мѣсто между народами, назначенное ей Провидѣніемъ».

Гарибальди не одобряетъ ломбардцевъ указаніемъ на великодушную помощь императора французовъ, а говорить только о Викторѣ Эммануэлѣ и сардинцахъ; о французакъ нѣтъ у него ни слова. Натурально, что французы не очень заботились о поддержаніи генерала, своимъ молчаніемъ слишкомъ ясно опредѣляющаго свой взглядъ на ихъ роль въ Италіи. Есть положительныя извѣстія о взаимномъ нерасположеніи итальянскихъ волонтеровъ и французскаго военнаго вѣдѣнства. Надобно прибавить, что когда Гарибальди двинулся въ Ломбардію, было объявлено, что вслѣдъ за нимъ движется сильный корпусъ союзныхъ войскъ для поддержки возстанія. Но это условіе не исполнилось, и до послѣдней минуты Гарибальди былъ предоставленъ собственнымъ своимъ силамъ, хотя невозможно было и ожидать, чтобы онъ не погибъ, имѣя противъ себя къ тѣхъ мѣстамъ болѣе 25.000 австрійцевъ, къ которымъ шелъ еще корпусъ Клямъ Галласа, состоявшій изъ 40.000 человекъ. Положимъ, что корпусъ Нівля, который обѣщали послать въ Вальтеллине, оказался нужнѣе для дѣйствій по миланской дорогѣ; но все-таки, кажется, можно было бы изъ 200 или 250 тысячъ союзныхъ войскъ отдѣлить нѣсколько тысячъ для поддержанія столь важнаго дѣла, какъ экспедиція Гарибальди, не ослабляя арміи, дѣйствовавшей на Сезин. Соображая все это, трудно удержаться отъ заключенія, что гибель Гарибальди не слишкомъ огорчила бы главную квартиру французской арміи.

Впрочемъ, каковы бы ни были обстоятельства и мысли, по которымъ Гарибальди не получилъ артиллеріи, не получилъ оружія для раздачи жителямъ и оставленъ былъ безъ всякой поддержки среди враговъ въ пять разъ и потомъ въ десять разъ превосходившихъ его числомъ, онъ противъ всякаго ожиданія вышелъ въ Ломбардію не погибелъ, а блистательные успѣхи. 22 (10) мая онъ вступилъ въ Ломбардію черезъ Арону (на южномъ концѣ Лаго-Маджіоре) и двинулся на Варезе, ближайшій ломбардскій городъ въ верстахъ двадцати по прямому направленію отъ сардинской границы. На дорогѣ онъ разбилъ австрійцевъ, и 23 числа занялъ Варезе. Черезъ нѣсколько часовъ приблизился къ городу австрійскій корпусъ въ 5.000 человекъ съ артиллеріею, которой не было у Гарибальди. Укрѣпивъ городъ баррикадами, онъ оставилъ въ немъ нѣсколько сотъ человекъ своихъ волонтеровъ, жители вооружились, какъ могли, а самъ Гарибальди съ главными силами ушелъ изъ города. Австрійцы подступили къ Варезе, но въ эту минуту Гарибальди попалъ на нихъ съ тѣной стороны, откуда они никакъ не могли его ожидать, разбилъ и разсѣялъ ихъ, и овладѣлъ всеми пятью пушками, которыя были у непріятеля. Быстро двинулся онъ потомъ на востокъ, въ Комо (на юго-западномъ концѣ озера Комо, верстахъ въ двадцати отъ Варезе), по дорогѣ также бѣлъ австрійцевъ, занялъ Комо, двинулся далѣе на востокъ. Между тѣмъ австрійцы стягивали въ ту сторону свои войска, оставшіяся въ Ломбардіи; изъ арміи, стоявшей въ Сардиніи, былъ посланъ свирѣпый Урбанъ, славившійся между австрійцами искусствомъ въ партизанской войнѣ, съ отрядомъ

отборных австрийских головорезовъ. Погибель Гарибальди казалась неизбежна, и нѣсколько разъ разносились слухи, что онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, оттѣсненъ, то къ швейцарскимъ, то къ тирольскимъ границамъ. Какими маршами и побѣдами успѣвалъ онъ уходить отъ австрийцевъ или отбрасывать ихъ, все это до сихъ поръ еще неизвѣстно хорошенъко, потому что извѣстія слишкомъ отрывочны и разногласны; видно только, что волонтеры Гарибальди дѣлали изумительные переходы, вѣли иногда по три стычки въ одинъ день и повсюду били австрийцевъ, гонявшихся за ними. Тяжелѣ всего должны были пройти для нихъ тѣ дни, когда огромный корпусъ Клямъ-Галласа, шедшій на подкрѣпленіе Гіулау, находился въ тѣхъ мѣстахъ. Это было отъ послѣднихъ числахъ мая. Всѣ походы и побѣды Гарибальди теперь остаются еще не разсказанными съ достовѣрностью въ газетныхъ извѣстіяхъ. Извѣстно только, что постепенно поднималъ онъ всю сѣверо-западную часть Ломбардіи и что результатомъ всѣхъ маршей и сшибокъ оказалось, 4 іюня (23 мая), въ день битвы при Маджентѣ, совершенно торжество волонтеровъ: войска Урбана, разбитыя и разсѣяныя, поспѣшно отступали въ этотъ день на югъ, а Гарибальди, преслѣдуя ихъ, занималъ уже Бергамо 8-го числа, когда союзники вступили въ Миланъ, далеко въ тылу Милана, на желѣзной дорогѣ изъ Милана къ австрийскимъ крѣпостямъ. Этотъ результатъ показываетъ, какой оборотъ приняла бы война, еслибы Гарибальди не былъ оставленъ союзниками рѣшительно безъ всякой помощи. Имѣй онъ войска нѣсколько больше, онъ отрезалъ бы австрийцамъ отступление къ Мантуѣ и Веронѣ, и вся австрийская армія, бывшая въ Сардиніи, отброшена была бы на югъ и была бы взята въ плѣнъ. Но Гарибальди не хотѣли давать подкрѣпленія и потому онъ могъ только показать, что въ состояннн сдѣлать итальянскіе волонтеры при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

За недостаткомъ связанныхъ извѣстій о подвигахъ Гарибальди, по крайней мѣрѣ, переведемъ изъ „Indépendance Belge“ письмо одного француза, жителя Кома, о тѣхъ сценкахъ, которыя удалось ему видѣть. Если изъ него не получимъ мы никакого понятія объ общемъ ходѣ дѣлъ, то, по крайней мѣрѣ, дасть оно оживленную картину одного изъ тѣхъ моментовъ, которыми былъ наполненъ этотъ блистательнѣйшій эпизодъ нынѣшней кампаніи, и нѣсколько обрисовываетъ впечатлѣніе, производимое Гарибальди на своихъ и на враговъ.

«Кома, 30 (18) мая.

«Милый братъ!

«Я думаю, ты очень тревожишься за меня; спѣшу успокоить тебя, сказать, что всѣ мы живы и цѣлы. Но какія испытанія мы пережили! Событія сдѣлались въ нашъ бѣдновъ городѣ съ поражающею быстротою.

«Я писалъ тебѣ, съ какими восторгомъ энтузіазма было принято здѣсь объявленіе войнъ Австріи. Мы, здѣшніе французы, составляющіе малевкій комитетъ, отпраздновали его достойнымъ образомъ, такъ что полиція пропущала и около двухъ недѣль мы не могли собираться. Мы жили въ постоянномъ стѣсненіи, едва осмѣливались спрашивать другъ у друга о дѣйствіяхъ нашей арміи. По одному вужеру парижской газеты, ускользнувшей отъ взгляда таможенныхъ, мы знали, что 200,000 нашихъ защищаютъ Піэмонть отъ вторженія Гіулау, и больше ничего не знали. Наше любопытство стало

сильно возбуждаться, когда нашъ гарнизонъ, часто сбѣгающійся, сталъ безпрестанно выходить изъ города и возвращаться назадъ, иногда съ добычею и ранеными.

«Дѣло отчасти объяснилось именемъ Гарибальди, которое шепотомъ проносили австрійскіе офицеры, говоря между собою. Австрійцы ходили искать его; онъ сильно беспокоилъ ихъ. На солдатъ одно его имя наводило суевѣрный ужасъ: говорили, что его не беретъ никакое оружіе, говорили даже, что пули сплюсчиваются, ударяясь о его лицо.

«Десять дней тому назадъ австрійскій отрядъ вышелъ утромъ, вѣроятно для ревюгоспиронки; къ восьми часамъ солдаты выртылись, тяжело дыша отъ изнуренія, покрытые пылью, убитые духомъ, многіе изъ нихъ побросали оружіе. Они кричали: за-пирайте ворота! Ворота заперли. Отсталые солдаты тѣснились на подъемномъ кусту, съ воплями ужаса. Ихъ не отперли ворота. Они бросались на колѣна, ползали по землѣ;—запершіеся остались немолчны.

«Въ одинъ мигъ весь гарнизонъ построился въ ряды; въ десять часовъ, отъ Вольтской площади пошелъ за городъ. Дошедши до форта, генералъ передумалъ и послалъ только патруль. Съ мучительною тревогою ожидали его возвращенія. Онъ воротился уже къ вечеру, не видѣвъ ничего, кроми раненъ и ружей, побросанныхъ бывавшими австрійцами.

«Тревога была поднята дѣлами застрѣльщиками; имъ показалось, будто они за-били неприятели въ засадѣ. Они торопливо отступили къ своей колоннѣ, стрѣляя изъ ружей. Папаячскій стражъ овладѣлъ солдатами и они неудержимо побѣжали назадъ въ городъ.

«Генералъ въ тотъ же день отдалъ подѣ военный судъ несчастнаго поручика, командовавшаго отрядомъ. Его ночью разстрѣляли на рву. Но, увѣривъ, что онъ дѣйствовалъ хорошо.

«Можешь вообразить, въ какомъ безпокойствѣ былъ весь народъ. По утру, послѣ небольшой манифестации, явились на стѣнахъ афиша. Онъ призывалъ ломбардцевъ къ оружію, обѣщая, что Гарибальди не замедлитъ прійти къ нимъ на помощь. Полиція разорвала эти прокламаціи и стала производить домовныя обыски; она продолжала три тѣе сутокъ. Я успѣлъ спрятать свои пистолеты и охотничье ружье, спрятать и женеваскую газету, которую получалъ черезъ контрабанду. Но эти предосторожности только увеличили общее волненіе. Епископъ уѣхалъ изъ города; многіе жители также.

«Еслибъ не мои торговые дѣла, признаюсь, я тоже уѣхалъ бы. Но бросить фирму значило бы потерять все состояніе.

«Я тебѣ говорилъ, что у насъ, французовъ, былъ устроенъ клубъ. Въ 11 часовъ вечера мы собирались поочередно другъ у друга, отдѣленіями человекъ по 10, чтобы не возбуждать подозрѣній. Карбонари изъ Варезе сдѣлали намъ тайныя приглашенія. Они предлагали намъ присоединиться къ обществу *Giasomi*, вѣтъ котораго идутъ до самаго Милана. Я настаивалъ, чтобы принять приглашеніе. Комитетъ отказался, боясь шпіоновъ, отчасти и потому, что многіе изъ *Giasomi* нашего города ему не нравятся.

«Черезъ агента варезскихъ карбонари мы узнали, что Гарибальди думаетъ вторгнуться въ нашу провинцію; мы сильно ободрили его передать свидѣлому генералу точныя свидѣнія объ австрійскихъ силахъ; у насъ эти свидѣнія были изъ вѣрныхъ источниковъ. Онъ отправился, взявъ ихъ, и потомъ я узналъ, что этому извѣщенію мы были обязаны своимъ освобожденіемъ. Гарибальди не потерялъ времени.

«Въ четвергъ (26 — 14 мая) мы были задолго до разсвѣта пробуждены ужаснымъ шумомъ. Солдаты ходили по улицамъ, перекликаясь; звенѣлъ рожокъ, барабаны били тревогу, артиллерія скакала по улицамъ, всадники носились въ галопъ. Въ однихъ домахъ закрывались ставнями, въ другихъ отворяли двери, въ третьихъ жители бросились въ погреба, приготавливая тамъ себѣ убѣжище. Потомъ повсюду водворилась неподвижность.

«Мертвое молчаніе господствовало въ городѣ. Проснувшись, мы увидѣли на каждомъ перекресткѣ часового; курка у нихъ ружей были взведены. Мой приказчикъ вышелъ отворить магазинъ—часовой прицѣлился въ него съ ругательствомъ. Бѣдныя

воротился домой, дрожа всѣмъ тѣломъ и упалъ на стулъ. Я успокоилъ его. Онъ — обрадовалъ себя уже убитымъ. Съ трудомъ я допытался у него, что съ нимъ такое.

«Когда онъ объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло, я вооружился бутылкою водки и отправился парламентеромъ къ австрійцу. Онъ подпустилъ меня, услышавъ, какое приношеніе назначено ему. По-нѣмецки я знаю плохо, но при помощи выразительныхъ знаковъ часового понялъ, зачѣмъ онъ тутъ поставленъ.

«Жителямъ запрещается открывать окна и двери и выходить изъ домовъ, — въ того, кто ослушается, вѣрно стрѣлять.

«Приказъ былъ формальный. Черезъ вѣскольکو времени его объяроковали. Кромѣ этого, я могъ узнать отъ своего австрійца только то, что его товарищи пошли атаковать Гарибальди въ Варезе.

«Наканунѣ былъ слухъ, что австрійцы разбиты. Я не зналъ, что думать. Мы съ женою провели день въ большой тревогѣ.

«Вечеромъ, въ Пилескии ворота прискакалъ адъютанта, ваялъ на ивчтовомъ, дворянъ сѣзжую лошадей и, выпавъ стаканъ французскаго вина, поскакалъ въ Камерлату, мимо нашихъ оконъ. Запрещеніе выпускать жителей изъ домовъ было нѣскольکو ослаблено. Въ 11 часовъ, громкая военная музыка вывела жителей изъ ихъ опіенія. Передъ нашими глазами прошла пѣлая бригада съ кавалерією и артиллерійскими ящиками. Она пошла на Варезе.

«Солнце начинало выходить, какъ послышалась страшная каноннада со стороны Варезе. Каждый выстрѣлъ мучительно отзывался въ груди нашей. Около десяти часовъ, пришли рысью болѣе сорока муловъ, — они везли раненыхъ. Безпокойная рысь увеличивала страданія раненыхъ, съ каждымъ шагомъ у нихъ вырывался мучительный стонъ. Такая необыкновенная поспѣшность ихъ перевозка показилась мнѣ признакомъ пораженія. Дѣйствительно, мулы съ ранеными прошли по длинной улицѣ, не останавливаясь у лазарета. Раненыхъ увозили въ главную квартиру.

«Въ половинѣ перваго часа, въ окрестностяхъ показались бѣгущіе солдаты. Они прятались. Пушечные выстрѣлы раздавались уже только върѣдѣ; но ружейный огонь былъ очень силенъ, судя по непрерывнымъ отголоскамъ отдаленныхъ выстрѣловъ.

«Около трехъ часовъ выстрѣлы праблизились. Эскадронъ гусаръ въ безпорядкѣ прискакалъ на Piazza Nuova; онъ пытался снова построиться; дѣй или три лошади взбѣсились. Замѣшательство увеличилось. Одна изъ лошадей, съ боками окровавленными отъ шпоръ, бросалась стремглавъ по Миланской улицѣ, другія повеселись за нею; эскадронъ разсѣлся весь. Не прошло четверти часа, какъ стали входить черезъ Варезское предмѣстье 2000 человекъ, покрытыхъ пылью, потомъ, кровью, почернѣвшихъ отъ пороховаго дыма. Они возвращались отъ Борго-Вико. Хотѣли привести ихъ въ порядокъ. Но голодъ начальниковъ былъ безсилень, новые бѣглецы врываются въ эту толпу, и вся смѣшанная масса валила въ Камерлату.

«Едва миновалъ этотъ потокъ людей, оставили за собою раненыхъ, ранцы, оружіе, какъ большой колоколъ кафедральной церкви зазвучалъ набатымъ звономъ, — одна за другою, стали звонить всѣ колокольни страшнымъ призывомъ, глухіе и медленные звуки котораго говорили:

«Вооружайтесь! Вооружайтесь!

«Еслибъ ты видѣлъ, милый братъ, какъ нѣмой городъ оживался, будто въ судорожномъ пароксизмѣ, при знакомыхъ звукахъ! Не видѣвъ, нельзя понимать этихъ чудесъ!

«Будто волшебствомъ появлялось оружіе изъ потаенныхъ ящичковъ, будто изъ земли возникали люди, разливались по улицамъ, и черезъ часъ 10.000 поселянъ бросались навстрѣчу Гарибальди. Онъ проскакалъ галопомъ черезъ городъ. Я не могъ увидѣть его въ этотъ разъ, но я съ удивленіемъ смотрѣлъ на людей, слѣдовавшихъ за нимъ, на этихъ черныхъ демоновъ, съ тяжелыми карабинами, прыгающихъ у нихъ за плечами. Они бѣжали съ быстротою, которой нельзя было бы ожидать отъ людей столь утомленныхъ, послѣ шестичасоваго сраженія.

«Бой возобновился у станціи Миланской желѣзной дороги.

«Тутъ выстрѣловъ почти не было, и работа кончилась быстро. Австрійцы по-

бѣжали. Въ 6 часовъ, генераль торжественно вступалъ обратно въ городъ съ 5000 своихъ героевъ. Какое зрѣлище!

Отбитыя у непріятеля пушки были убраны пѣтками. Раненыхъ мы разобрали по домамъ и стали ухаживать за ними, какъ за родными дѣтьми. У насъ съ тещею также есть раненый: мовѣрь, онъ не пожалуется на насъ.

«Я видѣлъ Гарибальди только мелькомъ. Онъ высокаго роста, широкъ въ плечи, у него львиная голова на атлетическомъ станѣ. Его длинная черная борода, исключенная, неразчесанная; его блестящіе глаза, сверкающіе молніею; его черная войлочная шляпа съ развѣвающимися черными перьями; его красный плащъ, завязанный на шеѣ,—все это производитъ необыкновенное впечатлѣніе. Всѣ угадываютъ, что онъ человѣкъ очень деликатный, очень любящій съ женщинами, очень строгій къ своимъ волонтерамъ, еще болѣе строгій къ самому себѣ, до чрезвычайности утѣренный въ образъ жизни, экзальтированный и холодный въ одно и тоже время. Своей маленькой арміи онъ внушаетъ безграничное довѣріе, съ которымъ равняется только ужасъ, внушаемый имъ непріятелю. Онъ всегда первый въ битвѣ, онъ скачетъ на своихъ конѣ въ ряды непріятельскихъ батальоновъ, спрыгиваетъ съ него, чтобы ваять ружье пѣхотинца, дерется въ рукопашномъ бою, какъ простой солдатъ, постоянно подавая прикѣтъ своей рѣдкой храбрости и самаго изумительнаго ладнокротія.

«Разсказывають, что, ведя своихъ солдатъ въ битву, онъ говоритъ имъ:

«Дѣти мои, насъ одинъ противъ пятерыхъ. Передъ вами смерть; за вами ружья товарищей, которые убьютъ, какъ собаку, первого, кто отступитъ. У насъ нѣтъ пушекъ; надобно взять ихъ. Пусть насъ убьютъ, не въ смерти дѣло, а надобно, чтобы Италия была свободна: вотъ ваша единственная награда!»

«Его 6000 человѣкъ, выбранныхъ изъ 30.000 волонтеровъ, которыхъ представляла ему Италия, таковы, что онъ можетъ дѣлать съ ними чудеса.

«Этотъ человѣкъ, столь похожій на атамана разбойниковъ, будетъ великимъ вождюмъ, если австрійская пуля не остановитъ его на дорогѣ.

«Вечеромъ этого радостнаго дня, мы всѣ малышкочили свои дома. Въ городѣ былъ праздникъ: какая радость, какое веселье! Имъ угощали этихъ храбрецовъ, какъ родныхъ».

«Они уже уходять отъ насъ. Но Кому свободнѣе, въ немъ уже нѣтъ австрійцевъ. Въ шесть дѣтъ, какъ я покинулъ Францію, я не испытывалъ подобной радости».

Еще недавно, только одни маццинисты въ Италіи сомнѣвались въ томъ, что война кончитъ своею цѣлю совершенное освобожденіе Италіи отъ всякаго чужеземнаго владычества. Маццини писалъ еще при самомъ началѣ похода:

«Италія жаждетъ національнаго единства. Цѣль Луи-Наполеона не можетъ быть такова. Кромѣ Ниццы и Савойи, уже уступленныхъ ему Піемонтомъ въ уплату за союзъ, онъ ищетъ также нѣтъ случая изъ таку, чтобы воздвигнуть престолъ въ южной Италіи для Мирата и престолъ въ центральной Италіи для своего двоюроднаго брата, принца Наполеона. Рима и часть римскихъ областей должны остаться подъ свѣтлою властью папы, Италія будетъ раздѣлена на четыре государства. Два изъ нихъ прямо будутъ находиться подъ управленіемъ чужеземцевъ; московскимъ образомъ Франція будетъ господствовать надъ всею Италіею, потому что папа съ 1849 года сталъ подвассаленъ Франціи, а сардинскій король по узакнъ благодарности и по слабости силъ станетъ французскимъ вассаломъ».

Но тогда очень немногіе помнили о своихъ прежнихъ опасеніяхъ; при объявленіи войны австрійцамъ, восторгъ овладѣлъ всѣми итальянцами, воцарились самыя радостныя ожиданія повсюду, отъ Венеціи до Неаполя. Мы знаемъ, какъ они были приведены къ разумному порядку въ Римѣ генераломъ Гойономъ; многія обстоятельства, относящіяся къ Гарибальди, заставляютъ думать, что возникновеніе итальянской силы, независимой отъ союзниковъ, встрѣчаетъ препятствія и въ сѣверной Италіи. Но любопытнѣе всего въ этомъ

отношения ходъ дѣлъ въ Тосканѣ. Мы знаемъ, что тотчасъ послѣ переворота, тосканцы просили сардинскаго короля принять на время войны диктаторскую власть надъ ихъ страной, но что онъ отказался отъ этого, согласившись только назначить отъ себя командира для тосканскихъ войскъ. Онъ выбралъ генерала Уллоа, неаполитанца, отличившагося при защитѣ Венеціи въ 1848 году; войска рвались нетерпѣніемъ идти противъ австрійцевъ — ихъ оставляли въ праздности, и дисциплина упала отъ бездѣйствія и недовольства, такъ что наконецъ въ разныхъ отрядахъ обнаружались попытки неповиновенія. Прибытіе французскихъ войскъ возстановило дисциплину; но вмѣстѣ съ войсками прибылъ въ Тоскану принцъ Наполеонъ и его появленіе пробудило живѣе опасеніе въ тосканцахъ, еще до начала войны слышавшихъ, что ему предназначается получить владѣніе въ центральной Италіи, которое предполагается составить изъ Тосканы и легатствъ. Онъ издалъ прокламацію, служившую косвеннымъ отвѣтомъ на опасенія жителей, увѣрялъ въ ней, что прѣхалъ въ Тоскану единственно для веденія войны; но прежнее безпокойство продолжалось и нашло себѣ новую пищу во множествѣ странныхъ обстоятельствъ. Чтобы читатель не приписалъ намъ желанія представлять вещи въ темномъ свѣтѣ, мы не будемъ сами разсказывать фактовъ, а только переведемъ одно изъ писемъ флорентинскаго корреспондента „Times’a“.

«Флоренція, 30 (18) мая.

«Дѣла въ Тосканѣ имѣютъ зловѣщій видъ, возбуждающій тревожныя опасенія во всѣхъ мыслящихъ людяхъ. Тутъ, очевидно, дѣйствуютъ какія-то таинственныя интриги. Вчера было освѣщеніе знаменъ тосканской арміи. Энтузіазмъ вновь охватилъ всѣхъ, горящихъ желаніемъ присоединиться къ сардинцамъ, — энтузіазмъ, который и былъ главною причиною тосканской революціи. Предполагали, что освѣщеніе знаменъ будетъ послѣднимъ возможнымъ предлогомъ удерживать солдатъ въ праздности и что немедленно послѣ церемоніи всѣ они, вмѣстѣ съ новоприбывшими французами, пойдутъ на Пистойю черезъ Апеннины, или по какому нибудь другому направленію для содѣйствія французско-итальянской арміи. Но теперь намъ холодно говорить, что пока еще не предполагается никуда двигать тосканскихъ войскъ, что едва ли будетъ двинутъ хотя одинъ солдатъ до 30 іюня, такъ что мы имѣемъ въ виду еще мѣсяцъ полного бездѣйствія французско-итальянскихъ силъ, простирающихся по крайней мѣрѣ до 45,000 человекъ.

«Съ 21 апрѣля до сихъ поръ, до 30 мая, тосканскія войска оставались здѣсь неподвижно, хотя каждый человѣкъ въ цѣлой Тосканѣ и въ цѣлой Италіи желалъ, чтобы они пошла противъ австрійцевъ; предлогомъ было то, что ихъ надобно организовать, что надобно приваить въ ихъ ряды волонтеровъ. Но организація до сихъ поръ привела только къ дез-организаціи. Цѣлый мѣсяцъ бездѣйствія, отсутствіе дисциплины деморализировали тосканскихъ солдатъ до такой степени, что теперь они стали пригодны буйствовать, чѣмъ сражаться. И я уже писалъ вамъ, что они сдѣлались бы источникомъ большихъ тревогъ и опасностей для родины, еслибъ на нихъ были французы. Теперь мы опять слышимъ, что они остаются здѣсь и «организуются». Еще мѣсяцъ и, Богъ знаетъ, сколько слѣдующихъ мѣсяцевъ Тоскана не будетъ участвовать въ національной войнѣ.

«Шумомъ говорятъ здѣсь, въ чемъ ключъ къ этой тайнѣ. Императоръ, желая избавиться отъ свего кузена, принца Наполеона, потерпѣвъ неудачу въ намереніи дать ему занятіе въ Алжирѣ, предвазначилъ ему престолъ въ Италіи; и если не представится ничего лучшаго, то ему будетъ дано великое герцогство Тосканское, или королевство Этрурійское, или королевство центральной Италіи. Отсюда образова-

ние отдельного французского корпуса под его командою, отсюда прокламация, утверждающая, что император не имеет никаких честолюбивых планов в Италии для себя и своего семейства. Конечно, сардинское правительство, или по крайней мере граф Кавур, должны были участвовать в этих проектах, и потому то отказ Виктора-Эммануэля от диктаторства, предлагавшегося ему Тосканою, поразил ужасом всех итальянских патриотов, заставил всех думать, что не без причины делается такое отступление от всех условленных между итальянцами планов — отступление, еще резче выставляющееся совершенно другим образом действий сардинского правительства относительно Массы и Каррары, Пармы и теперь Ломбардии. Мыслящие люди полагают, что все эти провинции будут соединены в королевство северной Италии, а Тоскана оставляется в стороне, чтобы стать удѣлом французского принца. Но скоро обнаружилось в действиях сардинского правительства что-то похожее на желание воротиться назад. Оно отказалось от диктаторства, предлагавшегося сардинскому королю, и дало Тоскане совет самой управлять своими делами, но вдруг, двумя неделями послѣ этого, т. е. двумя неделями слишком поздно, оно извѣщает тосканцев, что король принимает протекторство и приглашает временное правительство передать верховную власть в руки сардинского комиссара Буонкомпанни.

«Но он не произвел никакой перемены в делах: Буонкомпанни человек неспособный к энергическим мерам. Вѣстѣ съ министрами, членами академій нашей словесности, он занимается прежними издѣліями о велико-герцогскихъ орденахъ, гуманныхъ кодексахъ и муниципальномъ устройствѣ, — дѣлахъ прекрасныхъ, но совершенно несвоевременныхъ, не обращая никакого вниманія на настоятельные потребности страны и на единственное дѣло, которымъ должна была бы заниматься Тоскана, на национальную войну, такъ что Тоскана и при сардинскомъ комиссарѣ, какъ до него, остается совершенно безъ управления. Тоскана имѣла и солдатъ и деньги для национальной арміи, но одинъ тысячу такого пустаго управленія довелъ войско до деморализаціи и буйства, а государственные финансы разотрогалъ такъ, что теперь понадобился заемъ въ 30.000,000 лиръ, когда 27 апрѣля нашіе въ государственной кассѣ 18.000,000 наличными деньгами.

«Сардинскому правительству не удалось поправить своего прежняго отказа, потому что выборъ его упалъ на неспособнаго человѣка; но очевидно, что оно старается возрѣзывать потерянное вліяніе на Тоскану. Недавно сюда былъ присланъ секретарь графа Кавура, Константино Нигра; онъ изъ числа двухъ или трехъ людей, которымъ графъ Кавуръ вѣряетъ свои тайны, которыхъ считаетъ способными исполнять глубоко обдуманнныя планы. Меня убѣждаютъ, что Нигра пріѣзжалъ сюда дѣйствовать противъ принца Наполеона; онъ входилъ въ тѣсныя сношенія съ людьми, имѣющими вліяніе на тосканцевъ, и всячески старался оживить партію итальянскаго единства, господствовавшую въ Тосканѣ 27 апрѣля. Но онъ пріѣхалъ слишкомъ поздно. Духъ сепаратизма развился здѣсь; самъ Кавуръ произвелъ его, когда посоветовалъ своему королю отказаться отъ диктатуры. Правда, есть въ Тосканѣ національная партія, желающая единства Италии, и большинство молодежи всехъ сословій принадлежитъ къ ней; но эти партіи теперь уныла душою и подавлена.

«Единственная серьезно-важная сторона во всемъ этомъ, — тотъ фактъ, на который обращаю я ваше вниманіе и къ которому подводилъ рѣчь, быть можетъ слишкомъ длинно, — тотъ фактъ, что императоръ Наполеонъ и графъ Кавуръ уже не имѣютъ единомыслия, по крайней мѣрѣ по отношенію къ тосканскимъ деламъ. Я не то говорю, чтобы графъ Кавуръ считалъ возможнымъ или полезнымъ прекратить самостоятельное существованіе Тосканскаго государства, и не то я говорю, чтобы для него не все равно было, династія Бонапарте или какая другая династія будетъ царствовать въ Тосканѣ, если Тоскана не сольется въ одно государство съ остальною Италіею. Все эти вопросы о будущемъ устройствѣ Италии такіа задачі, разрѣшеніе которыхъ очень трудно и должно быть въ значительной степени предоставлено случаю и непрямому ходу событій. Существенное желаніе Кавура и его партіи въ томъ, чтобы исполнилось обѣщаніе, данное имъ императоромъ: «подъ скипетръ савойскаго дома

будетъ соединено королевство съ 12,000,000 населенія». Если въ вознагражденіе за такую важную услугу Франція захочетъ посадить принцевъ изъ дома Наполеона на престолы центральной и южной Италіи, графъ Кавуръ не имѣетъ ничего сказать противъ этого, потому что сѣверное королевство кажется ему достаточно сильнымъ для обезпеченія независимости всего полуострова. Но графъ Кавуръ и его друзья недовольны, во-первыхъ, неосторожною торопливостію, съ которою принцъ Наполеонъ идетъ къ своей цѣли, обнаруживая политику, отъ которой громко отзывались главные лица союза, преждевременно возбуждая подозрѣніе и неудовольствіе европейскихъ государствъ; во-вторыхъ, недовольны они тѣмъ, что, думая только о достиженіи своей цѣли, онъ обрекъ на бездѣйствіе тосканскую армію. Итальянцы болѣе всего боятся, и справедливо боятся, чтобы участіе ихъ въ войнѣ не было заслонено громадными французскими силами, приглашенными на помощь. Каждый итальянецъ, котораго выведутъ они въ поле, служить лишнимъ аргументомъ въ защиту ихъ требованія стать независимымъ народомъ. Изъ очень тяжело уже то, что піемонтская армія раздробляется на бригады и дивизіи, изъ которыхъ каждая дѣйствуетъ вѣстѣ съ цѣлями французскихъ корпусовъ, и не дано ей дѣйствовать самостоятельно, всей вѣстѣ, на одномъ пунктѣ. Еще тяжелѣе для нихъ, что они лишены помощи 18 или 20,000 регулярнаго, хорошо обученнаго тосканскаго войска, которое или вовсе не явится на поле битвы, или будетъ считаться только частью пятаго корпуса французской арміи. Очевидно, графъ Кавуръ самъ навлекъ на себя это горе своимъ слишкомъ скорымъ соглашеніемъ на планы императора французовъ въ пользу принца Наполеона; но не менѣе справедливо и то, что сардинскій король, даже и отказываясь отъ диктаторства, принявъ на себя командованіе всѣми тосканскими войсками; и хотя перазсудительно было воображать, что страна, находящаяся въ революціонномъ состояніи, можетъ имѣть военное правительство различное отъ гражданскаго правительствъ; хотя Кавуръ былъ очень несчастливъ въ выборѣ командировъ тосканскихъ войскъ Уллоа, боеваго генерала, а не администратора, и своего комиссара Буонкомпанни, человека, убійщаго говорить и писать, но не дѣйствовать; не должно сказать, что утрата тосканскихъ войскъ для итальянскаго дѣла не входила въ программу, о которой условливались графъ Кавуръ и императоръ французовъ, и служить однимъ изъ предметовъ неудовольствія между ними.

«Какъ бы ни было, а пока графъ Кавуръ и національная партія побѣждены здѣсь, Констанцію Нигра убѣжалъ изъ Тосканы безъ всякаго успѣха. Буонкомпанни жалуется на рѣзкость манеръ принца Наполеона. Генералъ Уллоа ждетъ удаленія отъ команды. Между тѣмъ вчера я видѣлъ среди тысячи знаменъ итальянскаго трехцвѣтнаго знамя съ императорскимъ орломъ по срединѣ. Оно было мастерской отдѣлки, его поднимали, чтобы оно развѣвалось выше,—и поднимали не безъ вѣтренія».

Мы не утверждаемъ, чтобы бездѣйствіе тосканскихъ войскъ производимо было именно только влияніемъ принца Наполеона, которому исключительно приписываетъ его авторъ письма; читатель видѣлъ, что изъ всего сказаннаго и переведеннаго нами выше, открывается этому другая причина, болѣе сильная; вообще нежеланіе французской политики пользоваться чисто народными силами для побѣды надъ австрійцами; желаніе по возможности не допускать никакихъ перемѣвъ въ прежнемъ порядкѣ дѣлъ, кромѣ тѣхъ измѣненій, которыя могутъ быть нужны для личныхъ цѣлей.

Если бы эта статья не была такъ длинна, мы могли бы найти новое подтвержденіе такому взгляду въ отношеніяхъ Франціи къ Неаполю, гдѣ 21-го (9) мая умеръ Фердинандъ II и вступилъ на престолъ его сынъ, Францискъ II, съ которымъ Франція примирилась, не вытребовавъ отъ него никакихъ измѣненій во внутренней политикѣ, хотя Неаполитанскій порядокъ дѣлъ, если и отличался чѣмъ отъ австрійскаго порядка въ Ломбардіи, то

развѣ только къ худшему. Но мы сами сказали, что въ Неаполѣ съ новымъ царствованіемъ не произошло пока никакихъ перемѣнъ, стало быть и ничего особеннаго выжидая, ничего такого, о чемъ не было бы удобно отложить рѣчь до будущаго времени. Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ все вниманіе Европы до того было поглощено войною, что было бы даже несвоевременно требовать отъ читателя терпѣнія слушать подробные рассказы о другихъ дѣлахъ.

Что же произошло новаго въ отношеніяхъ другихъ европейскихъ державъ къ войнѣ? Въ Германіи съ каждою недѣлю усиливается движеніе, требующее вмѣшательства Нѣмецкаго Союза въ пользу Австріи. У насъ имѣютъ привычку сваливать на всѣхъ людей цѣлой націи и на всѣ ея партіи узкіе національные предразсудки, которыми повсюду увлекается толпа, — мы говоримъ не о простолюдникахъ, а собственно о классахъ, въ которыхъ сосредоточивается общественное мнѣніе, которые заняты политическими дѣлами, читаютъ газеты и обнаруживаютъ влияние на ходъ дѣлъ, — эта толпа, повсюду служащая игрушкою своекорыстія и интриги. Теперь она въ Германіи кричитъ о необходимости защищать итальянскія владѣнія Австріи, кричать о томъ, что для всѣхъ нѣмцевъ постыдно, если изговѣять изъ Италіи нѣкоторыхъ нѣмцевъ, угнетающихъ Италію. У насъ многіе обвиняютъ за это всѣхъ нѣмцевъ. Чтобы показать, что нѣмцы, возвысившіеся надъ пошлыми понятіями, господствующими не въ одной Германіи, судятъ объ этомъ дѣлѣ точно также, какъ судятъ о подобныхъ дѣлахъ возвысившіеся надъ предразсудками люди всѣхъ другихъ націй, мы приводимъ въ приложеніи большіе отрывки изъ брошюры Карла Фохта объ итальянскомъ вопросѣ. Изъ нихъ читатель увидитъ, что этотъ нѣмецъ смотритъ на дѣло съ такимъ безпристрастнымъ благородствомъ, лучше котораго ничего нельзя представить благородному человѣку ни въ Россіи, ни во Франціи, ни въ самой Италіи. Его горячность къ дѣлу освобожденія Италіи простирается до того, что онъ даже осуждаетъ ту итальянскую партію, принципы которой ближе всего подходятъ къ его собственному. Она не вѣритъ союзникамъ: онъ, убѣждая своихъ соотечественниковъ не помогать противникамъ союзниковъ, выставляетъ ее въ дурномъ свѣтѣ, лишь бы усилить въ своихъ читателяхъ впечатлѣніе, что они не должны мѣшать изгнанію австрійцевъ изъ Италіи сардинцами и ихъ союзниками.

Нѣкоторые ожидаютъ возстанія въ самой Австріи, особенно въ Венгріи. Говорятъ, что Кошутъ отправляется съ нѣсколькимистами венгерцевъ поднимать своихъ соотечественниковъ и что онъ думаетъ проникнуть въ Венгрію черезъ Дунайскія Княжества. Не знаемъ, правда ли, что онъ уже думаетъ, будто настала благоприятная минута для такой попытки. Но дѣйствительно, странно было бы, если бы венгры не воспользовались нынѣшнею войною для восстановленія своей свободы. Кошутъ уже приготовлялъ къ этому Европу рѣчами, которыя произносилъ на англійскихъ митингахъ. Въ приложеніи мы переводимъ извлеченіе изъ одной его рѣчи. Оно слишкомъ коротко и безцѣльно; но мы выбрали все-таки лучшее изъ тѣхъ, какія были у насъ подъ руками.

Изъ этого извлеченія читатель можетъ видѣть между прочимъ, что даже Кошутъ не надѣется отъ Англіи для угнетенныхъ національностей австрійской имперіи ничего, кромѣ нейтралитета. Самое благоприятное для

нихъ было бы уже то, если бы Англія не стала прямо помогать австрійцамъ. Изъ такого признанія самого Кошута мы можемъ убѣдиться, какъ неосновательны надежды людей, полагающихъ, что перемѣна министерства мѣжетъ привести Англію къ союзу съ Франціею и Сардиніею въ итальянскомъ вопросѣ. Война принесла уже тотъ вредъ Англіи, что вывела на мѣсто перваго министра лорда Пальмерстона, не очень расположеннаго къ внутреннимъ улучшеніямъ, отнявъ первенство между вигами у Росселя, который гораздо либеральнѣе своего бывшаго противника и нынѣшняго друга. Большимъ и почти невѣроятнымъ счастьемъ было бы, еслибъ она не отозвалась подобнымъ образомъ и на судьбѣ остальныхъ европейскихъ народовъ и въ томъ числѣ даже самыхъ итальянцевъ. Будущаго предугадать нельзя. Очень возможно и то, что какія нибудь непредвидѣнные событія измѣнятъ ея характеръ и вмѣсто ожидаемыхъ нами разочарованій всѣмъ, увлекающимся надеждами, поведутъ измѣненное дѣло къ хорошимъ результатамъ. Но при томъ характерѣ, съ какимъ началась война и какой сохраняетъ она до сихъ поръ, мы не должны ожидать отъ нея ничего, кромѣ разоренія верхней Италіи, неискупаемаго никакими важными приобрѣтеніями ни въ національной независимости, ни въ развитіи внутреннихъ учрежденій;—ничего, кромѣ гибели вѣсколькихъ сотъ тысячъ сардинцевъ и французовъ и вдвое большаго числа австрійцевъ въ битвахъ и еще большаго тѣхъ и другихъ въ военныхъ госпиталяхъ отъ тифа, изнурительной лихорадки и другихъ принадлежностей войны. „Чтожь, хорошо и то по крайней мѣрѣ, что перебыютъ много австрійцевъ“, скажетъ иной.—Да, если бы 20.000 человекъ, выбывшіе изъ строя у Гулаа подъ Маджентою, были австрійцы; но австрійцы—эта не существующая нація, только командуетъ войсками, а эти войска, въ которыхъ солдатъ быть десятками тысячъ, состоятъ на половину изъ единоплеменныхъ намъ славянъ, а другую половину составляютъ итальянцы, венгерцы и наконецъ честные, простодушные вѣмцы Вѣны и Иншпрука, которые точно также поработены австрійцами, какъ и венгерцы, и итальянцы, и славяне. Австрійцы только руководители армій... и на убой за сохраненіе своего владычества повсюду ведутъ они людей ни мало не виновныхъ въ томъ коварствѣ и угнетеніи другихъ людей, которое служитъ основною чертою истиннаго австрійца. Австрійцы, это понятіе не такъ просто, какъ думаютъ ванные люди, представляющіе себѣ его въ географическомъ смыслѣ. Это такое же міровое понятіе, какъ поселянинъ, горожанинъ, портной, или какъ обскурантъ, либераль, прогрессистъ, реакціонеръ. Австрійцы есть и въ Англіи, и въ Пруссіи, и во Франціи, и Австрія также мало населена австрійцами, какъ Англія, Пруссія или Франція.

Да, мы едва не забыли, что при нынѣшнемъ своемъ характерѣ война ведетъ къ одному вѣрному результату: упроченію власти Наполеона III. Французы уже начали питать къ нему энтузіазмъ за то, что онъ „озаряетъ блескомъ побѣдъ французское оружіе“. Кажется, не надобно также прибавлять, что если война не измѣнитъ своего характера, онъ будетъ безусловно владычествовать во всей Италіи, какъ до сихъ поръ владычествовалъ въ Римѣ.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

А. Отрывки из Studien zur gegenwaertigen Lage Europa's v. Karl Vogt.

1. Австрія, стр. 39—58.

При вопросѣ объ Австріи прежде всего надобно подумать о томъ, правда ли то, что Австрія—нѣмецкая держава, существенные интересы которой лежатъ въ Германіи, или, напротивъ, она держава чуждая Германіи и стоитъ только одной ногой въ ней? Цифры отвѣчаютъ на это лучше словъ. 37,000,000 человекъ, въ томъ числѣ 18,000,000 славянъ, 8,000,000 нѣмцевъ, 6,000,000 венгровъ и почти 6,000,000 итальянцевъ,—неужели это нѣмецкое государство? неужели это нѣмецкое население? неужели тутъ могутъ преобладать нѣмецкіе интересы? Только самое пошлое тупоуміе, только подкупленное перо можетъ утверждать это. По справедливому выраженію Броа¹⁾, «Австрія государство, не нѣмцующее въ своемъ цѣломъ никакой натуральности: она конгломератъ различнѣйшихъ земель и клочковъ земель; она не имѣетъ естественныхъ прочныхъ границъ, напротивъ того перерѣзана внутри естественными границами, раздѣляющими ея составныя части; у ней почти нѣтъ морскихъ береговъ, или лучше сказать за исключеніемъ Далматскаго побережья, не нѣмцующаго никакой роли при вышедшемъ положеніи вещей, и за исключеніемъ Итальянскихъ провинцій, о которыхъ идетъ споръ, у ней вовсе нѣтъ морскихъ береговъ: она не владѣетъ даже устьемъ единственной своей большой рѣки; она вѣсто смѣшеніе—не націй, а отрывковъ различныхъ вароховъ, которые никакъ не могутъ имѣть естественной связи, не подходить другъ къ другу, не имѣютъ одинаковыхъ интересовъ, которые напротивъ взаимно отталкиваются другъ отъ друга, ненавидимы одна другому, которые удерживаются вмѣстѣ только насиліемъ, но въ которыхъ уже пробудилось сознание ихъ національностей и необходимости измѣнить такое положеніе».

Со времени подавленія послѣдней революціи всячески утѣряли Европу, что старая Австрія, сгорѣвши въ пламени, возродилась изъ пепла, какъ фениксъ, съ молодымъ императоромъ. Администратія, юстиція, полиція, вѣдѣнія, полѣтика и внутреннія тенденціи, все въ ней измѣнилось, говорятъ намъ. Если вѣрить вдохновеннымъ статьямъ господина Германа Ореса, опредѣленного состоять при австрійской главной квартирѣ въ Ломбардіи корреспондентомъ *Allgemeine Zeitung*,—если вѣрить его статьямъ, то нѣсколько орбизовъ скорлупъ, находящихся на Адриатическомъ морѣ, составляютъ важный зародышъ могущественнаго флота, который скоро чуть ли не будетъ соперникомъ англійскому. Много лѣтъ замалывали обманчивымъ пластыремъ язвы, глубоко възвѣсившія въ австрійскій организмъ, но теперь съ приближеніемъ войны она раскрылась въ отвратительной наготѣ. Намъ говорили о цвѣтущихъ финансахъ, но

¹⁾ Замѣтимъ, что Броаъ также нѣмецъ и брошюра его напечатана по-нѣмцки.

теперь по продажѣ желѣзныхъ дорогъ, горныхъ заводовъ, по продажѣ послѣдней рублени, при ежегодномъ дефицитѣ болѣе 50,000,000 въ мирное время, при употребленіи почти всѣхъ доходовъ на содержаніе арміи въ мирное время, послѣ передѣлки монеты для пріобрѣтенія вѣсколькихъ крейцеровъ,—теперь является азумительный результатъ, что даже Ротшильдъ, хоти и считается австрійскимъ генеральнымъ консуломъ, не принявъ на себя новаго займа, а только взявъ его на коммиссію, что, не смотря на низкій курсъ и высокій процентъ за коммиссію, отъ успѣлъ выѣсто 150,000,000 поимѣстать только 25,000,000 и потерпѣлъ въ Англии полное фіаско. *Allgemeine Zeitung* печатала много статей, стараясь показать затруднительность финансоваго положенія Сардиніи и постоянное возрастаніе государственнаго долга Франціи. Пусть все это будетъ такъ; положимъ, что Франція восточна и что Піемонтъ близокъ къ нищенской сумѣ; но легче ли отъ этого финансовое положеніе Австріи? Когда три банкрота колятъ глаза другъ другу, уплачиваются ли тѣмъ ихъ долги? Но мы можемъ еще спросить, въ состояніи ли Австрія сдѣлать то, что теперь дѣлаетъ Піемонтъ и что сдѣлала Франція въ крымскую войну,—въ состояніи ли она сдѣлать національный заемъ? Піемонтскій заемъ былъ покрытъ въ нѣсколько дней, и сама Австрія значительно участвовала въ его покрытіи капиталами своихъ итальянскихъ провинцій. Посмотрѣли бы мы, много ли милліоновъ нашла бы Австрія въ своей землѣ и сколько бѣдентовъ получила бы она изъ другихъ земель, если бы попорбывала сдѣлать національный заемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она пыталась сдѣлать истинно-добровольный всенародный заемъ. Землеладельцы, чиновники, капиталисты, всѣ, кто не дошелъ до нищенства, должны были давать по штрѣ своихъ доходовъ. Всѣми средствами старались набрать деньги, и все-таки не собрали и половинны той суммы, какая была нужна. Обиѣтъ бумажныхъ денегъ, о которомъ протрубили, какъ о признакѣ благосостоянія австрійскихъ финансовъ, былъ пустымъ обольщеніемъ, это теперь доказано, и никто не былъ имъ обманутъ, хотя вся эта продѣлка была разсчитана только на обманъ. Неужели можно называть обиѣномъ бумажныхъ денегъ, когда въ день только два часа продолжается выдача мелкихъ суммъ; а для обиѣна крупныхъ суммъ нужно подавать извѣщеніе за вѣскольکو дней и притомъ объявлять свое имя! Разузнется, никто не пойдетъ на такой обманъ, зная, что иначе подвергнется бы полицейскимъ подозрѣніямъ и преслѣдованіямъ. Когда Наполеонъ I хотѣлъ подорвать англійскій банкъ, банкъ только на одинъ день пріобрѣтъ къ тому, что выдавалъ деньги съестомъ, а не вѣсомъ, какъ прежде. Австрійская касса 365 дней въ году находится въ такомъ же, или, вѣрнѣе сказать, въ гораздо худшемъ положеніи. Такихъ образцовъ мы видимъ, что Австрійская имперія, совершенно истощивъ свои финансовыя силы, выводится на край банкротства, къ которому и пріобрѣтаетъ, если война затянется, какъ уже пріобрѣтала прежде. Знающіе финансовыя люди пишутъ изъ Вѣны, будто бы и къ войнѣ стремились только за тѣмъ, чтобы она послужила благодѣйнымъ предлогомъ для банкротства.

Что касается до внутренней администраціи, никто въ мірѣ насъ не увѣритъ, будто бы сдѣлано въ ней что нибудь хорошее. Самые ничтожныя органы австрійскаго правительства сознаются теперь въ этомъ. Даже полуофіціальныя корреспонденціи принуждены сознаваться, что прежніе панегирики были пустословіемъ. Въ *Allgemeine Zeitung*, 27 февраля, одинъ изъ этихъ полуофіціальныихъ корреспондентовъ изъ Вѣны писалъ: «Да, мы глубоко сожалѣемъ, что австрійское правительство оставляетъ внутренней организмъ государства какимъ-то трупомъ, что оно не организуетъ провинціальныхъ представительныхъ собраній и черезъ это лишаетъ государство возможности имѣть центральное представительное собраніе; мы думаемъ, что и многія правительственныя лица не менѣе насъ имѣютъ объ уклоненіи отъ идей Стадіона и Шарленберга. Это дурная сторона нашего положенія, но все-таки наше право (то есть на Италію) остается ненарушимымъ. Мы лишены средства выразить нашъ патриотизмъ съ возвышеннаго центра; но это не относится къ вопросу, о которомъ теперь идетъ дѣло. Либеральна или не либеральна, конституціонна или не конституціонна теперь Австрія, федеративное устройство имѣетъ она или централизована—не о томъ теперь рѣчь. Дѣло не въ томъ, чтобы нивѣеиѣмъ внѣшней политики проложать до-

рогу болѣе свободному внутреннему развитію государства, вопросъ не о томъ, какова внутренняя организація нашей державы,—дѣло идетъ о цѣлости и о независимости части нашего отечества». 21 февраля онъ пишетъ: «Мы очень желали бы быть спокойными относительно органицаціи вѣнскихъ внутреннихъ дѣлъ. Основаніемъ тутъ долженъ служить императорскій патентъ 31 декабря 1851 г.; мы хотимъ исполненія этого декрета, но тутъ возобновляется вопросъ: что же исполнено изъ опредѣленій этого патента? Мелочныя реформы въ нашихъ судопроизводствахъ сдѣлали изъ него что-то негнѣное, несоотвѣтствующее ни старому, ни новому принципу; оно не пользуется даже и тѣмъ уваженіемъ, какимъ пользовались наши прежніе законы. Получены и временныя мѣры потрясли законы въ самыхъ основаніяхъ. По вопросамъ о представительныхъ собраніяхъ, о вѣротерпимости, о муниципальномъ устройствѣ, о торговыхъ и промышленныхъ законодательствѣ не рѣшено еще ничего. Истинную опасность для Австріи мы видимъ не во вѣнскихъ, а во внутреннихъ ея дѣлахъ».

Нужны ли послѣ этого еще свидѣтельства?

Патентъ 31 декабря 1851 года, о которомъ говоритъ вѣнскій корреспондентъ, самъ былъ источникомъ того, что увеличилось внутреннее распаденіе Австріи. Желаніе побѣдоносной реакціи онъ стиснулъ разныя національности, которыя прежде пользовались хотя призракомъ отдѣльной жизни. Въ изнеможеніи, послѣдовавшемъ за революціей, національности были подмелены безъ сопротивленія. Но теперь чехи, поляки, венгры, южные славяне чувствуютъ, какъ угнетены они ярмомъ централизаціи, поспешу нависающей неудовольствіе, которыя очень легко воспользоваться искусному врагу, чтобы обезоружить Австрію. Будутъ ли служить источникомъ силъ для имперіи восточныя провинціи, Венгрія, Славонія, если необходимость войны заставитъ противника помочь недостаточнымъ деньгами, оружіемъ, амунициею и даже отрядами войскъ? Въ Краковѣ былъ наказанъ полкъ, не хотѣвшій идти въ походъ; въ Штирціи съ каждымъ днемъ увеличивается число австрійскихъ дезертировъ,—это ли признаки единства къ единству Австрійской имперіи? При такихъ признакахъ распаденія нужно только искусно помочь недостатку, чтобы вся имперія развалилась. Франція въ этомъ отношеніи тверда, и каково бы ни было ея правительство, не найдется въ ней партіи, которая возмущалась бы въ союзѣ съ иностранцами. Объ Австріи напротивъ сдѣло можно сказать, что въ каждой изъ ея не-вѣнскихъ провинцій скрывается зерно возмущенія, грозящаго разрушеніемъ цѣлому государству, и что это зерно ждетъ только ожидающагося дождя, чтобы возникнуть изъ земли тысячами отрпысковъ.

Габсбургская династія всегда жила на покровительствѣ народовъ и національностей, а изъ подавленій; она постоянно вела съ хитростью и успѣхомъ гибельную игру, подавляя одинъ народъ другимъ и въ неразборчивости средствъ никогда не уступала бонапартизму. Лавбесса или Минтуа и Шпильбергъ, Каениа или вѣнскіе, на которой уверли венгерскіе генералы,—тотъ и другой методы, по вашему мнѣнію, одинаковы. Стремленіе подавить національности принуждаетъ Австрію постоянно изнурять свои собственныя силы; она должна держать такую армію, которая совершенно поглощаетъ всѣ ея финансовыя средства; она должна отовсюду призывать искателей счастья, чтобы они командовали этою безродною арміею. Правду говорили, что Австрія находилась въ лагерѣ Радецкаго. Она и теперь только въ армейскомъ лагерѣ, въ постоянномъ военномъ положеніи противъ своихъ собственныхъ народовъ, постоянно занимаетъ свои области военными образамъ. Крошкѣ лагеря, Австрія не существуетъ нигдѣ.

Всѣ австрійско-баварскія, всѣ ультрамонтанскія и реакціонныя скрипки размыриваютъ теперь ноту въ «Австрія вѣнское государство». Насъ это ни мало не удивляетъ. Нѣмецкій духъ, нѣмецкое происхожденіе, нѣмецкій союзъ, нѣмецкое призваніе Австріи,—Габсбургскій домъ всегда прибѣгалъ къ этимъ фразамъ, когда грозила опасность его не-нѣмецкимъ провинціямъ. Тогда онъ насылалъ Германію. Австрія уже давно подготовляла то настроеніе, которымъ теперь хочетъ пользоваться. Годъ тому назадъ одинъ изъ моихъ друзей писалъ мнѣ: «Нигдѣ въ цѣлой Германіи нѣтъ теперь такого нѣмецкаго патріотизма, какъ въ вѣнскомъ высшемъ кругу. Нѣмецкое единство—это аксіома, о которой толкуютъ каждый день. Но что думаютъ эти люди

на самомъ дѣлѣ, лучше всего можно видѣть изъ словъ Меттерниха, за вѣрность которыхъ я ручаюсь: «Я никогда не согласился бы на созваніе нѣмецкаго парламента—сказать на днѣхъ сѣдой дипломатъ:—я до послѣднихъ силъ боролся бы противъ него; но когда его срвали и дали ему законную нваоть, то какииъ образомъ можно было пренебрегать его произвожденіемъ,—имперскую конституціею, этого я не понималъ».

Послѣ того подкупныя перья начали выставлять нѣмецкой и заграничной публикѣ нѣмецкую политику Австріи въ полномъ ея великолѣбіи, нвадя нѣмцевъ на ту мысль, что они должны не жалѣть ни денегъ, ни крови для Австріи. Теперь, когда опасность приблизилась, армія австрійскаго агентовъ при исѣхъ баварскихъ и мелкихъ нѣмецкихъ дворахъ всячески убѣждаетъ нѣмецкія правительства принимать военные мѣры. Графъ Буоль по всей Германіи разсылаетъ циркуляры, въ которыхъ чисто нѣмецкій характеръ Австріи выставляется съ такою ясностью, какъ будто бы она не имѣла ни владѣній, ни интересовъ внѣ Германіи. Въ чемъ же доказательства нѣмецкаго направленія Австріи? На чемъ основываться, чтобы увѣриться въ нѣмецкомъ патріотизмѣ Австріи, въ ея энергіи, благоразуміи и проицательности? На чемъ основывается теперь она, обращаясь къ патріотизму общаго нѣмецкаго отечества и «съ увѣренностью ожидая отвѣта своихъ высокихъ братьевъ по союзу», какъ выражается графъ Буоль въ циркулярѣ 5 февраля? На своемъ образѣ дѣйствій въ нѣмецкомъ сеймѣ до революціи 1848? На своихъ заслугахъ въ дѣлѣ преслѣдованія нѣмецкой мысли? На несказанныхъ бѣдствіяхъ, которыми подвергла Германію, помогая мелкимъ нѣмецкимъ государствамъ бросать въ темницу каждаго, у кого было хотя малѣйшее стремленіе къ единству и свободѣ, сновывать печатное слово, лишать всякаго значенія представительныя собранія и повсюду возбуждать племя противъ племени, народъ противъ народа, правительство противъ правительства? Или при своемъ воззваніи Австріи можетъ сослаться на свое поведеніе во время революціи, на то время, когда своими интригами она разрушала всѣ попытки къ основанію нѣмецкаго единства, раздѣляла старую вражду, привела кровотокъ опустошить свою собственную столицу, населенную нѣмцами, и наконецъ устроила то, что вмѣсто единства возникъ раздоръ хуже прежняго и плодомъ всѣхъ усилій Германіи остался прежній глобальный нѣмецкій сеймъ? Или при своемъ воззваніи къ единству и патріотизму Германіи можетъ она сослаться на свое поведеніе послѣ революціи? На свои дѣйствія въ національномъ Шлезвигъ-Гольштейнскомъ дѣлѣ? Въ этомъ ли нѣмецкое направленіе, которое «всегда выказывали Австрія»? Напротивъ, не представляютъ ли всѣ дѣйствія Австріи въ Германіи непрерывнаго ряда преступленій противъ единства, чести, безопасности, свободы, кощущества и величія Германіи?

Въ новой Австріи есть еще особенная черта, которая должна въ самомъ основаніи разрушить всякое довѣріе въ этой державѣ. Эта черта—заключеніе и исполненіе конкордата, который повергнулъ государство къ ногамъ ультрамонтанской партіи, уничтожилъ въ Австріи свободу совѣсти, ввелъ въ ней возмутительнѣйшую религіозную нетерпимость, передалъ исключительно въ руки фанатической партіи воспитаніе и преподаваніе. Послѣ австрійскаго конкордата эта партія мрака подняла голову въ цѣлой Европѣ. Съ той поры она оозкою стала предъавлять несмысленныя притязанія, а цинизмація не одного государства, а цѣлаго міра, снова стала грозить врагъ, противъ могущественныхъ нападеній котораго она можетъ удержаться только самыми крайними наиримеміемъ силъ. Такое дѣло должна защищать Германія,—Германія, единственными палладіумомъ которой противъ совершеннаго упадка было до сихъ поръ право свободного нвсѣдованія, должна жертвовать деньгами и кровью, чтобы спасти Австрію и чтобы спасенная Австрія отняла у нея и это послѣднее утѣшеніе, свободу мысли и совѣсти? О, нѣтъ, лучше навъ во второй разъ быть завоеваннымъ! Отъ иностраннаго ига навѣрное освободилъ бы насъ свободный порывъ духа, воспитаннаго и укрѣпленнаго свободною мысли и совѣсти, какъ спастъ въ 1813 году.

О томъ, какъ Австрія управляетъ своими на-нѣмецкими провинціями, какъ ей нужно тратить много словъ. Можно до небесъ превозносить австрійское управленіе въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, можно доказывать, что оно лучшее правитель-ство на цѣломъ полуостровѣ, не исключая даже піемонтскаго; что итальянскіе под-

данные императора пользуются даже излишними льготами.—все это ни мало не относится к сущности вопроса. Если бы австрийцы были авталами на земле и осыпали благодеяниями Ломбардию, все-таки они неависты ломбардцам; стало быть возмешения против них наадичества въ Ломбардию сохраняли бы всю свою силу. Какъ прохоним эта ненависть: выражается ли ею негодование національнаго самосознанія на яковое угнетеніе итальянцевъ вѣщцами; коренится ли она въ новыхъ воспоминаніяхъ о прокламаціи герцога Іоанна въ 1809 году, когда онъ обѣщалъ итальянцамъ свободу и національную независимость, или о прокламаціяхъ Иоджента въ 1813 году; или она просто племенной предрасудокъ,—это рѣшительно все равно. Это постоянное сопротивление, эта вѣчная оппозиція, не дающая ни минуты покоя австрийскому правительству, эти постоянные заговоры, вспыхивающіе то такъ, то здѣсь,—все это не дѣло одного заговорщика или немногихъ недовольныхъ, напротивъ, это выраженіе глубокой ненависти, ядращейся въ народѣ, ненависти, которая успокоится только тогда, когда исчезнетъ ея причина.

Венгрія находится въ такомъ же положеніи, какъ Ломбардія. 6 милліоновъ военнаго, рыцарскаго народа, въ теченіе вѣковъ сохранявшаго свою самостоятельность, не могутъ быть почервомъ пера подведены подъ безразличный уровень «подданныхъ Австрійской имперіи». Запертая со всѣхъ сторонъ, не имѣя прямой связи ни съ цивилизованнымъ свѣтождъ, ни съ моремъ, Венгрія въ своей политической оппозиціи показываетъ не непрерывныя конвульсіи, какъ Італія, а отрывочные взрывы, но зато страшно сильные, которые каждый разъ приводятъ монархію на край гибели.

Бросимъ также взглядъ на внѣшнюю политику Австріи. Кричали прежде и теперь начинаютъ кричать, что Австрія предназначена распространить на востокъ цивилизацію, вызаратить Дунай вѣщницей торговли, быть можетъ германизировать весь востокъ. Но исполнила ли она хотя какую нибудь долю этой задачи? И если Австрія имѣетъ эту задачу, то какой другой путь есть къ ея достиженію, кромѣ поддержки и усиленія національностей, населяющихъ берега Дуная, чтобы онѣ вошли въ нравственный и матеріальный союзъ съ вѣщцами? На югъ, если ли на Австрію, лежала прямая обязанность быть защитницею Дунайскихъ княжествъ? Если бы справедлива была болтовня вѣщечныхъ профессоровъ, что Австрія имѣетъ задачу распространить вѣщечную цивилизацію на востокъ, она должна была бы прикинуть въ этомъ дѣлѣ къ Франціи. Вѣсто того Австрія служить источникомъ смута на востокѣ и все ея стремленіе до сихъ поръ состояло въ томъ, чтобы равнелать силы восточныхъ племенъ внутренними ситами, чтобы отнять у нихъ возможность сблизиться съ австрійскими провинціями.

Въ другихъ итальянскихъ государствахъ Австрія всегда была только полицейскимъ притѣснителемъ, который поддерживалъ неавистыми народомъ системы, итики котораго всегда были готовы, справедливо и несправедливо, по всякому поводу и безъ всякаго повода, поддерживать угнетеніе. Фактически она господствовала въ вѣщдой Італіи и постоянно была занята хлопотами усмирять то здѣсь, то тамъ порывы народного неудовольствія. Съ девастическо-австрійской точки такое положеніе, конечно, было необходимою. Освобожденіе другихъ частей Італіи австрійско бы ея господству въ Ломбардиі. Для сохранения своихъ владѣній она должна была быть палачомъ въ остальной Італіи, а эта роль принуждала ее подавлять жадной рукой всякую жизнь въ ломбардскомъ народѣ.

Нельзя служить двумъ господамъ, а наивные люди думаютъ, что Австрія можетъ шопитъ служить тремъ господамъ: Германіи, Італіи и Востоку. Когда грозятъ ея итальянскими владѣніямъ, она кричитъ: «помогите, я чисто-вѣщечья держава!» Если колеблется ея положеніе на Востокѣ, она кричитъ: «помогите, иначе вспыхнетъ революція въ Італіи и Германіи!» Если требуютъ, чтобы она поддерживала своихъ могущественныхъ вѣщечное дѣло, она говоритъ, что занята на Востокѣ и въ Італіи; если нужно поддерживать вѣщечные интересы на Востокѣ, она говоритъ, что у ней свнзамъ ружа Італіемъ. У ней, какъ у Фильгешрейя въ комедіи Гольбейна, всегда ужасно много хлопотъ съ тѣмъ, чего не нужно дѣлать, и всегда ей некогда дѣлать того, что нужно. Такая жалкая политика необходима въ интересахъ династии, которая хлопо-

четь только о своемъ господствѣ и вслѣдствіе старается подавить народную жизнь.

Обратимъ вниманіе еще на одну сторону вопроса, на уваженіе къ трактатамъ, которые теперь выставились палладіумомъ европейскаго устройства. Австрійское правительство твердитъ о своемъ уваженіи къ свястости договоровъ. Страненъ такой языкъ въ устахъ единственнаго правительства, которое до сихъ поръ видимо нарушало договоры. До сихъ поръ всѣ другія державы хранили ихъ, только Австрія разорвала ихъ.

II. Италія (стр. 66—79).

При настоящемъ кризисѣ главное вниманіе Европы обращено на Италію. По низверженіи Наполеона, Италія была «географическимъ понятіемъ», въ которомъ властвовала Австрія. Въ Сардиніи господствовала Австрія, въ Пармѣ, Моденѣ, Тосканѣ—Австрія, въ Церковной Области—Австрія, въ Неаполѣ—Австрія. Почти со всѣми этими государствами заключила она договоры, дающіе ей право вооруженнаго вѣнша-тельства при каждомъ малѣйшемъ случаѣ, и она, какъ нельзя полюбѣ, пользовалась этимъ правомъ. Даже на тотъ случай, когда Парма и Пиаченца присоединятся къ Сардиніи, Австрія выговорила себѣ сохраненіе крѣпости Пиаченцы съ округомъ земли въ 2000 тузовъ, считая отъ гласиса. Съ Моденою заключила она наступательный и оборонительный трактатъ, по которому «можетъ вводить въ Моденскія владѣнія и находящіеся въ нихъ крѣпости императорскія войска всякій разъ, когда потребуютъ того интересы общей защиты, или военное благоразуміе» и даже вообще «въ случаѣ событій, внушающихъ опасеніе за тишину и порядокъ». Такой же договоръ заключенъ съ Пармою. Договоръ съ Тосканою идетъ еще далѣе: онъ говоритъ даже о томъ случаѣ, когда вообще «будетъ угрожать война итальянскому полуострову». Въ Церковной Области Австрія успѣла на вѣнскомъ конгрессѣ пріобрѣсти себѣ, несмотря на протестаціи папскаго правительства, право имѣть гарнизоны въ Феррарѣ и Комаккіо. Съ Неаполемъ въ 1815 году былъ заключенъ подъ именемъ наступательнаго и оборонительнаго союза договоръ, по которому Австрія завоевала это государство; Неаполь обязался сохранить безъ перемѣны установленную въ немъ Австріею форму правленія. Австрія въ замѣну обязалась охранять блага вѣншаго міра и совершеннаго внутренняго спокойствія и съ этой цѣлью вспомогательный неаполитанскій корпусъ отданъ подъ команду австрійскаго генерала.

Извѣстно, какъ Австрія воспользовалась этими трактатами. Когда Неаполь въ 1820 году принялъ конституцію, Австрія двинула свои войска, возстановила прежнюю форму правленія, стала гонять неаполитанцевъ сквозь строй и занимала Неаполитанское королевство своими войсками цѣлыхъ шесть лѣтъ. Въ мелкихъ итальянскихъ государствахъ она также не ограничивалась правомъ содержать гарнизоны. Куда ни вступали австрійскіе генералы, они захватывали въ свои руки администрацію и уголовный судъ, диктатуру надъ дѣлами и словами; австрійцы казнили патриотовъ, жители должны были исполнять австрійскія предписанія. Такимъ образомъ Австрія была фактически владѣтельницею всей Италіи, потому что ни одно изъ правительствъ полуострова не могло бы удержаться собственной силой. Развѣ могъ бы держаться собственной силой Неаполь или папское правительство, гнусность котораго видѣть самимъ заключеніемъ ультрамонтанцевъ? Развѣ можно считать Тоскану и маленькія герцогства самостоятельными государствами, способными держаться собственной силой? Если бы они могли держаться сами, Австрія не стала бы теперь держаться на договоры съ ними съ силою отчужденія, подобно утопающему, хватящемуся за соломинку, не стала бы дѣлать изъ нихъ вопроса о жизни и смерти для цѣлой имперіи; эти договоры были бы ненужными клочками бумаги, и не послала бы она 200,000 солдатъ защищать ихъ. Дѣло понятно каждому. Въ тотъ самый день, когда поутру европейскія державы объявятъ, что яа одна изъ нихъ, ни Франція, ни Австрія, ни Россія, ни Англія, ни Баварія, ни Сардинія не могутъ вводить своихъ войскъ въ эти государства и что не могутъ они держать иностранныхъ вѣншнихъ солдатъ,—вечеромъ того же дня, утромъ котораго будетъ принято и исполнено это рѣшеніе, папа, неаполитанскій король, ве-

ликий герцог тосканский, герцоги и герцогини съ своими пожатками, приживателями и приживалками побѣгутъ за границу, кому куда ближе. Но въ тотъ же день на лонбардо-венеціанской границѣ явится сѣдкою австрійцевъ революція.

. Таково было бы несомнѣнное положеніе дѣла въ Италіи, если бы только предоставить ее самой себѣ и очистить отъ иностранныхъ штыковъ.

Только одно государство осталось бы непоколебимо среди общего волненія, когда бы уменьшить свою армію, поставить ее на мирное положеніе. Это государство— Пизмонти, бывшій прежде политическимъ спутникомъ Австріи, а теперь по принятіи національной политики сдѣлавшійся злѣйшимъ ея противникомъ. Положимъ, что въ основаніи этой политики кроется мысль о династическомъ возвышеніи сардинскаго дома, что Сардинія хочетъ дать Италіи только независимость отъ иностранцевъ, а не внутреннюю свободу; но все-таки несомнѣнно то, что эта политика соответствуетъ теперь національному настроенію итальянскаго народа. Правда, что для достиженія своей цѣли Пизмонти дѣлалъ чрезвычайныя усилія, далеко превышающія его средства. Финансы его обременены чрезвычайными долгами; доходъ его израсходованъ надолго впередъ; съ какими-то извѣстностями, неумѣстными для такого маленькаго государства, Сардинія принимала участіе въ войнѣ, чтобы пріобрѣсти себѣ дружбу Франціи и Англіи и уваженіе Россіи. Не равнѣ эти усилія были совершенно напрасны и не вознаграждены многими пріобрѣтеніями? Развѣ производительныя средства страны не увеличались въ чрезвычайной степени, развѣ не построены шоссе и желѣзныя дороги, не улучшено и не преобразовано внутреннее управленіе, не развита и не укрѣплена политическая жизнь? И развѣ всѣ эти усилія не были устремлены къ цѣли дѣйствительно благородной,—къ тому, чтобы освободить угнетенное племя отъ иноземнаго ига?

Италійская партія старается возбуждать сомнѣніе въ способности итальянскаго племени управлять самимъ собою; но каковы бы ни были недостатки итальянскаго характера, все-таки этому племени, какъ и всякому другому, принадлежить право располагать своею судьбою, какъ само оно хочетъ. 35 лѣтъ тому назадъ вся Европа сочувствовала борьбѣ грековъ съ турками за свою свободу. Неужели итальянцы заслуживаютъ сочувствія неже грековъ? Кто дѣйствительно знаетъ, видѣлъ собственными глазами эти два племени, тотъ ни на минуту не усомнится, которое изъ нихъ заслуживаетъ больше симпатіи. Надъ греками рабство тяготѣло долѣе и сильнѣе, възлосьъ въ нихъ глубже. Но возвратимся къ итальянскому народу. Мы призываетъ въ немъ много недостатковъ, порожденныхъ, развѣ, не построенъ долгимъ внутреннимъ и вѣншимъ угнетеніемъ; но мы призываетъ въ немъ съ другой стороны пламенный патріотизмъ, неутомимо возобновляющій свои усилія для освобожденія Италіи; мы видимъ въ немъ быстроту пониманія и соображенія, свѣдѣтельную о великихъ умственныхъ способностяхъ, которыя при первой возможности снова могутъ обнаружиться такими же блистательными образомъ, какъ прежде. Въ характерѣ итальянскаго народа мы видимъ множество превосходныхъ качествъ, множество благородныхъ зачатковъ, которые теперь подавляются, но тѣмъ не менѣе существуютъ и способны къ развитію. Аргументы, противопоставляемые освобожденію итальянцевъ, тѣже самые, которыхъ мы наслушались отъ противниковъ эманципации евреевъ: это все тѣ же аргументы, которые всегда выставлялись угнетателями противъ каждаго народа, стремившагося къ независимости. Фальшивый кругъ, по которому вѣчно строятся силлогизмы при подобнахъ вопросахъ, повторяется и здѣсь. «Освобожденіе должно совершиться тогда, когда народъ созрѣетъ до него; теперь онъ еще не созрѣлъ, и потому долженъ оставаться въ рабствѣ.» Но въ рабствѣ онъ никогда не созрѣетъ, будетъ отъичать защитникъ освобожденія: его недостатки порождены и развиты рабствомъ. Уничтожьте причину и исчезнетъ послѣдствіе. Дайте народу въ его независимости почву, на которой могъ бы онъ развиваться нормальнымъ образомъ, и онъ разовьется гармонически, сообразно своей натурѣ, и будетъ приносить благородные плоды вѣсто голцовъ и терній, врождаемыхъ низвѣнною почвою рабства. Мы спросимъ далѣе, кто долженъ опредѣлять норму, по которой должно измѣряться право народа на свободу?—Поработитель?—но его собственный узкій интересъ вѣчно будетъ заставлять

его говорить, что эта норма еще не достигнута и, продолжая свое притѣсненіе, онъ съ каждымъ днемъ будетъ уменьшать возможность къ достиженію нормы. Это все равно, что обязать человѣку извѣстную должность, если онъ пріобрѣтетъ извѣстныя познанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ запрещать ему посѣщать школу, въ которой онъ только и можетъ пріобрѣсти эти знанія.

Партія угнетателей Италіи, выставлющая эти возраженія и подавляющая національныя стремленія, находитъ себѣ контрастъ въ другой партіи, которая въ абстрактномъ абсолютизмѣ своихъ революціонныхъ стремленій кажется нѣтъ стою же уклоняющеюся отъ истины, какъ и противная ей партія. Я говорю о такъ называемой партіи маццинистовъ, идеаломъ которыхъ служить единая и нераздѣльная итальянская республика, которая написала на своемъ знамени абстрактный девизъ «*Dio e Popolo*» и отвергаетъ, какъ предательство національному дѣлу, всякое переходное состояніе между нынѣшнимъ положеніемъ и республикою. Намъ кажется, что эта партія страдаетъ двумя главными недостатками: непониманіемъ національнаго характера и небыстроты въ разсчетахъ о томъ, какія силы нужны для достиженія цѣли. Историческое развитіе и направленіе народныхъ чувствъ безъ сомнѣнія указываютъ на федеративное устройство Италіи, а не на централизованную республику съ единственнымъ столицей Римомъ. Намъ кажется, что полное государственное единство въ Италіи — все равно, съ республиканской или монархической формой, — можетъ быть установлено только при помощи страшнаго внутренняго деспотизма и при пролитіи цѣлыхъ рѣкъ крови въ междоусобныхъ войнахъ. Но должны ли идти итальянцы этимъ путемъ, разумеется, мы должны предоставить нѣтъ собственному разсужденію и обстоятельствамъ будущаго.

Еще ояснитъ эту тенденцію кажется намъ то, что революціонная партія ошибается въ своихъ силахъ, считая нѣтъ слишкомъ большими, и поэтому отвергаетъ всякое соединеніе съ партіею федеральнаго направленія для достиженія окончательной цѣли, даже нападаетъ неумолимымъ образомъ на тѣхъ, которые соединяются съ нею для достиженія ближайшихъ цѣлей. Можно очень подробно высчитывать миліоны, эмфатически говорить о вѣнереборной силѣ революціи и народныхъ ошелѣній и о томъ, что регулярныя войска не такъ сильны въ битвахъ, какъ вообще думаютъ; но что бы мы ни говорили, сила все-таки остается силой, и мы знаемъ, что организація силы придаетъ ей такое могущество, до котораго не возмывается неорганизованная сила. А единственная организованная сила, которая теперь можетъ служить въ Италіи національному дѣлу, есть сардинская армія и остальная народная сила должна сгруппироваться около нея, чтобы получить возможность дѣйствовать; а въ настоящее время сардинская армія можетъ служить только дѣлу независимости и конституціонной монархіи, а не дѣлу республиканской свободы. Надобно ли отталкивать ее отъ себя зато, что она не пойдетъ далѣе этой границы? Мы думаемъ совершенно иначе; и если даже предположить, что по занованіи независимости республиканская партія для достиженія полнѣйшей свободы должна была бы обратиться противъ своей враждебной союзницы, — даже предположить это, мы все-таки думаемъ, что она не должна отвергать теперь союза съ нею.

Итакъ, мы напутствуемъ самыми искренними желаніями стремленіи Италіи, усилія Піемонта; и теперь, какъ десять лѣтъ тому назадъ, мы желаемъ изгнанія австрійцевъ изъ Италіи, какъ въ 1848 году выражали «извѣстическое» желаніе, чтобы Раденція были побиты. Мы глубоко скорбимъ, что нѣмецкая сила, нѣмецкая кровь будетъ приноситься въ жертву гнилому дѣлу; мы употребимъ всѣ усилія уничтожить возможность возобновленія подобныхъ событій въ будущемъ; но теперь мы ставимъ вопрошеніе Австріи въ Италіи неизбѣжною необходимостью, къ которой ведетъ неумолимая судьба. Австрія сурово упрекаетъ піемонтское правительство, піемонтскій народъ за то, что она прибѣгаютъ къ войнѣ и революціи; но развѣ не то же дѣлали испанцы въ 1812 и мы сами въ 1813 году? Мы теперь снова восторженно прославляемъ національное нѣмецкое возстаніе, низвергающее Наполеона. Но развѣ въ 1813 году Пруссія играла относительно нѣмецкихъ государствъ, связанныхъ договорами съ Наполеономъ, не ту же самую роль, какую теперь Піемонтъ играетъ относительно Ломбардо-Венеціанскаго королевства и мелкихъ итальянскихъ государствъ? Пруссія тогда тоже съ отверстыми

объявляла принимала довертеровъ и за одинъ разъ приняла, напримеръ, 10,000 саксонцевъ; она явно покровительствовала заговорамъ и восстаніямъ въ земляхъ тѣхъ нѣмецкихъ государствъ, которые были союзниками иностраннаго порабитителя; Пруссія тоже нарушала тогда договоры, соблюдать которые клялась; она всячески подготавливала восстаніе, а науду тѣмъ формально отрекалась отъ всего, что дѣлала тайно, до той поры, когда пришло время сбросить маску. И развѣ она была достойна порицанія?— нѣтъ, она была права! Фальшивость, заговоръ, измѣна, нарушение договоровъ, все это сыто высотой цѣли со скривленной исторіи, на которыхъ остались только сіяющіе слова: «освобожденіе народа отъ неволеваго ига». Ножи и ядъ испанца, боровагого претили французамъ, блистали теперь славой, потому что онъ хотѣлъ независимости своей націи.

III. Второстепенныя нѣмецкія государства (стр. 90—100).

По различнымъ истопавоженіямъ и вѣроисповѣданіямъ, по историческимъ отношеніямъ племенъ и семейнымъ связямъ царствующихъ династій, въ малыхъ государствахъ нѣмецкаго союза владычествуютъ очень различныя вліянія, изъ которыхъ часто происходятъ даже долгія неудовольствія между правительствомъ и народомъ. Совершенно подчинена австрійскому вліянію особенно Ваварія, живущая столько же шкоты, но гораздо менѣе средствъ, играть изъ себя великую державу, какъ и Сардинія, которую баварскіе органы, *Allgemeine Zeitung*, ежедневно упрекаютъ за это стремленіе.

Какъ есть спутники у Австріи, такъ есть она и у Пруссіи. Мекленбургъ— Прусская Ваварія, Баденъ—Прусская Саксонія. Берлинъ кажется второй отечивой для мекленбургскихъ герцоговъ, а мекленбургскій феодализмъ кажется идеаломъ для померанскаго дворянства. Шверинъ и Стральцъ находятся подъ косвеннымъ управленіемъ Пруссіи, какъ Мюнхенъ подъ управленіемъ Австріи. Баденскій престолъ обязанъ своимъ возстановленіемъ прусскому войску, а нѣмѣнскій герцогъ тѣсно связанъ съ прусскою династіею родственными связями. Такииъ образомъ въ Баденѣ такое же положеніе, какъ въ Саксоніи. Дворъ идетъ съ Пруссіей, но народъ не раздѣляется этой симпатіи.

Совершенно преданы прусскому интересу Гессенъ-Кассель, Брауншвейгъ, Ольденбургъ; болѣе преданы Австріи Виртенбергъ, Гессенъ-Дармштадтъ, Нассау и Ганноверъ. Тѣ нѣмецкія государства, которыя, во время отказавшись отъ союза съ Наполеономъ, сохранили полученное отъ него расширеніе границъ, еще живо помнятъ, какъ трудно было имъ на вѣнскомъ конгрессѣ защититься отъ прусскаго стремленія къ единству Германіи, и въ правительствахъ каждаго изъ этихъ государствъ сохраняется желаніе возобновить прежнюю игру при удобномъ случаѣ и вести ее на счетъ слабѣйшихъ сосѣдей. Каждый маленюкій министрикъ, уравнивающий государство величіемъ въ одинъ прусскій округъ, воображаетъ себя такииъ тонкимъ дипломатомъ, который въ случаѣ политическихъ переворотовъ сдѣлаетъ славу независимости своего государства и даже увеличитъ его; потому всѣ эти господа при началѣ кризиса стараются прикинуть къ сторонамъ, обѣщающей больше выгодъ.

Въ Австріи никто не предполагаетъ желанія увеличить свои владѣнія на счетъ другихъ нѣмецкихъ государствъ, а Пруссія, какъ всѣмъ кажется, не можетъ возбуждать такого стремленія. Особенно Ганноверъ считаетъ чрезвычайно опаснымъ для себя слишкомъ дружескія объятія сосѣда и потому теперь онъ торопится съ манифестаціями, служащими выраженіемъ не патриотизма, а просто недовѣрія къ Пруссіи.

Объ остальныхъ малыхъ нѣмецкихъ государствахъ едва ли стоить говорить. Запрещаетъ ли Нассау вывозъ лошадей, пишетъ ли оперы герцогъ Саксенъ-Кобургскій,— это, по нашему мнѣнію, не будетъ имѣть важнаго вліянія на ходъ европейскій дѣлъ. Эти маленюкія фигуры европейскаго насларада появляются на сценѣ и исчезаютъ съ нею, не возбуждая особеннаго вниманія ни въ комъ, кромѣ своихъ подданныхъ, число которыхъ, нѣтъ имъ извѣстнъ, не очень велико.

Надобно сказать нѣсколько словъ и о Нѣмецкомъ Союзѣ вообще. Едва ли тутъ былъ такой сильный толчекъ, какъ нынѣ, чтобы снова показать всю бѣдствен-

ную глубину нѣмецкаго паденія, показать, что единство Германіи не болѣе, какъ иллюзія, питаемая въ сердцѣ народа, но постоянно уничтожаемая правительствами отдѣльных государствъ и ихъ сепаратизмомъ. Неспособный сдѣлать ни шага впередъ, нѣмецкій Сеймъ снова явился соответствующимъ той кѣлѣ, для которой созданъ дипломатами, снова явился препятствіемъ къ единству, машиною для подавленія всякаго національнаго чувства, всякаго стремленія къ свободѣ въ нѣмецкомъ народѣ. Какова бы ни была дорога, по которой слѣдуетъ идти Германіи въ настоящемъ кризисѣ, несомнѣнно то, что Германія, какъ одно цѣлое, должна была бы энергически идти опредѣленнымъ путемъ; а между тѣмъ теперь злополучный нѣмецкій Сеймъ, злополучный Нѣмецкій Союзъ, бродитъ, какъ пьяный кругомъ дорожнаго столба и напрасно усиливается разобрать, по какой дорогѣ ему идти. И можно ли ожидать чего нибудь иного? Можетъ ли существовать единство интересовъ въ союзѣ государствъ, изъ которыхъ главнымъ необходимо увлекаются интересы, чуждыми союзу? Союзъ не можетъ соответствовать своей цѣли, пока въ немъ есть члены, не принадлежащіе къ нему, такіе члены, интересы которыхъ прямо противоположны интересамъ союза. Именно таково положеніе Нѣмецкаго Союза. Развѣ не членъ его король Голландіи по своей провинціи Люксембургъ? и развѣ выгода Голландіи не требуетъ того, чтобы держать запертыми для нѣмецкихъ устьевъ Рейна и всячески подавлять торговлю Германіи? Развѣ не членъ Нѣмецкаго Союза король датскій по Гольштейну и Лауэнбургъ? и развѣ не опирается устья Эльбы датская таможня? Кто скажетъ, что Данія, кишащая голося на нѣмецкомъ Сеймѣ, руководится нѣмецкими интересами? И развѣ Пруссія не связана Познанью? и развѣ ея нѣмецкая область, Восточная Пруссія, не оставлена вѣхъ союза? Развѣ большая часть австрійскихъ областей не находится вѣхъ союза? и развѣ не должна поэтому Австрія необходимо нѣтъ интересы, враждебные Нѣмецкому Союзу? Перечисленіе этихъ уродливостей доказываетъ, что Нѣмецкій Союзъ рѣшительно не вытѣтъ условій, нужныхъ для живаго существованія, и станетъ живымъ тѣломъ только тогда, когда избавится отъ паростовъ, чуждыхъ нѣмецкой національности: только тогда составитъ онъ нѣкое однородное цѣлое, нѣющее одинъ интересъ, одну политическую мысль.

О внутреннемъ устройствѣ нѣмецкаго полицейскаго союза, осужденнаго на политическое безсиліе, мы не хотимъ и говорить: говорить объ этомъ, значило бы даромъ тратить слова. Мы укажемъ только на одно обстоятельство, что въ критическія минуты, подобныя настоящей, нѣмецкій народъ получалъ бы громадную силу отъ центрального собранія своихъ представителей, въ которомъ велись бы совѣщанія о политическомъ положеніи. Изъ пошлаго раздора и безсилія нѣмецкихъ правительствъ въ опасныя времена всегда спасались только тѣмъ, что призывали на помощь силу народа; но каждый разъ народное довѣріе бывало обмануто по нѣхъ избавленія изъ бѣды. Теперь снова выступаетъ такой вѣродѣ обманчиваго; снова принимаютъ на помощь народную силу, признавая, что надобно провозвѣстать великія реформы; и снова народъ будетъ обманутъ, какъ былъ обманутъ прежде. Побѣды неприятели, снова откроютъ, что нѣтъ необходимости исполнять данныя обѣщанія. Я никогда не приписывалъ себѣ дара пророчанія, но долженъ вспомнить, что въ 1848 году я говорилъ съ требую: «нѣмецкій народъ обманули въ 1813 году Кавишскою прокламаціею, снова обманули его въ 1830 и въ третій разъ обманутъ въ 1848 году». Это предсказаніе исполнилось, и судя по тому способу, какимъ ведется теперь политическое движеніе, надобно сказать, что и въ нынѣшній разъ произойдетъ такой же обманъ, и за движеніемъ послѣдуетъ еще большее униженіе. Вытащите Австрію изъ бѣды, помергуйте вѣщными силами для сохраненія гнилаго міра, обманчивой тишины, для поддержанія этого протестованнаго государства, которое безъ нашей помощи развалится,—сдѣлайте это, и вы не замедлите вкусить плоды вашего безумія и легковѣрія. По своему обычаю Австрія и въ нынѣшній разъ «изумитъ свѣтъ колоссальностью своей неблагодарности». Когда мы ее спасете, она найдетъ, что Нѣмецкій Союзъ организована совершенно удовлетворительно, чтобы служить ей орудіемъ, и въ чувствахъ этой удовлетворительности, всяческими интригами и насиліями постарается оставить Нѣмецкій Союзъ въ нынѣшнемъ его видѣ и отстранить всякую реформу, въ какомъ бы то ни было смыслѣ.

Вопросъ теперь не о томъ, защищаться ли намъ противъ вѣшнаго врага,— онъ не нападаетъ на насъ, не угрожаетъ намъ. его вѣтъ, развѣ мы сами сочинимъ его,—вѣтъ, вопросъ въ томъ, поддерживать ли намъ нынѣшнее гнилое положеніе, укрѣплять ли его намъ своею кровью на вѣковое униженіе и ослабленіе отечества.

IV. Вопросъ о войнѣ для Германіи (стр. 101—125).

Какое отношеніе Нѣмецкаго Союза къ Австріи въ случаѣ итальянской войны. пока эта война будетъ ограничиваться не нѣмецкими провинціями Австріи, не касаясь нѣмецкой границы? Ответъ на это совершенно простъ. Если граница Нѣмецкаго Союза будетъ перейдена непріятелемъ, союзъ обязанъ всѣми силами вооружиться на ее защиту; если же союзныя земли останутся неприкосновенными, то отъ Союза совершенно зависить, защищать или не защищать область одного изъ союзниковъ, находящуюся внѣ союза. Это ясно сказано въ 47 статьѣ союзнаго акта.

Итакъ дѣло зависитъ единственно отъ того, надобно ли считать опасностью для союзныхъ земель, когда австрійцы будутъ сражаться съ піемонтцами и французами въ долинахъ По, Минчіо и Ададжо, надобно ли въ этотъ случаѣ ограничиться только истребленіемъ для собственной защиты, или идти далѣе и помогать Австріи? Дѣло стоитъ внимательнаго изслѣдованія: крики газетъ и въ некоторыхъ палатахъ такъ запутали и исказили вопросъ, что надобно распутать его. Крикъ поднятъ такой, что подумалось, будто дѣло идетъ не о войнѣ на По, а о войнѣ на Рейнѣ; что арміи наоравляются во Франціи не на югъ, а на сѣверъ и востокъ; что дѣло оиъ помочь не сардинцамъ, а голландцамъ и бельгійцамъ, вторгающимся въ Германію. Австрія вѣнчаетъ свой цѣль, какъ хамелеонъ. Еще въ декабрѣ флагъ ея былъ верный съ желтымъ, чисто австрійскій, а теперь подкушенными въ Германіи газеты назвали на немъ такую широкую красную полосу, что онъ сталъ похожъ на трехцвѣтныи нѣмецкій флагъ, такъ долго бывшій подъ запрещеніемъ; а если нынѣшнее колебаніе продлится еще нѣскольکو мѣсцевъ, то можно ожидать, что красный цвѣтъ возьметъ рѣшительный перевѣсъ въ австрійскомъ знамени и нѣмецкій народъ съ удивленіемъ увидить, что Австрія всегда желала возстановить франкфуртскій парламентъ. Видъ *Allgemeine Zeitung* уже посылаетъ рукою любезные посылки нѣмецкимъ изгнанныкамъ. Нелѣпность провозглашаемаго теперь принципа лучше всего можно выказать, примѣняя къ не-нѣмецкимъ областямъ другія членовъ союза те понятія, каковы хотѣтъ заставить принять насъ. Королевство Датское, королевство Голландское находятся къ Германіи точно въ такомъ же отношеніи, какъ Австрія: меньшая часть ихъ областей и ихъ населенія принадлежатъ къ Нѣмецкому Союзу; другая, большая часть, не принадлежитъ Германіи; ихъ интересы противоположны интересамъ Нѣмецкаго Союза; большинство жителей въ государствахъ, какъ одно изъ цѣломъ, не принадлежатъ къ нѣмецкой національности. Но въ этомъ отношеніи Голландія и Данія все-таки поставлены выгоды, чѣмъ Австрія, потому что въ нихъ господствующее большинство по крайней мѣрѣ родственно съ нѣмцами. Теперь мы спросимъ каждаго изъ честныхъ нѣмцевъ, обольщаемыхъ лживостью подкупныхъ газетъ: чувствуютъ ли онъ на собою обязанность спѣшить на помощь Голландіи или Даніи, если непріятель будетъ грозить ихъ областямъ, не входящимъ въ Нѣмецкій Союзъ? Въ Голштейнѣ нѣмцы храбро сражались и были побѣждены и продолжать теперь тяжелую парламентскую борьбу, потому что Данія хочетъ уничтожить различіе между своими областями и уничтожить самостоятельность нѣмецкихъ герцогствъ. Развѣ не то же сдѣлала Австрія? развѣ она также не била въ одну кучу авидентъ и словаковъ, чеховъ и венгровъ, поляковъ и итальянцевъ, и притомъ еще безъ конституцій, безъ народного представительства.

Итакъ положеніе совершенно одинаково. Предположимъ теперь такой случаѣ: по повелѣнью Зувейской пошланы, гарнизированной Даніи трактатами, Сѣверная Америка, Англія и Россія нападаютъ на Данію; стануть ли увѣрять насъ, что подвизаясь бы вся Германія и послала бы своя войска защищать датскіе острова? Разумѣется, кто заговаривалъ бы объ этомъ, былъ бы объявленъ за сумасшедшаго. Но, говорятъ намъ,

опасность грозить нѣмецкимъ землямъ:—истинная дѣла французскъ на Рейнѣ. Если такъ, защищайте Рейнъ, твердо объявите, что нарушение неприкосновенности этой границы будетъ объявлениемъ войны Нѣмецкому Союзу, приготовьте, если хотите, войска. Это будетъ умно, если только наши опасенія основательны. Но держитесь же отъ него въ границѣ союзныхъ обязанностей, не переступайте ни на шагъ дальше ихъ. Развѣ Нѣмецкій Союзъ обязанъ постоянно напрягать свои силы для защиты провинцій, до которыхъ ему нѣтъ надобности, которыя только навлекаютъ на него ежеминутныя опасности и внушаютъ нѣкоторымъ членамъ Союза стремленію протавить его интересамъ? Время намъ, если не теоретически, то арактически рѣшить этотъ вопросъ. Съ нѣмецкаго мара еще ни одному солдату не нужно было братья за ружье для защиты отъ иностраннаго нападенія областей, принадлежащихъ къ Союзу. Но Союзъ долженъ былъ воевать противъ одного изъ своихъ членовъ, короля Датскаго. Пруссія вела войну въ своей области, не принадлежащей къ Нѣмецкому Союзу—въ Познани; Австрія вела ожесточенную войну въ своихъ областяхъ, не принадлежащихъ къ Союзу—въ Венгрии и Италіи. Кто страдалъ отъ всѣхъ этихъ бѣдъ и войнъ? Страдали нѣмецкія области, Нѣмецкій Союзъ. Всѣ столкновенія происходили отъ не-нѣмецкихъ областей и господство надъ этими областями было для Нѣмецкаго Союза только причиною растраты крови и денегъ, истощеніемъ слабости и внутренняго разстройства.

Если мы не воспользуемся нынѣшнимъ случаемъ для измѣненія такого парамъ дѣла, мы будемъ терпѣть попрежнему; а этотъ порядокъ дѣла не измѣнится, пока Нѣмецкій Союзъ будетъ по рукамъ и по ногамъ скованъ прикованными къ нему нѣмецкими областями, а отъ этихъ оковъ покрыты ранами его члены. Эти нѣмецкія области—вѣчныя фонтаны, вытягивающія изъ него жизненные соки, покрывающія его тѣломъ ядами. Эти наросты дикаго мяса не укрѣпляютъ, а расслабляютъ Германскій Союзъ, и истинно нѣмецкая, истинно національная политика первую задачу своею должна поставить осуществленіе единственнаго разумнаго принципа, говорящаго: никакая союзъ не долженъ имѣть владѣній, не принадлежащихъ къ союзу.

Въ послѣднее время дѣлали много воззваній къ нѣмецкому сердцу. Мы сдѣлаемъ воззваніе къ нѣмецкой головѣ, которая пользуется нѣкоторымъ уваженіемъ въ свѣтѣ. Уловить благоприятную минуту для осуществленія своей дѣли,—это главная задача политической практики. Отъ умѣнья уловить эту минуту зависяетъ успѣхъ дѣла. А по нашему живѣю, пора бы намъ убѣдиться изъ опыта, что въ спокойное время политическаго застоя не удалось намъ произвести ни вѣдѣннаго мѣншенія съ бѣдственнымъ положеніемъ Германіи, что только во времена вѣдѣнныхъ или внутреннихъ невзгодъ, войны или революціи, нѣмецкія правительства удостоивали общать отстраненіе этихъ бѣдствій, но брали назадъ свои обѣщанія, какъ только переставала опасность грозить имъ. Преобразование Нѣмецкаго Союза, его тѣснѣйшее сплоченіе должно служить единственнымъ рунательствомъ за неприкосновенность его границъ. Всѣ остальные полумѣры будутъ только жалкими замазываніемъ щелей, раскрывающихся все шире и шире подъ обманчивою замазкою. Потому и теперь, когда бѣдствіе низвергается на Австрію, намъ надобно воспользоваться этою благоприятною минутою, чтобы преобразовать Нѣмецкій Союзъ, установить его на новыхъ основаціяхъ. Вѣсто патристическихъ возгласовъ, вѣсто нашей довѣрчивости, съ которою отлагаютъ всякое улучшение внутреннихъ отношеній до будущаго времени, до того времени, когда пройдетъ бѣда,—вѣсто этой сѣдшій довѣрчивости мы требуемъ мужественной твердости, твердаго стремленія къ нашей собственной, ясно-сознанной дѣли; мы требуемъ, чтобы партія, которой дорого единство Германіи поставила это единство условіемъ для нѣмецкихъ правительствъ; чтобы она объявила, что пришло время дать дѣйствительное существованіе Нѣмецкому Союзу и ограничить его тѣми провинціями, въ которыхъ населеніе дѣйствительно составляютъ нѣмцы, тѣми областями, у которыхъ интересъ одинъ и тотъ же. Если серьезно захотѣтъ этого, легко теперь достать этого. А если мы отложимъ реформу до окончанія войны, то безъ особеннаго прораческаго дара можно предсказать, что единство Германіи снова останется ничтою до приневія новыхъ бѣдъ.

«Но договоры!—говорятъ наѣ.—Договоры должны быть охраняемы. Надобно

поражать того, кто нарушит ихъ. На этихъ договорахъ основанъ европейскій миръ. Горе тому, кто ихъ нарушитъ!»—Но мы напрасно уславляемся считать эти договоры ненарушенными. Напрасно мы искали въ вѣнскомъ и парижскихъ трактатахъ Бельгійскаго королевства,—оно существуетъ только по нарушенію этихъ договоровъ, нарушенію, жертвою котораго былъ одинъ изъ членовъ Нѣмецкаго Союза, голландскій король, защищать котораго не думалъ никто, въ томъ числѣ и Нѣмецкій Союзъ. А король голландскій точно такой же членъ Союза, какъ императоръ австрійскій, и владѣніе Бельгією было гарантировано ему тѣми же трактатами и съ такою же торжественностью, какъ императору австрійскому владѣніе итальянскими провинціями; и все-таки Бельгія отторглась отъ него въ противность договорамъ и, надобно замѣтить, отторглась только благодаря также французскому вѣнательству. Если бы Франція не положила на вѣсы свою шпагу, то Голландія навѣрное подавила бы Бельгію.

Чтожь послѣ этого, трактаты 1815 года можно назвать ненарушенными и ненарушаемыми?

Мы уже говорили, что ихъ нарушала и сама Австрія. Въ вѣнскомъ трактатѣ мы находимъ Краковскую республику. Австрія прибрала ее къ своимъ рукамъ, несмотря на высылъ протестаціи Франціи и Англіи, и теперь мы находимъ только австрійскій провинціальный городъ Краковъ безъ всякаго слѣда самостоятельности.

Чтожь послѣ этого, трактаты 1815 года можно изнать ненарушенными и ненарушаемыми?

Во Франкфуртскомъ парламентѣ засѣдали депутаты Шлезвигъ, Восточной Пруссіи; и Германскій Сѣвъ, и Франкфуртскій парламентъ торжественно объявили, что эти области принадлежать къ Германскому Союзу. По договорамъ 1815 года, напротивъ, онѣ не принадлежать къ нему.

Чтожь послѣ этого, трактаты 1815 года можно назвать ненарушенными и ненарушаемыми?

По договорамъ 1815 года родъ Бонапарте навѣки изгнанъ изъ Франціи и всѣ державы обязались изгнать его изъ Франціи, если будетъ нужно вооруженною силою. Всѣ державы оффіціально признали и продолжаютъ признавать новую Французскую имперію.

Договоры 1815 года гарантируютъ, что Швейцарія должна сохранять то устройство, какое получила въ 1815 году. Швейцарскій народъ совершенно измѣнилъ это устройство. Всѣ державы признали этотъ переворотъ.

Чтожь послѣ этого, трактаты 1815 года можно назвать ненарушенными и ненарушаемыми.

Полноте же лицемерить!

Мы знаемъ теперь, какъ произошли эти трактаты; мы знаемъ, какія оружны тутъ дѣйствовали, и знаемъ жалкій результатъ ихъ, такъ называемое европейское равновѣсіе, которое ежеминутно колеблется и ничего не уравновѣшиваетъ. Даже Гизо, этотъ закисѣлый доктринеръ, признается въ своихъ мемуарахъ, что эти трактаты были бѣдствіемъ для Европы.

Трактаты, подобно законамъ, служатъ выраженіемъ вѣстной эпохи, бываютъ произведеніемъ вѣстнаго отношенія партій или государствъ, которое можетъ быстро измѣняться. На вѣнскомъ конгрессѣ дѣйствовали только династическіе интересы и дипломатическія взятки. Но послѣ того народная жизнь шла впередъ гигантскими шагами, и она, въ томъ вѣтъ сомнѣнія, требуетъ новаго выраженія, новой одежды для тѣла, въ которомъ движется. Сознаніе національности повсюду развивается неудержимо, и раньше или позже разорветъ тѣло, наложенныя на національности трактаты.

Въ движеніи, глубоко взволновавшемъ теперь Германію и усиливающемся съ каждымъ днемъ, прекрасная и возвышенная сторона является въ искаженіи нечистыми элементами. Возвышенную сторону движенія составляютъ національное чувство, потребность единства, сознаніе необходимости для Германіи имѣть самостоятельную политику. Возвышенную сторону его составляетъ сближеніе при мысли объ угрожающей опасности, хотя бы мнимой, требованіе общихъ мѣръ, которое отчасти возникаетъ изъ народа, къ

которому почти равномерно примкнули все политическія партіи, между тѣхъ какъ правительства неохотно поддаются господствующему направленію. Это движеніе свидѣтельствуетъ, что событія 1848 года не остались безъ энергичнаго слѣда; оно показываетъ, что потребность единства, товарищеская въ Германіи съ потребностью свободы, находится отголосокъ въ сердцѣ народа.

Въ этомъ отношеніи мы совершенно сочувствуемъ нынѣшнему движенію; мы призываемъ къ соединенію силъ противъ всякаго нападенія на Германію. Но мы не хотимъ, чтобы этотъ призывъ служилъ средствомъ для своекорыстныхъ цѣлей; мы хотимъ сорвать маску съ лицемѣровъ, показать имъ, что умѣемъ различать искреннюю потребность отъ преступной спекуляціи на народномъ довѣріи.

Мы видимъ, что подъ этия скрывается нечистый элементъ ультрамонтанизма. Съ той поры, какъ Австрія отказалась отъ принциповъ Іосифа II и засіяла на черномолотомъ небѣ звѣзда конкордата, взоры всей ультрамонтанской партіи обращены на Австрію; изъ Австріи получаютъ она свои дозвуси, австрійскіе обскуранты управляютъ ею въ Баваріи, Верхней Швабіи, Вестфаліи. Въ католическихъ земляхъ сильнѣе всего развилось нынѣшнее движеніе. Манифестація вартебургской палаты депутатовъ были возбуждены двумя депутатами изъ Верхней Швабіи. Слишкомъ знаменитый Кеттелеръ, епископъ майнцскій, увѣщаваетъ своими пастырскими посланіями католическое духовенство поддерживать вѣмцковъ движеніе. Все ультрамонтанскіе агитаторы твердятъ, что Германія одва и тоже съ Австріей, Австрія одно и тоже съ нами, и призываютъ защищать Германію, для того, чтобы защитить конкордате.

Какая забота о Германіи у этихъ изчадіи Рима? Они просто дѣйствуютъ въ пользу конкордата, посредствомъ котораго господствуютъ надъ Австріей и хотять господствовать надъ Германіей. Пусть нынѣшнее движеніе защититъ Австрію отъ иностраннаго нападенія, поддержитъ и укрѣпитъ ее, и мы увидимъ, что оно будетъ обращено въ пользу ультрамонтанской партіи, увеличить вліяніе Австріи, а Австрія будетъ дѣйствовать въ пользу ультрамонтанской партіи и вѣмцкой Сеймъ снова будетъ служить орудіемъ для подавленія свободы совѣсти. Можеть ли быть такова наша цѣль? можемъ ли мы хотять сами налагать на себя руки, отдаваться во власть врагу рода человеческого? Намъ твердятъ о непримиримыхъ врагахъ Германіи—французамъ. Въ какомъ номерѣ *«Allgemeine Zeitung»* проповѣдуется о нихъ; но вѣтъ ли одного слова о томъ гнусномъ чудовищѣ, которое хотеть погубить всего рода человеческого. Разумѣется, *«Allgemeine Zeitung»* не станетъ говорить о немъ, она его совоиница, или вѣрнѣе сказать, она его рабыня. Но мы еще не продавались ему и не хотимъ погибла свободной мысли; мы должны предостерегать отъ черныхъ фигуръ, вѣншающихся въ нынѣшнее движеніе; мы должны разоблачить ихъ и спросить вѣмцевъ, неужели они хотять слѣдовать по пути, по которому желаютъ вести ихъ эти черныя люди; мы должны спросить вѣмцевъ, не лучше ли намъ приберечь свои силы и свое одушевленіе для лучшаго дѣла?

Мы видимъ также, что поднимается изъ исторической тины старинное французское съ оребичившихся отъ старости Аридоми и Петромъ Пустынникомъ тевтономаніи Яномъ; она снова начинаютъ пѣть старую пѣсню о вѣмцкой Рейнѣ. Поднимается даже крикъ о завоеваніи Эльзаса и Лотарингіи, какъ вѣмцкія земли, и, чего добраго, не ныче—завтра появится какой нибудь ученый господинъ съ силлогизмомъ, совершенно основательнымъ: Карлъ-Великій былъ вѣмецъ, слѣдовательно и все земли, которыми онъ владалъ, должны быть возвращены къ Германіи. Но шутки въ сторону. Французы мечтаютъ о рейнской границѣ; но отъ мечты до осуществленія далеко, и разсудительные люди хорорю понимаютъ, что надежда на осуществленіе французской мечты можеть существовать только до тѣхъ поръ, пока Германія вѣдетъ 34 различныхъ правительства и пока главѣйшія изъ этихъ правительствъ, господствующія на вѣмцкомъ Сеймѣ, имѣютъ существенные интересы внѣ вѣмцкаго Союза. Когда будетъ существовать истинная Германія съ единствомъ интереса и твердой организаціей, рейнская граница будетъ совершенно безопасна.

Принципъ національности драгоцѣненъ для насъ; но принципъ свободнаго рѣшенія народомъ своей судьбы, — еще драгоцѣннѣе. Эльзасъ—вѣмцкая страна, и можно

жалеть о томъ, что раздробленность Германіи была причиною потери этой провинціи. Но не должно забывать, что должно пройти много поколѣній прежде, чѣмъ эта страна захочетъ присоединиться къ Германіи. Я много разъ по-долгу жила въ Эльзасѣ, у меня есть близкіе друзья во всѣхъ его городахъ, во всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ политическихъ партияхъ; и никогда, даже въ эпоху самой горячей борьбы противъ французскаго правительства или въ защиту нѣмецкихъ правъ и языка отъ вторженія французскихъ элементовъ, никто изъ нихъ не слышалъ въ дѣлѣ Эльзасъ ни малѣйшаго желанія отдѣлиться отъ Франціи и присоединиться къ Германіи. Стоитъ только напомнить объ этомъ, и умолкаютъ всѣ жалобы на невыносимое бремя податей, на бесчестный чиновничій деспотизмъ, на французскую надменность и шарлатанство. Это можетъ быть печальнымъ свидѣтельствомъ о томъ, каково состояніе Германіи; но никто не можетъ отрицать истину этого свидѣтельства. Такое настроеніе умовъ въ Эльзасѣ можетъ служить для насъ примѣромъ того, каковъ глубокое чувство возбуждается въ народѣ сознаніемъ своей принадлежности къ единому и великому дѣлу.

Наконецъ основною причиною нынѣшняго движенія я назову нашъ старый наслѣдственный грѣхъ, наслѣдованное нами еще отъ кимвровъ и тевтоновъ расположеніе стремиться за Альпы и господствовать въ Италиі. Эта ошибка въ теченіи многихъ столѣтій, съ самыхъ Среднихъ вѣковъ губила наши лучшія силы, истощала нашу кровь. Отъ усилій господствовать въ Италиі,—да, только отъ этихъ усилій погибло политическое могущество нѣмецкой націи; а все еще мы не исцѣлились отъ этой старой болѣзни. Въ доказательство мы приведемъ отрывокъ изъ письма, помѣщенного въ *Allgemeine Zeitung*, 6 марта. «Впечатлѣнія, производимыя на нѣмца путешествіемъ въ Ломбардію, различны, смотря на различію въ настроеніи его мыслей. Мы вывели изъ Италиі совершенно не такія впечатлѣнія, какъ г. Витте¹⁾; главнѣйшее изъ нихъ то, что нѣмецъ въ Ломбардіи чувствуетъ себя членомъ владычествующей націи; это чувство такъ рѣдко, оно такъ мало пробуждается въ другихъ посѣщаемыхъ нами странахъ, что становится вдвойнѣ радостно для насъ, тѣмъ болѣе, что служить свидѣтельствомъ моральнаго превосходства нашей націи». Поздравляемъ васъ, надменныя плутицы, съ такимъ сердечнымъ наслажденіемъ отъ владычества надъ рабами. У васъ сіяетъ лицо пошлымъ восторгомъ отъ мысли поработать другихъ. Мы не разделяемъ этого чувства, мы не понимаемъ наслажденія, съ которымъ плантаторъ топчетъ ногу негра; мы не хотимъ быти ни поработенными, ни поработителями.

Опомнимся же отъ этого гогенштауфенскаго сукабродства и габсбургскаго пидюства. Есть хорошая французская поговорка: *il faut laisser l'Allemagne aux Allemands*—«оставьте Германію нѣмцамъ»,—будемъ же нѣтъ нужство сказать: оставимъ Италию итальянцамъ. Мы еще не выбили изъ своей головы средневѣковаго варварства; отбросимъ его, подобно другимъ средневѣковымъ нечистотамъ, и будемъ благодарить небо, если закроется могила, въ которой до сихъ поръ каждый годъ, каждый день, каждый часъ, хоронили мы нѣмецкую силу, нѣмецкое богатство и нѣмецкое политическое могущество.

V. заключеніе (стр. 126—134).

Безъ войны не разрешатся вопросы, поднимающіеся нынѣ со всѣхъ сторонъ, не удовлетворятся стремленія дать Европѣ болѣе разумное устройство. Безъ войны Германія не можетъ получить болѣе плотнаго единства, отвязаться отъ своихъ нѣнѣмецкихъ приставковъ и прибѣрести такимъ образомъ политической силы; Италиа также не можетъ безъ войны достигъ того, чтобы составить національную федерацію и свергнуть австрійское иго; не можетъ и Венгрія достигъ осуществленія своего стремленія къ самостоятельности; не могутъ южные славяне и румыны достигъ національной орга-

¹⁾ Витте, прусакъ, помѣстивъ въ одной изъ прусскихъ газетъ рядъ писемъ изъ Италиі, проинициуиъ тою мыслью, что насильственное владычество австрійцевъ въ Ломбардіи дѣйствуетъ самымъ грустнымъ образомъ на нѣмцевъ съ благо однимъ образомъ мыслей.

низации. Безъ войны, безъ совершеннаго истощенія противника къ тому державѣ, невозможно такое преобразование и потому спокойствіе Европы не установится, пока не будутъ разрѣшены эти вопросы. Война должна начаться не нынѣ, завтра. Конгрессъ можетъ лишь отсрочить ее на нѣсколько мѣсяцевъ, но не устранить ее.

Итали ны ожидаютъ войны и думаютъ, что она будетъ гораздо лучше нынѣшняго тревожнаго положенія, отъ котораго національное богатство страдаетъ больше, нежели страдало бы отъ войны. Но кто же будутъ противники и каковы результаты можно ожидать, если война вспыхнетъ, какъ теперь предполагаютъ, по вопросу объ итальянскихъ провинціяхъ Австріи? На одной сторонѣ будутъ Франція и Пьемонтъ, на другой Австрія. Обѣ стороны имѣютъ хорошія войска, хорошихъ генераловъ, почти одинаковое число жителей, и потому война будетъ упорна, быть можетъ першительная. Австрія самое упрямое изъ всѣхъ континентальныхъ государствъ. Постоянно побѣждаемая Наполеономъ, она ностоянно выводила новыя арміи и переживала новыя пораженія. Въ оборонѣ она всегда была также упорна, какъ французы неудержимы въ наступленіи.

Война можетъ имѣть три случая. Во-первыхъ, если Австрія будетъ побѣждена она потеряетъ всѣ Ломбардо-Венеціанскія земли и будетъ отброшена на Тальяменто. Можетъ ли быть результатъ благопріятнѣе этого? Мы хотимъ независимости Италіи, мы убѣждены, что возвращеніе Италіи естественныхъ границъ будетъ залогомъ спокойствія въ Европѣ, какъ теперь служатъ для Европы источниками волненій. Промышленный классъ долженъ обратить вниманіе на наши слова. Онъ боится революціи; революція перестанетъ грозить Германіи только тогда, когда Германія будетъ отдѣлена альпійскою стѣною отъ Италіи.

Но, говорятъ намъ, вѣсто австрійцевъ станутъ господствовать въ Италіи французы. Франція увеличится, почерпнетъ новыя силы въ этой войнѣ, и Германія своимъ должна будетъ бояться за свою рейнскую границу. Мы отвѣчаемъ: Франція достигнетъ побѣды только съ крайнимъ напряженіемъ силъ, и пройдетъ много лѣтъ прежде, чѣмъ она оправится отъ этого истощенія. Италія долге еще будетъ занята внутренними вопросами, если сдѣлается самостоятельной, и Луи-Наполеонъ ограничится тѣмъ, что возвратитъ ей независимость. Потому и въ этомъ случаѣ союзъ съ Италіею вовсе не увеличитъ силу Франціи въ наступательной войнѣ. Но, говорятъ намъ, Луи-Наполеонъ не удовольствуется освобожденіемъ Италіи, онъ хочетъ завоеваній. Мы этому не вѣримъ. У насъ есть примѣръ противнаго въ крымской войнѣ, и мы оставимъ тѣмъ спокойнѣе, что послѣ нѣсколькихъ хорошихъ битвъ другія державы навѣрное не останутся праздными зрительницами и выйдутъ изъ дѣла, чтобы не дозволить Франціи слишкомъ расширить своихъ границы.

Но предположимъ, даже, что, противъ всякой вѣроятности, Франція оставимъ бы за собою накіи нибудь области на югѣ или на сѣверѣ Италіи. Неужели могущество Франціи увеличилось бы отъ этого прибрѣтенія? Посмотрите на Римъ. Французы въ Римѣ ненавидятъ точно такъ же, какъ австрійцы въ Ломбардіи. Между римлянами и ими не установилось ничего. похожего на дружбу, ни одна партія не сочувствуетъ имъ, всѣ желаютъ ихъ удаленія. Если бы Франція захотѣла явиться въ Италіи завоевательницею, она стала бы въ Италіи точно въ такое же отношеніе, какъ Австрія. Ея силы безплодно истощались бы на охраненіе завоеванныхъ областей; при малѣйшемъ поводѣ въ нарушенію мира она стала бы трепетать за эти провинціи, какъ трепещетъ Австрія; въ случаѣ войны, ей постоянно грозило бы возстаніе, а ея оборонительная линія страшно растянулась бы, такъ что трудно было бы ей защищаться. Да, съ самой узкой нѣмецкой точки зрѣнія, надобно было бы желать, чтобы французскій волкъ схватилъ въ пасть итальянскую козю, о которую притупился бы его зубы. Итакъ мы не боимся французскихъ завоеваній въ Италіи, хотя въ интересѣ самой Италіи вовсе не желаемъ ихъ.

Предполагаемый второй случай, что побѣдятъ австрійцы. Мы твердо убѣждены, что нынѣшняя французская система не можетъ пережить пораженія; она должна была бы или упасть отъ революціи, или совершенно измѣниться, допустивъ расширеніе внутренней свободы. Та и другая перемѣна была бы выгодна для Европы и Германіи.

Предположим наконец третій случай, что война будет тянуться перѣшительными образомъ, и обѣ противныя стороны должны будутъ напрягать всѣ свои силы въ долгой борьбѣ. Каковъ былъ бы результатъ? Франція истощилась бы; Австрія разорилась бы, ей грозило бы распадѣніе, она была бы принуждена опереться на Германію и сдѣлать ей всѣ уступки, требуемыя нѣмецкими интересами. Такимъ образомъ вѣнскій врагъ и внутренний врагъ сдѣлался бы равно безсильнымъ и безвреднымъ.

Но пора намъ высказать выводъ. Мы видѣли, что Австрія опасѣйшій внутренний врагъ Германіи, мы видѣли, что будущность Германіи можетъ улучшиться только въ раздробленіи Австріи. Мы видѣли, что Европа только тогда приобрететъ спокойствіе, лучшее для ея внутреннего развитія, когда уничтожатся вѣтхонатурныя отношенія, установленныя трактатами, замѣнившись естественнымъ распредѣленіемъ національностей по государствамъ. Мы убѣдились, что принципъ національности составляетъ теперь требованіе европейскаго права. Мы убѣдились, что пришло время, когда Германія можетъ приобрести себѣ національное устройство, если только будетъ дѣйствовать разумительно, и при этомъ условіи можетъ приобрести политическую самостоятельность въ Европѣ. Мы видѣли, что каковъ бы ни былъ исходъ борьбы между Австріею и Франціею, во всякомъ случаѣ онъ будетъ выгоденъ для внутреннего развитія и политическаго будущности Германіи.

Таковы наши выводы.

Неужели же мы пожертвуемъ всѣми своими интересами въ безсмысленной ослѣпени и фальшивой патріотизмъ? Неужели мы сами усалимъ и возвеличимъ нашего внутреннего врага, чтобы онъ тѣмъ сильнѣе вредилъ намъ впослѣдствіи? Неужели католическіе обскуранты рѣдять насъ истощить всѣ наши силы для того, чтобы отравить нашу будущность, отнять у себя возможность свободнаго развитія, потерять драгоценнѣйшее наше благо—свободу мысли и совѣсти? Гдѣ же та разумительность, за которую прославляли нѣмецкій народъ, которая всегда была и достоинствомъ и недостаткомъ его?

Никакой договоръ не долженъ оставалывать народа отъ устройства своихъ внутреннихъ дѣлъ сообразно съ его желаніями. Такъ отъѣхала Бельгія, такъ сдѣлала Швейцарія, такъ сдѣлала Франція,—неужели одна Германія не имѣетъ ни права, ни силъ поступить такимъ же образомъ?

Пусть всѣ газеты, пусть всѣ палаты, пусть каждый нѣмецъ требуетъ преобразованія Нѣмецкаго Союза. Государства Нѣмецкаго Союза не должны имѣть выкакивать провинцій внѣ Германіи. Нѣмецкій Союзъ долженъ имѣть представительное правленіе и быть однимъ политическимъ цѣлымъ въ иностранной политикѣ. Одинъ народъ, одно государство, одна армія.

Если мы достигнемъ этого, если мы успѣемъ соединиться, намъ не будутъ страшны тогда никакіе вѣнскіе враги. Намъ проповѣдуютъ теперь политику страха. Безъ помощи Австріи, вы потеряете Рейнъ, говорятъ намъ. Помогайте Австріи на По, чтобы она помогла вамъ на Рейнъ. Но мы говоримъ: пусть соединяются нѣмцы. Если мы соединимся, намъ не нужно будетъ бояться никого въ свѣтѣ; а пока мы раздроблены, пока мы связаны съ чехами, поляками, венграми, кроатами, итальянцами, мы будемъ обрѣдаемы всякимъ врагомъ.

В. Извлеченіе изъ рѣчи Кошута по поводу итальянскаго вопроса, на митингѣ въ лондонской Сити, 19 (7) мая. (Изъ *Times*).

Г-нъ Кошутъ былъ встрѣченъ громкими и продолжительными аплодисментами и сказалъ:

«Туча, собиравшаяся болѣе 40 лѣтъ и переполенная электричествомъ, наконецъ начала извергать громы. При такомъ положеніи дѣлъ Англія должна занять положеніе безпристрастнаго нейтралитета и строгаго вынѣмательства. Если она своимъ участіемъ не придастъ усиленнаго направленія естественному ходу событій, то я жду отъ начавшейся теперь войны пользы для націи, которой принадлежатъ всѣ стремленія моего сердца. Такое ожиданіе происходитъ не отъ минутнаго увлеченія, оно

основано на той безспорной аксиомѣ, что бѣдствіе угнетающаго представляетъ шмъсь избавленія угнетенному. Францъ Іосифъ вовлеченъ въ войну: думалъ объ относительномъ положеніи воюющихъ сторонъ и о стратегическихъ необходимостихъ, которыя должны развиться въ продолженіи войны, и пришло къ заключенію, что скоро освобожденіе будетъ возможно для вѣкоторыхъ изъ числа національностей, угнетаемыхъ Австріею. Это угнетеніе составляло величайшее изъ европейскихъ бѣдствій и безъ его уничтоженія могутъ быть только придушеныя разныя искусственныя комбинаціи для временнаго прикрытія нехвѣности политическаго устройства Европы, но не возможно мирное и прочное устройство европейской политической системы. Британское правительство дало торжественное обязательство, что не вѣщается въ войну на полныя, на косвеннымъ образомъ и будетъ держаться строгаго нейтралитета. Это хорошо, но я долженъ выразить желаніе, чтобы принципъ нейтралитета получалъ характеръ прочнаго правила, не подверженаго случайнымъ отклоненіямъ, а для этого необходимо общественному мнѣнію высказаться ягше, чтобы не осталось сомнѣнія о смыслѣ, какой англичане хотѣтъ придать нейтралитету. Нейтралитетъ—общее выраженіе; онъ долженъ получить опредѣлительный смыслъ, который будетъ имѣть только тогда, когда ясно будетъ, на чьей сторонѣ стало бы англійское правительство въ томъ случаѣ, если бы не осталось нейтральнымъ. Я не читалъ ни одного официальнаго или полуофициальнаго объявленія, которое показывало бы, что Англія сочувствуетъ Франціи; но читалъ много такихъ объясненій, изъ которыхъ оказывалось, что для вышшаго правительства выборъ былъ только между нейтралитетомъ или союзомъ съ Австріею. Говорили также, что Англія останется нейтральною, но будетъ сидѣть на тѣни, какой оборотъ примутъ событія, а между тѣмъ вооружается, чтобы можно ей было отразить нашествіе на свои границы. Но на Англію не нападетъ никто, если она сама не вступается въ войну. Между тѣмъ, мы имѣемъ признаки для того, чтобы предугадывать, чего хочетъ англійское правительство; намъ говорятъ, что если французскій флотъ вступитъ въ Адриатическое море, то интересъ Англіи требуетъ воспротивиться ему; что если французы нападутъ на Венецію, то интересъ Англіи требуетъ защитить ее. Отъ чего же защитятъ? Отъ великаго несчастія быть освобожденной изъ подъ австрійскаго деспотизма? Есть предрассудки, которые влекутъ Англію въ войну, если она не отвергнетъ ихъ. Изъ этихъ предрассудковъ главные происходятъ отъ ошибочнаго поведенія итальянскаго вопроса, отъ уваженія къ трактатамъ 1815 года, отъ дипломатической фразы объ ограниченіи театра войны опредѣленною кѣстностью и отъ величайшей изъ всѣхъ политическихъ ошибокъ—отъ мнѣнія, будто существованіе Австрійской имперіи необходимо для сохраненія европейскаго равновѣсія. Итальянскій вопросъ возникаетъ не просто отъ дурнаго управленія, онъ не таковъ, чтобы его можно было устранить своевременнымъ уступкомъ или реформою. Это вопросъ о національности, и потому сущность его практическаго разрѣшенія состоитъ въ совершенномъ и окончательномъ изгнаніи австрійцевъ изъ Италіи, такъ, чтобы имъ нельзя было туда воротиться. Потому сдѣлки тутъ невозможны. Или австрійцы должны быть окончательно изгнаны изъ Италіи, или итальянскій вопросъ будетъ появляться вновь. Только истребленіе итальянцевъ можетъ упорочить австрійское господство въ Италіи, а народъ, состоящій изъ 26,000,000 нельзя истребить. Въ доказательство того, что это вопросъ о національности, надобно вспомнить, что въ 1846 году жителя Падской Области, при всей невыносимости своихъ частныхъ страданій, объявляли, что вопросъ о ихъ правительствѣ—дѣло второстепенное. Общій итальянскій вопросъ, говорили они, составляетъ главную сторону дѣла, и главнѣе изъ него неудовольствіе противъ папскаго правительства состоитъ въ томъ, что оно поистинѣ себѣ Австрія. Поэтому въ 1848 году вся Италія соединилась противъ австрійцевъ, и когда независимость была предложена Ломбардіи, миланцы объявили, что не хотятъ отдѣлаться своей судьбой отъ судьбы Венеціи. Они сражались не за Ломбардію, а за Италію. Поэтому и цизогонцы, хотя своей судьбой и были довольны, съ радостью подверглись опасностямъ, страданіямъ и пожертвованіямъ великой войны. Республиканцы присоединились къ королю, написавшему на своемъ знамени «независимость Италіи». Тоскана подчинилась сардинскому морару и французымъ вѣстрѣмамъ

восторгомъ. Во всѣхъ переговорахъ, предшествовавшихъ объявленію войны, была со стороны британскаго правительства та ошибка, что оно смотрѣло на это дѣло, не имѣя на вопросъ о національности, а какъ на такой вопросъ, который можетъ быть разрѣшенъ безъ изгнанія австрійцевъ, если только они обяжутся не входить во вступленія дѣла другихъ государствъ полуострова.

О трактатахъ 1815 года надобно сказать, что исторія слѣдующихъ 44-хъ лѣтъ была непрерывнымъ протестомъ противъ этихъ трактатовъ. Всѣ ихъ статьи, благоприятныя для свободы, нарушались континентальными правительствами, и Англія не вѣдала этому; неужели теперь она возьмется за оружіе, чтобы защищать неприкосновенность этихъ трактатовъ въ пользу Австріи, которая годится только для того, чтобы распространять иракъ и увѣковѣчивать рабство?

Теперь надобно перейти къ тому, что дипломаты называютъ ограниченіемъ войны. Это выраженіе значитъ, что война не должна переходить за границы Италіи. Но если австрійцы отступаютъ за Тальяменто, которымъ Ломбардіи отдѣляется отъ ихъ другихъ владѣній, то неужели французы и сардинцы не должны преслѣдовать ихъ, и неужели Австрія, ведя войну, должна пользоваться всѣми выгодами нейтралитета?

Какой выводъ изъ этихъ соображеній? Безполезно разсуждать о томъ, что должна будетъ дѣлать Англія, если французы вторгнутся въ рейнскую Германію, потому что императоръ французовъ вовсе не хочетъ раздражать Германію и Англію. Истинный вопросъ въ томъ, должны ли англичане своею кровью и своими деньгами гарантировать Австрію принадлежующему нейтралитету въ ея областяхъ, лежащихъ въ Италіи? Должны ли англичане бросаться въ ужасы войны для защиты Австріи отъ военныхъ дѣйствій, которые, не нарушая народнаго права, могутъ предпринимать противъ нея противники? Если англичане не хотятъ этого, они не должны довольствоваться неопредѣленными общими фразами, а должны внушить своему правительству, что ограничится ли война бассейномъ По, или распространится на другія австрійскія области, Англія все равно не должна принимать въ ней участія. За что англичанамъ защищать Австрію? Ее называютъ вѣрною союзницею Англіи; она была на постоянной пенсіи Англіи, въ ея бездонный карманъ постоянно бросались милліоны, собранные съ англійскаго народа; но исторія не говоритъ, чтобы Англія получала какія либо выгоды отъ нея.

Говорятъ, будто цѣлость Австрійскаго имперія необходима для сохраненія политическаго равновѣсія. Я не буду разсматривать этой кабаллистическаго абракадабры «политическое равновѣсіе», этого Молоха, которому такъ долго приносили въ жертву справедливость, политическую нравственность и свободу націй; я только скажу, что искусственныя государства, лишеныя органическаго единства и гармоніи, служатъ не къ предупрежденію, а къ возбужденію войны. Противъ чьего перевѣса должна служить оградою Австрія? Если бы Австрія не владѣла Италіею, не было бы итальянскаго вопроса. Австрія не оплотъ европейскаго равновѣсія, она Дамокловъ мечъ, грозящій спокойствію Европы. Пусть она исчезнетъ въ пучинахъ вѣчной гибели, разверзающейся для нея, и тогда, если и будутъ частныя перевороты, то не будетъ уже нарушаться спокойствіе всей Европы. Нація, собранная въ искусственную массу, называемую Австріей, имѣютъ внѣшательныя элементы могущества, но ошибочно заключать изъ этого, что Австрійскаго имперія могущественна. Если всѣхъ этихъ націй будетъ позволено возвратитъ свою національную самостоятельность, они дѣйствительно составятъ оплоты для независимости Европы. Но въ настоящее время Австрія не оплотъ Европы, а слабѣйшій пунктъ Европы.

Говорятъ, что если бы итальянцы или другія угнетенныя націи дѣйствовали отъ Англіи не было бы нужды вмешиваться, но вмешательство французовъ измѣняетъ дѣло. Говорятъ, что императоръ французовъ дѣйствуетъ только съ честолюбивыми цѣлями и что для національностей нѣтъ выгоды имѣть одного господина на другаго. Я отвѣчаю на это, что почти не было прижѣтовъ, когда бы народъ пріобрѣталъ свободу безъ помощи иностранцевъ. Самой Англіи помогали при возвращеніи свободы 15 000 голландскихъ солдатъ и голландскій флотъ изъ 500 вымпеловъ, съ которыми при тѣхъ на помощь ея Вильгельмъ Оранскій. Постоянно были вмешательства противъ

свободы; но Англія никогда не вооружалась, чтобы остановить ихъ; неужели она теперь начнетъ войну, чтобы остановить виѣшательство, происходящее въ пользу свободы? По какимъ побужденіямъ императоръ французовъ началъ эту войну, я не знаю; но я знаю, что было бы противно его выгодамъ и потому не входитъ въ его наміренія. Его выгодамъ было бы противно стремленіе къ завоеваніямъ, потому что оно послужило бы погибелью для него, какъ послужило погибелью для Наполеона I. Если въ слѣдствіе событій, возникающихъ изъ этой войны, откроется моему отечеству возможность возвратити себѣ независимость, неужели я долженъ былъ бы совѣтовать венграмъ отвергнуть независимость только потому, что ее предлагаетъ имъ Бонапартъ? Нѣтъ, Венгрія такъ далека отъ Франціи и настолько сильна, что не можетъ сдѣлаться французскимъ департаментомъ. А если итальянцы, получивши черезъ французское виѣшательство возможность организоватьъ и вооружиться, не счѣтутъ въ случаѣ надобности защититься отъ своихъ друзей, то они покажутъ, что не заслуживали свободы.

Іюль 1859.

Похвала миру.—Сраженіе при Маджентѣ и Сольферино.—Причины слабости австрійской арміи.—Причина, по которой былъ заключенъ миръ.

Итакъ, миръ!—миръ, заключенный съ такою быстротою, или лучше сказать, торопливостью, что долго не могли опомниться отъ этого внезапнаго, скоростипжнаго факта люди, вѣрившіе въ серьезность войны, то есть девять человѣкъ изъ десяти, читающихъ газеты и разсуждающихъ о политикѣ. Даже и мы, бывшіе изъ числа тѣхъ немногихъ, которые съ самаго начала утверждали, что дѣло ведется только для развлечения французовъ побѣдоносными фейерверками и должно прекратиться немедленно по „увѣнчаніи французскаго оружія“ достаточнымъ числомъ „лавровъ“,—даже и мы, сознаваясь, не предполагали, чтобы наше мнѣніе оправдалось такъ скоро, чтобы такъ послѣдшю обращены были силою совершившагося факта къ принятію нашего взгляда люди, которые не отстали отъ навной привычки измѣрять вѣроятности будущаго только благородствомъ собственныхъ желаній, а не искать мѣрила для результатовъ извѣстнаго дѣла въ характерѣ, въ потребностяхъ и намѣреніяхъ дѣателей, отъ которыхъ зависитъ судьба дѣла. Надѣемся, теперь перестанутъ осуждать насъ за то, что мы оставались холудны, недоувѣрчивы, не полагались на прокламаціи, не ждали отъ войны ничего, кромѣ бойни на поляхъ сраженій, ампутацій и тифа въ госпиталяхъ, триумфальныхъ процессій въ Парижѣ, да увѣнчанія лаврами французскаго оружія.

Да, миръ, по которому Австрія остается владычицею Венеціи, владѣтельницаю крѣпостей на Адиге и Миначіо, дающихъ военное господство надъ всей сѣверной Італіею,—миръ, по которому единство Італіи создается въ формѣ итальянской конфедераціи подѣ предѣдательствомъ паны, то есть, подѣ формою еще безсильнѣйшею, нежели нѣмецкій союзъ,—миръ, по которому членомъ этой конфедераціи становится Австрія, то есть, невормальное тяготивіе ея надѣ другими итальянскими государствами посредствомъ тайныхъ трактатовъ и незаконнаго занятія крѣпостей войсками, — шаткое господство это замѣняется открытымъ, нормальнымъ господствомъ надѣ ними, посредствомъ законной формы, гарантируемой Европою.—миръ, по которому Сардинія получаетъ область, не довольно большую для того, чтобы дать ей

силу стоять одной противъ Австріи, но достаточно большую для того, чтобы Австрія не могла забыть этой потерн и постоянно искала случая возратить ее, имѣя готовый ключъ къ тому въ своихъ крѣпостяхъ на Минчіо и Адидже, то есть, такой миръ, по которому Сардинія изъ безопаснаго и потому самостоятельнаго государства становится вассальнымъ владѣніемъ Франціи, у которой безусловнымъ послушаніемъ должна покувать милостивое покровительство, служащее для нея защитой отъ Австріи,—итакъ миръ, по которому къ прежнему игу, австрійскому, присоединяется еще новое иго, французское.

Да, таковъ исходъ борьбы, воодушевлявшей пылкими надеждами людей, слишкомъ довѣрчивыхъ въ своемъ благородствѣ. Признаемся, даже мы, не ожидавшіе отъ войны, предпринятой императоромъ французамъ, ничего хорошаго, не ждали такого результата. Онъ превзошелъ самыя грустныя наши опасенія. Нельзя было ждать, чтобы судьба Италіи улучшилась; но по крайней мѣрѣ можно было думать, что она не станетъ хуже. Успѣхи союзниковъ будутъ или быстры и рѣшительны, или нѣтъ; кажется, этими двумя положеніями истощалась вся область возможнаго. Въ послѣднемъ случаѣ австрійское иго остается тяготѣть надъ Италією; въ первомъ оно замѣняется французскимъ преобладаніемъ,—что жъ, это не хуже, даже нѣсколько лучше. Кажется, умозаключеніе было непогрѣшительно; но воля, располагавшая со-бытіями, устроила такъ, что вышло нѣчто неправдоподобное. Успѣхи союзниковъ были немнѣвѣрно быстры, страшно рѣшительны—и исполнилась часть дилеммы, говорившая, что въ этомъ случаѣ Италія подпадаетъ французскому господству; но не исполнилась та часть, которая говорила, что владычество Австріи падаетъ въ этомъ случаѣ—нѣтъ, оно не упало. Рука, поражавшая австрійцевъ, постаралась сама поддержать ихъ; воля, вздумавшая избрать поводомъ къ войнѣ освобожденіе Италіи, нашла удобнѣйшимъ замѣнить простое иго—сложнымъ, такъ сказать двухъ-этажнымъ игомъ: первымъ пластомъ оставила она лежать надъ Италією Австрію; но на Австрію и Италію вмѣстѣ положила она тяжесть французскаго ярма. Прежде, для того, чтобы Италія могла стать свободною, довольно было, чтобы на нѣкоторое время какими нибудь обстоятельствами связаны были руки у Австріи; тѣ, которые опасались, что нынѣшняя война не освободитъ Италію, а только замѣнитъ австрійское господство французскимъ, могли думать, что довольно будетъ какого нибудь переворота во Франціи для паденія этой новой зависимости. Теперь, благодаря условіямъ, устроено такъ, что ни то ни другое уже не достаточно для освобожденія Италіи. Теперь, если ослабѣваетъ Австрія, это ведетъ только къ усиленію французскаго господства; если Франція потеряетъ силу или охоту тяготѣть надъ Италією, это ведетъ только къ усиленію господства Австріи. Отлично устроилось дѣло: вмѣсто одного явора, державшаго Италію въ состояніи неподвижной неволи, теперь держится она въ такомъ положеніи на двухъ якоряхъ. Такая развязка превосходитъ даже наши ожиданія; и признаемся, мы не чувствуемъ особенной радости, говоря людямъ, осуждавшимъ наше маловѣріе: видите теперь, господа, мы говорили правду,—мы говорили даже меньше, нежели оказалось теперь грустною правдою.

А между тѣмъ вѣдь имѣли же эти люди какія нибудь данныя для своей надежды? Да, имѣли, и данныя эти никогда не подлежали ни малѣйшему

сомнѣнію. Да, разумѣется, могъ всякій кому было угодно, основывался на безспорныхъ данныхъ, ожидать отъ войны совершеннаго изгнанія австрійцевъ изъ Италіи, могъ ожидать даже разрушенія всей Австріи и Богъ знаетъ какъ много другихъ прекрасныхъ вещей. Да, разумѣется, Франція имѣла достаточно силы, чтобы прогнать австрійцевъ за Тальяменто, за Дунай и за какую угодно границу. Да, разумѣется, Австрія постоянно находится „въ моментѣ распада“¹, по выраженію Петруши въ „Родственниковъ“. Все, чего ожидали благородные живые люди, было не только возможно исполнить, было даже очень легко исполнить,—да мы и не знаемъ вообще, есть ли какой-нибудь хорошая вещь, какая-нибудь истинная потребность какого-нибудь народа или просвѣщенныхъ людей въ какомъ-нибудь обществѣ, которую бы трудно было исполнить, если бы только находилась, въ комъ нужно, серьезная охота къ исполненію такихъ вещей. Мало ли чего нѣтъ! Ошибка паванныхъ людей только въ томъ и состоитъ, что они судятъ о другихъ людяхъ по себѣ, предполагаютъ свою охоту,—предполагаютъ по крайней мѣрѣ возможность появленія такой охоты въ другихъ, которые не имѣютъ, — и, это главное, не могутъ нѣтъ ея. Мало ли чего нѣтъ! Въ Испаніи, напримѣръ,—въ той самой странѣ, гдѣ находился Авксентій Ивановичъ Поприщинъ, и о которой онъ открылъ, что она собственно не Испанія, а Китай—попробуйте, говорить, написать „Китай“, то и выйдетъ Испанія.—въ этой странѣ существуютъ, какъ извѣстно, двѣ провинціи, или такъ называемыя по старинному обычаю, потерявшему всякій смыслъ, два королевства, — Кастилія и Арагонія; въ обѣихъ провинціяхъ есть большія дороги, а на большихъ дорогахъ есть разбойники, которые живутъ нарушеніемъ законовъ о собственности и личной неприкосновенности, или, если позволите такъ выразиться, занимаются грабежомъ, а при случаѣ надобности совершаютъ и убійства. Прекрасно,—то есть то, что есть тамъ разбойники и они занимаются грабежомъ и убійствомъ, это очень дурно, а „прекрасно“ мы сказали къ тому, что намъ удалось очень хорошо положить основаніе разрѣшенію вопроса; впрочемъ и то что существованіе разбойниковъ, грабежа и убійствъ дурная вещь, это думаемъ мы съ вами, читатель, а сами кастильскіе и арагонскіе разбойники находятъ, что это очень и очень недурно,—они даже полагаютъ, что они очень хорошіе и честные люди, гораздо честнѣе насъ съ вами,—если хотите узнать, какъ они доказываютъ это, можете прочесть у Шиллера въ трагедіи *die Räuber*, и въ безчисленныхъ другихъ книгахъ. По всей вѣроятности, вы даже читали многія изъ книгъ, излагающихъ эту шутку. Но вѣроятно вы не читали одной препотѣшной нѣмецкой брошюры: *Die kastilisch-aragonische Räuberfrage, der liberal-gemässigten Weltanschauung gemäss dargestellt und gelöst, von einem Freunde der gesetzlichen Freiheitsentwicklung*, то есть „Вопросъ о кастильско-арагонскихъ разбойникахъ, изложенный и разрѣшенный сообразно либерально-умѣренному міросозерцанію другомъ законнаго развитія свободы“ (только нѣмецкій умъ способенъ придумывать такіе заглавія). Что же предлагаетъ авторъ? Онъ предлагаетъ воспользоваться раздорами, какіе существуютъ между пайками, и склонить кастильскихъ разбойниковъ къ очищенію арагонской области отъ злодѣевъ, ее безпечующихъ. Занявшись такимъ благороднымъ дѣломъ, то есть онъ, сами кастильскіе разбойники исправятся и перестанутъ гра-

бить кастильцевъ. Оно, если хотите, очень основательно. Если, въ самомъ дѣлѣ, предположить, что въ кастильскихъ разбойникахъ пробудится охота наблюдать за безопасностью аррагонскихъ дорогъ, то безъ всякаго сомнѣнія исполнятся заботы всѣхъ благомыслящихъ людей въ Аррагоніи, Кастиліи и въ цѣлой Испаніи о прекращеніи ужаснаго зла, угнетающаго бѣдныя эти страны. Но, простите насъ, благородный читатель: мы улыбаемся, читая брошюру, проникнутую превосходящими намѣреніями. Съ улыбкою мы закрыли ее—и на оберткѣ увидѣли напечатанныя мелкимъ шрифтомъ слова, которыхъ не замѣтили сначала: von der toledanischen Universal-Räuberbekehrungsgesellschaft approbirt und zum praktischen Gebrauch adoptirt,—то есть „одобрено и принято для практическаго употребленія толедскимъ обществомъ повсемѣстнаго обращенія разбойниковъ“. Когда мы прочли эти слова, мы забыли улыбаться, нами овладѣла грусть, досада, негодование: какъ, это не мечта отдѣльнаго наивнаго фантазера, это принято цѣлымъ обществомъ людей, вѣроятно очень почтенныхъ и располагающихъ, какъ видно, средствами для практической дѣятельности! Боже мой, чего же добраго можетъ ждать бѣдная Кастилія, бѣдная Аррагонія, вся Испанія, пока находится въ ней пѣлая толпа людей, серьезно принимающихъ благородную теорію почтеннаго „друга законнаго развитія свободы?“—Да, только тутъ мы поняли, почему Испанія вообще находится въ такомъ жалкомъ состояніи. Отчего же наша улыбка, отчего наше грустное негодование? Неужели мы не хотимъ прекращенія разбоевъ? Или мы не увѣрены, что раньше или позже разбой въ Испаніи дѣйствительно прекратится? О, нѣтъ, добрые люди: мы не сомнѣваемся даже въ томъ, что ихъ можно было бы прекратить въ Испаніи очень легко и скоро, какъ прекращены они въ другихъ странахъ, мы не думаемъ только того, чтобы кастильскими разбойниками могло явнѣ или когда нибудь овладѣть стремленіе къ исполненію нашего съ вами желанія, добрые люди, господинъ „другъ“ и проч., и господа члены „общества для“ и проч. Мы полагаемъ, что для осуществленія этого желанія необходимо принять мѣры, которыхъ никакъ не желаютъ, никогда не могутъ желать разбойники,—и что эти мѣры не могутъ быть проведены иначе, какъ силами какихъ нибудь другихъ людей и сословіи, не вмѣющихъ ничего общаго ни съ кастильскими, ни съ аррагонскими, ни съ какими другими разбойниками. Впрочемъ, насъ совершенно справедливо упрекаютъ за неслѣпость уклоненій отъ предмета и неумѣстность произвольныхъ эпизодовъ, немало иудущихъ къ дѣлу. Вотъ, напримѣръ, и теперь мы видимъ, что написали цѣлая полторы страницы, что называется ни къ селу ни къ городу, и что даже невозможно извлечь изъ этихъ страницъ никакого порядочнаго смысла. Ну, да что дѣлать,—не всякое лыко въ строку. Вы, читатель, простите намъ невоздержность, заставившую насъ передать вамъ курьезное впечатлѣніе отъ забавной нѣмецкой брошюры, а мы съ своей стороны готовы простить кому угодно, что угодно. А впрочемъ, нѣтъ,—не вѣрьте, нѣтъ, мы чувствуемъ, что нѣ въ силахъ ни прощать, ни забывать. Какая, однакоже, безвизияя разбросанность въ нашемъ изложеніи: начали мы смѣяться надъ собою за одно отступленіе и вдали въ другое, а сами не замѣтили, что еще первое отступленіе не кончено: ну, да все равно: въ немъ нѣтъ смысла, стало быть нѣтъ бѣды, что нѣтъ и конца;—вѣдь въ

самомъ дѣлѣ, скажите, что интересное можно выжать изъ нашего эпизода о вздорной нѣмецкой брошюрѣ? Возвратимся же наконецъ къ дѣлу.

Мы начали было говорить о томъ, что люди, ожидавшіе отъ нынѣшней войны изгнанія австрійцевъ изъ Италіи, разрушенія Австріи и тому подобныхъ вещей, основывались на нѣкоторыхъ данныхъ, рѣшительно не подлежащихъ сомнѣнію: на превосходствѣ военныхъ силъ французскихъ надъ австрійскими и на готовности почти всѣхъ австрійскихъ областей отпасть отъ государства, которое давить ихъ противоестественнымъ единствомъ. Мы говорили, что по нашему мнѣнію эти люди ошибались только въ одномъ, — въ предположеніи, будто сущность дѣла состоитъ въ этихъ данныхъ. Они забывали, что есть еще два элемента, отъ которыхъ зависить, двѣ какой степени допустима осуществленіе результата, который могъ бы быть произведенъ дѣйствіемъ этихъ данныхъ, при предоставленіи полнаго простора ихъ дѣйствію. Столь несправедливо забываемые элементы теперь вспомнили о себѣ видоизмѣненіемъ, какой придали результату войны, — это воля императора французовъ и стремленія европейской дипломатіи. Собственно нельзя и сказать, что люди, ожидавшіе неисполнявшагося результата, забывали о нихъ — мы такъ выразились только для краткости, — по настоящему слѣдовало бы сказать, что они не хотѣли только думать о возможности неодинаковости между стремленіями этихъ часто практическихъ элементовъ съ одной стороны и съ другой — идеальными воззрѣніями на судьбу Италіи и на желанія австрійскихъ провинцій. Италія должна быть свободна; національности, подавляемыя австрійскимъ противоестественнымъ единствомъ, должны получить самостоятельность; — Франція имѣетъ силу сдѣлать это; слѣдовательно сдѣлаетъ. Поставлять вопросъ такимъ образомъ значить быть наимнѣйшимъ идеалистомъ. Вопросъ былъ не въ силахъ Франціи, а въ томъ, найдетъ ли императоръ французовъ удобныя отнѣмать у Австріи всѣ ея итальянскія владѣнія, и захотятъ ли тѣ вышнія силы, поддержкою которыхъ лѣпитъ на свѣтѣ австрійское государство, отнять отъ него подпорки, которыя до сихъ поръ мѣшали распаденію порывающихся распасться частей этого противоестественнаго существа, прозябающаго искусственною жизнью въ интернаціональной теплицѣ политическаго равновѣсія и дипломатическаго консерватизма. Мы думали, что на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣчать „нѣтъ“. Другіе называли насъ закоснѣлыми, отсталыми скептиками и вредными охладителями благородныхъ стремленій за то, что мы не вѣрили въ основательность ихъ соображеній о свободѣ Италіи, паденіи Австріи, торжествѣ принципа національностей и другихъ благодатныхъ послѣдствіяхъ нынѣшней войны. Императоръ французовъ и европейскіе дипломаты показали теперь, кто изъ насъ справедливе понималъ ихъ характеръ.

Мало ли чего вѣтъ! О, если бы императоръ французовъ руководился желаніями и совѣтами многочисленныхъ друзей, которыхъ пріобрѣлъ въ лагерѣ своихъ прежнихъ ненавистниковъ посылкою войскъ въ Италію, тогда, конечно; было бы легко исполнить ихъ надежды. Но императоръ французовъ очень хорошо понимаетъ, что новые друзья его — приверженцы, вовсе не надежные для него: онъ и они смотрятъ на свѣтъ совершенно различными глазами, имѣютъ несогласные между собою политическіе принципы, и потому онъ не можетъ ожидать себѣ ничего добраго отъ этихъ временныхъ друзей: нынѣ

желали они ему побѣдъ надъ австрійцами,—это хорошо; но только допустить ихъ взять себя за руку, и завтра они объявятъ, что не выпустятъ эту руку изъ своихъ рукъ и поведутъ его за нее туда, куда ему вовсе не хочется идти. Потому натурально, что онъ не находить полезнымъ для себя слишкомъ хлопотать объ исполненіи ихъ желаній. Притомъ у него, какъ мы сказали, есть свои особенныя надобности, и если онъ противорѣчатъ желаніямъ людей, которые вчера были и завтра опять будутъ его врагами, то натурально, что онъ долженъ пожертвовать этими чуждыми ему желаніями для соблюденія собственнаго интереса. Такъ и оказалось при заключеніи мира. Мы всегда предрекали такую развязку дѣла, и можемъ теперь сказать только, что сущность поднятой нынѣшнею всею войною выказалась фактами еще съ большею силою, нежели какъ мы ожидали. Изгнать австрійцевъ изъ Италіи и разрушить Австрію было гораздо легче, нежели предполагали даже мы, рѣшительно отвергающіе всякую внутреннюю устойчивость въ тѣхъ элементахъ, на которыхъ Австрія созидаетъ свое могущество, а война кончилась быстрѣе и выгоднѣе для Австрій, нежели полагади опять—таки даже мы, всегда утверждавшіе, что императоръ французскій не имѣетъ намѣренія ни заходить слишкомъ далеко въ ея веденіи, ни наносить Австріи серьезнаго вреда. Гораздо легче, нежели мы думали, можно было императору французскіи сдѣлать все, чего надѣялись европейскіе либералы, и гораздо меньше онъ сдѣлалъ, нежели было уже въ его власти сдѣлать даже ровно безъ всякихъ дальнѣйшихъ усилій. Изъ сопоставленія этихъ двухъ сторонъ дѣла кажется ясно слѣдуетъ, что дѣйствительно не было и не могло быть въ немъ желанія не только самому сдѣлать, но и допустить другихъ сдѣлать что нибудь похожее на результаты, какихъ ожидали отъ нейны занаво—европейскіе либералы. Это служитъ сотысячнымъ подтвержденіемъ тому простому житейскаго благоразумія, что не слѣдуетъ предполагать въ человѣкѣ желаній и намѣреній, которыхъ не можетъ онъ имѣть по своему положенію и взгляду на вещи, и что стало быть не слѣдуетъ ожидать отъ него исполненія такихъ желаній. Кажется, вещь очень ясная, а между тѣмъ чуть ли не вся исторія состоитъ только въ непрерывномъ нарушеніи этой простой житейской истины благородными людьми, которые нисколько вѣковъ массою помогали людямъ, не имѣвшимъ съ ними ничего общаго, постоянно отдавали свои силы на совершеніе дѣлъ, но совершеніи которыхъ говорили: „какъ жаль! вышло совсѣмъ не то, чего мы надѣялись! Если бы мы знали, что такъ кончится, мы не стали бы и помогать. Ахъ, какъ мы обманулись! Жаль, очень жаль!“—Да, очень жаль, потому что именно только вашимъ легковѣріемъ, вашимъ ослѣпленіемъ торжествовало зло. Сами по себѣ, дурные люди безсильны: ихъ мало на свѣтѣ, безъ помощи честныхъ людей они могли бы заниматься развѣ только мелкимъ плутовствомъ, кражею носовыхъ платковъ изъ кармановъ. Изъ кого состоитъ масса, выводящая злыхъ людей въ такія положенія, на которыхъ они могутъ подавлять все благородное, убивать всякую истину, всякое добро,—изъ кого состоитъ масса, выводящая ихъ въ эти положенія и поддерживающая ихъ въ такихъ положеніяхъ? Изъ васъ она состоитъ, благородные довѣрчивые люди. Зачѣмъ же вы такъ наивно обольщаетесь словами, общаніями, увѣреніями? Зачѣмъ вы такъ простодушно забываете про-

шедшее человека, забываете его характеръ, потребности его положенія, несогласныя съ вашими потребностями, его взглядъ на вещи, противоположный вашему,—зачѣмъ вы такъ ребячески забываете все, о чемъ вѣлится помнить разсудокъ, лишь только какой бы то ни было эгоистъ задумаетъ загребать жаръ вашими руками? Помните ли, какъ русскіе города отворяли верота Батыю, увѣрявшему, что пришелъ съ любовью и льготами? Вы вѣчно дѣлаете тоже самое; нѣтъ, вы дѣлаете хуже. Батый имѣлъ свою силу, а ваши враги становятся гибельны для васъ только тою самою силою, которую вы даете имъ. Вы виновники всего зла, которое терпятъ люди. Слова наши жестоки; вы—благородные люди, вы истинно желаете добра, можно ли такъ горько укорять васъ? Такъ, вы честны и хороши, но черезъ ваше непростительное легковѣріе гибнетъ все, чего желаете вы сами, черезъ васъ вѣчно страдаютъ народы. Научитесь же хотя сколько нибудь опытомъ, будьте осмотрительнѣе, не вѣрьтесь и не увлекайте другихъ вѣряться людямъ, которые не могутъ ни понимать, ни желать добра, не будьте ихъ помощниками на собственную вашу гибель.

Впрочемъ, къ чему мы говоримъ все это? Развѣ историческій опытъ научалъ когда нибудь благоразумію тѣхъ, которые не успѣли житейскою наблюдательностью научиться ему, доживъ до усовъ и бороды, или даже до сѣдыхъ волосъ? Нѣтъ, видно большинство людей всегда будетъ готовымъ орудіемъ на чужую и свою бѣду въ рукахъ интригантовъ, всегда готово будетъ вѣрить каждому, кто захочетъ обманывать. Оставимъ же безплодную дидактику и станемъ рассказывать голые факты, которые сами по себѣ поучительнѣе всякой дидактики; впрочемъ, и рассказывать ихъ скучно, тяжело, когда впередъ знаешь, что они почти никого, почти ничему не научатъ. Нынѣ рыба поймана на одну удочку, а завтра все-таки пойдетъ на другую.

Мы говорили, что изгнаніе австрійцевъ изъ Италіи оказалось дѣломъ гораздо болѣе легкимъ, нежели какъ можно было предполагать, даже при самомъ невыгодномъ понятіи о военной силѣ Австрійской имперіи. Австрійцы оказались въ военномъ дѣлѣ просто неспособными ни къ чему, кромѣ того, чтобы быть битыми. Даже и тамъ, гдѣ не было повидимому никакой возможности не одержать имъ побѣду, они съ неимоверною оригинальностью успѣвали устроить дѣло такъ, что оставались побиты. Находить себѣ поразженіе тамъ, гдѣ никакая другая армія не могла бы потерпѣть его, это оказалось ихъ специальностью, въ которой достигли они чрезвычайнаго мастерства. Мы рассказывали о первой половинѣ похода въ прошедшей книгѣ и остановились на краткихъ извѣстіяхъ объ отступленіи австрійцевъ послѣ сраженія при Маджевтѣ, обѣщая привести въ нынѣшній разъ подробный рассказъ объ этой битвѣ. По прежнему, мы будемъ пользоваться письмами, которыя получалъ „Times“ отъ своего корреспондента при главной квартирѣ союзниковъ, потому что изъ всего напечатаннаго до сихъ поръ, эти письма составляютъ самый подробный и лучшій матеріалъ для исторіи нынѣшняго похода. По прежнему, мы просто переводимъ ихъ, чтобы не надѣлать ошибокъ и путаницы, прибавляя къ нимъ клочки изъ другихъ источниковъ, не столь точныхъ и связанныхъ.

Последнее из переведенных нами въ прошедшей книжкѣ писемъ корреспондента Times'a, находящагося при союзной арміи, заключало краткій очеркъ битвы при Маджентѣ, набросанный наскоро въ первыя минуты по окончаніи битвы. Переводимъ теперь слѣдующія письма того же корреспондента, излагающія ходъ сраженія самымъ подробнымъ образомъ. Читатель замѣтитъ, что этимъ обстоятельнымъ разсказомъ совершенно подтверждаются впечатлѣнія, производившіяся первымъ короткимъ очеркомъ: планъ битвы дѣйствительно былъ составленъ союзниками въ такую минуту, когда различные корпуса ихъ арміи находились еще слишкомъ далеко отъ боевой линіи; диспозиція обнимала собою цѣлыя десятки верстъ и грѣшила многосложностью. Отряды, двигавшіеся по ней иногда за цѣлыя двадцать верстъ изъ полю сраженія, разумѣется, не могли явиться на столь отдаленные пункты съ математической точностью, какую предполагала диспозиція, и потому въ первую половину сраженія подвергались страшной опасности тѣ французскіе полки, которые должны были начать нападеніе собственно съ той цѣлю, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля отъ другихъ пунктовъ, на которыхъ должны были явиться другіе сильнѣйшіе отряды для нанесенія рѣшительнаго удара. Эти отряды, совершившіе слишкомъ далекій обходъ, были задержаны отдаленностью и трудностью пути гораздо дольше, чѣмъ предполагала диспозиція, и такимъ образомъ австрійцы едва не истребили французскаго корпуса, открывшаго битву. Храбрость отборныхъ солдатъ этой первой колонны и сообразительность Макъ-Магона, догадаващагося отступить отъ диспозиціи сообразно съ измѣнившимися обстоятельствами, избавили императора французовъ отъ пораженія, даже доставили ему побѣду. Но ошибки диспозиціи, составленной французскимъ штабомъ, все-таки снаси австрійскую армію отъ совершенной гибели: она отступила съ поля сраженія въ порядкѣ и не былъ отрѣзанъ ей путь отступления къ Мантуѣ, — а надобно полагать, что союзники могли бы отрѣзать ей отступление, если бы повременили начатіемъ битвы до той минуты, пока успѣютъ придвинуть свои войска къ непріятелю на надлежащее разстояніе. Начинаемъ нашъ переводъ.

«Ponte di Magenta. 5 іюня.

«Въ тотъ самый день, когда союзники придвинулись къ переходу черезъ Тичино у Турбиго, 2 іюня, другая колонна была послана по главному новарско-миланскому шоссе къ Ponte di Buffalora. Гвардія была предоставлена честь первой перейти рѣку. Дивизія вольтижеровъ, комануемая генераломъ Каму, пошла на Ponte di Turbigo, а дивизія гвардейскихъ гренадеровъ и зуавовъ, комануемая генераломъ Винифеномъ, двинулась къ Ponte di Buffalora. Этотъ мостъ составляетъ большую дорогу изъ Турина въ Миланъ, потому владѣть имъ было чрезвычайно важно для обѣихъ сторонъ. Чтобы обезпечить его за собою, австрійцы, пока еще были въ фортификаціонномъ расположеніи духа, устроили на сардинской сторонѣ моста страшное предмѣстное укрѣпленіе (tête de pont) на высотахъ Сенъ-Мартино, у гостиницы этого имени. Земледѣіе, столь дорожащее каждымъ вершкомъ земли въ этой богатой равнинѣ, преграждается съ приближеніемъ къ Тичино и къ Сенъ-Мартинской гостиницѣ. Вмѣсто хлѣбныхъ и рисовыхъ полей, является тутъ поле, поросшее дикою травой и отчасти кустарниками. Вся окрестность, сколько видитъ ее глазъ, составляетъ непрерывную равнину, по которой далѣе тянутся опять рисовыя поля съ рядами деревьевъ. Единственное возвышеніе—небольшой холмъ въ половинѣ мили на сѣверъ; у подножьи его

течеть одинъ изъ канализованныхъ рукавовъ Тичино. Недавно построенная проселочная дорога идетъ подлѣ самаго холма, пересѣкаетъ рукавъ каменнымъ мостомъ и, круто поворачивая у самаго берега на югъ, выводитъ на шоссе къ Буффалорскому мосту. Этотъ маленький мостъ на проселочной дорогѣ былъ взорванъ австрійцами и такимъ образомъ отрезанъ одинъ изъ путей къ Буффалорскому мосту. На главномъ шоссе было построено очень сильное предмостное укрѣпленіе; начинался передъ крутымъ спускомъ съ террасы къ рѣкѣ, оно обнимаетъ желѣзную дорогу, идущую направо отъ шоссе, обнимаетъ Сентъ-Мартинскую гостиницу и рядъ таможенныхъ зданій, построенныхъ подлѣ нея, потомъ идетъ въ нѣдѣ длановой куртины футовъ на полтора съ сѣвера до отдаленнаго званія, служившаго прежде караульнымъ домомъ; у него построенъ другой релуъ, соответствующій сдѣланному на другомъ концѣ укрѣпленія; весь этотъ рядъ укрѣпленій снабженъ рвомъ, брустверомъ и амбразурами для пушекъ и занимаетъ площадь болѣе половины квадратной мили (болѣе версты). Сообщаю вамъ это подробное описаніе, для того, чтобы показать, какъ твердо хотѣли австрійцы держаться на піемонтской сторонѣ Тичино: вы видите, что не по доброй волѣ должны были они оставить укрѣпленіе, надъ которымъ столько трудились.

«Какъ бы то ни было, съ приближеніемъ союзниковъ они покинули это укрѣпленіе и ушли за рѣку, оставивъ на сардинской сторонѣ 15 пушекъ. Въ этомъ пунктѣ (Ponte di Buffalora) ведетъ черезъ Тичино вониколѣванный мостъ, построенный на аркахъ изъ опромѣнныхъ гранитныхъ камней такой вѣрности, чтобы могли служить онѣ для желѣзной дороги. Отступая, австрійцы хотѣли взорвать мостъ и заложили мину во второмъ быкѣ отъ ломбардскаго берега, чтобы разрушить мостъ между второю и третьею арками. Мина была взорвана и разрушила верхнюю часть быка; но арки, лежавшія на немъ, вѣсто того, чтобы упасть въ рѣку, — только опустились на нижнюю часть быка и теперь лежатъ на ней. Онѣ расшатались, но все еще оставались такъ крѣпки, что можетъ проходить по нимъ не только пѣхота и кавалерія, но даже обозъ и артиллерія. Между камнями образовались щели, но ихъ покрыли досками и мостъ служить хорошо.

«Когда явились первыя колонны союзниковъ и заняли мостъ, въ тотъ же день была сдѣлана рекогносцировка на небольшое пространство къ Ponte di Magenta на ломбардской сторонѣ, гдѣ каналъ Naviglio Grande идетъ параллельно съ рѣкою. Мостъ былъ найденъ занятымъ австрійцами, которые обнаруживали себя нѣкоторыми выветными выстрѣлами изъ орудій, поставленныхъ на шоссе и на желѣзной дорогѣ, идущихъ тутъ не вдалекѣ другъ отъ друга. Когда другая колонна перешла рѣку у Турбиро въ достаточномъ числѣ войскъ для содѣйствія нападенію на правый флангъ неприятеля у Буффалоры и Мадженты, генералъ Винпфенъ вчера, 4 июня, въ десять часовъ утра получилъ приказаніе двинуться впередъ съ гвардейскими полками зуавскихъ и 3 гвандерскаго. Единственнымъ цѣлью этого движенія было прикрыть наведеніе другаго моста черезъ Тичино. Винпфенъ дебушировалъ по шоссе только съ своею бригадою и двумя пушками гвардейской конной артиллеріи. Исходнымъ пунктомъ движенія съ моста служили четыре крѣпкіе каменные домика, въ которыхъ жили шоссеяные сторожа и низвереры. Дорога идетъ тутъ прямою линіею къ Маджентскому мосту (Ponte di Magenta), ведущему черезъ каналъ; Маджентскій мостъ находится въ трехъ километрахъ (около 3 верстъ) отъ Тичино (Буффалорскаго моста). Шоссе между этими пунктами идетъ по чрезвычайно высокой насыпи, возвышающейся почти надъ вѣдъ отъ 20 до 30 футовъ надъ прекрасно орошенными полями, которыя, очевидно, были прежде русломъ рѣки во время разлиновъ и ограждены отъ затопленій уже человѣческими искусствомъ. Каваль Naviglio Grande, построенный для орожденія этой низменности, идущей внизъ по Тичино до Аббате Грассо, даетъ воду для орошенія полей, на которыя проведенъ маленькими насапями въ нѣсколько футовъ шириною; эти насапы служатъ нежами и усамы, по обыкновенію, неизбѣжными нвахи и тополями.

«Насыпь, по которой предполагаютъ положить желѣзную дорогу, выводитъ прямо съ Буффалорскаго моста, точно также какъ и насыпь шоссе; эта насыпь желѣзной дороги идетъ отъ моста направо прямою линіею, но потомъ, не доходя полумили (три четверти версты) до канала, круто поворачиваетъ нѣлѣво и переходитъ черезъ каналъ

всего только въ 150 ярдахъ (65 сажень) отъ шоссе. Самый каналъ выходитъ изъ Тичино у Оледжіо и Форнаменто и идетъ по такой линіи, гдѣ мѣстность на лонбардской сторонѣ уже нѣсколько возвышается, такъ чтобы уровень воды въ немъ былъ достаточно для промѣны низменностей. Эта линія нѣкотораго возвышенія мѣстности очевидно образовала берегъ прежняго русла рѣки, суженной теперь трудомъ человѣка; у Маджентскаго моста подъемъ съ низменности на эту лавію очень крутъ. По всему пространству отъ Буффалоры, лежащей нѣлво отъ шоссе, до Маджентскаго моста и Робекко, лежащаго направо отъ шоссе, этотъ подъемъ имѣетъ среднюю высоту покрайней мѣрѣ отъ 60 до 70 футовъ и покрытъ виноградниками, расположенными въ нѣсколько крутыхъ террасъ, возвышающихся одна надъ другою. Деревья Буффалора лежатъ около мили ($1\frac{1}{2}$ версты) нѣлво отъ шоссе и остаются на лѣвой рукѣ нѣсколько позади васъ, когда вы дойдете до Маджентскаго моста. Каналъ и край возвышенности, въ которой прорѣзана онъ принимаютъ у Буффалоры направление болѣе на востокъ, и когда вы поднимаетесь на высоту, то вы увидите, что каналъ и обрывъ высоты идутъ полукругомъ нѣлво отъ васъ, отъ Буффалоры къ шоссе. На правой рукѣ они идутъ прямо къ насыпи, приготовленной для желѣзной дороги, и потомъ отходятъ отъ рѣки по направленію къ Робекко.

«Если мое описаніе достаточно ясно, то вы увидите, что эта позиція, которую заняли австрійцы, имѣетъ характеръ гигантской куртины, которая прикрывается Буффалорою, какъ бастиономъ. Подступами къ этой грозной позиціи служатъ: нѣлво дорога къ Буффалорѣ, въ центрѣ главное шоссе, идущее прямо отъ ponte di Buffalora къ Маджентскому мосту, а направо насыпь желѣзной дороги. Футать въ 300 (саженихъ въ 40) позади этой позиціи идетъ каналъ, имѣющій футовъ 30 въ ширину и крутые берега, отвѣсная высота которыхъ гораздо меньше высоты подъема съ низменности на террасу, гдѣ находится австрійская позиція и въ которой прорѣзаны каналъ. Всѣ три дороги постепенно поднимаются на половину высоты всего уступа террасы, а другая половина высоты прорѣзана для нихъ, такъ что по обѣ стороны пути поднимается стѣною. И на главномъ шоссе а на насыпи желѣзной дороги земли для подъема пути съ прибрежной низменности взята изъ прорѣза, сдѣланнаго въ самой террасѣ, и такимъ образомъ шоссе и полотно желѣзной дороги идутъ какъ будто въ два широкія окна, имѣющія одну высоту съ насыпями. Эти два широкіе прорѣза, почти квадратные, пологи на два рѣдута, гигантскими брустверами которыхъ служатъ окраины террасы. Для довершенія сходства австрійцы, занявшіе вершину высотъ и прикрывавшіе свои резервы за этою вершиною, устроили баякеты, на которыхъ поставили свою пѣхоту. Насыпь желѣзной дороги была перегорожена баррикадою въ томъ мѣстѣ, гдѣ входитъ прорѣзомъ въ террасу и тутъ поставлены были пушки, обстрѣливавшія весь путь по насыпи къ тому мѣсту. На главномъ шоссе, гдѣ входитъ оно въ прорѣзъ террасы, были поставлены только двѣ пушки. Въ обѣихъ мѣстахъ черезъ каналъ были заложены мины, чтобы взорвать ихъ въ случаѣ надобности.

«Такова позиція, противъ которой двинулся генералъ Виллигенъ съ 3 гренадерскимъ полкомъ (подъ командою полковника Лютмана), поддерживаемый двумя пушками конно-гвардейской артиллеріи и гвардейскими зуавами. Эта колонна шла по главному шоссе, а второй гренадерскій полкъ одновременно съ нею шелъ по лѣвой дорогѣ прямо на деревню Буффалору. Эти колонны, посланныя атаковать австрійскую позицію съ фронта, были встрѣчены непріятельскою артиллеріею; французская конная артиллерія сильно и очень успѣшно отвѣчала на этотъ огонь, какъ показываютъ трупы лошадей и людей, остающіеся на дорогѣ и теперь, послѣ того какъ пѣшли сутки хоронять убитыхъ.

«Несмотря на опасность идти противъ такой страшной позиціи съ такими ничтожными силами, колонна, направлявшаяся по главному шоссе, уже готова была начать атаку на высоты, съ которыхъ непріятельская артиллерія могла вредить назначенію моста, когда пришелъ приказъ остановиться и отойти. Планъ былъ въ томъ, чтобы обойти позицію съ ея праваго фланга корпусомъ генерала Макъ-Магона, который наканунѣ перешелъ рѣку у Турбиго и теперь долженъ былъ двинуться на Буффалору и Мадженту. Гренадеры и зуавы были отведены назадъ изъ-подъ непріятельскихъ

выстрѣловъ и ждали, пока пушечный и ружейный огонь на нѣзъ лѣвоу флангѣ показеть, что корпусъ Макъ-Магона дошелъ по назначенію и заявляетъ бой. Эти выстрѣлы послышались около полудня. Тотчасъ же отданъ былъ приказъ снова двинуться впередъ и храбрый молодой пошелъ. Чтобы не слышкомъ подвергать людей огню, третій гренадерскій полкъ былъ сведенъ съ насыни направо, на поля, и безостановочно шелъ впередъ батальонными эшелонами, несмотря на градъ ядеръ, осыпавшій его съ фронта и съ фланга, и на затруднительность прохода по наглому грунту, пересѣченному каньонами. Гренадеры несли большія потери, но это только одушевляло нѣхъ быстрее идти впередъ. Мѣстность бѣкъ-о-бѣкъ съ насынью желѣзной дорога, по лѣвой сторонѣ ея, была избрана пунктомъ атаки. (Я говорилъ, что желѣзная дорога и шоссе подходить на нѣсколько десятковъ ярдовъ другъ къ другу на той мѣстности, гдѣ вѣтвятся на террасу). Подъемъ тутъ былъ еще круче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и чрезвычайно удобенъ для защиты; но этотъ пунктъ неужь подвергался фланговому огню слѣва, который слышкомъ вредилъ бы колоннѣ, если бы она пошла по шоссе.

«Когда войска подошли къ самой террасѣ, составляющей тутъ уголъ отъ пересѣченія насынью желѣзной дорога, былъ данъ приказъ ударить въ штыки, и гренадеры, сбросивъ свои ранцы, въ одну минуту взобрались на крутой подъемъ, овладѣли его вершиною и проникли за баррикаду. Первый гренадеръ, достигнувшій вершины, подымавъ свою медвѣжью шапку; съ крикомъ «vive l'empereur!» взбирались на вершъ на нѣхъ его товарищи и въ нѣсколько минутъ овладѣли позиціей. Непріятель бѣжалъ по желѣзному мосту, ведущему черезъ каналь; гренадеры преслѣдовали его такъ горячо, что человекъ, которому поручено было взорвать мину подъ мостомъ, былъ заколотъ штыками. Пока одни лили воду на порохъ въ каморѣ мины, другіе устранились впередъ, чтобы овладѣть сводомъ, черезъ который желѣзная дорога выходитъ на террасу; тотчасъ же послѣ того было послано два батальона направо и нѣлѣво для прикрытія фланга, а третій батальонъ остался стеречь занятую позицію. Этотъ успѣхъ привулъ неприятели оставить высоты и передъ насынью шоссе, по которой приближались зуавы. Не нѣхъ времени взорвать моста, неприятели отступали въ группу домовъ, стоящихъ за мостомъ и служившихъ таможеню и караульникою для австрійцевъ; нѣхъ также и виноградники, опоясывающіе обѣ дороги въ этомъ мѣстѣ. Виноградныя лозы были густо переплетены по рѣшеткамъ и образовали прекрасное прикрытіе для стрѣлковъ, а пушки, поставленныя австрійцами нѣсколько далѣе къ Маджентѣ, обстрѣлывали обѣ дороги. Положеніе было чрезвычайно критическое: французы занимали теперь позицію почти столь же сильную, какъ прежде занимали австрійцы, но они оставались безъ поддержанія, а неприятели начали появляться густыми массами со всѣхъ сторонъ. Колонны его, подошедшія изъ Робекко, усиливались взять позицію въ лѣвый флангъ и въ тылъ, гдѣ также были поставлены пушки, громившія ряды гренадеровъ, которые рѣдѣли съ каждою минутою. Съ фронта показывалось все больше и больше неприятельскихъ войскъ, а слѣва въ грунныя домы сыпался градъ пуль, такъ что съ каждою минутою труднѣе было французамъ удерживать за собою позицію въ этомъ направленіи. Чтобы извѣститься, во что бы то ни стало, отъ этого уровня, приказано было зуавамъ взять группу домовъ; три роты зуавовъ были посланы подкрѣпить гренадеровъ и обойти дома съ тыла; остальныя роты зуавовъ бросались на неприятели дома въ штыки, выгнали защитниковъ, сами утвердились въ этой группѣ домовъ и даже очистили мѣстность передъ ними, проникнувъ до фермы, лежащей нѣсколько правѣе.

«Было уже около часа, а горсть крѣпости оставалась еще безъ поддержки. У неприятели было довольно силъ останавливать Макъ-Магона, который кромѣ того задерживался въ дорогѣ сломанными мостами, такъ что его диверсія не производила предполагаемаго дѣйствія. Колонны, двинутыя на Буффалорѣ, нашли мость черезъ каналь разрушеннымъ, а войска, посланныя въ подкрѣпленіе изъ второй линіи, еще не успѣли прійти на помощь гренадерамъ и зуавамъ. Между тѣмъ неприятели готовились самъ атаковать нѣхъ, чтобы отбить потерянную позицію. Все новыя и новыя батальоны, подвозимые по желѣзной дорогѣ поездами, свистъ которыхъ былъ слышенъ, начали двигаться въ атаку на французовъ. Оставить позицію, столь дорого

купленную, значило бы не только признать себя побежденными, но и сдѣлать почти невозможнымъ возобновленіе французскаго наступленія съ фронта. Непріатель имѣлъ бы время взорвать мостъ, и такимъ образомъ сдѣлать позицію почти непреступной, а съ тѣмъ вмѣстѣ оаъ успѣлъ бы и подвести большее число своихъ войскъ для защиты этой позиціи.

«Потому все заставляло эти два полка, изъ которыхъ каждый при началѣ битвы имѣлъ 1500—1600 солдатъ, держаться въ занятой позиціи до послѣдняго человѣка. И они держались въ ней, какъ слѣдуетъ настоящимъ воинамъ, противу всѣхъ массъ, посылаемыхъ на нихъ непріателемъ. Австрійцы много разъ ходили въ атаку, но каждый разъ напрасно: штыцера зуавовъ и гренадеровъ ослабляли ихъ ряды, потомъ французы бросались на нихъ въ штыки и отбивали назадъ, покрывая поле сотнями ихъ труновъ. Виноградники, насажденные передъ группою домовъ, и шоссе, и желѣзная дорога, и ферма на правѣмъ концѣ площади боя,—всѣ эти мѣста еще завалены австрійскими трупами, хотя уже поторожены цѣлыми массами ихъ. Напрасны были всѣ усилія непріателя. Гренадеры и зуавы не только успѣли удержать за собою позицію, но даже бросались вѣсколько разъ впередъ, преслѣдуя отбѣгающихъ или на встрѣчу новымъ колоннамъ. При одномъ изъ такихъ случаевъ зуавы на лѣвой сторонѣ, гренадеры на правой доходили до самой деревни. На мѣстности, покрытой деревьями, трудно было идти ровными рядами, и когда дѣй французскія пушки были выдвинуты впередъ, чтобы удержать новую австрійскую колонну, она успѣла увести ихъ. Она была потомъ отбита назадъ въ деревнѣ Маджентѣ, но другая осталась у непріателя. Наоборотъ, гренадеры, несмотря на свою малочисленность, успѣли еще до прибытія подкрѣпленій взять у непріателя одну пушку и одну гаубицу.

«Такое положеніе дѣла длилось до 2 часовъ дня; и уже приближалось время, когда горсть французовъ, при всемъ своемъ геройствѣ, принуждена была бы уступить. Она потеряла страшный уронъ, зарядовъ оставалось мало и физической силы въ людяхъ послѣ двухчасоваго гигантскаго боя съ постоянно возрастающими силами противника. Въ эту минуту облако пыли ливневшейся сзади на шоссе, показало прибытіе давно ожидаемыхъ подкрѣпленій и увидѣла, что подходит дивизія Рено. Какъ только она приблизилась, 8-ой егерскій полкъ былъ посланъ направо, къ деревнѣ Робекко, 23-я линейная—на центръ позиціи, а 90-я линейная оставленъ въ резервѣ. Около того же времени корпусъ Макъ-Магова преодолѣлъ затруднительность пути по неудобнымъ мѣстностямъ и напалъ на Мадженту. Скоро сзади, отъ Тичино, стали подходить батальоны за батальонами, и вѣсколько дивизій было послано въ обходъ, чтобы окружить и задавать австрійцевъ. Эти силы тѣснили непріателя на всѣхъ пунктахъ и принудили его къ такому поспѣшному отступленію, что болѣе 5,000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 73 офицера, достались въ руки союзникамъ. Кромѣ двухъ пушекъ, которыя взяли гренадеры и которыя видѣлъ я самъ, взято много другихъ,—по нимъ разсказываю до 36 ¹⁾. Я самъ не видѣлъ ихъ и потому не ручаюсь за достоверность разсказа; но если бы столько пушекъ и не было взято, все-таки битва была славною побѣдою для союзниковъ. Изъ числа плѣнныхъ и самъ видѣлъ толпу офицеровъ, числомъ до 50 человѣкъ, и 3,200 человѣкъ солдатъ въ одной массѣ. Кромѣ нѣсколькихъ другихъ отрядовъ.

«6 іюня, 11 часовъ утра.

«По разсказамъ плѣнныхъ теперь несомнѣнно, что непріатель дался къ обману и сосредоточилъ всѣ свои силы, чтобы защищать Шо у Кандіи. Каждая стоятъ по дорожѣ къ Ваденцѣ и Паченцѣ. Всѣ войска его, бывшія при Ponte di Magenta, пришли туда убійственно форсированными маршами. Они введены были въ битву голодными и извурванными,—нѣкоторые изъ плѣнныхъ говорятъ, что не ѣли цѣлыми сутки; это странная несообразность съ огромными реквизиціями австрійцевъ; да и пришла

¹⁾ Читатель знаетъ, что это оказалось хвастовствомъ французамъ.

они на место битвы не все вдруг, а подходили постепенно, отряд за отрядом, так что многие явились только за тем, чтобы увеличить собою число пленных. Потери въ австрийских полкахъ, бывшихъ въ дѣлѣ съ самаго начала, ужасны. Особенно много убито офицеровъ, которые исполняли свою обязанность, какъ говорятъ, превосходно. Солдаты тоже дрались храбро, но изнуренные жаромъ и голодомъ, они, разумеется, вовсе не могли устоять противъ союзниковъ, войска которыхъ находились въ прекраснѣйшемъ состояніи.

«Кромя того, и австрийскіе командиры не умѣли, кажется, воспользоваться численнымъ превосходствомъ своимъ въ началѣ битвы, и подумали объ этомъ тогда, какъ было уже поздно.

«Маджента, іюня 7.

«Подробности о битвѣ при Ponte di Magenta въ моемъ прошедшемъ письмѣ касались сраженія только на одной части поля битвы, именно у моста, ведущаго черезъ каналъ Naviglio Grande по маджентской дорогѣ, и очеркъ былъ бы не полонъ, еслибы я не рассказалъ вамъ, что происходило съ другой стороны поля битвы, у самой деревни Мадженты. Я уже говорилъ, что когда дивизія гвардейскихъ зуавовъ и гренадеровъ атаковала фронтъ позиціи при Ponte di Magenta и Буффалорѣ, генералъ Макъ-Магонъ, нынѣ герцогъ маджентскій и маршалъ Франціи, получилъ приказаніе двинуться изъ Турбиго съ дивизіями Эсписаса, де-Моттружа и дивизіею гвардейскихъ пѣшихъ стрѣлковъ и егерей, чтобы атаковать австрийцевъ, расположенныхъ у Мадженты, съ нѣхъ праваго фланга и съ тыла. Сардинская армія, нѣсколько дней которой уже тогда перешли Тичино у Турбиго, должна была поддерживать этотъ отрядъ. Отъ Турбиго до Мадженты по ближайшей дорогѣ расстояние не менѣе 12 миль (около 20 верстъ). Эта проселочная дорога, выходящая отъ шоссе, въ большей части нѣтъ такая узкая, что едва могутъ разѣхаться по ней двѣ телеги. Мѣстность по обѣ стороны гораздо лѣсистѣе, чѣмъ на сардинской сторонѣ Тичино и кругомъ множество виноградниковъ. Обращаю ваше вниманіе на это, чтобы показать, какъ трудно было солдатамъ Макъ-Магона, корпусу отъ 27 до 30,000 человекъ, пройти 12 миль до поля битвы по такой дорогѣ. Вы поймете эту трудность, когда я скажу, что гвардейскіе егеря и стрѣлки, составлявшіе резервъ, вошли изъ Турбиго въ 7 часовъ вечера, а въ сраженіе могли вступить не раньше 4 часовъ вечера, а авангардъ сардинской арміи, дивизія Фанти, достигла поля битвы не ранѣе 7 часовъ вечера, такъ что не могла уже принять никакого участія въ дѣлѣ. Только около полуночи подошло достаточное число войскъ, чтобы начать бой. Вы знаете, что наведеніе съ другой стороны на Ponte di Magenta и Буффалору вѣрно было начать въ 10 часовъ, потому что отложить его до 12 часовъ, когда услышаны были пушечные выстрѣлы съ лѣваго фланга (союзниковъ), со стороны Марчелло.

«Я говорилъ съ однимъ раненымъ пѣхимъ австрийскимъ офицеромъ, игравшимъ значительную роль въ дѣлѣ. По его словамъ, австрийцы никакъ не предполагали нападенія на нѣхъ правый флангъ отъ Турбиго. Вообще, во всю кампанію, большимъ неудобствомъ для нихъ былъ недостатокъ свѣдѣній о движеніяхъ союзниковъ. Ни деньгами, ни угрозами не могли они заставить поселенъ рассказывать что либо; а съ другой стороны бдительность союзниковъ была такъ велика, что шпионы не приносили почти никакой пользы. Поэтому-то они никакъ не могли открыть, гдѣ главные силы союзниковъ и насколько готовы они къ дѣйствию. Этимъ также объясняется смутная неопредѣленность австрийскихъ движеній, такъ изумлявшая Европу. У нихъ не было данныхъ для соображенія плавовъ; они принуждены были, подобно слѣпымъ, ощупывать дорогу, сначала къ Турину, потомъ къ правому берегу По. Результатомъ было, что они толковали о слѣпной бездѣйственности союзниковъ, между тѣмъ, какъ союзники сосредоточивали свои силы на сѣверѣ, и что австрийцы узнали, откуда грозитъ опасность, только тогда, какъ увидѣли союзниковъ вступающихъ изъ Новары и являющихся въ Тичино. Тутъ имъ уже было поздно противиться. Цуава, они со всевозможной поспѣшностью оставили свои позиціи, оцѣстали Мортару и оставили лѣвую рѣку По; но они уже не успѣли сосредоточить свою армію для защиты лѣви

Тичино и ломбардской границы. Торопливо собирали они войска, какія только могли, и поставили ихъ въ Маджентѣ и на каналѣ, образующемъ вторую линію, еда ли не болѣе крѣпкую, чѣмъ самъ Тичино. Но хотя они вслѣдствіе сѣпшихъ, хотя закоренили своихъ солдатъ маршами, все таки они успѣли собрать только части перваго корпуса (Кламъ-Галласа), третьяго корпуса (Шварценберга), втораго (Лихтенштейна) и седьмаго (Цобеля). Какъ велики были эти силы, съ достовѣрностью опредѣлить невозможно. Здѣсь (въ главной французской квартирѣ) считаютъ ихъ въ 100 т. человекъ; и дѣйствительно, судя по числу полковъ, солдаты которыхъ есть между плѣнными, надобно полагать, что около Мадженты было отъ 70 до 80 т. Командовалъ ими генералъ Кламъ-Галласъ, корпусъ котораго на дняхъ пришелъ изъ Вегеміи, но при Маджентѣ былъ далеко не весь; наприимѣръ, изъ 72 пушекъ, которыя онъ долженъ имѣть, было тутъ всего только 18, — впрочемъ, малочисленность орудій была обстоятельствомъ не слишкомъ важнымъ, потому что характеръ мѣстности допускаетъ дѣйствіе артиллеріи только въ очень ограниченномъ размѣрѣ. Была у австрійцевъ и диванія, кавалерія, но она не являлась въ боевой линіи. И Гіуаай, и Гессъ были при арміи, но оба они не командовали въ сраженіи. Торопливость, съ которою подводились войска, не позволяла хорошенько позаботиться объ нихъ, такъ что, не говоря уже объ усталости, они должны были голодать, что было новою причиною ихъ слабости. Этому послѣднему обстоятельству надобно приписывать сильнѣйшее вліяніе, потому что относительно утоленія походомъ, надобно сказать, что француско-сардинскія войска въ послѣдніе десять дней дѣлали еще болѣе сильныя марши, и наприимѣръ, хотя корпусъ герцога маджентскаго долженъ былъ сдѣлать долгій переходъ подъ знойнымъ солнцемъ прежде, чѣмъ явился на поле битвы.

«Совершенно не зная о движеніи непріятеля и будучи вдвойнѣ обмануты его бездѣйствіемъ со стороны Турбиги и демонстраціей на Буффалору, австрійцы приготовились отражать нападеніе въ этомъ послѣднемъ направленіи. Въ рѣшительную минуту они увидѣли, что предмостное укрѣпленіе (*tête de pont*), построенное ими на сардинской сторонѣ Тичино отъ Санъ-Мартіно, сооружено очень плохо, такъ что защищать его просто значило бы отдать на жертву поставленнымъ въ немъ войска; потому они рѣшились покинуть его и взорвать каменный мостъ у Буффалоры. Пять батальоновъ, занимавшіе предмостное укрѣпленіе, были выведены въ ночь съ перваго на второе число и сдѣлана была попытка взорвать мостъ, оказавшаяся, какъ вы знаете, неудачной. Въ неудачѣ надобно, кажется, винять не столько инженерное, сколько общее управленіе всѣмъ походомъ. Австрійцы, повидимому, были такъ увѣрены въ успѣхѣ, что не подумали объ отступленіи и не приготовились на случай надобности взрывать мосты. Миннаго пороха у нихъ вовсе не было подъ руками, а лишняго пушечнаго пороха было такъ мало, что еслибы собрать весь запасъ его изъ зарядныхъ ящиковъ, то не набралось бы и шести центнеровъ (20 пудовъ). Главнокомандующій требовалъ во телеграфу изъ Милана, чтобы ему прислали миннаго пороха, но ему отвѣчали, что и въ Миланѣ его нѣтъ. Вотъ причина, что каменный мостъ черезъ Тичино австрійцы могли только пошатнуть, а два моста черезъ каналъ у *Ponte Nuovo di Magenta* остались совершенно невредимы. Минныя каморы были приготовлены, но не было пороха, чтобы положить въ нихъ.

Позиція передъ мостами черезъ каналъ была очень сильна, потому австрійцы рѣшились защищать ее, и не воображая, что впадутъ на ихъ правое крыло, расположили свою позицію отъ Буффалоры черезъ *Ponte di Magenta* къ Робекко, т. е. какъ можно параллельнѣе съ Тичино и съ каналомъ, а резервы поставили въ деревнѣ Маджентѣ. Со стороны дороги изъ Турбиги не было никакихъ войскъ кромѣ одного батальона, занимавшаго одну изъ большихъ уединенныхъ фермъ направо отъ дороги за деревнею Марчелло: да и этотъ батальонъ былъ поставленъ болѣе для набавленія, чѣмъ съ мыслью, что прійдется защищать этотъ пунктъ. Наступленіе гренадеровъ изъ *Ponte di Buffalora* въ 10 часовъ, т. е. двумя часами раньше появленія колоннамъ Макъ-Магона на дорогѣ изъ Турбиги, было расчитано на то, чтобы утвердить австрійцевъ въ ихъ заблужденіи и они сосредоточили свои войска, чтобы задавить французовъ, двинувшихся отъ *Ponte di Buffalora*. Показавшись австрійцамъ, этотъ отрядъ,

как вы помните, получил приказание остановиться, чтобы дать Макъ-Магону время подойти съ другой стороны, и начал рѣшительное наступление, только услышавъ выстрѣлы Макъ-Магона.

«При всей своей геройской храбрости французскіе гварадьеры и еуаны едва ли успѣли бы овладѣть страшною позиціею на каналѣ, если бы приближеніе Макъ-Магона, помедшало въ обходъ, не заставило австрійцевъ обратиться противъ этого неожиданнаго непріятеля. Они должны были отвести назадъ свое правое крыло, такъ что послѣ этой перемены фронта лѣвое крыло нѣ осталось въ Робенко, деревня Маджента сдѣлалась центромъ нѣхъ возвышенія, а Корбетто правымъ флангомъ. Войска, выдвинутыя впередъ защищать позицію на каналѣ, были отведены назадъ, чтобы стать передъ деревнею Маджентою и направо отъ нея.

«Чтобы имѣть ясное понятіе объ этомъ новомъ расположеніи австрійцевъ, мы должны помнить направленіе трехъ дорогъ: одна изъ Буффалоры въ Мадженту идетъ почти прямо на востокъ; во востокъ, главное шоссе, ведущее въ Миланъ, идетъ изъ Ponte Nuovo di Magenta въ Мадженту и наконецъ ланія желѣзной дороги, перешедши черезъ каналъ, поворачивается налѣво, пересѣкаетъ двѣ другія дороги и потому проходить по западной сторонѣ деревни Мадженты. Линія желѣзной дороги въ этой части сраженія играетъ роль еще болѣе важную, чѣмъ въ битвѣ на каналѣ; на этой линіи австрійцы встрѣтили атаку Макъ-Магона. Обширное званіе станціи и сама деревня служили опорой австрійскаго левтра, который протягивался по желѣзной дорогѣ до точки ея пересѣченія съ шоссе. Правое крыло опиралось на выдвинутый пунктъ той фермы, направо отъ дороги изъ Турбиго, о которой я упоминалъ.

«Какъ только подошелъ корпусъ Макъ-Магона, онъ построился въ боевую линію насколько позволяла мѣстность. Поставивъ первую дивизію налѣво, вторую направо, а нѣсколько пушекъ на узкой дорогѣ и гвардейскіхъ егерей и стрѣлковъ въ резервъ, онъ отважно двинулся на непріятельскую позицію. Небхота, какъ только подошли на видъ къ непріятелю, должна была развертываться по полямъ и виноградникамъ. Мѣстность такъ невыгодна виноградникамъ и деревьямъ, что линія не могла подниматься плотнымъ строемъ, а принуждена была принять болѣе растянутое цстрооевіе, среднее между разсыпнымъ стрѣлковымъ строемъ и развернутымъ строемъ линейной пѣлоты. Ферма, образовавшая выдвинутый впередъ пунктъ, сдѣлалась предметомъ кровопролитнаго боя. Непріятель сосредоточилъ около нея и въ ней значительную массу войскъ и противъ нѣхъ былъ посланъ второй полкъ иностраннаго легіона, произведшій атаку съ большою стремительностью. Непріятель, видя опасность потерять этотъ ключъ позиціи своего праваго крыла, послалъ колонну направо обойти во флангъ атакующихъ и, если можно, отрѣзать нѣхъ. На лѣвомъ крылѣ Макъ-Магона должны были находиться австрійцы, чтобы служить резервомъ и охранять его отъ подобнаго движенія, а съ тѣмъ имѣть, чтобы пытаться обойти австрійцевъ съ праваго фланга и съ тыла и отрѣзать нѣхъ отступленіе. По затруднительности узкой дороги, они не могли прійти во-время и результатомъ было, что 2-й полкъ иностраннаго легіона сильно потерѣвалъ, но былъ наконецъ избавленъ изъ этого положенія приближеніемъ резерва. Какъ только резервъ подошелъ, вся линія двинулась впередъ, шагъ за шагомъ отгоняя врага. По всей длинѣ линіи шель рукопашный бой на ружьяхъ и штыкахъ. Артиллерія негдѣ было поставить, кромѣ дороги. Но французы имѣли нѣсколько ракетныхъ батарей, которыми успѣшно дѣйствовали противъ врага. Въ такомъ бою обнаружилось превосходство штурпера надъ простымъ ружьемъ, которыми были вооружены австрійцы. Надобно прибавить, что защищавшія позицію войска держались по возможности тѣснымъ строемъ, такъ что каждый выстрѣлъ нѣхъ противниковъ входилъ себѣ цѣль. Вы никогда не видывали такой страшной рѣзни, казая происходила на всемъ этомъ пространствѣ, которое австрійцы защищали шагъ за шагомъ, но напоследокъ должны были уступить. Это нѣкто походить теперь на то, какъ будто былъ тутъ большой базаръ тряпья. Кэски, рапцы, ружья, мундиръ, бѣлье, сапоги покрываютъ поле, и все это заломано, изорвано, все покрыто кровью и до сихъ поръ свидѣлствуетъ объ упорствѣ сопротивленія, хотя большая часть раненыхъ уже убрана и почти всѣ убитые похоронены. Сколько драмъ геройства и свя-

рѣшости, сколько трагедій страданія и гибели должно было происходить здѣсь! Но самый отчаянный бой былъ далѣе, на желѣзной дорогѣ, у станціи, стоящей за ней, въ сѣмъ деревнѣ, подлѣ нея. Оттѣсняемые по всей линіи австріяцы сосредоточили здѣсь всѣ свои усилія отбѣгаться отъ врага. Противъ станціи и нѣсколько протививаясь на обѣ стороны отъ нея, передъ линіею рельсовъ идетъ широкій длинный ровъ, образовавшійся отъ выниманія земли для насыпи полотна. Гдѣ кончается ровъ, тамъ идетъ съ того и другого конца довольно длинною линіею крѣпкая деревянная рѣшетка, выкрашенная жезтою краскою и служившая къ тому, чтобы нельзя было переходить черезъ желѣзную дорогу. Кромѣ того, само полотно желѣзной дороги, составляя довольно высокую насыпь, образуетъ родъ естественнаго бруствера, нѣсколько прикрывавшего обороняющихся. Станція, соседнія строенія и крѣпкая колокольня были наполнены стрѣлками, а линейныя войска стали густою массою передъ ними. Тутъ были выдвинуты австріяцкиа впередъ свѣжіе отряды, пришедшіе на сибѣу утомяенныхъ товарищей. Гвардейскіа егеря и стрѣлки были посланы взять эту крѣпкую позыцію. Они ринулись впередъ, сбили враговъ и гнали ихъ до рѣшетки, которая остановила ихъ стремительное движеніе. Нѣсколькими пушечными выстрѣлами легко было бы свалить рѣшетку, но не было хѣства, откуда бы можно было стрѣлать по ней; потому оставалось употребить только салперовъ съ телорами. Они срубили рѣшетку и колонна вошла въ деревню. Тутъ каждый домъ обратился въ цитадель, защищающую отчаянными гарнизонами; только правильною битвою можно было взять его, и цѣлый рядъ писемъ легко было бы наполнять эпизодами, которыхъ были исполнены эта отдѣльныя битвы. Надобно признаться, что австріяцы отчаянно продолжали сражаться и тогда, какъ все было уже потеряно; ихъ офицеровъ было тутъ убито и ранено невѣроятно много, и солдаты остались безъ всякаго руководства въ этихъ изолированныхъ позиціяхъ, изъ которыхъ не было отступленія. Ихъ было сказано прежде, что пошады не должны они ждать, что у союзниковъ есть правило убивать всѣхъ плѣнныхъ и равенныхъ, потому они дрались съ мечтательною непреклонностію, считая себя погибшими людьми. Раненые залѣзали въ погребъ и вѣтались, гдѣ только могли, чтобы не попасться въ руки свирѣпаго врага, и умирали жалкими образамъ. Множество ихъ найдено было спрятанными; одни были мертвы, другіе такъ истощены, что едва ли могутъ поправиться. Еще и теперь, черезъ три дня послѣ битвы, находятъ очень многихъ и несутъ ихъ или въ госпиталь, или въ могилу. Я самъ вывѣ потру видѣлъ, какъ вытаскили изъ погреба станція двухъ несчастныхъ, тировскаго стрѣлка, легко раненаго, и линейнаго солдата, полумертваго отъ страха и истощенія. Они въ своемъ убѣжищѣ слышали на верху выстрѣлы изъ ружей, находившихъ зараженными на полѣ битвы, и вѣроятно, думали, что это разстрѣлываютъ ихъ товарищей. Но вовсе не такова ихъ судьба. Къ плѣннымъ французамъ едва ли даже не сострадали бы, чѣмъ съ своими солдатами. Они ухаживаютъ за ранеными австріяцами, какъ за дѣтьми, съ материнскою заботливостію, и дѣлаютъ все, что только могутъ, для облегченія ихъ страданій.

«Но воротимся къ сраженію. Въ 8 часовъ Макъ-Магонъ исполнилъ свое дѣло: Маджента была взята. Какъ начало атаки на эту деревню спасло полки, нанавдавшие на *Ponte Nuovo di Magenta*, такъ наступленіе этой колонны, подрѣзанной сильными резервами, содѣйствовало довершенію его побѣды и увеличенію числа плѣнныхъ. Почти вѣтъ возможности опредѣлить цифру ихъ, потому что ежеминутно приводятъ новыхъ,—но всего ихъ должно быть не менѣе 8,000; число убитыхъ и равенныхъ во всемъ сраженіи должно полагать тысячъ въ 10, потому что французы сами признають свою потерю въ 4,000 человекъ.

«Что побѣда была блестящая и рѣшительная, это несомнѣнно. Взяты знамена двухъ австріяцкихъ полковъ и три пушки въ этой части сраженія. Почему такъ мало взято пушекъ, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что австріяцы невоинно больше и могли выставить ихъ противъ непріятеля, да и выставленіе ихъ съ большою осторожностію, какъ будто предвидѣли несчастье.

«Лучшимъ доказательствомъ великости побѣды служить ея результатъ: австріяцы въ ту же ночь оставили Миланъ, бросивъ 100,000 ларъ и 3,000 ружей въ цита-

дели. Их отступление было так поспешно, что они не успели даже испортить железнодорожную или увести локомотивы, — на следующее утро иланцы прислали поезд с ранеными в Мадженту, которая служит последней станцией по железной дороге в Тичино».

Следующее письмо наш корреспондент Times'a посвящает Милану. Мы переводим почти вполнѣ и этот рассказъ.

Миланъ, 8 июля.

«Если бы кто сказалъ мнѣ, что на девятый день по моемъ прѣѣздѣ въ лагерь при Верчелли я прѣйду по желѣзной дорогѣ въ Миланъ, я назвалъ бы его просто сумасшедшимъ. А между тѣмъ такъ случилось. Тотчасъ по уходѣ австрійцевъ иланцы, какъ я говорилъ вамъ въ прежнемъ письмѣ, прислали поездъ за ранеными. Двѣ роты 1-го егерскаго гвардейскаго полка, подбиравшіе раненыхъ, приносили ихъ на станцію; такъ собралась докторъ, и, сдѣлавъ первую перевязку, отправляли ихъ въ Миланъ. Поезды безпрестанно приходили и уходили. Они состояли исключительно изъ вагоновъ 3-го класса, частью закрытыхъ, частью открытыхъ. Легко раненые, которые могли ходить, отправлялись въ пассажирскіе вагоны; тяжело раненыхъ клали въ товарные вагоны, которыхъ было придумано возможное по обстоятельствамъ удобство настилку соломы и сѣна. Туда приносили несчастныхъ, мучительно страдавшихъ отъ давленія. Подлѣ нихъ стоялъ боченокъ съ прохлаждающимъ питьеиъ изъ воды и сиропа и другой боченокъ съ виномъ, для утоленія палящей жажды, возбуждаемой ранами.

«Станція и самыя поѣзды представляли потрясающія сцены, ужасѣе которыхъ ничего невозможно вообразить; это было темною стороною блестящей побѣды, взглядъ за кулисы при дневномъ свѣтѣ. Раненые, находившіеся во всѣхъ степеняхъ страданія и агоніи, полуодѣтые, въ взорванномъ платьѣ, запыленные, лежали облиты собственною кровью. Священники ходили между нихъ съ св. дарамъ, причащая умирающихъ. Одеждаый взоръ смерти въ глазахъ одного показывалъ, что онъ пересталъ страдать; безпокойно вращающіеся глаза другаго и колѣнопреклоненный передъ нимъ священникъ показывали, что стоны его скоро прекратятся; подлѣ него лежалъ третій, которого вы почти бы умершихъ, если бы не слабые подергиванье его руки или ноги судорожныя. Вы невольно умолкали, входя въ эти мѣста, и синали шляпу при видѣ такого страданія. Даже неугомонныя французскіе солдаты, праслуживавшіе этииъ бѣднымъ страдальцамъ, стали задумчивы, и жертвое молчаніе перерывалось временами только торжественными словами священника, слабымъ вздохомъ, пронзительнымъ крикомъ боли. Вы почти забывали о побѣдѣ, искупающей эту мрачную сцену, вы думали, что эти люди, которые мирно заняты были своими промыслами; были призваны подвергнуться такому ужасу за защиту дѣла, которое не касается ихъ, котораго они не знаютъ, о которомъ никогда не думали. Да, тяжелая такая судьба.

«Но рѣшительно невозможно передать тѣхъ минутъ, когда раненые переносились въ вагоны. Какіе крики, какія блѣдныя лица, искаженные страданіемъ, какіе изувѣченные члены. Солдаты, переносившіе ихъ, — казалось, забывали обо всемъ на свѣтѣ крохѣ заботы облегчать мученія страдальцевъ. Филантропа растрогала бы такая сострадательность, а циникъ улыбулся бы отъ мысли, что тѣ самые люди, которые навели раны, стараются теперь исцѣлять ихъ, чтобы потомъ стараться взыскать ихъ вновь. Передъ тѣмъ, какъ поездъ двинулся, вновь разнесли раненыхъ прохлаждающимъ питьеиъ, котораго они жаждали. Наконецъ поездъ его тронулся, шумъ его заглушилъ всѣ другіе звуки и въ нѣсколько поворотовъ колеса увнеси насъ изъ виду станціи. Когда мы прѣехали въ Миланъ, тамъ уже насъ ждали женщины, добродушно явившіяся утѣшать за ранеными; онѣ подали имъ лимонадъ для утоленія жгучей жажды послѣ переѣзда, продолжавшагося болѣе часа.

«Вы прыгаете изъ вагона и нѣсколько инакомъ переносите вѣсь въ совершенно иной мѣръ, отъ сцены ужаса къ сценѣ счастья, отъ блѣдныхъ лицъ къ смѣющимся. отъ нѣсколькихъ страдальцевъ къ цѣлому народу, упоенному радостью, отъ вагоновъ, наполненныхъ изувѣченными, въ обширный городъ, разукрашенный по праздничному:

окна убраны коврами, французскими и итальянскими флагами, балконы наполнены красавицами, приветствующими каждый новый мундиръ, проходящій мимо нихъ, бросающими цвѣты на всѣхъ солдатъ безъ различія; улицы наводнены народомъ, онъ кричитъ «evviva» и аплодируетъ каждому солдату или офицеру, на всѣхъ итальянскіе комарды, съ прибавкою синей полоски изъ французской комарды. Въ толпѣ вы видите французскихъ солдатъ,—каждаго изъ нихъ обрѣзають, провожаютъ его съ триумфомъ нѣсколько горожанъ; въ каретахъ сидятъ новые гости вѣстѣ съ хозяевами: нѣдѣлю люди въ статскомъ платьѣ съ комардами на груди, съ ружьями на плечахъ, съ бумагою, припнитою къ шляпѣ,—на ней слова «порядокъ и безопасность», Ordine e sicurezza. Это новая муниципальная гвардія изъ волонтеровъ, вооружившихся ружьями, найденными въ цитадели, и взявшихся охранять полицейскій порядокъ.

«Словомъ, Миланъ торжествовалъ удавленіе австрійцевъ и вступленіе французъ, вошедшихъ сюда лишь по утру (8 июня—27 мая).

«Нынѣ австрійцы очистили Миланъ не такъ, какъ въ 1848 году: тогда продолжалась пять дней борьба, а теперь она ушла изъ города среди молчанія ночи. По опыту 1848 года австрійцы знали, что нельзя имъ удержаться въ Миланѣ, ишѣя передъ собою союзниковъ, и одинъ изъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ при Маджентѣ, уже нѣсколько дней назадъ говорилъ имъ, что они ожидали революціи въ Миланѣ еще до ухода ихъ изъ Маджентѣ. Побѣда эта избавила городъ отъ нужды въ революціи, и австрійцы умно рѣшились оставить ненавидящій ихъ городъ. Еще до получения вѣстѣй о пораженіи австрійцевъ, наружность ихъ солдатъ, возвращающихся изъ битвы, показала горожанамъ, что австрійскія дѣла плохи. Возвращавшіеся австрійцы значительно вытѣняли свою вѣчную господскую осанку, и по светловому ихъ движению было видно, что они готовятся къ выступленію. Правда, они еще велили по улицамъ семь человекъ зуавовъ, которыхъ взяли въ битвѣ, но вошедши въ одни ворота, они черезъ цитадель вышли въ другія ворота. Вѣстѣ съ ними удалялся миланскій подеста,—по своей непопулярности, онъ не могъ остаться въ городѣ безъ нихъ. По утру, увидѣвъ, что австрійцы ушли, муниципальный советъ взялъ на себя управленіе дѣлами и принялъ мѣры для предупрежденія безпорядковъ. Три тысячи ружей были розданы надежнымъ молодымъ людямъ, которые стали стережъ всѣ общественныя зданія и ходить патрулями по городу. Это было достаточно для сохраненія тишины, и не произошло ни малѣйшаго безпорядка. Сначала толпа, вспоминая 1848 годъ, вздумала ломать мостовую для востройки баррикадъ; но ее тотчасъ же остановили, и народъ держалъ себя самымъ спокойнымъ образомъ, точно также, какъ и въ Тосканѣ. Это показывается, что итальянцы, если только оставить имъ свободу, прекрасно умѣли бы управлять своими дѣлами.

«Съ учрежденіемъ временнаго правительства, если можно такъ назвать новую администрацію, исчезъ весь механизмъ стѣсненія: полицейское господство и т. п., водворилась свобода мысля и жизни, но не было ничего похожего на буйныя столпленія. Советъ обнародовалъ прокламацію о преобразованіи прежней національной гвардіи; другая приглашаетъ жителей сдѣлать хорошій пріемъ арміи; третья объявляетъ о прібытіи императора и короля; радость отъ полученія давно желанной свободы и встрѣча освободителей—этими фактами наливается все остальное въ Миланѣ. Городъ упоенный восторгомъ—вотъ нынѣшній характеръ Милана. Со вчерашняго утра, когда пришли французы, миланцы до сихъ поръ не могутъ омонѣться отъ восхищенія. Меня не было въ городѣ при первой встрѣчѣ, но какова она была, можно судить по тому, что видишь и теперь: повсюду сыплются на французовъ букеты, раздаются аплодисменты, крики и evviva,—миланцы превосходятъ по этой части всѣхъ итальянцевъ, которыхъ я видѣлъ до сихъ поръ. Карнавалъ продолжался до поздней ночи, и жители импровизировали иллюминацію, выставивъ на балконы всѣ свѣчи, бывшія въ комнатахъ.

«Эффектъ былъ поразительнъ, потому что весь городъ освѣтился въ одинъ мигъ, разомъ, безъ всякихъ предувѣдомленій, такъ что это внезапное согласіе лучше всего показывало, какимъ единодушіемъ проникнуты миланцы, по крайней мѣрѣ въ эту минуту».

Послѣ этого корреспондентъ подробно описываетъ вѣздъ императора французовъ и короля сардинскаго въ Миланъ; мы думаемъ, что читатели не нуждаются въ переводѣ этой части письма,— всѣ подробности, ею сообщаемыя, легко могутъ быть угаданы соображеніемъ.

Послѣ пораженія подъ Маджентою, австрійцы поспѣшно отступали назадъ, бросая всѣ свои вѣрности, запасы, думая только о томъ, чтобы безъ новыхъ пораженій добраться до Минчіо и своихъ крѣпостей, отъ которыхъ грозили отрѣзать ихъ быстро наступающіе враги. До самаго сраженія при Сольферино (24—12 іюня), цѣлыя три недѣли всѣ извѣстія съ театра войны ограничивались только новостями о томъ, какъ французско-сардинскія войска переходятъ бешепрепятственно одну рѣку за другою, занимаютъ одинъ городъ за другимъ. Единственнымъ сколько нибудь замѣтнымъ исключеніемъ изъ этой монотонной исторіи уступокъ и завоеваній безъ боя служило сраженіе при Меленьяно, 8 іюня, на дорогѣ отъ Милана къ тому пространству, по которому австрійцы должны были отступать отъ Мадженты къ Мангуть. На первый разъ союзникамъ показалось, что корпусъ Бенедекъ, встрѣченный ими у Меленьяно, былъ поставленъ тутъ съ цѣлю, чтобы задержать наступленіе союзниковъ, чтобы дать другимъ австрійскимъ корпусамъ время отступить. Но ничего подобнаго этому расчету или какому бы то ни было разумному плану со стороны австрійцевъ не оказывается по точнѣйшимъ извѣстіямъ: австрійцамъ пришлось сразиться у Меленьяно единственно только по той же безтолковой неѣлости всѣхъ ихъ дѣйствій въ нынѣшнемъ походѣ, которая была причиною ихъ столкновеній съ союзниками и пораженій при Монтебелло, Палестро и Маджентѣ. Въ доказательство приводимъ слѣдующій отрывокъ изъ письма вѣнскаго корреспондента Times'a:

«Долго никто здѣсь не могъ понять, зачѣмъ Бенедекъ, стоявшій въ Ломелло, когда союзники переходили Тичино, очутился въ Меленьяно, между Миланомъ и Лоди ¹⁾. Наконецъ тайна эта разъяснилась. 4-го числа ²⁾ графъ Гулаи послалъ Бенедеку приказъ идти со всевозможною поспѣшностью на помощь ему, Гулаи, къ Маджентѣ ³⁾. Получивъ приказаніе, Бенедекъ, никогда не навѣрующій исполненіемъ обязанности, пошелъ форсированнымъ маршемъ къ мѣсту дѣйствія. Но еще не дошелъ отъ него, какъ Гулаи, увидѣвъ 5 числа, что не можетъ удержаться въ своей позиціи у Мадженты, началъ отступать на Павію ⁴⁾. Гулаи, надобно думать, забылъ сообщить Бенедеку о своемъ отступленіи въ Алдѣ, и вотъ Бенедекъ 6 числа явился у окрестности Аббатѣ-Грассо ⁵⁾. Не извѣстно, какъ успѣлъ онъ пройти отъ этого мѣста до Меленьяно ⁶⁾, но этотъ переходъ вѣроятно былъ чрезвычайно труденъ, потому что многіе солдаты его падали отъ изнуренія и, покидаемые на дорогѣ, были подобраны преслѣдующимъ его непріателемъ. По французскимъ извѣстіямъ, союзники взяли 1,200 плѣнныхъ—безъ всякаго сомнѣнія, это были изнемогшіе и оставшіе отъ корпуса солдаты».

¹⁾ То есть очень далеко на сѣверъ отъ той дороги, по которой слѣдовало бы ему отступать.

²⁾ То есть въ тѣ минуты, когда шла битва при Маджентѣ.

³⁾ То есть на сѣверъ отъ Ломелло.

⁴⁾ То есть по дорогѣ отъ Мадженты прямо на югъ, такъ что Бенедекъ остался на сѣверо-западѣ отъ него, продолжая идти къ мѣстамъ, оставленнымъ австрійцами и уже занятымъ союзниками.

⁵⁾ Тамъ, гдѣ 4 іюня была главналъ квартира Гулаи, и откуда Гулаи уже давно ушелъ; вмѣсто своего ставъ, онъ нашелъ непріятельскій лагерь.

⁶⁾ То есть избѣжалъ враговъ, въ средину которыхъ попалъ по непростительной небрежности Гулаи, оставившаго его безъ извѣстій о своемъ отступленіи

Австрійскіе солдаты, по признанію самихъ враговъ очень храбро дрались во всѣхъ сраженіяхъ, но благодаря совершенно оригинальному способу распоряженій ихъ предводителей, всѣ сраженія были устроены такъ мило, что союзная армія по совѣсти едва ли даже можетъ хвалиться своими побѣдами, несмотря на храбрость непріятельскихъ солдатъ и крѣпость занятыхъ ими позицій: пусть позиціи были страшны, но главныя силы непріятеля бродили около нихъ безъ всякаго толку и смысла, оставляя безъ поддержки тѣ свои отряды, которые защищали позицію, а эти отряды были поставлены на позицію изнуренные форсированнымъ маршемъ, и въ теченіе цѣлыхъ сутокъ, полутора, даже двухъ сутокъ оставались безъ всякой пищи, да и въ битвѣ стояли также не имѣя ни куска хлѣба для подкрѣпленія изнуренныхъ силъ. При каждой битвѣ мы слышимъ объ австрійскихъ солдатахъ одну и ту же исторію, которую рассказываетъ вѣнскій корреспондентъ Times'a о битвѣ при Маджентѣ:

«Солдаты, не имѣвшіе времени поѣсть, падали на землю совершенно истощенные зноемъ, голодомъ и жаждою. Медики, находящіеся при арміи, говорятъ мнѣ, что раненные, приносимые въ госпитали, прежде всего просятъ, чтобы ихъ накормили и напоили».

Каковы бы ни были солдаты, выставляемые на битву въ подобномъ состояніи, побѣда надъ ними должна быть такъ несомнѣнна, что побѣдители едва ли могутъ и гордиться ею. Прибавимъ къ этому нелѣпость распоряженій и стратегическихъ и тактическихъ, и мы убѣдимся, что за свои побѣды союзники должны благодарить не столько самихъ себя, сколько своихъ противниковъ.

Нелѣпость плановъ, по которымъ австрійцы наступали и отступали, сражались и оставляли безъ боя свои позиціи, всего яснѣе выказывается сраженіемъ при Сольферино, которое затмило своею громадностью и самую битву при Маджентѣ,—сраженіемъ, подобнаго которому по числу войскъ не бывало со времени битвы подъ Лейпцигомъ. У австрійцевъ была чрезвычайно крѣпкая позиція на Минчіо; другую, передъ нею, тоже довольно крѣпкую, представляла рѣка Кіэзе, текущая параллельно съ Минчіо, верстахъ въ 20—25 отъ него на западъ. Всѣ военные люди въ одинъ голосъ говорили, что австрійцы могутъ защищаться на Кіэзе и непременно должны защищаться на Минчіо,—австрійцы почли полезнымъ доказать на фактъ, что они гораздо выше всѣхъ соображеній, представляемыхъ здравымъ смысломъ, который, какъ извѣстно, не имѣетъ officialнаго значенія въ австрійскомъ государствѣ. Они перепустили непріятеля безъ боя черезъ Кіэзе, и отступили на восточный берегъ Минчіо, какъ будто собираясь всѣми силами защищать переправу черезъ эту рѣку. Всѣ того и ожидали, что австрійцы остановятъ непріятеля на этой рѣкѣ. Но австрійцы вдругъ, ни съ того, ни съ сего, обратно перешли Минчіо, чтобы встрѣтить врага между Кіэзе и этою рѣкою,—зачѣмъ же было отступать, зачѣмъ дѣлать лишніе переходы, изнурявшіе солдатъ и разстроивавшіе аммуниціонный обозъ передъ рѣшительнымъ сраженіемъ? Такимъ-то маанеромъ, 24 (12) іюня сочинили они битву въ такой позиціи, которую сами бросили за два дня передъ этимъ. Разумѣется, исходъ сраженія совершенно соотвѣтствовалъ обдуманности ихъ дѣйствій. Чтобы подробнѣе познакомить читателя

съ этою битвою, самую колоссальную изъ всѣхъ сраженій нынѣшней Войны, мы прибѣгаемъ опять къ разсказу корреспондента „Times'a“, находящагося при главной квартирѣ союзной арміи. Мы переводимъ всѣ его письма, относящіеся къ битвѣ при Сольферіино. Въ первомъ, сдѣланномъ наскоро, описаніи вкрались у него ошибки, которыя исправляеть онъ самъ въ слѣдующихъ письмахъ, и есть у него нѣсколько повтореній, которыхъ можно было избѣжать, передѣлавъ его письма въ одинъ непрерывный разсказъ; но мы не рѣшаемся передѣлывать этихъ писемъ, не желая жертвовать свѣжестью и точностью сообщаемыхъ ими свѣдѣній, для приданія имъ вѣрнаго единства. Начинаемъ переводъ отрывкомъ письма, въ которомъ онъ, за нѣсколько дней передъ сраженіемъ, изображаетъ мѣстность, гдѣ потомъ произошло оно. Читатель знаетъ, что краугольными камнями австрійскаго военнаго господства въ сѣверной Италіи служатъ огромныя крѣпости Верона и Мантуа съ двумя меньшими крѣпостями, Пескьеро и Леньяно; что эти крѣпости составляютъ четырехугольникъ; что западную сторону его образуетъ рѣка Минчіо, на сѣверномъ концѣ которой лежитъ Пескьеро, и на южномъ Мантуа. Минчіо вытекаетъ изъ юго-восточнаго угла Гардскаго озера. Полемъ сраженія была мѣстность на югъ и на югъ-западъ отъ Пескьеры и Гардскаго озера. Вотъ подробности о ея характерѣ:

«Врѣмя. Юня 19 (7).

«Южные берега Гардскаго озера описаны рядомъ невысокихъ холмовъ, начинающихся у Гавардо на Кіазе и идущихъ на югъ къ Лонато и Кастильйоне ¹⁾; потомъ эти холмы поворачиваютъ на юго-востокъ къ Вольтѣ ²⁾, далѣе оборачиваются на сѣверъ черезъ Валеджіо и Соммакомпанья ³⁾, и доходятъ до Адидже у Буссоленго ⁴⁾. Почти каждое изъ этихъ именъ напоминаетъ о какомъ нибудь сраженіи, а въ серединѣ треугольника, между этими его окраинами и Гардскими озеромъ, почти нѣтъ деревни, которая не бывала бы театромъ боя въ прежнихъ войнахъ новаго времени. Это потому, что холмы, идущіе на югъ отъ Гардскаго озера, охраняютъ путь къ Манчіо и переломъ черезъ него, такъ сказать, и составляютъ передовое укрѣпленіе знаменитаго четырехугольника австрійскихъ крѣпостей.

¹⁾ Лонато—верстахъ въ 4 на западъ отъ юго-западнаго конца Гардскаго озера; Кастильйоне—верстахъ въ 8 прямо на югъ отъ Лонато.

²⁾ Вольта верстахъ въ 15 по прямой линіи отъ Кастильйоне, на юго-востокъ; она почти прямо на югъ отъ Пескьеры и юго-восточнаго конца Гардскаго озера, верстахъ въ 4 отъ Минчіо на западъ.

³⁾ Валеджіо лежитъ верстахъ въ 6 отъ Вольты на сѣверо-востокъ, уже на восточномъ берегу Минчіо. Соммакомпанья еще далѣе на сѣверо-востокъ отъ Вольты, верстахъ въ 10. Вольта, Валеджіо и Соммакомпанья образуютъ прямую линію, длина которой верстъ 15.

⁴⁾ Буссоленго лежитъ на 8 верст. прямо на сѣверъ отъ Соммакомпаньи, на юго-западномъ берегу Адидже, въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка поворачиваетъ съ сѣвера на востокъ. Адидже течетъ сначала почти параллельно восточному берегу Гардскаго озера и поворачиваетъ почти прямо на востокъ съ небольшимъ уклономъ въ югу, нѣсколько не доходя параллели южнаго берега Гардскаго озера. Такимъ образомъ, основаніе холмистаго треугольника (сѣверную сторону его) составляетъ линія отъ Лонато на западъ до Буссоленго на востокъ; эта линія имѣетъ около 26 верстъ длины, и въ средней части своей идетъ по южному берегу Гардскаго озера. Южный конецъ треугольника—Вольта, лежитъ верстахъ въ 20 отъ Лонато (юго-западнаго угла) и верстахъ въ 22 отъ Буссоленго (юго-восточнаго конца). Минчіо сѣвернымъ теченіемъ своимъ проходитъ по этому треугольнику, который большою половиною своею лежитъ на западъ отъ рѣки, а небольшимъ кускомъ на востокъ отъ нея.

Через Минчио ведут три большія дороги. Одна на югъ изъ Павія въ Мантуу идетъ вдоль По и входитъ прямо въ крѣпость. Дѣй другія на сѣверъ; обѣ выходятъ изъ Брешіа. Та, которая идетъ сѣверѣе, проходитъ прямою линіею черезъ Ловато, извинаясь по холмамъ вдоль южнаго края Гардскаго озера, переходитъ черезъ Минчио въ Пескьеръ, гдѣ рѣка эта вытекаетъ изъ озера, и потомъ ведетъ въ Верону. Другая дорога, идущая южнѣе, переходитъ черезъ Киззе у Монтекьяро, и входитъ въ холмистый треугольникъ у Кастильоне, потомъ ведетъ на юго-востокъ до Гомто, гдѣ переходитъ черезъ Минчио. Кромѣ этихъ главныхъ путей, есть двѣ или три проселочныя дороги черезъ Минчио; онѣ выходятъ изъ Ловато или Кастильоне и переходятъ рѣку у Валеджіо, Монцабано и Саліонцо ¹⁾.

«Я такъ подробно рассказывалъ вамъ объ этихъ дорогахъ потому, что онѣ составляютъ значительный элементъ въ оборонительной системѣ крѣпостного четырехугольника; онѣ устроены съ такимъ характеромъ, чтобы ограничить доступъ къ нему по возможности немногими пунктами. Природа иѣстности очень благопріятствовала осуществленію такого плана. Начать съ того, что болѣе половины Минчио,—вса нижняя часть его отъ Гомто до устья, такъ окружена болотами, что для устройства перехода нужны тутъ колоссальныя сооруженія. Въ центрѣ этой части теченія лежатъ крѣпость Мантуа, составляющая единственный пунктъ переправы.

«На сѣверѣ всѣ большія дороги сосредоточены въ Броніи и оттуда въ Минчио проложены по холмистому округу, описанному мною. Армія, желающая достигъ рѣки, не можетъ виновать этой гористой иѣстности. Холмы эти настолько круты, что даютъ опору обороняющемуся, но не такъ утесисты, чтобы затруднять его собственныя движенія,—словомъ сказать, это иѣстность самая выгодная для обороны. Пока заняты холмы, и въ особенности край западнаго ряда ихъ у Ловато и Кастильоне, непріятель не можетъ идти въ Минчио, не подвергая чрезвычайной опасности своего тыла. Но даже и потерявъ эти двѣ крайнія позиціи, храбрый защитникъ въ холмистой иѣстности по обѣ стороны Минчио почти на каждомъ шагѣ находитъ новыя позиціи, въ которыхъ можетъ задерживать непріятеля съ фронта и съ фланга. Если помните, въ 1848 году всѣ упорнѣйшія битвы австрійцевъ съ піемонтцами происходили тутъ. И прежде и послѣ того эта иѣстность была любимымъ иѣстомъ австрійскихъ маневровъ при ежегодномъ лагерномъ сборѣ ихъ войскъ въ началѣ осени. Сообразивъ это все, натурально было бы ждать, что австрійцы встрѣтятъ насъ при Ловато и Кастильоне главными силами, выдвинувъ свой авангардъ къ Монтекьяро на Киззе».

Австрійцы два раза покидали эту позицію, уходили за Минчио и потомъ опять возвращались; въ первый разъ такой странный оборотъ сдѣлали они около 19 (7) іюня, во второй разъ перешли на западную сторону Минчио 23 (11) іюня, чтобы рано поутру напасть на врага, котораго предполагали застать врасплохъ—предположеніе, нелѣпость котораго должна была являться ясюю каждому въ ихъ лагерѣ, имѣвшему понятіе о томъ, какъ осторожно двигаются впередъ союзники. По какой причинѣ австрійцы возвращались назадъ послѣ перваго отступленія, мы не знаемъ хорошенько; но кажется, что тутъ странный маневръ этотъ былъ произведенъ только отдѣльнымъ корпусомъ, и нѣкъ характеръ сильной рекогносцировки. Второе, рѣшительное движеніе впередъ всѣми силами было, какъ теперь извѣстно, слѣдствіемъ мысли самого

¹⁾ Саліонцо лежитъ на Минчио, верстахъ въ 4 ниже (южнѣе) Пескьеры; Монцабано еще версты на 3 далѣе къ югу; Валеджіо еще южнѣе версты на 4. Отъ Пескьеры до Мантуи по прямому направленію всего верстъ 30 (по навигионамъ рѣки, конечно, болѣе). Проселочныя дороги всѣ три переходятъ рѣку въ верхней части, а самая южная изъ нихъ (у Валеджіо) не далѣе 10 верстъ отъ Пескьеры по прямому направленію. Изъ трехъ большихъ дорогъ двѣ переходятъ рѣку въ крѣпостяхъ Пескьеръ и Мантуѣ, а третій путь, черезъ Гомто, находится отъ Мантуи верстахъ въ 10, а отъ Пескьеры верстахъ въ 20.

Франца Иосифа, который увлекся личным соперничествомъ съ Наполеономъ III и хотѣлъ показать, что умиѣть быть главнокомандующимъ не хуже императора французовъ. Начинаемъ снова переводить рассказъ корреспондента „Times'a“.

«Кавриана, 25 (13) іюня, 4 часа вечера.

«Еще новое яля прибавилось къ числу мѣстностей маленькаго треугольника между Кіэзе и Минчио, прославленныхъ военными событіями. Сольферино—название, еще вчера неизвѣстное никому, кромѣ антикваріевъ, имѣетъ нынѣ значеніе во всемірной исторіи: оно соответствуетъ одной изъ величайшихъ битвъ нашего вѣка. Тутъ въ первый разъ встрѣтились полными силами двѣ великія арміи, борьбою которыхъ рѣшается судьба Италіи. Во всѣхъ прежнихъ битвахъ оны выставили въ поле или въ крайней мѣрѣ вводили въ дѣло только часть своихъ силъ; вчера оны вали въ битву всѣмъ силами, казія только могли. Стало быть, тутъ былъ первый случай судить объ ихъ сравнительномъ достоинствѣ и могуществѣ. Оба императора были во главѣ войскъ, окруженные всѣми опытѣйшими своими совѣтниками.

«Каковъ будетъ непосредственный результатъ этого гигантскаго составанія, мы давно уже будете знать по телеграфическимъ депешамъ, когда прійдетъ къ вамъ мое письмо. Каково бываетъ вліяніе великой битвы на общую судьбу похода, разъясняется тотчасъ по окончаніи сраженія только въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда одна изъ арій совершенно разбѣзана; а сраженіе при Сольферино не принадлежитъ къ числу такихъ битвъ, гдѣ составляется великую и рѣшительную побѣду. Австрійцы были разбиты, отгнаны съ одной стороны за другую,—но могутъ ли они противостоять вамъ еще разъ въ открытой полѣ, или нѣтъ, этого мы теперь еще не знаемъ.

«Въ австрійскихъ военныхъ планахъ есть какой то элементъ, неосуществимый для насъ и придающій дѣйствіямъ ихъ въ нынѣшнемъ второи періодѣ похода такую же слабость, въ нѣтъ, какою отличался и первый періодъ нашествія. Въ понедѣльникъ (20—8 іюня) они находятся въ полномъ отступленіи за Минчио, а въ четвергъ опять выступаютъ впередъ всѣми своими силами, занимаютъ позиціи, укрѣпляютъ ихъ, приготовляются встрѣчать насъ. Не предположить ли, что отступление было условной? Но если такъ, они считали своего непріятеля слишкомъ доверчивымъ, думая спрятать отъ него 180 или 200 тысячную армію. Все повидимому показывало, что австрійцы хотѣли уйти за Минчио, не принимая битвы на западной сторонѣ его, а думая всѣми своими силами защищать переходъ черезъ эту рѣку; но мы все-таки двигались впередъ съ такою осторожностью, какъ будто бы ежминутно ожидали встрѣтить врага. Отряды правильно подвигались съ позиціи на позицію, одинъ заступалъ мѣсто, оставленное другимъ, на право и на лѣво посылались партіи для развѣдыванія непріятеля.

«Когда союзники, перешедши Кіэзе, приблизились къ той мѣстности, гдѣ скорѣе всего можно было ждать отпора, если готовился отпоръ, они стали подвигаться точно въ такомъ порядкѣ, какъ будто бы шли на поле битвы. Каждый корпусъ занималъ положеніе, которое слѣдовало бы ему занимать въ сраженіи. Это было видно изъ объѣздовъ по линіи союзныхъ войскъ наканунѣ битвы: тутъ, какъ и во все время наступленія, лѣвое крыло было нѣсколько впереди праваго, а на крайнемъ правомъ крылѣ былъ отдѣльный корпусъ, шедшій въ тылу для прикрытія этого фланга, но такъ близко къ передовой линіи, что при случаѣ битвы можно было ввести его въ боковую линію.

«Наканунѣ сраженія позиція союзниковъ протягивалась отъ Дезенцано на берегу Гардскаго озера ¹⁾ вдоль по западному краю холмистаго треугольника, черезъ Ловато до Кастильоне, потомъ линія расположенія поворачивала назадъ къ Карневедоло, гдѣ впадалась рѣка Кіэзе. Самъ императоръ съ гвардіею, составлявшемъ ре-

¹⁾ Дезенцано лежитъ на юго-западномъ углу Гардскаго озера, верстахъ въ 4 отъ Ловато, которое находится на юго-западѣ отъ озера.

жерсть, былъ въ Монтекарло, а штабъ-квартира сардинскаго короля находилась въ Лонаго ¹⁾).

«Въ этотъ день (23) была сдѣлана рекогносцировка къ Сольферино ²⁾ и наткнулись на австрійскіе аванпосты; это показало, что Сольферино занато австрійцами, но не разъяснило, отдѣльный ли тутъ отрядъ ихъ, оставленный для наблюденія за союзниками, или авангардъ всей австрійской арміи. Дѣло показалось подозрительно. По всей окрестности было то глубокое молчаніе, которое почти всегда замѣчается въ подобныхъ обстоятельствахъ; единственными признаками жизни и движенія служили облава пыли по направлению къ переходамъ черезъ Минчіо у Гонто и Мантуй. Вечеромъ воздухоплаватель Годдаръ долженъ былъ подняться на аэростатъ съ одного изъ холмовъ, находящихся позади Кастильйоне ³⁾. Мы ъ нужно было убѣдить въ Кастильйоне до начала этой операціи, потому не утѣю вамъ сказать, удалась ли она и разъяснила ли положеніе непріятеля. Какъ бы то ни было, впрочемъ въ Кастильйоне все еще оставалось неподвижно—я гвардія, и императорская квартира.

«Наконецъ, вчера въ 5 часовъ утра громъ пушакъ показалъ, что положеніе непріятеля извѣстно: сильная рекогносцировка со стороны союзниковъ обнаружила его силы. Мыѣ нежелали въ часъ гвардіи построиться и выступила. Еще не прошель другой часъ, уже готова была диспозиція къ атакѣ. Не знаю, были ли эта диспозиція составлена по вдохновенію нинуты, или императоръ заранѣе зналъ, на какую позицію придутъ австрійцы защищать взреходъ черезъ Минчіо; но судя по видимому, казалось, что весь планъ атаки составили экспромтомъ, и приказанія были отданы уже въ самыя послѣднія нинуты.

«Прежде чѣмъ говорить объ этихъ диспозиціяхъ, постараемъ дать вамъ понятіе о расположеніи австрійской арміи.

«Минчіо, выходя изъ Гардскаго озера, течеть прямо на югъ, а грады холмовъ на обоихъ берегахъ идутъ почти перпендикулярно къ нему. На правомъ (западномъ) берегу, который одинъ для насъ нуженъ, холмы идутъ съ сѣверо-запада на югъ до Кастильйоне, потомъ, дѣлая поворотъ, упираются въ Минчіо по направлению на юго-востокъ. Такимъ образомъ гористая мѣстность тутъ образуетъ довольно правильный параллелограммъ, направленный отъ сѣверо-востока на юго-западъ; четыремя углами его служатъ Лонаго, Пескьера, Вольта и Кастильйоне ⁴⁾; длиною этотъ параллелограммъ холмовъ около 12 миль (18 верстъ), а широта—около 9 миль (14 верстъ) ⁵⁾ и почти по своей срединѣ раздѣляетъ рѣкою, текущею въ Минчіо. Холмы поднимаются легкими возвышеніями отъ береговъ озера, достигая самой большой высоты своей около источника этой рѣчки, потомъ опять понижаются къ Минчіо. Источники рѣчки почти въ самомъ центрѣ параллелограмма; налѣво отъ нея (на сѣверъ) лежатъ Ронделетто и Пидолетто, а налѣво (на югъ)—Сольферино, Монте-Оливето и Кавриана.

¹⁾ Читатели помнятъ, что союзники вообще подвигались лѣвыми крыломъ нѣсколько впередъ; сардинцы были на лѣвомъ крылѣ. Лонаго отъ Кіаэе находится верстахъ въ 6 на востокъ (впередъ къ непріятелю); Кастильйоне, какъ мы говорили, верстахъ въ 8 прямо на югъ отъ Лонаго; Карпенедоло верстахъ въ 5 на юго-западъ отъ Кастильйоне; эта деревня (Кастенедоло) лежитъ около 1½ версты на востокъ отъ Кіаэе. Прямое расстояние между Дезенцано и Карпенедоло верстъ 13. Монтекарло лежитъ на Кіаэе, верстахъ въ 7 на западъ отъ Кастильйоне и занимаетъ центръ дуги, образуемой Лонаго, Кастильйоне и Карпенедоло.

²⁾ Верстахъ въ шести на востокъ отъ Кастильйоне.

³⁾ Этотъ знаменитый воздухоплаватель, находившійся при главной квартирѣ императора французова, очень помогаль своими восхожденіями полученіями свѣдѣній о расположеніи непріятельскихъ силъ; по крайней мѣрѣ, такъ утверждаютъ корреспонденты французскихъ газетъ. Читатель помнитъ, что еще въ концѣ прошлаго вѣка генералы французской республики пытались воспользоваться этимъ новымъ тогда открытіемъ для обозрѣванія непріятельскихъ позицій.

⁴⁾ Лонаго на сѣверномъ, Кастильйоне на южномъ углу западной (союзнической) стороны; Пескьера на сѣверномъ, Вольта на южномъ концѣ восточной (австрійской) стороны.

⁵⁾ Длинна тутъ считается по направленію отъ Лонаго къ Пескьерѣ, а широта по восточной и западной сторонамъ.

Эти пункты австрийцы выбрали ключами своей позиции; позиция их тянулась от Пескьеры, на которую она опиралась правым флангом, через этот крепкий центр в равнину рѣки Минчио, пересѣкаемую шоссе, идущимъ въ Гойто. Вся длина ихъ позиции была не менѣе 12 миль (18 верстъ). Центромъ этой линіи была Кавриана, гдѣ императоръ австрийскій расположилъ свою главную квартиру, а Сольферино былъ ключъ всей позиции ¹⁾. Такою позиціе прикрывались всѣ доступы къ Минчио; но именно мысль о необходимости прикрыть всѣ дороги, ведущія къ этой рѣкѣ, заставила австрийцевъ растянуть свою позицію на такое огромное пространство и позиция была ослаблена своею извилистою линіею. Надобно притомъ замѣтить, что тѣмъ далѣе отступать къ востоку, тѣмъ болѣе возрастаетъ эта ослабляющая длина позиции, потому что главный путь черезъ Минчио, шоссе, ведущее въ Гойто, идетъ изъ Кастальйоне къ рѣкѣ съ болѣе или менѣе отклоненіемъ на югъ.

«Эту слабость позиции союзники замѣтили и составили свой планъ сообразно съ нею. Вмѣсто того, чтобы брать позицію съ фронта, откуда она страшно мѣшала, вся сила атаки была устремлена на фланги, съ тѣмъ чтобы, если возможно, прорвать австрийскую линію и овладѣть однимъ изъ доступовъ къ Минчио или, по крайней мѣрѣ, заставить неприятеля покинуть крѣпкую позицію на холмахъ».

«Поэтому четвертый корпусъ, генерала (нынѣ маршала) Нізля, подкрѣпленный частью резерва и артиллеріею, получилъ приказаніе опираться въ равнину, по направленію къ Гойто ²⁾. Первый корпусъ маршала Баракъ д'Илье долженъ былъ идти по дорогѣ, ведущей изъ Кастальйоне вдоль холмовъ у ихъ подножій, мимо деревушки Гроле, на Сольферино. Одина изъ дивизій корпуса герцога надвѣнтскаго (Мавъ-Майона; его корпусъ второй) должна была атаковать Сольферино по горной дорогѣ, съ фронта, а другая совершенно съ тыла, отъ деревни Санъ-Кассіано ³⁾. 3-й корпусъ, маршала Канробера, не былъ поставленъ въ первой линіи, — онъ оставался нѣсколько назадъ, по направленію къ Касталь-Овзаго ⁴⁾, а сардинской арміи назначено было совершить на лѣвомъ (сѣверномъ) крылѣ фланговое движеніе, соответственное подобному движенію на правомъ крылѣ (то есть движенію 4-го корпуса) и стараться прорвать линію между Пескьерою и Поццоленто, чтобы овладѣть однимъ изъ дорогъ на Минчио, находящихся въ этомъ направленіи. Гвардія оставалась въ резервѣ, подъ личнымъ начальствомъ императора, управлявшаго всѣмъ наступленіемъ».

«Холмистый видъ мѣстности довольно благопріятенъ для наблюдателя, но линія была такъ растянута, что не было возможности обозрѣвать всю ее, а одновременность наступленія на многіе пункты отнимала возможность слѣдить за подробностями въ каждой отдѣльной мѣстности. Потому ограничились только главными чертами, насколько я самъ видѣлъ дѣло или успѣлъ разузнать о немъ».

«Атака началась почти одновременно на правомъ крылѣ и въ центрѣ: въ то самое время, какъ ружейный огонь и наступленіе колоннъ къ Сольферино показались, что битва завязалась въ центрѣ, послышался грекъ піемонтскихъ пушекъ съ лѣваго фланга и Нізлевой артиллеріи съ праваго, со стороны Санъ-Виджидіо и Медоле ⁵⁾».

«Холмъ, около котораго построена деревня Сольферино, — самый возвышенный пунктъ во всей окрестности. Онъ имѣетъ форму конуса, а на вершинѣ его стоитъ высокая четырехугольная башня, называвшаяся Spia d'Italia (Шпіюшка Италіи), потому что съ верку ей видна вся равнина Верхней Италіи отъ Альпъ до По. Этотъ холмъ стоитъ отдѣльно отъ остальнаго хребта и отъ него идутъ три возвышенныя террасы: одна къ озеру, другая въ долину, третья къ деревнѣ Канрианъ. Такимъ образомъ, онъ составляетъ какъ будто цитадель съ тремя бастионами, и всѣ дороги,

¹⁾ Канриана лежитъ верстахъ въ трехъ на юго-востокъ за Сольферино.

²⁾ Читатель помнитъ, что дорога въ Гойто лежала на лѣвомъ флангѣ австрийской позиции.

³⁾ Санъ-Кассіано лежитъ на юго-востокъ отъ Сольферино, на версту съ не-
большимъ».

⁴⁾ На сѣверо-западъ отъ Сольферино.

⁵⁾ Эти деревни лежатъ верстахъ въ 4 и въ 7 на югъ (направо по французскому фронту) отъ Кастальйоне; Санъ-Кассіано, куда Нізль долженъ былъ двинуться, чтобы атаковать Сольферино съ тыла, лежитъ между Медоле и Сольферино.

ведущія къ нему, идутъ по ущельямъ между террасами. Со всѣхъ сторонъ, кромѣ одной обращенной въ равнину, террасы очень круты, и сами дороги всходятъ по такому крутому возвышенію, что называются «лѣстницами», Scale di Solferino. Съ равнины подъемъ на холмъ не крутъ до первыхъ домовъ селенія, но тутъ получаетъ такую же обрывистую крутизну, какъ подъемъ съ другихъ сторонъ. Этотъ подъемъ со стороны равнины и былъ выбранъ пунктомъ атаки. Австрійцы ждали того и приготовились къ встрѣчѣ противниковъ. Обѣ стороны дороги до самаго села покрыты виноградниками; въ нѣтъ были введены густыя массы пѣхоты; мѣстность по своему характеру давала имъ стрѣлять прикрытіе и свободу дѣйствія. Артиллерию они также приготовили: поставили пушки не только на дорогѣ, но и по обѣ стороны ея на разныя возвышенныя пункты, которые много въ верней половинѣ дороги, близъ деревни. Бой начался почти съ самой равнины, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога изъ Кастильоне поворачиваетъ на гору къ деревнѣ и пересѣкаетъ другую дорогу, ведущую изъ деревни на гонгское шоссе. Дѣй дивизіи перваго корпуса (дивизіи Форэ и Базена) должны были выбивать неприятеля съ позиціи; дивизія втораго корпуса должна была напасть на деревню съ тыла, отъ Санъ-Кассіано. Австрійскіе стрѣлки были уроны; дѣй дивизіи 2-го корпуса двинулись впередъ и послѣ жаркой перестрѣлки успѣли отбѣснѣть неприятеля къ деревнѣ. Но настоящій бой именно только въ деревнѣ и начался. Входъ въ нее былъ загороженъ баррикадами, и въ высокіе стѣны садовъ, идущіе по обѣ стороны, были продѣланы бойницы для ружей, а съ возвышенія направо осыпала дорогу картечью багетар. Входъ въ деревню сдѣлался мѣстомъ отчаяннѣйшей битвы: наконецъ французы пробрались черезъ него, и тогда началось одно изъ тѣхъ сраженій въ улицахъ, которыя составляютъ отличительную черту вышѣшней напавіи: въ каждомъ домѣ были сдѣланы бойницы, каждый былъ занятъ неприятелемъ. Въ домахъ этихъ нѣтъ ни дворахъ выходовъ съ задней стороны, потому въ каждомъ засѣвшемъ въ него солдатъ должны были драться до послѣдняго человѣка или сдаваться. Первая дивизія 1-го корпуса два раза успѣвала прорываться до церкви, ограда которой находится у самой подошвы большаго коническаго холма, и два раза принуждена была отступать впередъ ревершии, подвоинными неприятелемъ. Бой длился болѣе двухъ часовъ, и силы солдатъ начали изнемогать. Въ эту минуту, около 8 часовъ утра, гвардейскіе вольтижеры и егеря получили приказаніе схватить ихъ. Въ то же время дивизія 2-го корпуса съ турками или алжирскими туземными стрѣлками успѣшно произвела атаку отъ Санъ-Кассіано, а другая дивизія 1-го корпуса достигла высотъ нѣтъ отъ дороги. Между тѣмъ въ полчасъ неприятель былъ выбитъ изъ своей крѣпости и отступилъ, оставивъ 12 пушекъ обѣзвѣтѣямъ. Онъ удалился къ Кавріанѣ, но шагъ за шагомъ. Смотра съ Сольферино къ Кавріанѣ, видѣть рядъ холмовъ, безпрестанныхъ подъемовъ и спусковъ, изъ которыхъ каждый былъ мѣстомъ новой атаки.

«По взятіи Сольферино бой получилъ характеръ правильнаго сраженія, въ которомъ стало играть роль тактическое искусство,—заніе Сольферино было болѣе дѣломъ храбрости, нежели искусства. Сраженіе часто сравниваютъ съ шахматною игрою. Вѣрность этого сравненія никогда не поражала меня такъ, какъ вчера при видѣ наступленія отъ Сольферино къ Кавріанѣ, когда одинъ нашъ отрядъ выдвигался за другимъ, и неприятель шагъ за шагомъ уступалъ. Въ этотъ бой особенно обнаружилось превосходство новой французской наръзной пушки. Легкость орудія этихъ такова, что ихъ можно было поднимать на холмы, на которые по крутизнѣ ихъ даже пѣхотѣ трудно было взбираться. А между тѣмъ далекость и вѣрность ихъ стрѣльбы почти невѣроятны. Видно было, какъ ихъ бомбы попадаютъ среди неприятельскихъ батарей и нѣтохъ, между тѣмъ какъ ядра австрійскихъ пушекъ, бросаемихъ подъ самымъ большимъ угломъ возвышенія, не долетали или долетали въ воздухѣ. Атака на этотъ рядъ позицій, занимаемыхъ одна за другою, произведена была одновременно и съ высотъ и изъ долинъ; общему пѣльмъ нападенія было взяты высоты Кавріаны, бывшей центрою австрійской позиціи. Между тѣмъ какъ одна колонна подымалась по дорогѣ, ведущей вдоль подошвы холмовъ къ Кавріанѣ, главные силы шли поперекъ горъ и ложбинъ, къ Кавріанской башнѣ, по мѣстности почти непроходимой,

В то время, как совершалась таким образом атака на мѣстѣ, которое сдѣлалось теперь центромъ позиціи, развивалась и атака производимая 4-мъ корпусомъ въ направленіи на правую крыль. Вблизи Кастильоне направо и налево отъ дороги гѣстота покрыта живоградными и тутовниками, — лозы и деревья насаждены не очень густо, но такъ, что все-таки составляютъ достаточное прикрытіе для движеній кавалеріи и артиллеріи. Между черезъ двѣ, деревья по обѣ стороны отходятъ отъ дороги, и отъ подножья холмовъ, чрезъ шоссе до окрестностей Медоле, простирается почти обожженная отъ деревьевъ равнина, отчасти обращенная въ лугъ, отчасти засѣянная дѣбромъ. Эта равнина, протягивающаяся до Кампианъ, Гандицоло и Черезоме ¹⁾, стала сценою самого горячаго кавалерійскаго и артиллерійскаго боя, очень смертоноснаго, какъ видно было въ телескопъ съ высоты. Пѣхота участвовала въ немъ только на правую краю равнины, у Медоле и Черезоме, занятая лежащія у входа въ равнину виноградники, откуда неприятельская пѣхота была выгнана. Какъ только генералъ Нильсъ могъ дебютировать въ равнину съ правой стороны, побѣда была рѣшена, потому что безпѣрное превосходство французской артиллеріи заставило уступить австрійскихъ артиллеристовъ, которые, надобно признаться, дрались очень храбро. Это было около 4 часовъ вечера. Центръ дошелъ до кавріанскихъ холмовъ и пока одна колонна валила на обрывистый гребень, подъ которымъ лежалъ дорога, другая была послана по дорогѣ на деревню. По быстротѣ, съ которою подвигались колонны, было видно, что австрійцы покинули мысль продолжать сопротивленіе въ этой позиціи и думали только о томъ, чтобы совершить отступленіе въ порядкѣ. На кавріанской позиціи, которая почти также страшна, какъ сольферинская, они держались только до той поры, пока могли увести другія свои войска, и она была наконецъ взята съ незначительною потерей. Въ равнинѣ австрійская артиллерія очень хорошо отступала впередъ, а кавалерія нѣтъ была выслана впередъ поддерживать союзниковъ. Тутъ африканскіе егеря (*chasseurs d'Afrique*) сдѣлали нѣсколько блестящихъ атакъ, но неприятель все-таки удержалъ за собою дорогу въ Тонто. Къ 5 часамъ въ центрѣ и на правомъ крылѣ было почти все кончено. Окончаніе было ускорено правдами и неправдами, который пошелъ около этого времени.

«Рассказать о томъ, что происходило на лѣвомъ крылѣ, я долженъ оставить до другаго письма, потому что не могъ наблюдать за сраженіемъ въ тѣхъ мѣстахъ, и не имѣлъ еще времени ни разспросить о подробностяхъ, ни осмотрѣть поля битвы. Но когда битвы на правомъ флангѣ кончились, началась сильная минномасса на лѣвомъ; это, вѣроятно, было или возобновленіе атаки для овладѣнія *Ponte di Monzambane* или нападеніе на часть австрійской арміи, отступавшую къ Пескьерѣ. Было, кажется, сдѣлано нѣсколько залповъ изъ этой крѣпости; судя по звуку, нѣкоторые выстрѣлы должны были быть изъ тяжелыхъ крѣпостныхъ орудій.

«Результатъ побѣды — то, что австрійцы прогнаны съ позиціи, которую они сами выбрали и всячески укрѣпили, такъ, что сдѣлали ее почти неприступною. Это такое доказательство превосходства французовъ, сильнѣе котораго не можетъ и быть.

«Позднѣе, 26 іюня.

«Я почти жалѣю, что писалъ вамъ вчера по первому впечатлѣнію битвы; эта побѣда могла придать извѣстный мѣстный колоритъ разсказу, но была во вредъ его точности. Въ маленькомъ сраженіи, гдѣ вы сами можете наблюдать каждое движеніе и каждый фазисъ дѣла, выписывать свои первые впечатлѣнія, конечно, — лучший методъ; въ какой большой битвѣ, какая была 24 іюня, приходится собирать подробности постепенно, и только познакомявшись съ ними всѣми, начинаешь понимать истинный видъ сраженія и становишься способнымъ вѣрно изобразить его. 0 дѣлать, подобно сольферинскому сраженію, отдавать отчетъ въ первую же минуту — почти опрометчивость; потому что самъ главнокомандующій затруднился бы пересказать факты такого сраженія. Черезъ пять часовъ по его окончаніи, онъ самъ еще не

¹⁾ То есть, версты на 9 на югъ отъ Сольферино.

зналъ бы ихъ хорошенъко. Я вижу однако, что мое первое впечатлѣніе было справедливо, и что съ нашей стороны не ожидали сраженія. Извѣстно было, что аррьергардъ австрійской арміи, корпусъ Бенедекка (8-й корпусъ), сражавшійся у Меленцано и потомъ прикрывавшій отступление остальной арміи, воротился на эту сторону Минчіо 19 числа. Онъ получилъ приказаніе остановиться въ Кастильйоне и приготовиться къ оборонѣ этой деревни; но едва началъ онъ исполнять предписаніе, какъ получилъ противное приказаніе, отзывавшее его опять за Минчіо. Потому онъ перешелъ рѣку у Монцанбоне, оставивъ только малочисленные аванпосты за собою. Итакъ, очевидно, что австрійцы въ это время думали довольствоваться только обороною линіи Минчіо. Между 19 и 22 числомъ ихъ планъ измѣнился — это, можетъ быть, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Гіулай только 22 числа простился съ арміею. Прощаніе состояло въ очень лаконическомъ приказѣ по арміи, говорившемъ только, что императоръ далъ ему другое назначеніе, и что потому онъ уѣзжаетъ. На мѣсто его назначеніемъ штаба итальянской арміи былъ назначенъ генералъ Шлихтъ, бывшій прежде гусаромъ и составившій себѣ имя въ венгерской войнѣ 1848—49 годовъ. Главную команду надъ арміею лично принялъ императоръ. Судя по всему, кажется, что слишкомъ много было мастеровъ при вареніи этой браги, потому что очень много соперничества между австрійскими генералами, изъ которыхъ каждый воображаетъ себя нѣбольшимъ прямо быть главнокомандующимъ. Напримѣръ, генерала Бенедекка, который считается, — во крайней мѣрѣ въ своемъ корпусѣ, — способѣйшимъ командовать, Гіулай обвиняетъ за то, что онъ пришелъ на манджерское поле боядѣе, чѣмъ слѣдовало, хотя вѣроятно то, что будучи на другой сторонѣ По, онъ не имѣлъ времени прійти ко времени битвы.

«Какъ бы то ни было, императоръ лично принялъ команду для того, чтобы прекратить всѣ эти раздоры, на которыхъ очень досадуетъ армія. Это было 22 числа. 23-го армія получала приказаніе быть готовою къ выступленію въ 7 часовъ утра, и все громадное войско, состоявшее изъ 1-го, 2-го, 3-го, 5-го, 7-го, 8-го и 9-го корпусовъ, перешло въ этотъ день Минчіо и до наступленія вечера всѣ отряды его занимали назначенныя позиціи. Эта масса, въ которой надобно прибавить 12 лучшихъ кавалерійскихъ полковъ (отъ нихъ дѣйствія на равнинѣ медольскаго поля ожидали многого) не могли имѣть менѣе, какъ 180—200 тысячъ человекъ. Кромѣ того, двинутъ были за рѣку сильныя парки тяжелыхъ орудій.

«Подумавъ о томъ, что такая масса въ одинъ день успѣла порейти рѣку и прійти на позиціи, изъ которыхъ нѣмцы находились въ 10—12 миль (15—18 верстъ) отъ берега, невозможно не удивиться обнаруженной тутъ дѣятельности, и невозможно удержаться отъ заключенія, что австрійскій главнокомандующій не умѣлъ воспользоваться качествами своей арміи въ началѣ компаніи.

«Эта громадная армія собралась не столько для того, чтобы защищать позиціи на холмахъ, сколько за тѣмъ, чтобы навалъ на союзныя арміи и прогнать ихъ изъ Ломбардіи. Увѣренность въ этомъ была, надобно думать, велика, потому что занятіе Брешии и Милана стало обыкновеннымъ разговоромъ офицеровъ. Императоръ пріѣхалъ въ тотъ же вечеръ и рано на слѣдующее утро осматривалъ сольферинскую позицію.

«Возвращеніе австрійцевъ было такъ внезапно, что извѣстіе о немъ не дошло до союзной арміи. По причинамъ, о которыхъ я теперь не могу говорить, союзники предвѣтренно шли впередъ медленно и не старались заходить слишкомъ далеко, чтобы не вестись дѣла послѣднимъ, нежели какъ нужно было для ихъ цѣли. Вы, конечно, забыли это по короткимъ переходамъ и долгимъ остановкамъ въ движеніи союзниковъ за Брешию. 24 числа они вовсе не хотѣли двигаться впередъ. Весь планъ этого дня состоялъ у нихъ въ томъ, чтобы пѣшеходцы, линія которыхъ шла отъ Девенцано на берегу озера по краю холмовъ до Эзенты ¹⁾, послали два отряда для рекогносцировки: одинъ къ Пескьерѣ, а другой къ Поццоленго, по дорогѣ къ Салоническому мосту, а 1-й французскій корпусъ (Баракъ д'Илье), занимавшій остальную половину дороги къ Кастильйоне, также долженъ былъ послать два отряда для рекогносцировки: къ Мадонна делъ Монте, по дорогѣ изъ Кастильйоне къ Поццоленго и другой къ Сольфериво.

«Вы помните, мнѣ представлялось, что битва завязалась отъ встрѣчи этихъ рекогносцировочныхъ отрядовъ съ непріятелемъ. Относительно піемонтцевъ это такъ, но не вѣрно относительно французовъ: еще до выступленія ихъ отрядовъ на рекогносцировку, линія ихъ аванпостовъ была уже атакована въ равнинѣ отъ Медоло къ Санъ-Кассіано. Планъ непріятеля состоялъ, кажется, въ томъ, чтобы, отставая правымъ крыломъ, нанести рѣшительный ударъ лѣвымъ, чтобы подвергнуть опасности или совсѣмъ отрѣзать линію отступленія союзникамъ. Съ этою цѣлью 8-й корпусъ (Бенедекка), перешедшій Минчіо, былъ поставленъ на высотѣ у Пудполанаго, а остальная армія была собрана между Сольферено и Медоло, Кампріано и Череноло. Это движеніе въ обходъ праваго фланга сомѣняковъ было возможно только подъ условіемъ удерживать за собою высоты Сольферино: потерявъ ихъ, армія, если бы продолжала держаться въ равнинѣ, подвергалась опасности быть разрыванною на двое и потерять одинъ изъ переходовъ черезъ Минчіо или даже два.

«Императоръ, принимавшій, какъ вы помните, черезъ часъ послѣ первыхъ выстрѣловъ, тотчасъ же увидѣлъ эту опасность и необходимости овладѣть ключевыя позиціи. Существенною задачею было: задержать непріятельскія силы, направленные на наше правое крыло, и оттѣснить его къ равнинѣ, пока ключъ позиціи будетъ вѣнать. Для этого 1-й корпусъ получилъ приказаніе идти по дорожницѣ, описывающей холмы со стороны равнины; 2-й корпусъ сталъ на право отъ 1-го, а еще правѣе 1-го былъ поставленъ 4-й корпусъ; 3-й былъ оставленъ назади, по направленію къ краю праваго крыла, чтобы служить резервомъ 4-му въ случаѣ надобности, предотвратить всякое фланговое движеніе непріятеля и атаковать его лѣвый флангъ, если онъ покусится на фланговое движеніе. Гвардейская пѣхота была поставлена резервомъ для 1-го и 2-го корпусовъ, а вся кавалерія выходила въ готовности двинуться впередъ, какъ только непріятель будетъ оттѣсненъ въ открытую равнину Campo di Medole. Упорство австрійцевъ удерживать Сольферинскія высоты равнялось только стремительности, съ которою усиливались они сбить наше правое крыло и, если возможно, обойти его.

«Я описывалъ вамъ сольферинскую позицію. Увѣрю васъ, она принадлежитъ къ тѣмъ, о которыхъ можно вполне сказать: «чѣмъ долѣе всматриваешься, тѣмъ неуправодоподобіе становится». Невозможно вообразить себѣ ничего крѣпче этого форта на холмѣ съ его высокими утѣсистыми бастіонами и дорогами, идущими по ущельямъ, которыя фланжированы маленькими террасами, именно такой высоты и на такомъ разстояніи, какъ нужно для дѣйствія артиллеріи. Австрійцы, знавшіе каждый дюймъ этой любимой мѣстности своихъ маневровъ, отлично воспользовались всѣми ея выгодами. Но особенно позаботились они о томъ, чтобы всевозможно укрѣпить входы въ село и домы. Дома построены на спускѣ крутаго холма, потому они и ихъ сады стоятъ какъ будто на высокихъ насыпяхъ, а ихъ заборы образуютъ родъ крѣпостной стѣны вокругъ села. Въ каждомъ заборѣ были устроены бойницы, за каждою бойницею стояло по одному и по два хорошихъ стрѣлка, вооруженныхъ штуцерами, и солдаты, стоявшіе позади стрѣлковъ, постоянно подавали имъ новыя заряженные штуцера. Врываясь въ деревню французы понесли большую потерю. Мѣстность передъ нею была совершенно оштѣнена, такъ что штурмующіе были безъ всякаго прикрытія отъ огня. Лѣстница у нихъ не было, а ворота такъ высоки, что нельзя было просто перелѣзть ихъ; потому 1-й полкъ зуавовъ (отличившійся и въ сраженіи при Меленьяно) составилъ пирамиду изъ людей, и ставше въ нижнемъ ряду подверглась убійственному непрерывному огню, чтобы дать перелѣзти стѣну своимъ товарищамъ. Но самая страшная бойня была, по общему мнѣнію, около церкви (ихъ двѣ; одна стоитъ какъ разъ подлѣ высокой квадратной башни, Spia d'Italia, о которой я такъ часто говорилъ, а другая на одному изъ отроговъ, выходящихъ отъ горы къ озеру) и наконецъ около самой Spia d'Italia. Эта квадратная башня и разрушенная стѣна вокругъ нея построена, какъ я говорилъ вамъ, на высокой конусообразной горѣ, пускающей три отрога: на равнину, въ Кастильоне и въ озеро. Идущій въ равнину—наименѣе крутой и самый широкій, на

¹⁾ На половинѣ дороги между Лонато и Кастильоне.

его вершинѣ стоитъ большая церковь съ оригинальнымъ куполомъ, а обширный дворъ ея обнесенъ высокими стѣнами. Одна изъ дорогъ спускается отсюда въ долину по довольно крутой уличѣ, но по выходѣ изъ деревни спускъ становится отлогимъ. Слѣва эта дорога фланкирована высокою отдѣльною террасою, а справа господствуютъ надъ нею длинный отрогъ съ мясистою вершиною, идущій отъ башии къ Кастильйоне и образующій главную черту этого пейзажа, благодаря двумъ-тремъ десяткамъ высокими тополей, посаженныхъ на немъ въ рядъ. Третій отрогъ, ниже двухъ первыхъ, вознаграждаетъ свою невысокость своею утесистою крутизною. Церковь, построенная на вершю его, также составляетъ одну изъ главныхъ чертъ картины. По самому соединенію этого отрога съ горю очень круто спускается дорога, ведущая въ Кастильйоне. Часть деревни, построенная въ этихъ мѣстахъ, называется верхнею деревнею. Съ Каврианской стороны гора имѣетъ очень обрывистый спускъ и у подошвы ея построены тутъ нижняя деревня, дорога къ которой ведетъ черезъ Сау-Кассиано.

«Всѣ дороги идутъ между этими отрогами горы, такъ что каждая изъ нихъ составляетъ дефиле. Почти главные усилія штурмующихъ были обращены на взятіе высотъ, господствующихъ надъ дорогами. Почти всѣ эти отроги въ своей верхней части такъ круты, что очень трудно взобраться на нихъ даже человѣку необремененному никакой тяжестью; послѣ этого можете вообразить себѣ, каково было достать вершинѣ французскимъ солдатамъ въ плауинціи, съ раннами на плечахъ. Австрійцы, стоявшіе на верху, сложивъ съ себя ранцы и ждали непріятеля, облегчивъ себя такимъ образомъ. Ко всѣмъ этимъ трудностямъ прибавьте палашее ильское солнце, вѣсколюко непріятельскихъ батарей, осыпающихъ картечью, и густую массу австрійской пѣхоты, стрѣляющей съ верху въ штурмующихъ. Только послѣ полудня успѣли французы взойти на высоты. Двѣ бригады,—одна изъ 1-ой, другая изъ 2-ой дивизіи 1-го корпуса, направили всѣ свои усилія, чтобы овладѣть высотами, но были отбрасываемы назадъ. Тогда-то императоръ, управлявшій движеніями съ одного изъ малыхъ холмовъ, сказалъ, какъ говорятъ: «Надобно взять этотъ пунктъ; онъ ключъ позиціи. Прикажете двинуться впередъ гвардейскимъ гренадерамъ»,—потомъ, какъ будто вспоминая, что они уже отбыли свой чередъ подъ Маджентою, сказалъ: «Нѣтъ, пошлите 1-ую бригаду вольтижеровъ». Пришли гвардейскіе егеря и 1-е батальоны 1-го и 2-го вольтижерскихъ полковъ, и съ разбѣга взяли высоты съ 12 пушками, стоявшими на нихъ. Ихъ стремительная атака была такъ великолѣпна, что императоръ и за ними вѣсь штабъ связали шлами и закричали: «Bravo, les voltigeurs!»

«Я прибылъ на эту позицію вскорѣ послѣ ея взятія и долженъ признаться, что никогда не видѣлъ столько труповъ на такомъ тѣсномъ пространствѣ. Можно было понять, чего стоилъ бой обѣимъ сторонамъ, посмотрѣвъ на число и на лица людей въ полкахъ, дравшихся тутъ. Но удивительно для меня все-таки то, какъ французы могли взять эту позицію. Австрійцы, охранявшіе деревню у подошвы горы, были взяты въ плѣнъ: они имѣли приказаніе защищать это мѣсто до послѣдняго человѣка.

«Атака втораго корпуса, какъ вы помните, происходила направо отъ мѣста атаки перваго корпуса. Второму корпусу было поручено очистить долину нѣмѣю отъ гойтской дороги, у подошвы холмовъ; ему пришлось одолѣть не меншія трудности, хотя другаго рода. По природѣ эта мѣстность равна, какъ столъ, но пересѣчена дорогами, изгородами, рядами деревъ, рвами и насыпями. Каждая изъ этихъ искусственныхъ преградъ становилась для непріятеля новымъ средствомъ сопротивленія; ему чрезвычайно благоприятствовало множество отдѣльныхъ фермъ, которыми наполнена равнина и каждая изъ которыхъ стала теперь маленькою питадалью, требовавшею праступа.

Четвертый корпусъ точно также дѣйствовалъ направо отъ гойтской дороги. Часть его была послана исполнить фланговое движеніе отъ Медоле и дебушировать къ Гвидиццо, около каврианскихъ высотъ. Бой былъ чрезвычайно упорный, особенно въ фермахъ, потому что австрійцы, видя себя въ опасности потерять гойтскую дорогу и быть отброшенными къ холмамъ, не щадили никакихъ усилій для задержанія четвертаго корпуса. Несмотря на то, обѣ колонны вечеромъ дебушировали на не-

дельную поляну (Campo di Medole). Безъ сомнѣнія, взятіе Сольферино много помогло французамъ на этомъ флангѣ, потому что австрійцы послѣ того сражались только для прикрытія своего отступленія. Очевидно, бывшій въ томъ дѣлѣ, гдѣ находился императоръ австрійскій, рассказываетъ, что когда Францъ Іосифъ увидѣлъ отступленіе своихъ войскъ съ Кавріанской башни, у него показались слезы на глазахъ.

«Пока дѣла шли такимъ образомъ на правомъ флангѣ (союзниковъ), піемонтцы, по условію, двинули отряды на рекогносцировку. Одна бригада пятой дивизіи съ 12 пушками пошла къ Пескьерѣ, и одна бригада третьей дивизіи, съ 4 пушками, къ Поддоленго. Первая шла полемъ прямо къ Пескьерѣ, вторая сначала по желѣзной дорогѣ, ведущей изъ Дезенцано въ Пескьеру, а дошедши до пересѣченія желѣзной дороги съ шоссе, повернула къ Поддоленго.

«Мѣстность на югъ отъ Серміонскаго полуострова ¹⁾, идеть легкимъ возвышеніемъ къ холмамъ на югѣ, образуя какъ будто бассейнъ между озеромъ и треугольникомъ холмовъ. Она густо усажена деревьями и неудобна для обзора. Сараями, не подозрѣвая близости неприятеля, дошли въ своей рекогносцировкѣ до Санъ-Мартино ²⁾, стоящаго на возвышенности, обрывисто поднимавшейся надъ низменною окрестностью. Эта обрывистая терраса имѣла въ несколько тысячъ квадратныхъ футовъ и у ея подношья разсѣяно между деревьями множество фермъ. Офицеру генеральнаго штаба, бывшему при рекогносцирующемъ отрядѣ, показались, что онъ видитъ фигуры, двигающіяся къ противоположной сторонѣ въ одно время съ піемонтцами, но онъ думалъ, что это поселяне. Потому колонна продолжала идти мимо террасы, посылая на нее въ несколько застрѣльщиковъ; они были встрѣчены штуцерными пулями изъ домовъ у подношья террасы. Колонна повернулась и, поставивъ свои пушки по направленію къ деревнямъ, пошла къ террасѣ. Она успѣла овладѣть возвышенностью, хотя не безъ большихъ потерь, послѣдъ вѣстіе слѣдующей бригадѣ, чтобы она свѣшала на подкрѣпленіе къ ней; но вторая бригада еще не успѣла подойти, какъ австрійцы уже вывели свѣжія войска и піемонтцы были вытѣснены изъ взятой ими позиціи. Когда подошла къ нимъ новая бригада, они сдѣлали вторую попытку овладѣть высотами, но она не удалась, и піемонтцы отступали, чтобы перестроить свои ряды и подождать новыхъ подкрѣпленій. Эти подкрѣпленія, двѣ бригады, Аосты и Каму, пришли около четырехъ часовъ вечера, и тогда пронаведена была новая атакъ. Всѣ пушки были соединены въ одну большую батарею для разрушенія домовъ у подношья террасы, и построены были для атаки три колонны. Несмотря на чрезвычайное изнуреніе отъ послѣдняго марша, они взобрались на высоты, и не только удержались окончательно въ этой позиціи, но и преслѣдовали неприятеля до самаго Поддоленго. Потеря изъ была очень велика, до 4.000 убитыми и ранеными. Они шли противъ себя весь восьмой корпусъ (Венедека), то есть страшное превосходство въ силахъ у неприятеля. Нѣтъ сомнѣнія, что борьба для нихъ была бы еще тяжелѣе, если бы не успѣли французовъ у Сольферино и Кавріаны, необходимо заставлявшій австрійцевъ отступить и правымъ крыломъ. Двое изъ піемонскихъ генераловъ были тутъ ранены.

Пока еще продолжался бой, было получено съ другаго крыла требованіе послать одну дивизію къ Сольферино на подкрѣпленіе войскамъ, бывшимъ тамъ.

«На этомъ мѣстѣ я долженъ остановиться въ своемъ разсказѣ, потому что отходить почта. Продолженіе до завтра.

«Кавріана 27 іюня.

«Сколько помнится, мой вчерашній разсказъ остановился на описаніи боя на лѣвомъ крылѣ союзниковъ, между піемонтцами и корпусомъ генерала Венедека. Съ

¹⁾ Южный, широкій конецъ Гардскаго озера разрѣзанъ по срединѣ своего протяженія (нѣсколько ближе къ западной сторонѣ) узкимъ и длиннымъ полуостровомъ, на углу котораго, вдающемся въ озеро, лежитъ Серміоне.

²⁾ Наполовинѣ дороги между озеромъ и Поддоленго, верстахъ въ трехъ на сѣверъ отъ Поддоленго и на югъ отъ общей линіи лѣжнаго берега, прямо на югъ отъ Серміонскаго полуострова, глубоко вдающагося въ озеро къ сѣверу.

нашей стороны дѣло при Сант-Мартино надобно считать совершенно отдѣльнымъ битвою не входящую въ общій планъ сраженія. Только около полудня, незадолго передъ взятіемъ Сольферино, было, какъ я сказалъ, потребовано содѣйствіе съ нашего лѣваго фланга другіе пунты. Имѣя двѣ съ половиною дивизіи уже сражающіяся противъ непріятеля, превосходившаго ихъ числомъ, и прокляда наступленіе еще другихъ, свѣжихъ австрійскихъ войскъ отъ Пескьеры, сардинцы не имѣли возможности сдѣлать требуемаго движенія къ Сольферино.

«Съ австрійской стороны, напротивъ, битва по всему протяженію ихъ линіи имѣла общій планъ. Но великимъ затрудненіемъ для нихъ было дѣлать необходимую связь движеніями на прострѣанствѣ отъ 12 до 16 миль (около 20 верстъ) въ длину. Пока могли прибыть приказанія изъ Каверіаны, положеніе дѣлъ часто совершенно измѣнялось, а выбрать для движенія благоприятную минуту—это составляетъ одно изъ самыхъ важнѣйшихъ условій для успѣха битвы. При страшной растянутасти линіи правое крыло австрійцевъ въ Поццоленто находилось совершенно отдѣльно отъ остальной арміи, да и движеніями на лѣвомъ крылѣ несовсѣмъ удобно было распоряжаться изъ срединныя позиціи. Растянутасть линіи затрудняла также употребленіе резервовъ, и вообще производила разрозненность, которая могла бы сдѣлаться еще болѣе гибельна для австрійцевъ, если бы они не стали очень заблаговременно думать объ отступленіи. Всѣ эти важныя ошибки отчасти вознаграждались многочисленностью линій отступленія, бывшихъ у австрійцевъ: не эта выгода была важна только въ концѣ, когда она спасла ихъ отъ участи быть совершенно пораженными. Въ продолженіе битвы любопытно было наблюдать послѣдствія слишкомъ большаго протяженія ихъ линіи и возникавшей изъ того слабости ея. Французы, съ тою стремительностью, какую всегда имѣютъ въ первомъ нападѣніи, повсюду успѣвали прорвать или отбить нападѣ ту часть линіи, которую атаковали, и прежде чѣмъ приходили резервы къ австрійцамъ, они обыкновенно успѣвали зайти во флангъ тѣмъ отрядамъ, которые еще сохраняли свою позицію и такимъ образомъ принуждали ихъ отступать. Несмотря на общее свое числительное превосходство, австрійцы почти вездѣ оказывались слишкомъ малочисленными въ рѣшительномъ пунктѣ и въ рѣшительную минуту, такимъ образомъ они были оттѣснены шагъ за шагомъ. Чѣмъ далѣе они отступали, тѣмъ длиннѣе становилась растянутасть ихъ линіи и происходившая изъ того невыгода, потому что дорога въ Генто, составлявшая линію отступленія ихъ лѣваго крыла и въ тоже время имѣвшая жизненную важность какъ одинъ изъ главнѣйшихъ путей черезъ Минчіо, идетъ подъ космъ угломъ къ рѣкѣ, все болѣе отходя на югъ. Отвратить эту невыгоду, разумеется, было не въ ихъ власти, но очевидно не должны были они выбирать боевой линіи, имѣвшей такое неудобство. Они имѣли шесть переправъ черезъ Минчіо: въ Пескьерѣ, Саліонцо, Мовцамбано, Борретто, Валеджіо и Генто; они должны были защищать всѣ эти шесть переходовъ. Подобно куріцѣ съ многочисленными цыплятками, они растянули свои крылья, чтобы прикрыть всѣхъ ихъ. Они по всей широтности были очень увѣрены въ успѣхѣ, и рассчитывали, что чѣмъ далѣе будутъ подвигаться впередъ, тѣмъ короче будетъ становиться ихъ линія. Это совершенно вѣрно, потому что Лонато и Кастильоне, изъ которыхъ выходятъ всѣ пути, ведущіе въ Минчіо, находятся не далѣе какъ въ 4 или 5 миль (верстахъ въ 7) другъ отъ друга, и оттѣсняя непріятеля, они могли надѣяться обойти его съ праваго фланга (съ юга) своими лѣвыми крыломъ. Таковъ очевидно былъ ихъ расчетъ, оказавшійся ошибочнымъ. Если армія достовѣрно подается на побѣду, она можетъ занимать такую боевую позицію, которая дѣлала бы побѣду наиболѣе рѣшительною, а пораженіе врага наиболѣе полнымъ; во всѣ предшествовавшія событія этого похода были таковы, что едва ли оправдывали несолидный расчетъ австрійцевъ на побѣду, даже при численномъ превосходствѣ; потому благоразуміе требовало бы отъ нихъ болѣе утѣренности въ предположеніяхъ.

«Стараясь забрать слишкомъ много, они ослабили свои силы въ рѣшительномъ пунктѣ, и отараясь дѣйствовать наступательно, своими лѣвыми крыломъ, они потеряли Сольферино, илючъ своей позиціи. Правда, можно извинять ихъ то, что при тогдашнихъ своихъ укрѣпленіяхъ и силѣ поставленнаго въ войнѣ отряда, Сольферино казалось

ить непобедимую позицию; но в войне существует только большая или меньшая вероятность, а не абсолютная достоверность.

«Потерявъ Сольферино, нѣтъ не оставалось ничего больше, какъ думать объ отступленіи. Удержаться въ равнинѣ, по которой идетъ дорога въ Говто, не стало уже возможности, потому что ее можно было взять во флангъ съ отроговъ холмистаго хребта, и если бы они стали слишкомъ долго отставать ее, они подверглись бы опасности быть взятыми во флангъ также и отъ Медоле и потерять отступленіе на Ганто. Центръ нѣтъ не могъ поддержать нѣтъ здѣсь, потому что, подаваясь вправо, онъ терялъ бы свою собственную линію отступленія,—дорогу на Вальдмю.

«При такомъ положеніи дѣлъ, линію отступленія на Говто можно было удерживать за собою только съ величайшими жертвованіями, и по справедливости надобно сказать, что австрійцы нѣсколько заглянули ошибкой, которыми надѣлали въ своемъ наступленіи, мистерствоваъ, съ которыми совершили свое отступленіе при очень неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Я уже говорилъ о медольской долианѣ (Campio di Medole), но долженъ возвратиться къ ея описанію, потому что она играла главную роль при отступленіи австрійскаго лѣваго крыла.

«Эта поляна—открытая мѣстность, совершенно лишенная деревьевъ. Она образуетъ почти правильный параллелограммъ, четыремя углами которому служатъ: Санъ-Кассіано, подотва Капріанскихъ холмовъ, Медоле и Піуре; четырехугольникъ этотъ имѣетъ или $2\frac{1}{2}$ (версты 4) въ длину и или 2 (версты 3) въ ширину и по ширинѣ своей перерѣзанъ гоцскою дорогою, проходящею черезъ Гвидиццолю; она, въ свою очередь, пересѣкается дорогою изъ Медоле въ Санъ-Кассіано, идущею у самаго начала долины ¹⁾. Эта открытая мѣстность почти вся занята студными лѣбными нивами, еще не разорѣшными. Края поляны усажены рядами виноградныхъ лозъ и множествомъ шелковичныхъ деревьевъ.

«Когда австрійцамъ пришлось отступать съ первой позиціи, они стали на лѣвомъ краю этой поляны, передъ деревнею Гвидиццолю, которая лежитъ на одну треть мили (на полверсты) отъ поляны. Они стояли на обѣхъ сторонахъ гоцской дороги. Тутъ они должны были выдерживать, съ 2 часовъ дня до сумерекъ, страшнѣйшія концентрированныя атаки. 1-й и 2-й корпуса и гвардія начали около 2 часовъ всходить на капріанскія высоты и подвигаться по нижнимъ отрогамъ холмовъ къ полянѣ; 4-й корпусъ (Ніэля), не участвовавшій въ наступленіи де-визіа Сольферино, началъ дебушировать изъ лѣвоу съ кастильонской стороны поляны и проскакивать дороги, ведущей изъ Піуре въ Гвидиццолю. Гвардейскія кавалерія и нѣсколько полковъ африканскихъ егерей (chasseurs d'Afrique) выходили по шоссе, ведущему изъ Кастильоне въ Говто. Такимъ образомъ, австрійская позиція была атакована съ трехъ сторонъ. Нигдѣ не принесло такъ много пользы превосходство французской артиллеріи, какъ здѣсь. Дальность и вѣрность ея стрѣльбы были изумительны: видно было, что каждая бомба, каждый шрапнель нѣрвннхъ орудій ударяются и разрываются среди рядовъ непріятельской пѣхоты и среди его батарей, между тѣмъ, какъ непріятельская артиллерія не могла наносить французамъ почти никакого вреда. Эта разница была особенно воззастельна въ началѣ боя, когда разстояніе между враждебными линіями оставалось еще велико. Австрійскія ядра и бомбы не долетали; бомбы, пущенныя подъ очень большимъ угломъ вышншенія, лопались въ воздухѣ, не достигая французскихъ рядовъ. Не смотря на эту невыгоду, австрійцы ставали на позицію одну пушку за другою, и интересовало было скотрѣть, съ какою быстротою французы заставляли молчать почти каждую изъ нихъ. Я дивился тому, что австрійцы не старались вознаграждать числомъ орудій слабость нѣтъ въ дальности и прицѣльности стрѣльбы. У нихъ никогда не выставлялось разомъ больше трехъ или четырехъ орудій, да и тѣ ставили они почти только на шоссе, хотя открытая поляна благоприятствовала маневрированію артиллеріи. Можно предположить развѣ то, что они жалѣли потерять пушки и отирали заранѣе свою артиллерію къ Минціо, оставивъ только необходимѣйшее число орудій,—по мнѣю, это экономія фальшивая, потому что они понесли въ лѣвахъ потерю, отъ которой бере-

¹⁾ То есть, по западному краю ея.

гали пушки. Поле по обѣ стороны дороги передъ Гвидиццоло было устьяно убитыми и ранеными. Требуется разъясненія еще другое обстоятельство: почему они не воспользовались грозною массою кавалеріи (12 полковъ), которую перенесли черезъ Минчю и которая, будучи искусно направлена, могла бы принести значительную пользу прикрывшимъ ихъ отступленія. Причина ея бездѣйствія была также козвядному борежнвостъ,—иначе можно развѣ предположить, что они не могли вывести всю свою кавалерію на дорогу, загроможденную отступающими войсками. Какъ бы то ни было, я не видѣлъ на полѣ битвы ничего похожаго на 12 кавалерійскихъ полковъ, изъ которыхъ каждыи долженъ быть въ походѣ болѣе 1,000 лошадей. Были только двѣ небольшія атаки, произведенныя нѣсколькими эскадронами уланъ противъ африканскихъ конныхъ егерей. Схватки эти имѣли очень воинственный видъ, но не принесли значительной пользы ни той, ни другой сторонѣ. Всю тяжесть нападеній должна была выносить австрійская пѣхота, ая отпоръ нельзя не называть твердымъ.

«Если я успѣлъ довольно ясно изобразить расположеніе обѣихъ армій, то вы видите, что съ нашей стороны, — нѣапонтскую битву я оставляю безъ вваанія, потому что она не имѣла никакой связи съ оперціями на этомъ пунктѣ, — вы видите, что съ нашей стороны все нападеніе было произведено двумя большими колоннами: лѣвая состояла изъ 1-го и 2-го корпуса и гвардейской пѣхоты; правая — изъ 4-го корпуса, поддерживаемаго 3-мъ корпусомъ и оставленными на-право отъ него эаолонами. Обѣ эти колонны двинулись съ равнины, и цѣлю своихъ оперцій имѣла Кавріану, бывшую центромъ австрійской позиціи. Этого пункта должны были онѣ достичь двумя большими фланговыми движеніями, чтобы проникнуть на хребтъ холмовъ съ лѣва и, прорвавъ австрійскую линію, отрѣзать центръ, стоявшій въ Кавріанѣ, отъ лѣваго крыла, стоявшаго у Гвидиццоло и Черезоле. Для того 1-й корпусъ, бывшій на лѣво и поддерживаемый гвардіею, прошелъ впередъ, вдоль подошвы холмовъ до Сольфериноской дороги, потомъ оборотился налѣво и занялъ эту позицію. Сдѣлавъ это, онъ опять принялъ прежнее направленіе и дошелъ по грядѣ холмовъ до Кавріанъ. 2-й корпусъ, бывшій направо отъ лѣва, шелъ впередъ, отыная равнину и спуски холмовъ до Санъ-Кассіано, потомъ также оборотился налѣво и пошелъ на высоты, которыя одновременно съ нимъ атаковала лѣвая колонна, уже взошедшая на холмы.

«Четвертый корпусъ не отклонялся отъ своего первоначальнаго направленія по лѣвой сторонѣ гонтской дороги, пока поровнялся съ Гвидиццоло. Онъ сталъ грозить крайнему лѣвому крылу вепріателя и пути отступленія этого крыла изъ Медоло, а потомъ также направивъ къ холмамъ, чтобы врѣзаться между центромъ и лѣвыми крыломъ вепріательской арміи.

«Взятіе Сольферино и это движеніе нашей правой колонны (4-го корпуса), направленное къ тому, чтобы отрѣзать лѣвое крыло вепріателя отъ центра—это двѣ главныя черты битвы. До 5 часовъ вечера этотъ второй фазисъ боя оставался еще нерѣшеннымъ. Въ это самое время разразилась сильная гроза, продолжавшаяся болѣе получаса и бывшая временемъ поворота въ ходѣ сраженія. Между тѣмъ, какъ 4-ый корпусъ продолжалъ свою атаку на Гвидиццоло, придвинута была дивизія 3-го корпуса и, обошедши позади 4-го корпуса, двинулась промеху Кавріанскихъ холмовъ и Гвидиццоло. Въ то же время артиллерія дѣйствовала по флангъ австрійцевъ, съ послѣднихъ отроговъ Кавріанскихъ холмовъ. Этимъ рѣшилось дѣло и скоро австрійская линія была прорвана.

«Матеріальными результатами побѣды были, какъ вы знаете по релациямъ, нѣскольکو пушекъ и нѣскольکو тысячъ плѣнныхъ; но это еще не важно въ сравненіи съ нравственнымъ результатомъ ея. Стратегическій выигрышъ состоитъ въ томъ, что мы овладѣли лѣвѣю Минчю. Но, но несчастію, невозможно было въ тотъ же день захватить какого нибудь перехода черезъ рѣку. Правда, вепріатель былъ разбитъ, но, опасаясь за свою линію отступленія, онъ началъ отступать очень заблаговременно и въ довольно хорошемъ порядкѣ. Была уже совершенная ночь, когда успѣли его вытѣснить изъ Гвидиццоло и Кавріанъ. Отъ вѣтка вѣсть до Минчю около 10 миль (15 верстъ), а войска были на ногахъ и сражались не ѣзши съ самаго разсвѣта. Даже

и тѣ отряды, которые не входили въ бой, были изнурены усталостью, голодомъ и жаромъ. Идти въ Минчіо значило бы убивать ихъ чрезвѣчными усиленіемъ».

Послѣ сраженія при Сольферино, австрійцы отступили до самого Адидже и сосредоточились около него, уступивъ безъ обороны переправу черезъ Минчіо и оставивъ только гарнизоны въ Пескьерѣ и Мантуѣ. Изгнаніе ихъ изъ Италіи уже не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію: берега Адидже съ Вероною и Леньяно составляютъ послѣднюю оборонительную линію ихъ передъ врагомъ, наступающимъ съ запада. Области, лежащія на востокъ отъ Адидже, между Вероною, Леньяно и Венеціею, лишены всякихъ крѣпкихъ позицій и безъ боя переходить въ руки того, кто владѣетъ линіею Адидже. А то, что союзники скоро и даже безъ особенныхъ трудовъ прогонятъ австрійцевъ съ Адидже, было ясно. Если бы нападеніе на эту линію ограничивалось одною атакою съ фронта (съ запада) и тутъ австрійцы не могли бы долго удержаться въ полѣ,—ихъ армія, разстроенная и деморализированная, уже не способна была дать новую битву,—она должна была или отступить на сѣверъ, вонъ изъ Италіи, или запереться въ Веронѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ, въ нѣсколько дней вся страна между Минчіо и Венеціею очищалась отъ прежнихъ поработителей, и союзникамъ оставалось только взять Мантую и Пескьеру, Верону и Леньяно, чтобы ни одного австрійца не оставалось въ Италіи. Изъ этихъ четырехъ крѣпостей двѣ, Пескьера и Леньяно, не имѣютъ сами по себѣ большой силы; Мантуя очень крѣпка противъ штурма, но за то и не стѣснительна для непріятеля; расположенная на островѣ рѣки Минчіо въ ея нижней части, она окружена на далекое пространство непроходимыми гнилыми болотами, такъ что возможный входъ въ нее или выходъ изъ нея ограничивается тремя или четырьмя чрезвычайно длинными и узкими плотинами. Если осаждающему трудно проникнуть въ крѣпость, за то очень легко даже съ малыми силами запереть въ ней какой угодно сильный гарнизонъ, которому останется только неподвижно ждать смерти отъ заразныхъ испареній своего болотнаго убійцы. Итакъ, Мантуя не была неизбѣжною нововкою для дальнѣйшаго развитія наступательныхъ дѣйствій: нужно было только блокировать ее небольшимъ корпусомъ и дорога къ Веронѣ становилась безопасна.

Верона—дѣло иное; она могла казаться новымъ Севастополемъ по обширности подъема, представляющаго съ своими многочисленными отдѣльными фортами не столько крѣпость въ тѣсномъ смыслѣ слова, сколько укрѣпленный лагерь для громаднѣйшей арміи, пожалуй хотя для 200,000 человекъ. Но дѣло въ томъ, что укрѣплена она своими фортами и стѣнами по расчету дальности дѣйствія прежнихъ простыхъ пушекъ, а теперь, когда наръзная система, введенная во французскую артиллерію, дала возможность обстрѣливать предметъ съ батарей, стоящихъ на 2 или даже на 3 версты далѣе, чѣмъ надобно было ставить прежнія простыя орудія, около большей части крѣпостей находятся пункты, нисколько не защищенные, оставленные въ распоряженіе осаждающаго врага и между тѣмъ при постановкѣ на нихъ наръзныхъ батарей господствующіе надъ укрѣпленіями, которыя, если вооружены только простыми орудіями, должны молча подвергаться огню наръзныхъ

орудій, осыпавшихъ ихъ бомбами сверху и съ дистанціи недостижимой для ихъ ядеръ. Когда союзники начали осаду Пескьеры, такихъ пунктовъ нашлось около крѣпости много. Какая нибудь гора въ трехъ верстахъ отъ крѣпости была прежде, при простыхъ орудіяхъ у осаждающаго, совершенно безвредна для нея. Теперь эта гора, занимаемая французскими наръзными пушками, становится къ крѣпости въ такое же отношеніе, какъ цитадель къ городу, лежащему подъ нею. Съ первыхъ рекогносцировокъ союзники увидѣли, что при помощи наръзныхъ орудій ничего не будетъ стоить имъ взять Пескьеру, хотя она и очень много укрѣплена была по сравненію съ 1848 годомъ, когда взялъ ее послѣ трудной осады Карлъ Альбертъ. То же самое неминуемо должно было оказаться и при осадѣ Вероны: эта крѣпость, представлявшая страшную твердыню противъ простыхъ пушекъ, должна была явиться очень слаба передъ наръзными батареями, для которыхъ нашлись бы вокругъ нея позиціи, господствующія надъ укрѣпленіями.

Кромѣ этого залогомъ вѣрной побѣды надъ крѣпостью, прежде столь сильною, было еще другое обстоятельство, чрезвычайно облегчавшее задачу. Главнымъ источникомъ силы Севастополя было то, что онъ черезъ свою сѣверную сторону оставался совершенно открытъ всѣмъ подвозамъ и подкрѣпленіямъ. Это была не осада крѣпости, а борьба противъ колоссальнаго редута, за которымъ стояли всѣ силы русской арміи, остававшейся во владѣніи путями сообщенія съ своимъ государствомъ въ всѣмъ его продовольственными и боевыми средствами. Въ этомъ должна была состоять и главная сила Вероны. Вся неодолимость ея основывалась на томъ обстоятельстве, что непріятель, подходящій къ ней съ запада, не можетъ обложить ее войсками своими по обширности круга ея укрѣпленій,—а пока остается свободна восточная сторона крѣпости, она черезъ венеціанскія области продолжаетъ имѣть безпрепятственныя сообщенія съ Австріею и можетъ получать постоянно свѣжія войска, новые запасы оружія, боевыхъ снарядовъ и продовольствія. Въ нынѣшней войнѣ эта главная выгода обороны не должна была существовать. Господствуя на морѣ, французы могли высадить сколько имъ угодно войска на венеціанскомъ берегу, и почти безпрепятственно овладѣвъ всѣми землями на востокъ отъ Вероны, гдѣ австрійскіе отряды были очень слабы, отрѣзать Верону съ востока отъ сообщеній съ Австріею. Подобно Антею, оторванная отъ родной земли австрійская крѣпость становилась жертвою врага.

Надобно вспомнить еще и о томъ, что слава знаменитаго четырехугольника крѣпостей происходитъ отъ предположенія о взаимной поддержкѣ ихъ и о томъ, что въ центрѣ ихъ будетъ стоять австрійская армія, которая, опираясь то на ту, то на другую, будетъ отбивать непріятеля, съ какой бы стороны ни захотѣлъ онъ вторгнуться въ четырехугольникъ, бастионами которому служатъ четыре крѣпости. Благодаря удачнымъ своимъ распоряженіямъ, австрійцы безъ боя потеряли эту выгоду центральнаго положенія между четырьмя крѣпостями: союзники безпрепятственно перешли Минчіо и врагъ явился въ томъ центрѣ, который слѣдовало занимать защитникамъ. Четыре крѣпости были отрѣзаны одна отъ другой; австрійская армія отступила за крайнюю изъ нихъ на сѣверо-востокъ. Взаимная связь твердынь не существовала, а австрійская армія, бросившая три изъ числа четырехъ своихъ опоръ, ли-

пилаась той свободы маневрированія между ними, которая составляла главную надежду ея на возможность задержать наступающаго врага передъ Адидже.

Такимъ образомъ быстрое паденіе Вероны было достовѣрно; нужно было едва ли нѣсколько недѣль, чтобы овладѣть этою крѣпостью, оттѣснить австрійскую армію за сѣверную границу Италіи. Занимая центръ знаменитаго четырехугольника, главная союзная армія уже начала осаду Пескьера своимъ лѣвымъ (сѣвернымъ) крыломъ, а массою силъ своихъ подвигалась на Верону, предоставивъ блокированіе сильной, но безвредной Мантуи корпусу принца Наполеона, послѣ долгаго бездѣйствія въ Тосканіи подошедшему наконецъ въ началѣ іюля съ юга къ театру войны. У венеціанскаго берега уже явился французскій флотъ съ сильнымъ десантомъ, который готовъ былъ безпрепятственно сойти на берегъ и въ нѣсколько дней отрѣзать Верону отъ сообщенія съ внутренними австрійскими владѣніями черезъ венеціанскія земли.

Не только выгодность стратегическаго положенія ручалась союзникамъ за скорое достиженіе цѣли, объявленной для войны прокламаціями императора французовъ: союзники уже знали по опыту, что каждое столкновеніе ихъ съ врагомъ, каковъ бы ни былъ боевой исходъ его, имѣетъ на ходъ войны точно такое же вліяніе, какъ бы австрійская армія была разбита на голову. Да, самая рѣзкая черта компаніи заключалась въ томъ, что союзники вовсе не нуждались въ побѣдахъ, чтобы гнать непріятеля и отнимать у него область за областью, одну линію обороны за другою: австрійцы вели войну такъ, что казалось, будто они дають сраженія собственно только для формы, въ угожденіе военному обычаю, напередъ рѣшившись отдавать свои позиціи в области, хотя бы непріятель и не могъ отнять ихъ силою, а главное, рѣшившись не дѣлать ничего такого, что могло бы вести къ побѣдѣ надъ врагомъ. Дѣйствительно, оба главныхъ сраженія, — при Маджентѣ и при Сольферино, — разстраивали армію союзниковъ такъ, что она долго, 24 часа, 48 часовъ послѣ битвы, оставалась рѣшительно обезсиленной не могла ничего сдѣлать отступала или стояла неподвижно, — а у австрійцевъ находилось много свѣжихъ войскъ подъ рукою, и стоило имъ двинуть эти войска, чтобы обратить нерѣшительную битву, нѣсколько склонявшуюся къ выгодѣ союзниковъ, въ совершенное пораженіе союзниковъ; но австрійцы отступали безъ оглядки, хотя имѣли полную возможность сами гнать врага. Послѣ сраженія при Маджентѣ союзники отступили за Тичино; къ австрійцамъ подошло больше свѣжихъ, нежели сколько войскъ было въ битвѣ, — стоило двинуть свѣжія войска на непріятеля, и онъ былъ бы пораженъ, — австрійцы сами разсудили удалаться отъ отступавшаго врага, и онъ, нечего дѣлать, пошелъ себѣ впередъ, какъ будто побѣдитель. По окончаніи битвы при Сольферино повторилась та же самая исторія. Не говоримъ уже о томъ, что битвы давались со стороны австрійцевъ самымъ нелѣпымъ образомъ: они какъ будто нарочно заботились, чтобы войска ихъ являлись въ сраженіе изнуренныя голодомъ, не имѣли пищи для поддержанія своихъ силъ во время боя и чтобы непріятель имѣлъ полный, безпрепятственный просторъ совершать маневры, нужные для раздробленія ихъ арміи, для отрѣзанія корпу-

совъ, защищающихъ ключъ позиціи, отъ резервовъ. Это особенно хорошо видно изъ отчетовъ самихъ австрійцевъ и корреспондентовъ, находившихся при ихъ главной квартирѣ. Переведенныя нами письма корреспондента „Times'a“, бывшаго въ главной квартирѣ союзниковъ, придаютъ ходу дѣтъ колоритъ совершенно вѣрный относительно результатовъ, какіе слѣдовали за каждымъ сраженіемъ; въ этомъ отношеніи, каждая битва дѣйствительно равнялась для союзниковъ полнѣйшей побѣдѣ. Но такой характеръ придавался ей только дѣйствіями австрійцевъ по ея окончаніи, то есть тѣмъ, что австрійцы шли потомъ очень далеко назадъ, какъ будто лишеныя всякой возможности продолжать сопротивленіе. А сами по себѣ, битвы были вовсе не таковы: черезъ четверть часа по прекращеніи боя можно было сказать, что побѣда перейдетъ въ руки австрійцевъ, если только они захотятъ возобновить битву. Это видно, если выкинуть и въ подробности писемъ, помѣщенныхъ нами въ текстъ, но совершенно ясно изъ писемъ тѣхъ корреспондентовъ, которые, находясь въ австрійской главной квартирѣ, ближе видѣли количество и расположение австрійскихъ силъ. Чтобы читатель могъ самъ провѣрить это впечатлѣніе, мы помѣщаемъ въ приложеніи отчетъ о битвѣ при Маджентѣ, составленный другимъ корреспондентомъ той же газеты „Times“, находившимся въ главной квартирѣ австрійцевъ. Читатель увидитъ, какъ не далеки были отъ побѣды австрійцы въ этомъ сраженіи, оставшемся для нихъ равносильнымъ самому безнадежному пораженію.

Мы не говоримъ уже о томъ, какъ странно были диспозиціи австрійскихъ войскъ во всѣхъ битвахъ, какъ вообще неудачно выбиралось время для битвъ. Напримѣръ, при переходѣ союзниковъ черезъ Тичино, разсѣянные корпуса австрійской арміи могли сосредоточиться 5 іюня; но австрійцы дали битву 4 іюня, когда на поле битвы успѣло къ началу ея прійти лишь нѣсколько одинокихъ отрядовъ, потомъ одинъ за другимъ подходили опять одинокіе отряды, и французы постепенно били ихъ, одинъ за другимъ. Сраженіе при Сольферино было устроено такъ удачно, что пѣлые два корпуса пропадали Богъ знаетъ гдѣ во время битвы. За сутки порежь тѣмъ, армія была сосредоточена,—выѣсто того, чтобы ждать врага, отдыхая въ сосредоточенномъ положеніи, она была двинута ему на встрѣчу и раздробилась по разнымъ дорогамъ.

Эти странныя качества, выказывавшіяся австрійцами неизмѣнно во все продолженіе похода, во всѣхъ сраженіяхъ, не были какими нибудь случайными явленіями, зависѣвшими отъ временнымъ обстоятельствъ. Нѣтъ, причины всѣхъ недостатковъ, уничтожавшихъ всякую пользу отъ храбрости войска, лежатъ въ самой организаціи австрійской арміи. Говоря о ея характерѣ, мы прежде всего приведемъ отрывокъ изъ того же самаго корреспондента „Times'a“, письмами котораго уже такъ много пользовались.

«Никто изъ знавшихъ воюющія арміи не сомнѣвался въ превосходствѣ французскихъ и сардинскихъ войскъ надъ австрійскими и тогда, когда оно еще не было засвидѣтельствовано результатами сраженій. Племена, изъ которыхъ состоитъ австрійская армія, не уступаютъ французамъ и піемонтцамъ физической крѣпостью, и не разъ доказывали, что не уступаютъ имъ мужествомъ; но разница въ томъ, что французскія и сардинскія войска—національныя войска, а австрійская армія только произведеніе

искусной военной организации. Французская или пьемонтская армия подобна цѣльному камню, вырѣзанному изъ сердца силы, австрійская—груда кусковъ, плохо связанныхъ цементомъ.

Надобно видѣть доказательство великаго таланта организованнаго у австрійскаго правительства въ томъ, что оно сумѣло хотя какъ нибудь связать въ одно цѣлое тѣ разнородные элементы, изъ которыхъ состоитъ его армія. Австрія обязана этимъ сословію своихъ офицеровъ, которое удивительно по чрезвычайной силѣ корпоративнаго духа. Австрійскій офицеръ, каковаго бы ни былъ онъ племени, прежде всего и болѣе всего—австрійскій офицеръ. На австрійскихъ офицерѣ черно-желтая кокарда составляетъ какъ будто талисманъ, подъ которымъ сглаживаются всѣ различія, подъ которыми умираютъ всѣ чувства, кромѣ служебной обязанности быть вѣрнымъ императору. Никогда привязанность вассала къ феодальному сюзерену не превосходила преданности австрійскаго офицера императору,—она безгранична и готова на всякія жертвенія.

Объясненіемъ этого качества служитъ то, что австрійскій офицеръ, изъ каковаго бы класса онъ ни происходилъ, становится привилегированнымъ существомъ съ той минуты, какъ надѣваетъ эполеты. Онъ составляетъ часть отдѣльной корпораціи, и принадлежитъ къ негуманитарному въ государствѣ цѣлому. Онъ становится въ обществѣ равенъ дворянину, а въ государствѣ съ исключительно-аристократическими тенденціями это вѣрнѣйшій узмъ, какія только могутъ существовать. Смысломъ офицеровъ вслѣдствіе облегчается удобство слѣдовать прикѣпу своихъ отцовъ, и потому ни въ какой странѣ нѣтъ такого множества военныхъ родовъ, какъ въ Австріи,—они считаютъ почти своимъ правомъ принадлежать къ арміи. Они пріобрѣтаютъ, можно сказать, особенную фазисонію и ихъ легко узнаешь уже по виду.

Преданнымъ классомъ офицеровъ австрійское правительство связываетъ разнородные элементы, составляющіе его армію. Чтобы увеличить разстояніе между офицерами и солдатами, чтобы не допустить въ солдатѣ родиться мысли, будто онъ можетъ что нибудь значить безъ офицера, принято за правило, какъ можно рѣже поощрять офицера въ полку изъ людей одной нации съ нимъ. Такимъ образомъ солдатъ вдвойнѣ отдѣленъ отъ офицера: исключительнымъ положеніемъ офицера и его національностью. Въ этомъ заключается и главный источникъ слабости всей системы. Все идетъ превосходно, пока войско въ названіяхъ и на плацъ-враждѣ, гдѣ солдатъ учится механически исполнять извѣстные движенія при звукѣ извѣстныхъ словъ; но когда дѣло переходитъ на поле битвы, никакой прикѣръ самоотверженія со стороны офицеровъ, никакая выучка не въ состояніи сдѣлать солдатъ одушевленными. Солдатъ чувствуетъ себя одиоконымъ и безпомощнымъ, видя передъ собою людей, съ которыми связываетъ его только наказаніе и наказаніе. Наврасно истощаетъ свои усилія офицеръ: онъ не можетъ одушевить безжизненную массу.

«Вотъ причина превосходства союзныхъ армій; оно останется за нами, пока нѣтъшняя военная организація будетъ существовать въ Австріи. Теперь австрійскіе солдаты могутъ подъ гнетомъ дисциплины стоять на мѣстѣ, но никогда не могутъ поровняться съ союзниками въ бою».

Намъ кажется, что тутъ есть только одна ошибка или скорѣе неточность выраженія: говоря о томъ, что разнородные элементы австрійской арміи соединяются въ одно цѣлое корпусомъ офицеровъ, который воодушевляетъ совершенно особеннымъ духомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ мыслями разноплеменныхъ народовъ Австрійской имперіи, писатель, которымъ мы пользуемся, представляетъ, какъ будто бы нѣчто дѣйствительно выгодное для арміи—этотъ странный духъ касты, уничтожающій въ австрійскихъ офицерахъ всякія чувства, кромѣ привязанности къ отвлеченному понятію знамени и мундира. Но изъ его же собственныхъ словъ мы видимъ далѣе, что дисциплинарнымъ духомъ касты уничтожается всякая энергія въ массѣ солдатъ:

они исполняют маневры, они стоят на мѣстѣ, куда ихъ поставили, но они неспособны сражаться съ тѣмъ увлеченіемъ, безъ котораго невозможно устоять противъ непріятеля, одушевленнаго энтузіазмомъ. Вся организація австрійской арміи направлена только къ тому, чтобы выдрессировать солдатъ для механическаго исполненія начальственныхъ требованій. Какъ бы ни были храбры племена, составляющія такое войско, оно всегда будетъ побѣждаемо непріателемъ, солдаты котораго не мертвыя машины, а живыя существа.

Организація австрійской арміи, дѣлающая сословіе офицеровъ особенною привилегированною кастою, которая имѣетъ къ солдату только одно отношеніе — отдаваніе механическихъ приказаній, наблюденіе за исполненіемъ формалистики, являющееся за проступки противъ правилъ военной механики, эта организація служитъ примѣненіемъ къ военному быту того начала, на которомъ одномъ построено все государственное зданіе, которое одно пользуется привилегією быть законнымъ основаніемъ и единственною рамкою гражданской жизни въ Австріи, — мы говоримъ о бюрократіи. Другія бюрократическія государства успѣли до нѣкоторой степени охранить отъ этого мертвящаго своего принципа по-крайней мѣрѣ армію; они какъ будто понимали, что должны оставить нѣкоторый просторъ жизни, то есть нѣкоторый залогъ внутренней силы, хотя въ этомъ учрежденіи, служащемъ опорой ихъ мертвому формалистическому существованію. Въ Австріи, бюрократія не есть прихоть нелѣпаго произвола, размѣры которой могутъ по произволу ограничиваться тѣмъ же самымъ произволомъ; нѣтъ, бюрократія въ Австріи составляетъ дѣйствительную необходимость для поддержки государства, которое распалось бы отъ предоставленія простора внутренней жизни принадлежащаго ей разнороднаго населенія; потому австрійское правительство не въ силахъ устроить ни одной своей отрасли иначе, какъ по бюрократическому принципу, по началу мертвой формалистики, все подчиняющей холодному механизму, сосредоточивающей всю жизнь въ рукахъ чиновной касты, убивающей всякую индивидуальность, всякое развитіе личности, стало быть и живаго соображенія. Австрія не могла устроить и свою армію на болѣе живомъ основаніи, и бевсиліе, которымъ такъ странно отличалась ея громадная, превосходная со стороны формалистики армія, можетъ служить новымъ примѣромъ — если только нужны на это новые примѣры, — къ убѣжденію насъ въ томъ, что бюрократія приводитъ лишь къ одному результату: къ полнѣйшему внутреннему разслабленію того самаго механизма, которому приписываетъ она въ жертву все.

Изъ бюрократическаго принципа, на которомъ основано устройство австрійской арміи, дѣйствительно происходитъ совершенное разстройство всѣхъ существенныхъ частей военнаго механизма ея подъ фальшивымъ лоскомъ наружной исправности. Мы возьмемъ въ примѣръ только одну сторону военного быта, продовольственную часть. На бумагѣ, государство въ изобиліи снабжаетъ солдата всѣмъ нужнымъ; на бумагѣ, все выдается ему своевременно, повсюду огромные запасы всего нужнаго. Что же оказывается на дѣлѣ? при огромныхъ запасахъ, солдаты въ каждое сраженіе являлись голодными. Мы уже приводили нѣсколько свидѣтельствъ тому. Представимъ еще одно подлинными словами очевидца, чтобы нельзя было подозревать

насть въ преувеличеніи фактовъ. Вотъ что говорить одинъ изъ австрійскихъ офицеровъ о сраженіи при Маджентѣ:

«Если вы узнаете, что двѣ трети бывшихъ въ этомъ дѣлѣ солдатъ были очень утомлены длинными форсированными маршами, и не шли въ продолженіе 36 или даже 48 часовъ, то вы признаетесь, что мужество, съ которымъ они дрались, было изумительно».

Да, мы совершенно согласны изумляться мужеству бѣднаго австрійскаго солдата,—то есть славянскаго, венгерскаго или нѣмецкаго простолюдина, который, будучи насильно одѣтъ въ австрійскій мундиръ, сражается самъ не зная за что, сражается голодный, измученный, обворованный. Но мы думаемъ, послѣ приведенной нами выписки, что напрасны были всѣ предшествовавшіе подробные рассказы о войнѣ. Все ея, со всѣми ея битвами, можно было разсказать въ двухъ словахъ: „союзники имѣли противъ себя несчастныхъ, обворованныхъ, умирающихъ съ голоду солдатъ, которыхъ начальники воодушевляли къ битвѣ только страхомъ наказаній; не стоитъ и говорить о томъ, что такое войско было принуждено быстро покидать всѣ тѣ области, завоевать которыя находилась охота у союзниковъ“. Да; намъ нѣтъ надобности долго говорить о томъ, какъ и почему оказывается безплоднымъ геройское мужество забитаго машинальною дрессировкою и обворованнаго солдата,—это исторія хорошо извѣстная каждому.

Но мы не можемъ пропустить безъ вниманія еще одной черты австрійскаго веденія войны. Мы уже такъ часто указывали на нелѣпость всѣхъ стратегическихъ и тактическихъ австрійскихъ распоряженій въ нынѣшнемъ походѣ, что нѣтъ надобности перечислять здѣсь вновь эти нелѣпости;—да и какъ перечислять ихъ? Каждая битва представляется рядомъ ошибокъ отъ расположенія войскъ передъ началомъ ея и выбора минуты для ней до постыднаго отсутствія резервовъ въ рѣшительную минуту въ рѣшительномъ пунктѣ и тупоумнаго неумѣнья двинуть въ дѣло свѣжія войска, которыхъ оказывается потомъ огромное множество по окончаніи битвы. Думали сначала, что въ этомъ виноваты были собственно Гюлай; мы сами, грѣшныя люди, вѣрили, что онъ особенно плохъ. Но его удалили—и дѣло не пошло ни на волосъ лучше; значить, и другіе были не лучше Гюлая, то есть были тоже образцами совершеннѣйшей бездарности. Дѣйствительно, чловѣкъ сколько нибудь даровитый составляетъ между австрійскими командирами странное исключеніе; онъ, можно сказать, неумѣстенъ, не соответствуетъ своей обстановкѣ сверху и снизу, потому на него косятся, да и онъ не въ состояніи сдѣлать ничего путнаго,—во-первыхъ, не выпросить разрѣшенія сверху, во-вторыхъ, не найдетъ порядочныхъ исполнителей въ непосредственныхъ своихъ помощникахъ. Разумѣется, эта бездарность командировъ также въ значительной степени производится бюрократическимъ порядкомъ. Человѣкъ состоитъ на бумагѣ въ извѣстномъ чинѣ, удовлетворяетъ на бумагѣ и на парадахъ формальнымъ условіямъ хорошаго офицера, постепенно повышается по заведенному бумажному порядку, и если онъ обладаетъ умѣньемъ пользоваться бюрократическими пружинами повышенія, есть притомъ у него чешечки, собирающія соблюденіемъ строгой бумажной отчетности, да связишки,

то почему же ему не дойти и до командованія корпусомъ или даже цѣлою арміею, когда Богъ продлилъ жизнь для выслути числа лѣтъ, нужнаго для прохода по всѣмъ степенямъ бумажнаго производства въ чины? Благодаря этому бумажному порядку выслуги и повышеній, австрійская армія представляла въ началѣ нынѣшняго похода фактъ, неимоверно милый: главнокомандующимъ ея былъ человѣкъ, никогда не бывавшій въ походахъ, не только въ сраженіяхъ! Да, графъ Гюлай дослужился до главнокомандующаго, будучи знакомъ съ дѣйствительною военною службою столько же, какъ вы, читатель, знакомы съ кохинхивскимъ языкомъ.

Но бюрократія служить только однимъ источникомъ подобныхъ феноменовъ, являющихся командирами австрійскихъ бригадъ, корпусовъ и армій; другимъ источникомъ того же служить аристократія. Есть вѣтъ, будто бюрократія враждебна аристократіи; оно можетъ быть и основательно по какой-нибудь идеальной теоріи того или другого принципа; но въ дѣйствительности оба они уживаются вмѣстѣ превосходно, по правилу: рука руку моетъ. Такъ напримѣръ, нѣтъ государства, въ которомъ все такъ исключительно подведено было бы подъ бюрократію, какъ въ Австріи; съ тѣмъ вмѣстѣ нѣтъ государства, которому Австрія уступала бы своею аристократичностью. Не знаемъ, возможно ли такое примиреніе бюрократическаго устройства съ аристократическимъ по возвышеннымъ теоріямъ объ идеальномъ значеніи бюрократіи, но въ дѣйствительности оно существуетъ очень удобно, напримѣръ, въ Австріи, и основывается на слѣдующемъ очень простомъ правилѣ: каждый аристократъ, если угодно ему поступить на службу, имѣетъ по своему роду, родству и связямъ неотъемлемое право занять важную должность въ бюрократическомъ механизмѣ, и почти всѣ важныя должности заняты аристократами; а если какой нибудь человѣкъ взнатнаго рода, благодаря своей ловкости, богатству или покровительству сильнаго аристократа, добьется до полученія важнаго мѣста въ бюрократическомъ механизмѣ, онъ уже имѣетъ право считаться полуаристократомъ, хотя бы не имѣлъ приличныхъ высшему кругу манеръ; если же имѣетъ ихъ — хорошо говорить по французски, и т. д., — то онъ уже считается почти настоящимъ аристократомъ, а дѣти его во всякомъ случаѣ уже истинные аристократы. Такому порядку дѣлъ подчинена и армія. Командиры корпусовъ ея, какъ видимъ, князь Лихтенштейнъ, князь Шварценбергъ и т. д.—это наследственные полководцы. О ихъ способности для командованія войсками нечего спрашивать: отрицать ее значило бы, по австрійскимъ понятіямъ, отрицать наследство, быть врагомъ общественнаго спокойствія, человѣкомъ достойнымъ Шпильберга.

Таковы-то причины безсилія австрійской арміи: онъ выше всякой случайности лицъ и обстоятельствъ, онъ лежитъ въ самомъ устройствѣ государственнаго организма,—въ бюрократическо-аристократическомъ характерѣ всего управленія. Онъ выше даже побѣдъ и пораженій: трудно обидѣть австрійскому войску, во если бы оно и одержало какую нибудь побѣду, отъ этого нимало не церемѣнился бы ходъ войны: солдаты и послѣ побѣды все-таки остались бы тѣ же солдаты, изнуренные необдуманными маршами, забитые муштрованіемъ, голодные, безсильные поддержать борьбу на завтра; командиры остались бы тѣ же бездарные люди, неумѣющіе ничѣмъ распорядиться,

неспособные воспользоваться побѣдою, случайно имъ доставшейся, какъ постоянно не умѣютъ пользоваться никакими благопріятными обстоятельствами. Подъ Маджентою французы были скорѣе побѣжденными, нежели побѣдителями, а все-таки черезъ четыре дня вступили въ Миланъ; и если бы они были разбиты при Сольферино, все-таки черезъ недѣлю осадили бы они Мавтую и Пескьеру.

Но мало того, что австрійская армія была безсильна выдерживать борьбу по характеру своей организаціи: уже развивались внутри Австрійской имперіи факты, которые уничтожили бы эту армію безъ усилій со стороны французовъ; уже раскрывались бѣдны, которыя поглотили бы всю эту массу и истощили бы всѣ источники для ея возсозданія. Намъ нечего распространяться о глубокомъ страшномъ негодованіи на австрійскія притѣсненія во всѣхъ славянскихъ областяхъ имперіи: онѣ всѣ ждутъ только первой возможности, чтобы своими возстаніями разрушить весь составъ нынѣшней Австрійской имперіи и создать на ея мѣстѣ нѣчто совершенно новое, непохожее на Австрію, которая Прагъ и Загребу столь же ненавистна, какъ Милану. Въ 1848 году австрійское правительство спаслось враждою между славянами и венграми: теперь едва ли повторилась бы со стороны венгровъ ошибка, установившая противъ нихъ славянъ, и со стороны славянъ ошибка, предавшая ихъ движеніе въ руки австрійцевъ. Уже въ концѣ венгерской войны венгры хлопотали о примиреніи съ славянами, предлагали имъ условія, которыми они могли совершенно удовлетвориться. Уже тогда было время, что въ Прагѣ ждали появленія венгерскихъ войскъ съ восторгомъ. Можно полагать, что съ того времени десятилѣтній тяжелый опытъ развилъ понятіе о необходимости взаимнаго согласія для преодоленія врага, который равно безпощаденъ оказался и къ обманутымъ славянамъ, ему предавшимся, и къ побѣжденнымъ венграмъ. Но все равно, успѣли ли бы славяне и венгры поладить между собою,—этотъ вопросъ важенъ только для исхода ихъ собственныхъ дѣлъ, а не для судьбы австрійской арміи въ Италіи: въ согласіи между собою или нѣтъ встали бы славяне и венгры,—все равно, они встали бы противъ вѣнскаго правительства, все равно оно должно было бы обратить свои войска на борьбу съ ними, и все равно солдаты этихъ войскъ разошлись бы изъ-подъ австрійскихъ знаменъ каждый подъ свое родное знамя. Это время было уже очень близко: Венгрія уже начинала волноваться, уже со дня на день ждала Кошута, у котораго уже былъ готовъ легіонъ венгерскихъ волонтеровъ,—еще двѣ-три недѣли, и Венгрія охватывалась возстаніемъ, и за нею не замедлили бы послѣдовать тѣмъ же путемъ славянскія области. Въ газетахъ было напечатано письмо какого-то венгерца, увѣряющаго, что восстановление старинной конституціи, существовавшей до 1848 года, удовлетворило бы Венгрію, и что Кошутъ вовсе не любимецъ венгерскаго народа. Другіе говорили, что венгерскіе поселяне вовсе не имѣютъ ненависти къ Австріи. Авторы такихъ смѣлыхъ свидѣтельствъ о смиреніи и миролюбіи венгровъ достойны удивленія современниковъ и потомства за наглость, съ какою утверждаютъ невозможную небывальщину. Такіе факты, какъ возстаніе 1848 года, славныя побѣды надъ австрійцами, свирѣпшія казни, слѣдовавшія за подавленіемъ возстанія,—такіе факты не забываются

народомъ не только въ десять, но забываются и въ пятьдесятъ лѣтъ. Если вы хотите судить о томъ, какую встрѣчу нашелъ бы Кошутъ между соотечественниками, можете предугадывать это по восторгу, съ которымъ встрѣчали его даже чужеземцы. Вся Франція готовилась привѣтствовать его такъ, чтобы отъ границы до границы ея путь венгерскаго правителя былъ непрерывнымъ триумфальнымъ шествіемъ. Разумѣется, этого не дозволили. Но вотъ народный трибунъ Венгріи достигъ Италіи, гдѣ по неадаптивности своего пребывания, французскіе освободители еще не успѣли довести надзоръ за общественнымъ порядкомъ до того образцоваго совершенства, какъ во Франціи, — вотъ Кошутъ явился въ Италію, и хотите знать, какъ онъ былъ встрѣченъ? Мы только переведемъ разсказъ „холоднаго“ англичанина изъ *Weekly Times*, да и то пропуская самыя яркія мѣста.

«Съ той минуты (говоритъ англійская газета), какъ нога Кошута ступала на итальянскую землю, его встрѣчаютъ восторгъ и торжество повсюду, гдѣ онъ ни является. По всей дорогѣ, на каждой станціи, толпы итальянцевъ собирались привѣтствовать его. Разъ встрѣтился ему конной венгерцевъ, взятыхъ въ плѣнъ;—узнавши великаго вождя своей родины, они привѣтствовали его виватами, *eljen, eljen*. Въ другомъ мѣстѣ пробился сквозъ толпу равный италіанецъ: въ 1848 году онъ принадлежалъ къ итальянскому легіону Монтэ въ Венгріи и хотѣлъ выразить свой восторгъ, что видятъ знамена Италіи и Венгріи снова соединенными. Въ Астѣ самъ военный комендантъ былъ предводителемъ толпы, привѣтствовавшей Кошута восторженными криками. Въ Александріи Кошутъ долженъ былъ произнести итальянскую рѣчь собравшемуся народу. Послѣ двухъ долгихъ свиданій съ Кавуромъ въ Туринѣ, венгерскій изгнанникъ отправился съ повѣреннымъ другомъ сардинскаго министра въ Парму, главную квартиру принца Наполеона. До самой Страделлы, гдѣ кончается желѣзная дорога, повторялись тѣ же сцены антузіазма, какъ во дорогѣ до Турина. Но за Страделлою итальянцы, разумѣется, потеряли слѣдъ Кошута. Прибывши вечеромъ въ Піаченцу, онъ успѣлъ спокойно пролѣтѣть въ отель, не будучи узнавъ. Но во время завтрака слугиня въ принесъ книгу, гдѣ останавливавшіеся въ гостиницѣ записывали свои имена, и, увидѣвъ имя «Кошутъ», бросился изъ комнаты, какъ сумасшедшій. Не прошло пяти минутъ, и всѣ 30,000 жителей Піаченцы знали, кто нѣтъ гость, и какъ будто по звуку набата сбѣжались подъ его окна съ восторженнѣйшими криками «*evviva*». Подеста (изръ) города со всѣмъ муниципальнымъ начальствомъ явился въ его комнату съ оравѣтствіями и предложеніями услугъ.

«Парма была правилично разукрашена въ ожиданіи пріѣзда принца Наполеона. Слугиникъ Кошута былъ узнавъ однихъ итальянцевъ, стоявшихъ передъ отелемъ; онъ спросилъ его: «Это графъ Кавуръ?» — «Нѣтъ», отвѣчалъ Кошутъ, — вдругъ глаза итальянца засверкали, и онъ закричалъ: «Кошутъ! *evviva* Кошутъ!» Въ нѣсколько минутъ весь городъ возобновился отъ этой вѣсти; толпы собрались передъ отелемъ; пострѣтели наводнили комнату, и почетный караулъ былъ поставленъ у дверей».

Кто имѣетъ хотя нѣкоторое понятіе о венгерскихъ событіяхъ 1848—1849 года и тяготѣющей съ тѣхъ поръ надъ Венгрію реакціи, тотъ не можетъ сомнѣваться, что появленіе Кошута хотя бы только съ нѣсколькимистами человекъ на границѣ Венгріи должно было стать сигналомъ общаго поголовнаго возстанія между мадярами, — такого возстанія, сладить съ которымъ едва ли могло бы австрійское правительство и при полной безопасности за всѣ другія провинціи. А, повторяемъ, славянскія области имѣютъ слишкомъ основательныя причины питать къ австрійскому правительству тѣже самыя чувства, какъ мадяры, и не замедлили бы послѣдовать ихъ примѣру. Но

что говорить о славянах и мадьярах, когда даже нѣмецкія области смотрятъ на австрійское правительство, какъ на врага, которому не могутъ желать побѣды? Если читатель не вѣритъ этому, пусть онъ прочтетъ слѣдующій отрывокъ изъ письма, присланнаго въ Times ся вѣнскимъ корреспондентомъ отъ 25 іюня.

«Жители Вѣны ожидаютъ, что австрійская армія одержитъ преимущество надъ союзниками, но очень многіе изъ нихъ думаютъ, что душно бы было для государства, если бы она одержала рѣшительную побѣду. Если французы будутъ разбиты, высококріе австрійскаго правительства, конечно, станетъ еще больше, нежели каково было до начала войны, и оно опять станетъ пренебрегать общественными мнѣніемъ. Теперь когда правительство терпитъ несчастье, всѣ члены его сознаются, что вышедшая система не хороша; но опытъ доказалъ, что языкъ огромнаго большинства австрійскихъ сановниковъ измѣняется съ обстоятельствами. Состояніе общественнаго мнѣнія почти во всѣхъ провинціяхъ очень душно и должно остаться такимъ, потому что не сдѣлано никакихъ улучшеній для удовлетворенія ему. По письмамъ изъ Тироля, мы знаемъ, что сильное неудовольствіе господствуетъ въ этой вѣрѣйшей изъ австрійскихъ земель, и что народъ не показываетъ ни малѣйшаго желанія браться за оружіе для защиты страны».

Въ Западной Европѣ покажется ненатуральнымъ и невѣроятнымъ, чтобы даже австрійскіе нѣмцы считали несчастьемъ для государства тотъ случай, когда ихъ правительство одержало бы побѣду, и надѣялись добра только отъ пораженій своей арміи. Но мы совершенно понимаемъ это чувство.

Итакъ, вотъ каково было положеніе вещей около 5 іюня новаго стиля: австрійская армія въ Италіи была такъ сокрушена ужасными битвами, а еще больше голодомъ, которому подвергала ее беспорядочность администраціи, и беззащитностью, въ которую повергалась она бездарностью и безтолковостью команды, — она была такъ разслаблена этими бѣдствіями, что неспособна была держаться противъ непріятеля въ открытомъ полѣ, и могла надѣяться нѣсколько замедлить его наступленіе, только оставаясь подъ прикрытіемъ значительныхъ австрійскихъ крѣпостей. Но нелѣпость команды отдала въ руки врагу центръ четырехугольника, и была уже разорвана всякая связь крѣпостей, составлявшая главный источникъ ихъ силы, и австрійская армія была отбѣснена изъ крѣпкой позиціи между крѣпостями за восточную границу ихъ. Такимъ образомъ, Мантуя осталась окружена союзниками, стала безсиленнымъ болотнымъ убѣжищемъ гарнизона, который принужденъ былъ бездѣйственно ждать времени, когда зараза и голодъ принудятъ его сдаться спокойно стерегущему его врагу; Пескьера и Леньяно оказывались слабы противъ новой страшной артиллеріи, противъ которой не была рассчитана система ихъ укрѣпленій. Оставовкою для союзниковъ оставалась только одна Верона, да и та не могла долго противиться варѣзнымъ орудіямъ, тѣмъ болѣе, что лишившись одного источника своей силы — связи съ Мантуею и Пескьерою, она должна была черезъ какую нибудь недѣлю лишиться и другого источника грозности — французы готовились подойти къ ней съ востока и отрѣзать ее отъ сообщеній съ внутреннею Австріею. Скорое паденіе Вероны не подлежало сомнѣнію, и австрійская армія близко уже видѣла необходимость идти за итальянскую границу. Австрійское правительство было безсильно бороться съ однимъ вра-

гомъ, а теперь предстояло ей имѣть другихъ враговъ еще болѣе страшныхъ,—венгры готовились возстать, славяне послѣдовать ихъ примѣру,—ихъ соотечественники въ австрійской арміи ждали только перваго случая сорвать австрійское знамя въ своихъ полкахъ, замѣнить его своимъ національнымъ знаменемъ и присоединиться къ своимъ возставшимъ соотечественникамъ для низверженія австрійской тиранніи. Да, еще нѣсколько недѣль, и австрійская армія не только очистила бы Италію,—она не существовала бы, распалась бы на свои составныя части, изъ которыхъ каждая столь же враждебна австрійскому игу, какъ ломбардцы и венеціане. И не оставалось бы у австрійскихъ притѣснителей нигдѣ опоры,—ни даже въ нѣмецкихъ провинціяхъ ихъ имперіи, потому что самая Вѣна ждала облегченія своей судьбы отъ несчастій, постигающихъ австрійское правительство.

Да, правы были благородные довѣрчивые люди, предсказывавшіе, что нынѣшняя война должна привести угнетенныя національности Австрійской имперіи къ освобожденію отъ тяжелаго, ненавистнаго ига, должна имѣть своимъ результатомъ распаденіе Австріи. Скорѣе, нежели могли надѣяться самыя пылкіе изъ нихъ, дошла война до этого фазиса: черезъ два мѣсяца по открытіи военныхъ дѣйствій настала уже минута кризиса, и союзникамъ не нужно было никакихъ новыхъ усилій,—имъ нужно было только простоять еще мѣсяць, много полтора мѣсяца, простоять это недолгое время хотя бы сложа руки, и австрійская армія исчезала, и освобождалась не только Италія,—освобождалась и Венгрія, и всѣ австрійскія провинціи.

Но именно въ эту минуту и былъ заключенъ миръ. Воля, отъ которой требовалось не какое нибудь новое усиліе, не какія нибудь новыя жертвы, требовалось только бездѣйственное свѣгласіе, чтобы освободились десятки милліоновъ людей, — она поспѣшила остановить погибель угнетенія и спасла Австрію отъ разрушенія. Она такъ спѣшила спасти уничтожавшагося врага, что дала ему условія мира, не удовлетворяющія собственнымъ увѣреніямъ этой воли о дѣлахъ войны, не соответствовавшія великости пріобрѣтеннаго превосходства надъ врагомъ.

Миръ состоялся такъ быстро, что намъ не было и времени поговорить о близости его и представить читателю еще новый примѣръ той, къ сожалѣнію, слишкомъ легкой способности предугадывать неизбежное, которая почерпается изъ невысокаго мѣтнія о людяхъ и явленіяхъ, давно оказавшихся недостойными довѣрія и сочувствія,—этой вредусмотрительности, которой мы,—пусть проститъ намъ читатель,—несмотря на ея чрезвычайную легкость, мы гордились съ какимъ-то негодующимъ самодовольствомъ, потому что видимъ, какъ люди, быть можетъ превосходящіе насъ умомъ и знаніемъ и всѣми лестными качествами, оказываются лишены этой, можно сказать, пошлой способности—предвидѣть, чѣмъ кончится дѣло, представляющее себя прекраснымъ и благимъ, и постоянно оказываются обманутыми въ своей благородной довѣрчивости, между тѣмъ какъ мы съ насмѣшкою, въ которой слышатся стоны, имѣемъ право говорить имъ: вотъ, вы не изволили соглашаться съ нами, а теперь видите, вышло точно такъ, какъ мы предсказали съ самаго начала.

Да, жаль, что миръ не повременилъ хотя бы недѣли,—мы уже наби-

рали громадную массу доказательств въ дополненіе къ прежнимъ нашимъ словамъ о томъ, чѣмъ кончится эта война. Кому только угодно было не закрывать глазъ, тотъ могъ видѣть съ каждымъ днемъ больше и больше фактовъ, показывавшихъ, каковы будутъ условія мира. Уже давно было извѣстно, что сардинскій король и его министръ находятся въ немилости у своего союзника за то, что обнаруживаютъ наклонность понимать цѣль войны нѣсколько серьезнѣе, нежели онъ, и принимать мѣры въ дѣйствительному освобожденію Италіи отъ австрійцевъ; уже давно стало ясно, что сбылись опасенія, по которымъ мы предполагали въ прошломъ мѣсяцѣ, что графъ Кавуръ началъ видѣть себя обманутымъ и сталъ раскаиваться; уже давно было ясно, что сардинское правительство принуждено повиноваться политикѣ, исполнять распоряженія, служить планамъ, которые противны его собственнымъ желаніямъ. Теперь мы считаемъ уже напраснымъ перечислять эти признаки, указывавшіе исходъ войны, потому что совершился тотъ роковой фактъ, приближеніе котораго они предвѣщали. Займемся исключительно имъ, этимъ миромъ, по которому Италія, не освобождаясь отъ австрійцевъ, подчиняется еще новому игу, французскому, и по которому уничтожается самостоятельность единственнаго государства, которое пользовалось въ Италіи самостоятельностью и свободою.

Зачѣмъ заключенъ миръ? О, Боже мой, прокламація императора французовъ передъ началомъ войны, эта прокламація, на которой довѣрчивымъ людямъ угодно было основывать свою вѣру въ освобожденіе Италіи, уже указывала причину, по которой не можетъ быть допущено изгнаніе австрійцевъ изъ Италіи: „Мы идемъ въ Италію (говорила прокламація, объявлявшая о войнѣ съ Австріею) не покровительствовать безпорядкамъ, не колебать престолъ папы“. Мы тогда же говорили, какой выводъ указывается этими словами. Скоро явились факты, подтверждавшіе заключеніе, и безъ того, впрочемъ, слишкомъ ясное. Когда Жюль-Фавръ спрашивалъ, будутъ ли восстановлены великій герцогъ тосканскій и герцогиня пармская, — его вопросъ оставленъ былъ безъ отвѣта, хотя онъ говорилъ, что неолученіе отвѣта онъ сочтетъ равносильнымъ подтвержденію его опасеній за характеръ войны. Потомъ въ официальныхъ газетахъ явились статьи, говорившія, что война, которую Франція ведетъ съ Австріей, не имѣетъ ничего общаго съ революціонными движеніями, какія обнаруживаются въ разныхъ областяхъ Италіи, занятыхъ французскими войсками, что Франція вездѣ, гдѣ только можетъ, препятствуетъ такимъ безпорядкамъ. Эти слова не имѣли бы особеннаго вѣса, если бы не подтверждались фактами; но французское правительство дѣйствительно вездѣ, гдѣ имѣло войска, поддерживало такую же образцовую тишину, какъ австрійцы въ занятыхъ ими областяхъ. Лучшимъ примѣромъ тому служитъ образъ дѣйствій генерала Гойона въ Римѣ. Мы уже говорили объ этомъ. Вотъ еще новый случай того же рода, — онъ произошелъ, когда римляне хотѣли поздравить французовъ съ побѣдою при Сольферино. Переводимъ изъ „Times’a“:

«Каждое воскресенье римская молодежь собирается у дверей церкви S. Luigi dei Francesi, и ставши въ два ряда, съ поклонами и другими молчаливыми знаками сиватинъ провожаетъ генерала Гойона до его коляски послѣ военной миссы. Въ субботу

(25 июня) депутация этих молодых людей явилась къ генералу предупредить его, что завтра собраніе будетъ многочисленнѣе обыкновеннаго и что онъ не долженъ удивляться, если демонстрація будетъ сопровождаться криками «viva l'Italia, viva l'imperatore dei Francesi e Vittorio Emanuele!» и если даже будутъ развѣваться итальянскія знамена. «Господа, сказалъ генералъ, если такъ, мы выйдемъ за границы мирной демонстраціи. Я не могу допустить этого,—я долженъ запретить это и предупрежу это во что бы то ни стало». На слѣдующее утро генералъ Гойонъ наполнилъ площадь передъ церковью огромнымъ количествомъ войска, загородилъ горожанамъ всѣ входы на площадь и, садясь въ карету, тихо сказалъ своимъ офицерамъ: «Мы въ Римѣ среди трехъ партій: первая состоитъ изъ честныхъ либераловъ, которые убѣждены, что Франція хочетъ добра этой странѣ—ихъ мы должны любить; вторая партія—приверженцы Австріи; ихъ, пока они остаются въ справедливыхъ границахъ мѣшанія, которое свободно, мы должны уважать; третья партія состоитъ изъ мащинистовъ—ихъ должно задавить, il faut écraser»,—и пожавъ руки волковавшимъ и другимъ штабнымъ офицерамъ, генералъ уѣхалъ съ площади».

Поддерживая безмятежную тишину въ занятыхъ ими мѣстахъ, французы старались по возможности удержать отъ возстаній и всѣ другія части Италіи; а гдѣ, несмотря на ихъ старанія, населеніе возставало, они устраивали такъ, что жители лишались возможности организовать военную силу для борьбы съ австрійцами. Мы уже говорили въ прошлый разъ, что главной заботой французской политики было воспрепятствовать образованію самостоятельныхъ итальянскихъ войскъ, которія помѣшали бы императору французамъ остановить войну, когда ему будетъ угодно, и помириться съ австрійцами, на какихъ будетъ ему угодно условіяхъ. Въ этомъ отношеніи усилія французамъ увѣнчались самымъ блистательнымъ успѣхомъ. Тосканскія войска, напримѣръ, совершенно были лишены возможности видѣть врага и были доведены до разслабленія преднамѣренной деморализаціею. Въ другихъ областяхъ не дано было и устроиться военной силѣ. Одному только Гарибальди не успѣли помѣшать составить отрядъ волонтеровъ, да то единственно оттого, что отрядъ былъ уже готовъ, когда французы явились въ Италію. За то отнынѣ были у этого отряда средства усиливаться, и способъ къ тому нашелся самый простой: волонтеровъ оставили безъ оружія.

Такимъ образомъ волонтеры Гарибальди могли только удивлять Европу отважностью своихъ подвиговъ, но не могли усилиться на столько чтобы Италія имѣла черезъ нихъ хотя какой нибудь голосъ при рѣшеніи своей судьбы. Мы не можемъ теперь и говорить здѣсь объ этомъ отрядѣ, оставшемся безъ всякаго вліянія на ходъ событій,—но вѣроятно читатели сочувствуютъ этимъ героямъ и хотѣли бы знать о нихъ, какъ можно больше; потому помѣщаемъ въ приложеніи письмо одного изъ волонтеровъ, помѣщенное въ *Revisio ed Azione*—оно имѣетъ совершенно оригинальный характеръ, напоминающій народныя эпосы, гомеровы рэпсоды, сербскія пѣсни: этотъ отрядъ—не безразличная толпа людей, слитыхъ въ одну бездушную боевую машину,—вѣтъ, каждый боецъ имѣетъ имя, извѣстное и дорогое его соотечественникамъ, каждый знаменитъ своими подвигами, каждый долженъ въ благодарной памяти многихъ составлять предметъ гордости своего родного города или села. Посмотрѣте, какое тутъ множество людей, дѣйствительно замѣчательныхъ: знаменитые ученые, отличные медики, адвокаты, богатые куп-

цы—всѣ они стали въ ряды простыми солдатами. Отрядъ героевъ и людей честныхъ, ты одинъ могъ бы служить вѣрною надеждою родины, но за то тебя и оставили не имѣющимъ ни палатокъ, ни плащей, не дали тебѣ оружія, отняли у тебя средства усилиться, выдали тебя безпомощнымъ врагу—ты побѣдилъ его, прославилъ себя и Италію, и не твоя была вина, если ты не успѣлъ спасти свою родину.

Дивная энергія, выраженная волонтерами Гарибальди, была выраженіемъ народныхъ силъ Италіи. Несмотря на всѣ страшныя препятствія и отъ враговъ и отъ союзниковъ, итальянцы начинали выступать на сцену дѣйствія. Въ Тосканѣ, въ Пармѣ, въ Моденѣ національная партія, требующая единства, начинала торжествовать надъ интригами, устроенными за тѣмъ, чтобы эти земли, по окончаніи войны, могли быть возвращены къ прежнему положенію. Въ римскихъ областяхъ одинъ городъ за другимъ вооружался на защиту національнаго дѣла. Перуджія пострадала за него, но по всей Италіи пронёсся крикъ мести, и жители Болоньи, Анконы, Феррары готовились наказать злодѣевъ, виновныхъ въ гибели Перуджіи. Подходило время, когда уже невозможно было бы остановить развитіе народныхъ силъ Италіи. Потому то и поспѣшили заключеніемъ мира.

Читатель знаетъ, какъ онъ былъ заключенъ. Среди побѣдъ, при несомнѣнной увѣренности въ легкомъ изгнаніи австрійцевъ изъ Италіи, императоръ французскій подложилъ австрійскому императору перемиріе, съ тѣмъ вмѣстѣ предлагая ему условія мира гораздо болѣе выгодныя, нежели какъ могъ ожидать Францъ Іосифъ. Разумѣется, предложеніе было принято съ благодарностію, и тогда Наполеонъ пригласилъ Франца Іосифа пріѣхать на личное свиданіе съ нимъ для порѣшенія вопроса объ окончательномъ мирѣ. 11 іюля (29 іюня) на этомъ свиданіи, безъ всякаго участія сардинскаго короля или его министровъ, былъ заключенъ миръ. Читатель знаетъ его условія: Австрія сохраняетъ Венецію и крѣпости на Минчіо и Адидже; но уступаетъ Ломбардію Франціи, которая передаетъ ее по своей милости во владѣніе сардинскому королю. Такимъ образомъ Сардинія получаетъ увеличеніе владѣній въ такой формѣ, которая уже сама по себѣ ясно указываетъ, что отнынѣ сардинскій король долженъ быть вассаломъ Наполеона III. Ка-вууръ, видя всѣ свои планы разрушенными, вышелъ въ отставку, и тѣмъ окончательно разъяснилось значеніе мира для людей, всѣ еще не хотѣвшихъ расстаться съ мечтами. Во всей остальной Италіи все должно остаться по старому, какъ было до войны, и гдѣ проведены были „безпорядки“, напри-мѣръ, въ Тосканѣ, Пармѣ и Моденѣ, тамъ восстанавливается законный порядокъ, нарушившійся во время войны. Мы говоримъ, что все должно остаться по старому; конечно, въ условіяхъ мира есть фразы объ учрежденіи итальянской федераціи, также и о внутреннихъ реформахъ. Но состоится ли итальянская федерація на дѣлѣ, или останется только „желаніемъ высокихъ примирившихся державъ“ это еще неизвѣстно, а если состоится она, то будетъ служить только органомъ для французскаго и австрійскаго господства надъ итальянскими государствами. Что же касается до внутреннихъ реформъ, то десятилѣтнее владычество французскій въ Римѣ и ходъ дѣлъ въ Неаполѣ, находящемся нынѣ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Франціею, должны служить

ручательствомъ за то, что Франція не станетъ принуждать папу и неаполитанское правительство къ проведенію реформъ, а будетъ спокойно ждать, пока они добровольно проникнутся стремленіемъ къ реформированію, а сама до той поры будетъ ограничиваться только выраженіемъ „желаній“, которыя, впрочемъ, выражены Наполеономъ III еще въ 1849 году въ знаменитомъ письмѣ его. Къ сожалѣнію, они вотъ уже десять лѣтъ остаются „желаніями“, хотя французы всѣ эти десять лѣтъ господствовали въ Римѣ.

Впрочемъ, устройство итальянской конфедераціи и внутреннія реформы— не болѣе какъ второстепенныя подробности, опредѣленіе которыхъ будетъ идти обыкновеннымъ дипломатическимъ порядкомъ; стало быть намъ представится еще много случаевъ разсуждать объ этихъ прекрасныхъ вещахъ, осуществленіе которыхъ теперь несомнѣнно, благодаря столь поспѣшно заключенному между Франціею и Австріею мира.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

А. Битва при Маджентѣ по разсказу корреспондента Times'a, находящагося при австрійской главной квартирѣ.

Винаско, 5 іюня.

«Услышавъ вчера въ Маджентѣ перестрѣлку между авинпостами, я никакъ не думалъ, что буду свидѣтелемъ одной изъ упорѣйшихъ битвъ нашего столѣтія: я зналъ, что австрійцы слишкомъ утомлены, такъ что не захотятъ нападать, а что французы имѣютъ уже достаточныя силы для нападенія, я вовсе не зналъ. А между тѣмъ, наканунѣ она овладѣла широкимъ каменнымъ мостомъ черезъ Тичино, между Санъ-Мартино и Вуффалорю, который остался почти неповрежденъ отъ огня, взорванныхъ въ немъ австрійцами, и навели кроиъ того два pontonныхъ моста, такъ что могли вчера по утру собрать на восточной сторонѣ рѣки до 60,000 пѣхоты и большую массу артиллеріи; съ этими силами повѣшали они наветъ на утомленныхъ и раздробленныхъ австрійцевъ. Тѣмъ менѣе колебались они напасть, что имѣли большіе резервы въ Трекате, часахъ въ двухъ пути отъ поля битвы. Австрійскіе корпусы были на нѣсколько часовъ задержаны въ своемъ движеніи въ назначеннымъ позиціямъ совѣщавіемъ между графомъ Гіулаемъ и генераломъ Гессомъ, и потому не дошли до опредѣленныхъ мѣстъ. Такимъ образомъ, три бригады корпусъ Кьяавъ и три бригады корпусъ Лихтенштейна были единственными войсками, действительно сосредоточенными для сопротивленія французамъ, шедшимъ отъ Турбига и Трекате. Они стояли въ Вуффалорѣ и Маджентѣ. Корпусъ Цобеля (четыре бригады) былъ въ Кастеллотто, близъ Аббате Грассо, корпусъ Шварценберга—въ Аббате Грассо, а Станіона (пять бригадъ) въ Фаллавенкіа Бенедекъ былъ такъ далеко, что его нельзя брать и въ расчетъ, а Урбанъ, стоявшій въ Казарате, не былъ приваженъ въ битву. Одинъ только корпусъ Цобеля двинулся вчера до начала битвы; онъ шелъ на Корбетту. Генералъ Клямъ не могъ знать, что мина, подложенная подъ мостомъ, совершенно не подѣйствовала: еслибъ онъ зналъ это, онъ огорождался бы окопами и укрѣпился бы другими способами въ Вуффалорѣ и разрушилъ бы мосты черезъ большой каналъ, впадающій нѣко этого сѣдъ, почти параллельно Тичино. Этихъ мостовъ пять: 1) у Вернати, 2) у Вуффалоры, 3) на шоссе въ Милана въ Новару, 4) на желѣзной дорогѣ, 5) старый мостъ у деревни, которая называется *Ponte di Magenta*. Эти мосты были чрезвычайно полезны для французамъ. Ниже по каналу былъ еще одинъ мостъ у Робекко, оказавшійся полезнымъ для австрійцевъ.

«Битва началась въ 11 часовъ тѣмъ, что французы взяли Вуффалору, четыре первые моста изъ перечисленныхъ мною и деревню *Ponte di Magenta*, въ которой тотчасъ же окопались. Немедленно послѣ того они двинулись далѣе, къ Маджентѣ, потому что австрійцы поставили батарею у станціи желѣзной дороги, зная, что главный предметъ усилій непріятеля будетъ овладѣть желѣзною дорогою, и французы

были отбиты съ большимъ урономъ отъ Мадженты. Отрядъ корпуса Клава въ 6 или 7 тысячъ человекъ, былъ оттѣсненъ ими къ сѣверу отъ Буффалоры и почти отрубъзанъ, но генералъ-майоръ Леббельтернъ пришелъ изъ Корбетты съ своею бригадою (корпуса Цобеля) и отбилъ у французовъ Буффалору съ ближайшими къ ней местами. Самъ Леббельтернъ сошелъ съ лошади, кѣмъ водилъ свои войска въ атаку и былъ тяжело раненъ. Графъ Гиулай прѣѣхалъ въ Мадженту въ ту самую минуту, какъ вносилъ туда Леббельтерна. «*Es lebe der Kaiser!*» сказалъ раненый генералъ: рапорту вашему высокопревосходительству, что моя бригада отбила Буффалору, но не можетъ удержаться въ ней, если не будетъ подтверждена. Я нешного оцарапанъ», арибавидъ онъ, падая въ обморокъ на землю.

«Но подтвержденіи готовыхъ не было: генералъ-лейтенантъ Рейбахъ посланъ былъ атаковать *Ponte di Magenta* со всѣми войсками, какія нашлись въ Маджентѣ, одна изъ дивизій корпуса Цобеля была оставлена въ Корбеттѣ охранять путь отступленія на случай несчастія; одна изъ бригадъ корпуса Лихтенштейна (бригада генералъ-майора Кинцеля съ итальянскими пѣхотными полкомъ эргерцога Сигизмунда) была должна занимать Робекко, за мостомъ,—на этомъ пунктѣ ожидали черезъ часъ или два увидѣть корпусъ Шварценберга, которому уже послали приказаніе двинуться изъ Аббате Грассо.

«Графъ Гиулай послалъ одного изъ своихъ любимыхъ адъютантовъ, молодого англичанина Невилля, просить князя Шварценберга прѣѣхать къ нему, и самъ съ своимъ штабомъ поѣхалъ въ Робекко ждать его. Едва онъ вѣхалъ въ деревню, какъ прискакалъ офицеръ и поднесъ ему пушечный патронъ изъ заряднаго ящика, взятаго въ *Ponte di Magenta* генераломъ Рейбахомъ, вѣстѣ съ нѣрвною французскою пушкою; онъ рапортовалъ, что *Ponte di Magenta* отбита у непріятеля, но бѣдный Рейбахъ, самъ водившій свою пѣхоту въ атаку, тяжело раненъ, Шварценбергъ еще не прибылъ, но Гиулай послалъ полкъ эргерцога Сигизмунда по западной сторонѣ канала напасть на французовъ во флангъ между *Ponte di Magenta* и Тичино.

«Тутъ я взомелъ на колокольню Робеккской церкви—оттуда было хорошо видно поле битвы. Я видѣлъ, что дивизія Рейбача уже вытѣснена изъ Мадженты; головы корпуса Шварценберга вступали въ Робекко; арріергардъ его, разбитый, еще не двинулся. На сѣверо-западѣ шелъ впередъ полкъ Сигизмунда, во далье простыми глазами было можно различить, какъ батальоны за батальонами идутъ французы навстрѣчу ему. По желѣзной дорогѣ до самаго Трекате и по Новарской дорогѣ облака пыли показывали, что идутъ подкрѣпленія къ нимъ. Судьба Сигизмундова полка не подлежала сомнѣнію—онъ не имѣлъ подкрѣпленій. Скоро подвергся онъ страшной потерѣ, но своею атакою на французскій флангъ отбилъ назадъ войска, вступавшія въ Мадженту.

«Корпусъ Шварценберга занялъ позицію во время сильной грозы. Бригада Раннинга была у канала, по восточному его берегу, бригада Дунфельда по западному, бригада Гартунга ближе къ Тичино; всѣ три онѣ атаквали *Ponte di Magenta*, ключъ французской позиціи. Пять разъ эта деревня переходила изъ рукъ въ руки. Одинъ только гессенскій полкъ (бригада Гартунга) ходилъ въ атаку девять разъ; князь Шварценбергъ, сошедши съ лошади, самъ водилъ его, съ своимъ адъютантомъ, Сечевымъ, у котораго плащъ весь былъ пробитъ пулями, но самъ Сечевый остался невредимъ. Послѣ трехчасоваго отчаяннаго боя французы отступили на всѣхъ пунктахъ и 10,000 свѣжихъ австрійцевъ довершили бы рѣшительную побѣду. Но не было ни одного человѣка въ резервѣ, потому что 4-я бригада корпуса Шварценберга была услана атаквать французовъ съ тыла, отъ Тичино. 5-й корпусъ, графа Стаціона, шелъ изъ Фаллавекии, но еще и половина его не прошла Аббате Грассо. Дорога тутъ была только одна, потому онъ растянулся такъ, что авангардъ его былъ на нѣсколько миль отъ арріергарда. Между тѣмъ и съ сѣвера и съ запада подходили свѣжія французскія войска и левія боя снова одвигались къ востоку, и сънова французы взяли *Ponte di Magenta* и шли на Робекко. Въ эту минуту, когда все казалось потеряннымъ, эскадронъ гусарскаго короля прусскаго полка попросилъ дозволенія идти въ атаку и, получивъ его, бросился на зуавовъ съ такою стремительностью, что раз-

сблизил их и отбросил в деревню; за ними волею гессенский пылкий полк. Эта атака была более удивительна, что произведена была через виноградники. Перед самыми сумерками я видел, что многочисленными французскими войсками отступают по железной дороге и когда в сумерки сошлись я с своего высокого наблюдательного поста и стал говорить с офицером генерального штаба, стоявшим под колокольней, то как-то встало казалось, что битва кончается успешно, и что нить связи корпуса Беведекса и Стадиона и дивизии Урбана, им не может сомневаться, что победя останется за нами. Дивизия Паулигартена (из корпуса Стадиона) начинала тогда проходить Робекко; но было уже слишком поздно. Французы продолжали бой до 9 часов вечера в кончии тем, что удержали за собою *Ponte di Magenta*. Весь корпус Шварценберга, — то есть, остатки его, — был отозван назад в Робекко, чтобы занять позицию для битвы, которой ожидали на следующий день. Войска Стадиона, по истреб то как подошли, также становились в позицию для ожесточенной битвы; остатки корпусов Клава и Литтенштейна собрались в Корбетт. В Мадженте австрийцы держались до 10 часов вечера, когда отправляли последний победный рапорт по железной дороге в Милан.

Но надеждам австрийцев не суждено было исполниться. Видно было, что французы отступали с позиций своих по фронту, — их огонь нигде характер перестрелки, производимой арриергардом при отступлении. У австрийцев, по всей вероятности, было готово больше свежих войск, нежели у французов. Но лично исследовать и осмотреть положение дел, граф Гиулай должен был признать справедливость рапорта Клава, что часть его корпуса, бывшая в деле, перестала быть дисциплинированным войском. Был какой-то батальон, в котором не осталось ни одного офицера; другой был так раздроблен, что вовсе нигде не годился: часть его была отбита на юг, другая на север. Корпус Литтенштейна был почти в таком же состоянии, корпус Шварценберга едва ли в лучшем. Необходимо было день или два, чтобы оправиться им. Графу Гиулай приходилось решать, давать ли битву вновь, или нет. Из четырех три шанса было, что мы победим, но поражение было бы совершенною гибелью всей армии. Потому что отступление в Верону с разбитыми войсками среди враждебного населения было бы невозможно. Потому Гиулай решил на отступление и оставил одну из бригад корпуса Шварценберга прикрывать его. В половине 5-го часа ночи поутру (5 июня) эта бригада, — опять гессенский полк, — атаковала *Ponte di Magenta*, овладела деревней и увидела, что у французов остался на этой стороне Тичино только арриергард: они также отступили! Да, ночью обе армии отступили в совершенном изнурении сил.

«Вероланава, 12-го июня (31-го мая).

«Французская реляция о битве при Мадженте дошла до нас. Французы говорят, что они победили при Трафальгаре, потому не следует удивляться, что по случаю Маджентского сражения они следили иллюминацию в Париже. Но остается тот факт, что они отступили за Тичино, «чтобы дать отдохнуть армии и реорганизовать ее». Австрийские отчеты о числе убитых и раненых еще не готовы, но включая в это число взятых в плен и пропавших без вести, я думаю, что потеря у них не менее 10,000 человек. Французы брали и терли главные позиции ровно столько же раз, как австрийцы, потому трудно верить их словам, будто бы у них потери меньше. Наполеон может благодарить судьбу за свидание между Гиулаем и Гессом в Берегардо накануне битвы, это свидание спасло его от совершенного поражения, потому что в течение целых четырех часов, пока оно тянулось, войска были остановлены в своем движении и таким образом очень поздно пришли на ночевку, стало быть запоздали и пришли более утомленными на другой день на поле сражения. Французы говорят, что австрийцев было 120,000 человек, — это для того, чтобы оправдать свою потерю, которая больше, чем хочется им показать полученною от сражения с 25 или 30 тысячами неприятелей; но я положительно знаю, что на поле битвы никогда не было одновременно больше

30,000 австрийцев. Надобно сказать, что со стороны австрийцев было большое ошибкою принимать битву, ивля войска столь разбросанными. История о томъ, почему Вуффалорскій мостъ остался не разрушенъ, сколько навѣстно, состоитъ вотъ въ чемъ: Вѣнскій инженерный департаментъ принажалъ въ армию подробные рисунки моста, которыми слѣдуетъ устроить, и расчеты о количествѣ пороха, нужнаго на мостъ. Артиллерійское депо, бывшее въ Павии, доставило назначенное количество пороха, и мосты были устроены въ точности по рисункамъ. Но 3-го числа инженерный офицеръ, распоряжавшійся въ Вуффалорѣ, получилъ приказаніе взорвать два или три моста моста черезъ каналъ, и употребилъ на это часть полученнаго пороха, думая, что получить новую партію его изъ Милана къ тому времени, когда будетъ нужно. Онъ напрасно ждалъ нѣсколько часовъ этой присылки, но не получалъ ничего, и когда вечеромъ въ тотъ же день приказали ему взорвать Вуффалорскій мостъ, пороку у него не достало».

В. Письмо о дѣйствіяхъ Гарибальди.

«Получивъ прибавленіе къ № 17 *Pensiero ed Azione*, объявляющее о возобновленіи правительствъ выпусковъ этой газеты, посылаю вамъ нѣкоторые свѣдѣнія о банкетарной и силъ экспедиціи отряда Гарибальди, потому что, сколько знаю, ни въ одной изъ итальянскихъ или иностранныхъ газетъ не было еще помѣщено связаннаго разсказа объ этомъ походѣ. Отрядъ первоначально состоялъ изъ 4,500 человекъ. Сардинскій министръ обѣщалъ Гарибальди 10,000 человекъ, хорошо вооруженныхъ, съ батареею артиллеріи и эскадрономъ конницы, но заблагоразсудилъ измѣнить своему слову, прекративъ наборъ волонтеровъ, оставивъ Гарибальди безъ пушекъ и безъ конницы, кромѣ нѣсколькихъ конныхъ проводниковъ. Отрядъ раздѣленъ на четыре части или полка. 1-й полкъ командуетъ полковникъ Энрико Козенцъ, воспитанникъ военной неаполитанской школы, чрезвычайно искусный и храбрый артиллерійскій офицеръ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ защитниковъ Венеціи въ 1849 году; 2-й командуетъ полковникъ Джакомо Медичи, знаменитый защитой позиціи *Vascello* въ Римѣ, осажденной французами; 3-й — полковникъ Николъ Ардино, старый офицеръ испанской междоусобной войны; 4-й — полковникъ Камилло Больдони, уважаемый артиллерійскій офицеръ, товарищъ Козенца по защитѣ Венеціи. Другіе штабъ-офицеры: Сикки, Липарри, Черони, Вискіо, Фраджерио и Форести. Лѣтъ солдатъ вообще отъ 20 до 30. Каждая итальянская область имѣетъ тутъ своихъ представителей. Есть у насъ нѣсколько десятковъ калабрийцевъ, прошедшихъ большую часть своего пути къ соединенію съ другими волонтерами по Аппенинскому хребту. Ломбардскій и тосканскій элементы составляютъ большинство. Есть тутъ и взводъ генуэзскихъ карабинеровъ, — всѣ они члены «Общества національной стрѣльбы», вооруженные на собственный счетъ превосходными штуцерами и удивительные стрѣлки. Къ нимъ присоединился англійскій джентльменъ, зрѣлыхъ лѣтъ, молчаливый, рѣшительный и неутомимый. Вообще отрядъ плохо экипированъ и имѣетъ посредственные ружья. Солдаты одѣты въ легкія зеленыя казачьи (*savassa*), безъ верхняго платья, носятъ беретки (*berellino*) съ козырькомъ; есть у нихъ ранцы и патронташи, но нѣтъ ни плащей, ни шерстянаго платья, ни палатокъ. Офицеры, начиная съ генерала, носятъ сардинскій мундиръ. Около четвертой части солдатъ принадлежатъ къ зажиточному и образованному сословію: между ними есть богатые лѣкари, медики, инженеры, адвокаты, студенты, негодяицы, артисты. Изъ медиковъ и хирурговъ, пошедшихъ волонтерами въ этотъ отрядъ, извѣстнѣйшіе: Агостинио Вертани, одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ операторовъ Италіи, бывшій военный штабъ-хирургъ во время защиты Рима; Піетро Ринари, который также во время защиты Рима былъ хирургомъ при легіонѣ Гарибальди; какъ безтрепетно умѣетъ онъ стоять передъ врагомъ, также неумолимо вынесъ онъ семь лѣтъ заключенія въ папской тюрьмѣ въ Палатано, изъ которой вышелъ съ сѣдыми волосами; Мадрилио Ма-роцци, который былъ при защитѣ Венеціи; Піетро Маэстри, знаменитый писатель, членъ миланскаго комитета обороны въ 1848 году; Анниле Сакки, храбрый офицеръ, еще

страдающий от жестокой раны в левом плече, которую получил в одной из битв под Римом.

Гарибальди со своими малочисленными отрядами, называющимися альпийскими егерями, не мог отарить себя прохода между австрийцами, вторгнувшимися в Шивонть линию, которая простиралась от Пиаченцы до Лаго-Маджоре; но 17 мая искусно вышедши из Биаллы и форсированными маршами обошедши вдоль Ортского озера (*Lago d'Orta*), в ночь с 20 на 21 мая он перешел Тичино у Сесто Календе, взяв в плен 40 австрийских солдат, и вступил в Комскую область. Капитан Карло де-Кристофорис был оставлен охранять Сесто Календе с двумя ротами; 23 мая на него напали 800 австрийцев, хотевших овладеть этим переправом. Отряд де-Кристофориса, имевший около 225 человек, храбро встретил их таким живым огнем, что обратил их в бегство и взял 20 пленников.

Гарибальди 25 числа занял Варезе, город, имевший 5000 жителей. Оттуда комиссар сардинского короля. Эмиліо Вискенти Велеста пригласил верховный Ломбардий возстать, провозгласив королем своего Витторио Эмануэля. 26 числа фельд-маршал Урбазз, командовавший румынскими волонтерами против венгров в 1848 году, приблизился к Варезе с 6.000 пехоты, эскадронной кавалерии и четырьмя пушками. Гарибальди построил в Варезе баррикады, вооружил горожан и оставил с ними для защиты города 200 своих стрелков. Они стали у ворот. Бой начался и продолжался четыре часа, а пока город защищался, Гарибальди вдруг напал на Урбана и разбил его. Вывод генуэзских стрелков делал тут чудеса храбрости. Генерал собрал их на городской площади в присутствии жителей провозгласил храбрецами. У нас был убит Ролларо, молодой студент, которого по сдвднностям, характеру и храбрости считали товарищем предзнаменным к блестящей будущности; Бурландо, молодой негодяй, был ранен в голову; граф Вельдьяйово убит. Камилло Сталло, основатель общества генуэзских стрелков и самый превосходнейший стрелок, видя, что выстрелы некоторых иттуцерников, направленные на законноряд австрийской батареи, не попадают в цель, поставил патроны из них подлѣ себя, сказав, чтобы они только заряжали и подавали ему штудера, а что он один беретса очистить батарею; он сбѣжал пять выстрелов, и пять артиллеристов ували; при пятом выстрѣлѣ остальные канониры вскочили на лошадей и усаkali сь пушками. Пѣхота, прикрывавшая батарею, была в ту же минуту атакована нашими в штыки и бѣжала вь беспорядкѣ. Сталло был сдѣланъ офицером на полѣ сраженія.

«27 числа Гарибальди настигает врага по дорогѣ вь Комо, выбивает его изь Винаго, потомъ слодитъ сь большой дороги, беретъ дорогу налѣво, по горамъ, и 28 числа неожиданно является передъ Комо. Непрѣтель, усилившійся до 8.000 человекъ сь 8 орудіями, занималъ высоты передъ Комо, отъ Санъ-Феруо до Камерлати, ставціи на желѣзной дорогѣ, ведущей изь Комо вь Монцу и Миланъ. Волонтеры стремительно напали на высокій холмъ Санъ-Феруо, защищаемый двумя батальонами. «Мы,—разсказывалъ Карло Монно, двадцатилѣтній студентъ,—мы, генуэзцы, были впереди и я сь 28 стрѣлками вшелъ напередъ остальнаго отряда; жаръ боя какъ будто ослѣпилъ насъ и мы гнали снизу аверкъ австрийцевъ. Вѣроятно, я направо и налѣво отъ насъ были стрѣлки и другія наши колонны, но мы этого не знали, потому что по горѣ вь разныхъ мѣстахъ есть кустарники, и полагали, что мы одинъ противъ всей этой массы. Однакоже у насъ горѣла душа побѣдить ихъ, и мы гнали ихъ изь ущельи вь ущелье, указывая изь другъ другу кривыми, какъ будто на охотѣ на зайца: «звѣз ихъ трое вь этой рытвинѣ»;—«звѣз, скотрате, двое на лѣво; вы берите себя того длиннаго, а я буду стрѣлять вь другаго». И такихъ наперомъ, дальше и дальше, дошли мы до самой вершины, а потомъ погляди на нихъ и по спуску до самой равнины кь городу. Батальоны стояли вь долинѣ *Pra Pasque* загораживая дорогу вь городъ. Не теряя времени на перестрѣлку, стрѣлки взяли за штыки, и батальоны отступили до предѣлѣ Вико, гдѣ остановились, получивъ подкрѣпленія. Выгнанный и отсюда, непрѣтель отступилъ вь Камерлату; оттуда отряды его, сбитые сь своихъ позицій, собрались кь ставціи, чтобы имѣть путь отступленія

на Миланъ. Тутъ начался новый бой, и опять на штыкахъ. Наконецъ, не будучи въ состояніи удержаться ни въ одной позиціи, Урбанъ приказалъ отступать къ Маріано. Волонтеры, которые съ 17 числа бегъ отдыху шли, а съ 26 шли и сражались, могли вечеромъ отдохнуть въ Комо. Комо—городъ съ 20,000 вѣковѣшняго населенія, которое въ 1848 году возстало, билось четыре дня, взяло штурмомъ три казармы и захватило въ плѣнъ 1,500 австрійцевъ,—Комо,—такое дѣйствіе произвели воззванія партій увѣренныхъ къ благоразумію,—на шевельнулася во все то время, пока шелъ бой у его воротъ: волонтеры были предоставлены одѣлѣть своими силами во время штурма, и Комо оживился только тогда, когда непріятель бѣжалъ. Тогда начались иллюминаціи, крики *evviva*, посыпались цвѣты и проч. Въ ночь съ 28 на 29, и поутру 29 Гарибальди провозгласилъ королевъ Виктора Эммануила, учредилъ національную гвардію, организовалъ муниципальную власть, отправилъ на озеро пароходы для набиранія волонтеровъ и къ вечеру выступилъ изъ Комо.

«Онъ выступилъ изъ Комо 29 мая, и 2 июня опять вернулся туда. Еще нѣмнѣе было хорошенко, зачѣмъ онъ уходилъ изъ Комо, гдѣ былъ и что съ нимъ было въ это время. Известно только, что онъ съ двумя ротами штурмовалъ фортъ Лавено на Лаго-Маджоре, занявъ 500 человекъ гарнизона съ артиллеріею, и что по чрезвычайному неравенству силъ штурмъ не удался.

«Урбанъ снова занялъ Варезе и Коко. Три или четыре дня считали отрядъ Гарибальди погибшимъ, истребленнымъ или принужденнымъ бѣжать въ Швейцарію. Уже говорили, что, убивъ его стать въ это фальшивое положеніе общаемихъ поддерживать его другими войсками и нѣмнѣе ссоему слову, хотѣла просто погубить человека, который могъ сдѣлаться описнымъ, убить въ общественности нѣтъ репутаціи волонтеровъ, такимъ образомъ отнять у націи увѣренность, что она можетъ побѣждать врага сама, своими оружіемъ. Пораженіе корпуса Гарибальди надлоло уничтожило бы возможность національной войны. Уже вспоминали о тосканцахъ, выданныхъ на смерть при Куртаноне, и рассказывали, что въ главной французской квартирѣ съ удовольствіемъ говорятъ о гибели этого отборнаго отряда патріотовъ. Рассматривая дѣло только съ военной точки зрѣнія, кажется, что одной изъ піемонтскихъ дивизій слѣдовало бы соединиться съ Гарибальди: тогда лѣвое крыло союзниковъ поднимулось бы на столько, что стало бы серьезно угрожать непріятелю и привудило бы его ослабить центръ и лѣвое крыло послышкою подкрѣпленій на правое (сѣверное), такъ что съ увѣренностью можно было бы нанести на него у Пiacены и Валенны; а если бы непріятель не захотѣлъ измѣнять расположенія лѣваго союзнаго крыла, то можно бы обратитъ фальшивую атаку въ настоящую и совершить 1 и 2 июня тотъ переходъ массою черезъ Тичино, который былъ совершенъ только 4-го. Вѣроятно, что послышко подкрѣпленій къ Гарибальди замедлило движеніе Пула на Палестро 31 числа, и Гарибальди, предоставивъ свой собственный славъ, подвергся бы большей опасности, если бы Пулай, предвидя близость большаго сраженія, не собралъ въ боевую линію всѣ силы, которыми могъ располагать.

«Гарибальди послалъ къ озеру Изео отрядъ съ полковникомъ Турби и майоромъ Камонци подвѣтъ конскія должны и овладѣть австрійскими пароходами на озерѣ. Эти два офицера дѣйствительно успѣли выйти на дорогу къ Брешии съ нѣсколькими сотнями тамошнихъ поселенцевъ. Самъ Гарибальди 9 июня разбилъ въ Палаццуоло 2,000 австрійцевъ, шедшихъ въ Брешию и не воображавшихъ, что Вергамо уже въ рукахъ волонтеровъ. Потомъ онъ сдѣлалъ чрезвычайно искусный маневръ и, совершенно скрывъ свои слѣды отъ непріятеля, перешелъ въ Романо, а оттуда бросился на Брешию необыкновенно быстрымъ и долгимъ переходомъ, въ то время, какъ австрійцы, еще бывшіе въ Брешии, полагали, что Вергамо находится въ ихъ рукахъ. Въ Брешии альпійскіе егеря были приняты съ величайшимъ энтузіазмомъ.

«Заслуживая энтузіазма, съ которымъ смотрятъ на него соотечественники, Гарибальди служилъ умасомъ для непріятеля. *Bund* гризонская газета, рассказывающая, что въ Тауферсѣ (въ вѣтвѣхъ Тироля, на сѣверъ отъ дефиле Стельвіо) увидѣли ночью сѣдѣвшихъ гризонскихъ горцевъ изъ Валь-Монастеріо, бродившихъ ночью съ факелами,—вѣроятно они искали какую нибудь заблудившуюся корову,—вѣщцы вообра-

зали, что это отрядъ Гарибальди и начали бить въ набатъ. Тауферсъ навѣрное будетъ въ 200 мильяхъ отъ Бергамо. Вотъ случай, еще интереснѣйшій: 8 юня начальникъ иншпрукскаго округа (Иншпрукъ, столица Тироля, еще дальше отъ Бергамо, нежели Тауферсъ) обнародовалъ прокламацію, изъ которой представляю отрывокъ въ переводѣ: «Волонтеры Гарибальди, по вѣрнымъ свѣдѣніямъ, угрожаютъ границамъ нашего любезнаго отечества. Со дня на день можетъ явиться Гарибальди, принося ужасы войны въ наши мирныя долины. Въ виду такой опасности должны умолкнуть всѣ другія заботы и всякая медлительность должна уступить мѣсто живѣйшей дѣятельности. Соединитесь въ стрѣлковыя роты и сдѣлайте на границу, а врагъ приблизитъ, ужаснувшись вашего грознаго появленія. Докажите императору и Германіи, что вы достойные сыны вашихъ мужественныхъ отцовъ. Коммиссаръ иншпрукскаго оборонительнаго комитета, Бартъ».

«Въ сраженіи при Коно были убиты: капитанъ де-Кристофорисъ, офицеры Батталія, Канроли, Педотти и Феррини. Де-Кристофорисъ былъ убитъ сабельнымъ ударомъ въ голову. Онъ поручилъ своему другу Корти передать саблю его матери, а кольцо съ руки передать его жидовѣ. У Канроли было въ войскѣ три брата, — онъ дѣти знаменитаго хирурга Канроля.

«Зачѣмъ вы не остались въ госпиталѣ? спрашивали у Вурландо, который съ раненою, перевязанною годовою сталъ въ ряды, чтобы идти съ другими изъ Коно въ Лекко.

«— Я нахожу себя безопаснѣе въ полѣ, чѣмъ въ госпиталѣ. Я уже вижу, что уже поступилъ, не послушавшись хирурга, который тоже хотѣлъ удержать меня въ госпиталѣ въ Варезѣ: если бы я его послушался, австріяцы, когда воротились въ Варезе, взяли бы меня въ постели».

«При штурмѣ Лавено, генуэзец Мосто, видя торчащіе изъ бойницъ въ стѣнѣ концы австрійскихъ штуцеровъ, схватился за одинъ изъ нихъ, чтобы по нему взобраться на стѣну. Онъ долженъ былъ бросить эту мысль, по приказанію офицера.

«Одинъ изъ волонтеровъ, взятый въ плѣнъ, былъ сиромѣ генераломъ Урбаномъ о дѣйствительной силѣ своего отряда. «2,000 человекъ», отвѣчалъ онъ, и, оборотившись къ горожанамъ, прибавилъ на иѣстномъ варѣчьи: «вотъ оселъ австріецъ! думаетъ, что я скажу ему правду!»

Августъ 1859.

Неосновательность упрековъ, дѣлаемыхъ императору французовъ за Виллафранкскій миръ. Рѣчь императора въ Сенъ-Клу. Негодованіе во Франціи и Италіи. Напрасныя надежды итальянскихъ патріотовъ. Урокъ для либераловъ.

Въ государствахъ, имѣющихъ судопроизводство съ адвокатами, когда дѣло какого нибудь господина, подлежащее судебному рѣшенію, слишкомъ неблагоприятно, ни одинъ адвокатъ не соглашается защищать его; „никто не долженъ оставаться безъ защитника“, потому назначается въ этихъ случаяхъ самымъ президентомъ суда *defenseur d'office*, „защитникъ по предписанію“. Ни онъ самъ, ни одинъ человекъ изъ публики не надѣется, чтобы его старанія увѣнчались оправданіемъ обвиненнаго, но все-таки онъ усердно исполняетъ свою благодарную обязанность, и общество тѣмъ выше чтитъ его самоотверженные труды, чѣмъ очевиднѣе ихъ напрасность.

На какое же глубокое уваженіе имѣемъ право рассчитывать мы, добровольно, безъ всякаго приказанія, даже наперекоръ многочисленнымъ предостереженіямъ холодныхъ, благоразумныхъ людей, взявшіе на себя обязанность быть постояннымъ *defenseur d'office* всѣхъ дѣлъ, единогласно признающихся неимѣющими извиненія! Сколько намъ помнится, примѣровъ такого гражданскаго геройства не видѣлъ миръ съ той поры, когда г. Гречъ защищалъ г. Булгарина противъ Пушкина, злонамѣренно отрицавшаго правдивое увѣреніе г. Булгарина, что лучшія мѣста въ „Евгеніѣ Онѣгинѣ“ заимствованы изъ „Ивана Выжигина“. Но я самъ г. Гречъ только однажды въ свою долготѣнную жизнь отважился совершить такой подвигъ, да и то больше по дружбѣ; а мы въ теченіе какого нибудь полугода совершили ихъ уже десятки. Кого и чего только не защищали мы изъ безвозвратно всѣми осуждавшихся лицъ и дѣлъ! Мы защищали многое и многихъ, даже повара, поселяющаго раздоры между мужемъ и женою за обѣдненнымъ столомъ, и наконецъ, — что требовало наибольшей дозы мужества, — защищали австрійцевъ *in natura*, цѣликомъ, гуртомъ, безъ всякой очистки исключеній....

Зная такое наше самоотверженное геройствованіе, читатель предугадываетъ, что теперь мы должны покинуть на время всѣхъ этихъ мелкихъ кліентовъ, чтобы посвятить всѣ ваши способности защитѣ лица, далеко превосходящаго ихъ всѣхъ вѣстѣмъ вліяніемъ на ходъ событій въ такъ называемъ-

момъ цивилизованномъ мірѣ. Все просвѣщенное человѣчество жестоко порицаетъ теперь императора французовъ за миръ, заключенный съ австрійцами будто бы слишкомъ преждевременно и будто бы неоправдывающій надеждъ, несоответствующій цѣлямъ, для которыхъ была начата война. Въ прошедшій разъ мы лишь слегка коснулись этого предмета и, къ сожалѣнію, сами выразили въ некоторомъ недовольствѣ.... Что дѣлать?—всѣ люди, всѣ могутъ заблуждаться; но сознаниемъ ошибки искупается половина ея, а другая половина ея можетъ быть легко намъ извинена въ томъ соображеніи, что и самъ императоръ французовъ на первый разъ былъ смущенъ всеобщностью возмущеннаго имъ неудовольствія. Возвращаясь изъ Италіи, онъ не хотѣлъ въѣзжать въ Парижъ: онъ вналъ, какой холодный пріемъ найдетъ онъ въ своей столицѣ,—онъ укрылся отъ публики въ Сень-Клу, и рѣчь, произнесенная имъ въ отвѣтъ на поздравленія «великихъ государственныхъ корпорацій», лишена самодовольства, которымъ отличались всѣ прежнія рѣчи его; онъ оправдывается, онъ извиняется. «Я прекрѣтилъ войну, говоритъ онъ, потому что она становилась слишкомъ затруднительна. Приходилось осаждать Мантую и Верону,—это предпріятіе трудное; но трудность предпріятія не поколебала бы моей рѣшимости и не остановила бы стремленіе моей арміи (продолжаетъ императоръ французовъ), если бы средства не были непропорціональны съ результатами, которыхъ предстояло достигъ. Надобно было рѣшиться отважно разрушить препятствія, противопоставившія нейтральными территоріями и въ такомъ случаѣ принять войну не на одномъ Адидже, но и на Рейнѣ. Надобно было повсюду открыто подкрѣпляться пособіемъ революціи. Итакъ, я остановился не по утомленію или изнуренію, и не потому, чтобы покинулъ благородное дѣло, которому хотѣлъ служить, но потому, что въ моемъ сердцѣ говорило нѣчто еще высшее,—интересъ Франціи. Скажите, развѣ не тяжело было мнѣ удержать пылкость солдатъ, экзальтированныхъ побѣдою, сильнѣйшимъ желаніемъ которыхъ было—идти впередъ? Скажите, развѣ не тяжело было мнѣ формально, передъ лицомъ Европы выпустить изъ моей программы территорію, лежащую между Минчіо и Адриатическимъ моремъ? Скажите, развѣ не тяжело было мнѣ видѣть, что разрушаются въ честныхъ сердцахъ благородныя иллюзіи, исчезаютъ патріотическія надежды? Служа дѣлу итальянской независимости, я велъ войну противъ желанія Европы; но едва настала минута, когда судьбы моей страны могли быть въ опасности, я заключилъ миръ».

Читатель, привыкшій къ дипломатической манерѣ, легко переведетъ эти фразы на обыкновенный языкъ. „Средства были непропорціональны съ результатомъ“—это значитъ: „я увидѣлъ, что не въ силахъ исполнить своего обѣщанія“. — „Надобно было вринять войну не на одномъ Адидже, но и на Рейнѣ“—это значитъ: противъ Франціи составлялась коалиція, то есть исполнялось предсказаніе орлеанистовъ-республиканцевъ, высказавшихъ еще до начала войны черезъ „Journal des Débats“ и черезъ Жюль Фавра, что Европа возстанетъ противъ Франціи, и императорская Франція должна будетъ отступить передъ коалиціею. „Я остановился не по изнуренію и не потому, чтобы покинуть благородное дѣло, которому хотѣлъ служить“—это значитъ: „я не могу не сознаться, что почти всѣ думаютъ иначе“. — „Хо-

тѣмъ служить“—эта фраза доказываетъ невозможность просто сказать „слу-
жилъ“, то есть, самъ императоръ французовъ не отважился сказать, что
дѣйствительно оказалъ услуги дѣлу итальянской независимости. „Развѣ не
тяжело было мнѣ удерживать пылкость солдатъ“ и т. д.—это признаніе въ
томъ, что армія была не довольна миромъ. — „Развѣ не тяжело было мнѣ
передъ лицомъ Европы выпустить изъ ноей программы территорію, лежащую
между Минчіо и Адриатическимъ моремъ?“—это значитъ: „вся Европа гово-
ворить, что Италія не удовлетворена мною“.—Какое же извиненіе пред-
ставляется всему этому? — „Судьбы моей страны могли быть въ опасности“ —
это значитъ: „Франція подверглась бы вторженію иностранцевъ; то есть,
самъ императоръ французовъ опять подтверждаетъ мысль Жюль Фавра, что
императорская Франція была бессильна передъ опасностями, сопряженными
съ итальянскою войною“.

„Скажите, развѣ не тяжело мнѣ было“ — три раза повторяютъ Луи-
Наполеонъ въ порывѣ чувства. Дѣйствительно, тяжело было ему, до сихъ
поръ говорившему только о своей божественности и полномъ достиженіи
своихъ цѣлей, сознаваться въ томъ, что онъ принужденъ былъ отступить,
что Европа видѣла его отказывающимся отъ своей программы; еще тяжелѣе
было признаваться, что въ арміи пробуждено недовольство; еще затрудни-
тельнѣе была необходимость говорить народу, столь гордому своею силою,
какъ французы, что они должны бояться иностраннаго вторженія. Неловкость
такихъ признаній и вразумленій очевидна; что же могло заставить импера-
тора французовъ говорить вещи, столь невыгодныя для него самого?

Отвѣтъ одинъ: негодованіе, овладѣвшее Франціею, Италіею и всюю Ев-
ропою при извѣстіи объ условіяхъ Виллафранкскаго мира, было такъ сильно,
что даже Наполеонъ III смутился, и въ смущеніи хватался за всякія мысли,
которыя могли быть представлены въ извиненіе миру, не разбирая того,
какъ подѣйствуютъ эти мысли на гордость французской націи. Конечно, онъ
не предвидѣлъ, что негодованіе будетъ такъ сильно; заключая миръ, онъ на-
дѣялся, что ему можно будетъ говорить: „Виллафранксскій трактатъ освободилъ
Италію“, и объяснить свою предшествовавшую войнѣ прокламацію въ
томъ самомъ смыслѣ, какой мы при самомъ ея появленіи читали въ ней
между строкъ, наполненныхъ сильными обѣщаніями (См. „Современникъ“,
№ V), такъ, чтобы она представлялась совершенно и даже съ излишкомъ
выполненною условіями мира. Но неразумные люди, неутомлющіе, подобно намъ,
повинать красоту дипломатическаго языка, имѣли неосторожность принять въ
буквальномъ смыслѣ фразу прокламаціи: „Италія должна быть свободна отъ
Альпъ до Адриатическаго моря“ и даже имѣли безумство забыть изъ-за этой
одной фразы обо всемъ остальномъ содержаніи прокламаціи; потомъ, когда
фраза эта не исполнилась по условіямъ мира въ грубомъ матеріальномъ
смыслѣ, какой они ей придавали, они подняли съ нею такой крикъ, кото-
раго нитѣмъ невозможно было заглушить: „Италія должна была освободиться
до Адриатическаго моря! Вы сами это говорили! До Адриатическаго моря,
припомните ваши обѣщанія! Они не сдержаны!“ и т. д.—Вотъ этотъ оглу-
шительный крикъ везнакомыхъ съ дипломатическимъ языкомъ людей, нелѣпо
вообразившихъ себя обманутыми, — вотъ онъ-то и смутилъ Луи-Наполеона,

нежданшаго такой неблагодарности. Въ смущеніи онъ, какъ мы видѣли, думалъ лишь о томъ, какъ бы набрать побольше извиненій... Но слова, произносимыя человѣкомъ смущеннымъ, не всегда могутъ быть вполне удачны, и мы принимаемъ рѣчь императора французовъ только какъ свидѣтельство о состояніи духа, въ которое повергнуть былъ онъ неудовольствіемъ неразсудительныхъ лѣдей, а вовсе не какъ изложеніе фактовъ, выдерживающее повѣрку. Дѣйствительно, Луи-Наполеонъ въ своемъ разстроенномъ расположеніи духа сказалъ много такого, чего самъ не захотѣлъ бы признать, не только сказать въ спокойномъ состояніи души. Мы попробуемъ исправить эти ошибки, отстраненіе которыхъ нужно для исполненія задачи, взятой нами на себя, для оправданія императора французовъ, неосновательно осуждаемаго теперь людьми, одобрявшими его за три или четыре мѣсяца передъ тѣмъ. Когда обвиняемый скажетъ по неосторожности или взволнованности что нибудь невыгодное для самого себя, обязанность адвоката требуетъ доказать судьямъ, что этихъ словъ не должно слушать, не должно основывать на нихъ викахъ заключеній къ невыгодѣ обвиняемаго, потому что онъ ошибся, говоря ихъ. Такъ обязаны поступить и мы.

Война становилась трудна, говоритъ Наполеонъ III: „мнѣ приходилось атаковать съ фронта непріятеля, ставшаго въ окопахъ, за великими крѣпостями, защищеннаго отъ всякой диверсіи съ фланговъ нейтральностью территорій, окружавшихъ его; и начиная долгую и безплодную войну осады, я находилъ передъ собою вооруженную Европу, готовую оспаривать наши успѣхи или углублять наши неудачи“. Далѣе опять: „надобно было рѣшиться отважно разрушить препятствія, противопоставлявшіяся нейтральными территориями, и въ такомъ случаѣ принять войну не на одномъ Адидже, но и на Рейнѣ“.

Адвокатъ не можетъ оставить судей въ неблагопріятномъ для обвиняемаго заблужденіи, производимомъ этими словами. Въ нихъ больше неосторожной заботливости о многочисленности извиненій, нежели хладнокровной обдуманности.

„Атаковать съ фронта непріятеля, защищеннаго отъ всякой диверсіи съ фланговъ“;—если бы и такъ, остается кромѣ фланговъ еще тылъ, равно ничѣмъ не защищенный; и мы говорили въ прошедшій разъ, что уже готовилась высадка на венеціанскомъ берегу для атаки съ тыла. Это рѣдкое счастье давало полководцамъ возможность занять его, а Наполеонъ III имѣлъ полную свободу пользоваться имъ. Да и выраженіе „съ фланговъ“ опять неточно: съ праваго своего фланга австрійцы были дѣйствительно защищены тѣмъ, что нужно было бы тутъ проходить черезъ ихъ области, принадлежащія къ нынешнему союзу, который могъ обидѣться этимъ; но съ лѣваго, горнаго фланга тѣмъ они были защищены? Нейтральностью папскихъ владѣній? Неужели Европа серьезно увидѣла бы нѣчто особенное въ проходѣ французскихъ войскъ по этимъ землямъ, по которымъ съ полною свободою расхаживали австрійцы во время войны? Область, открытая войскамъ одного изъ противниковъ, открыта войскамъ другого,—сердиться на это никто не можетъ. Притомъ, развѣ и французы уже давнымъ давно не занимали войсками папскихъ владѣній? Итакъ о нейтральности этихъ земель нечего говорить: она не служила препятствіемъ. Такимъ образомъ непріятель защищенъ былъ только съ одного фланга, а не „съ фланговъ“; нападать на него можно было не съ одного фронта,

а съ фронта, съ лѣваго фланга и съ тыла—какое великолѣпное положеніе для атакующаго! Ни одному изъ великихъ полководцевъ новаго времени не давалась такая громадная выгода, достававшаяся Наполеону III. До тѣхъ поръ, союзники тѣснили непріятеля только съ фронта; теперь могли тѣснить его съ трехъ сторонъ. Въ этомъ отношеніи, война становилась для нихъ не труднѣе, а гораздо легче прежняго.

„Приходилось атаковать непріятеля, ставшаго за великими крѣпостями,—начинать долгую и безплодную войну осады“. Во-первыхъ, замѣтимъ повтореніе прежней неточности въ употребленіи единственнаго и множественнаго чиселъ: „войну осады“ (*guerre de sièges*),—„за великими крѣпостями“. Мы уже говорили въ прошлый разъ, что дѣйствительную важность представляла только одна осада только одной крѣпости, Вероны. Пескьера и Левьяно вовсе не важны, и лишались всякой силы, будучи уже отрѣзаны одна отъ другой и отъ Мантуи, а Мانتую не было надобности ни брать, ни осаждать: довольно было блокировать отдѣльнымъ обсервационнымъ корпусомъ это болотное логовище, выйти изъ котораго такъ же трудно, какъ и войти въ него. Итакъ, надобно было говорить не объ „осадахъ“, а объ „осадѣ“, не о „крѣпостяхъ“, а о „крѣпости“. Пусть бы только числа смѣшивались; но имена прилагательныя также навлекаютъ на себя упрекъ за неправильность: „мнѣ слѣдовало начинать долгую и безплодную войну осады“.—Почему же „долгую и „безплодную“ (*stérile*)? Мы видѣли въ прошлый разъ, что осада Вероны (объ остальныхъ трехъ крѣпостяхъ не станемъ говорить) не могла быть продолжительна: какимъ образомъ укрѣпленія, рассчитанныя для обороны противъ слабаго дѣйствія прежнихъ орудій, могли бы долго противиться страшнымъ наѣзнымъ пушкамъ, которыя въ осадѣ, въ разрушеніи стѣнъ находятъ самое блестящее употребленіе себя? Онѣ стрѣляли бы съ такихъ дистанцій, до которыхъ не беретъ крѣпостная артиллерія, и она должна была бы молчать, стѣны являлись бы все равно, что лишенными орудій; наѣзныя батареи стрѣляли бы по вѣтмъ безответнымъ стѣнамъ съ пунктовъ, господствующихъ надъ крѣпостью,—какъ же тутъ могла быть осада „долгая“? На какомъ основаніи она могла быть „безплодна“,—это ужъ рѣшительно непонятно. Быстрое отяженіе у непріятеля пунктовъ, на которыхъ опирается его стратегическое значеніе въ Италіи, конечно было бы дѣйствіе не безплодное, а самое богатое послѣдствіями, въ тысячу разъ болѣе важное, нежели всѣ побѣды при Маджентѣ и Сольферино.

Но пусть осада Вероны была бы „долга“ и „безплодна“,—неужели полководецъ, выказавшій умѣнье пользоваться новыми идеями науки, могъ не знать, что со времени его дяди крѣпости перестали считаться необходимыми остановками на пути арміи, побѣдившей въ открытѣмъ полѣ? Никѣ крѣпость осаждаютъ только тогда, если не хотятъ заняться ничѣмъ инымъ, кромѣ ея осады; а если армія имѣетъ какое нибудь другое назначеніе, она идетъ мимо крѣпости, оставляя только корпусъ для наблюденія за нею.

„Я находилъ передъ собою вооруженную Европу“; далѣе: „надобно было принять войну не на одномъ Адидже, но и на Рейнѣ“.—„Европу“,—во развѣ вся Европа готовилась воевать съ Франціею? Россія была далека отъ этой мысли. Англія дѣйствительно вооружалась; но каждому извѣстно, что

она думала только о собственной защитѣ и никогда не хотѣла вмѣшиваться въ войну, если не принудить ея къ тому сама Франція. Нынѣшнее министерство было очень далеко отъ сочувствія австрійцамъ. Первымъ дѣломъ его было приостановить вооруженія, производившіяся торійскимъ министерствомъ; не только само оно не хотѣло вступаться за Австрію,—оно сильнѣйшимъ образомъ совѣтовало и Пруссіи не ввязываться въ это дѣло. Итакъ, въсто громкаго слова „Европа“ надобно поставить только „Германія“. Германія дѣйствительно вооружалась. Но во-первыхъ, что было причиною вооруженій, предназначавшихся ею противъ Франціи? Никакъ не собственная охота, а только распоряженія самого императора французовъ. Зачѣмъ онъ первый составилъ „восточную армию“, явно угрожавшую Германіи? Зачѣмъ онъ, назначивъ командиромъ этой арміи знаменитѣйшаго изъ французскихъ генераловъ, маршала Пелиссье, заставилъ Германію и всю Европу думать, что войну въ Италіи хочетъ сдѣлать только предлогомъ, началомъ, диверсіею для войны на Рейнѣ? Если Германія вооружалась, вѣе было только отвѣтомъ на произвольныя угрозы самой Франціи. Но все равно, кѣмъ бы ни была принуждена Германія къ вооруженіямъ. Извѣстно, что Германія безъ Пруссіи ровно ничего не значить, а Пруссія до послѣдней минуты вовсе не имѣла охоты помогать австрійцамъ. Даже въ то время, когда ея предполагаемое вмѣшательство послужило императору французовъ предлогомъ къ заключенію мира, она предлагала Австріи помириться съ Франціею на условіяхъ, гораздо болѣе выгодныхъ для Италіи, нежели каковы условія, составленныя самимъ императоромъ французовъ. По всему было очевидно, что Пруссія вооружается противъ собственной воли, принуждаемая къ тому только желаніями мелкихъ юго-западныхъ нѣмецкихъ государствъ, что вооруженія служатъ только маскою для ихъ успокоенія, что она рѣшилась до послѣдней крайности удерживаться отъ войны, а если бы когда (когда,—еще не было и видно, такъ далеко была возможность войны) и начала ее, то безъ всякаго усердія, только для формы, въ родѣ того, какъ въ 1812 году она и Австрія вели войну противъ Россіи, или Россія въ 1809 году противъ Австріи. Такіе враги, выставляющіе войско только для формы, а въ душѣ нимало не желающіе помогать своему мнимому союзнику, котораго ненавидятъ, пораженія которому желаютъ, вовсе не опасны. Но все равно,—положимъ, что Германія начала бы воевать серьезно, а не только для соблюденія формы. Ея вооруженія въ началѣ іюля были еще такъ неполны, что она могла начать войну не раньше, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Чего нельзя было сдѣлать въ эти мѣсяцы! Можно было не только взять цѣлый десятокъ Вероны, можно было взять самую Вѣну,—и если дѣйствительно грозила война на Рейнѣ, то уже никакъ не одновременно съ войною на Адидже. Австрійцы были бы давно прогнаны далеко за Тальяменто, пожалуй, за Дунай, къ тому времени, какъ нѣмцы собрались бы воевать на Рейнѣ. Но пусть успѣхи противъ австрійцевъ были бы и не такъ быстры, какъ слѣдовало ожидать, а нѣмцы начали бы войну раньше, чѣмъ казалось вѣроятнымъ, пусть бы даже и не ваята была Верона, все-таки Франціи уже не было надобности бороться въ одно время противъ двухъ враговъ: если бы открылась война на Рейнѣ, она могла передвинуть туда всѣ свои силы, предоставивъ Адидже

и Верону однимъ итальянцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, если итальянцы въ апрѣлѣ были слишкомъ слабы, чтобы устоять противъ австрійцевъ, въ августѣ они легко могли считать у себя больше силъ, нежели у враговъ, если бы имъ хотя только за двѣ, за три недѣли дано было отъ союзника позволеніе развивать свои силы безпрепятственно. Сардинская армія имѣла 100,000; Ломбардія давала ей по крайней мѣрѣ 50,000; Тоскана имѣла 20,000 и хотѣла имѣть болѣе 30,000; Гарибальди требовалъ только ружей, чтобы имѣть столько же, если не больше; Парма и Модена давали 10,000; Легатства имѣли 20,000,—итого, 240,000 человекъ чисто итальянскаго войска было наготовѣ. Австрійцы не могли имѣть въ Италіи больше, и, какъ мы говорили въ прошлый разъ, уже приближалось время, когда съ каждымъ днемъ тысячи изъ этихъ солдатъ должны были уходить изъ-подъ австрійскихъ знаменъ подъ свои родныя, венгерскія или славянскія знамена враждебныхъ австрійцамъ. А итальянскія силы быстро увеличивались бы, росли бы съ каждымъ днемъ. Итакъ вопросъ разрѣшался очень легко; если нужны Франціи войска на Рейнѣ, она выводитъ всѣ свои изъ Италіи,—итальянцы и одни уже могли выдерживать борьбу съ австрійцами на первый мѣсяцъ, на второй были сильнѣе ихъ, а на третій австрійская армія въ Италіи исчезала!..

Къ чему же говорить о необходимости французамъ выдерживать войну на Адидже и Рейнѣ, когда они могли спокойно оставить Италію защитѣ самихъ итальянцевъ, и сосредоточить свои силы исключительно на Рейнѣ? Зачѣмъ же было пугаться войны съ Германіею, если бы даже эта война въ самомъ дѣлѣ была близка,—чего еще не было,—и серьезна,—чего никакъ не слѣдовало предполагать? Неужели Франція не въ силахъ защитить свои границы отъ вѣмцевъ? Это что-то неслыхавице. Неужели Ганноверъ и Баварія могутъ завоевать Францію? Ганноверъ и Баварія, говоримъ мы, потому что Пруссія, даже въ случаѣ начатія войны, никакъ не хотѣла вести войну наступательную. Зачѣмъ обманывать себя страшными призраками? Развѣ не было извѣстно, какой характеръ должна была имѣть война на Рейнѣ по непремѣнному плану Пруссіи (если только Пруссія не успѣла бы удержать Германію отъ войны)? Нѣмецкій Союзъ выставлялъ бы армію для защиты Рейна, и только всего; если бы французы не захотѣли нападать, армія эта не тронула бы ихъ волосомъ. Какая же „опасность“ грозила „судьбамъ Франціи“, какая „несоразмѣрность“ могла существовать „между ея средствами и результатами“, стремленіе къ которымъ было провозглашено при началѣ войны?

Мы были обязаны разсѣять неблагоприятный для императора французовъ взглядъ на положеніе дѣлъ, предшествовавшее миру, и для достиженія этой цѣли должны были обнаружить неточности, находившіяся въ его рѣчи. Теперь читатель знаетъ, что продолженіе войны не угрожало ровно никакими опасностями для „судебъ Франціи“, стало быть не существовало и причины, которою извинялось бы согласіе императора на неудовлетворительныя условія; а изъ этого надобно заключать, что условія мира были очень удовлетворительны—иначе онъ не согласился бы на нихъ. Именно такъ и говорить президентъ законодательнаго корпуса, Морни. Послушайте, какую славою покрываетъ императора французовъ этотъ миръ:

«Государь,
«Въ три мѣсяца сколько чудесъ!

«Когда война была объявлена, мы не виѣли ни одного солдата въ Италію. Австрія тамъ обладала многочисленною арміею въ страшныхъ позиціяхъ, давао ея изученныхъ. Ея пригизательное вліяніе тяготѣло надъ всѣми итальянскими правитель-ствами. Черезъ нѣсколько дней, пять побѣдъ, непрерывно слѣдовавшихъ одна за другою, прибавили славнѣйшую страницу къ нашей военной исторіи, и политическая цѣль, вами предположенная, была достигнута.

«Но прекраснѣйшая изъ всѣхъ побѣдъ—та, которую вы одержали надъ самимъ собою. Въ упоеніи торжества вы явились непріателемъ столь же великодушнымъ, сколь вѣрнымъ и безкорыстнымъ союзникомъ; окруженный побѣдоносными и воспламененными солдатами, вы думали только о сохраненіи драгоцѣнной нѣтъ крови. Вы возвратили Италію истинную свободу, освободивъ ее отъ деспотизма и воспретивъ ей революціонные пути.

«Я знаю, государь, что выражая эти чувства я служу органомъ законодатель-наго корпуса.»

Вотъ человѣкъ, понимающій, что и какъ надобно говорить. Мы охотно отдаемъ его взгляду на характеръ мира предпочтеніе передъ понятіемъ самого Наполеона. „Политическая цѣль, вами предположенная, государь, достигнута“—говоритъ онъ. Да, исполнѣ достигнута. Въ самомъ дѣлѣ, что было цѣлью войны?—Освобожденіе Италіи. Ну-съ, Италія теперь получила сво-боду, по словамъ того же Морни, — даже вѣчто лучшее, нежели просто свободу: она получила „истинную свободу“. Прекрасно, мы этому исполнѣ вѣримъ и очень рады.

Безъ всякаго сомнѣнія, самъ императоръ французовъ, когда успокоится отъ первоначальнаго смущенія, увидить, что онъ заблуждался, признаваясь, будто измѣнилъ своей программѣ и не освободилъ Италію, и что Морни былъ совершенно правъ, называя его основателемъ „истинной свободы“ въ Италіи. Трудно не согласиться съ Морни,—такъ правдивы всѣ его слова. Особенно удачно выраженіе: „вы явили себя вѣрнымъ союзникомъ“. Правда, миръ съ Австріею былъ заключенъ отдѣльно, безъ участія Сардиніи, безъ воли или лучше противъ воли сардинскаго короля и его министра,—но что жъ за важность? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, императоръ французовъ обя-завъ церемониться съ такимъ небольшимъ государствомъ, какъ Сардинія?

Ободряемые мужественными словами Морни,—„мужественными“, гово-римъ мы, потому что нуженъ совершенно особенный, такъ сказать, спартав-скій закалъ души для изреченія раздраженной Европѣ столь упорно отвер-гаемыхъ ею истинъ о характерѣ Виллафранкскаго мира,—ободряемые муже-ственнымъ примѣромъ Морни, столь извѣстнаго непоколебимую приверженностью къ правдѣ, мы осмѣлимся изложить теперь читателю, безъ всякой утайки, нашъ взглядъ на характеръ послѣдней войны и связанныхъ съ нею событій. До сихъ поръ мы высказывали его только на-половину, боясь слишкомъ раздражить людей съ „благородными иллюзіями“, по выраженію императора французовъ. Теперь, подъ щитомъ благороднаго Морни, мы становимся отважнѣе. Надѣемся, что читатель, если согласится съ этимъ взглядомъ, перестанетъ винить императора французовъ и признается, что онъ не могъ дѣйствовать иначе, нежели какъ дѣйствовалъ.

Нинѣ очень много говорятъ о національностяхъ. Но какъ ни сильны

симпатіи и антипатіи, возникающія изъ нихъ, еще сильнѣе чувства, внушаемыя каждому его личными выгодами и потребностями. По выгодамъ, все европейское общество раздѣлено на двѣ половины: одна живетъ чужимъ трудомъ, другая своимъ собственнымъ; первая благоденствуетъ, вторая терпитъ нужду. Это раздѣленіе общества, основанное на матеріальныхъ интересахъ, отражается и въ политической дѣятельности. Есть люди, въ которыхъ умственное и нравственное развитіе достигаетъ такой силы, что видъ несправедливости и беззаконія мучить ихъ; они жаждутъ преобразованій, но потребность эта, ощущаемая и массою народа—только въ матеріальномъ примѣненіи къ вопросу о распредѣленіи продуктовъ труда и средствъ къ производительному труду (земля, капиталъ), сознается ими въ размѣрѣ болѣе обширномъ. Они находятъ, что для поддержки справедливыхъ отношеній по имуществу, нужны разныя гарантіи въ гражданскихъ правахъ. Само собою разумѣется, что сами по себѣ такіе люди не очень сильны: ихъ мало; но они жаждутъ того, что нужно для благосостоянія массы, и естественно стараются опереться на нее, растолковать ей, какимъ образомъ можетъ она приобрести то, чего ищеть. Но реформы, нужныя для массы, противны выгодамъ людей, благосостояніе которыхъ связано съ нынѣшнимъ порядкомъ вещей. Они понимаютъ, что поддержать его можно только отнятіемъ у реформаторовъ возможности дѣйствовать на массу. Такимъ образомъ, консерваторы привуждены обращаться въ реакціонеровъ и обскурантовъ, чтобы охранить свои выгоды отъ гибельнаго для нихъ союза реформаторовъ съ массою. При такомъ положеніи дѣлъ, реформаторы, смотря по различію темпераментовъ, привязанности къ своимъ идеямъ и провинциальности, раздѣляются на двѣ партіи. Одни, видя, что горсть людей, пользующихся нынѣшнимъ положеніемъ вещей, задерживаетъ всѣ ихъ усилія, и сама имѣетъ силу управлять общественными дѣлами, какъ ей угодно, думаютъ, что надобно убѣдить этихъ людей дѣйствовать иначе и содѣйствовать тѣмъ цѣлямъ, какія имѣютъ въ виду они, реформаторы. Къ этому разряду въ обыкновенныя времена принадлежитъ огромное большинство реформаторовъ. Другіе находятъ, что краснорѣчіе и правда безсильны надъ человѣкомъ, когда противны его выгодамъ, и потому объявляютъ, что никакими доводами нельзя людей, находящихъ свою выгоду въ реакціи и обскурантизмѣ, обратить въ друзей прогресса, и что прогрессисты должны стоять къ такимъ людямъ въ одномъ неизмѣнномъ отношеніи, въ отношеніи непримиримой вражды; это революціонеры. Реформаторы, надѣящіеся обратить реакціонеровъ въ прогрессистовъ, думаютъ, что именно только вражда революціонеровъ, а не истинскія собственные выгоды возстановляетъ реакціонеровъ противъ реформъ, и за то преслѣдуютъ революціонеровъ, какъ людей вредныхъ дѣлу реформы. Этихъ реформаторовъ, проповѣдующихъ вражду противъ революціонеровъ, назовемъ хоть модерантистами, по выраженію конца XVIII вѣка.

Читатель вѣроятно будетъ такъ деликатенъ, что не станетъ спрашивать, какая изъ этихъ трехъ партій болѣе нравится намъ,—а если бы онъ сталъ требовать отвѣта на такой вопросъ, мы были бы поставлены въ самое щекотливое положеніе, потому что отвѣтъ нашъ очень компрометировалъ бы нашу репутацію „въ настоящее время, когда“—„Въ настоящее время, когда

каждый стыдится называть себя человѣкомъ нелиберальнымъ, врагомъ реформы и прогресса, мы принуждены были бы сказать, что всего выгоднѣе намъ съ вами обоимъ, читатель, примкнуть къ партіи реакціонеровъ и обскурантовъ: они люди самые надежные и основательные. Да и какое мнѣ дѣло до пользы другихъ? Было бы мнѣ тепло, и чужой голодъ не ощущается моимъ желудкомъ. Что же касается такъ пазываемыхъ высшихъ стремленій и благородныхъ безкорыстныхъ потребностей, — самое лѣрное дѣло: не вѣрить серьезности ихъ ни въ другихъ, ни въ самомъ себѣ, а смотрѣть на нихъ, какъ на праздную игру въ слова, бросаемую при первомъ столкновеніи съ положительными личными выгодами!

А впрочемъ, какъ хотите. Бываютъ на свѣтѣ люди, служащіе исключеніемъ изъ общаго правила, — люди, которымъ чужое горе щемитъ сердце такъ же мучительно, какъ свое личное горе; люди, которые не могутъ чувствовать себя счастливыми, когда знаютъ, что другіе несчастны. Быть можетъ, вы изъ такихъ людей; ну, тогда поступайте, какъ велитъ вамъ ваша честная натура. Но во всякомъ случаѣ, не забывайте одного: одной честности мало для того, чтобы быть правымъ и полезнымъ; нужна также послѣдовательность въ идеяхъ. — Если вы приняли принципъ, не отступайте передъ его послѣдствіями; нужна прежде всего разсудительность во взглядѣ на стремленія другихъ, иначе васъ обманутъ и употребятъ орудіемъ на совершеніе самыхъ нечистыхъ дѣлъ, хотя бы вы были чистѣйшимъ человѣкомъ. Эта разсудительность первымъ своимъ правиломъ ставитъ: словъ не слушай, а смотри на дѣла и на то, въ чемъ состоятъ потребности человѣка, и вѣрься только тому, который смотритъ на міръ такими же глазами, какъ ты, только тому, у котораго потребности одинаковы съ твоими. Довѣрчивость ко всякому чаще всего губила доброе дѣло.

Но все это отступление, какъ мы теперь замѣчаемъ, совершенно лишнее. Кому нужно наше мнѣніе? Мы обязаны только излагать факты, предоставляя читателю самому судить о фактахъ, какъ ему угодно.

Итакъ, мы сказали, что по всему матеріку Западной Европы общество въ тѣсномъ смыслѣ слова, — сословія, участвующія до нѣкоторой степени въ просвѣщеніи и благосостояніи, — распадается на три партіи: реакціонеровъ, модерантистовъ и революціонеровъ. Каждый оримыкается къ той или другой партіи, смотря по своимъ личнымъ потребностямъ; такимъ образомъ, связь по принадлежности къ одной и той же партіи гораздо крѣпче, нежели связь по національности, а вражда по различію партій — выше междоуірія, внушаемаго иноземцами. По всему матеріку Западной Европы реакціонеры составляютъ нѣчто въ родѣ стариннаго Мальтійскаго ордена, въ которомъ были люди всѣхъ національностей и всѣ стояли другъ за друга, и всѣ стояли за свой орденъ. Точно тоже и модерантисты, и революціонеры. Кавуръ, напримеръ, бывшій представителемъ итальянскихъ модерантистовъ возбуждалъ въ сердцахъ каждаго французскаго модерантиста, (например, орлеаниста) гораздо больше симпатіи, нежели французъ реакціонеръ, и случись, напримеръ, столкновение между Кавуромъ и Морни (реакціонеромъ), каждый орлеанистъ и желалъ бы побѣды Кавуру и сталъ бы помогать ей всѣми средствами, ка-

кія можуть прийняти. Наоборотъ, Кавуръ и Маццини были другъ отъ друга гораздо дальше, нежели, напримѣръ, Кавуръ отъ французскихъ орлеанистовъ или Маццини отъ французскихъ революціонеровъ.

Партій, мы сказали, три. Но борьба требуетъ только двухъ лагерей: собственно борьбу ведутъ между собою только двѣ изъ трехъ партій, болѣе сильныя, а третья должна примыкать къ одной изъ нихъ на то время, пока онѣ вмѣстѣ одолѣютъ третью, чтобы уже потомъ раздѣлаться между собою. Изъ шести возможныхъ тутъ сочетаній, каждое случилось въ дѣйствительности. Напримѣръ, легитимисты (реакціонеры) во Франціи при Луи-Филиппѣ поддерживали республиканцевъ; въ первой половинѣ 1848 года они поддерживали партію умѣренныхъ противъ ультра-республиканцевъ. Модерантисты (орлеанисты) поддерживали во Франціи въ 1849 году реакціонеровъ (бонапартистовъ), а теперь поддерживаютъ революціонеровъ. Революціонеры въ Испаніи при Наполеонѣ поддерживали реакціонеровъ въ борьбѣ противъ „офранцузившихся“ (аfrancesados) или умѣренныхъ прогрессистовъ; теперь въ Бельгіи, (гдѣ впрочемъ революціонеры очень малочисленны, благодаря тому обстоятельству, что король Леопольдъ — человѣкъ и честный и вмѣстѣ съ тѣмъ умный), они поддерживаютъ конституціоналистовъ.

Какіе изъ этихъ многочисленныхъ сочетаній между разнородными партіями могутъ быть названы соответствующими логикѣ идей, какіе союзы могутъ не имѣть своимъ слѣдствіемъ раскаянія? Пока остаешься въ сферѣ отвлеченныхъ идей, вопросъ очень ясенъ. Реакціонеры съ одной стороны, модерантисты и революціонеры съ другой — различаются между собою существенно противоположною цѣлью: реакціонеры хотятъ застоя, и для того чтобы сохранить нынѣшній порядокъ отъ прогрессивныхъ реформъ, принуждены тянуть ходъ исторіи назадъ; модерантисты и революціонеры одинаково хотятъ прогрессивныхъ реформъ и разнятся между собою только въ понятіи о средствахъ къ успѣшнѣйшему ихъ осуществленію. Изъ такого отношенія понятій необходимо слѣдуетъ, что если модерантисты или революціонеры становятся союзниками реакціонеровъ, они помогаютъ дѣлу, существенно-противоположному ихъ собственнымъ стремленіямъ, и въ результатѣ увидятъ себя обманувшимися. Напротивъ, реформы, которыхъ желаютъ модерантисты и революціонеры, въ сущности факта одинаковы, и разнятся между собою только процессомъ своего осуществленія; стало быть, результатомъ союза между модерантистами и революціонерами бываетъ произведеніе измѣненій, одинаково нужныхъ обоимъ союзникамъ, и споръ о способѣ осуществленія самъ собою исчезаетъ, когда дѣло исполнено тѣмъ или другимъ способомъ.

Таково естественное отношеніе партій по существеннымъ ихъ стремленіямъ. Только одинъ союзъ между модерантистами и революціонерами можетъ быть названъ существенно удовлетворительнымъ для обѣихъ соединяющихся партій. Напротивъ того, если модерантисты или революціонеры будутъ помогать реакціонерамъ, они въ результатѣ непременно найдутъ разочарованіе или, по выраженію императора французовъ, „разрушеніе иллюзій“, которыми вовлеклись въ противоестественный союзъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, намъ легко видѣть, что отношенія партій въ Италіи были совершенно неправильныя, несогласныя не только съ логикой понятій, но и съ первымъ элементарнымъ условіемъ сколько нибудь правильнаго хода борьбы. Сардинія была центромъ, изъ котораго вышло движеніе послѣдней войны, и потому обратимъ главное вниманіе на нее.

Не надобно думать, чтобы сардинскіе реакціонеры (клерикальная партія, или правая сторона палаты депутатовъ, имѣвшая своимъ предводителемъ графа Соларо делла Маргариту) измѣнили общему принципу, по которому нюземцы одного и того же политическаго направленія имѣли соотечественниковъ, держащихся противнаго направленія. Они продолжали, и до войны, и во время войны, сочувствовать австрійцамъ, вѣрнѣйшимъ приверженцамъ реакціи. Въ этомъ клерикальная партія была совершенно логична, и какъ бы ни судили мы о ея стремленіяхъ, надобно признать въ ея образѣ дѣйствій ловкость и вѣрность разсчета. Революціонеры также придерживались вѣрности принципу во время войны; они говорили, что не могутъ присоединиться къ дѣлу, въ которомъ главною силою, дѣйствующею противъ австрійцевъ, является бонапартизмъ, который имѣетъ тѣ же самыя стремленія, какъ и австрійская политика; но модерантисты, — или, по итальянскому своему названію, конституціонная или піемонтская партія, имѣвшая своимъ предводителемъ графа Кавура, — дѣйствовали иначе. Они противъ Австріи, то есть реакціи, вздумали опереться на бонапартизмъ, то есть на ту же самую реакцію, и пренебрегли основнымъ правиломъ политической тактики, по которому одинаковыя партіи во всѣхъ странахъ взаимно поддерживаютъ другъ друга и, несмотря ни на какія случайныя столкновенія, не могутъ желать вреда одна другой. По этому правилу, бонапартизмъ никакъ не можетъ сдѣлать вреда Австріи, чего хотѣла піемонтская партія. Онъ могъ на время, по случайнымъ своимъ надобностямъ, стать съ Австріею въ формальную вражду, но и во время этой формальной борьбы не могъ забыть, что въ сущности дѣло Австріи есть его собственное дѣло, что подрывая австрійскую, то есть реакціонную силу онъ вредитъ бы самому себѣ. Потому война между бонапартизмомъ и Австріею, по существенному характеру и интересу обоихъ противниковъ, никакъ не могла имѣть иной натуры, какъ натуры турнира, рыцарскаго состязанія, при которомъ дерутся вовсе не съ намѣреніемъ повредить другъ другу, а только съ безвредною для противника мыслью поспорить о томъ, кто кого сильнѣе, кто долженъ занять первое мѣсто за дружескимъ пиромъ, за который сядутъ благородные противники тотчасъ по окончаніи боя. Пренебреженіе этимъ неизбѣжнымъ фактомъ было бы неизвинительно въ піемонтской партіи, если бы мы не знали, что а союзъ съ бонапартизмомъ она схватилась только въ крайности. Первоначально она старалась дѣйствовать сообразно правилу политической тактики и не щадила никакихъ пожертвованій, чтобы найти себѣ опору въ Англіи, а также въ партіи конституціоннаго модерантизма. Для этого она, въ году англичанамъ, послала войска въ Крымъ, принесла въ жертву нѣсколько тысячъ солдатъ и нѣсколько десятковъ милліоновъ денегъ. Но на зрѣлищномъ конгрессѣ Англія нелѣпымъ образомъ сблизилась съ Австріею, и

тогда бѣдная піемонтская партія, повинутая своею естественною союзницею, приняла предложенія, дѣлавшіяся ей бонапартизмомъ. Если бы въ политической борьбѣ возможна была та хладнокровность, съ какою ведется шахматная игра, то надобно было бы сказать, что лучше, нежели принимать такую помощь, было повременить, выжидая той поры, когда Англія увидитъ свою ошибку если во Франціи возьметъ верхъ партія прогресса. Но положеніе Италіи было такъ тяжело, что трудно произнести надъ піемонтскою партіею за эту ошибку приговоръ съ тою строгостію, какой требуетъ грубость ошибки и великость вреда, ею принесеннаго. Но какъ бы то ни было, невзвинтительнъ или невзвинтительнъ былъ союзъ піемонтской партіи съ бонапартизмомъ, онъ отнялъ у республиканской партіи возможность соединиться въ рѣшительную минуту съ конституціоналистами. Обыкновенно говорятъ, что Маццини, въ своемъ фалатизмѣ, не хочетъ признавать ничего хорошаго въ людяхъ иначе, какъ на томъ условіи, чтобы они совершенно приняли его идеи. Но кто хотя нѣсколько знакомъ съ исторіею этого агитатора, тотъ знаетъ, что постоянно, повсюду онъ искалъ союзниковъ, не останавливаясь никакими разногласіями, лишь бы нашлось соотвѣтствіе въ одномъ, — въ желаніи освободить Италію. Онъ обращался съ этою надеждою и къ папѣ, и къ Карлу Альберту, и наконецъ онъ сталъ удерживать свою партію отъ подобныхъ надеждъ и союзовъ только потому, что увидѣлъ ошибочность своей собственной прежней мысли о пользѣ ихъ для дѣйствительнаго освобожденія Италіи.

Такимъ образомъ, въ Италіи даже не успѣли образоваться два лагеря, — осталось цѣлыхъ три враждебныхъ лагеря, по невозможности соединенія маццинистовъ, не вѣрившихъ бонапартизму, съ піемонтскою партіею, основавшею на немъ свои надежды.

Теперь графъ Кавуръ палъ и тѣ люди, мнѣніе которыхъ измѣняется сообразно съ успѣхомъ или неудачею, конечно находятъ теперь большую легкость норичать ошибки этого государственнаго дѣятеля, которому недавно поклонялись. Мы не восхищались политикою графа Кавура, когда счастье было повидимому на его сторонѣ, за то теперь не станемъ осыпать его упреками. Напротивъ мы скажемъ въ оправданіе ему, что слишкомъ легко было ему, человѣку замѣчательнаго ума, рассчитывать на свое умственное превосходство надъ союзникомъ... Онъ могъ вообразить, что будетъ держать этого человѣка въ рукахъ, сдѣлать его орудіемъ своихъ цѣлей. Это было очень натурально. Не въ упрекъ Кавуру, а въ объясненіе факта, мы замѣтимъ, что онъ тутъ забылъ только одно; инстинктъ эгоизма такъ ловокъ и разсчитливъ, что человѣкъ, руководящійся исключительно имъ, можетъ перехитрить какого угодно гениальнаго министра...

Съ самаго начала Кавуръ холодною и молчаливою своею союзника былъ введенъ въ ту ошибку, что вообразилъ, будто бы только онъ нуждается въ Наполеонѣ III, между тѣмъ, какъ въ сущности, самъ императоръ французскій гораздо больше нуждался въ немъ. Въ началѣ года, когда шли въ газетахъ толки о конгрессѣ и равныхъ дипломатическихъ посредничествахъ, отъ которыхъ ожидали предотвращенія войны, мы нѣсколько разъ по-

дробно излагали факты, дѣлавшіе для императора французовъ войну необходимою. Желающіе могутъ найти ихъ въ нашихъ прежнихъ обзорѣяхъ.

Война въ Италіи, безотлагательная война, потому что каждая ночь, каждый день до ея объявленія грозитъ опасностями,—такова была потребность Наполеона III. Но онъ не говорилъ объ этомъ, держалъ себя холодно; потому Кавуръ сталъ думать, что нужно всѣческими уступками склонять его къ войнѣ. Въ сущности, Кавуръ могъ-диктовать условія союза, потому что Франція не могла провозгласить намѣренія освободить Италію отъ австрійцевъ, иначе, какъ опираясь на Сардинію. Положимъ, Кавуру также была нужна война, но у него не было необходимости начинать ее тотчасъ же, непременно въ павышнюю весну: онъ могъ подождать и годъ, и два, какъ вдалѣ несть или семь лѣтъ. Для Наполеона отсрочка была невозможна. Но Кавуръ въ горячности своего патриотизма думалъ, что союзникъ оказываетъ Сардиніи великодушную помощь, склоняемый краснорѣчіемъ и умомъ его, Кавура, къ дѣлу, въ которомъ самъ не имѣетъ надобности. Такимъ образомъ Сардинія бросилась въ войну, не гарантировавъ ничѣмъ свободы своихъ дѣйствій подлѣ союзника, подавлявшаго ее громадностью своихъ силъ.

Но какими же способами можно было гарантировать независимость сардинской политики? Развѣ неизвѣстно, что никакія обѣщанія не гарантируютъ противъ превосходства силы? Такъ, обѣщанія ненадежны, и въ томъ именно и заключалась ошибка, что Сардинія ограничилась имъ. Нужно было принять другія мѣры для огражденія своей самостоятельности. Во-первыхъ, французскимъ войскамъ надобно было назначить театръ дѣйствій, различный отъ театра дѣйствій сардинской арміи, такъ чтобы она составляла совершенно отдѣльное цѣлое; во-вторыхъ, нужно было оговорить, что внутренніе вопросы въ Тосканѣ, Пармѣ, Моденѣ, Легатствахъ не должны нимало относиться до французовъ. То и другое, и все что угодно, Наполеонъ принялъ бы: Кавуръ могъ тогда предложить ему какія-угодно условія союза. А онъ напротивъ, считалъ себя облагодѣтельствованнымъ, принимая помощь безъ всякихъ гарантій. Ему гарантіи казались невозможны, потому что онъ не замѣчалъ, что война Наполеону III нужна, нежели ему самому; онъ казались ему не нужны, потому что онъ считалъ помощь слѣдствіемъ великодушія Наполеона III и своего вліянія на него, то есть дѣломъ, которое Наполеонъ будетъ и по доброй волѣ вести сообразно его видамъ: онъ казались ему излишни, потому что онъ, надѣясь на свое умственное превосходство, воображалъ, что будетъ управлять Наполеономъ III.

При такомъ безусловномъ вѣреніи хода и характера войны Наполеону III, при отдачѣ сардинской арміи въ распоряженіе Наполеона III, война необходима должна была имѣть конецъ въ томъ родѣ, какой дѣйствительно получила. Это было съ самаго начала ясно для всѣхъ проницательныхъ публицистовъ, и мы тогда же передавали ихъ предсказанія читателю. Спрашивается, кто былъ причиною безусловно-владычествующаго положенія, занятаго въ ней Наполеономъ III? Кто призвалъ его въ Италію? Кто отдалъ ему въ команду сардинскую армію и всѣ другія итальянскія войска? Кто не принялъ никакихъ предосторожностей для доставленія итальянцамъ вліянія на рѣшеніе ихъ судьбы? Пиемонтская партія, модерантисты, и глава ихъ—графъ Кавуръ.

Наполеонъ III только воспользовался даннымъ ему отъ нихъ положеніемъ сообразно съ своими видами: — что тутъ особеннаго, если человекъ заботится о своихъ-выгодахъ, и за что тутъ винить его? „Смотри, кому въ руки отдается“, и „не сваливай свою вину на другаго“, сказали бы мы графу Кавуру и его приверженцамъ, если бы они, бѣдные, не заслуживали теперь скорѣе состраданія, чѣмъ гнѣва.

А гнѣва они заслуживали своею непредусмотрительностью, которая отозвалась теперь, по выраженію Наполеона III, „разрушеніемъ благородныхъ надеждъ“. „Но, скажетъ иной читатель, кто же могъ предполагать такую измѣну? Кто могъ ожидать, что союзникъ соединится съ врагами противъ друзей?“

Послѣ предыдущихъ объясненій намъ легко отвѣчать на это возраженіе, основывающееся только на запутанности понятій, истинное отношеніе которыхъ мы старались показать. Да, только изъ запутанности понятій происекались всѣ обвиненія Наполеона III въ измѣнѣ друзьямъ. Кто смотритъ на вещи правильно, тотъ не станетъ винить въ такихъ пустякахъ императора французскъ, а напротивъ—скажетъ, что онъ поступилъ совершенно такъ, какъ ему слѣдовало поступить по тѣмъ принципамъ, постояннымъ защитникомъ которыхъ онъ былъ.

Припомнимъ раздѣленіе общества на три партіи и взглянемъ на то, къ какимъ изъ нихъ принадлежатъ императоръ французскъ, австрійское правительство и графъ Кавуръ.

Владычество бонапартизма во Франціи основано на реакціи. Австрія также представительница реакціи. Изъ этого ясно, что существенные интересы бонапартизма и Австріи одинаковы, что эти силы должны поддерживать одна другую, что ослабленіе одной изъ нихъ грозитъ опасностью и для другой. Конечно, и между самими родственными элементами могутъ возникать случайныя столкновенія, но взаимный интересъ требуетъ, какъ можно скорѣе, прекращать ихъ, чтобы дружно противиться общему врагу.

Кто не упускалъ изъ виду этого основнаго факта,—одинаковости между существенными интересами бонапартизма и Австріи, тотъ очень хорошо видѣлъ, что считать Наполеона III врагомъ Австріи значило совершенно не понимать его. Такимъ образомъ, оказывается клеветой та часть обвиненія, которая возникаетъ изъ расположенія Наполеона какъ можно скорѣе заключить миръ съ Австріею, и притомъ на самыхъ выгоднѣйшихъ для нея условіяхъ.

Остается другая часть обвиненія: „онъ измѣнилъ выгодамъ своихъ друзей, сардинцевъ“;—читатель видитъ, что тутъ слово „друзья“ такъ же несправедливо, какъ и слово „враги“ относительно австрійцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто такой былъ Кавуръ, на чемъ была основана его сила, къ чему стремилась его партія? Партія, вошедшая въ союзъ съ Наполеономъ черезъ Кавура была, какъ всѣмъ извѣстно, партія приверженцевъ конституціоннаго устройства. Теперь спрашивается, кому не извѣстны отношенія Наполеона III къ конституціонному принципу? Конституціоналисты—злѣйшіе враги бонапартизма; онъ держится только подавленіемъ ихъ. Какимъ же образомъ злѣйшихъ враговъ называть друзьями? Прискорбная необходимость могла заставить Наполеона III принять на время содѣйствіе, предлагавшееся ему италья-

яскими конституционалистами, но коренная, непримиримая враждебность этих двух элементов оставалась неизгладима, и Наполеон III был бы просто неразсчитлив, если бы забыл о ней. Он хорошо чувствовал, что служить Кавуру значило бы усиливать конституционную партию в Италии, а усиливать ее в Италии значило бы оживлять ее во Франции, то есть вредить самому себе. Такого безразсудства не следовало и ожидать от человека, хорошо понимающего свое положение и умьющего соблюдать свои выгоды. Потому-то проникательные публицисты с самого начала и говорили, что цѣли Кавура не могутъ быть цѣлями Луи-Наполеона. Просимъ читателя припомнить выписки изъ англійскихъ рѣчей и статей въ прежнихъ нашихъ обзорѣхъ.

Послѣ этого вѣтъ нужды распространяться о совершенной неумѣстности неблагоприятнаго термина „измѣнникъ“, которымъ многіе характеризуютъ тотъ очень натуральный фактъ, что Наполеонъ III заключилъ отдѣльный миръ съ Австріею, противъ выгоды и воли Сардинцевъ. „Измѣна“, „предательство“—какія грубыя, несвѣтскія понятія! Понятіе „предательства“ не должно существовать въ умѣ свѣтскаго человѣка, а тѣмъ болѣе въ умѣ дипломата, и кто позволяетъ себѣ жаловаться на предательство, тотъ обнаруживаетъ только собственную неприготовительность къ веденію важныхъ дѣлъ. На самомъ дѣлѣ исторія была самая невинная. Положимъ, напримѣръ, что вы хотите ѣхать изъ Рязани въ Петербургъ, а я въ Москву; вамъ извѣстно, что дальше Москвы я не поѣду; но вамъ угодно было имѣть меня своимъ спутникомъ. Теперь спрашиваю васъ: если, доѣхавъ до Москвы, я останусь тамъ и предоставлю вамъ продолжать путь, какъ вы сами знаете, или останусь въ Москвѣ, когда вы не можете ѣхать одни,—если я сдѣлаю это, неужели вы имѣете право называть меня измѣнникомъ? У васъ, быть можетъ, наивныя понятія; быть можетъ, вы, зная что мнѣ нужно быть только въ Москвѣ, вынудили у меня какое нибудь двусмысленное слово, что я охотно побывалъ бы и въ Петербургѣ, и повѣрили этому слову,—ну, что жъ мнѣ изъ того? Какой же притическій человѣкъ вѣрить словамъ? Мало ли что говорить, такъ вотъ всему вы и станете вѣрить! Вы должны рѣсчиты ваши основывать на томъ что мнѣ нужно, а не томъ, чтѣ я говорю; иначе вы на каждомъ шагѣ будете оставаться въ проигрышѣ...—Но, повѣрьте мнѣ, —никакого вы не называйте за это измѣнникомъ, а называйте только сами себя слишкомъ наивнымъ простакомъ, а лучше всего, постарайтесь отучиться отъ вашей влѣбейской наивности.

Луи-Наполеонъ не притворялся кѣмъ нибудь конституционалистомъ; онъ не скрывалъ своего принципа, принципа реакціи; онъ не скрывалъ своей непримиримой враждебности къ конституціонализму. Теперь,—итальянскимъ конституционалистамъ было угодно вручить ему свою судьбу. Я спрашиваю состояніе открытой вражды, въ которой онъ находится съ конституціонистами, не уповавъ мочивало ли его воспользоваться ослабленіемъ враговъ, чтобы запутать ихъ въ ихъ собственныя сѣти? Да, Кавуръ всегда былъ врагомъ ему, потому что былъ конституціоннымъ министромъ, главою партіи, единомышленники которой во Франціи—смертельные ненавистники Луи-Наполеона. Съ какою же поры енная лѣзвостъ, пользующаяся ошибками непріятели, стала называться измѣнникомъ? Повѣрьте,—вѣдь не даромъ же говорить у французовъ: *à la guerre—et même à la guerre*, на войнѣ по военному и дѣлается.

Не знаемъ, до какой степени удалось намъ убѣдить читателя, что императоръ французовъ поступилъ очень естественно, заключивъ отдѣльный миръ съ Австріею на самыхъ выгодныхъ для нея и самыхъ невыгодныхъ для Италіи условіяхъ, и что винить его тутъ ровно не за что. Намъ кажется, что логика нашего оправданія неопровержима. Вотъ оно вкратцѣ!

Итальянская независимость составляетъ предметъ желаній для итальянскихъ революціонеровъ (Маццини) и конституціоналистовъ или модерантистовъ (графъ Кавуръ и піемонтская партія). Партія итальянскихъ реакціонеровъ смертельно боится освобожденія Италіи. Австрія—представительница принципа реакціи. Бонапартизмъ держится реакціею. Элементы реакціи, модерантизма и революціи разлиты по всѣмъ странамъ Западной Европы, и надѣние или усиленіе каковагонибудь изъ этихъ элементовъ въ одной странѣ непременно облегчаетъ подобную перемѣну во всѣхъ другихъ странахъ. Поэтому усиленіе конституціонной партіи въ Италіи,—а исполнить ея желаніе, освободить Италію, значило бы усилить ее,—необходимо вело къ усиленію конституціонной партіи въ самой Франціи. Ослабленіе Австрій также вело бы къ ослабленію реакціи во Франціи. То и другое было бы равнозначительно погибели бонапартизма. Итакъ, ясно было, что Наполеонъ III, принужденный вести войну въ Италіи, долженъ употребить всѣ свои усилія на то, чтобы покончить эту войну такими миромъ, который не освобождалъ бы Италію, не былъ бы вреденъ могуществу австрійцевъ, съ которыми прочные и существенные интересы у него одинаковы, и не принесъ бы пользы итальянскимъ конституціоналистамъ, помощью которыхъ онъ могъ воспользоваться на минуту, по одному случайному дѣлу, но партія которыхъ находится по своей натурѣ въ смертельномъ противорѣчій съ условіями его собственнаго существованія.

Кажется, это просто и неопровержимо. А если дѣйствительно такъ, то надобно сознаться, что всѣ обвиненія противъ Наполеона III за Виллафранкскій миръ—пустыя фразы, поражаемая только непониманіемъ сущности бонапартизма. Наполеонъ III поступалъ сообразно требованію своего жизненнаго принципа, пожертвовавъ своими врагами сардинцами своими друзьями австрійцамъ.

Но если мы находимъ, что дѣйствительно война, въ которой главнымъ дѣятелемъ былъ Наполеонъ III не могла привести ни къ чему иному, кромѣ Виллафранкскаго мира, и если императоръ французовъ поступилъ, при заключеніи этого мира, совершенно послѣдовательно и основательно съ своей точки зрѣнія, то само собою разумѣется, что мы вовсе не намѣрены скрывать неудовольствія, пробужденнаго условіями этого мира въ людяхъ и партіяхъ, имѣющихъ принципы не одинаковые съ бонапартизмомъ. Напротивъ, именно съ того мы и начали, что упомянули объ этомъ неудовольствѣ, объясняя имъ неточности въ изложеніи фактовъ и побужденій, склонившихъ къ миру императора французовъ, по его словамъ. Нашедши теперь истинную причину выгодныхъ для Австрій условій договора, мы подробнѣе займемся впечатлѣніемъ, какое онъ произвелъ въ различныхъ странахъ.

Англичанъ упрекали въ холодности къ итальянскому вопросу за ту невѣрчивость, съ которою они смотрѣли на войну. Дѣйствительно, война была

непріятна имъ, потому что не общалась ничего, кромѣ побѣдъ Наполеона III. то есть увеличенія его могущества, и утвержденія его въ мысли, что онъ можетъ счастливо приводить къ концу какую угодно войну. Они думаютъ, что все это можетъ приблизить минуту, когда онъ вздумаетъ объявить, что долженъ отомстить Англіи за своего дядю. Но негодование, овладѣвшее англійскою публикою при извѣстіи о Виллафранскомъ мирѣ, показало, какъ велико сочувствіе англичанъ къ дѣлу итальянской независимости (просимъ читателя не забывать, что мы говоримъ объ англійской публикѣ, а не объ англійскомъ правительствѣ,—эти два понятія далеко не одинаковыя даже и въ приложеніи къ Англіи). Сожалѣніе о бѣдѣ Италіи пересилило въ нихъ даже радость о томъ, что уменьшилась опасность для нихъ самихъ быть запутанными въ разорительную войну. Въ примѣръ мы приводимъ статью, которою встрѣтилъ извѣстіе о мирѣ Times ¹⁾.

«Миръ послѣдовалъ за перемиріемъ быстро, нежели дама можно была предположить. Великій волшебникъ нашего вѣка далъ три битвы и поговорилъ часть времени съ побѣжденною Австріею, и вотъ, въ концѣ этой короткой конференціи, Ломбардія вдругъ уступлена Франціи, и Италія становится конфедераціею модъ почетнымъ предсѣдательствомъ палы. Перемирія такъ быстры, что разбила въ глазахъ. Не успѣли мы уловить черты картины, представляющей нашему вѣнію, а предметъ уже исчезъ и на мѣстѣ его явился другой. Нѣсколько недѣль тому назадъ мы разсуждали о конгрессѣ для предотвращенія войнъ. Недѣлю тому назадъ, свѣтъ толковалъ о шансахъ для Австріи успѣшно бороться противъ Франціи. Периодъ битвъ прошелъ. Грозный четырехугольникъ крѣпостей поглотилъ собою всѣ мысли. Но вчера исчезли всѣ размышленія и догадки объ арміяхъ, всякое вниманіе къ пушкамъ, и явились на свѣтъ два новыхъ государства, созданныя въ нѣсколько часовъ, вошедшія въ знакомство съ публикою сотрясеніемъ телеграфной проволоки. «Императоръ австрійскій уступаетъ королевство Ломбардское императору французовъ». Италія, Австрія совершенно выбыта изъ волеи своего стариннаго упорства. Нескьера и Верона, Мантуя и Леньяно, ливія Адидже и венеціанскіе лагуны—все шокнуто, все уступлено... Францъ-Іосифъ немедленно уходитъ изъ Италіи съ 300,000 своихъ солдатъ, и Италія, освобожденная отъ этого давленія, преобразуется въ независимое государство. Какъ мы покажемся теперь свѣту съ такими новостями на нашихъ широкихъ листахъ? Что теперь скажетъ Times въ защиту своихъ неблагородныхъ подозрѣній? Какъ намъ являться передъ столь жестоко оклеветаннымъ императоромъ французовъ? Съ какими лицами встрѣтитъ насъ теперь торжество и презрѣніе друзей свободы, предостерегаетъ которыхъ нѣтъ ни залодушіе? Униженное отреченіе одно только остается намъ. Соединимся же съ радикалами Англіи, карбонари Италіи и великимъ политическимъ ордуломъ Венгріи въ восхваляніи славы Наполеона III! ¹⁾ Забудемъ ми, послѣдніе изъ провалентовъ и

¹⁾ Просимъ читателей не приписывать намъ нѣсколько саркастическаго тона, какими англійская газета отзывалась о Наполеонѣ III: наше мнѣніе о дѣйствіяхъ французскаго императора мы высказали достаточно выше, а настоящую статейку переводимъ только для показанія, какое впечатлѣніе произвелъ въ Англіи Виллафранскій миръ.

²⁾ Здѣсь сарказмъ Times'a неискренъ. Англійскіе радикалы не ожидали ничего хорошаго отъ войны. Читатель можетъ вспомнить рѣчь Робекка и отчетъ самаго Times'a о мнѣніи по итальянскому вопросу въ Гайдъ Паркѣ (Соврем. № V). Мащинисты также не одобряли Каура за союзъ съ Наполеономъ III и говорили, что послѣднее образованіе народныхъ войскъ, независимыхъ ни отъ Франціи, ни отъ Каура, одно можетъ спасти Италію, судьбу которой предсказали. Кошутъ не выхваливалъ Наполеона III и долго, упорно не соглашался на то предположеніе содѣйствовать венгерскому восстанію, и когда наконецъ рѣшился на это, то полагался не на его увѣренія, а на то, что австрійскіе войска изъ

едва ли достойные назваться прозелитами,—забудемъ со стыдомъ всё наша неблаго-родная опасенія, и возрадуемся теперь, когда Италия, и не на однихъ словахъ, а на самомъ дѣлѣ стала свободна отъ Альпъ до Адриатическаго моря!

Но—погодите! Въ этотъ потокъ телеграфическихъ депешъ, въ этотъ сонъ бы-стрыхъ извѣстій, приносящихся со всѣхъ сторонъ свѣта и соединяющихъ въ себѣ аг-голосы всѣхъ европейскихъ столицъ, есть звуки, дисгармонизирующіе съ всеобщемъ ра-достью. Что значить это новое извѣстіе? Что это за горькая капля, отъ которой пропадаетъ пьяное вѣдѣніе энтузіазма, охлаждаются наши теплыя сны? Италия должна быть свободна, потому что такъ говоритъ императоръ французскій,—а кто, кромѣ невѣрующаго, неблагогоднаго Times'a колеблется вѣрить императору?—Но это воздѣржаніе палмъ, это возстановленіе великаго герцога Тосканскаго, это оставленіе Венеціи и Миланію за Австрію,—всѣмъ этимъ выдвигается первое извѣстіе, пришедшее отъ императора французскаго. Да, Италия свободна, но она свободна не въ демократи-ческомъ, не въ конституціонномъ, не въ обыкновенномъ смыслѣ, а въ Наполеоновскомъ смыслѣ слова. Свобода—слово, принимаемое въ разныя значенія, и часто пѣтъ его занимается отъ оттѣнка интересовъ человѣка, его употребляющаго. Свобода въ Спартѣ не значила того, чтобы плоть не была убиваемы, когда становились слыш-комъ многочисленные или безпощадны. Свобода въ Италіи не значить, чтобы жители Италіи жили какой-нибудь голосъ въ своемъ управленіи. Италія свободна, но сво-бодна на французско-императорскія условія. Ломбардія, завоеванная Франціею, от-дается королю сардинскому. Никто не можетъ сказать, что Ломбардія не свободна. Она могла имѣть свои понятія о возстановленіи прежняго герцогства, какъ самостоя-тельнаго государства, и Миланъ можетъ имѣть возраженія противъ того, чтобы стать удѣломъ Туринъ; но съ нынѣшняго времени Ломбардіи лучше молчать объ этихъ сумас-бродствахъ. Она свободна и должна быть довольна. Венеція также свободна. Она сво-бодна подъ австрійскимъ господствомъ. Чего же больше можетъ она хотѣть? Навѣрное, она не имѣетъ сумасбродства печатать о времязѣ Давидо! Или Венеція недовольна? Такъ она не знаетъ что такое свобода, какъ понимаетъ ее Наполеонъ. Но пусть она потихе говоритъ о своемъ безумномъ недовольствѣ. Только кусокъ Ломбардіи передастъ Сардиніи: «Ломбардія до линіи Миланію». Между «линіею» Миланію и Венеціею текутъ двѣ большія рѣки въ По, и земля, орошаемая этими рѣками, устлая первоклассными вѣрностями. Это старинныя австрійскія желѣзныя ворота, черезъ которыя Австрія входила въ Италію, когда хотѣла. Это кровь австрійскаго деспотизма, подъ которымъ становится онъ каждый разъ, когда была опасность въ равнинахъ. Отсюда онъ могъ высылать десятки тысячъ своихъ солдатъ для подавленія всякаго признака недоволь-ства въ самомъ зародышѣ. Вы, свободные сардинскіе ломбардцы, наслаждающіеся сво-бодою подъ тѣнью западныхъ стѣнъ этихъ великихъ крѣпостей, и вы, освобожденные венеціанцы, которые можете, обрабатывая свои земли на материкѣ, любоваться за пушки, смотряція съ ихъ восточныхъ бастіоновъ, не ведите слишкомъ громко своихъ свободныхъ рѣчей. Эта земля также свободна. Она лежитъ между Альпами и Адри-атическимъ моремъ, стало быть непреятно она свободна. Она раздѣляетъ съ Венеціею честь быть свободной подъ австрійскимъ господствомъ. Но она свободна, какъ чисто австрійское владѣніе, какъ аваянство Тароль, подобно ножу вѣтывающійся въ тѣло сѣверной Италіи. Она попрежнему наполнена войсками и оружіемъ, и изъ нея арміи могутъ быть посланы по желѣзнымъ дорогамъ и въ нѣсколько часовъ быть въ Ми-ланѣ или Венеціи. Австрія еще владѣетъ и по трактату будетъ продолжать владѣть

Венгрію оставалось мало. Читатель вспомнитъ его слова (Совр. № VІ). «Венгрі такъ далека отъ Франціи, что ее нельзя обратить во французскіе департаменты»:—кажется, это выраженіе мало свидѣтельствуетъ о вѣрѣ въ императора французскаго Маццини, Комунъ и англійскіе радикалы горюны только одно: Англія не должна вступаться за Австрію. *Times*, у которой были иногда порывы воинственности,—впрочемъ, не такъ любя въ Австрію,—а изъ опасенія замысловъ Наполеона про-тивъ Германіи и самой Англіи, сердится на всѣхъ этихъ людей за противорѣчіе ея воззваніямъ о необходимости самыхъ энергическихъ вооруженій, которыя не мнѣемо возлелеи бы Англію въ войну, если бы война продолжалась хоть до слѣ-дующей весны.

ити страшных четырех-угольников. Потому в этих городах лучше потише говорить о новоприобретенной свободе и шопотом поздравлять друг друга с достоянным совершением обещания освободить ее от Альпов до Адриатического моря. Тоскана и Модена также свободны. Они свободны собственными своими делами, потому что изгнали своих герцогов и послали к императору Наполеону половину своих молодых людей волонтерами. Свободные граждане Тосканы и Модены сражались против своих изгнанных государей при Сольферино и помогали императору Наполеону победить их. Это было ошибкой с обеих сторон. Истинная свобода, за которую сражались тосканцы и моденцы, состоит в том, чтобы принять обратно своих урешных правителей, и если бы герцоги повиновили свою настоящую выгоду, они были бы не в лагерь австрийского императора, а во французский лагерь. Гниль возвращается в Аены,—свобода Аены нуждается в его восстановлении.

«Гузгил¹⁾ утверждает, что полезина ссоры не свята проистекает от невинности к законам логики: люди не думают об определении». В этом причина разворота, разделяющего нас с людьми, сочувствовавшими итальянской войне. Если бы они определяли, что такое разумели под свободой Италии, и определяли в том смысле, какой мы видим ныне, мы никогда не усомнились бы в намерении Луи-Наполеона дать свободу Италии. Не доходя до чрезвычайности в нашей симпатии к Италии, мы должны однакоже признаться, что если бы мы послали лорда Страффорда или лорда Кларендона на конгресс—сказать для Италии, что может сделать для нее Англия, и если бы лорд Страффорд или лорд Кларендон возвратились, размахивая шляпою и восклицая «Италия свободна!», и оказалось бы, что он оставил австрийцев в Пескьеры, в Мантуя и в Венеции и силою возвратил герцогов в Тоскану и Модену, и что это называть он свободой Италии,—мы почувствовали бы большое искушение громко потребовать, чтобы лорд Страффорд или лорд Кларендон был предан суду, как лавинник. Если бы мы знали, что таковы были желания г. Кошута и бирингемских джентльменов²⁾ и другие поклонники императора Наполеона, то мы, кажется, могли бы требовать у Австрии исполнения их желаний, не утывая Италию трупами и не напоявая госпиталей бедными изуродованными солдатами. Во всем этом нет ничего такого, чего бы нельзя было вынудить у Австрии силою дипломатии. Все это не может оскорбить ее гордости и значительно увеличивает ее силу. Она набылена от хлопот управлять безобразною и убогою провинциею и удерживает салу опустошать ее, когда только захочет. Она теперь стоит в Италии, как мечь-рыба подлѣ Кита. Австрия—вся покрыта оружием, Италия вся—добыча ее. Австрия уступила только то, что может, когда ей угодно, взять назад, чего вероятно не захочет она и брать назад. Сардиния приобрела провинцию, которую может сохранять только по милости Австрии и которую, в случае нападения, не может защищать. Когда австрийские сатраны будут восстановлены в Тоскану и Модену, сама Австрия будет стоять вооруженная с ног до головы, непреодолимо господствующая в итальянской конфедерации. Австрия будет в Италии так сильна, как никогда еще не была. Если бы Англия была безстыдство предложить ей такие условия до начала войны, Австрия не могла бы отказать в них, и тогда 100.000 человек остались бы живы, а Италия не меньше нынѣшняго была бы «свободна от Альп до Адриатического моря». Таковы быают последствия, когда люди не согласятся между собою в смысл слов, или употреблений. Но мы в оправдание себя должны заметить, что мы не одни ошиблись. Тот человек, который лучше всѣх в Европѣ должен был бы понимать императора Наполеона, тот человек, который лучше всѣх знает итальянскій воири, тот человек, которого Италия прославляла, как лучшаго своего государственнаго дѣателя, как лучшаго своего защитника,—графъ Кавуръ,—подобно намъ,

¹⁾ Авторъ знаменитыхъ изслѣдованій о законахъ мышления.

²⁾ То есть Брайта и манчестерской школы. Читатель припомнитъ, что когда мы в прежнее прииѣчание о ихъ доврѣн к намерениямъ Наполеона: он только требовали, чтобы Англия не помогала Австрии.

ошибался. Свободная Италия, о которой думалъ онъ, была ни мало не похожа на ту свободную Италію, которую изобрѣлъ императоръ французскій съ императоромъ австрійскимъ. — и съ гибелью онъ удался съ высокаго поста, который столь долго занималъ, не находя въ себѣ силъ выдерживать укоры и тѣхъ, надежды которыхъ возбудилъ и негодованія которыхъ такъ справедливо долженъ опасаться».

Если съ такою силою охватило негодованіе англичанъ, людей называемыхъ холодными и во всякомъ случаѣ бывшихъ посторонними этому дѣлу, то легко представить себѣ, какъ закипѣли злобою французы, именемъ и оружіемъ которыхъ такъ жестоко воспользовались для подобнаго мира. Взрывъ чувства былъ такъ силенъ, что даже между газетами нашлись нѣкоторыя, отважившіяся, подъ прикрытіемъ общаго говора, выразить свое мнѣніе нѣсколько внятнымъ голосомъ. Особенно ѣдкую форму придать своему протесту *Siècle*, газета умѣренныхъ республиканцевъ, служившая органомъ тѣмъ близорукимъ надеждамъ, которыя были, столь внезапно для логиковъ-нѣмцевъ, разрушены условіями мира. Въ тотъ день, когда пришла въ Парижъ телеграфическая депеша о мирѣ, *Siècle* помѣстилъ горячую статью, которая перечисляла, какъ неправдоподобны слухи, всѣ дѣйствительныя условія мира, и послѣ каждаго изъ нихъ прибавляла: „нѣтъ, такого условія не будетъ, потому что оно было бы безстыдно, безславно, безчестно“. — За тѣмъ слѣдовало пробыть, а за пробѣломъ короткія и холодныя слова: „предъидущая статья была уже написана, когда телеграфическая депеша извѣстила насъ объ условіяхъ мира; вотъ она“ — и читатель видѣлъ, что миръ имѣетъ всѣ тѣ условія, которыя за нѣсколько строкъ предъ тѣмъ были объявлены невозможными по безпримѣрной безчестности. Даже изъ полуофициальныхъ газетъ, состоящихъ на подкупѣ у правительства, не всѣ отважились на первый разъ вымолвить обязанное свое слово въ похвалу мирному договору.

Въ парижскомъ населеніи условія мира вызвали сцены, напоминавшія о временахъ давно запрещенныхъ. По улицамъ стояли толпы народа, громко выражая свое негодованіе. Въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ блузники подняли страшный шумъ, такъ что потребовалось вмѣшательство полиціи. Объявленія, содержавшія телеграфическую депешу объ условіяхъ трактата, были срываемы со стѣнъ, сожигаемы на позорныхъ кострахъ. И не одно парижское населеніе, не одни безоружные, охраняемые артиллеріею фортвъ и казармъ блузники были раздражены: это гораздо хуже, это чувство волновало и армію, подвиги которой послужили къ тому, чтобы подвергнуть Италію такой судьбѣ. Солдаты ходили съ ругательствами по лагерю, офицеры ломали шпаги, говоря, что онѣ обезчещены...

Иной либераль, привыкшій принимать свои желанія за факты, и два мѣсяца тому назадъ предвидѣвшій неизбѣжность освобожденія Италіи Наполеономъ III, теперь, пожалуй, вообразить, что это неудовольствіе опасно для власти Наполеона III и, назвавъ его предателемъ, прибавить съ сладкою увѣренностію, что близко наказаніе ему за предательство. Мы никакъ не можемъ назвать основательнымъ и этого предсказанія. Мало ли чѣмъ, мало ли сколько разъ бываютъ недовольны!... Противъ Наполеона III сильное неудовольствіе существуетъ уже много лѣтъ, а онъ все-таки продолжаетъ держаться на своемъ мѣстѣ и если можно сказать, что съ каждымъ годомъ не-

удовольствіе растетъ, то нельзя еще сказать навѣрное, чтобы невозможно было ему длиться и расти еще довольно долго, не производя никакого внѣшняго результата; и если развязка итальянской войны Виллафранкскимъ миромъ придала новую значительную дозу гнѣва къ прежнимъ причинамъ неудовольствія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы нельзя было Наполеону III прискаты и новыхъ клапановъ для выпуска паровъ, грозящихъ его системѣ. Уже говорить, что онъ готовится къ войнѣ на Рейнѣ— едва ли это достаточно, по крайней мѣрѣ относительно настоящей минуты; но то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ не замедлитъ прискаты новыя дипломатическія развогласія и потомъ вывести изъ нихъ новыя какія нибудь всеяныя столкновенія, для того, чтобы снова отвлечь вниманіе французовъ отъ вопросовъ о внутреннихъ правительственныхъ формахъ.

Точно тоже надобно сказать и о надеждахъ на исправленіе условій Виллафранкскаго мира силою негодованія самихъ итальянцевъ. Само собою разумѣется, что въ Италіи неудовольствіе еще во сто разъ жарче, нежели во Франціи, — во что жъ изъ того? Читатель уже могъ убѣдиться фактами, какіе забавнымъ самообольщеніемъ были слухи, разнесшіеся въ первые дни по заключеніи мира, будто бы Гарибальди не хочетъ слагать оружія, будто бы король сардинскій хочетъ не покоряться трактату, столь убійственному для него по содержанію, столь оскорбительному по презрѣнію къ Сардиніи, которое ознаменовало форму его заключенія. Надѣмся, читатель понимаетъ, что не меньше, нежели въ этихъ слухахъ, находится забавнаго, ребяческаго простодушія и въ надеждѣ на силу тѣхъ фактовъ неудовольствія и волненія, которые совершились въ разныхъ итальянскихъ городахъ при полученіи извѣстій о заключеніи мира. Безъ всякаго сомнѣнія, король сардинскій глубоко оскорбленъ. Не спрося его, заключили миръ, какъ будто онъ былъ лишенъ всякой самостоятельности. Въмѣсто всей Ломбардіи, Венеціи, Тосканы, Пармы и Модены, которыя были у него уже, можно сказать, въ рукахъ, ему позволили пріобрѣсти только часть Ломбардіи, да и ту дали ему такимъ унижительнымъ образомъ, что, кажется, лучше онъ согласился бы вовсе не брать этого милоствиваго подарка отъ великодушнаго союзника, если бы только могъ отважиться на отказъ. Но что жъ изъ того? Именно въ томъ и дѣло, что король сардинскій, 100.000 солдатъ котораго раздроблены между 300.000 солдатъ императора французовъ, не смѣетъ и подумать о непослушаніи великодушному и, что гораздо важнѣе, слююкомъ могущественному союзнику. Гарибальди, конечно, раздраженъ еще гораздо глубже, нежели король сардинскій. Но у Гарибальди только 10.000 солдатъ, и хотя каждый изъ нихъ стоитъ пятерыхъ, все-таки сопротивленіе было бы гибельнымъ сумасбродствомъ. А если Гарибальди и самъ король сардинскій не могутъ не повиноваться необходимости, выражаемой цифрою 300.000 французскихъ штыковъ, то смѣшно и говорить о той возможности поддержать свои желанія, противныя условіямъ мира, какую имѣютъ жители Тосканы, Модены и Легатствъ. Они могутъ кипѣть какимъ угодно негодованіемъ, могутъ принимать какія имъ угодно рѣшенія,—на это имъ полная воля въ тѣ немногіе дни, какіе нужны для передвиженія французскихъ войскъ съ бывшаго театра войны къ ихъ областямъ. А когда войска подойдутъ, они должны будутъ, во-

лею или неволю, успокоиться. Никакой расчет не позволяет имъ и дѣлать попытку къ сопротивленію; а если благородный патріотизмъ заставитъ ихъ жертвовать жизнью въ безнадежномъ сопротивленіи для охраненія чести, это будетъ имѣть своимъ результатомъ только погибель отважныхъ защитниковъ, преданныхъ итальянской независимости. Мы надѣемся, что не найдется между нашими читателями такого неопытнаго въ житейскихъ дѣлахъ, который захотѣлъ бы повторять вопросъ разныхъ газетъ: „Но кто же будетъ усмирять итальянцевъ, если они въ Тосканѣ, въ Моденѣ, въ Легатствахъ скажутъ, что оружіемъ готовы защищать приобретенную независимость? Неужели дозволить австрійцамъ въ Италіи снова подавлять вооруженною рукою всѣ попытки къ реформѣ въ областяхъ, куда они не имѣютъ права входить? Неужели французы, черезъ два мѣсяца послѣ того, какъ называли себя защитниками итальянской свободы, рѣшатся штыками усмирять тѣхъ итальянцевъ, которые повѣрили имъ?“ — Какое наивное „неужели!“ — Безъ всякаго сомнѣнія, если французы найдутъ нужнымъ, они не только дозволить, но и прямо поручатъ австрійцамъ усмирять Легатства и другія папскія области. Безъ всякаго сомнѣнія, они сами усмирять штыками тосканцевъ и моденцевъ, если эти несчастные вздумаютъ дѣйствительно противиться возстановленію того порядка дѣлъ, какой былъ у нихъ до начала войны. А можетъ быть, — это еще лучше, — французы прикажутъ сардинцамъ исполнить за нихъ эту обязанность, и если вздумаютъ приказывать, вы увидите, что сардинцы должны будутъ исполнить приказаніе.

Такимъ образомъ негодованіе, овладѣвшее всѣми итальянцами, и приготовленія ихъ противиться исполненію условій Виллафранкскаго мира въ тѣхъ странахъ, которыя должны утратить свободу, приобретенную въ то время, пока освободители Италіи, французы, были заняты войною въ долині По, — эти приготовленія могутъ имѣть только одно значеніе, — значеніе свидѣательства, что патріотизмъ и благородство обязываетъ иногда людей жертвовать своею жизнью для спасенія, если не свободы, то по крайней мѣрѣ для спасенія чести и славы своего мужества. Съ грустнымъ чувствомъ, какъ смотрѣли мы на подвиги волонтеровъ Гарибальди, смотримъ мы теперь на приготовленія жителей Тосканы, Модены и Легатствъ противиться исполненію судьбы, предназначенной для нихъ Виллафранкскимъ трактатомъ. Мы изложимъ здѣсь то, что извѣстно до сихъ поръ о благородныхъ и единодушныхъ усиліяхъ итальянскихъ патріотовъ отстаить свою независимость, — усиліяхъ, которымъ, безъ сомнѣнія, не суждено увѣнчаться успѣхомъ.

Тоскана, Модена и Парма, услышавъ о томъ, что рѣшено относительно ихъ судьбы въ Виллафранкѣ, встрепетулись: исчезли всѣ мелкія несогласія въ ихъ населеніи, исчезли всѣ слишкомъ справедливыя ихъ неудовольствія противъ легковѣрной и слабой политики сардинскаго министерства, давашаго связать себя необдуманнымъ союзомъ; какъ одинъ человекъ, жители Тосканы и Модены рѣшили принять всѣ, какія только могутъ, мѣры для того, чтобы отстаить хотя первый шагъ къ созданію итальянскаго единства, отстаить хотя свое соединеніе съ Сардинією, которая выдавала ихъ въ то время, пока можно было еще сдѣлать что нибудь съ успѣхомъ. Тосканцы послали приказаніе своимъ войскамъ, уведеннымъ французами въ Сѣверную Италію, —

какъ можно скорѣе возвратиться для защиты родины отъ французовъ и возстановляемаго ими великаго герцога; они объявили, что они присоединяются къ Сардиніи; они назначили какъ можно скорѣе произвести выборы конституціоннаго тосканскаго собранія, которое облекло бы эту волю тосканскаго народа въ правильную форму.

Тосканскій „Мониторъ“, призывая тосканцевъ къ выборамъ, говорилъ, между прочимъ: „ничего не можетъ быть важнѣе этихъ выборовъ для народа. Здѣсь дѣло идетъ о томъ, чтобы сказать Европѣ: мы не хотимъ, мы не можемъ болѣе хотѣть австрійской династіи; мы не хотимъ ея, потому что она противна итальянской національности, за которую мы бились при Сольферино; мы не можемъ хотѣть ея, потому что если бы она возвратилась, обогренная кровью Сольфериинской, то могла бы только составить вѣчное несчастіе наше и возмутить навсегда миръ всей Италіи. Итакъ вы видите, какое важное значеніе имѣетъ голосъ, который вы теперь должны подать! Кто поступитъ при этомъ легкомысленно, тотъ — или глупецъ, или предатель“.

Въ тоже время обнародована была прокламація къ войскамъ тосканскимъ, которымъ поручалась теперь „защита священнѣйшаго права Тосканы, — права свободно выразить свои желанія относительно національной независимости и конституціоннаго устройства“. Тосканцы объявили, что будутъ защищать это право, во что бы то ни стало. Въ сильной статьѣ, помѣщенной въ Тосканскомъ Мониторѣ противъ великаго герцога Леопольда, говорилось между прочимъ: „да, Тоскана вооружается и она должна вооружиться, потому что ей предстоитъ прогнать злѣйшаго врага своего, побѣжденнаго при Сольферино, если бы онъ захотѣлъ снова взойти на тосканскій престолъ. Но *вооруженіе* еще не значить *возмущеніе*, какъ хотятъ представить тайные агенты низверженной династіи: безъ всякаго возстанія, Тоскана имѣетъ уже противъ этого врага вооруженныхъ солдатъ; у ней есть войско; скоро будетъ и національная гвардія. — Города должны вооружаться, и когда ударитъ тревога, жители деревень также должны будутъ вооружаться всѣмъ, что только найдется подъ рукою во всемъ населеніи, которое съ презрѣніемъ отвергаетъ побѣдаго при Сольферино. Пусть знаетъ Европа, что образованный народъ, каковъ народъ тосканскій, не можетъ потерпѣть безчестія имѣть своимъ монархомъ того, кто, не далѣе какъ вчера, сражался въ лагерѣ австрійскаго императора, противъ итальянскихъ войскъ“.

Вслѣдствіе такихъ энергическихъ рѣшеній, муниципальный совѣтъ Флоренці выразилъ формальнымъ образомъ слѣдующее желаніе націи:

«Муниципалитетъ выражаетъ желаніе, чтобы Тоскана могла составить часть большого итальянскаго государства подъ властью короля Виктора-Эмануэла II, сохранивши административныя различія, которыя наиболѣе согласны съ интересами этой страны».

«Въ случаѣ же, если высшія политическія соображенія воспрепятствуютъ исполненію этого желанія, муниципалитетъ, настаивая на непремѣнномъ исключеніи династіи лотарингской, равно какъ и бурбонской, выражаетъ желаніе призвать къ управленію страной принца изъ савойскаго дома».

Это рѣшеніе положено повергнуть на усмотрѣніе короля сардинскаго и императора французскаго, на согласіе котораго тосканцы еще надѣялись. Тѣмъ не менѣе они продолжали свое дѣло: сокративши всѣ, установленныя закономъ сроки, они назначили соѣщанія народнаго собранія, а между тѣмъ собирали мнѣнія городскихъ общинъ. 24-го іюля, изъ 141 города, въ числѣ которыхъ находятся Флоренція, Ливорно и другіе большіе города Тосканы, получено выраженіе желанія присоединиться къ Сардиніи, большинствомъ 809 голосовъ противъ 15. Рѣшенія эти, тотчасъ же представленныя черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, г. Риказоли, сардинскому чрезвычайному комиссару въ Тосканѣ, выражали интересы и желанія 1.135.863 жителей. „Нѣкоторые города, прибавлено въ тосканскомъ журналѣ, помѣстившемъ это извѣстіе, — ожидаютъ еще составленія особеннаго собранія для произнесенія своего рѣшенія; но можно предсказать, что они утвердятъ рѣшеніе остальныхъ, и что желанія Тосканы выразятся единодушно. И вѣтъ сомнѣнія, что желанія страны, такимъ образомъ выраженныя и утвержденныя національнымъ собраніемъ, будутъ приняты во вниманіе державами, которыя должны опредѣлить новое устройство Италіи“.

Эти надежды на то, что голосъ націи будетъ уваженъ, продолжались довольно долго, и у нѣкоторыхъ продолжаются до сихъ поръ. Сначала онѣ были съ особенною силою поддержаны извѣстіемъ, что императоръ Наполеонъ обѣщалъ положительнымъ образомъ, — что не употребитъ военнаго насилія для возстановленія низверженныхъ государей Италіи. Но потомъ стали ходить другіе слухи, которые однако же не смущали тосканцевъ, объявившихъ, что они „не побоятся никакого рода вмѣшательства и не отстанутъ отъ своего рѣшенія“. Назначены были общіе выборы народнаго собранія 7-го августа (26-го іюля), долженствовавшіе окончательно утвердить рѣшеніе городскихъ общинъ. Между тѣмъ, за недѣлю до начала этихъ выборовъ, разнесся слухъ, пскорѣ оказавшійся справедливымъ, — что Леопольдъ II отказался отъ престола въ пользу своего сына. Извѣстіе это принято было многими очень благопріятно, какъ облегчавшее развязку итальянскаго вопроса. Надѣялись, что тосканцы, имѣвшіе достаточныя причины лично ненавидѣть стараго герцога не будутъ столь несговорчивы въ отношеніи къ его сыну. Предположеніе это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что молодой герцогъ, какъ слышно было, намѣревался войти въ свои владѣнія не иначе, какъ предшествуемый конституціею, весьма либеральною. Но тосканцы не поддались и на это: отреченіе Леопольда ни въ чемъ не измѣнило ихъ рѣшенія относительно лотарингской династіи. Во время выборовъ, стѣны домовъ во Флоренціи покрыты были объявленіями съ надписью: „да здравствуетъ Викторъ-Эммануилъ, нашъ король“. Энтузіазмъ къ народному дѣлу не уменьшался, несмотря на то, что Сардинія вела себя въ этомъ дѣлѣ слишкомъ осторожно и даже робко. Предъ началомъ выборовъ, сардинскій чрезвычайный комиссаръ Бонкомпани былъ отозванъ изъ Флоренціи, чтобы не подать повода къ подозрѣнію въ тайномъ вліяніи Сардиніи на рѣшеніе тосканской націи. Временное правительство осталось въ рукахъ министра внутреннихъ дѣлъ Риказоли. По послѣднимъ извѣстіямъ, національное собраніе уже открыто, въ присутствіи уполномоченныхъ отъ Англіи, Франціи, Россіи и Пруссіи; президентомъ собранія избранъ

Тито Коппи. Это избраніе считаютъ доказательствомъ умѣренности собранія, потому что Коппи не принималъ никакого участія въ послѣднихъ политическихъ событіяхъ. Несмотря на эту умѣренность, первымъ дѣломъ собранія, по предложенію депутата Джинори, было—провозгласить, что Лотарингская династія отнынѣ невозможна въ Тосканѣ. Предложеніе это было принято единодушно, всѣми 168 голосами собранія, при громкихъ рукоплесканіяхъ публики. Вторымъ предложеніемъ, принятымъ въ собраніи, было: „тосканская нація твердо рѣшилась—составить часть одного сильнаго итальянскаго государства, подъ конституціоннымъ направленіемъ короля Виктора Эммануила“.

Но къ чему можетъ повести все это единодушіе, вся эта рѣшимость, кромѣ доставленія новыхъ жертвъ дѣлу итальянскаго единства, и такъ уже имѣвшему столько жертвъ?

Не въ видахъ французской политики—допустить образованіе итальянскаго государства, на широкихъ основаніяхъ національной свободы. Теперь уже нѣтъ нужды дѣлать предположенія о видахъ французскаго императора: посольство графа Резе достаточно объяснило ихъ. Изъ дѣйствій этого посланника видно, что если не возвращеніе прежняго герцога, то по крайней мѣрѣ всевозможное противодѣйствіе дѣлу итальянской независимости рѣшено непоколебимо въ умѣ Луи-Наполеона. Г. Резе началъ съ того, что увѣрялъ всѣ итальянскіе города, низвергнушіе своихъ владѣтелей, въ истинномъ расположеніи императора и въ его дружеской заботливости о судьбѣ народа. Между тѣмъ въ то же время во французскомъ Мониторѣ появилась статья, въ которой и Леопольду и Фердинанду придавался титулъ великаго герцога тосканскаго. Это принято было за нѣчто въ родѣ *avisement*, адресованнаго къ тосканцамъ. Вслѣдъ затѣмъ сдѣлались извѣстны требованія, предложенныя г. Резе королю сардинскому. Онъ требовалъ: 1) чтобы сардинскій комиссаръ былъ отозванъ изъ Пармы, такъ какъ отозваны уже комиссары изъ Флоренціи, Модены и Болоньи; 2) чтобы затѣмъ Сардинія не имѣла никакого, ни прямого, ни косвеннаго вліянія на населеніе этихъ областей и предоставила имъ самимъ выразить ихъ желанія; 3) чтобы сардинское правительство оказало свое содѣйствіе къ возстановленію изгнанныхъ принцевъ. — Надобно замѣтить, что не задолго передъ тѣмъ почти не сомнѣвались относительно оставленія Пармы за Пиемонтъ. Сардинское правительство полагало, что такъ какъ Парма не была включена въ условія Виллафранкскаго договора, то о возстановленіи герцогини не должно быть и рѣчи. Но вышло не то: умолчаніе Виллафранкскаго трактата ни мало не стѣснило императора французовъ, когда дѣло пошло о торжествѣ порядка надъ произволомъ народнымъ. Сардинія должна была согласиться, и графу Пальери, сардинскому чрезвычайному комиссару въ Пармѣ, немедленно посланъ былъ приказъ возвратиться въ Туринъ. Пармскіе жители были очень огорчены этимъ и рѣшились представить императору свои желанія относительно присоединенія къ Сардиніи: пармскій подеста Ливати отправился въ Парижъ, чтобы поднести императору постановленія пармскихъ общинъ, требующихъ присоединенія къ Сардиніи.

Второе требованіе Резе было также принято Сардиніею безпрекословно. Да впрочемъ оно отзывается даже отчасти придиркою: Сардинія еще ранѣе

этого, сама по себѣ (по крайней мѣрѣ такъ увѣряли официально...) отказалась отъ всякаго вліянія на выборы; а теперь этого отказа требуетъ отъ нея французскій посланникъ!

Но третье предложеніе встрѣило пока сильное сопротивленіе въ Сардиніи. Говорятъ, что Викторъ-Эммануилъ остался непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи — не мѣшать дѣлу итальянской независимости, и отвѣчалъ графу Резе, съ нѣкоторымъ одушевленіемъ: „я могу не противиться тѣмъ распоряженіямъ, которыя вамъ поручено произвести въ итальянскихъ государствахъ, уже признавшихъ мою власть; я могу оставить собственнымъ силамъ народы, которымъ обѣщался покровительствовать; но никогда въ жизни я не протяну руки для того, чтобы помочь войти въ Италію врагамъ народа“. Если эти слова дѣйствительно были сказаны, они очень хорошо изображаютъ положеніе сардинскаго правительства въ виду требованій своего союзника и благодѣтеля.

Впрочемъ, если Сардинія и не согласится участвовать въ возстановленіи изгнанныхъ герцоговъ, положеніе дѣла мало отъ того измѣнится. Луи-Наполеонъ рѣшилъ, что итальянскому независимому государству не бывать, и онъ найдетъ средства достигнуть своей цѣли. Французскіе солдаты, бывшіе въ Италиі, не всѣ еще возвратились... Вблизи Ливорно давно уже явилась французская эскадра, которая въ случаѣ надобности можетъ бомбардировать этотъ городъ, служащій Тосканѣ однимъ изъ главныхъ центровъ энтузіазма къ дѣлу итальянскаго единства. Рѣшеніе оставить въ Италиі 50-тысячную армію уже обнародовано въ Монитерѣ. А въ одно время съ извѣстіемъ объ открытіи національнаго собранія въ Тосканѣ, сдѣлалось извѣстнымъ распоряженіе императора объ остановкѣ возвращенія французскихъ войскъ изъ Италиі.

Какъ бы въ видѣ поясненія этихъ мѣръ, графъ Резе положительно объявилъ Тосканѣ, что о присоединеніи ея къ Сардиніи не можетъ быть и рѣчи. Но въ видѣ милости, онъ прибавилъ, что всякое другое желаніе націи, выраженное въ національномъ собраніи, можетъ быть принято во вниманіе при рѣшеніи судьбы Италиі.

Что тутъ дѣлать тосканцамъ? Говорятъ, что они склоняются къ мысли предложить власть принцу Наполеону. Въ этомъ избраніи находятъ средство примирить враждебные интересы французско-сардинскіе, такъ какъ принцъ Наполеонъ, будучи кузеномъ императора, въ то же время, по женѣ своей, близокъ и къ сардинской династіи. Притомъ же, говорятъ въ утѣшеніе себѣ нѣкоторые тосканцы, фамилія Бонапартовъ имѣетъ нѣкоторое притязаніе на флорентинское происхожденіе!...

Вслѣдствіе ли такихъ соображеній, или скорѣе отъ очевидной безысходности своего положенія, тосканцы начали писать на стѣнахъ домовъ во Флоренціи: „viva Napoleone-Jerolamo, re d' Etruria“ (да здравствуетъ Геронимъ-Наполеонъ, царь Этруріи). Нѣкоторыя газеты увѣряютъ, что императоръ Наполеонъ и самъ принцъ не согласятся на такое избраніе, какъ весьма деликатные и совѣтливые люди. Но съ другой стороны нельзя не вспомнить, что еще до окончанія войны говорили о замыслѣ французскаго правительства — устроить для принца Наполеона какой нибудь престолъ въ Италиі... Во вся-

комъ случаѣ любопытно и то, что народный энтузіазмъ принужденъ уже склоняться къ результатамъ, столь пріятнымъ для Франціи...

Послѣ Тосканы, едва ли нужно много распространяться о положеніи Модены, Пармы и Болоньи. Энтузіазмъ и тамъ проявился не менѣе сильно и рѣшительно, чѣмъ въ Тосканѣ. Тотчасъ по полученіи извѣстія о мирѣ, въ Пармѣ сдѣлана была общая демонстрація въ пользу присоединенія къ Пиемонту; демонстрація эта принята была очень благосклонно пиемонтскимъ губернаторомъ въ Пармѣ, объявившимъ, что король будетъ ею очень доволенъ, и что относительно присоединенія Пармы къ Сардиніи не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но прошло двѣ недѣли, и Парма оставлена Сардинією; выѣздъ сардинскаго комиссара произвелъ весьма непріятное впечатлѣніе въ Пармѣ; впрочемъ она не отказалась отъ своихъ требованій и отправила адресъ за подписью, говорятъ, 20,000 человекъ, для заявленія своихъ желаній...

Въ Моденѣ немедленно послѣ того, какъ узнали о мирѣ, рѣшено было составить корпусъ національной гвардіи для защиты страны. Кромѣ того, объявлено было о формированіи корпуса волонтеровъ, которое тотчасъ же и началось съ большимъ усиліемъ. Въ то же время произведена была народная демонстрація въ пользу Виктора-Эммануила и противъ возстановленія Франциска V. Составилось множество адресовъ, подписанныхъ тысячами лицъ разныхъ сословій, и вмѣстѣ съ тѣмъ издана прокламація, приглашавшая гражданъ оставаться спокойными и доказать Европѣ, что ихъ рѣшеніе серьезно и благоразумно, и вовсе не походитъ на какое нибудь безпорядочное движеніе. И дѣйствительно, энтузіазмъ моденцевъ былъ твердъ и спокоенъ; вотъ что, напримѣръ, писалъ о немъ одинъ изъ итальянскихъ корреспондентовъ „L'indpendance Belge“ Болоньѣ, пріѣхавшій въ Модену на одинъ день.

«Болонья, 22 іюля.

«Я хотѣлъ воспользоваться открытіемъ желѣзной дороги, которая теперь соединяетъ насъ съ Моденой, чтобы побывать въ этомъ городѣ. Я провелъ тамъ вчерашній вечеръ и ночь. Только-что возвратившись въ Болонью, я берусь за перо, чтобы разсказать вамъ впечатлѣнія моего путешествія.

«Какой энтузіазмъ, какая манифестация, какой духъ народности, какое единодушіе въ чувствованіяхъ, и въ особенности какое непоколебимое рѣшеніе—скорѣе умереть, нежели допустить возвращеніе герцога! Сколько разъ я ни заговаривалъ, въ различныхъ мѣстахъ, о возвращеніи Франциска V, я постоянно слышалъ въ отвѣтъ: *piuttosto morire* (лучше умереть!), и въ тонѣ этихъ словъ слышалось столько истины...

«Говоря безъ всякихъ прикрасъ, я долженъ вамъ сказать, что, проведши нѣсколько часовъ въ Моденѣ, я убѣдился въ нравственной невозможности возвращенія герцога,—развѣ только онъ будетъ возстановленъ сильною армією (если подобный образъ дѣйствій требуется вѣдани европейскихъ державъ). Но упроченіе его на тронѣ невозможно, какъ только эта армія выйдетъ изъ Італіи.

«Кредитомъ всѣхъ разговоровъ въ кафе, на гуляньяхъ, въ театрахъ, въ частныхъ собраніяхъ служить здѣсь уже не возвращеніе герцога:—здѣсь всѣ мужичкомъ, и дѣти давно рѣшили, что всѣ пойдутъ на смерть, чтобы только воспрепятствовать этому;—предметъ общихъ разговоровъ составляетъ присоединеніе къ Сардиніи, котораго желаетъ единодушно вся нація. Если это соединеніе не состоится, чѣмъ считатьъ возможнымъ одну только ифру—повальное переселеніе въ Сардинію.

«Но оставляя въ сторонѣ выраженія воли народной, протестація и адресы,

безпрерывно возобновляемые, а скажу вамъ объ одномъ дѣлѣ, подхитомъ временнымъ правительствомъ. Дѣло идетъ объ открытіи нѣкотораго рода процесса съ Францискомъ V. Особая коммиссія будетъ варажена для разысканія въ архивахъ доказательствъ злоупотребленія власти, совершенныхъ Францисками IV и V, послѣднимъ припаши изъ дома Эстовъ. Эти слѣдственные разысканія будутъ служить основаніемъ для обвинительнаго акта герцога предъ европейскими державами».

Герцогъ однако же не потерялъ присутствія духа. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, онъ намѣренъ возвратиться въ Модену силою. У него въ распоряженіи находилось, по извѣстію въ „Patrie“, до 5,000 человекъ. По другому извѣстію, герцогъ моденскій, не имѣющій недостатка въ деньгахъ, навербовалъ себѣ до 7,000 наемниковъ, которыхъ называетъ „арміей Эстовъ“. Въ Моденѣ считается хорошо вооруженныхъ людей до 10,000, а они твердо рѣшились сопротивляться до послѣдней крайности.

27-го (15 іюля) Фарини, бывшій чрезвычайнымъ комиссаромъ сардинскимъ въ Моденѣ, сложилъ съ себя это званіе, и вслѣдъ затѣмъ избранъ былъ диктаторомъ. Принявши это избраніе, Фарини немедленно объявилъ, что онъ намѣренъ приступить къ непосредственному созванію народныхъ коммисій для разсужденій объ установленіи правительства, а между тѣмъ обѣщаль заботиться объ усиленіи вооруженій и вообще военныхъ силъ страны.

Вскорѣ потомъ обнародованы и правила выборовъ: избирателями признанъ всѣ граждане, достигшіе 21 года и умѣющіе читать и вносить; число депутатовъ—73.

16-го августа и въ Моденѣ открылись засѣданія національнаго собранія, и Фарини сложилъ съ себя диктатуру.—Тоже самое и въ Легатствахъ. Они рѣшили, какъ можно поспѣшнѣе формировать свою армію, которая могла бы защитить ихъ отъ возстановленія папскаго владычества французскими или швейцарскими штыками.—Быть можетъ, они и устояли бы противъ однихъ швейцарцевъ, но швейцарцамъ въ случаѣ надобности помогутъ французы или пошлютъ помогать австрійцевъ.

Вообще папскимъ владѣніямъ угрожаетъ еще большая опасность со стороны всѣхъ друзей *порядка*, нежели остальнымъ герцогствамъ. Вопросъ жизни и смерти для Легатствъ—избавленіе отъ власти папы, а не присоединеніе къ Сардиніи; такъ ли, иначе ли ихъ бы устроили,—лишь бы отдѣлились отъ папы—они были бы довольны. Но именно этого-то и не хочетъ освободитель Италіи, держащій судьбы ея въ своихъ рукахъ... Онъ такъ почитаетъ Пія IX, такъ давно защищаетъ его отъ самовольства его подданныхъ, такъ недавно создалъ для него новую политическую роль—предсѣдателя итальянскаго союза!... Потерпѣть ли онъ отложеніе нѣкоторыхъ областей отъ намѣстника св. Петра, допустить ли онъ такіе безпорядки!... И дѣйствительно, на всякое обнаруженіе народной воли въ Легатствахъ смотрятъ, какъ на *безпорядки*. А между тѣмъ неудовольствіе здѣсь сильно и нерѣдко выражается такими манифестациями, которыя папское правительство и французскіе агенты рѣшительно называютъ мятежными. Вообще, ничего нѣтъ легче и удобнѣе теперь, какъ исказить характеръ народнаго движенія, передавая извѣстія о событіяхъ въ Италіи. Недавно распространился же слухъ, что въ Пармѣ провозглашена красная республика, подъ влияніемъ макинистовъ,

и подеста Линати. долженъ былъ особымъ объясненіемъ разувѣрять Европу въ этихъ слухахъ. Въ нѣкоторыхъ газетахъ напечатано даже было, что есть агенты, нарочно подстрекавшіе итальянцевъ, въ различныхъ мѣстностяхъ, къ буйствамъ, для того, чтобы потомъ Франція или Австрія имѣли предлогъ употребить противъ нихъ вооруженную силу. Нельзя опредѣлить, въ какой степени достовѣрны эти извѣстія; но что они не лишены основанія, это доказывается той настойчивостью, съ которою временныя правительства въ Италіи убѣждаютъ гражданъ вести себя спокойно и серьезно... Въ нѣкоторыхъ изъ итальянскихъ прокламаций попадаетъ выраженіе: „чтобы не подать Европѣ повода къ недоувѣрію.“ Само собою разувѣдается, что подъ Европою тутъ нужно понимать собственно Францію...

Неудовольствіе обнаружилось въ вѣнскихъ областяхъ, какъ и во всей Италіи, непосредственно послѣ заключенія мира. Но здѣсь оно было сильнѣе потому что имѣло еще нѣкоторыя особенныя причины. Одна изъ нихъ состояла въ томъ, что амнистія, названную въ условіяхъ мира *всеобщею*, папа объявилъ подлежащею многимъ ограниченіямъ и измѣненіямъ. Это произвело въ Римѣ такое волненіе, что генералъ Гойонъ испугался и счелъ нужнымъ принять нѣкоторыя мѣры на случай возстанія. При этомъ произошли, разувѣдается, арестація, продолжавшіяся и потомъ нѣсколько времени. Между прочимъ взяты подъ стражу въ Римѣ два капуцинскіе монаха, давно уже производившіе сношенія съ главами революціонной партіи; у нихъ найдено письмо Маццини... Подобнаго рода тайное движеніе замѣчено было въ Анконѣ; вслѣдствіе чего съ начала іюня тамъ и водворены папскія войска разныхъ корпусовъ, занимающіяся непрерывными арестаціями. Дошло до того, что запретили ходить по улицамъ двумъ человѣкамъ рядомъ, и хна-тали всякаго, кто поздно возвращался домой.

Относительно же Романьи, отложившейся отъ папы во время войны, подъ покровительствомъ сардинцевъ, прежде всего произошло любопытное объясненіе папскаго правительства съ императорскимъ. Папа жаловался, что сардинскія войска вошли въ его владѣнія, что Викторъ Эммануилъ послалъ своего комиссара Массимо-д'Азеліо—въ Болонью, что берсальеры и часть бригады Нави рѣшились даже оказать сопротивленіе папскимъ войскамъ, высланнымъ для надлежащаго наказанія мятежниковъ. Въ отвѣтъ на эту жалобу, Луи-Наполеонъ поручилъ своему посланнику, г. Грамонну—оправдать предъ папою сардинскаго короля и объяснить, что принимая военную диктатуру, и посылая войска въ Церковную область, Викторъ Эммануилъ имѣлъ въ виду только направить силы Романьи противъ Австріи и „предупредить внутреннія столкновенія, которыя легко могли возникнуть, особенно послѣ происшествій въ Перуджѣ“... Папа долженъ былъ остаться доволенъ такимъ объясненіемъ, которымъ императоръ французовъ еще разъ доказалъ ту послѣдовательность своего образа дѣйствій, которую мы такъ подробно защищали.

Но и о Легатствахъ, относительно образа проявленія ихъ стремленій, надо сказать тоже, что о герцогствахъ: они постарались о всевозможной осторожности и скромности въ выраженіи своего энтузіазма къ дѣлу національной свободы. Болонья—центръ защитниковъ народнаго дѣла—показала въ этомъ случаѣ примѣръ благоразумія. Во все время, пока въ пей суще-

стствует временное правление, спокойствіе ни разу не было нарушено, хотя и представлялись къ тому нѣкоторые поводы. Ни заключеніе мира, ни сущность его условій, ни внезапное удаленіе д'Авеліо, отозваннаго въ Туринъ, — ничто не вывело болонцевъ изъ границъ, предписываемыхъ благоразуміемъ. Все было спокойно и шло путемъ законности. По отъѣздѣ Авеліо, власть осталась въ рукахъ полковника Филикова, который издалъ декретъ объ учрежденіи въ Легатствахъ государственнаго совѣта изъ 15 членовъ, подъ предсѣдательствомъ чрезвычайнаго комиссара сардинскаго. Вскорѣ потомъ Филиковъ передалъ правленіе этому совѣту, который избралъ главою временнаго правленія полковника Чиприани, и пригласилъ гражданъ составить національное собраніе, которое бы въ законной формѣ выразило желанія націи относительно постоянного правительства. Энергія и дѣятельность Чиприани оживили ходъ дѣлъ въ Болоньи: въ ожиданіи національнаго собранія, послѣдовали одинъ за другимъ адреса противъ папскаго правительства, организовались военныя силы, устроился національный заемъ, на сумму трехъ милліоновъ франковъ.

Между тѣмъ какъ составлялись національныя собранія, — и военный энтузіазмъ съ одинаковою силою поддерживался въ Италіи. Въ концѣ іюля генералъ Меццокапо, съ частію тосканскихъ войскъ, перешелъ пограничную линію Легатствъ. Оставивши часть своихъ силъ Римини, онъ 1-го августа перешелъ въ Форли, каждый день увеличивая свои войска новыми волонтерами. По извѣстіямъ изъ Болоньи, въ теченіе одной недѣли, отъ 27 іюля до 4-го августа, армія его возрасла отъ 11,000 до 16,000. Часть войскъ Меццокапо должна была направиться къ Урбино, а другая къ Анконѣ, чтобы черезъ Абрुцскія горы перенести революцію въ Неаполь. По послѣднимъ извѣстіямъ, Гарибальди вышелъ изъ сардинской службы и принимаетъ начальство надъ войсками средней Италіи. Патріоты основываютъ на этомъ большія надежды. Но благоразумнѣйшіе изъ нихъ уже и теперь не скрываютъ, что дѣло ихъ независимости болѣе нежели сомнительно. Надежды на мирное разрѣшеніе дѣла почти исчезли. Неизвѣстно, на чемъ порѣшилъ императоръ французскій съ папою; но извѣстно, что папа, прежде принятія почетнаго нредсѣдательства въ итальянскомъ союзѣ, требовалъ возвращенія себѣ Легатствъ; извѣстно и то, что Наполеонъ еще прежде обѣщалъ папѣ неприкосновенность его владѣній...

Послѣдняя надежда для итальянскихъ патріотовъ осталась въ неспокойномъ единодушіи и вѣрности общему дѣлу, и послѣднія извѣстія все болѣе и болѣе подтверждаютъ слухи о сближеніи между собою всѣхъ возставшихъ областей. Первое извѣстіе о выраженіи сочувствія городовъ другъ другу было около 25 іюля, изъ Пармы. Вотъ что писалъ объ этомъ корреспондентъ „Independance Belge“:

Парма, 25 іюля.

«Нѣсколько дней тому назадъ, намъ объявляли, что многіе состояніе съ нами города, какъ-то Пиза, Модена, Реджіо, Болонья, — предполагали прислать къ намъ депутаціи, для засвидѣтельствованія намъ ихъ сочувствія. Нечего говорить, что мысль эта принята была здѣсь съ восторгомъ, и что мы считали истиннымъ правдивымъ

для себя это посещение, долженствовавшее соединить за одним столом членовъ единого семейства, такъ давно разрозненныхъ.

«Вчера, въ воскресенье, съ самаго утра весь городъ былъ на ногахъ, готовясь достойно встрѣтить своихъ гостей. Случилось, можетъ быть не безъ умысла, что всѣ они явились въ одно время, съ разныхъ концовъ, и вступили въ городъ, въ числѣ 1,200 человекъ. Тотчасъ начались объѣты, съ повторенными криками: «Viva l'Italia!»

«Я не въ состояніи описать того глубокаго впечатлѣнія, какое произведено было въ сердцахъ всѣхъ этимъ первымъ національнымъ торжествомъ.

«Члены городского совѣта, дворянство, высшіе чиновники и самъ губернаторъ парижскій, графъ Пальери—всѣ сошлись на площади Общины, и здѣсь опять начались объѣты, при восторженныхъ кликахъ: «да здравствуетъ Италия! Да здравствуетъ Викторъ-Эммануилъ! Сардинская армія! Франція! Сольферино!»

«Каждый парижскій житель овладѣлъ тогда однимъ изъ гостей, чтобы угостить его. Весь городъ превратился какъ будто бы въ одинъ большой домъ: двери каждаго дома, равно какъ и всѣ общественныя и частныя заведенія, были открыты для всякаго.

«Публичный садъ назначенъ былъ мѣстомъ для обѣда. Но число нашихъ гостей не позволяло усадить ихъ за одинъ столъ, какъ думали сначала; должны были удовольствоваться устройствомъ двадцати столовъ, на 100 человекъ каждый. Но я этого не хватало, потому что явились еще новые гости, въ числѣ которыхъ находились солдаты тосканскіе, сардинскіе и французскіе; ихъ присутствіе придавало еще болѣе торжественности и трогательности этому празднику. Въ числѣ этихъ солдатъ оказалась много равенныхъ, и они сдѣлались особеннымъ предметомъ самыхъ предупредительныхъ попеченій со стороны прекраснаго пола. Я видѣлъ, что дамы, принадлежащія въ высшей парижской аристократіи, разговаривали съ неизвестными солдатами такъ дружелюбно, какъ будто это были ихъ братья или сыновья.

«Множество знаменъ итальянскихъ и французскихъ украшало городъ; патристическіе тосты раздавались непрерывно; послѣ обѣда, продолжавшагося пять часовъ, былъ устроенъ импровизированный балъ; городъ былъ блистательно иллюминированъ... Гости отправились отъ насъ только на другой день, утромъ.

«За обѣдомъ читана была энергическая протестація Пичченцы противъ герцогскаго правительства. Тутъ же предложены были листы, и можно сказать наѣрное, что на нихъ подписались всѣ граждане Пармы, громко протестовавшіе противъ возвращенія герцогини и ея сына».

Таково было одно изъ публичныхъ проявленій взаимнаго сочувствія итальянскихъ городовъ. Вскорѣ обнаружались отношенія болѣе серьезныя. Отъ 31-го іюля изъ Флоренціи сообщали о предполагаемомъ союзѣ между Тосканой и Моденою, съ цѣлію общими силами отстаивать независимость страны противъ прежнихъ владѣтелей, ежели они рѣшатся вступить въ страну съ вооруженной силой. Къ этому союзу приглашалась и Болонья; но ея рѣшеніе сдѣлалось извѣстно только позже. По этому поводу корреспондентъ „Indépendance Belge“ сообщаетъ слѣдующіе факты.

Болонья, 8-го августа.

Въ нашей флорентинской корреспонденціи упомянуто было недавно о прозктѣennaго союза между Тосканой, Моденою и Лематствами. Это извѣстіе совершенно лрно; основанія этого провкта были предметомъ долгихъ разсужденій; теперь если нон рѣшенія вѣрны, эти основанія приняты всѣми правительствами, заинтересованными въ тѣхъ, къ предположенный союзъ близокъ къ осуществленію, благодаря энергіи нашего епершняго правителя—полковника Чиприани.

«Дѣло идетъ объ общемъ дѣйствіи арміи трехъ странъ, для отпора вѣшнему

нападению, съ какой бы стороны оно ни произошло. Такимъ образомъ силы Италіи возвысились до 40,000 войска, и это число будетъ еще въ скоромъ времени увеличено поступленіемъ въ армию во Флоренціи и особенно въ Болоньѣ всѣхъ нашихъ соотечественниковъ, возвращающихся изъ Ломбардіи. Эта армія могла бы составить четыре дивизіи, въ каждой съ особой каваллеріей и артиллеріей, такъ чтобы каждая могла дѣйствовать отдѣльно вездѣ, гдѣ случится надобность.

«Мнѣ извѣстно, что главное начальство надъ этими арміями предложено генералу Гарибальди, и уже принято имъ; его же усмотрѣнію представлено и планъ организаціи войска, сейчасъ упомянутый мною.

«Кстати прибавлю, что виды правительства относительно сосредоточенія начальства надъ войсками въ рукахъ Гарибальди, были, кажется, неприятны сначала генералу Маджоччо, и онъ даже просилъ отставки. Но полковникъ Чиприани, въ длинномъ разговорѣ, нѣсколько не стѣсняя доброй воли генерала касательно отставки, умѣлъ разсѣять его нерасположеніе и пріобрѣлъ въ немъ себѣ друга и дѣятельнаго помощника. Генералъ Маджоччо останется начальникомъ войскъ въ Легатствахъ.

Изъ всѣхъ этихъ приготовленій ясно, что итальянцы уже начинаютъ понимать свое положеніе и догадываются, чего имъ слѣдуетъ ждать отъ Франціи. Они ничего не говорятъ еще; но самое предположеніе о возвращеніи низверженныхъ владѣтелей съ вооруженною силою — показываетъ, что Италія надѣется въ своихъ сосѣдяхъ найти скорѣе враговъ, нежели защитниковъ ея національнаго дѣла. Въ самомъ дѣлѣ — съ чьей же силой возвратится Леопольдъ, или Фердинандъ, или Францискъ? Конечно, съ французской или съ австрійской, — не иначе, Италія повиннаетъ это, но все еще не хочетъ покориться своей тяжелой участи и готовится къ борьбѣ...

Такимъ образомъ, вся средняя Италія рѣшилась противиться исполненію Виллафранкскаго трактата; но при всемъ своемъ энтузіазмѣ, что могли бы сдѣлать эти небольшія области съ 4 милліонами населенія, лишенные готовыхъ войскъ, какъ Легатства, или потерявшія, благодаря французской предусмотрительности, дезерганизацию въ своихъ войскахъ, какъ Тоскана? Что могли бы сдѣлать противъ безчисленной французской арміи эти области, лишенная всѣхъ средствъ къ оборонѣ, которая по страшному неравенству силъ, не могла бы быть успѣшна и при самой полной организаціи?

Исполненіе тѣхъ условій Виллафранкскаго трактата, которыя относятся къ восстановленію порядка дѣлъ въ инсurreкціонныхъ областяхъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: оно опирается на французскіе отряды...

Такимъ образомъ, въ Италіи должно возстановиться прежнее состояніе дѣлъ, кромѣ одной той перемѣны, что восточная часть Ломбардіи передана императоромъ французовъ сардинскому королю. Посмотримъ же теперь, какой смыслъ можетъ имѣть эта перемѣна и каковы тѣ итальянскія правительства, которыя спасены отъ погибели, возвращены къ новой болѣе самоуверенной жизни трактатомъ, за который наивные легковѣры, очаровавшіеся войною, обвиняютъ теперь императора французовъ, столь полно и основательно защищеннаго нами отъ всѣхъ порицаній за это дѣло.

Въ судьбѣ восточной Ломбардіи, уступленной императоромъ французовъ королю сардинскому, мы видимъ новое доказательство въ пользу оправдываемаго нами дѣла императора Наполеона III: если мы захотимъ узнать, сколько амниграда эта часть Ломбардіи отъ присоединенія къ Сардиніи, то убѣдимся, что

остальная часть Ломбардии и Венеции не имѣютъ слишкомъ сильныхъ причинъ заводить перемѣнѣ, которая миновала ихъ.

Если читатель не принадлежитъ къ счастливымъ, у которыхъ денегъ „куръ не клячутъ“, къ счастливымъ, которые могутъ постоянно носиться душою въ возвышенныхъ сферахъ чисто идеальныхъ созерцаній о прекрасномъ всякаго рода, отъ трюфлей до составленія собственнхъ картинныхъ галлерей, будучи избавлены хорошимъ наслѣдствомъ отъ презрѣнныхъ мыслей о прокормленіи семейства, — то читатель знаетъ по опыту, что презрѣнные матеріальные расчеты о кускѣ хлѣба, о тяжести налоговъ и тому подобныхъ пошлостяхъ сильно примѣшиваются въ самымъ возвышеннымъ чувствамъ, и, напримѣръ, съ понятіемъ національной независимости у итальянцевъ должна была соединяться мысль, что національное правительство не будетъ давить ихъ такими ужасными поборами, какъ давили иноземные вѣдѣтели. Мы положительно увѣрены, и имѣемъ на то несомнѣнные доказательства, что главнымъ источникомъ ненависти къ австрійцамъ въ Ломбардіи служили не политическія преслѣдованія, а обременительность ихъ управленія въ отношеніи налоговъ и поборовъ всякаго рода. Эти фискальныя тягости справедливо казались раззорительными, невыносимыми. Что же теперь сдѣлало сардинское правительство въ этомъ отношеніи съ доставшеюся ему частью Ломбардіи? — Ровно ничего; всѣ тяжести, мучившія ломбардцевъ при австрійцахъ, попрежнему лежатъ на ломбардцахъ. Мы не хотимъ сами говорить объ этомъ, — представляемъ просто выписку изъ „Indépendance Belge“, которую нельзя упрекнуть въ нерасположеніи къ сардинской политикѣ. Вотъ что пишеть одинъ изъ корреспондентовъ „Indépendance Belge“ въ Италіи о той системѣ управленія, которая учреждена теперь сардинскимъ правительствомъ въ Ломбардіи:

«Изъ текста декрета о новомъ правительственномъ устройствѣ Ломбардіи. востановаго вчера мною, вы могли видѣть, что въ администраціи не измѣнено по возможности ничего; забота была не о томъ, чтобы придумать возможно-выгодную администрацію, а только о томъ, чтобы немедленно имѣть готовую администрацію. Потому-то только ту переизбу и сдѣлали, что удалили множество вострапанцевъ (т. е. не итальянцевъ), занимавшихъ должности при австрійскомъ правительствѣ и сосредоточили управление въ рукахъ ответственныхъ лицъ съ значительною властью, нѣсто коллегіальныхъ административныхъ мѣстъ, бывшихъ такими вредными недостаткомъ при австрійскомъ управленіи.

«Въ фивансовой организаціи страны послѣдовали той же самой системѣ, какъ въ политической. Вотъ два декрета, относящіеся къ фивансовому устройству:

«Викторъ Эммануилъ и проч. и проч. и проч.

«Сообразно нашему декрету отъ 8-го числа настоящаго мѣсяца, принимая въ уваженіе потребности національной войны и въ силу чрезвычайной власти, данной намъ закономъ 25-го апрѣля текущаго года, по предложевію нашего совѣта министровъ, мы повелѣли и повелѣваемъ нижеслѣдующее:

«1) Прямые и косвенные налоги, существующіе нынѣ въ ломбардскихъ провинціяхъ, впродъ до послѣдующихъ распоряженій удерживаются, исключая постановляемаго слѣдующею статьею измѣненія.

«2) Относящіеся до продажъ товаровъ, принадлежащихъ къ регалиямъ (Regia privativa)¹⁾, до почты, телеграфовъ, и тажеженъ, пошлыми, законы и правила, дѣй-

¹⁾ Правительственные монополіи: соль, табакъ, порохъ и проч.

стающіе нинѣ въ другихъ частяхъ королевскихъ владѣній, будутъ приняты къ Ломбардіи по особеннымъ распоряженіямъ губернатора.

«По совершеніи этого уподобленія, таможенный ливія между Ломбардіею и другими провинціями будетъ уничтожена.

«Другой декретъ опредѣляетъ, что во время войны пограничныя и городскія таможи не должны взимать никакихъ пошлинъ съ товаровъ, идущихъ на употребленіе арміи.

Такимъ образомъ, съ вѣны небольшими исключеніями, Ломбардія будетъ управляться нинѣ по тѣмъ же самымъ формамъ, какія существовали прежде; ломбардцы будутъ платить тѣже самые налоги, какъ прежде,—и вы увидите странное зрѣлище, что вещи, бывшія несносными при австрійскомъ правительствѣ, будутъ выноситься (и уже выносятся) съ охотою при правительствѣ, которое сами себя избрали. Каждому кажется это натурально, и если понадобятся и большія жертвы, они также переирутъ ихъ съ готовностью».

Итакъ, для облегченія тѣхъ сословій, которые чувствовали тягость австрійскихъ наборовъ въ Ломбардіи, не сдѣлано ровно ничего. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что когда нибудь будутъ произведены сардинскимъ правительствомъ облегченія налоговъ въ Ломбардіи, какъ будутъ конечно произведены и въ самой Сардиніи, гдѣ налоги также доведены до чрезвычайной обременительности для поддержанія давнишней воинственности.... Мы не сомнѣваемся, что (сардинскій) правительственный принципъ, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, при всѣхъ современныхъ уклоненіяхъ отъ заботы объ облегченіи матеріальной участи народа, все-таки въ миллионъ—разъ лучше австрійскаго, который по натурѣ своей соединенъ съ угнетеніемъ народа и въ матеріальномъ отношеніи, какъ основанъ на угнетеніи его въ нравственномъ, и умственномъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ (сардинскій) принципъ существенно принужденъ обращаться къ улучшенію народнаго быта, хотя бы по временамъ и уклонился отъ этой обязанности по случайнымъ обстоятельствамъ. / Мы только хотимъ сказать, что нынѣшняя война была соединена съ однимъ изъ такихъ временныхъ забвеній объ облегченіи народныхъ бѣдствій, что сардинская политика въ то время, когда приобрѣла Ломбардію, была такъ же недальновидна по финансовой части, такъ и по дипломатической.

Мы уже говорили, что поселяне сѣверной Италіи далеко не раздѣляли энтузіазма, съ которымъ желали изгнанія австрійцевъ горожане и высшія сословія. Мы говорили, что причина этой холодности поселянъ къ національному дѣлу заключается въ поземельныхъ отношеніяхъ, по которымъ поселянинъ, зависимый не прямо отъ правительства, а отъ богатаго землевладѣльца, останавливается на этомъ ближайшемъ посредникѣ своей бѣдности чувство нелюбви, которое уже не доходитъ до отдаленнѣйшей и коренной виновницы бѣдствій—до правительственной системы, принуждающей землевладѣльца обирать поселянина для уплаты налоговъ и съ тѣмъ вмѣстѣ защищающей землевладѣльца въ его господствѣ надъ поселяниномъ. Поселянинъ знаетъ, что онъ много отдаетъ землевладѣльцу;—о томъ, что землевладѣлецъ много изъ этой добычи долженъ отдавать правительству, онъ не знаетъ, не вѣаетъ и того, что оно не даетъ возможности ни землевладѣльцу уменьшить повинности, лежащія на мужикѣ, ни мужику возвыситься до не-

зависимости въ своихъ поземельныхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ и въ Ломбардіи поселяне умѣютъ только ненавидѣть землевладѣльцевъ, не понимая, что должны были бы за все винить австрійское правительство, которое не имѣло съ ними непосредственнаго дѣла, а угнетало ихъ только черезъ посредство землевладѣльцевъ. Вотъ подробности объ этомъ положеніи вещей, найденныя нами у того же корреспондента Times'a, которому мы были обязаны описаніемъ войны:

«Справедливость требуетъ сказать, что поселянамъ (въ Ломбардіи) нечего было жаловаться на австрійское правительство: въ самомъ дѣлѣ, вы удивитесь, если я скажу, что, въ исключеніе косвенныхъ налоговъ по монополіямъ соли, табаку, по гербовой бумагѣ и по таможеннымъ пошлинамъ, поселянамъ не платить здѣсь ничего, и притомъ налоговъ никакихъ на нихъ не лежало. Всѣ налоги лежатъ на землевладѣльцѣ. Большая часть этого округа (сѣверо-восточная часть Ломбардіи) состоитъ изъ большихъ имѣній, владѣльцы которыхъ почти всѣ живутъ въ городахъ, только осною пріѣзжанъ на нѣсколькіе недѣли въ свои помѣстья. Мелкой поземельной собственности, которая обрабатывается самими владѣльцами, здѣсь чрезвычайно немного, и почти всѣ поселяне просто фермеры или работники. Имѣющіе четырехъ и большае воловъ бываютъ фермерами; фермеръ получаетъ, сообразно съ своими рабочими силами, известный участокъ земли съ домомъ, который содержится землевладѣльцемъ. Фермеръ дѣлаетъ посѣвъ изъ своихъ сѣмянъ и обрабатываетъ землю; изъ произведеній ему принадлежатъ двѣ трети, а третью часть отдаетъ владѣльцу, который, какъ собственникъ, долженъ въ этой трети уплачивать тяжелый поземельный налогъ (prediale). Неполучивъ скота нанимаются въ годовые работники. Они получаютъ готовый домъ со всѣмъ обзавѣщеніемъ, известное число воловъ, сообразно пространству отдаваемой имъ въ обработку земли, соразмѣрному съ числомъ работниковъ въ семьѣ. Весь сборъ произведеній поступаетъ къ землевладѣльцу, который даетъ известную плату деньгами, хлопкомъ, рисомъ, сѣномъ, виномъ, дровами и проч. этимъ своими работникамъ (botagii). Едва ли нужно говорить, что и тутъ поземельный налогъ уплачивается землевладѣльцемъ.

«Шелководство составляетъ особое дѣло. Землевладѣлецъ составляетъ такъ называемое «общество», società. Каждому семейству даетъ онъ известное количество сѣмянъ шелковичнаго червя и для прокормленія червей назначаетъ соответствующее число шелковичныхъ деревьевъ. Онъ даетъ семьѣ также домъ, если она не получила уже дома по фермерству или найму въ землевладѣльческую работу у него. Продуктъ дѣлится поровну между землевладѣльцемъ и его воспитанномъ. Налогъ платитъ опять землевладѣлецъ, какъ собственникъ шелковичныхъ деревьевъ. Но это еще не все: онъ долженъ нести и весь рискъ, а въ послѣдніе годы рискъ въ шелководствѣ былъ великъ. «И знаете, что бываетъ? — говоритъ человѣкъ, сообщавшій мнѣ эти свѣдѣнія, простолюдинъ, но умный преходскій священникъ, — компаньонъ приходитъ къ владѣльцу и говоритъ: папроне (или по здѣшнему выговору парронъ) мнѣ нужно полеванъ, чтобы кормить мою семью. — Вотъ вамъ полеванъ, говоритъ владѣлецъ. — Приходитъ другой и говоритъ: парронъ, мнѣ нужно дровъ, потому что погода холодная, и черви перемерутъ, если не топить для нихъ. — Вотъ вамъ дрова, говоритъ владѣлецъ. — Опять приходитъ третій и проситъ денегъ заплатить людямъ, которые обрываютъ и привозятъ въ черныя листья съ деревьевъ, и получаетъ одну или двѣ мѣдныхъ монеты отъ владѣльца. Такъ все и идетъ, и владѣлецъ долженъ нести самъ всѣ издержки производства. Приходитъ galette, сборъ коконовъ, — и вотъ тебѣ! — коконы не сотканы червями: владѣлецъ — мало того, что не получилъ шелку, онъ долженъ еще платить подати, а въ продажу пропали даромъ и дрова, и полеванъ, и деньги».

«Этотъ очеркъ нѣсколько объясняетъ расположеніе умовъ ломбардскаго сельскаго населенія, и показываетъ, почему поселяне въ равнанахъ до сихъ поръ оставались довольно равнодушны къ дѣлу удаленія австрійцевъ. Они только поставили

рекрутъ, да платили косвенные налоги на соли и табакъ, а кромѣ того не платили ничего. Подобно сельскому населенію въ другихъ странахъ, они не подыались до идеи выше мыслей о ѣдѣ, питьѣ, приумноженіи человѣческаго рода и смерти. Слѣдственно было бы ожидать отъ нихъ энтузіазма безъ предложенія имъ какихъ нибудь матеріальныхъ выгодъ. Съ этою цѣлью новое правительство рѣшило сдѣлать значительное пониженіе въ цѣнѣ соли, нѣдѣясь, и быть можетъ не безъ основанія, приобрести расположеніе сельскаго населенія въ равнинахъ. Въ горахъ, гдѣ больше нелюбятъ собственническую и гдѣ стало-быть варшавъ народа страдаетъ отъ тяжелой поземельной подати, наложенной австрійскимъ правительствомъ, поселянныя такъ же сильно желаютъ низверженія австрійскаго правительства, какъ по всей Ломбардіи желаютъ этого высшіе классы горожанъ».

Такимъ образомъ, мы теперь знаемъ слѣдующіе факты: поселяны въ Ломбардіи не понимали, что австрійцы поддерживали невыгодныя для нихъ поземельныя отношенія, и обременяя землевладѣльцевъ налогами, служили истинными виновниками ихъ бѣдности; но они жили бѣдно, будучи въ совершенной зависимости отъ землевладѣльцевъ, и если ждали переменъ, то не въ правительствѣ, а въ своихъ поземельныхъ отношеніяхъ. Сардинское правительство ничего не сдѣлало и по этому вопросу. Итакъ поселяне, не понимавшіе, что должны винить за свою бѣдность австрійцевъ, не получили причинъ быть расположенными къ сардинцамъ больше, нежели къ австрійцамъ. Высшіе классы и горожане, чувствованіе австрійское угнетеніе, не получили облегченій отъ Сардиніи; поселяне, не имѣвшіе ненависти къ австрійцамъ, оставлены въ прежнемъ положеніи.

Теперь читатель видитъ, почему мы, сказавъ въ началѣ статьи, что въ каждой западно-европейской націи существуютъ двѣ основы раздѣленія на партіи, — матеріальныя отношенія и политическія потребности, говорили потомъ только о трехъ партіяхъ, возникающихъ изъ разногласія въ политическихъ стремленіяхъ, не упоминая о четвертомъ отдѣлѣ, состоящемъ въ массы народа, которая равнодушна къ понятіямъ реакціи, модерантизма и политическаго революціонерства, и носитъ въ себѣ только недовольство чисто матеріальными отношеніями извѣстнаго нирядна вещей. Эта темная, почти нѣмая, почти мертвая въ обыкновенныя времена масса не играетъ роли въ нынѣшнихъ итальянскихъ событіяхъ, какъ не играетъ и въ большей части другихъ политическихъ дѣлъ Западной Европы. Глухія, нѣмые стремленія этой массы такъ не похожи на историческія стремленія друзей реформы въ образованныхъ сословіяхъ, что модерантисты никогда, и даже революціонеры очень рѣдко отвѣщаютъ прямо опираясь на удовлетвореніе этихъ стремленій, и масса, не находя въ ихъ программахъ соотвѣтствія съ своими мыслями, остается обыкновенно равнодушна къ реформаторамъ; мало того, она даже обыкновенно имѣетъ расположеніе проникаться нелюбовью къ нимъ, досадою на нихъ за то, что въ общественной тишинѣ, доставляющей ежедневное скудное пропитаніе массѣ, реформаторскія партіи производятъ разрушеніе для цѣлей, не казущихся достаточно благотворными для массы. Оставаясь равнодушна къ реформаторамъ, не видя въ ихъ дѣлѣ своего дѣла, масса даже предается въ руки реакціонеровъ, которые по крайней мѣрѣ обѣщаются охранять внѣшній порядокъ, дающій массѣ насущный скудный хлѣбъ ежедневнымъ трудомъ....

Такъ было и въ Италіи. Сардинія, Ломбардія, Венеція, Тоскана, Парма и Модена, Легатства,—эти земли выѣстъ имѣютъ болѣе 15 милліоновъ населенія; какая армія въ состояніи бороться противъ 15 милліоновъ людей? Пошлите противъ нихъ хотя милліонъ солдатъ, и тысячи человѣкъ изъ этого милліона не возвратятся на родину.... Но гдѣ же въ Италіи было участіе массы? Дѣйствовали образованныя сословія да нѣкоторые классы горожанъ, то есть горсть людей, только сотни тысячъ, а остальные четырнадцать съ половиною милліоновъ, покинутые безъ вниманія къ ихъ потребностямъ предводителями движенія, равнодушно смотрѣли на это движеніе къ цѣлямъ, не затрогивавшихъ бѣдныхъ потребностей бѣдной массы—ихъ поселянъ и городскихъ простолюдиновъ, и говорили: „пусть раздѣляются между собою, какъ знаютъ, это не наше дѣло: о насъ никто не заботится, намъ никто не желаетъ пользы, — что же намъ-то хлопотать о нихъ?“...

Да, — это мы видимъ теперь, — страшная судьба ждетъ патріотовъ Италіи. Каковы бы ни были правительста, ими вывернутыя, прежнія гоненія будутъ ничтожны передъ мщеніемъ, которому подвергнутся образованные классы отъ реставраціи. Тоскана, Парма, Модена долго будутъ доставлять газетамъ матеріалы для пошлыхъ, глупыхъ филиппикъ противъ жестокостей реакціи, какъ будто бы реакція можетъ обходиться безъ крутыхъ средствъ!.. Что будетъ въ Италіи дѣлаться возстановленными правительствами, можемъ мы знать по примѣру, который дало папское правительство въ Перуджіи.

Мы не возьмемъ на себя обязанности рассказывать перуджіанское дѣло, происходившее передъ сольферинскою битвою; ограничимся выпискою изъ газеты, которую никто не заподозритъ въ преувеличеніи фактовъ съ неблагонамѣренною цѣлью, и переводомъ письма, присланнаго въ „Times“ американцемъ, который самъ былъ очевидцемъ подвиговъ торжествующей реакціи. Вотъ это письмо, изъ котораго Европа впервые узнала о томъ, какъ возстановленъ былъ порядокъ въ Перуджіи, увлекшейся несчастными либеральными наклонностями:

«Флоренція, 25 іюня».

«Считаю обязанностью очевидца извѣстить васъ о свѣршеніяхъ, совершенныхъ папскими правительствами въ Перуджіи 20 (8) числа нынѣшняго мѣсяца (іюня), когда швейцарскій войска послѣ форсированнаго марша успѣли вступить въ этотъ городъ, одолевъ храброе сопротивленіе жителей, которые въ предыдущій вторникъ (14—2 іюля) нероно, но твердо и единодушно востали противъ легата и принудили его съ немногочисленными папскими солдатами, бывшими въ Перуджіи, оставить нѣтъ городъ».

«Во всю эту недѣлю были слухи что правительство послало изъ Рима два полка; но телеграфъ молчалъ. Горожане составили изъ себя національную гвардію, собрали оружіе и загородили ворота св. Петра, находящіяся въ концѣ той улицы, гдѣ стоитъ Hôtel de France, въ которомъ жилъ я съ моими семействами».

«Насъ увѣрили, что мы будемъ за нѣсколько часовъ предупреждены о приближеніи войскъ; но они шли день и ночь проселочными дорогами, не прохода ни чертъ одинъ городъ, стоящій на обыкновенной дорогѣ, такъ что совершенно неожиданно я очутился подъ стѣнами города и перелѣзъ черезъ нихъ».

«Они требовали покорности, но горожане, страдавшие от несправедливостей, о которых вы так часто и хорошо говорили Европѣ, отвѣчали съ твердостью, какую давала имъ великая надежда, что ихъ груди будутъ вторымъ оплотомъ противъ войскъ.

«Тогда была сдѣлана самая бѣшеная и, разумеется, успѣшная атака на регулярное и необученное войско горожанъ; полтора часа непрерывно продолжался перестрѣлка у воротъ.

«Солдаты гнали въ Перуджѣ день и ночь, выдавая имъ очень мало пищи; шестеро или семеро изъ нихъ умерли на дорогѣ. Прибывши въ маленькую деревню близъ Santa Maria degli Angeli (около города Ассизи), гдѣ они, вѣроятно, въ первый разъ выступили на большую дорогу, они вошли въ дома и принудили жителей отдавать имъ все вино, какое было въ деревнѣ, такъ что къ Перуджѣ пришли они пьяные, обезумѣвшіе отъ вина и усталости... Какъ прискорбно, что швейцарцы, могутъ заниматься на совершение такихъ злодѣйствъ,—злодѣйствъ, говорю я, потому что, вошедши въ городъ, они стали дѣйствовать, какъ убійцы. Они входили въ дома, стрѣляли направо и налево въ лавки и въ дома, и часа черезъ два, послѣ начала атаки, мы услышали, что они выламываютъ двери нашего отеля, потому услышали мы выстрѣлы въ домѣ, хотя хозяинъ отеля былъ безоруженъ, оставаясь нейтральнымъ и не оказывая никакого сопротивленія. У дверей они застрѣляли нѣкую служительницу, кричавшую намъ, что это гостиница. По оверѣнныи крикамъ и выстрѣламъ узнавъ, что намъ грозитъ большая опасность, всѣ мы ушли въ заднюю комнату во второй этажъ; когда бѣшеные солдаты стали приближаться къ ней, мы спрятались въ длинный, узкій чуланъ, въ концѣ котораго поставили хозяйку дома, ея мать и одну изъ служанокъ. Наше семейство состояло изъ одного мужчины, четырехъ женщинъ и съ нами было двое слугъ, такъ что всего 10 человекъ забились въ эту кѣтку, имѣвшую не болѣе двухъ футовъ ширины. Мы приготовлялись къ смерти. Прошло десять минутъ мучительной неизвѣстности, и солдаты вошли въ комнату; отворивъ дверь чулана, они направили въ нее штыки; три раза они грозили намъ; они походили на дикихъ вѣдьмъ. Мы всѣ кричали по-итальянски: «мы американцы, иностранцы...» Одна изъ дамъ упала на колѣни и штыкъ былъ устремленъ на нее, когда сердце одного изъ швейцарцевъ смѣлчало: онъ бросился впередъ съ крикомъ: «стыдно убивать женщинъ», ставъ между нами и своими товарищами, помогъ намъ укротить ихъ, увѣряя, что мы отдадимъ все, что у насъ есть. Взявъ наши часы и бывшія съ нами деньги, они ушли изъ комнаты. Добрый солдатъ, Конрадъ, сказалъ, что будетъ защищать насъ и что его товарищи обезумѣли отъ вина, утомленія и голода. Полчаса прошло спокойно; потомъ мы услышали, что бѣгаетъ по дому другая толпа; въ ту самую минуту, когда они были готовы ворваться въ нашу комнату, добрый солдатъ, которому мы были обязаны жизнью, вбѣжалъ въ другую дверь, съ крикомъ: «прятаться, прятаться! въ чуланъ, въ чуланъ!»—и опять мы спрятались на цѣлый часъ.

«Солдаты совершенно опустошили домъ. Они убили хозяйку дома (человѣка безоружнаго, старавшагося успокоить ихъ) передъ тою комнатою, гдѣ мы были, и убили его самымъ жестокимъ образомъ. Въ цѣломъ городѣ совершались убійства. Одному изъ солдатъ повѣшалъ заколотъ штыкомъ двухъ женщинъ его товарищъ, который боролся съ нимъ, пока женщины убѣжали къ бѣгу.

«Два раза мы должны были возвращаться въ нашъ чуланъ. До 9 часовъ солдаты было дано грабить и опустошать городъ. Между прочимъ, они убили бѣлаго мальчуга за то, что на него была надѣта его матерью итальянская кокарда. Они убили семь женщинъ... Многие изъ жителей разорены. Въ нашемъ отелѣ (Hotel de France) не осталось ни одной цѣлой вещи: столы, стулья, зеркала,—все изломано и разбито въ мелкие куски. Наши чемоданы были разломаны и все изъ нихъ взято. Потерявши все, мы едва спасли свою жизнь, благодаря нашимъ паспортамъ, которые по счастью были у меня въ карманѣ: намъ было дозволено уѣхать изъ города,—города смерти, по улицамъ котораго, когда мы уѣзжали на другой день ноутру, лежали трупы».

А вотъ и выписка изъ „Journal des Débats“, который, какъ извѣстно, вовсе не расположенъ чернить охранителей порядка:

«Извѣстно, что вся Романья, многіе города маркграфства и нѣкоторые города Удубіа объявили себя въ пользу войны за независимость. Движеніе повсюду цѣлою одинаковымъ характеръ. Граждане, самые почтенные по знатности, богатству или личнымъ достоинствамъ, объявили легату или делегату, что лучше будетъ ему удалиться, потому что городъ рѣшился помочь своими деньгами и силою своихъ молодыхъ людей войнѣ, которую ведутъ союзники противъ австрійцевъ. Повсюду делегаты удалились безъ сопротивленія.

«Юнты, составлявшіеся изъ самыхъ почетныхъ людей въ каждомъ городѣ, немедленно учреждались и первичъ ихъ дѣломъ было послать депутатовъ въ монастыри, коллегіумы, воспитательныя дома іезуитовъ и другихъ орденовъ—указавъ эти поршерація, что всѣ онѣ могутъ быть совершенно спокойны за свое существованіе и свою собственность, что движеніе было исключительно народный итальянскій характеръ а вовсе не характеръ революціи.

«Перуджіа—самый близкій къ Риму изъ городовъ, въ которыхъ обнаружилось это движеніе. Правительство рѣшилось возратить ее въ повиновенію. «Римская газета», три дня тому назадъ (21 іюня новаго стиля), извѣстила насъ, что городъ покоренъ и г. полковникъ Шиндтъ произведенъ въ генералы за услуги, оказанныя при этомъ дѣлѣ. Намъ очень непріятно, но мы должны сообщить подробности этого покоренія. Было послано 1,000 чековъ тѣхъ наемныхъ солдатъ, которые называются швейцарцами, но въ сущности состоятъ изъ людей всякихъ націй, особенно изъ вѣнцевъ; къ нимъ въ Фульмю присоединилось нѣсколько карабинеровъ,—этотъ корпусъ назначенъ быть жандармами, но состоятъ изъ грабителей. Присоединили къ нимъ еще нѣсколько ротъ обыкновеннаго папскаго войска, и полковникъ Шиндтъ, набравъ такимъ образомъ до 2,500 человекъ солдатъ, явился передъ Перуджіею.

На требованіе сдаться, муниципальная юнта отвѣчала просьбою дать ей нѣсколько часовъ времени для успокоенія особенно горячихъ людей и принятія нужныхъ мѣръ. Поста, секретарь юнты, пошелъ въ лагерь просить этой отсрочки, передъ нимъ несли бѣлое парламентское знамя. Едва только вышедши за городскія ворота, онъ упалъ вороченный шестью пулями. Потомъ были убиты четыре сына его, и мы слышали, что мать ихъ сошла съ ума. Въ одну минуту зѣра разбили ворота, и войска ворвались въ предмѣстье св. Петра. Тутъ было убито 70 человекъ, множество другихъ ранено, начался грабежъ, и солдаты вошли въ городъ. Изъ монастыря Бенедиктинцевъ было взято 14,000 скуди (21,000 р.). Въ семействахъ Темперини, Самитариси, Таббакони, Веллуніи почти всѣ были перерѣзаны, даже малыя дѣти. Изъ коннаты, гдѣ хотѣли укрыться эти несчастные, всѣ дорогія вещи и все серебро взяли солдаты.

«Магдалена Темперини, богатая и уважаемая дама, была убита въ своей спальнѣ. Ирена Джоза Поликори, модистка, была убита. Въ Hotel de France, австриянецъ, жившій съ своими семействами.... (скажутъ подробности, которыя мы уже знали изъ его письма).

«Послѣ такой побѣды, городъ немедленно былъ подвергнутъ всей строгости жесточайшихъ военныхъ законовъ, и было велѣно два дня иллюминировать его. Солдаты были роскошно угощаемы на счетъ города и стали получать по три пиаолы въ день; на городскую общину была наложена контрибуція въ 231,000 франковъ и на одного изъ членовъ юнты, г. Гуарлабали, штрафъ въ 107,000 франковъ.

«У нисургентовъ было только 80 ружей.

«Вчера (23 іюня н. с.) было здѣсь (въ Ринѣ) большое торжество »

Вотъ еще отрывокъ изъ письма корреспондента „Indépendance Belge“:

«Списокъ злодѣйствъ, совершенныхъ въ Перуджіа, слишкомъ длиненъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

«У модистки Серри, солдаты ранили или убили восемь дѣвушекъ и ребенка, которые на колѣняхъ умоляли о пощадѣ.

«Въ домѣ г. Лагарини убиты его жена, теща и ребенокъ.

«Въ домѣ табачнаго купца Франчески, убиты штыками въ постели болѣлая женщина.

«У г. Темиерини взято 2,000 скуди.

«Въ домѣ г. Сальватори убиты два служителя.

«Привожу только немногіе факты. Не могу упомянуть объ одномъ совершенно оригинальномъ.

«Между равными монастырями, существуетъ вражда. Доминиканскіе монахи, помогавшіе солдатамъ войти въ городъ, обратили нѣзъясть на монастырь св. Петра, который называли пристанищемъ нацианистовъ. Солдаты убили одного нѣзъ монаховъ и ранили нѣсколько другихъ.»

Саме собою разумѣется, что всѣми наивными людьми, никакъ не понимающими условій и натуры реакцій, овладѣло странное негодованіе при такихъ извѣстіяхъ, но папское правительство, пославъ свое благословеніе храбрымъ побѣдителямъ Перуджіи (защитники которой, какъ мы видѣли, имѣли только 80 ружей) и наградивъ генеральскимъ чиномъ ихъ командира, очень основательно объявлено въ „Римской Газетѣ“, что очень глупо поступаютъ люди, удивляющіеся совершившимся въ Перуджіи фактамъ, какъ чему-то необыкновенному, что напротивъ, иначе никогда не бываетъ и не можетъ быть. Мы не судимъ о томъ, до какой степени хорошо или дурно рѣзать дѣвухекъ, дѣтей и больныхъ женщинъ, но должны признаться, что папское правительство понимаетъ характеръ своего положенія и неизбѣжно способы своего дѣйствія гораздо вѣрнѣе нежели тѣ наивные люди, которые удивляются перуджіанскимъ событіямъ и въ своемъ простодушіи даже требуютъ, чтобы подобныхъ вещей не совершалось. Напротивъ, мы совершенно убѣждены, что „иначе не бываетъ и быть не можетъ“, и что участь, постигнувшая Перуджію, служитъ только указаніемъ на судьбу всѣхъ остальныхъ возстававшихъ противъ законнаго правительства городовъ въ Тосканѣ, Пармѣ, Моденѣ и Легатствахъ.

Неужели же въ самомъ дѣлѣ невозможно избѣжать подобной судьбы итальянскимъ патріотамъ? спроситъ иной простодушный человекъ. Теперь — нѣтъ, невозможно, потому что дѣло уже кончено, судьба ихъ была рѣшена съ той минуты, какъ итальянскіе либералы, вмѣсто того чтобы искать единственной вѣрной опоры себѣ въ массѣ своихъ соотечественниковъ, предали себя во власть вноземному реакціонному союзнику. Но они, если захотятъ, могутъ извлечь изъ нынѣшнихъ событій урокъ, воспользовавшись которыми могутъ предохранить себя отъ неудачъ на слѣдующее время. Нашъ выводъ, само собою разумѣется, относится только къ итальянцамъ и ни къ кому другому. Вотъ онъ:

Либералы (разумѣется, въ Италіи) безсильны противъ реакціонеровъ, если остаются съ одними своими силами, потому что либерализмъ понятенъ только образованнымъ людямъ, стало быть имѣетъ своими приверженцами только горсть людей по сравненію съ массою населенія. Эта масса имѣетъ стремленія, въ сущности одинаковыя съ желаніями послѣдовательныхъ либераловъ, у которыхъ либерализмъ состоитъ не въ однихъ словахъ, а въ стремленіи къ важнымъ реформамъ, и которые могутъ сообразить, чего хотѣть, а не повторять пустыя звонкія фразы безъ понятій въ ихъ смыслѣ.

Но то, чего хочет масса, гораздо обширнѣе реформъ, которыми могли бы удовлетвориться сами по себѣ образованныя сословія (просимъ не забывать, что мы говоримъ собственно только объ Италіи). Масса хочетъ коренныхъ измѣненій въ своемъ матеріальномъ бытѣ. Обыкновенно либералы забываютъ объ этой потребности (модерантисты забываютъ всегда, или если помнятъ, то враждебно ей; революціонеры очень часто также упускаютъ изъ виду матеріальную сторону вопроса, слишкомъ занимаясь идеальной или политической стороною) и потому масса остается холодна къ нимъ и продолжаетъ по своей апатіи давать реакціонерамъ средства къ подавленію либераловъ (въ Италіи). Итакъ, разъ навсегда, либералы, должны разсудить: въ состояніи ли они сочувствовать потребностямъ массы принимать эти потребности въ свою программу безъ всякихъ оговорокъ и ограниченій, въ той самой формѣ, въ какой можетъ удовлетвориться перемѣнами масса. Если нѣтъ, если потребности массы (въ Италіи, коренное измѣненіе отношеній труда къ капиталу и въ особенности поземельныхъ отношеній) кажутся либераламъ несправедливыми или псеудобудовольствіями, то пусть либералы сидятъ тихо и молча, потому что безъ возбужденія энтузіазма къ движенію въ массѣ движеніе не можетъ кончиться ничѣмъ инымъ, кромѣ гибели либераловъ отъ торжествующей и мстительной реакціи (въ Италіи, само собою разумѣется).

Сентябрь 1859.

Дѣла центральной Италіи. — Реформы въ Австріи. — Движеніе въ пользу единства Германіи.

12-го сентября.

Два мѣсяца тому назадъ, значеніе трактата, заключеннаго въ Вилла-франкѣ, казалось ясно для всѣхъ. Съ перваго же взгляда на условія, принятыя побѣдоноснымъ императоромъ французовъ отъ побѣжденнаго австрійскаго императора ¹⁾, каждый видѣлъ, что цѣлью императора французовъ было явиться милостивымъ покровителемъ Австріи, спасителемъ ея отъ разрушителей, въ добычу которымъ онъ могъ предать ее, — каждый видѣлъ, что своею великодушною готовностью на миръ, слишкомъ выгодный для Австріи, онъ хотѣлъ приобрести себѣ дружбу этой державы, чтобы въ дальнѣйшихъ своихъ политическихъ дѣйствіяхъ опираться на тѣсный союзъ съ нею. Это казалось ясно для всѣхъ. Но вотъ, теперь многіе возвращаются къ мнѣнію, совершенно было исчезнувшему изъ всѣхъ умовъ въ первые дни послѣ Виллафранкскаго мира, къ мнѣнію, что цѣлью войны со стороны императора французовъ не было простое желаніе заставить Австрію смириться передъ его могуществомъ и быть послушною союзницею его. Многимъ изъ людей, думавшихъ нѣкогда, что война начата имъ для приобрѣтенія независимости итальянцамъ, снова представляется теперь, что Наполеонъ, III дѣйствительно хотѣлъ и хочетъ быть покровителемъ итальянской независимости. Это новое колебаніе общественнаго мнѣнія произведено неожиданнымъ развитіемъ дѣлъ въ центральной Италіи. Оптимисты увѣрены теперь, что Тоскана, Модена и Парма успѣютъ осуществить свое желаніе присоединиться къ Піемонту; они надѣются даже, что подобное присоединеніе будетъ дозволено и римскимъ легатствамъ, и такимъ образомъ возникнетъ въ сѣверной Италіи довольно могущественное государство, которое, имѣя около 14.000,000 жителей, въ состояніи будетъ служить самостоятельнымъ и

¹⁾ Теперь палѣство, что императоръ французовъ не только предложилъ первый императору австрійскому заключить миръ, но и простеръ свою снисходительность до того, что согласился принять тѣ условія мира, которыя были составлены австрійцами, нимало не оскорбившись тѣмъ, что они для развѣ отвергали условія, предлагавшіяся имъ отъ него.

прочнымъ оплотомъ Италіи отъ иноземнаго господства. Не сомнѣваясь въ такомъ исходѣ дѣла, оптимисты предполагають, что онъ не чуждъ намѣреніямъ императора французовъ, который, по ихъ мнѣнію, предвидѣлъ его при заключеніи Виллафранкскаго мира, содѣйствовалъ потомъ подъ рукою развитію національнаго движенія въ центральной Италіи и, когда будетъ нужно, объявитъ себя защитникомъ желаній Тосканы, Модены, Пармы и римскихъ легатствъ противъ всякаго виѣнательства. Австріи и какихъ бы то ни было другихъ державъ, не столь расположенныхъ къ упроченію итальянской независимости, какъ онъ, ея великодушный основатель.

Не находя до сихъ поръ, что запутанныя отношенія, отъ которыхъ зависить рѣшеніе вопроса о судьбѣ центральной Италіи, достигли такого развитія, чтобы можно было съ достовѣрностью предвидѣть исходъ дѣла, мы не отбавляемся утверждать, чтобы надежды оптимистовъ были основательны и не беремся, подобно этимъ благороднымъ людямъ, столько разъ уже обманывавшимся, предсказывать будущее прекрасное и радостное. Мы рѣшительно еще не знаемъ, чѣмъ кончится дѣло, и ограничимся пока только изложеніемъ фактовъ, не дѣлая предвѣщаній о томъ, къ чему приведутъ они. Но уже и теперь мы имѣемъ доказательство тому, что нѣкоторые изъ гипотезъ, внушающихъ свѣтлыя надежды оптимистамъ, совершенно неосновательны.

Во-первыхъ, они полагають, что при заключеніи Виллафранкскаго мира императоръ французовъ предвидѣлъ тотъ оборотъ, какой приняли теперь дѣла въ Тосканѣ, Моденѣ, Пармѣ и Легатствахъ. Такое мнѣніе можетъ основываться только на незнакомствѣ съ положеніемъ этихъ странъ около времени когда былъ заключенъ миръ. Было бы, слишкомъ долго припоминать исторію движенія во всѣхъ этихъ четырехъ областяхъ до начала іюля, и довольно будетъ обратить вниманіе читателя только на состояніе, какое представляли тогда легатства и Тоскана: Модена и Парма такъ незначительны сами по себѣ, что ходъ дѣлъ въ нихъ совершенно зависѣлъ отъ опоры, какую могли находить онѣ въ Легатствахъ и Тосканѣ.

Тоскана въ концѣ апрѣля возстала съ мыслью о единомъ итальянскомъ государствѣ, въ жертву которому хотѣла принести свою самостоятельность. Но съ перваго же разу Кавуръ принужденъ былъ отвергнуть ея просьбу о присоединеніи къ Піэмонту; это поколебало въ тосканцахъ мысль о томъ, что союзникъ, господствовавшій надъ сардинскою политикою, дозволить Сардиніи и Тосканѣ слиться въ одно государство. Энтузіазмъ охладѣлъ съ ослабленіемъ надежды, и въ Тосканѣ сталъ быстро воскресать партикуляризмъ, на время умолкавшій передъ порывомъ патриотизма. Многія обстоятельства, произведенныя вліяніемъ французской политики, содѣйствовали оживленію этого стариннаго стремленія сохранить свою самостоятельность. Укажемъ только на присылку въ Тоскану принца Наполеона, — его появленіе было принято за предвѣстіе намѣренія превратить западную часть центральной Италіи въ отдѣльное королевство; укажемъ также на то, что правительственная власть надъ Тосканою была передана людямъ, оказавшимся представителями партикуляризма. Такимъ образомъ въ концѣ іюня, около времени Сольферинской битвы, партія національнаго единства, желавшая присоединенія къ Піэмонту,

была въ Тосканѣ и устранена отъ вліянія на дѣла и убита духомъ. Надобно прибавить, что временное правительство отличалось отсутствіемъ всякой энергіи, не принимало никакихъ мѣръ для образованія силы, на которую могло бы опереться, если бы вздумало противиться иностранному вліянію, и даже допустило уже существовавшимъ войскамъ терять всякую энергію отъ праздности и распущенности. Тосканская армія разслабилась, деморализировалась. Мало того: временное правительство даже отдало все свое войско въ руки французамъ, которые увели его далеко за границы Тосканы. Обо всемъ этомъ мы подробно говорили много разъ. Такимъ образомъ, во время заключенія Виллафранкского мира Тоскана казалась доведенною до того, что не могла энергически потребовать присоединенія къ Піэмонту, — напротивъ казалось, что она очень рада будетъ сохранить свою отдѣльность, а во всякомъ случаѣ она была совершенно лишена всякихъ силъ къ сопротивленію иностраннымъ приказаніямъ, оставшись рѣшительно безъ всякаго войска и имѣя такое правительство, которое лишено было способности къ энергическимъ мѣрамъ. Каждый, явившій тогдашнее положеніе Тосканы, былъ увѣренъ, что она безмолвно покорится судьбѣ, какая будетъ ей предписана волею другихъ.

Еще меньше можно было разсчитывать на силу національных стремленій въ Легатствахъ. Возстаніе тамъ только еще начиналось; въ началѣ іюля оно еще лишено было всякаго единства, всякой организаціи, представлялось только рядомъ слабыхъ попытокъ, лишенныхъ прочной связи между собою. Войскъ эти города рѣшительно не имѣли тогда никакихъ. Примѣръ Перуджин, которая не имѣла для своей защиты ни одного солдата и защитники которой нашли только 80 ружей для борьбы противъ папскихъ наемниковъ, — примѣръ Перуджин слишкомъ хорошо показывалъ, какъ велика сила сопротивленія, которую располагали Легатства въ началѣ іюля.

Словомъ сказать, вся центральная Италія при заключеніи Виллафранкского мира представлялась страной, совершенно лишенною всякихъ залоговъ энергическаго сопротивленія чужимъ предписаніямъ. Въ однихъ областяхъ ея возстаніе еще не имѣло времени организироваться, въ другихъ было уже разслаблено вліяніемъ политики, поддерживавшей партикуляризмъ и мѣшавшей развитію надеждъ на присоединеніе къ Піэмонту. Нечего и говорить о томъ, что четыре области, которыя по Виллафранкскимъ условіямъ должны были возвратиться къ повиновенію прежнимъ правительствамъ, не успѣли еще установить никакой связи между собою: Парма, Модена, Тоскана, Легатства — каждое изъ этихъ владѣній оставалось предоставлено только собственнымъ силамъ, не находясь еще ни въ какомъ союзѣ съ другими.

Послѣ этого, человекъ положительный, каковъ императоръ французамъ, могъ ли ожидать, чтобы области центральной Италіи выказали какуюнибудь самостоятельность, лишившись всякой восторонней опоры? Нѣтъ, онъ ожидалъ, что онѣ, слишкомъ хорошо сознавая свое безсиліе, спокойно примутъ ту участь, которая была подготовлена для нихъ Виллафранкскимъ миромъ. Дѣйствительно, упрямство ихъ представлялось безумствомъ, невозможностью; нельзя было не ожидать, что низвергнутыя правительства возстанутъ безъ всякаго затрудненія. Самая форма, въ которой выражено было согласіе императора французамъ на это желаніе императора австрійскаго при составленіи Виллафранкского

трактата, свидѣтельствуешь объ убѣжденіи въ легкости дѣла: трактатъ просто говорилъ: „великій герцогъ Тосканскій и герцогъ Моденскій возвращаются въ свои владѣнія“,—тогда не считали нужнымъ и опредѣлять средствъ, которыми должно быть произведено ихъ возвращеніе: казалось, что оно совершится само собою, одною силою словеснаго распоряженія со стороны Франціи и Австріи.

И положеніе дѣла въ инсurrektировавшихся странахъ, и легкость съ какою предполагали примиряющіеся императоры возстановить низвергнутыя правительства, свидѣтельствуешь объ ошибочности той гипотезы оптимистовъ, по которой представляется, будто бы императоръ французскій при заключеніи Виллафранкскихъ условій предусматривалъ оборотъ, какой приняли послѣ того дѣла центральной Италіи. Послѣ этого сама собою должна оказываться лишнею всякаго основанія и та гипотеза, по которой онъ будто бы хотѣлъ тогда быть защитникомъ этихъ земель отъ иноземнаго вмѣшательства: Виллафранкскій договоръ своимъ молчаніемъ объ этомъ вопросѣ слишкомъ ясно показываетъ, что въ то время объ немъ и не думали; казалось достаточнымъ, что императоръ французскій повелѣвалъ инсurrektировавшимся областямъ возвратиться къ повиновенію: Тоскана, Модена, Парма были окружены французскими войсками; войска эти должны были проходить черезъ нихъ для своего возвращенія во Францію; нѣсколько дивизій должны были оставаться въ нихъ на довольно долгое время. Эти распоряженія, слишкомъ хорошо показывавшія инсургентамъ необходимость исполнить волю могущественнаго союзника, считались очень достаточными залогомъ безпрекословнаго возстановленія низвергнутыхъ провинцій.

Мы излагаемъ фактъ, изъ которыхъ съ положительною достовѣрностію можно заключать о намѣреніяхъ, какія имѣлъ императоръ французскій относительно центральной Италіи при заключеніи Виллафранкскаго мира,—можно видѣть, что онъ не хотѣлъ тогда коварствовать относительно австрійскаго своего союзника, напротивъ поступалъ съ нимъ искренно и давалъ ему общія добросовѣстно, имѣя въ виду не обманывать его фальшивыми обязательствами, а дѣйствительно приобрести солидныя права на его дружбу исполненіемъ его желаній. Факты очевидно доказываютъ это; но есть доказательство, еще болѣе прямое—это собственное свидѣтельство императора французскаго, данное при такихъ обстоятельствахъ, которые отнимаютъ всякую возможность заподозривать его искренность. Черезъ два мѣсяца по заключеніи Виллафранкскаго мира, когда стало очевидно, что безъ иноземнаго вооруженнаго вмѣшательства низвергнутыя правительства центральной Италіи не могутъ быть возстановлены, когда итальянскіе и французскіе либералы стали утверждать, что императоръ французскій предвидѣлъ это и обманулъ Австрію, когда они, въ своемъ либеральномъ увлеченіи забывая о правилахъ политической добросовѣстности, стали превозносить его за этотъ предполагаемый наивелизмъ,—императоръ французскій торжественно отвергъ ихъ похвалы и подробно объяснилъ, что поступалъ съ Австріею искренно, какъ слѣдуетъ испанскому другу. Статья объ этомъ предметѣ, приславшая лично имъ самимъ въ Мониторъ (9 сентября н. ст.), не оставляетъ никакой возможности сомнѣваться въ искренности его согласія на возстановленіе низвергнутыхъ пра-

вительствъ, при заключеніи Виллафранкскаго договора. Во-первыхъ, какъ мы сказали, она отвергаетъ похвалы, которыми его превозносили неосновательные люди, и конечно, ничто, кромѣ потребности высказать истину, не могло бы заставить императора французовъ отказаться отъ славнаго ореола изумительной предусмотрительности и гениальной дипломатической ловкости, которымъ его начали было снова окружать либералы. Во вторыхъ, самое содержаніе торжественнаго объясненія своихъ тогдашнихъ намѣреній, имѣ обнародованное теперь, носить на себѣ печать внутренней несомнѣнной достовѣрности: все въ этомъ объясненіи такъ естественно, такъ сообразно съ извѣстными публикѣ фактами, что не видѣть безусловной правдивости его можетъ разве тотъ, кто не слѣдилъ за подробностями событій, ознаменовавшихъ собою заключеніе Виллафранкскихъ условій. Мы приведемъ вполнѣ этотъ драгоценный документъ, являющійся въ нашихъ глазахъ прекраснѣйшимъ примѣромъ рѣдкой въ дипломатическихъ актахъ правдивости. Читатель, слѣдившій за нашими прежними статьями, самъ увидитъ, какъ прекрасно подтверждаются увѣренія императора Наполеона всѣми фактами, какіе сообщали мы прежде. Просимъ только читателя не забывать, что мы хвалимъ статью Монитера собственно какъ изложеніе мыслей императора французовъ, а не какъ историческій разсказъ о вѣдѣнныхъ фактахъ. Читатель знаетъ, что на факты можно смотрѣть съ различныхъ точекъ зрѣнія, и мы теперь говоримъ не о томъ, справедлива ли была точка зрѣнія, съ которой смотрѣлъ на нихъ императоръ французовъ, а только о томъ, что его точка зрѣнія изложена въ этой статьѣ съ необычайною искренностью. Мы пользуемся, съ немногими исправленіями, переводомъ, который представленъ „С.-Петербургскими Вѣдомостями“.

«Когда факты говорятъ сами за себя, то съ перваго взгляда кажется безполезнымъ объяснять ихъ. Однако, если страсть или интрига искажаютъ самыя простые вещи, то бываетъ необходимо возстановить ихъ характеръ, для того, чтобы каждый могъ съ званіемъ дѣла оцѣнить ходъ событій».

Уже это вступленіе предвѣщаетъ, что хитросплетенныя гипотезы либеральныхъ оптимистовъ лишены всякаго основанія: „страсть или интрига искажаютъ самыя простые вещи“—итакъ, образъ дѣйствій императора французовъ можетъ быть вѣрно объясненъ только самымъ простымъ образомъ; а простѣйшее объясненіе уже извѣстно нашимъ читателямъ: императору Наполеону справедливо казалось, что дружба съ Австріею болѣе соответствуетъ его политическимъ принципамъ и гораздо выгоднѣе для него, нежели дружба съ графомъ Кавуромъ и тому подобными либералами, съ мечтателями и революціонерами; потому онъ заключилъ Виллафранкскій миръ, чтобы избавиться отъ союза съ опасными либеральными принципами и пріобрѣсть дружбу государства, политическія потребности котораго сходны съ его собственными.

«Въ минушемъ іюлѣ, когда франко-сардинская и австрійская арміи стояли одна противъ другой между Адидже и Минчіо, вѣроятности успѣха были съ обѣихъ сторонъ почти равны; ибо если на сторонѣ франко-сардинской арміи было нравственное вліяніе достигнутыхъ успѣховъ, то австрійская армія была сильнѣе въ числительномъ отношеніи и опиралась не только на страшныя крѣпости, но и на всю Германію, готовую

по первому сигналу, принять ея сторону. Въ случаѣ, еслибъ такое предположеніе осуществилось, императоръ Наполеонъ былъ бы вынужденъ отозвать войска свои съ береговъ Адриатическаго и направить ихъ къ Рейну, а тогда итальянское дѣло, ради котораго была предпринята война, если не погибло бы, то по крайней мѣрѣ, подверглось бы большой опасности».

Этотъ параграфъ, показывающій точку зрѣнія, съ которой императоръ французскій оправдываетъ вообще заключеніе Виллафранкскаго мира, не имѣетъ особенной важности, потому что тѣ же самыя мысли были уже изложены имъ въ рѣчи, которую онъ отвѣчалъ въ Сень-Клу на привѣтствія великихъ государственныхъ учреждений. Въ прошломъ мѣсяцѣ, мы подробно разбирали степень фактической достовѣрности этого воззрѣнія, и не находимъ надобности повторять здѣсь то, о чемъ довольно обширно говорили еще такъ недавно; тѣмъ менѣе нужды въ подобномъ повтореніи, что теперь насъ занимаютъ вовсе не факты, а только намѣренія императора французскаго относительно центральной Италіи, изложенныя самимъ императоромъ въ слѣдующихъ параграфахъ:

«Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, императоръ призналъ выгоднымъ, во-первыхъ для Франціи, а во-вторыхъ и для Италіи, заключить миръ, лишь бы только условія его были сообразны съ программой, которую онъ себѣ предначерталъ, а полезны дѣлу, которому онъ хотѣлъ служить».

Здѣсь для насъ очень пріятно видѣть, что императоръ Наполеонъ уже убѣдился, какъ мы предсказывали, въ сообразности условій Виллафранкскаго мира съ его программой. „Призналъ выгоднымъ заключить миръ, лишь бы только условія его были сообразны съ программой“ и т. д.—это выраженіе опредѣлительно, тутъ нѣтъ оговорокъ объ отступленіи отъ программы, которыя были въ Сень-Клудской рѣчи; итакъ, теперь Наполеонъ, согласно съ нашимъ предсказаніемъ, самъ увидѣлъ, что напрасны были сомнѣнія относительно своей вѣрности своимъ обѣщаніямъ, которыя овладѣли было имъ въ первые дни по заключеніи Виллафранкскаго мира, подъ вліяніемъ ропота со стороны либераловъ,—ропота, который мы тогда же называли совершенно неосновательнымъ. Теперь, какъ мы видимъ, Наполеонъ III, успокоившись духомъ, согласился съ графомъ Мори, что условія мира совершенно выполняютъ его программу, и что ему не за что упрекать себя. Но далѣе начинается существенная часть объясненія, то есть изложеніе намѣреній самого автора статьи „Монитора“:

«Прежде всего необходимо было знать, уступить ли Австрія, на основаніи трактата, завоеванную землю, а во-вторыхъ, откажется ли она открыто отъ преобладанія, приобретеннаго ею на всемъ полуостровѣ, признаетъ ли начало итальянской народности, допуститъ федеративную систему, наконецъ, согласится ли даровать Венеціанской Области учрежденія, которыя бы сдѣлали изъ нея настоящую итальянскую провинцію.

«По первому пункту, австрійскій императоръ уступилъ безъ сопротивленія завоеванную землю, а по второму онъ обѣщалъ самыя значительныя уступки для Венеціанской Области, допустивъ при будущемъ ея устройствѣ положеніе Люксембурга въ отношеніи къ Германскому Союзу; но непремѣннымъ условіемъ этихъ уступокъ онъ призналъ ихъ впаденіе въ свои владѣнія эрцгерцоговъ».

Итак, во-первых, при переговорах не было сделано даже и попытки требовать независимости для Венеции, — речь шла только о том, чтобы император австрийский изменил некоторые черты управления этой областью. Во-вторых, самъ Наполеонъ III уподобляетъ итальянскую конфедерацию, которую хотѣлъ основать, Германскому Союзу, — точно такъ мы и опредѣляли характеръ этой идеи при полученіи первыхъ извѣстій о Виллафранкскомъ мирѣ.

«Итакъ, вопросъ былъ опредѣленъ въ Виллафранкѣ весьма ясно: или императоръ не долженъ былъ ничего выговаривать для Венеціанской области и ограничиться преимуществами, какія приобрѣлъ своимъ оружіемъ, или, для достиженія важныхъ уступокъ и признаній начала народности, онъ вынужденъ былъ согласиться на возвращеніе эрцгерцоговъ. Образъ дѣйствій указывался ему явнымъ смысломъ, ибо дѣло шло о возвращеніи эрцгерцоговъ не при содѣйствіи иностранныхъ войскъ, а, напротивъ того, съ серьезными гарантіями, вслѣдствіе свободной воли населеній, которымъ бы дали понять, какъ согласно это возвращеніе съ интересами великой итальянской отчизны».

Такимъ образомъ, мы положительно видимъ изъ словъ самого императора французова, что при заключеніи Виллафранкскаго мира онъ ожидалъ, что жители Тосканы и Модены безпрекословно примутъ своихъ прежнихъ герцоговъ, безъ противорѣчія подчинятся согласному требованію Франціи и Австріи. Тогда на предполагалось, чтобы эти области отважились готовиться къ вооруженному сопротивленію; реставрація представлялась дѣломъ легкимъ.

«Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, точное изложеніе виллафранкскихъ переговоровъ. И для всякаго безпристрастнаго человѣка очевидно, что императоръ Наполеонъ добился мирнымъ трактатомъ того же и, быть можетъ, больше, чѣмъ завоевалъ оружіемъ».

Итакъ, императоръ французовъ долженъ былъ ожидать, что Виллафранкскій миръ пробудитъ въ итальянцахъ столько же, если еще не больше, восторга, сколько маджентская и сольферинская побѣды: въ самомъ дѣлѣ, вѣдь по его мнѣнію „для всякаго безпристрастнаго человѣка“ должно было казаться „очевидно“, что виллафранкскими переговорами доставлено Италіи столько же, если не больше, выгоды, сколько и самими побѣдами.

«Должно сознаться притомъ, что императоръ Наполеонъ не безъ глубокаго сочувствія увидѣлъ, какъ откровенно и рѣшительно императоръ Францъ-Іосифъ отказался, въ интересахъ европейскаго мира и въ желаніи возстановить добрыя сношенія съ Франціей, не только отъ одной изъ лучшихъ своихъ провинцій, но и отъ опасной, быть можетъ, но во всякомъ случаѣ величественной славы полтавы, обезпечивавшей за Австріи владычество въ Италіи».

Итакъ, прекращеніе австрийскаго преобладанія въ Италіи представлялось императору французовъ не слѣдствіемъ необходимости, не неизбежнымъ результатомъ пораженій, которымъ подверглись австрийскія арміи, не цѣлью войны, а просто слѣдствіемъ великодушной уступчивости австрийскаго императора. Дѣйствительно, по этому и предшествующимъ параграфамъ, условія Виллафранкскаго договора являются не какъ неминуемыя послѣдствія историческихъ фактовъ, а просто какъ результаты дружелюбнаго расположенія австрийскаго

и французскаго императоровъ, которые изъ любезности другъ къ другу соглашались на взаимныя пріятныя одолженія: „Вамъ было бы пріятно, чтобы я согласился на возстановленіе великаго герцога моденскаго“, говоритъ Наполеонъ III Францу-Іосифу:—„извольте, для васъ я готовъ сдѣлать это“.— „Вамъ было бы пріятно передать Ломбардію королю сардинскому“, говоритъ Францъ-Іосифъ Наполеону III:—„извольте, для васъ я готовъ на эту уступку; для васъ я готовъ также замѣнить прежнюю австрійскую политику въ Италіи новою политикою доброжелательства“.

«Дѣйствительно, еслибъ trattato было въ точности исполнено, то Австрія перестала бы быть для полуострова враждебной и страшной державой, противодействующей всѣмъ народнымъ стремленіямъ, отъ Пармы до Рима и отъ Флоренціи до Неаполя,— а дѣлалась, вопреки того, державой дружественной, ибо она добровольно соглашалась не быть болѣе германскимъ государствомъ по сѣ сторону Альпійскихъ горъ, и сама развивать итальянскую народность до береговъ Адриатическаго моря».

Итакъ, Италія не должна была послѣ Виллафранкскаго трактата описаться австрійскаго могущества—австрійцы въ Италіи обывались быть итальянцами; они хотѣли некроветельствоать упроченію итальянской независимости. Условія Виллафранкскаго трактата совершенно измѣняли натуру австрійцевъ, нужно было только исполниться этимъ условіямъ, и Италія имѣла бы въ австрійцахъ самыхъ полезныхъ друзей и покровителей всѣмъ своимъ стремленіямъ.

«Судя по всему вышеизложенному, нетрудно понять, что еслибъ, послѣ мира Италія была вѣрена людямъ, болѣе заботившимъ будущаго общаго отечина, чѣмъ мелочнымъ частнымъ успѣхамъ, то дѣлю ихъ успѣхъ было бы развивать, а не преграждать послѣдствія Виллафранкскаго трактата. Дѣйствительно, самымъ простымъ и патристическимъ образомъ дѣйствій было бы сказать Австріи: Вы желаете возвращенія эрцгерцоговъ? Хорошо; но въ такомъ случаѣ исполните добросовѣстно обѣщанія ваши относительно Венеціанской области: пусть она приобрѣтетъ собственную жизнь, приобрѣтетъ итальянское управленіе и итальянскую армію; однимъ словомъ, пусть австрійскій императоръ будетъ по сѣ сторону Альпійскихъ горъ только великимъ герцогомъ венеціанскимъ, какъ нидерландскій король есть для Германіи не что иное, какъ великій герцогъ люксембургскій».

«Быть-можетъ даже, открытія и дружественными переговорами удалось бы склонить императора австрійскаго принять комбинаціи, болѣе сообразныя съ желаніями, какія выражали герцогства Моденское и Париское».

«Послѣ всего случившагося, императоръ Наполеонъ долженъ былъ разсчитывать на здравомысліе и патриотизмъ Италіи и думать, что она пойметъ побудительную причину его политики, выражающейся въ олдѣующихъ словахъ: «ниѣсто того, чтобы рисковать европейской войной, а следовательно и независимостью страны своей, ниѣсто того, чтобы выдержать еще 300 милліоновъ и пролить кровь 50,000 солдатъ своихъ, императоръ Наполеонъ принялъ миръ, который въ первый разъ въ теченіе вѣковъ утверждаетъ народность полуострова. Ниѣмъ, служащій въ особенности представителемъ итальянскаго дѣла, получить значительное увеличеніе своего могущества, а если устроится итальянская конфедерація, то онъ будетъ играть въ ней главную роль. Но всѣ эти выгоды сопряжены съ однимъ условіемъ — возвратомъ въ свои владѣнія прежнихъ владѣтельныхъ домовъ».

Итакъ, итальянцы вообще виновны передъ императоромъ французовъ въ неблагодарности. Италія, неоцѣнявшая по достоинству условій Виллафранкскаго мира, вообще показала недостатокъ „здравомыслія и патриотизма“, а

люди, дѣйствовавшіе въ центральныхъ областяхъ ея, въ особенности обнаружали, что „мелочные частные успѣхи“ для нихъ дороже, нежели „будущность общей отчизны“. Итальянцы неблагодарны, неблагодарнымы, непатріотичны и не хотятъ успѣховъ дѣлу единства и независимости своей родины.

«Этотъ языкъ, мы еще надѣемся, будетъ понять здравомыслящей частью націй; ибо иначе что случится? Французское правительство объявило уже, что эригерцоги не будутъ возвращены въ свои владѣнія нѣостранной силой; но такъ-какъ одна часть условій Виллафранкскаго мира не будетъ исполнена, то императоръ австрійскій найдетъ себя освобожденнымъ отъ всѣхъ обязательствъ, принятыхъ имъ въ отношеніи къ Венеціанской области. Тревожный враждебными демонстраціями на правомъ берегу р. По, онъ останется въ военномъ положеніи на лѣвомъ, и вѣсто полноты примиренія и мира возродится политика недоверія и вражды, которая причинитъ новыя волненія и новыя бѣдствія».

Откровенныя указанія этого параграфа также не требуютъ длинныхъ комментариевъ. Если тосканцы, моденцы и т. д. не возстановятъ добровольно своихъ правительствъ, они должны считаться губителями Венеціи, которой императоръ австрійскій отомститъ за ихъ упрямство. Этого мало: онъ соберетъ противъ нихъ свои войска, и начнетъ войну съ ними. Франція объявила, что низвергнутыя правительства не будутъ возстановлены иностранной силой, но она давала это обѣщаніе въ предположеніи, что условія Виллафранкскаго мира будутъ исполнены жителями центральной Италіи (т. е., что они добровольно возстановятъ свои прежнія правительства); а если они не исполнятъ ихъ, то императоръ австрійскій конечно будетъ воленъ искать предлоговъ къ войнѣ противъ упрямцевъ.

«Повидимому, много надѣются на европейскій конгрессъ; мы сами горячо желаемъ его, но сильно сомнѣваемся въ томъ, чтобы конгрессъ добился лучшихъ для Италіи условій. Конгрессъ потребуетъ только того, что справедливо; а справедливо ли было бы требовать отъ великой державы важныхъ уступокъ, не предлагая ей, въ замѣтъ того, правотѣрныхъ вознагражденій? Единственнымъ средствомъ была бы война; но да пойметъ это Италія: есть въ Европѣ только одна держава, готовая вести войну за идею,— это Франція, а Франція свое дѣло уже исполнила».

Итакъ, ясно: Европа не можетъ требовать отъ Австріи для Италіи условій лучше тѣхъ, какія даны Виллафранкскимъ миромъ, потому что это было бы несправедливо. Европа не можетъ требовать чтобы Австрія отступалась отъ своихъ требованій, потому что эти требованія справедливы, и если Австрія начнетъ съ непокорною Италіею войну, Италія не должна ожидать себѣ защиты отъ Франціи.

Мы привели всю эту статью вполнѣ, потому что каждому человѣку со вкусомъ она должна очень понравиться откровенностью, съ какою излагается въ ней политика императора французскъ относительно Италіи. Франція, по словамъ этого объясненія, сдѣлала для Италіи все, что могла; условія Виллафранкскаго мира были совершенно сообразны съ программой, обѣщавшею „освободить Италію отъ Альповъ до Адриатическаго моря“, и были чрезвычайно выгодны для Италіи. Австрія становилась истинною доброжелательницею Италіи, покровительницею независимости ея. Итальянцы обнаружили недоста-

токъ понятливости и патриотизма, оставшись недовольны прекраснымъ Виллафранкскимъ договоромъ, и заслуживаютъ названія неблагодарныхъ людей. Сверхъ того, жители центральной Италиі провинились въ измѣнѣ своимъ собратамъ, венеціанцамъ, не захотѣвъ имъ добра, своимъ эгоистическимъ упрямствомъ лишивъ ихъ благодѣяній, какими готовъ былъ осыпать ихъ австрійскій императоръ. Австрійскій императоръ въ справедливомъ гнѣвѣ на упрямство неблагодарныхъ тосканцевъ, моденцевъ и пармезанцевъ долженъ будетъ наказать за ихъ непокорство Венецію отнятіемъ у нея своего милостиваго расположенія, а всю Италію смирить вооруженною рукою, и Франція, обиженная неблагодарностію итальянцевъ, признающая законность требованій Австріи, не будетъ останавливать ея справедливаго мщенія.

Заслуживая величайшей похвалы за свою откровенность, статья Монитера для насъ вдвойнѣ пріятна тѣмъ, что вполне подтверждаетъ наши прежнія понятія о характерѣ политики императора Наполеона III относительно Италиі.

Чтоже теперь будетъ съ центральною Италіею? Ея судьба зависить отъ степени энергіи, которую выкажетъ она. Съ самаго начала войны, мы старались доказать, что Италія не должна для осуществленія своихъ желаній разсчитывать ни на чьи силы, кромѣ своихъ собственныхъ. Теперь, какъ видимъ, самъ императоръ французскій подтверждаетъ справедливость этого нашего взгляда, подвергавшагося столь многими порицаніямъ со стороны людей, которые принимали свои собственные желанія и мечты за его намѣренія. Да, Италія должна разсчитывать только сама на себя, и ни на кого больше. Посмотримъ же, что сдѣлали для осуществленія своихъ желаній тѣ области Италиі, которыя теперь пользуются самостоятельностью и на которыхъ потому лежитъ отвѣтственность за судьбу національных стремленій.

Вопросъ идетъ теперь, какъ мы знаемъ, ближайшимъ образомъ объ участи центральной Италиі; потому и посмотримъ сначала, что сдѣлала она для пріобрѣтенія и охраненія желанной независимости.

Въ прошедшій разъ мы изложили первыя дѣйствія временныхъ правительствъ центральной Италиі послѣ полученія извѣстій о Виллафранкскомъ мирѣ. Они объявили, что возстановленіе прежнихъ правительствъ несогласно съ желаніями тосканскаго, пармскаго, моденскаго и романскаго населенія, которое хочетъ присоединенія къ Піэмонту, и въ каждой изъ четырехъ областей были немедленно назначены выборы для составленія національнаго собранія, которое дало бы законное выраженіе общему желанію. Выборы повсюду произведены были самымъ спокойнымъ, достойнымъ образомъ; депутатами повсюду были избраны самые почтенные люди;—знатѣйшіе и богатѣйшіе аристократы повсюду явились предводителями народа въ выраженіи національнаго желанія, и напримѣръ въ Тосканѣ цѣлую половину всего числа депутатовъ составляли лица изъ титулованнаго дворянства. Покорно открылись національныя собранія въ Тосканѣ, Моденѣ, Романѣ и Пармѣ, и ходъ дѣлъ повсюду былъ совершенно одинаковъ: тотчасъ же по открытіи совѣщаній кто нибудь изъ самыхъ знаменитыхъ и уважаемыхъ людей дѣлалъ предложеніе о томъ, чтобы объявить низвергнутую династію низложенной волею націи; когда президентъ собранія спрашивалъ, кто поддерживаетъ это предложеніе, вставали всѣ члены собранія; пронія о предло-

женіи не бывали продолжительны, — они кончались въ одно засѣданіе, и когда сосчитывались голоса, подаваемые посредствомъ баллотировки, оказывалось, что предложеніе принято единодушно, всѣми безъ исключенія присутствующими членами: ни одного голоса не оказывалось противнаго общему національному желанію. Потомъ дѣлалось другое предложеніе: объявивъ низложеннымъ прежнее правительство, область выражаетъ желаніе присоединиться къ Піемонту, — и опять ходъ дѣла былъ прежній, и опять предложеніе принималось всѣми депутатами единодушно, и послѣ того національному собранію оставалось только назначить членовъ депутаціи, которая должна явиться къ „славному представителю идеи національнаго единства и независимости, Виктору Эммануилу“ и объявить ему, что страна, приславшая эту депутацію, хочетъ составить часть государства, признающаго его своимъ государемъ.

Само собою разумѣется, что всѣ акты этой драмы, — и выборы депутатовъ въ національное собраніе, в открытіе засѣданій собранія, и рѣшеніе собранія о низложеніи прежней династии, и рѣшеніе его о присоединеніи къ Піемонту, и отправленіе депутаціи въ Туринъ для сообщенія Виктору Эммануилу объ этомъ рѣшеніи, — каждая изъ этихъ сценъ происходила среди восторженнаго ликованія всей массы того народа, который имѣлъ физическую возможность окружить своихъ депутатовъ, столь вѣрно выполнившихъ его волю. Мы не рассказываемъ подробно ни этихъ сценъ, ни совѣщаній національныхъ собраній, потому что, при всей своей возвышенности, эти эпизоды не имѣютъ важнаго историческаго значенія. Либеральныя газеты очень толкуютъ о нихъ, какъ о безспорныхъ доказательствахъ сильнаго стремленія итальянцевъ къ національному единству; но, по нашему мнѣнію, существованіе такого простого, такого естественнаго чувства никогда не должно было подлежать сомнѣнію, и тѣ публицисты, которые нуждались въ свидѣтельствѣ послѣднихъ событій, чтобы увѣровать въ національное чувство итальянцевъ, выказывали только свою крайнюю непроницательность своею прежнею полемикою противъ людей, давно говорившихъ, что Италія готова забыть всѣ прежнія областныя свои подраздѣленія при первой возможности къ соединенію въ одно государство. Если уже нужны доказательства на то, что какой нибудь народъ хочетъ быть однимъ цѣлымъ, хочетъ избавится отъ разрознности, въ которую повергло его иностранное насилие, то итальянцы представили эти доказательства еще въ 1848 г., когда не только центральная Италія, но и отдаленнѣйшія провинціи Неаполитанскаго королевства волновались для вспоможенія ломбардцамъ въ борьбѣ съ австрійцами. Непредвидѣнное, новое въ рѣшеніяхъ народа центральной Италіи о присоединеніи своемъ къ Піемонту только развѣ то вычтатѣліе, какое производятъ эти рѣшенія на такъ называемыхъ умѣренныхъ либераловъ Европы: эти бѣдные люди не замѣчаютъ, что центральная Италія нынѣшнимъ выраженіемъ своихъ желаній снова подтверждаетъ теорію Мадзини о томъ, что Италія хочетъ не просто свободы, а понимаетъ невозможность свободы безъ основанія одного могущественнаго національнаго государства и что всѣ итальянскія области готовы пожертвовать своею самостоятельностью для основанія такого государства. Намъ кажется забавно, что публицисты,

объявлявшие идеи Маццини безумными и гибельными, теперь восхищаются фактами, соответствующими теории Маццини и опровергающими мнение его противников о недостатках в итальянцах стремления к соединению в одно государство.

Итак, мы находим, что решения национальных собраний центральной Италии не представляют решительное ничего нового в истории чувства итальянского единства. Не имей значения теоретической новизны, они еще меньше имеют практического значения. Что итальянцы хотят национального единства, это мы знали и без национальных собраний Тосканы, Романьи и т. д.; а будет ли их желание исполнено, по крайней мере по отношению к центральной Италии, или по прежнему останется только неосуществленным желанием, это зависит все же оттого, выражено ли национальное желание итальянцев и хорошим ли, законным ли, почетным ли образом выражено, — осуществление всех подобных вещей зависит от элементов совершенно иного рода. Нужна сила, которая могла бы привести в исполнение решения национальных собраний центральной Италии, могла бы отстоять выраженное ими стремление против насилия могущественной державы, которую только физическая сила может остановить от низвержения всех временных правительств и национальных собраний центральной Италии и от введения прежнего порядка вещей в этих областях. На какую же силу может рассчитывать центральная Италия для осуществления своего национального стремления, в противность желанию Австрии?

До последнего времени, люди, руководящие итальянским движением, считали или по крайней мере высказывают уверенность, что Франция благоприятствует их желанию и не допустит Австрию совершить восстановление прежних правительств вооруженною рукою. Даже статья „Монитера“, переведенная нами, не заставила их отказаться от надежды на покровительство Франции. В самой Франции, в Германии, в Англии, повсюду объяснение „Монитера“ было понято в прямом и ясном своем смысле: император французов навмывает итальянцев неблагодарными, говорить, что избавляет их неблагодарностью от всяких обязанностей относительно Италии, и не будет защищать ее против австрийцев. Итальянцам было угодно перетолковывать это положительное и очень ясное объявление в смысле, совершенно противоположном: они вздумали уверить себя, будто все содержание статьи „Монитера“ состоит в том, что Франция не допустит вооруженного вмешательства Австрии в итальянские дела. Каким образом они отыскивали в „Монитере“ такое уверение, остается их тайною, и такое странное открытие окажется еще изумительнее, если мы припомним многочисленные факты, которыми обнаруживались истинные отношения Франции к Италии со времени Виллафранкского мира.

В прошедшем месяце мы уже говорили о посольстве графа Резе, который был отправлен императором французов в Пизу, в Тоскану т. д. убеждать непокорных жителей центральной Италии подчиниться предложению Виллафранкского договора о восстановлении прежних их правительств. Мы знаем, что его посольство не имело успеха. Тогда император французов отправил в Италию другого чрезвычайного посланника,

графа Понятовскаго, который подобно Резе, старался запугать итальянцев страхом австрійскаго вторженія и увѣреніями, что Наполеонъ III не найдетъ возможности въ такомъ случаѣ подать помощи итальянцамъ. Выставляя безразсудство мысли о сопротивленіи австрійцамъ, опирающимся на одобреніе Франціи, Резе и Понятовскій старались съ другой стороны доказать итальянцамъ, что возстановленіе изгнанныхъ династій не повлечетъ за собою никакихъ дурныхъ послѣдствій, не будетъ сопровождаться никакою реакціею, что напротивъ того возвращаемые владѣтели будутъ отличаться чрезвычайнымъ либерализмомъ и самою усердною преданностью къ развитію итальянской національности, введутъ въ свои владѣнія самыя свободныя учрежденія и т. д. Краснорѣчіе посланниковъ доходило до того, что они выставляли даже недостатки рекомендуемыхъ ими герцоговъ вѣрными ручательствами за то, что подданные ихъ будутъ пользоваться чуть не республиканскою свободою. Такъ, напримѣръ, тосканцамъ говорили, что для нихъ вовсе не будетъ опасенъ Фердинандъ IV, которому передалъ свои права бывший великій герцогъ Леопольдъ, отецъ его, отказавшійся отъ престола: молодой великій герцогъ, по словамъ Резе и Понятовскаго, думаетъ только о пирушкахъ, красавицахъ, картахъ, и вовсе не знакомъ и не хочетъ знакомиться съ государственными дѣлами; такимъ образомъ, продолжали французскіе агенты, при немъ Тоскана станетъ пользоваться совершенною свободою: занятый своими веселостями, онъ вовсе не станетъ вмѣшиваться въ управленіе.

Посольство графовъ Резе и Понятовскаго показываетъ, какъ добросовѣстно старался императоръ французовъ о выполненіи той статьи Виллафранкскаго мира, по которой согласился на возстановленіе эрцгерцоговъ. Не менѣе яснымъ свидѣтельствомъ увѣренности австрійцевъ въ добромъ его расположеніи служили Цюрихскія конференціи, столь знаменательно завершившіяся повѣздою князя Меттерниха (сынъ покойнаго всемогущаго министра) для личнаго соглашенія съ Наполеономъ III.

Надобно начать съ того, что самое возникновеніе Цюрихскихъ конференцій было слѣдствіемъ доброжелательной готовности императора французовъ дѣлать все возможное въ угоду австрійцамъ. Читатель знаетъ, что въ Виллафранкѣ былъ заключенъ не окончательный, подробный трактатъ, а только предварительный мирный договоръ, ограничивавшійся лишь самыми общими опредѣленіями основнхъ условий мира. Притомъ и этотъ предварительный трактатъ былъ подписанъ только Австріею и Франціею: Сардинія не подписывала его, оставаясь только въ перемиріи съ австрійцами. Для заключенія окончательнаго мирнаго трактата, въ которомъ участвовала бы и Сардинія, необходимы были новые переговоры; они могли происходить въ формѣ конференцій исключительно только между тремя державами, воевавшими между собою; но можно было также составить конгрессъ, въ которомъ участвовали бы всѣ европейскія державы.

Повидимому, естественнѣе всего было бы выбрать форму общаго европейскаго конгресса. Виллафранкскій миръ, передавая Ломбардію отъ Австріи Піемонту, измѣнялъ одно изъ главныхъ постановленій Вѣнскаго конгресса, потому дипломатическій обычай требовалъ, чтобы на совѣщаніе объ этой

уступки были приглашены все державы, участвовавшие в составлении Вейсбургского трактата. Кроме этой формальной причины, была и существенная необходимость в приглашении всех первостепенных европейских держав к участию в переговорах: перемирие столь важная, как переход большой и богатой области от одной державы к другой, при нынешнем состоянии европейской дипломатики, нуждается в согласии всех держав, имеющих сильное влияние на дела нашей части света. Но Австрия не хотела европейского конгресса, отчасти потому, что опасалась от него некоторых изменений в условиях Виллафранкского мира в невыгодном для нея смысле; отчасти потому, что вовсе не хотела упрочения этих условий, каковы бы ни были они, ручательством всех европейских держав. Действительно, Наполеон III говорил совершенную истину, объявляя, что дал императору австрийскому мир на условиях более выгодных для Австрии, чем те условия, какие предлагались державами, готовившимися принять на себя посредничество между Австрией и Францией. Надобно было ожидать, что и на конгрессе некоторые державы будут менее, нежели Франция, благоприятствовать сохранению австрийского могущества в Италии. Об Англии положительно было известно, что она будет стараться изменить Виллафранкские условия так, чтобы независимость Италии была хотя сколько нибудь ограждена. Натурально, что австрийцы уже по одной этой причине опасались конгресса. Еще важнее была другая причина, по которой они отклоняли его. Если уступка ломбардских земель Пизмонту будет утверждена согласием всех европейских держав, Австрия возстановит против себя все эти державы, когда вздумает возвратить себе Ломбардию; а она почти открыто признается, что имеет эту цель и хочет воспользоваться первым случаем для отнятия у Пизмонта приобретенной им области: потому для нея очень полезно устроить дело так, чтобы переход Ломбардии к Пизмонту был утверждён согласием только одной Франции: тогда и для оправдания своих будущих попыток завоевать Ломбардию Австрия нуждалась бы в согласии не то одной только Франции, имела бы право отвечать на протест каждой иной державы против такой попытки: „вам какое дело? вы не участвовали в сделках, которыми определено положение Ломбардин, стало быть не следует вам заниматься и перемириями в этом положении“.

Само собою разумеется, что эти невыгоды конгресса для Австрии не более как невыгоды чисто формальные, значительные только с дипломатической точки зрения, но не могущие иметь никакого действительного значения. Читатель очень хорошо должен знать из истории, что условия мира зависят от воли победителя, и никакая держава не может произвесть в них чувствительных изменений, если не возьмется сама за оружие, — стало быть и европейский конгресс не мог бы сделать ничего важного в пользу Италии. Читатель также очень хорошо должен знать, что дипломатические гарантии всегда оказываются или совершенно излишними, или совершенно не действительными: если какая нибудь могущественная держава во время нарушения условий, данных слабому государству сильным, найдет выгодуступить за права слабого, она вступится за них, хотя бы вовсе не гарантировала их; а если не будет находить в том выгоды для себя, то

ни мало не заступится, хотя бы они гарантированы ею самым положительным образом, потому что всегда найдется благовидный предлог уклониться от невыгодных обязанностей. Но должно помнить, что послѣ Виллафранк-скаго мира отношенія Италіи, Австріи и Франціи получили дипломатическій характеръ; а въ дипломатическомъ смыслѣ, какъ мы видѣли, невыгоды европейскаго конгресса для Австріи представлялись очень значительными.

Но выгоды Пізмонта и Италіи противоположны выгодамъ Австріи: потому натуральнымъ образомъ Пізмонтъ желалъ европейскаго конгресса. Итакъ, съ одной стороны было желаніе Пізмонта и всей Италіи, дипломатическій обычай и отчасти даже дѣйствительная потребность по правиламъ международныхъ европейскихъ отношеній, съ другой—нежеланіе Австріи. Сардинія, дипломатическій обычай и европейское право требовали созванія конгресса для окончательнаго рѣшенія судьбы Италіи; для Австріи пріятно было рѣшить дѣло, такъ сказать, домашнимъ образомъ, безъ участія постороннихъ державъ. частными конференціями между тремя примиряющимися державами.

Таковъ былъ смыслъ вопроса о конгрессѣ или конференціяхъ, подни-таго тотчасъ по заключеніи Виллафранкскихъ условій. Какъ и всѣ событія съ самаго начала приготовленій къ войнѣ,—это дѣло зависѣло отъ воли императора французовъ: если бы онъ не захотѣлъ уступить желанію Австріи, Австрія была бы въ необходимости согласиться на конгрессъ, потому что иначе она явилась бы сама виновницею разрыва Виллафранкскихъ условій, а каждый, слѣдившій за ходомъ войны и дипломатическихъ отношеній, знаетъ, что она никакъ не могла рѣшиться на такое неблагоприятное безразсудство.

Поставленный рѣшителемъ спора между Сардиніею—представительницею Италіи, и Австріею, императоръ французовъ почелъ удобнѣйшимъ для себя оказать истинно дружеское покровительство желанію Австріи, и открылись конференціи въ Цюрихѣ.

Если самое открытіе конференцій было выраженіемъ доброжелательства императора французовъ къ Австріи, то еще яснѣе обнаружилось это отношеніе формою конференцій и ходомъ совѣщаній на нихъ.

Читатель знаетъ, какимъ обиднымъ для Пізмонта образомъ Австрія вела дѣло о перемиріи и объ уступкѣ Ломбардіи. Она не хотѣла удостоивать Сардинію чести прямыхъ сношеній съ нею, и уступила Ломбардію не ей, а императору французовъ, который уже лично отъ себя передалъ эту область Виктору-Эммануэлю. Той же самой системы презрѣнія держалась Австрія и на Цюрихскихъ конференціяхъ. Переговоры происходили не прямо между уполномоченными всѣхъ трехъ державъ: австрійскіе уполномоченные сообщали свои мысли французскимъ, и уже французскіе передавали требованія сардинцамъ, потомъ сообщали мысли сардинскихъ уполномоченныхъ австрійскимъ. Не только не хотѣли австрійцы сноситься прямо съ сардинцами, но и вообще уклонялись отъ веденія дѣла на конференціяхъ, какъ будто находили униженнымъ для себя опредѣлять свои отношенія къ Италіи въ такихъ совѣщаніяхъ, на которыхъ получили право присутствовать, какъ равные съ ними, уполномоченные Пізмонта: австрійское неудовольствіе не смягчалось даже тѣмъ, что это формальное право было.

как мы сейчас говорили, уничтожено введеніемъ отдѣльныхъ совѣщаній между Австріею и Франціею. Засѣданія конференціи безпрестанно перерывались на нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ австрійцы вели переговоры въ Сенъ-Клу, въ Парижѣ или Сенъ-Соверѣ, непосредственно съ императоромъ французовъ, и Цюрихская конференція должна была только принимать результаты, полученные австрійцами посредствомъ совѣщаній, изъ которыхъ уже совершенно исключена была Сардинія. Такая очевидная снисходительность императора французовъ къ желаніямъ Австріи, разумѣется, производила въ австрійцахъ чрезвычайную требовательность: Австрія хотѣла, чтобы Сардинія во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ отказывалась отъ своихъ интересовъ, правъ и притязаній, а сама не отступала ни въ чемъ ни отъ одной изъ своихъ претензій. Такимъ образомъ, Цюрихскія конференціи оказались еще болѣе безсильными, чѣмъ можно было ожидать. Результаты Цюрихскихъ совѣщаній, разумѣется, сохраняются подъ строжайшимъ дипломатическимъ секретомъ, и хранить этотъ секретъ тѣмъ легче, что, собственно говоря, нечему изъ него и обнаруживаться: несмотря на всѣ заботы уполномоченныхъ показывать видъ, будто они совершаютъ важныя дѣла, для всей Европы очевидно, что они не могутъ ничего сдѣлать, по чрезвычайной требовательности Австріи.

До какой степени доходила на Цюрихскихъ конференціяхъ эта требовательность, можно судить по одному, чисто формальному предмету раздора. Австрійскіе уполномоченные вздумали спросить, какой титулъ намѣренъ принять Викторъ-Эммануэль теперь, по приобрѣтеніи Ломбардіи? Сардинцы отвѣчали, что онъ думаетъ назвать свою державу „королевствомъ Верхней Италіи“. Австрійцы объявили, что не согласятся на такой опасный титулъ, и что держава Виктора-Эммануэля должна довольствоваться именемъ „королевства Сардинскаго и Ломбардскаго“. Изъ этого возникли безконечныя споры; чѣмъ кончились они, мы, признаемся, не полюбопытствовали узнать; но читатель можетъ судить, какова была неуступчивость Австріи во всѣхъ существенныхъ вопросахъ, если она ухитрилась поднять споръ по дѣлу, не имѣющему ровно никакого дѣйствительнаго значенія.

Теперь обнаружилось, что Цюрихскія конференціи не могутъ ничего порѣшить, и что для окончанія дѣла надобно прибѣгнуть къ какимъ нибудь другимъ средствамъ. Съ новою силою возникло требованіе конгресса со стороны Сардиніи; но Австрія по прежнему не хочетъ его, и Франція, изъ любезности къ ней, теперь придумываетъ новыя дипломатическія формы, по которымъ дѣло могло бы рѣшиться соглашеніемъ только между Австріею и Франціею, безъ участія другихъ первокласныхъ державъ. Говорятъ, что такою формою избрано личное свиданіе Франца Іосифа съ Наполеономъ III, и газеты исполнены извѣстіями о томъ, что въ Арененбургѣ, замкѣ принадлежащемъ императору французовъ въ Швейцаріи, дѣлаются приготовленія къ посѣщенію высокихъ друзей. Не имѣя никакой наклонности проникать въ дипломатическія тайны, мы мало жалѣемъ о томъ, что не можемъ положительно объявить читателю, должно ли дѣйствительно состояться такое свиданіе, и можетъ ли итальянское дѣло быть покончено безъ сознанія европейскаго конгресса: для насъ очень достаточно и того, что существуетъ предположеніе о

разрѣшеніи итальянскихъ недоразумѣній личнымъ свиданіемъ двухъ императоровъ, — для насъ довольно этого новаго свидѣтельства о дружелюбіи между ними. Зная наклонности и предположенія двухъ императоровъ, уже можно предугадывать, какъ будетъ рѣшено дѣло центральной Италіи, если будетъ зависѣть только отъ воли Наполеона III и Франца Іосифа. А будетъ ли оно зависѣть только отъ ихъ воли, или явятся обстоятельства и приобретутъ вліяніе элементы, несогласные съ ихъ намѣреніями, этого не знаютъ еще и дипломаты.

Изъ элементовъ, которые могли бы своимъ энергическимъ вліяніемъ повести вопросъ къ рѣшенію, различному отъ того, какое предопредѣляется ему дружелюбными отношеніями Австріи въ Франціи, прежде всего представляется уму каждаго рѣшимость Сардиніи отражать силу силою. Если бы Викторъ-Эммануэль положительно сказалъ, что принимаетъ земля центральной Италіи въ составъ своего королевства, и быстро исполнилъ это присоединеніе, то, по всей вѣроятности, такое самостоятельное дѣйствованіе пробудило бы горячія дипломатическія протестаціи, — со стороны Австріи открытыя, со стороны Франціи секретныя, — но уничтожило бы всякую мысль о вооруженномъ подавленіи желаній центральной Италіи. Сардинская армія, усилившись ломбардскими солдатами, имѣетъ теперь до 120,000 человекъ; принявъ быстрыя мѣры къ увеличенію военныхъ силъ центральной Италіи, легко было бы въ двѣ недѣли довести цифру войскъ Викторъ-Эммануэля до 200,000. Противъ такого числа защитниковъ, Австрійцамъ понадобилось бы послать не менѣе 250,000 человекъ, начинать войну въ серьезныхъ размѣрахъ, — а на это Австрія, при нынѣшнемъ изнуреніи, никакъ не рѣшилась бы. Но нынѣшнее сардинское правительство держитъ себя въ чрезвычайной зависимости отъ Франціи. Оно думаетъ, что должно искать себѣ опоры во въ смѣломъ удовлетвореніи національнымъ стремленіямъ, а въ милостивомъ покровительствѣ императора французовъ. Потому, когда явилась въ Туринѣ депутація тосканцевъ съ предложеніемъ присоединить ихъ землю къ Сардиніи, отвѣтъ имъ былъ данъ совершенно неопредѣлительный и совершенно несообразный съ потребностями положенія. Надобно было прямо сказать: „Да, принимаю ваше предложеніе“ и быстро декретировать мѣры къ эвергической оборонѣ и къ осуществленію соединенія, — тогда отвратилась бы опасность вооруженнаго вмѣшательства Австріи, и осуществленію патріотическихъ желаній было бы обезпечено; или прямо сказать: „нѣтъ, не могу принять“ — тогда тосканцы знали бы, что должны покориться и могли бы избѣжать ужасовъ открытаго завоеванія — согласіемъ на возвращеніе прежнихъ династій или избраніемъ въ свои правители принца Наполеона. Но сардинское правительство не сказала ни того, ни другаго. Викторъ-Эммануэль отвѣчалъ тосканцамъ, что онъ благодаритъ ихъ, и очень радъ былъ бы поступить по ихъ желанію, но что исполненіе этого желанія зависитъ не отъ него, а отъ согласія Европы, и что онъ будетъ ходатайствовать за нихъ передъ европейскими державами и передъ великодушнымъ воимъ покровителемъ, императоромъ французовъ. Точно такой же отвѣтъ былъ данъ и депутаціямъ остальныхъ земель центральной Италіи. Нѣтъ надобности объяснять, что подобная политика оставляетъ центральную Ита-

лю в прежней тяжелой неизвестности о томъ, должна ли она надѣяться на помощь сардинской арміи, или предоставляется исключительно собственнымъ силамъ. Впрочемъ, если мы говоримъ о неизвестности, мы опредѣляемъ этимъ только впечатлѣніе, произведенное отвѣтомъ сардинскаго короля на центральную Италію, а для посторонняго наблюдателя, хладнокровно взвѣшивающаго дипломатическія выраженія, очень ясно, что отвѣтъ Виктора-Эммануэля заключаетъ отказъ въ вооруженной помощи противъ австрійскаго нападенія: король сардинскій говоритъ о „ходатайствѣ передъ европейскими державами“, а не упоминаетъ о „защитѣ отъ насилія“, — на дипломатическомъ языкѣ такое умолчаніе равносильно положительному объявленію, что Сардинія не отвѣщается оборонять центральную Италію отъ вторженія австрійцевъ.

Итакъ, центральная Италия остается предоставлена своимъ собственнымъ силамъ. Посмотримъ же, какія средства приготовила она для того, чтобы воспротивиться насильственному возстановленію низложенныхъ правительствъ. Вотъ подробное изложеніе этого вопроса, сдѣланное флорентійскимъ корреспондентомъ „Times'a“. Надобно предварительно замѣтить, что этотъ корреспондентъ самъ итальянецъ и вполнѣ сочувствуетъ дѣлу итальянскаго единства.

«Флоренція, 21 іюля».

«Эти люди, столь спокойные и разсудительные въ своихъ дѣйствіяхъ, столь еди-
нодушные и рѣшительные въ окончательномъ своемъ опредѣленіи, готовы ли подвер-
гаться лишеніямъ, выдерживать опасности, которыя влечетъ за собою нѣ рѣшеніе?
Вудутъ ли дѣла ихъ соответствовать мужественнымъ словамъ? Будетъ ли ихъ твер-
дость равняться ихъ благоразумію, и на полѣ битвы окажутся ли они столь же не-
поколебимыми, какъ въ залѣ собранія? Увы! Человѣческая храбрость непрѣнно осно-
вывается на сознаніи своей силы, на увѣренности въ ней, а этого, я боюсь, очень
мало найдется въ тосканскихъ патриотахъ. Люди въ Тосканѣ благородны, благоразумны,
возвышенны въ своихъ чувствахъ, но вовсе не горды. Призывовъ нравственнаго муж-
ества можно ожидать отъ нихъ, но едва ли можно ожидать многочисленныхъ при-
зывовъ физической храбрости. Какъ ни прекрасны ихъ настрѣнія, но я не знаю, най-
дется ли десятокъ такихъ патриотовъ, которыхъ можно заставить сдѣлать переходъ въ
три или въ знойное время на встрѣчу даже самому слабому врагу. Слабость и нѣж-
ность тосканцевъ, особенно флорентинцевъ, превосходитъ всякое извѣстіе. Въ по-
слѣдніе три вѣка у нихъ были такіе нравы и обычаи, которые совершенно разслабили
это племя, бывшее и въ самое энергическое свое время болѣе способнымъ на гра-
жданскіе споры, нежели на перенесеніе трудностей похода. У этого народа, любящаго
спокойствіе, нѣтъ ничего похожего на мужественныя игры, на атлетическія забавы.
Лошади у нихъ есть, они даже любятъ лошадей, но, за исключеніемъ кавалерійскихъ
офицеровъ, едва ли вы увидите какого нибудь тосканскаго джентльмена на сѣдлѣ. Да
и офицеры, и даже простые солдаты завладѣли всѣмъ извозчачиимъ экипажемъ и ка-
жутся лишенны всякихъ средствъ къ передвиженію, кромѣ какъ на машинахъ съ коле-
сами и рессорами. Въ послѣдніе два мѣсяца тосканцы сформировали эскадроны волон-
теровъ-гусаръ; вооружавшихся и экипировавшихся на свой счетъ. Эти гусары нѣдѣлю
лень разлѣзываютъ по улицамъ въ экипажахъ — это я вижу постоянно, но еще не
нѣдѣлю счастья видѣть хотя одного изъ нихъ, верхова на лошади».

«У нихъ любимая отговорка та, что достоинство солдата — нравственная, а не
физическая энергія и что каждый гражданинъ, одушевленный благороднымъ принци-
помъ, мгновенно можетъ стать превосходѣйшимъ боевымъ солдатомъ. Но я видѣлъ
ихъ волонтеровъ и ихъ регулярныя войска на походѣ въ Ломбардію, подъ командою

Уллоа, и хотя многие изъ ихъ недостатковъ надобно приписать дурной командѣ и очень дурному коммиссаріату, но должно сказать и то, что въ пѣхой дивизіи едва ли было три человека, нѣвшихъ силу сдѣлать дневной переходъ приличнымъ солдатъ образомъ. Они всѣ могли оказаться героями на полѣ битвы, до которой, къ несчастью, не допустили ихъ, но съ стороны походной дисциплины они представляли жалкій видъ.

«Съ такими-то оборонительными силами Тоскана готовится станивать свои желанія противъ Австріи и, быть можетъ, Франціи. Швейцарія, нѣвшая населеніе многомъ больше, нежели Тоскана, два года тому назадъ могла громко возстать, вызывая на борьбу съ собою громаднаыя силы самой воинственной изъ европейскихъ державъ. Но швейцарскіе люди достойны называться мужчинами. Неправедливо было бы винить тосканцевъ за извѣженность, которая развита въ нихъ прежними правительствами; но должно было бы выѣвшему правительству постараться объ исправленіи этого недостатка. Можно было бы желать, чтобы оно учредило стрѣльцовыя отряды, организовало артиллерию, постаралось сдѣлать молодыхъ людей изъ хорошихъ фамилій солдатами болѣе серьезными, чѣмъ волонтеры-гусары, занялось національной гвардіей, которая хороша, но малочисленна и мало обучена. Въ Англіи, гдѣ каждый занятъ полезнымъ дѣломъ, нельзя отрывать отъ него людей, чтобы дѣлать ихъ рекрутами. Но въ Италіи, гдѣ изъ десяти человѣкъ высшего и среднего сословія донатеро ничего не дѣлають, записывать молодыхъ людей въ пѣшіе или конные отряды значитъ отрывать ихъ отъ праздности. Изъ флорентинскихъ кофейныхъ можно было бы набрать нѣсколько батальоновъ здоровыхъ рекрутъ».

«Флоренція, 2 сентабря».

«Даже подъ страхомъ получить ния аларниста, я долженъ возвратиться къ не-пріятному вопросу о вооруженіяхъ центральной Италіи. Я думаю, что мое предостереженіе будетъ еще своевременно и полезно для итальянцевъ.

«Всѣ газеты съ увѣренностью говорили, что силы революціонизированныхъ государствъ центральной Италіи простираются до 40 или 50.000 человѣкъ. Я съ частю повторялъ это увѣреніе. Но теперь я долженъ прибавить, что эта цифра достигнута только на бумагѣ. Силу войскъ, которыми теперь могли бы быть выведены въ поле, никакъ нельзя покомить болѣе, 20, или со всѣмъ натяжаніемъ болѣе 22.000 человѣкъ. Число тосканцевъ, находящихся подъ командою Гарибальди и составляющихъ средству между регулярными войсками и волонтерами, можно полагать въ 10.000. Этотъ храбрый и добрый человѣкъ, въ письмѣ отъ 30 августа, опровергаетъ слова тѣхъ газетъ, которыя, утверждали, что тосканскія всѣяка были дезорганизованы и дезорганизованы своими прежними командирами¹⁾. Гарибальди говоритъ, что «судя по ихъ выѣвшему дуу, дисциплинѣ и воинственному виду, онъ думаетъ, что эти солдаты съ честью могли сражаться подлѣ Маджентскихъ и Сольфериинскихъ побѣдителей». Но сколько я знаю, никто и не пыталъ сомнѣнія о ихъ мужествѣ и воинственномъ видѣ. Всѣ жалобы относились въ ослабленію дисциплины и къ недостаточной приготовленности ихъ переносить трудности долгихъ переходовъ и лишений походной жизни. Я знаю, что теперь они въ лучшихъ рукахъ и скоро будутъ способны очистить себя отъ всѣхъ невыгодныхъ сужденій. Но все-таки они неопытные солдаты, и невозможно, чтобы они держали себя, какъ ветераны. Маленькая тосканская армія въ нѣнѣшемъ своемъ видѣ—не созданіе новаго времени. Съ небольшими переизмѣненіями, она—наслѣдство, доставшееся новому правительству отъ прежняго герцога.

«Фарини организовывалъ моденскую бригаду, реджисскую бригаду и теперь занимается организованіемъ париской бригады. Но приготовить регулярныя войска къ полевымъ дѣйствіямъ гораздо труднѣе, чѣмъ проектировать ихъ въ декретахъ. Роман-

¹⁾ Генераломъ Уллоа, котораго осуждаютъ за то, что онъ, слишкомъ подчинялся принцу Наполеону и вообще французской политикѣ, оставилъ тосканскія войска въ бездѣйствіи.

ская дивизия Меццокапо не была еще готова цѣлыхъ два мѣсяца послѣ того, какъ вытѣлся наборъ ея, и усердіе итальянскихъ волонтеровъ необходимо было охлаждено Виллафранкскимъ миромъ. По послѣднимъ и вѣрнымъ извѣстіямъ изъ Пармы я знаю, что въ этомъ городѣ не болѣе 500 волонтеровъ, да и то болѣею частью люди, отпущенные изъ нѣмонской арміи и привлеченные подъ знамена нѣгпо огромнымъ жалованьемъ, которое назначено какъ будто для того, чтобы сдѣлать изъ пьяную и безпорядочную толпу. Я не думаю, чтобы не таково же было состояніе моденской и реджіосской бригады. Безспорно, Гарибальди такой человѣкъ, что можетъ совершать чудеса съ самыми жалкими средствами. Рекруты, новобранцы изъ въ Ломбардію, подъ именемъ альпійскихъ стрѣлковъ, игоинно были превращены его вліяніемъ въ легіоны героев,—но то дѣлалось въ энтузіазмѣ безотлагательнаго боя и постоянныхъ успѣховъ. Мнѣ кажется страшною для итальянцевъ не открытая война, а долгая, утомительная праздность и разслабляющая жизнь въ городахъ. Я увѣренъ, что Гарибальди, не хуже меня, понимаетъ опасность своего капуанскаго отряда и постарается держать своимъ моденскимъ и другія войска въ непрерывной дѣятельности, необходимость которой для тосканскихъ войскъ онъ уже замѣтилъ. Но какъ бы то ни было, я не вижу возможности говорить теперь о моденскихъ и парискихъ войскахъ, какъ о дѣйствительно существующихъ уже въ настоящемъ. Всѣ докеры говорятъ о нихъ въ будущемъ времени; я знаю, что теперь устроены пока только нѣе зародыши и кадры трехъ этихъ бригадъ, и я не увѣренъ, чтобы во всѣхъ трехъ бригадахъ нашлось готовыми къ выступленію много сотенъ солдатъ.

«Въ Романья организация дивизіи Меццокапо встрѣчала много затрудненій. Два нѣе сформированные корпуса генерала Росселла и полковника Пинелли отняли много волонтеровъ у этого первоначальнаго отряда, потерявшаго много солдатъ и черезъ отпускъ тѣхъ волонтеровъ, которые не хотѣли продолжать службу, такъ что высшая цифра, какою опредѣляютъ численность войскъ подъ командою Меццокапо, не превышаетъ 8,000 человѣкъ. Къ нимъ должно прибавить отрядъ Росселли, простиравшіяся, быть можетъ, до 3,000 чел. Вся эта масса моденскихъ и романскихъ войскъ состоитъ изъ людей, большинство которыхъ ни разу не были въ огнѣ. Тосканцы, кажется, имѣютъ четыре съ половиною батальона, по восьми орудіи каждая; въ Романья артиллерія состоитъ изъ 12 пушекъ. Въ Тосканѣ, кромѣ 10,000 человѣкъ, входящихъ теперь въ лагерѣ, есть еще резервъ, который простирается, быть можетъ, до 10,000 человѣкъ; въ это число входятъ 2,400 человѣкъ жандармовъ и солдатъ таможенной и прибрежной стражи,—эти солдаты иррегулярные, но, разумеется, ихъ нельзя выводить за границу; остальные—рекруты. Если время позволитъ довершить обученіе рекрутъ и если будутъ деньги, то нынѣшнее число дѣйствительно годныхъ въ дѣло солдатъ центральной Італіи,—22,000 человѣкъ,—безспорно можетъ быть удвоено.

«Тоскана, Парма, Модена и Романья имѣютъ отъ 4 до 5 миллионъ жителей. Когда нынѣшнія распоряженія о наборѣ войскъ будутъ всѣ исполнены, эти земли будутъ имѣть до 50,000 войска, то есть по одному солдату на 100 человѣкъ жителей,—пропорція не дурная для государства, находящагося въ всякой опасности и пользующагося глубокимъ миромъ.

«Но мнѣ кажется, что центральная Італія не находится въ всякой опасности и не можетъ надѣяться на глубокій миръ.

«Въ герцогствахъ Парисконъ и Моденсконъ высказывается сильная, но не очень практичная ревность къ поголовному вооруженію народа. Нѣзнія сословія имѣютъ оружіе, во правительствѣ, во крайней мѣрѣ въ Пармѣ, почти болѣе дозволятъ имъ обратиться обращенію съ оружіемъ. Въ Тосканѣ «благоразумные» люди говорили мнѣ: «много мы надѣлали великихъ глупостей, но избѣжали по крайней мѣрѣ одной,—устроенія національной гвардіи». Дѣйствительно, до Виллафранкаго мира не было нѣе похужаго ни національную гвардію. Теперь есть до 500 молодыхъ людей изъ средняго сословія, начавшихъ учиться военному дѣлу. Но національная гвардія не «мла бы «великою глупостью» для страны, которая нуждается въ защитникахъ. Бы для нужна здѣсь долженъ былъ бы имѣть ружье и учиться стрѣльбѣ въ него.

Нѣтъ на землѣ ничего удивительнѣе итальянской дѣни. Я могъ бы дѣлать сутки безъ перерыва говорить на эту грустную тему. Итальянцы предавались дѣни при своихъ прежнихъ абсолютныхъ правительствахъ, потому что «суровость тѣхъ временъ полагала всякую энергію». Они предаются дѣни—предаются ей, если только можно, больше прежняго, при вышшемъ положеніи вещей, потому что «сильныя ощущенія отъ изумительныхъ событій не даютъ подумать ни о какомъ дѣлѣ». Нѣтъ праздности могла бы обратиться на великую пользу нѣтъ, если бы они захотѣли употребить свое праздное время на то, чтобы обратиться къ военному дѣлу. Я слышалъ, что въ герцогствѣ Парискѣ устроены галлерей для стрѣльбы, и что народъ охотно посѣщаетъ ихъ. Но въ Тосканѣ ниче ую не тревожится звуками выстрѣловъ, ничего подобнаго не устроено, ни о чемъ подобномъ и не думаютъ. Праздность тосканской разслабляющей жизни въ кофейныхъ только усилилась въ эти тревожныя времена освобожденія. Нескончаемо идетъ въ кофейныхъ болтовня, остающаяся пустою болтовнею. Молодежь, безконечныя часы толковавшая прежде въ кофейныхъ о новой танцовщицѣ, также безконечно толкуетъ теперь о вѣроятности того, что Наполеонъ III скорѣе выступитъ за Тоскану, чѣмъ станетъ помогать австріяцамъ, о томъ, что Англія, или Пруссія, или китайскій императоръ явятся на защиту итальянскаго дѣла. И никто въ этой изнѣженной толпѣ не встанетъ напомнить своимъ товарищамъ шинуейцамъ, что мужчины должны быть мужчинами, что объ итальянскомъ дѣлѣ должны заботиться итальянцы, что каждый человѣкъ съ здоровыми руками и ногами бездѣйственно сидящій теперь въ кофейной есть изнѣженный роданъ. Я не разъ писалъ вамъ, что правительство хотѣло набрать эскадронъ гусаръ, числомъ въ 150 человекъ, изъ хорошихъ фамилій. Во время войны набралось до 60 человекъ такихъ гусаровъ; послѣ Виллафранческаго мира число ихъ уменьшилось до 25,—какова послѣ этого надежда на то, что люди хорошихъ фамилій будутъ готовы рисковать жизнью за независимость отечества? Эти 25, ничего не дѣлающихъ гусаровъ по прежнему гуляютъ пѣшкомъ, а чаще въ экипажахъ по улицамъ Флоренціи, оставаясь въ которой вовсе не слѣдовало бы имъ. У насъ здѣсь множество людей въ раззолоченныхъ мундирахъ, людей надѣвшихъ мундиры потому, что мундиръ, по ихъ мнѣнію, придаетъ имъ красоту; они съ большимъ удовольствіемъ носятъ тяжелыя, слишкомъ тяжелыя сабли, которыя гремятъ и звенятъ, волочась за ними,—но ихъ никогда не позовутъ на дѣйствительную службу, и, что еще хуже, они не слышатъ, если ихъ позовутъ.

«Я представлялъ картину не очень лестную. Но я вовсе не хочу, чтобы эту преступную бездѣйственность итальянцевъ принимали недостаткомъ храбрости, нежеланію идти на опасность и смерть въ случаѣ нужды. Пороки итальянцевъ должны быть приписываемы состоянію, въ какомъ находилось ихъ отечество столько вѣкомъ. Какимъ бы ни были итальянцы, должно сказать, что они безконечно лучше того, чѣмъ можно было бы ожидать. У нихъ живыя чувства и облагороженные инстинкты, надобно только дѣйствовать на нихъ во-время. Когда первые слухи о войнѣ электризовали страну четыре мѣсяца тому назадъ, было бы легко вывести сотни тысячъ итальянцевъ изъ этихъ кофейныхъ, заминаящихъ нѣтъ домъ. Въ апрѣлѣ въ Пізонѣ являлось столько волонтеровъ, что не находилось мѣста для нихъ всѣхъ. Даже теперь, если Гарибальди пройдетъ по тосканскимъ городамъ, привная молодежь къ оружію, за нимъ пойдутъ десятки тысячъ волонтеровъ. Битвы итальянцы не боятся, они не отступаютъ передъ огнемъ и сталью, когда кровь ихъ разгорячена. Но они не любятъ военнаго обученія и маршированія. Они не любятъ солдатчины, если не ведутъ необдуманно въ ней. Послѣ Виллафранческаго мира она вали въ отпеченіе, которое происходитъ на половину отъ увѣренности въ защитѣ, на половину отъ отчаянія. Императоръ французскій даетъ имъ увѣренія, что никакое вооруженное вѣдательство иностранцевъ не грозитъ имъ. Всѣ итальянскія, французскія и англійскія газеты повторяютъ, что Европа не позволитъ никому вальцемъ тронуть народъ, который держитъ себя съ такимъ притѣвнымъ достоинствомъ, благороднѣмъ, единодушіемъ. А если Франція въ Австрію оставляетъ ихъ въ покоѣ, то «за чѣмъ же,—говорятъ они,—намъ получать мигрени и козлы отъ долгихъ напрусаемыхъ маршей? Противъ нашихъ герцоговъ и павы слишкомъ довольно будетъ и тѣхъ солдатъ, которыхъ мы уже набрали; а если

Франція не сдержитъ своего слова,—если она или Австрія, или она и Австрія вѣдѣтъ, вѣдаютъ на часъ, въ чему приведутъ всѣ наши воинственные приготовления? Къ тому, чтобы утерять съ оружіемъ въ рукахъ и облагородить нашу погибель подвигами отчаянія! Но храбрость отчаянія не нуждается ни въ оружіи, ни въ солдатскомъ обученіи. Флоренція храбро сражалась противъ Карла V въ 1529 году, хотя имѣла только необученныхъ военному дѣлу гражданъ подъ начальствомъ Франческо Ферруччіо, противъ ветерановъ испанской и нѣмецкой арміи. Римъ и Венеція въ 1849 дорого продали побѣду французамъ и австрійцамъ, хотя едва ли кто изъ этихъ воюющихъ зналъ—правою или лѣвою ногою надобно выступать впередъ».

«Трудно спорить съ людьми, которые такъ легко смотрятъ на обязанности гражданина. Тосканское правительство, хорошо знающее свой народъ, по временамъ издастъ извѣщанія, краснорѣчивыя, чувствительныя патриотическія увѣщанія, приглашающія прежнихъ и новыхъ воюющихъ ставиться въ ряды арміи. Принуждать ихъ къ этому, или набирать солдатъ посредствомъ конскрипціи, кажется дѣломъ превышающимъ власть или рѣшимость правительства. Оно не отваживается на такія неудобноисполнимыя вещи, и его чрезвычайная заботливость о сохраненіи порядка дѣлаетъ его до крайности подоприльнымъ противъ каждаго, кто хотѣлъ бы изустно или печатно сдѣлать болѣе сильное воззваніе къ патриотическимъ чувствамъ массы. Быть можетъ, правительство поступаетъ благоразумно, держась такой системы,—быть можетъ, обстоятельства расположили такъ, что тосканцы будутъ избавлены судьбою отъ испытанія отчаянной обороны. Быть можетъ, ихъ желанія будутъ уважены и присоединеніе Тосканы къ Піемонту совершится безъ борьбы. Они поручаютъ рѣшенію великихъ державъ справедливость своего дѣла, но не приготовившись противопоставить отчаянное сопротивленіе вѣнчательному ихъ рѣшенію».

Итакъ, говоря коротко и прямо, центральная Италія остается беззащитна,—покрайней мѣрѣ была беззащитна въ половинѣ сентября, Силы, которыя она приготовила, достаточны для отраженія двухъ или трехъ тысячъ человекъ, которыхъ могъ бы привести съ собою герцогъ моденскій; быть можетъ достаточны для отраженія папскихъ войскъ; но вторженію какого нибудь, даже одного австрійскаго, корпуса оны не могли бы представить упорнаго сопротивленія. Странная, изумительная безпечность!—и чтобы объяснить ее, мы должны высказать факты, за раскрытіе которыхъ передъ нашими читателями опять могли бы сердиться на насъ западно-европейскіе либералы, еслибъ «Современникъ» могъ быть имъ извѣстенъ.

Будемъ говорить откровенно. Какова цѣль, которую поставили себѣ правительства центральной Италіи, и кто такіе люди, въ рукахъ которыхъ находится теперь управленіе этими областями? Въ Тосканіи и въ легатствахъ правительство составляютъ люди, принадлежащіе къ такъ называемой умѣренной либеральной партіи. Она до послѣдняго времени не считала возможнымъ думать о соединеніи центральной Италіи съ Піемонтомъ—такая мысль представлялась ей преждевременною, слишкомъ смѣлою. Она считала возможнымъ стремиться только къ тому, чтобы прежнія правительства, низверженія которыхъ она не надѣялась, покинули свою реакціонную политику, начали подражать либерализму Піемонта и замѣнили прежній свой союзъ съ Австріею—союзомъ съ Піемонтомъ. Учрежденіе федерации между итальянскими государствами казалось ей крайней степенью прогресса, возможною для настоящаго времени. Достичь этой цѣли она думала не силою самого народа центральной Италіи,—эта опора представлялась ей слишкомъ слабою,—а дипломатическимъ вѣстничествомъ великихъ европейскихъ державъ. Она жестоко преслѣдовала,

как вредных мечтателей, последователей Мацини, которые говорили, что надобно стремиться къ слиянію итальянскихъ государствъ не въ союзъ, а просто въ одно государство, и что произвести эту перемѣну должны сами итальянцы своими собственными силами. Въ какомъ же положеніи находятся теперь умѣренные либералы, управляющіе дѣлами центральной Италіи? Обстоятельства повернулись такъ, что ихъ собственная программа совершенно устарѣла, и вопросъ идетъ объ осуществленіи программы, которую защищали маццинисты. Прѣжнія правительства были низвергнуты, чего не надѣялись умѣренные либералы. Выборъ остался только между двумя крайностями: или возвращаются низложенные правители, съ удвоенною враждою къ національнымъ стремленіямъ, и будутъ нѣмце прежняго держаться австрійской политики,—или области центральной Италіи составляютъ одно государство съ Піемонтомъ. Чтобы избѣжать реакціи, чтобы осуществить національныя стремленія, надобно опираться не на дипломатическое заступничество иноземцевъ, а исключительно на свои собственные силы. Такимъ образомъ, умѣренные либералы поставлены въ необходимость исполнять программу Мацини. Этимъ объясняется слабость, медлительность ихъ дѣйствій. Они находятся въ фальшивомъ положеніи. Имъ пришлось направлять отечество къ дѣлу, которую издавна привыкли они считать недостижимою, пользоваться для этого средствами, которыя привыкли они считать недостаточными или опасными. Они должны вооружать народъ—но развѣ они не думали всегда, что народъ безсильнъ?—развѣ они не думали всегда, что его содѣйствіе опасно, потому что онъ слишкомъ легко готовъ предпочитать маццинистовъ умѣреннымъ либераламъ? И вотъ, они принуждены преслѣдовать каждаго, кто хотѣлъ бы вооружить массу, одушевить ее, пробудить въ ней горячую энергію. Каждый агитаторъ представляется для нихъ опаснымъ маццинистомъ, а всѣхъ маццинистовъ они считаютъ нужнымъ арестовать или высылать за границу. Они боятся, что европейскіе дипломаты обвинять ихъ въ революціонерствѣ, они хотѣтъ сохранить репутацію людей смиренныхъ, послушныхъ дипломатическимъ обычаямъ,—а между тѣмъ поставлены въ революціонное положеніе, не имѣютъ въ своемъ распоряженіи никакихъ другихъ силъ, кромѣ революціонныхъ,—вотъ объясненіе тому, что они остаются бездѣйственны и оставляютъ центральную Италію до сихъ поръ безъ средствъ къ оборонѣ.

Чѣмъ разрешится такое фальшивое положеніе дѣлъ? Уступятъ ли умѣренные правительства центральной Италіи необходимости обстоятельства, и отважатся ли наконецъ прибѣгнуть къ сильнымъ средствамъ для приводенія страны въ возможность защищаться? Отважится ли Сардинія открыто явиться защитницею центральной Италіи?—Мы боимся, что оба эти рѣшенія будутъ приняты уже тогда, когда поздно будетъ защищаться. Время идетъ, и съ каждымъ днемъ опасность иноземнаго вторженія приближается, а Сардинія все еще остается въ своей робости, и правительства центральной Италіи все еще бездѣйствуютъ. Мы боимся, что время свободы, оставленное для нихъ дипломатическими переговорами объ исполненіи Виллафранкского мира,—это краткое время свободы, которымъ они должны были бы воспользоваться для приготовленія къ оборонѣ и которое протекаетъ бесполезно по нерѣшительности Сардиніи, но безсилію правительствъ центральной Италіи,—го-

служить только къ тому, чтобы приготовить болѣе жертвъ для реакціи.

Но если Австрія твердо рѣшилась на вторженіе въ центральную Италію для возстановленія прежнихъ правительствъ (она уже собрала 200,000 войска въ Венеціанской области), и если Франція, какъ теперь очевидно, не хочетъ жертвовать своими войсками, чтобы во второй разъ защищать Италію, то зачѣмъ же столько времени медлить Австрія? Это промедленіе, конечно, зависитъ не отъ нея,—она можетъ вторгнуться въ Италію только тогда, когда императоръ французскій найдетъ удобнымъ для себя сказать „теперь пора“; а онъ по необходимости долженъ былъ нѣсколько времени помедлить такимъ разрѣшеніемъ.

Императоръ французскій никакъ не ожидалъ, чтобы Виллафранкскій договоръ произвелъ на Францію такое невыгодное впечатлѣніе; онъ надѣялся, что Франція и вся Европа назоветъ его освободителемъ Италиі, согласится съ нимъ, что онъ сдѣлалъ для итальянцевъ все, что могъ, и доставилъ дѣйствительную гарантію ихъ независимости и единству учрежденіемъ итальянской конфедераціи. Потому онъ полагалъ, что можетъ удобно совершить и возстановленіе эрцгерцоговъ, что эта небольшая непріятность будетъ заглушена въ европейскихъ либералахъ восторгомъ отъ присоединенія Ломбардіи къ Піемонту и учрежденія итальянскаго союза. Притомъ, какъ мы говорили, онъ надѣялся, что встрѣтитъ въ центральной Италиі безусловную покорность, и что возстановленіе эрцгерцоговъ будетъ произведено почти безъ всякаго шума. Въ той и въ другой надеждѣ онъ обманулся. Опрометчивые французскіе либералы, увлекавшіеся недѣльнымъ довѣріемъ во время войны, были разочарованы въ своихъ неосновательныхъ надеждахъ условіями Виллафранкскаго мира, и вознегодовали; почти вся Франція раздѣляла прежде ихъ ошибку и теперь стала раздѣлять ихъ чувство. Изъ всѣхъ виллафранкскихъ условій возстановленіе эрцгерцоговъ было самымъ нежелательнымъ, самымъ непопулярнымъ; притомъ, мы говорили, оказалось, что нельзя исполнить его такъ тихо, неважѣтно, какъ надѣялся императоръ французскій: тосканцы и моденцы, вмѣсто того, чтобы молча покориться, поспѣшили высказать, что возстановленіе эрцгерцоговъ можетъ быть совершено только вооруженною силою и рѣшительно противно ихъ желанію. Этими двумя непредвидѣнными обстоятельствами—непопулярностью Виллафранкскаго мира во Франціи и непокорностью центральной Италиі достаточно, по нашему мнѣнію, объясняется медлительность императора французскаго, отсрочившая до сихъ поръ принятіе мѣръ къ возстановленію въ центральной Италиі прежняго порядка вещей. Многіе производятъ его политику въ этомъ вопросѣ изъ другаго побужденія: говорятъ, будто Наполеонъ III хочетъ создать изъ центральной Италиі особенное королевство для своего двоюроднаго брата, принца Наполеона, и думаютъ, что его систему должно объяснять слѣдующимъ образомъ: пусть Тоскана, Модена и Романья получать довольно времени, чтобы безвозвратно компрометировать себя передъ своими прежними династіями; когда эти земли доведутъ дѣла до такой крайности, что не будутъ въ состояніи ожидать отъ возстановленія прежнихъ правительствъ ничего, кромѣ ужаснаго ищенія, тогда имъ будетъ объявлено, что соединеніе съ Піемонтомъ невозможно. Не имѣя возможности возвратиться назадъ, къ

прежним правительствам, центральная Италия будет рада всякому средству избавиться от своего отчаяннаго положенія, отвратить от себя мщеніе австрійцевъ и эрцгерцоговъ, возвращеніе которыхъ будетъ неизбежно грозить ей, когда она увидать себя оставляемою безъ защиты и сардинцами и французами. Тогда агенты принца Наполеона объявятъ ей, что остается одинъ только путь избавиться отъ страшной реакціи, — надобно провозгласить королемъ центральной Италиі принца Наполеона, который, будучи зятемъ короля сардинскаго, можетъ даже не считаться въ Италиі чужестранцемъ, стало-быть тосканцы, — моденцы и жители Романьи, избравъ его своимъ властителемъ, могутъ утѣшаться мыслію, что не подверглись иноземному господству. Въ прежнихъ нашихъ обзорѣяхъ приведено довольно фактовъ, могущихъ подтверждать такой способъ объясненія политики императора французовъ. Теперь мы прибавимъ, что есть въ Тосканѣ агитаторы, убѣждающіе своихъ соотечественниковъ, что принцъ Наполеонъ одинъ можетъ спасти ихъ отъ австрійскаго мщенія и порабоженія. Говорятъ, что Меттернихъ ѣздилъ къ Наполеону III въ Сень-Совѣръ болѣе всего для соглашенія по этому предположенію, и увѣряютъ, будто онъ передалъ императору французовъ, что Австрія готова не противиться учрежденію въ центральной Италиі королевства для принца Наполеона, лишь бы оно было создано волею двухъ императоровъ, а не основывалось формально на принципѣ верховной власти народовъ располагать своею судьбою. До какой степени вѣренъ этотъ слухъ, мы не знаемъ; но само собою разумѣется, что императору французовъ было бы пріятнѣе превращеніе центральной Италиі въ особенное королевство подъ властью его родственника, нежели ея присоединеніе къ Піемонту, который въ такомъ случаѣ слишкомъ усилился бы. Это несомнѣнно; напротивъ того, трудно рѣшить, составляетъ ли учрежденіе такого королевства положительную цѣль его политики, или просто только остается его желаніемъ, осуществленіе котораго предоставляетъ онъ стеченію обстоятельствъ, не находя удобнымъ жертвовать для него болѣе близкими потребностями своего положенія. Намъ кажется, что эти потребности были въ теченіе нынѣшняго лѣта очень настоятельны, и что забота объ удовлетвореніи ихъ заставляла императора французовъ въ политикѣ относительно центральной Италиі руководиться интересами болѣе близкими, нежели учрежденіе королевства для принца Наполеона. По крайней мѣрѣ факты, въ родѣ посольствъ графа Резе и графа Понятовскаго, показываютъ, что до послѣдняго времени императоръ французовъ имѣлъ въ виду не пріобрѣсти королевскій санъ своему родственнику, а просто возстановить эрцгерцоговъ. (Разумѣется, обстоятельства съ каждымъ днемъ могутъ перемѣняться, и открыть Наполеону III возможность измѣнить свою политику). Статья „Монитера“ также свидѣтельствуетъ объ этомъ, да и вообще медлительность политики Наполеона III относительно Тосканы, Модены и Романьи достаточно объясняется, какъ мы уже говорили, двумя обстоятельствами: непопулярностью Виллафранкскаго мира и непокорностью центральной Италиі.

Противъ ожиданія увидѣвъ, что Виллафранкскій миръ произвелъ на Францію очень неблагоприятное впечатлѣніе, Наполеонъ III былъ долженъ доказать, что условія его не такъ дурны, какъ показалось французамъ, и потому онъ отложилъ исполненіе самаго непопулярнаго изъ этихъ условій, — возстановленіе эрцгерцоговъ, до той поры, когда неудовольствіе французовъ

остынь и вниманіе ихъ будетъ отвлечено отъ Италіи новыми вопросами. Для смягченія невыгоднаго впечатлѣнія, оказалось нужнымъ прибавить и объясненіе, что онъ соглашался на возстановленіе только въ предположеніи, что оно будетъ произведено съ согласія самихъ тосканцевъ и моденцевъ. Чтобы показать французамъ ошибочность въ ихъ мнѣніи, будто онъ не расположенъ въ пользу итальянскаго единства, онъ очень милостиво принималъ итальянцевъ, явившихся къ нему съ разными адресами. Съ тою же цѣлью французскому посланнику въ Римѣ, герцогу Граммону, было поручено возобновить старинныя требованія о введеніи въ Римскихъ владѣніяхъ свѣтскаго управленія и наполеоновскаго кодекса и даже предложить папѣ, чтобы онъ призвалъ возставшія провинціи самостоятельнымъ намѣстничествомъ, которое было бы независимо отъ Рима по своимъ внутреннимъ дѣламъ, уплачивая только извѣстную ежегодную подать для покрытія издержекъ Римскаго Двора. Разумѣется, всѣ эти дѣйствія Наполеона III надобно считать только слѣдствіемъ неприятой, во вѣроятіи непродолжительной надобности заставить французовъ измѣнить мнѣніе о характерѣ его итальянской политики. Должно думать, что эта надобность минуетъ, когда остынетъ во Франціи первоначальная энергія неудовольствія, произведеннаго Виллафранкскимъ миромъ, и что тогда императоръ французовъ возвратится къ болѣе открытой консервативной политикѣ.

Несоотвѣтственность сужденій французовъ о Виллафранкскомъ мирѣ съ ожиданіями Наполеона III была причиною нѣкоторыхъ дѣйствій, не соотвѣствующихъ принципамъ его, и во внутренней политикѣ. Надобно было заставить тѣмъ нибудь французовъ измѣнить порицаніе въ похвалу, и потому 17-го августа обнародована была амнистія всѣмъ политическимъ изгнанникамъ, ссыльнымъ и заключеннымъ, или, по выраженію декрета объ амнистіи, преступникамъ. Во французскихъ газетахъ амнистія вызвала горячія похвалы, и вѣроятно многіе изъ изгнанниковъ воспользуются ею. Но главнѣйшіе изъ нихъ одинъ за другимъ обнародовали протестаціи противъ этого акта. Протесты были написаны разумѣется въ духѣ совершенно противоположнаго правительству Наполеона III; но тѣмъ не менѣе газеты, издающіяся во Франціи, получили разрѣшеніе перепечатать ихъ. Вообще правительство видѣло необходимость сдѣлать нѣкоторыя уступки для смягченія общественнаго мнѣнія, и разнеслись слухи, что готовится новый законъ о книгопечатаніи, дающій гораздо большую свободу журналистикѣ. Будетъ онъ изданъ или нѣтъ, — мы не знаемъ, но строгость, съ которою правительство слѣдило за непріязненными ему газетами, на время значительно уменьшилась, и въ журналистикѣ начали говорить о внутреннихъ дѣлахъ языкомъ болѣе смѣлымъ. Явились даже прямые требованія свободы печатнаго слова; даже осторожный „Journal des Débats“ почелъ безопаснымъ напечатать статью, въ которой подробно показываетъ вредъ, происходящій для государства отъ стѣсненій, которымъ подвергается свобода печатнаго слова.

Но всѣ эти мѣры и уступки для отвлеченія общественнаго мнѣнія отъ неудовольствія, овладѣвшаго Франціею послѣ Виллафранкскаго мира, оказались недостаточны, и потому давно уже стали говорить, что Наполеонъ III нечетъ заглядывать въ популярность, бывшую слѣдствіемъ мира, вначатіи новой войны, — или съ Германіею, то есть собственно съ Пруссіею, или съ Англіею; —

предполагается, что та и другая война были бы приятны для французов, — одна льстила бы имъ надеждою на завоеваніе земель до Рейна, другая льстила бы враждебному предубѣжденію противъ англичанъ, до сихъ поръ остающемуся въ толпѣ реакціонеровъ и невѣжественныхъ простаковъ.

Мы не знаемъ, до какой степени вѣрны были эти предположенія: въ войнѣ съ Пруссіею и Германіею не такъ легко можно было бы приобрести лавры, какъ въ сраженіяхъ съ австрійцами, а война противъ Англіи еще гораздо опаснѣе. Скорѣе всего надобно думать, что эти слухи, по крайней мѣрѣ для настоящаго времени, не предназначались къ исполненію, а были возбуждаемы только затѣмъ, чтобы отвлечь вниманіе французовъ отъ Виллафранкскаго мира. Война необходима для императора французовъ, но кажется, что нужно еще довольно много времени для устройства дипломатическихъ отношеній, которыя позволяли бы начать войну съ Пруссіею или Англіею удобнымъ для него образомъ. Однакоже, какъ бы то ни было, съ серьезною мыслию о войнѣ, или только для занятія французовъ толками о вѣроятности или невѣроятности новой войны, начинались уже приготовленія къ ссорамъ съ Англіею. Полуофициальныя газеты получили приказаніе гремѣть угрозами противъ Англіи. Была уже прислана и причина для разрыва съ нею: она заключалась опять-таки въ итальянскомъ вопросѣ. Англія говорила, что не хочетъ вооруженнаго вмѣшательства въ центральной Италиі для возстановленія эргерцоговъ, или учрежденія новаго королевства въ пользу принца Наполеона; она требовала, чтобы тосканцамъ и моденцамъ было дозволено осуществить ихъ желаніе присоединиться къ Піемонту. Французская политика, находившая невыгоднымъ для себя допустить такое усиленіе Піемонта, естественно находилась въ противорѣчій съ англійскою. Это разногласіе и угрозы французскихъ газетъ, служившихъ обыкновенно органами французскаго правительства, заставили англичанъ серьезно подумать о средствахъ борьбы, въ случаѣ войны съ Франціею: англійскіе арсеналы и военныя верфи кипѣли дѣятельностью; парламентъ даже назначилъ комиссію для обзорнія береговъ Англіи, съ цѣлью усилить укрѣпленія тѣхъ пунктовъ, которые окажутся недостаточно защищенными. Тревога эти, поднятая Франціею, была однако, по всей вѣроятности, только средствомъ придуманнымъ для развлеченія французовъ, безъ серьезнаго намѣренія начать войну въ скоромъ времени. Кромѣ общихъ основаній для такого мнѣнія, находимыхъ нами въ томъ, что война съ Англіею очень трудна для Франціи и очень опасна для самой прочности власти императора французовъ, положительное подтвержденіе нашему мнѣнію мы видимъ въ чрезвычайной поспѣшности, съ какою французское правительство воспользовалось первымъ случаемъ прекратить свои угрозы противъ Англіи, замѣнивъ ихъ другимъ непредвидѣнно представившимся средствомъ развлечь вниманіе своей націи.

Случай этотъ дали китайцы. Читателямъ извѣстно, что, по послѣднему договору, Англія и Франція, которыя вели войну съ Китаемъ общими силами, получили право прислать своихъ уполномоченныхъ въ Пекинъ для раздѣла ратификованныхъ списковъ трактата. Въ іюнѣ посланники дѣйствительно отправились туда съ этою цѣлью, въ сопровожденіи англійской эскадры и нѣсколькихъ французскихъ судовъ, и 17-го іюня дошли до устья Пейхо,

укрѣпленія котораго были разрушены англичанами въ предъидущую войну. Теперь эти укрѣпленія оказались возстановленными, но ни батарей, ни солдатъ на нихъ не было видно. Нѣсколько дней прошли въ переговорахъ, потому что китайцы не хотѣли выпустить эскадру, требуя, чтобы úplномоченные отпавились въ Пекинъ сухимъ путемъ. Видя ихъ упрямство, посланники рѣшили наконецъ пройти черезъ устье, не слушая возраженій. Но когда англійскія суда (25-го іюня) подошли къ укрѣпленіямъ, вдругъ на нихъ демаскировались очень сильныя батареи, а на берегу явилось многочисленное войско. Произошла битва, и неприготовившіеся къ ней англичане принуждены были отступить, потерявъ 464 человѣка убитыми и ранеными изъ 1,300 человѣкъ экипажа. Французы, которые почти не участвовали въ сраженіи, потеряли только 14 человѣкъ. Французское правительство съ величайшею горячностью стало говорить о необходимости самымъ сильнымъ образомъ отмстить за оскорбленіе французскаго флага и немедленно вступило въ самые дружескіе переговоры съ англійскимъ о содѣйствіи англійскому флоту въ Китаѣ. Оно изъявило готовность послать на войну съ китайцами корпусъ въ 12,000 человѣкъ, и, благодаря китайцамъ, прежнія угрозы противъ англичанъ вдругъ замѣнились живѣйшимъ усердіемъ помогать имъ противъ китайцевъ. Дѣйствительно, если можно достигъ дѣли,— то есть развлечь французовъ — логкою и эффектною войною на далекомъ востока, то къ чему продолжать опасныя ссоры съ англичанами?

О внутреннихъ дѣлахъ самой Англіи мы очень давно не говорили, потому что въ ней до послѣдняго времени все было заглушено толками объ итальянской войнѣ. Почти безъ шума упало министерство Дерби,—его судьба была рѣшена, когда независимые либералы согласились поддерживать Пальмерстона и Росселя. Почти ничего не было сдѣлано въ краткую сессію новаго парламента, который ограничился только тѣмъ, что низвергъ Дерби (въ чемъ никто не сомнѣвался) и принялъ бюджетъ, представленный новымъ министерствомъ (въ чемъ также не было никакого сомнѣнія). По принятіи бюджета, парламентъ разошелся, отложивъ до обыкновенной сессіи всѣ важныя дѣла. Только теперь, когда ослабѣли опасенія войны, возобновляются заботы о внутреннихъ вопросахъ. Больше всего общественное вниманіе занято въ послѣднее время колоссальною распріе между лондонскими строительными подрядчиками и ихъ рабочими, которые требовали сокращенія работы съ десяти часовъ въ день на девять часовъ (Nine hours movement). Теперь этотъ величественный эпизодъ борьбы между капиталомъ и трудомъ приближается къ окончанію, и въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ мы представимъ отдѣльную статью о немъ. Реформитское движеніе, отбѣснявшееся на второй планъ войною, теперь возобновляется, и въ слѣдующей книжкѣ намъ придется, вѣроятно, говорить о немъ. А теперь мы должны сказать хотя нѣсколько словъ о вліяніи, оказанномъ итальянскою войною на дѣла другихъ западно-европейскихъ государствъ. Газеты наполнены извѣстіями объ улучшеніяхъ внутренняго управленія, полученныхъ или получаемыхъ Австрію, и объ агитаціи для достиженія національнаго единства, овладѣвшей Германію. Много говорить объ этихъ вещахъ не стоитъ,

но надобно сказать столько, чтобы читатель могъ убѣдиться, что подробнѣе говорить о нихъ не стоило.

Австрійскіе либералы (либералы есть и въ Австріи, притомъ даже въ очень значительномъ количествѣ) основываютъ теперь великія надежды на расположеніи своего правительства „къ исправленію недостатковъ законодательства, искорененію злоупотребленій, введенію просвѣщеннаго направленія въ администраціи“ и т. д. Читатель быть можетъ не вѣрить, чтобы подобная вещь могла находить себѣ мѣсто въ Австріи? Онъ ошибается: надежды либераловъ опираются на доказательствъ самомъ несомнѣнномъ, — на словахъ, которыми заканчивается манифестъ Австрійскаго императора о заключеніи мира. Кто можетъ не вѣрить официальному обѣщанію? Покажите намъ такого скептика, — нѣтъ, вы его не отыщете, по крайней мѣрѣ между либералами, отличительными чертами которыхъ и въ Австріи, какъ повсюду, служатъ два качества: вѣрить и восхищаться. Содержаніе манифеста, внушившаго имъ восторгъ, въ сущности таково: „насъ поколотили, у насъ отняли часть нашихъ земель; думать о новой войнѣ теперь пока намъ нѣтъ возможности, потому что нѣтъ у насъ и десяти гульденовъ звонкой монеты, а на бумажныя деньги войну вести трудно. Итакъ, мы проникаемся миролюбивыми чувствами и постараемся развитіемъ внутреннихъ силъ вознаградить потерю во внѣшнемъ могуществѣ“. Прекрасно. Но изъ этого ясно, что только военныя неудачи заставили австрійское правительство подумать о внутреннихъ улучшеніяхъ, а изъ этого ясно, что когда позабудется стыдъ пораженій, когда остынетъ народное неудовольствіе, возбужденное ими, пройдетъ и забота объ улучшеніяхъ. А къ сожалѣнію, Австрію побили слишкомъ еще мало. Если бы у нея отняли Тироль или Богемію, если бы побѣдоносный непріятель дошелъ до Вѣны, быть можетъ впечатлѣніе о неудовлетворительности прежней системы осталось бы въ правительствѣ довольно сильно и прочно. Но теперь мѣста пораженій арміи были такъ отдалены, что скоро явится — и отчасти явилась уже, — возможность приняться за прежнее самхвальство. Дѣйствительно, мы уже видимъ въ официальныхъ австрійскихъ газетахъ увѣренія, что австрійская армія покрыла себя славой въ итальянскую войну. Возвращеніе самодовольства предвѣщаетъ скорое паденіе реформаціонныхъ намѣреній правительства, и мы скоро увидимъ, что почти всѣ обѣщанія свои оно оставитъ невыполненными, рѣшительно возвратится къ реакціонной политикѣ, которой слѣдовало до войны. Да и въ чемъ состоятъ обѣщанныя реформы? Касаются ли онѣ основной причины зла? Обѣщано ли прекратить безправіе гражданъ передъ правительствомъ? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! правительственный принципъ не только не намѣренъ, а даже и не обѣщавъ отказаться отъ своего произвола, ограничить себя законами, которые давали бы гражданамъ участіе въ правительствѣ. Дѣло ограничилось официальнымъ признаніемъ надобности измѣнить низшую администрацію и прекратить стѣсненія, которымъ подвергались въ пользу католичества другія исповѣданія. Кто, кромѣ либераловъ, по природѣ своей расположенныхъ восхищаться и надѣяться, могъ находить какую нибудь существенную важность въ этихъ реформахъ, которыя могли бы имѣть дѣйствительное значеніе только тогда, если бы являлись лишь второстепенными чертами въ общемъ

преобразованіи государственныхъ учреждений, во всей системѣ своей проникнутыхъ духомъ угнетенія?—Исправить низшую, городскую и сельскую администрацію! Да возможно ли, чтобы она исправилась отъ какихъ бы то ни было уставовъ, если остается въ прежнемъ видѣ областная и общая государственная администрація? Что значить какойнибудь окружный начальникъ или городской бургомистръ, когда правитель провинціи и министръ, повелѣвающіе ему, продолжаютъ дѣйствовать по прежней системѣ? Могутъ ли иновѣрцы почувствовать дѣйствительное облегченіе отъ какихъ бы то ни было частныхъ постановленій, относящихся къ нимъ, когда вся администрація попрежнему остается подчиненна принципу обскурантизма, и свобода мысли попрежнему преслѣдуется, какъ преступленіе? Неужели можно сказать, что правительство вступаетъ на новый путь, если оно имѣетъ упорство ограничивать реформы такими мелочами, какъ постановленія о низшихъ чиновникахъ и какихънибудь инспекторахъ протестантскихъ школъ? Но либеральные оптимисты ничего не разбираютъ. Какъ юношамъ необходимо быть въ состояніи благонадежности, такъ имъ необходимо быть въ состояніи влюбленности, и какъ юноши готовы влюбляться въ каждого урода, лишь только послышать шорохъ шелкового платья, такъ и они восторгаются при одномъ звукѣ словъ „либерализмъ, реформа, улучшение“. Не знаемъ, начали ли они разочаровываться теперь, по фактовъ уже слишкомъ довольно, чтобы разочароваться. Вотъ уже три мѣсяца прошло съ того времени, какъ даны были обѣщанія, а для выполненія ихъ ровно ничего еще не сдѣлано, кромѣ только того, что подъ громкимъ названіемъ устава объ отвращеніи притѣсненій, которымъ подвергались иновѣрцы, изданъ законъ, въ которомъ самое важное правило то, что протестантскія школы отнынѣ будутъ имѣть ревизорами только протестантовъ. Да и это необыкновенно важное облегченіе дано пока только еще протестантамъ венгерскихъ областей,—о томъ, можно ли дать такія же громадныя привиллегіи протестантамъ другихъ провинцій, австрійское правительство еще думаетъ. Будемъ надѣяться, что и онъ получитъ такія же прочныя гарантіи своей религіозной свободѣ. Да, великая реформа! Можно послѣ этого ожидать, что и обѣщаніе о преобразованіи низшаго управленія будетъ выполнено: дѣлать реформы въ подобномъ размѣрѣ вовсе не обременительно для правительства. Конкордатъ, по которому иезуитизмъ вмѣшивается во всѣ дѣла, контролируетъ всю жизнь каждого австрійца, остается во всей своей неприкосновенности,—почему же не дать протестантскимъ школамъ протестантскихъ ревизоровъ? Вѣдь ихъ будутъ назначать люди, находящіеся подъ вліяніемъ иезуитовъ, стало быть выберутъ такихъ протестантовъ, которые будутъ служить иезуитству усердіемъ всякаго католика. Будемъ же увѣрены, что Австрія вступила на новый путь, что реакція и обскурантизмъ замѣняются въ ея правительствѣ просвѣщенными и свободными направленіемъ. Если намъ ктонибудь скажетъ, что всѣ учрежденія и принципы, отъ которыхъ зависѣлъ нынѣшній порядокъ дѣла въ Австріи, останутся невредимы, мы будемъ отвѣчать ему, что онъ тупоумный спектикъ, не понимающій величія совершаемыхъ австрійскимъ правительствомъ преобразованій. Онъ быть можетъ скажетъ, что вѣское правительство попрежнему сохраняетъ безотчетную власть надъ всю государствен-

ною жизнію, можетъ по произволу сажать въ Шпильбергъ кого только вздумаетъ, назначать правителей по придворнымъ и бюрократическимъ интригамъ, издавать какія ему вздумается распоряженія, отъ нелѣпости и обскуратизма которыхъ, ничѣмъ не ограждены австрійцы; онъ скажетъ, что Вѣнское правительство по прежнему опирается только на вооруженной силѣ и жертвуетъ всѣмъ для поддержанія своего военнаго деспотизма, что оно преслѣдуетъ всякую свободную мысль, управляетъ посредствомъ ржавыхъ бюрократическихъ пружинъ; онъ скажетъ, что народъ по прежнему обремененъ налогами, что финансы по прежнему истощаются расходами на армію и на роскошь двора. Мы будемъ отвѣчать такому скептику, что все это пустяки, что всѣ недостатки и бѣдствія австрійской жизни уничтожаются учрежденіемъ протестантскихъ ревизоровъ въ протестантскихъ школахъ: чего же вамъ еще, въ самомъ дѣлѣ? не ясное ли это доказательство просвѣщенности и свободолубія въ австрійскомъ правительствѣ?

Еще меньше сомнѣній представляеть движеніе въ пользу германскаго единства, обнаружившееся во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ со времени войны. Опасность, которая, по мнѣнію нѣмцевъ, грозила имъ со стороны Франціи, пробудила въ апатической массѣ мысль о томъ, какъ беззащитна Германія при своей раздробленности; распри между разными нѣмецкими правительствами, не прекращавшіяся и въ то время, когда почти всѣ ожидали нападенія иностранцевъ, заставила массу живо почувствовать вредъ, приносимый общимъ выгодамъ и потребностямъ націи мелкими соперничествами разныхъ ея государствъ; унижительная снисходительность, съ какою полуофициальныя французскія газеты увѣряли нѣмцевъ, что императоръ французскій хочетъ быть не врагомъ, а милостивымъ покровителемъ Германіи, напомнила массѣ о томъ, какое жалкое положеніе занимаетъ великая нѣмецкая нація среди другихъ народовъ, по своей разрозненности между множествомъ правительствъ. Пользуясь этими впечатлѣніями, умѣренная либеральная партія возобновила свои требованія, чтобы устройство нѣмецкаго союза было преобразовано для приданія единства нѣмецкому народу. вмѣстѣ съ требованіемъ большаго единства возникло и неразрывно соединенное съ нимъ въ Германіи требованіе большей политической свободы. Палаты нѣкоторыхъ второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ приняли адреса, которыми просили свои правительства позаботиться о достиженіи такого результата. Начали составляться разныя собранія политическихъ людей для представленія или частнымъ правительствамъ, или франкфуртскому сейму адресовъ въ томъ же смыслѣ. Многіе города, черезъ своихъ муниципальныхъ правителей, выразили такое же желаніе. Если бы мы захотѣли перечислять всѣ эти адреса, собранія и просьбы, списокъ вышелъ бы чрезвычайно длинный; если бы мы вздумали выбрать изъ адресовъ и просьбъ всѣ черты патріотизма и либерализма, очеркъ національнаго движенія въ Германіи составилъ бы очень краснорѣчивый. Но въ чемъ же состоитъ сущность дѣла, и можно ли ожидать какихъ нибудь результатовъ отъ этого движенія? Нѣмецкіе патріоты и либералы, подававшіе адреса и требованія, всѣ свои надежды возлагаютъ на патріотизмъ и мудрость нѣмецкихъ правительствъ, особенно прусскаго. Прекрасно. Спрашивается только, могутъ ли нѣмецкія правительства добровольно

взяться за исполненіе желанія нѣмецкихъ патріотовъ? Единство Германіи— это значитъ, что правительства второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ должны отказаться отъ своей самостоятельности—но кому же охота добровольно уменьшать свою власть, добровольно жертвовать своими правами? Итакъ, ни Баварское, ни Саксонское, ни Ганноверское, ни какое другое изъ второстепенныхъ нѣмецкихъ правительствъ не можетъ желать единства Германіи. А если такъ, можно ли ожидать, чтобы прусское правительство принялось за осуществленіе такого дѣла? Неужели оно можетъ для удовлетворенія либераловъ начать смертельную вражду съ другими нѣмецкими правительствами, которыя основаны на тѣхъ же самыхъ принципахъ, какъ и оно? Революціонныя средства не могутъ быть приняты консервативнымъ правительствомъ, а единство Германіи, при нерасположеніи къ нему всѣхъ второстепенныхъ правительствъ, не можетъ быть осуществлено иначе, какъ революціонными средствами. Стало быть, напрасно и думать, чтобы прусское правительство взялось за дѣло, противное всѣмъ его принципамъ. Но, говорить, для прусскаго правительства это дѣло выгодно, потому что обѣщаетъ ему чрезвычайное увеличеніе могущества. Теперь Пруссія располагаетъ только собственными силами,—силами 17,000,000 своихъ подданныхъ; по превращеніи Германіи въ одно государство, Пруссія располагала бы силами по крайней мѣрѣ 35,000,000 нѣмецкаго населенія, и, занимая центральное положеніе въ Европѣ, стала бы сильнѣйшимъ государствомъ западнаго материка. Правда, перспектива эта была бы очень соблазнительна, если бы, соединивъ Германію въ одно государство, прусское правительство могло надѣяться быть къ нему точно въ такомъ же отношеніи, какъ теперь находится къ населенію свихъ областей. Извѣстно, что конституціонная форма правленія въ Пруссіи остается пока еще только формою, не имѣющею дѣйствительнаго значенія. Но почти всѣ земли западной Германіи уже привыкли къ свободнымъ учрежденіямъ; если бы ихъ представители вошли въ парламентъ, съ которымъ имѣетъ дѣло прусское министерство, они внесли бы въ парламентъ истинно-конституціонный духъ, цвѣтъ еще неизгнѣнный большинству прусскихъ депутатовъ. Нынѣшнее полновластіе прусскаго правительства исчезло бы. Что же за радость ему жертвовать своими правами, добровольно снисходить на степень какого нибудь англійскаго правительства? Лучше управлять небольшою державою, но чувствовать себя въ ней полнымъ господиномъ, нежели называться главою великаго государства, но зависѣть отъ парламента, зависѣть отъ журналистовъ, адвокатовъ, учителей, купцовъ и тому подобной „сволочи“. Кто захочетъ добровольно промѣнять положеніе господина на положеніе слуги? Таковъ простой взглядъ на вопросъ о нѣмецкомъ единствѣ; скажите же, какого успѣха могутъ ожидать люди, обращающіеся теперь къ нѣмецкимъ правительствамъ съ просьбою, столь тривиальною? По нашему мнѣнію, пока движеніе въ пользу нѣмецкаго единства будетъ сохранять свой нынѣшній характеръ, оно останется не болѣе, какъ патріотически-либеральнымъ пустословіемъ.

Октябрь 1859.

Пармская спена 5-го октября. — Бездѣйствіе Сардиніи. — Возникновеніе въ которой энергіи въ правительствахъ центральной Италіи. — Приближеніе вооруженной реакціи. — Очеркъ положенія дѣлъ во Франціи, Англіи, Германіи, Австріи. — Заговоръ въ Турціи.

Временныя правительства центральной Италіи имѣли передъ собою двѣ дороги: они могли стремиться къ достиженію своей цѣли, къ соединенію съ Піэмонтомъ, опираясь на энтузіазмъ народа, отважно возбуждая патріотизмъ въ массахъ и быстро набирая какъ можно больше войска, для того, чтобы собственною силою защищать желанія центральной Италіи противъ австрійцевъ, противъ папы и другихъ враговъ, которые вздумали бы вооруженною рукою помѣшать осуществленію національнаго стремленія. Но мы видѣли, что подобная отважность и самоувѣренность не соответствовала духу и положенію людей, руководящихъ дѣлами центральной Италіи. Гораздо безопаснѣйшимъ казался для нихъ другой способъ дѣйствованія: они хотѣли показать европейскимъ правительствамъ, что не имѣютъ ничего общаго съ какими либо бурными демагогами, и что національное движеніе сохраняетъ подъ ихъ руководствомъ характеръ безукоризненной законности; они надѣялись доказать, что дѣло центральной Италіи не заключается въ себѣ никакихъ революціонныхъ тенденцій, такъ что самыя консервативныя правительства могутъ оставаться имъ довольны и своею дипломатическою помощью защищать его отъ австрійцевъ. Само собою разумѣется, что такая политика заключала въ себѣ два очевидныя заблужденія. Правители центральной Италіи совершенно напрасно воображали, что какими бы то ни были усиліями могутъ придать себѣ законный характеръ въ глазахъ правительствъ континентальной Европы. Какъ бы консервативно ни держали себя тосканскій диктаторъ Риказольи и романьольскій диктаторъ Чиприани, все-таки и происхожденіе и стремленіе ихъ власти придавало ей неизгладимую печать революціонности. Временныя правительства центральной Италіи были основаны возмущеніемъ противъ легитимной власти и стремятся они къ тому, чтобы предотвратить возстановленіе законныхъ владѣтелей, чтобы замѣнить государей, имѣющихъ право владычествовать надъ своими землями по легитимному принципу, такимъ государемъ, какого само населеніе центральной Италіи вздумало выбрать себѣ безъ всякаго уваженія къ династическому принципу и правамъ освящен-

наго трактатами, Благопріятствовать этимъ правительствамъ, по своему ихъ происхожденію, могли только державы, признающія верховную власть народа, но никакъ не могли правительства, основанныя на легитимности. Еще ошибочнѣе была ихъ надежда до такой степени предотвратить всякія народныя волненія, чтобы не дать своимъ противникамъ никакого предлога обвинить національное движеніе центральной Італіи въ связи съ демагогическими тенденціями. Одно изъ главныхъ различій легитимнаго правительства, освященныхъ древностію, отъ правительства, вчера возникшаго изъ политическаго кризиса, заключается въ томъ, что народъ, недавно учредившій правительство по своему выбору, никакъ не можетъ имѣть той привычки всѣ свои чувства подчинять его рѣшенію, какая господствуетъ въ народѣ подъ властью стариннаго и легитимнаго правительства. Потому, накъ бы ни старалось новое, возникшее изъ политическаго переворота правительство предотвратить шумныя уличныя сцены, столь противныя натуральному чувству легитимныхъ правительствъ, оно не можетъ совершенно устранить подобныхъ событій: такъ или иначе, но все-таки произойдетъ что нибудь несообразное съ обычными требованіями системы безмятежнаго спокойствія, потому что населеніе уже имѣетъ мысль дѣйствовать самостоятельно и считать себя высшей правительственной властью. Изъ этого надобно вывести, что если временныя правительства центральной Італіи хотѣли удержать общественную жизнь и событія своихъ областей въ томъ спойствіи, безъ котораго не могли эти правительства называть себя чистыми отъ революціонныхъ безпорядковъ, то имъ оставалось только стараться о возстановленіи законныхъ правительствъ и спѣшить какъ можно скорѣе передать свою власть—въ Романьи папскому правительству, въ Тосканѣ, Пармѣ и Моденѣ—представителямъ законныхъ династій. Только быстѣйшее возстановленіе прежнихъ правительствъ могло предупредить революціонныя сцены, и только отреченіе отъ своей власти въ пользу законныхъ династій могло отчасти загладить въ глазахъ легитимности преступность революціоннаго происхожденія нынѣшнихъ временныхъ правительствъ центральной Італіи. Но, по обыкновенному самообольщенію либераловъ, люди, управляющіе нынѣ дѣлами этихъ областей, никакъ не понимаютъ, что они не могутъ не казаться преступными революціонерами въ глазахъ легитимности, и что не въ силахъ они предотвратить революціонныхъ сценъ. Почти не натуральнымъ явленіемъ надобно было назвать то, что около пяти мѣсяцевъ центральная Італія провела подъ властью временныхъ правительствъ безъ такихъ сценъ. Это объясняется только тѣмъ, что до половины іюля военное одушевленіе отняло у народа охоту ко вспышкамъ со всякою другою мыслью; а по заключеніи мира, почти до половины сентября, населеніе центральныхъ итальянскихъ областей думало, что ихъ присоединеніе къ Піэмонту дѣло уже рѣшенное, исполненіе котораго не требуетъ никакихъ усилій, не подлежитъ никакимъ опасеніямъ, что сардинскій король не колеблется принять ихъ въ составъ своего государства, а Франція благопріятствуетъ такой развязкѣ. Когда съ половины сентября сталъ разъясняться для массы фактъ, съ самаго начала бывшій очевиднымъ для лучшихъ публицистовъ западной Европы,—когда населеніе центральной Італіи увидѣло, что само должно энергически топтать объ исполненіи своего желанія, которое подвержено великимъ опас-

постыямъ, что не только Франція, но даже и Сардинія не намѣрены жертвовать своими дипломатическими отношеніями для избавленія центральной Италіи отъ необходимости защищать свое дѣло своими собственными силами,— словомъ сказать, какъ только пробудились въ массахъ усыпленные на время мысли, заботы и опасенія, свойственныя періодамъ политическихъ кризисовъ, съ наждымъ днемъ надобно стало ожидать, что произойдетъ въ томъ или другомъ городѣ какая нибудь изъ уличныхъ сценъ, неразлучныхъ съ революціоннымъ состояніемъ. Надобно приписать мягкости итальянскаго характера то, что почти цѣлый мѣсяцъ, до 5 октября, замедлилось появленіе первой изъ этихъ неизбежныхъ вспышекъ. Либеральныя газеты наполнены очею возвышенными разсужденіями о томъ, что убійство графа Анвити въ Пармѣ не должно быть поставляемо въ вину, ни временнымъ правительствамъ центральной Италіи, ни національному движенію, которымъ взиались руководить эти правительства. Съ тѣмъ вмѣстѣ онѣ расточаютъ цѣлыя потоки еще болѣе краснорѣчивыхъ фразъ о преступности и гнусности этой самоуправной казни. Намъ кажется, что либеральныя газеты совершенно ошибаются. Само собою разумѣется, что ни Фарини, пармскій диктаторъ, ни одинъ изъ чиновниковъ пармскаго управленія не имѣлъ намѣренія убивать Анвити; но что жъ изъ этого слѣдуетъ? Изъ тѣхъ людей, которые поразили Анвити своими кинжалами, навѣрное также ни одинъ, за полчаса до убійства, не поколебался бы сказать, что убивать какого бы то ни было преступника самоуправнымъ образомъ вовсе не слѣдуетъ, а надобно предать его правильному суду. На другой день послѣ этого событія почти каждый изъ участвовавшихъ въ убійствѣ также навѣрное готовъ былъ бы согласиться, что этотъ поступокъ былъ великимъ неблагодарнымъ, тѣмъ болѣе излишнимъ, что Анвити не избѣжалъ бы наказанія и по приговору правильного суда, имѣя противъ себя улики въ дѣствіяхъ, наказываемыхъ уголовными законами. Убійство было слѣдствіемъ мгновеннаго увлеченія, которому въ совершившихъ его вовсе не предшествовала преднамѣренность и за которымъ навѣрное послѣдовало изъ нихъ сожалѣніе о вредномъ для итальянскаго дѣла поступкѣ. Въ чемъ же состоятъ существенныя черты поведенія этихъ людей? Они увлеклись порывомъ чувства. Но если этотъ порывъ ставится теперь въ характеристику имъ и если они называются людьми запятнавшими себя преступленіемъ, то какимъ же образомъ не будетъ характеристика эта относиться и къ движенію, неминуемо соединяющему съ порывами, подобными самоуправной казни графа Анвити? Если этотъ фактъ служить пятномъ для людей, къ жизни которыхъ принадлежать, то мы не видимъ, какимъ образомъ можетъ быть очищено отъ него и то движеніе, къ которому онъ принадлежитъ. Идемъ далѣе. Могутъ ли быть освобождены отъ отвѣтственности за него и люди, руководящіе итальянскимъ движеніемъ? Передъ уголовнымъ судомъ, конечно—да; но передъ исторію и инстинктивнымъ здравымъ смысломъ массы—нѣтъ. Кто берется за дѣло, тотъ долженъ знать, къ чему поведетъ оно; и если не хочетъ онъ неизбежныхъ его принадлежностей, онъ не долженъ хотѣть и самаго дѣла. Политическіе перевороты никогда не совершались безъ фактовъ самоуправства, нарушавшаго формы той юридической справедливости, которая соблюдается въ спокойныя времена. Перевороты волнуютъ народное чувство, взволнованное

чувство забывает о формахъ. Кто не знаетъ этого, тотъ не понимаетъ характера силъ, которыми движется исторія, не знаетъ человѣческаго сердца. Человѣкъ, который принимаетъ участіе въ политическомъ переворотѣ, воображая, что не будутъ при немъ много разъ нарушаться юридическіе принципы спокойныхъ временъ, долженъ быть названъ идеалистомъ. Для руководителей вышеупомянутого движенія центральной Италіи только и существуетъ это одно извиненіе въ избавленіе имъ отъ прямой отвѣтственности за смерть Анвита. Они могутъ сказать, что не предполагали необходимости такихъ эпизодовъ въ дѣлѣ, за которое брались. Мы совершенно вѣримъ искренности этого извиненія, но, снимая съ нихъ прямую юридическую отвѣтственность, оно налагаетъ на нихъ тѣмъ болѣе тяжелую вину передъ исторіей. Человѣкъ бываетъ виновенъ передъ исторіей, когда берется за дѣло, характера котораго не понимаетъ. Онъ виновенъ потому, что своими ошибками приноситъ слишкомъ много вреда и дѣлу и всѣмъ, кого оно касается. Мы теперь говоримъ вообще о всѣхъ руководителяхъ движенія въ центральной Италіи. Что касается въ частности Фарини, пармскаго диктатора, то мы увидимъ, что онъ передъ исторіей виновенъ меньше всѣхъ другихъ правителей центральной Италіи. Если движеніе было ведено не такъ, какъ слѣдовало идти ему, то не отъ Фарини, по крайней мѣрѣ, происходилъ этотъ вредъ; напротивъ онъ дѣлалъ все что могъ для избѣжанія ошибокъ и своимъ вліяніемъ успѣвалъ исправлять нѣкоторые изъ нихъ. Осудить его можно разнѣ за то, что онъ согласился стать въ положеніе, связывающее его зависимостью отъ людей, системы которыхъ онъ не можетъ одобрять. Но и за это порицать его трудно: диктаторъ самой маленькой части союза, онъ не могъ принять болѣе рѣшительнаго тона, не могъ требовать, чтобы Тоскана и Романья поставили свою политику въ зависимость отъ политики Пармы и Модены; стало быть довольно и того, что онъ успѣлъ убѣдить ихъ сдѣлать хоть что нибудь.

Къ чему говорили мы все это? Къ тому ли, чтобы осуждать итальянское движеніе, или къ тому, чтобы защищать пармскую сцену 5 октября? Ни то, ни другое. Читатель давно долженъ былъ замѣтить, что мы вообще стараемся не брать на себя претензій хвалить и порицать, а стараемся только рассказывать факты и объяснять связь между ними: читатель не ребенокъ, онъ можетъ самъ видѣть, что хорошо, что дурно, какое дѣло заслуживаетъ сочувствія, какое заслуживаетъ вражды. Но всей вѣроятности, читатель и безъ нашихъ разсужденій знаетъ, что убійство не есть дѣло хорошее. Очень можетъ быть, что онъ также самъ понимаетъ хорошо или дурно дѣлаетъ нація, стремясь избавиться отъ иноземнаго ига. Стало быть, можно намъ положиться на его собственное чувство въ выборѣ между итальянцами и австрійцами; мы почли бы обиду для читателя внушать ему, какъ ребенку, что дурное—дурно, а хорошее—хорошо. Мы имѣемъ въ виду совершенно иной вопросъ, и постараемся изложить его какъ можно яснѣе.

Зло и добро такъ тѣсно смѣшаны въ мірѣ, что нѣтъ добраго дѣла, въ которомъ не было бы сторонъ дурныхъ, нѣтъ дурнаго дѣла, въ которомъ не было бы сторонъ хорошихъ. Возьмемъ въ примѣръ хотя итальянское національное движеніе. Положимъ, что оно представляется вамъ дѣломъ дурнымъ,—но нельзя вамъ не признаться, что одна сторона его, стремленіе на-

ція къ сверженію иноземнаго ига, хороша. Положимъ, что оно представляется вамъ дѣломъ хорошимъ,—но нельзя вамъ не признаться, что принадлежащій къ нему эпизодъ убійства Анвиты—дурень. Таже исторія во всемъ и всегда. Что жъ тутъ остается дѣлать? Надобно взвѣснить добро и зло, и если вамъ кажется, что въ сущности дѣло хорошо, не смущайтесь тѣмъ, что есть въ немъ стороны дурныя; если кажется, что въ сущности дѣло дурно, не обольщайтесь тѣмъ, что въ немъ есть стороны хорошія. Колебаться изъ-за этихъ разногласій между разными сторонами нечего. Да, или нѣтъ, какъ вамъ угодно, но во всякомъ случаѣ будьте тверды. Надобно быть человѣкомъ, а не флюгоромъ. Это важная вещь, это быть можетъ важнѣйшая вещь въ исторіи. Ничѣмъ такъ не задерживаются успѣхи ея, какъ жалкою склонностью большинства людей говорить нынѣ — да, завтра — нѣтъ, поддаваясь только минутнымъ впечатлѣніямъ быстро смѣняющихся фазисовъ дѣла.

Но само собою разумѣется, что для этого надобно не скрывать отъ себя ни одной изъ сторонъ, неизбѣжно принадлежащихъ дѣлу. Надобно знать, къ чему по необходимости ведетъ оно, какія явленія неизбѣжно вызоветъ. Надобно быть готову къ нимъ, иначе придется играть недостойную челоуѣка роль флюгера. Положимъ, напримѣръ, что вы жили въ 1848 году въ Германіи, и что вамъ надобно безплодная смута, и вы желали возстановленія порядка,—вы должны были знать, что возстановленіе порядка повлечетъ за собою продолжительное господство реакціи съ политическими преслѣдованіями. Вы должны были быть готовы безъ ропота, безъ разочарованія, видѣть ихъ, если хотѣли возстановленія порядка. Но чаще всего мы видимъ, что нынѣ кричатъ: „возстанавливается порядокъ, ахъ, какъ мы рады!“ а завтра кричатъ: „владычествуетъ реакція, ахъ, какъ насъ это огорчаетъ!“ Это ребячество. Если вы чувствуете, что будете недовольны владычествомъ реакціи, не восхищайтесь возстановленіемъ порядка; а если чувствуете невыносимыя для васъ политическія смуты, въ такомъ случаѣ не жалуйтесь и не играйте роли либераловъ, когда придетъ реакція. Всѣ эти разсужденія сводятся, какъ видимъ, къ извѣстному выраженію Чичикова: „полюби насъ черпенькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ“.

Большинство, увлекающееся минутными впечатлѣніями, обнаруживаетъ этою непоследовательностью вредное вліяніе на ходъ дѣла обыкновенно уже тогда, когда дѣло очень сильно развилось: едва начинаетъ оно приносить свои плоды, какъ расположеніе къ нему въ массѣ исчезаетъ; оно лишается поддержки общественнаго мнѣнія, переходящаго на противоположную сторону, потому что въ числѣ плодовъ какого бы то ни было дѣла всегда бываетъ довольно много горькихъ на вкусъ для того самаго большинства, которому правились цвѣтки. Оттого самыя успѣшныя дѣла въ исторіи остаются недоконченными. Возьмемъ ли мы исторію реакцій или исторію революціонныхъ движеній, мы одинаково увидимъ, что даже самыя сильныя изъ нихъ рѣдко достигали своей цѣли. Французская революція, напримѣръ, не успѣла совершенно искоренить во Франціи стараго порядка вещей: онъ воскресъ при Наполеонѣ и оказался очень сильнымъ при реставраціи; съ другой стороны и реакція, начавшаяся еще до Наполеона и почти непрерывно господствовавшая во Франціи до сихъ поръ, не успѣла искоренить ни революціонной тенденціи, ни даже зако-

новъ ею произведенныхъ въ краткій періодъ шести лѣтъ отъ 1789 до 1795: каждый разъ, какъ только начинала она дѣйствовать успѣшно, большинство легкомысленно переходило на сторону революціи, которую также легкомысленно покидало, едва революція появлялась на горизонтѣ. Мы опять не говоримъ, какое изъ двухъ стремленій надобно считать справедливымъ и полезнымъ: стремленіе ли устроить порядокъ дѣлъ, сообразный съ новыми потребностями общества, или стремленіе возстановить старину; мы говоримъ только, что какое изъ этихъ стремленій ни назоветъ вы хорошимъ, все-таки неумѣнье большинства понять неразлучность нѣкоторыхъ тяжелыхъ испытаній или оскорбительныхъ для чувства явленій съ исполненіемъ предпочитаемаго вами дѣла, на сторонѣ котораго и большинство становилось по нѣскольку разъ, было причиною того, что дѣло это оставалось недоконченнымъ и, слѣдовательно, все равно, реакціонеръ вы или прогрессистъ, вы должны быть недовольны этимъ легкомысліемъ большинства. Потому-то мы говоримъ: если человѣкъ имѣетъ потребность распространять свои убѣжденія между другими людьми, то еще важнѣе забота вообще внушать людямъ, что они должны быть тверды въ своихъ убѣжденіяхъ,—пусть имѣютъ какія хотятъ убѣжденія. О томъ, что истина привлечетъ на свою сторону большинство, безпекотиться нечего: это неизбѣжно. Но должно позаботиться о томъ, чтобы люди приготовились, появивъ истину, не отступить отъ нея легкомысленно изъ-за мелкихъ неурядицъ, отъ которыхъ не свободно никакое дѣло.

Но если большинство бываетъ виновно въ томъ, что историческія дѣла бросаются обыкновенно, не будучи додѣланы какъ слѣдуетъ, то предводители большинства еще чаще бываютъ виновны въ томъ, что дѣло подавляется въ самомъ своемъ зародышѣ гораздо прежде, чѣмъ большинство успѣло бы охладѣть къ нему. Великіе люди едва ли не потому только и бываютъ великими людьми, что спѣшатъ ковать желѣзо, пока оно горячо; умѣютъ не терять дней, пока обстоятельства благопріятствуютъ дѣлу. Но извѣстно, что не можеть ковать желѣза тотъ, кто боится потревожить сонныхъ людей стукомъ. Только энергія можеть вести къ успѣху, хотя бы къ половинному, если полного успѣха почти никогда не даетъ исторія; а энергія состоитъ въ томъ, чтобы, не колеблясь, принимать такія мѣры, какія нужны для успѣха. И Суворовъ, и Наполеонъ, да и всѣ великіе полководцы, начиная съ Александра Македонскаго, о которомъ такъ пылко говорилъ уѣздный учитель у Гоголя извѣстны тѣмъ, что не жалѣли жертвъ для одержанія побѣды: ихъ сраженія были вообще страшно кровопролитны. Мы не хотимъ рѣшать, хорошая ли вещь военныя побѣды; но рѣшайте, прежде чѣмъ начнете войну, не жалѣть людей; а если хотите жалѣть ихъ, то не слѣдуетъ вамъ и начинать войны. Что о войнѣ, тоже самое надобно сказать и о всѣхъ историческихъ дѣлахъ: если вы боитесь или отвращаетесь тѣхъ мѣръ, которыхъ потребуетъ дѣло, то и не принимайтесь за него и не берите на себя отвѣтственности руководить имъ, потому что вы только испортите дѣло. Нѣтъ ничего хуже, какъ если чеховѣкъ, принимающій на себя руководство дѣломъ, поддается самообольщенію относительно средствъ, требуемыхъ этимъ дѣломъ, и явленій, какія могутъ вызываться этими средствами. Хуже этого развѣ только то, когда онъ не понимаетъ даже и качествъ дѣла, за которое борется. Просимъ читателя помнить,

что мы не говоримъ о томъ, хорошо или худо какое дѣло, а только о томъ, какъ должны дѣйствовать люди, считающіе его хорошимъ. Напримѣръ, Наполеонъ I поставилъ себѣ задачею подавить революцію во Франціи. Хороша или дурна была его цѣль, мы не знаемъ; но онъ считалъ ее хорошею, и нельзя не признаться, что онъ дѣйствовалъ, какъ слѣдовало ему дѣйствовать по натурѣ дѣла, за которовъ онъ взялся. Въ парламентскихъ формахъ крылся тогда революціонный духъ,—онъ уничтожилъ эти формы; революціонеры вздумали противиться ему,—онъ казнилъ или сослалъ въ ссылку революціонеровъ; правильный судъ находилъ, что для нихъ истребленія нѣтъ юридическихъ основаній,—онъ отстранилъ правильный судъ и замѣнилъ его во всѣхъ нужныхъ для дѣла случаяхъ военно-судными комиссіями; во время мира разные либералы, революціонеры и роялисты мѣшали ему, раздѣляли съ нимъ вниманіе націи, приобретали вліяніе надъ общественнымъ мнѣніемъ,—онъ рѣшилъ, что Франція не должна имѣть мира, и велъ непрерывныя войны.

Какъ не рѣшаемъ мы, хорошо или дурно было дѣло, которое велъ Наполеонъ, а говоримъ только, что онъ умѣлъ вести его сообразно его сущности, точно также мы не говоримъ, хорошо или дурно дѣло, которое взяли вести правители центральной Италіи, а говоримъ только, что они не умѣютъ вести его, какъ слѣдуетъ, потому что не понимаютъ его сущности и боятся тѣхъ мѣръ, которыхъ оно требуетъ. Ихъ дѣло революціонное, а они воображаютъ придать ему характеръ законности; принципъ, осуществленія котораго они хотятъ—принципъ верховной власти народа—смертельно враждебенъ принципу легитимности, а они хотятъ приобрести помощь континентальной дипломатіи, которая держится договорнаго права и династическаго принципа; наконецъ, ихъ цѣль есть цѣль народныхъ стремленій, стало быть должна достигаться энтузіазмомъ массы, а они хотятъ, чтобы масса не волновалась. Быть можетъ средства, требуемыя этимъ дѣломъ, дурны, этого мы не знаемъ; но если они дурны, въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы и приниматься за дѣло. Кто не хочетъ средствъ, тотъ долженъ отвергать и дѣло, которое не можетъ обойтись безъ этихъ средствъ. Кто не хочетъ волновать народъ, кому отвратительны сцены, неразрывно связанныя съ возбужденіемъ народныхъ страстей, тотъ не долженъ и брать на себя веденіе дѣла, поддержкою котораго можетъ служить только одушевленіе массы.

Свойство фальшивыхъ положеній таково, что они вовсе не избавляютъ отъ тѣхъ бѣдъ, для избѣжанія которыхъ человѣкъ мѣняетъ открытое, прямое положеніе на фальшивое. Правители центральной Италіи не хотѣли свое революціонное дѣло вести революціоннымъ путемъ для того, чтобы избѣжать революціонныхъ сценъ. Смерть Анвита показала, что этихъ сценъ итальянское движеніе все-таки не избѣгаетъ. Но пора намъ, бросивъ разсужденія, перейти къ изложенію этого факта. Подробнѣйшій и, кажется, самый точный разсказъ о немъ написанъ итальянскимъ корреспондентомъ Times'a. Кромѣ его письма мы переводимъ еще письмо корреспондента Daily News, чтобы читатель могъ, сличивъ ихъ, видѣть достовѣрность тѣхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ, по нашему мнѣнію, зависитъ характеръ сцены, возбуждившей такое сильное негодованіе во всѣхъ газетахъ.

Вотъ письмо корреспондента Times'a:

«Парма, 9 октября.

«Я приехал в Парму вчера вечером и нашел город еще погруженный в глубочайшее отчаяние от одного из тех диких дел народного мщения, которые предусматривались и предсказывались проникательными людьми, но от которых по чрезвычайному счастью был до сих пор избавлен этот город, избавлена и вся центральная Италия.

«Передаю вам подробности вполне, потому что руководящие люди в Италии вообще полагают, будто действуют сообразно с благом своей страны, стараясь показаться иностранцам державам лучшими, нежели каковы они на самом деле; а я твердо убежден, что никогда никакое дело не выигрывает от скрывания истины. Многие факты основаны тут на одних народных слухах; но я был чрезвычайно заботлив и строг в своих розысканиях, потому надеюсь, что я не прибавил и не убавил, а рассказываю этот случай, просто, как он произошел.

«Луиджи Анвита был родом из Пиаченцы и принадлежал к фамилии, бывшей некогда претензи на знатность и носившей графский титул. Он и его братья уже умершие, много лет жили в Париже, как scroceli и balossi по ремеслу, т. е. как плуты и воры, мошенники и надуватели. Луиджи, бывший младшим братом, вступил в военную службу и в 1848 году был капитаном; тогда, по его известной курной репутации, ему не позволили вступить ни в число волонтеров, ни в отряд регулярных войск, посланных Пармой для участия в национальной войне. При востановлении герцога Карла III, этот безумный правитель, выбравший самых худших людей, каких только можно было найти, для организации своей petite большой армии, быстро возвысил Анвиту до чина полковника. Анвита, исполненный злобных желаний к либеральной партии, которая справедливо отвергла его, стал одним из главных орудий сумасшедших и жестоких подвигов герцога, особенно в исполнении телесных наказаний за политические преступления, составлявших источник самого сильного недовольства паризанцев против герцога и стоявших на пути герцогу жизни, которой он лишился 25 марта 1854. При регентстве герцогини Луизы, Анвита прославился участием во всех жестоких истреблениях, принятых против предполагаемого убийцы герцога и был одним из главных виновников той систематической резни 22 июля 1854, которую никогда не могли простить паризанские простоплюдины. 13 апреля 1855 г. Анвита, предмет всеобщей проклятия, подвергся выстрелу из пистолета у порога своего дома, когда возвращался домой в сумерки. Пуля не попала в него, он остался невредим и общая молва была, что это мнимое покушение на его жизнь было его собственным делом, придуманным для произведений новых свирепостей. Действительно, он обвинил в покушении на убийство отставного рядового солдата Карина, предал его военному суду, судили, приговорил к смерти и расстрелял, хотя говорят, что несчастный положительным образом доказал, что во время выстрела находился совершенно в другом месте. Кроме того, Анвита арестовал бывшего цирюльника Марио Феррари единственно за то, что он свидетельствовал в пользу Карина, и цирюльник был найден повешенным в своей тюрьме; дело его писало, говорят, в таком положении, которое никак не допускало мысли, что он удавился сам.

«Ненависть всего населения к Анвите стала так сильна, что даже правительство почло нужным удалить его из Пармы и послать его сначала в Понтреони, потом в Пиаченцу, где его карьера была также ознаменована гнусными свирепостями. При падении правительства герцогини из нашего нынешнего года, Анвита исчез и с тех пор не было о нем слышно.

«Я считал нужным предварительно сообщить эти факты, чтобы читатель мог иметь ясное понятие о характере этого человека и о свойствах правительства, при котором такие чудовища пользовались властью.

«В пятницу, 5 числа, Анвита переодетый поселянином, ехал по железной дороге из Водонья в Пиаченцу. У него был паспорт от папского правительства, невозможно сомневаться в том, что он ехал по каким-нибудь тайным шлю-

ніямъ между датскими войсками и войсками герцоговъ modenского и парискаго, собравшимся теперь въ Мантуѣ. Паспорта отъ нынѣшнихъ правительствъ у него не было, за то была медаль, служившая, какъ предполагають, довѣрительнымъ знакомъ для него въ разныхъ лагеряхъ и доказательствомъ, что онъ дѣйствительно тотъ, кого ждали. Прибавляютъ—но я не удостовѣрился въ этомъ положительнымъ образомъ,—что въ его сакѣ было 15,000 франковъ банковыми билетами. Подлѣ моста черезъ Энчу, въ пяти миляхъ отъ Пармы, Анвита былъ узаванъ пармезанскимъ волонтеромъ, по ремеслу сѣдельникомъ, Камюцци, который, говорилъ, получалъ отъ него обиды и однажды былъ арестованъ просто по той причинѣ, что не нравился полковнику. Этотъ человѣкъ подошелъ къ нему и называлъ его по имени, но, получивъ рѣзкій и надменный отвѣтъ замолчалъ, и молчалъ, пока поѣздъ прибылъ на Пармскую станцію, въ 5 часовъ вечера. Тутъ онъ сказалъ объ Анвитѣ нѣсколькимъ своимъ пріятелямъ волонтерамъ. Они его арестовали и отвели въ казарму жандармовъ (карабинеровъ) близъ porta San Barnaba, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ городскихъ воротъ и станціи. Едва только помѣстивъ они Анвиту въ карательную комнату, какъ простонародье, между которыми слухъ объ его арестѣ распространился съ быстротою молвіи, собралось передъ главною дверью казармы, требуя смерти ненавистнаго экс-полковника. Въ центральной Италіи, какъ я нѣкъ говорилъ, почти вѣтъ вооруженныхъ силъ, и въ казармахъ было всего только 6 или 7 карабинеровъ. Они поспѣшно затворили, заперли и загородили задвижкой глиняную дверь, а изъ оконъ старались успокоить толпу, убѣждая, что преступникъ не ускользнетъ изъ ихъ рукъ и что судить его надобно законнымъ порядкомъ. Толпа отвѣчала, что въ послѣдніе три мѣсяца она часто отдавала подобныя преступниковъ въ руки законныхъ властей и что они всѣ были выпускаемы на свободу; но что теперь она захватывала злѣйшаго атакана всей пашки и не хочетъ, чтобы опять его скрыли отъ справедливаго мщенія. Пока предводители вели эти переговоры, толпа раздраженныхъ простонародныхъ, и въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ изъ самаго низкаго разряда черности, вышла въ казарму черезъ маленькую боковую дверь, которая по неосторожности была оставлена незапертой. Она ворвалась въ карательную комнату и вышла такъ Анвита, который малодушно залѣзъ подъ одеу изъ лавокъ, служившихъ постелими для жандармовъ, отправляющихъ караулъ. Его вытащили оттуда, но обращая вниманіемъ на его крики и мольбы; вывели его изъ казармы, и тутъ, на улицѣ, началось демонское мученіе, которое продолжалось и надъ его трупомъ. Его протаскали по всей улицѣ San Barnaba, потомъ черезъ Дворцовую площадь (Piazza del Corte), мимо герцогскаго дворца, гдѣ стоялъ караулъ изъ нѣсколькихъ національныхъ гвардейцевъ, потомъ черезъ Quattro mal cantoni и Bassa del Magnani, черезъ Piazza grande (главную площадь), гдѣ стоялъ другой караулъ національной гвардіи, и остановились только у швейцарской кофейной въ улицѣ San Michele, по которой въ это время гуляло, по обыкновенію, множество порядочно одѣтыхъ людей. Тутъ, вѣдѣвъ подать ликонду своей почти безжизненной жертвѣ и насытивъ свою ненависть самымъ жестокимъ образомъ, они наконецъ овалили Анвиту на одну въ мраморныхъ ступеней и отрубивъ голову ему саблемъ. Тѣло, какъ мы говорили, еще затрепетало подъ этимъ ударомъ. Прибавляютъ, и, кажется, справедливо, что одинъ изъ каннибаловъ отрубивъ пальцы рукъ у трупа и сосалъ кровь, которая потекла изъ перерезанныхъ жилъ; что нѣсколько учивыхъ мальчишекъ вливали вадъ обезглавленнаго трупъ. Толпа вышла изъ кофейной и ходила почти по всѣмъ улицамъ и частямъ города. Нѣкоторые несли голову, воткнутую на саблю, другіе тащили трупъ по пыли; наконецъ воротились на главную площадь послѣ этой безумной оргіи, продолжавшейся два часа, и, оставившись передъ Colonna della Piazza—колоною безъ капители, служащею и ваятникомъ и центральнымъ столбомъ, отъ котораго считаются мили, положили голову на вершину колонны и, заставивъ оркестръ слѣпыхъ скрипачей играть, начали плясать карнавальную вокругъ ужаснаго трофея.

«Было 9 часовъ. Толпа, насытившаяся кровавою сценою, утомявшая крикомъ и бѣшенствомъ, начала расходиться, хотя поклалась, что голова останется выставлена на колоннѣ три дня. Нѣсколько ротъ пізновитскихъ солдатъ, еще стоявшихъ въ городѣ, отважились войти въ толпу и разогнали ее. Голова и страшно искаженный

трупъ были огнесены въ городской госпиталь и оттуда тайкомъ перенесены для христiанскаго погребенiя. При осмотрѣ изувѣченнаго тѣла нашлось на одностъ туловищѣ 23 раны отъ острыхъ орудiй и одна рана пулею.

«Событiе, разсказанное мною со всею возможною для меня точностью и обстоятельностью, конечно ужасно; но точно того же можно бы ожидать отъ дурныхъ классовъ черня въ какомъ угодно городѣ какой угодно другой страны. Гораздо печальнѣе этого неистовства кажется мнѣ то, какъ держали себя хорошия классы жителей и правительство до кроваваго дѣла и послѣ него. Я слышалъ только объ одномъ хорошо одѣтомъ, чеповѣкѣ, который пытался вступить за Аннети у швейцарской кофейной и убѣждалъ толпу, что теперь, когда Аннети уже мертвъ, она должны по нравней мѣрѣ не подвергать трупа напрасному поруганiю. Но онъ долженъ былъ замолчать, потому что грозили «расправиться» съ нимъ такимъ же образомъ. Въ убѣжденiяхъ и робкихъ упрекахъ недостатка не было, но я не слышалъ, чтобы карабинеры въ казарнахъ или караулы национальныхъ гвардейцевъ на двухъ площадяхъ, или какой вѣбоду солдаты или гражданскiе навесы или получилъ ударъ, защищая, — не говорю злодѣя, — но законъ. Толпа цѣлыхъ три часа владычествовала въ городѣ; она могла бы господствовать и три два, еслибъ захотѣла, потому что, какъ я говорилъ, въ послѣднiе мѣсяцы вооруженной политической силы почти не было и нѣтъ въ центральной Италiи.»

Вотъ разсказъ корреспондента Daily News:

«Парма, 6 октября.

«Полковникъ графъ Аннети нѣтъ 48 лѣтъ отъ роду, происходилъ изъ Пиаченцы и былъ потомкомъ древней фамилiи. Въ очень молодыхъ лѣтахъ онъ вступилъ въ армiю Марин-Луизы и скоро сталъ извѣстенъ парижскому народу своею ненавистью къ либеральной партiи въ герцогствѣ. При восстановленiи Карла III полковникъ Аннети сталъ близкимъ другомъ его и исполнителемъ тѣхъ дѣлъ, которыя были причиною смерти молодаго герцога. Жестокость полковника была такъ велика, жертвы его злѣрства были такъ многочисленны, что при смерти герцога онъ былъ уже предметомъ всеобщихъ проклятiй. Почти каждый день наказывались палками люди по его распоряженiю; старики посылались въ тюрьму безъ суда и слѣдствiя единственно подъ предлогомъ, что они выбирали. Не разъ онъ выбѣгалъ, какъ бѣшеный, изъ кофейной и тащилъ какого нибудь горожанина въ парульню, чтобы тамъ обрить ему бороду, потому что борода, по его мнѣнiю, была признакомъ революцiонныхъ замысловъ. Его неистовства были такъ многочисленны, что въ 1855 году былъ сдѣланъ по немъ выстрѣлъ изъ пистолета, когда онъ переходилъ черезъ улицу Santa Lucia. Предполагаемые виновники этого покушенiя были осуждены и одинъ изъ нихъ, Андреа Карини, былъ разстрѣлянъ, несмотря на ходатайство о помилованiи, представленное герцогнѣй предсѣдателямъ военной коммиссiи которая судила его. Я нѣтъ случай разсматривать документы этого постыднаго процесса и вынесъ изъ разбора нѣтъ убѣжденiе, что не было и тѣхъ юридическаго доказательствъ въ оправданiе казни Карини. Изъ предполагаемыхъ соучастниковъ этого несчастнаго человѣка одинъ, Франческо Паницца, былъ осужденъ на заключенiе въ тюрьму на всю жизнь, а другой, Иоза Джузеппе, на двадцать лѣтъ такого же наказанiя. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ противъ циркульной, которую содержалъ нѣкто Марио Феррари. При самомъ началѣ слѣдствiя, показанiе этого человѣка служило доказательствомъ невинности Карини и другихъ обвиненныхъ съ нимъ; потому несчастный Феррари былъ брошенъ въ тюрьму и черезъ два дня нашли его повѣшеннымъ на рѣшеткѣ тюремнаго окна. Общее мнѣнiе говорило, что полковникъ Аннети тайно велѣлъ задушить циркульника, чтобы сбыть съ рукъ единственнаго свидѣтеля, который могъ спасти предполагаемаго преступника. Карини былъ отцомъ многочисленнаго семейства и имѣлъ двухъ братьевъ, которые по ремеслу своему мясники. Я не безъ намѣренiя дѣлаю это замѣчанiе, потому что, по слухамъ, родственники Карини играли главную роль въ кровавой сценѣ вчерашняго дня. По отѣздѣ герцогнѣй, парижское правительство получило юридическое доказа-

тельство невинности Каряни, потому что человек, который выстрелил в полковника, сознался в вине.

«При самом начале национального движения, Анияти бежал в Церковную область. Но вот у него, родилось чиниление возвратиться в свой родной город, чтобы составить заговор против нового правительства. Вчера он выехал из Болоньи с поездом желѣзной дороги, отправляющемся в час по полудни. Он одѣлся в платье фермера. Поездка шла удачно до той самой минуты, какъ поездъ прибылъ къ рѣкѣ Энцѣ, передъ которой вагоны теперь принуждены останавливаться, потому что мостъ сломанъ; пассажировъ перевозятъ на другой берегъ въ омнибусѣхъ. Какъ только полковникъ Анияти сѣлъ въ одинъ изъ этихъ омнибусовъ, онъ, хотя и былъ переодѣтъ, былъ узнанъ человѣкомъ, котораго прежде наказалъ палками. Поэтому, когда поездъ пришелъ на парижскую станцію, несчастному полковнику не дали продолжать его пути въ Пиаренцу. Человекъ, узнавшій его, вытащилъ его изъ кареты и повелъ въ городъ среди проклятій толпы. Яность народа была такъ велика, что вѣскольکو національныхъ гвардейцевъ, случайно бывшихъ на станціи, только съ величайшими трудомъ могли удержать это раздраженіе. Когда толпа дошла до городскихъ воротъ, съ нею встрѣтился полковникъ Дода, который, узнавши въ честь дѣло, потѣхалъ подѣтъ арестованнаго, чтобы защищать его. По близости попала въ карабинерская кавария, у которой стояли часовые; Анияти былъ переданъ подѣтъ стражу и въ толпа разошлась. Но извѣстіе о томъ, что сиваченъ Анияти, дошло до дома, въ которомъ жена, братья и дѣта Каряни еще скорбѣли о казни своего невиннаго родственника. Дѣта графа быстро пробудило чувствено ищениа, и въ вѣскольکو минутъ собралась ч карабинерской казармы толпа, жаждавшая крова. При первомъ приливѣ народной волны, карабинеры (иъ было всего шесть человекѣтъ) заперли дверь казармы, но дверь была выломана толпою, которая ворвалась въ домъ и стала обыскивать комнаты. «Онъ не уйдетъ отъ насъ», — слышалось со всѣхъ сторонъ: «Правительствомъ теперь не обманетъ народъ: ему не удастся спасти Анияти, какъ спасла оно другихъ злодѣевъ» (Надобно сказать, что въ сентябрѣ иѣсаяъ два агента герцогснаго правительства были счастливо спасены отъ народного гнѣва). Обыскали первый, второй, третій этажъ казармы, обыскали чердакъ — Анияти нигдѣ не было. Раздраженная толпа обрычала уже свою ярость противъ карабинеровъ: когда страшный крикъ послышавшись изъ подвального этажа. Одинъ изъ искавшихъ нашелъ несчастнаго пѣтеника и Анияти погибъ. Тѣло его потащили по улицѣ Сн Барнабы; голова трупа была отрѣзана и положена на верхъ мраморнаго намятника, поставленнаго Бурбонами въ памятъ Юсифа I. Вся эта сцена продолжалась не болѣе четверти часа, не болѣе того времени, сколько нужно было для присылки вооруженной силы. Барабаны національной гвардіи собрали вооружившихся гражданъ, регулярныя войска поспѣшили присоединиться къ нимъ, и въ половинѣ седьмого толпа была разсѣяна, отрѣзанная голова снята съ памятника и трупъ жертвы отнесенъ въ домъ, гдѣ ставается воююники передъ похоронами. Париское правительство сдѣлало все, что зависѣло отъ человѣческой предусмотрительности, для предотвращенія этого великаго преступленія, но оно совершилось такъ быстро, что нельзя было предотвратить его. Прибывъ сюда вечеромъ, я нашелъ Парю въ ужасѣ отъ воспоминанія о кровавой сценѣ, осквернившей ея улицы. Было уже сдѣлано много арестовъ, но говорить, что истинные виновники преступленія уже скрылись изъ города».

Вотъ еще небольшой отрывокъ изъ письма, напечатаннаго въ Siède.

«Полковникъ Анияти, хотя и носилъ графскій титулъ, былъ человекъ безъ всякаго образованія. Будучи главнокомандующимъ маленькаго парижской арміи и генераль-директоромъ полиціи, онъ иѣлъ безграничную власть, которую пользовался для совершениа всевозможныхъ жестокостей. Онъ находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы присутствовать при наизаваніи и оскорблять своимъ шертны въ ту шнауту, когда палачъ билъ ихъ. По очень сильнымъ уликамъ его обвиняють въ томъ, что онъ потѣхалъ въ тюрьмѣ вѣсколькихъ человекѣтъ безъ всякаго суда надъ ними».

Вотъ еще нѣсколько строкъ изъ *Opinione*.

«Анвита на Париской станціи былъ узнавъ человѣкомъ, который, какъ говорить, былъ подвергнутъ имъ тѣлесному наказанію; присутствуя при наказаніи, полковникъ ругался надъ нимъ во все продолженіе наказанія». — «Кофейная, въ которую народъ притащилъ полумертваго Анвита изъ казармы, была та самая, гдѣ въ прежнія времена любилъ онъ сидѣть, хвалился тѣлесными наказаніями и другими жестокостями, которыя дѣлалъ». — «При возстановленіи порядка, нѣсколько человѣкъ изъ толпы было равно. Тотъ, который держалъ отрѣзанную голову, не отдавалъ ея, пока самъ получилъ семь ранъ. Его ярость объясняется тѣмъ, что онъ подвергался тѣлесному наказанію въ присутствіи Анвита, который всегда присутствовалъ при тѣлесныхъ наказаніяхъ и при каждомъ ударѣ ругался надъ своими жертвами, приговаривая: вотъ тебѣ за viva l'Italia! вотъ тебѣ за слова: прочь австрийцевъ! и т. д.»

Не останавливаясь на нравственныхъ качествахъ Анвита, мы соберемъ изъ этихъ разсказовъ только тѣ черты, которыя прямо относятся къ сентябрю 5 октября. Но прежде всего сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній.

Тѣлесное наказаніе въ Италіи имѣетъ значеніе, какого не имѣетъ даже во Франціи. Итальянецъ даже самаго низкаго званія чувствуетъ обиду отъ удара точно также, какъ въ другихъ странахъ человѣкъ свѣтскаго общества. Онъ считаетъ, что ударъ на всю жизнь обезчестилъ его, и что эта обида можетъ быть омыта только кровью оскорбителя, какъ у насъ ударъ по щекѣ. Надобно также вспомнить, что прежняя безпредѣльная увѣренность жителей Пармы, Модены и проч. въ легкости присоединенія къ Піемонту въ послѣднее время смѣнилась столь же безпокойными опасеніями: они видятъ опасности со всѣхъ сторонъ, повсюду подозрѣваютъ злоумышленія и заговоры. Вспомнимъ также вспыльчивость итальянскаго характера и то, что носить при себѣ кинжалъ между итальянцами не такая рѣдкость, какъ у другихъ европейцевъ.

На Пармской станціи Анвита попалъ въ толпу людей, родственниковъ, которыхъ онъ безъ суда казнилъ, и которыхъ самихъ онъ подвергалъ тѣлесному наказанію, ругаясь при томъ надъ ними. Дѣйствительно, узнавъ былъ онъ однимъ изъ такихъ людей; главную роль въ толпѣ, поражающей его кинжалами, играли братья Карини, мясники, ремесло которыхъ не располагаетъ къ кротости, братья которыхъ былъ казненъ Анвита, и одинъ изъ которыхъ также подвергался отъ него тѣлесному наказанію; его голова была тоже въ рукахъ человѣка, котораго подвергалъ онъ тѣлесному наказанію. Главнымъ мѣстомъ дѣйствія была кофейная, извѣстная тѣмъ, что онъ хвалился въ ней тѣлесными наказаніями, которыя производилъ. Толпа думала, что онъ пріѣхалъ въ Парму устраивать заговоръ для возстановленія правительсва, при которомъ пользовался безотчетною властью. Толпа думала, что если она выпуститъ его изъ рукъ, передавъ на судъ правительства, правительство тайно освободитъ его, какъ освобождало другихъ подобныхъ ему агентовъ прежняго правительства. Кинжалы были подъ руками, — все, что происходило далѣе, было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ опьяненія, въ которое задаетъ каждое многочисленное общество, разъ увлекшись страстью.

Но само собою разумѣется, что пармское правительство должно было юрѣтъ на самоуравную казнь Анвита, какъ на преступленіе. Немедленно

приняты были мѣры для отысканія участниковъ этой сцены. Корреспондентъ Daily News, прїѣхавшій въ Парму на другой день послѣ нея, нашелъ уже многихъ людей арестованными. Однакоже Фарини, который къ несчастью былъ 5 октября въ Моденѣ и присутствіе котораго, вѣроятно, значительно смягчило бы кровавую сцену, возвратившись въ Парму, нашелъ нужнымъ пріадать еще болѣе строгости преслѣдованію, отрѣшилъ отъ должности многихъ чиновниковъ, чтобы замѣстить ихъ болѣе энергическими, и издалъ прокламацію, написанную съ пламеннымъ гнѣвомъ. Онъ говорилъ жителямъ Пармы: „Вашъ городъ оскверненъ ужаснымъ преступленіемъ. Наша добрая слава поражена, свобода профанирована, Италія оскорблена“ и т. д. Мы не увѣрены въ томъ, что Фарини говорилъ это по собственному убѣжденію, а не для того только, чтобы удовлетворить консервативныя силы за континентъ Европы. По всей вѣроятности, ему казалось, что смерть Анвита—просто несчастный случай, слишкомъ достаточно объясняемый прежними отношеніями убитаго къ людямъ, бросившимся на него, и что всѣ послѣдующія подробности бѣшенства, выразившагося на его трупѣ, какъ ни возмутительны сами по себѣ, происходили не отъ преднамѣренной свирѣпости; а только отъ натуральнаго оцѣненія разгорѣвшейся страсти, въ которой, конечно, расцвѣтались черезъ нѣсколько часовъ люди, поддавшіеся внезапному порыву ея. Мы полагаемъ, что говоря о характерѣ этого случая иначе, онъ только уступалъ необходимости отнять у враговъ Италіи предлогъ къ обвиненію временныхъ итальянскихъ правительствъ въ покровительствѣ революціоннымъ сценамъ или безсиліе наказывать ихъ. Впрочемъ, очень можетъ быть, что мы и ошибаемся. Смерть Анвита могла дѣйствительно поразить Фарини, подобно другимъ либераламъ воображавшаго, что политическіе перевороты могутъ совершаться безъ всякихъ случаевъ нарушенія уличной тишины; продолжительное поруганіе толпы надъ тѣломъ убитаго могло возмутить пармскаго диктатора, по обыкновенію либераловъ идеалистически державшаго въ головѣ двѣ равно мечтательныя мысли, противорѣчащія одна другой: народъ—свирѣпый звѣрь, котораго нельзя выпускать изъ клѣтки; народъ—способный къ невозмутимой кротости и неотступному соблюденію всѣхъ прекрасныхъ формъ. Люди, подобные правителямъ центральной Италіи, никакъ не могутъ дойти до понятія, что народъ—просто собраніе такихъ же людей, какъ и всякіе другіе люди, то есть людей способныхъ, оодъ вліяніемъ страсти, увлекаться до крайности и въ хорошую и въ дурную сторону, людей, въ жизни которыхъ неизбѣжны и натуральны случаи поочередныхъ увлеченій въ обѣ эти крайности. Никакъ это не понимая, они сами безпрестанно приходятъ въ экстазъ,—то въ экстазъ восторга, когда народъ сдѣлаетъ что нибудь энергическое въ хорошемъ смыслѣ, — такою было состояніе духа правителей центральной Италіи до 5 октября, чрезвычайно удивлявшихся патриотизму народа,—то въ экстазъ негодованія, если народъ увлечется какимъ нибудь неблаговиднымъ порывомъ, какъ 5 октября въ Пармѣ: они не умѣли вѣривидѣть ни того, ни другаго, не предполагали въ народѣ той смѣси хорошаго съ дурнымъ, изъ которой составляется жизнь каждаго человѣка. Подумавъ хорошенько, мы убѣждаемся, что Фарини не могъ взглянуть на дѣло хладно-

кровно: онъ былъ изумленъ, пораженъ, потому дѣйствительно долженъ былъ вознегодовать.

Впрочемъ, все равно, показываетъ ли Фарини только видъ, что не понимаетъ сущности дѣла, или въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ негодованіе и ужасъ. Какъ напрасны оказались мечтательныя усилія временныхъ правительствъ центральной Италиі предостеречь появленіе всякихъ революціонныхъ сценъ въ революціонномъ дѣлѣ, точно также напрасны останутся и всѣ ихъ усилія освободиться отъ упрека со стороны консерваторовъ за смерть Авинти. Чтобы ни говорили и ни дѣлалъ Фарини, консерваторы все-таки будутъ утверждать, что нынѣшнее пармское правительство потворствовало страстямъ, убившимъ Авинти; что по крайней мѣрѣ его существованіе благоприятствовало развитію этихъ страстей; что революціонное движеніе неизбежно ведетъ къ подобнымъ проистеженіямъ. Что бы ни дѣлали временныя правительства центральной Италиі, они останутся революціонными и анархическими въ глазахъ консерваторовъ. Сказать ли правду?—въ сущности мнѣніе консерваторовъ будетъ основательно.

Мы останавливались такъ долго на пармской сценѣ 5 октября только потому, что она уже служить для враговъ итальянскаго единства поводомъ, сильнѣе прежняго выставить революціонный характеръ этого движенія и несовмѣстность его съ консервативными принципами, которыми слѣдуютъ континентальныя правительства Западной Европы. Толпа такъ называемыхъ порядочныхъ людей, голосъ которой составляетъ общественное мнѣніе, и которая всегда слѣдуетъ минутнымъ впечатлѣніямъ и поверхностнымъ выводамъ, неминуемо поддастся вліянію этого факта и другихъ ему подобныхъ революціонныхъ сценъ, которыя не замедлятъ послѣдовать за нимъ, какъ только центральныя области Италиі увидятъ себя въ дѣйствительной опасности отъ заговорцовъ и вышатаельствъ для восстановленія прежняго порядка вещей. Прежде толпа вслѣдъ за либералами твердила объ удивительныхъ качествахъ итальянскаго движенія, столь умѣреннаго и не имѣющаго будто бы никакихъ наклонностей къ отвратительному революціонерству. Скоро она будетъ повторять вслѣдъ за консерваторами, что итальянское дѣло запятано кровью Авинти и другими революціонными сценами, которыхъ надобно ждать, лишь только вопросъ приметъ серьезный оборотъ. Впрочемъ, и сами либералы, какъ мы говорили, съ негодованіемъ разсуждаютъ о гнусности убійства, совершеннаго кровожадными извергами въ Пармѣ. Намъ кажется, что безъ такого отношенія къ общественному мнѣнію весь этотъ случай былъ бы совершенно ничтоженъ. Перестанемъ же наконецъ заниматься имъ.

И теперь, при разсужденіяхъ о немъ, а еще больше въ прежнихъ нашихъ обзорахъ, мы очень много говорили о томъ, что правительства центральной Италиі не понимаютъ своего положенія и не умѣютъ дѣйствовать сообразно съ своими цѣлями. Дѣйствительно, вѣскольکو мѣсяцевъ потеряли они совершенно понапрасну. Читатель помнитъ, что мы не говоримъ о томъ, хороша или дурна цѣль, къ которой они хотятъ привести Италию. Мы не хотимъ ни доказывать справедливости ихъ дѣла, подобно либераламъ, ни юворять о его святотатственности, подобнаго консерваторамъ. Съ одной стороны мы видимъ, и каждый читатель видитъ самъ, династическія права,

освященные трактатами и всеми правительственными преданіями континентальной Европы. Съ другой стороны находится, какъ тоже знаетъ каждый читатель, стремленіе итальянскаго народа къ единству для достиженія независимости отъ иностранцевъ. На которой сторонѣ должно быть сочувствіе читателя, онъ самъ долженъ знать и безъ насъ. Мы говоримъ только о томъ, что каково бы ни было дѣло центральной Италиі, хорошо или дурно, временныя правительства не умѣли вести его тѣмъ способомъ, какого оно требовало. Но должно сказать въ ихъ извиненіе, что тому же самому упреку подлежить и сардинское правительство, которое, будучи болѣе твердымъ и сильнымъ, должно было бы выказывать больше энергіи и ободрять своихъ слабыхъ союзниковъ. Когда Кавуръ управлялъ Сардиніею и былъ предметомъ всеобщихъ похвалъ, мы не раздѣляли господствовавшего мнѣнія о мудрости его политики. Мы говорили еще до начала войны, что онъ запутываетъ Сардинію въ такія отношенія, при которыхъ она утратитъ свою самостоятельность, и что, несмотря на всю свою дипломатическую тонкость, сардинскій министръ вовлечетъ въ обманъ, подвергнетъ горькому разочарованію и себя и сардинскій народъ. Теперь, когда графъ Кавуръ, видя себя обманутымъ, видя Піемонтъ попавшимъ подъ зависимость отъ Франціи, удалился отъ дѣлъ, приходится жалѣть о томъ, что не онъ управляетъ дѣлами государства, которое введено въ такое затрудненіе его же собственною непроницательностью. Положеніе дѣлъ въ Сардиніи таково, что власть перешла къ людямъ, въ сравненіи съ которыми графъ Кавуръ заслуживалъ бы полного сочувствія. Онъ хотя что нибудь дѣлалъ бы; у него по крайней мѣрѣ есть энергія и смѣлость. Нынѣшній первый министръ, генералъ де ла-Мармора, бывшій при Кавурѣ военнымъ министромъ, оказывается человѣкомъ лишеннымъ и этихъ качествъ, которыя теперь были бы нужнѣе всего. Центральная Италия требуетъ помощи и руководства отъ Піемонта, а Піемонтъ обнаруживаетъ полнѣйшее безсміе и самую жалкую робость. Мы любимъ пользоваться чужими свидѣтельствами при изложеніи фактовъ, изъ которыхъ дѣлаемъ выводы: потому просто переведемъ два письма итальянскаго корреспондента Times'a, написанныя изъ Турина.

«Туринъ, 28 сентября.

«Піемонтъ снѣло выступилъ бойцомъ за единство и независимость Италиі; два раза въ десять лѣтъ онъ рисковалъ самымъ существованіемъ своимъ для осуществленія этой цѣли. Честолюбіе или патриотизмъ былъ причиною такой политики, все равно, результатъ ея былъ ясенъ. Маленькое королевство стало во главѣ итальянскаго движенія, и всѣ земли, гдѣ говорятъ на итальянскомъ языкѣ, признавали Сардинію своею предводительницею въ національномъ дѣлѣ. Къ изумленію скептическихъ дипломатовъ, казался исчезнувшимъ духъ узкаго провинціализма, на которомъ было построено столько гипотезъ. Ни одна область не хотѣла отстать отъ другихъ и каждая изъ освобождавшихся отъ угнетенія итальянскихъ земель, какъ только становилась госпожою своей судьбы, спѣшила соединить свою участь съ участью земли и династіи, которыя отказались сдѣлать первый и опаснѣйшій шагъ.

«Почетнымъ положеніемъ для маленькаго государства была такая диктатура, такое супрематство. Но это супрематство имѣло свои опасності. Еслибъ императорская программа даже вполне осуществлялась, еслибъ Италия освободилась отъ Альпъ до Адриатики и царственный благодѣтель, съ безпристрѣльнымъ безкорыстіемъ, удалился

съ своими легионами въ Альпах, все-таки было бы геркулесовскимъ подвигомъ соединить и организовать земли, до сихъ поръ бывшія разрозненными, сообразить на будущее время итальянскою силою то, что было приобретено силою низверженцевъ. Еще гораздо труднѣе, но за то и еще гораздо славнѣе сдѣлалась эта задача послѣ Виллафранка-скаго мира. Онъ далъ итальянцамъ только возможность испытать шавсы войны, если они дѣйствительно имѣли рѣшимость на попытку своими силами сдѣлать то, чего нерасудительно ждали отъ другихъ. Ихъ руки были развязаны, и самъ императоръ, во второй своей миланской прокламаціи, сказалъ имъ, что остальное должны они сдѣлать сами.

«Два мѣсяца прошло съ той поры,—два мѣсяца драгоцѣннаго времени, и какъ же воспользовались этими двумя мѣсяцами? Парижская конференція вѣдала въ это время свое бесполезное существованіе, какъ будто вызывая Италію дѣйствовать и приготовиться къ дѣлу. Теперь была для Піемонта минута показать себя предводителемъ итальянцевъ; національная партія обращала свои взоры на Туринъ.

«А Туринъ спитъ, или какъ будто находится въ сонноблудіи; онъ бесподвиженъ или появляется жеманъ великаго магнетизера. Какъ будто всякая дѣятельность и рѣшимость покинула правительство вмѣстѣ съ Кавурами. Прочтите отвѣты, данныя депутатами Тосканы, герцогства и Романьи, и вы угадаете все по этимъ отвѣтамъ. Во всемъ та же апатія и нерѣшимость, та же робость и малодушіе. Разумѣется, какому попятна шекотливостъ положенію, въ-какое Сардинія поставила себя относительно своего могущественнаго союзника, которому она столь многими обязана, который не можетъ она раздражать безъ величайшей опасности для себя. Но неинно въ подобныя положенія, сѣбѣность неизбѣжно бываетъ лучшимъ политикомъ; она убѣждаетъ довѣріе друзей и внушаетъ стріжъ врагамъ, а противоположная система ободраетъ враговъ и отнимаетъ мужество у друзей. Но сѣбѣность этого рода требуетъ рѣшимости поддерживать дѣлами и жертвами то, что сказано словами. При энтузіазмѣ, какой показало населеніе Верхней Италіи, Сардинія могла бы въ эти два мѣсяца составить армію, по крайней мѣрѣ, въ 150.000 человекъ. Она тутъ не встрѣтила бы недостатка ни въ деньгахъ, ни въ людяхъ; и если бы теперь она объявила, что согласна на присоединеніе государства центральной Италіи, чѣмъ она рисковала бы? Даже и такой могущественный человекъ, какъ императоръ Наполеонъ, не отважился бы настолько презрѣть общественное мнѣніе Европы, чтобы обратитъ свои легионы противъ своей соотечественницы. Все, что могло бы случиться,—развѣ только то, что онъ отозвалъ бы ихъ, и оставилъ бы на волю судьбы итальянцевъ, которыми теперь плотно соединены и связаны, чѣмъ когда члѣбдъ.

«Но положимъ, что Сардинія и центральная Италія не имѣютъ достаточной самостоятельности, чтобы быть отважными въ своей политикѣ; самое простое благоразуміе должно было бы совѣтовать имъ не щадить никакихъ усилій для развитія своихъ военныхъ силъ, чтобы имѣть въ будущемъ возможность воспользоваться первымъ представившимся благоприятнымъ случаемъ, и неопослѣдняя апатія въ этомъ отношеніи была всего подвигла во всей центральной Италіи ропотъ противъ нынѣшняго сардинскаго министерства и особенно противъ главы его, генерала де-ла-Марини. Неудовольствіе вламывается во всѣхъ и въ каждомъ; каждый, съ чѣмъ бы онъ ни заговорилъ, жалуются, и газеты повторяютъ жалобу.

«Съ тѣмъ здравымъ смысломъ, который руководитъ въ критическія времена мысленныя массы, какъ истинный руководитель животную натуру, всѣ вопросы внутренней политики идѣе отброшены; никто не думаетъ о палатахъ и парламентскихъ преніяхъ, никто не заботится о медленности, какая видна въ окончательной организаціи Лонбордіи; каждый чувствуетъ, что есть нѣчто болѣе важное для общей дѣлы, для единства и независимости Италіи, что важнѣйшее дѣло—организация военныхъ силъ. Даже не прельщая присоединеніе земель центральной Италіи, Сардинія должна была употребить всѣ усилія для ихъ военного устройства; этого ожидали всѣ. Вашъ тосканскій корреспондентъ разсказалъ вамъ, каковы успѣхи этого дѣла, и имѣя нечего прибавить къ его словамъ, кромѣ того, что и долженъ передать вамъ всеобщее разочарованіе, и пишущающее истинную причину жалкаго положенія военныхъ силъ центральной

Италии, а потому, чтобы не сказать перасиложению, пьемонтского правительства. Все земли на юг от По ждали от сардинского правительства руководства в этот дѣлъ; руководить ими было бы не только легко, это было бы обязанностью Пьемонта, но всеобщему убѣждению. Само правительство почти призвало это, посылать в центральную Италию генерала Фанги. Но если бы кто стал приводить политическія соображенія и опасенія по дѣлу военной организаціи земель центральной Италии, то, конечно, уже нѣтъ никакихъ извиненій относительно Ломбардіи. Три мѣсяца прошло съ той поры, какъ Ломбардія освободилась отъ Татччо до Минчио, и ни одинъ солдатъ не прибавленъ къ національнымъ силамъ. Единственная вещь, которую сѣбали, состояла въ томъ, что пять полковъ ломбардскихъ волонтеровъ, которыхъ набралъ Гарибальди, уменьшили въ два полка и послали двухъ пьемонтскихъ офицеровъ командовать ими. Даже тѣ 10.500 ломбардскихъ солдатъ, которыхъ возвратила Австрія, были разосланы по домамъ¹⁾. Не дѣлая никакого прибавленія къ войску изъ новой провинціи, министерство явительно уменьшало даже существовавшую сардинскую армию, отпуская резервы, созданные во время войны; такъ что теперь, по арсеналеніи Ломбардіи и при готовности герцогствъ, Тосканы и Романьи, помогать общему дѣлу, Сардинія едва ли можетъ выставить въ поле двѣ трети того числа войскъ, какое имѣла при началѣ послѣдней войны. А между тѣмъ, Австрія имѣетъ 250.000 войскъ въ Венеціанской области, и столь многіе вопросы еще не разрѣшаны. Какимъ образомъ это произошло, объяснить не трудно. Короля никто не осуждает; онъ популяренъ по прежнему, если не больше прежняго, и между прежними и между новыми своими подданными; но очень многіе имѣли случая изучить странныя понятія перваго министра, которыми объясняется все. Представьте себѣ Даринштатскаго или Гессенъ-Кассельскаго министра, сдѣлавшагося первымъ министромъ достигшей единства Германіи: по всей вѣроятности онъ захочетъ всю Германію обратить въ Даринштатъ или Гессенъ-Кассель.

«Еще во время войны храбрый генералъ и его партія, которая, впрочемъ, очень малочисленна даже въ арміи, дѣлала всевозможныя затрудненія устройству національныхъ силъ. «Будьте пьемонтцами, или намъ пась не нужно»,—таковъ былъ ихъ девизъ, и, благодаря этому девизу военнаго министра, Гарибальди вступилъ въ Ломбардію съ солдатами, у которыхъ не было ни обуви, ни платья. Къ счастью, ломбардскія города думали иначе и снабдили храбрый отрядъ всѣмъ нужнымъ. Пока былъ министромъ Кавуръ, онъ всячески старался противодействовать этой узкой и нелѣпой политикѣ, но не могъ совершенно преодолѣвать ее, и потому вмѣсто 20 или 30.000 человекъ у Гарибальди, даже въ лучшія времена, не было больше 5.000. Теперь Кавуръ живетъ въ деревнѣ, а де-ла-Мариора первый министръ. Боязнь, чтобы пьемонтская армія не обратилась въ національную армию, заставила потерять два съ половиною мѣсяца, заставила уничтожить легіонъ Гарибальди, заставила отстранить самого Гарибальди, призваннаго общественнымъ мнѣніемъ Италии организовать войска центральной Италии; эта же боязнь замедляетъ военную организацію Ломбардіи. Дѣло дошло до того, что королю представлена изъ Милана просьба, требующая поспѣшить устройствомъ ломбардскихъ военныхъ силъ».

«Туринъ, 30 сентября.

«Если бы мнѣ были политическія новости должны были составлять предметъ моихъ писемъ, я могъ бы посылать вамъ бѣлые листы, комуто что такого продукта, какъ мнѣ были политическія новости, зякъ въ настоящее время не находится. По дѣлу о рѣшеніи итальянскаго вопроса можно сообщить много извѣстій изъ Парижа или Вены, можно довольно много извѣстій сообщать изъ Тосканы и всѣмъ другой средней и южной Итальянской области, не исключая даже маленькихъ герцогствъ Парискіе и Моденскаго; но равно нечего сообщить объ этомъ изъ столицы народа,

¹⁾ Австрія возвратила въ Ломбардію тѣхъ солдатъ своей арміи, которые были родомъ изъ этой области.

который выступил передовым бойцом итальянской независимости. Это может казаться странным, но это так. В самую критическую эпоху борьбы, Пизмонте совершенно исчез, или, лучше сказать, принудил себя исчезнуть со сцены. Вся игра шла в этом дѣлѣ: императоръ Наполеонъ, отъ котораго ждуть рѣшенія; императоръ австрійскій, дѣлающій предложеніе за предложеніемъ; нейтральныя державы, предлагающія содѣйствіе; папское правительство, приготовляющееся занять Романью при первомъ удобномъ случаѣ; даже маленькія герцогства, отважившіяся выразить желаніе и, по мѣрѣ своихъ силъ, дѣлающія все для его исполненія. Одинъ Пизмонте, боецъ итальянской независимости, не только не принялъ твердаго и достойнаго положенія, но даже не аскѣтируется сдѣлать и того, чего не помолблялись сдѣлать маленькія герцогства,—не осмѣливается выразить ни мнѣнія, ни желанія; онъ только осмѣливается предоставлять все рѣшенію другихъ. Золотое яблоко, преданіе его дѣлать желаній, само дается ему въ руки, а онъ надѣется своимъ смиреньемъ и умирностью тронуть сердца императоровъ. Иначе нельзя объяснить этой непростительной апаціи, этой робости, этого споровниковаго подчиненія чуждому рѣшенію.

«Вся это было бы чрезвычайно похвально, если бы Сардинія хотѣла получать не первенство въ Италіи, а Монтионовскую премію въ Парижѣ. Но, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, каково должно быть впечатлѣніе, производимое такое полативомъ на умы остальныя итальянцевъ, привыкшихъ надѣяться на Сардинію? Это значитъ показывать имъ въ кризисѣ, который былъ вызванъ въ значительной степени самою Сардиніею. Это значитъ ронять Сардинію во мнѣніи итальянцевъ и ободраить всѣ силы, враждебныя итальянской національной идее. Надобно помнить, что единодушіе, съ которымъ верная и средняя Италія захотѣла прикнута къ Сардиніи, происходило не отъ страстной любви къ самой Сардиніи или къ ея учрежденіямъ, но отъ восторженнаго желанія сдѣлаться непремѣнно пизмонтцами; оно основывалось на мысли, что Пизмонте будетъ служить центромъ, вокругъ котораго могъ бы соединиться народъ, говорящій итальянскимъ языкомъ и живущій итальянскими тенденціями. Постояннымъ аргументомъ людей, противившихъ соединенію Италіи, было то, что Пизмонте едва можетъ считаться итальянскимъ государствомъ и во многихъ отношеніяхъ отсталъ отъ другихъ итальянскихъ земель, и что потому присоединеніе къ Сардиніи было бы для Италіи скорѣе потерей, чѣмъ выигрышемъ. Да и народы сѣверной Италіи не жили иллюзіей относительно Пизмонта. Но стремленіе къ національному единству было такъ горячо, что для него все другое забывалось. Теперь найдутся люди, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ напоминаютъ итальянцамъ, что такое Пизмонте.

«Чувство миссіи всегда наклонно переходить отъ одной крайности къ другой и переходъ совершается у него быстро. Отреченіе отъ вѣстныхъ и провинціальныя преданій, стремленіе къ соединенію со всѣми возможными помертвованіями было такъ внезапно и пылко, что необходимо должно послѣдовать за нимъ реакція, если оно не будетъ поддержано до самой поры своего осуществленія. Сардинія, становясь во главѣ движенія, принимала на себя обязанность поддерживать его. Пока продолжалась война, это было легко; каждая побѣда надъ австрійцами служила новымъ ободреніемъ желаній остальной Италіи, каждый дюймъ итальянской земли, отниженной у австрійцевъ, служилъ для Сардиніи новымъ правомъ на суверенитетъ. Пока слышался громъ пушекъ, онъ заглушалъ всѣ другіе звуки. Всѣ мелкіе сардинскіе недостатки искувались имъ. Задача единства исполнилась, какъ всѣ думали, самымъ дѣйствительнымъ способомъ. Французскія и сардинскія войска освобождали Италію, потому могла быть терпима отсрочка на оостановленія національной арміи. Необходимость политической и административной организаціи не чувствовалась, пока дѣйствовали другіе и Италія не призывалась сама исполнять свое дѣло.

«Теперь все это переживалось. Итальянскіе патриоты призваны исполнить обѣщаніе, которое произносили такъ часто: *l'Italia farà da se*,—Италія устроится безъ чужой помощи. Убѣжденіе въ этомъ быстро распространяется, и таковыя страсти видѣть всѣ надежды разрушенными въ послѣднюю минуту, что господствуетъ почти всеобщее расположеніе слѣдовать за тѣмъ бы то ни было, лишь бы онъ взялъ на

себя инициативу. Италия ищет предводителя; въ комъ нашла бы она его, не было бы и сомнѣнiя, если бы пiемонтское правительство, принявшее власть послѣ Виллафранкского трактата, исполнило свою обязанность.

«Несчастнѣе не для одного Пiемонта, но и для всей Италии было то, что Кавуръ удалился въ эту, самую критическую минуту, потому что съ нимъ въ эту минуту потеряла силу партiя, понимавшая, что Пiемонтъ, для исполненiя своего предвзначенiя въ Италию, долженъ расширить свои владѣнiя, чтобы они вѣстали новый элементъ,—понимавшая, что Пiемонтъ долженъ сдѣлаться предводителемъ Италии. Нынѣшнее министерство, вѣла, лучше сказать, глава его, нѣкто того, чтобы расширять пiемонтскiя учрежденiя, хотѣло бы втѣснить всю Италию въ Пiемонтъ. Нынѣшнiй первый министръ служить представителемъ узкаго пiемонтскаго провинциализма. Въ правительствѣ есть люди, видящие безразсудство такого стремленiя,—напримѣръ, министръ внутреннихъ дѣлъ (Ратацци); но сила перваго министра такова, что его взглядъ парализируетъ идеи всѣхъ его товарищей. Онъ остался непоколебимъ послѣ Виллафранкскаго трактата и не устранился трудностей. Это вѣнчается ему въ большую заслугу, и, конечно, заслуживало бы большаго уваженiя, если бъ, оставшись въ министерствѣ, онъ продолжалъ идти прежней дорогой; но этого не слѣдовало бы и ожидать: это значило бы требовать, чтобы обыкновенный человѣкъ совершалъ геркулесовскiе подвиги.

«Результатъ этого—жаркiе споры, не подвигающiе дѣла впередъ. Никогда не было столь благопрiятнаго случая доказать свѣту, что Пiемонтъ понимаетъ свое назначенiе быть предводителемъ и организаторомъ итальянскаго движенiя. Ломбардiя была окончательно присоединена и никакiя политическiя соображенiя не мѣшали заняться ея политическимъ и военнымъ устройствомъ. Но вотъ прошло уже два мѣсяца, и Ломбардiя все еще остается въ томъ неурстроенномъ положенiи, какъ была при началѣ движенiя. Ни одинъ ломбардскiй полкъ не прибавился къ національному войску, кромѣ легiоновъ Гарибальди; а по внутренней организацiи только и было сдѣлано, что попытка ввести сардинскую систему налоговъ, сардинскiе уголовные законы и сардинскую систему первоначальнаго обученiя; но эту попытку надобно было бросить, потому что она не нашла сочувствiя въ Ломбардiи. Натуральнымъ образомъ, нужны были итальянскiя, а не пiемонтскiя учрежденiя. Новая обстоятельство требовали новыхъ учрежденiй, новыхъ законовъ на болѣе широкомъ основанiи. Кажется, даже правительство чувствовало эту потребность, потому что министръ внутреннихъ дѣлъ формально выравнял ее при вступленiи въ должность и учреждалъ комитеты для составленiя новыхъ законовъ. Но до сихъ поръ нѣтъ никакого слѣда дѣятельности этихъ комитетовъ, и все остается въ прежнемъ видѣ.

«Къ счастью, не весь Пiемонтъ раздѣляетъ нивѣи или апатию правительства, и если вверху летаргiя, то внизу есть жизнь, и нивѣи здоровы. Кажется, какъ будто дѣятельность, прежде исключительно принадлежавшая правительству, перешла къ журналистикѣ. Въ Туринѣ явилось множество дешевыхъ газетъ: онѣ продаются въ большомъ количествѣ, находятся въ рукахъ каждаго; это показываетъ, что начинаютъ пробуждаться интересъ къ свободному обсужденiю дѣлъ. Не только число газетъ возрасло, но и характеръ ихъ чрезвычайно улучшился. Каждый, кто вымнитъ высокопарную декларацию и медлiвую поленику, составлявшую характеръ сардинской журналистики до войны и во время войны, замѣчаетъ чрезвычайную перемену. Это несомнѣнно служитъ началомъ здороваго выраженiя общественнаго мнѣнiя, котораго до сихъ поръ почти не было въ Сардинiи. Нынѣ въ газетахъ господствуетъ серьезность, показывающая, что въ Пiемонтѣ есть люди, понимающие важность настоящей минуты. Тонъ газетъ сталъ гораздо спокойнѣе прежняго; въ нихъ стало меньше дѣйствит. фразеологiй, политическiя идеи стали формироваться.

«Замѣтимъ же, что всѣ газеты, почти безъ всякихъ исключенiй, стали въ оппозицiю правительству и пробуждъ, чтобы оно пробудилось отъ своей летаргiи. Но еще отраднѣе этой оппозицiи то, что многiе изъ нихъ поняли, что такое нужно для прекращенiя летаргiи правительства, поняли, что для этого нужно созвать парламентъ. Такъ, напримѣръ, въ нынѣшнемъ номерѣ своего Diritto, газета, стоящая въ главѣ

этого движѣнія, охватывая прекрасную статью о внутренней реформѣ, спрашиваетъ, либѣтъ ли министерство власть составлять новые законы безъ согласія парламента, потому что эта исключительная власть была дана ему только на время войны. Статья могла бы идти дальше и сказать, что нынѣшнее министерство не получило права существовать, потому что власть его не была утверждена палатами, которыя еще не собрались со времени войны.

Нельзя не согласиться съ авторомъ этихъ писемъ, что сардинское правительство рѣшительно не исполняло до сихъ поръ своей обязанности въ дѣлѣ итальянскаго единства. Правда, велики затрудненія и страшны опасности, отнимавшія у него прежнюю смѣлость и рѣшимость. Последняя война поставила Піемонтъ въ великую нравственную зависимость отъ Франціи. Мало того, 50,000 французскаго войска остаются въ Ломбардіи, чтобы обеспечивать со стороны сардинскаго правительства исполненіе обязанностей повиновенія, возлагаемыхъ на него, по мѣтнію императора французовъ, благодарностью за помощь въ войнѣ. Австрія обнаруживаетъ намысль возобновить войну, какъ только убѣдится, что Франція не станетъ вновь защищать Италію. Но какъ ни велики опасности, все-таки слѣдовало дѣлать по крайней мѣрѣ то, въ чемъ не было риска. И еслибъ это было сдѣлано, теперь Сардинія могла бы уже не бояться никакого риска за себя и за остальную Италію. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ помѣшать Сардиніи усиливать свою собственную армію, кто могъ помѣшать ей помогать своими совѣтами временнымъ правительствамъ центральной Италіи, руководить ихъ дѣйствіями и послѣ каждой новой мѣры, принятой ими въ пользу единства, принимать соответствующую мѣру въ собственныхъ владѣніяхъ? Сардинія могла бы говорить, что вынуждена къ такой политикѣ общественнымъ мнѣніемъ, слѣдуетъ ей только изъ опасенія пробудить революціонные беспорядки своимъ бездѣйствіемъ. Если бы она поступала хотя такимъ образомъ, она имѣла бы теперь 150,000 собственного войска и 100,000 войска въ центральной Италіи. Съ такими силами она не нуждалась бы ни въ чьей помощи отъ австрійцевъ. Что же касается до французскихъ войскъ, остающихся въ Ломбардіи, событія давно доказали, что императоръ французовъ колеблется употреблять ихъ даже противъ революціонныхъ правительствъ средней Италіи, не имѣющихъ арміи; тѣмъ менѣе могъ онъ до сихъ поръ употребить ихъ противъ законнаго правительства союзной съ нимъ державы. Но напрасны были всѣ внушенія расчета, всѣ требованія сардинскаго народа, всѣ просьбы и усилія остальныхъ итальянцевъ: сардинское правительство руководилось исключительно угодливостью передъ Франціей и, оставляя само себя беззащитнымъ противъ австрійцевъ, оставляло безпомощной центральную Италію.

Такая жалкая полгиива Піемонта въ значительной степени извнняетъ медлительность и слабость, которую обнаруживаютъ правительства центральной Италіи до послѣдняго времени, хотя все-таки нельзя не сказать, что они измѣняютъ обязанности, лежащія на правительствахъ въ критическія времена, оставаясь позади народныхъ требованій, вмѣсто того, чтобы руководить ими и идти впереди народа. Они допустили ослабнуть народному довѣрію къ нимъ и этимъ объясняется пармская сцена 5 октября: толпа прямо говорила, что хочетъ расправиться сама съ графомъ Авинти потому,

что не надѣется на правительство. Въ послѣднее время правительства центральной Италіи начали, кажется, понимать свою ошибку; по крайней мѣрѣ стали они съ половины сентября повиноваться общему галосу, требовавшему отъ нихъ большей рѣшительности. Мы знаемъ, что въ послѣднія недѣли диктаторы герцогствъ, Тосканы и Романьи, декретировали много мѣръ, относящихся къ установленію фактическаго единства между ихъ областями в Піэмонть: они постановили, что официальные дѣйствія сардинскихъ властей должны быть признаваемы и въ центральной Италіи, напримѣръ полиція Тосканы или Романьи обязана исполнять рѣшенія сардинскихъ судовъ, если липа или имущества, которыхъ касается рѣшеніе, находятся въ этихъ земляхъ; они постановили также, что ученые степени, даваемые сардинскими университетами, признаются и въ центральной Италіи; они ввели сардинскій уголовный кодексъ, провозгласили, что центральная Италія принимаетъ сардинскую конституцію; они рѣшили, что должно быть установлено единство мѣръ и вѣса между Сардиніей и центральной Италіей и введена сардинская монетная система; объявили, что въ ихъ земляхъ не нужны особенныя паспорта или визы для путешественниковъ, имѣющихъ паспортъ или визу отъ Сардиніи и уничтожили таможи между Сардиніей и центральной Италіей; наконецъ, для всѣхъ официальныхъ актовъ они приняли формулу, показывающую расширеніе власти сардинскаго правительства на центральную Италію: „Въ царствованіе Виктора Эммануила, избраннаго короля“; приняли сардинскій гербъ и флагъ. Постыдно сказать, что во всѣхъ этихъ мѣрахъ они не получили одобренія со стороны сардинскаго правительства,—мало того, сардинское правительство до сихъ поръ не выразило даже, согласно ли оно на эти мѣры кота тогда, когда онѣ уже исполнены. Изъ правителей центральной Италіи пармскій и моденскій диктаторъ Фарини, съ самого начала дѣйствовавшій рѣшительнѣе тосканскаго своего товарища Риказоли и романольскаго Чиприани, равнѣе ихъ понялъ и необходимость въ этихъ мѣрахъ для осуществленія народныхъ требованій. Его вліянію и примѣру надобно главнымъ образомъ приписать то, что два другіе диктатора начали хотя отчасти исполнять свою обязанность. Въ послѣднія недѣли гораздо дѣятельнѣе прежняго занялись правительства центральной Италіи и устройствомъ военныхъ силъ. Говорятъ, что Фанти, назначенный наконецъ главнокомандующимъ центральной итальянской арміи, надѣется скоро имѣть 60,000 войска вмѣсто прежнихъ 20,000. Кажется, что дано вѣскольکو больше оводовъ энергическому Гарибальди, которому прежде самымъ тѣснымъ образомъ связаны были руки.

Все это прекрасно, хотя слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ теперь, тосканскому и романскому правительствамъ рѣшительнѣе отбросить апатію и медлительность, остатки которой все еще слишкомъ замѣтны въ ихъ дѣйствіяхъ, какъ будто бы только противъ воли вынуждаемыхъ у нихъ только требованіями народа и вліяніемъ Фарини. Но мы боимся, не окажется ли въ результатѣ, что не вознаградима потеря долгихъ мѣсяцевъ, пропавшихъ въ бездѣйствіи,—не окажется ли при наступленіи рѣшительной минуты, что прежняя апатія правительствъ центральной Италіи и продолжающееся малодушіе сардинскаго правительства безвозвратно повредили дѣлу итальянскаго

единства. Мы боимся, не застанут ли центральную Италию все еще не подготовившуюся къ оборонѣ тѣ попытки къ возстановленію прежняго порядка вещей, слухи о которыхъ усиливаются съ каждою недѣлею, и когда наступятъ дни борьбы, не пропуститъ ли сардинское правительство, по своему малодушію, тѣхъ минутъ, въ которыя помощь его могла бы спасти центральную Италию ¹⁾).

Давно извѣстно, что въ Мантуѣ собираются такъ называемыя войска герцога моденскаго и великаго герцога тосканскаго, т. е. наряжаются въ моденскіе и тосканскіе мундиры австрійскіе солдаты. Масса прежнихъ тосканскихъ и моденскихъ войскъ осталась на родинѣ, чтобы служить національному дѣлу, но было въ той и другой землѣ по нѣскольку сотъ человѣкъ преторіанцевъ, которые удалились въ австрійскій лагерь съ своими государями. Тотчасъ же по заключеніи Виллафранскаго мира эти немногіе дезертиры были обращены въ кадры для принятія въ свои ряды гораздо многочисленнѣйшихъ товарищей изъ австрійской арміи. Благодаря этой простой системѣ переодѣванія, отряды, называющіеся теперь арміями герцога моденскаго и великаго герцога тосканскаго, стали довольно многочисленны и теперь достоверно во-первыхъ то, что они предназначаются къ вторженію въ Модену и Тоскану, а во-вторыхъ, что въ связи съ этимъ вторженіемъ готовится нападеніе на непокорныя земли съ противоположной стороны: папскія войска давно уже стоятъ на границахъ Романьи. Если бы подъ командою Кальберматтена, начальника такъ называемой папской арміи, находились только прежніе солдаты Пія IX, они не представляли бы большой опасности для Романьи. Но и тутъ производится тотъ же фокусъ, какъ съ мнимыми корпусами герцоговъ моденскаго и тосканскаго. Каждый день присылаются въ лагерь Кальберматтена партіи переодѣтыхъ австрійскихъ солдатъ подъ именемъ рекрутовъ, нанятыхъ въ Церковной области. Мѣсяца два тому назадъ, количество кальберматтеновыхъ войскъ не увеличивалось отъ этихъ присылокъ, потому что настоящіе уроженцы Церковной области уходили изъ арміи цѣлыми толпами, не желая сражаться противъ соотечественниковъ, дѣлу которыхъ сочувствуютъ. Но, разумеется, когда всѣ они ушли, а австрійцы все продолжаютъ приходить, то сила арміи возрастаетъ. Она значительно увеличилась также черезъ поступленіе нѣсколькихъ тысячъ швейцарцевъ, ушедшихъ или удаленныхъ изъ Неаполя. Читатель знаетъ, что старинные дѣловыя швейцарскія правительства о службѣ швейцарцевъ иностраннымъ державамъ или такъ называемыхъ капитуляціи, не возобновляются съ той поры, какъ демократическая партія въ Швейцаріи окончательно взяла верхъ надъ патриціями, продававшими своихъ соотечественниковъ реакціоннымъ правительствамъ Италіи, нуждавшимся въ иностранныхъ войскахъ для поддержанія своей непопулярной политики. Лѣтомъ нынѣшняго года кончился срокъ швейцарскимъ ка-

¹⁾ Письмо изъ Флоренціи, напечатанное въ этой книгѣ, изображаетъ вещи въ свѣтъ, гораздо болѣе отрадномъ, нежели въ какомъ представляются онѣ намъ. Мы понимаемъ, что трудно очевидно воскресенію народа не очароваться, не забыть на минуту о грозѣ, собирающейся надъ свѣтлымъ праздникомъ. А если не видѣть въ виду опасностей, то, разумеется, легко осудить тѣхъ людей, которыхъ порицаетъ нашъ корреспондентъ. Мы боимся того, что когда увидятъ нужду обратиться къ этимъ людямъ, будетъ уже поздно.

питуляціямъ въ Неаполѣ. Неаполитанское правительство объявило, что оно оставить швейцарскіе полки на своей службѣ, но что они должны называться уже не швейцарскими, а неаполитанскими, и вмѣсто своихъ кантональных знаменъ имѣть неаполитанскія. Это показалось обидно швейцарскимъ солдатамъ, которые, разумѣется, презирали неаполитанское войско; а еще важнѣе то, что съ переименованіемъ въ неаполитанскихъ солдатъ, они опасались потерять высокое жалованье, которое получали до той поры, и быть сравнены въ денежномъ отношеніи съ неаполитанскими, получающими денегъ меньше ихъ. Въ одномъ изъ ихъ полковъ вспыхнулъ мятежъ, солдаты безпорядочною толпою бросились на дворцовую площадь, объявляя, что требуютъ возвращенія своихъ знаменъ или отставки. Въ сущности, они были правы, и если въ опрометчивости нарушили дисциплину или даже совершили преступленіе, убивъ и переранивъ нѣсколькихъ офицеровъ, останавливавшихъ движеніе, слѣдовало разобрать дѣло судебнымъ порядкомъ и наказать виновныхъ, не подвергая всѣхъ безъ разбора убійству. Но въ Неаполѣ господствуютъ иныя понятія и правила: по толпѣ солдатъ, собравшихся на площади и ограничавшихся просьбами, пустили картечь, потомъ ударили на нихъ въ штыки. Послѣ того, разумѣется, нельзя было терпѣть въ Неаполѣ и другихъ швейцарскихъ полковъ, раздраженныхъ предательскимъ истребленіемъ своихъ товарищей. Швейцарцы получили отставку, то есть дано было имъ всѣмъ то самое, чего нѣкоторые просили до рѣзни; для чего же было стрѣлять картечью и колоть штыками?—спросить читатель. Подобные вопросы неумѣстны относительно Неаполя. Тамъ все дѣлается не потому, чтобы могло быть нужно или полезно, а просто потому, что такъ вздумалось поступить. Но мы ведемъ рѣчь объ источникахъ усиленія папской арміи, а не о принципахъ, по которымъ ведутся дѣла въ Неаполѣ. Большая часть швейцарцевъ, удаленныхъ изъ Неаполя, поступила въ папскую армію, стоящую на границахъ Романьи. Благодаря этому и переодѣтымъ австрійцамъ, армія получила солдатъ, пригодныхъ не для одного грабежа, какъ прежде, но и для грабежа и для сраженій. Съ недѣли на недѣлю ждутъ столкновеній между нею и порнуоомъ инсургентовъ, давно стоящихъ противъ нея подъ командою Гарибальди. Нѣсколько разъ уже разносились слухи о схваткахъ, впрочемъ, еще преждевременные; но Гарибальди на дняхъ отдалъ по своему корпусу приказъ, говорящій о близости рѣшительныхъ дѣйствій. Понятно, почему папскія войска медлятъ нападеніемъ: кардиналы со дня въ день ждутъ, что императоръ французскій формально выразитъ намѣреніе вступить за нихъ, или позволить австрійцамъ прислать для усмиренія Романьи корпусъ уже безъ переодѣванья. Кромѣ австрійцевъ, есть у папы другіе помощники. Давно уже известно, что король Неаполитанскій готовъ послать свои войска для усмиренія Романьи; они уже придвинуты къ папскимъ границамъ, и свиданіе короля съ папою въ Кастель-Гандольфо положительно имѣетъ цѣлью переговоры объ этомъ пособіи. Не одно только сходство принциповъ между папскимъ и неаполитанскимъ управленіемъ, не одна только преданность неаполитанскаго правительства интересамъ папы возбуждаетъ въ королѣ усердіе помочъ усмиренію Романьи: есть у него и прямая собственная надобность постараться объ этомъ дѣлѣ. Неаполь наполненъ слухами, будто бы Гарибальди хочетъ вступить въ

Неаполитанскія владѣнія, чтобы его корпусъ послужилъ точкою опоры для возстанія, на которое готовы жители всѣхъ неаполитанскихъ провинцій, отъ одного конца королевства до другаго. При всей неправдоподобности такого движенія, неаполитанское правительство серьезно боится его, слишкомъ хорошо зная, какъ легко оно могло бы воспламенить все населеніе королевства. Говоря о вступленіи на престолъ новаго короля, мы замѣчали, что пока можно еще и не сообщать никакихъ подробностей объ этой перемѣнѣ въ системѣ неаполитанскаго управленія. Дѣйствительно, до сихъ поръ все остается въ этомъ королевствѣ по прежнему, стало быть не уменьшилось, а напротивъ, увеличилось общее недовольство, господствовавшее въ Неаполѣ при Фердинандѣ II, усилившихся и ожесточившихся отъ разочарованія въ надеждѣ на реформы, которыхъ ожидали отъ новаго короля.

Такимъ образомъ, съ одной стороны собираются при первомъ разрѣшеніи отъ Наполеона вторгнуться въ центральную Италію австрійцы въ мундирахъ солдатовъ герцога Моденскаго и великаго герцога Тосканскаго, съ другой стороны собираются вторгнуться въ мундирахъ папскихъ солдатъ тѣже австрійцы, съ примѣсю дѣйствительныхъ папскихъ солдатъ. Въ случаѣ надобности, они будутъ подкрѣплены войсками короля неаполитанскаго. Могутъ получить они подкрѣпленіе и отъ Испаніи, — давно уже ходятъ слухи, что Испанія претендуетъ на право вступить за герцога парискаго, принца испанской династіи, предлагаетъ свои услуги и напѣ, но своему усердію къ католичеству, а больше для того, чтобы этою услугою превратить въ милость досаду кардиналовъ, которые сердятся на Испанію съ той поры, какъ во время послѣдней революціи конфискованы тамъ огромныя владѣнія монастырей. Испанія готовитъ теперь очень большое войско, — отъ 30 до 50 тысячъ, — для экспедиціи противъ нѣкоторыхъ мароккскихъ разбойничьихъ племенъ, беспокоящихъ ея владѣнія на африканскомъ берегу. Мароккскіе разбойники, конечно, достойны наказанія; но почему же, если будетъ разрушеніе отъ Франціи и просьба отъ папы, не обратить хотя часть этихъ силъ и на усмиреніе инсургентовъ Романьи, которые хуже всякихъ разбойниковъ въ глазахъ каждаго порядочнаго консерватора? Вотъ, мы уже насчитали довольно силъ для нападенія на инсургентовъ; но австрійцы со дня на день ждутъ, что Франція позволитъ имъ войти въ непокорныя области въ собственныхъ мундирахъ; — а у нихъ войска въ собственныхъ мундирахъ въ Венеціи сосредоточено, говорятъ, до 250,000 человекъ. Притомъ, почему ждать? — могутъ и французы, оставленные въ Ломбардіи, пособить дѣлу укрощенія гнусныхъ убійцъ Анвита и еще болѣе гнусныхъ для консерватора либераловъ, непокорство которыхъ довело дѣла до того, что Анвита, вмѣсто того, чтобы вѣшать другихъ, самъ подвергся смерти.

Мы все говоримъ о фактахъ, о солдатахъ, а до сихъ поръ еще не упомянули о томъ, въ какомъ положеніи находится итальянскій вопросъ по дипломатическимъ переговорамъ, извѣстія о которыхъ занимаютъ всего больше мѣста въ газетахъ. Читатели знаютъ, какъ мало значенія мы придаемъ этой сторонѣ дѣла. Осмѣлимся даже признаться, что съ тѣхъ поръ, какъ мы принимаемъ эти обзоры, мы не прочли до конца ни одной изъ тысячъ напечатанныхъ по итальянскому и другимъ дѣламъ депешъ, которыя для мно-

гихъ кажутся столь важными, а иногда даже и очень интересными. Послѣ такого признанія, мы уже очень смѣло можемъ прибавить, что ходъ цюрихскихъ конференцій, опечалившихъ своею ничтожностью даже терпѣливѣйшихъ любителей этого рода совѣщаній, очень мало интересовалъ насъ. Кажется, конференціи покончились, — мы не поручимся впрочемъ, вѣрно ли мы zapomнили извѣстіе, слишкомъ бѣгло прочитанное нами, — быть можетъ, оно говорило только, что цюрихскія конференціи скоро кончатся, — а быть можетъ, говорилось въ немъ и совершенно противное, именно, что конференціи еще не скоро кончатся. Читатель, надѣмся, проститъ нашу невнимательность и забывчивость. А впрочемъ, нѣтъ, мы не ошибились: должно полагать, что цюрихскія конференціи кончились, потому что подписанъ въ Цюрихѣ трактатъ, подтверждающій всѣ условія Виллафранкскаго мира, — но, впрочемъ, подтверждающій ихъ по какой-то странности очень недостаточно, такъ что для достаточнаго подтвержденія нужно созвать европейскій конгрессъ. Опять измѣнила дрянная память: трактатъ не подписанъ еще, а только подписывается. Но, впрочемъ, бѣда не велика, подписанъ ли онъ, или еще только подписывается; это не составляетъ большой разницы. Во всякомъ случаѣ, консерваторы и мы вмѣстѣ съ консерваторами, которыхъ обыкновенно защищаемъ противъ либеральнаго легкомыслія, были очень утѣшены извѣстіемъ, — какого, впрочемъ, всегда и ожидали, — что подписываемый или подписанный въ Цюрихѣ трактатъ дѣйствительно подтверждаетъ всѣ Виллафранкскія условія. Зато опечалены дѣйствительно подтвержденіемъ также постоянного нашего ожиданія, что хотя трактатъ и подписанъ, и Виллафранкскія условія подтверждены, но конференціи съ трактатомъ своимъ не могла рѣшить ни одного изъ вопросовъ, опредѣляемыхъ этими условіями, кромѣ только одной передачи Ломбардіи, то есть уже совершившагося факта, о которомъ не было никакихъ споровъ, слѣдовательно не нужно было и никакихъ переговоровъ. Что касается остальныхъ вопросовъ, особенно возстановленія низвергнутыхъ правительствъ центральной Италіи, то эти вопросы передаются на рѣшеніе конгресса, потому что не рѣшены хотя въ тоже время и рѣшены, и наиримѣрь положено, что низвергнутыя правительства должны быть возстановлены.

Какъ постичь всю эту тонкость и рѣшенную нерѣшенность или нерѣшенную рѣшенность, мы, къ сожалѣнію, рѣшительно не рѣшаемся и отгадывать. Но если забыть о ней, какъ будто бы и не было нами прочитано ни одного извѣстія о цюрихскихъ конференціяхъ, и просто, безъ помощи всякихъ дипломатическихъ сообщеній и объясненій, сообразить, чѣмъ должны были кончиться цюрихскія конференціи по извѣстному всѣмъ положенію фактовъ, тогда можно будетъ понять, въ чемъ должно состоять дѣло. Франція покровительствуетъ Австріи; потому Австрія несговорчива и подняла такія страшныя притязанія, что Сардинія не могла согласиться ни въ чемъ, кромѣ того, что согласна принять Ломбардію, которую давно приняла. Затѣмъ, Франція и Австрія подтвердили, что остаются при Виллафранкскихъ условіяхъ, то есть Франція обязывается по мѣрѣ возможности поддерживать на европейскомъ конгрессѣ австрійскія требованія, на которыя уже согласилась въ Виллафранкѣ, — обѣщаніе, кажется, совершенно лишнее. Сардинія осталась къ

Австрія въ прежнихъ отношеніяхъ, и упрямство это принуждаетъ Францію и Австрію передать дѣло европейскому конгрессу. Да, мы забыли, что въ извѣстіяхъ о результатѣ цюрихскихъ трудовъ есть двѣ вещи, которыхъ можно было и не ожидать: во-первыхъ, кромѣ того, что Сардинія обязана принять на себя часть австрійскаго государственнаго долга, соразмѣрную населенію провинціи, отошедшей отъ Австріи,—и лучше сказать не соразмѣрную, а гораздо большую,—кромѣ этого, Сардинія обязана еще уплатить Австріи вознагражденіе за уступку Ломбардіи; говорятъ, что величина этого платежа определена въ 40 миліоновъ гульденовъ (26 миліоновъ р. сер.). Это хорошо. Во-вторыхъ оказывается, что Франція должна также получить отъ Сардиніи вознагражденіе за свою помощь,—нимъ вознагражденія замѣняется, впрочемъ, названіемъ простой уплаты за продовольствіе и аммуницію, которыми сардинскія войска пользовались изъ французскихъ магазиновъ; говорятъ, что эта уплата не превышаетъ 60 миліоновъ франковъ,—мы полагаемъ что она можетъ оказаться и болѣе значительною. Прибавляютъ, что по затруднительности такого платежа для сардинскихъ финансовъ, разстраиваемыхъ уплатою вознагражденія Австріи, можетъ поступить въ замѣнъ его Савойя. Читатель помнитъ, что передъ войною ходилъ слухъ, будто Кавуръ купилъ помощь Франціи и надежду на приобрѣтеніе Ломбардіи, Венеціи и центральной Италіи—согласіемъ на присоединеніе Савойи къ Франціи. Потомъ и во время войны, и особенно по ея прекращеніи постоянно происходили и продолжаются въ Савойи попытки поднять агитацію для выраженія жителями ея желанія присоединиться къ Франціи. Но дѣло представляетъ много затрудненій, потому что расширеніе французскихъ границъ возбуждало бы слишкомъ сильное неудовольствіе въ другихъ державахъ. На этомъ основаніи, мы безъ доказательства болѣе несомнѣнныхъ не будемъ предполагать во французскомъ правительствѣ стремленія къ общему денежному требованію съ Сардиніи на уступку Савойи. Но какъ бы то ни было, мы видимъ, что сардинцы и ломбардцы должны расплатиться за свое соединеніе дорожее, чѣмъ ожидали.

Итакъ, война не рѣшила итальянскаго вопроса; не рѣшили его и цюрихскія конференціи; теперь возлагается надежда на европейскій конгрессъ. Какъ сильна должна быть надежда на удовлетворительное устройство итальянскихъ дѣлъ конгрессомъ, будетъ намъ время поговорить тогда, когда онъ соберется, а теперь пока идетъ рѣчь еще о томъ, собирается ли онъ. Англійское правительство говоритъ, что можетъ принять участіе въ устройствѣ судьбы Италіи только въ такомъ случаѣ, если основаніемъ ему будетъ принята свободная воля самихъ итальянцевъ; Morning Post, органъ нынѣшняго министерства, объявляетъ, что изложеніе прежнихъ династій и выраженіе желанія присоединиться къ Піемонту англійское правительство признаетъ фактомъ не только совершившимся, но и законнымъ, и не можетъ одобрить никакого дѣйствія или рѣшенія, которое вело бы къ его нарушенію. А между тѣмъ, по цюрихскому трактату Франція съ Австріею подтверждаютъ свое прежнее рѣшеніе о восстановленіи низложенныхъ династій. Итакъ, надобно еще подождать, какими способомъ успѣютъ склонить Англію къ согласію на участіе въ конгрессѣ.

Но читатель, конечно, знаетъ, что уже придуманъ способъ согласить обяза-

тельство, принятое Франціею, съ „свободнымъ желаніемъ“ населенія центральной Итали. Этого легко достичь черезъ возстановленіе низложенныхъ династій. Изъ разныхъ возможныхъ передѣлокъ, Франція и Австрія остановились пока на слѣдующей. Часть Пармскаго герцогства присоединяется къ Піемонту—итакъ, Піемонтъ не можетъ жаловаться. Другая часть этой земли присоединяется къ герцогству Моденскому, и все это вмѣстѣ отдается бывшему герцогу пармскому. Великій герцогъ тосканскій получаетъ обратно свои прежнія владѣнія. Предварительно, герцогъ и великій герцогъ объявляютъ, что каждый изъ нихъ даетъ отдаваемой ему странѣ „либеральную конституцію“. Эти конституціи составляются по общему согласію Франціею и Австріею, впрочемъ будутъ походить болѣе на французскую, чѣмъ на австрійскую, во-первыхъ, сообразно тому, что Франція теперь сильнѣе, стало быть и понятія ея имѣютъ перевѣсъ надъ австрійскими въ общихъ совѣщаніяхъ, во-вторыхъ и потому, что австрійская конституція не такъ либеральна, какъ французская, а тутъ нуженъ либерализмъ. Послѣ этого объявленія, предлагается жителямъ Модены (и части Пармской области) и Тосканы, хотять ли принять герцога и великаго герцога, дающихъ имъ такіа либеральныя конституціи. Но читатель помнитъ, что мнѣніе должно быть выражено жителями свободно; для этого предварительно принимаются мѣры для освобожденія ихъ отъ происковъ и нравственнаго принужденія со стороны Сардиніи, потому что по отчетамъ графа Резе и графа Понинговскаго, бывшихъ въ той части Італія по порученію французскаго правительства. Сардинія терроризируетъ Парму, Модену, Тоскану и рѣшеніе этихъ странъ о присоединеніи къ Піемонту было вынужденное. Какія именно мѣры нужно будетъ принять для освобожденія ихъ отъ Піемонтскаго угнетенія, будетъ зависеть отъ удобства обстоятельствъ: быть можетъ, удобно будетъ ввести въ эти области французскія войска; быть можетъ, найдутся средства иначе обезпечить свободу жителямъ при выраженіи согласія на покорность герцогу и великому герцогу. Но въ томъ парижскій политическій кругъ не сомнѣвается, что при надлежащемъ обезпеченіи свободы выраженія мнѣній въ Тосканѣ и Моденѣ съ прибавляемой къ ней частью Пармы, большинство голосовъ будетъ подано въ пользу герцога и великаго герцога. Такимъ образомъ, условія Виллафранкискаго мира относительно этихъ странъ исполняются по свободному желанію самихъ жителей.

Герцогъ моденскій взамѣнъ своего герцогства, передаваемого герцогу пармскому, получаетъ денежное вознагражденіе.

Само собою разумѣется, что подробности этого плана могутъ измѣниться, но для насъ важна сущность его.

Излагая его, мы не говоримъ о Романѣхъ,—это потому, что судьба ея рѣшена Франціею гораздо опредѣлительнѣе, нежели участь Тосканы и герцогствъ. Положительно и достоверно извѣстно, что Франція рѣшилась возстановить въ ней власть папы. Этого требуетъ отъ Наполеона необходимость. Онъ не хочетъ слишкомъ раздражать ультрамонтанскую партію, а она не простила бы согласія на присоединеніе Романы къ Піемонту. По всей католической Европѣ уже поднята агитація въ этомъ духѣ. Французскіе епископы принимаютъ въ ней дѣятельное участіе. Въ бордосской рѣчи императоръ выразилъ порицаніе волненію, которое они производятъ своими „пастырскими

посланиями“ (mandements),—но въ той же рѣчи онъ сказалъ, что не захочетъ отнятія провинцій у папы. Ультрамонтанскимъ газетамъ запрещено печатать „пастырскія посланія“, но *Univertà*, главная изъ нихъ, объявила своей публикѣ объ этомъ запрещеніи твердымъ и гордымъ тономъ, съ угрозами, выражающими сознаніе, что правительство не можетъ не уступить требованіямъ ультрамонтанской партіи. А, между тѣмъ, именно въ Романѣ въостановленіе прежняго порядка потребуетъ наибольшихъ усилій, потому что раздраженіе противъ него тамъ глубже укоренилось въ массѣ, чѣмъ гдѣ либо въ Италіи. Мы приведемъ одно изъ писемъ итальянскаго корреспондента *Times'a*, показывающее в силу и причины этого чувства.

«Феррара, 7 октября».

«Вчера обѣдалъ я въ общей залѣ гостиницы св. Марка, въ Луго. За разными столами сидѣли люди почти изъ всѣхъ частей Романьи. Обиравъ словъ отъ одного стола къ другому скоро произвелъ общій разговоръ, благодаря общительности итальянскаго характера. Луго торговый городъ, и его армарка знаменита по всѣмъ легатствамъ. Большинство обѣдавшихъ были фермеры и мелкіе купцы, но нѣкоторые изъ присутствовавшихъ принадлежали къ сословію, болѣе образованному. Послѣ нѣсколькихъ недолгихъ замѣчаній, разговоръ обратился къ общему предмету разговоровъ во всей Италіи,—къ политикѣ. Увѣренность этихъ людей въ то, что они избавились отъ монашескаго управленія, равнялась твердостью своею только силѣ ненависти, съ которою всѣ они говорили о немъ. Мнѣ издумалось, что можно теперь испытать ихъ, и я сказалъ, что «во всякомъ случаѣ» легатства навѣрное останутся подъ отдѣльнымъ свѣтскимъ управленіемъ, «если бы даже» они снова признали верховную власть папы. Въ ихъ отвѣтъ не было досады, не было неудовольствія на мое неблагоприятное для нихъ предположеніе. Они отвѣчали спокойнымъ тономъ желѣзной, непоколебимой рѣшимости. Не будетъ моего «если бы даже» и «во всякомъ случаѣ». Они говорили, что ихъ освобожденіе отъ монашихъ дѣлъ конечное, безвозвратное, невышисное ни отъ какихъ случайностей.

«Вы знаете,—сказалъ студентъ изъ Форли,—что жителей въ четырехъ легатствахъ болѣе миллиона. Половина этого числа погибла бы, прежде чѣмъ какая бы то ни была человѣческая сила успѣла восстановить папское владычество надъ другою половиною. Описываютъ очень мрачными красками ужасы войны, но что значитъ никакая другая война по сравненію съ междоусобицею? Страсти нагого народа сдерживаются самою надеждою, что ему будетъ оказана справедливость. Но пусть Австрія или какая-нибудь другая большая держава попробуетъ усмирить насъ, и вы увидите, что просто испытуетъ. Я не дамъ тогда двухъ байконовъ за жизнь козла въ нашей землѣ. Образъ дѣйствій монаховъ подвергаетъ наше терпѣніе самому трудному испытанію. Одного изъ нихъ заставляли служить Те Деумъ спокойнымъ, но положительнымъ объясненіемъ, что иначе его жизнь будетъ въ опасности. Въ Форли мы, вѣрнее, отслужили Те Деумъ сами. Во многихъ городахъ въ это воскресенье не служили мессы. Въ однихъ духовенство не хотѣло служить ей, въ другихъ мы не допустили ее служить. Между монахами и нами смертельная вражда, и она испытываетъ якую, кровавою, открытую войною, если какая-нибудь могущественная держава приметъ ихъ сторону противъ насъ. Въ насѣмъ видимомъ спокойствіи, въ этомъ удивительномъ порядкѣ, соблюдаютъ который мы общались другъ другу, есть расчетливость и система. Мы всѣ единодушны. Мы не сдѣлаемъ ни шагу безъ совершеннѣйшаго согласія и взаимнаго обязательства. Мы теперь какъ стая собакъ на сворѣ. Горе тѣмъ, которые заставляютъ насъ сорваться со своры! Пусть Европа судить о нашей непоколебимой твердости по вышедшей нашей увѣренности, по силѣ, съ которою мы сдерживаемъ себя!»

«Подѣлъ меня сидѣлъ мелкій торговецъ изъ *Ponte Lago Scurio*, лежащаго близъ

Феррары. Онъ кивалъ головою въ подтвержденіе каждому слову форлійскаго студента, и когда студентъ кончилъ, онъ продолжалъ:

«Чего мы не дѣлали для примиренія, для дружелюбнаго соглашенія? Побѣждайте по нашей области, на каждомъ шагѣ вы увидите арки и другіе памятники, построенныя для встрѣчи Ця IX, когда онъ въ послѣдній разъ путешествовалъ по нашей провинціи, два года тому назадъ. Мы готовы были позабыть послѣднія десять лѣтъ и привѣтствовать кроткаго первосвященника, который началъ свое правленіе счастливѣйшимъ восклицаніемъ: *Benedite, o Dio, all'Italia*,—«Боже, благослови Италію!» Мы были готовы отказаться отъ Мадчиніевыхъ кемагоговъ, лишившииъ его престола; извинить многое тѣмъ страхомъ, которому онъ подвергался, дурными иноземными вліаніями, подъ которыми произошло возстановленіе его трона. Мы готовы были,—Богъ тому свидѣтель!—сложить все порицаніе за его дурное управленіе съ него на его недобросовѣстныхъ совѣтниковъ. Мы были убѣждены, что ему нужно только пріѣхать къ намъ, увидѣть и услышать насъ, чтобы разсудить между нами и нашими притѣснителями. Папа пріѣхалъ, видѣлъ насъ,—что же онъ сказалъ намъ, что сдѣлалъ для насъ? Всѣ его политическія дѣйствія ограничились прощеніемъ плута, дѣлавшаго фальшивую монету. Кромѣ этого, онъ далъ намъ только свое благословеніе, а какую пользу принесло намъ это благословеніе? На слѣдующую зиму воли въ По замерзла на вѣсковыю футокъ,—случай, котораго те бывало дѣлами пятьсотъ лѣтъ,—и вся наша торговля, всѣ сношенія остановились, судокhodство прекратилось, мельницы замерзли. А на слѣдующую осень заводненіе опустошило наши нивы. Да, такова польза благословеній, получаемыхъ нами отъ этихъ монаховъ. Вся ихъ цѣль въ томъ, чтобы дѣлать насъ бѣдными и невѣжественными. Когда у насъ нѣтъ никакой промышленности, никакого образованія, они любятъ это. Чѣмъ ближе вы будете подѣлывать къ Риму, тѣмъ яснѣе вы увидите положеііе народа, которое нравится папскому правительству, какъ идеалъ христіанской націи. Имъ нужно, чтобы у насъ въ легатствахъ третья часть людей таскалась по міру, собирая милостыню, какъ въ Римѣ. Но, слава Богу, мы еще не доставили имъ этого удовольствія, и не доставимъ его никогда. Мы хотимъ быть образованными и трудящимися людьми. Посмотрите на эти благодатныя долины, самая плодородная въ цѣломъ божьемъ свѣтѣ,—мы создали эти нивы изъ болотъ. Наши феррарскія долины, гдѣ были прежде болота, покрыты хлѣбомъ и рисомъ. Нашимъ землямъ не нужно удобренія, ихъ нужно только осушать и уравнивать, это мы дѣлали и дѣлаемъ, въ потъ нашего лица, а не по милости папы. Намъ нужны только улучшенія въ земледѣліи. Намъ нужны желѣзные дороги и проселочныя дороги, свободныя сношенія съ болѣе образованными націями и сбытъ для нашихъ продуктовъ. Могутъ ли намъ дать это папа и его монахи? Можемъ ли мы это получить себѣ подъ ихъ армою? Посмотрите, первая желѣзная дорога изъ Пімченцы въ Болонью открыта только вчера, по удавленіи монаховъ. Какъ только они удалились, мы стали быстро строить желѣзныя дороги изъ Болоньи въ Равенну, Римини и Феррару, хотя находимся среди военныхъ затрудненій. Посмотрите, что десятилѣтняя свобода сдѣлала для Піемонта. Въ 1848 году Піемонтъ не имѣлъ и 4 миль желѣзныхъ дорогъ, а теперь онъ соперничаетъ вни съ Франціею, Бельгіею, Германіею, и ливніи, устроенныя и содержимыя правительствомъ, даютъ 20 или 30 милліоновъ ливръ. Кто не захочетъ быть піемонтцемъ? Другія и сенаторы! прочь монаховъ, и да здравствуетъ Италія и нашъ король, Викторъ-Эммануилъ!

«Невозможно было устоять противъ простаго, убѣдительнаго краснорѣчія добраго купца, а я присоединилъ свой голосъ къ общему громкому ура. Мы расстались поздно вечеромъ большими друзьями, и я заснулъ съ твердой вѣрой въ пробужденіи этого народа, который такъ давно былъ угнетаемъ».

Романья, какъ видимъ, говоритъ объ отчаянномъ сопротивленіи; но извѣстно, что противъ регулярныхъ войскъ не можетъ удержаться ополченіе, не усвоившее себѣ прочной организаціи, которая бы равняла его съ дисциплинированной арміею. Потому-то мы и опасаемся, что каждый упущенный

для организациі волонтеровъ день гибельно отзовется на судьбѣ земель центральной Италіи. Безъ борьбы онѣ не сдадутся, но должно бояться того, что стройные батальоны подавятъ всякое сопротивленіе.

Теперь очевидно, что ждутъ только предлоговъ къ вооруженному вмѣшательству. Смерть Анвита уже представила одинъ такой предлогъ. Въ переведенномъ нами письмѣ читатель видѣлъ, что подобныя спевъ будутъ не мало, когда опасенія въ массѣ усилятся. Газеты стали со дня на день больше говорить о томъ, что приверженцы стараго порядка, ободряемые слухами о близости вооруженной помощи, становятся отважнѣе прежняго и составляютъ заговоры. Само собою разумѣется, это станетъ пробуждать революціонныя страсти въ массѣ и революціонныя движенія. Итакъ, предлоговъ къ вооруженному скоро будетъ гораздо больше, чѣмъ теперь.

Итальянскій вопросъ до сихъ поръ исключительно занимаетъ собою вниманіе Европы. Во Франціи пробуждали нѣкоторый интересъ только тѣ явленія, которыя были прямыми или косвенными его послѣдствіями, — напри- мѣръ, ультрамонтанская агитація въ пользу папскаго свѣтскаго владычества, о которой мы уже упоминали, и полемика газетъ противъ стѣсненій, которыя онѣ поддежатъ. Она составляетъ предметъ отдѣльной статьи въ этой книгѣ „Современника“, и мы здѣсь замѣтимъ только, что требованія, начавшія высказываться съ такою силою, не могутъ долго оставаться безъ вліянія на положеніе дѣлъ: надобно ожидать, что они или вынудятъ реформу, или заставятъ принять мѣры стѣсненія, болѣе прежняго сильныя. Во всякомъ случаѣ, полемика эта свидѣтельствуетъ, что общественное мнѣніе, на время отвлеченное отъ внутреннихъ вопросовъ войною, возвращается къ нимъ съ усиленнымъ интересомъ. По нашему правилу, излагать подробно только тѣ событія, которыя или особенно интересуютъ цѣлую Европу, или имѣютъ внутреннюю великую важность, мы конечно не станемъ утомлять читателя разсказами о томъ, что на Алжирской границѣ началась у французовъ война съ мароккскими племенами, которая по всей вѣроятности кончится тѣмъ, что французы нѣсколько раздвинутъ границы своихъ африканскихъ владѣній на западъ. Мы не будемъ говорить и о томъ, что французскія войска въ Кохинхинѣ изнемогли отъ болѣзней и потому отказываются отъ мыслей объ обширныхъ завоеваніяхъ въ этой странѣ, — какое дѣло не только намъ, но и самой Франціи до завоеваній въ Авіи, когда въ самой Франціи надобно было бы производить еще много завоеваній надъ бѣдностью и невѣжествомъ?

Объ Англіи ничего не приходится намъ говорить въ этотъ разъ. Национальнымъ событіемъ было то, что „большой корабль“, the big ship, то есть, „Восточный великанъ“, Great Eastern, уже началъ свои прогулки по морю, и несмотря на неосторожность въ одной изъ техническихъ подробностей при устройствѣ трубъ, проводившихъ воду въ паровики, неосторожность, которая произвела взрывъ одной изъ этихъ трубъ, онъ оказался совершенно соответствующимъ надеждѣ, какую имѣли на его достоинства. Онъ не то ходитъ по 25 верстѣ въ часъ подъ неполными парами; онъ остается

непоколебимъ при волненіи, производящемъ сильную качку въ самыхъ большихъ изъ прежнихъ кораблей, и развѣ только въ бурю будетъ подвергать своихъ пассажировъ морской болѣзни. Самый взрывъ засвидѣтельствовалъ чрезвычайную крѣпость его: онъ не потерпѣлъ никакого вреда отъ этого потрясенія, которое разрушило бы, говорятъ, даже линейный корабль. Но Great Eastern—не политическій фактъ, и мы здѣсь должны ограничиться этими немногими словами о немъ. Сентябрь и октябрь мѣсяцы—время совершеннаго затишья въ государственной жизни Англіи. Но въ ноябрѣ, когда по старому обычаю начинаются приготовленія общественнаго мнѣнія къ приближающейся парламентской сессіи, съ удвоенною силою должна возобновиться агитація въ пользу парламентской реформы, съ которою соединится агитація въ пользу финансовой реформы. Читатель знаетъ, что люди, бывшіе главными дѣятелями въ лигѣ противъ хлѣбныхъ законовъ, по ихъ отмѣненіи образовали лигу въ пользу финансовой реформы вообще. Они падаютъ, что теперь наступила пора сильно поднять въ парламентѣ вопросъ о преобразованіи системы англійскихъ налоговъ. Кобденъ и Брайтъ согласны съ этимъ, и надобно ожидать, что митинги въ концѣ нынѣшняго года будутъ очень оживлены, а парламентская сессія слѣдующаго года пройдетъ не такъ бесплодно, какъ сессія нынѣшняго, — разумѣется, если не возникнетъ опять опасной какой нибудь войны со стороны Франціи. Разрывъ между хозяевами и рабочими по строительной промышленности (Builders' Strike), о которомъ упоминали мы въ предъидущемъ обзорѣ, все еще продолжается вотъ уже почти три мѣсяца, и до сихъ поръ еще неизвѣстно, когда и какъ онъ кончится.

Въ Германіи продолжаютъ толковать объ агитаціи въ пользу единства. Дѣло это приняло оборотъ, который для человѣка, незнакомаго съ характеромъ германскаго сейма, можетъ казаться подающимъ надежды, но въ сущности ведетъ только къ нескончаемой и совершенно безплодной дипломатической перенискѣ. Нѣкоторые изъ второстепенныхъ правительствъ Германіи, чтобы избавиться отъ упрековъ за отсутствіе патріотизма, вздумали предложить сейму заняться пересмотромъ союзнаго акта. Исторія всѣхъ реформъ, которыя предполагалось совершить посредствомъ сейма, доказываетъ полнѣйшее безсиліе сейма сдѣлать что нибудь въ духѣ улучшенія; да и какія существенныя улучшенія могутъ быть предложены тѣмъ, которые должны потерять отъ всякаго дѣйствительнаго улучшенія? Если читатель вспомнитъ, что говорили мы въ прошлый разъ объ этомъ, онъ согласится, что сейму предложены будутъ реформы ничтожныя, да и тѣ сеймъ, послѣ долгихъ и очень скучныхъ споровъ, найдетъ невозможными, если само населеніе Германіи не потрудится разъяснить ему, что не только предложенныя реформы возможны, но необходимы еще другія, болѣе важныя.

Въ Австріи прежнія надежды на замѣненіе реакціонной системы болѣе свободною уступили мѣсто, какъ и слѣдовало ожидать, горькому разочарованію. Венгерскіе протестанты, столь осчастливленные великою реформой, касавшеюся инспекторовъ школъ, имѣютъ неблагодарность объявлять, что подобныя реформы просто комедія, насмѣшка. Министры отвѣчаютъ, что они сами знаютъ это, но реформъ иного характера производить не могутъ. Они

говорять правду. Ихъ безсиліе на добро дѣйствительно стало очевидно для всѣхъ.

Но самымъ занимательнымъ, послѣ итальянскаго вопроса, случаемъ въ европейскомъ политическомъ мірѣ было открытіе колоссальнаго заговора въ Турціи, всего только за нѣсколько дней до срока, назначеннаго къ его исполненію. Заговоръ этотъ очень интересенъ какъ фактъ, опровергающій распространенное по Европѣ предубѣжденіе, будто турецкое правительство идетъ въ главѣ реформы, постепенно распространяющей въ Турціи цивилизацію, и будто бы оно дѣйствуетъ въ этомъ смыслѣ вѣло и плохо только потому, что нѣтъ въ турецкомъ обществѣ элементовъ, на которые могло бы оно опереться, нѣтъ многочисленной партіи, которая хотѣла бы видѣть Турцію цивилизованнымъ государствомъ. Характеръ открытаго теперь заговора доказываетъ противное. Не говоря уже о христіанскомъ населеніи Европейской Турціи, которое, разумѣется, только того и желаетъ, чтобы правительство шло путемъ реформъ, мы видимъ теперь, что даже въ турецкомъ племени есть много людей, которые были бы рады очистить Турцію отъ азіатскаго деспотизма и фиватизма и помогать осуществленію всѣхъ тѣхъ улучшеній, которыя требуются отъ него европейскими державами, и которыхъ оно не дѣлаетъ, какъ слѣдуетъ, или не дѣлаетъ вовсе.

Само собою разумѣется, что турецкое правительство употребляетъ всѣ усилія, чтобы скрыть истинныя намѣренія заговорщиковъ и выставить ихъ фанатиками, хотѣвшими истребить христіанъ, и т. д., кровопійцами, хотѣвшими зарѣзать султана, и т. д. Но мужество, съ которымъ заговорщики держали себя на допросахъ, одно уже могло бы свидѣтельствовать противъ такихъ обвиненій. Люди, замыслы которыхъ дурны, не были бы такъ безтрепетны предъ лицомъ смерти. Они смѣло говорили министрамъ, своимъ судьямъ, о дурномъ управленіи, которое губитъ Турцію, о произволѣ администраціи, расточительности двора. Мы подождемъ, пока болѣе разъяснится правда, затемненная теперь официальными клеветами, и приведемъ нынѣ только отрывокъ изъ парижской корреспонденціи Times'a (3 октября).

Натурально было бы предполагать, что заговоръ, въ которомъ большая часть руководителей — азіатскіе турки, въ которомъ замѣшаны очень многие мусульманскіе духовные, отчасти вызванъ жѣланиемъ, принятымъ въ послѣдніе годы въ пользу христіанъ. Но это предположеніе несправедливо. Я видѣлъ не нахожу ему подтвержденій а очень длинное, подробное и интересное письмо, помѣщенное въ *Revue*, которое ругается за вѣрность его извѣстій, положительное опровергаетъ это. Оно говоритъ:

«Заговорщики думали о впечатлѣніи, какое произведетъ на Европу притомленный ими переворотъ. Увѣрять, что у нихъ была составлена манифестъ для сообщенія европейскимъ державамъ. Въ этомъ актѣ излагались причины неудовольствія вѣли на Абдулъ-Меджида и его министровъ: представлялись свѣдѣнія о дворцовыхъ интригахъ и суннахъ, получаемыхъ министрами. Давѣе, объявлялось, что переворотъ не заключаетъ въ себѣ ничего враждебнаго прогрессу, цивилизаціи, а въ особенности, ничто опаснаго для христіанъ».

«Каждый народъ имѣетъ свой методъ идти къ своимъ цѣлямъ. Турецкій заговоръ бы повидимому нѣчто соответствующее нашей англійской лѣгѣ въ пользу финансовъ реформы, только вмѣсто собранія колоссальныхъ матиновъ, мирной агитаціи и краснорѣчія Кобдена и Брайта, у нашей муфти и улемовъ были тайныя собра-

нія въ домѣ одного изъ нихъ товарищей, близъ мечети султана Баязета, и замыслилъ арестовать султана и его министровъ. Письмо помѣщенное въ Прессе продолжаетъ:

«Мѣсяца три тому назадъ составилось тайное общество съ сѣйскими наміреніемъ арестовать султана и измѣнить форму правленія. Главное лицо общества, Шейхъ-Ахмедъ, курдъ, родомъ изъ Сулейманіе, жилъ въ медресе (училищѣ) при мечети султана Баязета. Онъ человѣкъ просвѣщенный, чуждый фанатизма, уважаемый богословъ и философъ и извѣстенъ непоколебимою честностію. Подобно почти всѣмъ туркамъ, Шейхъ-Ахмедъ печалился тѣмъ, какъ дурно ведутся государственныя дѣла, возрастающею слабостію наперіи, административными злоупотребленіями, финансовыми безпорядками, безцѣнными дворцовыми издержками. Онъ строго осуждалъ дѣйствія министровъ и слабость султана. Его слушали съ почтеніемъ, и слова его получали великую силу отъ нравственного авторитета, которымъ онъ пользовался. Ежедневно повторяющіеся факты подтверждали эти слова и увеличивали народное неудовольствіе. Около шейха собирались люди, раздѣлявшие его мысли; у нихъ часто происходили совѣщанія. Это были судьи, духовные, военные, люди среднего сословія и чиновники».

«Въ числѣ друзей шейха находился черкесь Руссейнъ-Паша, человѣкъ горячаго и рѣшительнаго характера, получившій извѣстность въ карскую компанію 1855 года. Онъ былъ тогда командиромъ перваго арабистанскаго полка, отличился при отраженіи русскаго штурма и за это произведенъ былъ въ генералы. Въ прошломъ году онъ былъ менѣе счастливъ въ войнѣ съ черногорцами, гдѣ корпусъ его сильно пострадалъ; подъ нимъ самимъ было убито двѣ лошади и самъ онъ едва спасся отъ смерти. Его удалили отъ командованія. Возвратившись въ Константинополь, онъ требовалъ военного суда, но ему отказали въ этомъ. Оставшись безъ должности и считая себя обиженнымъ, онъ питалъ неудовольствіе на правительство. Познакомившись съ Шейхъ-Ахмедомъ, онъ оотно пристрастовался къ его замыслу. Мѣсяца два тому назадъ, его опредѣлили въ штабъ румелійской арміи. Онъ отказался, но потомъ согласился и уѣхалъ. Говорить, что въ его отсутствіе руководителемъ движенія полагали сдѣлать артиллерійскаго генерала Гассана-Пашу, командовавшего батареями и караулами на Босфорѣ. Въ числѣ заговорщиковъ былъ также Джаферъ-Паша, албанецъ знатнаго рода, нѣкогда боровшійся противъ Порты, но во время дунайской компаніи присоединившійся къ арміи султана съ 200 своихъ соотечественниковъ, вооруженныхъ и обмундированныхъ на его счетъ. Послѣ войны ему давали много обѣщаній, но ни одного не исполнили. Ему даже не дозволили возвратиться на родину, а принудили остаться въ Константинополь, давая ему около 7 фунтовъ (45 р. с.) въ мѣсяцъ. Были и другіе значительные люди въ числѣ заговорщиковъ; офицеровъ, замѣшанныхъ въ это дѣло, считая не менѣе 850 человѣкъ. Общество имѣло правильную организацію и члены его раздѣлялись на два класса, руководителей и простыхъ членовъ».

«Только руководители знали другъ друга. Простые члены знали только своихъ руководителей, изъ которыхъ у каждого было подъ руководствомъ отъ 100 до 150 человѣкъ. Надобно полагать, что число членовъ заговора было не менѣе 15 или 18-ти тысячъ. Планъ заговорщиковъ былъ таковъ: при возвращеніи султана изъ мечети или изъ дворца Топкана съ обыкновенною свитою, они хотѣли ждать его въ самомъ узкомъ мѣстѣ той улицы, которая параллельно Босфору ведетъ изъ Топкана въ Долма-Бакши, гдѣ стоятъ кабуташскій караулъ. Офицеры и солдаты этого караула должны были арестовать султана; всѣ они были на сторонѣ заговорщиковъ. Послѣ арестованія султана хотѣли пустить съ кабуташскаго крыльца ракеты, чтобы дать сигналъ полку, расположенному въ Кулави, на другой сторонѣ Босфора. Отряды этого полка должны были идти, чтобы арестовать военного министра Риза-Пашу, великаго визиря Аали-Пашу и министра иностранныхъ дѣлъ Фуадъ-Пашу».

«Другихъ министровъ, президентовъ и членовъ совѣтовъ также хотѣли арестовать и подобно султану держать подъ стражей. Говорить, что Гассанъ-Паша, сдѣлавшій доносъ на заговорщиковъ, утверждать, будто бы извѣстивъ ихъ, узнавъ, что они хотѣли убить всѣхъ арестованныхъ и самаго Абдуль-Меджида; но общее мнѣніе въ Константинополь таково, что у заговорщиковъ не было намѣренія убивать кого бы то ни было и что Гассанъ выдумалъ эту исторію для своего извиненія. Заговорщики на-

значили уважаемых людей для замещения низложенных саванниковъ, не спрашивая притомъ согласія у избранныхъ или кандидатовъ. Они хотѣли объявить султану низложеннымъ и возвести на престолъ его брата или старшаго сына. Все было готово; исполненіе заговора было назначено въ субботу 17 (5) сентября, то въ среду 14 (2), вечеромъ, Гаспалъ явился къ Риза-Пашѣ и рассказывалъ ему все. Быстро приняты были дѣйствія. Въ четвергъ, въ пятницу и субботу множество людей было арестовано: они содержались въ Кулали, въ Скутари и въ другихъ мѣстахъ. Письмо продолжаетъ:

«Въ числѣ заговорщиковъ, арестованныхъ въ пятницу, былъ Джаферъ-Паша; его посадили на большой кавкъ подѣ стражию 10 солдатъ, чтобы отвезти въ Кулали. На дорогѣ онъ растегнулъ шюваницы широкаго пальто, которое было на немъ. Въ ту минуту, когда канѣ вошелъ въ быстрое теченіе, онъ вскочилъ и прыгнулъ въ воду; солдаты схватили его за пальто, но онъ вынулъ руки изъ рукавовъ, нырнулъ и исчезъ. Это было въ половинѣ восьмого, вечеромъ. Приближалась ночь, и Джаферъ-Пашу не нашли; только его феска всплыла черезъ нѣсколько минутъ на поверхность, тѣла его не отыскали. Многие говорятъ, что паша умѣлъ чрезвычайно хорошо плавать и что онъ можетъ быть спасенъ».

Выбирая достовѣрнѣйшія черты изъ другихъ извѣстій, мы видимъ, что цѣлю заговора было прекратить безпорядки управленія и дворцовой расточительности введеніемъ въ Турцію болѣе правильной администраціи и лучшихъ законовъ, въ томъ числѣ уравниемъ правъ христіанскаго населенія съ мусульманскимъ.

Ноябрь 1859.

Европейскія дѣла. — Сѣверо-Американскіе штаты и Браунъ.

Четыре мѣсяца тому назадъ, соединеніе центральной Италіи въ одно государство съ сѣвѣрною, почти для всѣхъ казалось дѣломъ конченнымъ; три мѣсяца тому назадъ, вы приобрѣтали имя желчнаго скептика, если отъ-важивались говорить, что прежній порядокъ дѣлъ въ Романьѣ и Тосканѣ будетъ возстановленъ. Теперь всѣ видятъ близость реставраціи. Дѣло тянется двигателями реставраціи, повидимому, съ необыкновенной медлительностью, а между тѣмъ, идетъ къ концу очень быстро. Такова натура вещей, что нужно только бездѣйствовать и вынуждать къ бездѣйствию другихъ, чтобы возрастить зло, между тѣмъ, какъ основаніе чего нибудь хорошаго требуетъ страшныхъ, конвульсивныхъ усилій. Реакція не сдѣлала, кажется, ровно ничего: еще не одинъ солдатъ не двинулся въ Романью или Тоскану для низверженія новаго порядка вещей; а онъ уже близокъ къ паденію. Въ прошедшій мѣсяцъ не было сдѣлано реакцію ничего энергическаго, а торжество ея съ каждымъ днемъ становится несомнѣннѣе. Въ самомъ дѣлѣ, что новаго произведено надъ Италією? Ровно ничего. Подписаны два остальные изъ трехъ цюрихскихъ трактатовъ, именно договоры между Сардинією и Францією, между Сардинією и Австрією; но ихъ подписаніе было дѣломъ чистой формальности, послѣ того какъ подписанъ былъ первый изъ трехъ договоровъ — трактатъ между Австрією и Францією; а мы еще въ прошломъ мѣсяцѣ сообщали извѣстіе объ этомъ. Явилось письмо Наполеона къ королю сардинскому объ устройствѣ итальянскихъ дѣлъ; но оно буквально излагаетъ ту самую программу, которую мы сообщили также въ прошломъ мѣсяцѣ, недѣли за три до появленія письма. Король сардинскій отказался отъ власти, которую предлагала ему центральная Италія, и запретилъ принимать ее своему родственнику, герцогу Кариньянскому, — но еще въ прошломъ мѣсяцѣ, даже два и три мѣсяца тому назадъ, можно было предугадывать, что онъ такъ поступитъ, и мы нѣсколько разъ говорили это. Созывается конгрессъ, но Англія, Пруссія, Россія еще не выразили своего согласія участвовать въ немъ, — точно тоже положеніе было мѣсяцъ тому назадъ. Что же новаго? Рѣшительно ничего, кромѣ того, что прибавилось довольно много новообращенныхъ къ людямъ, не ожидающимъ хорошей развязки итальянскаго дѣла

Что же говорить объ этомъ дѣлѣ подробно? Довольно будетъ самымъ краткимъ образомъ перечислить мелкія происшествія, которыми ограничивались итальянскія новости въ прошломъ мѣсяцѣ.

Обнародованіе условій Цюрихскаго трактата навело въ Италіи уныніе на людей, питавшихъ до той поры маниловскія надежды. Мы не понимаемъ, отчего было унывать, когда Цюрихскій трактатъ былъ просто подтвержденіемъ Виллафринкскихъ условій, и императоръ французовъ постоянно повторялъ, что не можетъ отступить отъ этихъ условій. Надобно отдать ему справедливость: онъ въ этомъ дѣлѣ не хитрилъ, не обманывалъ, не скрывалъ своихъ намѣреній. Вольно же было энтузіастамъ не вѣрить его словамъ, совершенно явнымъ и твердымъ. Его письмо къ королю сардинскому навело на итальянцевъ новое, еще сильнѣйшее уныніе; и опять-таки не было имъ причинъ унывать больше прежняго, потому что письмо было только десятнымъ или двадцатымъ повтореніемъ того самаго, что говорилъ онъ при каждомъ случаѣ четыре мѣсяца сряду. Не находя въ этомъ письмѣ ничего новаго, мы не можемъ привести его здѣсь; но любители репетицій, повнимающіе сущность дѣла только при десятномъ его повтореніи, стали бы уверять насъ, если бы вовсе лишили ихъ возможности прочесть вновь то самое, что излагалось у насъ много разъ; потому мы печатаемъ въ приложеніи переводъ письма, заимствуя его изъ „Санкт-Петербургскихъ Вѣдомостей“, съ нѣкоторыми исправленіями по подлиннику. Здѣсь мы зашѣтимъ только, что планъ устройства итальянскихъ дѣлъ, налагаемый императоромъ Наполеономъ, раздѣляется на двѣ части по отношеніямъ осуществленія разныхъ его надобностей къ волѣ различныхъ державъ. Во-первыхъ, есть вещи, исполненіе которыхъ зависить единственно отъ согласія императора французовъ; это возстановленіе прежнихъ правительствъ въ Тосканѣ и герцогствахъ и подчиненіе Романъи папскому владычеству. Императоръ Наполеонъ хочетъ этихъ вещей, стало быть онѣ исполнятся; это реальная часть письма. Другія вещи могутъ быть исполнены только по согласію Австріи или итальянскихъ правительствъ,—именно объявленіе Мантуи и Вероны союзными крѣпостями, независимое устройство Венеціанской области, дарованіе благотѣльных реформъ папской области и введеніе представительнаго правленія въ Неаполѣ, въ Римѣ, въ Венеціи и такъ далѣе; объ этихъ вещахъ впередъ извѣстно, что на нихъ не согласятся правительства, воля которыхъ нужна для ихъ осуществленія; этимъ желаніямъ императора Наполеона суждено остаться прекрасными желаніями, подобно давнишнему его желанію о преобразованіяхъ въ папскомъ правительствѣ; эту часть письма мы можемъ назвать поэтической. Поэзія не составляетъ предмета нашихъ обозрѣній; оставляя ее въ сторонѣ, мы обращаемъ вниманіе читателя только на прозаическую часть письма, и если онъ потрудится слышать ее съ нашимъ изложеніемъ французской проимы итальянскаго вопроса въ прошломъ мѣсяцѣ, онъ увидитъ буквальную точность изложенныхъ нами тогда извѣстій.

Цюрихскій миръ и письмо императора Наполеона показали правительству центральной Италіи надобность принять новыя мѣры. Были вновь созваны конституціонныя собранія въ герцогствахъ, въ Тосканѣ и въ Романъи назначенія регентства. Всѣ собранія единогласно избрали общимъ регентомъ

центральной Италіи принца Кариньянскаго, ближайшаго изъ взрослыхъ родственниковъ короля Сардинскаго. Императоръ Наполеонъ выразилъ королю Сардинскому желаніе, чтобы принцъ Кариньянскій не принималъ предлагаемой ему власти; король Сардинскій и принцъ Кариньянскій повиновались, и депутация центральной Италіи, повергнувшая къ стопамъ ихъ единодушное рѣшеніе четырехъ областей, получила отказъ. Само собою разумѣется, что принята была депутация очень любезно и милостиво, какъ принимались и всѣ прежнія депутации, отправлявшіяся къ королю Сардинскому или къ императору французовъ. Принцъ Кариньянскій былъ такъ милостивъ, что изложивъ причины, по которымъ долженъ былъ отказаться отъ предложенія, указалъ депутации на человѣка, который можетъ занять мѣсто регента и собственной властью передать ему это званіе. Конечно, центральная Италія, давая принцу Кариньянскому власть регента, ни мало не думала, что предоставляетъ ему власть передать это званіе кому угодно безъ ея вѣдома. Но особенно странно то, что избравникомъ принца Кариньянскаго былъ Буонкомпанни, котораго называютъ человѣкомъ очень пріятнымъ въ обществѣ, но который показывалъ себя лишеннымъ всякой энергіи и сообразительности, когда управлялъ отъ имени Сардинскаго короля Тосканю во время войны. Въмѣсто того, чтобы готовить войско, онъ занимался тогда идиллическими упражненіями: строилъ оранжереи, устраивалъ цвѣточныя выставки, учреждалъ преміи для архитекторовъ за проекты какихъ-то вѣящыхъ зданій, и для воэтовъ за хоронія драматическія произведенія. Благодаря такому аркадскому управленію, тосканская армія совершенно разстроилась при немъ въ одинъ мѣсяцъ, такъ что не годилась уже ровно никуда, и Гарибальди долженъ былъ заводить войско въ Тосканѣ съизнова, какъ будто Тоскана лежала въ архипелагѣ Дружбы и Согласія, а не въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Мантуи. По послѣднимъ извѣстіямъ Буонкомпанни поѣхалъ управлять центральной Италією, и надобно только ждать извѣстія о томъ, приметъ ли она такого регента. Намъ кажется ясна цѣль, съ которою назначенъ регентомъ такой человѣкъ.

Что жъ дѣлаютъ межъ тѣмъ правительства центральной Италіи? Кажется, будто бы они хотятъ наконецъ стать энергичнѣе прежняго. Давно жаловались на неспособность диктатора Романьи, полковника Чиприани; онъ отказался отъ этого сана и тогда передалъ диктатуру Романьи пармскому и моденскому диктатору Фарини, который энергичнѣе всѣхъ остальныхъ правителей. Носились слухи, будто бы предоставляютъ больше простора Гарибальди, который прежде былъ связанъ по рукамъ и ногамъ. Но по послѣднимъ телеграфическимъ депешамъ, Гарибальди выходитъ въ отставку и хочетъ удалиться изъ Италіи. Какой смыслъ придавать этому извѣстію, мы еще не знаемъ; значить ли оно, что Гарибальди увидѣлъ невозможность не только побѣдить, но и защищаться съ честью? или его отставка значить только то, что онъ хочетъ разорвать всякія связи съ нерѣшительными людьми, поставить жителямъ центральной Италіи вопросъ о выборѣ между нимъ и между ними, хочетъ получить власть надъ войсками прямо отъ народа, а не отъ робкихъ правителей, чтобы начать дѣйствовать сообразно своему характеру и положенію дѣлъ? Когда читатель будетъ просматривать эту страницу, смыслъ просьбы Гарибальди объ отставкѣ уже будетъ извѣстенъ, а теперь мы можемъ

сказать одно: въ тѣ дни, когда мы пишемъ это, въ центральной Италіи вѣроятно уже совершается перемѣна въ личностяхъ и характерѣ правителей, близость которой мы указывали въ прошедшемъ обзорѣ; власть или перешла или переходитъ въ руки людей рѣшительныхъ, безстрашныхъ; но перемѣна эта по всей вѣроятности уже запоздала. Теперь дѣла будутъ вѣдти такимъ образомъ: всѣми людьми, немѣняющими твердаго характера, то есть огромнымъ большинствомъ людей, овладѣть умнѣе; ошибочность вялой и робкой политики, которой слѣдовали до сихъ поръ, обнаружится для всѣхъ; горсть людей, которые давно были готовы жертвовать жизнью за національное дѣло, даже безъ надежды на успѣхъ его, возьмуть въ свои руки власть, покинутую людьми слабыми или отнятую у нихъ народнымъ негодованіемъ. Эти новые правители, — кто они будутъ, Гарibaldi, Мадзини, Саффи, Фарини или другіе, все равно, — начнутъ самымъ энергическимъ образомъ готовиться къ вооруженной защитѣ. Но, по всей вѣроятности, не будутъ уже имѣть времени приготовиться къ ней. Когда явятся враги, энтузіазмъ народа вспыхнетъ и совершится много славныхъ, но уже бесполезныхъ подвиговъ.

Теперь уже ясно выраженъ въ письмѣ императора французовъ и другихъ официальныхъ документахъ планъ, по которому хотятъ произвести реставрацію: подъ рукою будутъ помогать реакціонерамъ будутъ извурять терпѣніе и силы народа отнятіемъ у него всякой возможности установить прочное положеніе дѣлъ (это выразилось запрещеніемъ королю Сардинскому принимать королевскую власть надъ центральной Италіей и запрещеніемъ принцу Кариньянскому принимать регенство), будутъ производить заговоры и безпорядки (во Флоренціи уже открытъ заговоръ реакціонеровъ, а Фарини долженъ былъ удалить изъ Пармы предводителей реакціонной партіи, начавшихъ интриговать слишкомъ явно); этими безпорядками воспользуются, чтобы ввести иностранныя войска въ мундирахъ папы, герцога Моденскаго, эрцгерцога Тосканскаго, или и въ собственныхъ мундирахъ: тогда это уже не будетъ называться „иностраннымъ вмѣшательствомъ“, — это будетъ только „помощь“, оказанная мирному населенію, проевшему защиты отъ злодѣевъ и анархистовъ“.

Въ остальныхъ итальянскихъ государствахъ все продолжается по прежнему. Въ Римѣ, напримѣръ, французскій посланникъ продолжаетъ дѣлать папѣ представленія о необходимости реформъ, папа сердится за это по прежнему и въ досадѣ забываетъ иногда правила учтивости, — дипломатическій міръ былъ очень скандализированъ, услышавъ, что Пій IX однажды, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, повернулся спиною къ герцогу Граммону, когда герцогъ твердилъ ему свои наставленія. Французскія полуофициальныя газеты однакожъ увѣряютъ, что папа готовъ дать требуемыя реформы; важнѣйшимъ доказательствомъ готовности служить то, что однажды онъ сказалъ Граммону: „перестанемъ говорить объ этомъ; я подумаю и посмотрю“. Разумѣется, впрочемъ, что когда будетъ происходить покореніе Романіи, будутъ для формы обнародованы какія нибудь новыя постановленія или хотя обѣщанія, — ручательствомъ за это служить совѣтъ, данный Австрію. Реформы или обѣщанія будутъ, конечно, таковы же, какъ знаменитое „удаленіе кардинала Антонелли, мѣшающаго благотворнымъ рефор-

мажъ своею гибельною властью надъ умомъ папы». Кардиналь носилъ два главныхъ титула: во-первыхъ, министра, во-вторыхъ, президента государственнаго совѣта, который никогда не собирается и потому ничѣмъ не занимается. Министромъ и довѣреннѣйшимъ лицомъ папы Антонелли остался, но отъ председательства въ совѣтъ уволенъ. Такимъ образомъ, можно было сказать, что папа удовлетворилъ требованію объ отставкѣ Антонелли. Точно таково же будетъ удовлетвореніе и требованію реформъ, и все-таки можно будетъ сказать, что даны новые законы. Надобно думать, требуемыя реформы очень важны и либеральны, если ихъ требуютъ Австрія и Франція.

Въ Неаполѣ давно носились слухи о готовящихся возстаніяхъ. Но если пропущено благоприятное для нихъ время войны и надеждъ, то какой успѣхъ могли бы имѣть возстанія теперь, когда реакція готова овладѣть и тѣми областями, въ которыхъ успѣло одержать перевѣсъ прогрессивное движеніе? Попытка нѣсколькихъ энтузіастовъ въ Палермо была несвоевременна, и правительство безъ труда подавило ее. Движеній болѣе сильныхъ можно ждать развѣ въ томъ случаѣ, если въ центральной Италіи вспыхнетъ народная война противъ иностраннаго вмѣшательства и на первый разъ нисургентамъ удастся одержать какіе нибудь успѣхи, — также, если Гарибальди, ставъ неограниченнымъ распорядителемъ военныхъ силъ, вторгнется въ папскія и неаполитанскія владѣнія, какъ уже грозилъ передъ своею отставкою. Иначе, неаполитанскіе либералы напрасно пожертвовали бы собою, если бы вздумали начать какое нибудь движеніе.

Въ Германіи праздновали столѣтній юбилей рожденія Шиллера, во всѣхъ большихъ городахъ Европы также совершалось это торжество великолѣпнымъ образомъ. Затѣмъ, ничего замѣчательнаго не было въ Германіи. Движеніе въ пользу единства продолжалось въ прежнемъ, пока совершенно безсильномъ и праздномъ направленіи.

Война съ мароккскими племенами по западной границѣ Алжира доставила французамъ лавры, какъ и должно быть; но въ экспедиціонномъ корпусѣ явилась холера, пожравшая уже не одну тысячу людей, такъ что лавры куплены нѣсколько дорого, какъ тоже и должно быть. Испанія начинаетъ военныя дѣйствія противъ Марокко съ другой стороны.

Въ Англіи начинается агитація въ пользу реформы парламентской и финансовой, но пока еще были только приготовительные митинги, а настоящія дѣйствія начнутся съ 1 декабря. Мы не говорили въ прошлый разъ о дипломатическомъ столкновеніи Англіи съ Соединенными Штатами, по поводу заявленія острова Санъ-Хуана отрядомъ сѣверо-американскихъ войскъ, потому что изъ такой ничтожной причины не можетъ произойти никакихъ важныхъ послѣдствій, и подобныя толки годятся только для наполненія газетныхъ столбцовъ. Мы не упоминали бы объ этомъ спорѣ изъ-за маленькаго, почти пустаго и никому собственно ненужнаго островка, если бы не пришлось кстати припоминать о немъ при надобности говорить о Сѣверо-Американскихъ Штатахъ по другому случаю, о которомъ въ европейскихъ газетахъ было говорено несравненно меньше, но который очень многозначителенъ.

Въ маленькомъ городкѣ или селѣ Гарперсъ-Ферри, лежащемъ въ одномъ

изъ невольническихъ штатовъ, близъ границы между свободными и невольничьими штатами, явилось нѣсколько человекъ аболіціонистовъ; они врасплохъ овладѣли арсеналомъ, находящимся тутъ, и стали провозглашать освобожденіе негровъ. Черезъ нѣсколько часовъ пришла милиція изъ сосѣднихъ невольничьихъ городовъ, аболіціонисты не положили передъ нею оружія, милиція стала усмирять ихъ силою, они отчаянно оборонялись, большая часть ихъ была уби́та на мѣстѣ, остальные переранены, взяты въ плѣтъ и преданы суду, который, конечно, приговоритъ ихъ къ смерти „за убійство“, если не за возстаніе. По своему размѣру, случай этотъ вовсе не важенъ; но онъ очень многозначителенъ, какъ первый въ своемъ родѣ. До сихъ поръ наступательнымъ образомъ дѣйствовала партія защитниковъ невольничества; аболіціонисты, дѣйствуя словомъ, фактически держались въ оборонительномъ положеніи. Теперь, какъ видимъ, ихъ энтузіазмъ такъ раздраженъ постоянными офендами отъ защитниковъ рабства, и увѣренность въ своихъ силахъ такъ возросла у нихъ, что являются стремленія дѣйствовать наступательно. Первая попытка была неудачна, какъ почти всегда бываютъ первыя попытки; ближайшимъ слѣдствіемъ ея будетъ усиленіе партіи защитниковъ рабства всѣми робкими людьми, боящимися крутыхъ мѣръ. Но безъ всякаго сомнѣнія, борьба станеть постепенно принимать новый характеръ, и аболіціонисты черезъ нѣсколько времени отстятъ за первыхъ своихъ мучениковъ, Брауна, предводителя горсти людей, геройски сражавшихся въ Гарперс-Ферри, и его неустрашимыхъ товарищей. Сѣверные и западные штаты будутъ постепенно проникаться мыслью о постыдности давать въ обиду своихъ политическихъ друзей, и границы рабства, до сихъ поръ расширившіяся, начнутъ стѣсняться подъ напоромъ свободныхъ людей сѣвера и запада. Мы приводимъ здѣсь отрывокъ изъ помѣщенного въ Times'а письма о личности Брауна, предводителя первыхъ мучениковъ за дѣло негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ, а въ приложеніи помѣщаемъ извлеченіе изъ устава общества, которое предполагалъ учредить Браунъ. Уставъ этотъ былъ найденъ въ числѣ бумагъ, найденныхъ у него. Неукротимая энергія и глубокое, строгое нравственное чувство придаютъ этому уставу чрезвычайную оригинальность. Онъ интересенъ для знакомства съ понятіями людей, составляющихъ крайнюю аболіціонистскую партію. Вотъ письмо о личности Брауна:

„Браунъ, извѣстный въ Соединенныхъ Штатахъ подъ именемъ старика капитана Брауна, жестоко пострадалъ при началѣ волненій въ Канзасѣ, пять лѣтъ тому назадъ. Онъ жилъ еще не принимая никакого участія въ борьбѣ, начинавшейся тогда между приверженцами и противниками рабства въ Канзасѣ; въ его домъ ворвалась ночью шайка головорезовъ, пришедшихъ изъ Миссури: они разграбили и унесли все, что было цѣннаго въ небольшомъ имуществѣ, которое онъ приобрѣлъ долгими годами скромнаго труда, сжгли домъ и вивы его и безъ всякой надобности убили одного изъ его дѣтей. Жена его скоро умерла отъ печали. Браунъ впалъ въ мономанію, хлѣбную, необыкновенно проникательную, терпѣливую и отчаянно храбрую. Онъ собралъ небольшой отрядъ, въ которомъ рѣдко бывало десятка два человекъ; почти всѣ они были родомъ изъ штатовъ Новой Англіи. Обстоятельства превратили этихъ мирныхъ, можно сказать малодушныхъ, земледѣльцевъ

и мастеровыхъ въ отчаянныхъ партизановъ. Въ числѣ ихъ были два сына Брауна. Много разъ этотъ отрядъ проникалъ далеко во внутренность Миссури, освобождалъ изъ тюремъ людей, схваченныхъ по подозрѣнію въ томъ, что помогали бѣгству невольниковъ, уводилъ съ собою на свободу цѣлыя семейства невольниковъ, ризорялъ дома людей, извѣстныхъ своимъ участіемъ въ попыткахъ ввести въ Канзасъ рабство и предавалъ ихъ самихъ казнѣ. Когда эти попытки оказались неудачны и возстановилось спокойствіе, Браунъ опять сталъ земледѣльцемъ и мирнымъ гражданиномъ. Но черезъ нѣсколько времени шайка миссурійцевъ, гнавшаяся за бѣжавшимъ невольникомъ, явилась въ Канзасъ, обыскивала безъ всякаго законнаго права дома жителей, и производила буйства тамъ, гдѣ встрѣчала сопротивленіе. Едва успѣли миссурійцы воротиться домой, какъ Браунъ съ своими сыновьями былъ уже въ ихъ землѣ, жегъ ихъ дома, нивы, уводилъ негровъ. За его голову была назначена награда; большая партія миссурійцевъ гонялась за нимъ, и послѣдній слухъ о немъ, дошедшій до меня, говорилъ, что онъ, будучи окруженъ преслѣдователями, бросился прямо на нихъ, безвредно пробился со всѣми своими товарищами и ночью скрылъ отъ нихъ свои слѣды“.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

Письмо императора французовъ къ королю сардинскому

(изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей).

«Любезный братъ, я пишу вамъ сегодня съ цѣлью изложить вашему величеству нѣтъшнее положеніе дѣлъ, напомнить вамъ прошедшее и опредѣлить вѣдѣствѣ съ вами путь, которому должно слѣдовать на будущее время. Обстоятельства важны: необходимо устранить обольщенія и безплодныя сожалѣнія, и заботливо обсудить дѣйствительное положеніе вещей. Такъ теперь вопросъ не въ томъ, хорошо или худо я слѣдаль, заключивъ Виллафранкскій миръ, а въ необходимости извлечь изъ этого трактата результаты, наиболѣе — благоприятныя для умиренія Италіи и спокойствія Европы. Прежде, чѣмъ идти дальше въ обсужденіи этого вопроса, я хочу напомнить еще разъ вашему величеству препятствія, которыми такъ затрудняли всякіе окончательные переговоры и заключеніе всякаго трактата. Война далеко не такъ сложна, какъ миръ. Въ первомъ случаѣ мы видимъ только борьбу двухъ интересовъ: нападенія и обороны. Во второкъ, напротивъ—того, надобно примирять множество интересовъ, нерѣдко противоположнаго характера. Это-то именно и случилось при заключеніи мира. Необходимо было получить трактатъ, который бы какъ можно лучше обезпечилъ независимость Италіи, удовлетворилъ Пьемонтъ и желаніе населенія, нисколько не оскорбля, притомъ, католическаго чувства или правъ государей, которыми интересуется Европа. Итакъ я полагаю, что если австрійскій императоръ пожелаетъ откровенно вступить со мною въ соглашеніе, съ цѣлью достигнуть этихъ важныхъ результатовъ, то причины антагонизма, раздѣлявшаго въ теченіе вѣковъ мою и его имперію, исчезнутъ, и возрожденіе Италіи можетъ осуществиться по взаимному согласію и безъ дальнѣйшаго проволоченія. Вотъ законы, по коему живію, существенныя условія этого возрожденія:

«Италія должна состоять изъ нѣсколькихъ независимыхъ государствъ, связанныхъ союзнаю лигою.

«Каждое изъ этихъ государствъ приметъ представительную систему и спасительныя реформы.

«Конфедерація должна утвердить начала италіанской народности, у которой будетъ одно званіе и одна таже самая система.

«Руководящій центръ въ Римѣ будетъ состоять изъ представителей, назначенныхъ государями на основаніи списка, приготовленнаго палатами, такъ чтобы въ этомъ изъ котораго рода сейтъ вліяніе владѣтельныхъ фамилій, подозрѣваемыхъ въ наклонности къ Австріи, было уравновѣшиваемо элементами, порожденными избраніемъ».

«Обезпеченіе за напой почетнаго предсѣдательства въ конфедераціи удовлетво-

рять религиознымъ чувствамъ католической Европы, нравственное вліяніе папы усилится во всей Італіи и позволить ему сдѣлать уступки, сообразныя съ законными желаніями населеній. Планъ, составленный мною въ минуту заключенія мира, можетъ еще осуществиться, если вашему величеству угодно будетъ благопріятствоватьъ ему своимъ вліяніемъ. Притомъ, на этомъ пути уже сдѣланъ значительный шагъ впередъ.

«Уступка Ломбардіи, съ опредѣленнымъ долгомъ, составляетъ свершившійся фактъ.

«Австрія отказалась отъ права содержать гарнизоны въ крѣпостяхъ Піаченцы, Феррары и Комманио.

«Права государей, правда, гарантированы, но независимость центральной Італіи также обезпечена формальнымъ устраненіемъ всякой мысли объ иноземномъ вѣнствѣствѣ: наконецъ, Венеціанская область должна сдѣлаться провинціей чисто-итальянской.

«Дѣйствительный интересъ нашего величества в Полуостровѣ состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать намъ въ развитіи этого плана, для достиженія наилучшихъ результатовъ, ибо ваше величество не можете забыть, что я связанъ трактатомъ, и не могу въ нѣющемъ собраться конгрессѣ уклониться отъ моихъ обязательствъ. Роль Франціи начертана заранее.

«Мы требуемъ, чтобы Парма и Піаченца были присоединены къ Пьемонту, потому что эти владѣнія необходимы ему съ стратегической точки зрѣнія.

«Мы требуемъ, чтобы герцогиня пармская была призвана къ управленію Моденой.

«Чтобы Тоскана, предѣлы которой, быть можетъ, расширятся, была возвращена великому герцогу Фердинанду; чтобы во всѣхъ итальянскихъ государствахъ была принята система благоумной свободы;

«Чтобы Австрія открыто освободилась отъ постоянной причины затрудненій въ будущемъ, согласившись утѣрять венеціанскую народность не только отдѣльнымъ предствѣтельствомъ и управленіемъ, но и итальянской арміей.

«Мы требуемъ, чтобы крѣпость Мантуя и Пескьера были признаны союзными крѣпостями;

«Наконецъ, чтобы конфедерація, основанная на дѣйствительныхъ потребностяхъ, а равно и на преданіяхъ Полуострова, за исключеніемъ всякаго иноземнаго вліянія, упрочила независимость Італіи.

«Я не пренебрегу ничѣмъ для достиженія этого великаго результата. Будьте увѣрены, ваше величество, что чувства мои не измѣнятся и что, вѣсколько тому не будутъ противиться интересы Франціи, я всегда съ радостью буду служить дѣлу, за которое мы вѣдѣть сражались. Дворецъ Севъ-Клу, 20-го октября 1859 г.а.

II.

Временная конституція и постановленія для народа Соединенныхъ Штатовъ.

(то есть, уставъ воиннаго общества для освобожденія невольниковъ).

«Но соображенію, что рабство во всемъ своемъ существованіи въ Соединенныхъ Штатахъ есть ничто иное, какъ самая варварская, безпричинная и неизнѣнтельная война одной части гражданъ противъ другой части, въ которой единственными условіями служатъ постоянное тюремное заключеніе и беззаконное порабоженіе или совершенное истребленіе, въ совершенную противность и оскорбленіе вѣчнымъ и очевиднымъ истинамъ, вложеннымъ въ актъ провозглашенія независимости Соединенныхъ Штатовъ;

«Мы, граждане Соединенныхъ Штатовъ и угнетенный народъ, который по недавнему рѣшенію верховнаго суда объявленъ не нѣющимъ никакихъ правъ, ненарушимыхъ для блага человѣка, вѣдѣть со всѣми другими людьми, униженными вслѣдствіи

таких законов, определяешь и постановляешь себя для настоящего времени следующую временную конституцию и постановления в лучшее, охранение нашего народа, собственности, жизни и свободы и для руководства нашими действиями:

«Статья 1. Кто имеет право быть членом нашего общества. Все лица совершеннолетнего возраста без различия пола, будут ли они угнетенными и поработанными гражданами, или будут происходить из угнетенных и поработанных племенъ Соединенныхъ Штатовъ, согласные поддерживать и защищать временную конституцию съ органическими постановленіями, имеютъ полное право вѣсть съ своимъ малолѣтнимъ дѣти на покровительство этой конституціи.

Статья 2 говоритъ, что временное правительство организуемаго общества имѣтъ три отѣла: законодательный, исполнительный и судебный.

«Статья 3. Власть законодательная. Законодательную власть долженъ составлять конгрессъ или палата представителей, имѣющая не менѣе пяти и не болѣе десяти членовъ, избирающихся всѣми совершеннолѣтними гражданами, принадлежащими къ обществу, и остающимися въ должности три года.

«Статья 4. Исполнительную власть составляютъ президент и вице-президентъ, избираемые всѣми членами общества, также на три года.

«Статья 5. Судебную власть составляетъ верховный судья и четыре другіе судьи верховнаго суда, избираемые такимъ же образомъ.

«Слѣдующія статьи опредѣляютъ порядокъ суда надъ президентомъ и другими сановниками, въ случаѣ нарушения ими обязанностей, кругу власти этихъ сановниковъ, ихъ жалованья и т. д., также организацію военныхъ силъ общества.

«Статья 28. Собственность. Вся, взытая въ добычу или конфискованная собственность и вся собственность, производимая трудомъ членовъ общества и ихъ семействъ, должна считаться собственностью всего общества безразлично и можетъ быть употребляема на общую пользу. Каждое лицо, которое противозаконно удержитъ, утѣтъ, употребитъ или безъ нужды израсходуетъ такую собственность или собственность конфискованную у непріятеля, считается виновнымъ и по уличѣхъ палачивается.

«Статья 29 опредѣляетъ, что монета и драгоцѣнные вещи, конфискуемыя у непріятеля, должны составлять особенный фондъ, специально назначенный для военныхъ расходовъ; слѣдующія двѣ статьи опредѣляютъ порядокъ распоряженія этихъ фондовъ.

Статья 32 прворатъ, что съ плѣнными должно поступать человѣколюбиво: «обязанность всѣхъ лицъ обоого пола, принадлежащихъ обществу, требуетъ всегда и при всѣхъхъ обстоятельствахъ обращаться съ плѣнными, соблюдая всевозможную уважительность и кротость и внушать такое уваженіе всѣмъ другимъ, ради страха имени всемогущаго Бога, промыслу и защитѣ котораго мы вручаемъ наше дѣло.

«Статья 33. Добровольные. Все лица, которые добровольно освободятъ оныхъ рабовъ и внесутъ свои имена въ книги этого общества, должны, пока будутъ сохранять тишину, пользоваться полнѣйшимъ покровительствомъ своей личности и собственности, хотя бы не поступили въ составъ общества, и съ ними должно поступать какъ съ друзьями, а не просто какъ съ лицами нейтральными.

«Статья 34. Нейтральные. Личность и собственность всѣхъ тѣхъ, которые не итѣтъ рабовъ и остаются безусловно нейтральными, должна быть уважана на сколько возможно, хотя общество не обязано защищать ихъ.

Статья 35 говоритъ, что произвольное разрушеніе какой бы то ни было собственности должно быть наказуемо.

«Статья 36. Конфискуемая собственность. Вся движимая и недвижимая собственность всѣхъ лицъ, право или косвенно дѣйствующихъ съ врагомъ или въ пользу ея, или упорно державшихъ у себя рабовъ, должна быть конфискуема всегда и повсюду.

«Статья 37. Дезертирство. Лица, уличенные по безпристрастному суду въ дезертижъ въ врагу, послѣ того какъ были членами общества или имѣли въ немъ отдаленіе ему собственность, оружіе, военные или съѣстные запасы, дороги, мосты, укрѣпленія или предавшие ему людей, подвергаются смертной казни, и вся ихъ собственность истребляется.

Слѣдующія статьи опредѣляютъ наказанія за безправственные поступки.

«Статья 42. Бракъ, училища, воскресенье. Брачныя узы должны быть всегда уважаемы. Школы и церкви должны быть учреждаемы со всевозможной быстротой для религіознаго и другаго образованія, и первый день недѣли долженъ быть днемъ отдыха, посвященнымъ нравственному и религіозному просвѣщенію и усовершенствованію, вспоможенію страждущихъ, обученію дѣтей и непросвѣщенныхъ и распростиранію высшей опрятности.

«Статья 43. Отырытое ношеніе оружія. Всѣ лица безпорочнаго поведенія, здраваго ума и надлежащаго возраста обоего пола, находящіеся въ этомъ обществѣ, поощрятся къ открытому ношенію оружія.

«Статья 44. Запрещеніе носить скрытое оружіе. Никто въ границахъ завоеванной земли, кромѣ должностныхъ лицъ, и то при извѣстныхъ обстоятельствахъ, не можетъ носить скрытаго оружія, и каждый подозрѣваемый въ томъ можетъ быть арестуемъ и обыскиваемъ.

Статья 45 опредѣляетъ случаи арестованія другихъ подозрительныхъ лицъ.

«Статья 46. Эти статьи не имѣютъ цѣлью низверженіе правительства. Предъидущія статьи не должны быть истолковываемы въ смыслѣ, возбуждающемъ къ низверженію правительства какого-нибудь отдѣльнаго штата или общаго правительства Соединенныхъ Штатовъ, и клонятся не къ разрушенію союза, а только къ его исправленію, и нашимъ знаменемъ будетъ знамя, подъ которымъ наши отцы сражались за независимость».

Декабрь 1859 г.

Ходъ дѣлъ въ центральной Италіи.—Отставка Гарибальди.—Конгрессъ.—Прочность австрійскаго порядка.—Безопасность венгерскаго движенія, общаго неудовольствія и финансоваго разстройства.—Отношенія Франціи къ Англіи.

Chi va piano, va sano—„кто идетъ по тихоньку, навѣрное дойдетъ“. По этой итальянской поговоркѣ ведется итальянское дѣло къ тому, чтобы Італія не приобрѣла политической самостоятельности. Вотъ уже почти полгода послѣ Виллафранкскаго мира и никакихъ рѣзкихъ мѣръ не было еще употреблено въ Италіи. Французскія войска продолжаютъ занимать Ломбардію, но этотъ фактъ не имѣетъ ничего рѣзкаго: натурально, что могущественный союзникъ оставлялъ часть своей арміи въ завоеванной землѣ для защиты слабаго союзника, пока Сардинія не подписала окончательнаго мира съ Австріей. А если французскія войска простояли въ Ломбардіи болѣе четырехъ мѣсяцевъ, то почему же не вробить имъ на прежнихъ квартирахъ еще нѣсколько времени, тѣмъ болѣе, что поздней осенью и зимой передвигать ихъ обременительно. Потому о французскихъ войскахъ въ Италіи нельзя говорить никому раздражительнымъ тономъ. Кромѣ этого, никакихъ насилій не было. Все ведено было тихо, и, благодаря этой тихости, дѣло подвигается все ближе и ближе къ потребной цѣли. Области центральной Италіи, успѣвшія возмутиться противъ законныхъ правительствъ, воображали, что ихъ присоединеніе къ Піемонту рѣшено тайными условіями Виллафранкскаго договора. Но король Сардинскій бездѣйствовалъ и онъ увидѣли надобность сами принять инициативу; на это король Сардинскій отвѣчалъ, что принять предлагаемой ему власти не можетъ. Они думали, что Сардинія рѣшилась хотя послать къ нимъ регента; Сардинія не рѣшилась и на это. Потомъ они просили, чтобы правитель, назначенный для нихъ безъ ихъ согласія, служилъ по крайней мѣрѣ комиссаромъ сардинскаго короля. Сардинія объявила, что не можетъ давать ему этого качества и что онъ ѣдетъ въ центральную Италію просто, какъ г. Буонкампањи, а не какъ повѣренный Сардинскаго правительства. Онъ согласился и на это. Было у нихъ войско и былъ генералъ, которымъ держалось войско. Сардинское правительство объявило генералу, что онъ служитъ препятствіемъ для успѣшнаго хода дипломатическихъ отношеній; онъ вышелъ в отставку и войско центральной Италіи теперь ослабѣваетъ. Участь ея

положено поставить въ зависимость не отъ ея стремленій, не отъ итальянскаго чувства, а отъ рѣшеній конгресса. Сначала думали итальянцы, что кромѣ пяти великихъ державъ на конгрессѣ будетъ только Сардинія, ихъ защитница, плохая или хорошая, но все таки защитница; потомъ они увидѣли, что будутъ приглашены также рѣшать ихъ судьбу Римъ и Неаполь, мѣсто которыхъ очень хорошо извѣстно. Послѣ этого стало очевидно даже для итальянцевъ, на какой сторонѣ будетъ большинство голосовъ. Но итальянцы надѣялись, что рѣшенія конгресса будутъ имѣть только нравственное значеніе совѣтовъ и указаній; скоро стали говорить имъ, что конгрессъ можетъ опредѣлить нѣкоторые случаи вооруженнаго вмѣшательства для исполненія своихъ рѣшеній. Въ послѣднее время начали опредѣлять, въ чемъ должны состоять эти случаи. Во внутреннюю администрацію иностранцы не должны вмѣшиваться, но интересы Европейскаго равновѣсія требуютъ возстановленія извѣстныхъ разграниченій между государствами; потому конгрессъ можетъ послать войска для предотвращенія перемѣнъ въ распредѣленіи итальянскихъ государствъ. Такимъ образомъ итальянское дѣло очень опредѣлительно принимаетъ тотъ характеръ, какой и слѣдовало принять ему, судя по всѣмъ соображеніямъ. Мы давно уже говорили, что пора публикѣ перестать интересоваться имъ, какъ пересташь интересоваться дюжиннымъ романомъ, съ первыхъ страницъ котораго виденъ весь ходъ интриги и предугадывается развязка, дающая торжество добродѣтели и наказывающая пороку. Читатель знаетъ, что мы любимъ становиться на точку зрѣнія людей, ведущихъ дѣло и потому мы безъ сомнѣнія должны называть здѣсь порокомъ тѣ стремленія, представителями которыхъ служатъ теперь Буонкомпанни и Риказоли, а прежде служилъ графъ Кавуръ. Сущность этихъ стремленій состоитъ въ томъ чтобы, достигнуть упроченія итальянской національности не силами самого итальянскаго народа, а помощью союзновъ и дипломатическихъ тонкостей. Графъ Кавуръ наказанъ за такую мечту и не замедляетъ быть наказанъ его продолжатели въ центральной Италіи.

Дѣло становится безнадѣжнымъ, люди расчетливые охладѣваютъ къ нему, и оставляемое ими вліяніе начинаетъ переходить къ людямъ болѣе твердымъ, но получающимъ власть слишкомъ поздно. Фарини, бывшій самымъ энергичнымъ изъ трехъ диктаторовъ, соединилъ теперь въ своихъ рукахъ управление Романью съ прежнею своею властью надъ Пармой и Моденой. Когда былъ выбранъ національнымъ собраніемъ Ромни въ регенты центральной Италіи принцъ Кариньянскій, отказался отъ диктатуры надъ Романью полковникъ Чиприани, который очень долго былъ итальянскимъ патріотомъ, служа агентомъ французскаго вліянія. Онъ думалъ, что принцъ Кариньянскій приметъ регентство; но очевидно, что французскій кабинетъ оставилъ его при такомъ ожиданіи только для того, чтобы его удаленіе служило яснымъ предостереженіемъ для Турина. Сардинское правительство видѣло, что при одной мысли о регентствѣ принца Кариньянскаго отказываются отъ дѣлъ люди, находящіеся въ хорошихъ отношеніяхъ къ французскому двору: изъ этого оно должно было заключать о серьезности неудовольствія со стороны Франціи, которому подвергалось бы оно допущеніемъ принца Кариньянскаго къ регентству. Жители Романьи, покинутые прежнимъ диктаторомъ, должны были обратиться къ Фарини. Новый диктаторъ

принимать разные мѣры къ тѣснѣйшему соединенію герцогствъ съ Романьєю. Но ничего важнаго сдѣлать онъ не могъ, потому что, несмотря на всѣ разочарованія, большинство такъ-называемыхъ либеральныхъ людей въ центральной Италіи все еще ждетъ отъ конгресса исполненія своихъ желаній, никакъ не вразумляясь о ихъ незаконности съ легитимной точки зрѣнія. Вотъ письмо Флорентинскаго корреспондента Times'а, показывающее, какая способность къ самоослѣпленію оставалась въ итальянскихъ либералахъ даже тогда, когда они узнали, что Франція запретила принцу Каравьянскому быть регентомъ.

«Флоренція, нолбріа 14».

«Противъ моего искренняго убѣжденія я послалъ вамъ въ прошлый четвергъ, 10 числа, двѣ строки, содержащія важное извѣстіе, что выборъ принца Каравьянскаго регентомъ будетъ благопріятно принятъ въ Туринѣ. Это извѣстіе было получено мной изъ самаго высшаго officialнаго источника; оно разрушало всѣ доказательства, которыми я въ письмѣ, отправленномъ къ вамъ за минуту передъ этимъ, подтверждалъ свою мысль о невозможности того, чтобы Франція позволила Сардиніи послать регента безъ согласія Франціи. Но я тотчасъ же послалъ къ вамъ по телеграфу радостную вѣсть, довольный тѣмъ, что мои прачиныя соображенія «провагруются officialнымъ образомъ».

Теперь, продолжаясь корреспондентъ, эта officialная увѣренность опровергнута фактами: Сардинія по внушенію Франціи отказалась послать принца Каравьянскаго и полуофициальная Туринская газета Opinione принуждена объявить, что «представлялись этому дѣлу затрудненія, которыхъ нельзя было предусматривать».

«Но, говорятъ корреспондентъ, и Opinione, и Independentе, и Courriere Mercantile довольно откровеннымъ образомъ утверждаютъ, что препятствіе дѣлу, столь благотворному для Италіи, безъ всякаго сомнѣнія не происходитъ отъ Франціи,—они утверждаютъ это, видя подъ глазами Монитёръ, объявляющій, что «должно сожалѣть о рѣшеніи, которымъ собранія центральной Италіи предложили регентство принцу Каравьянскому». Эти несправедливые обольстители общественнаго мнѣнія рѣшились понаблюдать ослабѣть себѣ до конца. Виллафранкскій миръ по ихъ словамъ былъ «не такъ дуренъ» для Италіи; Цюрихскій миръ былъ «лучше Виллафранкскаго»; письмо императора къ Виктору Эммануэлю было «доброежелательной высылкой»; и теперь они говорятъ, что Монитёръ «только сожалѣетъ, но вовсе не протестуетъ». Это только пробоескъ молнія, а не настоящая гроза; они протрутъ глаза, немощно встрепенутся и черезъ минуту ихъ надежда попрежнему свѣжа.

«Въ этомъ вѣчномъ самообольщеніи итальянцевъ нѣтъ ни чувства собственнаго достоинства, ни истиннаго благоразумія. Я не осуждаю бѣднака, который хватается за соломенку. Но 12 милліоновъ народа, имѣющихъ въ полѣ 150,000 солдатъ, съ кородемъ готовымъ исполнить свою обязанность или умереть, и съ мечемъ Гарибальди, не должны были бы вѣчно ждать чужихъ разрѣшеній или запрещеній. Я увѣренъ, что если бы король Сардинскій отважно отказалъ въ согласіи на Виллафранкскія условія, онъ оказался бы свѣтлѣе обоихъ императоровъ, своего друга и своего врага, потому что французскій императоръ все-таки не былъ въ этомъ дѣлѣ всею Франціею, не былъ даже французскою арміею. Я самъ своими глазами видѣлъ, какъ французскіе офицеры въ Миланѣ ложили свои штыги, прочитавъ депешу о Виллафранкскомъ перемиріи.

«Отважность, которая могла бы тогда спасти Піемонта въ Италіи, остается и теперь единственнаго спасеніемъ для Италіи и Піемонта. Богу извѣстно, что дѣлу Виктора-Эммануэля и Италіи все и чаще передъ всѣмъ свѣтомъ. Пусть онъ воскликнетъ: Dieu et mon droit! Итальянцы должны наконецъ понять, что имъ надобно помогать на самихъ себя, и только на самихъ себя. Въ ту минуту, когда они выспугивать съ отвагою передъ лицомъ Европы, Европа будетъ на ихъ сторонѣ. Правда, и Франція, и Англія не будутъ сражаться за нихъ; но ихъ отвага внушитъ къ нимъ симпатію и удивленіе и французской и англійской націи; императоръ французскій увидитъ тогда, что не вселилъ даже во Францію, даже въ ряды своихъ солдатъ. И смотря на свою долгую робость, на свое напрасное дипломатизированье, итальянцы

ниютъ больше друзей, чѣмъ враговъ за Альпами,—друзей въ Англіи и Франціи, друзей въ Германіи и самой Австріи. Пусть они сѣлыми, рѣшительными дѣлами превратятъ въ энтузіазмъ эту благорасположенность къ нимъ. Пусть они вспомнятъ, что сдѣлала Швейцарія встарину, что сдѣлала Греція недавно. Истинная храбрость возбуждаетъ уваженіе и приводитъ къ тому, что приобретаетъ помощь и содѣяніе, которыхъ не ждала и не просила.

Безъ всякаго сомнѣнія итальянцы когда-нибудь убѣдятся въ справедливости размышлений, представляемыхъ этимъ отрывкомъ. Но до сихъ поръ, какъ видно, то большинство людей, въ которыхъ честность соединяется съ недальновидностью, продолжаетъ еще надѣяться не на свои силы, а на чужое добродѣлательство. Иначе не вышелъ бы въ отставку Гарибальди. Когда мы заканчивали прошедшій обзоръ, только-что было получено телеграфическое извѣстіе объ отставкѣ Гарибальди, безъ всякихъ объясненій этого факта. Кажется, легко можно бы намъ сообразить, что этотъ фактъ можетъ имѣть только одинъ смыслъ,—нѣтъ, съ наивною достоинною золотого вѣка,—съ наивною, надъ которою такъ часто смѣемся, мы умудрились видѣть въ немъ признакъ хотя слабой возможности къ осуществленію стремлений, гибель которыхъ такъ ясно предсказывается здравымъ смысломъ. Мы сказали себѣ, быть можетъ Гарибальди увидѣлъ невозможность спасти итальянское дѣло съ людьми, губящими его своимъ легковѣріемъ. Быть можетъ, своимъ выходомъ въ отставку онъ говорить итальянцамъ: выбирайте между ними и между мною, пока я могу еще приготовить васъ къ оборонѣ отъ враговъ. Какая наивность, какое ребячество! Гарибальди просто былъ упрощенъ удалиться, какъ человѣкъ вредный; быть можетъ, онъ и не считалъ себя вреднымъ; но что же было ему дѣлать, когда его увѣрили въ томъ люди, уважать мнѣнія которыхъ онъ имѣлъ слабость. Слѣдующее письмо, переводимое нами по обыкновенію изъ Times'a, объясняетъ начало дѣла.

«Когда война кончилась и услуги Гарибальди стали не нужны Ломбардіи, онъ сталъ искать новаго поля для своего патриотизма и дѣятельности, и нашелъ его въ центральной Италіи, гдѣ съ радостью былъ встрѣченъ въѣзжа, въ томъ числѣ и правительствомъ. Едва стало извѣстно его новое положеніе, какъ молодежь Ломбардіи, Венеціи и итальянскаго Тироля стала сходиться къ его знамени. Альпійскіе стрѣлки послѣдовали за своимъ предводителемъ; изъ 7.000, составившихъ этотъ корпусъ, едва ли 600 или 700 человѣкъ остались въ сардинской службѣ. Да и тѣ стали лишь тѣнью того, чѣмъ были прежде. Нравственное вліяніе изъ прежняго генерала было таково, что онъ обходился безъ наказаній и не было ни одной жалобы на нарушение дисциплины. Съ переходомъ команды въ новую руку, какъ будто встѣнились натура Альпійскихъ стрѣлковъ и стало нужно прибѣгать къ самымъ жестокимъ военнымъ наказаніямъ для сохраненія какого нибудь порядка. Если ли надобно говорить, что піемонтскіе командиры приписывали это печальное дѣло отсутствію дисциплины, въ которомъ стрѣлки привыкли жить при Гарибальдѣ, а для каждаго другаго было очевидно, что бѣда произошла отъ желанія піемонтскихъ командировъ, не имѣвшихъ права на уваженіе своихъ солдатъ, привнѣять неадвѣческія правила, годныя для конскриптовъ, къ отряду волонтеровъ.

«Альпійскіе стрѣлки, послѣдовавшіе за своимъ предводителемъ въ центральную Италію, составили зерно арміи герцогствъ, и около нихъ группировались волонтеры, сходившіеся отовсюду. Такимъ образомъ армія герцогствъ была, можно сказать, арміею Гарибальди, а онъ самъ центромъ народныхъ озацій и симпатій. Это было слѣдствіемъ самой сущности дѣла, а не происковъ Гарибальди: даже противники его сознаются, что ни въ комъ нѣтъ такъ мало охоты блястать, какъ въ немъ. Естественно было, что правительства центральной Италіи, столь захватчельными своею благонастроенною

важностью, стали недовольны такимъ нравственнымъ превосходствомъ, совершенно затѣвавшимъ ихъ. Они не могли признаваться въ своемъ чувствѣ, въ положеніе было для нихъ чрезвычайно непріятное. Чтобы избавиться отъ своей досады, они задумали выпросить организаторовъ для арміи изъ Піемонта. Предлогомъ было, что новый главнокомандующій будетъ новымъ звеномъ связи съ Піемонтомъ, и промѣ того будетъ помощникомъ для Гарибальди, о которомъ они распространяли слухъ, что при всѣхъ своихъ блестящихъ качествахъ онъ «вовсе не администраторъ»; но особенно распространяли слухъ, что необходимость новаго назначенія производится наклонностью Гарибальди поднять въ южной Италіи возстаніе, которое имѣетъ компрометировать центральную Италію и привести къ вооруженному вмешательству.

«Гарибальди, всегда готовый приносить свое личное положеніе въ жертву для общаго дѣла, согласился на эту уступку и неуверенно подтвердить своимъ молчаніемъ мысль, будто бы передача главной команды генералу Фанти была его собственнымъ желаніемъ. Вначалѣ не было особенныхъ столкновеній, но скоро оказалось, что фальшиваго положенія нельзя исправить приданіемъ ему еще большей фальшивости. Армія герцогства, состоявшая изъ волонтеровъ, было учрежденіе народное, требовавшее не такого характера команды, какъ армія, составленная изъ конскритовъ. Генералъ Фанти, служившій послѣдніе десять лѣтъ въ Піемонтѣ, такъ пропитанъ духомъ піемонтской военной организаціи, что повидному не имѣлъ этой разницы. Дѣло состояло въ томъ, чтобы пользоваться всѣми пригодными матеріалами для быстрого составленія національнаго войска, а не въ томъ, чтобы соблюдать педагогическія правила, замедлявшія формированіе новыхъ силъ. Прямѣ говоря, Фанти совершенно пренебрегалъ важными элементами, который въ подобныхъ случаяхъ долженъ вознаграждать недостаточность другой условій. Этотъ элементъ—народный энтузіазмъ; надобно было организовать его, а не подавлять формальностями похвальной рутинъ. Когда приехали волонтеры со всѣхъ сторонъ, ихъ не спрашивали о томъ, не нужно ли ихъ покормить, если у нихъ на ногахъ сапоги,—ихъ просто ставили подъ мѣрку, и если она не подходила подъ нее, ихъ говорили, что они не могутъ быть приняты. Спрашивали, сколько имъ лѣтъ, и если волонтеру было 17 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, вѣсто продолжали 18 лѣтъ, ему говорили, что онъ не годится, и можетъ идти куда ему угодно. Организатору не было дѣла до того, что волонтеръ пришелъ издалека и не можетъ возвратиться на родину; не было организатору дѣла и до того, что черезъ три мѣсяца волонтеру исполнялось бы 18 лѣтъ; не думалъ онъ и того, чтобы человѣкъ могъ стать хорошимъ солдатомъ, хотя имѣетъ роста только 5 футовъ 4 1/2 дюйма, вѣсто 5 футовъ 5 дюймовъ.

«Гарибальди, не бывшій десять лѣтъ піемонтскимъ генераломъ, натурально смотрѣлъ на дѣло иначе и всячески старался прекратить это педанство: его усилія были напрасны, потому что упорность организатора въ педантизмѣ укрѣплялась побужденіями самолюбія. По имени, Гарибальди былъ вторымъ въ командѣ, во въ сущности сохранялъ преобладаніе надъ ними. По обыкновенію, нашлись люди постаравшіеся раздуть несогласіе и нуженъ былъ только поводъ къ произведенію кризиса. Поводъ былъ поданъ обмѣненіемъ романьольской арміи съ папскою, приближившеюся къ границамъ. Есть въ центральной Италіи невольнтанскіе офицеры, сильно недооцѣваемые въ обществѣ съ тайными французскими агентами. Эти люди почти всѣ были зачислены въ замковы поратистовъ. Они заслужили расположеніе правительства центральной Италіи, всего болѣе тѣмъ, что стали въ оппозицію съ Гарибальди. Самого Гарибальди предполагали находившіяся въ сношеніяхъ съ республиканскою партіею.

«Когда папскія и національныя войска сошлись близко, былъ составленъ планъ, чтобы Гарибальди посадить нѣсколько человѣкъ на мелкія суда и сдѣлалъ высадку въ Анконѣ, гдѣ должно было произойти возстаніе. Французское правительство, узнавъ объ этомъ планѣ, прозвало занять Болонню, если произойдетъ что нибудь подобное. Планъ былъ оставленъ; французскому правительству и всей Европѣ было говорено, что это застрѣніе принадлежало Гарибальди, что онъ по внушенію республиканцевъ хотѣлъ поднять возстаніе въ южной Италіи. Но въ положительнѣйшимъ образомъ говорю вамъ, что эта мысль происходила не отъ Гарибальди, а отъ правительства центральной Италіи; когда они увидѣли неудовольствіе Франціи, они свалили этотъ замыселъ на

Гарибальди. Факты были искажены и онъ былъ выставленъ человѣкомъ, желающимъ смуты. Къ нему обратились съ требованіемъ, чтобы онъ не начиналъ военныхъ дѣйствій, и онъ далъ честное слово не дѣлать ничего для поднятія возстанія въ южной Италіи; но къ тому же времени объявилъ, что не будетъ подражать генералу Менцакапо, который стоялъ съ своими войсками неподвижно, когда Кавьернаттенъ рѣзалъ людей въ Перуджѣ».

Мы видимъ, какія причины заставляли правительства центральной Италіи дѣлать Гарибальди неирятыости, понуждавшія его выйти въ отставку: мелкая зависть посредственныхъ людей къ человѣку, затмѣвавшему ихъ своею популярностью; досада педантовъ на правителя, желающаго мѣръ сообразныхъ съ обстоятельствами: всегдашняя ненависть умѣренныхъ людей къ человѣку подозрѣваемому въ образѣ мыслей болѣе опредѣлительныхъ. Для Сардинскаго правительства Гарибальди былъ помѣхою въ другомъ отношеніи. Онъ былъ непріятель для Франціи, которая находила, что онъ готовитъ для центральной Италіи средства воспротивиться ея намѣренію. Она говорила Сардиніи, что не можетъ довѣрять ей, пока она не разорветъ своихъ двусмысленныхъ отношеній къ людямъ непокорнымъ французской политикѣ, но употребитъ своего вліянія для удаленія Гарибальди, служащаго опорой такимъ людямъ. Это фактъ очевидный. Но очень правдоподобно, что сардинское правительство, и помимо требованій Франціи, имѣло свои собственные причины желать удаленія популярнаго генерала. Когда послѣ несчастнаго дѣла о регентствѣ обнаружилось, что Сардинія не рѣшается соединить свое дѣло съ дѣломъ центральной Италіи, патріоты стали думать, что должны избрать какого нибудь другаго общаго правителя, если Сардинская династія отказывается отъ этого положенія. Разумѣется, уму всѣхъ представилось имя Гарибальди. Не только въ центральной Италіи, но и во всей Европѣ явилась эта мысль у людей желавшихъ добра возставшимъ областямъ. Лордъ Элленборо напечаталъ письмо, въ которомъ совѣтовалъ Тосканѣ, Романѣ и герцогствамъ передать Гарибальди верховную власть, отвергнутую Викторомъ-Эммануэлемъ и принцемъ Кариньянскимъ. Times, служащая органомъ для мнѣній, господствующихъ въ англійской публикѣ, повторила этотъ совѣтъ. „Если Наполеонъ III, говорила она, не позволяетъ центральной Италіи имѣть правителемъ Виктора-Эммануэля или принца Кариньянскаго, то еще нельзя быть увѣреннымъ, что она будетъ приведена къ согласію на возвращеніе Австрійскихъ эрцгерцоговъ. Быть можетъ она подумаетъ наконецъ о томъ, вѣтъ-ли между сынами ея человѣка ваменгтоновской заални и обратить свои взоры на Гарибальди“. Легко представить себѣ, какія чувства пробуждались въ сардинскихъ дипломатахъ такою мыслью. Они все еще надѣются, что если центральная Италія и не будетъ присоединена къ Піэмонту милостью императора французовъ, то конгрессъ согласится образовать изъ нея королевство, владѣтель котораго будетъ въ родственныхъ отношеніяхъ къ Сардинскому королю и которое черезъ нѣсколько времени перейдетъ къ Сардиніи по праву династическаго наслѣдства. Она льстятъ себя мыслью, что королевство это можетъ получить принцъ Кариньянскій въ награду за почтительность къ Франціи и къ Европейскому конгрессу; а если вѣтъ, то остается принцъ Наполеонъ, зять Виктора-Эммануэля: навѣрно, что назначить его королемъ центральной Италіи было бы пріятно императору французовъ. Но если бы власть надъ центральной Италіей перешла къ Гари-

бальди, эти надежды сильно страдали бы. Очень может быть, что жители центральной Италиі не захотѣли бы мѣнять такого президента или диктатора ни на принца Кариньянскаго, ни на принца Наполеона, и Сардинская династія осталась бы въ проигрышѣ. Предположеніе, что сардинскіе политики могли желать отставки Гарибальди по этому разсчету, только наша догадка; но читатель согласится, что оно очень правдоподобно. Какъ бы то ни было, были ли настоянія центрально-итальянскихъ правительствъ и требованія Франціи единственными причинами, по которымъ сардинское министерство хотѣло удалить Гарибальди, или къ этимъ побужденіямъ присоединился въ Туринѣ и собственный разсчетъ, но достовѣрно то, что сардинскій кабинетъ рѣшился избавиться отъ Гарибальди. Орудіемъ въ этомъ дѣлѣ былъ избранъ Витторъ-Эммануэль, къ которому Гарибальди чувствуетъ личную пріязнь за его храбрость и за его честность, съ которой онъ, подобно самому Гарибальди, готовъ пожертвовать жизнью для уничтоженія иностраннаго господства надъ Италіей. По всемъ извѣстіямъ надобно думать, что Викторъ-Эммануэль дѣйствительно человѣкъ очень noctенный; но онъ не беретъ на себя рѣшенія политическихъ вопросовъ и слушаетъ во всемъ совѣта государственныхъ людей, составляющихъ его кабинетъ: онъ полагаетъ, что они знаютъ дѣла лучше, нежели онъ. Гарибальди былъ приглашенъ въ Туринъ и король, слѣдуя желанію своихъ министровъ, просилъ его удалиться изъ центральной Италиі для блага общаго дѣла, ходъ котораго затрудняется присутствіемъ генерала, внушающаго недобрыя императору французскому и европейскимъ дипломатамъ.

Съ удаленіемъ Гарибальди не только прекратилось развитіе военныхъ силъ въ центральной Италиі, но и существующее войско стало разстраиваться. Много разъ только личное вліяніе Гарибальди успокаивало волонтеровъ, поставленныхъ въ нелѣпое положеніе жить въ лагерѣ безъ всякаго дѣла. Теперь случаи нарушенія дисциплины станутъ серьезны, и мы не замедлимъ услышать о разстрѣливаніи непокорныхъ генералу Фанти. Нѣсколько человѣкъ уже разстрѣляно. Такія отношенія не могутъ превлекать новыхъ волонтеровъ. Говорятъ, что и старые обваруживаютъ желаніе разойтись; но оставшіеся начальство успокаиваетъ итальянцевъ тѣмъ фактомъ, что съ волонтеровъ при поступленіи было взято обязательство прослужить не менѣе полутора года, и кто уйдетъ изъ лагеря раньше этого срока, будетъ разстрѣлянъ, какъ дезертиръ. Зная причины, по которымъ Гарибальди ссорился съ Фанти, можно предвидѣть, много-ли даренныхъ офицеравъ останутся въ арміи или сохранять свое вліяніе, лишившись главной опоры, которая защищала армію отъ плащ-парадной формалистики. Гарибальди убѣждалъ своихъ сподвижниковъ не удалиться вслѣдъ за нимъ; они сами хотѣли продолжать служить пока могутъ. Но вотъ мы уже читаемъ, что нѣкоторые изъ нихъ выходятъ въ отставку, объявляя, что невозможно служить при новымъ порядкахъ, возникшихъ первѣсь по удаленіи Гарибальди.

Повторяемъ то, что говорили уже нѣсколько разъ: при появленіи явной опасности народный духъ въ центральной Италиі оживится, и когда погибель (будетъ неизбежна, явится энтузіазмъ, и даровитые люди поведутъ героическую ирратъ въ безнадежной борьбѣ. Но время идетъ, а все не принимается надлежащихъ мѣръ къ тому, чтобы доставить патріотамъ средства начать

борьбу съ какими нибудь шансами успѣха, когда она станетъ невозбѣжной. Напротивъ съ каждымъ мѣсяцемъ производятся перемѣны, ведущія къ разслабленію и тѣхъ приготовленій, какія существовали. Исполненіе рѣшеній конгресса облегчается съ каждымъ мѣсяцемъ правителями самой Сардиніи и центральной Италіи. Отставка Гарибальди важнѣйшій изъ этихъ фактовъ. Назначеніе Буонкампањи общимъ правителемъ центральной Италіи должно производить дѣйствіе въ томъ же смыслѣ.

Мы уже говорили, что Буонкампањи, человекъ очень почтенный, до сихъ поръ выказывалъ себя не имѣющимъ ни распорядительности, ни энергіи. Судя по всему, что онъ дѣлалъ прежде въ Тосканѣ, въ время войны, надобно думать, что онъ неспособенъ дѣлать ничего, что нужно дѣлать правителю въ трудныхъ обстоятельствахъ. Безхарактерность и неспособность вновь выказалась имъ уже при дѣлѣ о его новомъ назначеніи. Зачѣмъ онъ ѣдетъ въ центральную Италію, какую власть будетъ имѣть въ ней?— Онъ будетъ общимъ правителемъ; но частные правители, Риказоли въ Тосканѣ, Фарини въ Романѣ и въ герцогствахъ, сохраняютъ свою власть. Такимъ образомъ Буонкампањи будетъ представлять собою только лишнюю правительственную инстанцію, которая можетъ только мѣшать и задерживать, но не можетъ ничего дѣлать. Его назначеніе производить одинъ результатъ: оно усложняетъ и запутываетъ существовавшія отношенія. Тосканскій правитель Риказоли долго не хотѣлъ признавать этой новой власти; послѣ переговоровъ, на мало разъяснившихъ дѣла, онъ уступилъ. Могъ ли человекъ съ характеромъ принять положеніе, которымъ явно недоволенъ одинъ изъ двухъ людей, называющихся прямыми помощниками общаго правителя? По всей вѣроятности Буонкампањи будетъ служить, противъ собственныхъ намѣреній, лучшимъ орудіемъ для приведенія центральной Италіи къ тому порядку дѣлъ, который рѣшатъ ввести въ нее Франція и конгрессъ.

Роль Франціи на конгрессѣ достаточно опредѣлена всѣми официальными объявленіями французскаго правительства и характеромъ его дѣйствій на цюрихскихъ конференціяхъ. Чтобы напомнить читателю объ отношеніяхъ Франціи къ австрійской и сардинской политикѣ со времени Виллафранкскаго перемирія, мы приведемъ изъ Times'a письмо о французской политикѣ на цюрихскихъ конференціяхъ.

«Ходитъ много разсказовъ о статьяхъ трактата, невыгодныхъ для Сардиніи. Передаю вамъ нѣкоторые изъ нихъ. Не ругаясь за каждую подробность, могу васъ увѣрить, что главныя черты ихъ справедливы.

«Во первыхъ, назначеніе г. де-Буркене уполномоченнымъ само по себѣ считалось уже признакомъ намѣренія императора Наполеона благоприятствовать Австріи на цюрихскихъ конференціяхъ. Де-Буркене извѣстенъ своими австрійскими симпатіями; сильныя выраженія пріянца Наполеона противъ ультра-австрійскихъ стремленій французскаго уполномоченнаго приводятся въ доказательство, что правительство, его назвавшее, хорошо знало направленіе человека, которому поручало власть надъ переговорами. По всеобщимъ разсказамъ, де-Буркене вполне оправдалъ свою репутацію австрійскаго приверженца и на всѣхъ совѣщаніяхъ защищалъ интересы Австріи съ такою твердостью, какъ будто былъ австрійскимъ уполномоченнымъ; говорятъ, что сардинскій уполномоченный встрѣчалъ въ немъ едва ли не болѣе сопротивленія, чѣмъ въ австрійскомъ».

«Переговоры о Пескьерѣ приводятся, какъ поразительное доказательство тому; ихъ излагаютъ въ слѣдующемъ видѣ: когда начались споры о томъ, какъ вести

долженъ быть районъ, принадлежащій къ крѣпости по Виллафранкскому условію, сардинскій уполномоченный предлагалъ опредѣлить его въ 1,200 метровъ, — радиусъ соответствующій дальности вѣрнаго выстрѣла изъ 24-хъ фунтовой осадной пушки. Австрійскій уполномоченный отвѣчалъ требованіемъ радиуса въ 5,000 метровъ, говоря, что такова дальность выстрѣла изъ военой нартзаной пушки, которая теперь должна считаться основаніемъ для разрѣшенія такихъ вопросовъ. Съ общаго согласія было положено выбрать какого нибудь генерала, пользующагося авторитетомъ, чтобы онъ, какъ третейскій судья, опредѣлилъ истинный смыслъ термина «районъ крѣпости». Согласившись выбрать маршала Вальена, извѣстнаго знатока артиллерійской части, составляющей его спеціальность. Нельзя было опасаться, что онъ будетъ пристрастенъ въ пользу итальянцевъ: извѣстно, что онъ былъ противъ итальянской войны и его нерасположеніе заниматься преговорами къ ней заставило императора уволить его отъ должности военнаго министра. Маршалъ отвѣчалъ, что подъ райономъ крѣпости понимается гласисъ и такъ называемая «servitude militaire» крѣпости, то есть чистое мѣсто, оставляемое вокругъ нея. Ширина этого мѣста обыкновенно принимается въ 500 или 600 метровъ. Такимъ образомъ, рѣшеніе посредника на половину сокращало районъ, предлагаемый Піемонтомъ. Обѣ стороны предварительно согласились подчиняться рѣшенію посредника и положеніе Сардиніи становилось выгодноѣ, чѣмъ сама она ожидала. Французскій уполномоченный поносъ Австріи, предлагая районъ въ 3,500 метровъ, и Сардинія принуждена была уступить. Если бы районъ былъ принятъ въ нѣсколько сотъ метровъ, холмы окружающіе Пекьеру остались бы за Сардиніею, и Пекьеря осталась бы, какъ теперь, маленькою, слабою крѣпостію, надъ которой съ трехъ сторонъ господствуютъ непринадлежащія ей высоты. Но если эти высоты принадлежатъ Австріи, она можетъ обратить Пекьеру въ обширный укрѣпленный нагоръ, владѣющій надъ Ломбардской долиной. Районъ въ 3,500 метровъ, уступленный австрійцамъ, обнищаетъ въ эти высоты и, благодаря тому, Пекьеря остается плацъ-дармомъ, изъ котораго австрійцы могутъ дебушировать въ Ломбардію.

«Жалуются также на рѣшеніе денежнаго вопроса. 40 милліоновъ флоринтовъ, прибавленныхъ къ собственно Ломбардскому долгу и уплачиваемыхъ теперь Австріи Піемонтомъ, даны Австріи дружбою г. де-Вуркене.

«Я думаю, что слухи, приписывающіе такое сильное вліяніе мыслямъ этого дипломата, преувеличены. Я вѣрю, что г. де-Вуркене любитъ австрійцевъ больше, чѣмъ сардинцевъ: такое настроеніе мыслей не рѣдкость между французскими государственными людьми. Но я не думаю, чтобы императоръ французскій оставлялъ своего уполномоченнаго безъ очень точныхъ указаній по каждому случаю.

«Теперь называютъ слѣдствіемъ ошибки то, что по Виллафранкскимъ условіямъ были оставлены за Австріей три округа Мантуанской провинціи, лежащіе на правомъ берегу По. Но императоръ, который провелъ много лѣтъ своей жизни въ Италіи долженъ былъ очень хорошо знать, что Воргофорте, Гонзаго и Сериде лежатъ на правомъ берегу По: тѣмъ удивительнѣе было бы ему не знать положенія этихъ мѣстностей, что они находятся близъ Мантуи, осаждать которую готовились французы. «Ошибки», по которой эти округа на правомъ берегу По были оставлены за австрійцами, даетъ Австріи на По и на Минчию просторъ наступать на Ломбардію».

Хорошимъ указаніемъ на то, каковы будутъ рѣшенія конгресса, надобно также считать выборъ перваго уполномоченнаго, котораго будетъ имѣть на немъ Англія. Читатель знаетъ, что составленіе конгресса замедлялось больше всего разногласіемъ между Франціею и Англіею во взглядѣ на права конгресса отнрительно жителей центральной Италіи. Англія говорила, что державы, составляющія конгрессъ, однимъ изъ основаній для его совѣщаній должны признать право итальянцевъ располагать своею политическою судьбою, какъ имъ самимъ угодно. Франція говорила, что признать за ними этого права нельзя, что конгрессъ можетъ опредѣлить ихъ судьбу по своимъ соображеніямъ, не стѣсняясь тѣмъ, согласны или нѣтъ эти соображенія съ же-

ланием самих итальянцев. Какъ и чѣмъ кончилось это разногласіе по формѣ, мы не умѣемъ сказать: подлинныя документы еще не обнародованы; но каковы бы ни были выраженія, на которыхъ Англія согласилась съ Франціей по спорному вопросу, и было ли устроено соглашеніе въ немъ, это все равно, потому что сущность дѣла хорошо видна изъ фактовъ. Она показываетъ, что Англія отказалась отъ мысли привести конгрессъ къ принятію своего воззрѣнія, и что конгрессъ удерживаетъ за собою право руководиться своими собственными соображеніями, а не намѣреніями жителей центральной Італіи. Такой характеръ дѣла обнаруживается, во-первыхъ, тѣмъ, что передъ самымъ временемъ когда англійское министерство согласилось на участіе въ конгрессѣ, англійскія газеты говорили, что Англія не должна въ немъ участвовать; изъ этого видимъ, что англійское министерство не имѣло тогда возможности провести свой взглядъ. Когда Англія объявила, что участвуетъ въ конгрессѣ, англійскія газеты стали требовать, чтобы уполномоченнымъ поѣхалъ лордъ Пальмерстонъ, пользующійся репутаціею самаго искуснаго дипломата; тогда мы будемъ знать, говорили онъ, что если онъ будетъ принужденъ удалиться изъ конгресса по несогласію съ его направленіемъ, то уже дѣйствительно никакое дипломатическое искусство не могло придать дѣлу другого оборота и охранить Італію отъ вооруженнаго вмѣшательства. Но министерство назначило первымъ уполномоченнымъ не Пальмерстона и не лорда Джона Росселя, министра иностранныхъ дѣлъ, и даже не лорда Кларендова, который послѣ нихъ пользуется наибольшимъ значеніемъ въ иностранной политикѣ, а только лорда Коули, англійскаго посланника въ Парижѣ, дипломата второстепеннаго. Официально приводились благовидныя объясненія такому выбору: лордъ Пальмерстонъ — первый министръ, а до сихъ поръ не бывало примѣровъ, чтобы первый министръ уѣзжалъ за границу; лордъ Россель занятъ приготовленіемъ билля о парламентской реформѣ, долженъ внести его въ парламентъ и защищать въ то самое время, когда соберется конгрессъ. Однако даже въ официальныхъ объясненіяхъ есть намекъ на дѣйствительную причину неудобства посылать въ Парижъ одного изъ главныхъ государственныхъ людей: лордъ Россель, говорятъ полуофициальныя англійскія газеты, выражалъ свое мнѣніе о правѣ итальянцевъ независимо располагать своею судьбою, съ такою рѣзкостью, которая дѣлала бы неловкимъ его положеніе на конгрессѣ. Но всѣмъ въ Лондонѣ извѣстно, что было у министерства и другое соображеніе, которое еще прямѣе обнаруживаетъ, что Англія отказалась отъ надежды удержать конгрессъ отъ дипломатическаго распоряженія участіемъ центральной Італіи. Министерство руководилось желаніемъ произвести какъ можно моньше напраснаго шума въ случаѣ удаленія Англіи изъ совѣщаній конгресса, и желаніемъ по возможности ослабить дипломатическую важность самаго конгресса. Величественность его болѣе всего зависитъ отъ того, какъ смотреть на него Англія, потому что она одна изъ великихъ державъ открыто расходится въ итальянскомъ дѣлѣ съ Франціей, такъ что конгрессъ устраивается, можно сказать, собственно для нея. Назначая своимъ уполномоченнымъ такого второстепеннаго дипломата, какъ лордъ Коули, она показываетъ, что не придаетъ конгрессу высокой важности и низводитъ его почти до степени простыхъ конференцій. Кромѣ того лордъ Коули постоянно живетъ въ Парижѣ,

гдѣ долженъ происходить конгрессъ, потому Англія можетъ говорить, что присутствіе его на конгрессѣ вовсе не свидѣтельствуеетъ о томъ, чтобы она сколько нибудь интересовалась конгрессомъ; ея уполномоченный, какъ будто просто дѣлаетъ визиты своимъ товарищамъ по дипломатическому корпусу, когда является въ ихъ собраніе, а когда онъ перестанетъ участвовать въ конгрессѣ, это просто будетъ имѣть такой видъ, какъ будто онъ случайнымъ образомъ не имѣлъ времени или охоты продолжать визиты, которые дѣлалъ прежде, имѣя больше досуга. Словомъ сказать, назначеніе лорда Коули первымъ уполномоченнымъ имѣло тотъ характеръ, что Англія хочетъ принимать въ конгрессѣ наименьшее возможное участіе и придавать ему наименьшее возможное значеніе. Конечно, она прибѣгла къ этой системѣ только потому, что не имѣетъ никакой надежды провести на немъ свой взглядъ. Дѣйствительно, до начала совѣщаній конгресса еще далеко, а намъ объясняютъ, что онъ не только намѣренъ располагать судьбою Италіи по своему усмотрѣнію, но и почтетъ себя имѣющимъ право исполнять свои рѣшенія посредствомъ вооруженнаго вмѣшательства.

Впрочемъ не надобно сомнѣваться въ томъ, что онъ будетъ рекомендовать итальянскимъ правительствамъ проведеніе тѣхъ благотворныхъ реформъ, которыя будутъ согласны съ сохраненіемъ власти законныхъ правительствъ. Стѣснять правительства въ этомъ случаѣ, конечно, было бы нарушеніемъ должнаго уваженія къ нимъ, и исполненіе совѣтовъ будетъ предстательно рѣшенію ихъ собственной просвѣщенности и заботливости о благѣ подданныхъ. Къ сожалѣнію, часто оказывается въ подобныхъ случаяхъ, что самыя дружественныя иностранныя правительства не могутъ обсуживать положенія дѣлъ въ государствѣ, къ которому относятся ихъ совѣты, такъ хорошо, какъ правительство, получающее совѣты. Оно часто принуждено бываетъ отвѣчать совѣтникамъ, что предполагаемая ими надобность въ реформахъ не существуетъ, или предлагаемая реформа не сообразна съ благотворными принципами, которыхъ оно держится. Въ настоящемъ случаѣ совѣты будутъ обращены къ Неаполитанскому, а главнымъ образомъ, къ Римскому правительству. Римское правительство уже заранѣе объяснилось передъ Европою объ этомъ дѣлѣ. Валуевскій, министръ иностранныхъ дѣлъ во Франціи, написалъ циркуляръ къ французскимъ посламъ при иностранныхъ дворахъ, излагая совѣты, которые вотъ уже 11 лѣтъ даетъ французское правительство наполеону и вторые, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ повторены конгрессомъ. Изъ этого возникли слухи, что Римское правительство рѣшилось произвести требуемыя Франціею реформы. Тогда въ официальной римской газетѣ явилось краткое извѣщеніе о неосновательности такихъ слуховъ, а во французской газетѣ „l'Univers“, служащей органомъ римскаго двора, была напечатана статья, замѣчательная по своей откровенности. Мы приводимъ переводъ ея, потому что правдивость вообще намъ нравится, хотя бы содержаніе правдивыхъ объясненій и не соответствовало нашимъ понятіямъ.

«Ничто не можетъ (говоритъ l'Univers) внушить вѣрующимъ столь живаго порыва любви къ святѣйшему отцу, какъ мысль о скорби, которая должна была обнять его при чтеніи циркуляра г. министра иностранныхъ дѣлъ, отъ 5 ноября, къ французскимъ дипломатическимъ агентамъ. Всѣ европейскія газеты перепечатали этотъ актъ,

который, говоря о реформах, предположенных святейшим отцомъ къ дарованію его подданнымъ *въ удобное время*, прибавляетъ, что эти реформы «будутъ имѣть слѣдствіемъ предоставленіе жителямъ *свѣтскаго управленія*, дарованіе имъ гарантій *лучшаго правосудія и контроля надъ финансовымъ управленіемъ* посредствомъ избирательнаго собранія.» Жесткость этой фразы поразила всѣхъ.

«Можно было бы написать, что есть въ городахъ римскаго государства небольшое число адвокатовъ, мелкихъ купцовъ, лекарей, лавочниковъ и праздношатающихся, которые требуютъ не *лучшихъ*, но болѣе сообразныхъ съ учрежденіями другихъ странъ или мечтани этого и нынѣшства, учреждений, въ администраціи, вѣстціи и финансовомъ управленіи; но прилично ли и полезно ли было напередъ говорить, что учрежденія, еще не существующія, будутъ *лучше* существующихъ и подвергать такимъ образомъ святейшаго отца упреку столь суровому, столь прямому, столь незаслуженному?

«Католики думаютъ, что духовныя лица всегда судили, судятъ и будутъ судить справедливо, несли суждѣніи, судятъ и когда либо будутъ судить ихъ свѣтъ.

«Говоря о реформахъ, которыя должны быть введены въ управленіе святейшаго отца, обыкновенно провозносятъ слова: Наполеоновскій кодексъ, свѣтская администрація и проч. Я не буду входить въ подробности о томъ, какія измѣненія возможны въ настоящее управленіе; все возможное рѣшено сдѣлать. Но я говорю, что Наполеоновскій кодексъ написанъ въ духѣ совершенно противоположнаго сущности римскаго управленія, написать для системы правовъ, идей, потребностей диаметрально противоположныхъ ему. Управленіе святейшаго отца есть управленіе особеннаго рода. Не уничтожившись, оно не можетъ быть согласено съ условіями французскаго гражданскаго кодекса.

«Принципы французскихъ законовъ, объявляющихъ католическую религію не государственною религіею, а только религіею большинства французовъ, провозглашающихъ свободу другихъ исповѣданій, объявляющихъ бракъ гражданскимъ учрежденіемъ, не могутъ быть прихвачены къ Риму. Высокопреосвященнѣйшіе кардиналы Варзано, Марини, Автоцелли, Бофонди и Мертель, которыми святейшій отецъ ардевателію поручилъ положить основаніе общей кодификаціи гражданскихъ законовъ, соединяютъ съ общирнѣйшими юридическими знаніями возвышеннѣйшее чувство христіанскаго достоинства, и потому тщательно сохраняютъ всѣ элементы, насажденные въ римскихъ нравахъ мудростью католической державы. Неужели необходимо для блага народа, чтобы они были подчинены уровню одинаковыхъ законовъ, и красота ихъ совокупности развѣ не происходитъ отъ различія въ ихъ обычаяхъ?

«Что касается секуляризаціи, она никогда не можетъ достигъ до совершеннаго уничтоженія духовнаго элемента въ управленіи, какъ требуютъ реформаторы. Духовному элементу принадлежитъ престолъ въ Римѣ. Его двойственная власть раздѣляется на двѣ части только въ отвлеченной теоріи; на фактѣ обѣ части составляютъ одно. Это тоже самое, какъ въ обыкновенномъ королѣ не могутъ быть раздѣлены власть гражданская и власть военная. Въ 1856 году число чиновниковъ духовнаго званія было 124, а свѣтскихъ 6,854. Въ послѣдніе три года эта цифра, 124, еще уменьшилась; въ удобное время она будетъ еще уменьшена. Можно ли не понимать вѣнчанаго людей, утверждающихъ, что этимъ нельзя удовольствоваться?»

Римскій дворъ обвиняютъ въ коварствѣ. Намъ кажется, что послѣ подобнаго объясненія съ его стороны, говорить о его недобросовѣстности значить только показывать свое неумѣнье отрѣшиться отъ собственныхъ самообмановъ. По нашему мнѣнію, въ итальянскомъ вопросѣ, — и Франція, и Австрія, и Римъ, и Неаполь нимало не скрывали своихъ наміреній, и кому угодно будетъ находить, что развязка дѣла, — когда дѣло развяжется, — окажется несоответственной его ожиданіямъ, тотъ самъ обманывалъ себя, а не былъ обманутъ другими.

Мы скажемъ это не только объ итальянскомъ вопросѣ, но также и объ австрійскихъ дѣлахъ, которыми довольно сильно интересовалась Европа въ

последніе два мѣсяца. Такъ называемые просвѣщенные и благонамѣренные люди въ западной Европѣ въ одинъ голосъ твердятъ теперь, что Австрія очень скоро должна подвергнуться коренному преобразованію, которое произойдетъ путемъ неправильнымъ, если австрійское правительство не поспѣшитъ произвести его путемъ законнымъ. Намъ кажется, что такое мнѣніе ошибочно.

Многочисленные друзья, которыхъ имѣетъ у насъ Австрія, очень смущены извѣстіемъ, будто бы этому примѣрному государству угрожаетъ распаденіе. Газеты наполнены предвѣщаніями очень тревожными для австромановъ: онѣ увѣряютъ, что во всѣхъ провинціяхъ имперіи владычествуетъ недовольство, что Венгрія не-нынѣ-завтра возстанетъ, что даже Тироль, до сихъ поръ столь вѣрный, ропщетъ, что сама Вѣна стала неприязненна. Все это было бы еще не такъ важно съ австрійской точки зрѣнія, если бы въ казѣ были деньги: тогда было бы можно набрать побольше войска и усмирять непокорныхъ; но главная бѣда въ томъ, что денегъ не хватаетъ даже на содержаніе войска, и говорить, будто бы неоткуда достать ихъ, потому что кредитъ Австріи совершенно упалъ. При всемъ нашемъ пристрастіи къ прекрасному австрійскому порядку мы не будемъ скрывать отъ читателя этихъ прискорбныхъ фактовъ, но смѣло скажемъ въ свое утѣшеніе, что порицатели Австріи напрасно выводятъ изъ нихъ убійственное для нашихъ чувствъ заключеніе, будто бы Австрія въ самомъ дѣлѣ угрожаетъ паденію. Мы не видимъ, какое основаніе имѣютъ они для столь зловѣщаго предвѣщанія. Во всѣхъ провинціяхъ имперіи владычествуетъ неудовольствіе,—но что жъ тутъ необыкновеннаго? Оно повсюду владычествовало въ Австріи съ давнихъ поръ. Денегъ нѣтъ? государству грозитъ банкротство?—И это не новость. Денегъ никогда не было у австрійскаго правительства, банкротству подвергалось оно нѣсколько разъ и все-таки, какъ видимъ, продолжаетъ себѣ существовать наперекоръ всеобщему неудовольствію и собственному безденежью. Вотъ что одинъ изъ русскихъ дипломатовъ писалъ объ Австріи еще въ началѣ нынѣшняго вѣка, незадолго передъ войною 1805 года: „Съ перваго же взгляда видно, что австрійская имперія совершенно распадается: министры ея бездарны, финансы находятся въ величайшей запутанности, армія лишена всякаго довѣрія къ своимъ генераламъ и офицерамъ, потому и къ себѣ самой. Аристократы необразованы, не имѣютъ никакой благородной мысли, никакой нравственной силы. Талантливыхъ людей совершенно нѣтъ.“ Можно было бы привести много такихъ отзывовъ объ Австріи, сдѣланныхъ въ тридцать, пятьдесятъ и, если угодно, сто лѣтъ тому назадъ. Австрія всегда казалась умирающею, готовою разрушиться, однако же просуществовала до сихъ поръ, и нѣтъ причинъ ей не пережить еще много и много лѣтъ, несмотря на всѣ признаки скорой смерти. Мы послѣ изложимъ соображенія, внушающія намъ эту отрадную надежду, а теперь перечислимъ факты, повидимому, противорѣчащіе ей. Мы не ждемъ отъ нихъ скорого паденія Австріи, и они интересны для насъ только въ томъ отношеніи, что нынѣшніе газетные толки и нихъ представляютъ довольно забавный контрастъ съ довѣріемъ, какое годъ тому назадъ имѣли жъ самыя газеты къ австрійскому самохвальству о благодѣтельныхъ реформахъ, будто бы произведенныхъ австрійскимъ правительствомъ послѣ 1849 года.

Мы начнемъ именно съ этого самохвальства. Благодаря отчасти славя-

пофиламъ, отчасти людямъ, которые интересуются судьбою славянскихъ племенъ не будучи славянофилами, наша публика знала объ австрійскомъ деспотизмѣ въ славянскихъ областяхъ; притомъ разныя политическія столкновенія по турецкимъ и другимъ дѣламъ приучали насъ смотрѣть на Австрію, какъ на недоброжелательницу Россіи, потому австрійское самохвальство находило въ насъ меньше готовности вѣрить, чѣмъ въ западныхъ народахъ. Но и у насъ до итальянской войны постоянно говорили о финансовой мудрости знаменитаго Брука, о быстромъ развитіи промышленныхъ и всякихъ другихъ силъ Австріи, благодаря мудрой политикѣ правительства. Въ Западной Европѣ всему этому вѣрили больше насъ, и австрійское правительство считалось благоразумнымъ, просвѣщеннымъ, прогрессивнымъ. Либералы говорили, что подъ деспотическою формою лежитъ забота о замѣненіи отжившихъ и вредныхъ средневѣковыхъ учрежденій новыми, сообразными духу времени. Въ примѣръ тому, какимъ вещамъ вѣрила Европа, мы приведемъ нѣсколько словъ съ первыхъ страницъ книги чрезвычайно основательной, набитой officialными актами и статистическими данными; она принадлежитъ знаменитому австрійскому ученому, барону Чорнигу, „оказавшему безсмертныя услуги статистикѣ и этнографіи“, и называется Oesterreich's Neugestaltung, 1848—58. Почтенный авторъ начинаетъ свою основательную книгу слѣдующимъ очеркомъ:

«Сильное потрясеніе, произведенное фазисомъ европейскаго развитія въ 1848 и 1849 годахъ и подвергнувшее организмъ Австрійской имперіи огненному испытанію, имѣло своимъ послѣдствіемъ очищеніе и преобразование всѣхъ общественныхъ отношеній.

«Прежнее устройство Австрійской имперіи приносило великія выгоды существованію имперіи, во всѣхъ политическихъ кризисахъ являясь прочною опорой короны; но оно ослабляло матеріальное развитіе имперіи и затрудняло монарху верховное управленіе дѣлами. Ленивое устройство, на которомъ основывался прежній порядокъ, давно отжило свой вѣкъ, потому и форма соединявшая австрійскія области пережила свое время. Неудержимо распространяющіяся идеи вѣка подкопали основу этого порядка дѣлъ и въ сферѣ теоретическаго изслѣдованія и въ области практическихъ преобразованій, когда форма разрушилась, какъ бы отъ одного дуновенія. Учрежденія, побѣдительно выдержавшія вѣковую борьбу, не упали бы мгновенно подъ едва замѣтнымъ напѣваніемъ волнъ прилива, если бы корни ихъ не засохли. Но отпаденіе извѣстной оболочки не коснулось существеннаго зерна: оно возникаетъ въ свѣжихъ силахъ изъ великой реформы государственнаго преобразованія.

«Исторія желѣзныиъ рѣзцомъ начертала событія на своихъ скрижаляхъ; много было разочарованій; изъ многихъ ранъ еще струится кровь. Уже окрѣпшая государственная сила отнимаетъ у нарушителей спокойствія надежду на исполненіе ихъ влчновъ и внушаетъ желающему спокойствія и порядка гражданину твердую надежду въ прочность порядка. Но въ насѣхъ народа должно распространиться убѣжденіе, что его нравственныя блага: языкъ, литература, наука и искусство, также какъ и матеріальныя блага, лучше охраняются и развиваются упроченіемъ общественнаго порядка при неизмѣннѣхъ соответствующихъ духу вѣка учрежденіяхъ, нежели въ хаосѣ политической вольницы или подъ олигархическимъ владычествомъ слабыхъ республикъ; должно распространиться убѣжденіе, что эти блага находятся не въ противорѣчій, а въ тѣснѣйшей связи съ стремленіемъ всѣхъ монархическихъ правительствъ».

Изъ этого видно, какой характеръ приписывало себѣ австрійское правительство въ послѣдніе годы: оно говорило, что борется противъ остатковъ феодальнаго порядка вещей, хочетъ привести учрежденія Австрійской имперіи въ соотвѣтствіе съ духомъ вѣка. Ропотъ провинцій возникалъ единственно

отъ людей слѣпо привязанныхъ къ рутинѣ и неумѣвшихъ понимать, что истребленіе средневѣковыхъ формъ вовсе не враждебно развитію національностей, а напротивъ должно послужить для нихъ источникомъ безопасности и укрѣпленія.

Стоять только пересмотрѣть книгу Чорнига, чтобы найти сотни фактовъ, побѣдоносно разрушающихъ всякое возраженіе противъ благонамѣренности или просвѣщенности австрійскаго правительства. Мы возьмемъ на пробу одинъ вопросъ. Враги Австріи утверждали, будто бы ея правительство враждебно просвѣщенію. Это совершенная клевета, судя по фактамъ, приведеннымъ у Чорнига. Начать съ того, что послѣ 1849 года было учреждено особенное министерство народнаго просвѣщенія, — „что показывало сознаніе необходимости полнаго преобразованія по этой части; дѣятельности и благоразумію министра графа Туна удалось въ нѣсколько лѣтъ придать всему новую жизнь“. Прежде, по словамъ Чорнига, университеты находились въ дурномъ положеніи; они преобразованы по образцу лучшихъ нѣмецкихъ; сословію профессоровъ теперь дано почетное и независимое положеніе, введена свобода преподаванія, усиленъ вообще научный элементъ; учреждены при университетахъ институты для образованія преподавателей. Для обширной Венгрии было недостаточно одного университета, существовавшего въ Пештѣ; потому были возведены на степень высшихъ учебныхъ заведеній, увеличены въ размѣрѣ и получили щедрые штаты прежнія ничтожная академіи въ Прессбургѣ, Раабѣ, Кашау, Гросвардейнѣ, Дебречинѣ, Аграмѣ и Германштадтѣ. Для того, чтобы государство имѣло просвѣщенныхъ чиновниковъ, учреждены при университетахъ коммиссіи, подвергающія экзамену людей, желающихъ поступать на службу. „Благодаря преобразованію университетовъ, неуспыной заботѣ о приобрѣтеніи хорошихъ профессоровъ и приглашенію ученыхъ знаменитостей изъ другихъ нѣмецкихъ земель, — говоритъ Чорнигъ, — умственная жизнь получила новое развитіе, — это фактъ, не подлежащій спору“. Точно также усилены были средства ученыхъ академій, дѣятельность которыхъ въ послѣднее время стала очень плодотворна. „Особенно должно сказать это объ императорской вѣнской академіи наукъ, основанной въ 1817 году и съ 1848 года развившей свою дѣятельность плодотворнымъ образомъ“. Въ 1851 году былъ учрежденъ при ней центральный метеорологическій институтъ. „Гимназическое преподаваніе (продолжаетъ Чорнигъ) было преобразовано, какъ и университетское. Оно получило болѣе основательности, такъ что требованія отъ учащихся сдѣлались строже и гимназій стали въ уровень съ потребностями общаго научнаго образованія“. Были составлены хорошіе учебники, приобрѣтены хорошіе преподаватели учрежденіемъ институтовъ и особенныхъ испытаній. Для техническаго образованія учреждены реальныя школы. Въ концѣ 1857 года считалось уже 24 высшихъ и 142 низшихъ реальныхъ школы. Улучшены были и первоначальныя училища, составлены для нихъ лучшіе учебники, увеличено жалованье ихъ учителямъ. Словомъ сказать, куда ни посмотришь, вездѣ многочисленныя улучшенія. Особенную заботу правительства, по словамъ Чорнига, составляетъ въ дѣлѣ преподаванія охраненіе права національностей. За каждымъ племенемъ признано право требовать, чтобы его дѣти получили общее образованіе на собственномъ языкѣ. Потому въ каждомъ мѣстѣ элементарное преподаваніе производится на томъ

языкъ, которымъ говорить большинство жителей. Въ гимназіяхъ также оно производится на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Есть гимназіи чешскія, словацкія, польскія, сербо-кroatскія, мадарскія и русинскія. Какой обширный размѣръ получило народное образованіе въ Австріи, можно видѣть по числу учебниковъ, требуемыхъ первоначальными училищами. Тѣ же цифры могутъ показать, какъ правительство помогаетъ развитію національностей. Въ 1856 г. экспедиція учебниковъ продала 2,534,000 учебныхъ книгъ для первоначальныхъ школъ. Въ томъ числѣ было 1,076,000 на нѣмецкомъ языкѣ, 706,000 на славянскомъ, 545,000 на итальянскомъ, 23,000 на восточно-румынскомъ, 184,000 на мадарскомъ языкѣ. О томъ, какъ покровительствуется въ Австріи литература и какъ быстро она развивается, можно судить по громадному количеству ежегодно выходящихъ книгъ. Кромѣ 455 журналовъ и газетъ, въ 1855 году въ Австріи было издано 6,244 книги, имѣвшія въ сложности 85,952 печатныхъ листа. Въ томъ числѣ было: на нѣмецкомъ языкѣ 1806, на итальянскомъ 1497, на мадарскомъ 640, на чешскомъ 208, на латинскомъ 187, на польскомъ 116, на сербо-кroatскомъ 60, на словенскомъ 41, по 30 на еврейскомъ и французскомъ, на румынскомъ 25, на рутенскомъ 13, на армянскомъ 9, на старо-славянскомъ 5, на англійскомъ 4 и по одной на греческомъ и испанскомъ языкахъ.

Какой отрадный отчетъ! А между тѣмъ дѣло просвѣщенія еще самая отстающая часть государственной австрійской жизни. Каковы же должны быть усовершенствованія въ другихъ частяхъ? И дѣйствительно, читая книгу Чорнига, испытываешь то чувство, которое такъ хорошо выражаетъ у Гоголя одно изъ дѣйствующихъ лицъ словами: „душа радуется, духъ торжествуетъ“. Огромное большинство просвѣщенныхъ людей въ западной Европѣ, при обыкновенной своей наклонности вѣрить такъ называемымъ документамъ и официальнымъ цифрамъ, до послѣдняго времени восхищалось новымъ развитіемъ Австріи, и даже у насъ, какъ мы замѣтили, слышались похвалы финансовой мудрости Брука. Чтобы вѣрить и восхищаться, нужно было только забыть о существенномъ характерѣ австрійскаго правительства.

Кто помнилъ его характеръ, всегда зналъ очень хорошо, можетъ ли быть хоть капля правды въ его похвалахъ себѣ, можетъ ли оно сдѣлать какое бы то ни было дѣйствительное улучшеніе, можетъ ли оно управлять хотя такъ, чтобы положеніе дѣлъ не становилось годъ отъ году хуже. Вспомнимъ происхожденіе нынѣшней Австріи. Она возникла черезъ подавленіе возстаній почти во всѣхъ своихъ провинціяхъ. Прежде всего была бомбардирована Прага и объявлена въ осажденное положеніе Богемія; потомъ Радецкій возстановилъ австрійское господство въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ. Винадшгрецъ, прославившійся отличнымъ исполненіемъ бомбардированія Праги, былъ избранъ для совершенія того же процесса надъ Вѣной, и эрцгерцогство австрійское было подвергнуто осажденному положенію, по примѣру Богеміи, Ломбардіи и Венеціи. Тоже было въ Галиціи; потомъ дошла очередь до Венгріи. Усмирить Венгрію помогали южные славяне; а когда Венгрія была побѣждена, приняты были мѣры для подавленія неприятныхъ стремленій и у южныхъ славянъ. Итакъ австрійское правительство должно было держаться исключительно военнымъ деспотизмомъ. И вдругъ

намъ стали говорить, что неудовольствіе въ побѣжденныхъ областяхъ ослабѣло или уничтожилось. 'Можно ли было этому вѣрить? Когда военный деспотизмъ имѣлъ даръ вливать довольство въ недовольные умы, замѣнять ненависть любовью? Намъ стали говорить, что произведены мудрыя реформы. Но всякая реформа, заслуживающая своего названія, основывается на расширеніи свободы или ведетъ къ ней. Возможно ли, чтобы военный деспотизмъ допустилъ расширеніе свободы, когда онъ существуетъ именно только для ея подавленія и посредствомъ ея подавленія? Изъ этого можно было съ достовѣрностью заключать, что всѣ такъ называемыя австрійскія реформы по необходимости были наредѣны на реформы или прикрывали именемъ реформъ введеніе реакціонныхъ мѣръ; можно было видѣть, что если когда нибудь австрійскому правительству хотѣлось сдѣлать что нибудь дѣйствительно доброе, оно не имѣло силы сдѣлать то, чего хотѣло, будучи противоположно съ основнымъ условіемъ всякаго дѣйствительнаго добра. Можно было видѣть, что даже подобныя безсильныя попытки по необходимости играли слишкомъ ничтожную роль среди безчисленныхъ распоряженій, вызываемыхъ прямо потребностью военного деспотизма. Намъ стали говорить, что приняты прекрасныя мѣры для введенія порядка въ австрійскихъ финансахъ. Но могутъ ли быть приведены въ порядокъ финансы при военномъ деспотизмѣ, когда первая забота должна по необходимости состоять въ содержаніи возможно большаго количества войскъ, когда нужно думать только о томъ, чтобы набрать какъ можно больше денегъ и всѣ собираемыя деньги тратить на военные расходы, не зная никакихъ предѣловъ? Изъ всего этого естественно возникло такое понятіе о ходѣ австрійскихъ дѣлъ въ послѣдніе годы: ни одна изъ потребностей, неудовлетворенность которыхъ произвела волненіе 1848 г., не могла быть удовлетворена; люди съ либеральнымъ образомъ мыслей, будучи предметомъ подозрѣнія и преслѣдованія, должны были питать къ австрійскому правительству и личную ненависть за свои несправедливости и несчастія, и гражданскую ненависть за его реакціонный деспотизмъ; люди съ консервативными желаніями были раздражаемы безчисленными переменами, отъ которыхъ разрушались прежнія учрежденія и привычки, замѣняемые новымъ порядкомъ, при которомъ было еще меньше мѣста свободѣ, нежели при прежнемъ; консерваторы и прогрессисты одинаково страдали отъ чрезмѣрнаго увеличенія податей, пугавшихъ всю массу населенія; такимъ образомъ, недовольство и расстройство должны были расти съ каждымъ годомъ.

Для человѣка мыслящаго это всегда должно было казаться несомнѣннымъ фактомъ; послѣдняя война обнаружила его для всей Европы. Ободренные вышними неудачами, недовольные отвѣтили говорить нѣсколько громче прежняго, и ропотъ заглушилъ прежнее самохвальство. Австрія увѣровала, что даже венгерскія провинціи примирятся съ нынѣшнимъ порядкомъ вещей; вмѣсто того оказалось, что даже вѣрнѣйшая изъ нѣмецкихъ областей—Тироль, негодуетъ на притѣсненія. Вотъ что писалъ, напримѣръ, англичанинъ, посѣтившій Тироль въ августѣ и сентябрѣ нынѣшняго года:

«Въ послѣднюю свою поѣздку по Тиролю я замѣтилъ въ народѣ чувства, которыя сильно удивляли меня. Будучи хорошо знакомъ съ нравами и обычаями страны и

съ областнымъ нарѣчіемъ, я могъ узнать состояніе страны лучше, нежели обыкновенные путешественники. Я старался познакомиться съ общественнымъ и политическимъ состояніемъ этой важной области австрійской имперіи послѣ великихъ событій послѣдней итальянской войны, и потому сблизился съ людьми, отъ которыхъ можно было получить нужныя свѣдѣнія,—съ приходскими священниками, съ двѣцями городского начальства, съ бюргерами и т. д. (дворянства въ Тироли нѣтъ).

«Въ противоположность фанатической ненависти къ Франціи, какая господствуетъ въ Баваріи и мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ, здѣсь я нашелъ очень вѣрный сужденія о той пользѣ, которую принесла Австріи война, и многіе прямо выражали мнѣ свое сожалѣніе о томъ, что не были побиты гораздо больше.

«Къ нынѣшнему правительству нѣтъ на въ комъ ни малѣйшаго довѣрія. Правительство, вѣроятно, сдѣлаетъ большія обѣщанія и по обыкновенію не сдержитъ ихъ или востарается обмануть народъ полумѣрами,—вотъ чего «надѣются» въ Тироли. Когда одинъ офицеръ сказалъ мнѣ это, и когда я спросилъ его, почему же такіа мысли называются надеждой, онъ отвѣчалъ мнѣ: «потому, что если такъ будетъ, не пройдетъ пяти лѣтъ, какъ народъ самъ возьметъ себѣ то, чего просить теперь». Страшное состояніе австрійскихъ финансовъ дежорализируетъ всѣ сословія общества, и въ Австріи происходятъ броженіе, подобное тому, какое предшествовало первой французской революціи,—и повѣрьте мнѣ, когда вспыхнетъ въ Австріи революція, она также будетъ имѣть кровавые эпизоды. На армию нельзя нисколько полагаться: солдаты раздражены презрѣннѣйшею нераспорядительностью во время итальянскаго похода и дурнымъ обращеніемъ съ ними. Я посѣщалъ въ Инсбрукъ раненыхъ и слышалъ отъ нихъ страшные рассказы о небрежности администраціи относительно нихъ. Послѣ Сольферинской битвы, въ Веронѣ было приготоовлено только тысяча кроватей для раненыхъ и одинъ солдатъ увѣрялъ меня, что чувство недовольства было такъ сильно, что буди еще другая такая битва, вспыхнула бы военная революція. Эти факты поразительны, и меня увѣряютъ, что точно такое же чувство господствуетъ во всѣхъ австрійскихъ владѣніяхъ; что всѣ ждутъ раннее или позже страшнаго взрыва, который истребитъ безчисленныя злоупотребленія, пожирающія всю жизненную силу этихъ прекрасныхъ странъ. Къ удивленію, я нашелъ, что приходское духовенство имѣетъ очень прогрессивныя и даже демократическіе принципы,—фактъ необыкновенно-важный при грошномъ вліяніи, которымъ пользуется оно въ простомъ народѣ.

«Въ простомъ народѣ неудовольствіе еще больше. Поселянина обложатъ подачками, несоразмѣрными его средствамъ. Результатъ этого дурного управленія—страшная бѣдность, безъ надежды на облегченіе, и знаменитая вѣрность тирольскихъ поселянъ подвергнута правительствомъ слишкомъ сильному испытанію. Очень трудно было собрать стрѣлковъ для защиты тирольскихъ границъ во время войны; когда ихъ стали собирать, они долго не хотѣли вѣти. Повсюду съ громкимъ ропотомъ говорили о томъ, что надобно созвать представителей Тироля, которому такъ давно было обѣщано представительное собраніе».

Мы хотѣли сначала исчислить всѣ признаки распаденія, которое будто бы угрожаетъ Австріи и потомъ уже сказать, почему не выводимъ изъ этихъ фактовъ зловѣщихъ предсказаній, которыя дѣлаются многими. Но тонъ перевереннаго нами письма такъ силенъ, что мы не удерживаемся отъ желанія теперь же высказать часть оговорокъ, которыя хотѣли отложить до конца. Мы охотно вѣримъ всему, что сообщаетъ англійскій корреспондентъ; мы уже говорили, что много положенія дѣлать невозможно и предполагать. Положимъ, что недовольно духовенство, недовольны горожане и поселяне, недовольны всѣ сословія; предположимъ, что опасѣе всего, существованіе величайшаго недовольства въ самой арміи,—но что жъ тутъ важнаго? Если поселяне и горожане захотятъ возмутиться, противъ нихъ пошлютъ войска, разогнать толпы—вотъ и все. Но сами войска возмутятся?—Ну, это не

такъ правдоподобно, какъ войска думаютъ. Военная дисциплина даетъ такую силу надъ руками выстроенныхъ въ ряды людей, что лишь оставались бы вѣрны главные командиры и хотя немногіе офицеры,—всѣ недовольные офицеры, сколько бы ихъ ни было, будутъ арестованы тѣми самыми солдатами, въ пользу которыхъ хотѣли бы они дѣйствовать, и батальоны пойдутъ противъ инсургентовъ, хотя бы каждый человѣкъ въ этихъ батальонахъ выражалъ прежде сочувствіе инсургентамъ и общался не употребляя противъ нихъ своего штыка. Если бы даже нѣкоторые полки успѣли возмутиться, они будутъ усмирены другими. Это не разъ бывало и не разъ повторится. Но бывали же, скажутъ намъ, примѣры удачныхъ возстаній? Бывали, но такъ рѣдко, что нужно разсудительному человѣку слишкомъ и слишкомъ много фактовъ и кромѣ того нужно возникновеніе совершенно особенныхъ обстоятельствъ для пробужденія въ немъ ожиданій подобнаго событія. Вотъ иное дѣло, еслибъ итальянская война протянулась еще нѣсколько мѣсяцевъ,—тогда, разумѣется, вспыхнуло бы возстаніе въ Венгріи, распространилось бы, вѣроятно, и по другимъ провинціямъ; а теперь на стоять и толковать о такихъ пустякахъ. Горючій матеріалъ есть—какъ не быть ему; но погода вообще такая сырая, что пламя вспыхнуть никакъ не можетъ, а только идетъ въ промокшей массѣ медленное гніеніе. Возвратимся же къ симптомамъ этого гніенія, которые многими принимаются за предвѣстіе пожара, между тѣмъ какъ мы думаемъ, что прекращеніемъ итальянской войны опасность пожара и для Австріи и для нѣкоторыхъ другихъ земель Западной Европы отсрочена, впредь до какого нибудь другого экстреннаго случая.

Во время итальянской войны опасность возстанія ближе всего была въ Венгріи: еще лишь нѣсколько недѣль, и Кошутъ снова грозилъ бы Вѣнѣ или, лучше сказать, вѣнскому правительству, а самая Вѣна съ нетерпѣніемъ ждала бы венгровъ, которые явились бы къ ней, быть можетъ, вмѣстѣ съ южными славянами, погубившими и венгровъ и самихъ себя въ 1848 году тѣмъ, что понадѣялись тогда на обѣщанія австрійскаго правительства; а какъ скоро миръ былъ заключенъ, опасность венгерскаго возстанія миновала. Мы уже говорили читателямъ, что разсматриваемъ австрійскія дѣла со стороны ихъ забавности, если можетъ быть забавна нелѣпость, которая разоряетъ, держитъ въ порабощеніи, вѣщаетъ и невѣжеству нѣсколько десятковъ милліоновъ людей. Но дѣла на свѣтѣ идутъ такъ дико (впрочемъ совершенно натурально), что надобно умереть съ досады, если не помирать со смѣху. Мы совѣтуемъ читателю избрать послѣднее: оно гораздо лучше оправдываетъ апатию.—„Почему вы ничего не дѣлаете?—Помилуйте, какъ же я стану дѣлать что нибудь, если дѣло кажется мнѣ мелочно смѣшнымъ“,—это прекрасный отвѣтъ. Итакъ, будемъ же смотрѣть со смѣхомъ на все то, чего передѣлать или уничтожить не можемъ. Смотря такимъ образомъ на австрійскія дѣла, мы находимъ едва ли не самую забавную чертою ихъ то, что глубокомысленные люди начали разсуждать о страшномъ недовольствѣ венгровъ, будто впрямую съ той самой минуты, когда оно перестало быть страшнымъ. Во время войны благоразумные люди называли Кошута фантазеромъ за то, что онъ указывалъ на готовность венгровъ возстать противъ австрійскаго

ига: „помиладуйте, венгры довольны нынѣшнимъ положеніемъ, говорили благо-разумные люди:—они не пойдутъ за Кошутомъ“. Оно и натурально было думать такъ: шумъ войны заглушалъ все, потому не слышно было ничего изъ Венгріи, стало быть и казалось, что Венгрія тиха и довольна. Но вотъ война прекратилась, скучныя цюрихскія конференціи, робкія дѣйствія временныхъ правительствъ центральной Итали и оверы о томъ, какъ составится конгрессъ, не могутъ достаточно занять собой вразнаго вниманія; всѣ начали присматриваться, не найдется ли гдѣ нибудь какого нибудь развлеченія отъ скуки, и вдругъ—о удивленіе! о радость людямъ благороднаго образа мыслей!—открывается, что Венгрія недовольна, что она говорить о позстаніи. Въ восторгъ отъ такой находки не потрудились даже разобратъ, что громкій ропотъ ея нынѣ составляетъ лишь затихающій постепенно отголосокъ грозныхъ ея приготовленій подняться при появленіи Кошута. Всѣ начали толковать о Венгріи въ то время, когда исчезла для нея возможность стать дѣйствительно опасной для австрійскаго правительства. Чтобы не отстать отъ другихъ, поговоримъ и мы о венгерскихъ дѣлахъ теперь, когда собственно не стоитъ говорить о нихъ.

Читатели знаютъ, какъ облагодѣтельствованы были венгерскіе протестанты новыми льготами, и какъ они неблагодарно объявили, что такихъ льготъ не хотятъ и принимать. Имъ наконецъ запрещено было собираться и протестовать; но они продолжаютъ дѣлать то и другое. Въ адресѣ одного изъ протестантскихъ собраний были недавно употреблены даже слова, что подписавшіеся „готовы жертвовать жизнью и кровью (Leben und Blut) за возвращеніе полной свободы своему исповѣданію“. Не менѣе шума надѣлала просьба студентовъ Пештскаго университета о томъ, чтобы лекціи въ немъ читались не на нѣмецкомъ, а на венгерскомъ языкѣ. Само собою разумѣется, что за такую дерзость студенты наказываются, какъ и слѣдовало. Протестація нѣсколькихъ лютеранскихъ священниковъ и просьба нѣсколькихъ студентовъ—событія, какъ видимъ, достойныя занимать собою Европу. Что далѣе? Далѣе, венгерцы, видя, что Германія собирается праздновать столѣтнюю годовщину рожденія Шиллера, вздумали отпраздновать такую же столѣтнюю годовщину рожденія одного изъ своихъ поэтовъ. Это еще не все. Венгерскіе магнаты, изъ которыхъ нѣкоторые жили въ Вѣнѣ, нѣмцы въ помѣстьяхъ, вздумали, что надобно возвысить значеніе національной венгерской столицы и начали переселяться въ Пештъ, чтобы оживить его померкнувшій блескъ своею пышностью. Факты тоже необыкновенно значительные. Далѣе, было нѣсколько обѣдовъ по разнымъ случаямъ,—по случаю юбилея католическаго примаса Венгріи, по случаю открытія музея въ Клаузенбургѣ и т. д. Обѣдашіе, очень знатные и почтенные люди, пили на этихъ обѣдахъ за здоровье Франца Іосифа „короля Венгерскаго,“ — то есть, намекали, что желаютъ возстановленія независимости Венгерскаго королевства. Факты, которые тоже необыкновенно важны. Что далѣе? Далѣе ничего другого замѣчательнаго не случилось. Но читатель видитъ, что и такъ уже набралось довольно фактовъ, чтобы привлечь на Венгрію вниманіе Европы. Европа наша, что венгры очень раздражены противъ Австріи. Мы объ этомъ распространяться не будемъ, а лучше обратимъ вниманіе на фактъ, который, быть можетъ, из-

вѣстенъ не всѣмъ нашимъ читателямъ, и который одинъ представляетъ собою нѣкоторое ручательство за лучшую будущность земель, составляющихъ нынѣ восточную половину австрійской имперіи. Славяне, населяющіе южную полосу ихъ и своею враждою съ венграми въ 1848 году навлекшіе на себя и на венгровъ австрійское иго, начинаютъ понимать, что только союзъ съ венграми можетъ спасти ихъ. Вотъ отрывокъ изъ письма вѣнскаго корреспондента Times'a:

«Лица, недавно посѣщавшія Сербскую Воеводину, Трансильванію, Славонію и Кроацію, говорятъ, что жители этихъ провинцій почти столь же недовольны, какъ венгры. Покойный банъ Еллачичъ торжественно обѣщалъ южнымъ австрійскимъ славянамъ, что они будутъ награждены за свою вѣрность въ 1848 и 49 годахъ; но баронъ Батъ дѣлалъ невозможнымъ исполненіе этого обѣщанія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Еллачичъ говорилъ мнѣ, что Австрійская имперія «пойдетъ къ чорту (wird zum Teufel gehen), если Бату дадутъ продолжать свои гадости». Главная причина недовольства южныхъ славянъ та, что они принуждены теперь платить больше податей, чѣмъ до 1849 года, когда Кроація, Славонія, Банатъ и Сербская Воеводина были соединены съ Венгріей. Способъ собиранія податей сильно увеличиваетъ неудовольствіе славянъ и венгровъ, горько жалующихся на произволъ и придирчивость финансовыхъ чиновниковъ.

Въ просьбѣ студентовъ Пештскаго университета также есть черта, свидѣтельствующая объ ослабленіи національной пражды между славянами и венграми: эту просьбу о замѣненіи нѣмецкаго языка венгерскимъ подписали, вмѣстѣ съ молодыми людьми венгерскаго происхожденія, множество молодыхъ людей изъ славянъ. По этому поводу корреспондентъ Times'a сообщаетъ еще одинъ любопытный фактъ. Когда послѣ войны австрійское правительство стало прислушиваться къ народному ропоту во всѣхъ областяхъ, то, разумѣется, оказалось, что повсюду хотятъ введенія представительной власти въ правительство. Такое нелѣпое желаніе, конечно, не могло быть исполнено; но австрійскіе министры придумали средство «доставить обществу надлежащее участіе въ законодательныхъ совѣщаніяхъ», не заражая Австрію тлетворнымъ парламентаризмомъ: теперь составляется проектъ новаго городского и сельскаго управленія, и въ каждой области министры выбрали по нѣскольку благонадежныхъ людей, которыхъ и приписали къ комиссіямъ, составляющимъ проектъ. Эти «повѣренные» или «благонадежные люди» (Vertreuensmänner), конечно, были взяты изъ лицъ самыхъ благонадежныхъ для австрійскаго правительства. Но даже и они, люди самые отсталые въ цѣломъ обществѣ, выражаютъ желанія, ни мало не пріятныя для австрійской системы, и между прочимъ, повѣренные изъ южныхъ австрійскихъ провинцій выражаютъ, что при венгерскомъ правительствѣ было для нихъ лучше, чѣмъ при австрійскомъ. Вотъ отрывокъ изъ Times'a.

«Одинъ изъ повѣренныхъ, выбранныхъ самимъ правительствомъ для разсмотрѣнія новаго общиннаго закона, именно представитель Воеводины, провинція, оторванной въ 1849 г.—отъ Венгріи, прямо выразилъ требованіе, чтобы эта область была присоединена обратно къ Венгріи. Другой повѣренный, родомъ изъ города Сабатки, въ 1848 и 49 годахъ выказывавшаго величайшую ревность къ сербскому движенію противъ венгровъ, также сказалъ, что его городъ коручалъ ему требовать того же сана-

го. Может ли правительство долго упорствовать въ поддержаніи такого порядка дѣл, противъ котораго энергически протестуютъ даже тѣ люди, въ пользу которыхъ, по словамъ правительства, устроенъ этотъ порядокъ? (Посмѣемся надъ англійскимъ ту-поуміемъ. Почему же не можетъ, пока нѣтъ войскъ для усмиренія протестующихъ?) Мы знаемъ, что divide et impera было всегда девизомъ вѣнскаго кабинета, что раздробленіе Венгерскаго королевства въ 1849 году нѣло существенною цѣлью только ослабленіе Венгріи, и что удовлетвореніе, которое будто бы давалось этимъ раздробленіемъ желанію не-венгерскихъ національностей, было только предлогомъ, болѣе или менѣе движимъ. Но если это принужденное раздѣленіе само содѣйствуетъ нравственному соединенію областей, между которыми правительство хотѣтъ поддерживать антагонизмъ, то очевидно, что политика правительства столь же неловка, какъ и несправедлива».

Въ первое время послѣ постыдныхъ итальянскихъ пораженій, австрійское правительство прониклось, какъ извѣстно читателямъ, самыми либеральнѣйшими (по крайней мѣрѣ по его собственному увѣренію) тенденціями, иначе сказать, намъло, что пока заростутъ прорѣхи, надѣланныя французскими штыкомъ въ его волчьей кожѣ, надобно прикрывать ихъ овечьей шкурою. Для этого даны восхитительныя льготы протестантамъ, обѣщано новое муниципальное управленіе и т. д., для этого же былъ отставленъ отъ должности министра баронъ Бахъ, считавшійся самымъ яростнымъ приверженцемъ обскурантизма, и сдѣланъ министромъ Гюбнеръ, либерализмъ котораго достаточно свидѣтельствовался уже тѣмъ фактомъ, что до послѣдней войны онъ былъ посланникомъ въ Парижѣ, гдѣ, разумѣется, долженъ былъ проникнуться свободолобіемъ нынѣшней французской системы. Дѣйствительно, баронъ Гюбнеръ оказался нестерпимо либераленъ для австрійскаго кабинета и теперь уже получилъ отставку, прослуживъ министромъ ровно сколько же времени, столько Бельтовъ служилъ канцелярскимъ чиновникомъ. Главнымъ преступленіемъ его было желаніе сдѣлать что нибудь для смягченія ненависти венгровъ. Вотъ разсказъ объ этомъ дѣлѣ, присланный въ Timesъ изъ Пешта.

«Со времени подчиненія нашей страны нынѣшнему управленію, въ первый разъ австрійскій министръ явился между нами въ лицѣ г. Гюбнера, бывшаго министра полиціи. Его посѣщеніе не привнесло ему счастья: по общему мнѣнію, онъ вышелъ или, вѣрнѣе сказать, удаленъ въ отставку за венгерскія дѣла. Нѣсколько времени тому назадъ, наши газеты, столь молчаливыя о всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ, начали увѣрять насъ, что правительство серьезно и почти исключительно занято Венгріею, что примиреніе съ нею должно служить введеніемъ къ дарованію другимъ провинціямъ либеральныхъ учрежденій, обѣщанныхъ императорскою прокламаціею 15 іюля. Молва говоритъ, что баронъ Гюбнеръ побѣдилъ, какъ депутатъ отъ своихъ товарищей, познакомиться съ истиннымъ положеніемъ общественнаго мнѣнія въ нашей странѣ. Не долго ему нужно было жить адѣсь, чтобы увѣдѣть, какъ мало довѣряютъ венгры вѣнскимъ обѣщаніямъ и какъ мало важности придаютъ имъ. Но г. Гюбнеръ не отчаялся. Онъ обратился къ партіи, которая до 1848 года называлась у насъ консервативною и была привязана, или, по крайней мѣрѣ, очень легко могла быть привязана къ нынѣшнему правительству; онъ выразилъ желаніе узнать требованія венгровъ или, по крайней мѣрѣ, то, чѣмъ ограничиваются требованія венгровъ эта партія, какъ самая увѣренная. Въ Тотъ Мелерѣ, помѣстѣ графа Людовика Кароли, съѣхалось около 30 членовъ консервативной партіи. Г. Гюбнеръ сообщилъ имъ намѣренія правительства относительно Венгріи, которыя казались ему очень способными удовлетворить націю, и просилъ ихъ откровенно высказать свое мнѣніе. Эти аристократы единодушно объявили, что императоръ

австрийскому, королю венгерскому, остается только один способ удовлетворить венгерский народ, и способ этот заключается в том, чтобы восстановить то самое положение, какое было до 1848 года, возвратит Венгрии прежнюю независимость и конституцию, последствием отнятой у нее десяти летъ назадъ; что Венгрия не желаетъ полного угодобленія съ остальными австрийскими провинціями и что такъ называемыя прогрессивныя уступки, предлагаемыя ей, не удовлетворяютъ никого. «По отношенію къ правительству, сказали они барону Гюбнеру, въ Венгріи нѣтъ партій. Въ этомъ отношеніи мы всѣ соединены одинаковымъ желаніемъ,—мы всѣ требуемъ сохранения нашей національности, съ независимостью, необходимою для ея развитія, независимостью, которая была нѣкогда въосми-вѣковой борьбы. Мы хотимъ оставить внутренни и не хотимъ дѣлаться австрийцами. Половинными уступки, которыя расположены сдѣлать вѣнскій кабинетъ, могутъ заставить заключать нѣсколько лѣтъ робкимъ людямъ, но на массу населенія не произведутъ никакого дѣйствія».

«Этотъ опытъ, къ которому баронъ Гюбнеръ прибѣгъ для исполненія своего порученія, долженъ былъ убѣдить его, что дѣйствительно существуетъ только одинъ способъ примирить Венгрію съ императорскою династіею. Говорятъ, что онъ имѣлъ мужество открыто выразить свои убѣжденія передъ императоромъ, и результатомъ было, что черезъ нѣсколько дней по своему возращеніи въ Вѣну онъ былъ принужденъ выйти въ отставку. Единственнымъ ли причиною этой вынужденной отставки были венгерскія дѣла? Этого я не могу сказать положительнымъ образомъ; но достоверно то, что немногіе люди, по легковѣрію или по робости имѣвшіе расположеніе вѣрять въ перемѣну системы со стороны правительства и начинавшіе радоваться этой предполагаемой перемѣнѣ, потеряли послѣднюю надежду, и теперь венгерскіе болѣе, чѣмъ когда нибудь, убѣждены, что единственное спасеніе для нихъ состоитъ въ томъ, что они и должны ждать себѣ единственного спасенія нація, бывшая свободною нѣсколько вѣковъ,—состоитъ въ единодушіи и мужествѣ».

Вотъ другое письмо того же корреспондента, служащее продолженіемъ перваго.

«Вотъ уже около двухъ недѣль прошло послѣ отставки барона Гюбнера, но здѣсь все еще продолжаютъ говорить о его неожиданномъ удаленіи изъ кабинета. Такое продолжительное вниманіе должно называться феноменомъ въ нашу эпоху, когда все такъ скоро забывается. Но явное любопытство то, что о Гюбнерѣ серьезно жалѣютъ,—эта честь не оказывалась еще ни одному изъ императорскихъ министровъ съ 1849 года. Гюбнеръ былъ министромъ очень недолго, въ сношеніяхъ съ нами былъ еще меньше времени, а между тѣмъ, видя сожалѣніе о его отставкѣ, можно почти сказать, что онъ успѣлъ приобрести популярность въ Венгріи. Вотъ какимъ путемъ онъ достигъ этой quasi-популярности. Во-первыхъ, онъ строго держался въ границахъ закона и уважалъ то положеніе вещей, которое создано эдиктами и постановленіями системы Баха и Шварценберга. Эта система не очень удовлетворительна, эти эдикты и постановленія заслужили мало симпатій въ Венгріи; но все таки администрація, считавшая себя обязанною соблюдать хотя ихъ, изучивъ таковую, которая поступаетъ совершенно произвольно, по капризу министровъ и другихъ лицъ. Во-вторыхъ, Гюбнеръ отстраняя обыкновенныя и туземныя посредничества, хотѣлъ видѣть все своими глазами, и, что еще важнѣе, не закрывалъ и не отворачивалъ глазъ отъ фактовъ, несогласныхъ съ понятіями, которыя угодно имѣть вѣнскому правительству. Благодаря такому образу дѣйствій, онъ сталъ въ Венгріи не только непопуляренъ, чѣмъ его прелестничаютъ и товарищи. Особенно оцѣнили въ Венгріи то, что онъ самъ старался выкапывать вещи, потому что Венгрія убѣждена, и по моему мнѣнію справедливо, что слабыя вѣнское правительство заготовило ясно видѣть отрицательныя или положительно-дурныя слѣдствія, произведенныя здѣсь его насильственной централизующей политикой въ слѣдствіи десяти лѣтъ, то оно рѣшилось бы для соблюденія собственной выгоды погнать эту политику и удовлетворить справедливымъ требованіямъ страны, которыя разжигаются съ постоянно-возрастающей энергіей».

«Политическое и национальное движение, обнаруживающееся теперь в Венгрии и произведенное преимущественно итальянской войной и императорским манифестом 15 июля, не должно, кажется, ослабеть отъ неуспѣха тотъ-жедерскаго свиданія и отставки Губнера. Напротивъ того, съ каждымъ днемъ представляются новыя доказательства серьезности этого движения и его распространения по всѣмъ классамъ общества. Оно обваруживается особенно тѣмъ фактомъ, что прежніе политические люди, систематически державшіе себя въ полномъ бездѣйствіи, начинаютъ видѣть, что они сдѣлали важную ошибку, что напрасно унывали душой, что тѣмъ менѣе равенства въ оружій, тѣмъ славнѣе сражаться. Очевиднымъ доказательствомъ того, что венгры хотятъ повнѣуть политику безучастія, служитъ записка, поданная четырьмя очень уважаемыми магнатами императору для ознакомленія его съ причинами неудовольствія и съ желаніями націи. Чувство, внушившее эту записку, раздѣляется огромнымъ большинствомъ дворянства».

Изъ письма вѣнскаго корреспондента Times'a мы беремъ изложение требований, выражаемыхъ четырьмя магнатами въ запискѣ, поданной императору.

«Можно сказать положительно, что уже недалеко минута, когда австрійское правительство увидитъ себя принужденнымъ уступить требованіямъ Венгрии. Повторю, будетъ не лишнимъ, если я подробно раскажу вамъ содержаніе записки, представленной кабинету предводителями старой консервативной партіи. Вотъ извлеченіе изъ нея:

«Венгерцы требуютъ своей конституціи и муниципальныхъ законовъ, въ томъ видѣ, какъ постановилъ сеймъ 1848 года, и требуютъ восстановления Венгерскаго королевства «въ его древней и законной цѣлости». Предлагаютъ назначить придворнаго канцлера (Hofkanzler), съ правомъ голоса въ кабинетѣ. Ему должна быть поручена организація венгерской придворной канцеляріи. Предлагаютъ назначить королевскаго намістника, который «имѣетъ съ придворной канцеляріей и банкомъ хрватскихъ организуетъ венгерское королевство, вмѣсто существующихъ теперь венгерскихъ округовъ») баната и хрватскихъ намістническихъ отдѣленій (Stadthaltereien—Abtheilungen)». Далѣе, венгерцы требуютъ: назначенія намістниковъ или правителей въ каждый комитетъ и королевскихъ комиссаровъ въ волные города; восстановления королевскаго «стола» (высшаго судавища) и «септенвирата»; преобразованія венгерскій «прививной канеры» (назначавшества); заміны провинціального финансоваго управленія (Finanz Landes-Direction) и прокураторовъ (чиновниковъ, заведующихъ доходами)—прежними финансовыми учрежденіями; возвращенія церковныхъ, академическихъ и университетскихъ фондовъ подъ начальство намістника и духовной комиссіи (Commissio Ecclesiastica) и возвращенія Пешскому университету терезіанскихъ привилегій; предоставленія всѣмъ чиновникамъ и судьямъ права вести дѣла на венгерскомъ языкѣ; введенія этого языка во всѣ школы, кромѣ тѣхъ, которыя учреждены для другихъ національностей; наконецъ, восстановления корпуса королевской венгерской (дворянской) гвардіи.

«Составители записки говорятъ, что если императорское правительство захочетъ принять эти предложенія, то «въ одной Венгріи» расходы скоро сократятся на тридцать или сорокъ миліоновъ флоринговъ. Эти четыре магната, графы: Жайлашъ, Дешевфи, Сечень (не Сечени) и баронъ Юшिका предлагаютъ также созвать въ Буда провинціальную комиссію, для обсужденія слѣдующихъ вопросовъ: 1) о средствахъ предупредить на будущее время столкновенія между націей и королемъ; 2) объ улаженіи отношеній между верхней и нижней палатами венгерскаго сейма «на основаніи общественныхъ и политическихъ пережитъ, произведенныхъ мартовскими законами 1848 года»; 3) о преобразованіи муниципальнаго управленія; 4) о планѣ учрежденія венгерскаго закладнаго банка; 5) о томъ, какую часть существующаго государственнаго

*) Собственная Венгрія теперь раздѣлена на пять административныхъ округовъ: Буда-Пештскій, Пресбургскій, Эденбургскій, Кашаускій и Гроосвардейскій.

долга должна принять на себя Венгрія; 6) о приведеніи въ гармонію венгерскихъ и австрійскихъ законовъ. По рѣшеніи этихъ вопросовъ, будетъ уже возможно созвать сеймъ, короновать императора королемъ венгерскимъ и выбрать палатина.

«Заявка оканчивается слѣдующими словами:

«Послѣдствія покажутъ, что конституціонная и федеративная связь между Венгріею, учрежденная прагматическою санкціею, дастъ имперіи болѣе вѣшняго могущества и внутренняго благоденствія, чѣмъ система централизація».

Изъ этого мы видимъ, что венгерцы самой умѣренной партіи требуютъ возстановленія отношеній, въ которыя стало ихъ отечество къ Австріи въ мартѣ 1848 года, когда Венгрія была провозглашена совершенно независимымъ отъ Австріи государствомъ, соединеннымъ съ другими австрійскими землями только единствомъ царствующаго лица, въ томъ родѣ, какъ Норвегія соединена со Швеціей. До 1848 года требованія консервативной партіи были умѣренныя. Относительно внутренняго устройства, принятаго Венгріею въ мартѣ 1848, замѣтимъ, что оно давало демократическому элементу перевѣсъ надъ аристократическимъ, господствовавшимъ до той поры, и было построено на самыхъ свободныхъ основаніяхъ. Само собою разумѣется, что вѣнское правительство никогда не можетъ согласиться ни на что подобное; а если таковыя требованія самыхъ отсталыхъ людей самой консервативной партіи, не принимавшей участія въ венгерскомъ возстаніи и заслужившей тогда общую ненависть крайнимъ недостаткомъ либерализма и патріотизма, то легко можно заключить, что желанія громаднаго большинства венгерской націи идутъ гораздо далѣе и что габсбургская династія ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ примирить съ собою Венгрію.

Австрійское правительство говоритъ, что за потерю политическихъ правъ оно съ избыткомъ вознаградило Венгрію заботливостью своею о развитіи матеріальныхъ ея интересовъ. Но вотъ письмо Пештскаго корреспондента газеты Times.

«Органы австрійскаго правительства напрасно говорятъ, что нынѣшняя система была благоприятна развитію матеріальныхъ средствъ Венгріи. Матеріальные успѣхи, сдѣланные ею въ послѣднія десять лѣтъ, произведены не австрійскимъ правительствомъ, а просто тѣмъ общимъ европейскимъ прогрессомъ, который отразился и на Венгрію; а еще болѣе обязана своимъ развитіемъ Венгрія своему сейму 1848 года, который освободилъ крестьянъ, провозгласилъ равенство всѣхъ гражданъ передъ законами и принялъ другія либеральныя мѣры. Матеріальное развитіе Венгріи было бы гораздо быстрое, если бы австрійское правительство не считало нужнымъ явственно задерживать его. Это правительство, напротивъ, болѣе чѣмъ удвоило величину налоговъ въ послѣднія 10 лѣтъ; поземельная подать теперь такъ тяжела, что большіе и малые собственники бросаютъ воздѣлываніе земли, по той простой причинѣ, что доходъ съ нея не окупаетъ налагаемой подати. Беспорядочное финансовое управленіе обрекло Венгрію долготѣ, котораго не имѣла она десять лѣтъ тому назадъ, и лишило ее всей звонкой монеты, которая замѣнена упавшими въ цѣнѣ бумажными деньгами; отъ этого торговый балансъ очень не выгоденъ, а внутренній кредитъ совершенно разстроенъ. Словомъ сказать, Венгрія подверглась хищничеству во всѣхъ отношеніяхъ: въ національномъ, территоріальномъ, политическомъ и денежномъ; а между тѣмъ полуофіціальныя органы вѣнскаго кабинета въ Прагѣ, въ Аграмѣ и въ другихъ городахъ отваживаются говорить о выгодахъ, доставленныхъ Венгріи австрійскимъ владычествомъ и даже—о Господи!—твоя воля!—требовать благодарности отъ венгерцевъ».

Слова эти примѣняются и ко всѣмъ другимъ провинціямъ Австрійской еріи: повсюду въ послѣднія 10 лѣтъ налоги удвоились или утроились, все-таки доходовъ далеко не достаетъ на расходы. Разстройство финансовъ служить однимъ изъ главныхъ основаній предсказывать близкій переломъ въ имперіи.

Читатель согласится, что теперь было бы повидно разсуждать о тѣхъ не-но еще хваленныхъ мѣрахъ, которыми вѣнское правительство думало по-вить свои денежные дѣла. Теперь каждый говорить, что всѣ эти похвалы тый вздоръ. Съ 1848 г. расходы среднимъ числомъ были почти ое болѣе доходовъ. Вотъ общая таблица суммъ доходовъ и расходовъ за емъ лѣтъ, съ начала 1848 до конца 1855, сообщаемая Чорнигомъ.

то получено доходовъ за эти 8 л.	1,652,565,419 флориновъ.
икновенныхъ расходовъ за эти 8 лѣтъ было . . .	2,005,137,304 „
имѣ образомъ на покрытіе обы- икновенныхъ расходовъ недоста- вало . . .	352,571,885 „
имѣ обыкновенныхъ расходовъ было чрезвычайныхъ расходовъ на военныя и другія издержки . . .	977,908,240 „
го, весь дефицитъ за 8 лѣтъ	1,330,480,125 „

Этотъ дефицитъ покрывался займами, заключаемыми на самыхъ разори-ныхъ условіяхъ, выпускомъ бумажныхъ денегъ, вытѣснившихъ изъ об-оденія звонкую монету, и разумѣется, упавшихъ въ курсъ, продажей госу-ственныхъ имуществъ по самой невыгодной цѣнѣ и назначеніемъ произ-ыхъ поборовъ, подъ именемъ національных займовъ. Изъ этихъ про-ольныхъ поборовъ особенную знаменитость приобрѣлъ въ послѣдніе мѣсяцыъ называемый національный заемъ 1854 года, сущность котораго превос-но характеризуется одною фразою официальной книги Чорнига: „Его им-аторско-королевское величество повелѣлъ *наложеніе добровольнаго займа* (ordnete Seine k. k. Majestät die Auflegung eines freiwilligen Anlehens) въ мѣрѣ не менѣе 350 и не болѣе 500 миліоновъ флориновъ“. Дѣйстви-но, сущность дѣла состояла въ томъ, что каждому общественному учре-нію и каждому частному лицу, имѣвшему деньги или предполагавшемуа вшимъ деньги, было приказано добровольно взять приходящееся на него раскладкѣ количество облигацій и уплатить за нихъ деньги. По австрій-мъ понятіямъ это совершенно въ воярдѣ вещей, и мы совершенно схо-ся въ этихъ понятіяхъ съ австрійцами. Но что же обнаружилось выйдѣю? Въмѣсто 500 мил., показывавшихся по отчетамъ, было взято 811 мил., есть взято добровольныхъ пожертвованій цѣлыми 111 миліонами больше,ъ слѣдовало взять по самому предписанію о добровольномъ займѣ. Евро-скія биржи ужаснулись и начали говорить, что теперь нельзя уже имѣтьо никакого довѣрія къ австрійскимъ финансамъ, потому что финансовыраціи производятся фальшивымъ образомъ и въ отчетахъ выставляются

фальшивыя цифры. Мы не понимаемъ хорошенъко, для чего горячиться изъ-за невѣрности цифръ въ такихъ документахъ, которые составляются совершенно произвольнымъ образомъ. Если вѣнское правительство можетъ налагать какія ему угодно подати, если оно можетъ расходовать деньги какъ ему угодно, то разумѣется можетъ и говорить объ этихъ доходахъ и расходахъ, какъ ему угодно: произволъ въ словахъ вещь совершенно ничтожная по сравненіи съ произволомъ въ поступкахъ. Министръ финансовъ, говорятъ европейскія биржи, обманулъ Австрію и Европу на 111 миліоновъ; но велика ли тутъ важность, когда вѣнское правительство въ восемь лѣтъ израсходовало 1,300 миліоншъ, которыхъ не имѣло, стало быть, по настоящему, и не могло расходовать? Къ чему кричать о какой-нибудь разницѣ въ одновременномъ поборѣ на 111 миліоновъ, когда, благодаря всему характеру австрійскаго хозяйства, ежегодные расходы по платежу процентовъ государственнаго долга въ десять лѣтъ увеличились на 63 миліона? Дѣйствительно, въ 1848 году проценты австрійскаго долга составили 33 миліона, а въ 1858 году 96 миліоновъ; сумма долга, къ 1848 г. составлявшая 666 миліоновъ, къ 1858 г. простиралась до 1,733 миліоновъ. Намъ кажется, что при такомъ хозяйствѣ, при которомъ въ десять лѣтъ долгъ возрастаетъ въ два съ половиною раза, нечего уже толковать ни о какихъ фальшахъ и обманахъ.

Но банкиры, конечно по ограниченности своихъ понятій, судятъ иначе, и вслѣдъ за ними вся австрійская публика возопила, что Брука совершилъ неслыханно безчестное дѣло, когда обнаружилось, мѣсяца два тому назадъ, что онъ пять лѣтъ обманывалъ Австрію и Европу на 111 миліоновъ. Всѣ заговорили, что такого обманщика нельзя терпѣть въ должности министра. Нѣсколько времени были увѣрены, что Брукъ получитъ отставку. Но онъ не получалъ никакихъ намековъ о томъ, что ему грозитъ немилость. Для очищенія совѣсти, онъ самъ подалъ въ отставку,—но его просьба не была принята; напротивъ, императоръ сказалъ, что его довѣріе къ Бруку сохраняется неизмѣннымъ. Брукъ остался.

Конечно такое „торжество порока“ еще усилило общіе крики о безнравственности и безправственности поименованнаго, въ которомъ держитъ себя австрійское правительство. Но полуофіціальныя органы австрійскаго правительства находятъ прекрасныя извиненія для поступка, столь жестоко осуждаемаго биржами и публикою. Франкфуртскій „Акціонеръ“ говоритъ, что когда государство и Вѣнскій банкъ сводили свои счета въ 1855 году, часть національнаго займа 1854 г. была предназначена для выкупа бумажныхъ денегъ. „Когда начался выкупъ ихъ, оказалось, что одинъ изъ разрядовъ бумажныхъ денегъ остался пропущенъ въ расчетахъ. Сумма эта простиралась до 60.000,000 и необходимо было собрать ее, чтобы банкъ возобновилъ платежи. Сдѣлать тогда новый заемъ не оказалось возможности, потому министръ финансовъ прибѣгъ къ отчаянному средству получить деньги тайнымъ увеличеніемъ національнаго займа. Излишекъ его облигацій, выпущенный тайно, былъ перданъ иностранцамъ капиталистамъ, у которыхъ баронъ Брукъ предполагалъ постепенно выкупить ихъ. Но когда война разстроила этотъ планъ, онъ объявилъ и такъ истинное положеніе дѣла. Ошибка, изъ которой возникла необходимость тайнаго займа, была сдѣлана чиновникомъ, который прежде оказалъ

такія великія услуги государству, что баронъ Брукъ почелъ обязанностью чести принять порицаніе на себя“. Финансовыя люди говорятъ, что это оправданіе сочинено неправдоподобнымъ образомъ; что порядокъ, по которому составляются смѣты и расчеты, не допускаетъ возможности подобныхъ пропусковъ при вычисленіи количества выпущенныхъ бумажныхъ денегъ. „Аугсбургская газета“ представила другое оправданіе: она не говоритъ ни о пропускѣ въ смѣтѣ, ни о выкупѣ бумажныхъ денегъ, а просто говоритъ, что понадобилось больше денегъ на расходы, чѣмъ предполагали при наложеніи національнаго займа, что заключать иностранный заемъ было бы невыгодно, и тайнымъ расширеніемъ принужденнаго займа баронъ Брукъ оказалъ государству великую услугу, доставивъ ему деньги на условіяхъ болѣе выгодныхъ. Вѣнскія газеты прибавляютъ, что этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о процвѣтаніи Австріи: если вмѣсто 500 миліоновъ, говорятъ онѣ, можно было взять болѣе 600 миліоновъ, это служитъ поразительнѣйшимъ доказательствомъ того, какъ много денегъ въ Австріи, и ручательствомъ того, что правительство можетъ брать ихъ сколько ему понадобится, стало быть, не страшны ему никакіе дефициты. Съ этимъ нельзя не согласиться. Пока у австрійскихъ подданныхъ есть товары, дома, земли, разумѣется, можно брать съ нихъ деньги, и пока правительство будетъ безобязанно брать у подданныхъ столько денегъ, сколько захочетъ, оно, конечно можетъ расходовать вдвое противъ своихъ правильныхъ доходовъ. Такимъ образомъ самое дѣло свидѣтельствуетъ въ пользу австрійскаго благоденствія. Остается только защитить личный характеръ министра. Это можно сдѣлать въ двухъ словахъ: увеличивъ тайнымъ образомъ заемъ, онъ поступилъ не по собственной волѣ, а по требованію и положительному разрѣшенію императора.

Ставъ на такую точку зрѣнія, мы ни мало не смутимся перспективой, которая предстоитъ австрійскимъ финансамъ при нынѣшней системѣ. Перспектива эта превосходно объяснена статью, которая помѣщена въ „Аугсбургской газетѣ“ и очевидно прислана полуофициальнымъ образомъ отъ австрійскаго правительства. Она доказываетъ, что расходы никакъ не могутъ быть уменьшены, но что Австрія богата и не должна бояться дефицитовъ, безъ которыхъ обойтись нельзя. Дѣйствительно, дефициты съ каждымъ годомъ возрастаютъ, и теперь австрійскій государственный долгъ по предположеніямъ банкировъ долженъ быть цѣлою третью выше того, чѣмъ былъ два года назадъ: въ 1858 году онъ считался, какъ мы говорили, въ 1783 миліона; къ нимъ надобно прибавить недавно открывшіеся 111 миліоновъ тайнаго займа, всего около 1850 миліоновъ. Въ два послѣдніе года должно было прибавиться къ нему еще 600 миліоновъ. Новаго тутъ ничего нѣтъ: мы видѣли, что и въ прежніе годы дефициты среднимъ числомъ были около 200 миліоновъ ежегодно. Если такой порядокъ могъ держаться вотъ уже цѣлыхъ 11 лѣтъ, то почему же онъ не можетъ держаться еще 11, или 20, или 30 лѣтъ? У австрійскихъ подданныхъ есть имущество, слѣдовательно у казны есть источникъ для добыванія денегъ, лишь была бы охота брать ихъ, а въ охотѣ брать деньги недостатка нѣтъ.

Послѣ этого не нужно будетъ огорчаться намъ и другимъ друзьямъ Австріи если окажется безсиліе австрійскаго правительства провести дѣло,

за которое оно взялось, будучи встревожено ропотомъ при открытіи тайнаго займа. Императоръ австрійскій приказалъ назначить новую комиссію по финансовымъ дѣламъ и приказалъ, чтобы на слѣдующій финансовый годъ эта комиссія составила бюджетъ, въ которомъ не было бы дефицита. Благодаря новѣйшимъ усовершенствованіямъ въ государственномъ счетоводствѣ, составленіе такого бюджета самая легкая вещь. Нужно только отдѣлить весь излишекъ расходовъ противъ доходовъ и не вносить этого излишка въ бюджетъ, назвавъ всѣ эти лишніе расходы экстренными, не входящими въ расчетъ обыкновенныхъ расходовъ. Тогда, подъ названіемъ обыкновенныхъ расходовъ, останется въ бюджетѣ такая сумма, которая будетъ покрываться доходами.

Общее отношеніе правительства къ странѣ характеризуется его отношеніемъ къ печатному выраженію мнѣній. Свобода, которою пользуется публицистика, бываетъ соразмѣрна съ увѣренностью правительства въ томъ, что коренныя учрежденія государства соотвѣтствуютъ желаніямъ населенія. Стѣснительныя мѣры противъ журналистики служатъ выраженіемъ того, что правительство чувствуетъ шаткость основаній, на которыхъ держится. Потому австрійская журналистика всегда находилась въ стѣсненномъ положеніи. Послѣ войны австрійскій кабинетъ, вынужденный къ нѣкоторымъ наружнымъ уступкамъ для смягченія общаго ропота, долженъ былъ допустить газеты къ обсужденію нѣкоторыхъ предметовъ, споры о которыхъ не дозволялись прежде. Теперь, оправившись отъ перваго смущенія, онъ не захотѣлъ отнять у газетъ ту гомеопатическую дозу свободы, которой онѣ пользовались недолгое время. 29-го ноября явилось министерское распоряженіе въ дополненіе къ закону 1852 года, относительно политическихъ газетъ. Оно состоитъ изъ четырехъ параграфовъ: два первые содержатъ въ себѣ неопредѣленныя фразы, имѣющія нѣкоторый оттѣнокъ либерализма и служащія прикрытіемъ для другихъ двухъ параграфовъ, въ которыхъ находится истинное содержаніе новаго постановленія. Третій и четвертый параграфы говорятъ о наказаніяхъ за напечатаніе недостоверныхъ извѣстій или свѣдѣній, составляющихъ правительственную тайну, или словъ, могущихъ быть оскорбительными для правительственныхъ или частныхъ лицъ. Эти правила составлены такъ, что каждое сужденіе и каждое извѣстіе можетъ быть подведено подъ нихъ. Изъ писемъ вѣнскаго корреспондента „Times'a“ мы беремъ извѣстія о дѣйствіи, произведенномъ на публику этимъ постановленіемъ.

«Вѣна, 30 ноября».

«Третій и четвертый параграфы напечатаннаго вчера министерскаго распоряженія произвели чрезвычайно дурное впечатлѣніе въ публикѣ, которая открыто говоритъ теперь, что ея правители «неисправимы». Венгерцы, живущіе въ Вѣнѣ, жалуются тому, что правительство приняло такую мѣру, значительно увеличивающую его непопулярность въ Австріи и отвергающую отъ него симпатію въ Германіи. Когда графъ Рекенбергъ вступилъ въ должность, онъ представлялся человѣкомъ проницательнымъ, но теперь, повидимому, сталъ глухъ и слѣпъ ко всему, что происходитъ вокругъ него. Какое впечатлѣніе произведено въ вѣнской журналистикѣ новымъ распоряженіемъ, можно судить по статьямъ, напечатаннымъ нынѣ въ «Wanderer» и «Presse». «Presse» спрашиваетъ, возможно ли существовать газетамъ при такихъ стѣсненіяхъ, говорить,

что онъ должны потерять всякую самостоятельность и продолжаетъ: «правительство, обещавшее соблюдать законность въ отношеніи газетъ, не можетъ приводить въ исполненіе такихъ распоряженій». «Wanderer» говоритъ тоже самое.

Вотъ отрывокъ изъ слѣдующаго письма того же корреспондента.

«Вѣна. 2 декабря.

«Министерское распоряженіе, служащее дополненіемъ къ закону о тисненіи 1852 года, продолжаетъ сильно занимать вѣнскую публику, которая открыто объявляетъ, что ничего хорошаго нельзя ожидать отъ людей, издающихъ такіа нелиберальныя и іезуитскія постановленія. Уважаемые юристы утверждаютъ, что это постановленіе противорѣчатъ уголовному кодексу и потому не можетъ быть исполнено. Но судьи въ Австріи теперь менѣе независимы, чѣмъ прежде, и можно ожидать, что нѣкоторые изъ нихъ пожертвуютъ строгою законностью, чтобы избѣжать опасности лишиться мѣста. Но говорятъ, что судьи были бы правы, если бы объявили новое министерское распоряженіе противозаконнымъ. Всѣ газеты громко жалуются на него. Люди, желающіе извинить поступокъ министерства, говорятъ, что правительство будетъ «законнымъ порядкомъ» преслѣдовать нарушителей новаго распоряженія: но они забываютъ недавній случай, бывшій въ Прагѣ. Судъ, состоявшій изъ четырехъ или пяти членовъ, рѣшилъ одно дѣло не по желанію министра фонъ-Баха—и судьи были отставлены. Впрочемъ, это возбудило въ судебскомъ мірѣ такое всеобщее негодованіе, что правительство скоро было принуждено возвратитъ должное судьямъ, отрѣшеннымъ за соблюденіе справедливости. Правительство продолжаетъ думать, что приняло хорошую мѣру, но оно скоро почувствуетъ, что сдѣлало страшную ошибку: оно дало сильное оружіе своимъ врагамъ, которые не замедлятъ имъ воспользоваться. Австрійскія газеты такъ негодуютъ на новое распоряженіе, что конечно не станутъ поддерживать ни одной изъ будущиx мѣръ правительства».

«Графъ Рейбергъ и баронъ Тьерри, министръ полиціи (продолжаетъ тотъ же корреспондентъ въ письмѣ 5 декабря), должны знать, что время теперь очень неблагоприятно для соръ съ газетами; но они подчинены требованіямъ двора и іезуитской партіи. Когда соберется конгрессъ, Австріи будутъ очень нужны помощь ая газетъ, но ова не будетъ вѣтъ отъ нихъ помощи: публицисты рѣшились доказать графу Рейбергу и его товарищамъ, что они не простыя машины. Правительство воображаетъ, что подчинило журналистину своей власти; но оно скоро увидитъ, что ошибается. У правительственныхъ лицъ на языкѣ постоянно натріотизмъ и они постоянно жалуются на то, что находятъ его въ Австріи такъ мало; они должны были бы вѣать, что жители многихъ провинцій открыто и публично объявляютъ, что устали терпѣть нынѣшній порядокъ дѣлъ и желаютъ переменъ. Люди, посѣщающіе кофейни и трактиры столицы, говорятъ, что трудно рѣшать, военные или статскіе сильнѣе бранятъ правительство. Знатные и простолюдины, богатые и бѣдные, всѣ ропщутъ, и господствующее впечатлѣніе то, «что Австрія разваливается»,—я употреблю выраженіе, сказанное нѣ однимъ изъ богатыхъ и очень уважаемыхъ людей».

«Министерское распоряженіе относительно журналистики (продолжаетъ тотъ же корреспондентъ въ письмѣ отъ 6 декабря) произвело чрезвычайно дурное впечатлѣніе въ Германіи, и швейцарскія газеты уже выразили, что не могутъ нѣтъ изъ нѣбольшаго доая рія въ кабинету, который доказалъ, что превосходить своею реакціонностью даже и биваетъ ему предшествовавшіе. Можетъ быть, что онъ произведетъ нѣсколько неважныхъ реформъ; но вѣтъ ни малѣйшей вѣроятности, чтобы онъ произвелъ какую ни будь важную переизмѣну въ прежней системѣ, если не произойдетъ какихъ нибудь чрезвычайныхъ событій. Непопулярность правительства чрезвычайно велика и публика говоритъ такимъ языкомъ, что нѣтъ кажется, будто народъ, отчаявшись въ улучшеніиx желаетъ насильственного расторгненія имперіи. Прежде никогда нельзя было услышать враждебнаго слова противъ династіи, но теперь выражаются о ней такимъ языкомъ

котораго я не хочу повторять. Требования венгровъ возрастають и нѣкоторые изъ нихъ предводителей говорятъ теперь, что возстановленіе конституціи будетъ недостаточно «безъ гарантій другихъ державъ».

Всёобщее неудовольствіе во всѣхъ областяхъ, волненіе въ земляхъ бывшаго венгерскаго королевства, страшное финансовое положеніе, поправить котораго нѣтъ возможности,—вотъ факты, которыхъ мы ни мало не отрицаемъ; прибавимъ даже, что не находимъ никакой возможности устроить ихъ при нынѣшней системѣ. Венгрія не примирится съ австрійскимъ порядкомъ никогда. Въ другихъ провинціяхъ будутъ съ каждымъ годомъ распространяться чувства, господствующія нынѣ въ Венгріи; съ каждымъ годомъ нынѣшній порядокъ дѣлъ будетъ все исключительнѣе поддерживаться только вооруженною силою; военный деспотизмъ и беззаконное управленіе съ каждымъ годомъ будутъ все увеличивать дефициты и вѣнчать всѣ области. Но что жъ изъ того? Развѣ въ массахъ распространилось какое убѣжденіе, что подобный порядокъ дѣлъ неизбеженъ при существованіи Габсбургскаго дома? Совсѣмъ нѣтъ. Правда, въ одномъ изъ переведенныхъ нами писемъ говорится, что теперь не рѣдкость услышать въ Вѣнѣ враждебныя выраженія о династіи. Но во-первыхъ, въ какомъ кругу они слышатся? Въ какомъ нибудь такъ называемомъ образованномъ обществѣ, которое составляетъ незамѣтную каплю въ морѣ населенія. Во-вторыхъ, даже изъ этой горсти людей, очень не многіе произносятъ свои слова съ прямымъ и твердымъ убѣжденіемъ, а почти всѣ другіе только такъ-себѣ, болтають на досугъ, вовсе не будучи непоколебимы въ такихъ мысляхъ; напротивъ, оставаясь въ душѣ вѣрными подданными. Людей, которыхъ династія могла бы дѣйствительно считать своими врагами, въ Австріи очень мало. Мы уже не говоримъ о Тироли и о другихъ нѣмецкихъ областяхъ, не говоримъ о южныхъ австрійскихъ славянахъ, которые обвиняють во всемъ только министровъ и генераловъ, совѣтниковъ и исполнителей. Обратимъ вниманіе на темныя чувства или предразсудки огромнаго большинства населенія даже въ тѣхъ областяхъ, которыя называются наиболѣе враждебными австрійскому правительству. Возьмемъ въ примѣръ Богемію и Венгрію. Чего хотѣтъ чехи? Быть отдѣльнымъ королевствомъ, находящимся въ федеративномъ отношеніи къ другимъ австрійскимъ областямъ, имѣя только то общее съ ними, что король чешскій въ то же время будетъ королемъ венгерскимъ, вѣрцгерцогомъ австрійскимъ, королемъ далматскимъ, и прочее. Того же хочетъ и Венгрія. Что жъ изъ этого слѣдуетъ? Власть оставалась бы все-таки въ тѣхъ же рукахъ, какъ теперь. Династія не могла бы примириться съ униженіемъ, которому подвергало бы ее федеративное и конституціонное устройство. Имѣя въ своемъ распоряженіи войско и администрацію, она не замедлила бы остановить нынѣшній порядокъ вещей болѣе выгодный для нея. Потому мы думаемъ, что существенной перемѣны въ положеніи австрійскихъ земель нельзя ожидать раньше того очень продолжительнаго срока, пока въ массахъ не вѣрзуютъ и упрочатся привычкой совершенно новыя убѣжденія о нынѣшней австрійской династіи. При ней невозможно никакой иной порядокъ вещей, нѣтъ нынѣшняго. „Ничто не вѣчно подлунной“, потому и Австрія когда-нибудь разрушится, мы даже положительно убѣждены, что это неизбежно. Но

продолжительность времени, нужная для перемѣны укоренившихся предубѣжденій, внушаетъ намъ отрадную увѣренность, что на нашъ вѣкъ еще продолжится нынѣшнее австрійское хозяйничанье и благополучно переживетъ тѣ опасности, какимъ можетъ подвергнуться въ болѣе или менѣе скоромъ времени: вѣдь, пережила же Австрія наполеоновскій разгромъ, пережила 1848 годъ; будетъ надѣяться, что жизненной силы нынѣшнихъ предубѣжденій достанетъ на перенесеніе еще нѣсколькихъ подобныхъ пароксизмовъ. Но само собою разумѣется, что послѣ каждого пароксизма предубѣжденія ослабѣваютъ и равнѣе или позже ослабѣютъ до такой степени, что явится возможность прочно утвердиться новому лучшему порядку вещей.

Противоположность между англійскою и французскою политикою въ итальянскомъ вопросѣ послужила для французскихъ правительственныхъ газетъ формальнымъ предлогомъ къ нападеніямъ на Англію, которыми усилились постоянныя опасенія англичанъ, что императоръ французовъ думаетъ начать войну съ Англіею. Печатный ходъ этого дѣла соответствуетъ обыкновенному способу, которымъ императоръ французскій подготавливаетъ свою націю къ дѣламъ, нужнымъ по его соображенію. Читатель знаетъ, что когда приготовленія требуютъ долгаго времени, можно провести его слѣдующимъ образомъ: сначала выставить причины къ неудовольствію, онѣ дадутъ право дѣлать вооруженія; но для успокоенія противника черезъ нѣсколько времени можно показать въ словахъ уступчивость и прекратить полемику; это не помѣшаетъ продолжать вооруженія. Такая смѣна угрозъ и мягкости можетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока вооруженія будутъ кончены и наступитъ удобное время дѣйствовать рѣшительно. Теперь отношенія Франціи къ Англіи находятся въ періодѣ мягкости, которая была введена въ нихъ, главнымъ образомъ, статьею Times'a, требовавшею объясненія враждебнаго тона, принятаго французскими правительственными газетами. Французское правительство отвѣчало на это раскрытіе его намѣреній циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ къ французскимъ префектамъ, которымъ предписывалось увѣдомить зависящія отъ нихъ газеты, чтобы онѣ остановили свою полемику противъ Англіи. Это было въ половинѣ ноября новаго стиля, и послѣ того до сихъ поръ продолжается затишье. Но мы не можемъ приниматьъ тона и содержания своихъ ежемѣсячныхъ обзорнѣй къ ежедневнымъ перемѣнамъ тона въ газетахъ, и по необходимости должны болѣе держаться общаго, довольно медленнаго развитія въ характерѣ отношеній. Читатель знаетъ, что въ послѣдніе два года общаю чертою ихъ было непрерывное усиленіе морскихъ вооруженій Франціи и увѣренности, что она имѣютъ цѣлью войну съ Англіею. Потому, не увлекаясь кратковременнымъ и наружнымъ прекращеніемъ недовѣрчивости, мы скажемъ нѣсколько словъ о фактахъ, изъ которыхъ выводить заключеніе о намѣреніи императора французовъ воевать съ англичанами. Прежде всего, мы приведемъ извлеченіе изъ статьи, помѣщенной въ *Revue Indépendante*. Этотъ журналъ служитъ органомъ орлеанистовъ, которые не одобряютъ никакихъ ссоръ съ Англіею.

«Неизбѣжность войны съ Англіею служитъ предметомъ всеобщихъ разговоровъ во Франціи, всѣ говорятъ, что она была бы очень популярна. А еслибъ она и не была теперь популярна, легко было бы принять средства, чтобы дать ей популярность.

Несмотря на сорока-пяти-лѣтній миръ, старая національная вражда еще не погасла во французскѣхъ. Особенно сохраняется она полную свою силу по всему побережью отъ Дюнкерка до Байонны, и считается патристическою добродѣтелью. Это очевидно изъ того статей противъ Англіи въ газетахъ, руководимыхъ правительствомъ. Люди, близко знакомые съ берегами ла-Манша, Нормандіи и Бретани говорятъ, что ожесточенныя нападенія на Англію въ правительственныхъ газетахъ симпатично принимались прибрежными населеніемъ. Тоже самое въ Парижѣ. Вражда противъ Англіи, пробуждаемая тайными поощреніями, усиливается съ каждымъ днемъ, и англичане, пріѣзжающіе по дѣламъ въ Парижъ, говорятъ, что не находятъ такого пріема тамъ, какъ прежде. Въ высшихъ административныхъ кругахъ, въ арміи, во флотѣ, между работниками и торговцами постоянно идутъ объ этомъ толки, и всѣ согласны, что если война съ Англіею будетъ отложена, то единственно по неоконченности приготовленій и по необходимости выбрать время. Сообщества французскихъ англичанъ въ Китайской войнѣ, по общему мнѣнію, служили только къ замаскированію плава, и чѣмъ сильнѣе говорятъ объ этомъ содѣйствіи, тѣмъ лучше достигается эта цѣль.

«Желаніе войны съ Англіею очень понятно. Не говоря уже о мучащихъ особенной вражды въ Англіи, громадная армія изъ 600,000 или 700,000 человекъ, уверенныхъ въ ласкательствѣхъ и жаждущихъ повышеній, натурально хочетъ имѣть дѣло. Но отъ рядового до генерала, все войско желаетъ войны именно съ Англіею. Какъ о чрезвычайномъ исключеніи, говорятъ о словахъ одного генерала, который имѣлъ мужество объявить, что въ случаѣ войны съ Англіею, онъ выйдетъ въ отставку. Но общее чувство арміи возбуждается мыслью о высадкѣ въ Англію,—объ этомъ дѣлѣ, которое «не удалось нервой имперіи, но должно быть исполнено вторюю». 20 августа былъ данъ въ Версали обѣдъ 6,500 императорскихъ гвардейцевъ. Столы были равнаны въ оравжерѣ, и каждый солдатъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, подлѣ командоу своего офицера. Въ концѣ обѣда, публикѣ позволили войти въ толпы солдатъ и разговаривать съ ними. Одинъ изъ числа публики подошелъ къ зуаву, съ огромнымъ прахомъ на лицѣ, и сказалъ: «Мой другъ, вы можете гордиться своею раной, и она не портитъ вашего вида, хотя вы потеряли отъ нея глазъ. Вы довольно уже сражались на своей вѣжѣ». — «Довольно? Нѣтъ; если мѣсяца черезъ четыре, какъ мы наденемъ, насъ поведутъ въ Англію, я попрошу, чтобы меня поставили первымъ». Разсказываютъ много такихъ разговоровъ. Другой зуавъ удивилъ даму, подлѣ которой сидѣлъ въ загонѣ, объявивъ ей, что французская армія опять будетъ въ дѣлѣ на слѣдующую весну. — «Мы идемъ въ Англію». — «Въ Англію! воскликнула изумленная дама. — «Да, мадаме, въ Англію, на слѣдующую весну». — «Зачѣмъ же?» — «Откстить за себя, откстить!» — «За что же откстить? Франція и Англія въ союзѣ. Они не могутъ воевать». — «Вудутъ воевать, мадаме. Я знаю иначе. Они хорошіе солдаты. Мы ихъ уважемъ, но ненавидимъ. Вѣтъ войны нельзя». — «Но за что же будетъ война? Я не понимаю». — «А вотъ за что, мадаме. Мы поняли Австрію за то, что она притѣснила бѣдную Италію; теперь надобно побить Англію, за то, что притѣсняетъ Индію и несчастную Ирландію». — «Въ Англію перейти не легко». — «Да, не легко, но все равно, мы перейдемъ, и я, вашънокорѣйшій слуга, нервнѣе, прошу, чтобы насъ послали туда. Надѣюсь, этого току не я одинъ». — «Разумѣется, но вы одинъ, подтвердилъ стрѣлковый сержантъ, сидѣвшій подлѣ;—всѣ хотятъ идти въ Англію». Вотъ образецъ солдатскихъ разговоровъ. Армія единодушно хочетъ войны; флотъ также: у него есть въ это собственныя причины. Въ войнахъ нервой имперіи, французскій флотъ терпѣлъ сильнѣйшія пораженія, и жажда пененія въ немъ имѣетъ двойную силу. Матросы съ восторгомъ говорятъ, какъ они перевезутъ войско въ Англію. Но лѣнокровнѣйшіе изъ нихъ замѣчаютъ, что Франція не можетъ начать войну ранѣе 1861 года, потому что нужно не менѣе полутора года для заготовленія каменнаго угля. Брѣтъ, годичный запасъ котораго простирался прежде только до 5,000 тоннъ, имѣетъ теперь до 50,000 тоннъ каменнаго угля; въ Шербургѣ также собранъ большой запасъ, но эти количества считаются недостаточными.

«Духовенство не уступаетъ своему ревностию флоту и арміи. Univers приходитъ въ извѣстность при одномъ имени Англіи, а эта газета служить вѣрнымъ органомъ

клерикальной партіи. Крестовый походъ противъ протестантовъ-англичанъ возмнилъ бы ее. Теперь французское духовенство раздражено тѣмъ, что правительство медлитъ возвратитъ подъ власть папы возмущавшуюся Романью. Война съ Англіею самое лучшее средство вновь приобрести поддержку отъ ультрамонтанцевъ. Тогда мисіонеры станутъ въ ряды зуавовъ. Общественное мнѣніе сначала сильно было противъ Итальянской войны, и даже по совершенномъ измѣненіи его, множество набожныхъ людей остались враждебны политикѣ императора. Такой оппозиціи не будетъ при войнѣ съ Англіею; когда духовенство и армія соединяются, нѣтъ желаніе неодолимо.

«Говорятъ, что даже тѣ классы, которые считаются непримиримо враждебными императору, одобряютъ эту войну. Легитимисты ненавидятъ Англію, такъ что за войну съ нею готовы примириться съ императоромъ; это будетъ патріотическимъ поводомъ войти въ жалость къ нему, котораго они давно ждутъ».

«Такимъ образомъ, императоръ французскій можетъ удовлетворить армію и флотъ, принести удовольствіе духовенству, привлечь къ себѣ легитимистовъ и получить единодушное одобреніе народа. Эта цѣль такъ искусительна, что нельзя не придавать важности словамъ и дѣйствіямъ императора, соответствующимъ ей. Рядъ этихъ признаковъ начинается словами, которыя Луи Наполеонъ произнесъ передъ палатою пэровъ, судившею его при Луи-Филиппѣ за намѣреніе произвести возмущеніе во Франціи Я «представитель пораженія, которое должно быть отпущено. Это пораженіе—Ватерлоо». Будучи президентомъ республики, Луи-Наполеонъ не разъ и не одному человеку говорилъ, что возстановленіе имперіи можетъ имѣть одну цѣль: отпущеніе за Ватерлоо и за святую Елену. По возстановленіи имперіи, учрежденіе медали св. Елены служило вѣдомымъ признакомъ намѣреній его. Зачѣмъ было выбирать такое имя для напоминанія о славѣ первой имперіи, учрежденной его дядею? Что напоминаетъ этимъ именитъ? Оно говоритъ о пораженіи Франціи, о побѣдѣ Англіи, объ униженіи Наполеона I. Зачѣмъ напоминать о такомъ фактѣ, если не имѣть намѣренія воспользоваться имъ? Это намѣреніе состоитъ въ возбужденіи вражды противъ Англіи, въ подготовленіи націи къ войнѣ. Раздоръ съ Англіею въ началѣ прошлаго года, когда Наполеонъ III требовалъ усиленія напизавія противъ заговорщиковъ (Conspiracy Bill) присоединилъ къ политическимъ причинамъ вражды личное неудовольствіе. Послѣ покушенія Орсиери онъ окончательно рѣшился воевать съ Англіею, которая служитъ убійщею для его враговъ. Послѣ того, когда онъ упоминалъ о союзѣ съ Англіею, онъ горько жаловался на то, что этотъ союзъ принуждаетъ его примирить слыхомъ большія жертвы. Съ той поры приготовленія къ войнѣ съ Англіею идутъ безостановочно».

Людей, желающихъ непрерывнаго мира съ Англіею, во Франціи очень много; и англичани справедливо думаютъ, что всегда будутъ имѣть за себя, т. е. за сохраненіе мира, значительную партію въ самой Франціи. Но національныя предрассудки и во Франціи, какъ во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ, такъ еще сильны, что по ложному поватію о національной славѣ, будто бы приобретаемой побѣдою, и будто бы помрачаемой военными неудачами, готовы поддерживать враговъ Англіи множество французовъ, которые по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, никакъ не должны были бы дѣлать этого. Любопытнымъ примѣромъ тому явился Журденъ, одинъ изъ сотрудниковъ газеты *Siècle*. Онъ также вздумалъ неистовствовать противъ англичанъ. Его сотрудники по газетѣ почли неприличнымъ и вреднымъ соглашаться на эту патріотическую фантазію, и потому Журденъ излилъ свѣ чувства въ особенной брошюрѣ, которую назвалъ „Война англичанину!“—*la guerre à l'Anglais*. Самъ по себѣ его памфлетъ не замѣчательнъ и подвергся такому блестящему опроверженію отъ его пріятеля Пейра, въ газетѣ *Presso*, что самъ Журденъ устыдился своей дикой выходки и сталъ извиняться въ ней. Но мы приведемъ изъ его брошюры одинъ отрывокъ, который

может служить свидетельствомъ, что, несмотря на всѣ жалобы французскихъ писателей, публицистика пользуется во Франціи значительною степенью свободы. Журденъ сравниваетъ Францію съ Англіей въ разныхъ отношеніяхъ и во всемъ находитъ преимущество на сторонѣ своей родины. По своему республиканскому образу мыслей, онъ съ особенною любовью останавливается на томъ, что во Франціи болѣе равенства, нежели въ Англіи; но въ одномъ отношеніи онъ принужденъ отдать преимущество Англіи; и вотъ изъ его памфлета отрывокъ, служащій заключеніемъ этого отдѣла:

«Англія имѣетъ надъ нами (французами) только одно дѣйствительное, несомнѣнное, безспорное преимущество. Она имѣетъ свободу въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова,—свободу печати, свободу политическихъ собраній и союзовъ. Этому пріобрѣтенію она обязана своимъ могуществомъ. Свобода и равенство въ арсеналѣ нравственной силы то же самое, что наравнны пушки и паръ въ арсеналѣ матеріальной силы.

«Равенство пріобрѣтено нашими отцами. Оно вошло въ наши нравы, наши учрежденія, наши законы, и не можетъ быть искоренено. Англія имѣетъ свободу—почему же и мы не должны имѣть ея? Затѣмъ намъ оставаться лишенными такой наступательной и оборонительной силы? Англія не заимствовала у насъ наши наравнны пушки; почему же намъ не заимствовать у нея оружія въ тысячу разъ болѣе вѣрнаго и полезнаго, оружія, которое творитъ, а не истребляетъ, которое созидаетъ, а не разрушаетъ?

«Какъ можемъ мы оставлять союзнику, который завтра можетъ стать врагомъ, исключительное обладаніе благомъ, которое мы можемъ принять и пользованіе которымъ привычно намъ?

«Мы говорили, что Англія имѣетъ только одно преимущество надъ нами; но оно таково, что въ данный день можетъ оказать сокрушительную силу. Можемъ ли имѣть его, можемъ ли пользоваться имъ? Да, потому что оно представляеть непобѣдимую силу.

«Мы должны обладать свободой, должны внести ее въ наши кодексы, потому что она столь могущественное оружіе. Англійское правительство думаетъ, что въ случаѣ столкновенія будетъ сильнѣе насъ и всей Европы, потому что видитъ Европу лишенной столь сильнаго оружія. Облечемся же въ это оружіе».

Многіе полагаютъ, что англичане боятся исхода войны, когда постоянно высказываютъ такое сильное безпокойство относительно намѣреній императора французовъ. Это совершенно несправедливо. Они очень хорошо чувствуютъ, что какъ бы сильна ни была армія, высадившаяся на ихъ берега, черезъ мѣсяцъ не останется въ Англіи ни одного непріятели. Они опасаются высадки только потому, что какъ бы малъ ни былъ округъ, которымъ непріятель успѣетъ овладѣть на нѣсколько дней, онъ разореніемъ этого округа нанесетъ націи громадный убытокъ: опустошеніе одного англійскаго графства, говорить они, будетъ стоить націи дороже, нежели вся индійская война.

Мы не считаемъ нужнымъ подробно разсказывать о томъ, какъ четыре иверпудскіе купца прибѣгли къ странному способу узнать степень основательности общихъ опасеній; какъ они отправили къ императору Наполеону письмо, въ которомъ, дѣйствительно ли думаетъ онъ сдѣлать высадку, и какъ секретарь аполова, Моккаръ, отвѣчалъ имъ, что такого намѣренія никогда не было императора французовъ. Разумѣется, нелѣпный поступокъ былъ всѣмъ осмѣянъ, отвѣтъ Моккара не измѣнилъ мыслей ни въ комъ. Привуждаемая примѣромъ чужаи, Англія дѣятельно усиливаетъ свой флотъ и свои укрѣпленія. Чита-

тель знаетъ, что въ послѣднее время опредѣлено англійскимъ правительствомъ усилить регулярное войско 30 новыми батальонами и принять разныя мѣры для образованія огромнаго резерва матросовъ, которымъ Англія могла бы располагать въ случаѣ войны. Но еще больше этихъ мѣръ будетъ способствовать возвышенію военныхъ силъ Англіи реформа, которая равне хороша и для войны и для мира.

Духъ войска, главное условіе его силы, возвышается соразмѣрно чувству собственнаго достоинства въ солдатѣ. До сихъ поръ въ англійской арміи сохранялось тѣлесное наказаніе, столь противное здравому смыслу и политической расцѣтливости, не говоря уже о гуманныхъ принципахъ. Правда, оно употреблялось рѣдко, назначалось не иначе какъ по суду и ограничивалось числомъ ударовъ, ничтожнымъ по сравненію съ кодексами другихъ армій, сохраняющихъ это неблагоразумное средство наказанія. Но все-таки англійскій солдатъ, поступая въ ряды войска, знаетъ, что первый проступокъ можетъ подвергнуть его безчестному наказанію. Это гибельнымъ образомъ дѣйствовало на нравственное достоинство солдатъ и уменьшало военныя ихъ силы. Правительство повало наконецъ, что вредить и государству, и арміи, и самому себѣ, оставаясь при такой неумѣстной рутинѣ. Оно не можетъ вычеркнуть тѣлеснаго наказанія изъ военныхъ законовъ безъ разрѣшенія парламента и потому теперь, до собранія парламента, измѣнены только правила, по которымъ назначается тѣлесное наказаніе. Вотъ эти правила:

За первый проступокъ или за первое преступленіе, какого бы рода оно ни было, солдатъ не можетъ быть подвергаемъ тѣлесному наказанію. Ему могутъ подлежать только тѣ солдаты, которые уже подвергались прежде другимъ наказаніямъ за разныя тяжкіе проступки. Дезертирство и воровство,—вотъ почти единственныя преступленія, за которыя солдатъ отдѣляется отъ общей массы своихъ товарищей, не подлежащихъ тѣлесному наказанію ни въ какомъ случаѣ, и записывается въ разрядъ штрафованныхъ, которые за новое преступленіе могутъ быть подвергнуты тѣлесному наказанію. Но оны понижается въ этотъ разрядъ только на одинъ годъ, и если проведетъ его, не сдѣлавъ новаго преступленія, то его прежнее право быть изъятымъ отъ тѣлеснаго наказанія возвращается ему. Приказъ главнокомандующаго, производящій эту реформу, заключается словами, чтобы военные суды старались назначать тѣлесное наказаніе какъ можно рѣже. Если даже извѣстный солдатъ, попавшій за прежнее преступленіе въ штрафной разрядъ, совершитъ до истеченія года, т. е. до восстановленія своихъ правъ, новое преступленіе, за которое можетъ подвергнуться тѣлесному наказанію, то изъ этого еще не слѣдуетъ, говорить приказъ англійскаго главнокомандующаго, чтобы военно-судная коммиссія должна была дѣйствительно приговорить его къ такому наказанію: она должна дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ дѣла, и назначать тѣлесное наказаніе только въ крайнихъ, исключительныхъ случаяхъ.

Эти правила предписаны только какъ временная мѣра до той поры, когда парламентъ совершенно отиѣнитъ тѣлесное наказаніе въ арміи. Билль объ этомъ готовится министерствомъ. Точно также готовится она билль объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія въ англійскомъ флотѣ, въ которомъ между тѣмъ ограничено тѣлесное наказаніе новыми правилами, точно такимъ

же, какія введены въ арміи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти реформы, возвысивъ духъ солдатъ и матросовъ, принесутъ Англіи больше пользы и значительнѣе увеличатъ силу ея войскъ, нежели увеличилась бы она чрезъ прибавку пѣхотныхъ десятковъ батальоновъ и кораблей.

Другое очень важное явленіе въ военной жизни Англіи составляетъ „волонтерское стрѣлковое движеніе“. Читатель знаетъ, что оно началось нынѣшнемъ несомнѣнно; съ той поры, когда въліяніемъ опасеній войны со стороны Франціи, оно постоянно и быстро развивается. Нѣкоторые изъ радикаловъ, именнно Брайтъ съ манчестерскою школою, не сочувствуютъ этому движенію, — во-первыхъ потому, что оно воинственно, а они держатся миролюбивой политики, во-вторыхъ потому, что оно развлекаетъ націю отъ мыслей о внутреннихъ реформахъ; въ-третьихъ потому, что оно развивается подъ руководствомъ лэндлордовъ, то есть торійской партіи. Мы думаемъ, что Брайтъ въ этомъ случаѣ дѣлаетъ ошибку; если движеніе достигнетъ своей цѣли, упрочить въ Англіи существованіе громаднаго ландвера, котораго невозможно употребить на заграничную войну, но который дѣлаетъ невозможнымъ вторженіе въ Англію, — если англичане, благодаря этому, приобретутъ сами и внушатъ другимъ націямъ увѣренность, что высадка въ Англію — просто безумство, то освободившись отъ своихъ нынѣшнихъ опасеній они будутъ менѣе развлекаться заботами объ иностранныхъ замыслахъ и не будутъ торопиться объявленіемъ войны, какъ дѣлали иногда прежде, съ единственною цѣлью предупредить сборы противника; при ихъ разсудительности, усиленіе оборонительныхъ средствъ сдѣлаетъ ихъ еще болѣе миролюбивыми. А торійское вліяніе на волонтерское движеніе надобно считать явленіемъ временнымъ: чѣмъ больше расширятся и укоренятся въ народѣ будетъ новое учрежденіе, тѣмъ болѣе будетъ оно пропитываться народнымъ духомъ и не замедлитъ перейти подъ вліяніе радикаловъ, если только сами они захотятъ того. Число волонтеровъ съ каждымъ мѣсяцемъ увеличивается; въ половинѣ декабря ихъ считали до 75,000 человекъ. Судя по силѣ движенія, надобно полагать, что скоро число это превзойдетъ цифру волонтеровъ, который имѣла Англія въ 1804 году, когда Наполеонъ I прозвѣлъ въ булонскимъ лагеремъ. Тогда, при населеніи вдвое меньшемъ, Англія имѣла 379,943 человекъ волонтеровъ. Нынѣшніе волонтеры всѣ вооружаются пушечными и учатся стрѣлать очень успѣшно, такъ что масса уже состоитъ изъ хорошихъ стрѣлковъ.

Агитація въ пользу парламентской и финансовой реформы началась. Были уже два большіе подготовительные митинга, одинъ въ Ливерпульѣ, другой въ Лондонѣ. Главнымъ руководителемъ движенія остается Брайтъ, какъ въ прошломъ году. Но объ этомъ мы будемъ еще имѣть случай говорить.

Январь 1859 ¹⁾.

Характеръ историческаго прогресса.—Обзоръ состоянія Западной Европы.—Положеніе дѣлъ во Франціи.—Парламентская реформа въ Англіи.

Послѣднее десятилѣтіе было очень тяжело для друзей свѣта и прогресса въ Западной Европѣ. Но что же тутъ удивительнаго, что рѣдкаго? Въ какомъ же вѣкѣ не бывало въ двадцать разъ больше мрачныхъ лѣтъ, нежели свѣтлыхъ? Людямъ нашего поколѣнія въ Западной Европѣ пришлось перенести очень много тяжелыхъ испытаній; но въ какомъ же поколѣніи жизнь людей, желавшихъ добра, не отравлялась почти постоянно испытаніями, быть можетъ, еще болѣе тяжелыми? Исторія любитъ прикрашивать прошедшее, какъ старыя конетки любятъ говорить, что нѣкогда наслаждались невырваннымъ рядомъ сладкихъ побѣдъ; но люди, бывшіе свидѣтелями ихъ прошедшаго, слушаютъ этотъ вздоръ съ улыбкой, думая про себя: „однакоже самохвальство очень легкое дѣло; мы помнимъ, что никогда вы не были такъ хороши, какъ воображаете“. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же въ прошедшемъ какой бы то ни было страны Западной Европы найдутся десятилѣтія хорошаго времени? Припомнимъ хотя послѣднія полтора столѣтія. О Германіи, Италіи, Испаніи нечего и говорить: ихъ исторія за все это время очень незавидна, и счастливыхъ годовъ онѣ могутъ искать развѣ въ будущихъ годахъ XIX столѣтія, а никакъ не въ прошедшихъ его годахъ и не въ XVIII вѣкѣ. Припомнимъ судьбы двухъ народовъ, жизнь которыхъ до сихъ поръ была удачѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ; кстати же, исторія Франціи и Англіи нѣсколько знакомѣе намъ, Русскимъ, и дѣло будетъ понятно безъ длинныхъ разсужденій. Попробуемъ подводить итоги для жизни каждаго поколѣнія этихъ племенъ, начиная съ людей, бывшихъ врандѣдами дѣдамъ нашихъ современниковъ.

Что видѣлъ вокругъ себя въ свою жизнь французъ, бывший старикомъ въ 1730 году, молодымъ человѣкомъ въ 1700? Прежде всего онъ видѣлъ страшное истощеніе Франціи предшествовавшими войнами, которыя по разсказамъ его отцовъ были славны для французскаго оружія, но какъ онъ замѣчаетъ самъ, не принесли Франціи ровно никакой пользы, кромѣ чести разориться самой для опустошенія Нидерландовъ и Западной Германіи; потому онъ видѣлъ пораженіе французскихъ войскъ въ современныхъ ему битвахъ Евгениемъ Савойскимъ и герцогомъ Марльборо, видѣлъ постыдный для Франціи

¹⁾ *Примечаніе издателя.* Въ виду встрѣтившейся невозможности провѣрить своевременно эту статью по рукописи, пришлось, чтобы не задерживать печатаніе настоящаго тома, помѣстить ея по необходимости въ конѣхъ книги.

Утрехтскій миръ и предшествовавшее ему униженіе французскаго короля передъ какимъ нибудь Гейнзисомъ. Престарѣлымъ королемъ овладѣли іезуиты, можно свободно кощунствовать надъ всѣмъ святымъ, попирашь ногами всѣ нравственные законы, надобно только льстить іезуитамъ, — и будешь могущественъ, богатъ, всѣмъ уважаемъ. Ему говорятъ, будто бы прежде было лучше, но онъ вспоминаетъ, что первинъ впечатлѣніемъ его дѣтства было: отиженіе Нантскаго эдикта, казни несчастныхъ гугенотовъ, между которыми благословляли судьбу тѣ, которые могли бѣжать изъ любимой родины. Теперь драгоннады продолжаютъ, къ нимъ присоединилось преслѣдованіе янсенистовъ, и человѣкъ, который исповѣдуются предъ смертью не у іезуита, не будетъ похороненъ по христіанскому обычаю. Все государство предано произволу кровопийцъ, называющихся откупщиками, нѣгодантами; министры заботятся только о томъ, чтобы угодить госпожѣ Ментенонъ; народъ изнемогаетъ подъ бременемъ невыносимыхъ налоговъ, а въ казнѣ все также нѣтъ ни копѣйки денегъ и съ каждымъ годомъ растутъ долги. Хорошо было при Людовикѣ XIV, еще лучше сдѣлалось при герцогахъ-регентахъ. Пріятное тридцатилѣтіе! Но все-таки оно лучше слѣдующихъ тридцати лѣтъ, а эти тридцать лѣтъ, кончающіяся позорнымъ пораженіемъ при Росбахѣ, все-таки лучше слѣдующихъ пятнадцати лѣтъ на столько же, на сколько маркиза Помпадуръ была лучше графиня дю-Барри. Но если первая половина жизни третьяго поколѣнія была еще тяжелѣе, нежели жизнь втораго, которая въ свою очередь была еще несчастнѣе жизни перваго поколѣнія, то вотъ является надежда, что послѣдніе пятнадцать лѣтъ будутъ для внуковъ лучше, нежели первые: новый король человѣкъ добрый, желающій блага народу. Кто же является при немъ всесильнымъ министромъ? Старый весельчакъ графъ Морапа, который былъ слишкомъ дурень даже для прежнихъ временъ. Хороши надежды! „Но сила общественного мнѣнія поддержитъ добраго короля въ его благихъ намѣреніяхъ“. Дѣйствительно, потребности, высказываемыя общественнымъ мнѣніемъ, даютъ такую сильную опору честнымъ людямъ, что Турго и Мальзербъ едва могутъ удержаться въ министерствѣ нѣсколько мѣсяцевъ и удаляются, не успѣвъ сдѣлать почти ровно ничего. Далѣе ходъ событій извѣстенъ; вѣроятно онъ былъ хорошъ, если какъ разъ подъ конецъ третьяго тридцатилѣтія привелъ къ ужасному взрыву. О слѣдующихъ четырехъ или пяти годахъ мы не будемъ говорить; но вѣроятно и они были не очень счастливы, если кончились возникновеніемъ позорной Директоріи съ ея безстыднымъ Баррасомъ, промѣнять котораго на Наполеона-Бонапарте казалось уже огромнымъ выигрышемъ. При Наполеонѣ громъ побѣдъ долго гѣшилъ хвастуновъ; но, озираясь вокругъ себя, разсудительный человѣкъ гдѣлъ, что во Франціи уже не оставалось молодыхъ людей, которые всѣ, промѣл калѣки и уродовъ, забраны конскрипціею. Всякая мысль, не только свободная, но и рѣшительно всякая, преслѣдовалась во Франціи; всѣ права (или отняты у гражданъ; надъ всею страню тяготѣлъ деспотизмъ. Побѣды (или тащъ удачны, что кончились вторженіемъ враговъ во Францію. Изнуренная страна не имѣла силъ защищаться и правленіе Наполеона было общее тащъ хорошо, что французы привѣтствовали своихъ завоевателей, и тѣхъ освободителей. Наполеона смѣнили Бурбоны, которые заставили Францію

жалѣть о немъ. Деспотъ, избавителями отъ котораго были чужеземцы, явился избавителемъ отъ Бурбоновъ и былъ встрѣченъ съ такимъ же восторгомъ, каковымъ за годъ встрѣчены были враги, освобождавшіе отъ него. Затѣмъ послѣдовало новое завоеваніе Франціи, которая, при всемъ страшномъ своемъ изнуреніи, принуждена была заплатить огромную контрибуцію и содержать иностранныя арміи. Въ этомъ положеніи застаетъ Францію 1820 годъ, которымъ кончается четвертое тридцатилѣтіе. Человѣку, желающему добра, легче ли было жить въ это время, нежели какъ было его отцу, дѣду, пра-дѣду и прапрадѣду? Бурбоны съ самаго начала заставили жалѣть о Наполеонѣ, освободиться отъ котораго было пріятно для Франціи даже цѣною своего завоеванія инородцами; но каково бы ни было сначала правленіе Бурбоновъ, все-таки полного своего совершенства оно достигло именно съ 1820 года, которымъ начинается жизни новаго поколѣнія: до той поры реставрація колебалась между крайними фанатиками и людьми, которые назывались умѣренными по оравненію съ ними. Теперь умѣренные (дѣйствовавшіе впрочемъ такъ, что ужасался и совѣстился даже самъ Фуше, человекъ извѣстной репутаціи) были совершенно оттѣснены тою партією, которая своею яростію набрасывала на нихъ видъ умѣренности. Что говорилось и дѣлалось въ это время, съ 1820 до 1830 года, то было въ рѣдкость, даже при Людовикѣ XV. А для того, чтобы оцѣнить слѣдующіе 18 лѣтъ, довольно сказать, что по общему мнѣнію людей, содѣйствовавшихъ перевороту 1830 года, Франція едва ли много выиграла черезъ него; а многіе изъ самыхъ либеральныхъ людей находили, что прежде было едва ли не лучше. Да и то сказать, можно ли похвалить такое положеніе, отъ котораго въ 30 лѣтъ происходятъ двѣ революціи? Чѣмъ же для пяти предшествующихъ поколѣній французовъ жизнь была лучше, нежели для нынѣшнихъ?

„Но что же вы говорите о Франціи? забѣгать многіе изъ читателей: — французская исторія дѣйствительно представляетъ очень мало отраднаго: тамъ вѣчныя смѣны угнетенія и анархіи, приводящей къ другому угнетенію. Во Франціи дѣйствительно никогда не было легко жить, тутъ не нужно никакихъ доказательствъ. Вотъ другое дѣло Англіи, — въ ней порядокъ, въ ней свобода, въ ней непрерывный прогрессъ, столь же быстрый какъ и мирный“. Мы рады слушать утѣшенія. Очень пріятно, если авглійская исторія окажется отраднѣ французской. Но только жаль, что очень многіе увѣряютъ совершенно въ противномъ: они утверждаютъ, будто бы въ Англіи массѣ народа всегда было тяжелѣе жить, нежели во Франціи. Быть можетъ они ошибаются, но самое существованіе ихъ мнѣнія уже доказываетъ, что слишкомъ большаго превосходства надъ французскою жизнью англійская не имѣетъ, иначе ошибка ихъ была бы невозможна: вѣдь можно спорить развѣ о томъ, въ чемъ больше горечи, въ полыни или въ горчицѣ; если бы полынь сравнивалась съ сахаромъ, никто бы и спорить не сталъ. Посмотримъ же на исторію этой Англіи, столько хвалимой одними, столько ненавистной другимъ.

Что видитъ вокругъ себя англичанинъ, начинающій самостоятельную дѣятельность въ 1700 году? (Мы уже не говоримъ, что видитъ ирландецъ, — пусть рѣчь идетъ только объ англичанинѣ, для котораго ирландецъ

тогда был хуже собаки). Первая пріятность для человѣка, хотя съ нѣкоторымъ чувствомъ справедливости и доброжелательства, состоитъ въ томъ, что гораздо болѣе, нежели девять десятыхъ частей націи совершенно лишены всякой недвижимой собственности и могутъ быть уподоблены тому греческому мудрецу, изрѣченіе котораго извѣстно всѣмъ намъ въ латинскомъ переводѣ: *оппіа mea тесіш porto*. Впрочемъ это удовольствіе вовсе не составляетъ привилегіи человѣка, жизнью котораго мы начинаемъ нашъ очеркъ: тоже самое удовольствіе доставляетъ зрѣлище родины и его сыну, и внуку, и правнуку, и праправнуку. Итакъ вопросъ о положеніи массы простолюдиновъ отбросимъ въ сторону: вѣроятно оно для Англіи такъ и слѣдуетъ быть, если искони вѣковъ до нашего времени такъ остается. Посмотримъ на то, какъ удовлетворяются нравственныя потребности образованнаго сословія. Нашъ англичанинъ 1700—1730 годовъ читалъ между прочимъ Локка, а можетъ быть и Милтона; оба они растолковали ему, что свобода совѣсти дѣло священное, что когда одна сѣкта присвоиваетъ себѣ всѣ государственныя права, то хорошаго ничего нельзя ожидать. А между тѣмъ не только нашему англичанину, но и его сыну, и его внуку, и даже правнуку не удастся видѣть признанія политическихъ правъ за людьми несогласными съ оксфордскимъ изувѣрствомъ: этотъ гостинецъ англійская исторія бережетъ только уже для второй четверти XIX столѣтія.

Значить, и объ этомъ толковать нечего: вѣроятно стѣсненіе иковѣрцевъ не должно возмущать англичанина съ гуманнымъ образомъ мыслей. Притомъ же надобно полагать, что онъ утѣшится очаровательнымъ зрѣлищемъ свободного парламентскаго правленія. Въ самомъ дѣлѣ, умилительно и подумать объ англійскомъ парламентѣ: собираются представители націй, на нихъ мудрое и благонамѣренное обсужденіе предоставляются всѣ дѣла, — превосходно, но только и тутъ есть для нашего англичанина 1700—1730 годовъ небольшое огорченіе. Въ палатѣ общинъ изъ десяти членовъ девятѣро назначаются вовсе не націею, а нѣсколькими лордами, и обязаны подавать голоса, какъ прикажутъ имъ хозяева. Притомъ ни министры королевы Анны, ни министры Георга I, не хотятъ подчиняться парламенту, а напротивъ, или подкупаютъ его, или, если не удастся подкупить, просто-на-просто не слушаютъ его и распоряжаются государственными дѣлами, какъ сами хотятъ; и великолѣпный спектакль парламентскаго правленія почти постоянно онызывается чистою комедіею, смыслъ которой — полнѣйшій произволъ придворнаго управленія, не только въ это, но и въ слѣдующее тридцатилѣтіе, такъ что сыну при Георгѣ II такъ же мало отрады, какъ и отцу при Аннѣ и Георгѣ I. Но вотъ въ молодые годы внука начинается правленіе Георга III. Хотя теперь не обратится ли парламентская комедія въ серьезное дѣло? Вотъ нарушены коренныя законы Англіи въ дѣлѣ Вилькса. Много лѣтъ волнуется Лондонъ, волнуется все государство въ негодованіи на преступныхъ министровъ; гремятъ ораторы въ парламентъ; письма страшнаго Юніуса разятъ преступниковъ, какъ частые удары молніи; а преступные министры, венавидимые націею, улыбаются и преспокойно себѣ управляютъ Англіею. Мало того, что они нарушаютъ законы въ Англіи, они хотятъ обратить въ рабовъ американцевъ, чтобы при помощи этихъ рабовъ, по знаменитому выраженію лорда

Четема, обратить потомъ въ рабство и самую Англію. Вся Англія негодуеъть сильнѣе прежняго, вся сочувствуетъ обижаемымъ американцамъ; а министры все-таки продолжаютъ свое дѣло, улыбаясь въ отвѣтъ на проклятія народа, раздающіяся по улицамъ и грозныя рѣчи великихъ ораторовъ, гремящія въ парламентѣ. Министры таки сдѣлали свое дѣло, довели американцевъ до возстанія: братья рѣжутъ братьевъ, и европейскіе братья въ добавокъ наивмаютъ краснокожихъ, чтобы они смяли американскихъ братьевъ. Тутъ зрѣлище становится еще отраднѣе: тѣ самые англичане, которые негодовали на угнетеніе американцевъ и поощряли ихъ къ сопротивленію, теперь одушевлены уже враждою къ нимъ за то, что они не дали поработить себя и не захотѣли быть орудіемъ норабоченія для Англіи. Среди этихъ сценъ проходитъ жизнь внука. При правнукѣ онъ продолжаютъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ и растягиваются еще на болѣе число лѣтъ. Исторія, бывшая съ американцами, повторяется относительно французовъ: начинается слишкомъ двадцатилѣтняя война съ Франціею за то, что французы, наслушавшись англійскихъ рѣчей о свободѣ, произвели у себя революцію, къ которой ободряли ихъ сами же англичане: видите ли, Англія погибнетъ, если не будутъ возстановлены Бурбоны, которыхъ Англія имѣла непримиримыми своими врагами до самой минуты ихъ паденія. Лется двадцать лѣтъ англійская кровь въ Испаніи, въ Голландіи, во Франціи, обагрятся ею всѣ моря, Англія облагаетъ себя двойной тяжестью падатей, увеличиваетъ до баснословной цифры свой долгъ, чтобы возстановить Бурбонровъ, которые всегда были и опять будутъ ея врагами. Занятымъ войною англичанамъ уже не до того, чтобы думать о внутреннихъ улучшеніяхъ. Мало того, что некогда думать объ улучшеніяхъ,—подъ вліяніемъ односторонняго напряженія силъ на вѣшнюю войну, внутреннія учрежденія Англіи едва ли не ослабѣваютъ; по крайней мѣрѣ послѣ войны, когда вниманіе снова обращается къ внутреннимъ дѣламъ, Англія видитъ въ своемъ правительствѣ рѣшительное стремленіе къ подавленію правъ, которыми пользовалась нація. Въ 1820 году, праправнукъ, начинающій жить, находитъ свою родину во власти обскурантовъ и реакціонеровъ, давно уже господствующихъ въ ней. Наконецъ избытокъ угнетенія пробуждаетъ націю отъ долгой политической дремоты и возникаетъ стремленіе къ реформамъ. Есть народы, которые могутъ завидовать англичанамъ во второй четверти нашего вѣка; но для самихъ англичанъ мало утѣшенія въ томъ, что у другихъ хуже, нежели у нихъ: какъ бѣдны и узки достигаемыя ими реформы, и какихъ долгихъ хлопотъ стоитъ каждая изъ нихъ! Нѣсколько десятковъ лѣтъ нужно волноваться цѣлому государству, чтобы добиться отмены злоупотребленія, и потомъ оказывается, что злоупотребленіе осталось почти во всей своей силѣ. Великимъ дѣломъ въ живни поколѣнія 1820—1850 годовъ была парламентская реформа, необходимость которой чувствовалась по крайней мѣрѣ уже лѣтъ сорокъ, да и та была произведена въ такомъ жалкомъ размѣрѣ, что осталось почти неприкосновеннымъ зло, противъ котораго она была направлена. Палата общинъ попрежнему осталась представительницею почти одного только аристократическаго интереса; не только простолудия не приобрѣли доступа въ нее своими депутатами, но и среднее сословіе,

которое въ Англіи богаче, просвѣщеннѣе и многочисленнѣе, нежели гдѣ-нибудь, почти не имѣло въ ней голоса до 1850 года. Реформа была такъ узка и бѣдна, что ни мало не удовлетворила требованіямъ принципиальныхъ людей, которые потомъ почти 30 лѣтъ напрасно выбивались изъ силъ, чтобы дополнить ее. Она была произведена такъ неудовлетворительно, что первымъ результатомъ ея было доставленіе господства той самой партіи, которая противилась ей. Другимъ важнымъ дѣломъ было отминовеніе хлѣбныхъ законовъ; оно составляетъ до сихъ поръ предметъ пышныхъ похвалъ; во нашъ англичанинъ 1820—1850 годовъ только подъ конецъ своей жизни дождался этой реформы, которая требовалась еще его отцемъ; стало быть свою жизнь провелъ онъ въ тяжеломъ ожиданіи, да и предъ конецъ жизни чѣмъ онъ былъ утѣшенъ?—тѣмъ, что славу улучшенія похитилъ чужеземецъ, всѣми силами противившійся ему до послѣдней минуты, а люди, которые были истинными виновниками улучшенія, остались попрежнему предметомъ презрѣнія обѣихъ господствующихъ партій. Да, мы забыли еще одну пріятность для англичанина 1820—1850 годовъ. При немъ Англія сдѣлалась самостоятельной державою, а до тѣхъ поръ, съ самаго начала прошлаго вѣка, вся ея политика подчинялась надобностямъ ганноверскаго курфирста, который постоянно жертвовалъ интересами Англіи интересамъ своей нѣмецкой области. Хорошо состояніе государства, 120 лѣтъ торящаго такую обременительную наглѣпку. Мы знаемъ, что такой отзывъ о развитіи англійскихъ учрежденій въ 1820—1850 годахъ несогласенъ съ господствующимъ мнѣніемъ; но онъ покажется менѣе страннымъ, когда намъ представится случай ближе всмотрѣться въ исторію Англіи за послѣднія 40 лѣтъ. Да и теперь читатель можетъ быть не осудить его, если подумаетъ о томъ, что реформа 1832 года оставила палату общинъ, вопрежнему, во власти вигговъ и тори, и что только нынѣ начинается возникать въ ней независимая отъ этихъ узкихъ котерій партія, служащая представительницею средняго сословія; также если вспомнить, что Робертъ Пиль, отминая хлѣбные законы, только воспользовался чужими трудами, которымъ до тѣхъ поръ всячески противился; а Кобденъ, которому Англія дѣйствительно обязана этимъ великимъ дѣломъ, до сихъ поръ не удостоился имѣть никакого участія въ правительствѣ. Хорошо порядкомъ дѣль, когда лучшій министръ вынуждается къ согласію на отмену вопіющихъ злоупотребленій только страхомъ революціи!

„Къ чему же ведетъ этотъ очеркъ? Неужели вы хотите доказать, что въ исторіи Англіи 1820—1850 годовъ не было ничего хорошаго?“ Напротивъ, хорошаго было сдѣлано очень много и въ это время, и въ прежніе періоды, не только въ Англіи, но только во Франціи, но даже и въ Неаполѣ, и въ Португаліи, и въ самой Турціи. Мы вовсе не отвергаемъ прогресса, а только хотимъ сказать, что нашему поколѣнію жить ни чуть не тяжелѣе, нежели какому бы то ни было изъ предъидущихъ поколѣній; и что во всѣ времена и во всѣхъ сѣнахъ мыслящіе люди были ровно настолько же довольны ходомъ и характеромъ событій, во все продолженіе ихъ жизни, насколько могутъ быть довольны теперь; что и въ прежнія времена удачи для нихъ были очень рѣдки и давались и судьбою въ очень урѣзанномъ видѣ; что прогрессъ всегда и вездѣ происхо-

для очень медленно, сопровождаясь цѣлою тучею самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и случаевъ, безпреставно перерываясь видимымъ господствомъ реакціи, или по крайней мѣрѣ застоємъ.

А прогресса мы не только не думаемъ отрицать, напротивъ, даже не понимаемъ, какъ можно сомнѣваться въ его неизбѣжности при такихъ бы то ни было задержкахъ и неудачахъ. Законъ прогресса — ни больше ни меньше, какъ чисто физическая необходимость, въ родѣ необходимости скаламъ повемногу вывѣтриваться, рѣкамъ стекать съ горныхъ возвышенностей въ низменности, водянымъ парамъ подниматься вверхъ, дождю падать внизъ. Прогрессъ — просто законъ варостанія. Ничто не остается безъ слѣда; послѣ каждаго процесса образуются какія нибудь остатки, при помощи которыхъ или бываетъ легче повторяться тому же процессу, или открывается возможность для другаго процесса, которому нельзя было бы произойти безъ помощи этого удобовія, и который слѣдовательно принадлежитъ уже къ высшему порядку, нежели прежній. Элементы и процессы въ исторіи общества гораздо сложнее, нежели въ исторіи природы, и поэтому слѣдить за ихъ законами гораздо труднѣе; но во всѣхъ сферахъ жизни законы одинаковы. Отвергать прогрессъ — такая же нелѣпость, какъ отвергать силу тяготѣнія, или силу химическаго сродства.

Историческій прогрессъ совершается медленно и тяжело, — вотъ все, что мы хотимъ сказать; такъ медленно, что если мы будемъ ограничиваться слишкомъ короткими періодами, то колебанія, производимыя въ поступательномъ ходѣ исторіи случайностями обстоятельствъ, могутъ затемнить въ нашихъ глазахъ дѣйствіе общаго закона. Чтобы убѣдиться въ его неизмѣнности, надобно сообразить ходъ событій за довольно продолжительное время, и именно съ этой цѣлью мы припоминали главныя черты исторіи двухъ передовыхъ народовъ Европы за цѣлыя полтора столѣтія. Сравните состояніе общественныхъ учрежденій и законовъ Франціи въ 1700 году и нынѣ, — разница чрезвычайная, и вся она въ пользу настоящаго; а между тѣмъ почти всѣ эти полтора вѣка были очень тяжелы и мрачны. Тоже самое и въ Англіи. Откуда же разница? Она постоянно подготавлилась тѣмъ, что лучшіе люди каждаго поколѣнія находили жизнь своего времени чрезвычайно тяжелою; мало по малу хотя немногія изъ ихъ желаній становились понятны обществу, и потомъ, когда нибудь, чрезъ много лѣтъ, при счастливомъ случаѣ, общество полгода, годъ, много три или четыре года, работало надъ исполненіемъ хотя нѣкоторыхъ изъ тѣхъ немногихъ желаній, которыя проникли въ него отъ лучшихъ людей. Работа никогда не была успѣшна: на половинѣ дѣла уже истощалось усердіе, изнемогала сила общества и снова практическая жизнь общества впадала въ долгій застой, и попрежнему лучшіе люди, если переживали вынужденную ими работу, видѣли свои желанія далеко не осуществленными и попрежнему должны были скорбѣть о тяжести жизни. Но въ короткій періодъ благороднаго порыва многое было передѣлано. Конечно, переработка шла наскоро, не было времени думать объ изяществѣ новыхъ пристроекъ, которыя оставались неотдѣланы начисто, некогда было заботиться о subtilныхъ требованіяхъ архитектурной гармоніи новыхъ частей съ уцѣлѣвшими остатками, и періодъ застоя принималъ перестроенное зданіе со множествомъ мелкихъ несообразностей и некрасивостей. Но этому

дѣльному времени былъ досугъ внимательно всматриваться въ каждую мелочь, и такъ какъ исправленіе не нравившихся ему мелочей не требовало особенныхъ усилій, то понемногу онъ исправлялся; а пока изнеможенное общество занималось мелочами, лучшіе люди говорили, что перестройка не окончена, доказывали, что старыя части здавія все больше и больше ветшаютъ, доказывали необходимость вновь приняться за дѣло въ широкихъ размѣрахъ. Сначала ихъ голосъ отвергался усталымъ обществомъ, какъ безпокойный крикъ, мѣшающій отдыху; потомъ, по восстановленіи своихъ силъ, общество начинало все больше и больше прислушиваться къ мнѣнію, на которое не годовало прежде, понемногу убѣждалось, что въ немъ есть доля правды, съ каждымъ годомъ признавало эту долю все въ большемъ размѣрѣ, наконецъ готово было согласиться съ передовыми людьми въ необходимости новой перестройки, и при первомъ благоприятномъ обстоятельствѣ съ новымъ жаромъ принималось за работу, и опять бросало ее не кончивъ, и опять дремало, и потомъ опять работало.

Прогрессъ совершается чрезвычайно медленно, въ томъ нѣтъ спора; но все-таки девять десятыхъ частей того, въ чемъ состоитъ прогрессъ, совершается во время краткихъ періодовъ усиленной работы. Исторія движется медленно, но все-таки почти все свое движеніе производитъ скачекъ за скачкомъ, будто молоденькій воробушекъ, еще не оперившійся для полета, еще не получившій крѣпости въ ногахъ, такъ что послѣ каждая скачка падаетъ, бѣднѣе, и долго копошится, чтобы снова стать на ноги, и снова прыгнуть,—чтобы опять-таки упасть. Смѣшно, если хотите, и жалко, если хотите, смотрѣть на слабую птичку. Но не забудьте, что все-таки каждымъ прыжкомъ она учится прыгать лучше, и не забудьте, что все-таки она растетъ и крѣпнѣетъ, и со временемъ будетъ прыгать прекрасно, скачекъ быстро за скачкомъ, безъ всякой замѣтной остановки между ними. А еще со временемъ, птичка и вовсе оперится, и будетъ легко и плавно летать съ веселою пѣсней. Правда и то, что, судя по нынѣшнему, не слишкомъ еще скоро прійдетъ ей время летать; а все-таки прійдетъ, сомнѣваться тутъ нечего.

За напряженіемъ силъ слѣдуетъ усталость, принуждающая къ бездѣйственному отдыху; во время отдыха восстанавливаются силы; бездѣйствіе, сначала столь отрадное, мало по малу становится скучнымъ и возвращается жажда дѣятельности, покинутой на время отъ изнеможенія; воскресаютъ прежнія стремленія, и съ свѣжими силами, умудренный прежнимъ опытомъ, человѣкъ горячо берется за продолженіе дѣла, къ которому на время охлаждалъ. Таковъ общій видъ исторіи: ускоренное движеніе и вслѣдствіе его застой, и во время застоя возрожденіе неудобствъ, къ отвращенію которыхъ была направлена дѣятельность, но съ тѣмъ вмѣстѣ и укрѣпленіе силъ для новаго движенія, и за новымъ движеніемъ новый застой и потомъ опять движеніе, и такая очередь до безконечности. Кто въ состояніи держаться на этой точкѣ равнѣя, тотъ не обольщается излишними надеждами въ свѣтлыя эпохи одушевленной исторической работы: онъ знаетъ, что минуты творчества непродолжительны и влекутъ за собою временный упадокъ силъ. Но за то, не знаетъ онъ и въ тяжелые періоды реакціи: онъ знаетъ, что изъ реакціи

по необходимости возникает движеніе впередъ, что самая реакція приготавливаетъ и потребность и средства для движенія. Онъ не мечтаетъ о вѣчномъ продолженіи дня, когда поля облиты радостнымъ, теплымъ свѣтомъ солнца. Но когда охватить ихъ мрачная, сырая и холодная ночь, онъ съ твердой увѣренностью ждетъ новаго разсвѣта и, спокойно всматриваясь въ положеніе созвѣздій, считаетъ, сколько именно часовъ осталось до появленія зари.

Не годъ и не два года продолжается тяжелый застой въ исторіи Западной Европы; но несомнѣнные признаки показываютъ, что полночь уже прошла и до новаго дня осталось меньше времени, нежели сколько пережито отъ заката солнца въ предъидущій день. Всѣ примѣты, которыя были передъ прошлымъ утромъ, появляются вновь и происходятъ факты, соответствующіе тѣмъ, какіе мы видѣли около пятнадцати или двадцати лѣтъ тому назадъ. Какъ тогда, и теперь правительственный духъ, въ большей части второстепенныхъ государствъ Западной Европы, отъ крайней реакціи начинаетъ нѣсколько склоняться къ слабому либерализму. Читатели знаютъ, что учрежденіе регенства въ Пруссіи было побѣдою надъ крайними реакціонерами и сопровождалось общаніемъ либеральнаго направленія. Въ большей или меньшей степени подобныя перемѣны начинаютъ происходить и во многихъ другихъ второстепенныхъ государствахъ. Измѣненіе тутъ въ сущности не велико, но все-таки оно произведено общественнымъ мнѣніемъ и указываетъ на возобновленіе политической жизни въ обществѣ. Въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, какъ напримѣръ въ Испаніи, произошли перевороты, также замѣнившіе прежнихъ крайнихъ реакціонеровъ людьми, которые сравнительно съ ними считаются либеральными, и напримѣръ Санъ-Луисъ смѣнился О'Доннелемъ. Итальянская революціонная партія въ послѣдніе два-три года нѣсколько разъ возобновляла старинныя попытки на Неаполь и Сицилію. Наконецъ, носятъ слухи объ опасностяхъ для австрійскаго владычества въ Ломбардіи, какъ носились въ 1846 и 1847 годахъ, когда европейскій переворотъ начался именно такими же столкновеніями въ Сѣверной Италіи; и снова Сардинія провозглашаетъ себя защитницею Италіи отъ австрійцевъ. Не надобно приписывать большаго значенія происшедшимъ перемѣнамъ, не надобно ожидать происхожденія новыхъ перемѣнъ именно отъ тѣхъ столкновеній, какія уже видимъ теперь въ Италіи. Ломбардія и Сардинія сами по себѣ были бы слишкомъ слабы для побѣды надъ Австріею, а Франція, чтобы она ни говорила, остается въ сущности пока при намереніи не переступать за границы дипломатическихъ дѣйствій. Да если бы и дѣйствительно происшедшія перемѣны были важны, а предсказываемые газетными слухами перевороты осуществились, то всѣ они имѣли бы только мѣстное значеніе, относясь къ такимъ государствамъ Западной Европы, исторія которыхъ не имѣетъ рѣшительнаго вліянія на общій ходъ европейскихъ дѣлъ. Чтобы видѣть, чего надобно ожидать для цѣлой Западной Европы въ ближайшіе годы, надобно обратить вниманіе на состояніе Англіи и Франціи, каждая значительная перемѣна въ которыхъ отзывалась соответствующимъ измѣненіемъ въ цѣлой европейской политикѣ.

Движеніе къ парламентской реформѣ, овладѣвающее теперь Англію

мы подробнѣе рассмотримъ ниже. Теперь обратимъ вниманіе только на отношеніе этого движенія къ состоянію умовъ въ цѣлой Западной Европѣ. Со времени паденія Наполеона, два раза Западная Европа подвергалась общему потрясенію, и въ оба раза переворотъ на материкѣ совпадалъ съ небольшою реформою въ англійскихъ учрежденіяхъ. Революціи 1830 года соответствуетъ агитація въ Англіи для парламентской реформы; революціи 1848 года соответствуетъ отминовеніе хлѣбныхъ законовъ. Оба раза промежутокъ между континентальнымъ переворотомъ и англійскою реформою, или слѣдовавшею за нимъ или предшествовавшею ему, имѣлъ менѣе двухъ лѣтъ. Эта близость по времени вовсе не дѣло случая. Состояніе общественнаго мнѣнія въ Англіи имѣетъ такую громадную силу надъ общественнымъ мнѣніемъ континента, что горячее настроеніе англійской жизни къ радикальнымъ перемѣнамъ служитъ значительнымъ подкрѣпленіемъ для такихъ же стремленій на материкѣ; и, наоборотъ, Англія теперь такъ тѣсно связана съ континентомъ, что господствующее на немъ стремленіе отражается и на англичанахъ. Но еще важнѣе этого взаимодѣйствія то обстоятельство, что свои собственные, мѣстные причины къ возрожденію преобразовательныхъ стремленій начинаютъ усиленно дѣйствовать въ Англіи и на континентѣ почти въ одно и то же время. Исходною точкою новой исторіи были и для Англіи и для континента один и тѣ же годы, 1813, 1814 и 1815, одно и то же событіе—низверженіе Наполеона и прекращеніе войнъ, послѣдовавшихъ за большою французскою революціею. Каждый отдѣльный человѣкъ изнашивается событіями, въ которыхъ участвовалъ; образъ его мыслей и размѣръ его желаній складывается въ неизмѣнную форму пятнадцатю или двадцатю первыми годами его общественной жизни. Такимъ образомъ, когда завершился извѣстный циклъ событій, извѣстный періодъ государственнаго порядка, почти все общество состоитъ изъ людей, сформировавшихся прежними стремленіями. Не стремящихся, или неотваживающихся стремиться ни къ чему новому сверхъ того результата, который произведенъ прежнимъ порядкомъ вещей и характеромъ идей ихъ молодости. Чтобы совершилось въ обществѣ чтонибудь важное, новое, нужно большинству общества составиться изъ новыхъ людей, силы которыхъ не извурены участіемъ въ прежнихъ событіяхъ, мысли которыхъ сложились уже на основаніи достигнутого ихъ предшественниками результата, надежды которыхъ еще не обрѣзаны опытомъ. Чтобы составъ общества обновился такимъ образомъ, нужно бываетъ около пятнадцати лѣтъ, по простому арифметическому закону физической смѣны поколѣній: въ пятнадцать лѣтъ большинство людей, бывшихъ взрослыми при началѣ срока, вымираетъ или дряхлѣетъ и замѣняется новымъ большинствомъ, составившимся изъ людей, бывшихъ при началѣ періода юношами или дѣтвн. Эти новые люди могутъ обнаружить рѣшительное вліяніе на ходъ событій нѣсколько зыбле средняго срока, напримѣръ, лѣтъ черезъ десять, если обстоятельства благопріятствуютъ ускоренію перемѣны, или нѣсколько поздне, напримѣръ, лѣтъ черезъ двадцать, если обстоятельства неблагопріятны ея быстротѣ. Но вѣ-таки существуетъ средній срокъ для осуществленія новыхъ идей и нельзя заштити, что крайнія колебанія и предѣлы разныхъ эпохъ, то растягива-сь, то сокращаясь, колеблутся около средней цифры, пятнадцати или

шестнадцати лѣтъ. Эта періодичность замѣчена всѣми въ событіяхъ новой французской исторіи, но она также видна во всѣхъ тѣхъ вѣкахъ и странахъ, которые особенно важны были для прогресса.

Въ самомъ дѣлѣ, съ 1789 до 1848 года прошло 59 лѣтъ. Въ эти 59 лѣтъ Франція пережила четыре смѣны внутренней жизни: революцію, имперію Наполеона I, реставрацію и Орлеанскую монархію. Въ эти 59 лѣтъ отжили свой вѣкъ два поколѣнія и четыре раза смѣнялось большинство взрослыхъ людей. Періодъ, соответствующій силѣ каждаго большинства, приблизительно соответствуетъ одному изъ четырехъ періодовъ государственной жизни.

1789 Большая революція.	11 лѣтъ
1800 Наполеонъ I	14 —
1814 Бурбоны.	16 —
1830 Орлеанская монархія (до 1848)	18 —
4 періода государственной жизни въ.	59 —

Эти цифры, замѣченныя всѣми, служили обыкновенно только для кабалистической игры празднымъ острякамъ, не понимавшимъ ихъ зависимости отъ физиологій и психологій. Но онѣ приобретаютъ смыслъ, когда мы сообразимъ ихъ связь съ физическимъ закономъ смѣныпоколѣній. Такая же періодичность легко замѣчается и въ другихъ странахъ и въ другія времена, которые важны въ исторіи прогресса. Мы говорили о новой англійской исторіи. Просмотримъ ея хронологію.

Черезъ 17 лѣтъ послѣ окончанія революціонныхъ войнъ (1815), произошла парламентская реформа (1832), черезъ 14 лѣтъ послѣ того отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ (1846). Теперь всѣ видятъ, что не дальше какъ въ слѣдующемъ году, а по всей вѣроятности въ нынѣшнемъ, совершится новая парламентская реформа, и можно уже опредѣлить продолжительность періода, доживаемаго теперь Англіею, государственная жизнь которой измѣнится съ исполненіемъ дѣла, руководимаго Брайтомъ:

1815 Окончаніе революціонныхъ войнъ.	17 лѣтъ
1832 Парламентская реформа	14 —
1846 Отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ (до 1859 или 1860)	13 или 14 —
3 періода государственной жизни въ	44 или 45 —

Опять видимъ тотъ же средній срокъ, около 15 лѣтъ, для смѣны одного характера государственной жизни другимъ, срокъ, въ который прежнее большинство общества замѣняется другимъ большинствомъ изъ новаго поколѣнія.

Началомъ новѣйшей исторіи для Англій, какъ для Франціи и для остальнаго континента Западной Европы, были почти одни и тѣ же годы: 1813 годъ для Германіи (освобожденіе отъ французовъ; возстановленіе стараго порядка вещей); 1814 для Италіи, Испаніи и Франціи (низверженіе Наполеоновской власти, возстановленіе старинныхъ монархій); 1815 для

Англія (окончаніе революціонныхъ войнъ); продолжительность времени, нужнаго для достиженія человѣкомъ физической и нравственной возмужалости и срокъ для смѣны одного большинства взрослыхъ людей новымъ большинствомъ, одинаковы у всѣхъ народовъ, населяющихъ Европу. Изъ этого нату- рально слѣдуетъ, что возникновеніе новыхъ эпохъ въ разныхъ государствахъ Западной Европы происходило бы довольно одновременно даже тогда, когда народы Западной Европы не были бы такъ тѣсно связаны одинъ съ другимъ и рѣшительныя перемѣны въ жизни сильнѣйшихъ между ними не имѣли бы прямого вліянія на судьбу другихъ. Изъ этого мы видимъ, что реформаціонное движеніе, охватившее теперь Англію, должно служить указаніемъ на близость времени для подобныхъ движеній и у остальныхъ народовъ Западной Европы.

Но мало того, что есть въ жизни одного изъ двухъ господствующихъ народовъ Запада симптомъ, ясно указывающій приближеніе новой эпохи на континентѣ Западной Европы. Въ жизни другого господствующаго народа, который каждымъ измѣненіемъ въ характерѣ своей исторіи прямо возбуждаетъ или придавливаетъ политическую энергію другихъ западныхъ обществъ, замѣчаются признаки, свидѣтельствующіе о томъ, что приближается для французскихъ учрежденій новый кризисъ.

Волненія, раздраженія Францію въ первой половинѣ 1848 года, были такъ тяжелы, что президентство Луи-Наполеона показалось отдыхомъ, успокоеніемъ для утомленной націи. Мѣры, посредствомъ которыхъ Кавеньякъ и его партія почли нужнымъ поддержать порядокъ, были такъ ужасны, что Луи-Наполеонъ послѣ Кавеньяка представлялся кроткимъ и легкимъ правителемъ. Реакціонеры, легитимисты и орлеанисты, господствовавшіе въ Національномъ Собраніи 1849 года, были такъ ожесточены противъ новыхъ учрежденій и идей, что дѣйствительно Луи-Наполеону не было никакой надобности самому принимать какія нибудь стѣснительныя мѣры во время своего президентства: все, что могло казаться ему нужнымъ для окончательнаго подавленія пораженной въ іюнѣ 1848 года революціи, съ великимъ рвеніемъ и опрометчивою поспѣшностью дѣлало само Національное Собраніе, не дожидаясь его желанія. Ему оставалось только смотрѣть, какъ усердно работаютъ другіе. Національное Собраніе доходило до такихъ крайностей, которыя даже превышали мѣру собственной надобности реакціонеровъ, и Луи-Наполеонъ могъ безвредно для своихъ цѣлей противиться нѣкоторымъ намѣреніямъ ихъ, безъ пользы раздражавшимъ народъ. Этимъ онъ пріобрѣталъ себѣ отбѣнокъ демократизма.

Особенно помогъ ему въ этомъ отношеніи знаменитый законъ, разными условіями отнимавшій у значительной части простолюдиновъ право быть избирателями. Эта мѣра противъ тогдашнихъ знаменитыхъ фантомовъ красной республики и социализма была совершенно неумѣстна въ 1850 и 1851 годахъ, потому что работницы, противъ которыхъ она была направлена, и безъ того надолго перестали быть опасными, потерявъ всѣхъ энергическихъ союзъ товарищей въ іюньской битвѣ и лишившись всѣхъ значительныхъ людей близкихъ къ нимъ партій по Буржскому и Версальскому процессамъ. И потому же Луи-Наполеонъ думалъ, сдѣлавшись безусловнымъ господиномъ

надъ Францію, обратить выборы въ чистую формальность. Слѣдовательно ему легко было выставять себя защитникомъ народнаго права, которому онъ не хотѣлъ оставлять серьезнаго значенія. Именно этотъ маневръ, раздоръ съ Національнымъ Собраніемъ для восстановленія *suffrage universel* во всей его обширности, и послужилъ Луи-Наполеону предлогомъ къ закрытію Національнаго Собранія, пробудившаго противъ себя сильную ненависть въ массахъ стремленіемъ восстановить прежнюю монархію, представители которой, Генрихъ V и принцъ Немурскій (ему слѣдовало быть регентомъ малолѣтняго Орлеанскаго претендента), не пользовались популярностью. Напротивъ того Луи-Наполеонъ умѣлъ возбудить въ массахъ надежду, что займется общественными преобразованіями для улучшенія матеріальнаго быта. Правда, въ цѣлые три года своего президентства онъ ничего не сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ; но онъ постоянно сваливалъ вину своего бездѣйствія на Національное Собраніе, совершенно связывавшее будто бы ему руки своею враждою. Дѣйствительно Національное Собраніе враждовало съ президентомъ; съ тѣмъ вмѣстѣ оно враждовало и противъ низшихъ классовъ. Натурально, масса пришла къ тому убѣжденію, что, имѣя тѣхъ же враговъ, какъ и президентъ, должна смотрѣть на него какъ на своего друга. И въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ не вѣрить наивный и честный человѣкъ тому, что президентъ желалъ бы водворить во Франціи новый порядокъ гражданскихъ отношеній, благоприятный для низшихъ классовъ? Вѣдь Луи-Наполеонъ, когда былъ еще изгнанникомъ или плѣнникомъ, написалъ множество горячихъ сочиненій, въ которыхъ являлся приверженцемъ новыхъ социальныхъ теорій и доказывалъ, что династія Бонапарте вѣрнѣйшая представительница демократическаго принципа. Правда, будучи президентомъ, онъ часто говорилъ противъ опасныхъ мечтателей, прибѣгающихъ къ оружію для измѣненія гражданского быта. Но вѣдь онъ говорилъ только противъ безразсудныхъ мѣръ, противъ кровавыхъ возстаній и ужасныхъ смутъ, — тутъ нѣтъ еще ничего противнаго народному интересу. Вѣдь народъ испыталъ, въ іюнѣ 1848 года, что возстаніе обращается на гибель ему самому; а черезъ годъ, въ іюнѣ 1849 года, онъ видѣлъ, что люди, противъ которыхъ возстаетъ нѣкогда Луи-Наполеонъ, приглашаютъ простолюдиновъ къ возстанію, ничѣмъ не обезпечивъ его успѣха, не сообразивъ благопріятствуютъ ли обстоятельства ихъ замыслу. Чтожь, Луи-Наполеонъ правъ: они въ самомъ дѣлѣ люди не практичные, опасные мечтатели. А противъ идей, которыми они пріобрѣли нѣкогда довѣріе народа, Луи-Наполеонъ ничего не говоритъ; онъ на отказывается отъ своихъ прежнихъ мыслей, напротивъ постоянно твердитъ, что призванъ судьбою осуществить ихъ, но только осуществить практичнымъ образомъ, въ предѣлахъ благоразумія, путемъ порядка. Стало быть вся разница между нимъ и красными республиканцами или социалистами въ томъ, что тѣ люди опречетивные и непрактичные, а онъ практиченъ и благоразуменъ: нельзя сказать, чтобы разница не была въ его пользу. Народъ уже испыталъ плоды мечтательности и понимаетъ цѣну благоразумія. Такъ думала значительная часть народной массы, пока продолжалось президентство Луи-Наполеона, и очень многіе простолюдины съ большими надеждами встрѣтили 2-е декабря; но, разумѣется, главнымъ обстоятельствомъ надобно тутъ считать то, что Націо-

нальное Собрание, противъ котораго направился ударъ, состояло изъ реакціонеровъ, представителей ненавистной буржуазіи, на которой лежало проклятіе простолюдиновъ за юнскія свирѣпости, за множество придуманныхъ ею потомъ стѣснительныхъ мѣръ, за явное стремленіе къ восстановленію стараго порядка.

Въ продолженіе цѣлыхъ трехъ съ половиною лѣтъ, Луи-Наполеонъ умѣлъ поддерживать мнѣніе о себѣ, какъ о другѣ народа, призванномъ осуществить социальныя теоріи, призванномъ неизбежно утвердить во Франціи владычество демократіи и преобразовать къ лучшему матеріальное положеніе массы. На этомъ былъ основанъ его успѣхъ 2 декабря, а на успѣхѣ 2 декабря основалась репутация его гениальности. Дѣйствительно нельзя не признать его чрезвычайно замѣчательнымъ человекомъ со стороны умѣнья пользоваться обстоятельствами для своихъ видовъ, для устройства своихъ дѣлъ. Это качество сильнѣе всего развивается постояннымъ и исключительнымъ положеніемъ думать единственно о себѣ. Но для того, чтобы быть хорошимъ правителемъ нужно другое качество, именно способность думать о выгодахъ ближняго, о пользахъ общества, о благѣ націи. Дѣло частнаго человека, прокладывающаго себѣ дорогу впередъ, совершенно не таково, какъ дѣло правителя, задача котораго состоитъ въ удовлетвореніи потребностямъ общества. Очень часто бываетъ, что чрезмерное сосредоточеніе мысли на первомъ предметѣ лишаетъ человека и охоты и возможности приготовиться къ занятію вторымъ предметомъ, а безъ приготовленія и охоты никогда не будетъ и умѣнья. Въ исторіи много примѣровъ тому, что люди, съ чрезвычайнымъ искусствомъ доходившіе до полученія власти, лишены были способности пользоваться ею. Всѣ министры Людовика XV, всѣ министры Іакова II и королевы Анны принадлежали къ людямъ такого типа. Надобно перечитать исторію этихъ эпохъ, и для васъ совершенно объяснится различіе между Луи-Наполеономъ, стремящимся къ президентству и потомъ къ императорству, и между Луи-Наполеономъ, управляющимъ Франціею подъ именемъ Наполеона III.

Факты о внутреннемъ управленіи Наполеона III со времени возстановленія имперіи изложены въ статьѣ, которую читатель найдетъ въ этой книжкѣ. Неизвѣстный авторъ статьи, заимствованной нами изъ Англійскаго журнала, находитъ Луи-Наполеона замѣчательнымъ правителемъ только въ отношеніяхъ съ другими державами; и мы замѣтимъ что этотъ фактъ подтверждаетъ нашу мысль объ исключительномъ источникѣ талантовъ, приписываемыхъ Наполеону III. Въ иностранныхъ дѣлахъ цѣль обыкновенно та, чтобы пріобрѣсти какъ можно больше вліянія и могущества. Ясно, что тутъ для Наполеона III, правителя, продолжается тоже самое дѣло, которымъ занимался онъ во Франціи до возстановленія имперіи. Только сфера дѣйствія обширнѣе, а интересъ дѣятельности тотъ же самый, чисто личный интересъ. Глядя, какого союза выгоднѣе держаться, какими столкновеніями какъ воспользоваться для извлеченія себѣ выгоды, до какой поры поддерживать или вражду съ кѣмъ нибудь, кому и какую услугу надобно оказать, кого и къ чему уклонять или обойти,—все это принадлежитъ къ той заботѣ, которая

исключительно занимает Наполеона III, и потому онъ можетъ мастерски вести дипломатическія дѣла.

Но совершенно не таковы задачи внутренней политики, тутъ личное дѣло уже доведено возстановленіемъ имперіи до полнѣйшаго окончанія: нечего болѣе желать, не къ чему болѣе стремиться, кромѣ только упроченія своего настоящаго положенія. Власть приобрѣтена уже такая безпредѣльная, такая произвольная, что дальнѣйшаго расшіренія для нея не существуетъ, надобно только употреблять ее. На что же употреблять? Обязанность правителя требуетъ осуществленія извѣстныхъ убѣжденій, удовлетворяющихъ не его мнѣнію нуждамъ общества. Но есть характеры, неспособные имѣть никакихъ убѣжденій, или потому что вовсе лишены всякой энергіи, или потому что уметь, занявшись какимъ нибудь однимъ спеціальнымъ, такъ сказать техническимъ дѣломъ, теряетъ всякій интересъ къ общимъ идеямъ, ко всему тому, что выходитъ за границы личныхъ заботъ и изъ чего возникаютъ убѣжденія. Въ недостатокъ твердой воли Наполеона III нельзя подозрѣвать, но все таки онъ не имѣетъ никакихъ твердыхъ убѣжденій кромѣ одного, что правительственный механизмъ, придуманный его дядей, чрезвычайно хорошъ. Да и эта мысль держится въ немъ твердо единственно потому, что дѣйствительно механизмъ первой имперіи дѣйствительно самый лучшій, лучшій для доставленія безграничнаго произвола лицу, держащему его въ рукахъ. Словомъ сказать и тутъ опять исключительно субъективная мысль, никакъ не замѣняющая совершеннаго недостатка убѣжденій.

Правда, Наполеонъ высказывалъ разныя убѣжденія. До той поры какъ сдѣлался кандидатомъ въ президенты, онъ утверждалъ что любить первую имперію за ея революціонное происхожденіе, что самъ онъ революціонеръ и хочетъ войти на императорскій престолъ революціоннымъ путемъ, чтобы быть на немъ послушнымъ исполнителемъ требованій социализма. Сдѣлавшись кандидатомъ въ президенты, онъ сталъ утверждать что первая имперія была хорошею формою для своего времени, а теперь была бы совершенно неумѣстна и дурна; что республика, дѣйствительно лучшая форма правленія, и что онъ искреннѣйшій республиканецъ, но что революціонный путь гнусенъ и губителенъ: что революціонерство было у него пагубнымъ влеченіемъ молодости; что Луи-Филиппъ поступилъ совершенно хорошо, посадивъ его въ Гамскую крѣпость; что онъ дѣйствительно былъ преступникомъ, когда являлся въ Страсбургъ и Булонь; что онъ раскаивается въ этомъ, и т. п. Послѣ 2 Декабря онъ снова находитъ, что республика чистѣйшая нелѣпость, но уже молчитъ о социальныхъ разсужденіяхъ своихъ, писанныхъ въ Гамской крѣпости, утверждая, что всякое преобразованіе въ общественныхъ отношеніяхъ было бы нарушеніемъ общественнаго порядка. Къ таному разнообразію въ словахъ надобно прибавить, что его дѣйствія постоянно не имѣли никакого отношенія къ словамъ, которыя всегда служили только средствомъ заявить себя при верженцѣмъ такой партіи, расположеніе которой казалось ему полезнымъ. Они удовлетворяли этой цѣли пока не было у него власти, или пока могъ онъ утверждать что власть его стѣснена сопротивленіемъ національнаго собранія. Но когда не стало этого оправданія для бездѣйствія, то открылось, что и:

словами не было ничего, кромѣ желанія достигнуть безграничной власти. Что дѣлать съ ней, на что употребить свое безграничное могущество, онъ не зналъ и не знаетъ до сихъ поръ. Въ статьѣ нами переведенной, доказано фактами, какъ шатки были всѣ его намѣренія произвести ту или другую реформу, какую слабость и робость обнаруживалъ онъ во всѣхъ тѣхъ мѣрахъ, которыя не внушались ему интересомъ самоохраненія, какъ неловко брался онъ за дѣло и какъ торопливо покидалъ его при первомъ неудовольствіи. Онъ знаетъ что надобно сдѣлать для пользы общества, но что именно и какъ онъ не знаетъ. Затруднительность его положенія можетъ быть понята тѣми изъ насъ, которые рѣшительно лишены вкуса, напримѣръ въ музыкѣ, живописи, поэзій или скульптурѣ. Смотрить, напримѣръ, на картину, и что подумавъ объ ней, похвалить или осудить ее, рѣшительно не знаетъ, надобно однако же сказать что нибудь для поддержанія своей репутаціи, и скажетъ что картина хороша. Помыслите, она дурна, возразить сосѣдъ. Онъ пробуетъ защитить свое мнѣніе, но съ вѣсколькихъ словъ его разбили и онъ поспѣшно прерываетъ споръ, заводя рѣчь о другомъ предметѣ. А можетъ быть картина и въ самомъ дѣлѣ не дурна, но какъ ему знать это, на чемъ опереться, когда онъ самъ чувствуетъ, что картина не производитъ на него ровно никакого впечатлѣнія.

Мы уже говорили, что люди, всѣ мысли и заботы которыхъ сосредоточены на личныхъ дѣлахъ, не могутъ вѣрно судить о предметахъ общаго интереса, потому что не способны принимать къ сердцу чужіе интересы. Все что не освѣщено для нихъ расчетомъ ихъ собственной выгоды навсегда остается для нихъ темнымъ. Не имѣя чувства истины, они дѣйствуютъ только наудачу тамъ, гдѣ не говорятъ истиннѣе личной пользы и потому дѣйствуютъ слабо, робко, безсвязно и бесплодно.

А между тѣмъ могущество приобрѣтено страшное, энергія воли чрезвычайно сильна и вѣтъ могуществу и характеру никакого занятія, кромѣ охраненія собственныхъ интересовъ. Понятно, съ какою напряженностью обращается сила на единственный предметъ для нея занимательный. Понятно, также, какъ неизбежна чрезвычайная подозрительность въ человѣкѣ, чувствующемъ свою неспособность къ исполненію принятой на себя обязанности и какъ усиливается подозрительностью напряженіе заботъ о самоохраненіи. Отсюда объясняются всѣ тѣ многочисленныя стѣснительныя мѣры, рядъ которыхъ наполняетъ всю исторію внутренняго управленія при Наполеонѣ III.

Само собою разумѣется что при подобномъ характерѣ внутренней политики, прежнія чувства массы должны были скоро смѣниться неудовольствіемъ, „какъ много для себя, какъ сильно я успѣшно все для себя и какъ мало для общества; и какая же намъ польза? что мы выигрываемъ чрезъ 2 Декабря?“ д' алъ каждый. Появленіе неудовольствія заставило прибѣгнуть къ мѣрамъ еі болѣе стѣснительнымъ, отъ нихъ неудовольствіе только расло быстрѣе и истрѣбо. Надобно было чѣмъ нибудь отвлечь вниманіе общества отъ внутренней политики и найдено было къ тому средство въ искусственномъ в бужденіи биржевыхъ спекуляцій. Но скоро и этого стало мало: съ небольшимъ черезъ годъ послѣ 2 Декабря пришлось начать войну, совершенно новую для Франціи. Успѣхъ этихъ средствъ извѣстенъ: войну пришлось

прекратить чтобы не повредить самому себѣ ея продолженіемъ: прежній союзникъ былъ раздраженъ, бюджетъ разстроился хуже прежняго, положительныхъ выгодъ государству война не успѣла доставить никакихъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по ея окончаніи убѣдились въ ея ненужности и бесполезности для Франціи даже тѣ, которые на минуту были ослѣплены батарейнымъ фейерверкомъ, и всѣ убѣдились что война была просто слѣдствіемъ личнаго расчета. Къ тому же времени началъ съ довольно смраднымъ запахомъ гаснуть и другой фейерверкъ, отвлекавшій вниманіе толпы отъ внутренней политики. Чрезмѣрно-возбужденныя спекуляціи истощили запасъ капитала и запасъ довѣрія публики. Биржевые курсы стали падать и напрасны были всѣ успѣхи поддерживать фонды, а колоссальныя компаніи, ослѣпившія всѣхъ фальшивыми дивидендами, увидѣли свои акціи упавшими до половины и еще ниже противъ прежней цѣны. Въ это время произошло покушеніе Орсини на жизнь Наполеона III. Послѣдствія этого случая извѣстны. Мѣры предосторожности, принятыя Наполеономъ, были такъ ужасны, что до крайности увеличили общее неудовольствіе, и менѣе нежели черезъ полгода онъ принужденъ былъ отказаться отъ терроризма, которымъ думалъ ограждать себя. Покушеніе 14 Января послужило поводомъ и къ первому поразительному неуспѣху Луи-Наполеона во внѣшней политикѣ. Онъ раздражилъ англичанъ нападеніями на ихъ учрежденія, появлявшимися въ газетахъ правительственной партіи; онъ оскорбилъ ихъ угрозами вторженія въ Англію и неосторожнымъ требованіемъ измѣнить коренной законъ Англіи. Негодующая нація низвергла министерство, подчинившееся французскому вліянію и общественное мнѣніе произвело приговоръ черезъ присланныхъ одному изъ участниковъ въ замыслѣ Орсини. Сначала Наполеонъ думалъ запугать разсѣдлившихся англичанъ и послалъ въ Лондонъ Пелиссѣ, который бы заговорилъ съ англичанами языкомъ лагерныхъ приказаній. Но едва дошли въ Англію слухи о назначеніи новаго посланника съ такимъ значеніемъ, какъ раздались насмѣшки, пославшія безсиліе угрозъ и пришлось истолковать грозное названіе въ смиренномъ смыслѣ, будто бы Пелиссѣ выбранъ именно для того, чтобы напомнить англичанамъ объ идеалическихъ временахъ нѣжной ихъ дружбы съ французами подъ Севастополемъ, и объяснить что бомба вовсе не начинена порохомъ, а наполнена конфетами. Потомъ почтено было нужнымъ чтобы важѣйшій между наперстниками императора, Персиныи сказалъ въ собраніи одного изъ департаментскихъ совѣтовъ рѣчь, которая служила бы извиненіемъ передъ Англією. Эти нѣжности не смягчили англичанъ, но за то послужили прикрытіемъ полнаго дипломатическаго пораженія. Едва кончилась несчастная исторія съ Англією, какъ было употреблено въ дѣло новое средство отклонить вниманіе націи отъ внутреннихъ вопросовъ. Начались слухи о войнѣ съ Австрією для освобожденія сѣверной Италіи. Въ этомъ спектаклѣ надобно было бы ожидать успѣховъ. Но до сихъ поръ нѣтъ еще доказательствъ что угрозы осуществляются; онѣ останутся одними словами, какъ въ раздорѣ съ неаполитанскимъ королемъ. Если война дѣйствительно начнется, она будетъ имѣть результаты, объясненные въ статьѣ, перенесенной нами изъ Вестминстерскаго Обозрѣнія: на нѣсколько времени она задержитъ

опасность, грозящую французскому правительству; но еще больше разстроить финансы, и каждый мѣсяцъ отсрочки будетъ купленъ двойнымъ приближеніемъ неизбежнаго финансоваго кризиса.

Дипломатическое пораженіе разрушило ореолъ всемогущества надъ Европою, которымъ украшался Наполеонъ III во мнѣніи французовъ. Необходимость отставить Эспинаса, министра террориста, и противъ собственной воли смѣнить внутреннюю администрацію, была первою побѣдою общественнаго мнѣнія надъ кореннымъ принципомъ Наполеоновой системы. До той поры императоръ отступалъ передъ оппозиціею множество разъ, но только въ такихъ дѣлахъ, которыя не относились къ его личнымъ интересамъ; теперь онъ отымѣилъ мѣру, прямо выходящую изъ его заботы о самомъ себѣ, изъ его единственнаго убѣжденія. Онъ призналъ, что даже и свой принципъ, въ которомъ прежде былъ непреклоненъ, теперь не въ силахъ уже онъ поддерживать противъ оппозиціи. Вся Франція, самые приверженцы его увидѣли и даже самъ онъ призналъ, что принявъ слишкомъ произвольныя мѣры послѣ покушенія Орсины, онъ выказалъ опрометчивость, потерялъ разсудительность въ единственномъ вопросѣ, который велъ до той поры непогрѣшительно, въ вопросѣ о собственныхъ выгодахъ. Въ первый разъ онъ растерялся тутъ и надѣлалъ вреда самъ себѣ, приблизивъ къ средству совершенно несоотвѣтствовавшему цѣли. Несостоятельность его поддерживать далѣе принципъ безграницаго произвола, раскрылась такъ ясно для всѣхъ, что надобно было вывести нѣкоторыя изъ правительственныхъ газетъ на совершенно новую для нихъ дорогу уступокъ общественному мнѣнію. Онѣ заговорили о томъ, что стѣсненіе свободы не есть коренная черта Наполеоновской системы, а только временная мѣра, которая нужна была въ первые годы новаго правленія, пока нація не привыкла къ нему; что теперь правительство думаетъ отказаться отъ стѣсненій и совѣтовали ему поскорѣе „довершить конституцію“, даровать журналистикѣ широкую свободу. Показалось мало этихъ совѣтовъ, почли нужнымъ, чтобы ближайшіе официальные совѣтники императора выказали ту же мысль не только какъ желаніе нѣкоторыхъ частныхъ людей, пользующихся благосклонностію правительства, но и прямо какъ положительное намѣреніе самого императора. Морни и Персины, назначенные президентами двухъ департаментскихъ совѣтовъ, воспользовались открытіемъ ихъ для произнесенія рѣчей о томъ, что имперія примиряется со свободою; что напрасно думаютъ, будто между этими двумя принципами есть несовѣстность, что напротивъ правительство нуждается въ совѣтахъ независимаго общественнаго мнѣнія. И этого всего показалось еще мало. Императоръ почелъ нужнымъ примириться съ своимъ кузеномъ, принцемъ Наполеономъ, котораго прежде держалъ въ немлоти, какъ вреднаго демократа. Много ли серьезности въ демократизмѣ плеча Наполеона, этого намъ не нужно разбирать; довольно того, что онъ слытъ въ реакціонныхъ кругахъ краснымъ, чуть ли не республиканцемъ, и чуть ли даже не социалистомъ. За эту репутацію, до сихъ поръ мѣшавшую его и многу преуспѣянію, теперь увидѣли въ немъ полезнаго правительству человека и сочинили для него новый министерскій департаментъ—Алжири и колоніи. Собственно говоря, новый департаментъ не былъ нуженъ для администра-

ции и служить только для увеличения беспорядка в Алжирских делах, потому что новый министр лишнее звание в механизме, при существовании Алжирского генерал-губернатора. Но драгоценно было то, чтобы доставить принцу Наполеону место в совете министров, официальное участие в правительстве; через это, правительство, по выражению покровительствуемых им газет, „обновлялось погружением в демократический элемент и укреплялось в либеральном направлении мудрыми советами принца Наполеона, известную свою преданность делу свободы“. Мудры ли советы принца Наполеона, способны ли они давать их и способны ли его кузен слушать их, разобрать это уже дело самих французов, а для нас интересно только тот факт, что империя принуждена делать, хотя на словах, уступки либеральным партиям и признавать несоответствие прежней своей внутренней политики с требованиями общественного мнения. Целым рядом обещаний она старается смягчить его, но все напрасно: уже обнаружилось для всех бессилие прежней системы и воодушевляются гражданским мужеством даже те безцветные люди, которые семь лет не смели пикнуть ни слова. Какоенибудь *Revue des deux Mondes*, два, три месяца тому назад наполнявшее свою политическую хронику разборами французского перевода книги Маколея, историй Пизомонта, написанной на итальянском языке Киаю, мемуаров графа Мю-де-Мерно, драмы в стихах „Персты Феи“, написанной господами Скрибом и Легуве, и других столь же политических предметов,—это *Revue des deux Mondes* с 1-го июля прошлого года отваживается возвышать голос, требует свободы для политических прений в журналистике и не боится даже подзвонить в несогласии своих желаний с Наполеоновской конституцией, без страха называя своих противников абсолютистами, а их мнения анахронизмами. Послушайте, как рассуждает политическая хроника *Revue des deux Mondes* 1-го августа: „Мы неуклонно будем возвращаться к великим вопросам, недавно предъявленным. На наши прежние советы о необходимости либеральных уступок нам отвечали истинными анахронизмами. Нам выставляют защитниками парламентаризма, противниками нынешней системы. Слишком много чести для нас, милостивые государи. Мы не имеем претензии разбирать нынешнюю конституцию; даже в нынешнюю лютую пору мы не имеем охоты пускаться в эту мерзлую область. Мы не хотим даже заглядывать под вуаль конституции, мы не позволяем себе таких фамильярностей с нею; мы довольствуемся тем, что вбросим на слово привилегированным счастливицам, которые водят ее под руку. Что говорили они? Они говорили, что политическое движение нынешней Франции имеет два рычага: инициативу верховной власти и самодержавное общественное мнение, всегда одерживающее последнюю победу. Они говорили серьезно, мы хотели и хотим верить этому серьезно. Результатом того было наше требование, чтобы самодержавие общественного мнения было избавлено от опеки. Мы требуем перемен в законах, которыми ныне подчинена журналистика“. Одной половиною своих газетных ораторов правительство было принуждено одобрять эти требования, во второй половине полуофициальных газет защищала прежнюю политическую си-

стему. Но было уже поздно: уступки только вели къ усиленію требованій. Черезъ два мѣсяца, 1 ноября, хроника *Revue des deux Mondes* говорила еще нѣсколькими тонами выше, уже прямо обвиняя въ злонамѣренности и безумствѣ людей, прибѣгавшихъ къ разнымъ изворотамъ для защиты прежней системы, которую уже не смѣютъ они защищать открыто. „Мы не побоясь (провозглашала хроника) прямо сказать, что только люди дурнаго ума могутъ приписывать мелочному раздраженію выражаемую нами потребность въ свободѣ политическихъ прерій. Интересы, съ которыми связано во Франціи дѣло либерализма, такъ высоки и велики, что разумѣется должны возбуждать искреннее и горячее безпокойство въ людяхъ, приверженныхъ къ другому образу мыслей. Дѣло либерализма связано, по нашему мнѣнію, съ дѣломъ народной чести и общественного спокойствія. Отъ свободы для Франціи зависитъ честь, потому что самымъ оскорбительнымъ униженіемъ для нашей родины было бы, если бы она дала увѣрить себя, что она дѣйствительно не способна принимать участіе въ управленіи своими дѣлами, посредствомъ непрерывнаго и полнаго пользованія политическими правами. Точно также, по нашему мнѣнію, отъ свободы зависитъ и общественная безопасность: степень способности народа управлять самимъ собою измѣряется степенью его безопасности. Какъ ни преувеличивайте рабочію лѣсть, а все-таки ваши великіе люди зависятъ отъ націи, которою повидимому руководятъ. Этимъ всегда кончается дѣло: въ исторіи самыхъ поработченныхъ и послушныхъ народовъ бывають минуты, когда общественная власть изнемогаетъ, и возстановить ее можно только совокупными силами цѣлой націи. Не ясно ли, что лучшимъ приготовленіемъ къ такому критическому положенію служить для народа свобода? Да и не говоря уже о чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, мы живемъ въ такіе времена, когда участіе общественного мнѣнія въ правительственныхъ дѣлахъ представляется практическою необходимостью. Нынѣ всѣ смотрятъ на правительство, просто какъ на дирекцію коммерческой компаніи, акціонеры въ которой всѣ мы; и какъ бы ни были искусны директоры, акціонеры иногда лучше ихъ знаютъ, какъ надобно вести дѣла компаніи. Власть лежитъ нынѣ во всѣхъ насъ, происходитъ изъ насъ; та власть, которую имѣетъ правительство, только вручена ему нами, какъ нашему повѣренному въ дѣлахъ. Итакъ мы сохраняемъ относительно правительства всѣ тѣ права контролировать его, и въ случаѣ надобности брать инициативу въ свои руки, — всѣ тѣ права, которыя имѣетъ доверитель надъ своимъ повѣреннымъ. Эти права на государственномъ языкѣ называются политическою свободою. Она состоитъ въ свободѣ тисненія, въ свободѣ и публичности прерій совѣщательныхъ корпорацій государства. Народъ, не пользующійся этими правами, не изучающій своихъ льготъ, не ведущій надзора за своими дѣлами, не подающій правительству отзывовъ и внушеній, который правительство можетъ получать только отъ его, — такой народъ не замедлитъ понести наказаніе за это забвеніе своихъ обязанностей: онъ подвергается долгимъ и бѣдственнымъ волненіямъ. Мы засаемя, что стѣсненіе, наложенное на нѣкоторыя наши права, приведетъ къ такимъ послѣдствіямъ, если продлится сверхъ мѣры. Наши революціи

свидѣтельствуютъ о томъ, и своими настоятельными требованіями мы хотимъ предупредить новыя опасности“. Каковъ языкъ?—и отъ кого же? Вы подразумеваете, что читаете Руссо, или по крайней мѣрѣ Ледрю-Роллева, вѣтъ, вы читаете смиренное *Revue des deux Mondes*, которое „всегда было другомъ порядка и повиновенія существующимъ законамъ“. О вашей конституціи, говорить оно, мы и толковать не хотимъ; пусть занимаются ею тѣ, кому охота хвалить это мерзкое существо. Вы утверждаете, что наше желаніе противорѣчить конституціи, — такой отвѣтъ чистый анахронизмъ: мы уже сказали, что намъ нѣтъ дѣла до вашей конституціи. Мы требуемъ свободы. Вы противорѣчите намъ, — что же за важность: изъ этого видно только, что вы люди дурнаго ума. Два мѣсяца тому назадъ, мы требовали только измѣненія законовъ о книгопечатаніи, вы не соглашались, — такъ теперь намъ этого уже мало: мы требуемъ теперь свободы тисненія и парламентской формы правленія. Вѣдь вы — не больше какъ только наши повѣренные въ дѣлахъ, и мы имѣемъ право молваго контроля надъ вами, и въ случаѣ надобности, право взять власть изъ вашихъ рукъ въ свои. Пожалуйста же поторопитесь исполнить наше требованіе, а не то будетъ революція. — Каковъ языкъ! И хоть бы отъ демократовъ, отъ какихъ нибудь красныхъ, или хоть бы прости отъ республиканцевъ, — нѣтъ, отъ *Revue des deux Mondes*, которое за нѣсколько мѣсяцевъ держало себя застѣнчивѣе скромной дѣвушки, отъ буржуазіи, которая, годъ тому назадъ, была тише воды, ниже травы: вода забурлила и бурлить бознаказанно.

Да что ужъ *Revue des deux Mondes*! Оно хотя и трусило, и молчало, но по крайней мѣрѣ не рвалось прежде въ переднюю. А вотъ даже и графъ Монталамберъ, который такъ усердно терся въ передней, и тотъ уже бравируетъ господина, которому присягалъ не въ примѣръ прочимъ. „Франція порабощена, пишетъ онъ: — намъ нужны англійскія учрежденія, мы не хотимъ быть рабами“. Отдавать или не отдавать подъ судъ непокорнаго слугителя? И то и другое представляется опаснымъ. Наконецъ рѣшаются отдать подъ судъ. Половина Франціи хохочетъ скандалу между прежними друзьями, другая негодуетъ на строгость и безтактность правительства. Судъ приговариваетъ виновнаго къ наказанію, смягченному до послѣдней крайности. Негодованіе усиливается. Наполеонъ III спѣшитъ замѣять дѣло помилованіемъ осужденнаго. Осужденный храбрится пуще прежняго. „Не принимаю прощенія. Оно не законно. Вы не имѣли права давать его. Я подалъ апелляцію. Вы не смѣете прерывать хода правосудія вашими произвольными прощеніями, въ которыхъ никто не нуждается. Пусть меня судитъ законъ“. Опять новыя безпокойства въ правительствѣ: можетъ ли судъ пересматривать дѣло, конченное помилованіемъ? Вѣдь это значило бы соглашаться съ Монталамберомъ, что императоръ поступилъ незаконно, преждевременно вѣтшавшись въ дѣло. Оно можетъ быть и такъ, но все-таки судъ принимаетъ просьбу и пересматриваетъ дѣло, какъ будто бы помилованія и не существовало. Онъ произноситъ новый приговоръ. Давно ли было время, когда такая самостоятельность была бы объявлена непризнаваніемъ императорскихъ правъ, несоблюденіемъ конституціи? Но теперь уже не до того, и власть, получившая столько

оскорблений, считаетъ нужнымъ снова замянуть дѣло новымъ помилованіемъ. „Пустите меня въ тюрьму! кричитъ Монталамберъ—я не хочу имѣть съ вами никакихъ сдѣлокъ!“ и ломится въ тюрьму. Его упрасиваютъ пощадить правительство отъ дальнѣйшихъ скандаловъ и остаться свободнымъ. Какая комедія! Но была ли бы она возможна за годъ или за два? Система ослабѣла до того, что даже прежніе служители нагло отвергаютъ ея милости и вызываютъ ее на бой съ дерзкимъ крикомъ: попробуй ударить, если смѣешь! и она не смѣетъ ударить.

Луи-Наполеонъ чувствуетъ невозможность остановить возрастающую смѣлость террористическими мѣрами и видитъ необходимость прибѣгнуть къ тому средству, которое разъ уже употреблялъ съ такимъ успѣхомъ для отвлеченія вниманія націи отъ домашнихъ дѣлъ. Распущены слухи о войнѣ Франціи съ Австріей. Фраза, сказанная Австрійскому посланнику на новый годъ, подтвердила общую молву. „Я скорблю, что наши отношенія къ вашему правительству не такъ хороши, какъ прежде“. Итакъ война. Но Англійское правительство не одобрило сильную фразу, и въ официальныхъ французскихъ газетахъ объясняютъ, что напрасно придавали ей воинственный смыслъ, что она сказана была доброжелательно, дружескимъ тономъ; а въ разговорѣ значеніе словъ зависитъ отъ тона, которымъ они говорятъ; да и самыя слова, даже и безъ всякаго тона, какъ слѣдовало бы принять? Сожалѣть о вещи значить жалѣть, что ея вѣтъ и желать, чтобы она была, потому я сожалѣю объ ослабленіи дружбы съ вами, просто значить: я желаю, чтобы дружба ваша востановилась. Императоръ просто хотѣлъ выразить, что постарается прекратить всякія неудовольствія съ Австріей. Вольно же было понимать его слова въ другомъ смыслѣ.

Послѣ такихъ объясненій, разумѣется, трудно, сказать, миромъ или войною кончатся дипломатическія столкновенія Франціи съ Австріей. Видно только, что французскому правительству хотѣлось бы начать войну, но оно пока еще боится прибѣгать къ этому послѣднему средству для выхода изъ опасностей, которыя росли постоянно съ самаго окончанія русской войны и особенно быстро стали развиваться вслѣдствіе опрометчивости, овладѣвшей имъ послѣ покушенія 14 января.

Англія отъ опрометчивыхъ угрозъ по дѣлу Орсини пріобрѣла кромѣ случая выказать увѣренность въ превосходствѣ своихъ силъ надъ силами нынѣшняго французскаго правительства, существенную выгоду: излишняя податливость Пальмерстона убила въ общественномъ мнѣніи этого стараго шутника, популярности котораго была уже нѣсколько лѣтъ самымъ вреднымъ препятствіемъ для внутреннихъ улучшеній. Теперь трудно Гальмерстону сдѣлаться главою министерства, а не дальше какъ за годъ мѣзза было и предвидѣть, когда кончится его министерство, отнимавшее возможность всякихъ улучшеній для внутреннихъ учреждений Англіи и отвлекавшее націю отъ всѣхъ серьезныхъ вопросовъ государственнаго благосостоянія дипломатическими фокусами, совершавшимися обыкновенно въ маленькихъ государствахъ, самая слабость которыхъ должна была бы служить защитой имъ отъ пошлыхъ обидъ. У насъ во время войны писали

много дурного о лордѣ Пальмерстонѣ, считая его истиннымъ виновникомъ страшнаго кровопролитія; но теперь забыта тогдашняя досада, и Пальмерстонъ снова принимается многими за серьёзнаго государственнаго чловека. Да и прежнія порицанія ему большею частью приходились невовпаде, потому что его, бѣдняжку, совершенно напрасно винили въ русской войнѣ: куда бы ему было рѣшиться на войну съ сильной державой! Онъ удовольствовался бы бумажною перестрѣлкою, да шуточками въ парламентѣ. Грѣция,—это иное дѣло; а отъ Россіи постарался бы отдѣлаться безъ пушечнаго выстрѣла зтого, по выраженію Диккенса, „старый фарсеръ, лучшій виртуозъ фокусъ-покусовъ и превращеній“.

Въ молодости лордъ Пальмерстонъ былъ фешенеблемъ первого сорта и знаменитымъ Донъ-Жуаномъ. Тотъ же блескъ и ту же любовь къ легкимъ побѣдамъ перенесъ онъ въ свою политическую дѣятельность. Но известно, что фравты вообще не любятъ серьезныхъ занятій. Для реформъ нужно серьезное изученіе внутренняго быта страны во всѣхъ подробностяхъ, и лордъ Пальмерстонъ былъ всегда врагомъ реформы, — и тогда, когда были тори, и тогда, когда обратился къ вигизму. Но какъ же онъ обратился къ вигизму? Очень просто, Донъ-Жуаны всегда предпочитаютъ тѣ гостіямъ, въ которыхъ можно имѣть больше успѣха. Во время наполеоновскихъ войнъ, въ 1807 году, когда началась политическая карьера Пальмерстона, владѣтельствомъ тори; владѣтельствомъ они уже давно и сильно укрѣпились въ министерскихъ и парламентскихъ позиціяхъ, такъ что должны были удержаться въ нихъ еще очень надолго; потому и лордъ Пальмерстонъ былъ тори, а въ награду за свой торизмъ былъ военнымъ министромъ. Надобно замѣтить, что онъ изъ фамиліи Тэмплей, къ которой принадлежать герцоги Бокингеми и Чендоси, стало быть имѣлъ наследственное право на министерскій санъ. Лордъ Веллингтонъ побѣждалъ французовъ въ Испаніи, потомъ въ Бельгіи, стало быть военному министру хорошо было говорить въ парламентѣ надлежащія рѣчи. Потомъ министерства смѣнялись, потому что различныя политическія принципы поочередно брали вверхъ одинъ надъ другимъ, а лордъ Пальмерстонъ, при всѣхъ перемѣнахъ, оставался на своемъ мѣстѣ, потому что для него были равны всякіе принципы. Такимъ образомъ дожилъ онъ до министерства Веллингтона и по наследству отъ прежнихъ достался и этому. Но Веллингтонъ былъ человекъ суровый относительно принциповъ: по его мнѣнію, если уже называться тори, то и не надобно отступаться отъ торійскихъ правилъ; черезъ нѣсколько времени онъ отнялъ должность у своего товарища. Тогда разумѣется надобно было перейти въ оппозицію: нельзя же не сердиться, потерявъ мѣсто, на которомъ сидѣлъ 20 лѣтъ. Оппозиціе были виги, — какъ же не сдѣлаться вигомъ?

Тутъ водоспѣла іюльская революція; отголоскомъ этого потрясенія бы и низвергнуты торы, вошли въ министерство виги, съ ними и Пальмерстонъ. Виги предложили парламентскую реформу. Пальмерстонъ 20 лѣтъ противился всякимъ реформамъ, но теперь противиться реформѣ значило бѣ — надолго потерять министерское мѣсто. Кто себѣ врагъ? Пальмерстонъ не противился реформѣ и остался министромъ еще на десять лѣтъ. Съ этой пор

съ 1830 года онъ руководилъ иностранною политикою Англіи до прошедшаго года за исключеніемъ только двухъ періодовъ: министерства Пилля (около 5 лѣтъ) и недолгаго министерства Дербі (передъ русскою войною). Управляя иностранною политикою, онъ много геройствовалъ надъ маленькими государствами, какъ напримѣръ надъ Греціею, которую чуть не бомбардировалъ по дѣлу Пачифико. Кромѣ того онъ имѣлъ привычку дѣлать непріятности и сильнымъ державамъ, но только такъ, чтобы дѣло не доходило до войны. Изъ этой невинной наклонности ободрялъ онъ къ волненію сициліанцевъ, ломбардо-венеціанцевъ и венгровъ, обѣщая имъ покровительство Англіи. Но когда волненія обращались въ вооруженныя возстанія, и для исполненія обѣщаній пришлось бы объявить войну Австріи и Неаполю, Пальмерстонъ разсудилъ, что это значило бы заводить шутку за предѣлы благородумія, и покинутые инсургенты были подавлены. А быть можетъ они и не встали бы за оружіе, если бъ не получили увѣреній въ покровительствѣ отъ лорда Пальмерстона. Гдѣ жъ было такому человѣку, дерзкому надъ слабыми, робкому передъ сильными, начать войну противъ Россіи? Но онъ любилъ шумѣть, пока дѣло не представляло опасности, и говорить въ парламентѣ язвительныя рѣчи. Масса, не знавшая его дѣлъ (онъ отличался чрезвычайнымъ искусствомъ очень долго скрывать отъ парламента дипломатическіе документы, на всѣ требованія отвѣчая, что переговоры еще не кончены, и обнаруженіе денегъ имѣло бы невыгодное вліяніе на ходъ ихъ), принимала слова за дѣла, полагала, что онъ на самомъ дѣлѣ поступаетъ въ переговорахъ такъ же храбро, какъ въ парламентскихъ рѣчахъ, и воображала Пальмерстона героемъ иностранной политики. На этомъ основалась его громадная популярность и никто не полагалъ, чтобы храбрецъ былъ храбрецомъ только до первой угрозы, произнесенной сильнымъ голосомъ. Это обнаружилось, когда онъ на угрозы Наполеона, на крики официальныхъ французскихъ газетъ, что надобно истребить Англію,—притонъ убійцъ и заговорщиковъ,—отвѣчалъ предложеніемъ англійскому парламенту напомнить англійскій законъ въ утѣдность Франціи. Тутъ въ одинъ мигъ разсѣялись многолѣтнія заблужденія и какъ дымъ исчезла вся популярность Пальмерстона. Онъ палъ, и если когда нибудь вновь сдѣлается министромъ, то уже никакъ не по собственной силѣ, а развѣ по родственнымъ связямъ. Да и то пока остается неправдоподобнымъ.

Англійская нація чрезвычайно много выиграла, освободившись отъ пристрастія къ лорду Пальмерстону, потому что съ паденіемъ его прекратилась попытка къ улучшенію внутреннихъ учрежденій. Нынѣшнее торійское министерство, не имѣя большинства въ Палатѣ Общинъ своею собственною партіею, принуждено искать опоры въ томъ отдѣлѣ либеральной партіи, который недоволенъ чистыми вигами (Пальмерстоновскими и Росселевскими), какъ и другими отсталыми, держащимися слишкомъ узкихъ границъ въ реформахъ. Въ первый разъ этотъ отдѣлъ выступилъ самостоятельную партіею по дѣлу предложенія подвергнуть порицанію торійскій кабинетъ за знаменитую пенсу, посланную лордомъ Элленборо къ Остъ-индскому генералъ-губернатору. Но прежде нежели начались пренія, открылось, что лордъ Элленборо изъговаривалъ въ этомъ случаѣ безъ согласія своихъ товарищей, которые и

заставили его выйти въ отставку. Этимъ фактически было уже уничтожено значеніе депеши, и за предложеніемъ подвергнуть порицанію министерство оставался уже одинъ тотъ смыслъ, чтобы низвергнуть торійскій кабинетъ. Но въ такомъ случаѣ образовалось бы вигистское министерство Росселя или Пальмерстона, или обоихъ вмѣстѣ. Члены, желающіе широкихъ реформъ, рѣшились сосчитать свои силы, чтобы увидѣть — дѣйствительно ли отъ нихъ зависитъ дать большинство вигамъ или тори, и въ случаѣ, если бы оказалось это, дѣйствовать самостоятельно, поддерживать тори или виговъ, смотря потому, которая изъ двухъ аристократическихъ партій готова будетъ сдѣлать имъ большіе уступки.

И вотъ собрались, чтобы сосчитать своихъ членовъ, разные отдѣлы реформаторской партіи: люди манчестерской школы, радикалы и тѣ немногіе хартисты, которые засѣдаютъ въ парламентѣ; они увидѣли, что составляютъ пятую часть всего числа членовъ Палаты Общинъ. Остальные члены почти по-ровну раздѣлены на виговъ и тори; слѣдовательно и тѣ и другіе въ выѣхшней Палатѣ Общинъ пріобрѣтаютъ или теряютъ большинство, смотря потому, за вихъ или противъ нихъ будутъ члены, желающіе широкихъ реформъ. Тогда эти члены, соединявшись въ одну партію „независимыхъ либераловъ“, то есть либераловъ недовольныхъ отсталыми понятіями чистыхъ виговъ, потребовали отъ министерства рѣшимости дѣйствовать либеральнѣе чистыхъ виговъ. Лордъ Дерби долженъ былъ согласиться, потому что иначе подвергся бы пораженію. Независимые либералы подали голосъ за министерство: оно было спасено и съ тѣмъ вмѣстѣ обнаружилась необходимость парламентской реформы, какъ единственной цѣли, которою можеть быть куплена необходимая торійскому министерству поддержка независимыхъ либераловъ.

Съ этой минуты агитація въ пользу парламентской реформы приняла огромные размѣры, какъ дѣло о вопросѣ, достигшемъ практическаго значенія. Руководителемъ агитаціи былъ избранъ по предложенію самого Робака, главы радикаловъ, бывшій сподвижникъ Кобдена по отмѣненію хлѣбныхъ законовъ, Джонъ Брайтъ, въ настоящее время едва ли не первый по таланту между всѣми англійскими ораторами, одинъ изъ честнѣйшихъ людей въ Европѣ. Читатель конечно видѣлъ въ газетахъ извлеченія изъ его рѣчей въ главныхъ городахъ Великобританіи на митингахъ, собиравшихся для изъявленія сочувствія къ дѣлу парламентской реформы. Мы должны будемъ много разъ возвращаться къ этому предмету и тогда изложимъ его подробнѣе, а теперь скажемъ лишь нѣсколько словъ о личности государственнаго человѣка, ставшаго во главѣ реформирующей партіи, о смыслѣ движенія, избравшаго своимъ ораторомъ этого честнаго квакера, и о тѣхъ шансахъ, какіе теперь имѣеть дѣло парламентской реформы.

Брайтъ—одинъ изъ тѣхъ государственныхъ людей, для которыхъ еще недавно не существовало возможности въ Англии. Почти до конца второй четверти нынѣшняго вѣка вся государственная власть была тамъ захвачена двумя аристократическими партіями, потому что и виги, предводители которыхъ всегда были аристократами по происхожденію, давно уже сдѣлались узкими аристократами также и по своимъ политическимъ принципамъ. Пер-

вымъ примѣромъ сильнаго государственнаго человѣка, даваша парламентскимъ рѣшеніямъ направленіе независимое отъ аристократическихъ разсчетовъ, явился Робертъ Пиль въ 1846 году, когда принудилъ значительную часть торійской партіи подать голосъ за отміненіе хлѣбныхъ законовъ. Но при этомъ случаѣ онъ только воспользовался могущественнымъ положеніемъ, которое занималъ; а этого могущественнаго положенія онъ достигъ только тѣмъ, что совершенно примкнулъ къ тори и много лѣтъ былъ послушнымъ ихъ органомъ. Безъ своего торизма онъ былъ бы ничѣмъ. Послѣ отміненія хлѣбныхъ законовъ, аристократическія партіи начинаютъ по неволѣ дряхлѣть, при могущественномъ напорѣ новыхъ идей; отъ нихъ начинаютъ отдѣляться люди съ болѣе свѣтлыми головами, отъ торійской партіи пилиты, отъ виговъ манчестерская школа и радикалы. Когда нибудь мы расскажемъ весь ходъ этого измѣненія, а здѣсь замѣтимъ только одно: до половины послѣдняго года разложеніе прежнихъ аристократическихъ партій не достигло еще такихъ размѣровъ, и новыхъ людей съ независимыми понятіями въ Палатѣ Общинъ было еще не такъ много, чтобы характеръ Палаты Общинъ существенно измѣнился. Правда, пилиты пріобрѣтали по временамъ довольно важное участіе въ составѣ того или другого кабинета; правда, по предложеніямъ радикаловъ Робака и Мильнера-Джибсона, принимались иногда довольно важныя рѣшенія; но все это бывало только счастливою случайностью, неизмѣнявшею общаго хода дѣлъ. Верховное руководство государственными дѣлами никогда не выходило изъ рукъ аристократовъ или, если не аристократовъ по происхожденію, то послушныхъ представителей той или другой аристократической партіи. Если не тори, то виги, если не виги, то тори — другой альтернативы не было. Если не лордъ Дерби съ своимъ помощникомъ Д'Израэлемъ, то лордъ Пальмерстонъ, или оба вмѣстѣ, — другихъ правителей Англіи не могла имѣть. Всего только полгода тому назадъ люди, не принадлежащіе къ аристократическимъ партіямъ, нашли себя въ Палатѣ Общинъ достаточно многочисленными для того, чтобы составить новую, независимую партію и свергнуть съ себя зависимость отъ виговъ. Главныя лица этой новой партіи: Кобденъ, Робакъ и Брайтъ. Не знаемъ, кто изъ нихъ будетъ постояннымъ ея предводителемъ, но по дѣлу парламентской реформы ова избрала своимъ предводителемъ Брайта.

Джонъ Брайтъ, сынъ Джемса Брайта, ланкаширскаго фабриканта, родился въ 1811 году, слѣдовательно теперь ему около 47 лѣтъ. Отецъ его былъ квакеръ, и онъ воспитанъ въ правилахъ этого исповѣданія, изъ которыхъ неуклонно слѣдовало всегда двумъ основнымъ: говори всегда правду, хотя бы прошлое житейское благоразуміе предписывало молчать о ней, и считай преступленіемъ войну, какъ убійство. Знаменитость его началась чрезвычайно энергическимъ и блистательнымъ содѣйствіемъ Кобдену въ агитаціи для отміны хлѣбныхъ законовъ. Рѣчами на митингахъ по этому вопросу онъ пріобрѣлъ такую извѣстность, что въ 1843 году могъ явиться кандидатомъ въ Дѣрремъ, гдѣ протекціонисты были чрезвычайно сильны. Его соперникъ лордъ Дентоннонъ одержалъ верхъ, но только посредствомъ подкупа; это было доказано и парламентъ объявилъ выборъ не дѣйствительнымъ. Тогда Брайтъ снова явился кандидатомъ и былъ выбранъ въ члены парламента.

Дѣятельность его въ парламентѣ и на митингахъ съ каждымъ годомъ увеличивала его славу, и въ 1847 году Манчестеръ, центръ агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ, единогласно избралъ своимъ представителемъ его вмѣстѣ съ Кобденомъ. Въ парламентѣ онъ, разумѣется, энергически поддерживалъ всѣ либеральныя предложенія и популярность его возрастала до самой той поры, когда поднялся въ Англіи фанатическій вонъ противъ папизма, по случаю официального назначенія папою католическаго архіепископа (кардинала Уайзмана) и нѣсколькихъ католическихъ епископовъ для Англіи. Брайтъ не могъ для сохраненія популярности пожертвовать убѣжденіемъ въ обязанности каждому просвѣщенному человеку защищать свободу совѣсти, и возсталъ противъ нетерпимости. Это нѣсколько повредило ему въ общемъ мнѣніи. Но онъ все-таки пользовался любовью, и при новыхъ выборахъ, въ 1852 году, Манчестеръ остался ему вѣренъ. Но вотъ началась Русская война, Брайтъ всячески старался предупредить ее, доказывалъ ея ненужность, указывалъ средства набѣжать ея; на него стали смотрѣть очень косо.

Война началась, судьба англійской арміи была печальна, національная гордость англичанъ жестоко страдала и потому ихъ раздраженіе было безгранично. Общій крикъ: „надобно, какъ можно энергичнѣе продолжать войну, чтобы загладить первыя неудачи и ошибки, чтобы разсѣять въ иностранцахъ и въ насъ самихъ сомнѣніе о нашихъ могуществахъ“ заглушала всѣ другія рѣчи, подавляла всѣ другія чувства. Страшно было противорѣчить безграничному увлеченію; замолчали почти всѣ неодобрявшіе войну. Брайтъ не отступилъ отъ исполненія того, что считалъ своею обязанностью. Громче прежняго онъ доказывалъ ненужность войны. Всѣ закричали, что онъ измѣнникъ отечества, что онъ сумасшедшій выгодѣй. Вся популярность его исчезла, онъ подвергся презрѣнію и ненависти націи. Но не отступилъ онъ отъ обязанности говорить ей то, что считалъ правдою. Во время войны у насъ было переводимо множество отрывковъ изъ его удивительныхъ рѣчей; но выборъ дѣлался обыкновенно очень одностороннимъ образомъ, такъ что публикѣ не легко было отгадать существенный смыслъ сопротивленія Брайта войнѣ. Многие полагали у насъ, что Брайтъ осуждаетъ войну изъ пристрастія къ Россіи; другіе думали, что онъ проклинаетъ ее только какъ филантропъ, какъ sentimentalный мечтатель, или какъ сектантъ, единственно изъ теоретическихъ или религіозныхъ убѣжденій о грѣхѣ проливать человеческую кровь. Нѣтъ, онъ доказывалъ ненужность войны съ чисто-англійской точки зрѣнія, вмѣли въ виду интересы не Россіи, а своей родины, и доказывалъ это соображеніями чисто практическими, говорилъ какъ государственный человѣкъ, а не какъ идеалистъ. Онъ доказывалъ, что могущество Россіи не до такой степени безмѣрно, чтобы цивилизованнымъ странамъ Западной Европы можно было серьезно страшиться его. Онъ доказывалъ, что Россіи едва ли хотѣла и едва ли могла овладѣть Константинополемъ, если бы даже западныя державы и не подавали помощи Турціи. Во всякомъ случаѣ, говорилъ онъ, Турція такъ нелѣпа и разстроена, что не можетъ служить оплотомъ Западной Европѣ противъ Россіи, и если не можетъ служить оплотомъ Россіи своими Балканами, пустынями и болотами, то лучше я не поддержи

вать ее, потому что поддержка будетъ стоить гораздо дороже, нежели стояло бы прямое столкновение съ Россіею на западно-европейской почвѣ. Онъ говорилъ, что излишнее расширение границъ не усиливаетъ, а ослабляетъ государство, и если бы Россія завоевала Турцію, то не укрѣпилась бы, а нанурилась бы присоединеніемъ болѣзненного нароста къ своему организму. Наконецъ онъ доказывалъ, и это было главнѣйшимъ его основаніемъ, что могущество государства зависитъ гораздо больше отъ его богатства и умственного развитія, нежели отъ его обширности и числа его жителей. Потому, говорилъ онъ, пусть Россія дѣлаетъ что хочетъ, лишь бы не мѣшала вашимъ домашнимъ дѣламъ. Если она кажется вамъ опасною своимъ могуществомъ, если вы находите нужнымъ принять какія нибудь усиленные мѣры, чтобы взять перевѣсъ надъ нею, эти мѣры должны состоять въ усиленной заботливости англійскаго правительства о развитіи англійской промышленности, о распространѣніи просвѣщенія въ Англіи и болѣе всего о возвышеніи благосостоянія бѣдныхъ классовъ англійскаго народа. Последняя забота важнѣе всѣхъ, кантъ потому что благосостояніе массы само по себѣ главнѣйшій источникъ государственнаго могущества, такъ и потому, что оно служитъ необходимымъ условіемъ для развитія двухъ другихъ условій государственной силы, для развитія промышленности и просвѣщенія. Если вы пойдете по этому пути быстрѣе, нежели Россія, съ каждымъ годомъ вы будете становиться сильнѣе ея; а если она хочетъ идти другимъ путемъ, путемъ войны, завоеваній и насилія, она быстро будетъ терять и прежнюю свою силу. Но я не желаю вреда никому народу, хотя больше всего желаю пользы своему. Я не радовался бы, если бы Россія дѣйствительно хотѣла губить себя войнами и завоеваніями. Я хочу думать, что нынѣшнее столкновеніе ея съ Турціей было только слѣдствіемъ несчастныхъ обстоятельствъ, которыя скоро минуются; и во всякомъ случаѣ нельзя не предвидѣть, что очень скоро она обратитъ свои силы вѣсто завоеваній на развитіе истинныхъ источниковъ могущества, на заботу о своей промышленности, своемъ просвѣщеніи, о благосостояніи своихъ простолудниковъ, и какъ вы, если будете благоразумны, быстро станете усиливаться, такъ будетъ возрастать и ея истинное могущество. Пусть возрастаетъ: мы должны желать ей того, какъ надобно желать и всякому другому народу, потому что такое могущество даетъ только счастье и безопасность самой державѣ, имъ владѣющей, а не представляется опасностью для другихъ державъ: вѣдь оно основано на промышленности, образованности, на благосостояніи массы народа; а чѣмъ промышленнѣе и образованнѣе государство, тѣмъ меньше ищетъ оно войны, и чѣмъ благосостоятельнѣе масса народа, тѣмъ усерднѣе народъ станетъ, въ случаѣ надобности, защищать свои границы, но тѣмъ меньше будетъ у него охоты нападать на другихъ. — Такова была сущность мыслей, которыми Брайтъ доказывалъ ненужность и вредъ войны съ Россіею для самой Англіи. Въ тѣ времена, раздраженные, злобленные англичане вознегодовали на него за такія рѣчи; онъ сдѣлался предметомъ самихъ позорныхъ ругательствъ и проклятій, самой нелѣпой клеветы. Онъ безумецъ, онъ наемникъ родины, онъ защитникъ деспотизма, онъ трусливъ Россіею, онъ рабъ русскаго царя, кричали про него всѣ. Онъ

остался вѣренъ своей обязанности говорить правду, но ненависть и гнѣвъ народа, который онъ такъ любилъ, тяжело подѣйствовали на него, такъ что его здоровье разстроилось, и по окончаніи парламентской сессіи 1855 года, онъ, изнуренный борьбою, для поправленія здоровья уѣхалъ въ Италію. Разумѣется, къ пражнымъ клеветамъ тотчасъ же прибавилось новое истолкованіе: прежде его называли гнуснымъ измѣнникомъ, теперь дополнили его характеристику помѣшательствомъ. Озлобленіе противъ него было такъ упорно, что при выборахъ, въ мартѣ 1857 года, Манчестеръ лишилъ Брайта (вмѣстѣ съ Кобденомъ, который дѣйствовалъ въ томъ же духѣ и подвергся той же ненависти, какъ Брайтъ) обвинія своего представителя. Но тутъ начинается новый переворотъ въ общественномъ мнѣніи относительно Брайта и его товарищей. Исключеніе изъ парламента людей столь замѣчательныхъ было несправедливостью уже слишкомъ рѣзкою, и нація вдругъ вспомнила о ихъ прежнихъ заслугахъ по отиѣненію хлѣбныхъ законовъ. Да и притомъ, кто будетъ разбирать въ Палатѣ Общинъ промышленныя вопросы съ глубокимъ знаніемъ дѣла, съ совершенною проникательностью, если не будетъ въ ней представителей манчестерской школы? Они необходимы для Палаты, и при дополнительныхъ выборахъ они введены были въ парламентъ. Брайта выбралъ Бирмингемъ. Скоро послѣ того нація разочаровалась въ Пальмерстонъ; въ жертву которому принесла Брайта и его товарищей. Воинственный жаръ успѣлъ остыть, послѣдствія войны подтвердили фактами справедливость мнѣній Брайта. Всѣ убѣдились, что Турція не стоила потраченныхъ на нее силъ. Россія по окончаніи войны предалась новому направленію, необходимость и пользу котораго предсказывалъ Брайтъ, и, занявшись благотѣльными внутренними преобразованіями, фактически доказала, что не хочетъ страшить Европу съ вредомъ для себя, а заботится о дѣйствительномъ своемъ благѣ, съ пользою и для самой Европы. Непопулярность Брайта исчезла въ нѣсколько недѣль, замѣнившись прежнею или еще большею любовью націи. Масса народа въ Англіи, какъ и повсюду, прямодушна и расположена цѣнить прямого характера чуть ли не выше всего. Англичане поняли, какая рѣдкая честность нужна была Брайту, чтобы не замолчать во время войны предъ раздраженною націею о ненавистной тогда истинѣ; какую чрезвычайную преданность общему благу доказали онъ и его товарищи, не колеблясь жертвовавшие собою для отклоненія націи отъ разорительной ошибки. Съ уваженіемъ къ нему, какъ къ великому оратору, съ возвращеніемъ наклонности къ признанію правды въ его убѣжденіяхъ, соединилось чрезвычайное почтеніе къ удивительной прямотѣ и честной твердости его характера. Въ это время возродилось стремленіе къ парламентской реформѣ, на время подавленное войною, и Брайтъ, явившійся самымъ блистательнымъ ораторомъ на митингахъ въ пользу этого вопроса, былъ избранъ отъ всей партіи реформаторовъ по предложенію самого Робака, который одинъ могъ имѣть притязаніе на соперничество съ нимъ, главою реформаціоннаго движенія. Какое участіе принимаетъ онъ въ немъ, мы расскажемъ послѣ, а теперь мы хотѣли только сказать, каковъ человекъ, избранный англійскою націею въ руководители такого дѣла, передъ которымъ ничтожны всѣ другія дѣла, занимающія теперь Англію.

Сравните Брайта съ Пальмерстономъ, и вы поймете, какъ будетъ отличаться отъ прежней англійской политики новая: когда партія, одушевленная понятіями, производящими вынѣ реформу, станетъ сильнѣе двухъ прежнихъ партій, тогда будутъ невозможны государственные дѣятели, подобные лорду Пальмерстону. Дурные люди останутся, но принуждены будутъ руководиться въ своихъ государственныхъ дѣйствіяхъ мнѣніями честныхъ людей. Очень вѣроятно, что часто будутъ управлять государствомъ по прежнему тори или вили, но они должны будутъ, чтобы удержаться въ министерствѣ, поступать сообразно съ требованіями новыхъ людей, понимающихъ государственное благо вѣрнѣе ихъ. Начало этому новому періоду англійской исторіи мы видимъ уже теперь, когда лордъ Дерби (этотъ идолъ Крыловской басни, нарекающій мудрые отвѣты, потому что въ немъ сидитъ жрецъ очень толкаго ума, д'Израэли), этотъ наслѣдникъ людодѣдовъ, подобный лорду Лондондерри, является уже гуманнѣе и просвѣщеннѣе правителемъ, потому что независимые либералы накинута довольно крѣпкую узду на него и его товарищей. Съ теченіемъ времени узда будетъ становиться крѣпче и крѣпче, т. е. и въ виглахъ и въ тори будетъ еще больше хорошаго, вкладываемаго въ ихъ дѣйствія если не внушеніями собственнаго сердца, то внѣшней необходимостью. Съ этой стороны, со стороны усиліи требованій просвѣщенныхъ людей средняго сословія, доселѣ остающихся въ Англіи защитниками интересовъ и простого народа, исторіи министерства лорда Дерби чрезвычайно занимательна. Мы теперь коснемся смысла главнѣйшаго изъ ея эпизодовъ, смысла подготовляемой агитаціе парламентской реформы. Чего хотятъ люди, избравшіе своимъ предводителемъ Брайта? Чѣмъ не довольны они въ нынѣшнемъ устройствѣ парламента, и каковъ былъ бы результатъ требуемыхъ ими переимѣнъ? Въ слѣдующемъ изложеніи мы будемъ отчасти пользоваться статіею Файдера, помѣщенной въ *Indépendance Belge* 8 и 9 декабря прошлаго года.

Первое измѣненіе, требуемое реформаціонною партіею, относится къ продолжительности срока, на который избираются члены Палаты Общинъ по распусценіи прежняго парламента.

По стариннымъ законамъ, продолжительность одного и того же парламента не была ограничена никакимъ срокомъ и зависѣла единственно отъ воли короля. Онъ могъ сохранять одинъ и тотъ же парламента въ все продолженіе своего царствованія, если находилъ то удобнымъ для себя и полагалъ, что новыя выборы будутъ ему менѣе благоприятны, нежели выборы, произведенныя при его востшествіи на престолъ. Такимъ образомъ одинъ изъ парламентовъ, бывшихъ при Карлѣ II, продолжался цѣлыхъ семнадцать лѣтъ. По закону, парламента не могъ пережить только кончины того короля, по глупатамъ котораго произведены были выборы. Смертью короля распустился его парламента, и новый король долженъ былъ назначать новыя выборы.

По изгнаніи Стюартовъ, при Вильгельмѣ III, почли нужнымъ ограничить прежній произволъ и обезпечить для націи средства чаще приводить въ соотвѣтствіе съ господствующимъ мнѣніемъ корпорацію, представляющую къ націи. По статуту, называемому трехгодичнымъ закономъ (*Triennial*), было постановлено, что одинъ и тотъ же парламента не можетъ продолжаться долѣе трехъ лѣтъ и общіе выборы производятся на этотъ срокъ.

Через двадцать два года, при Георгі 1, срокъ этотъ былъ продленъ на семь лѣтъ по семигодичному закону (Septennial act); измѣненіе предложено было вигами и нашло сопротивленіе въ торійскихъ абсолютистахъ и реакціонерахъ. Лордъ Сомерсъ, одинъ изъ самыхъ честныхъ и свободномыслящихъ людей тогдашней Англіи, лежавшій при смерти, сказалъ одному изъ своихъ друзей виговъ, пришедшему поговѣтоваться съ нимъ объ этомъ намѣреніи: „Я никогда не одобрялъ трагическаго билля и всегда думалъ, что на самомъ дѣлѣ онъ производитъ результатъ, противный тому, какого хотѣли мы достичь. Вы имѣете сердечное мое сочувствіе въ этомъ дѣлѣ и я думаю, что оно будетъ самою твердою опорою для свободы Англіи“. Теперь напротивъ, прогрессисты требуютъ сокращенія срока. Откуда такая разница въ желаніяхъ людей сходнаго образа мыслей? Въ началѣ XVIII вѣка назначеніе огромнаго большинства членовъ Палаты Общинъ зависѣло отъ лордовъ и частая смѣна парламентовъ неблагопріятствовала самостоятельности депутатовъ, которые только долгимъ срокомъ выборовъ являлись отъ произвола своихъ патроновъ. Подобное положеніе вещей продолжалось до самой реформы 1832 года, которая, увеличивъ число депутатовъ, назначаемихъ большими городами, ввела въ Палату Общинъ значительное число представителей средняго сословія независимыхъ отъ патронатства. Но все еще большинство депутатовъ избирается подъ сильнымъ вліяніемъ нѣсколькихъ богатыхъ землевладѣльцевъ, или даже просто по ихъ назначенію. Новая реформа намѣрена положить конецъ этому введеніемъ тайной баллотировки и другими измѣненіями, о которыхъ скажемъ ниже. Тогда большинство Палаты Общинъ будетъ состоять изъ людей истинно независимыхъ, и болѣе частые выборы будутъ приуждать ихъ соображаться не съ желаніями какихъ нибудь патроновъ, какъ было прежде, а съ потребностями ихъ избирателей, также дѣлающихся независимыми отъ патронатства, т. е. быть вѣрными представителями общественнаго мнѣнія. Такимъ образомъ съ перемѣною обстоятельствъ одинъ и тотъ же законъ изъ либеральнаго становится реакціоннымъ или наоборотъ; и прогрессисты находятъ нынѣ пользу въ сокращеніи срока, между тѣмъ какъ прежде продолжительный срокъ былъ нуженъ для того, чтобы Палата Общинъ хотя нѣсколько повиновалась общественному мнѣнію.

Теорія различныхъ отгѣнновъ реформаціонной партіи почти единодушна по этому вопросу. Могущее общество „Друзей всенароднаго выбора“ (Comples de suffragistes), радикалы и прогрессивные либералы подобно хартистамъ, которыхъ очень мало въ парламентѣ, но къ которымъ по прежнему принадлежитъ большинство простолюдиновъ, жаждутъ ежегодныхъ выборовъ, которые были однимъ изъ шести пунктовъ знаменитой „народной партіи“ (People's Charter), представленной въ 1839 году Палатѣ Общинъ въ формѣ просьбы съ 1,200,000 подписей и вновь представленной въ 1841 году съ такимъ же числомъ подписей.

Если семилѣтній срокъ не удержится, то виги и тори вѣроятно будутъ отстаивать трехлѣтній срокъ, бывшій въ концѣ XVII вѣка. Мы говоримъ,—вѣроятно, потому что ни виги, ни тори еще невысказывали своихъ программъ по вопросу о реформѣ; и только по открытіи парламентскихъ :

сѣданій, около половины февраля, когда лордъ Дерби и лордъ Россель (быть можетъ и лордъ Пальмерстонъ отдѣльно отъ Росселя) представлять свои собственные были въ соперничество съ Брайтовыми, можно будетъ съ достовѣрностію опредѣлить, какую мѣру уступокъ предлагаютъ отъ себя та и другая изъ старыхъ партій. Еще неизвѣстно, какой срокъ сочтеть практичнымъ для настоящаго времени и реформаціонная партія.

Другое коренное измѣненіе относится къ составу Палаты Общинъ. Реформаціонная партія требуетъ новаго распредѣленія избирательныхъ округовъ между деревнями, или, какъ называютъ въ Англіи, графствами, и городами.

Въ настоящее время Палата Общинъ состоитъ изъ 658 человекъ; но избирательные округа назначаютъ извѣстное число депутатовъ, вовсе не по пропорціи къ числу своего населенія, какъ во всѣхъ Европейскихъ государствахъ и въ Америкѣ, а просто—каждый округъ извѣстнаго класса выбираетъ извѣстное число депутатовъ, одно и то же въ самыхъ маленькихъ и въ самыхъ большихъ округахъ этого класса.

Во-первыхъ пользуются правомъ назначать депутатовъ въ парламентъ три университета: Оксфордскій, Кембриджскій и Дублинскій. Св. Троицы, каждый по два депутата.

Второй разрядъ избирательныхъ округовъ составляютъ деревни; ихъ депутаты называются, какъ мы знаемъ, депутатами графствъ. Число всѣхъ такихъ депутатовъ въ Палатѣ Общинъ простирается до 253. Тутъ избиратели — немногочисленные землевладѣльцы и толпа фермеровъ, совершенно зависящихъ отъ землевладѣльцевъ, которые нарочно не соглашаются на заключеніе съ ними срочныхъ контрактовъ, а ограничиваются контрактами безсрочными (at will), которые могутъ быть уничтожены во всякое время произволомъ каждаго изъ двухъ контрагентовъ. Выборы происходятъ въ Англіи посредствомъ записи въ книгу, за какого кандидата какой избиратель подаетъ голосъ. Такимъ образомъ землевладѣлецъ можетъ прогнать съ фермы фермера, который не послушается его приказанія и не поддержитъ своимъ голосомъ кандидата, пользующагося покровительствомъ землевладѣльца. Почти вся земля въ Англіи сосредоточена, какъ извѣстно, въ рукахъ нѣсколькихъ сотъ аристократовъ, и эти немногочисленные богатые землевладѣльцы назначаютъ всѣхъ такъ называемыхъ депутатовъ графствъ, то есть почти двѣ пятыхъ части всего числа депутатовъ, составляющихъ Палату Общинъ.

Остальные 399 депутатовъ избираются городами или, чтобы вѣрнѣе передать смыслъ англійскаго термина—замками или цитаделями (borough). Въ самомъ дѣлѣ, нѣкогда всѣ города были крѣпостями, и городскую корпорацию составляли только граждане, жившіе въ собственно такъ называемомъ крѣпленномъ городѣ, а жители предмѣстій были исключены отъ участія въ ихъ правахъ. Мало по малу все это измѣнилось, стѣны разрушились, жители предмѣстій сравнялись въ правахъ съ жителями стараго города; но въ избирательномъ смыслѣ городъ по прежнему называется не просто городомъ (city), укрѣпленнымъ городомъ или замкомъ (borough). Средневѣковое начало стало не въ одномъ имени, но и въ чрезвычайной неравномѣрности пропорцій между числомъ жителей или даже избирателей и числомъ назначаемыхъ

ими депутатов. Землевладельческіе или деревенскіе округа по крайней мѣрѣ всѣ довольно велики; но въ числѣ городовъ, назначающихъ каждый по столько же депутатовъ, какъ Ливерпуль, Манчестеръ, Глазго, Лидсъ или Бирмингемъ, находится множество маленькихъ и ничтожныхъ мѣстечекъ, болѣе похожихъ на деревушки, нежели на города. Количество этихъ запустѣвшихъ городовъ (rotten boroughs), составляющихъ каждый по отдѣльному избирательному округу, уменьшено на половину реформой 1832 года, но все-таки ихъ остается еще чрезвычайно много; между прочимъ насчитывается 59 такихъ городовъ, которые имѣютъ каждый менѣе 500 избирателей. Всѣ вмѣстѣ эти 59 городовъ, имѣя только 20,076 избирателей и всего населенія не болѣе 373,000, посылаютъ въ парламентъ 89 депутатовъ, между тѣмъ какъ Ливерпуль, одинъ имѣющій большее число жителей и избирателей, нежели всѣ они вмѣстѣ, назначаетъ только двухъ депутатовъ.

Въ числѣ многочисленныхъ маленькихъ городковъ, имѣющихъ избирательную привилегію, находится много такихъ, въ которыхъ всѣ жители совершенно зависятъ отъ одного землевладельца, какъ будто въ деревнѣ; поэтому не будетъ преувеличеніемъ сказать, что до сихъ поръ большинство Палаты Общинъ назначалось нѣсколькими сотнями богатыхъ землевладельцевъ, а весь остальной миллионъ избирателей Англіи назначалъ только меньшую половину депутатовъ, составляющихъ Палату Общинъ.

Измѣненіе въ распредѣленіи избирательныхъ округовъ, требуемое реформационною партіею, имѣетъ двоякую цѣль: во-первыхъ уменьшить зависимость Палаты Общинъ отъ аристократическихъ землевладельцевъ, и безъ того уже имѣющихъ слишкомъ значительную долю въ законодательной власти по своему званію членовъ Палаты Лордовъ. Во-вторыхъ уничтожить страшную неравномѣрность числа депутатовъ съ числомъ населенія въ разныхъ избирательныхъ округахъ.

Въ теоріи тутъ и манчестерская школа и радикалы опять согласны съ хартистами: они считаютъ наилучшимъ тотъ принципъ, какой введенъ во всѣхъ новыхъ конституціонныхъ государствахъ Западной Европы, именно распредѣленіе страны на избирательные округа безъ различія городовъ отъ деревень, и каждому избирательному округу предоставленіе числа представителей прямо соразмѣрнаго его населенію. Тогда, напримѣръ, Манчестеръ составлялъ бы одинъ избирательный округъ съ окрестными мѣстечками и деревнями или, пожалуй, и цѣловъ Ланкастерское графство, то есть и Манчестеръ и Ливерпуль и другіе города со всѣми деревнями Ланкастерскаго графства составляло бы одинъ округъ. И напримѣръ въ первомъ случаѣ, если Манчестерскій избирательный округъ имѣлъ бы 500,000 жителей, между тѣмъ какъ все Великобританское Королевство съ Ирландіею 28,000,000, и въ Палатѣ Общинъ по прежнему будутъ находиться 658 членовъ, то на доли Манчестерскаго округа пропорціонально числу его жителей пришлось бы выбирать 11 или 12 представителей.

Такова теорія реформистовъ. До какой степени возможнымъ сочтутъ они измѣнить въ настоящее время распредѣленіе избирательныхъ округовъ на практикѣ, мы скоро узнаемъ.

Третье измѣненіе относится къ условіямъ, которыя до сихъ поръ были

нужен человек для того, чтобы он мог явиться кандидатом на парламентские выборы. До сих пор мог быть членом парламента от графства только владѣтель участка земли, дающаго не менѣе 600 фун. стерл. (немного менѣе 4,000 р. серебромъ) годоваго дохода, а представителемъ от города только человекъ имѣющій собственность, приносящую не менѣе 300 фун. стерл. (около 2,000 руб.) ежегоднаго дохода. Исключеніе изъ этого допускалось одно, и то въ пользу аристократіи: старшіе сыновья перовъ Англіи могутъ быть избираемы депутатами отъ графствъ, хотя бы не имѣли никакого самостоятельнаго дохода.

Вся реформаціонная партія согласна въ теоретическомъ желаніи, чтобы это и нѣкоторыя другія стѣснительныя условія кандидатства были отменены, и депутатомъ могъ быть каждый англичанинъ, котораго почтутъ своимъ до-
вѣриемъ избиратели.

И теперь есть и прежде были въ числѣ членовъ Палаты Общинъ люди безъ всякаго состоянія; но они вступали въ парламентъ какъ кліенты мущественныхъ аристократовъ, которые, сообщивъ имъ право называться владѣльцами нужной для кандидатства собственности посредствомъ какого нибудь фиктивнаго акта, доставляли имъ для безбѣдной жизни какую нибудь синекуру или просто давали содержаніе отъ себя. Если другія перемѣны, требуемыя реформаціонною партіею, осуществятся въ надлежащемъ размѣрѣ, то въ Палату Общинъ войдетъ множество людей безъ состоянія, но дорожащихъ своею независимостью, — такихъ людей, которые не захотятъ принимать синекуръ, а тѣмъ менѣе позволять кому нибудь предложить имъ содержаніе. Но обязанность члена Палаты Общинъ, дѣйствительно исполняющаго свой долгъ, отнимаетъ чрезвычайно много времени. Въ теченіе всей парламентской сессіи одно присутствіе въ засѣданіи отнимаетъ у него почти половину дня. Если же онъ будетъ говорить рѣчи, то ему понадобится еще много времени на статистическія, историческія, юридическія и другія ученые занятія. Притомъ жизнь въ Лондонѣ гораздо дороже, нежели въ провинціальныхъ городахъ, а тѣмъ болѣе въ деревняхъ. Человекъ не богатый не можетъ быть отвлекаемъ такъ сильно отъ своихъ частныхъ дѣлъ и переселяться въ столицу безъ вознагражденія. Потому необходимымъ дополненіемъ къ другимъ преобразованіямъ является назначеніе жалованья членамъ Палаты Общинъ. Народная Хартія опредѣляла его въ 500 фунтовъ (нѣсколько болѣе 3,000 руб. сер.) въ годъ.

Въ Соединенномъ Королевствѣ Великобританіи Ирландіи считается около 7,000,000 взрослыхъ мужчинъ. Изъ нихъ до сихъ поръ только одна шестая часть, не многимъ болѣе 1,000,000 человекъ, пользовалась правомъ подавать голосъ на парламентскихъ выборахъ. Въ графствахъ это право предоставлено теперь только владѣльцамъ независимыхъ участковъ земли, freeholders, дающихъ не менѣе 10 фунт. дохода и фермерамъ, платящимъ за наемъ фермы юмлевладѣльцу не менѣе 50 фунтовъ; а въ городахъ лицамъ, занимающимъ чартіи цѣною не менѣе 10 фунтовъ. Такимъ образомъ даже и среднее условіе не все пользуется избирательнымъ правомъ, а въ простолюдиновъ неоступно оно, можно сказать, никому.

Хартисты, радикалы и манчестерская школа согласны въ томъ, что слѣ-

довало бы желать, чтобы каждый взрослый англичанин, без всякаго различія состояній, сдѣлался избирателемъ. Въ теоріи вся реформаціонная партія принимаетъ *suffrage universel*. Какими условіями надобно ограничить его, чтобы реформа могла пройти черезъ нынѣшнюю Палату Общинъ, огромное большинство которой принадлежитъ къ стариннымъ аристократическимъ партіямъ, — это другой вопросъ; и теперь еще неизвѣстно, какія именно основанія для расширенія числа избирателей приметъ Брайтъ въ своемъ биллѣ, по совѣщанію съ депутатами главнѣйшихъ реформаціонныхъ обществъ, покрывающихъ теперь всю Англію своими комитетами. Изъ его рѣчей на митингахъ извѣстно только что онъ счтаетъ для настоящаго времени практичнымъ основаніемъ такое расширеніе избирательнаго права, чтобы участвовать въ парламентскихъ выборахъ каждый, участвующій въ выборахъ лицъ, заведующихъ сборами на неимущихъ, то есть, каждый глава семейства или членовъ, живущій самостоятельнымъ хозяйствомъ.

Останется ли онъ на этомъ основаніи или, по совѣщанію съ важнѣйшими представителями реформаціонной партіи, найдетъ практичнымъ измѣнить его, — пока еще неизвѣстно. Но этотъ вопросъ представляется наименѣ сомнительнымъ изъ всѣхъ составныхъ пунктовъ реформы относительно своего дѣйствительнаго осуществленія. Старинныя партіи вѣроятно будутъ противиться введенію баллотировки и пропорціональнаго распредѣленія депутатовъ по числу населенія избирательныхъ округовъ; но кромѣ немногихъ слѣшкомъ упорныхъ тори, думающихъ отдѣлаться отъ лорда Дерби и остальныхъ тори, чтобы безусловно отвергать реформу, всѣ отѣйки парламентскихъ партій согласны въ томъ, что избирательное право должно быть расширено въ очень значительной степени; и едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что реформа введетъ въ число избирателей половину совершеннолѣтнихъ англичанъ, такъ чтобы пониженіе ценза обняло значительную часть простолюдиновъ.

Но предоставленіе правъ бѣдной части средняго сословія и простолюдиновъ дастъ имъ потребностямъ дѣйствительное вліяніе на составъ Палаты Общинъ только тогда, когда независимость избирателей будетъ ограждена введеніемъ тайной баллотировки (*ballot*) на выборахъ. Эта гарантія въ Англіи необходимѣе, нежели гдѣ нибудь. Во Франціи, въ Бельгіи, въ Германіи есть очень много простолюдиновъ, владѣющихъ землею, слѣдовательно независимыхъ отъ чужаго произвола; многіе ремесленники также занимаютъ въ этихъ странахъ своими промыслами, какъ самостоятельные хозяева. Въ Англіи ни тотъ, ни другой разрядъ самостоятельныхъ простолюдиновъ почти не существуетъ. Простолюдины-земледѣльцы тамъ не болѣе, какъ наемные работники, подчиненные произволу фермеровъ, которые въ свою очередь также подчинены произволу землевладѣльцевъ. Ремесленные промыслы гораздо въ сильнѣйшей степени, нежели на континентѣ, сосредоточены въ обширныхъ мастерскихъ, и ремесленники такъ же, какъ и земледѣльцы, почти всѣ обратились въ наемныхъ работниковъ; — о фабричныхъ рабочихъ нечего и говорить. Потому введеніе тайной баллотировки реформаціонною партіею требуется съ такою же настоячивостію, какъ расширеніе избирательнаго права. Но изъ всѣхъ пунктовъ Брайтова билла баллотировка встрѣтитъ самое сильное сопротивленіе со стороны старинныхъ партій, сознающихъ, что именно въ этомъ вопросѣ заклю-

чается вопросъ о продолженіи или паденіи прежней ихъ силы. Пройдетъ ли это требованіе реформаціонной партіи черезъ Палату Общинъ, трудно сказать прежде, нежели разъяснятся мнѣнія той части вигговъ, которая отвергла Пальмерстона и возвратилась къ прежнему главѣ всей виггистской партіи, лорду Росселю.

Мы наложимъ требованія реформаціонной партіи и смыслъ ихъ.

Народная Хартія также ограничивалась шестью пунктами, составляющими теперь программу всѣхъ независимыхъ либераловъ. Ея знаменитыя требованія были:

- 1) Всеобщее право избирательства; избирателемъ долженъ быть каждый совершеннолѣтній человѣкъ, находящійся въ здоровомъ разсудкѣ и не осужденный за уголовное преступленіе.
- 2) Ежегодные парламентскіе выборы.
- 3) Жалованье членамъ Палаты Общинъ, чтобы и люди безъ состоянія могли принимать на себя званіе депутатовъ.
- 4) Выборы посредствомъ тайной баллотировки, чтобы оградить независимость избирателей.
- 5) Новое распредѣленіе избирательныхъ округовъ, чтобы число депутатовъ отъ каждого округа было соразмѣрно его населенію.
- 6) Отмѣненіе ценза для кандидатовъ, чтобы нація могла избирать своихъ депутатовъ безъ различія между богатыми и бѣдными.

Въ 1839 году, и даже не дальше, какъ въ 1848 году, Народная Хартія называлась безуміемъ, выставлялась гибелью для Англіи. Теперь мы видимъ, что честнѣйшіе и наиболѣе практичныя изъ государственныхъ людей Англіи, такіе люди какъ Брайтъ и Кобденъ, своею дѣятельностью въ Лигѣ противъ хлѣбныхъ законовъ доказавшіе, что они вовсе не похожи на сантиментальныхъ идеалистовъ, принимаютъ всѣ шесть пунктовъ Народной Хартіи; и если билль Брайта допустить въкоторыя ограниченія въ наложенной нами программѣ, то эти измѣненія явятся только временною уступкою для пріобрѣтенія большаго числа союзниковъ въ нынѣшней Палатѣ Общинъ, только слѣдствіемъ парламентской тактики, принимающей компромиссы, взаимныя уступки или сдѣлки въ подробностяхъ, для доставленія скорѣйшаго торжества основнымъ принципамъ. Въ мірѣ нравственномъ, также какъ и въ матеріальномъ то, что сначала казалось невозможностью, часто является необходимостью, и то, что казалось безуміемъ, признается мудростью черезъ нѣсколько, двадцать лѣтъ послѣ того, какъ было отвергаемо, осмѣиваемо или проклинаемо.

Вопросъ объ исполненіи требованій, выставляемыхъ всею реформаціонною партіею, сталъ теперь вопросомъ только о времени. Не нынѣ, завтра, нѣсколькими годами раньше, нѣсколькими годами поздѣе, всѣ они должны быть приняты парламентомъ. Вопросъ о парламентской реформѣ вообще не допускаетъ и такой отсрочки; она должна быть произведена не позже какъ въ слѣдующую сессію, если не будетъ произведена въ сессію нынѣшняго года, то гораздо вѣроятнѣе для насъ и предетавляется несомнѣннымъ для всѣхъ Англійскихъ газетъ. Но спрашивается теперь, въ какой степени именно нынѣшнюю реформу будутъ удовлетворены требованія реформаціонной партіи. Мы же говорили, что это должно разъясниться не дальше, какъ черезъ мѣсяцъ,

вскорѣ по открытіи парламентской сессіи. Теперь еще неизвѣстно, всѣ ли шесть пунктовъ будетъ обнимать билль Брайта, или реформаціонная партія найдетъ практичнымъ взяться на первый разъ за проведеніе только трехъ основныхъ пунктовъ (расширеніе избирательства, передѣлъ округовъ и баллотировка). Неизвѣстно также, какой именно тактикѣ захотятъ слѣдовать три отгѣнка старыхъ аристократическихъ партій, заключающихъ въ себѣ четыре пятыхъ частей всего состава нынѣшней Палаты Общинъ. Они еще и сами не рѣшили въ точности, какъ будутъ дѣйствовать: подобныя рѣшенія, вынуждаемыя необходимостью, подчиняются обстоятельствамъ, измѣняющимся каждый день, и потому окончательно принимаются только наканунѣ самаго дѣйствія. Мы перечислимъ различные шансы, указывая на тѣ, которые нынѣ представляются правдоподобнѣйшими, но которые могутъ смѣниться другими въ промежутокъ, отдѣляющій нынѣшній день отъ преній въ Палатѣ Общинъ о реформѣ.

Само собою разумѣется, мы не имѣемъ претензій предсказывать, какъ именно и что именно случится: очень можетъ быть, что вѣсто комбинацій, излагаемыхъ нами, явятся вслѣдствіе непредвидимыхъ обстоятельствъ другія комбинаціи. Мы только хотимъ перечислить случаи, представляющіеся вѣроятнѣйшими теперь, чтобы читатель могъ легче соображать значеніе отрывочныхъ газетныхъ извѣстій о тѣхъ парламентскихъ движеніяхъ, которыя болѣе или менѣе подходили бы къ тому или другому изъ сочетаній, объясненныхъ нами.

Въ настоящее время Палата Общинъ распадается, какъ извѣстно, на четыре большія партіи: тори, пальмерстоновскіе виги, росселевскіе виги и реформисты. Они должны слиться въ двѣ партіи, по крайней мѣрѣ по важнѣйшимъ вопросамъ, именно по вопросамъ о тайной баллотировкѣ, передѣлѣ округовъ и степени расширенія избирательнаго права. Будутъ сначала представлены три главныхъ билля: торійскій билль Дерби, билль Росселя и билль Брайта. Представитъ ли Пальмерстонъ свой особенный билль—еще неизвѣстно, да и неважно знать это, потому что онъ незнатокъ въ подобныхъ дѣлахъ и будетъ не болѣе, какъ компиляторомъ. Быть можетъ, и пилиты представятъ особенный билль; но они малочисленны и имѣютъ важность только тѣмъ, что могутъ служить посредниками для сближенія Брайта съ Росселемъ или съ Дерби, или Росселя съ Дерби. Изъ этихъ трехъ, четырехъ или пяти биллей только два, пильбюшіе наиболѣе надежды соединить большинство голосовъ, послужатъ серьезнымъ предметомъ преній; другіе будутъ представлены собственно только для формы, для очищенія совѣсти той или другой партіи, чтобы не сказали, будто она не имѣла собственного рѣшенія поднятому вопросу. Чьи же это два билля, которые будутъ серьезнѣйшими соперниками? По всей вѣроятности, билль Дерби и билль Росселя. Партія Дерби такъ многочисленна, что не можетъ примкнуть къ другой партіи, а можетъ только дѣлать уступки, чтобы къ ней примкнула какая нибудь другая партія. Пальмерстонъ изнемогающій подъ непопулярностью, и малочисленные пилиты не могутъ быть серьезными соперниками Дерби. Билль Брайта не можетъ приобрести голосовъ ни массы тори, ни массы виговъ; онъ будетъ слишкомъ прогрессивенъ для нихъ. Лучшее, на что онъ можетъ надѣяться—это отдѣлать въ свою пользу по двадцати или тридцати прогрессивнѣйшихъ людей изъ того и друга-

лагеря, то есть ни въ какомъ случаѣ не могъ бы онъ имѣть у себя болѣе 250 голосовъ и вѣроятно будетъ имѣть гораздо меньше, можетъ быть всего съ небольшимъ 150, а для большинства нужно болѣе 300 голосовъ; слѣдовательно онъ будетъ служить, такъ сказать, только запросомъ, только средствомъ поднять цѣну согласія, со стороны независимыхъ либераловъ, на поддержку билля какой нибудь другой партіи. Итанъ серьезнымъ соперникомъ биллю Дерби вѣроятно останется только билль Росселя. Который же изъ нихъ восторжествуетъ? Это зависитъ отъ двухъ шансовъ.

Во-первыхъ, на что рѣшится пальмерстоновскіе виги. Присоединившись къ Дерби, они едва ли дадутъ ему большинство, но сдѣлаютъ невозможнымъ его сближеніе съ реформаціонною партіею. Присоединившись къ Росселю, они заставятъ Дерби сдѣлать всевозможныя уступки для пріобрѣтенія помощи реформистовъ, безъ которой тогда ему не будетъ спасенья.

Но бытъ можетъ реформисты сдѣлаютъ выборъ между Дерби и Росселемъ раньше, нежели исполнять свой маневръ пальмерстоновскіе виги. Въ такомъ случаѣ побѣда скоро будетъ рѣшена: она по всей вѣроятности останется за тою стороною, къ которой присоединятся реформисты.

Къ какой же сторонѣ присоединятся они? Надобно думать, что это зависитъ не столько отъ Дерби, сколько отъ Росселя. Онъ и его часть виговъ—настоящіе господа вынѣшняго положенія вещей, на сколько оно обрисовалось до сихъ поръ. Какъ бы ѣдко ни говорили реформисты о вигахъ, сколько бы услугъ ни оказали они до сихъ поръ лорду Дерби, все-таки у нихъ гораздо больше расположенія къ союзу съ Росселемъ, нежели съ Дерби: они сами вышли изъ виговъ, у нихъ множество общихъ воспоминаній съ партіею Росселя, и Россель все-таки гораздо лучшій прогрессистъ, нежели Дерби, хотя оба они довольно плохіе прогрессисты. Да и Дерби поддерживали они нѣкоторое время только для того, чтобы вынудить больше уступокъ у Росселя. Что касается до принциповъ, Росселю уступки, нужныя для сближенія съ реформистами, были бы вовсе не такъ тяжелы какъ Дерби; но тутъ примѣшивается другое обстоятельство, отнимающее возможность достоверно предвидѣть рѣшеніе Росселя. Уступки въ отвлеченныхъ принципахъ мало. Если билль Росселя восторжествуетъ, министерство Дерби падаетъ и образуется новый кабинетъ, кабинетъ Росселя. Если онъ будетъ обязанъ побѣдою реформистамъ, приличіе требуетъ дать имъ нѣкоторые изъ министерскихъ портфелей, или, какъ говорить въ Англіи, печатей. Но для этого надобно было бы отказаться отъ постоянного правила предводителей вигистской партіи, которые всегда берегли министерскія мѣста исключительно для членовъ пяти или шести главныхъ вигистскихъ фамилій; именно эта уступка—допущеніе въ кабинетъ людей среднего рода (употребляемъ удачное выраженіе одного изъ нашихъ соотечественниковъ: оно какъ нельзя лучше характеризуетъ ятія владѣющихъ въ Англіи фамилій) по всей вѣроятности будетъ и Росселя и его товарищей тяжелѣе, нежели для Дерби и торійской итн, которая такъ обветшала и оскудѣла умственными силами, что давно не видитъ себя въ необходимости подкрѣплять свои кабинеты людьми среднего рода, терпѣла уже униженіе своему суздальскому чувству (пріобрѣтаемъ къ удачному выраженію того же соотечественника: только подобныя

выраженія и могутъ объяснять русскому читателю, почему Англія, при многихъ великихъ сторонахъ несомнѣннаго превосходства, не пользовалась до сихъ поръ популярностью на континентѣ), повинуюсь Роберту Пилу, а теперь слушаюсь д'Израви, и уже притерпѣлась къ этой бѣдѣ.

Чтобы привлечь къ себѣ реформистовъ, Россель долженъ ввести въ свой билль тайную баллотировку,—введетъ ли онъ ее? Тяжело взять въ товарищи себѣ людей средняго рода; тяжело и подкнаты основу аристократическаго господства надъ Палатою Общинъ. Но съ другой стороны, какъ же уступить Пальмерстону, ненавистнѣйшему сопернику, какъ не превзойти его въ либерализмѣ? А вѣдь приверженцы Пальмерстона уже соглашались на расширеніе избирательнаго права до какой угодно степени, хотя бы даже до всенароднаго избирательства. Стало бытъ превзойти ихъ въ этомъ пунктѣ нельзя, и остается только вопросъ о тайной баллотировкѣ. Что же касается до ослабленія зависимости выборовъ отъ аристократическаго вліянія, тутъ опять съ нѣкоторой неспріятельскою соединено и сильное удовольствіе, да и большая выгода. Почти всѣ большіе землевладѣльцы заклятые торі; уничтожить вліяніе лендлордовъ на выборы значить—подорвать въ самомъ корнѣ могущество торійской партіи: партія выговъ на четыре пятыхъ выходитъ изъ независимыхъ выборовъ, стало бытъ потернать оченъ мало, потерявъ членовъ, даваемыхъ ей несомнѣнными выборами; за то пріобрѣтаетъ множество новыхъ членовъ отъ выборовъ, которые выйдутъ изъ-подъ власти торі. А партія торі, вся до послѣдняго чловѣка, входитъ въ Палату Общинъ только черезъ аристократическое вліяніе. Выражаясь терминами употребительными на континентѣ, тайная баллотировка имѣла бы такое вліяніе на составъ Палаты Общинъ: нывѣ правая сторона (Дерби) имѣетъ двѣ пятыхъ части голосовъ; центръ (Россель) также двѣ пятыхъ части; лѣвая сторона (Кобденъ, Брайтъ, Робакъ) одну пятую часть; чрезъ введеніе тайной баллотировки, отъ нывѣйшей правой стороны уплыветъ развѣ четвертая часть; остальные ея голоса пополамъ раздѣлятся между двумя остающимися партіями. Такимъ образомъ нынѣшній центръ, нѣсколько подвинувшись направо, займетъ всю правую сторону и будетъ имѣть три пятыхъ части всѣхъ голосовъ, т. е. располагать рѣшительнымъ большинствомъ и господствовать, не нуждаясь уже ни въ какихъ союзахъ и уступкахъ. Выгоды для Росселя тутъ очевидны. Потому многіе полагаютъ, что онъ введетъ въ свой билль тайную баллотировку. Отважится ли онъ на такое отступленіе отъ своихъ прежнихъ биллей, мы не знаемъ; но если отважится— побѣда его не подлежитъ сомнѣнію, по крайней мѣрѣ при нынѣшнемъ положеніи обстоятельствъ. Правда, пальмерстоновскіе виги могутъ тогда отшатнуться отъ него, но и вмѣстѣ съ торі едва ли составятъ они большинство.

Въ такомъ случаѣ правдоподобнѣйшій ходъ дѣлъ былъ бы слѣдующій: билль лорда Дерби отвергается (превія, вѣроятно, начнутся съ него); это значить, что Палата предпочтаетъ билль Росселя. По парламентскимъ правиламъ, лордъ Дерби и его товарищи немедленно подають въ отставку. Королева поручаетъ Росселю составить министерство. Обычай обязываетъ его взять своими товарищами въ министерство нѣсколько чловѣкъ изъ реформистовъ, содѣйствовавшихъ паденію прежняго министерства. Но онъ можетъ не сдѣлать этого, и

для составленія большинства ввести въ министерство пальмерстоновскихъ виговъ и пилитовъ. По окончаніи преній и по утвержденіи Росселя билля парламентъ будетъ распущенъ и назначены выборы на основаніи новаго закона. Они, по всей вѣроятности, дадутъ Росселю такое большинство, что онъ будетъ въ состояніи освободиться отъ всякихъ союзниковъ, сколько нибудь стѣснительныхъ, и тогда реформисты будутъ: составлять оппозицію вигистскому министерству.

Довольно вѣроятнымъ представляется и другой случай. Если Россель не введетъ въ свой билль тайную баллотировку, реформисты будутъ поддерживать билль Дерби, который въ расширеніи права избирательства можетъ не пожелать уступить, чтобы превзойти Росселя либерализмомъ. Тогда билль Дерби проходить и торійское министерство назначаетъ новые выборы по утверженіи своего билля королевой. Но только до этой поры и простирается разница между двумя случаями, о которыхъ мы говоримъ: результатъ новыхъ выборовъ всегда будетъ одинъ и тотъ же. Въ новомъ парламентѣ торіи будутъ слабы, большинство приобретутъ виги, а реформисты, усилившись вдвое противъ нынѣшняго, будутъ составлять оппозицію.

Наконецъ можетъ представиться третій случай, который по нынѣшнему положенію дѣлъ вѣроятенъ не менѣе двухъ другихъ: упорство виговъ противъ коренной реформы можетъ взять такую силу надъ ихъ чувствами, что они захотятъ соединиться съ торіи своими давнишними соперниками, лишь бы только дать какъ можно менѣе простора преобразованію. Тогда Дерби, Пальмерстонъ и Россель, или Дерби и Россель станутъ поддерживать одинъ и тотъ же билль, составленный изъ соединенія торійскаго въ вигистскимъ. Тогда изъ виговъ очень многіе отдѣлятся отъ своихъ прежнихъ предводителей и присоединятся къ реформистамъ. Но все-таки за массою остальныхъ виговъ вмѣстѣ съ торіи будетъ очень сильное большинство. Они будутъ вынуждаться тогда къ уступкамъ уже не парламентскою необходимостью, а только вліяніемъ общественнаго мнѣнія, которое въ этомъ случаѣ получитъ наименьшее возможное удовлетвореніе. Возникнуть коалиціонное министерство Росселя и Дерби или Росселя, Пальмерстона и Дерби; но и оно опять таки приходится къ тому же концу; послѣ новыхъ выборовъ виги получаютъ большинство и остаются одни полными господами въ кабинетѣ. Тогда въ новомъ парламентѣ торіи сохраняютъ нѣсколько больше голосовъ, хотя все-таки ослабѣютъ. Это сбереженіе вѣкоторой силы произойдетъ насчетъ виговъ, большинство которыхъ не будетъ такъ значительно, какъ въ двухъ другихъ случаяхъ.

Вотъ различныя шансы для хода событій, и одинъ изъ трехъ, представленныхъ нами случаевъ, непременно долженъ осуществиться, если не произойдетъ какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ теперь политическихъ событий на континентѣ въ недолгій промежутокъ, отдѣляющій насъ отъ оной о реформѣ. Мы видимъ, что каковы бы ни были политическіе маневры партій, дѣло все-таки должно придти къ одному и тому же концу слѣдъ новыхъ выборовъ: въ новомъ парламентѣ торіи ослабѣютъ, виги приобретутъ большинство и войдутъ въ министерство на мѣсто торіи; реформисты усилятся до того, что будутъ составлять оппозицію, между тѣмъ

какъ до сихъ поръ оппозиціею бывали поочередно только или виги или торы, для которыхъ реформисты служили не болѣе, какъ союзниками.

Отъ хода событій, отъ передачи кабинета одними партіями другимъ, обратимся къ соображенію о томъ, какое вліяніе обнаружитъ парламентская реформа на общій характеръ англійской политики. Если читатель хотя нѣсколько сочувствуетъ тѣмъ понятіямъ о ходѣ исторіи, которые выражены нами въ началѣ этого очерка, онъ не будетъ увлечься блистательными надеждами и одобрить наше правило: предполагать всегда наименѣе благоприятную для прогресса развязку каждаго кризиса. Вся исторія человѣчества внушаетъ скромность ожиданій отъ настоящаго. Да оно и лучше, когда не надѣешься ничего особенно выгоднаго или радостнаго: но крайній мѣръ избавляешься отъ разочарованій. За то когда надежды приведены къ наименьшему размѣру, какой только допускается здравымъ смысломъ, можно быть увѣреннымъ, что то небольшое и малое, на что рассчитывать, уже неизбежно случится. А если противъ ожиданій обстоятельства повернутся нѣсколько благоприятнѣе, нежели могли бы повернуться въ вѣхнудшемъ случаѣ, тогда принимаешь каждую данную ими прибавку, какъ сюрпризъ судьбы. Будемте предполагать, что намъ придется носить шубы до самаго юня, а если теплая погода начнется раньше, тѣмъ лучше.

Мы возьмемъ самый худшій случай, какой возможенъ. Предположимъ, что виги и торы, забывъ прежнее соперничество, соединяются для сопротивленія опасности, дѣйствительно грозящей одинаково и тѣмъ и другимъ. Вѣдь широкая реформа подорвала бы могущество не только торы, но и виговъ: виги усилились бы только на короткое время, и реформисты съ каждымъ новыми выборами стали бы захватывать на ихъ счетъ все больше и больше депутатскихъ мѣстъ. Если пріятность временнаго торжества не возьметъ верха надъ желаніемъ упрочить свою нынѣшнюю силу, виги соединятся съ торы теперь же для сопротивленія реформистамъ. Тогда реформа будетъ имѣть наименьшій размѣръ. Пусть будетъ отвергнуто сокращеніе срока парламента, и жалованье депутатамъ, и тайная баллотировка в уничтоженіе ценза для кандидатовъ. Все-таки остаются еще два пункта, въ которыхъ старая партія не могутъ не сдѣлать уступокъ общественному мнѣнію, въ которыхъ онъ уже рѣшился на уступки. Эти два пункта: измѣненіе избирательныхъ округовъ и разширеніе избирательства. И Дербі, и Пальмерстонъ, и Россель, всѣ уже сказали, что этихъ двухъ вещей нельзя не сдѣлать. Пусть и въ нихъ уступка будетъ сдѣлана самая меньшая, хотя бы даже ничтожная, хотя бы даже на первое время чисто формальная и вздорная. Пусть останется очень рѣзкая непропорціональность между числомъ депутатовъ и населеніемъ округовъ. Пусть основой для разширенія избирательнаго права будетъ ирриняты не самостоятельность и какое бы то ни было участіе въ платежѣ прямыхъ мѣстныхъ податей, а только пониженіе ценъ: которое давно уже предлагаютъ и Дербі, и Пальмерстонъ, и Россель. Вѣтъ въ городахъ избирателями сдѣлаются довольно многіе простолюдины слѣдовательно отъ тѣхъ большихъ городовъ, гдѣ выборы имѣютъ уже и теперь независимость, депутатами въ парламентъ будутъ назначаться люди служащіе болѣе точными представителями національныхъ потребностей

нежели теперь; и все — таки въ нѣкоторыхъ изъ маленькихъ городовъ, не выходящихъ независимости, будетъ взято нѣсколько депутатовъ и передано большимъ независимымъ городамъ. Въ результатѣ число депутатовъ, действительно представляющихъ въ парламентѣ національныя потребности, все таки значительно увеличится и качество ихъ, если можно такъ выразиться, степенъ соответственности ихъ голосомъ съ голосомъ націи, улучшится. Ихъ будетъ больше, это значить, усилятся ихъ вліяніе на парламентскія пренія; смыслъ ихъ рѣчей улучшится, это значить, что съ большею противъ прежняго силою они будутъ требовать отъ парламента для блага націи, больше, нежели могли требовать до сихъ поръ. Словомъ сказать, пусть реформа будетъ обрѣзана старыми партіями до послѣдней крайности, — все же она усилитъ въ парламентѣ людей, заботящихся о благе націи, т. е. хотя нѣсколько облегчитъ дальнѣйшій путь къ болѣе полнымъ реформамъ, а до той поры, до осуществленія болѣе полныхъ реформъ, все-таки принудитъ парламентъ хотя на одну каплю болѣе думать объ истинныхъ потребностяхъ націи, нежели какъ было до сихъ поръ. Этого мы не „надѣемся“ отъ реформы, — „надѣяться“ тутъ выраженіе неумѣстное: развѣ говорится: я надѣюсь, что 20 января солнце взойдетъ нѣсколько раньше и закатится нѣсколько позже, чѣмъ 19? Развѣ говорится: „я надѣюсь, что февраль будетъ нѣсколько теплѣе января?“ Нѣтъ, говорится просто: и знаю это, — какъ и мы скажемъ просто: мы знаемъ, что реформа дастъ англійской націи больше силы надъ веденіемъ англійской политики, нежели сколько нація имѣла силы до сихъ поръ.

Англійская нація не совсѣмъ похожа на лорда Пальмерстона и ему подобныхъ буяновъ надъ слабыми, трусовъ передъ сильными. Она, какъ и всѣ европейскія націи, живетъ своимъ трудомъ, стало быть не имѣетъ ни времени, ни охоты безъ нужды выѣшиваться въ чужія дѣла, а хочетъ только заботиться о своемъ благосостояніи, искренно желаетъ добра и другимъ. Она, какъ и всѣ трудящіеся люди, хотѣла бы только того, чтобы лучшимъ устройствомъ ея домашнихъ отношеній было облегчено ея существованіе, и каждому изъ ея трудящихся членовъ дана возможность, послѣ тяжелой дневной работы, отдохнуть вечеромъ у домашнего очага, дана возможность имѣть нѣсколько досуга, при которомъ человѣкъ изъ чернорабочей машины мало по малу становится дѣйствительно человѣкомъ.

Но мы забыли еще одинъ шансъ. Если не вспыхнетъ какая нибудь неправдоподобная война въ два три слѣдующіе мѣсяца и не отвлечетъ бѣдную націю, жертву чужаго честолюбія и легкомыслія, отъ заботы о своихъ дѣлахъ, то билль о реформѣ будетъ принятъ Палатою Общинъ въ нынѣшнюю сессію, т. е. никакъ не дальше половины нынѣшняго года. Но вѣдь этимъ еще не кончается дѣло: билль, прошедши черезъ Палату Общинъ, нуждается потомъ въ согласіи Лордовъ, и только прошедши черезъ нее, получаетъ утвержденіе короля. Что, если Палата Лордовъ отвергнетъ билль? Едва ли. Въ подобныхъ случаяхъ не допускается сопротивленіе Палатѣ Общинъ. Это не какой нибудь роскошъ о допущеніи евреевъ въ парламентъ: это не какія нибудь дрязги, въ которыхъ Палата Общинъ можетъ перенести отказъ: тутъ отказъ повлекъ бы за собою принятіе рѣшительныхъ мѣръ для уничтоженія самой возможности сопротивленія; дѣло можетъ коснуться состава Палаты Лордовъ. Но еслибъ и въ са-

момъ дѣлѣ палата лордовъ отвергла билль, этимъ она произвела бы развѣ отсрочку на одинъ годъ, и въ этотъ годъ агитація приняла бы такіе размѣры, что никто не могъ бы уже и подумать о дальнѣйшемъ сопротивленіи; да и самыя требованія сильно возвысились бы и билль слѣдующаго года былъ бы гораздо радикальнѣе вывѣшняго, каковъ бы ни былъ нынѣшній; слѣдовательно, отказъ Палаты Лордовъ послужилъ бы только въ пользу реформы.

Мы успѣли представить очеркъ только двухъ вопросовъ изъ всего безчисленнаго множества дѣлъ, занимающихъ Западную Европу. Въ числѣ этихъ дѣлъ есть довольно важныя; напр. въ Англіи вопросъ объ Іоническихъ островахъ; во Франціи, Австріи и Сардиніи, вопросъ о Ломбардо-Венеціанскихъ земляхъ; въ Турціи и Австріи, отчасти Франціи и Англіи—вопросъ о Дунайскихъ княжествахъ и Сербіи; вопросъ о направленіи новаго правительства въ Пруссіи; есть кромѣ того вѣчные вопросы о Шлезвигъ-Гольштейнѣ, о Кубѣ, о Центральной Америкѣ и Богъ знаетъ еще сколько другихъ исторій, дающихъ занятіе дипломатамъ и газетамъ. Кромѣ всего этого, еще тѣнется война въ Остѣ-Индіи, дѣлаютъ что-то европейцы въ Кохинхинѣ, проникаютъ въ Китай и Японію. Обо всемъ этомъ до слѣдующихъ книжекъ.

P. S. 15 января 1859. Когда наша статья уже печаталась, мы получили газеты съ извѣстіемъ о митингѣ 17 января въ Бредфордѣ, гдѣ Брайтъ довольно полно изложилъ главные основанія своего билля. Смыслъ этихъ основаній и шавсы, которые указываются ими для реформаціонной партіи, объяснять теперь было бы слишкомъ долго. Замѣтимъ только два обстоятельства: билль составленъ въ духѣ чрезвычайно умѣренномъ и очевидно произвелъ въ обществѣ очень благопріятное впечатлѣніе, потому что газеты, враждовавшія противъ Брайта (и во главѣ ихъ Times) почти нужнымъ хвалить его билль, хотя и продолжаютъ возставать противъ его личности. Кромѣ того, есть въ рѣчи Брайта нѣсколько выраженій, по которымъ надобно заключать, что предводители одной изъ старыхъ аристократическихъ партій вступили съ нимъ въ переговоры. Онъ говоритъ о „могущественныхъ людяхъ, сампатія которыхъ съ нимъ которые наблюдаютъ признаки времени и ждутъ извѣстій о митингахъ подобныхъ настоящему для опредѣленія своего пути“. Кого надобно разумѣть подъ этими словами, виговъ или торі? Судя по тому, что Брайтъ сильно настаиваетъ на передачѣ большимъ городамъ почти всѣхъ депутатскихъ мѣстъ, отнимаемыхъ у мелкихъ, несамостоятельныхъ городовъ, и никакъ не соглашается уступить ихъ земледѣльческимъ графствамъ, можно предполагать, что онъ сходитъ съ вигами: торі никогда не согласились бы въ этомъ отношеніи на уступки, а виги сами держатся того же плана, какъ Брайтъ. Но эта догадка—не болѣе, какъ наша догадка. Да и самые переговоры, съ кѣмъ бы ни велись они, могутъ разстроиться: посмотримъ, согласится ли Россель на баллотировку,—отъ этого зависитъ очень многое.

